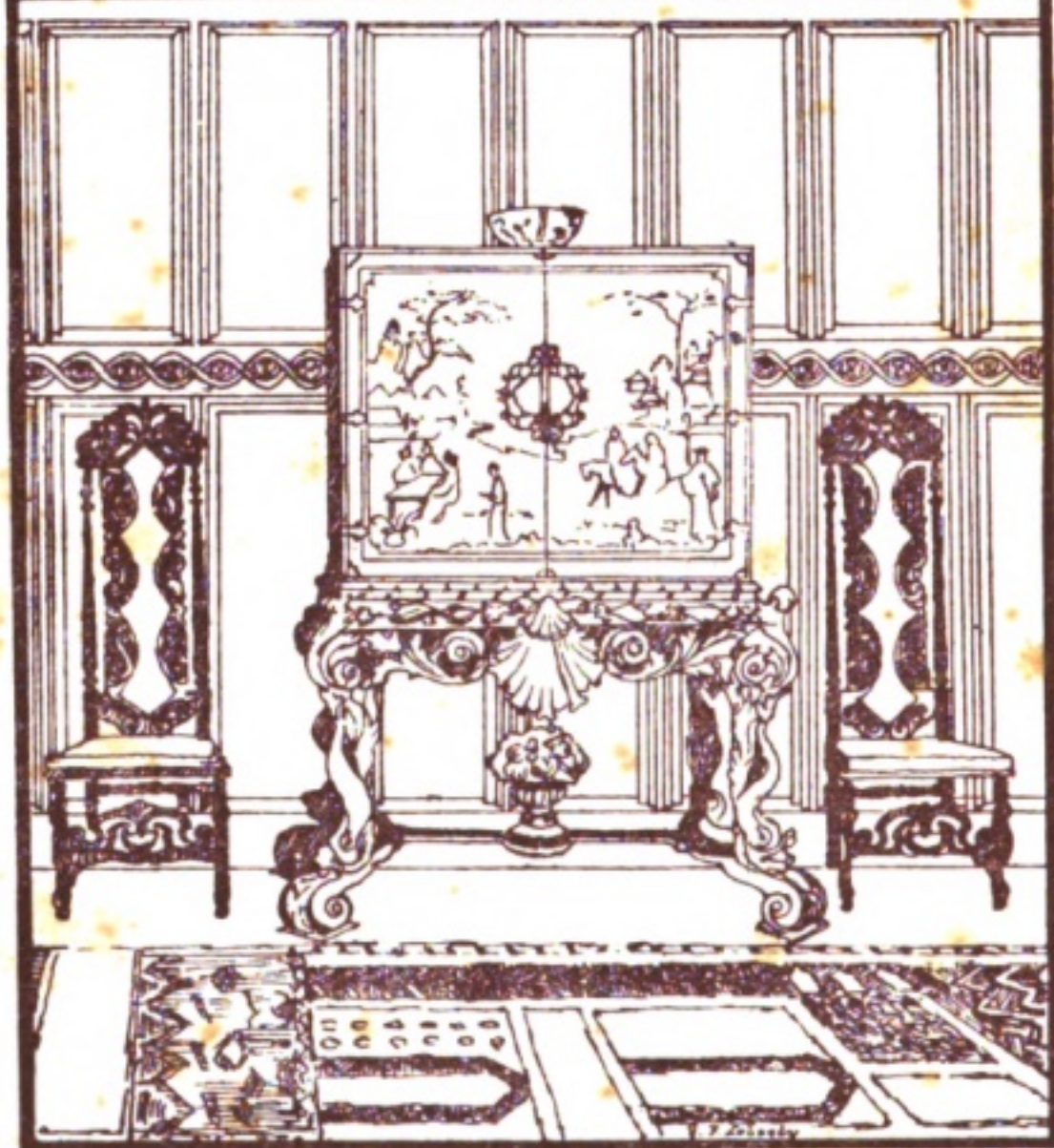

Ex Libris

W.E.D. Allen

Русская старина

РУССКАЯ СТАРИНА

РЮРИКОВИЧИ
РОМАНОВЫ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

DK
1
R59
1914. V. 157

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО ВЪ 1753 Г.

РАС. К. БРОД.

СЕРГѢЙ ИВАНОВИЧЪ
ЗАРУДНЫЙ.

Участникъ въ составленіи Судебныхъ Уставовъ.
Статсъ-Секретарь Государственного Совѣта.
(1821—1887).

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ,

ОСНОВАННОЕ 1-го января 1870 г.

1914.

ЯНВАРЬ. — ФЕВРАЛЬ. — МАРТЪ.

СОРОКЪ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія П. Усова. Лермонтовскій пр., д. № 28.
1914.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XX ¹⁾.

Присяжные засѣдатели.

Моя служебная дѣятельность въ должностяхъ товарища прокурора, прокурора, предсѣдателя окружного суда, оберъ-прокурора и сенатора уголовного кассационнаго департамента Сената дала мнѣ возможность въ теченіе тридцати лѣтъ имѣть дѣло съ судомъ присяжныхъ. Являясь то стороною—обвинителемъ, то руководителемъ судебного засѣданія, то, наконецъ, изслѣдователемъ и цѣнителемъ, съ кассационной точки зрѣнія, условій, въ коихъ постановлено рѣшеніе присяжныхъ, при чемъ, конечно, приходилось знакомиться и съ обстоятельствами подлежаващаго ихъ рѣшенію дѣла по существу, я имѣлъ неоднократно случай провѣрить справедливость столь частыхъ у насъ нападокъ на эту форму суда. Последнія раздавались не только въ печати и въ обществѣ, но свивали себѣ по временамъ гнѣздо въ официальныхъ кругахъ и въ нѣдрахъ правительственныхъ учреждений. Не разъ предпринимался у насъ походъ противъ суда присяжныхъ, и дальнѣйшее его существованіе покупалось цѣною значительнаго умаленія пространства и объема его дѣйствія. Особенно опасными для него были, такъ называемыя, „громкія дѣла“, т.-е. такія, которыя по личности потерпѣвшихъ или подсудимыхъ, по важности преступленія или выдающейся его обстановкѣ привлекали къ себѣ вниманіе публики. Когда по такимъ дѣламъ, въ особенности въ столицахъ, приговоръ присяжныхъ шелъ въ разрѣзъ съ предвзятымъ ожиданіемъ большинства, въ печати и обществѣ, за отсутствіемъ серьез-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1907 — 1912 г.

ныхъ политическихъ интересовъ и вопросовъ, поднимался шумъ и гамъ, и суду присяжныхъ нерѣдко произносился рѣшительный приговоръ. Въ прессѣ появлялись статьи, подчасъ очень страстныя, начинавшіяся обыкновенно словами: „мы давно уже говорили“, и кончавшіяся своего рода „delenda Carthago“ и „quousque tandem“. Являлись добровольцы съ напускнымъ возмущеніемъ—иногда изъ среды самого судебного вѣдомства, а въ министерствѣ юстиціи начинали съ тревожнымъ упованіемъ взирать на кассационный судъ, смущенно думая въ то же время быть можетъ о неизбѣжномъ новомъ законодательномъ членовредительствѣ по отношенію къ провинившемуся учрежденію. Мнѣ памятны нѣсколько совѣщаній прокуроровъ судебныхъ палатъ, созданныхъ въ семидесятыхъ годахъ министромъ юстиціи для обсужденія размѣровъ искупительной жертвы въ виду реальной опасности, грозившей суду присяжныхъ. Эта почти постоянно висѣвшая надъ судомъ присяжныхъ опасность, то ослабѣвая, то усиливаясь, внушала нѣкоторымъ изъ насадителей его въ Россіи почти суевѣрный страхъ. Когда, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, я заявилъ юридическому обществу, что намѣреваюсь сдѣлать въ уголовномъ его отдѣленіи докладъ объ условіяхъ, тормозящихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣшное дѣйствіе суда присяжныхъ и требующихъ законодательнаго врачеванія, предсѣдатель общества, почтенный Н. И. Стояновскій, пріѣхалъ ко мнѣ уговаривать меня не дѣлать этого доклада, боясь, что всякое указаніе на эти условія будетъ по непониманію или коварству обращено на самое существо дорогого ему учрежденія.

Обращаясь къ личнымъ воспоминаніямъ о дѣятельности суда присяжныхъ и къ бѣглому обзору нападокъ на нее, я прежде всего долженъ замѣтить, что *охраненіе суда присяжныхъ и улучшеніе условій*, въ которыя была поставлена у насъ его дѣятельность, вовсе не соотвѣтствовали ни потребностямъ этого суда въ упроченіи, ни силѣ и опасному вліянію нападокъ на него. Все въ этомъ отношеніи ограничивалось палліативными мѣрами, не приносившими въ практическомъ своемъ осуществленіи осязательныхъ результатовъ, а каждое реальное и неоднократное предложеніе, вызванное дѣйствительными потребностями этого суда, въ цѣляхъ правосудной дѣятельности, принималось неохотно и надолго увязало въ канцелярской тинѣ петербургскаго бюрократическаго болота. Достаточно указать хотя бы на то, что для осуществленія такой насущной мѣры, какъ улучшеніе состава комиссій, изготовляющихъ общіе списки присяжныхъ, потребовался *тринадцатилѣтній* горестный опытъ.

Лишь на *двадцать восьмой* году существованія суда присяжныхъ обнародовано разумное ограниченіе права отвода присяжныхъ и устраненіе произнесенія присяги засѣдателей предъ каждымъ дѣломъ, обращавшаго ее въ пустую и скучную формальность, теряющую всякое значеніе отъ частаго ея повторенія. Въ петербургскомъ окружномъ судѣ въ мое время, въ семидесятыхъ годахъ, четыре дня въ недѣлю дѣйствовали два отдѣленія съ присяжными, которымъ въ недѣлю приходилось разсматривать въ среднемъ около 32 дѣлъ, т.-е. выслушивать столько разъ присягу присяжныхъ и столько же разъ присягу свидѣтелей, такъ что священникъ, приглашенный судомъ, былъ вынужденъ, запыхавшись, спѣшить изъ одного отдѣленія въ другое и торопливо „барабанить“ присягу и увѣщаніе присягающимъ. Для того же, чтобы перестать держать представителей общественной совѣсти въ туманѣ невѣдѣнія о грозящемъ подсудимому наказаніи, потребовалось *сорокъ пять* лѣтъ. А, между тѣмъ, въ первыя же тринадцать лѣтъ были произведены существенныя и обширныя *сокращенія* подсудныхъ присяжнымъ засѣдателямъ дѣлъ, значительная часть которыхъ (по преступленіямъ должности) нынѣ и самимъ министерствомъ юстиціи признается нецѣлесообразной и нежелательной.

Выслушивая нападки на судъ присяжныхъ, прежде всего приходилось спросить себя: да тотъ ли это именно судъ присяжныхъ, который, въ разумномъ соблюденіи всесословности и одновременнаго участія представителей всѣхъ слоевъ общества, создали составители Судебныхъ Уставовъ? Предположенія законодателя о единеніи представителей различныхъ отраслей управленія въ дѣлѣ выработки общихъ списковъ присяжныхъ засѣдателей на практикѣ встрѣтились съ полнѣйшимъ разбродомъ этихъ представителей, благодаря чему судъ присяжныхъ, по отношенію къ своему личному составу, обратился въ житейскомъ осуществленіи вмѣсто тщательно оберегаемаго дѣтища въ обременительнаго для членовъ особыхъ комиссій подкидыша, судьбою котораго никто серьезно не интересованъ. Въ первыя пятнадцать лѣтъ существованія этого суда, установленныя закономъ временныя комиссіи дѣйствовали столь небрежно, что въ общіе списки присяжныхъ, вопреки точному указанію закона, заносились сумасшедшіе, умершіе, слѣпые и глухіе, состоящіе подъ судомъ, не знающіе русскаго языка, перешедшіе семидесятилѣтній возрастъ и т. п. И одновременно—въ цѣломъ рядѣ мѣстностей почти совсѣмъ не заносились въ списки представители помѣстнаго элемента и купеческаго сословія. А чиновники, внесен-

ные въ эти списки, являлись затѣмъ, понавъ въ списки очередные, къ началу судебныхъ засѣданій, вооруженные свидѣтельствами начальства о фиктивныхъ въ сущности командировкахъ или внезапно оказавшихся особыхъ порученіяхъ. Тѣ же изъ неслужащихъ, которые все-таки попали, зачастую оказывались щедро снабженными свидѣтельствомъ о болѣзни, не препятствовавшей имъ однако просиживать вечера и ночи за картами въ губернскихъ и уѣздныхъ клубахъ и возсѣдать въ креслахъ не суда, а театровъ. Когда была образована въ концѣ семидесятыхъ годовъ при Сенатѣ комиссія объ устраненіи неудобствъ при составленіи списковъ присяжныхъ засѣдателей, мнѣ въ качествѣ члена ея, пришлось заявить, что даже по Петербургу, гдѣ списки составлялись съ болѣшимъ вниманіемъ, чѣмъ въ провинціи, въ теченіе года, съ 1878 по 1879 годъ, пришлось исключить изъ списковъ присланныхъ въ петербургскій Окружной Судъ 5 иностранцевъ,—12 человекъ старше 70 лѣтъ,—не проживающихъ въ Петербургѣ 106,—оказавшихся умершими за нѣсколько лѣтъ передъ занесеніемъ въ списки 23,—признанныхъ сумасшедшими 8,—не знающихъ русскаго языка 5,—слѣпыхъ 2,—глухихъ 8,—не имѣющихъ права быть присяжными засѣдателями 18,—и отбывшихъ въ предшествующемъ году свою обязанность—5. Изъ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, положеніе было еще хуже. Такъ, напримѣръ, въ тверскомъ судѣ въ спискахъ за 1874 годъ было найдено 14 человекъ умершихъ, изъ которыхъ одинъ скончался въ 1858 г., а другой въ 1859, т. е. задолго до введенія суда присяжныхъ. Оказалось также, что выборъ изъ общихъ въ очередные списки производился большею частью въ канцеляріяхъ земскихъ управъ или письмоводителями предводителей дворянства. Такимъ образомъ основу личному составу того суда, которому ввѣряются существенные интересы правосудія въ странѣ, клалъ вольнонаемный писецъ, легко доступный 'соблазнамъ въ видѣ запрашиванія и мелкихъ подачекъ. Слѣдствіемъ этого было то, что въ *очередные* списки присяжныхъ вносились преимущественно мѣщане и крестьяне, а въ списки *эпасные*—чиновники и дворяне и притомъ преимущественно на третью четверть года, когда большинство судовъ, въ виду лѣтнихъ полевыхъ работъ, не дѣлаетъ выѣздныхъ сессій. Несмотря на нѣкоторыя улучшенія, введенныя сенатскою комиссіею 1879 года, составъ присяжныхъ засѣдателей и понынѣ, благодаря зачастую небрежному, а иногда и слишкомъ любезному составленію списковъ, можетъ представлять довольно значительное собраніе людей, которымъ лишь не удалось по ихъ служебному положенію или по какимъ-либо другимъ при-

чинамъ избѣжать своего внесенія въ списокъ. Въ то время, когда крестьяне безропотно несутъ обязанности присяжнаго засѣдателя и по-своему стараются свято исполнять свой долгъ, лица высшихъ сословій и въ особенности чиновники и нынѣ спѣшатъ представлять въ судъ свидѣтельства о болѣзни (вѣроятно о пресловутой неврастеніи) или заявленія начальства о командировкахъ и особыхъ порученіяхъ. Въ этомъ отношеніи характерно, напримѣръ, то, что 16-го іюля истекшаго года 14 присяжныхъ изъ 33, явившихся въ петербургскій окружной судъ къ началу новой сессіи, ходатайствовали объ освобожденіи ихъ, представивъ 13 свидѣтельствъ начальства о командировкахъ и одно свидѣтельство о болѣзни. Хотя съ 1887 года, на основаніи статьи 82 Учр. Суд. Уст., изъ числа присяжныхъ засѣдателей устраняются лица, впавшія въ крайнюю бѣдность и находящіяся въ услуженіи въ качествѣ домашней прислуги, но до этого года двѣсти рублей валового дохода отъ промысла или жалованья, дававшіе право быть присяжнымъ засѣдателемъ, едва-ли представляли гарантію того, что судъ будетъ состоять изъ людей независимыхъ отъ ежедневной нужды и отъ тѣхъ страстей, которыя она можетъ порождать, ибо человѣкъ, имѣющій 16 руб. 60 коп. въ мѣсяцъ, какъ единственный нормальный доходъ, несомнѣнно находится въ крайней бѣдности, а при нынѣшней дороговизнѣ даже 33 руб. 20 коп. ежемѣсячной получки ставятъ человѣка семейнаго въ очень трудное положеніе, хотя бы онъ и жилъ въ небольшомъ уѣздномъ городѣ.

Бѣдность крестьянъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ, и сопряженное съ нею трудное положеніе ихъ во время сессіи давно уже обратили на себя вниманіе и литературы (Златовратскій: „Крестьяне-присяжные“) и земствъ. Многія изъ послѣднихъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ стали выдавать крестьянамъ-присяжнымъ небольшое пособіе на время пребыванія ихъ въ городѣ. Но скрытые недоброжелатели суда присяжныхъ начали воить о томъ, что исполненіе судейскихъ обязанностей обывателями не есть *повинность*, а дорогое *политическое право*, вознагражденіе за пользованіе которымъ извратило бы его существо. Къ сожалѣнію, первый департаментъ Сената въ 1872 году раздѣлилъ этотъ взглядъ бездушнаго формализма и воспретилъ земствамъ такіа выдачи на томъ основаніи, что земство можетъ заботиться исключительно „о хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ губерніи“, при чемъ Сенатомъ было забыто, что на земствѣ лежатъ такіа нехозяйственные траты, какъ расходы на народное образованіе и здоровье, и выдача содержанія

мировымъ !судьямъ. И только теперь взглядъ земствъ признается наконецъ—послѣ сорока лѣтъ матеріальной нужды большинства русскихъ присяжныхъ—правильнымъ, и внесенный министромъ юстиціи въ Государственную Думу законопроектъ о выдачѣ вознагражденія недостаточно обеспеченнымъ присяжнымъ засѣдателямъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ.

Припоминая рядъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей, которыми мнѣ пришлось заниматься, я нахожу между ними такія, которыя были съ неразборчивой поспѣшностью заклеямены названіемъ „возмутительныхъ“ и „вопіющихъ“. Да! были между ними рѣшенія, не удовлетворявшія строгой *юридической* логикѣ и *формальнымъ* опредѣленіямъ закона, были рѣшенія, съ которыми коронному судѣ трудно согласиться.—но не было такихъ, которыхъ нельзя бы понять и объяснить себѣ съ точки зрѣнія житейской. Вдумываясь въ соображенія присяжныхъ, а иногда выслушивая и ихъ заявленія, высказываемыя обыкновенно въ концѣ сессіи, приходится признать, что часто въ ихъ, повидимому, неправильнымъ рѣшеніи кроется дѣйствительная справедливость, внушаемая не холоднымъ разсужденіемъ ума, а голосомъ сердца. Не надо забывать, что, согласно закону, ихъ спрашиваютъ не о томъ, *совершилъ* ли подсудимый преступное дѣяніе, а *виновенъ* ли онъ (ст. 754 Уст. У. С.) въ томъ, что совершилъ его;—не фактъ, а внутренняя его сторона и личность подсудимаго, въ немъ выразившаяся, подлежатъ ихъ сужденію. Своимъ вопросомъ о виновности судъ устанавливаетъ особый промежутокъ между фактомъ и виною и требуетъ, чтобы присяжные, основываясь исключительно на „убѣжденіи своей совѣсти“ и памятуя свою великую нравственную отвѣтственность, наполнили этотъ промежутокъ соображеніями, въ силу которыхъ подсудимый оказывается человѣкомъ виновнымъ или невиновнымъ. Въ первомъ случаѣ своимъ приговоромъ присяжные признаютъ подсудимаго человѣкомъ, который могъ властно и твердо бороться съ возможностью преступленія и вырваться изъ-подъ ига причинъ и побужденій, приведшихъ его на скамью подсудимыхъ,—который имѣлъ для этого настолько же нравственной силы, насколько ея чувствуютъ въ себѣ сами присяжные. Надо замѣтить, что и до сихъ поръ знаніе, а тѣмъ болѣе пониманіе уголовнаго процесса очень многимъ изъ нашего общества совершенно чуждо. Читая съ жадностью газетные отчеты о сенсационныхъ процессахъ, едва ли кто-либо отдаетъ себѣ ясный отчетъ о смыслѣ и причинѣ тѣхъ или другихъ дѣйствій суда и о законныхъ условіяхъ, въ которыхъ они должны производиться. Послѣ

одного изъ громкихъ процессовъ, очень волновавшаго петербургское общество, мнѣ пришлось услышать, какъ одинъ сановникъ, занимавшій въ высокомъ учрежденіи руководящее положеніе, негодовалъ передъ свѣтской публикой, собравшейся въ гостинной, восклицая:— „а? какъ вамъ это нравится?—подсудимая созналась, а предсѣдатель ставитъ присяжнымъ вопросъ:—*виновна ли она?*“ а? виновна ли?! вотъ до чего у насъ дошло!“ Даже и профессиональными юристами-практиками по временамъ проводился въ судѣ взглядъ, что защита не можетъ просить объ оправданіи сознавашагося подсудимаго. Понадобилось въ 1901 году всестороннее и глубокое по содержанію заключеніе оберъ-прокурора уголовного кассационнаго департамента И. Г. Щегловитова по дѣлу Семенова и согласное съ нимъ руководящее рѣшеніе Сената, чтобы разъ навсегда разъяснить, что „виновенъ“ и „совершилъ“—не синонимы. Къ этому надо добавить, что не только относительно виновности, но даже и относительно факта преступленія наши (да и большинство западно-европейскихъ) присяжные поставлены далеко не въ то удобное положеніе, въ которомъ находятся присяжные въ Шотландіи, гдѣ ихъ задача облегчается правомъ, но выбирая исключительно между двумя отвѣтами, избрать средній путь и сказать „не доказано (*not proven*)!“

Законъ открываетъ предъ присяжными широкій горизонтъ милосердія, давая имъ право признавать подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія „по обстоятельствамъ дѣла“. Изъ всѣхъ „обстоятельствъ дѣла“ самое важное, безъ сомнѣнія, личность подсудимаго, съ его добрыми и дурными свойствами, съ его бѣдствіями, нравственными страданіями, испытаніями. Но гдѣ возникаетъ вопросъ о перенесенномъ страданіи, тамъ рядомъ съ нимъ является и вопросъ объ искупленіи вины. Зачерпнутые изъ глубины общественнаго моря и уходящіе снова, послѣ дѣла, въ эту глубину, ничего не ищущіе и, по большей части, остающіеся безвѣстными,—обязанные хранить тайну своихъ совѣщаній,—присяжные не имѣютъ соблазна рисоваться своимъ рѣшеніемъ и выставлять себя защитниками той или другой теоріи. Осуждать ихъ за приговоръ, сомнѣваясь въ его справедливости, можетъ лишь тотъ, кто вмѣстѣ съ ними самъ изучилъ и изслѣдовалъ обстоятельства дѣла и передъ лицомъ подсудимаго, свобода и честь котораго зависятъ отъ одного его слова, вопрошалъ свою совѣсть и въ ней, а не въ голосъ страстнаго негодованія, нашелъ отвѣтъ, идущій въ разрѣзъ съ приговоромъ. Но такой человѣкъ, особливо если онъ долго занимался судеб-

ной практикой, знаетъ, что убѣжденіе въ виновности подсудимаго не зависитъ отъ его сознанія въ фактъ, вызываемаго иногда отчаяніемъ, расчетомъ, побужденіями великодушія относительно дѣйствительно виновныхъ и т. п., а нарастаетъ постепенно изъ ряда обстоятельствъ, обнаруживаемыхъ при разбирательствѣ дѣла. Изъ нихъ, нерѣдко трудно со стороны уловимое, образуется имѣющее рѣшающее значеніе впечатлѣніе. Опытные судебные дѣятели, конечно, не разъ замѣчали, какъ какая-нибудь характерная черта въ личности потерпѣвшаго или подсудимаго, иногда какая-нибудь его фраза, возгласъ, замѣшательство, открывающіе внезапно внутреннюю сущность человѣка, свойство его дѣятельности и житейскаго поведенія—сразу пріобрѣтаютъ огромное значеніе по произведенному ими впечатлѣнію и властно склоняютъ мысль присяжныхъ къ обвиненію или оправданію. Въ моихъ „воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебного дѣятеля“, напечатанныхъ на страницахъ „Русской Старины“ съ 1907 года и собранныхъ затѣмъ въ книгѣ „На жизненномъ пути“, приведенъ рядъ такихъ примѣровъ. Не стану ихъ повторять здѣсь, но скажу, что то, что строится и разрабатывается въ судебномъ засѣданіи, напоминаетъ собою струю фонтана: поднимаясь все выше и выше, она, наконецъ, переламывается и спадаетъ въ одну сторону—и эта сторона обуславливается почти незамѣтными, но однако очень вліятельными причинами.

Поэтому кричать противъ рѣшенія присяжныхъ, не прослѣдивъ за всѣмъ процессомъ въ засѣданіи, по меньшей мѣрѣ слишкомъ поспѣшно. Публика судить о подсудимомъ и его дѣяніи по газетнымъ отчетамъ. Но они или отличаются краткимъ сообщеніемъ о выдающемся дѣлѣ подъ громкимъ заголовкомъ „ужасная драма“, „кровавая расправа“, „дерзкій подлогъ“, „семейная трагедія“, „жертва довѣрія“ и т. п. или представляютъ отчетъ односторонній, подчасъ партійный, при чемъ показанія свидѣтелей, излагаясь репортеромъ своими словами и сопровождаясь его собственными выводами и замѣчаніями, смотря по его личнымъ вкусамъ и задачамъ, то сокращаются, то излагаются съ преднамѣренной подробностью. Но между авторомъ такого отчета, въ его торопливой и подчасъ лихорадочной работѣ, ни къ чему при томъ не обязывающей и въ лучшемъ случаѣ представляющей въ своемъ конечномъ выводѣ лишь мнѣніе газетнаго труженика,—и работой совѣсти присяжныхъ, отъ которыхъ требуется не мнѣніе, не „взглядъ и нѣчто“, а приговоръ, чреватый послѣдствіями—большая разница... Даже и стенографическіе отчеты далеко не всегда даютъ вѣрную внѣшнюю картину того, что происходитъ

на судѣ. Не всегда стенографы успѣваютъ въ точности уловить быстро текущее слово или отдать себѣ правильный отчетъ о смыслѣ сказаннаго, произвольно соединяя отдѣльные мѣста, среди которыхъ ими былъ сдѣланъ пропускъ. Не могу не вспомнить о стенографисткѣ официальной газеты, которая передавала въ своемъ напечатанномъ отчетѣ мою обвинительную рѣчь по дѣлу объ умерщвленіи Филиппа Штрама. Она пропустила слова: „кругомъ все такъ вопіетъ объ убійствѣ, что подсудимому только и осталось сознаться, но если бы этого признанія и не было, то предъ нами цѣлый рядъ уликъ, доказывающихъ и помимо этого признанія совершеніе преступленія подсудимымъ, а именно и т. д.“, и передала это мѣсто рѣчи такъ: „кругомъ все такъ и вопіетъ, что тутъ убійство, но это, *впрочемъ, ничею*, а именно“... Вотъ почему ни на отчетахъ, ни тѣмъ болѣе на разсказахъ и сужденіяхъ по поводу происходившаго на судѣ нельзя основывать правильной критики рѣшенія присяжныхъ. Тутъ обыкновенно рисуется рѣзко намалеванная декорація, но въ судебномъ засѣданіи развертывается картина, нѣкоторыя части которой написаны красками жизни съ точностью и подробностью миниатюры или сложены, подобно мозаикѣ, изъ отдѣльныхъ кусочковъ, въ которые судьямъ пришлось пристально всматриваться, переживая въ душѣ ихъ мѣсто и значеніе въ слагающемся цѣломъ.

Дѣла, по которымъ раздаются нареканія на присяжныхъ засѣдателей, распадутся въ сущности на двѣ категоріи: на дѣла, по характеру и свойствамъ преступленія не привлекающія особаго общественнаго вниманія, въ которыхъ присяжнымъ, изрекшимъ оправданіе, ставится въ упрекъ признаніе невинности, несмотря на собственное признаніе подсудимаго,—и на дѣла, въ которыхъ оправданіе идетъ въ разрѣзъ съ надеждами услышать приговоръ обвинительный. По дѣламъ *первой категоріи* могутъ существеннымъ толчкомъ къ оправданію служить очень часто долгое предварительное заключеніе обвиняемаго. При неявкѣ какого-либо существеннаго свидѣтеля дѣло, назначенное къ слушанію, вновь откладывается на нѣсколько мѣсяцевъ (бывали дѣла, въ которыхъ неоднократныя отсрочки вызывали пятнадцать лишнихъ мѣсяцевъ заключенія подсудимаго подъ стражей), и въ концѣ концовъ предъ присяжными на скамьѣ подсудимыхъ находится человекъ, виновность котораго въ ихъ глазахъ несомнѣнна, но такъ же несомнѣнно и то, что онъ уже понесъ наказаніе, иногда даже и выше того, которое было бы ему назначено судомъ по закону. Вся разница въ томъ, что онъ подвергся этой карѣ не по приговору суда, а по постановленію слѣдователя, дѣйствующаго

иногда подъ вліяніемъ предвзятаго взгляда на заподозрѣнное имъ и привлеченное, въ качествѣ обвиняемаго, лицо. Къ сожалѣнію, при начертаніи Устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, была сохранена сословная подсудность, и цѣна похищеннаго лицами непривилегированными опредѣлена слишкомъ низко. Вслѣдствіе этого множество дѣлъ, разборъ которыхъ въ мировыхъ и временно замѣнявшихъ ихъ учрежденіяхъ занялъ бы двѣ-три недѣли, поступаетъ къ судебному слѣдователю и тянется у него, въ обвинительной камерѣ, и въ судѣ многіе мѣсяцы, которые обвиняемый проводитъ въ предварительномъ заключеніи. При томъ, въ виду организаціи нашего тюремнаго дѣла, самый порядокъ отбытія заключенія по распоряженію слѣдователя и по приговору суда не представляетъ особой разницы въ обоихъ случаяхъ. Присяжнымъ трудно отрѣшиться отъ мысли о послѣдствіяхъ своего рѣшенія, и въ то же время имъ извѣстны какъ сомнительныя исправительныя свойства русскаго тюремнаго заключенія, такъ и несомнѣнный вредъ, приносимый людямъ, преступившимъ законъ, но еще не испорченнымъ окончательно, пребываніемъ въ этой школѣ взаимнаго обученія праздности, разврату, насилію и ненависти къ общественному порядку. Предъ ними проходятъ поодиночкѣ и въ группахъ рецидивисты, за которыми числится обширная судимость и отбытіе наказанія въ среднемъ отъ пяти до десяти разъ. Сознаніе бесплодности тюремнаго заключенія въ связи съ продолжительностью предварительнаго ареста давно уже заставляетъ присяжныхъ при окончаніи своихъ сессій высказывать настойчивое, но покуда тщетное желаніе, чтобы было, наконецъ, обращено вниманіе на сокращеніе предварительнаго заключенія обвиняемаго и на устройство работныхъ домовъ, въ которыхъ праздность замѣнялась бы принудительнымъ трудомъ. Въ отношеніи работныхъ домовъ ихъ пожеланія сходятся съ таковыми же со стороны высшей полицейской власти въ Петербургѣ и всѣхъ тѣхъ, кого справедливо пугаетъ все возрастающее хулиганство. Но ни въ чемъ скарденность нашего бюджета по отношенію къ настоятельнымъ нуждамъ страны, тотъ параличъ законодательства, которымъ мы страдаемъ, и велерѣчивая бездѣтельность нѣкоторыхъ крупныхъ городскихъ самоуправленій не сказываются съ такой рѣзкостью, какъ именно въ этомъ вопросѣ.

Присяжные засѣдатели—люди жизни, а не рутины. Ихъ нельзя считать представителями того, что Гёте въ „Фаустѣ“ называетъ „die richtende gefühllose Menschheit“. Поэтому отъ

нихъ нельзя и требовать, чтобы они замкнулись въ сухія юридическія схемы тамъ, гдѣ жизнь выдвигаетъ передъ ними вопіющія картины своихъ противорѣчій. Несомнѣнно, напри-
мѣръ, что семнадцатилѣтній юноша, тщетно ищущій и не на-
ходящій себѣ какой-либо работы, застигнутый на лѣстницѣ у
шкафа съ провизіей съ отбитымъ имъ замкомъ,—или юный
„бомбистъ“, исключенный за невзносъ платы изъ училища
и упавшій въ обморокъ отъ истощенія и голода въ домѣ, куда
онъ пришелъ грозить сверткомъ газетной бумаги, утвер-
ждая, что это бомба,—или безработный чернорабочій, похи-
тившій съ желѣзнодорожной платформы пять полѣньевъ дровъ
стоимостью въ двадцать пять копѣекъ, съ цѣлью согрѣть
голодающую и холодающую семью изъ жены и трехъ дѣтей,—
или мелкій торговецъ, нанесшій тяжкія раны женѣ и во-
семнадцатилѣтнему сыну, заставши ихъ *in flagranti*,—или,
наконецъ, мѣщанка, состоявшая въ кровосмѣсительной связи съ
тринадцати лѣтъ съ растлившимъ и истязавшимъ ее отцомъ—
всѣ эти и многіе подобные имъ, судившіеся въ петербургскомъ
окружномъ судѣ въ послѣднее время и отбывшіе съ избыткомъ
свое тюремное заключеніе при слѣдствіи, со строго юридической
точки зрѣнія подлежали опредѣленному въ Уложеніи наказанію.
Но на присяжныхъ, вѣроятно, подѣйствовало представленіе о
душевной драмѣ этого несчастнаго мужа и отца, о мукахъ этой по-
руганной дочери, и они вошли въ положеніе обвиняемыхъ, не могу-
щихъ найти себѣ заработка, чтобы утолить голодъ и защититься
отъ холода. Быть можетъ, утромъ, въ день засѣданія, нѣкоторымъ
изъ нихъ пришлось развернуть одну изъ большихъ распростра-
ненныхъ газетъ и найти на *первой* ея страницѣ густую сѣть
объявленій о всевозможныхъ увеселеніяхъ игриваго, порногра-
фическаго свойства,—о рекламируемыхъ шинахъ и побѣдахъ
роскошныхъ моторовъ,—о блестящихъ ресторанахъ съ оркестрами
румынъ и дорогими ужинами послѣ театра, когда „шампанское
блеститъ какъ золото и золото льется какъ шампанское“ и
о другихъ приманкахъ для безпечальнаго и веселящагося Пе-
тербурга, успѣвшаго выпить при встрѣчѣ 1913 года, по сообщенію
газетъ, на 150 тысячъ рублей „шипучки“. — А на *четвертой* стра-
ницѣ той же газеты пришлось встрѣтить иногда цѣлые столбцы
съ извѣстіями о самоубійствахъ, совершаемыхъ по неимѣнію
нивакихъ средствъ къ существованію или по отвращенію къ
проституціи, не только отдѣльными несчастливцами, но и груп-
пами въ два и три человѣка... И они, быть можетъ, нашли, что при
такомъ житейскомъ контрастѣ вернуть подсудимаго въ тюрьму,

гдѣ онъ уже не мало пробылъ и откуда онъ выйдет снова беззащитный противъ насущныхъ требованій существованія,— не удовлетворяетъ требованію ихъ совѣсти. „Это помилованіе“, справедливо замѣчаютъ прямолинейные юристы: „на него присяжные не уполномочены, и оно можетъ послѣдовать лишь по ходатайству суда!“—Совершенно справедливо, но въ этомъ „можетъ“ и содержится невольный соблазнъ для присяжныхъ, которые—что такъ понятно—предпочитаютъ окончательное слово оправданія шаткой надеждѣ на то, что судъ рѣшится по каждому подобному дѣлу обременять Верховную власть своими ходатайствами о помилованіи или смягченіи наказанія. Не всякое преданіе суду обусловливаетъ собою осужденіе. Довольно часто оно значить: есть основаніе думать, что обвиняемый виновенъ, но разберите вы, т.-е. присяжные засѣдатели,—вы, которые увидите и услышите его и свидѣтелей непосредственно. На судѣ однообразная темная краска карательныхъ опредѣленій постепенно стирается и изъ подъ нея выступаютъ другіе, житейскіе образы. Предъ присяжными разворачивается не одинъ преступный *эпизодъ* изъ жизни подсудимаго, но иногда *исторія* его жизни. Но исторія, по чудесному выраженію С. М. Соловьева (объ Иванѣ Грозномъ) подчасъ можетъ подмѣтить даже подъ мрачными чертами мучителя — скорбныя черты жертвы. Тѣмъ болѣе исторія обыкновеннаго человѣка, впавшаго въ преступленіе, можетъ открыть въ его жизни стралицы, взывающія къ сострадательному пониманію „какъ дошелъ онъ до жизни такой“. Формальная справедливость не всегда равна истинному правосудію. „Qui n'est que juste—est cruel“, говорятъ французы, и Екатерина II была права, выразивъ ту же мысль словами: „Stricte justice n'est pas justice: justice est equité“. Можно ли, по этому, осуждать присяжныхъ за оправдательный приговоръ, когда предъ ними, напримѣръ, плачетъ и кланяется потерпѣвшая, прося простить „родимаго и кормилица дѣтей“ или когда старикъ-отецъ, носящій имя, неразрывно связанное со „священной памятью двѣнадцатаго года“, со слезами молитъ отпустить 16-лѣтняго сына, обвиняемаго въ кражѣ изъ передней калошъ и шапки и понавшего въ дурную компанію подростковъ, обязуясь отправить его въ заграничный исправительный пріютъ? Поучительные примѣры приговоровъ, гдѣ житейская правда кладется въ основаніе справедливости приговора, представляетъ практика нѣкоторыхъ коронныхъ судей въ Франціи и Англіи. Таковъ, напримѣръ, извѣстный *president Magnaud* въ Шато-Тьерри, которому населеніе присвоило

название „le bon Juge“ и рѣшенія котораго, въ высшей степени интересныя по своей мотивировкѣ, издавы въ двухъ томахъ. Исслѣдователь практическаго положенія англійскаго судопроизводства, Гекторъ Франсъ, приводитъ слѣдующій чрезвычайно характерный случай изъ практики одного изъ лондонскихъ городскихъ судей. Одинъ молодой человѣкъ похитилъ хлѣбъ изъ незапертой булочной въ минуту отсутствія изъ нея булочника. „Я былъ голоденъ, милордъ“—объяснялъ обвиняемый судѣ.— Законъ осуждаетъ за кражу какъ куска хлѣба, такъ и золотой цѣпи,—отвѣчалъ ему судья,—и не дѣлаетъ между этими предметами кражи никакого различія. Если бы я слѣдовалъ только указаніямъ закона, то осудилъ бы васъ. Но руководствуясь моею судейскою совѣстью, я васъ оправдываю“. Затѣмъ, не ограничиваясь оправданіемъ, судья чрезъ судебнаго пристава предложилъ имѣвшейся налицо публикѣ помочь молодому человѣку и тѣмъ самымъ избавить его отъ необходимости совершенія новой кражи. Обращаясь же къ булочнику, какъ обвинителю, судья сказалъ: „Изъ-за нѣсколькихъ пенсовъ вы не затруднились лишить свободы человѣка, несчастный видъ котораго, равно какъ свойство совершенной имъ кражи, должны были бы указать вамъ на крайнее состояніе, въ которомъ онъ находился. На основаніи стараго закона Королевы Елисаветы, карающаго всякаго лавочника за уходъ изъ незапертой лавки, я приговариваю васъ къ одному дню тюремнаго заключенія и къ денежной пенѣ“.

Для „общественнаго мнѣнія“ по дѣламъ *второй категоріи* далеко не всегда ясно, что причиной оправдательныхъ приговоровъ, вызывающихъ нареканіе на присяжныхъ, является во многихъ случаяхъ самое *веденіе судебнаго засѣданія*, которое не можетъ быть признано согласнымъ съ правильнымъ соотношеніемъ участвующихъ въ процессѣ силъ, равнодѣйствующую которыхъ должна представлять бдительная власть предсѣдателя. Дѣлая послѣдняго полнымъ распорядителемъ и распредѣлителемъ подлежащаго разсмотрѣнію на судѣ матеріала, законъ возлагаетъ на него, такъ сказать, синтезъ всего дѣла въ томъ руководящемъ напутствіи, за которымъ слѣдуетъ совѣщаніе присяжныхъ. Бываютъ однако—и при томъ въ наиболѣе сложныхъ и важныхъ процессахъ—случаи, когда матеріалъ располагается и подносится присяжнымъ въ такомъ видѣ, что засоряетъ ихъ память ненужными данными и отвлекаетъ ихъ вниманіе въ сторону отъ предстоящей имъ задачи, заставляя исслѣдовать не идущія къ дѣлу обстоятельства, а руководящее

напутствіе ничего въ этомъ сумбурѣ не исправляетъ или пытаются исправить часто неумѣло и почти всегда запоздало. Утомленные присяжные, вниманіе которыхъ не напряжено въ одномъ направленіи, а издергано такими не идущими къ дѣлу отвлеченіями, уходятъ въ совѣщательную комнату подъ впечатлѣніемъ искусственно перемѣщеннаго центра тяжести дѣла, обращаясь изъ судей обвиняемаго въ судей потерпѣвшаго или какого-нибудь явленія въ общественной жизни или въ государственномъ строѣ. Въ первое десятилѣтіе послѣ судебной реформы подобныя явленія были рѣдки, но съ восьмидесятихъ годовъ они стали учащаться. Кассационное разсмотрѣніе большинства оправдательныхъ приговоровъ по выдающимся дѣламъ, вызывавшихъ грустное и тревожное недоумѣніе въ друзьяхъ суда присяжныхъ и ожесточенныя личныя и печатныя нападенія со стороны его недоброжелателей, раскрывало, что истинная причина не удовлетворяющаго чувства справедливости оправданія лежала не въ недомысліи, слѣпомъ произволѣ или тенденціозномъ направленіи присяжныхъ, а въ неправильномъ веденіи судебного засѣданія и въ нагроможденіи излишнихъ и чуждыхъ дѣлу данныхъ, которыми, какъ вредною корою, обрастало настоящее ядро дѣла. Въ этихъ случаяхъ бывало, впрочемъ, виновато не одно веденіе судебного засѣданія. Иногда недостатки или, вѣрнѣе излишества судебного слѣдствія вызывались неправильною дѣятельностью судебного слѣдователя и даже судебной палаты въ качествѣ обвинительной камеры. Происходило это отъ нарушенія предѣловъ изслѣдованія преступленія въ тѣхъ случаяхъ, когда недостаточное уясненіе себѣ состава преступленія и его необходимыхъ признаковъ заводило судебного слѣдователя на путь изслѣдованія такихъ обстоятельствъ, которыя для сужденія о чьей-либо виновности въ этомъ преступленіи значенія имѣть не могутъ и не должны, или когда усердіе не по разуму побуждало его къ неумѣстной любознательности о такихъ дѣйствіяхъ или событіяхъ въ жизни обвиняемаго или потерпѣвшаго, которыя никакого отношенія къ дѣлу не имѣютъ. Если въ этихъ случаяхъ прокуратура не удерживалась отъ соблазна воспользоваться увлеченіями слѣдователя для архитектурныхъ украшеній въ постройкѣ обвинительнаго акта, а судебная палата, по недосмотру или неполнотѣ доклада, такой актъ утверждала, то суду невольно приходилось имѣть дѣло съ данными, которыя могли повліять на присяжныхъ засѣдателей въ смыслѣ затемненія истинныхъ очертаній дѣла. Къ этому присоединялось еще и перегруженіе списка сви-

дѣтелей по ходатайству сторонъ и по требованію прокурора потому, что разрѣшенію вопроса о томъ, относятся ли нѣкоторые изъ нихъ къ дѣлу, судомъ не было удѣлено достаточнаго вниманія.

Нѣтъ сомнѣнія, что свѣдѣнія о поведеніи обвиняемаго, его занятіяхъ и образѣ жизни необходимы тамъ, гдѣ обвиненіе строится исключительно на однѣхъ уликахъ. Составителями Судебныхъ Уставовъ было высказано, что судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но его личность, насколько она проявилась въ извѣстномъ противозаконномъ поступкѣ. Ознакомленіе съ личностью подсудимаго въ значительной степени спасаетъ отъ судебной ошибки, которая одинаково возможна какъ въ случаяхъ осужденія только на основаніи свѣдѣній о дурномъ характерѣ подсудимаго, такъ и въ случаяхъ осужденія только на основаніи преступнаго факта, который можетъ быть слѣдствіемъ несчастнаго и рокового стеченія обстоятельствъ и противъ котораго громко вопіетъ вся безупречная и чуждая злу прошлая жизнь подсудимаго. Въ этомъ отношеніи свидѣтельскія показанія имѣютъ большое значеніе. Необходимо только, чтобы эти показанія дѣйствительно относились къ дѣлу, т.-е. чтобы ими разъяснялись такія стороны жизни обвиняемаго, въ коихъ выразились именно тѣ его свойства, которыми вызваны движущія побужденія его дѣянія или, наоборотъ, съ которыми его дѣяніе состоитъ въ прямомъ противорѣчіи. Поэтому, напримѣръ, въ дѣлѣ московскаго нотариуса Назарова, обвинявшагося въ насильственномъ поруганіи цѣломудрія дѣвушки,—въ обстановкѣ, не допускающей постороннихъ свидѣтелей,—усложненномъ послѣдующимъ ея самоубійствомъ, допросъ свидѣтелей о той роли, которую играли въ жизни обвиняемаго чувствennыя стремленія, и о его взглядѣ на характеръ своихъ отношеній къ женщинамъ вообще представлялся вполне уместнымъ. Но онъ являлся бы совершенно неумѣстнымъ тамъ, гдѣ отсутствуетъ связь между внутренними свойствами преступления и свѣдѣніями о личности обвиняемаго. Расточительность обвиняемаго, весьма важная, напримѣръ, въ дѣлахъ о банковыхъ хищеніяхъ, не имѣетъ никакого значенія въ дѣлахъ о богохуленіи, а вспыльчивость обвиняемаго, приобретающая серьезный смыслъ при обсужденіи убійства въ запальчивости и раздраженіи, совершенно утрачиваетъ его при обвиненіи въ дѣланіи фальшивой монеты. Не надо забывать, что судъ, рассматривая преступное дѣяніе, осуждаетъ подсудимаго за тѣ стороны его личности, которыя выразились въ этомъ дѣяніи, а

не за всю его жизнь. Не будетъ ли такое изслѣдованіе *осей* жизни напоминать—*toute proportion gardée* — провинціальнаго присяжнаго, который былъ замѣненъ запаснымъ послѣ того, какъ въ засѣданіи по дѣлу о покушеніи подсудимаго на изнасилованіе, онъ, возмущенный тѣмъ, что послѣдній упорно и растерянно молчитъ на вопросъ предсѣдателя: „чѣмъ вы занимаетесь?“ воскликнулъ съ негодованіемъ: „Николашка! что же ты молчишь? отвѣчай же! Скажи: кражами, ваше превосходительство!“

Мнѣ пришлось давать кассационныя заключенія по нѣсколькимъ громкимъ дѣламъ, гдѣ было допущено рѣзкое отступленіе отъ такого взгляда на предѣлы изслѣдованія. Типическимъ являлось дѣло Ольги Палемъ, обвиняемой въ убійствѣ студента Довнара, стремившагося прервать съ нею связь, препятствовавшую ему готовиться къ экзаменамъ. Здѣсь судебная палата утвердила обвинительный актъ, въ которомъ приведено мнѣніе убійцы о томъ, что убитый былъ человѣкъ безхарактерный, гаденькій и нахальный, пользовался ея деньгами, закладывалъ и присвоивалъ себѣ ея вещи, купленные на средства, полученные отъ прежняго ея сожителя, а затѣмъ подробно изложена провѣрка всего этого, предпринятая на предварительномъ слѣдствіи. При этой провѣркѣ прошлое самой обвиняемой изслѣдовано на пространствѣ двадцати лѣтъ, при чемъ произведенъ рядъ допросовъ, и оглашена переписка о принятіи Палемъ православія и объ отношеніяхъ ея къ родителямъ и крестному отцу, о ея предшествовавшихъ связяхъ, о хранящихся на текущемъ счету ея деньгахъ, о записяхъ пересылки ей денегъ въ 540 почтовыхъ книгахъ... Въмѣстѣ съ тѣмъ произведены обыскъ у одного изъ старыхъ сожителей Палемъ, жившихъ въ Одессѣ, и выемка его переписки и торговыхъ книгъ, съ производствомъ бухгалтерской экспертизы, въ явное нарушеніе устава торговаго, въ силу котораго такія книги составляютъ неприкосновенную коммерческую тайну и только въ случаѣ признанія несостоятельности торговца отбираются по опредѣленію суда. Нужно ли говорить, насколько такая одновременная травля подсудимой ея прошлымъ и опороченіе памяти потерпѣвшаго не имѣли никакого отношенія къ дѣлу. Такое же выворачиваніе наизнанку прошлой жизни подсудимой пришлось мнѣ встрѣтить въ дѣлѣ графини Н., обвинявшейся въ присвоеніи якобы рожденному ею ребенку непринадлежащихъ ему правъ состоянія, при чемъ слѣдователемъ были рассмотрѣны и описаны производства сыскной полиціи и допрошены указанные въ нихъ свидѣтели по обстоятельствамъ, ни-

какого отношенія къ обвиненію не имѣвшимъ, но бросавшимъ тѣнь на далекаго прошлаго на уже весьма немолодую женщину, сочувствіе напраснымъ страданіямъ которой на судѣ вызвало въ концѣ концовъ оправдательный приговоръ присяжныхъ засѣдателей. Еще болѣе ненормальны подобныя способы изслѣдованія по отношенію къ потерпѣвшимъ отъ преступленія, когда въ судебномъ засѣданіи,—вслѣдствіе увлеченія слѣдователя, неразборчивости прокурора и попустительства обвинительной камеры,—о немъ производится цѣлое слѣдствіе, причемъ, присутствуя въ судебномъ засѣданіи, онъ лишенъ права отвода и допроса свидѣтелей и предъявленія присяжнымъ засѣдателямъ своихъ объясненій, если только не выступаетъ гражданскимъ истцомъ. При этомъ жизнь и личность его могутъ быть раскапываемы съ самой мелочной подробностью, точно дѣло идетъ исключительно о рѣшеніи вопроса, достоинъ ли онъ былъ постигшей его участи, какъ будто его житейское поведеніе можетъ изъять его изъ покровительства закона и по отношенію къ нему сдѣлать дозволеннымъ, по личному взгляду подсудимаго, то, что не дозволено и преступно по отношенію къ другимъ людямъ. Не слаще и положеніе свидѣтелей по дѣламъ, гдѣ слишкомъ развязные представители сторонъ и въ особенности—что печально отмѣтить—защиты позволяютъ себѣ на ихъ счетъ ироническія выходки, насмѣшливыя прозвища, унижительныя намеки и ставятъ ихъ въ щекотливое положеніе вопросами, вовсе не относящимися къ дѣлу, но возбуждающими въ публикѣ, пришедшей въ засѣданіе изъ празднаго любопытства, веселое настроеніе и неприличное хихиканіе. Конечно, предсѣдатель не можетъ устранить отъ показаній свидѣтеля, вызваннаго по списку при обвинительномъ актѣ или по постановленію суда, но форма производимаго допроса, но оцѣнка характера вопросовъ зависятъ вполне отъ него, и онъ не исполняетъ своей обязанности, если не пользуется полнотой власти и не пресѣкаетъ подобнаго злоупотребленія правомъ допроса въ самомъ его началѣ, не допуская глумленія надъ свидѣтелемъ и дерзкаго вторженія въ его личную жизнь.

Въ бытность мою предсѣдателемъ петербургскаго окружнаго суда мнѣ пришлось два раза рѣшительнымъ образомъ остановить попытку на подобный допросъ. Пріѣхавшая изъ провинціи дама, потерпѣвшая отъ кражи, въ которой обвинялась служанка гостиницы, объяснила, что вечеромъ, уѣзжая изъ своего номера, оставила въ комодѣ портфель съ крупной

суммой денегъ, а на утро обнаружила его исчезновеніе. „Мы позволимъ себѣ полюбопытствовать, гдѣ вы провели ночь?“, спросилъ защитникъ. „Свидѣтельница, — сказалъ я, — запрещаю вамъ отвѣчать на этотъ вопросъ, а васъ, г. защитникъ, предупреждаю, что при повтореніи подобныхъ вопросовъ, указывающихъ на непониманіе вами правъ и обязанностей вашего званія, я васъ удалю изъ залы засѣданія“! Въ другомъ случаѣ товарищъ прокурора, — въ общемъ весьма талантливый человѣкъ, — обвиняя въ засѣданіи по крупному процессу, предложилъ вопросъ, какимъ образомъ не вытекавшій изъ существа дѣла, и отвѣтъ на который былъ бы сопряженъ для свидѣтельница съ унижающимъ ее признаніемъ. Я предложилъ ему не ожидать отвѣта на такой вопросъ, какъ не имѣющій никакого отношенія къ дѣлу, и объявилъ допросъ свидѣтельница исчерпаннымъ. Но при допросѣ одного изъ послѣдующихъ свидѣтелей представитель обвиненія предложилъ ему вопросъ, отвѣта на который онъ ожидалъ отъ свидѣтельница. Я долженъ былъ снова устранить этотъ вопросъ и на обиженное заявленіе обвинителя, что судъ преграждаетъ ему путь къ изслѣдованію истины въ дѣлѣ, сказалъ ему: „судъ предоставляетъ вамъ для этого всѣ законные пути, кромѣ избраннаго вами, и при неподчиненіи вашему слѣланію мною уже однажды указанію я буду вынужденъ, къ прискорбію, прервать засѣданіе и просить ваше начальство о командированіи другого лица прокурорскаго надзора въ составъ присутствія по настоящему дѣлу“. Разительный примѣръ невольнаго обращенія со свидѣтелями при допросѣ, а также явки въ судъ свидѣтелей, показанія которыхъ, почерпнутыя изъ области безшабашнаго кутежа и прожиганія жизни съ забвеніемъ элементарныхъ нравственныхъ условій общежитія, отодвинули на задній планъ существо дѣла — представляетъ недавнее дѣло въ московскомъ окружномъ судѣ по обвиненію Прасолова въ предумышленномъ убійствѣ жены. Свидѣтелямъ предлагались вопросы, уличавшіе ихъ самихъ въ предосудительномъ поведеніи; одного изъ нихъ, напримѣръ, спрашивали, что помѣшало ему вступить въ связь съ убитой — собственное нежеланіе или ея добродѣтель? — въ рѣчахъ защиты указывалось, что съ такими господами, какъ одинъ изъ свидѣтелей, на дуэли не дерутся, а извѣстнаго артиста-пѣвца называли „кумиромъ безмозглыхъ дѣвицъ“. Все это создало вокругъ дѣла нездоровую атмосферу и въ сущности обратилось не столько въ производство о совершенно ясномъ событіи преступленія, сколько въ безапелляціонный судъ надъ убитой, давшій основательный по-

водъ прокурору сказать: „я не знаю, чѣмъ руководились тѣ свидѣтели, которые приходили сюда съ утомленными, блѣдными лицами и безъ краски стыда бросали здѣсь комьями грязи въ могилу покойной, въ которую отсюда ринулся бурный и грязный потокъ“. Сенатъ еще въ 1892 году высказалъ, что „условія современнаго судопроизводства не таковы, чтобы свидѣтели выходили изъ суда нравственно измятыми, такъ какъ судъ долженъ быть святилищемъ осуществленія правды и справедливости, а не позорищемъ, гдѣ могла бы проявляться разнузданность нравовъ“. Надо замѣтить, что эта разнузданность можетъ, помимо искаженія отправленія правосудія, вызывать и тяжкую реакцію, чему доказательствомъ служитъ кулачная расправа въ зданіи петербургскаго суда покойнаго писателя Всеволода Крестовскаго съ оскорбившимъ его въ своей рѣчи присяжнымъ повѣреннымъ, человекомъ въ общемъ весьма достойнымъ, но забывшимъ въ данномъ случаѣ слова Пушкина: „блаженъ, кто словомъ твердо править и держать мысль на привязи своей“.

Въ обвинительной формѣ процесса несомнѣнную роль играютъ *судебныя пренія*. Я уже говорилъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ и замѣткахъ судебнаго дѣателя“ о тѣхъ условіяхъ, которыми должны удовлетворять рѣчи обвинителя, гражданскаго истца и защитника. Сенатомъ еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ было твердо установлено, что поводомъ для отмѣны приговора могутъ служить пренія, въ которыхъ нарушены статьи закона, опредѣляющія необходимыя требованія о содержаніи рѣчей сторонъ. Сенатъ требовалъ, чтобы эти пренія были ведены съ достоинствомъ, спокойствіемъ и правильностью, которая необходима для того, чтобы присяжные могли приступить къ разсмотрѣнію дѣла безъ всякаго увлеченія къ обвиненію или оправданію подсудимаго. Не разъ приходилось на этомъ основаніи отмѣнять рѣшенія присяжныхъ. На представителяхъ сторонъ въ судѣ вообще, а на судѣ присяжныхъ въ особенности, лежитъ нравственная обязанность охранять судъ отъ искаженія его исключительной—и достаточно высокой, чтобы быть исключительной—цѣли: служить отправленію уголовного правосудія. Исполненіе этой обязанности особенно важно по отношенію къ присяжнымъ засѣдателямъ, для которыхъ судебныя рѣчи не представляютъ, какъ для судей коронныхъ, обычнаго и привычнаго, въ теченіе многихъ лѣтъ, явленія и передъ которыми блестящая и энергическая оболочка еказаннаго можетъ, при неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ и бездѣйствіи предѣ-

дателя, заслонить нездоровое существо сказаннаго. Это случается, напримѣръ, при извращеніи уголовной перспективы; благодаря которому въ искусственно подогрѣтой рѣчи почти совершенно исчезаетъ обвиняемый и дурное дѣло, имъ совершенное, а на скамьѣ подсудимыхъ оказываются отвлеченные подсудимые, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно „средою“, „порядкомъ вещей“, „темпераментомъ“, „страстью“, „увлеченіемъ“, а иногда и сами потерпѣвшіе, забывшіе пословицу: „не клади плохо, не вводи вора во грѣхъ“. Таково возбужденіе въ присяжныхъ — преимущественно со стороны обвинителей — племенной вражды или религіозной нетерпимости: застилавшихъ передъ ихъ глазами истинныя очертанія разбирающагося дѣла. Таковы указанія присяжнымъ на вредъ, могущій послѣдовать отъ оправдательнаго приговора; — умышленная односторонность въ освѣщеніи преступной стороны дѣла съ цѣлью возбудить въ судьяхъ ту нездоровую чувствительность въ отношеніи къ подсудимому, которая не имѣетъ ничего общаго ни съ дѣятельною любовью къ людямъ, ни съ христіанскимъ милосердіемъ; — таковы язвительныя насмѣшки и неумѣстная иронія по адресу противника и, наконецъ, истолкованіе задачи присяжныхъ, а также значенія и цѣли закона въ смыслѣ, противорѣчащемъ общественному порядку и намѣреніямъ законодателя. Все это не можетъ не имѣть вліянія на присяжныхъ и не отражаться въ ихъ рѣшеніи. Не надо забывать, что присяжный засѣдатель, вырванный изъ обыденной обстановки въ торжественную, непривычную обстановку судебного засѣданія, не можетъ быть такъ мало впечатлителенъ, какъ „дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый“, и что тяжкій млатъ обвиненія въ устахъ представителя государственной власти — прокурора — и паёсъ защитника не могутъ не оставлять слѣда въ его душѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда председатель не исполняетъ или не умѣетъ исполнить свою обязанность устранять „девіаціи“ сторонъ. Нужно помнить, что присяжные засѣдатели представляютъ собой воспріимчивый организмъ. Превратное толкованіе имъ общихъ вопросовъ права или извращеніе передъ ними закона, оставленное безъ авторитетнаго опроверженія, можетъ быть принято ими съ тѣмъ довѣріемъ, которое всегда невольно внушаетъ къ себѣ энергичное слово, и можетъ пустить въ ихъ взглядѣ на дѣло неправильныя корни и вредныя ростки. Въ моей судебной практикѣ было много случаевъ познакомиться съ нарушеніями подобнаго рода. Приводить ихъ здѣсь не стану. Напомню лишь о громкихъ процессахъ, бывшихъ въ Москвѣ. Въ одномъ изъ

нихъ прокуроръ заявлялъ о „непотребныхъ мысляхъ и противобожескихъ теоріяхъ“ защитника, а защитникъ называлъ рѣчь прокурора тѣмъ, „что ежедневно выметаегся изъ каждой мало мальски опрятной комнаты“, удивляясь особенностямъ „мыслительнаго его аппарата“,—а въ другомъ, по дѣлу о кражѣ почтовыми чиновниками постъ-пакета на 120 тысячъ рублей, отправленнаго изъ Германіи, защитникъ приглашалъ присяжныхъ подняться на высоту государственныхъ интересовъ и на нѣмецкія ввозныя пошлины съ хлѣба отвѣтить оправданіемъ сознавшихся подсудимыхъ, введенныхъ потерпѣвшими въ соблазнъ вопреки Евангельскому изреченію: „горе міру отъ соблазна, но двойное горе тому, кто внесетъ соблазнъ въ міръ“. Въ другомъ процессѣ—по дѣлу о присвоеніи и растратѣ казначеемъ воспитательнаго дома и его сыномъ 307 тысячъ рублей—защитой проводился взглядъ, что истинная причина этого хищенія, названнаго „грустной драмой“, заключается въ „холодномъ и безцеремонномъ отношеніи начальства къ казеннымъ деньгамъ, благодаря которому въ рукахъ казначея оказалась такая большая сумма“, и испрашивался у присяжныхъ оправдательный приговоръ на томъ безнравственномъ основаніи, что „если похищенные 300.000 рублей причинили ущербъ казнѣ, которая возмѣстила его со всѣхъ гражданъ Россіи, то каждому пришлось внести такъ мало, что изъ-за этого говорить не стоитъ, а тѣмъ болѣе обвинять подсудимыхъ“. Въ четвертомъ же очень недавнемъ процессѣ обвинителю, въ отчетѣ о засѣданіи, приписываются—указаніе на то, что облитіе сѣрной кислотой мужа, хотя и является слишкомъ специфической местию женщины, но местию понятной,—и сожалѣніе о томъ, что мужъ для защиты своей чести не прибѣгнулъ по отношенію къ предполагаемому любовнику жены къ пистолету и клинку. Находя, что вся Москва ждетъ обвинительнаго приговора, „какъ благовѣста“, прокуроръ заявлялъ присяжнымъ, что когда такой приговоръ состоится, то онъ въ темную ночь пойдетъ возвѣстить о немъ на далекую могилу потерпѣвшей, подъ дождемъ и подъ развѣвающимъ его волосы вѣтромъ. Сюда же, для примѣра, можно отнести жалобу обвинителя въ его отвѣтной рѣчи защитнику на то, что послѣдній „топчется грязными сапогами въ его сердца“ или—заявленіе другого, что подсудимая „плачетъ по данному ей росписанію“.

Я говорилъ уже выше о равнодушномъ, а подчасъ и злорадномъ отношеніи къ суду присяжныхъ со стороны лицъ и учреждений, отъ которыхъ зависѣлъ починъ законодательныхъ

мѣръ къ устраненію препятствій для правильнаго дѣйствія этого суда. Съ грустью приходится сознаться, что часто и со стороны людей, призванныхъ вмѣстѣ съ присяжными служить дѣлу правосудія, проявлялось полное отсутствіе заботы о немъ. Успѣхъ обвинительной рѣчи или оправдательный приговоръ, добытые словесными неправдами, ставились въ этомъ случаѣ единой и желанной цѣлью, хотя-бы ихъ приходилось достигнуть, подвергая судъ присяжныхъ рѣзкимъ нападкамъ и нареканіямъ. Въ этихъ, къ сожалѣнію, нерѣдкихъ случаяхъ, выражаясь словами одного изъ стихотвореній Некрасова, судъ присяжныхъ „любящей рукой не былъ ни охраненъ, ни обезпеченъ“. Наоборотъ, можно указать случаи, когда на *оправдательный приговоръ*, находившій отголосокъ и въ сердцахъ коронныхъ судей, участвовавшихъ въ засѣданіи и вполнѣ удовлетворенныхъ имъ, приносился кассационный протестъ съ указаніемъ на то, что присяжные не поняли своей обязанности или противозаконно присвоили себѣ право помилованія. По поводу *обвинительнаго приговора*, покаравшаго справедливымъ и мудрымъ словомъ осужденія притѣснителя слабыхъ, развратителя невинныхъ, расхитителя чужихъ трудовыхъ сбереженій или увѣреннаго въ своей безнаказанности изверга, въ стѣнахъ кассационнаго суда широко оплаченное ораторское слово прозрачно намекало иногда на неразвитость, неспособность и тупоуміе присяжныхъ засѣдателей. Нельзя отрѣшиться отъ тревоги за правосудіе вообще при тѣхъ участившихся за послѣдніе годы случаяхъ, когда личность обвиняемаго съ одной стороны и его дѣйствительные интересы съ другой, а также огражденіе присяжныхъ засѣдателей отъ могущихъ отразиться на достоинствахъ ихъ приговора увлеченій приносятся въ жертву эгоистическому желанію возбудить шумное и не безвыгодное въ разныхъ смыслахъ вниманіе къ *своему* имени, при чемъ дѣлается попытка и человека, а иногда и цѣлое учрежденіе обратить въ средство для личныхъ цѣлей, чуждыхъ правосудію.

А. Ө. Коин.

Октябрь 1913.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Фердинандъ Крестинъ и княжна Туркестанова.

Эпоха Наполеоновскихъ войнъ въ Европѣ и Александровская въ Россіи до сихъ поръ невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе изслѣдователей своей поэзіей, разнообразіемъ культурныхъ и просвѣтительныхъ началъ, вступившихъ между собою въ соприкосновеніе и порою въ жестокую борьбу.

Старый міръ неохотно уступалъ мѣсто новому, цѣпляясь за отживавшія свое время традиціи, а между тѣмъ новыя идеи, выдвинутыя французской революціей, просачивались во всю толщу народныхъ организмовъ, захватывая и самые верхи въ лицѣ представителей аристократіи и даже самодержавнаго повелителя Россіи. „Свободныхъ мыслей коноводы“ существовали и во дворцахъ, и въ хижинахъ. По остроумному замѣчанію графа Растопчина, въ Россіи образованные дворяне хотѣли революціи, чтобы стать сапожниками, тогда какъ на Западѣ сапожники захотѣли быть дворянами. Народы требовали реформъ для улучшенія своего быта, для обезпеченія личной и общественной свободы гражданъ, а приверженцы стараго порядка, представители легитимныхъ принциповъ, съ своей стороны, истощали всѣ усилія, чтобы въ новыхъ учрежденіяхъ сохранить старыя традиціи. Но борьба съ Наполеономъ, наслѣдникомъ революціи, привела все-таки къ торжеству новыхъ началъ. Правительства увидѣли необходимость для успѣха борьбы съ нимъ обѣщать своимъ народамъ политическую и гражданскую свободу, и только тогда вызвали національное одушевленіе, вызвавшее гибель завоевателя: по логикѣ исторіи Наполеонъ становился уже не нуженъ: онъ сдѣлалъ свое дѣло, вольно и невольно разрушивъ въ Европѣ

остатки средневѣкового строя. Правда, правительства потомъ испугались своихъ обѣщаній, пробовали не исполнять ихъ или ограничиваться мелочами. „Реформы были имъ даны“, по замѣчанію современнаго поэта: „замѣсто синихъ—красные штаны“. Но уже пробужденная общественная мысль властно предъявляла свои требованія, и сопротивленіе имъ только подало поводъ къ революціоннымъ вспышкамъ и мятежамъ.

По связи своей съ Западной Европой Россія также втянута была въ круговоротъ борьбы старыхъ и новыхъ идей и отражала въ себѣ революцію европейской политической мысли. Больше того, ей суждено было въ это время много разъ произносить свое рѣшающее слово во время перипетій этой борьбы. Но русскій народъ въ своей массѣ, закрѣпощенный и невѣжественный, стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ чуждаго ему движенія. Оно совершалось по преимуществу въ высшихъ классахъ русскаго общества, доступныхъ европейскому вліянію и принявшихъ въ то время въ свою среду массу эмигрантовъ, выходцевъ изъ Западной Европы, принадлежавшихъ къ обоимъ враждующимъ лагерямъ и бѣжавшихъ въ варварскую Россію отъ преслѣдованія торжествующихъ противниковъ. Тѣ и другіе, конечно, пропагандировали свои взгляды въ обществѣ и создавали себѣ сторонниковъ. И если въ первую половину Александровской эпохи въ русскомъ обществѣ морально и политически господствовали и легитимисты, то во вторую ея половину, по низверженіи Наполеона, чрезвычайно усилилось враждебное имъ общественное настроеніе, жаждавшее реформъ, обновленія жизни Россіи. Наполеонъ, раздавленный русской арміей, былъ до нѣкоторой степени отомщенъ: заграничная война 1813—1814 годовъ, познакоmintъ офицерскую среду русскихъ войскъ съ жизнью европейскихъ народовъ, возбудила въ ней также либеральныя стремленія, которыя, при господствѣ аракчеевщины въ системѣ управленія, привели къ образованію тайныхъ политическихъ кружковъ и обществъ даже тамъ, гдѣ о политикѣ менѣе всего думали, т. е. среди арміи. Многие изъ этихъ людей, стремившихся быть, по выраженію Растопчина, „сапожниками“, находили себѣ сочувствіе даже среди знати и придворныхъ круговъ, бывшихъ дотолѣ подъ исключительнымъ вліяніемъ французскихъ эмигрантовъ-легитимистовъ. Само собою разумѣется, что легитимисты всячески стремились сохранить свое руководящее вліяніе въ обществѣ, но самый ходъ событій, даже самый успѣхъ ихъ идей сдѣлалъ эти стремленія безплодными: съ возстановленіемъ Бурбоновъ во Франціи значительная

часть эмигрантовъ возвратилась на родину, а на ихъ мѣсто водворялись въ Россіи многіе изъ плѣнныхъ Наполеоновской арміи, пожелавшихъ остаться въ новомъ своемъ отечествѣ и имѣвшихъ совсѣмъ иное политическое міросозерцаніе, чѣмъ легитимисты. Легитимисты, оставшіеся въ Россіи, хотя и продолжали свою работу, но уже сами чувствовали, что вѣкъ ихъ прошелъ, что наступаютъ другія времена, появились совсѣмъ новые люди, и общественная жизнь предъявляетъ иные, дотогѣ неожиданные запросы. По-прежнему, впрочемъ, мѣстомъ ихъ является дворъ и высшее русское общество, въ которомъ они долго чувствовали себя какъ дома, но и въ этихъ сферахъ появились симптомы другихъ вліяній: знать и въ Россіи, даже при дворѣ, стала уступать свое мѣсто и вліяніе третьему элементу, надолго утвердившему свое господство, — бюрократіи.

Къ числу эмигрантовъ-легитимистовъ, прочно и навсегда осѣвшихъ въ Россіи, принадлежалъ и Фердинандъ Кристинъ (Christin), бывший политическимъ агентомъ на русской службѣ въ царствованіе Екатерины и Александра I. Уроженецъ Ивердона, въ Швейцаріи, Кристинъ получилъ воспитаніе, какъ думаютъ, въ іезуитскомъ коллегіумѣ и въ 1789 г., когда началась французская революція, уже завязалъ себѣ прочныя связи въ Парижѣ, начавъ службу при министрѣ финансовъ Колоннѣ и войдя въ общество г-жи Сталь, съ которою онъ поддерживалъ потомъ переписку до самой ея смерти. Уже тогда Кристинъ показывалъ себя приверженцемъ абсолютной королевской власти, божественности происхожденія которой освящалась религіозными вѣрованіями, вынесенными изъ школы іезуитовъ. Буря французской революціи заставила его, не измѣняя своимъ принципамъ, начать полную приключеній жизнь. По собственному его разсказу, передаваемому Вигелемъ, онъ удалился съ братомъ короля графомъ д'Артуа, въ Англію, откуда нѣсколько разъ совершалъ тайныя поѣздки въ Парижъ для передачи извѣстій отъ него несчастному королю Людовику XVI; при этомъ онъ неоднократно бесѣдовалъ съ королемъ, съ Маріей Антуанетой и маленькимъ дофиномъ. Вслѣдъ затѣмъ, вмѣстѣ съ графомъ д'Артуа, Кристинъ, въ его свитѣ, явился въ Россію ко двору императрицы Екатерины. Извѣстенъ радужный и великолѣпный пріемъ, оказанный Екатериной представителю изгнанной династіи, брату казненаго короля: извѣстны также милости ея ко всѣмъ французамъ, оставшимся вѣрными законной власти. Петербургское общество, придворное и аристократическое, слѣдуя примѣру своей государыни:

также принимало ихъ съ открытыми объятіями. Крестинъ, кромѣ того, умѣлъ пріобрѣсти благоволеніе актрисы петербургскаго французскаго театра, г-жи Гюсъ, любовницы любимца кн. Платона Зубова, Моркова, заправлявшаго въ то время иностранными сношеніями. Благодаря протекціи Гюсъ, Крестинъ не возвратился въ Англію съ графомъ д'Артуа, а, пользуясь покровительствомъ Моркова, получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и въ 1796 г. посланъ былъ секретно въ Швецію, чтобы способствовать успѣху предположеннаго Екатериной брака старшей внучки ея, Александры Павловны, со шведскимъ королемъ Густавомъ IV, въ то время еще несовершеннолѣтнимъ.

Регентъ Швеціи, дяди Густава, Карлъ, герцогъ Зюдерманландскій, не сочувствовалъ этому проекту Екатерины и готовилъ нелюбимому племяннику своему въ супруги принцессу Мекленбургскую, далеко не красавицу. Крестинъ долженъ былъ помѣшпть этому. Онъ началъ въ Стокгольмѣ съ того, что притворился страшнымъ руссофобомъ, получилъ, благодаря этому, доступъ въ его дворецъ и чрезъ своего соотечественника Шевалье де-Сюрмена, бывшаго наставникомъ короля, успѣлъ возбудить въ немъ интересъ къ русской великой княжнѣ и отвращеніе къ мекленбургскому браку. Это настроеніе Густава возбуждало подозрѣнія герцога Зюдерманландскаго. Уже Крестину, лишенному всякаго оффиціальнаго положенія, грозила арестъ и даже ссылка въ Далекорлійскіе рудники, когда ловкій франтъ успѣлъ заручиться паспортомъ англійскаго посольства и съ нимъ бѣжать въ Россію. Здѣсь онъ засталъ своего покровителя, Моркова, уже графомъ священной Римской имперіи. Если вѣрить разсказу самого Крестина, императрица приняла его милостиво, и Морковъ исхлопоталъ ему пожалованіе въ 400 душъ крестьянъ воелѣ Летичева Подольской губерніи, которымъ владѣлъ самъ Морковъ.

Съ воцареніемъ императора Павла Морковъ потерялъ всякое значеніе и долженъ былъ жить въ Летичевскомъ своемъ имѣніи, и здѣсь раздѣлялъ его уединеніе Крестинъ, также лишившійся всякихъ надеждъ на будущее съ опалой своего принцепала. Но едва на престолъ вступилъ Императоръ Александръ, какъ Морковъ былъ вызванъ, въ числѣ другихъ дѣльцовъ Екатерины, въ Петербургъ и получилъ чрезвычайно важное по тому времени назначеніе посломъ во Францію ко двору перваго консула. Разумѣется, съ Морковымъ поднялся и Крестинъ, въ Летическомъ уединеніи скрѣпившій свою связь съ

Морковымъ. Уже перваго іюля 1801 года Кристинъ произведенъ былъ прямо въ надворные совѣтники, причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ и откомандированъ въ распоряженіе Моркова, какъ русскаго посла въ Парижѣ. Но само собою разумѣется, что уже одно назначеніе Моркова, завязатаго врага республиканскаго образа правленія и орудія эмигрантовъ, не обѣщало ничего хорошаго въ его мисіи, а посылка вмѣстѣ съ нимъ Кристина, убѣжденнаго роялиста, могла привести только къ недоразумѣніямъ весьма печальнаго свойства.

Наполеонъ Бонапартъ, ставъ первымъ консуломъ, еще при Императорѣ Павлѣ искалъ союза съ Россіей. Павелъ, разочарованный коварствомъ своихъ союзниковъ, въ борьбѣ съ революціонной Франціей, добивавшихся только достиженія своекорыстныхъ цѣлей, со свойственной ему прямою и стремительностію, принялъ протянутую ему Бонапартомъ руку, цѣня въ первомъ консулѣ человека, сумѣвшаго обуздать во Франціи революцію и водворить въ ней порядокъ. Сообразно съ этимъ, къ эмигрантамъ, врагамъ перваго консула, въ Петербургѣ стали относиться холодно, а Людовику XVIII, жившему на русскомъ содержаніи въ Митавѣ, даже предложено было выѣхать изъ Россіи. Иначе держалъ себя Императоръ Александръ. Поддерживая дружескія отношенія къ Франціи и принявъ даже предложенное ему первымъ консуломъ посредничество для устройства германскихъ дѣлъ, Александръ подъ рукою поощрялъ вожделѣнія эмигрантовъ. Но назначеніе Моркова въ самый Парижъ, очевидно, могло только быть рассматриваемо какъ прямой вызовъ первому консулу; при такомъ послѣ дружественныя отношенія между обѣими странами не могли существовать. И дѣйствительно, дѣйствія Моркова на новомъ его посту отличались систематическимъ и полнымъ пренебреженіемъ къ особѣ перваго консула и къ интересамъ укрѣпленія связи между Франціей и Россіей. Онъ не стѣсняясь высказывалъ даже, что личныя свои симпатіи и антипатіи онъ ставитъ выше инструкцій своего правительства. Когда, напр., ему указывали на противорѣчіе между его дѣйствіями и увѣреніями, которыя давалъ французскому посланнику въ Петербургѣ самъ Александръ, — то Морковъ нагло отвѣчалъ: „Я очень хорошо знаю, что говорить императоръ, но онъ имѣетъ свою политику, а русскіе — свою“ (*Je sais bien ce que dit l'Empereur; mais l'Empereur a sa politique, et les Russes ont la leur*). Теперь, зная, насколько

Александръ любилъ вести двойную политику: официальную и секретную, которыя обыкновенно мало сходились одна съ другою,—мы не можемъ упрекать Моркова въ сознательномъ уклоненіи отъ исполненія Высочайшихъ повелѣній, но во всякомъ случаѣ его политика была не въ русскихъ интересахъ: Россія защищала только сардинскаго короля, римскаго папу и нѣмецкихъ владѣтельныхъ князьковъ, возбуждая въ то же время подозрѣнія французскаго правительства въ своемъ сочувствіи и поддержкѣ роялистскимъ заговорамъ и агитаціи въ предѣлахъ самой Франціи. Дерзкій, вызывающій тонъ, который позволялъ себѣ Морковъ въ бесѣдахъ съ самымъ первымъ консуломъ, побудилъ наконецъ французское правительство просить о его отозваніи. Александръ исполнилъ эту просьбу Бонапарта, но при увольненіи Моркова пожаловалъ ему Андреевскую ленту.

Быть можетъ, ободряемый Морковымъ, Кристинъ также велъ свою политику въ Парижѣ. Какъ разъ въ это время роялисты проявляли необычайную дѣятельность въ надеждѣ на возстановленіе законной монархіи; французскіе принцы, жившіе въ Англіи, наводняли эмиссарами Бретань, Вандею и самый Парижъ; уже зрѣлъ заговоръ Жоржа Кадудала и Пишегрю. При такихъ обстоятельствахъ французская полиція была насторожѣ, и дѣятельность Кристина, заводившаго сношенія съ французскими чиновниками, уроженцами Швейцаріи, обращала на себя ея вниманіе, тѣмъ болѣе, что онъ не занималъ при русскомъ посольствѣ никакого официального положенія. Вѣроятно, что дѣйствія Кристина были настолько двусмысленны, что возбудили даже въ его покровителѣ опасеніе за его безопасность. Уже 1 января 1802 г. Морковъ ходатайствовалъ предъ Императоромъ объ официальном зачисленіи Кристина въ составъ русскаго посольства. Но Императоръ Александръ не любилъ людей, которые, даже дѣйствуя со всѣмъ усердіемъ въ цѣляхъ его политики, не умѣли держать себя скромно и компрометтировали его положеніе. Отъ такихъ слугъ онъ отказывался безъ сожалѣнія и не колеблясь ни одной минуты. Поэтому онъ не только не согласился на ходатайство Моркова, но даже приказалъ Кристину немедленно оставить Парижъ, гдѣ онъ могъ только возбуждать подозрѣнія и поставить само русское посольство въ затруднительное положеніе. Александръ писалъ Лагарпу, отнюдь не сочувствовавшему эмигрантамъ и стоявшему въ Швейцаріи во главѣ республиканской партіи: „Что касается до Кристина, то онъ теперь въ Швейцаріи, потому что я приказалъ Моркову убрать его со службы, не желая имѣть никакого дѣла съ интри-

ганами“. Недаромъ создатель переписки Кристина замѣтилъ въ своемъ предисловіи: „on éprouve quelque surprise en voyant l'Empereur Alexandre adresser à Christin ce reproche d'être un intrigant, ses intrigues, si tout il est qu'il s'en soit rendu coupable, ayant eu pour but les intérêts de la Russie(?) et ayant, au surplus, été sanctionnés et dirigées par le gouvernement lui-même“.

Дѣйствительно, въ началѣ 1802 г. Кристинъ былъ уже на родинѣ своей, въ Иверфонѣ, и дальнѣйшей своей участью блестяще оправдалъ отношеніе къ себѣ Императора Александра. Въ Швейцаріи онъ поддерживалъ сношенія съ врагами первого консула, группировавшимися вокругъ m-me Сталь. Въ концѣ концовъ онъ былъ арестованъ и доставленъ въ Парижъ и въ августѣ 1808 года послѣ краткаго допроса былъ посаженъ въ Тамплъ. Какъ только узнали объ этомъ въ Петербургѣ, тотчасъ же предписали русскому посольству въ Парижѣ: „слѣдить за этимъ дѣломъ, но никакъ въ него не вмѣшиваться“. Но Морковъ, еще до полученія этой депеши, письменно потребовалъ отъ Талейрана освобожденія Кристина, „conseiller de cour et pensionnaire de l'Empereur de Russie“. Но вмѣшательство Моркова только ухудшило положеніе его любимца. Его помѣстили въ тюремную башню, гдѣ и содержали какъ самаго опаснаго преступника. Еще хуже почувствовалъ онъ себя въ тюрьмѣ St.-Pelagie, откуда его, уже больного, перевели опять въ Тамплъ. Разрывъ Франціи съ Россіей, происшедшій около этого времени, сдѣлалъ положеніе „conseiller de cour“ беззащитнымъ, а катастрофы, постигшія Кадудала, Пишегрю, Моро и герцога Ангійскаго, заставляли его трепетать за свою жизнь. Лишь благодаря предстательству папы Пія VII, по ходатайству Вернега, Кристинъ, чуть живой, былъ наконецъ въ началѣ 1805 г. выпущенъ изъ тюрьмы съ обязательствомъ въ 15 дней покинуть французскую территорію. Онъ немедленно выѣхалъ въ Россію, въ Лetichevъ, и уже не покидалъ Россіи въ теченіе всей своей жизни.

Быть можетъ, въ надеждѣ, что Императоръ Александръ, готовившій въ то время коалицію противъ Наполеона, ставшаго императоромъ французовъ, вознаградить его за депеши, перенесенныя имъ отъ корсиканца, Кристинъ уже въ маѣ 1805 года отправился въ Петербургъ. Но Императоръ Александръ не измѣнилъ къ нему своихъ отношеній, и Петербургъ принялъ Кристина — холодно. Принять Кристина вновь на службу значило сознаться предъ Наполеономъ и всей Европой, что Кристинъ былъ дѣйствительно агентомъ русскаго правительства и

возложить на себя отвѣтственность за его дѣйствія. Пять мѣсяцевъ несчастливый французъ прожилъ въ Петербургѣ, тщетно добиваясь своей реабилитаціи, и, наконецъ, отправился назадъ въ Летичевское свое уединеніе чрезъ Полоцкъ, гдѣ нашелъ онъ утѣшеніе въ обществѣ іезуитовъ и гдѣ узналъ онъ объ Аустерлицкомъ погромѣ.

Послѣдніе годы своей жизни Крестинъ провелъ въ Москвѣ въ домѣ графа Моркова до самой кончины своего друга († 1827 г.). Графиня Броглю, урожденная Левашева, извѣстная красавица того времени, плѣнилась живымъ, общительнымъ эмигрантомъ и наградила его своей привязанностью, которой онъ остался вѣренъ до самой своей смерти († 1837 г.). Но Крестинъ уже не дѣлалъ никакихъ попытокъ возвратиться къ дѣятельной жизни. Все свое время посвящалъ онъ перепискѣ съ многочисленными друзьями въ Россіи и за границей, которые не забывали его даже въ постигшей его опалѣ. Переписка эта, затрогивавшая политическую жизнь Европы и Россіи того времени, имѣла несомнѣнно интересъ и значеніе; одни письма къ нему г-жи Сталь, по замѣчанію Вигеля, имѣвшего случай ознакомиться съ ними, могли бы служить для историка важнымъ матеріаломъ. Кромѣ того, Крестинъ составлялъ записки о своей бурной жизни. Но всѣ свои бумаги онъ завѣщалъ г-жѣ Броглю, которая по своему невѣжеству не придавала имъ значенія и предала всеобщему цѣликомъ. Отъ огромной переписки Крестина осталась только переписка его съ княжной Варварой Ильиничной Туркестановой, которую Крестинъ имѣлъ терпѣніе незадолго до своей смерти переписать собственноручно, чтобы поднести копію съ нея графинѣ С. А. Бобринской, связанной съ Туркестановой узами дружбы.

Переписка Крестина съ Туркестановой до сихъ поръ не обращала на себя вниманія изслѣдователей Александровской эпохи. Изданная въ 1882—1883 г.г. въ видѣ приложенія къ „Р. Архиву“, она какъ-то затерялась на книжномъ рынкѣ, а между тѣмъ она представляетъ собою не мало чертъ, характеризующихъ жизнь высшаго русскаго общества того времени и личность Императора Александра. Княжна Варвара Ильинична Туркестанова (р. 1775 г., † 1819) послѣднія 15 лѣтъ своей жизни провела при дворѣ фрейлиной императрицы Маріи Ѳеодоровны, имѣла случай видѣть и знать многое. Ея недюжинный умъ и высокое по тому времени образованіе замѣтно выдѣляли ее изъ круга придворныхъ свѣтскихъ дѣлъ, и княжна, не имѣвшая ни знатнаго родства, ни состоянія, умѣла пріобрѣсти себѣ ува-

женіе и довѣріе даже такихъ строгихъ къ чужому достоинству людей, какъ императрица Марія Ѳеодоровна и знаменитая въ то время графиня Шарлотта Карловна Ливенъ. Самъ Императоръ Александръ, любившій общество умныхъ женщинъ, послѣ возвращенія своего изъ-за границы въ 1815 году, оцѣнилъ высокія достоинства немолодой уже фрейлины и часто навѣщалъ ее во фрейлинскихъ комнатахъ Зимняго дворца, цѣлыми часами наслаждаясь ея бесѣдой. Избалованный близкимъ знакомствомъ съ выдающимися людьми Россіи и Европы начала XIX в., Александръ Павловичъ былъ хорошимъ знатокомъ людей, и оттого вниманіе, оказанное имъ Туркестановой, свидѣтельствуешь о недюжинныхъ качествахъ ума и сердца. Придворные, конечно, скоро замѣтили склонность къ ней своего властелина и уже думали учестъ ея вліяніе на него, когда княжна внезапно скончалась въ 1819 г., ничѣмъ, повидимому, не успѣвъ проявить его.

Кристинъ познакомился съ Туркестановой въ 1818 году на развалинахъ Москвы и сблизился съ нею настолько, что Туркестанова завела съ нимъ послѣ отъѣзда своего въ Петербургъ длинную и искреннюю переписку, въ которой сообщала ему всѣ новости двора и русской знати. Успѣхи княжны радовали стараго эмигранта, и онъ задумалъ послужить ей своею опытностію, чтобы помочь ей въ начавшемся ея сближеніи съ Императоромъ Александромъ и даже сдѣлать ее орудіемъ для проведенія своихъ политическихъ взглядовъ. Но здѣсь его видимо постигла неудача. Княжну ему не разъ приходилось упрекать за ея либеральныя воззрѣнія, слишкомъ расходившіяся съ его собственнымъ міросозерцаніемъ, образовавшимся въ дореволюціонную эпоху. Живя въ Москвѣ, среди русскихъ баръ, старыхъ сановниковъ „временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма“, проникаясь нечувствительно преданіями и взглядами старой, крѣпостной Россіи, Кристинъ, конечно, не могъ понять, что его „*principes solutaires*“ являлись отзвуками давно ушедшаго въ могилу порядка вещей и, примѣняемые къ жизни, могли только служить къ гибели своихъ послѣдователей. Въ этомъ отношеніи княжна Туркестанова была значительно выше своего корреспондента, такъ какъ постояннымъ чтеніемъ обогащала свой умъ всесторонними свѣдѣніями, хорошо знакома была съ потребностями общественной и политической жизни современной ей Европы и Россіи и считала, что реформы для Россіи являются настоятельно-необходимыми. Кристинъ долженъ былъ во многихъ случаяхъ представляться ей какъ „антикъ въ пыли ходячій“, и она видимо уклоняется въ своей перепискѣ съ нимъ

отъ теоретическихъ словопреній и даже посмѣивалась надъ его взглядами, сообщая ему, напр., о вновь вышедшемъ сочиненіи аббата Прадта „Congrès d'Aix-la-Chapelle“, она писала: „Il y a cependant beaucoup des choses qui n'auront pas votre sanction; un passage entre autres que j'ai retenu parfaitement. „Les quatre elements dont se compose la civilisation moderne, sont: la presse, le grand commerce maritime, la communication des peuples entre eux, et ce qui sera plus puissant que tous ces mobiles, la formation de gouvernements représentatifs“. C'est de la contrebande pour vous. Hem!“ При такомъ коренномъ различіи убѣжденій мечты Кристина вліять на образъ мыслей княжны, а чрезъ нее и на образъ мыслей самого императора, конечно, были несбыточными. „Je combattais, писалъ онъ графинѣ С. А. Бобринской послѣ кончины княжны, *son goût* pour une jeunesse indiscrete, pour les principes libéraux et tant sait peu révolutionnaires que cette jeunesse lui inculquaient, je cherchais à redresser son jugement sur certains points fondamentaux dans les quels elle errait; et je m'efforçais à lui respirer l'esprit d'état que j'aurai voulu lui voir occuper à la cour, celui d'une amie du Souverain sans aucune mélange de galanterie“. Едва-ли можно сомнѣваться, что изъ княжны Туркестановой не вышло бы второй *m-me de Ментенонъ*, образъ которой очевидно проносился предъ глазами Кристина, когда онъ писалъ эти строки.

Въ чемъ безусловно сходилъ Кристинъ съ княжной, то это во взглядахъ на необходимость низверженія Наполеона, но уже обстоятельства, при которыхъ совершилось возстановленіе Бурбоновъ, обнаружили ихъ разномысліе: жизнь Кристина наложила на его отношенія къ событіямъ мрачный отпечатокъ непримиримости. Недаромъ писала ему княжна: „Никогда не говорите о вашемъ прошломъ, забудьте, если возможно, всѣ огорченія, несправедливости и обиды, которыя причинили вамъ люди. Живите настоящимъ съ тѣми, кого вы любите, и такимъ образомъ мы придемъ ко времени, указанному намъ Провидѣніемъ“. Но Кристинъ, въ то же время, настолько обрусѣлъ, что его оскорбляла подчиненная роль Россіи въ войнѣ за освобожденіе Европы, забвеніе при заключеніи всеобщаго мира собственно русскихъ интересовъ. „Странно, писалъ онъ, что въ Парижскомъ трактатѣ Россія упоминается какъ какой-либо Мекленбургъ или другое ничтожное княжество, что ни ея имя, ни имя ея государя вовсе въ немъ не обозначено и что она подразумевается просто въ числѣ союзниковъ Вѣнскаго двора. Я предпочелъ бы, чтобы трактатъ этотъ заключенъ былъ между

королемъ французскимъ и русскимъ императоромъ съ его союзниками, а не христіаннѣйшимъ австрійскимъ императоромъ съ его союзниками, какъ значится въ трактатѣ, потому что въ дѣйствительности Россія играла первую роль въ этомъ дѣлѣ и должна стоять на первомъ планѣ“...

Низверженіе Наполеона, по мнѣнію княжны, не произвело улучшенія въ положеніи европейскихъ дѣлъ, и въ будущемъ, зная хорошо людей и обстоятельства, не видѣла ничего хорошаго для Россіи. „Я не вѣрю вашему равнодушному отношенію къ событіямъ, происшедшимъ въ теченіе этого года“, писалъ Кристинъ, бывший въ восторгѣ отъ реставраціи Бурбоновъ: „это невозможно, даже преступно, осмѣлюсь сказать, если бы допускалъ, что равнодушіе это дѣйствительно существуетъ. Какъ, вы не чувствуете облегченія отъ страшной тяжести вслѣдъ за исчезновеніемъ Бонапарта? Это колоссальное могущество, которое оказывало давленіе на весь міръ и грозило намъ гибелью,—развѣ оно не казалось вамъ невыносимымъ? Припомните, что уже два года чувствовалъ каждый русскій, не забываяте, какой страхъ наводилъ на всѣ души мрачный, покрытый тучами горизонтъ, прежде чѣмъ развѣяли ихъ Провидѣніе и доблесть русскихъ армій? Боже, какая разница въ положеніи, и какъ я счастливъ каждую минуту это чувствовать!“ Но дѣйствія Бурбоновъ возбуждали въ немъ презрѣніе, и онъ начиналъ во многомъ соглашаться съ княжною. „Тотъ, кто сказалъ, что Людовикъ XVIII за 25 лѣтъ ничему не научился и ничего не забылъ,—писалъ Кристинъ,—обрисовалъ его двумя словами. Онъ нашелся вынужденнымъ избрать себѣ министровъ изъ революціонеровъ и убійцъ Людовика XVI, министры Бонапарта стали его министрами, дѣятели разрушенія сдѣлались творцами будущаго, и король надѣялся внушить къ себѣ нѣкоторое довѣріе въ настоящемъ и нѣкоторую надежду въ будущемъ! Онъ ошибается, онъ идетъ по дорогѣ, которая приведетъ его къ конечной гибели... Христіаннѣйшій король не можетъ и не долженъ вступать въ сдѣлки (*tergiverser*) со злодѣями, подобными Талейрану, Фуше и др. Какая пестрота въ этомъ министерствѣ! Фуше и герцогъ де Ришелье!“ Но насколько понималъ самъ Кристинъ современное политическое положеніе Европы, видно изъ слѣдующихъ его словъ: „Я убѣжденъ, что если бы Людовикъ XVIII былъ вполнѣ роялистомъ, твердымъ въ своихъ принципахъ, а не дрожащимъ конституціоналистомъ, преданнымъ либеральнымъ идеямъ, которыя погубили Европу и питаютъ сердце короля въ теченіе 30

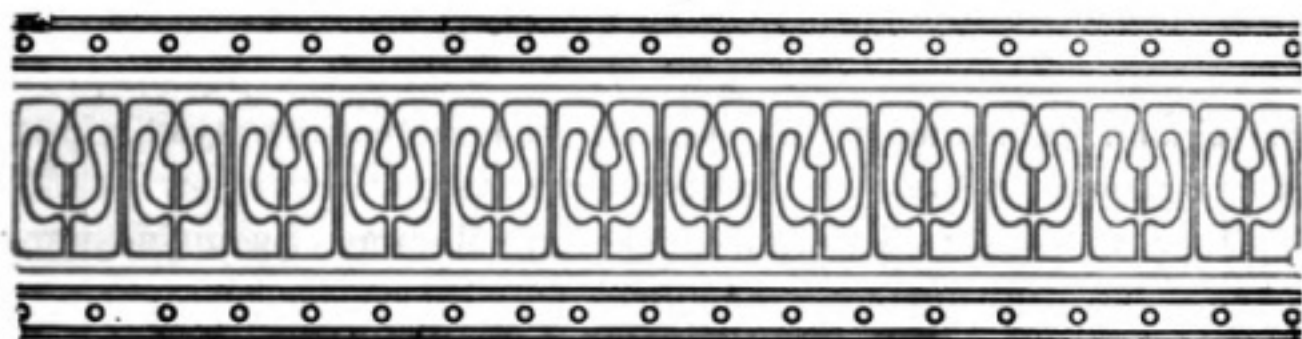
лѣтъ, онъ могъ бы возстановить порядокъ во Франціи, но чего можно ожидать отъ человѣка, который, достигнувъ трона, признаетъ и исполняетъ законы самыхъ ужасныхъ временъ революціи“.

Разочаровавшись въ Бурбонахъ, Кристинъ началъ думать о будущности Россіи и орудіемъ своихъ плановъ желалъ сдѣлать Туркестанову. „Рискую навлечь на себя вашъ гнѣвъ, писалъ онъ ей, скажу вамъ, что нахожу въ васъ необычайное сходство съ м-ше Ментенонъ. Она безспорно имѣла тѣ же свойства, которыя отличаютъ и васъ, и они составили ея счастье. При тѣхъ же обстоятельствахъ вы могли бы занять ея мѣсто. Будучи женою Скаррона, вы свои заботы посвятили мужу-паралитику, а вашъ домъ сдѣлался бы центромъ, куда стремились вы всѣ, имѣющіе умъ и вкусъ. Вы блистали бы при воспитаніи принцевъ, потому вы обладаете даромъ воспитанія въ высочайшей степени. Находясь при супругѣ дофина, вы привлекли бы всѣ взгляды и сдѣлались бы внѣ страсти въ королевской семьѣ; вы очаровали бы короля и, достигнувъ величія, вы ни въ комъ не возбуждали бы зависти, потому что всѣмъ одолжены были бы только своимъ добродѣтелямъ и вашимъ чарамъ... Обстоятельства не поведутъ васъ такъ далеко, но вашъ образъ жизни, ваше поведеніе, обезпечатъ вамъ въ концѣ концовъ извѣстное и почетное положеніе. Нельзя оставаться всю жизнь фрейлиной; можно жить при дворѣ и наслаждаться его удовольствіями при другихъ условіяхъ, менѣе стѣснительныхъ и подъ другимъ титломъ. Вотъ чего желаю вамъ я отъ всей души, и я считаю, что вѣроятность исполненія моего желанія заключается во всеобщемъ расположеніи, которое нечувствительно вы пріобрѣли въ вашемъ чудномъ поведеніи, въ вашемъ чувствѣ мѣры, которая есть верхъ мудрости“.

Когда Кристинъ писалъ эти строки, Туркестановой исполнилось 40 лѣтъ.

Е. С. Шумигорскій.

Старообрядцы и Наполеонъ.

I.

Очень популярно мнѣніе, что старообрядцы Преображенскаго кладбища въ 1812 году измѣнили Россію и перешли на сторону Наполеона. Многие по невѣжеству своему смѣшиваютъ Преображенское кладбище съ другимъ кладбищемъ — Рогожскимъ и измѣну приписываютъ этому послѣднему. Такъ, во время бородинскихъ торжествъ въ Москвѣ была выпущена какимъ-то предпринимателемъ грубая, безграмотная открытка, на которой изображенъ Наполеонъ съ маршалами, принимающій изъ рукъ трехъ колѣнопреклоненныхъ старообрядцевъ хлѣбъ-соль. Вдали въ воротахъ стоитъ толпа съ хоругвями, впереди которой почему-то монахъ въ клобукѣ. Подпись такая:

„Депутація старообрядцевъ Рогожскаго кладбища къ Наполеону. Старообрядцы Рогожскаго кладбища съ почетомъ встрѣтили Наполеона, поднесли ему хлѣбъ-соль и выпросили у него разныя льготы“.

Рогожане обратили на эту поддѣлку вниманіе московской администраціи. Градоначальникъ заставилъ предпринимателя измѣнить подпись. Тотъ вмѣсто „Рогожскаго“ написалъ „Преображенскаго“.

Разсказъ объ измѣнѣ старообрядцевъ Θεодосѣевскаго согласія передается въ такой формѣ. У меня въ рукахъ брошюра неизвѣстнаго автора, выпущенная въ Москвѣ въ 1901 году подъ заглавіемъ: „Преображенское кладбище и его прошлое“. Здѣсь собраны въ одно цѣлое всѣ варіаціи на тему объ измѣ-

были станки для печатанія фальшивыхъ русскихъ ассигнацій. Когда къ стѣнамъ кладбища подходили мародерствующія французскія войска, жандармы не пускали ихъ и указывали на охраняемыя наполеоновскіе листы. Тѣ уходили. Когда Наполеонъ убѣгалъ изъ Москвы, за его разбитой арміей ѣхала стая распутныхъ женщинъ и нѣсколько еедосѣвовокъ — безбрачницъ, сбѣжавшихъ съ кладбища.

Этотъ рассказъ варьировался въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, впадая подчасъ въ противорѣчія и допуская неясности. Такъ, нѣкоторые источники соединяютъ измѣну 1812 г. съ именами тѣхъ старообрядческихъ наставниковъ, которые, какъ говоритъ даже сама цитированная нами брошюра, не были въ это время въ Москвѣ. Въ самой брошюрѣ зияетъ огромная брешь: сообщается о развратѣ французскихъ жандармовъ, охранявшихъ кладбище, съ старообрядками, а между тѣмъ сообщается, что всѣ молодыя женщины и дѣвушки были вывезены изъ Москвы въ село Ивановское. Но дѣло теперь не въ подробностяхъ и не въ противорѣчіяхъ, которыя, конечно, могли бы найти себѣ оправданіе. Сейчасъ, черезъ 100 лѣтъ, выясняется, что вообще никакой измѣны старообрядцы не совершали. Присутствіе караула изъ французскихъ солдатъ, дѣйствительно стоявшаго на кладбищѣ, объясняется самымъ естественнымъ образомъ.

II.

Старообрядецъ еедосѣвскаго согласія Г. Е. Смирновъ передалъ въ наше распоряженіе написанную полу-уставомъ пожелтѣвшую отъ времени рукопись письма отъ 23 ноября 1814 года нѣкоего Ивана Маркова, жившаго въ то время на Преображенскомъ кладбищѣ. Къ этому Маркову отъ провинціальнаго старообрядца Степана Ѳедоровича поступилъ запросъ, какимъ чудомъ уцѣлѣлъ преображенскій богадѣленный домъ отъ французскаго нашествія. Марковъ приводитъ въ отвѣтъ на запросъ рассказъ, продиктованный ему „отцомъ Тимоѣемъ Емельянычемъ“, который „сіе плачевное время пребывалъ во обители неотступно“. Вотъ это письмо въ подлинномъ видѣ.

Милостивый государь мой, батюшко
Стефанъ Федоровичъ!

„При всякомъ благополучіи желаю вамъ душевнаго спасенія и тѣлеснаго благопребыванія на многія лѣта и о Христѣ радоваться.

Почтеннѣйшее ваше рукописаніе къ нашей худости получено во всякомъ благополучіи и содержаніе онаго разсмотрѣно съ потщаніемъ елика смыслу нашего достизаетъ, въ которомъ находится прошеніе ваше о несчастномъ случаѣ, послѣдовавшемъ отъ французскаго бонопарта въ царствующемъ градѣ Москвѣ преображенскому богадѣльному дому и въ ономъ о Христѣ живущимъ братіямъ и сіе азъ недостойный надолзѣ разсуждахъ своимъ скудоуміемъ, яко грубъ и невѣжда есть, какъ могу коснуться сего великаго страха и трепета, о которомъ хотя кто и коротко извѣстенъ, но сказываютъ умеренно (а кто ничего не знаетъ, тотъ болтаетъ слишкомъ) и находясь въ такомъ безпокойствіи принужденъ бысть прибѣгнуть къ вѣрной оказіи къ Отцу Тимоею Емельяновичу, которой любопытный сей и вѣрный мужъ и сіе плачевное время пребывалъ въ обители не отступно и похвалы достойный, что не преминулъ о бошемъ происхожденіи и письменно изъяснить и на словахъ разсказываетъ безвсякаго пристрастія и несожженной совѣстью въ такомъ случаѣ по просьбѣ нашей и не преминулъ удовольствоваться мѣня своимъ повѣствованіемъ, елико словеснымъ, коими паче своимъ собственнымъ рукописаніемъ, съ котораго при семъ письмѣ и прилагается вѣрная копія безъ всякаго изъятія слово въ слово“.

Исторія объ шествіи Наполеона въ царствующій градъ Москву и како въ сіе время сохранилась христіанская обитель Преображенія — богадѣльный домъ.

Въ лѣто отъ міросозданія 7320-го мѣсяца сентября 2-го дня, Божіимъ попущеніемъ предалъ Господь грѣхъ ради нашихъ царствующій градъ Москву въ руки злочестивому врагу французскому Наполеону Бонапарте. И по вшествіи своемъ въ Москву въ 5 число, то-есть въ четвертокъ въ 10 часу по утру, приходили три француза, и усиливались крѣпко въ переднія ворота на дворъ, но однако милостію Божіею и Пресвятыя Его Матери и святыхъ отецъ молитвами въ то время сохранены были даже и до третьяго часа пополудни тогожъ дня. И потомъ пріѣхалъ къ намъ французскій адъютантъ со двумя своимъ солдатомъ къ симже вратамъ. И у воротъ постоялъ. На дворъ посмотрѣлъ, а ничего не спросилъ, и тако поѣхалъ отъ насъ въ Матросскую богадѣльню, а тамо взялъ съ собою семь

человѣкъ французскихъ солдатъ, и переводчика, нашего русскаго, знающаго французскій языкъ. И они были всѣ воору- женныя конныя, и пріѣхали къ самымъ воротамъ, и стали чрезъ переводчика насъ спрашивать: что тутъ живутъ за люди? Тогда мы собравшись все престарѣлыя, слѣпыя и хромые и убогія, и вся больничная братія, — возмутились и вострепетали въ отчаяніи своея жизни, не знали, что намъ будетъ, какое отъ Бога милосердіе, или за наши грѣхи наказаніе, и стали имъ отвѣчать черезъ того переводчика, что здѣсь жительство московскаго общества купецкая богадѣльня для престарѣлыхъ и больныхъ и убогихъ мужеской дворъ, а другой также для престарѣлыхъ старухъ женской дворъ. Маеръ выслушавъ отъ насъ такой отвѣтъ чрезъ переводчика, и сказалъ: „я желаю здѣсь имѣть квартиру, и при себѣ имѣть караульныхъ, кои будутъ сохранять сіе мѣсто отъ нашихъ праздношатающихся французовъ. Только есть ли у васъ сѣно, овесъ, вино и пиво, или водка, говядина, куры, яйца, коровье масло, творогъ и прочіе сѣстные припасы?“. На сіе мы отвѣчали, что квартера для васъ будетъ опорожнена и справлена, а вина, пива и водки у насъ не имѣется, а сѣстныхъ припасовъ, что есть у насъ, то и сказали всю правду, а чего нѣтъ, того и не сказывали.

А о вѣрѣ и исповѣданіи и согласіи никакого ни спросу, ни истязанія не было. И потомъ отворили наши ворота, и въѣхали на дворъ всѣ и спросили, что гдѣ у васъ конюшня? И поставили своихъ коней и сами стали по двору расхаживать, и потомъ спросилъ: много ли у васъ коровъ? Мы сказали тридцать. И говорить: мнѣ потребно пять коровъ, которые бы молока не доятъ. Еще дайте масла и творогу и куръ, яицъ, муки и прочихъ сѣстныхъ припасовъ. И тако все оное ему исполнено безотговорочно. Получа онъ сіе, отъ насъ въ то время и отъѣхалъ, а караульныхъ при нашемъ мѣстѣ оставилъ. И стояли у насъ честно и обидъ никому ничего не творили. Пили и ѣли все наше братское, что когда случится. Большихъ припасовъ не спрашивали и каждой день смѣнялись: то тѣ, то другіе.

И тако сохранилась наша обитель до десятаго дня сохранно, и никакихъ наѣздовъ и страховъ не было. И потомъ восьмомъ часу поутра пріѣхали французовъ вооруженныхъ конныхъ человѣкъ до пятидесять или болѣе. И стали усильствомъ и разбоемъ коровій дворъ разбивать. И всякими мѣрами въ него влѣсть, что одному и удалось чрезъ ворота перелѣсть. И ворота отперъ и отворилъ и всѣхъ оныхъ на дворъ впустилъ.

Что увидя стоящія у насъ караульныя солдаты и переводчикъ, и нашъ хозяинъ Алексѣй Никифоровичъ. Подошедъ къ нимъ стали отъ разоренія защищать, отъ чего и сдѣлалась между оными французами и нашими караульными и переводчикомъ не малая штурма и споръ, даже до обнаженія саблей.

Мы же вышедши за ворота стоимъ и глядимъ на нихъ. А что дѣлать не знаемъ, токмо воздѣвши руцѣ со умиленіемъ и со слезами призываемъ въ помощь всемогущаго Бога Господа нашего Іисуса Христа и Пречистую Его Матерь, Владычицу нашу Богородицу и Присно Дѣву Марію, крѣпкую помощницу и заступницу и всѣхъ Святыхъ. И тако неизреченною милостию Божіею и щедротами, караульныя наши и переводчикъ, по многомъ разглагольствіи, свирѣпство ихъ преодолѣли и отъ расхищенія и разбою защитили. И они отѣхали всѣ прочь безо всякаго намъ огорченія. Сіе видѣвши наши караульныя тотже часъ послали съ рапортомъ о случившемся нападеніи къ своему коменданту. О чемъ вскорѣ на другой же день отъ него и присланъ оной предиреченный маеръ. И привезъ съ собою указъ, писанной на французскомъ языкѣ, которой и прибитъ былъ на воротахъ коровьяго двора. Къ тому уже смотря на оной, не смѣлъ никто прикоснуться. И потомъ остался у насъ вобители самъ стоять на квартирѣ, и занималъ покой въ конторѣ, пять дней никуда не выѣзжалъ. Проживалъ весьма спокойно, никакихъ обидъ намъ не чинилъ. И продолжалось все оное время покровительствомъ Божіимъ до седьмого на десять числа. И по семъ собравшись отъ насъ ноцію въ 12-мъ часу съѣхалъ. На отѣздѣ намъ сказалъ послѣднее слово: „Прощайте, мнѣ съ вами вѣкъ не видаться“. И все оное было говорено чрезъ переводчика, и отъ него намъ дано знать. И потомъ спустя послѣ его отѣзда два дня, пріѣхали къ намъ французскіе начальники, комендантъ и губернаторъ и протчіе ихъ чиновники съ командою солдатъ осматривать наше жительство и все наше состоящееся въ немъ имѣніе. И взѣхали прямо на дворъ и стали по двору ходить и смотрѣть, а намъ ничего неизвѣстно, какое ихъ намѣреніе, и что съ нами хотятъ дѣлать. Только на нихъ смотримъ съ великимъ страхомъ и трепетомъ.

Во-первыхъ, взошли въ келію отца Сергѣя Яковлевича, потомъ къ Тимоѣю Емельновичу. И вездѣ смотрятъ и оглядываютъ, какъ въ кельяхъ, такъ и подъ кельями, а чего ищутъ, намъ неизвѣстно. И потомъ пошли смотрѣть въ амбаръ, гдѣ у насъ мука лежитъ, и въ кладовую и въ свѣчную восковую

избу и въ хлѣбную. И все оное осмотрѣли и съ великимъ потщаніемъ и прилежаніемъ. А мы собравшись, издали только ходимъ за ними и смотримъ, что будетъ. Потомъ взошли въ больницу, и въ то время случилось у насъ стоять надъ умершимъ погребеніе, и на могилы понесли съ пѣніемъ Святый Боже. И они все оное видѣли, а намъ никакого слова не сказали. И съ мужескаго двора прямо пошли на женскій дворъ. И тамо вездѣ осмотрѣли. Вошедши въ одну кладовую и увидѣли, что въ ней стоятъ убогихъ старухъ сундучки и коробки, сумки и разныя узелки. И вышедъ вонъ стали между собою говорить, что это не добрѣ. И по семъ пошли въ моленную на ворота. И тогда случилось въ самую вечерню, и смотрѣли они на святые иконы, и чинъ церковный съ великимъ прилежаніемъ, и главами своими зыбали. И тако возвратились назадъ и между собою разговаривали на своемъ языкѣ, что это добрѣ. Это шпиталь. Намъ же только оное и разумное, а прочее, что разговариваютъ, неизвѣстно. Только сказали переводчику: мы сюда пріѣхали за тѣмъ, что русскіе обыватели доказываютъ, что здѣсь хранится множество имѣнія московскихъ купцовъ и здѣшняго хозяина напитковъ и протчаго на многіе милліоны. А это, что нами у нихъ осмотрѣно, то имъ и самимъ ѣсть будетъ мало, и не на долгое время. А отъ нашего императора приказу нѣтъ разворять больницы и всѣ убогія мѣста. И съ тѣмъ поѣхали отъ насъ, а караульные остались у насъ. И приказали имъ накрѣпко соблюдать наше мѣсто отъ всякихъ праздношатающихся солдатъ и никого не пущать. И тако они по приказу своихъ начальниковъ и сохраняли насъ съ великимъ прилежаніемъ. А стояли не все одни, но перемѣнялись на каждый день,—то тѣ, то другіе.

И продолжалось это время октября по 10-е число и потомъ вдругъ сдѣлалось въ Москвѣ страшное землетрясеніе отъ порохового взорванія. И отъ несчастнаго сего приключенія и ужаснаго удара разрушилась Ивановская колокольня, Алексѣевская башня, чахаусъ, Никольскія ворота и городская стѣна въ двухъ мѣстахъ, на что и смотрѣть было страшно. Такожде и по близости того мѣста многіе палаты претерпѣли поврежденіе, а въ рѣдкомъ окнѣ остались цѣлыя рамы и стекла. И это было нощію, часу во второмъ за полночь. И мы въ то время стояли полунощницу, и у насъ отъ того трясенія многія иконы съ мѣстъ попадали, и вдругъ сдѣлался изъ пушки ужасный выстрѣлъ. И бысть въ Москвѣ великой шумъ трубнаго гудѣнія два дня и двѣ ночи непрестанно. И наши караульные, ни

мѣшкавъ ни малаго часу въ полнощъ отъ насъ собрались, ушли. И тако неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ освободися царствующій градъ Москва отъ ига французскаго, октября въ 12 день. До здѣ изъ списка отца Тимоѳея Емельяныча.

Впротчемъ, милостивый государь, батюшко, Стефанъ Ѳеодорычъ, прошу извинить, кромѣ сего истиннаго свидѣтельства изобрѣсть болѣе не могу. А если вамъ угодно обо всемъ знать коротко, то объ ономъ печатаются вновь гражданскія книжки, а именно журналъ наполеоновыхъ знаменитыхъ дѣлъ въ 4-хъ частяхъ, цѣна 8 рублей, и прочихъ еще множество. А отъ наслышанія увѣриться очень сумнительно,—во-первыхъ, наши русскіе ихъ языку незнающіе. Отъ того дѣло происходило очень темно, да притому же и Наполеонъ себя сохранялъ въ великой опасности и строгости, такъ что и свои его видѣть могли и знать немногіе, а прочіе его и вовсе не видали.

И сему вы изволите удивляться, что наша христіанская обитель цѣла сохранилась. Во-первыхъ, Богу было угодно такъ. Другое дѣло сія вѣрность безъ всякаго сомнѣнія, что отъ Наполеона былъ приказъ строгой отнюдь не разорять больницъ, ни богадѣленъ и всякаго общественнаго убогаго мѣста. Таковымъ образомъ сохранилась наша обитель, цѣла осталась Матрѣсская богадѣльня, цѣла осталась у Сухаревой башни Шереметьевская больница, цѣла осталась у Калужскихъ воротъ Голицынская больница, цѣла осталась вошпиталь Лафертовская и прочіе убогіе мѣста.

При семъ покорно васъ прошу меня извинить, что такъ долгое время происходило извѣстіе до васъ не послано затѣмъ, что при нашемъ мѣстѣ не скоро узнать можно путешественника въ наше селеніе. Остаюсь во услугахъ вашихъ покорнымъ слугою навсегда“.

23 Ноября 1814 года, гор. Москва.

Иванъ Марковъ.

Такимъ образомъ, въ правдивомъ разсказѣ Тимоѳея Емельяновича устанавливаются опредѣленно такіе факты: ни Наполеонъ, ни Мюратъ на кладбищѣ не были. Караулъ былъ поставленъ не 2 сентября, а 5 и безъ всякой просьбы со стороны преображенцевъ, а потому, что кладбище не было оставлено жителями. Опредѣленнаго отряда здѣсь не было, караульные солдаты смѣнялись ежедневно и находились въ вѣдѣніи начальника караула, стоявшаго въ Матросской богадѣльнѣ. 17-го сентября было нападеніе на коровій дворъ кладбища со стороны французскихъ

солдатъ; расхищеніе было предотвращено. На воротахъ двора былъ вывѣшенъ на французскомъ языкѣ приказъ, запрещающій нападенія. На кладбищѣ поселился самъ маіоръ. Однажды на кладбищѣ были французскіе комендантъ и губернаторъ. Они получили доносъ, что здѣсь хранятся большіе капиталы и огромные запасы пищевыхъ продуктовъ и вина. Были осмотрѣны кладовыя и погреба. Съѣстныхъ запасовъ оказалось немного.

Иванъ Марковъ передаетъ, что отъ Наполеона былъ строгій приказъ не разорять больницъ и богадѣленъ. Этимъ объясняется, что вмѣстѣ съ преображенскимъ богадѣльнымъ домомъ были сохранены: православная Матросская богадѣльня, Шереметьевская и Голицынская больницы и Лефортовскій госпиталь. Въ Екатерининской Императорской, у Матросскаго моста, богадѣльнѣ стоялъ такъ же, какъ и на Преображенскомъ кладбищѣ, караулъ французскихъ войскъ. Несомнѣнно, такіе же караулы стояли и во всѣхъ другихъ больницахъ и богадѣльняхъ.

Такимъ образомъ, найденная рукопись снимаетъ съ старообрядцевъ,—которые, кстати сказать, всегда были вѣрнопопдан-ными,—темное пятно измѣны. Но не одна эта рукопись уничтожаетъ обвиненіе въ измѣнѣ. Существуютъ цѣлый рядъ другихъ яркихъ доказательствъ. Съ этими доказательствами необходимо познакомиться, чтобы оцѣнить по достоинству приведенный въ анонимной полемической брошюрѣ рассказъ о предательствѣ старообрядцевъ.

III.

Намъ приходилось бесѣдовать съ стариками-старообрядцами, которые слышали о двѣнадцатомъ годѣ отъ своихъ отцовъ и дѣдовъ. Никто изъ нихъ не передавалъ о томъ, что ихъ предки перешли на сторону Наполеона. Даже намекъ на это нѣтъ въ ихъ правдивыхъ разсказахъ. Если бы измѣна была—она бы дошла до насъ въ тѣхъ или другихъ очертаніяхъ. Старики разсказываютъ близко къ разсказу Тимоея Емельяновича. И ихъ рассказъ такой же правдоподобный и естественный, какъ и рассказъ этого очевидца.

Отъ того времени осталось только одно указаніе на какое-то искательство старообрядцевъ передъ Наполеономъ. Это письмо московскаго генералъ-губернатора, графа Растопчина. Въ то время, какъ Наполеонъ былъ въ Москвѣ, графъ доносилъ Императору Александру I, изъ Владиміра, отъ 1 октября: „Раскольники ищутъ его (т.-е. Наполеона) покровительства и по-

лучили предписаніе предоставить свои дома французамъ“. Но все говоритъ за то, что графъ передавалъ слухъ, пущенный по вѣтру; кто-нибудь видѣлъ караулъ, приставленный къ Преображенскому кладбищу, и подумалъ, что старообрядцы передались французамъ. А придумавши такъ, донесъ графу Растопчину. Этому могъ повѣрить московскій генералъ-губернаторъ, такъ какъ зналъ, что старообрядцы имѣли основаніе быть недовольными русскимъ правительствомъ за религіозныя гоненія и преслѣдованія. Но характерно, что онъ говоритъ только въ общей фразѣ: „раскольники ищутъ покровительства“, не упоминая ни о быкѣ съ раззолоченными рогами, ни о блюдѣ червонцевъ, ни о посѣщеніи Наполеономъ кладбища. Но что больше всего увѣряетъ насъ въ томъ, что доносъ графа Растопчина былъ основанъ на ложныхъ слухахъ, это—отсутствіе суда надъ старообрядцами послѣ ухода Наполеона изъ Россіи. Несомнѣнно, слухъ объ измѣнѣ старообрядцевъ былъ провѣренъ правительствомъ, въ частности, гр. Растопчинымъ—и оказался ложнымъ. Не возникло ни судебного дѣла, ни вообще какого-нибудь обвиненія. Просто—сплетню предали забвенію. И до 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія, никому не приходило въ голову ворошить эту сплетню и поднимать ее. Но въ концѣ 50-хъ годовъ она появилась, нашла себѣ защитниковъ и пропагандистовъ въ лицѣ противниковъ старообрядческаго исповѣданія, которыхъ всегда было очень много.

В. Сенатовъ, единовѣрецъ по религіозной принадлежности, и бывшій помощникъ В. М. Скворцова по редактированію „Колокола“,—тщательно изучилъ дѣло объ измѣнѣ въ 1812 г. старообрядцевъ и пришелъ къ выводу, что измѣны никакой не было. Я приведу его доказательства.

Легенда объ измѣнѣ была выдуманна, по всей вѣроятности, московскимъ единовѣрцемъ А. Сорокинымъ. Онъ былъ очень порочный человѣкъ вообще (былъ обвиненъ въ поддѣлкѣ документовъ, фальшивыхъ завѣщаній и т. п.), и къ Преображенскому кладбищу, какъ ренегатъ, относился особенно враждебно. Въ началѣ 60-хъ лѣтъ легенда эта впервые появилась въ печати, въ сборникѣ Кельсіева. Но здѣсь она находится въ сжатомъ видѣ. Наставники Семенъ Кузьмичъ и Пафнутій Леонтьевичъ нашли переводчика и изъявили покорность Наполеону и для охраны кладовой выпросили караулъ. Никакихъ другихъ подробностей тамъ нѣтъ. Черезъ два года въ статьѣ проф. Субботина легенда эта выросла въ подробный рассказъ какъ А. Никифоровъ съ другими старѣйшими измѣнили Россіи

Они явились къ Наполеону, признали его своимъ государемъ, поднесли ему тарелку съ червонцами и подвели быка съ раззолоченными рогами. Наполеонъ благосклонно принялъ дары, приказалъ охранять кладбище карауломъ. Вскорѣ онъ самъ въ сопровожденіи Мюрата былъ здѣсь. Его встрѣтили торжественно, какъ государя. Въ награду за такую покорность, Наполеонъ приказалъ перевести сюда станки для печатанія русскихъ ассигнацій, чѣмъ преображенцы воспользовались въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Позже эта легенда расширяется еще болѣе, уснащается новыми подробностями. Къ Наполеону преображенцы являются на Поклонной горѣ, во время проѣзда его около Охотнаго ряда, мимо бывшаго дома И. А. Ковылина, предъ нимъ становятся на колѣни въ грязи. Приводится текстъ вѣрно-подданическаго обращенія къ Наполеону. Объ его вступленіи въ Москву совершаются торжественныя молебствія, его имя постоянно поминается за всѣми богослуженіями. Во главѣ этихъ дѣятелей - измѣнниковъ ставятся Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ и Семенъ Кувшинъ. Жандармамъ были отданы молодыя женщины для плотскихъ удовольствій, поэтому въ послѣдствіи община увеличилась многими новыми молодыми членами, смѣшанной крови—русской и французской.

Комната, гдѣ стояли печатныя станки, стала почитаться святыней и ее показывали до 1846 года.

Въ официальныхъ документахъ нѣтъ никакихъ указаній на измѣну. Г. Васильевъ прослѣдилъ исторію Преображенскаго кладбища по документамъ, хранящимся въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Никакихъ слѣдовъ этой легенды онъ не нашелъ. Приводя въ „Христіанскомъ Читеніи“ (1887 г. декабрь) рассказъ объ измѣнѣ по статьѣ Субботина, онъ замѣчаетъ, что всѣ эти рассказы „не имѣютъ фактической достовѣрности“.

Въ 1816 году между важнѣйшими прихожанами кладбища возникъ раздоръ по вопросу о попечителяхъ. Раздоръ продолжался долго и сопровождался доносами другъ на друга. Нѣкій Осиповъ, между прочимъ, донесъ, что на кладбищѣ укрываются бѣглецы и въ томъ числѣ Сергій Семеновичъ Гнусинъ. Доносъ молкій, и правительство не придало ему никакого значенія. Является вопросъ, почему Осиповъ избралъ предметомъ своего доноса такое сомнительное обстоятельство, почему онъ не воспользовался для своей цѣли измѣною въ 1812 году? Очевидно, что объ этой измѣнѣ тогда, черезъ пять лѣтъ, ничего не было извѣстно какъ между постоянными жителями кладбища, такъ и между его прихожанами.

Въ 1817 году Императоръ Александръ I потребовалъ, чтобы ему были представлены свѣдѣнія о всѣхъ московскихъ монастыряхъ и церквахъ,—не было ли духовенствомъ учинено какой-либо измѣны въ 1812 г. Возникло слѣдственное дѣло. Если бы была какая-либо измѣна со стороны Преображенскаго кладбища, духовныя власти выставили бы его на первомъ мѣстѣ. Но кладбище не было даже задѣто этимъ слѣдствіемъ. Несомнѣнно, что о переходѣ кладбища на сторону Наполеона тогда не имѣлось даже никакихъ самыхъ слабыхъ подозрѣній. При малѣйшей подозрительности оно было бы привлечено къ отвѣтственности и потерпѣло бы тяжкую кару, такъ какъ въ то время правительство уже начинало смотрѣть подозрительно на старообрядцевъ.

Въ продолженіе 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ гг. почти не прекращались правительственныя разслѣдованія о кладбищѣ. Кончалось одно слѣдствіе, начиналось другое, или даже заразъ велось нѣсколько слѣдствій. Однако, не возникло никакихъ намековъ на измѣну въ 1812 году. Все это представляется болѣе чѣмъ понятнымъ и свидѣлствуетъ только о томъ, что объ измѣнѣ не было ни слуху, ни духу, что никому не приходило въ голову выставить такое существенное обвиненіе. Власти старались уличить кладбище во всевозможныхъ преступленіяхъ, но объ измѣнѣ не говорили ни слова. Въ 1844—47 г.г. за кладбищемъ былъ установленъ тщательный надзоръ, но опять объ измѣнѣ ни слова.

Въ 1850—54 г.г. о кладбищѣ велъ слѣдственное дѣло чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, Безакъ. Онъ тщательнѣйшимъ образомъ копался въ исторіи кладбища. Свѣдѣнія объ измѣнѣ для него явились бы кладомъ. Но и онъ не открылъ этого преступленія, такъ какъ его никогда не было. Тотъ самый „отецъ“ Пафнутій Леонтьевичъ, которому проф. Субботинъ приписываетъ руководство измѣной, былъ въ 50-хъ годахъ заключенъ Безакомъ въ острогъ, гдѣ и умеръ. Но Безакъ могъ обвинить его только въ устройствѣ монастыря безъ разрѣшенія. Надъ А. Никифоровымъ, остававшимся въ 1812 г. на кладбищѣ, тоже велось слѣдствіе въ 40-хъ годахъ, но измѣну не вѣрили ему въ вину, потому что ея не было. Кромѣ того, легенда объ измѣнѣ указываетъ какъ на руководителей—на Ѳ. А. Гучкова и Семена Кузьмича. Но въ актахъ Преображенскаго кладбища 1810—1812 г.г. нѣтъ указаній на ихъ общественную дѣятельность въ то время. И тотъ и другой были видными старообрядцами гораздо позже: — Семенъ Кузьмичъ въ

40-хъ годахъ, а Ѳедоръ Алексѣевичъ Гучковъ — въ 50-хъ. Кромѣ того, оба они въ послѣдствіи пострадали: Семенъ Кузьмичъ былъ сосланъ въ Полтаву, а Ѳ. А. Гучковъ—въ Петрозаводскъ. Но никто изъ нихъ не былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ 1812 года. Правительство съ чрезвычайною тщательностью отыскивало въ дѣятельности и жизни, именно этихъ лицъ, слѣдовъ преступленія и должно было ограничиться обвиненіемъ Пафнутія Леонтьевича въ устройствѣ и содержаніи монастыря безъ правительственнаго разрѣшенія, Ѳ. А. Гучкова въ управленіи капиталами Преображенскаго кладбища, безъ вѣдома московскихъ губернскихъ властей. Ясно, что въ 1854 г. не было никакихъ слѣдовъ объ измѣнѣ ими въ 1812 году. Такое обвиненіе было взывано на нихъ, только послѣ ихъ смерти.

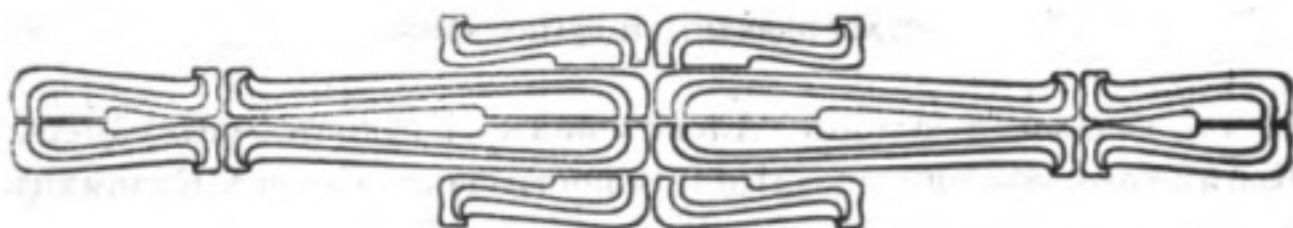
Въ легендѣ объ измѣнѣ фигурируетъ имя старообрядческаго писателя того времени—С. С. Гнусина. Но факты говорятъ и противъ этого обвиненія. Приблизительно чрезъ шесть лѣтъ послѣ 1812 года противъ него со стороны главарей кладбища, желавшихъ введенія брака и молитвы за царя, былъ доносъ, что онъ—бѣглый, проживаетъ подъ чужимъ именемъ и защищаетъ ученіе о недействительности невѣнчаннаго брака. Но объ измѣнѣ и они ни слова. Благодаря доносу, о Гнусинѣ велось обширное слѣдственное дѣло, его самого искали въ теченіе шести лѣтъ. Онъ былъ арестованъ въ монастырѣ тогдашняго виднаго дѣятеля Н. А. Папулина, въ г. Судиславль, 15 мая 1824 года и сосланъ въ заточеніе въ Соловецкій монастырь, гдѣ и умеръ 27-го іюня 1889 года. Во всѣ эти 15 лѣтъ слѣдственное дѣло объ немъ не прекращалось. Но обвиненія въ государственной измѣнѣ не было къ нему предъявлено.

Измѣны не было. Она выдумана...

Можно относиться какъ угодно къ старообрядческому вѣроисповѣданію, оспаривать вѣрованія старообрядцевъ и полемизировать съ ними, но обвинять ихъ въ тяжкомъ государственномъ преступленіи, въ какомъ они не виновны, не могутъ позволить полемисты, уважающіе себя и истину. Нужно снять съ старообрядцевъ тяжелое, незаслуженное обвиненіе и послать упрекъ ошибкамъ прошлаго времени...

А. Панкратовъ.

Изъ записокъ Н. В. Исакова.

1849. Назначеніе въ составъ чрезвычайнаго посольства генераль-адъютанта П. Х. Граббе въ Константинополь.

Авторъ настоящихъ записокъ Н. В. Исаковъ, родился въ 1821 г. и скончался въ 1891 г. Воспитаніе получилъ въ первомъ моск. кадетскомъ корпусѣ и въ 1839 г. былъ произведенъ въ прапорщики въ 12-ю конную батарею. Въ 1842 г. окончилъ курсъ император. военной академіи и затѣмъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба служилъ въ Петербургѣ, Варшавѣ, а съ 1846 года на Кавказѣ, гдѣ въ 1847 и 1848 гг. исполнялъ обязанности начальника полевого штаба въ Дагестанскомъ отрядѣ князя Аргутинскаго-Долгорукова. Посланный въ концѣ 1848 года намѣстникомъ Кавказскимъ княземъ Воронцовымъ съ донесеніемъ къ Императору Николаю Павловичу объ усмирении Сѣвернаго Дагестана, Н. В. былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ 1849 году Н. В. принималъ участіе въ Венгерской кампаніи, а засимъ въ Севастопольскую войну состоялъ начальникомъ штаба 6-го корпуса въ Крыму. Въ коронацію Императора Александра II Н. В. производится въ генераль-майоры съ зачисленіемъ въ свиту Его Величества. Послѣ кратковременнаго участія, въ качествѣ члена, въ занятіяхъ образованнаго въ 1858 году при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ для разсмотрѣнія губернскихъ проектовъ объ освобожденіи крестьянъ земскаго отдѣла, Н. В. былъ назначенъ въ январѣ 1859 года попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Тамъ Н. В. оставилъ по себѣ не только память, какъ о дѣйствительномъ покровителѣ просвѣщенія въ широкомъ смыслѣ этого слова, но и такіе памятники, какъ первые педагогическіе курсы для приготовленія учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, первая учительская семинарія для народныхъ учителей, Румянцевскій музей, имъ перевезенный изъ Петербурга, и Публичный, имъ основанный. Съ 1863—1881 гг. Н. В. былъ главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и совмѣстно съ графомъ Д. А. Милютинымъ произвелъ ихъ коренную реформу, имѣвшую столь громадное значеніе не только для нашей арміи, но и для русскаго просвѣщенія вообще. Въ то же время Н. В. создалъ педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній и музей прикладныхъ знаній (Соляной Городокъ) съ его аудиторіями для народныхъ чтеній. Московскій политехническій музей, явившійся, какъ резуль-

татъ бывшей въ Москвѣ въ 1872 году политехнической выставки, коей предсѣдателемъ былъ Н. В., обязанъ своимъ существованіемъ главнымъ образомъ инициативѣ и трудамъ Н. В.

Независимо отъ сего Н. В. принималъ самое близкое и дѣятельное участіе въ обществѣ Краснаго Креста, вынеся на себѣ въ 1877—78 гг. всю тяжесть организаціи помощи раненымъ въ турецкую войну, въ качествѣ предсѣдателя исполнительнѣйшей комиссіи общества. Точно также Н. В. пришлось внести и новыя мысли и сдѣлать рѣшительные шаги въ области общественнаго призрѣнія и частной благотворительности. Близко интересуясь этими вопросами, Н. В., какъ членъ совѣта Императорскаго человеколюбиваго общества, посвятилъ много труда приведенію въ порядокъ отдѣльныхъ частей этого крупнаго учрежденія. Имъ же положено начало изученію положенія и дѣятельности нашихъ благотворительныхъ учреждений и съ этой цѣлью изданъ имъ подъ его редакціей и непосредственнымъ наблюденіемъ „Сборникъ свѣдѣній о благотворительности въ Россіи и за границей“ въ семи томахъ. Получивъ возможность болѣе широко посвятить себя этой области, со времени назначенія своего членомъ Государственнаго Совѣта въ 1881 году, Н. В. былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ сотрудниковъ журнала „Дѣтская Помощь“, по словамъ редактора коего протоіерея Смирнова-Платонова „исключительно одному ему, Н. В., принадлежитъ у насъ починъ серьезной литературной обработки вопросовъ общественной благотворительности“.

Н. В. оставилъ послѣ себя записки, обнимающія почти всю его жизнь. Онѣ имѣются въ двухъ редакціяхъ—черновой и бѣловой. Первая, главнымъ образомъ въ той части, которая касается службы на Кавказѣ, въ свѣтъ Императора Николая I. въ Крымскую войну, составлялась вскорѣ послѣ описываемыхъ событій на основаніи записей въ памятныхъ книжкахъ; также сохранившихся. Вторая обрабатывалась впоследствии. Мы здѣсь печатаемъ пока часть записокъ, касающихся командировки его въ Константинополь въ составѣ посольства генералъ-адъютанта Граббе, затѣмъ и службы его на Кавказѣ.

1849 годъ засталъ меня въ Полтавѣ на рекрутскомъ наборѣ, на который тогда Государь разсылалъ своихъ флигель-адъютантовъ. Скудное, однообразное препровожденіе времени. Губернаторомъ былъ Ознобишинъ, вдовецъ, меланхоликъ, брюзгливый старикъ. При немъ племянница, старая дѣвица, привѣтливая, пріятная. У нихъ иногда обѣдали изрѣдка, бывали вечера. Въ городѣ ни малѣйшаго удобства, ни квартиры порядочной, ни гостиницы.

По возвращеніи въ Петербургъ, 20-го марта вечеромъ мнѣ принесли пакетъ отъ дежурнаго генерала Игнатьева. Дворъ собирался въ Москву на Пасху и на освященіе новаго дворца въ Кремлѣ. Со времени вѣнчанія наслѣдника, императорская фамилія тамъ не была, и въ мой проѣздъ черезъ Москву изъ Полтавы, я слышалъ и видѣлъ, какъ все готовилось къ приему;

дворецъ оканчивали въ подробностяхъ; общество ждало празднествъ, служащія наградъ, всѣ искренно желали видѣть царскую семью съ неподдѣльнымъ чувствомъ, русскимъ тогдашняго времени очень знакомымъ. Я предполагалъ, что, вѣроятно, и меня тоже назначать ѣхать въ Москву въ числѣ другихъ. Я очень этого желалъ; хотѣлось мнѣ видѣть Москву въ невидѣнной еще обстановкѣ, съ возможностью и все видѣть и всѣмъ воспользоваться. Было и желаніе видѣть тѣхъ, которые были давно симпатичны.

Я распечаталъ пакетъ. Въ бумагахъ значилось слѣдующее: „Государю Императору угодно, чтобы вы и флигель-адъютантъ Истомина сопровождали генералъ-адъютанта Граббе ¹⁾ въ Константинополь, куда онъ отправляется завтра“. Я уже свыкъся входить скоро въ новое положеніе, когда оно брало меня врасплохъ. Покориться здѣсь новому было не трудно. Опять востокъ, къ которому я чувствовалъ влеченіе. Новость дѣла и путешествіе въ Константинополь, предметъ давнишнихъ мечтаній вслѣдствіе рассказовъ Андрея Муравьева. За тѣмъ и порученіе не обыденное. Я тотчасъ же отправился къ Граббе тамъ встрѣтился съ товарищами путешествія Истоминымъ и Кочубеемъ. Не заставъ Граббе дома, поѣхали спросить дежурнаго генерала, онъ насъ отправилъ къ гр. Нессельроде. Надо же было отъ кого-нибудь узнать, хотя на сколько времени ѣдемъ и зачѣмъ и когда, чтобы сообразить, какъ приготовиться. Директоръ канцеляріи Нессельроде, Вестманъ, объяснилъ, что Граббе отправляется для разъясненія всѣхъ недоразумѣній, возникшихъ между Турціей и Россіей на счетъ занятія нашими войсками княжествъ Молдавіи и Валахіи.

Въ княжествахъ, состоявшихъ по Ункіаръ-Эскелесскому договору, подъ покровительствомъ Россіи и Порты, возникли безпорядки, въ чемъ господа были виноваты кругомъ. Россія двинула туда съ половины 1848 года 5-й корпусъ подъ начальствомъ генерала Лидерса, силою тысячъ въ 20, пригласивъ и Турцію сдѣлать то же самое. Генералъ Дюгамель (генеральнаго штаба) былъ назначенъ военнымъ агентомъ. Со стороны турокъ Омеръ-паша вступилъ съ 15 тыс. корпусомъ, имѣя Фуадъ-Эффенди, какъ агента. Все это не нравилось ни Англіи, ни Франціи, подозревавшимъ Россію въ особыхъ видахъ на княжества. Сэръ Страдфордъ Каннингъ, англійскій

¹⁾ Павелъ Христофоровичъ, впоследствии графъ и атаманъ войска Донского.

посолъ въ Константинополь, настоялъ на требованіи султана, чтобы Россія прекратила оккупацию княжествъ, говоря, что порядокъ уже водворенъ въ нихъ. У насъ не признавали ни водворенія порядка, такъ какъ господа не были еще назначены, ни согласнымъ съ достоинствомъ императорскаго кабинета уступить иностраннымъ вмѣшательствамъ, а самое главное намъ нуженъ былъ базисъ предстоящихъ дѣйствій въ Трансильваніи, такъ какъ оборотъ австрійскихъ дѣлъ уже вызывалъ насъ на помощь.

Инсургенты въ началѣ декабря 1848 года грозили нѣскольکو разъ въ Вѣнѣ; востаніе всего населенія, шеклеровъ въ Трансильваніи, и слабость силъ тамъ австрійцевъ грозила слить мятежъ съ недовольными партіями въ княжествахъ. Бемъ, полякъ, послѣ нѣсколькихъ успѣховъ, приближался съ мятежными венграми къ Германштадту. Австрійскій гарнизонъ просилъ помощи у нашихъ войскъ, стоявшихъ на границѣ. Г. Лидерсъ, слѣдуя инструкціямъ изъ Петербурга, двинулъ съ 5-ю батальонами флигель-адъютанта, полковника Скарятина, къ Германштадту. Не имѣя возможности, по малочисленности своей, защищать городъ, занявъ его, ни времени для образованія защиты изъ жителей, Скарятинъ выбралъ крѣпкую позицію впереди Германштадта и встрѣтилъ Бема, идущаго на городъ съ 8-ю тыс. войска.

Скарятинъ дрался отлично цѣлыя сутки и, уступая численности, отошелъ ночью черезъ городъ, не оставивъ ни одного колеса непріятелю. Потеря его была въ 180 человѣкъ.

Этимъ мы были уже втянуты въ войну австрійцевъ съ венгерцами, но, судя по послѣдствіямъ, видимо, что такое вмѣшательство уже было нами преднамѣчено.

Мы узнали отъ Вестмана, что поѣздка наша не продолжится болѣе 2 мѣсяцевъ, и что на дорогу выдадутъ по 500 червонцевъ. Граббе просилъ, чтобы ему назначили еще одного офицера. Ему предложили генерала Дайнези, родомъ и съ репутаціей хитраго грека, и графа Фрица Гейдена. Онъ выбралъ послѣдняго, и Государь сказалъ ему, что хорошо сдѣлалъ, прибавивъ, что онъ самъ намѣренъ взять Гейдена къ себѣ.

На другой день, въ 8 часовъ вечера, мы съ Истоминнымъ были у Государя въ кабинетѣ. Государь занимался вечеромъ внизу. У него была одна небольшая комната съ очень небольшою переднею, куда выходила его собственная круглая лѣстница сверху, насквозь всего дворца. Эта комната и до сихъ поръ осталась, какъ была при немъ, окнами на плацъ и на

набережную, на самомъ углу. Ему служилъ подъѣздомъ тотъ, который теперь на набережную выходитъ первымъ, гдѣ останавливались потомъ фельдмаршалы и разные принцы. Но чтобы изъ вестибюля пройти въ кабинетъ Государя, нужно было пройти длиннымъ корридормъ гардеробныхъ шкаповъ, принадлежавшихъ къ помещенію великой княгини Ольги Николаевны. Въ маленькой комнатѣ, передъ кабинетомъ, камердиръ запечатывалъ въ большіе пакеты бумаги и отдавалъ фельдъегерю для развоза министрамъ, когда мы вошли туда.

Насъ ввели въ кабинетъ Государя: — маленькая комната, направо стояла желѣзная походная кровать, покрытая шинелью, налѣво, на столикѣ, передъ зеркаломъ, фарфоровая чашка съ водой и головной щеткой въ ней, поперекъ — письменный столъ съ бумагами, на стѣнахъ небольшіе портреты. Вотъ все, что я успѣлъ замѣтить. Въ этой комнаткѣ тогда все дѣлалось и думалось для Россіи и многое для цѣлой Европы. Государь въ семеновскомъ сюртукѣ безъ эполетъ встрѣтилъ насъ слѣдующей рѣчью:

„Ну, извините меня, друзья мои, что васъ схватили врасплохъ, иначе нельзя было сдѣлать, нужно, чтобы вашъ пріѣздъ не знали заранее въ Константинополѣ. Вы поѣдете завтра; ты (обращаясь къ Истомину), когда Граббе найдетъ къ тому возможность и время, осмотришь Турецкій флотъ во всѣхъ его видахъ и отношеніяхъ и какія сдѣланы турками приготовленія къ войнѣ на морѣ, равно укрѣпленія Босфора; мѣста высадокъ на берегахъ Чернаго моря посмотрите вмѣстѣ. Ты же (обращаясь ко мнѣ) сдѣлаешь то же самое въ отношеніи сухопутныхъ войскъ, а чтобы ты имѣлъ случай видѣть, дѣлаются ли какія-нибудь движенія турецкихъ войскъ къ границамъ, изобличающія приготовленія ихъ къ войнѣ, я приказалъ Граббе отправить тебя курьеромъ изъ Константинополя сухимъ путемъ въ Бухарестъ по той дорогѣ, которая, по свѣдѣніямъ на мѣстѣ, будетъ признана имъ всего удобнѣе для этой цѣли. Все видѣнное ты расскажешь Лидерсу и пріѣдете оба ко мнѣ прямо въ Варшаву, гдѣ я буду около 12 мая. Будьте внимательны ко всѣмъ, если они заведутъ съ вами рѣчь о политическихъ событіяхъ, объясните имъ, что Государь, будучи центромъ власти, отвѣчаетъ самъ за все. Ведите себя какъ можно скромнѣе и осторожнѣе, чтобы не подать никакого подозрѣнія. Прощайте, Богъ съ вами. Смотри, не влюбись въ какую-нибудь турчанку, пріѣзжайте здоровыми“, съ этими словами онъ насъ обнялъ, поцѣловалъ и отпустилъ.

На другой день, 22, мы далеко уже были отъ Петербурга, когда нѣкоторые, болѣе посвященные, начали смутно говорить о нашемъ отъѣздѣ. Сначала въ кибиткахъ, на саняхъ, потомъ, ближе къ Кіеву, уже на колесахъ. Ледъ на Днѣпрѣ уже прошелъ, отчасти, и въ лунную, прекрасную ночь я переправился на дубахъ, въ виду лавры. Въ крѣпости было полночь, и большой лаврскій колоколъ звалъ къ вербной заутренѣ. Я вошелъ въ Успенскій соборъ — огроменъ, мраченъ и древенъ онъ мнѣ показался, какъ исторія его и города. Отрадно было помолиться въ сердцѣ Россіи о собственномъ сердцѣ „да будетъ созиждено оно чисто“.

Въ Одессѣ застали мы канунъ весны, воздухъ былъ уже теплый. Перемена эта была живительна, послѣ недавнихъ еще морозовъ и саней. Пароходъ „Владиміръ“ съ капитаномъ Аркасомъ уже пришелъ изъ Николаева, мы однако же пробыли нѣсколько дней въ ожиданіи Граббе. По первому впечатлѣнію самый городъ не удовлетворилъ моимъ ожиданіямъ. Правда, онъ смотритъ иностраннымъ, много внѣшней жизни и движенія, море составляетъ его лучшее украшеніе. Я зналъ гвардейскихъ офицеровъ, которые ѣздили въ Одессу въ отпускъ, какъ потомъ ѣздили за границу. Одесса привлекала своимъ портофранкомъ, но, нужно сказать, что пріѣзжему было плохо: гостиницы безъ всякаго комфорта, ресторанъ хорошій только у Оттона, въ магазинахъ, конечно, гораздо болѣе разнообразія и дешевизны, но большею частью вещи второстепеннаго достоинства.

Наше кратковременное пребываніе было встревожено печальнымъ событіемъ. Я жилъ съ графомъ Гейденомъ вмѣстѣ, сосѣдомъ былъ его родственникъ, Доппельмейеръ, ѣхавшій на Кавказъ на должность генералъ-интенданта. Образованный, очень порядочный человекъ, но больной, истощенный физически и нравственно разнаго рода горькими испытаніями, онъ колебался и страшился будущаго дѣла, мы его ободряли, знакомили съ Кавказомъ и лицами, съ которыми онъ встрѣтится тамъ, мы ихъ знали наизусть, но все это, кажется, помогало мало. Однажды утромъ рано насъ разбудили словами: „Доппельмейеръ застрѣлился“.

Бѣдный лежалъ на полу, отвернувъ рукою воротъ рубашки; черная точка виднѣлась прямо противъ сердца. На столѣ лежалъ клочекъ бумажки, на немъ карандашемъ написано: „Прошу довести Государю и военному министру, что никакихъ другихъ причинъ моей смерти нѣтъ, какъ совершенное исто-

щеніе силъ моральныхъ и физическихъ и полная безнадежность совѣстливо исполнить обязанность, на меня возложенную. Поручаю мою семью и дѣтей великодушію Государя“.

Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, къ вечеру, мы переѣхали на пароходъ; мнѣ едва удалось обнять старшаго брата, который тамъ служилъ у генераль-губернатора Федорова адъютантомъ. Пароходъ былъ подъ парами, а въ Одессѣ все освѣтилось и загудѣли колокола къ Свѣтлой заутренѣ, когда мы двинулись изъ порта. Мы были инкогнито, отвѣчали намъ, когда мы удивлялись выбранному часу отъѣзда. Мы стояли и смотрѣли на уходящій городъ. Намъ чудились толпы народа съ зажженными свѣчами и пасхальными яйцами.

Затѣмъ сошли къ матросамъ, гдѣ, прочитавъ молитвы, разговѣлись творогомъ и мясомъ и разошлись по каютамъ спать.

Я проснулся рано утромъ отъ непривычнаго шума и треска на пароходѣ—качка была очень сильная. Я едва успѣлъ одѣться и выскочить на палубу. День былъ прекрасный, но волны такъ поддавали, что непривычному нельзя было держаться. Я благополучно отсиѣлся и отлежался на палубѣ. Прелесть безбрежнаго моря, его цвѣтъ, брызги волнъ много имѣли привлекательности, но однако же не для всѣхъ. Все-таки мнѣ это давалось легче, нежели моимъ товарищамъ, разумѣется, кромѣ моряка Истомина. Съ нами ѣхалъ драгоманъ въ Константинопольскую миссію Тимофеевъ, и бѣдная его хорошенькая жена пролежала на палубѣ весь день больная. Къ вечеру стихло, и на другое утро, въ 8 часовъ, былъ уже виденъ входъ въ Босфоръ съ его сторожевыми замками на европейской и азіатской сторонахъ. Налѣво была видна большая песчаная отмель, Киллисъ, съ укрѣпленіемъ. Небо было ясно, солнце свѣтло, и мы на всѣхъ парахъ влетѣли въ проливъ.

Передъ нами стали появляться и быстро исчезать отдѣльные кіоски, загородные дома, укрѣпленія Босфора, грозныя на картахъ только, потомъ, стѣсняясь ближе, стали появляться цѣлыя селенія бѣлыхъ домовъ; все это было потоплено въ распутившейся зелени и глядѣлось въ Босфоръ, какъ въ зеркало. Быстрый переходъ отъ суроваго климата въ распутившуюся весну былъ дѣйствительно очарователенъ. Стали попадаться барки съ парусами, напоминавшія флотъ древнихъ грековъ, сначала отдѣльно, затѣмъ чаще и чаще, масса маленькихъ судовъ стояла у береговъ, куча покрытыхъ чадрами женщинъ перѣвѣжала съ берега на берегъ. Все было ново, красиво; это былъ востокъ, но иной, нежели нашъ угрюмый Кавказъ. На-

право указали Буюкъ-Дере, нашъ посольскій загородный домъ съ великолѣпными деревьями, затѣмъ, на высотахъ, развалины замка, откуда сталъ пятою исламизмъ надъ Византіей. Налѣво чуть видѣлось мѣсто, гдѣ поставленъ камень на память Ункіаръ-Эскелесскому договору Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, когда онъ стоялъ здѣсь въ 1838 г. лагеремъ для огражденія султана отъ Ибрагима-паши, грозившаго овладѣть Константинополемъ. Показался султанскій дворецъ Бегларъ-Бей, мѣсто пребыванія султана. Посольскій флагъ взвился на мачту. Пароходъ вадрогнулъ, посылая салютъ владѣтелю востока, а мы уже смотрѣли на Шираганъ, другой его дворецъ, когда послышался отвѣтный выстрѣлъ отъ недоумѣвающихъ турокъ непрошенному гостю. Мы стояли и смотрѣли во все глаза. Аркасъ предложилъ намъ шампанское за благополучный переѣздъ, мы обратились все къ подносу съ бакалами, въ эту минуту кто-то громко сказалъ: „Царьградъ“. Мы обернулись, передъ нами какая-то еще неясная картина, какъ будто покрытая желтымъ стекляннымъ куполомъ. Очертанія городскихъ строеній на высотахъ, амфитеатромъ, съ иглами въ воздухѣ отъ минаретовъ, тополей и кипарисовъ—этотъ общій видъ былъ восхитителенъ.

Пароходъ остановился, бросивъ якорь передъ входомъ въ Золотой Рогъ. Прямо противъ насъ Стамбулъ упирался угломъ Сераля въ Босфорскія волны и уходилъ за черту, обвиняемую глазомъ, своими куполами, фонтанами и иглами. Налѣво, амфитеатромъ, Скутари, между ними, черезъ шпиль одинокой Леонардовой башни, вдали,—масса воды—Мраморное море, Принцевы острова, а за ними возвышается чертою цѣпь высокихъ горъ, между которыми высится Олимпъ (Малоазіатскій). Направо Пера, на скатѣ горы, съ европейскими домами, внизу огромныя зданія верфи и арсенала, увѣнчанныя великолѣпнымъ дворцомъ русскаго посольства; около насъ входъ въ Золотой Рогъ, мосты, пароходы и тысячи судовъ и кайковъ, движеніе самое бойкое, костюмы самые живописные, лица самыя типичныя, загорѣлыя. Насъ тотчасъ окружили кайки, у меня глаза разбѣгались, какъ говорятъ яни: „ни въ сказкахъ сказать, ни перомъ описать“.

Во время нашего завтрака пріѣхалъ совѣтникъ нашей миссіи. Халчинскій, привѣтствовать дорогихъ гостей, которые не были по вкусу ни нашимъ, ни туркамъ. Нашимъ—потому, что турки, по наущеніямъ Каннинга, поддержаннаго французами, выбились изъ рукъ нашего посланника Титова и больше не слушались его, требовали вывода нашихъ войскъ изъ княжествъ, считая занятіе ихъ почти нарушеніемъ договора. Турки и послы дру-

гихъ державъ слишкомъ привыкли къ Титову, они его знали секретаремъ и совѣтникомъ посольства. Нужно было появленіе новаго лица и новый тонъ разговора и новыя требованія, не стѣсняясь прежнимъ ходомъ событій, изъ которыхъ Титову было уже мудрено выйти. Туркамъ—потому, что они понимали настоящій смыслъ ихъ отношеній къ Россіи и знали, что въ ихъ прямой выгодѣ не нарушать съ нею согласія, а потому теперь, предавшись англичанамъ, они съ безпокойствомъ встрѣтили нашъ флагъ на посольскомъ пароходѣ и не могли не спросить себя, не далеко ли они слишкомъ зашли, и не вспомнить, что русскіе штыки не за горами.

Мы отчалили отъ парохода въ его катерахъ при салютѣ и крикахъ „ура“ матросовъ на марсахъ. На пристани Топъ-Хане насъ ждали верховыя лошади, на которыхъ по кривымъ улицамъ, въ гору, добрались до дворца посольства. Титовъ насъ принялъ въ кабинетѣ очень вѣжливо, но сухо. Я замѣтилъ большую живость въ движеніяхъ, весьма моложавый видъ и вообще, какъ говоритъ Гоголь въ Ревизорѣ, „ничего внушающаго уваженія“. Конечно, я не думалъ себя подчинять моимъ первымъ впечатлѣніямъ. Всѣхъ поставили на ноги, чтобы устроить намъ помѣщеніе, а мы пока отправились на большую террасу, превратились всѣ въ глаза передъ величественной картиной Стамбула, надъ которымъ висѣла какая-то золотая мгла отъ солнечныхъ лучей.

Наконецъ размѣстились. Наружность дворца огромна, нѣсколько массивна, сравнительно съ архитектурою города, внутренность имѣетъ много большихъ красивыхъ залъ, но значительная часть служащихъ не живетъ въ домѣ, а въ частныхъ квартирахъ Перы, не имѣющей хорошихъ помѣщеній. Обѣдъ былъ довольно чопорный, еще не познакомились другъ съ другомъ. Жена Титова была привѣтлива, у нея проглядывали сѣдые волосы, но въ ея лицѣ было что-то очень милое и она понравилась намъ всѣмъ.

Собственно, наше чрезвычайное посольство состояло изъ чрезвычайнаго посла генералъ-адъютанта Павла Христофоровича Граббе, котораго я зналъ только по его военной репутаціи на Кавказѣ, онъ намъ представлялся олицетвореніемъ штурма Ахульго. Величавый, вѣжливый, мы предугадывали, что наши отношенія къ нему онъ легко сдѣлаетъ пріятными. Ему были приданы два офицера: я и Истоминъ для цѣлей, которыя намъ объяснилъ Государь при прощаніи. Константинъ Ивановичъ Истоминъ, капитанъ I ранга, былъ сдѣланъ флигель-адъютан-

томъ въ почетъ адмиралу Лазареву и Черноморскому флоту, былъ умный человѣкъ, съ твердымъ характеромъ, рѣзкостью капитана корабля и пріятнымъ собесѣдникомъ, когда не бранился. Кромѣ того былъ гр. Фрицъ Гейденъ, мой близкій товарищъ по Кавказу, и еще новый молодой человѣкъ, Николай Кочубей, сынъ Аркадія Вас. Кочубея, котораго отецъ спроводилъ нѣсколько провѣтриться вдали отъ общества нѣкоторыхъ дамъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ милый малый, но на свою роль дипломатическаго секретаря при Граббе смотрѣлъ, какъ обыкновенно смотрятъ молодые офицеры, вышедшіе только что изъ академіи на свои обязанности при генералахъ, т.-е. что они призваны поучать.

Наша постоянная миссія въ Константинополь, у которой мы были теперь въ гостяхъ, состояла изъ Владиміра Павловича Титова, который былъ въ ней совѣтникомъ при послѣ Бутеневѣ—оба были женаты на родныхъ сестрахъ, гр. Хребтовичъ. В. П. Титовъ былъ съ большими свѣдѣніями человѣкъ, много учившійся, любознательный до крайности и всѣмъ интересовавшійся. Про него впослѣдствіи говорилъ Тютчевъ: „Titoff se croit être appelé à faire l'inventaire de l'univers“ ¹⁾. Очень добрый и привѣтливый вмѣстѣ съ тѣмъ, но, казалось намъ, безъ авторитета. Жена его называла просто Титовъ и, кажется, не находила болѣе въ немъ никакой поэмѣ для удовлетворенія своихъ возвышенныхъ мечтаній.

Совѣтникомъ миссіи былъ Халчинскій, умный и хитрый малороссъ, ласковый, но съ большими претензіями на дипломатическій авторитетъ. Секретарями были: кн. Давыдъ Ѳедоровичъ Голицынъ; женатый на Вѣрѣ Столыпиной, милый человѣкъ, и кн. Павелъ Вяземскій, но о нихъ послѣ. Часовъ въ 9 вечера, послѣ обѣда, мы сошли въ помѣщеніе 3 секретаря — Френа. Онъ долго жилъ въ Персіи, говорилъ по-персидски и по-турецки. Вся его небольшая квартира была отдѣлана персидскими и китайскими вещами, европейскаго ничего не было. Намъ дали трубки и кальяны, растворили окна на Босфоръ и городъ. Ночь была безъ луны, но чрезвычайно звѣздная. Стамбулъ уже погасъ и затихъ. Пера освѣщена была восхитительно. Френъ былъ самый пріятный и интересный человѣкъ въ своихъ разсказахъ.

На другой день нужно осмотрѣться и начать визиты. Нельзя прежде всего не выйти на террасу дворца, съ которой панорама

¹⁾ Титовъ считаетъ себя призваннымъ сдѣлать инвентарь вселенной.

величественна. Трудно оторвать глаза. Затѣмъ спустились на обыкновенную прогулку жителей Перы—Grand champ des morts, огромное кладбище, засаженное кипарисами. Для грековъ это былъ 8 день Пасхи, для франковъ продолженіе Пасхальныхъ празднествъ. Въ кофейныхъ и около было множество народу, все это курило, пило кофе и ѣло мороженое. Плясали вездѣ: становились въ кругъ, клали руки на плечи другъ другу и всѣ вмѣстѣ качались, подымая нѣсколько ноги подъ звуки монотоннаго собственнаго пѣнія; кругъ разрывался, и крайніе махали пестрыми платками, воодушевляли пляску, въ сущности не интересную даже и тогда, когда къ пѣнію присоединялось что-то въ родѣ балалайки или грузинской зурны. Тутъ же по улицѣ встрѣчались безпрестанно простые вѣсы съ гириями: закутанныя женщины проходили, садились, имъ говорили ихъ вѣсы, и всякое прибавленіе его считалось новою красотою въ глазахъ мужа.

Зашли къ Голицынымъ и застали у княгини Вяземскаго, его жену и третью сестру дѣвушку. Это семейство Столыпинныхъ было составлено изъ красавцевъ. Кн. Вяземская, Марія Аркадіевна, была въ первомъ замужествѣ за Бекомъ и ее помѣщали во всѣ кипсеки за ея красоту. Она была холодная, но сердце у нея было прекрасное. Овдовѣвъ, она вышла за сына поэта князя Петра Андреевича Вяземскаго, Павла, извѣстнаго своимъ чудачествомъ и кутежами. Онъ былъ моложе своей жены и способенъ былъ, какъ только среда перемѣнялась, перемѣняться и самъ: онъ хорошо былъ образованъ и могъ заниматься серьезнымъ дѣломъ. Кн. Вѣра Голицына была милая женщина и красивая, но милѣе ихъ всѣхъ была третья, младшая, Екатерина, привлекательная дѣвушка, хотя не такъ правильно красивая, какъ сестры.

На слѣдующій день мы провожали Граббе въ его визитахъ къ турецкимъ министрамъ. Съ нимъ былъ Титовъ, кн. Ханджерли, первый драгоманъ, и кое-кто изъ миссіи. Фельдъегерь, данный Граббе, настоящее чучело по глупости, не оставлялъ насъ ни на минуту.

Мы были верхомъ на нашихъ лошадяхъ, какъ на извозчикахъ, такъ какъ въ Перѣ, ради узости и извилинъ улицъ, употребляются только верховыя лошади или носилки. Хозяева лошадей бѣжали за ними, подгоняя своихъ клячъ. Поѣздъ по европейскому кварталу не имѣлъ внушительности въ европейскомъ смыслѣ. Въ мундирахъ и въ каскахъ съ султанами мы

привлекали вниманіе не менѣе, какъ если бы по Петербургу прошли слоны.

Въѣзжая въ первый разъ въ самый городъ, мы приостановились на мосту, соединяющемъ Галату и Перу со Стамбуломъ, съ котораго былъ прекрасный видъ, и затѣмъ окунулись разомъ въ Азію: узкія улицы, грязь, толкотня, множество собакъ и вонь—все тутъ было на столичный размѣръ. Въ лавкахъ сидѣли турки, покуривая и не подымая глазъ на гяуровъ, шепча и перебирая янтарныя четки; они насъ не удостоивали вниманіемъ.

Намъ встрѣтилось по пути нѣсколько мечетей изъ бѣлаго мрамора, нѣсколько фонтановъ рѣзныхъ, украшенныхъ арабесками, цвѣтнымъ мраморомъ. Чрезвычайно красивые фонтаны, выстроенные большею частью по завѣщанію богатыхъ людей, льютъ живительную влагу въ прославленіе Магомета и стихи изъ корана красивою вязью служатъ украшеніемъ архитектурнымъ. Все, и кіоскъ фонтана, и прохладная струя, и арабески подъ тѣнью чинаръ и кипарисовъ такъ вводятъ васъ въ прелести Востока, что хочется передъ каждымъ остановиться и присѣсть, и невольно понимаешь апатію мусульманъ къ происходящему вокругъ.

Черезъ лабиринтъ базаровъ и маленькихъ переулковъ мы добрались до Великой Порты. Это огромное четырехугольное зданіе безъ всякаго признака восточной прелести, въ которомъ заключены всѣ министерства и всѣ управленія имперіи. Надъ воротами какое-то окно. Преданіе гласитъ, что въ прежнее время султаны для усмиренія бунтовъ выставляли въ немъ головы министровъ и пашей по требованію черни.

Мы въѣхали подъ самое зданіе, на малый дворъ, куча слугъ бросилась принять у насъ лошадей и по широкимъ ступенямъ и коридорамъ открылось наше шествіе къ апартаментамъ великаго визиря.

Въ коридорахъ толпы слугъ; одни несутъ кофейники, другіе жаровни, третьи—чубуки. Съ тѣхъ поръ, какъ служилое отказалось отъ прежняго восточнаго костюма, всѣ великіе и малые носятъ казакинъ на крючкахъ темнаго цвѣта, разноцвѣтныя панталоны и красную феску. Переходя изъ одной комнаты въ другую, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что Граббе уже начинаетъ насъ кому-то представлять. Отличіе в. визиря состояло только въ большемъ брилліантовомъ орденѣ Нишанъ-Ифшигара на шеѣ.

Большая зала, устланная коврами и кругомъ обставленная коврами диванами, нѣсколько креселъ. Только-что усѣлись,

въ дверяхъ явилась толпа слугъ съ чубуками и, какъ лучи изъ одной точки, разсѣялись по гостямъ съ замѣчательною точностью, всѣ одновременно поставили тазики на полъ, уперли въ нихъ трубки, обернулись, и каждый изъ насъ не двигаясь могъ прикоснуться къ янтарию, украшенному драгоценными камнями. Затѣмъ такое же новое явленіе слугъ, каждый держа маленькую чашечку на серебряномъ подносѣ, прикрывъ ее другою рукой. Каждый изъ насъ получилъ кофе въ одно и то же мгновеніе. Въ этомъ заключается хорошая обстановка приѣма. Затѣмъ мы увидѣли въ чашкахъ нѣсколько капель чернаго кофе безъ сахара, прихлебнули, выпустили раза три дымъ изъ чубуковъ и у насъ все это такъ же ловко отобрали. Въ этомъ кратковременномъ наслажденіи заключается этикетъ приѣма. Чѣмъ важнѣе лицо принимающее, тѣмъ короче время угощенія, какъ бы только актъ его мелькнетъ передъ нами. И кофе и табакъ были чрезвычайно ароматичны. Жалко, что такъ мало; в. визирь, Решидъ-паша, небольшого роста, лѣтъ 45, плотный мужчина, съ порядочной бородой, пріятной наружности. Онъ былъ посломъ въ Парижъ и въ Лондонъ и довольно хорошо объяснялся по-французски. Общее мнѣніе, которое мы черпали попутно отъ сопровождавшаго насъ второго драгомана, Черняева, называло его человѣкомъ съ большимъ умомъ, характеромъ, свѣдущимъ и любящимъ искренно славу своего отечества. Съ нимъ одновременно принималъ насъ тутъ же рейсъ-эффенди или министръ иностранныхъ дѣлъ, Али-паша, лѣтъ 35, маленькій, черненькій, съ жидовскою фizioноміей, быстро двигающимися глазами, говорятъ, умный и хитрый баринъ, долго жившій въ Парижѣ, одинъ изъ передовыхъ, съ идеями новыми, представителемъ коихъ въ Турціи былъ Фуадъ-Эффенди.

Мы оставили Граббе, Титова и Ханджерли для конференціи, а сами отправились осматривать Св. Софію. Видѣли и, полные изумленія, возвратились назадъ. Осмотрѣли въ самой Портѣ разныя залы совѣта и кабинетъ султана, гдѣ онъ черезъ окошко, сидя на тронѣ, слушаетъ великорѣчіе своихъ министровъ въ засѣданіяхъ совѣта. Все это довольно поистасканно, комнаты малы и не свѣтлыя, все похоже на наши старинныя барскія деревенскія хоромы, въ которыхъ лѣтъ 30 уже не живутъ.

Послѣ разнесенія карточекъ, на первомъ вечерѣ у нашего посланника насъ представили посламъ иностраннымъ. Англіійскій—сэръ Страдфортъ Каннингъ, высокій, худой старикъ, вполне англійскаго типа, большой неохотникъ до Россіи. Гово-

рятъ, кромѣ всѣхъ причинъ, здѣсь замѣшивались и личныя: когда-то Николай Павловичъ отказался принять его въ Петербургъ посломъ. Лэди Каннингъ безцвѣтная, и три дочери, дѣвушки, некрасивыя, но милыя. Французскій—дивизионный генералъ О-Пикъ смотрѣлъ генераломъ, не пускался въ интриги, но шелъ на буксирѣ у Каннинга. Австрійскій—гр. Штюмеръ, маленькій старичекъ, образованный, очень интересный. Онъ былъ делегатомъ отъ Австріи на островъ Св. Елены во время пребыванія тамъ Наполеона. Жена его, старушка, была воспитана въ семействѣ Камбасереса. Разказы его были любопытны. Прусскій—гр. Пурталесъ, красивый, еще молодой, вполне порядочный, жена его очень красивая.

У Титовыхъ были часто танцевальныя вечера, и мы наивно учили англійскихъ миссъ мазуркѣ. Въ особенности въ этомъ отличался Кочубей. Онъ былъ крайне неловки, но крайне азартно хотѣли выучиться. Поѣхали однажды въ ложу къ посланнику. Театръ—итальянская опера. Существованіе его считалось уже огромнымъ прогрессомъ. Давали „Цампу“. Оркестръ недуренъ, опера шла порядочно. Куча итальянцевъ и грековъ повсюду, всѣ въ фескахъ, въ ложахъ — посольства и негоціанты.

Всякаго рода удовольствія намъ предлагались: прогулки на пароходахъ посольскихъ, въ Мраморное море съ дамами. Великолѣпное море и прекрасныя Принцесы острова. Иногда верхомъ мы ѣздили для того, чтобы ознакомиться въ военномъ отношеніи, иногда для забавы. Однажды молодежь поѣхала на взморье, верстъ 30 верхомъ, кое-что изъ укрѣпленій мы могли тайкомъ срисовать, но за нами наблюдали. На берегу Босфора былъ очень хорошій французскій ресторанъ. Пока мы были за завтракомъ, разразилась гроза, когда возвращались въ каикахъ, то волна въ Босфорѣ разыгралась, а съ нею и дельфины на солнцѣ, безпрестанно подававшіе подъ каикъ, на силу доѣхали. Однажды, на азіатской сторонѣ наткнулись на арбу съ 4 женщинами. Возница ихъ и блюститель увелъ буйволотовъ ковать, а арбу спряталъ въ кусты. Мы нѣсколько сконфузились, а всѣ эти женщины сейчасъ же открыли лица и всѣ 4 были дурны. По близости зашли въ кофейную выпить мастики съ водой. Въ углу работалъ старый турокъ-чеботарь, слыша русскій говоръ: „не такъ-то у насъ въ матушкѣ Россіи“, вмѣшался онъ въ нашъ разговоръ, мы оглянулись, удивленные. Оказалось, что онъ солдатъ, оставшійся въ 1888 г. отъ отряда Муравьева, женившійся и принявшій исламъ.

„Нѣтъ, уже теперь поздно ворочаться“, сказалъ онъ со слезами на глазахъ на наше приглашеніе возвратиться.

Натурально заѣхали посмотрѣть на дервишей—*harlants* съ *tournants*:—безобразіе одно другого стоитъ; оборванные, грязныя животныя вертятся и кричатъ до безчувствія. Въ ежедневныхъ поѣздкахъ и прогулкахъ по городу любопытство было безпрестанно возбуждено: и лавки, и товары, и базары крытые, и аукціоны въ нихъ, и крикъ, и толкотня страшная, и кухня на улицѣ, и опущенные глаза нешевелиющихся турокъ съ вѣчнымъ кальяномъ или трубкою и янтарными четками. Много привлекательнаго было во всемъ этомъ. Базаръ, обыкновенная прогулка въ пятницу всѣхъ турецкихъ дамъ изъ гаремовъ; много каретъ, запряженныхъ быками или буйволами разукрашенными, въ сопровожденіи черныхъ отвратительныхъ евнуховъ, нѣсколько экипажей съ хорошею европейскою запряжкой. Множество мелкихъ и крупныхъ группъ подъ зеленью тополей и кипарисовъ были очень живописны. Бѣлыя чадры, которыми женщины закрыты, до тѣхъ поръ кажутся заколдованными, пока не потолкаешься хорошенько пѣшкомъ на базарахъ. Вблизи можно разглядѣть черты. Изъ простыхъ большая часть изъ нихъ распустившіяся въ своихъ желтыхъ балахонахъ, шальварахъ и желтыхъ бабушахъ—далеко не привлекательны; черты лица большія, рѣзкія, лицо немилосердно накрашено. За то, когда вдругъ изъ улицъ, на которыя выходятъ только глухія стѣны домовъ или закрытыя плотною рѣшеткою окна, выѣдешь въ предмѣстье армянское или греческое, Фанаръ,—всѣ окна настежь, въ окнахъ цвѣты и масса женскихъ лицъ, одно другого лучше.

Султану пришла идея возобновить мечеть въ Св. Софій. Архитекторъ, Фоссетти, взялся за это дѣло, и ему мы обязаны, что видѣли хорошо храмъ. Отмытая вѣковая штукатурка открыла великолѣпную византійскую мозаику. Мы видѣли надъ входными дверями огромной величины образъ Богородицы, по одну сторону которой представленъ во весь ростъ императоръ Константинъ, держащій въ рукѣ городъ, съ другой—императоръ Юстиніанъ, держащій на рукѣ храмъ. Отъ входа шло большое, высокое преддверіе храма въ видѣ галлерей. Потолокъ весь былъ изъ золотой мозаики и по ней кресты изъ той же, только новой; когда они были открыты, то были синяго цвѣта. Но ихъ замѣнили, а все-таки новая мозаика отличала; затѣмъ огромная храмина съ огромнѣйшимъ куполомъ, въ которомъ задѣланы были лики архангеловъ, а крылья оставлены, такъ

какъ для мусульманъ они ничего не выражали. На нашъ взглядъ снизу, это были тѣ же архангелы нашихъ храмовъ. Въ приставленной къ храму башнѣ, ходъ наверхъ былъ покатый, безъ лѣстницы, столь широкій, что можно въѣхать на колесницѣ прямо на хоры съ мраморной балюстрадой. Кругомъ церкви, на балюстрадѣ, во многихъ мѣстахъ еще остались вырѣзанныя греческія надписи. Все было огромно и величественно. Казалось бы, давно пора водрузить крестъ. Какое бы было служеніе православное въ такомъ храмѣ! Говорятъ, султанъ пожелалъ видѣть, когда штукатурка была снята, и будто бы сказалъ Фоссетти: „мусульмане не могутъ видѣть этого, а потому вновь закройте, но такъ, чтобы не испортилось“.

Насъ чествовали обѣдами у европейскихъ пословъ. Замѣчательно было только одно у англійскаго: на столѣ, передъ каждымъ, вмѣсто многочисленныхъ стакановъ и рюмокъ, стояла одна рюмка и кружка стеклянная съ водой; каждый разъ, какъ выпивалось вино, рюмка опрокидывалась въ кружку и вновь вынималась для наполненія. На обѣдѣ у пашей было другое дѣло. Паши живутъ всѣ въ своихъ домахъ на Босфорѣ круглый годъ и ежедневно ѣздить на службу въ Порту. Ничего нельзя себѣ представить разумнѣе этого. Домъ, на берегу Босфора, окруженный садомъ, возбуждаетъ зависть въ каждомъ европейцѣ. Экипажъ ихъ каикъ съ 6, 12 гребцами, длинный, узкій, быстрый, какъ стрѣла, красивый, какъ птица; когда онъ васъ обгоняетъ, такъ слышенъ свистъ отъ разрыва воздуха. Роскошь каиковъ такая же, какъ роскошь въ Европѣ на экипажи. Посольскіе каики тоже держатся на уровнѣ лучшихъ. Каикъ гораздо красивѣе венеціанскихъ гондолъ, настолько же, насколько Босфоръ красивѣе Венеціи.

Обѣды у пашей были въ европейскомъ стилѣ: по 30 кушаній и все, что должно быть горячимъ, подавалось холоднымъ, и наоборотъ, это было настоящее наказаніе. Вино пили изъ нихъ нѣкоторые только и то шампанское, другіе не пили. Затѣмъ уходили въ другую залу и тамъ настоящее угощеніе: трубки, кофе и табакъ и шербетъ—это было безукоризненно.

Когда насъ приглашали обѣдать къ пашамъ, мы отправлялись на пароходѣ и часто вмѣстѣ съ иностранными миссіями. Возвращались вечеромъ назадъ въ лунную ночь. Колеса парохода выгребали изъ волнъ чистое серебро, такъ въ проливѣ много фосфора; весла каиковъ, какъ лопатами, черпали металлъ. Однажды Каннингъ указалъ намъ одно мѣсто, очень

узкое, пролива, куда онъ часто весною, въ каикѣ ночью прѣзжалъ слушать пѣніе соловьевъ, одновременно слышное на европейскомъ и на азіатскомъ берегахъ—это сближеніе ему нравилось.

Но эти экскурсіи вмѣстѣ начались, когда мы уже сошлись; сначала было совсѣмъ не такъ. На обѣдъ къ в. визирю Каннингъ опоздалъ на цѣлые полчаса. Когда онъ пошелъ, Граббе, нѣсколько обиженный этою неучтивостью, такъ какъ обѣдъ давался въ его честь, громко сказалъ: *Probablement m-r l'ambassadeur aime les derniers fruits*¹⁾. А за обѣдомъ, когда нужно было пить тостъ за султана, это сдѣлалъ Каннингъ, какъ старшій изъ посланниковъ. Граббе воспользовался и, обратившись къ в. визирю, громко сказалъ: *laissons ces petits avantages à nos ennemis*²⁾.

Дѣла наши дипломатическія были счастливо направлены въ благопріятномъ для насъ смыслѣ. Турки согласились на всѣ предложенія Граббе, наши приготовленія были имъ извѣстны, англичане были далеко и потому уступки были понятны, такъ что все шло уже мирно, но лично для меня это было ущербъ въ томъ отношеніи, что моя поѣздка черезъ Адрианополь въ Бухарестъ дѣлалась ненужною.

Назначенъ былъ день смотра войскъ для насъ, мы прѣехали въ Порту. На большомъ дворѣ ея было выстроено два батальона съ 2 орудіями. Мы сѣли у окна и съ трубкой и шербетомъ смотрѣли на глупыя эволюціи и слушали безобразно шумную военную музыку.

Другой день назначенъ былъ для представленія султану. Надѣли пожалованные намъ Нишанъ-Ифшигаръ ордена съ брилліантами и въ посольскомъ каикѣ отправились въ Бегларъ-Бей. Чрезвычайно красивъ видъ изъ зала черезъ зеркальныя окна на волны Босфора. Залы всѣ въ зеркалахъ и наполнены разными подарками европейскихъ государей.

Когда свиту посла ввели представляться, я увидѣлъ стоящаго на нѣкоторомъ возвышеніи небольшого господина въ темномъ казакинѣ съ огромнымъ брилліантовымъ орденомъ на шеѣ и на груди, съ разставленными ногами въ калошахъ и, несмотря на наши поклоны, не сдѣлавшаго ни малѣйшаго движенія, какъ будто ему представляли воздухъ. Съ тѣмъ мы и ушли. При выходѣ изъ дворца я видѣлъ, какъ нашъ драгоманъ раздавалъ кошельки придворнымъ.

¹⁾ Вѣроятно, и посланникъ любитъ поздніе фрукты.

²⁾ Предоставимъ эти мелкія преимущества нашимъ врагамъ.

Затѣмъ насталь нашъ день отъѣзда. Мѣсяцъ пребыванія сблизилъ насъ съ членами миссіи. Предубѣжденіе официальное миновало, дѣла были улажены. Пригласили мы посольство съ дамами проводить насъ и провести день съ нами въ благодарность за добродушный ихъ пріемъ и гостепріимство. Сначала сдѣлали прогулку къ Принцевымъ островамъ, по Мраморному морю, обѣдали на пароходѣ, много танцевали. Но наступилъ вечеръ. Мы высадили дамъ у Буюкъ-Дере, гдѣ миссію ждалъ свой пароходъ, и простились не безъ грусти. Мы возвращались всѣ, кромѣ Кочубея, который причисленъ былъ къ миссіи. Онъ скоро послѣ женился на Столыпной, хотя ему уже грозила грудная болѣзнь; но она, бѣдная, раньше его умерла отъ чахотки въ Одессѣ, и онъ тоже, но уже послѣ второго брака своего съ Молчановой (Волконской).

20 апрѣля, послѣ 32 часового великолѣпнаго плаванія мы были въ Одессѣ. Прошедшее было, какъ очаровательный сонъ, и пока море было подъ глазами, я отъ него не просыпался, но неумолимая дѣйствительность была передъ глазами въ формѣ Одесской гавани, которая казалась теперь лужею съ карантинною стѣною по берегу.

Сѣхали на берегъ прямо въ карантинъ со всѣми предосторожностями зачумленныхъ. Для насъ, простыхъ смертныхъ, это кое-какъ сошло, но каково должно было для Граббе съ его альярами и формами средневѣкового рыцаря и немножко Бахчисарайскаго Гирея снимать хламиды и дѣлать телеграфическія движенія крыльевъ передъ карантиннымъ врачомъ, чтобы убѣдиться въ неимѣніи нигдѣ на тѣлѣ чумныхъ признаковъ. Дикіе люди могутъ быть величественными и голыми, мы, бѣлые, безъ рубашекъ смѣшны. Грустно видѣть себя за рѣшеткою, хотя помѣщеннымъ со всѣми возможными удобствами, но карантинъ такая вещь, что когда всѣ мелочныя предосторожности практикуются постоянно, тогда онъ только что-нибудь да значить. Въ Турціи уже давно не слышно было о чумѣ, но надъ нами весь процессъ продѣлывали, какъ надъ зачумленными. Къ сожалѣнію, нужно прибавить, что когда чума была, то два раза она была завезена въ карантинъ и 2 раза проникла въ городъ. Мы были послѣдніе, выдержавшіе 14 дней заточенія. Это время, нужно сознаться, было проведено безъ пользы. Я и Гейденъ составляли записки о видѣнномъ военномъ дѣлѣ въ Турціи. Свѣдѣній много собрать было трудно въ одинъ мѣсяцъ, когда въ нашей миссіи совершенно ничего не знали о томъ, что дѣлается въ военной сферѣ у турокъ. Обыкновенно день

проводили вмѣстѣ. Въ 12 часовъ начинался завтракъ, морская рыба и запасы изъ Константинополя играли большую роль въ нашей кухнѣ; въ 5 обѣдали, вечеромъ выходили гулять и любоваться на закатъ солнца, потомъ садились играть въ вистъ и въ 12 ужинали. Но въ три прѣсѣта мы проводили часовъ 6—7 за столомъ, разговоръ былъ нескончаемъ. Мы видѣли только теперь близко Граббе, когда поселились въ однѣхъ комнатахъ. Иногда Истоминъ рассказывалъ про Англію, которую ставилъ въ примѣръ всему, и когда съ нимъ начинали спорить, онъ спрашивалъ: „Были ли вы въ Англіи“. — „Нѣтъ“. — „Такъ я и спорить съ вами не буду“. Главнымъ рассказчикомъ былъ Граббе. Факты изъ отечественной войны, Польской войны 1881 г. и Кавказа давали безконечную тему разсказа. Павелъ Христофоровичъ владѣлъ языкомъ устнымъ и письменнымъ прекрасно, выражался одинаково по-русски и по-французски краснорѣчиво, но фраза у него играла важную роль. Фраза не импровизированная, а когда-то сказанная прежде. Разсказы были эпизодическіе, какъ бы печатные; онъ самъ въ нихъ игралъ значительную роль. Онъ много читалъ, умъ его былъ образованъ классически, онъ любилъ поэзію. Но постоянное держаніе себя въ подъоблачныхъ сферахъ придавало мало натурального всему, что онъ говорилъ, и, несмотря на его чрезвычайно благородный, возвышенный характеръ, доблестное военное служеніе, онъ на многихъ производилъ невыгодное впечатлѣніе и въ особенности не всегда правдиваго человѣка, и это только ради фразы, которою онъ дорожилъ, и она повторялась у него непремѣнно, неизбежно на однажды найденномъ для нея мѣстѣ.

Примѣры были такого рода: въ 12 году онъ былъ артиллерійскимъ поручикомъ, у Ермолова ординарцемъ. Въ Бородинскомъ сраженіи онъ прѣзжаетъ на правый флангъ позиціи къ дивизіи Паскевича, видитъ, что французы отняли у него батарею. Самъ Паскевичъ — *comme Dieu Thierme* — стоитъ недвижимъ, Граббе беретъ два гренадерскіе батальона изъ его дивизіи, возвращаетъ съ ними взытыя французомъ орудія, подѣзжаетъ къ Паскевичу и говоритъ: „вотъ ваши орудія, генералъ“. Паскевичъ не сказалъ ни слова, — прибавлялъ Граббе, не имѣлъ даже великодушія поблагодарить офицера за блистательный поступокъ“. Другой эпизодъ: Мюратъ дѣлалъ фланговое движеніе передъ нашими двумя корпусами, имѣя за собою рѣку. Милорадовичъ хотѣлъ воспользоваться ошибкою Мюрата и притиснуть его къ рѣкѣ. Посылаетъ Граббе,

который состоялъ при немъ въ это время, сказать Раевскому, командовавшему авангардомъ, чтобы онъ сильно атаковалъ тотчасъ же непріятеля. Граббе пріѣхалъ къ передовой цѣли стрѣлковъ и, не найдя начальниковъ, прямо самъ повелъ войска въ атаку. Раевскій, наѣхавъ на эту сцену, строго спросилъ: „Кто это здѣсь распоряжается“, и прогналъ Граббе. „Тогда я окинулъ его презрѣніемъ“, говоритъ Граббе и, пріѣхавъ къ Милорадовичу, сказалъ ему: „у васъ нѣтъ генерала въ авангардѣ“.

Кто знаетъ войну и велъ ее, тому невольно кажутся странными такіе эпизоды съ артиллерійскимъ поручикомъ и ординарцемъ. Сколько бы разъ, однако же, Граббе ни возвращался къ этому разсказу, онъ его передавалъ одинаково, слово въ слово, фраза въ фразу. Мы очень уважали Павла Христофоровича и по репутаціи и за манеру держать себя. Для насъ были иногда тяжелы его разсказы, они такъ были наполнены его лицомъ и часто уваженіемъ другихъ, которыхъ имена мы привыкли также уважать съ дѣтства.

Къ рѣшеткѣ карантина иногда вызывалъ Граббе или Истомина адмиралъ Лазаревъ. Небольшой ростомъ, сутуловатый Михаилъ Петровичъ уже пользовался громкою репутаціей, и мы смотрѣли на него съ любопытствомъ, а разсказы Истомина про него интересовали насъ. Меня къ рѣшеткѣ вызывалъ мой старшій братъ Павелъ, служившій въ Одессѣ адъютантомъ у генералъ-губернатора Ѳедорова. Онъ имѣлъ много сносѣбностей къ службѣ, которую несъ въ штабѣ, и былъ всегда полезенъ. Къ сожалѣнію, это продолжалось не долго.

Венгерская война уже началась -- Государь былъ въ Варшавѣ, и мы отправились туда. На прощаніе зашли мы съ братомъ въ церковь, помолились. Онъ благословилъ меня, какъ старшій, образомъ дорожнымъ, и съ тѣхъ поръ онъ меня не покидаетъ.

Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ.

И сколько ихъ нѣтъ теперь въ живыхъ,
Тогда веселыхъ, молодыхъ...

Въ послѣднихъ числахъ декабря 1889 года Его, Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ устраивалъ, для нынѣ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Александра III-го спектакль въ Эрмитажномъ театрѣ. Ставилась третья часть трилогіи гр. А. Толстого „Царь Борисъ“. Въ качествѣ артистовъ выступали: Великій Князь Сергѣй Александровичъ, исполнявшій роль царевича Ѳедора, сына Годунова, Его Высочество Вел. Кн. Павелъ Александровичъ въ роли королевича Шведскаго Христіана, Его Высочество молодой принцъ Ольденбургскій, взявшій на себя скромную роль одного изъ турокъ свиты турецкаго посла, В. и М. Мятлевы, кн. Васильчикова, два Стаховича, гр. Воронцовы-Дашковы, кн. И. Мещерскій, много офицеровъ Преображенскаго полка, которымъ въ то время командовалъ Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ, нѣсколько артиллерійскихъ офицеровъ и гусаръ, словомъ, высшее общество, среди котораго мелькали юныя лица воспитанниковъ морского кадетскаго корпуса, тоже привлеченныхъ Великимъ Княземъ къ участию въ спектаклѣ и насъ, ученицъ и учениковъ Спб. Императорскихъ драматическихъ курсовъ. Ставилъ спектакль нашъ учитель драматическаго искусства, Николай Ѳедоровичъ Сазоновъ. Репетиціи длились цѣлый мѣсяць. Помню, какъ сейчасъ, то чувство особеннаго возбужденія и подъема нервъ, который испытывала почти каждая изъ насъ, когда наши театральныя кареты останавливались на набережной Невы у маленькаго подъѣзда, ведущаго въ театр Эрмитажа. Поднимаясь по широкой лѣстницѣ, мы предъявляли придворнымъ лакеямъ наши входные билеты и расходились по уборнымъ, а оттуда за кулисы, гдѣ въ ожиданіи выхода на

сцену весело болтали съ толпой военной молодежи, что, впрочемъ, было строго запрещено нашимъ режиссеромъ, при появленіи котораго мы, какъ стая испугнутыхъ птицъ, разбѣгались въ стороны.

Репетиціи, какъ я уже говорила, начались въ концѣ декабря и въ концѣ января закончились тремя спектаклями. Въ началѣ февраля всѣ участвующіе были сняты въ различныхъ группахъ. Какъ грустно было въ послѣдній разъ выходить изъ театра, зная, что никогда больше не повторится то счастливое, веселое время репетицій.

По роскоши костюмовъ и декорацій спектакль въ Эрмитажѣ представлялъ что-то особенное, даже намъ, ученицамъ, исполнявшимъ почти безсловесныя роли монахинь, нищихъ и московскихъ людей, шились новые костюмы и обувь. Сцена пріема Годуновымъ иностранныхъ пословъ, послѣ его торжественнаго коронованія, была обставлена съ большою роскошью и пышностью. Царскія палаты съ расписными потолками и стѣнами, пестрота одеждъ пословъ, царь Борисъ на тронѣ въ парадномъ царскомъ одѣяніи, его жена, дѣти въ атласныхъ расшитыхъ золотомъ нарядахъ, окруженныя рындами въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, группа боярышень, окружающая царевну Ксенію, пестрѣющая нѣжными красками сарафановъ.— все ласкало глазъ красивымъ сочетаніемъ цвѣтовъ. Представленіе царю Борису каждаго посла сопровождалось звуками бубенъ и литавровъ. Особенно типиченъ былъ турецкій посолъ въ лицѣ полковника К. Прежбяно, Левъ Сапѣга въ лицѣ И. Вельяшева ученика нашихъ курсовъ. Радостный звонъ колоколовъ, мастерски переданный, гудѣлъ, разливаясь по палатѣ, и вполне довершалъ картину торжественнаго дня. И рядомъ съ этой роскошью яркимъ ей контрастомъ являлась толпа народа и нищихъ, допущенныхъ предъ ясныя царскія очи, грязная, оборванная, съ шумомъ и причитываньемъ, врывающаяся въ царскія палаты. Народная сцена на Красной площади, за исключеніемъ кн. Гагарина, исполнявшаго роль боярина Шуйскаго, была обставлена ученицами и учениками драматическихъ курсовъ. Много труда стоила постановка этой сцены покойному Николаю Ѳедоровичу Сазонову, но за то и прошла хорошо. Не помню, кто игралъ боярина Клепнина, (часть хранящейся у меня афиши оторвана), кажется, Стаховичъ младшій, но его сцена съ царемъ Борисомъ глубокою ночью въ покояхъ царя производила сильное впечатлѣніе. Всѣ мы съ замираніемъ сердца прислушивались къ его глухому

сильному басу и заключительнымъ словамъ, обращеннымъ къ Борису: „Такъ умирай, какъ песъ“. Въ антрактѣ игралъ придворный струнный оркестръ.

На память объ этомъ спектаклѣ я храню афишу, изображающую свитокъ царской грамоты съ царской печатью. Когда порою случается мнѣ просматривать эту афишу, то какъ живые встаютъ предо мной всѣ участвующие и грустно становится при мысли, что уже многихъ участниковъ взяла могила, и главный устроитель, которому многіе изъ насъ обязаны весело проведенными днями, погибъ ужасной смертью. Я такъ и вижу высокую фигуру Вел. Кн. Сергѣя Александровича въ нѣжно голубомъ кафтанѣ, въ шапкѣ съ бобровою опушкой, впереди которой горитъ и переливается чудный сапфиръ. Стоя за кулисами, Вел. Кн. часто разговаривалъ съ В. Мятлевой, исполнявшей роль царицы Марѣы или съ М. Мятлевой бывшей прелестной царевной Ксеніей. За полтора мѣсяца, проведенныхъ въ Эрмитажѣ въ репетиціяхъ, Вел. Кн. Сергѣй Александровичъ показалъ себя радушнымъ и внимательнымъ хозяиномъ. По окончаніи спектаклей Его Высочество, собравъ насъ вокругъ себя въ фойѣ, очень любезно благодарилъ насъ за участіе, говоря, что народныя сцены прошли такъ удачно потому, что всѣ мы съ полной добросовѣстностью отнеслись къ своимъ незначительнымъ ролямъ.

Не помню, было ли это на генеральной репетиціи или уже на спектаклѣ, но дѣло вышло такъ: я стою у опущеннаго занавѣса и, приложивъ глазъ къ отверстію среди него, рассматриваю блестящее общество, собравшееся въ ожиданіи начала представленія, и стараюсь отыскать Его Величество Государя Императора Александра III-го. Передо мной амфитеатромъ возвышались мѣста для зрителей, занятые блестящей публикой, ярко освѣщенной электрическими люстрами. На красномъ бархатѣ обивки скамей красивыми группами выступали, роскошныя туалеты дамъ, блестящіе мундиры военныхъ, среди которыхъ видѣлись и фраки статскихъ. Въ зрительной залѣ стоялъ говоръ голосовъ, шелестъ шелковыхъ платьевъ, иногда раздавался легкій смѣхъ. Но глаза мои усердно искали высокую, полную фигуру Государя и увидѣли его посреди зрительнаго зала въ первомъ ряду въ широкомъ, нарочно для Его Величества, поставленномъ креслѣ. Величаво спокойное лицо Монарха было для меня всегда полно глубокой привлекательности. Я помню, съ какимъ восторгомъ, будучи еще дѣвочкой, смотрѣла я на Государя во время его посѣщенія театральнаго училища, когда мы, дѣти, окруживъ его тѣсной толпой, стара-

лись незамѣтно поцѣловать полу его военного сюртука. Какъ просили мы дать намъ поцѣловать его руку, но Государь всегда неизмѣнно отклонялъ это наше желаніе. Сдѣлавшись взрослой, я все-таки всегда съ какимъ-то сладкимъ умиленнымъ чувствомъ смотрѣла на Царя Миротворца. Стоя передъ занавѣсомъ, я бывала счастлива, если удавалось услышать его громкій спокойный голосъ, разобрать произнесенныя имъ слова. Въ то время, какъ я, вся поглощенная представлявшеюся мнѣ интересной картиной, не въ силахъ была отъ нея оторваться, чей-то голосъ за моей спиной не громко произнесъ:

— „Позвольте мнѣ посмотреть“.

Не оборачиваясь, я нетерпѣливо отвѣтила:

— „Сейчасъ, подождите“, все не отрывая глазъ отъ занавѣса. Снова мнѣ говорятъ:

— „Я васъ прошу, дайте мнѣ посмотреть“.

— „Сейчасъ, сейчасъ“.

Тогда чья-то рука опускается на мое плечо, и тотъ же голосъ, но громче и настойчивѣе произноситъ:

— „Я васъ очень прошу уступить мнѣ мѣсто“.

Я быстро оборачиваюсь и къ моему великому смущенію и страху очутилась лицомъ къ лицу съ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ. Бормоча: „Ради Бога, Ваше Высочество, извините меня“, я просто не знала, что дѣлать.

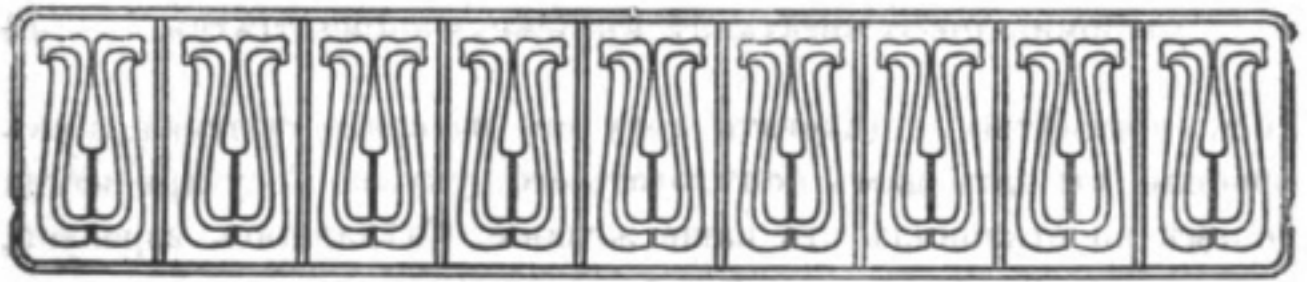
Видя мое замѣшательство, Великій Князь ласково сказалъ:

— „Ничего, ничего“ и не обращая на меня больше вниманія, повидимому, не желая усиливать мое смущеніе, подошелъ къ оставленному мною мѣсту у занавѣса.

Скоро послѣ этого спектакля я уѣхала изъ Петербурга, и только въ 1908-мъ году мнѣ снова пришлось увидѣть Его Высочество въ Москвѣ, когда Великій Князь вмѣстѣ съ Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ II-мъ посетилъ I-й Московскій кадетскій корпусъ. Я была поражена происшедшей съ нимъ за эти годы перемѣной,—такъ похудѣлъ и постарѣлъ Великій Князь.

Прошло еще два года, и вѣсть объ ужасной кончинѣ Великаго Князя пронеслась по всей Россіи. До сихъ поръ живо въ душѣ моей воспоминаніе о времени, проведенномъ въ Эрмитажѣ, сердце полно лучшихъ чувствъ къ мученически скончавшемуся Великому Князю, и я горячо молюсь за упокоеніе души его и дарованіе ему полного блаженства у Престола Всевышняго.

В. Дометти.

Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванновскомъ.

На старости лѣтъ, живя въ покоѣ, въ глуши, невольно перебираешь въ памяти все пережитое и испытанное, въ особенности, если приходится читать что-либо о личностяхъ, съ которыми я самъ когда-то непосредственно соприкасался.

Такъ, прочитавъ нѣсколько воспоминаній о П. С. Ванновскомъ, мнѣ, никогда не писавшему для печати, показалось, что и я могу принести свою лепту къ характеристикѣ этого, извѣстнаго военному міру, да и не одному только военному міру,—человѣка.

Въ первый разъ въ жизни я увидалъ грознаго военного министра въ Варшавѣ, гдѣ онъ знакомился съ военными учрежденіями и, между прочимъ, неожиданно посѣтилъ Варшавскій артиллерійскій арсеналъ; за отсутствіемъ начальника, — мнѣ, какъ помощнику, приходилось давать объясненія.

Военный министръ сразу высказалъ явное недовѣріе, онъ во всемъ сомнѣвался, — какъ хозяинъ, убѣжденный, что всѣ кругомъ его обманываютъ.

Вопросы его были кратки, замѣчанія суровы, но я, будучи не изъ боязливыхъ, да мнѣ, впрочемъ, и нечего было опасаться, — давалъ прямые и немногословные отвѣты.

Приведу кое-что изъ этой, достаточно оригинальной и для меня необычайной бесѣды.

Войдя въ одну изъ мастерскихъ, министръ сказалъ:—Темно! Было 7 часовъ вечера, работъ уже не было.

— Темно, ваше высокопревосходительство, отвѣтилъ я, имѣя въ виду темное помѣщеніе.

— Темно!—повторилъ П. С. Ванновскій... Я догадался, и спросилъ у него разрѣшенія зажечь газъ.

Въ томъ же зданіи, въ верхнемъ этажѣ, находились казармы нижнихъ чиновъ арсенала. Не ожидая прибытія министра, нижніе чины расположились, по обычаю, группами около кроватей,—съ чайниками и булками.

Войдя въ казарму, министръ поздоровался и, увидя это милое чаепитіе, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Это для показа?

Я нашелъ нужнымъ его успокоить и объяснилъ, что солдаты, мастеровые арсенала, получаютъ сверхъ обыкновеннаго содержанія,—еще и денежное вознагражденіе, которое даетъ имъ возможность держать свой чай.

На стѣнахъ этой же казармы, по почину начальника арсенала, висѣли дощечки съ евангельскими текстами и иными, высоконравственными наставленіями.

— Кто это завелъ?

И тутъ же, не дожидаясь отвѣта, замѣтилъ:—Вѣрно, ничего не исполняется!

Затѣмъ П. С. Ванновскій по прежнему лаконически проговорилъ:

— Мало воздуха!

Я указалъ ему на кубическое содержаніе помѣщенія, выписанное, по положенію, на одной изъ висѣщихъ на стѣнѣ таблицъ.

— Кто измѣрялъ? спросилъ министръ.

— Комиссія, при участіи инженера и врача, ваше высокопревосходительство,—отвѣтилъ я.

Министръ проговорилъ:

— Инженеръ, докторъ... Махнулъ рукой и вышелъ изъ казармы.

Собравшееся тѣмъ временемъ начальство, артиллерійское и инженерное,—весьма робко держалось въ сторонѣ, предоставивъ меня всецѣло на „сѣдленіе“ министра.

Но пока,—все шло благополучно, и настроеніе мое было не только не смущенное, а даже веселое.

Мы подошли къ одному изъ злополучныхъ зданій арсенала, въ которомъ были настолько большія трещины, что намъ было запрещено въ немъ работать.

Я услышалъ за собою осторожный голосъ всегда смѣлаго, насмѣшника и остряка—строителя:

— Доложите о трещинахъ въ кузницѣ...

Повторяю,—настроение мое было настолько хорошее, что я вздумалъ подшутить надъ строителемъ, обратился къ министру и сказалъ, что такой-то хочетъ доложить о трещинахъ въ строеніи, а самъ ступевался совершенно, такъ какъ прибылъ начальникъ арсенала.

Когда осмотръ окончился, министръ, въ числѣ своихъ замѣчаній, выразилъ удивленіе, что казенное учрежденіе мѣстится въ такихъ развалинахъ, затѣмъ, поблагодаривъ начальниковъ отдѣловъ, сталъ оглядываться и искать кого-то, и, увидавъ меня,—подалъ руку и поблагодарилъ.

Результатомъ этого посѣщенія было неожиданное (и удивившее многихъ) приобрѣтеніе въ казну огромнаго стали-литейнаго завода Лильпопъ, Рау и Левенштейнъ на окраинѣ Варшавы.

Этотъ заводъ былъ перестроенъ для цѣлей артиллерійскаго техническаго заведенія; прежній же арсеналъ, расположенный въ центральной части Варшавы,—былъ проданъ. Эта комбинація обѣщала для казны большія выгоды, но въ результатѣ ихъ не оправдала, и прибрѣтенный заводъ оказался мало подходящимъ для арсенала.

При слѣдующемъ прїѣздѣ въ Варшаву П. С. Ванновскій обходилъ новый арсеналъ. Вѣроятно, онъ хорошо помнилъ большія ассигнованія, и вполне оцѣнилъ то, что получилось на дѣлѣ изъ пресловутой „выгодной комбинаціи“ прибрѣтенія и перестройки этого завода.

Онъ очень добродушно обратился къ начальнику арсенала и сказалъ:

— Купите мой литографированный портретъ, стоящій въ Петербургѣ 15 коп., и повѣсьте его въ арсеналѣ... въ знакъ того, что министръ допустилъ глупость!

Я уже не служилъ тогда въ арсеналѣ, но записалъ этотъ эпизодъ и передаю со словъ присутствовавшего.

Въ 1892 году совершенно неожиданно мнѣ было предложено занять должность управляющаго хирургическимъ инструментальнымъ заводомъ военно-медицинскаго вѣдомства.

Не имѣя никакого понятія объ этомъ учрежденіи, и такъ какъ въ Варшавѣ никто мнѣ не могъ дать какого-либо указанія,—я поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ въ главномъ артиллерійскомъ управленіи, въ числѣ другихъ свѣдѣній, мнѣ сказали, что заводъ этотъ, по отчету Государственнаго Контроля,—признанъ убыточнымъ для казны... Кромѣ этого, воен. медицин. вѣдомство не было удовлетворено необходимымъ количествомъ хи-

ругическихъ инструментовъ, качество которыхъ также не одобрялось господами медиками.

Мало того, въ теченіе долгаго времени на заводѣ обнаруживались безпорядки и неурядица, а потому заводъ подлежитъ закрытію.

Но не такъ судилъ П. С. Ванновскій и рѣшилъ иначе: исходя изъ того соображенія, что артиллерійскія техническія заведенія, управляемыя артиллерійскими офицерами-техниками, существуютъ не въ убытокъ, а на пользу казны, П. С. Ванновскій приказалъ указать ему на арсенальнаго штабъ-офицера, для назначенія управляющимъ заводомъ, вмѣсто полагавшагося по штату военнаго врача, и если эта мѣра окажется удачною — не упразднять заводъ.

Принимая это предложеніе, я поставилъ условіемъ, чтобы мнѣ было присвоено полное содержаніе, получаемое предшественникомъ моимъ, докторомъ, а также право возвращенія на службу въ артилерію, когда я этого пожелаю.

Когда объ этомъ доложили министру, онъ сказалъ:

— Много ему давать не слѣдуетъ, такъ какъ скоро вѣроятно сбѣжитъ оттуда, и тогда ему придется сохранить большое содержаніе.

Назначеніе мое состоялось, и вторично я предсталъ подъ грозныя очи военнаго министра, на общемъ приѣмѣ въ зданіи министерства.

Дойдя до меня, онъ сказалъ, что потомъ со мной поговорить, и по окончаніи приѣма,—пригласилъ меня съ собою, въ свой кабинетъ. Начало его бесѣды со мной было въ высшей степени оригинально:

— Жаль мнѣ васъ, полковникъ! Назначилъ я васъ въ болото и не знаю, какъ вы изъ него выльзете...

Затѣмъ, министръ обрисовалъ въ ужасныхъ краскахъ положеніе завода, доведеннаго до этого неумѣлыми дѣйствіями управляющихъ и чинами завода. Между прочимъ онъ указалъ, чтобы мною были заведены арсенальные порядки, и первымъ дѣломъ,—устраненъ весь настоящій личный составъ.

Мнѣ оставалось только заявить министру, что приложу всѣ старанія, чтобы исполнить возложенную на меня задачу, и просить его разрѣшить мнѣ пока—не увольнять весь личный составъ, такъ какъ я, будучи свѣдущимъ и имѣя опытъ въ артиллерійской Technikѣ,—совершенно незнакомъ со специаль-

нымъ дѣломъ изготовленія хирургическихъ инструментовъ, и могъ бы въ первое время воспользоваться знаніемъ наличныхъ чиновъ.

На это министръ сказалъ:

— Хорошо, дѣлайте какъ хотите... но чтобы они отсидѣли аресты, которые я имъ назначилъ.

Началось для меня страдное время, но, несмотря на это, меня захватывало высоко интересное, новое для меня дѣло и немало удивляла своеобразная мнѣ совершенно чуждая среда, въ которой мнѣ пришлось дѣйствовать.

Во главѣ вѣдомства стоялъ тогда немалого ума, ловкій, властный человѣкъ. Это былъ главный военно-медицинскій инспекторъ Адольфъ Александровичъ Реммертъ, страстный до увлеченія любитель организовать и строить, пріятель П. С. Ванновскаго.

Я прохожу мимо всего любопытнаго изъ этой пятилѣтней моей службы, не имѣющаго непосредственной связи съ личностью П. С. Ванновскаго.

Недѣли черезъ три послѣ моего вступленія въ новую должность, я находился въ мастерскихъ завода, раздумывая, за что мнѣ взяться, теряясь, съ чего начать, ибо все требовало кореннаго измѣненія.

Вотъ, находясь въ состояніи такой нерѣшительности,—вижу,—бѣжитъ ко мнѣ вахтеръ завода.

Кстати сказать, я долго не могъ себѣ уяснить, что это за должность, а вахтеръ высокій, сѣдой красавецъ-старикъ съ солдатской выправкой—меня интересовалъ.

Такъ вотъ,—подбѣгаетъ ко мнѣ этотъ самый вахтеръ и взволнованно докладываетъ:

— Петръ Семеновичъ изволили пріѣхать!...

Именно: не военный министръ, а прямо Петръ Семеновичъ.

Входитъ министръ и прежде всего обратился къ вахтеру:

— Здравствуй, старина!

И поцѣлуй въ губы. Затѣмъ уже, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— Здравствуйте... Поберегите мнѣ этого старика. Это бывшій фельдфебель той роты, которой я командовалъ въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку.

Мы стали обходить заводъ. Министръ замѣтилъ, что не былъ здѣсь еще ни разу, и что онъ пораженъ убогимъ, грязнымъ видомъ и страннымъ устройствомъ этого казеннаго учрежденія. На работѣ было человѣкъ двадцать мастеровыхъ, остальные (тоже около 20) по случаю понедѣльника отсутствовали.

Пріѣхалъ и главный военно-медицинскій инспекторъ. Обходъ продолжался при полномъ молчаніи, но въ жиломъ помѣщеніи мастеровыхъ и учениковъ, — министръ не выдержалъ и сказалъ:

— Да здѣсь днемъ клопами пахнетъ!

Выходимъ на дворъ: П. С. Ванновскій, прощаясь съ инспекторомъ, неожиданно замѣчаетъ:

— Schmutzig, schlecht, Адольфъ Александровичъ! (т.-е. грязно, скверно).

Затѣмъ, обратившись ко мнѣ:

— Ну, полковникъ, приводите въ порядокъ, желаю вамъ успѣха!

Министръ распрощался и уѣхалъ.

Посѣщеніе это имѣло самыя лучшія послѣдствія: на другой день явился на заводъ инженерное начальство, окружное и главное, интересуясь тѣмъ, что говорилъ министръ, на что обратилъ вниманіе и т. п.

Между прочимъ, мнѣ дали понять, что могутъ быть приняты всѣ мѣры къ установленію благоустройства въ помѣщеніяхъ, если я только сдѣлаю заявленіе.

Первое мое требованіе въ этомъ направленіи, заключавшее только самое необходимое, — было признано необычайно скромнымъ, но я уклонился отъ болѣе широкихъ, хотя тоже весьма необходимыхъ перестроекъ и ремонта зданій, принимая во вниманіе, что столь большіе расходы явились бы слишкомъ обременительными, при ничтожномъ пока производствѣ завода.

Все постепенно шло къ лучшему, число мастеровыхъ увеличилось до 150, ручной трудъ въ выдѣлкѣ инструментовъ успѣшно замѣнялся механическимъ, качество издѣлій значительно улучшалось.

Совершенно неожиданно предсталъ передо мною однажды артиллерійскій полковникъ ¹⁾, въ мундирѣ при орденахъ, и заявилъ, что онъ присланъ военнымъ министромъ, для ознакомленія съ дѣятельностью завода, въ смыслѣ выгодности таковой для казны.

Но этотъ мотивъ былъ только ширмой, за которой скрывался доносъ. Я вскорѣ убѣдился въ этомъ, но молча ожидалъ, что будетъ дальше.

¹⁾ Это былъ недавно умершій профессоръ артилл. академіи генералъ Барановскій.

Мои подозрѣнія оправдались. Когда, послѣ 2-хъ недѣльной работы,—все оказалось въ порядкѣ и заводъ былъ признанъ вполне полезнымъ для казны, полковникъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ, задалъ мнѣ вопросъ:

— Не случалось ли у васъ при приобрѣтеніи механическихъ станковъ неудачи? Не оказывались ли между купленными станками негодные?

Я отвѣтилъ отрицательно, т. к. такого случая при мнѣ не было на заводѣ.

Когда же полковникъ продолжалъ развивать эту тему,—я позвалъ механика и главнаго мастера и повторилъ имъ вопросъ полковника, но и они оба отвѣтили отрицательно.

Немного подумавъ, однако, главный мастеръ припомнилъ, не идетъ ли рѣчь о тѣхъ 3-хъ станкахъ, которые доставилъ на заводъ безъ заказа, а лишь только для опыта,—заводчикъ Струкъ? Станки эти еще не были взяты заводчикомъ обратно, послѣ признанія ихъ непримѣнными на заводѣ.

Тутъ уже я понялъ все: это было дѣло нашего старика, вахтера Орлова, о которомъ упоминалось уже раньше. Вахтеръ имѣлъ, какъ оказалось, свои личные взгляды и усмотрѣнія на мои дѣйствія на заводѣ и докладывалъ о нихъ, по невѣжеству своему, вкривъ и вкось,—своему благодѣтелю, Петру Семеновичу.

Недоразумѣніе тотчасъ же выяснилось, но я просилъ полковника, т. к. дѣйствительная цѣль его миссіи уже перестала быть секретомъ,—передать министру, что при условіяхъ подобнаго недоувѣрія я не нахожу возможности продолжать управлять заводомъ и прошу меня отпустить обратно въ артиллерію. Полковникъ обѣщалъ доложить, но предупредилъ, что съ Петромъ Семеновичемъ не всегда удастся говорить прямо.

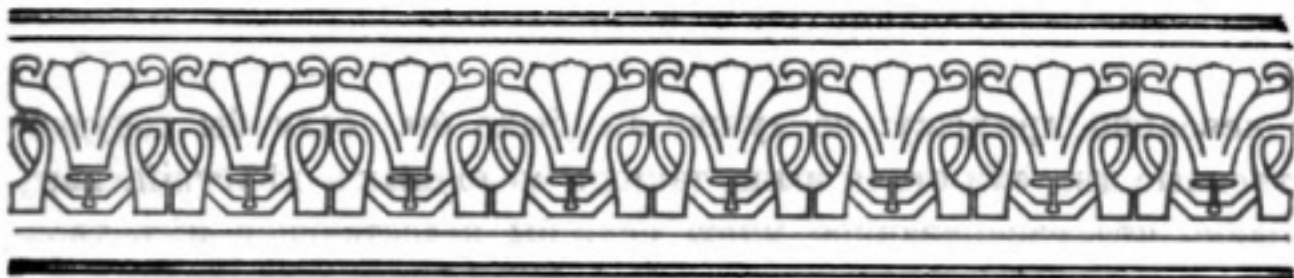
Конечно, мнѣ было выражено черезъ начальство полное удовольствіе по поводу неоправдавшагося доноса, а также благодарность за блестящее состояніе завода, а вскорѣ даже самъ Петръ Семеновичъ нашелъ удобный случай на большомъ, торжественномъ собраніи выразить мнѣ свое расположеніе и благодарность.

Не безъ цѣли я, въ этихъ воспоминаніяхъ, дошелъ, наконецъ, до этой маленькой исторіи съ доносомъ. Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ въ воспоминаніяхъ „О П. С. Ванновскомъ“, уже упоминалось о томъ, что онъ любилъ доносы. Не берусь, однако, окончательно судить объ этомъ, но вотъ къ какому заключенію

я невольно прихожу: не лучше ли было бы, если бы государственные дѣятели стали выше такихъ мелочныхъ дѣйствій, какъ только что разсказанное мною, если бы недостающее имъ творчество и знаніе въ принятыхъ на себя великихъ обязанностяхъ они не замѣщали бы маленькими дѣлами, входящими развѣ въ кругъ дѣйствій хорошихъ, заботливыхъ управителей, и не въ этомъ ли, отчасти, источникъ нашихъ бѣдствій на Дальнемъ Востокѣ, отъ которыхъ до сихъ поръ сердце не перестаетъ болѣзненно сжиматься?

О. Фридландеръ.

Великій князь Николай Михайловичъ ¹⁾

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ
Лебцельтерна.

Императоръ Александръ I въ Варшавѣ въ 1818 г.

Въ августъ мѣсяцъ 1816 года въ Петербургъ пріѣхалъ вновь назначенный австрійскій посланникъ Лебцельтернъ.

„Помните, что было въ Калишѣ? Вы говорили о своемъ возвращеніи въ Петербургъ какъ о несбыточной мечтѣ: вы то и дѣло повторяли: это невозможно! А вотъ вы и пріѣхали къ моему величайшему удовольствію!“ Этими словами Императоръ Александръ встрѣтилъ посланника, который былъ назначенъ въ Петербургъ по его настоянію.

Въ дальнѣйшей, довольно продолжительной аудіенціи, Государь высказалъ свое искреннее расположеніе къ императору Францу, говорилъ о необходимости державамъ дѣйствовать совместно, строго держась трактатовъ, и между прочимъ выразилъ увѣренность въ томъ, что союзъ Россіи и Австріи будетъ выгоденъ обѣимъ имперіямъ и что онъ долженъ быть положенъ въ основу русской политики.

„Вашъ императоръ знаетъ меня; онъ одинъ меня понимаетъ. Онъ знаетъ, что значитъ мое слово, и до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ вѣрить ему, я готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ обмануть его довѣріе“, говорилъ Государь.

И въ послѣдующихъ своихъ бесѣдахъ съ Лебцельтерномъ Государь неизмѣнно высказывалъ свою симпатію къ императору

¹⁾ См. „Русская Старина“ декабрь 1913 г.

Францу и свою полную готовность притти ему на помощь, если бы таковая понадобилась; съ удовольствіемъ вспоминалъ о своемъ пребываніи въ Вѣнѣ, о приѣмѣ, который ему былъ оказанъ, и выражалъ желаніе еще разъ посѣтить столицу Австріи.

„Тотъ моментъ, когда я снова увижу Вѣну, будетъ лучшимъ моментомъ моей жизни“, говорилъ Государь, давая понять, что ему было бы пріятно, если бы предположенное на осень 1817 г. свиданіе монарховъ состоялось въ Вѣнѣ. На этомъ Александръ впрочемъ не настаивалъ, но онъ ни разу не сказалъ Лебцельтерну, что ему было бы пріятно принять монарховъ у себя; онъ повторилъ только, что подчинится рѣшенію Ихъ Величествъ.

„Я сдѣлаю все, что пожелаютъ Ихъ Величества; пусть они выберутъ мѣсто свиданія, я вполнѣ подчинюсь ихъ желанію“, говорилъ Государь.

Передавая эти слова, Лебцельтернъ присовокупляетъ: „императоръ несомнѣнно желаетъ, чтобы свиданіе состоялось въ Вѣнѣ; онъ неоднократно давалъ мнѣ понять это. Онъ любитъ Вѣну, то и дѣло вспоминаетъ о развлеченіяхъ, которыя онъ тамъ имѣлъ; съ тѣхъ поръ въ своей столицѣ ему ничто не нравится, ничто не интересуется его. По возвращеніи изъ Вѣны онъ чувствуетъ какую-то пустоту и скуку“.

„Трудно повѣрить, писалъ Лебцельтернъ 20 (8) марта 1817 г., что, возвратясь въ Петербургъ послѣ одержанныхъ имъ побѣдъ, Императоръ до того былъ недоволенъ русскими, что онъ вздумалъ привлечь къ себѣ поляковъ, оказавъ имъ всякія милости. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ самымъ удивительнымъ образомъ выказалъ русскимъ свое неудовольствіе; день его пріѣзда былъ скорѣе днемъ печали, нежели днемъ народнаго торжества. Губернаторъ, по его приказанію, велѣлъ снять все приготовленное для иллюминаціи города, и Императоръ, никого не принявъ, проѣхалъ на Каменный островъ. Онъ былъ увѣренъ, что въ Петербургѣ его не съумѣютъ оцѣнить такъ, какъ его цѣнили за границей, гдѣ ему воскурляли оиміамъ. Всѣ его помыслы были обращены къ Польшѣ. Нѣсколько дней спустя по пріѣздѣ онъ увидѣлъ, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе недобросовѣстными донесеніями полиціи и тайныхъ шпіоновъ, что его русскіе подданные ожидали его возвращенія съ вѣтерпѣніемъ и были обижены столь холоднымъ его отношеніемъ... Въ это время Александромъ и были приняты тѣ благопріятныя полякамъ мѣры, прискорбныя послѣдствія которыхъ онъ теперь понимаетъ“.

Въ мартъ мѣсяцѣ 1818 года Императоръ Александръ Павловичъ отправился въ Варшаву на открытіе перваго польскаго сейма, гдѣ имъ была произнесена его знаменитая рѣчь, приведшая въ восторгъ поляковъ, но встрѣченная въ Россіи съ совершенно иными чувствами.

Среди блестящей свиты, окружавшей Государя въ Варшавѣ, находились принцъ Филиппъ Гессенъ-Гомбургскій и состоявшій при немъ майоръ графъ Кламъ-Мартиницъ, командированные въ Польшу австрійскимъ правительствомъ для присутствія на маневрахъ, которые должны были состояться во время пребыванія императора въ Варшавѣ.

Эти лица были выбраны Меттернихомъ съ его обычнымъ умѣніемъ; въ своихъ интереснѣйшихъ донесеніяхъ они сообщили ему не только свои заключенія относительно спеціальнаго предмета ихъ миссіи, но и сдѣлали весьма любопытные выводы изъ своихъ наблюденій.

Принцъ Гессенъ-Гомбургскій имѣлъ случай ежедневно видѣть Александра I на разводахъ, часто бесѣдовалъ съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ, съ графомъ Каподистріа кн. Волконскимъ, Новосильцевымъ и съ представителями польскаго общества, принадлежавшими къ самымъ разнообразнымъ партіямъ. Графу Кламъ-Мартиницъ также представился случай бесѣдовать съ самыми выдающимися лицами государевой свиты объ интереснѣйшихъ вопросахъ, касавшихся положенія Россіи и королевства Польскаго, взглядовъ и намѣреній императора и его отношенія къ Германіи и Австріи.

Александра I очень занималъ въ то время вопросъ о впечатлѣніи, которое произвела рѣчь, произнесенная имъ при открытіи сейма.

Въ самый день открытія, на парадѣ, Государь какъ будто хотѣлъ подготовить принца Гессенъ-Гомбургскаго къ тому, что онъ скажетъ, упомянувъ въ разговорѣ съ нимъ о своей склонности къ либеральнымъ идеямъ, „если только онѣ не вліяютъ разрушительно“. „Для этого ихъ надлежитъ проводить разумно и умѣренно, сказалъ Александръ; во всемъ слѣдуетъ соблюдать извѣстную систему и порядокъ, если хотятъ, чтобы дѣло было прочно“, и присовокупилъ, что онъ уполномочиваетъ принца освѣдомить о его взглядахъ императора Франца.

„На слѣдующій день послѣдовалъ и эпилогъ этого разговора“, доносилъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій.

„Императоръ спросилъ, уѣхалъ ли мой курьеръ и передалъ ли я высказанныя имъ вчера мысли?“ Когда я упомянулъ о

впечатлѣніи, произведенномъ его рѣчью на всѣхъ присутствующихъ, Государь сказалъ:

„Я этого не полагалъ; меня всегда стѣсняло выступать публично; и несмотря на мои лѣта это чувство осталось до сихъ поръ“.

„Когда я еще разъ упомянулъ о томъ, съ какимъ достоинствомъ была произнесена его рѣчь, Государю это видимо было очень пріятно, и онъ сказалъ:

„Что жъ дѣлать! Я никогда не выступалъ на подмосткахъ и никогда не былъ актеромъ“.

Болѣе всего интересовало Императора впечатлѣніе, произведенное его рѣчью въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ. Онъ внимательно прислушивался къ доходившимъ до него на этотъ счетъ слухамъ и часто возвращался къ этому вопросу въ своихъ разговорахъ съ австрійскими дипломатами.

Докладъ, сдѣланный пріѣхавшимъ изъ Берлина нашимъ посланникомъ Алопеусомъ о томъ, какъ была принята его рѣчь, очень взволновалъ Государя; онъ старался объяснить себѣ, почему она вызвала такую тревогу, и говорилъ, что для него либеральныя установленія не могутъ быть опасны, такъ какъ противовѣсомъ имъ служить строгая дисциплина арміи, которая является надежнымъ орудіемъ въ его рукахъ.

„Въ Берлинѣ, также какъ и у васъ, и даже болѣе того, меня видимо плохо поняли“, сказалъ Государь принцу Гессенъ-Гомбургскому; пруссаки даже какъ будто мало грамотны. Одни находятъ, что я сказалъ слишкомъ много, другіе хотѣли бы большаго“.

Когда же принцъ Гессенъ-Гомбургскій замѣтилъ, какое вліяніе можетъ оказать на образъ мыслей Европы слишкомъ поспѣшное и необдуманное истолкованіе его словъ, то Государь словесно поручилъ ему передать императору Францу, что онъ „отнюдь не думаетъ потворствовать ультра-либеральнымъ идеямъ, но онъ убѣжденъ въ томъ, что нельзя идти противъ духа времени и предпочитаетъ взять инициативу на себя. Впрочемъ, онъ только сдержалъ данное полякамъ слово. Императоръ Францъ можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ твердо держитъ власть въ своихъ рукахъ и только съ этой оговоркой готовъ покровительствовать либеральнымъ идеямъ“.

Слухи о крутыхъ мѣрахъ, при помощи которыхъ были подавлены волненія, вспыхнувшія въ военныхъ поселеніяхъ, были въ явномъ противорѣчіи съ либеральными идеями, высказанными въ Варшавѣ, и какъ будто подтверждали слова ве-

ликаго князя Константина Павловича, который не заблуждался повидимому на счетъ истинныхъ взглядовъ своего брата, когда говорилъ принцу Гессенъ-Гомбургскому, что императоръ предоставилъ ему полную свободу примѣнять самыя крутыя мѣры:

„Будьте покойны“, говорилъ великій князь, „Императоръ держится тѣхъ же принциповъ; Императоръ не *филантропъ*“.

Говоря о томъ, что онъ принимаетъ интересы Австріи близко къ сердцу, Александръ горячо возмущался попытками, которыя дѣлались нѣкоторыми лицами, чтобы посѣять раздоръ между нимъ и австрійскимъ императоромъ.

„Между нами не удастся посѣять раздора“, сказалъ однажды Государь, „мы насторожѣ; не скажу, чтобы не было людей недоброжелательныхъ, но это имъ не удастся; мы слишкомъ хорошо знаемъ другъ друга и наши дальнѣйшія намѣренія“.

На слѣдующій день послѣ этого разговора Государь снова вернулся къ предмету столь его интересовавшему и негодовалъ на тѣхъ, кои стремились нарушить спокойствіе Европы. „Но это имъ не удастся,—повторилъ Государь еще разъ; добрые люди также сильны и когда они твердо слѣдуютъ тому, что признано ими за благо, Провидѣніе будетъ за нихъ и съ ними. Впрочемъ, судя по тому, что Имъ совершенно, Оно не захочетъ разрушить свое дѣло“.

„Скажите Императору, чтобы онъ вспомнилъ наши бесѣды,—у него хорошая память. Я все тотъ же, и таковымъ же останусь; всѣ успія были пущены въ ходъ, чтобы разъединить насъ; но это не удастся. Что бы ни дѣлали, что бы ни говорили императору на мой счетъ, я убѣдительно прошу его не придавать этому вѣры. Я христіанинъ и я вѣренъ договору, который тѣсно связалъ насъ. Скажите императору, что у меня нѣтъ ни плановъ на будущее, ни заднихъ мыслей; я хочу только мира и сохраненія того, что нами наконецъ достигнуто. Я надѣюсь, что на меня не будетъ сдѣлано нападенія съ чьею-нибудь стороны, я этого не думаю и поэтому я буду въ мирѣ со всѣми“.

Представитель Австріи былъ пораженъ однимъ обстоятельствомъ, на которое онъ обращаетъ вниманіе въ своихъ донесеніяхъ, а именно на удивительную сдержанность, съ какою императоръ высказывалъ свое мнѣніе, когда рѣчь шла о другихъ державахъ, въ особенности о Германіи, какъ будто онъ „боялся скомпрометтировать себя“ или „какъ будто подозревалъ, что, предлагая ему тотъ или иной вопросъ, у него хо-

тять что-либо вывѣдать“; зато говори о польскихъ дѣлахъ, Императоръ, а за нимъ и его приближенные, не скупились на либеральныя идеи и были настроены „весьма конституціонно“.

Между прочимъ императоръ жаловался принцу Гессенъ-Гомбургскому на то, что русскіе мало религіозны, и приписывалъ это главнымъ образомъ вліянію женщинъ, говоря, что „какъ только женщины выйдутъ изъ своей сферы—быть украшеніемъ общества—ничего хорошаго изъ этого не выходитъ. Но это такъ продолжаться не можетъ“.

Хотя приближенные Александра избѣгали говорить съ иностранцами о переворотѣ, совершившемся въ то время въ душевномъ настроеніи Государя, но австрійскій уполномоченный говорить, что ему удалось изъ надежнаго источника узнать объ этомъ и что „великій князь Константинъ Павловичъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ прочемъ, отнесся съ величайшей почтительностью къ чувствамъ и взглядамъ своего августѣйшаго брата. Какъ на примѣръ указывали на то, что великій князь отзывался съ насмѣшкой и очень непочтительно о г-жѣ Криднеръ, до тѣхъ поръ пока ему не стало извѣстно объ истинномъ отношеніи къ ней Императора; но, узнавъ объ этомъ, онъ сталъ говорить объ ней совершенно въ другомъ тонѣ“.

Характеризуя личность Императора Александра, поскольку она выяснилась имъ во время ихъ короткаго пребыванія въ Варшавѣ, австрійскіе дипломаты приходятъ къ заключенію, что основною чертою его характера и главнымъ стимуломъ всѣхъ его дѣйствій было „огромное самолюбіе и тщеславіе“. „При всемъ своемъ умѣ, Александръ дѣлаетъ большую ошибку, писалъ Кламъ-Мартиницъ, выставляя напоказъ качества, которыя менѣе всего ему присущи и которыя находятся въ величайшемъ противорѣчій со всѣмъ его душевнымъ складомъ: онъ высказываетъ самыя либеральныя идеи, хочетъ окружить себя ореоломъ доброты и благоволенія, постоянно заботится о томъ, чтобы всѣ его поступки были отмѣчены человеколюбіемъ и заботой о благѣ народовъ, между тѣмъ какъ его тѣшитъ только сознаніе, что его власть ничѣмъ не ограничена; онъ никогда не откажется ни на іоту отъ этой самодержавной власти, точно также какъ онъ ревниво оберегаетъ свою славу и стремится имѣть преобладающее вліяніе въ Европѣ. Скромная роль, которую онъ приписываетъ себѣ и Россіи, нечто иное, какъ маска, скрывающая его тщеславіе, онъ любитъ Россію, онъ гордится ею и считаетъ себя ниспосланнымъ свыше, чтобы поставить ее на недосыгаемую высоту; онъ гордится тѣмъ,

что имъ сдѣлано въ этомъ отношеніи, и онъ весь проникнутъ мыслию идти дальше по этому пути.

„Въ отношеніи Россіи онъ деспотъ, въ отношеніи Европы—завоеватель; но онъ покорилъ ее не силою оружія, а силою своего ума и сердца. Онъ рѣшилъ дать Европѣ миръ—въ этомъ онъ видитъ свою славу; стремясь быть популярнымъ въ Европѣ, онъ связалъ себя клятвою обезпечить ей миръ, сдѣлавъ это вопросомъ своей совѣсти, но за этой лицемерной маской внимательный наблюдатель видитъ истину. Александръ хочетъ мира не ради самого мира и не ради тѣхъ благъ, какія онъ приноситъ; онъ преслѣдуетъ при этомъ самолюбивую цѣль: покой и благо Европы должны зависѣть отъ него, всѣ должны признавать, что миръ—дѣло его рукъ, что онъ зависитъ отъ доброй воли Императора и можетъ быть нарушенъ, если онъ того пожелаетъ. Это такъ же вѣрно, какъ и то, что при всей кажущейся добротѣ Александра, въ немъ есть извѣстная жесткость (Härte), которая проскальзываетъ въ его взглядѣ въ тѣ моменты, когда гнѣвъ искажаетъ черты его лица, коимъ онъ владѣетъ обыкновенно въ совершенствѣ“.

„Русскіе считаютъ всѣмъ признанное и неоспоримое вліяніе ихъ Императора на прочія державы, истиннымъ мѣриломъ его величія и наградою за всѣ усилія и жертвы, принесенныя ими за послѣдніе тяжелые годы. Александръ хорошо знаетъ свою страну и свой народъ и умѣетъ заставить ихъ самоотверженно служить себѣ; онъ знаетъ ихъ тщеславіе и любовь къ блеску, онъ знаетъ, что за орденъ и за мимолетное слово благоволенія они готовы сдѣлать все возможное; поэтому желая придать награды или отличію особое значеніе, онъ пускаетъ въ ходъ свойственную ему обольстительную любезность, проявляя при этомъ такую сердечность, что онъ кажется въ эту минуту не императоромъ, а любящимъ отцомъ и другомъ; зато когда онъ гнѣвенъ, передъ нимъ всѣ трепещутъ. Онъ прекрасно знаетъ что въ Россіи все исходитъ отъ него и что общественное положеніе человѣка опредѣляется тѣмъ, въ какомъ отношеніи онъ стоитъ къ нему, и онъ умѣетъ этимъ пользоваться: онъ извлекаетъ человѣка изъ неизвѣстности, дѣлаетъ его своимъ любимцемъ, выдвигаетъ его и, воспитавъ въ своихъ принципахъ, дѣлаетъ его орудіемъ своей воли. Оскорбляя иной разъ людей съ положеніемъ и отличая въ то же время болѣе скромныхъ лицъ своей свиты, Александръ хочетъ этимъ показать, что не занимаемое мѣсто и не заслуги имѣютъ значеніе, а его прихоть, и общественное мнѣніе подчиняется этому“.

Годъ спустя послѣ того какъ эта характеристика была запечатлѣна въ донесеніяхъ принца Гессенъ-Гомбургскаго и графа Кламъ-Мартиница, Императоръ Александръ посѣтилъ снова Варшаву (въ октябрѣ 1819 г.), но этотъ разъ его отношеніе къ полякамъ и къ его собственнымъ либеральнымъ начинаніямъ было иное; въ его взглядахъ совершилась за это короткое время огромная перемѣна. Онъ относился теперь къ польскому вопросу болѣе чѣмъ холодно и былъ твердо убѣжденъ въ необходимости обуздать революціонный духъ, угрожавшій спокойствію Европы и проявившійся съ особенной силою въ Германіи. Что касается его отношенія къ союзнымъ монархамъ, въ этомъ его взгляды остались неизмѣнны. Въ тѣсномъ союзѣ монарховъ и въ ихъ взаимной поддержкѣ Александръ видѣлъ единственное средство избавить миръ отъ новыхъ потрясеній.

„Одно изъ лучшихъ проявленій нашего союза“, говорилъ Государь Лебцетерну, бесѣдуя съ нимъ о положеніи Европы, „состоитъ въ томъ, что въ отношеніи принциповъ между нами нѣтъ разногласія, такъ какъ каждый изъ насъ желаетъ добра; что касается внѣшнихъ проявленій, каждый изъ насъ придерживается своего взгляда; эти формы обсуждаются откровенно и дружественно, и никто не старается настоять на преимуществѣ своего взгляда“.

Въ высокой степени интересны и характерны мысли, высказанныя Императоромъ Александромъ Лебцельтерну во время его вторичнаго пребыванія въ Варшавѣ, относительно управленія Польши въ либеральномъ духѣ, какъ его понималъ Александръ I при его измѣнившихся взглядахъ.

„Il y a une vérité dont on ne saurait jamais se séparer sans danger“, говорилъ Александръ; „c'est qu'à côté des principes constitutionnels ou libéraux qu'un Souverain croit devoir adopter envers son peuple, il doit s'établir des moyens de répressions proportionnés. Vous êtes à Varsovie, voyez comme les choses y marchent. J'ai cru devoir donner aux Polonais une constitution libérale, mais j'ai crée à côté des moyens de répression de nature à leur faire connaître qu'ils ne doivent pas s'abuser ni dépasser une certaine ligne. Par suite de mes opinions particulières, me regardant comme homme avant de me regarder comme Souverain, je dois à Dieu et à ma conscience de satisfaire aux droits de tous, mais, responsable de l'ordre public et de tout ce qui pourrait le déranger, je suis là, et au moindre excès, à la moindre exagération, le bras fort de l'autorité se fait sentir, *en cela mon frère*“

me seconde, à merveille. Pourquoi des citoyens, animés de l'amour de leur patrie, ne pourraient-ils pas se rassembler pour délibérer avec un esprit de douceur et de conciliation sur les besoins des peuples, pourquoi n'y pas amener cette indulgence nécessaire envers le prochain, puisque chacun est susceptible d'erreur, au lieu de s'invectiver et de donner le scandale de leurs passions déchaînées?"

„C'est pourquoi, il faut, je le répète, que l'autorité fasse sentir sa présence: à côté d'une concession, un nouveau moyen répressif, qui dise sans cesse à l'esprit égaré ou malveillant qu'il ne saurait impunément avancer un pas de plus. Voyez ce qui se passe ici, informez vous en, et vous vous convaincrez que mon principe mis en pratique est salutaire“.

„Il y a eu des étudiants en des coryphées de la secte, qui ont tenté de venir aussi faire leurs expériences ici. Eh bien, outre qu'il est défendu dans le Royaume d'en admettre avec leur absurde costume, ils ont été de suite saisis et jetés hors des frontières.“

„Il y a ici des gents inquiets comme ailleurs, mais *ils savent et ils apprendront encore* que, si je tâche de faire le bonheur du peuple, j'exige en revanche de l'ordre, de la soumission et de la tranquillité, et que rien n'alterera ma marche. Il y en a même qui seraient bien aises de nous désunir. Ces jours-ci, ils prétendaient savoir que des armements se faisaient en Autriche, et qu'ils ne pouvaient regarder que la Russie. Je leur ai répondu comme ils le méritaient, et j'ajoutai qu'unis d'amitié avec l'Empereur François, pénétré de vénération pour sa loyauté et ses vertus, se serais bien aise qu'il rétablît son armée et que je l'en avais souvent prié; que si l'armée autrichienne se présentait à la frontière russe, je rassemblerais la mienne, je ferais battre les caisses saluer des drapeaux et je la recevrais comme une armée de frères avec toute confiance et les honneurs militaires, tellement je suis convaincu que les sentiments de mon ami et allié ne sauraient être hostiles à mon égard“.

(Есть истина, отъ которой нельзя отступить безнаказанно: а именно: рядомъ съ конституціонными или либеральными принципами, которымъ монархъ считаетъ долгомъ слѣдовать по отношенію къ своему народу, имъ должны быть установлены соотвѣтственные мѣры обузданія. Посмотрите, какъ идутъ дѣла въ Варшавѣ. Я считалъ нужнымъ дать полякамъ либеральную конституцію, но я установилъ вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры обузданія, которыя должны дать имъ понять, что имъ не слѣдуетъ

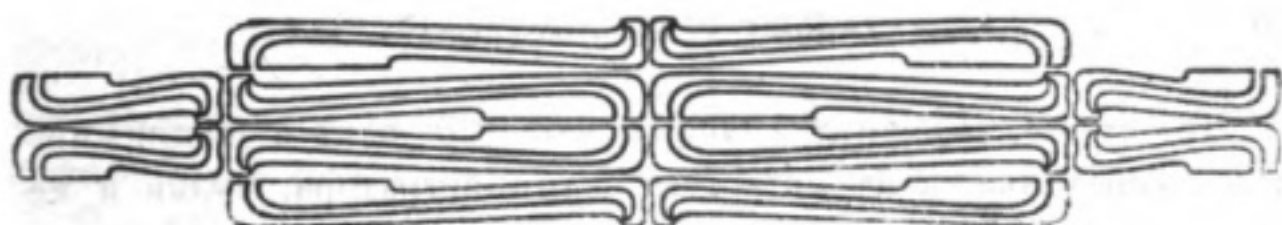
заблуждаться и переступить извѣстныя границы. Вслѣдствіе моихъ личныхъ взглядовъ, смотря на себя прежде всего какъ на человѣка, а не какъ на монарха, я обязанъ передъ Богомъ и своей совѣстью заботиться о правахъ каждаго, но, будучи отвѣтственъ за общественный порядокъ и за все то, что могло бы его нарушить, я исполню свой долгъ и при малѣйшемъ эксцессѣ, при малѣйшемъ увлеченіи, власть проявить свою силу; въ этомъ отношеніи, братъ является моимъ лучшимъ помощникомъ. („Этимъ все сказано, и эти слова—послѣдній штрихъ набросанной характерной картины“, замѣчаетъ Лебцельтернъ, передавая разговоръ Императора Александра).

„Отчего бы граждане, одушевленные любовью къ отечеству не могли собираться, чтобы обсуждать нужды народа въ мягкомъ примирительномъ духѣ, съ снисходительностью, подобающею по отношенію къ ближнему, такъ какъ всякій вѣдь можетъ ошибаться, вѣсто того чтобы поносить другъ друга и выказывать постыдное зрѣлище своихъ разнузданныхъ страстей?

„Повторяю, необходимо, чтобы присутствіе власти давало себя чувствовать: рядомъ со всякой уступкой должно быть новое средство обузданія, которое постоянно говорило бы заблуждающемуся или злонамѣренному уму, что онъ не можетъ безнаказанно ни на шагъ переступить границы дозволеннаго. Присмотритесь къ тому, что здѣсь дѣлается, ознакомьтесь со всѣмъ и вы убѣдитесь въ томъ, что мой принципъ полезенъ на практикѣ.

„Нѣкоторые студенты и вожаки партій сдѣлали попытку произвести и тутъ свои эксперименты. И что же, помимо того, что имъ было запрещено появляться въ предѣлахъ королевства въ ихъ недѣльномъ одѣяніи, ихъ тотчасъ арестовали и выслали за границу“. (Государь не сказалъ мнѣ, добавляетъ Лебцельтернъ, что великій князь приказалъ предварительно обстричь ихъ подъ гребенку, какъ солдатъ).

„Тутъ, какъ и вездѣ, есть безпокойные люди, но они знаютъ и они еще убѣдятся на дѣлѣ въ томъ, что если я забочусь о благѣ народа, то я требую взаимнаго, чтобы былъ порядокъ, покорность и спокойствіе, и что ничто не измѣнитъ моего на это взгляда. Есть люди, которые были бы очень рады разъединить насъ. На-дняхъ они утверждали, что Австрія вооружается, и что это направлено противъ Россіи. Я отвѣтилъ имъ, какъ они того заслуживаютъ, и прибавилъ, что связанный дружбою съ императоромъ Францомъ, проникнутый уваженіемъ

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

1861 г. Мая 8-го числа открытъ первый мировой съѣздъ собраніемъ 8 мир. посредниковъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя.

Начальное разномысліе собравшихся прежде всего явилось въ одеждѣ: кто былъ во фракѣ, кто въ сюртукѣ, иные въ орденѣхъ, другіе — просто. Усѣвшись за столъ, покрытый сверхъ сукна двумя картами уѣзда, и получивъ отъ секретаря распisanіе мировыхъ участковъ, посредники принялись было ихъ слѣдить по картѣ съ раскрашенными приходами, но скоро оказалось, что участки составлены поверхностно по совершенному недостатку нужныхъ свѣдѣній, а потому посредники, вовсе незнакомые со своими участками и вообще съ мѣстностью уѣзда, кромѣ того, гдѣ сами живутъ, заговорили о другомъ. Начались пренія о вопросахъ, какіе кому вспали на умъ.

Слышались разныя частныя мнѣнія о смѣшанной повинности, о барщинѣ и бобыляхъ, объ увеличеніи тяготъ, и т. д. склоненіемъ наиболѣе въ пользу владѣльца.

Выждавъ первую паузу (неумолкаемость), одинъ изъ посредниковъ предложилъ чтеніе записки: о задачахъ посредниковъ, которая и была выслушана со вниманіемъ и даже съ нѣкоторыми одобреніями по новости практическихъ разъясненій и важности званія мирового посредника.

По окончаніи чтенія одинъ изъ посредниковъ (А. А. Назимовъ) попросилъ сообщить ему копію. Секретарь съѣзда (де-Вальдекъ), оставивъ записку у себя, самъ снялъ копію.

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

Это чтеніе, обобщивъ главныя мысли о долѣ и званіи мирового посредника, какъ нотаріуса, администратора, судьи и медиатора, возбудивъ общій интересъ къ дѣлу, породило много вопросовъ, обсуждавшихся уже въ большемъ порядкѣ, какъ бы съ большимъ сознаніемъ необходимости въ томъ, что предлагацій каждому трудъ дѣйствительно требуетъ не только физическихъ, но моральныхъ и умственныхъ усилій, которыя стали выражаться въ слушаніи болѣе терпѣливымъ и рѣчахъ болѣе связанныхъ и послѣдовательныхъ.

Такъ къ концу засѣданія большинство присутствовавшихъ мало-по-малу начало сливаться въ нѣчто цѣлое, склоняясь на сторону удовлетворенія современной потребности въ разрѣшеніи вопросовъ съ большимъ согласіемъ, въ необходимости покориться духу и разуму Положенія о правахъ.

Пользуясь такимъ расположеніемъ собранія, былъ возбужденъ вопросъ: не есть ли званіе мирового посредника одно цѣлое, раздѣленное на девять равныхъ частей? Отвѣтъ былъ единогласно утвердить.

Затѣмъ, какъ уставныя грамоты составляютъ весьма сложный и существенный трудъ, то могутъ ли помѣщики за утвержденіемъ грамотъ обращаться къ каждому изъ девяти посредниковъ свободно, хотя бы и мимо своего участка? Здѣсь голоса раздѣлились, возникли возраженія, и вопросъ остался нерѣшеннымъ до будущаго засѣданія.

Первый совѣщательный сѣздъ длился отъ 6-ти до 10^{1/2} часовъ вечера.

Положено собраться вновь черезъ недѣлю въ субботу.

Мая 13.—Собраніе открылось въ 7^{1/2} часовъ; оповдалъ предводитель по нездоровью дѣтей и множеству просьбъ, къ нему поступавшихъ.

Всѣ вопросы прежняго сѣзда были изложены секретаремъ точно и дѣльно; но многимъ не понравилась форма, въ которой были поименованы лица, возбуждавшія вопросы или дававшія отвѣты, но для окончательнаго впечатлѣнія въ каждомъ того, что было говорено или принято, положено еще разъ прочитать записанное секретаремъ, при чемъ снова начались сужденія и пересуды, но уже окончательно.

Вопросъ о единствѣ званія и дѣйствій посредниковъ относительно уставныхъ грамотъ трактовался до крайности разнообразно и наконецъ рѣшенъ тѣмъ, что помѣщикъ можетъ обхо-

доть участковаго посредника представленіемъ грамоты: „если онъ пожелаетъ, а другой посредникъ согласится“.

Вся бесѣда велась съ большимъ единодушіемъ и порядкомъ. Для подкрѣпленія послѣдняго было предложено составить правила—что и возложено на предложившаго.

Въ заключеніе было объявлено, что завтра будетъ открываться первая волость въ уѣздѣ въ 10-ти верстахъ отъ уѣзднаго города, и всѣ желающіе видѣть приглашаются въ с. Ропти, къ одному изъ посредниковъ, А. А. Половцову;

Здѣсь выразилось общее единодушное желаніе.

Совѣщательный съѣздъ кончился въ 10-ть часовъ вечера. На съѣздѣ было также 8 посредниковъ, (на) мѣсто небывшаго Д. С. С. Оболенскаго занялъ не бывшій прежде Лазаревъ-Станищевъ, нѣсколько затруднявшій сужденія своею глухотою и расположеніемъ къ старому порядку, пристрастіе къ которому во многихъ бывшихъ ослабѣло на первомъ совѣщаніи.

Май 14. Первый волостной судъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, по предварительнымъ повѣсткамъ земской полиціи былъ въ с. Роптяхъ.

Надобно сказать, что волостное правленіе уѣздною комиссіею для этой волости назначено по расписанію въ с. Естамичахъ, но когда для этого у тамошняго помѣщика барона Зальца на случай дождя попросили крышу въ гумнѣ или сараѣ, то онъ отказался, вслѣдствіе чего мировой посредникъ рѣшилъ перевести волость къ себѣ въ имѣніе, отстоящее въ 3-хъ верстахъ отъ назначеннаго.

Еще съ вечера съѣхались выборные отъ разныхъ деревень, вызванные полиціею ошибочно со всѣхъ 6-и волостей мирового участка,—но на первый разъ этого нельзя было дать замѣтить собравшимся, а потому было сказано, что всѣ они призваны быть свидѣтелями открытія первой волости для удостовѣренія въ томъ своихъ односельчанъ, ожидающихъ того же у себя. Эта причина была для нихъ вполне удовлетворительна.

Вторая неудача, — также по ошибкѣ полиціи, — состояла въ томъ, что при перекличкѣ и разстановкѣ людей по деревнямъ, многихъ выборныхъ не оказалось и пристава заключили, что по 2-у стану не дано было знать. Какъ ни затруднительна была, такая неожиданность, но посредникъ, сообразивъ силу первоначальнаго впечатлѣнія, рѣшился объявить: что семеро одного не ждутъ, а кто не пришелъ, тотъ согласится съ тѣми, кто пришелъ, зная, что никто себѣ зла не желаетъ. Краткая рѣчь посредника была разъясненіемъ манифеста, всѣми слышаннаго, но

не всѣми понятаго и не всѣмъ памятнаго. Усиленное вниманіе слушателей было обращено на свидѣтельство Царское объ участіи помѣщиковъ въ дѣлѣ освобожденія: „Помѣщики задумали, написали, просили Царя, трудились много и долго вмѣстѣ съ Царемъ; потомъ все представили, и Царь утвердилъ. Все это вы, православные, уже слышали въ церкви и знаете“.—Крики: „Тошно такъ, тошно, такъ Ваше Превосходительство, слышали, знаемъ, тошно такъ, дай Богъ здоровья!“

— Ну, ребята, такъ теперь у васъ самоуправленіе, значить, справляйтесь сами между собой, какъ знаете, а для этого первое дѣло старшина, честный, какіе, слава Богу, у васъ есть; не пьющій, значить, себя не забывающій, а то всякій пьетъ, да какъ; не обидчикъ, а главное, чтобы любилъ Бога да ближняго, а чтобы намъ такихъ людей пайти побольше, такъ начнемъ дѣло молитвою. — Здѣсь посредникъ, обратясь къ сельскому священнику, стоявшему въ облаченіи передъ накрытымъ столомъ съ образами, Св. Евангеліемъ и Крестомъ, окруженными свѣчами, сказалъ: „благословите, батюшка, на доброе дѣло, отслужите прежде молебенъ о споспѣшествованіи и заступленіи въ начинаемомъ дѣлѣ, съ водосвятиемъ, а потомъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ!“

Началось служеніе, съѣхались почти всѣ посредники уѣзда и предводитель. Всѣ съ непокрытыми головами, принимая лучи яркаго солнца, молились усердно, но крестьяне молча, а дворяне въ разговорахъ.—По возглашеніи многолѣтія Государю, потомъ Св. Синоду и вмѣстѣ всѣмъ предстоявшимъ, приложились ко св. кресту.

Послѣ того масса крестьянъ была по расписанію раздѣлена на части. Выборные первой волости составили 35-ть человекъ,— ихъ отдѣлили и поручили выбрать: волостного старшину и 6-ть волостныхъ очередныхъ судей. Остальные присутствовавшіе раздѣлились по деревнямъ и, узнавъ, къ какой волости будутъ принадлежать, должны были потолковать и подумать, кто въ ихъ деревняхъ ближе и способнѣе можетъ занять назначенныя должности.

Въ это время предводитель, посредники и нарочно пріѣхавшій въ Лугу посредникъ Пензенской губ., кн. Аникѣевъ, въ домѣ посредника-хозяина, составивъ свой кругъ, занялись разсмотрѣніемъ бумагъ и книгъ, принадлежащихъ канцеляріи мирового посредника, волостнымъ и сельскимъ управленіямъ. Заготовленные образцы были единогласно одобрены, и каждый просилъ заготовить для себя.—Не прошло двухъ часовъ въ

общей бесѣдѣ о томъ, что каждому предстоитъ и какія усилія надо употребить,—какъ дали знать, что выборы назначенныхъ должностей первой волости кончены.

Снова все общество вышло къ собранію крестьянъ. Были выбраны: волостной старшина и 4-е волостныхъ судьи, а остальные два судьи назначены изъ деревень, не бывшихъ на выборѣ. Немедленно избранные приведены къ присягѣ, послѣ чего ихъ поздравленія предводителемъ и посредниками представили много похожего на семейное торжество: крестьяне съ лѣвой руки господъ, а господа цѣловали избранныхъ, какъ братьевъ, присягнувшихъ Богу на службу добрую и мирную всѣмъ своимъ собратамъ.

Посредникъ-хозяинъ, сказавъ имъ нѣсколько словъ, обратился къ прочимъ крестьянамъ съ общимъ вызовомъ: Что кому нужно? — Выборные съ разныхъ сторонъ предъявили свои желанія: одни просили соединить приходъ, другіе причислить ихъ не къ той волости, къ которой были приписаны, по разнымъ причинамъ; оказались деревни, пропущенныя въ расписаніяхъ, явились жалобы на помѣщиковъ или крестьянъ между собою, и т. д. Всѣмъ надо было дать отвѣтъ удовлетворительный. Все, что нужно, было записано, и первый волостной сходъ распущенъ.

Въ заключеніе составился домашній мировой съѣздъ за завтракомъ въ числѣ 12 человекъ. Было сдѣлано много замѣчаній полезныхъ развитію дѣла. Дружно соединенные посредники, находя, что выборы первой волости совершились вполнѣ удачно, желали искренно слѣдовать данному примѣру простоты и ясности, вызывая здравый смыслъ народа въ толкахъ и подробностяхъ.

Мая 15. Понедѣльникъ. Въ томъ самомъ мировомъ участкѣ, гдѣ вчера открытіе волости и выборы кончились такъ удачно, явилось первое дѣло неповиновенія крестьянъ въ имѣніи Г. Г. Ренни.—На выборахъ управляющему и крестьянамъ, жаловавшимся, было объявлено: что завтра посредникъ будетъ въ с. Румеля, гдѣ открылось непослушаніе.

Имѣніе состоитъ изъ 1000 душъ, но господскія поля оставались нетронутыми, а время поспѣва проходило.

Утромъ, пріѣхавъ въ деревню, я нашелъ толпу крестьянъ (человекъ до 300-тъ) противъ часовни. Едва показались дрожки, всѣ шапки снялись. Остановясь подлѣ толпы и сойдя съ дрожекъ, я сказалъ:

— Здравствуйте, православные! Толпа отвѣтила пояснымъ поклономъ.

— Что у васъ? Молчатъ: всматриваюсь и вижу лица серьезные и недовольныя; одинъ выходитъ и подаетъ исписанный

листь—это просьба, читаю вслухъ и узнаю, что имъ всю зиму не давали дровъ, тогда какъ прежде дрова отпускались; ихъ давній и лучший покосъ въ 12 десятинъ, пожертвованный деревнею на ближайшій монастырь, проданъ помѣщицей своему мужику по 100 рублей за десятину; прежде здѣсь были оброчные и барщинные крестьяне, теперь почти всѣхъ (исключая 6 работниковъ) посадила помѣщица на оброкъ и половину получила впередъ, но подсобныхъ дней не выговорила, а теперь требуетъ. Кончивъ чтеніе и положивъ бумагу въ карманъ, я замѣтилъ, что большая часть лицъ сдѣлалась покойнѣе. Толпа начала кричать объ обидахъ, я посмотрѣлъ серьезно вокругъ, шикнулъ, и все смолкло.

— Со всѣми мнѣ говорить нельзя. Говори ты, старикъ, какъ тебя вовутъ?

— Романъ Емельяновъ.

— Ну, говори.

Старикъ заговорилъ во всю силу и во весь голосъ, но въ концѣ рѣчи коснулся личной неприязни къ старостѣ, я его остановилъ словами:

— Вонъ оно, вонъ ты куда пустился, пока ты говорилъ дѣло—я слушалъ, а ты сталъ поминать старое, за это—знаешь что? поди же въ сторону—говори другой.

— Да, точно такъ, Ваше Превосходительство, мы обижены: дровъ купили кто на 10 рублей, кто на 15; лугъ былъ наемный, знатный, трава чудовая, барыня продала своему мужичку, да и мужикъ-то какой: отродясь на барской работѣ не бывалъ, его всѣ знаютъ.

— А, и ты заговорилъ вздоръ, ну, говори третій.

— Да, точно такъ, обидно, Ваше Превосходительство!

Въ это время подошелъ ко мнѣ курчавый мальчикъ лѣтъ 14-ти и сталъ подлѣ, вдругъ грозная рука, отдѣляясь отъ толпы, схватила его за кудри, повернула вокругъ и отбросила назадъ.

— Это что? поди сюда, мальчикъ, стань подлѣ, ты вмѣсто бабокъ пришелъ слушать, что говорятъ на миру, умница, со временемъ будешь самъ дѣльный хозяинъ, стой тутъ. А ты зачѣмъ его оттаскалъ? Ступай взадъ, чтобы я тебя не видалъ.

— Ну, говори, старикъ.

Рѣчь была та же, такъ прошло больше часа.

— Ну, ребята, васъ я выслушалъ, теперь поѣду въ контору, послушаю управляющаго и старосту,—значить, другую сторону, а вы между тѣмъ еще потолкуйте, какъ дѣлу быть, барскимъ полямъ непосѣяннымъ оставаться нельзя.—Прощайте!

немъ постараться, я поѣхалъ къ барону Зальцу и встрѣтилъ его на полъ-дорогѣ, ѣдущимъ ко мнѣ, — вернулись вмѣстѣ къ его дому, какъ ближайшему. Первый разъ въ жизни, заѣхавъ къ сосѣду, въ 3-хъ верстахъ живущему, я прошелъ грязнымъ подваломъ на черную, ветхую лѣстницу и посредствомъ заднихъ комнатъ добрался до порядочнаго кабинета и вмѣстѣ спальни хозяина, — усѣлись, заговорили, и едва я произнесъ имя Антона, какъ онъ мнѣ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, это мужикъ лѣнивый, никуда негодный, онъ мнѣ нагрубилъ, я написалъ къ исправнику, его высѣкли, и я объявилъ ему, что онъ никакъ не будетъ на оброкъ. Нѣтъ, на это я никакъ согласиться не могу.

— Баронъ, вѣдь, я не для него, а для васъ желаю лучшаго; вы сами говорите, что мужикъ лѣнивый и негодный, какой же онъ вамъ работникъ? Не хотите вы его видѣть, возьмите деньги отъ меня, и дѣло кончено, иначе онъ будетъ работать дурно, станетъ говорить больнымъ, не являться вовсе на работу. Вы уже разъ его наказали черезъ полицію, неужели всякій разъ будете посылать въ городъ Лугу?

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, я обращусь къ вамъ, вы должны его приказать наказать, по положенію вы можете дать 20-ть розогъ. Меня просили въ посредники; если бы я не былъ старъ, я бы пошелъ, и тогда каждому мужику, который пришелъ бы на васъ жаловаться, велѣлъ бы тотчасъ дать 20-ть розогъ, по положенію, и вамъ слѣдуетъ такъ дѣлать, иначе вы наживете много непріятностей; мы и безъ того разорены, а вы хотите вызвать меня на очную ставку съ крестьянами, развѣ это можно? развѣ они не должны заплатить всѣ старые долги? За прежнее время вы жалобъ принимать не можете, а они должны мнѣ все уплатить. Съ дѣвокъ я получалъ по 8 рублей оброку, и теперь мнѣ всѣ заплатили, а одна не платитъ и нейдетъ работать два дня.

— Да, вѣдь, она землею вашею не пользуется, живетъ при семьѣ, какой же вы хотите отъ нея оброкъ?

— Мнѣ всегда всѣ платили, а теперь сказано, что два года по-старому, и она должна платить.

— Нѣтъ, баронъ, не должна, и если мнѣ пожалуется, то я представлю о томъ мировому съѣзду, который положилъ, чтобы за землю отвѣчало тягло, а не безтягольные. Но мы заговорили о другомъ. Скажите, угодно вамъ уволить на оброкъ вашего мужика, одинокаго и живущаго за 10-ть верстъ, котораго вы сами называли негодяемъ?

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, если онъ 100 рублей принесетъ—не соглашусь.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ уѣхать и пожалѣть, что обратился къ вамъ съ первою просьбою лично.

— Нѣтъ, Ваше Превосходительство, останьтесь, сейчасъ подадутъ закуску.

— Прощайте, баронъ. Ваше желаніе исполнится — Антонъ останется на барщинѣ, но подумайте безъ меня, каково вамъ будетъ всякую недѣлю присылать ко мнѣ жалобу на одного и того же мужика, и какъ я долженъ буду вамъ отвѣчать.

Хозяинъ проводилъ меня на дворъ, стоялъ безъ шапки и продолжалъ просить остаться закусить, но я уѣхалъ.

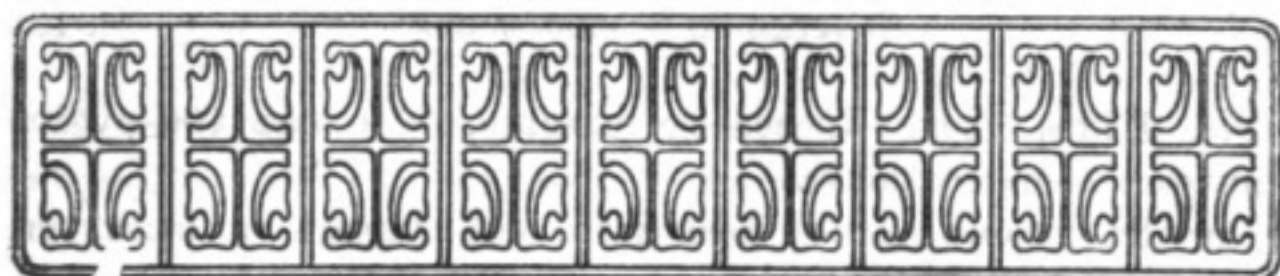
Жалоба. Помѣщица Свѣтова послѣ 30-ти-лѣтней службы двороваго человека Никифора осенью отпустила его въ деревню и дала ветхую избу. Проживъ зиму въ Петербургѣ, онъ купилъ лошадь, корову, запахалъ пашню, посѣялъ горохъ, какъ вдругъ, пріѣхавъ изъ Петербурга, она снова потребовала его къ себѣ и велитъ быть снова дворовымъ. Рѣшеніе отложено до образованія волости.

Священникъ села Заозерья о. Петръ прислалъ письмо помѣщицы Аникиной, требующей отъ него отвѣта: „Какъ онъ смѣлъ повѣнчать ея крестьянку за чужого мужика и тѣмъ присвоить ея собственность“. На томъ же письмѣ написано мною: „О. Петръ! Можете вѣнчать крестьянъ, не спрашивая ихъ бывшихъ помѣщиковъ“,—и отправилъ обратно.

Сообщила А. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры.

Въ бою.

Не прошло и шести дней, какъ отрядъ вернулся изъ двухнедѣльнаго крейсерства въ Тихомъ океанѣ, а уже вновь онъ былъ готовъ къ походу; пришелъ во Владивостокъ и послѣдній захваченный имъ призъ, большой почтовый пароходъ, долговременное пребываніе котораго въ пути беспокоило личный составъ отъ адмирала до матроса.

Послѣднія извѣстія изъ Портъ-Артура ясно указывали, что близится то время, когда 1-ая эскадра Тихаго океана уже пополнится исправленными кораблями и сможетъ вступить въ относительно равный бой съ японцами, да и кромѣ того она и принуждена будетъ это сдѣлать, такъ какъ непріятельскія береговыя батареи уже стали дѣйствовать по судамъ, находившимся въ гавани.

Отрядъ стремился поддержать своихъ далекихъ товарищей, а когда въ послѣднихъ числахъ іюля вышелъ онъ ночью въ море и на разсвѣтъ адмиралъ поднялъ сигналъ о слѣдованіи 1-й эскадры изъ Портъ-Артура во Владивостокъ, никто не былъ удивленъ и отлично понималъ, что будетъ серьезная встрѣча съ непріателемъ, что произойдетъ бой, и прежняя задача крейсеровъ—отвлекать силы непріятеля отъ Портъ-Артура, въ настоящее время потеряла свое главное значеніе.

Выйдя изъ залива Золотой Рогъ, отрядъ легъ на знакомый курсъ къ Цусимскому проливу, и на утро слѣдующаго дня перестроился изъ кильватера въ строй фронта, но съ промежутками въ 10 миль.

Такой маневръ былъ произведенъ для того, чтобы увеличить районъ видимости отряда и тѣмъ самымъ предоставить себѣ возможность не пропустить Портъ-Артурскую эскадру въ томъ случаѣ, если она шла во Владивостокъ южнѣе или сѣвернѣе курса флагманскаго крейсера; на ночь суда вновь вступали въ строй кильватера и въ этомъ порядкѣ на разсвѣтѣ 1 августа подходили къ Цусимскому проливу.

Старшій лейтенантъ стоялъ собаку и передъ смѣной внимательно осматрѣлъ горизонтъ: звѣздная ночь была тиха, море поблескивало отъ легкой ряби, бѣлесоватая мгла лежала на темномъ горизонтѣ, и только со стороны Японіи небо казалось чуть свѣтлѣе — то занималась заря: сдавъ вахту, спустился онъ къ себѣ въ каюту и, думая заснуть часокъ другой, не раздѣваясь легъ на койку. Едва дремота начала овладѣвать нѣсколько утомленнымъ офицеромъ, какъ до его чуткаго слуха, привыкшаго сквозь сонъ различать всѣ необычныя отклоненія въ корабельной жизни, донесся тревожный звукъ барабана и горна. Вотъ онъ повторился яснѣе, и черезъ минуту лейтенантъ уже бѣжалъ по верхней палубѣ на свое мѣсто по боевой тревогѣ. Люди стояли по расписанію, быстро убирались сегментные снаряды и поднимались фугасные, еще черезъ минуту корабль былъ готовъ къ бою, и офицеры и прислуга отъ орудій вглядывались въ горизонтъ, стремясь разсмотрѣть, кто былъ причиной тревоги. Свѣтало, со стороны Кореи горизонтъ былъ темень; со стороны Японіи небо уже приняло розоватый оттѣнокъ; съ кормы на пути къ Владивостоку видѣлась какая-то безформенная масса, окутанная дымомъ и предразсвѣтной мглой. „Свои или чужіе“?.. естественно возникала у каждого мысль, и отрядъ, какъ бы желая выяснитъ это обстоятельство, не производя ни единого выстрѣла, поворачиваетъ на нѣсколько румбовъ въ сторону непріятеля.

Загадочный пока клубокъ судовъ дыма и мглы, мало-по-малу въ лучахъ разсвѣта, теряетъ свою безформенность, и изъ него выдѣляется корпусъ корабля, лежащаго на параллельный отряду крейсеровъ курсъ.

— „Пересвѣтъ“, тихимъ говоромъ передается изъ устъ въ уста, но не чувствуется увѣренности въ этомъ опредѣленіи, чувствуется лишь желаніе, чтобы это было такъ, потому что появленіе нашихъ судовъ въ Цусимскомъ проливѣ даетъ надежду на удачный исходъ прорыва Портъ-Артурской эскадры во Владивостокъ.

— „Побѣда“, высказываетъ предположеніе командиръ носовой

группы орудій, рассматривая въ бинокль дѣленій корпуса второго корабля. Но третій корабль? Такого корабля, съ отдѣлившейся отъ двухъ первыхъ трубъ, третьей дымовой трубой, въ русскомъ флотѣ нѣтъ.

— „Атзума“, громко говоритъ онъ, и какъ бы въ подтвержденіе его словъ съ флагманскихъ кораблей встрѣтившихся враговъ блеснули огни и гулко разнесся по недвижимому воздуху первый выстрѣлъ шестидюймоваго орудія, а когда солнце, громадное, переливающееся огненными струйками, выглянуло изъ-за горизонта, бой былъ уже въ полномъ разгарѣ.

Командиръ стоялъ на верхнемъ открытомъ мостикѣ: съ высоты пятидесяти футовъ ясно видѣлъ онъ четыре непріятельскіе корабля, бортъ которыхъ непрерывно прорѣзался струйками огня; стрѣльба велась японцами страшно быстро, масса снарядовъ пролетала надъ мачтами крейсеровъ, а попаданій во второй крейсеръ было еще немного.

Разстояніе между врагами стало увеличиваться и достигло шестидесяти кабельтовыхъ, при которыхъ стрѣльба изъ шестидюймовыхъ пушекъ стала затруднительной, и въ этотъ моментъ почти одновременно два непріятельскихъ восьмидюймовыхъ снаряда попадаютъ въ боевой форъ-марсъ и переднюю трубу: нѣсколько человѣческихъ тѣлъ, обезображенныхъ взрывомъ, летятъ съ форъ-марса въ воду, другіе грузно шлепаются на палубу; изъ двѣнадцати человѣкъ, находившихся на марсѣ, одиннадцать во главѣ съ офицеромъ, отъ котораго осталась на крейсерѣ ступня, найденная впоследствии въ катерѣ, пали жертвою долга; осколками отъ этихъ двухъ снарядовъ были переранены почти всѣ находившіеся на мостикѣ, а самъ командиръ получилъ легкую рану въ голову, послѣ чего спустился въ боевую рубку, гдѣ ему сдѣлали перевязку и откуда онъ продолжалъ управлять крейсеромъ.

Большое разстояніе позволяло вести бой только восьмидюймовыми орудіями, при чемъ со стороны непріятеля таковыхъ дѣйствовало шестнадцать, а со стороны отряда крейсеровъ только четыре ¹⁾.

Къ этому времени палуба крейсера была усеяна тѣлами прислуги мелкой артиллеріи, которая дѣйствовала въ началѣ боя на близкомъ разстояніи, и двумя-тремя взорвавшимися на верхней палубѣ снарядами была сметена: японскіе снаряды, съ чувстви-

¹⁾ Двѣ 8-ми дюймовыя орудія третьяго крейсера были стараго образца—не дальнобойныя.

тельными трубками; при разрывѣ давали сотни мелкихъ осколковъ, которые подобно пулевой струѣ пулемета не оставляли живого непоцарапаннаго борта, задѣвая конечно по пути тѣхъ людей, которые стояли у орудій на верхней палубѣ. И когда по крейсеру пронеслась команда „отъ мелкихъ орудій отойди“, на перевязочный пунктъ явились уцѣлѣвшіе, ихъ было только половина, а черезъ нѣсколько минутъ, уже перевязанные во многихъ мѣстахъ они присоединялись къ прислугѣ казематныхъ орудій.

Лихой комендоръ, отъ 75 м./м. орудія на правомъ шкафутѣ съ повязкой на головѣ вступилъ въ обязанности второго номера у 8-ми-дюймоваго носового, взамѣнъ убылого, смертельно раненнаго, но не успѣлъ пробыть и двухъ минутъ, какъ осколкомъ, залетѣвшимъ съ верхней палубы, вторично былъ раненъ въ лѣвое плечо, а черезъ пять минутъ опять онъ оказался на своемъ мѣстѣ и энергично дѣйствовалъ одной правой рукой.

У праваго восьмидюймоваго кормового орудія, незащищеннаго казематомъ, кромѣ перваго номера перемѣнилась вся прислуга, а орудіе все неизмѣнно посылаетъ врагу свои гостинцы.

На кормовомъ мостикѣ два офицера: командиръ кормовой группы и командиръ plutonга восьмидюймовыхъ орудій: лейтенантъ съ бѣлокурой бородкой, бывавшій въ жестокихъ схваткахъ въ Китайскую кампанію, весело посмѣивался, подбадривая людей, оставшихся у крупныхъ орудій; безбородый, съ породистымъ лицомъ, длинный мячманъ смотрѣлъ въ бинокль, стараясь уловить свои попаданія, но не такъ это было легко: въ сильныя стекла были видны только всплески отъ падающихъ снарядовъ, не взрывающихся о воду, — только въ рѣдкихъ случаяхъ, при ударахъ въ бронированныя части корабля, — въ бортъ, рубку или башню, — удавалось замѣтить вспышки огня и небольшое облако желтаго дыма; все же, попадавшее въ незащищенный бортъ, проникало внутрь судна и можетъ быть тамъ разрывалось, но наблюдающему за огнемъ видѣть эти попаданія не представлялось физической возможности.

При такихъ условіяхъ трудно было русскимъ управлять огнемъ, тогда какъ, оглянувшись на задній мателотъ, можно было наблюдать, какъ всякій японскій снарядъ, задѣвавшій трубу, бортъ, штаги корабля, поднималъ при разрывѣ громадный столбъ чернаго дыма, а нѣкоторые снаряды рвались даже при ударѣ о воду, и лишь два-три снаряда попадало въ крейсеръ, какъ пальба усиливалась и море вокругъ него какъ бы

кипѣло отъ громаднаго количества бросаемыхъ врагомъ снарядовъ.

Высокій столбъ чернаго дыма, мягкій звукъ отъ взрыва снаряда и исковерканная корма миннаго катера, стоявшаго на бортовыхъ блокахъ на линіи шканцевъ, указали на мѣсто новаго вражескаго попаданія: бѣлокурый лейтенантъ тихо опустился на палубу, на бѣломъ кителѣ и брюкахъ, разорванныхъ около живота, выступили яркія пятна крови; въ голубыхъ глазахъ, такъ бодро, такъ весело слѣдившихъ за боемъ, появилось выраженіе боли, но черезъ минуту они стали спокойными; къ офицеру подбѣжалъ мичманъ, у котораго осколками того же снаряда оторвало двѣ пуговицы тужурки, и матросъ со шрамомъ на лбу; еще подбѣжалъ одинъ матросъ съ носилками, и молодое, только-что полное жизни, тѣло понесли внизъ; но, мучаясь отъ боли, бравый офицеръ нашелъ еще силы слабѣющимъ голосомъ подбодрить геройскую прислугу восьмидюймовыхъ орудій.

— Хорошенько ихъ, братцы, — были слова его, и слова послѣднія, такъ какъ на перевязочномъ пунктѣ онъ былъ безмолвенъ; лишь тускнѣвшій взоръ едва могъ уловить изображеніе креста, которымъ благословлялъ офицера судовой священникъ, напутствуя умирающаго въ жизнь вѣчную.

Снаряды стали попадать чаще: вотъ одинъ проникъ черезъ верхнюю палубу; рядъ патроновъ для шестидюймовыхъ орудій, снятыхъ съ бесѣдки и приготовленныхъ къ подачѣ, былъ обращенъ ихъ открытой частью въ сторону непріятельскаго снаряда—при взрывѣ осколки осыпали эти патроны, и огненнымъ столбомъ съ желтоватымъ дымомъ вспыхнувшаго бездымнаго пороха охватило безусаго плутонговаго командира, а когда возвращавшійся съ перевязочнаго пункта матросъ со шрамомъ на лбу потушилъ изъ пипки начинавшійся пожаръ, онъ увидѣлъ недвижимое стройное тѣло молодого мичмана, совершенно обнаженное, безъ малѣйшихъ наружныхъ ссадинъ или ранъ, но желтое, какъ лимонъ, отъ ожога.

Два часа прошло послѣ начала боя, и тревога за третьяго товарища овладѣла двумя сильными крейсерами: съ артиллеріей стараго образца, со старой машиной, при поворотѣ получилъ онъ снарядъ въ корму, и это попаданіе было для него смертельнымъ: заклинило руль, и крейсеръ потерялъ возможность управляться.

Какъ только давалъ онъ ходъ, положенный на бортъ руль заставлялъ крейсеръ описывать циркуляцію, и

онъ остановился. Непріятель, замѣтивъ это, сосредоточилъ на безпомощномъ крейсере всю силу огня, и съ замираніемъ сердца смотрѣли съ другихъ крейсеровъ, какъ высокіе столбы огня и дыма отъ взрыва вражескихъ снарядовъ то и дѣло лизали незащищенные борта крейсера и какъ на каждый такой взрывъ слышался отвѣтный выстрѣлъ. Дважды крейсера поворачивали къ раненому товарищу, проходя между нимъ и непріятелемъ, защищая его и принимая на себя градъ снарядовъ, въ надеждѣ, что въ этотъ періодъ отвлеченія огня успѣетъ онъ оправиться, успѣетъ онъ подняться съ силами и вступить въ прежній строй кильватера.

Еще участились попаданія, такъ какъ крейсера, оберегая грудью товарища, проходили пространство, по которому врагъ уже пристрѣлялся.

Въ носовомъ казематѣ залетѣвшими осколками и огненными брызгами зажгло приготовленные картузы для восьмидюймоваго орудія, вспыхнула желтымъ пламенемъ оболочка картузовъ и наполнила дымомъ помѣщеніе, еще нѣсколько секундъ и температура горѣнія достигнетъ опасной нормы, произойдетъ страшный взрывъ и выведетъ онъ изъ строя людей, а главное орудіе. И командующій офицеръ, и раненый легко въ руку артиллерійскій кондукторъ, и находившіеся матросы ясно понимаютъ грозящую опасность и на горячіе картузы направлены двѣ пипки, выливается вода изъ орудійной кадки, бросаются оставшіеся съ ночи бушлаты и . . . огонь потушенъ; какъ бы злобствуя на такую удачу, рядомъ съ казематами, въ носовой палубѣ взрывается еще одинъ снарядъ: комендоръ и первый подносчикъ убиты, а артиллерійскій кондукторъ и шесть матросовъ ранены.

Тѣмъ временемъ къ подбитому товарищу исподтишка подошелъ одинъ изъ трехъ небольшихъ непріятельскихъ крейсеровъ, только-что появившихся на горизонтѣ, и помѣстившись у него за кормой, посылалъ въ раненаго одинъ за другимъ убійственные снаряды. Больно было смотрѣть на это избіеніе, и комендоръ ретирднаго орудія, въ обстрѣлъ котораго находился этотъ крейсеръ, спеціально имъ занялся: ведя самостоятельную пристрѣлку, онъ добился того, что его снаряды стали падать сначала близко, а затѣмъ, къ громадному удовольствію прислуги, крейсеръ, получивъ нѣсколько снарядовъ въ корпусъ, началъ быстро удаляться съ оказавшейся для него непріятной позиціи.

Съ шипѣніемъ и свистомъ летятъ непріятельскіе снаряды:

однихъ не видно, это большіе перелеты, другіе летятъ медленно, и видно, какъ они кувыркаются въ воздухѣ. „Вотъ эти, ваше высокоблагородіе, акробаты, постоянно въ крейсеръ и попадаютъ“, докладываетъ мичману молодцеватый подшкиперъ, состоящій при командирѣ кормовой группы, „а одинъ, такъ ударился донной частью о бортовую броню и упалъ въ воду, совсѣмъ не взорвавшись“. Вначалѣ опѣшившій, но вскорѣ овладѣвшій собой, этотъ достойный унтеръ-офицеръ могъ рассказывать исторію каждого изъ попавшихъ непріятельскихъ снарядовъ. Судьба хранила его и въ то время, какъ онъ отдѣлался только царапиной, да мичманъ, простоявшій четыре съ половиной часа на открытомъ мостикѣ, лишился двухъ пуговицъ отъ тужурки, кругомъ царилъ смерть: у дѣйствовавшихъ орудій чуть не по три раза смѣнялась прислуга, люди, стоявшіе у пипокъ, на подачѣ и голосовой передачѣ были всѣ переранены. Въ носовой части потери въ людяхъ были сравнительно меньшія.

— „Старшаго офицера, старшаго офицера....“ передается тревожный кликъ.... „въ рубку требуютъ старшаго офицера“, говорятъ между собою матросы; „командира убило“, распространяется тревожная вѣсть: сильно надѣется команда на своего строгаго судового командира и хочется ей не вѣрить этой гибели.

Большой непріятельскій снарядъ, ударившійся въ стѣнку боевой рубки, разорвался, и масса осколковъ, коснувшись внутренней поверхности грибовидной крыши, рикошетиrowала внутрь рубки: командиръ, 3 офицера и всѣ до одного нижняго чина были задѣты этими злополучными гостями.

Обливаясь кровью, обильно текущей по спинѣ изъ глубокой раны, шатаясь, вышелъ изъ рубки старшій минный офицеръ и обезсиленный упалъ на руки подхватившихъ его матросовъ.

Прапорщикъ запаса флота, бывшій командиромъ носовой противоминной артиллеріи и стоявшій на полубакѣ, почувствовавъ бѣду, стремглавъ бросился къ рубкѣ, и глазамъ его представилась необычайная картина: на рулѣ никого не было, съ окровавленной головой ничкомъ лежалъ рулевой, старшій штурманъ и артиллерійскій офицеръ, раненые и отравленные газами, согнувшись, стояли у стѣнокъ; окровавленный командиръ, еле ступая, передвигался по рубкѣ, еще нѣсколько тѣлъ лежало на палубѣ.

Позвавъ людей для уборки убитыхъ и оказанія помощи

раненымъ, спокойный, выдавшій виды за свою, коммерческаго моряка, живнъ, прапорщикъ всталъ на руль и до прихода старшаго офицера являлся и командиромъ громаднаго корабля, и его простымъ рулевымъ.

Вскорѣ послѣ этого случая, отрядъ крейсеровъ временно вышелъ изъ сферы огня, и при наступившемъ затишьѣ произвели перевязку командиру; восемнадцать ранъ было на его тѣлѣ, но, узнавъ, что въ командѣ пронесся слухъ о его смерти, поддерживаемый офицеромъ и квартирмейстеромъ, началъ обходить онъ всѣ палубы и казематы и обвязанный во всѣхъ направленіяхъ бинтами, благодарилъ команду за службу, а подъ аккомпаниментъ вновь начавшейся пальбы и взрывовъ вернулся въ боевую рубку, гдѣ, сѣвъ на стулъ, продолжалъ руководить боемъ.

— „Куда вы, ступайте внизъ“, обращается легко раненый лейтенантъ къ дважды раненому артиллерійскому кондуктору, съ разгорѣвшимся боемъ вновь появившемуся въ казематѣ: упираясь одной рукой на палку, имѣя подъ мышкой другой руки половую щетку, безъ сапога, съ перевязками на животѣ и ногѣ, ковылялъ общій любимецъ крейсера, пытаясь подняться по трапу. „Какъ же, нельзя иначе, ваше высокоблагородіе, я при исправленіи орудій и совершенно могу давать всѣ указанія“ — былъ отвѣтъ этого кондуктора, ставившаго долгъ службы выше всѣхъ тѣхъ нравственныхъ преимуществъ, которыя, казалось бы, давали ему полученные имъ дважды раны. И, дѣйствительно, въ этотъ моментъ испортился замокъ у восьмидюймаго орудія, и тотчасъ же достойный кондукторъ совместно съ машиннымъ квартирмейстеромъ, знаменитымъ, какъ незамѣнимый слесарь, орудовали около этого важнаго механизма.

Лейтенантъ вышелъ изъ каземата на палубу, чтобы посмотреть на оставшійся вдаль подбитый крейсеръ, и окинувъ привычнымъ глазомъ водную гладь, вздрогнулъ: со стороны непріятеля по ровной поверхности воды шла борозда, какъ бы отъ курка мины. „28 кабельтовыхъ“, вспомнилъ онъ послѣднее разстояніе, данное съ мостика, и зная, что это разстояніе слишкомъ велико для мины, бросился на полубакъ, желая все-таки провѣрить свое впечатлѣніе.

— „Вы видите“? обратился онъ къ прапорщику. „Да, мина, а можетъ быть касатки, ихъ тутъ такая масса, но во всякомъ случаѣ она проходитъ мимо“. Дѣйствительно, пучекъ воды, приподнятый какимъ-то невидимымъ двигателемъ, прошелъ

между крейсерами, и, уже не безпокоясь за участь крейсера, офицеры вернулись къ своимъ обязанностямъ.

Третій крейсеръ тѣмъ временемъ какъ будто оправился, и казалось, что онъ двигается впередъ; такое же впечатлѣніе вынесъ видимо и флагманскій корабль, такъ какъ отрядъ уже не возвращался болѣе на югъ, а шелъ на сѣверъ, какъ бы отвлекая всѣ силы врага на себя; скоро изъ глазъ воюющихъ подбитый товарищъ скрылся, а между тѣмъ шла перестрѣлка съ тѣмъ только различіемъ, что стрѣльба эта была не такъ быстра, какъ раньше; теперь можно было слѣдить за каждымъ выстрѣломъ непріятеля.

На крейсерѣ оставалась еще половина боевого запаса, но зато много пушекъ сдало: нѣкоторые механизмы, непробѣренные достаточнымъ опытомъ, оказались негодными.

Кочегаръ-татаринъ, раненый въ ногу и стрѣлявшій за перваго номера изъ шестидюймоваго орудія въ носовой батарее, со злобой бросилъ свою фуражку на палубу и заковылялъ къ плутонговому командиру, молодому мичману въ пенснэ, которое въ его жизни сыграло не малую роль: осколокъ снаряда, ударившись о хрусталь, изъ котораго они были сдѣланы, отломилъ половину стекла и рикошетировалъ въ сторону.

— „Вашимъ высокоблагородіямъ, подъемная машина ломай; зачимъ такой плохой матеріалъ“, жаловался онъ, размахивая руками, видимо жестоко обиженный, что въ тотъ моментъ, когда изъ роли второго подносчика онъ попалъ въ отвѣтственное мѣсто комендора, орудіе, которое онъ такъ любилъ, вдругъ отказалось служить. „Погонному дырка мала, палить въ японца нельзя“, продолжалъ сѣтовать онъ на малый угловой обстрѣлъ единственнаго, оставшагося неповрежденнымъ носового орудія.

— „Ступай въ казематъ, тамъ пригодишься“, приказалъ мичманъ, и кочегаръ-комендоръ заковылялъ дальше, уже бормоча что-то по-татарски.

Бой, повидимому, стихалъ, но вотъ непріятель, пользуясь тѣмъ, что Русскій флагманскій крейсеръ, вслѣдствіе поврежденія трубъ и котла, принужденъ былъ уменьшить ходъ до 12 узловъ, сталъ сокращать разстояніе: думалъ онъ, можетъ быть, что можетъ съ близкаго разстоянія нанести больше поврежденій, хотѣлъ, можетъ быть, онъ стрѣлять минами, но на заднемъ крейсерѣ только этого и ждали: яркой огненной полосой зажегся правый бортъ, и изъ полдюжины шестидюймовыхъ орудій, расположенныхъ въ закрытой палубѣ, посыпался на непріятеля градъ снарядовъ; неожиданный такой энергичной

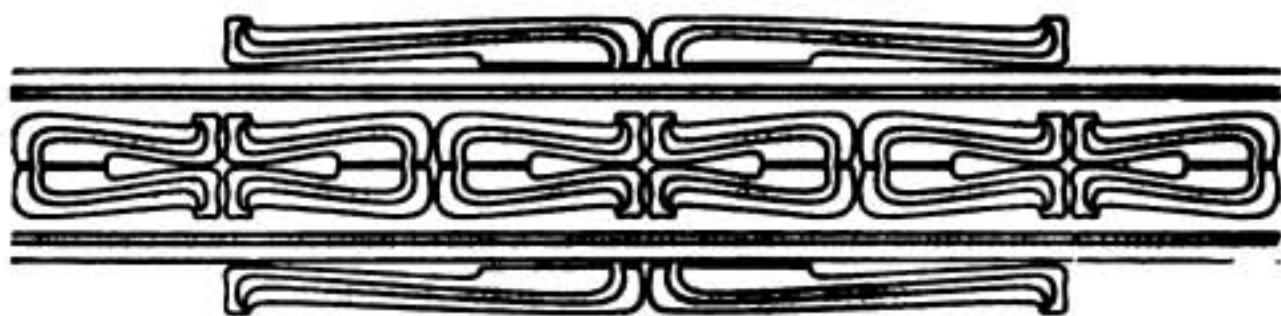
стрѣльбы, а сѣдя по рѣдкой пальбѣ русскаго флагманскаго корабля, у котораго могли дѣйствовать всего двѣ пушки, предполагавшій окончательно разгромить ненавистный ему отрядъ, не выдержалъ японскій адмиралъ отпора и, понемногу увеличивая разстоянія, внезапно повернулъ на 16-ть румбовъ и скрылся изъ вида удивленныхъ такимъ его поступкомъ крейсеровъ.

Но послѣднимъ, случайно залетѣвшимъ снарядомъ, унесло еще нѣсколько дорогихъ для флота жизней: рябоватый первый боцманъ, такъ много, за долгую сверхсрочную службу, вложившій своихъ знаній, труда и силы на пользу отечества, ничтожнымъ осколкомъ, угодившимъ въ лобъ, былъ убитъ наповалъ, рядомъ съ нимъ тихо повалился и матросъ со шрамомъ, такъ много потрудившійся въ этомъ бою. Къ нему подбѣжалъ молоденькій матросъ изъ числа приставленныхъ къ носилкамъ: раненый, съ усиленіемъ приподнимаясь на локоть, прерывающимся, точно отъ одышки голосомъ, прошепталъ: „скажи ротному, что заслужилъ я“.... „Что заслужилъ?“ переспросилъ въ недоумѣніи матросъ, остановленный этой фразой, неожиданной ея и не зная, что ему дѣлать....

„Онъ знаетъ, въ караулъ“.... Кровь хлынула горломъ и, не докончивъ начатой фразы, честный человекъ, — то сама судьба видно не хотѣла, чтобы тайна, которая была известна ротному командиру и ему, обнаружилась раньше, чѣмъ другой обладатель ея, узнавъ о славной смерти незамѣтнаго героя, не перекрестился за упокой души его широкимъ знаменіемъ и не рассказавъ объ этомъ случаѣ въ средѣ своихъ товарищей, дѣлясь съ ними боевыми воспоминаніями.

Славлебъ.

Эдуардъ Францевичъ Направникъ.

Монографическій этюдъ по поводу его полувѣкового
служенія русскому музыкальному искусству.

1863 — 1913.

I.

Въ культурномъ обиходѣ современной жизни, равно какъ и въ сужденіяхъ многихъ компетентныхъ лицъ, *между служеніемъ искусству — въ строгомъ значеніи этого слова — и профессионально-артистической дѣятельностью*, не принято дѣлать существеннаго различія, отождествляя такимъ образомъ каждое лицо, подвизающееся на художественномъ поприщѣ, ео ірво съ вдохновеннымъ жрецомъ храма Аполлона. Между тѣмъ ошибочность подобнаго взгляда слишкомъ очевидна и не можетъ быть оправдываема и охраняема только въ силу того, что за давностью лѣтъ она пріобрѣла какъ бы права гражданства. Въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ артисты, даже самые талантливые, прославленные и знаменитые, являются въ дѣйствительности не чѣмъ инымъ, какъ профессионалами, оберегающими и преслѣдующими исключительно только свои личные, чисто эгоистическіе интересы, не связанные никакими узами съ высоко-нравственными цѣлями облагораживающаго человѣческую душу искусства. Въ отдаленныя отъ насъ тысячелѣтіями времена процвѣтанія эллинскаго искусства всѣ артисты-исполнители и художники являлись несомнѣнно и священнослужителями, проповѣдовавшими религію красоты, изящества и жизнерадостныхъ наслажденій, ниспосланныхъ имъ съ высотъ божественнаго Олимпа. Для вящаго прославленія такого

вѣрованія Аполлонъ нуждался тогда въ благосклонномъ содѣйствіи Геліоса, ибо, безъ бога солнца и согрѣвающихъ его золотистыхъ лучей, музы не выходили на арену художественно-артистическихъ состязаній; яркій дневной свѣтъ, съ лазурнымъ небомъ на неизмѣнно-ослѣпительномъ фонѣ природной красоты, былъ для древне-эллинскаго искусства такъ же необходимъ, какъ и творческая фантазія для геніевъ, создавшихъ его.

Но мы давно эманципировались отъ солнечнаго божества грековъ и наше искусство — по крайней мѣрѣ многія его отрасли — расцвѣли безъ всякаго благорасположенія къ нему Геліоса или Діаны, что несомнѣнно было причиной коренного видоизмѣненія во всемъ, что касалось значенія, формы, содержанія и исполненія произведеній художественнаго интеллекта. Выступившій впоследствии съ вѣками на первый планъ индивидуализмъ въ искусствѣ побудилъ исполнителей и къ проявленію субъективнаго чувства, что въ свою очередь содѣйствовало развитію романтизма, въ постепенномъ исчезновеніи котораго искусство теряетъ замѣтно почву подъ собой. Съ момента, когда личность и взглядъ, т. е. толкованіе исполнителя-артиста, пріобрѣли и въ искусствѣ особое значеніе и неотъемлемое право *олицетворять* собой созданные воображеніемъ сочинителя духовные образцы, поприще артистической передачи отдѣлилось уже, въ силу многихъ обстоятельствъ, отъ того идеальнаго служенія искусству, о которомъ такъ много было сказано въ продолженіе всей нашей культурно-исторической эпохи. Съ пробужденіемъ же не только несприваемыхъ, а напротивъ, выдвигаемыхъ въ первую очередь эгоистическихъ стремленій въ дѣлѣ исполненія артистами чужихъ произведеній, о священнодѣйствующемъ культѣ въ храмѣ искусства, перестали заботиться и отъ него осталась одна лишь виѣшняя сторона, въ видѣ красивой увлекательной оболочки, претендующей стать въ концѣ-концовъ единственной самодовлѣющей цѣлью.

II.

Читатели безошибочно поняли, что предыдущее сказанное относится, если и не всецѣло, то, главнымъ образомъ, къ театрално-музыкально-драматическому искусству, которое у насъ на Руси не имѣетъ еще того знаменитаго историческаго прошлаго, какимъ могутъ гордиться въ другихъ странахъ Европы. Но все же и мы создали кое-что достойное общаго вниманія и признанія въ указанной области. Русскій музыкально-театраль-

ный міръ можетъ съ чувствомъ удовлетворенія оглянуться на пройденный имъ за истекшее, послѣднее столѣтіе путь. особенно во второй его половинѣ, неразрывно связанный съ именемъ маститаго главнаго руководителя Императорской русской оперы *Эдуарда Францевича Направника*, подвизавшагося съ такимъ безпримѣрнымъ въ исторіи искусства, по своей продолжительности и плодотворности, успѣхомъ на трудномъ посту перваго капельмейстера Маріинскаго театра въ теченіе *пятидесяти лѣтъ* съ 1863 — 1913 г. Означенный періодъ обнимаетъ какъ разъ наиболѣе знаменательную эпоху въ лѣтописи русскаго музыкальнаго искусства, при чемъ личность и дѣятельность *Направника* совпадаютъ съ ней, не какъ случайное только явленіе въ хронологическомъ порядкѣ событій, а сливаются съ ней въ одно органическое и неразрывное цѣлое. Участіе *Направника* въ музыкально-артистической жизни Россіи за минувшее полстолѣтіе отмѣчено золотой, выпуклой прописью въ исторіи нашего юнаго еще русскаго лирическаго искусства, ибо только благодаря его поразительному и крайне раціональному трудолюбію, замѣчательной энергіи, блестящимъ способностямъ и громадной музыкальной эрудиціи у насъ создавалась образцовая русская опера, носящая въ себѣ все необходимыя задатки стать въ недалекомъ будущемъ *національной!*

Трудно описать и перечислить все то, что сдѣлалъ *Направникъ* въ продолженіе своей полувѣковой службы на пользу нашего музыкально-драматическаго искусства. Чтобы выдвинуть великія его заслуги въ этой области, нужно сравнить положеніе и значеніе русской оперы въ годъ его вступленія на постъ, первоначально, безплатнаго втораго капельмейстера Маріинскаго театра и спустя 30 лѣтъ, когда при дирекціи незабвеннаго *А. И. Всеволодскаго* Императорская русская опера пользовалась репутаціей одной изъ самыхъ лучшихъ и безукоризненныхъ въ смыслѣ ансамбля въ мірѣ. Публика сравнительно очень мало знакома съ дѣятельностью, должностью и значеніемъ капельмейстера. Обыкновенно полагаютъ, что онъ садится словно какой-то лейбъ-кучеръ Аполлона, только на свое заготовленное ему стараніями другихъ, мѣсто и погоняетъ ватѣмъ палочкой играющихъ въ оркестрѣ и поющихъ на сценѣ артистовъ. Не многіе знаютъ, что оперный дирижеръ долженъ быть, во-первыхъ, отличнымъ теоретикомъ, великолѣпнымъ (въ смыслѣ техники) піанистомъ, играющимъ съ листа, и обладать обязательно абсолютно вѣрнымъ слухомъ. Самая трудная, кропотливая, утомительная работа не происходитъ на глазахъ у публики,

все это совершается днемъ на репетиціяхъ. келейнымъ образомъ. Только, когда все разучено и съ музыкально-технической стороны идетъ гладко, тогда только приступаютъ къ послѣдней артистической отдѣлкѣ и такъ называемой стилизаціи отдѣльныхъ нумеровъ и шлифовкѣ всего произведенія.

Поступленіе *Эдуарда Францевича Направника* на службу въ Маріинскій театръ и послѣдовавшую затѣмъ его дѣятельность въ должности перваго капельмейстера нельзя разсматривать съ точки зрѣнія обычнаго начала всякой карьеры въ какомъ-либо однородномъ учрежденіи. Если бы нашему юбиляру волей судьбы пришлось занять такое же мѣсто въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ или Миланѣ, то онъ попалъ бы въ совершенно другія условія. Ему не пришлось бы работать сверхъ силы, чтобы организовать, реформировать, переименовать порядки института, въ которомъ, до его появленія, не вѣдали многихъ необходимыхъ для успѣшнаго веденія дѣла условій. *Направнику* приходилось въ продолженіе не одного десятка лѣтъ создавать вновь то, что не предусматрѣно было его предшественниками, но при этомъ онъ вынужденъ былъ еще вести упорную борьбу съ упрямымъ и необычайно коснымъ начальствомъ, не признававшимъ никакихъ нововведеній и смотрѣвшимъ въ концѣ 60-тыхъ и вначалѣ 70-тыхъ годовъ на русскую оперу, какъ на учрежденіе, существующее на казенныя средства, но только для публики втораго сорта. Въ тѣ времена доминировала казенная итальянская опера и Маріинскій театръ не посѣщался избраннымъ столичнымъ обществомъ.

Исторія поступленія *Направника* въ составъ служащихъ Императорской русской оперы слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы ее здѣсь приводить вновь. Какъ бывало часто въ жизни выдающихся людей, непредвидѣнный случай сыгралъ и тутъ рѣшающую роль въ судьбѣ молодого артиста. Прибывшій въ 1861 году изъ Праги въ Петербургъ, чтобы стать во главѣ оркестра богатаго мецената-аристократа князя *Юсупова*, *Направникъ* обратилъ на себя сразу вниманіе свѣдущихъ людей, какъ необычайно одаренный музыкальными способностями артистъ.

Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ оцѣнилъ по достоинству талантъ юнаго чешскаго капельмейстера и предвѣщалъ ему уже тогда блестящую карьеру, такъ, что и безъ счастливаго инцидента въ Маріинскомъ театрѣ передъ представленіемъ „*Руслана и Людмилы*“, *Направникъ* несомнѣнно выдвинулся бы и занялъ подобающее его таланту положеніе.

III.

Настоящая, плодотворная и реформаторская дѣятельность *Эдуарда Францевича* началась только съ 1869 года, когда онъ, послѣ ухода *Лядова*, занялъ должность перваго капельмейстера. Какъ человѣкъ, прошедшій основательную строгую школу музыкальнаго образованія, онъ смотрѣлъ на многія вещи и явленія совсѣмъ не тѣми глазами, какъ окружавшая его среда артистовъ и музыкантовъ. *Направникъ* не признавалъ поверхностныхъ увлеченій и поклоненій моднымъ вѣяніямъ въ искусствѣ; у него на первомъ планѣ стояло точное, стильное исполненіе безъ всякаго проявленія произвольнаго субъективнаго пониманія. У нашихъ мало выдержанныхъ по характеру и еще менѣе воспитанныхъ въ музыкально-эстетическомъ отношеніи русскихъ оперныхъ артистовъ онъ скоро стяжалъ себѣ славу сухого придирчиваго педанта, препятствовавшаго зачастую развернуться нашимъ отечественнымъ Тамберликамъ, Лаблашамъ, Девойдамъ во всю мощь и ширь ихъ вокальнаго дарованія.

Но молодой и крайне настойчивый въ своихъ воззрѣніяхъ капельмейстеръ не обращалъ вниманія на ропотъ и проявленіе неудовольствія со стороны артистовъ. Онъ, какъ и всякій истинно образованный музыкантъ-художникъ отлично сознавалъ, что для предоставленія русскимъ пѣвцамъ той же свободы исполненія, какой пользовались итальянцы у своихъ капельмейстеровъ, требовалась и наличность соответствующей музыкальности у нашихъ артистовъ, что за рѣдчайшими исключеніями не встрѣчалось, хотя голоса, во многихъ случаяхъ, не уступали итальянскимъ. Конкурировать по части стильнаго и художественнаго исполненія съ труппой, подвизавшейся въ большомъ театрѣ, *Направникъ* въ ту пору не могъ помышлять; въ его рукахъ не было для этого достаточно матеріальныхъ и артистическихъ силъ, тѣмъ не менѣе онъ приступалъ съ необычайной энергіей къ созданію возможно лучшаго ансамбля. Въ музыкально-артистическихъ кружкахъ Европы давно установился взглядъ, ставшій какъ-бы художественной заповѣдью, что главными и важнѣйшими во всѣхъ отношеніяхъ органами возможно-образцоваго исполненія оперныхъ и прочихъ музыкально-драматическихъ произведеній являются *хоръ и оркестръ!* Но у насъ такой истины не признавали и на требованія *Направника* увеличить составъ обоихъ учрежденій съ одновременнымъ улучшеніемъ и матеріальнаго положенія артистовъ этихъ двухъ корпорацій, дирекція императорскихъ театровъ отвѣтила первоначально ка-

тегорическимъ отказомъ. Напрасно старался *Эдуардъ Францевичъ* убѣдить директора барона *Кюстера*, что съ посредственными солистами, пѣвцами и хорошимъ хоромъ и оркестромъ возможно достигнуть вполне артистическаго исполненія оперъ, но что съ самыми великолѣпными вокальными силами, но съ завѣдомо плохимъ составомъ оркестровыхъ музыкантовъ и хористовъ подобный результатъ немыслимъ. Всѣ его доводы разбивались о чиновничье упрямство театрално-административныхъ сферъ, находившихъ, что качество и количество артистическаго персонала Маріинскаго театра вполне приличны для той части публики, которая посѣщаетъ русскую оперу. Тогда *Направникъ* поставилъ вопросъ ребромъ и потребовалъ категорически войти въ разсмотрѣніе его ходатайства, или уволить его отъ занимаемой имъ должности перваго капельмейстера. Но и эта угроза не подѣйствовала на барона *Кюстера*, такъ что *Эдуарду Францевичу* пришлось въ началѣ 1874 года покинуть на время свое мѣсто, чтобы доказать начальству, насколько требованіе его является важнымъ, существеннымъ и не терпящимъ отлагательства. Наконецъ кто-то изъ всеяльныхъ міра сего вступился за униженное русское искусство и проектъ реорганизаціи оркестра и хора былъ, если и не въ полномъ объемѣ, то отчасти принятъ дирекціей. *Направникъ* вернулся вновь на свой постъ и принялся съ удвоеннымъ рвеніемъ за артистическую шлифовку обоихъ учрежденій. Спустя 8—10 мѣсяцевъ послѣ этого событія, ему сподобилось отпраздновать свою первую, блестящую побѣду съ обновленными артистическими силами. 14-го декабря 1874 года поставленъ былъ на маріинской сценѣ впервые „*Тангейзеръ*“ Вагнера. Извѣстно, какую выдающуюся, а мѣстами даже доминирующую роль играютъ въ этомъ произведеніи неоромантической нѣмецкой школы хоръ и оркестръ. Исполненная въ этотъ вечеръ усиленнымъ оркестромъ Маріинскаго театра увертюра, давно уже знакомая публикѣ по концертамъ и симфоническимъ собраніямъ филармоническаго общества и въ исполненіи садовыхъ капеллъ, послужила сигналомъ къ стихійному взрыву восторга, охватившаго весь залъ и выразившагося въ конечномъ, единодушномъ требованіи наизлектризованной аудиторіей повторенія всего номера. Увертюра къ *Тангейзеру* представляетъ собой нѣчто похожее на эпическую картину, нарисованную въ сжатой формѣ съ рѣзко выступающими контурами; это, если можно такъ выразиться, звуковая, ярко колоритная живопись, иллюстрирующая вкратцѣ тѣ фазы изъ жизни главнаго героя оперы, которыя послужили автору канвой для разработки драматическаго сю-

жета. Всѣ эти характерныя свойства и особенности *Направникъ* выдвинулъ съ поразительной ясностью въ исполненіи увертюры, этаго оригинальнѣйшаго изъ всѣхъ оркестровыхъ сочиненій Вагнера. „Тангейзеръ“ имѣлъ сенсационный успѣхъ. Петербургскій музыкальный міръ, какъ и все образованное общество, интересовавшееся искусствомъ, обратили вниманіе на великолѣпное, въ смыслѣ безукоризненнаго ансамбля, исполненіе Вагнеровскаго шедевра. Вотъ тутъ *Направникъ* проявилъ не только свои выдающіяся артистическія способности, музыкальную эрудицію, но и свое идеально-бескорыстное служеніе искусству. Хотя львиная доля успѣха за „Тангейзера“ и выпала на его долю, но впередъ знать онъ этого не могъ, ни въ какомъ случаѣ. Скорѣе можно было опасаться провала въ виду господствовавшего въ Петербургѣ среди меломановъ настроенія и преобладающихъ въ широкой публики вкусовъ относительно музыкально-драматическихъ произведеній. Въдѣ провалился же въ 1868 году поставленный, благодаря стараніямъ Сѣрова, „Лоэнгринъ“. Представленіе кончилось подъ аккомпаниментъ насмѣшливо злораднато шиканья засѣдавшей въ ложѣ извѣстной въ то время кучки музыкальных нигилистовъ и завистниковъ-зубоскаловъ, (или скалозубовъ), при чемъ публика отнеслась болѣе чѣмъ равнодушно къ оперѣ Вагнера. Въ репертуарѣ Мариинскаго театра преобладали произведенія итальянскихъ авторовъ; за недѣлю ставились, по меньшей мѣрѣ, три оперы романскихъ композиторовъ, какъ напримѣръ: „Пуритане“ (съ пѣвицей Бюдель) „Лючія“, „Риголетто“, „Травиата“, „Норма“, „Фра Діаволо“, и др. Въ общество этихъ изящныхъ красивыхъ райскихъ птицъ и фазановъ, *Направникъ* дерзнулъ, по мнѣнію тогдашнихъ присяжныхъ цѣнителей музыки, впустить вдругъ грубаго, неотесаннаго нѣмецкаго да еще крайне крикливаго индюка! Но къ изумленію всѣхъ предсказателей подъ волшебнымъ жезломъ, сирѣчь дирижерской палочкой молодого, талантливаго капельмейстера, индюкъ тотъ превратился въ стройнаго орла, расправившаго могучія крылья и поднявшагося высоко надъ порхающими внизу обитателями птичьяго двора. И такъ, въ смыслѣ риска, постановка „Тангейзера“ могла оказаться палкой о двухъ концахъ.

IV.

Укрѣпивъ свое положеніе и ставъ твердой ногой въ учрежденіи, единственномъ во всей Россіи и не имѣющемъ себѣ равнаго въ Европѣ, *Направникъ* отнюдь не довольствовался достигну-

тыми результатами; онъ ни на минуту не думалъ почивать на лаврахъ, въ немъ не было—благодаря, быть можетъ, нерусскому своему происхожденію—и микроскопическаго, или, какъ принято теперь говорить, бактериологическаго зародыша чиновничьяго самодовольства и бюрократическаго равнодушія, съ примѣсью хронической лѣни, отговаривающихъ его отъ приложенія дальнѣйшихъ стараній къ достиженію артистическаго совершенства, въ исполненіи музыкально-драматическихъ произведеній отечественной и иноземной литературы на сценѣ Маріинскаго театра. Въ составѣ артистовъ императорской русской оперы были, какъ уже сказано, несомнѣнно лица, щедро одаренныя голосовыми средствами и не лишеныя сценическаго и музыкальнаго дарованія, но они зачастую не умѣли примѣнять, съ требуемой эстетическими правилами формой, дарованныя имъ природой вокальныя богатства и приложить свой талантъ тамъ, гдѣ онъ больше всего могъ оказаться пригоднымъ. Дилеттантизмъ чувствовался на каждомъ шагу въ исполненіи ими не только отвѣтственныхъ, но и второстепенныхъ партій. Въ виду вотъ такихъ условій и обстоятельствъ, *Направникъ*, преслѣдуя однѣ лишь художественныя цѣли и интересы родного искусства, сталъ заниматься съ такими артистами и готовить ихъ къ выполненію возложенныхъ на нихъ сценическихъ задачъ, что скорѣе и отразилось на всемъ оперномъ ансамблѣ. Представленія императорской русской оперы стали постепенно посѣщаться и высшими слоями столичнаго населенія, объяснявшими свое появленіе въ Маріинскомъ театрѣ оговоркой: „que l'orchestre sous la direction de Napravnik est magnifique“. Пріѣзжіе иностранцы были прямо поражены чуднымъ исполненіемъ такихъ оперъ, какъ „Жизнь за Царя“, „Русланъ и Людмила“, „Русалка“, „Юдифь“, „Рогнеда“, „Опричники“ и нѣсколько еще другихъ изъ русскаго репертуара. Такъ напримѣръ знаменитый въ свое время въ Германіи концертный пѣвецъ, музыкальной педагогъ и директоръ Франкфуртской консерваторіи, профессоръ *Юліусъ Штокгаузенъ* пришелъ прямо въ восторгъ отъ оперныхъ представленій, слышанныхъ имъ въ Маріинскомъ театрѣ; онъ увѣрялъ автора этого очерка, что нигдѣ въ Европѣ не встрѣчалъ лучшаго оркестра, лучшаго хора и болѣе стройнаго ансамбля.

Но музыкально-артистическая дѣятельность *Направника* не довольствовалась сравнительно узкими рамками дирижированья въ стѣнахъ казеннаго учрежденія, хотя и перворазряднаго по величинѣ и значенію. Творческая энергія и желаніе принести посильную пользу въ насажденіи и распространеніи музыкальнаго

искусства въ Россіи не давали покоя рѣдко трудоспособному и примѣрно трудолюбивому *Эдуарду Францевичу*. На зовъ *Антонна Григорьевича Рубинштейна* придти ему на помощь въ дѣлѣ организаціи симфоническихъ концертовъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества и пропагандированія здравыхъ художественныхъ взглядовъ на лирическое искусство въ нашемъ мало-развитомъ въ этомъ отношеніи русскомъ обществѣ, онъ откликнулся съ полной готовностью, на сколько это совмѣстимо было съ его нелегкой работой въ русской оперѣ. Изъ всѣхъ дирижеровъ, выступавшихъ въ продолженіе почти 40 лѣтъ въ симфоническихъ собраніяхъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества, *Направникъ* отличался наибольшимъ артистическимъ спокойствіемъ, увѣренностью, присутствіемъ духа и умѣньемъ вести оркестръ согласно своимъ намѣреніямъ. Ансамбль у него былъ всегда удивительный, какъ бы сосредоточенный въ его магической дирижерской палочкѣ. Струнный квартетъ игралъ подъ его управленіемъ съ поразительной звуковой точностью какъ одинъ человѣкъ, вдохновленный одной мыслью. Намъ никогда не приходилось слышать фальшивыхъ или преждевременныхъ вступленій. Каждый артистъ въ оркестрѣ зналъ, что въ исключительно трудныхъ и отвѣтственныхъ мѣстахъ дирижеръ его не оставитъ безъ вниманія и дастъ ему надлежащій знакъ. Рыцарски благородный, идеально-прямой *А. Г. Рубинштейнъ* удивлялся и восхищался всегда дирижерскимъ талантомъ *Направника* и часто говорилъ: „я этого не умѣю; у меня этихъ способностей нѣтъ!“ Глубокое уваженіе, которое питали другъ къ другу *Направникъ* и *А. Г. Рубинштейнъ*, покоилось на твердомъ фундаментѣ взаимнаго довѣрія въ искренность товарищескихъ чувствъ, проявляемыхъ тѣмъ и другимъ, и въ отсутствіи малѣйшей артистической зависти у каждаго изъ нихъ къ успѣху и заслугамъ другого. Отправляясь въ былое, давно уже минувшее время, въ другіе города Россійской имперіи для дирижированія концертами, операми собственнаго сочиненія или ораторіями, *Направникъ*, не заботившійся никогда о какомъ-либо, хотя-бы самомъ невинномъ, рекламированіи своей особы, встрѣчался тѣмъ не менѣе всюду съ такимъ радушіемъ и почти-тельнымъ уваженіемъ, какія выпадали и выпадаютъ только на долю очень выдающихся и заслуженныхъ общественныхъ дѣятелей родины. Въ первопрестольной столицѣ его чествовали всегда, какъ одного изъ наиболее достойныхъ представителей національнаго направленія въ области музыкально-драматическаго творчества. Первая его опера „Нижегородцы“, написанная

на русскій историческій сюжетъ, заканчивается сценой прославленія Москвы и привѣтствованія освобожденнаго послѣ долгой осады отъ враговъ Кремля. Не странно ли, что до *Направника* ни одинъ русскій художникъ-композиторъ не прельстился великолѣпнымъ бытовымъ матеріаломъ изъ смутнаго времени, какъ сюжетомъ для оперы, и не попытался воспользо-ваться монументальной фигурой *Козьмы Минина* для созданія изъ него героя музыкальной драмы „Жизнь за Царя“, въ данномъ случаѣ не идетъ въ счетъ, потому-что драматическое содержаніе вертится вокругъ дѣйствія и характера одного лица, совершенно незначительнаго въ историческомъ смыслѣ и выступающаго не активно въ защиту своей родины, а проявляющаго лишь трогательный пассивный героизмъ. Но вотъ пріѣхалъ къ намъ талантливый чужестранецъ-славянинъ изъ центрально-европейской и высоко-культурной страны. Взглянувъ на сказочно-величавый нашъ Московскій Кремль, прочитавъ исторію смутнаго времени и ознакомившись съ подвигомъ доблестнаго нижегородскаго гражданина, *Козьмы Минина-Сухорука*, западно-европейскій славянинъ-артистъ невольно воспылалъ желаніемъ создать что-либо изъ всѣхъ этихъ знаменательныхъ историческихъ событій, явленій и характерныхъ приключеній, разыгравшихся въ ту пору среди охваченныхъ волненіемъ народныхъ массъ. Чутьемъ художника онъ понялъ, какой богатый кладъ представляетъ собой эта эпоха для повѣствованія и иллюстрированія ея словомъ и звукомъ.

V.

Но чѣмъ успѣшнѣе подвизался *Эдуардъ Францевичъ Направникъ* на поприщѣ самоотверженнаго служенія искусству, тѣмъ болѣе возбуждалъ онъ въ извѣстныхъ кружкахъ чувство недоброжелательства и зависти къ себѣ. Въ виду явной невозможности подкопаться подъ его прочное и покоящееся на его крупномъ талантѣ и обширномъ знаніи положеніе, или умалить его артистическое значеніе въ глазахъ начальства, недруги пытались развѣнчать его во мнѣніи публики, привыкшей видѣть въ немъ выдающійся и неоспоримый музыкально-художественный авторитетъ. Впрочемъ нужно замѣтить, что подобныя попытки исходили отъ очень незначительнаго кружка лицъ, не пользовавшихся ни вліяніемъ, ни уваженіемъ во мнѣніи всѣхъ безпристрастныхъ цѣнителей и знатоковъ музыки. Особенно набросились на *Направника* группа его недоброжелателей за его

дирижерскую дѣятельность въ симфоническихъ концертахъ императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Рядъ голословныхъ, ни на какихъ данныхъ не основанныхъ, упрековъ, сыпался на него изъ критическихъ отзывовъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ писателей. Особенную злобную придирчивость проявилъ въ большой либеральной газетѣ, одинъ смѣхотворный по своимъ претензіямъ пигмей. Этотъ ничтожный по развитію и дарованію человекъ, напоминавшій своими дѣяніями въ нѣкоторомъ родѣ одного изъ подземныхъ гадовъ въ Вагнеровскихъ „Нибелунгахъ“, написалъ, чтобы показать силу своего авторитета (?) и остроту своего пера (?) протонапросто пасквильную статью про *Направника*, какъ дирижера симфоническихъ собраний. Тогда оскорбленный художникъ-артистъ, не желая служить мишенью для мальчишескихъ выходокъ, отказался среди сезона отъ дальнѣйшаго дирижированія симфоническими концертами императорскаго русскаго музыкальнаго общества. Мы привели этотъ примѣръ въ доказательство того, что отличительной чертой многихъ русскихъ людей является какое-то принципиальное недоброжелательство къ дѣятельности или предпріятіямъ другихъ лицъ и какое-то спортивное занятіе сованія налокъ въ колеса машины, пущенной входъ не ими. Эту неприглядную черту въ характеръ многихъ русскихъ людей, на которую указывали и жаловались уже наши великіе литературные гении, пришлось и *Направнику* испытать на себѣ.

Съ вступленіемъ *Ивана Александровича Всеволодскаго* на постъ директора *Императорскихъ театровъ* совпала и лучшая счастливейшая эпоха въ дѣятельности нынѣ маститую первую дирижера *Маріинскаго театра*. *Всеволодскій* былъ настоящимъ бариномъ не только по рожденію, чину, положенію и мундиру, но и въ душѣ и по высокому интеллектуальному и эстетическому своему развитію. При немъ былъ *Направникъ*, что касалось артистической части, полновластнымъ хозяиномъ русской оперы, и ничего нѣтъ удивительнаго, если во время управленія *Всеволодскаго* Императорскими театрами, опера *Маріинскаго театра* достигла апогея своей славы и художественнаго совершенства въ смыслѣ ансамбля. Репертуаръ обогатился включеніемъ новыхъ и заново разученныхъ оперъ первоклассныхъ авторовъ. Возобновили, на примѣръ, постановку „*Лоэнгрина*“ и къ великому удовлетворенію всѣхъ истинныхъ поклонниковъ прекраснаго въ музыкѣ, опера эта прошла на сей разъ съ выдающимся успѣхомъ. Широкія полномочія, дарованныя дирекціей

первому капельмейстеру, простирались и на право приглашенія выдающихся артистическихъ силъ въ труппу Маріинскаго театра. *Направникъ* сталъ подыскивать хорошихъ пѣвцовъ, одаренныхъ не только голосами, но и несомнѣннымъ сценическимъ дарованіемъ, такъ какъ требованія въ послѣднемъ отношеніи стали постоянно возрастать. Въ эту лучшую пору дѣятельности *Направника* и процвѣтанія русской оперы была приглашена въ составъ труппы Маріинскаго театра, между прочими, и *Марія Ивановна Домина*, такъ блестяще дебютировавшая въ апрѣлѣ 1886 года въ роли Вани въ „Жизни за Царя“. Талантливая артистка и столь же, какъ и *Направникъ*, безкорыстная, заправская служительница искусства, вспоминаетъ до сихъ поръ съ чувствомъ глубокой признательности то милое, заботливое и чисто отеческое отношеніе, какое проявилъ къ ней *Эдуардъ Францевичъ* съ первыхъ ея шаговъ на тернистомъ пути къ артистической славѣ, достигнутой ею благодаря тому, что талантъ начинающей пѣвицы былъ во время и вѣрно оцѣненъ главнѣйшими и отвѣтственными руководителями Императорской русской оперы. Спустя 18 лѣтъ артистка, пріобрѣтшая уже за это время европейскую извѣстность и высокое званіе солистки Его Величества, узнала къ великому своему огорченію, что въ вопросахъ, касающихся оцѣнки вокально-артистическихъ и сценическихъ качествъ членовъ Императорской оперной труппы, рѣшающимъ факторомъ является ничѣмъ не оправдываемый, произволъ. Въ апрѣлѣ 1887 года Маріинскій театръ пріобрѣлъ въ лицѣ *Николая Николаевича Финера* и г-жи *Меден Финеръ* первоклассныхъ артистовъ на амплуа перваго тенора и перваго драматическаго сопрано. Эта чета служила долгое время украшеніемъ русской оперы. Отмѣтимъ еще вступленіе въ составъ труппы великолѣннаго баса *Константина Терентьевича Серебрякова* (въ 1887 г.) и басъ-баритона *Василія Семеновича Шаронова*, обладателя рѣдкаго по красотѣ и звучности голоса. Прекрасное и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне полезное пріобрѣтеніе сдѣлала тогда дирекція еще въ лицѣ высокаго, драматическаго сопрано, г-жи *Куза*, такъ преждевременно скончавшейся въ цвѣтѣ лѣтъ. Ангажементъ тенора *Ершова* и баса *Касторскаго*, чудный бархатный голосъ котораго оказался неоцѣненнымъ пріобрѣтеніемъ для артистической постановки Вагнеровскихъ оперъ, особенно при исполненіи трилогіи „Кольцо Нибелунговъ“. Въ роли „Зигфрида“ и „Зигмунда“ *Ершовъ* не имѣетъ соперниковъ въ Россіи. Всѣ поименованные здѣсь артисты были приняты въ со-

ставъ труппы Маріинскаго театра по настоянію *Направника*, умѣвшаго съ удивительнымъ чутьемъ поставить каждаго на свое мѣсто и дать ему возможность выдвинуться и развить свою индивидуальность.

VI.

Въ ноябрѣ 1888 года въ Маріинскомъ театрѣ праздновался 25-лѣтній юбилей *Эдуарда Францевича* съ необычайной торжественностью, въ присутствіи Государя Императора, Царской фамиліи и всего Высочайшаго Двора. Въ дарованный по этому поводу юбиляру бенефисъ поставлена была его опера „Нижегородцы“. Н. Н. Фигнеръ пѣлъ главную теноровую партію боярина Курбатова, талантливый, нынѣ уже покойный, *Федоръ Ипатьевичъ Стравинскій* исполнилъ характерную роль „Козьмы Минина Сухорукова“. Парадный этотъ спектакль былъ сплошнымъ торжествомъ *Направника*. Чествованіе его при открытой сценѣ продолжалось около часа, при чемъ всѣ привѣтственные рѣчи, поздравленія и адреса сходились въ томъ, что заслуги *Эдуарда Францевича Направника* записаны на скрижаляхъ исторіи русскаго музыкальнаго искусства и что память о немъ никогда не забудется и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ, которыя при одномъ упоминаніи его имени преисполнятся уваженіемъ къ безкорыстной, плодотворной дѣятельности, этого примѣрнаго сподвижника эпохи художественно-музыкальнаго расцвѣта русско-славянскаго искусства.

Не входя въ детальный разборъ и оцѣнку композиторскаго творчества маститаго юбиляра, по причинѣ отсутствія у автора этиода настоящихъ глубокихъ и спеціально-теоретическихъ познаній въ музыкѣ, мы укажемъ здѣсь только на нѣкоторыя его произведенія, обогатившія, судя по выпавшему на ихъ долю успѣху, не только отечественную, но и обще-европейскую музыкальную литературу. *Направникъ* написалъ четыре оперы, поставленныя въ свое время на петербургской и московской казенной и прочихъ провинціальныхъ сценахъ, это „Нижегородцы“, „Гарольдъ“, Франческа да Римини“ и „Дубровскій“, изъ коихъ послѣдняя стала въ подлинномъ значеніи слова популярной и репертуарной всюду, гдѣ существуетъ русская оперная антреприза. Въ области ораторіальныхъ сочиненій, кантатъ и абсолютной музыки, т. е. симфоній, оркестровыхъ фантазій и струнныхъ квартетовъ, *Направникъ* является не менѣе плодотворнымъ авторомъ, при чемъ произведенія его отличались

всегда и во всѣхъ отношеніяхъ изяществомъ и симметричностью архитектурной формы въ смыслѣ построенія и разработки темъ, красиво и рельефно выступавшихъ, благодаря умѣлому распределенію автора свѣта и тѣней, посредствомъ динамики и оркестрового колорита. Вообще *Направникъ*, какъ композиторъ, напоминаетъ во многомъ *П. И. Чайковскаю*; оба они по преимуществу лирики. Пыльное, страстное, стихійно-драматическое съ высокими полетомъ фантазіи не ихъ область. Но вдумчивое углубленіе, лирическое созерцаніе, элегическое настроеніе, прерываемое вспышками веселья и жизнерадостности, все это передавалось обоими художниками звуковой живописи мастерски и съ неизмѣннымъ оттѣнкомъ реализма, не переходящаго однако никогда въ утрировку, грубый натурализмъ или декадентскій шаржъ.

До самаго конца девятнадцатаго столѣтія дѣятельность неутомимаго главнаго руководителя Императорской русской оперы носила характеръ прогрессивный, направленный къ непрерывному совершенствованію всѣхъ отраслей подвѣдомственнаго ему артистическаго учрежденія. Появившіяся въ 1889 и 1898 году иностранныя оперныя труппы *Амжело Неймана* изъ Прага и *доктора философіи Деве* изъ Бреславля для постановки на Маріинской сценѣ „Кольца Нибелунговъ“ Вагнера, должны были вызвать въ *Направникѣ* чувство обиды, что такой грандіозный по своимъ матеріальнымъ и артистическимъ средствамъ институтъ, какъ дирекція Императорскихъ театровъ, нуждается въ въ частной антрепризѣ, да еще заграничной, для ознакомленія русской публики съ капитальнѣйшими произведеніями музыкально-драматической литературы геніальнаго нѣмецкаго новатора. Долго пришлось *Направнику* опять настаивать на необходимости отпустить нужныя средства и приступить къ постановкѣ „Кольца Нибелунговъ“ съ собственными силами въ сезонъ великаго поста¹⁾. Столь здравое и вполне похвальное проявленіе патріотизма въ области, гдѣ онъ имѣетъ очень услов-

¹⁾ Судя по нѣкоторымъ даннымъ *Направникъ* въ сущности вовсе не доказывалъ необходимость ставить великимъ постомъ Вагнеровскую трилогію, по его мнѣнію было гораздо цѣлесообразнѣе дать всей оперной труппѣ, въ особенности же хору и оркестру, необходимый отдыхъ, какъ это практиковалось споконъ вѣковъ. Но рядомъ съ этимъ онъ возста-
валъ и противъ приглашенія иностранныхъ антрепризъ на время великаго поста и доказывалъ, что если ужъ является такая необходимость ставить „Кольцо Нибелунговъ“, то это нужно сдѣлать собственными силами и не ронять въ глазахъ публики приглашеніемъ иностранцевъ престижъ русской оперы.

М. С.

ное и ограниченное значеніе со стороны главнаго и отвѣтственнаго руководителя русской оперной труппы, возымѣло свое дѣйствіе и принесло не мало пользы всему учрежденію, возвысивъ въ значительной степени престижъ Императорской русской оперы въ глазахъ образованной публики. Цикль послѣднихъ Вагнеровскихъ музыкально-драматическихъ произведеній былъ включенъ въ репертуаръ Маріинскаго театра и продолжаетъ до сихъ поръ привлекать массу восторженныхъ слушателей, наполняющихъ, несмотря на высокія цѣны, сверху до низу громадный залъ казенной русской оперы. Но неумолимое время брало свое; по истеченіи 50 лѣтъ со дня вступленія *Эдуарда Францевича* на постъ капельмейстера, рука маститаго художника, державшая такъ увѣренно и крѣпко скипертъ музыкальнаго правленія, стала видимо ослабѣвать и утрачивать прежнюю гибкость и твердость взмаха. На артистическомъ тропѣ, поставленномъ среди оркестра, сталъ появляться уже не прежній *Направникъ*, полный энергіи и воодушевленія, а почтенный старецъ и *Несторъ* среди всѣхъ европейскихъ дирижеровъ, все еще бодрый духомъ и преисполненный беззавѣтной любви и преданности къ своему дѣлу, но уже примирившійся съ сознаніемъ о необходимости бережнаго отношенія и къ оболочкѣ этого славнаго артистическаго духа, дабы безчисленные поклонники его имѣли возможность видѣть столь заслуженно украшеннаго почетной сѣдиной старца, еще много лѣтъ въ той средѣ, въ которой онъ провелъ полстолѣтіе и которая привыкла чтить въ немъ настоящаго законоучителя, показавшаго такой блестящій примѣръ идеальнаго служенія искусству и неукоснительнаго исполненія своего долга.

VII.

Эдуардъ Францевичъ Направникъ родился 1-го/12-го августа 1839 г. въ Бейштѣ въ Богеміи въ семьѣ скромнаго школьнаго учителя. Послѣ окончанія средняго образованія въ реальной гимназіи родного города, онъ поступилъ, чувствуя къ тому призваніе, въ знаменитую школу органистовъ (нынѣ консерваторія) въ Прагѣ, изъ нѣдръ которой выходило такъ много выдающихся артистовъ и композиторовъ. Сначала *Эдуардъ Францевичъ* готовился къ виртуозной карьерѣ; изъ школы вышелъ онъ прекраснымъ піанистомъ, выступавшимъ съ большимъ успѣхомъ на концертныхъ эстрадахъ. Въ Вѣнѣ познакомился онъ съ княземъ *Юсуповымъ*, имѣвшимъ въ то время свой отличный домашній струнный оркестръ и искавшимъ какъ разъ хорошаго мо-

лодого, талантливаго дирижера, согласнаго ѣхать съ нимъ въ Россію. Подвернувшійся юный *Направникъ* оказался подходящимъ во всѣхъ отношеніяхъ для означенной должности кандидатомъ, такъ что князь Юсуповъ ухватился за него съ радостью и привезъ въ 1861 году молодого капельмейстера въ Петербургъ. Прибывъ въ Россію, *Направникъ*, какъ человѣкъ далеко не дюжиннаго интеллектуальнаго развитія, понялъ сразу, что изъ *архимузыкальной страны* попалъ сразу въ *антимузыкальную*, не взирая даже на то, что находился въ культурномъ и умственномъ центрѣ своего новаго отечества. Музыкальность стояла въ ту пору въ Россіи, не исключая даже Петербурга и Москвы, на очень низкомъ уровнѣ, который и по сей часъ далеко неравенъ западноевропейскому. Чтобы тамъ ни говорили, какія бы причины ни приводили для объясненія явной отсталости русскаго народа на музыкально-художественномъ поприщѣ, но фактъ сравнительной антимузыкальности Россіи нельзя отрицать и скрывать, а всѣ доказательства противнаго, построенныя на апріорныхъ сужденіяхъ и силлогизмахъ, не могутъ никого убѣдить, кто хоть поверхностно знакомъ съ этимъ вопросомъ. Если на родинѣ *Направника*, въ Чехіи, или Германіи можно найти среди ста взрослыхъ людей, безъ различія пола и сословія, 20 человѣкъ, знающихъ и понимающихъ музыку, то дай Богъ въ Россіи наткнуться на двухъ такихъ лицъ, изъ цѣлой тысячи. Для громаднаго, подавляющаго большинства русскаго народонаселенія, музыка не имѣетъ другого значенія, какъ выражать свое веселье наравнѣ съ питьемъ, катаньемъ съ горы, пляской, или примитивнымъ пѣньемъ хоровыхъ пѣсенъ. Послушать только, какъ наши образованные классы относятся къ шедеврамъ настоящаго мірового музыкальнаго искусства. Неоднократно пишущій эти строки получалъ отъ дамъ и дѣвицъ, окончившихъ не только гимназію, но и высшіе женскіе курсы, на предложеніе послушать „Гугеноты“, „Русалку“ или „Лоэнгрина“ отвѣтъ: „нѣтъ, эти оперы я уже всѣ видѣла, „Гугеноты“ и „Русалку“ даже два и чуть-ли не три раза, а вотъ нельзя-ли „на *Шаяпина*“ достать билетикъ, хоть на галерку“. Въ подобныхъ характерныхъ отвѣтахъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся напускная музыкальность русскаго общества. Другой примѣръ г-жа *Долма*, дающая вокальные концерты, полные захватывающаго интереса и доставляющіе, безъ всякаго сомнѣнія, большое эстетическое наслажденіе. И кто же неизмѣнно отсутствуетъ на этихъ вечерахъ? Да всѣ тѣ, кто больше другихъ кричитъ о

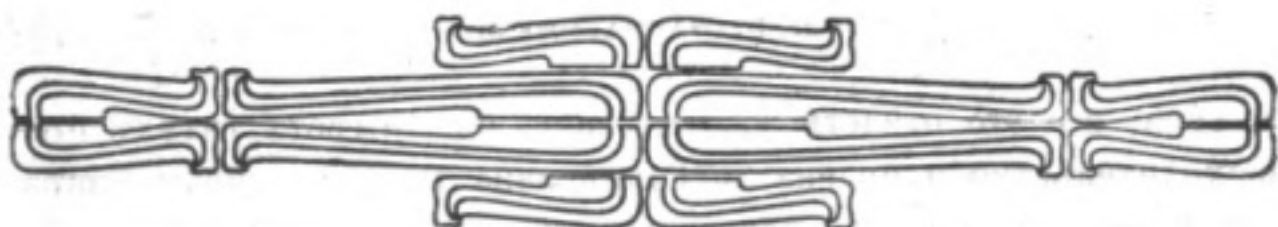
своимъ пристрастію къ музыкѣ, къ пѣнію и къ искусству вообще. Для большинства такихъ людей музыка вертится только вокругъ именъ Шаляпина, Баттистини и прочихъ любимцевъ публики, представляющихся съ эстрады или со сцены ничѣмъ инымъ, какъ басами, баритонами, тенорами и выступающихъ съ единственной цѣлью собиранія денегъ. Вотъ это ложное антихудожественное и антимузыкальное направленіе имѣло въ покойномъ *Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ* и понынѣ здравствующемъ еще юбилярѣ *Направникъ* заклятыхъ, непримиримыхъ противниковъ. *Эдуардъ Францевичъ* возмущался всегда, когда какой-нибудь оперный пѣвецъ выдвигалъ не свою роль, а лишь свою особу на первый планъ. Нѣтъ, говаривалъ онъ, умѣй заинтересовать зрителя и слушателя артистическимъ исполненіемъ своей роли, своимъ безукоризненнымъ пѣніемъ, а не случайно выпавшей ни къ селу, ни къ городу высокой нотой, красивой прической, богатымъ костюмомъ и утрированными манерами, не идущими къ дѣлу. Съ такимъ же строгимъ осужденіемъ относился онъ къ инструментальнымъ виртуозамъ, калѣчащимъ зачастую классическія сочиненія изъ единственнаго желанія сорвать посредствомъ эффектной каденціи, или иного какого-нибудь кунштшюка—лишній аплодисментъ. Читатели согласятся навѣрно съ нами, что если бы у *Направника* не было никакихъ другихъ заслугъ, кромѣ непрерывнаго, честнаго исполненія своихъ обязанностей въ продолженіе 50 лѣтъ на одномъ и томъ же посту, то и этого было бы болѣе чѣмъ достаточно для исключительнаго чествованія его всѣмъ музыкально-театральнымъ, артистическимъ, и художественнымъ міромъ. Намъ неизвѣстенъ аналогичный случай столь продолжительнаго пребыванія капельмейстера на своемъ мѣстѣ. Когда два года назадъ придворный капельмейстеръ, *Эристъ Шухъ*, въ Дрезденѣ, праздновалъ свой 40 лѣтней юбилей, то вся германская печать отмѣтила этотъ случай, какъ небывалое еще въ хроникѣ театральной жизни явленіе, *Направникъ* же празднуетъ полувѣковую дѣятельность въ учрежденіи, въ которомъ ему приходилось создавать и налаживать многое чуть не сызнова. *Шухъ* въ Дрезденѣ прибылъ въ 1872 году на готовое мѣсто, его предшественниками были извѣстные музыкальные корифеи Германіи, какъ: Мендельсонъ, Веберъ, Рейсигеръ, Ритцъ, сумѣвшіе задолго до него поставить дѣло на высоту художественныхъ требованій.

На сколько внѣшними знаками отличія—чинами и орденами можно было вознаградить *Направника* за его незабвенныя

заслуги, все это отчасти уже сдѣлано, онъ имѣетъ титулъ превосходительство и ордена до Станислава 1-го степени со звѣздой включительно, но благодарность и признательность просвѣщенной части русскаго общества должна еще выразиться въ самой лестной и почтительной для юбиляра формѣ. Имя и дѣятельность *Направника* слѣдуетъ увѣковѣчить въ памяти населенія того города и той страны, которымъ онъ посвятилъ всѣ свои силы и свой крупный артистическій талантъ.

М. В. Станиславскій.

Кадеты Императора Николая I.

При Императорѣ Николаѣ I-мъ военно-учебныя заведенія лѣтомъ занимали лагерь въ Петергофѣ вблизи болота, на осушеніе котораго Императоромъ Александромъ I-мъ употреблено много денегъ и усилій особо приглашенныхъ квакеровъ, оказавшихся безплодными.—Въ послѣдніе годы царствованія Николая I-го графъ Перовскій чрезъ Байкова успѣлъ эту мѣстность осушить. До того болото въ 100 д. граничило съ мѣстомъ кадетскихъ смотровъ и ученій, называвшимся „плацемъ“.

Въ одно изъ такихъ лѣтнихъ кадетскихъ занятій Константинъ Антоновичъ Шлиппенбахъ былъ начальникомъ всего лагеря и велъ это дѣло, какъ извѣстный по фронту служака.

Является фельдъегерь и зоветъ его во дворецъ къ Государю.

— Ну, думаю, говоритъ Шлиппенбахъ, что-нибудь да не такъ. Бду.

Императоръ скоро вышелъ въ залу, гдѣ я былъ одинъ и, остановясь посрединѣ, сказалъ:

— Вчера я встрѣтилъ кадета на улицѣ въ безпорядкѣ: киверъ на бекрень, мундиръ на распашку и, кажется, онъ былъ пьянъ, на ногахъ качался, но узналъ мою коляску и скрылся въ первыя ворота. Чтобъ былъ найденъ. Понимаешь?

— Слушаю, Государь, будетъ исполнено.

— Прощай, до трехъ часовъ жду.

Я откланялся и, выйдя за двери, взглянулъ на часы: было ровно двѣнадцать часовъ. Сѣлъ на дрожки и, сказавъ кучеру „пошелъ въ лагерь“, всю дорогу раздумывалъ: изъ какого корпуса? Остановясь на Дворянскомъ полку, призвалъ директора, генерала Пущина, и передавъ ему царскій приказъ, спросилъ его мнѣнія. Онъ отвѣчалъ безъ запинки:

— Должно быть мой.

И взялся отыскать.

Съ своей стороны, употребивъ всѣ средства къ отысканію виноватаго, я узналъ одно, что по всѣмъ свѣдѣніямъ онъ долженъ быть изъ I-го батальона. Въ исходѣ второго часа явился Пущинъ и подтвердилъ то же. Тогда Дворянскій полкъ состоялъ изъ двухъ батальоновъ и въ первомъ было много рослыхъ гулякъ. Выслушавъ докладъ полкового командира, я рѣшился испытать послѣднее и приказалъ вывести батальонъ на плацъ.

Выйдя къ батальону и не здороваясь по обыкновенію, я сказалъ:

— Господа, между вами есть виноватый,—это вѣрно. Вы его знаете, но не хотите выдавать, стало, мы всѣ виноваты, но я думаю, что онъ одинъ насъ оправдаетъ. Кто вчера встрѣтилъ Государя Императора и скрылся отъ него? выйди изъ фронта!

Прошла минута, никого.

Вижу, что многимъ тяжело и возвышаю голосъ:

— Какъ? Такъ вы полагаете, что Высочайшее повелѣніе можно не исполнить. Ошибаетесь. Генералъ, командуйте.

Пущинъ скомандовалъ:

— На-пле-чо!—батальонъ на-пра-во!

и самъ бѣгомъ сталъ на правый флангъ лицомъ къ болоту. Тогда я закричалъ:

— Скорымъ шагомъ маршъ-маршъ!

Батальонъ двинулся въ ногу, и скоро первые ряды заплескали ногами въ болотѣ. Пущинъ завязъ по грудь. Виноватый выскочилъ прямо ко мнѣ.

-- Это я, Ваше Превосходительство.

Мгновенно раздалась моя команда.

— Батальонъ на-лѣ-во кругомъ!

Подѣхали дрожки; я усадилъ виновнаго и вмѣстѣ рысью во дворецъ. Пріѣхали безъ четверти три часа. Оставивъ кадета на дрожкахъ и поручивъ его кучеру, я вошелъ наверхъ и прошелъ доложить.

Государь вышелъ въ сюртукъ безъ эполетъ, сталъ и изда-лека спросилъ:

— Нашелъ?

— Нашелъ, Государь.

По его лицу было видно, какая грустная тѣнь съ него спала мгновенно. Мѣрными шагами по залѣ онъ подошелъ ко мнѣ, положилъ обѣ руки мнѣ на плечи и тихо произнесъ:

— Расскажи какъ?

Я высказалъ все отъ начала до конца. Онъ задумался и спросилъ:

— Да ты, пожалуй, и утопилъ бы?

Я отвѣчалъ смѣло:

— Утопилъ бы, Государь!

Онъ снова подумалъ, весело взглянулъ на меня и произнесъ съ полнымъ одушевленіемъ:

— Спасибо. Пока мы живы, мы знаемъ, въ чемъ заключается сила Россіи.

Сказавъ это, онъ хотѣлъ идти, но я спросилъ:

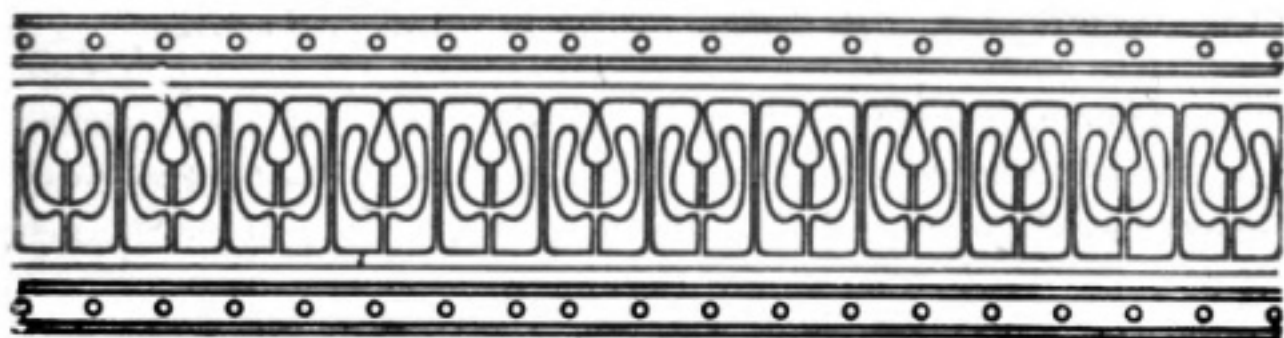
— Что прикажете съ виноватымъ? Онъ здѣсь у подъѣзда.

— Возьми его къ себѣ, дѣлай, что знаешь. Прощай.

Вернувшись въ лагерь, мы съ Пущинымъ со слезами на глазахъ обнялись и рѣшили: выдержать виновнаго недѣлю подъ арестомъ.

Собщ. А. Половцова.

Императоръ Александръ I на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

По донесеніямъ агентовъ Вѣнской тайной полиціи.

Русскій Императоръ былъ безспорно самой выдающейся личностью изъ числа коронованныхъ особъ, съѣхавшихся осенью 1814 г. на конгрессъ въ Вѣну; онъ болѣе всѣхъ привлекалъ вниманіе и интересовалъ и жителей Вѣны, и иностранныхъ дипломатовъ. Сложный душевный міръ этого богато одареннаго и прекрасно образованнаго монарха остается до сихъ поръ загадкой; таковой онъ представлялся и современникамъ, которые видѣли его постоянно колеблющимся между самымъ высокимъ идеализмомъ и самой мелкой расчетливостью, то изысканно любезнымъ и вѣжливымъ, то рѣзкимъ и несдержаннымъ; несомнѣнно одно, что, несмотря на свои 37 лѣтъ, Александръ не производилъ ни на кого впечатлѣнія человѣка вполне зрѣлаго и уравновѣшеннаго.

Читая многочисленные отзывы объ немъ Вѣнскаго общества, которые передавались министру полиціи Гагеру агентами австрійской тайной полиціи, прежде всего бросается въ глаза, что эти отзывы, въ большинствѣ, были неблагопріятны Императору. Онъ „не оправдалъ ожиданій и потерялъ при ближайшемъ знакомствѣ“.

Всѣ отзывы сходятся единогласно въ томъ, что главной чертой характера Александра I было тщеславіе; всѣ отмѣчаютъ

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus ihren Papieren, Von August Fournier. Wien 1913.

его желаніе властвовать и играть первенствующую роль—черты, которыя несомнѣнно усилились послѣ побѣдъ, одержанныхъ союзниками надъ Наполеономъ. Александръ зналъ, что, рѣшивъ продолжать войну вѣдъ предѣловъ Россіи, онъ взялъ на себя роль „освободителя Европы“, поэтому онъ ставилъ себя выше другихъ и былъ склоненъ преувеличивать свою власть и значеніе. Это проявлялось самымъ разнообразнымъ образомъ и въ особенности въ усвоенной Государемъ привычкѣ давать всевозможныя торжественныя обѣщанія, которыя онъ не всегда могъ выполнить, а когда это обнаруживалось, онъ съ свойственной ему недовѣрчивостью и подозрительностью объяснялъ это обыкновенно не стеченіемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а личными противъ него интригами. На этой почвѣ чрезвычайно обострились во время конгресса отношенія русскаго Императора къ руководителю австрійской политикой.

Злополучная привычка связывать себя обѣщаніями заставила Александра, еще до вступленія въ Парижъ, торжественно *обѣщать* полякамъ возстановить королевство Польское, что было имъ подтверждено въ извѣстномъ письмѣ къ Костюшко отъ 8 мая 1812 г., а когда его планы относительно Польши вызвали неудовольствіе союзниковъ, то, чтобы не быть вынужденнымъ отдать прусскому королю польскія земли, Государь *обѣщалъ* Фридриху Вильгельму свое содѣйствіе въ присоединеніи къ Пруссіи *всей* Саксоніи, хотя онъ понималъ, что онъ и тутъ столкнется съ интересами Австріи. Принцу Евгенію Богарне Александръ *обѣщалъ*, что онъ получитъ самостоятельное владѣніе. „Ручаюсь Вамъ за это“, сказалъ онъ, если вѣрить донесенію одного полицейскаго агента; впрочемъ, это подтверждается и перепиской принца Евгенія съ его супругой. Въ бытность въ Парижѣ Александръ *обнадежилъ* сестру Наполеона, Елизавету Браччіоки въ томъ, что княжество Лукка будетъ оставлено въ ея владѣніи, о чемъ она напомнила Государю письмомъ во время Вѣнскаго конгресса. Еще въ 1812 году, Екатерина Павловна писала Государю: „Одно изъ главныхъ обвиненій противъ Васъ, что Вы не сдержали слова, даннаго москвичамъ“.

Наполеонъ I также называлъ Александра „fourbe et faux“; состоявшій на пенсіи Россіи греческій архіепископъ Игнатій (изъ Яссы) говорилъ, что „Императоръ компрометируетъ себя, не выполняя данныхъ имъ обѣщаній; онъ проповѣдуетъ гуманность, а въ душѣ готовъ всѣхъ обмануть“.

Извѣстный прусскій государственный дѣятель Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ жаловался на „властолюбіе и коварство“ Але-

ксандра, „прикрытія личиною гуманности и благородныхъ либеральныхъ идей“. Даже Чарторыйскій, другъ Императора, занесъ въ свою записную книжку: „Оригинальная, большая, но вмѣстѣ съ тѣмъ все-таки ограниченная душа. Въ немъ есть что-то мелочное, низменное, ограниченное“. Датскій посланникъ, заболѣвшій въ декабрѣ мѣсяцѣ (1814 г.) разлитіемъ желчи, высказывалъ удивленіе по поводу того, что при „коварствѣ“ и „mauvaise foi“ русскаго Императора этою болѣзнію не страдалъ еще весь конгрессъ“.

Многіе другіе (напр. представитель Франціи Дальбергъ), считали Императора настолько неуравновѣшеннымъ, что высказывали опасенія, что онъ „кончитъ такъ же, какъ его отецъ“.

По словамъ одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ агентовъ полиціи, скрывавшаго свою фамилію подъ **, мужчины осуждали Александра за то, что онъ „не посѣщалъ общественныхъ учрежденій, не интересовался художественными произведеніями, не пріобрѣталъ мѣстныхъ издѣлій, что въ немъ не было ничего „оригинальнаго“; ему ставили въ вину, что „его никогда не видѣли сидящимъ за письменнымъ столомъ, что по утрамъ онъ занимался только разводами, катался верхомъ, ѣздилъ на охоту, дѣлалъ визиты, а по вечерамъ танцевалъ далеко за полночь или прогуливался по закоулкамъ Вѣны подъ руку съ Евгениемъ Богарне ¹⁾“.

Много повредили Александру во мнѣніи общества также его многочисленныя галантныя приключенія; его считали „легкомысленнымъ и непостояннымъ“; самыми опасными врагами его доброй славы оказались женщины, которыя раньше представляли его себѣ инымъ, какъ въ смыслѣ красоты, такъ и обхожде-

¹⁾ Танцы были любимымъ развлеченіемъ Императора, онъ ими такъ увлекался, что въ Вѣнѣ говорили, что „Императоръ одержимъ танцманіей“, онъ былъ въ нихъ неутомимъ и вообще любилъ проводить время въ обществѣ. Объ удивительной выносливости Государя, когда дѣло шло объ увеселеніи, свидѣлствуетъ австрійскій чиновникъ Фридманъ ф. Генцъ въ письмѣ къ валахскому господарю отъ 1 іюня 1814 года (письмо это было напечатано въ англійскихъ журналахъ; рассказъ Генца относится ко времени пребыванія Александра въ Англіи). „Императоръ пріѣхалъ въ Hôtel Pulteney съ принцессой Ольденбургской въ 3 часа утра изъ Оксфорда“—писалъ Генцъ, „тотчасъ переодѣлся и отправился на балъ къ леди Джерси, гдѣ онъ танцевалъ до шести часовъ утра. Въ 10 часовъ онъ уже поѣхалъ осматривать различныя общественныя учрежденія, затѣмъ обѣдалъ у лорда Кестльри, въ 11 часовъ отправился въ театръ, а послѣ спектакля къ маркизѣ Гердфордъ, гдѣ оставался до 3 часовъ, пока всѣ не разъѣхались“.

нія; вообще иностранцы сильно въ немъ разочаровались, говорили, что онъ „оставилъ неблагоприятное впечатлѣніе“, что узнавъ его ближе „его громкимъ фразамъ перестали вѣрить, также точно какъ и его филантропіи, подъ которой скрывалось только непомерное честолюбіе“, его считали „неискреннимъ, человекомъ безъ нравственныхъ основъ, хотя онъ и говорилъ о религіи какъ святой и строго соблюдалъ внѣшніе обряды“.

Столь неблагоприятные отзывы о монархѣ, который незадолго передъ тѣмъ пользовался всеобщей симпатіей, высказываемые съ рѣдкимъ единодушіемъ самыми разнообразными лицами, принадлежавшими ко всѣмъ слоямъ общества, могутъ дать поводъ думать, что лица, повторявшія эти отзывы въ своихъ донесеніяхъ министру полиціи, придавали имъ, быть можетъ умышленно, такую окраску, чтобы быть пріятными Меттерниху, къ которому Александръ I относился во время Вѣнскаго конгресса весьма непріязненно. Но это соображеніе отпадаетъ, если принять во вниманіе, что Меттернихъ далеко не всегда читалъ эти донесенія, которыя шли изъ министерства полиціи прямо къ императору Францу, и главное, что въ нихъ нерѣдко встрѣчаются рѣзкіе отзывы о самомъ Меттернихѣ, у котораго было не мало недоброжелателей и, наконецъ, что анонимность сообщеній (имена корреспондентовъ—тайныхъ агентовъ полиціи—были извѣстны одному лишь министру полиціи Гагеру) исключала возможность получить за сдѣланныя сообщенія какое-либо возмездіе.

По мѣрѣ того какъ конгрессъ затягивался, въ чемъ вполне справедливо обвиняли Императора Александра I и его неуступчивость въ польскомъ вопросѣ, жители Вѣны, утомленные долгимъ пребываніемъ иностранныхъ монарховъ, непомерными расходами, какіе это влекло за собою, и вадорожаніемъ жизни, вслѣдствіе чего „конгрессъ превратился для нихъ въ настоящее бѣдствіе“ (*calamité*), угрожавшее новымъ налогомъ, который называли въ шутку „*Burgeinquartierungssteuer*“, были озлоблены въ концѣ концовъ противъ русскаго Императора, и охотно передавали другъ другу все то, что было не въ его пользу. Его осуждали, напр., за то, что онъ не пріѣхалъ на пожаръ дома графа Разумовскаго, сгорѣвшаго въ ночь подъ новый годъ, въ то время какъ „императоръ Францъ слѣдилъ за работой пожарныхъ и даже сильно простудился“. Наконецъ на одномъ маскарадѣ, на масленичной недѣлѣ, Императору Александру наговорили столько непріятнаго, что онъ пересталъ посѣщать маскарады и полиціи пришлось даже принять мѣры къ тому, чтобы огра-

дить Государя отъ непочтительныхъ возгласовъ публики, когда онъ прогуливался по вечерамъ подъ руку съ принцемъ Богарне по узкимъ улицамъ стараго города.

Что касается самого Императора, то онъ былъ очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вѣнѣ; по крайней мѣрѣ первое время по пріѣздѣ говорилъ, что онъ нигдѣ не чувствовалъ себя такъ хорошо. „Къ русскимъ я привыкъ; въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ я побывалъ во время кампаніи, я видѣлъ много нищеты и много недовольства; въ Англіи слишкомъ много народа; въ одной Австріи можно найти все, что есть въ другихъ странахъ, и народъ пользуется разумной свободой“. Однажды Государь сказалъ даже императору Францу: „хорошо, что Вѣна такъ далеко отъ Петербурга, иначе я бывалъ бы здѣсь каждыя двѣ недѣли“.

Императору доставляло удовольствіе, что вѣнскія аристократки, среди которыхъ было много красивыхъ женщинъ, относились къ нему любезно и предупредительно, это льстило его самолюбію. Онъ съ самаго начала отличилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ: княгиню Эстергази, графиню Софію Зичи, княгиню Ауерспергъ, княгиню Лихтенштейнъ, юную графю Сечени, но дамы скоро подмѣтили, что, ухаживая за ними, Государь „не столько увлекался ихъ красотой, какъ самъ хотѣлъ нравиться, быть предметомъ обожанія“.

Въ Вѣнѣ много говорили объ отношеніяхъ Императора къ княг. Багратіонъ, у которой онъ бывалъ каждый день, засиживаясь о глубокой ночи. Эти посѣщенія очень интересовали вѣнскую полицію, и она установила бдительный надзоръ за домомъ, гдѣ въ бель-этажѣ жили двѣ соперницы—красавицы: княгиня Багратіонъ и герцогиня де-Саганъ. Императоръ Александръ говорилъ Багратіонъ, что австрійцы очень хотѣли, чтобы онъ сблизился съ Саганъ, чтобы вывѣдывать черезъ нее то, что ихъ интересовало; для этого были пущены въ ходъ всѣ средства, но это имъ не удалось. „Ее посадили даже однажды ко мнѣ въ карету“, говорилъ Государь. „Я отдаю дань чувствамъ, но этого мало, мнѣ нуженъ и умъ“.

Княгиня Багратіонъ была въ восторгѣ отъ вниманія, которое ей оказывалъ Императоръ Александръ, и не могла удержаться, чтобы не передать кое-что изъ своихъ бесѣдъ съ Государемъ одному близкому къ ней лицу, черезъ котораго онѣ сдѣлались достояніемъ полиціи и сохранились въ ея архивѣ. Нѣтъ возможности, конечно, провѣрить въ точности ли переданы княгиней слова Императора Александра, но такъ какъ

многое вполне согласуется съ его характеромъ и съ сообщеніями прочихъ лицъ, то ея слова заслуживаютъ вѣры.

Особенно часто въ разговорахъ съ Багратионъ упоминалось имя Меттерниха, который незадолго передъ тѣмъ былъ человекомъ близкимъ къ княгинѣ, но измѣнилъ ей, увлекшись другой красавицей—герцогиней Саганъ. Однажды Императоръ выразилъ желаніе знать исторію ея связи съ Меттернихомъ и почему онъ охладѣлъ къ ней. Выслушавъ княгиню, Государь замѣтилъ: „Меттернихъ не любитъ ни васъ, ни Саганъ“, это человекъ холодный, посмотрите, какое у него каменное лицо, (*figure de plâtre*), онъ никого не любитъ“. Чтобы отомстить Меттерниху за измѣну, Багратионъ рассказывала Императору, Лагарпу, Анстетту, Нессельроде и другимъ все, что она знала объ немъ и все, что она когда-либо слышала неблагопріятнаго объ Австріи и объ австрійцахъ.

1-го ноября Александръ провелъ вечеръ у Багратионъ. Говорили о Лагарпѣ, о Меттернихѣ, о Талейранѣ, о принцѣ Евгеніи Богарне и др.

„Я обязанъ Лагарпу тѣмъ, что я сталъ человекомъ“, передаетъ слова Александра княгиня Багратионъ; „монархъ обыкновенно только монархъ и болѣе ничего; онъ же сдѣлалъ изъ меня человека, и я буду ему благодаренъ за это всю жизнь“.

О Талейранѣ Александръ отзывался несочувственно; „онъ, его не любитъ“. Евгенія Богарне очень хвалила; „принцъ Евгенийъ не только превосходный офицеръ“, сказалъ Императоръ, „онъ очень честный человекъ; если онъ захочетъ поступить ко мнѣ на службу, я охотно приму его; онъ велъ себя превосходно“. Объ австрійскомъ генералѣ, князѣ Шварценбергѣ, Государь говорилъ съ похвалою; сказалъ, что онъ любитъ его и что генералъ обладаетъ однимъ исключительнымъ качествомъ: „во время сраженія онъ ни о чемъ иномъ не думаетъ и даже совершенно забываетъ о себѣ“; хвалила также Біанки, какъ прекраснаго офицера, Коллорадо и Людвигъ Лихтенштейна. „Меттерниха Государь ненавидитъ, знаетъ его и совершенно не боится, говорить, что добьется отъ него всего, что онъ захочетъ“. Много говорили о политикѣ; княгиня, по ея словамъ, имѣла мужество спорить съ Государемъ о Саксоніи и Польшѣ, защищая точную зрѣнію противоположную его взглядамъ. „Но это было совершенно бесполезно“, говоритъ она, „его не убѣдить. Онъ говоритъ, что это для него вопросъ чести, что онъ далъ слово полякамъ, что онъ обязанъ сдержать его, что онъ отъ него не отступить, хотя бы на него обрушился весь міръ; онъ побѣдетъ изъ Вѣны

въ Мюнхенъ, оттуда въ Берлинъ, а затѣмъ въ Варшаву, гдѣ провозгласить себя королемъ польскимъ и приметъ мѣры, ежели этому вздумаютъ воспротивиться“. „Польша наша, — сказалъ онъ въ заключеніе. Она должна остаться нашей; я никогда не откажусь отъ нея. Я занялъ ее съ 200.000 арміей; увидимъ, кто прогонитъ меня оттуда“. Княгиня присовокупила, что Поццо-де-Борго говорилъ ей наканунѣ, что Россія получить Польшу во что бы то ни стало; „ибо въ настоящее время никто не можетъ бороться съ Россіей“.

Возвращаясь къ тому, что говорилъ Императоръ, Багратіонъ сказала, что онъ въ этомъ вопросѣ не пойдетъ ни на какія уступки, онъ хочетъ получить все великое герцогство Варшавское, въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало, когда онъ завоевалъ его у французовъ“.

Багратіонъ передавала также, что „наслѣдный принцъ Вюртембергскій хотѣлъ поговорить съ Императоромъ Александромъ и убѣдить его отказаться отъ мысли восстановить королевство Польское“.

Позднѣе, это было въ февралѣ 1815 г., когда всѣ были измучены нескончаемыми переговорами и не находили выхода, Лагарпъ сказалъ какъ-то Багратіонъ, что напрасно Александру никто не объяснитъ какъ слѣдуетъ сущность дѣла; „онъ, Лагарпъ, ручается за его сердце, но надобно заставить его послушаться голоса разсудка, такъ какъ онъ многое понимаетъ превратно; онъ говорилъ съ нимъ и часто очень рѣзко, но теперь пересталъ говорить изъ боязни, чтобы не показалось, что онъ все еще хочетъ играть роль гувернера“. Саксонцы, по его мнѣнію, должны бы сами съ полнымъ довѣріемъ обратиться къ Александру, и ихъ шаги навѣрно увѣнчались бы успѣхомъ.

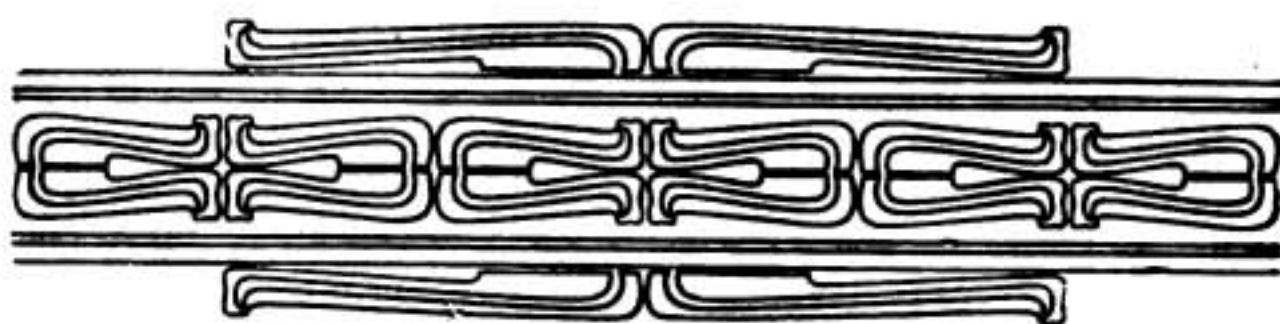
На это княгиня отвѣтила, что подъ вліяніемъ своихъ разговоровъ съ нимъ, Лагарпомъ, она посоветовала принцу Кобургскому поговорить съ Императоромъ; принцъ былъ у него, но „былъ принятъ, какъ собака“, и раскаивается въ томъ, что пошелъ; она не смѣетъ болѣе ничего сказать Императору Александру, онъ ничего не слушаетъ, всякое противорѣчіе раздражаетъ его и хотя онъ продолжаетъ бывать у нея, но какъ будто избѣгаетъ оставаться съ нею наединѣ, чтобы не дать случая къ разговору; теперь его полнымъ довѣріемъ пользуется Чарторыйскій, такъ какъ онъ дѣлаетъ всегда видъ, что раздѣляетъ его мнѣніе.

Однажды, когда Государь заговорилъ съ княгиней о Чарторыйскомъ, она осмѣлилась сказать, что Чарторыйскій не нра-

Дѣйствительно ли положеніе Меттерниха было настолько поколеблено въ исходѣ 1814 г., какъ утверждалъ Тагарцъ? Талейранъ писалъ своему королю, въ то же самое, приблизительно, время, что „Императоръ Францъ послалъ безъ вѣдома министра“, своего друга, камергера графа Закингена, пользовавшагося его особымъ довѣріемъ, къ нему, Талейрану и къ Вреде съ просьбою, чтобы переговоры по польскому вопросу не были закончены до возвращенія монарховъ изъ поѣздки въ Венгрію“ (въ ноябрѣ мѣсяцѣ еще никто не предполагалъ, что эти переговоры затянутся на много мѣсяцевъ); это было принято какъ знакъ недовѣрія къ Меттерниху, но конечно это еще не означало, чтобы Францъ I-й былъ готовъ отказаться отъ услугъ своего перваго совѣтника, взгляды котораго именно на польскій вопросъ онъ вполне раздѣлялъ, котораго онъ только-что возвелъ въ княжеское достоинство и увольненіе котораго было бы на руку Россіи и вполне соответствовало ея желаніямъ.

У Меттерниха, какъ свидѣлствуютъ донесенія тайныхъ агентовъ, было много личныхъ враговъ и политическихъ противниковъ, въ особенности среди австрійской аристократіи, которая не могла ему простить, съ одной стороны, что онъ такъ неожиданно для всѣхъ занялъ мѣсто человека ея круга—Филиппа Стадіона, во вторыхъ—что онъ способствовалъ браку дочери императора, Маріи Луизы съ „ненавистнымъ выскочкой“ и такъ долго поддерживалъ его на тронѣ. Въ рассматриваемыхъ донесеніяхъ упоминается о томъ, что Меттерниха осуждали—и не только одни его враги—за то, что онъ не заключилъ до конгресса договора относительно Польши; но мало кому было извѣстно, что Императоръ Александръ постоянно уклонялся отъ разговоровъ на эту тему съ тѣхъ поръ, какъ Австрія примкнула къ коалиціи и только по заключеніи Парижскаго мира выступилъ съ требованіями, которыя Меттернихъ считалъ вполне неприемлемыми. Объ этомъ говоритъ Гарденбергъ въ письмѣ отъ 29 марта 1825 г. Гнейзенау: „Никто, какъ Россія, виню, что мы не заключили союзнаго договора въ Парижѣ и въ Лондонѣ; она съ каждымъ днемъ повышала свои требованія“. Достойно вниманія, что и Каподистрія, который во время конгресса снискалъ особое благоволеніе Александра, также упрекаетъ Меттерниха въ томъ, что онъ упустилъ удобный моментъ заключить соглашеніе или до перехода черезъ Рейнъ, или при вступленіи союзныхъ войскъ въ Парижъ.

В. Тимошукъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ

1813-го и 14-го года, собранные по поводу столѣтней
годовщины.

I.

Насколько изслѣдована исторія походовъ 1813—14 г.г. и участие въ нихъ русской арміи съ военно-стратегической и тактической стороны, насколько, сравнительно, все еще недостаточно ярко освѣщены психико-бытовья, а отчасти и политическія условія, при которыхъ совершались и разыгрывались событія въ періодъ войнъ, имевшихъ въ Германіи *освободительными* и послѣдовавшими непосредственно за изгнаніемъ великой наполеоновской арміи изъ предѣловъ Россіи. Замѣтное отсутствіе съ нашей, русской стороны, въ предпринятыхъ грандіозныхъ походахъ, преслѣдовавшихъ цѣль спасти Европу и перекроить вновь всю изрѣзанную мечемъ Наполеона географическую карту стараго свѣта, тщательно выработаннаго плана, не отступавшаго ни на толщѣ волоска отъ заранѣе намѣченныхъ предначертаній въ смыслѣ охраненія жизненныхъ интересовъ родной страны; это отразилось, какъ легко можно доказать, сугубо пагубнымъ образомъ на всемъ политико-экономическомъ складѣ и дальнѣйшемъ культурномъ развитіи нашего громаднаго государственнаго организма. Не вдаваясь въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ собранныхъ на различныхъ европейскихъ языкахъ цѣнныхъ матеріаловъ, касающихся описанія наиболѣе выдающихся событій этой знаменательной эпохи, приходишь къ невольному выводу, что первенствующее во всѣхъ

отношеніяхъ участіе Россіи въ означенномъ, и до той поры еще не бываломъ по своимъ гигантскимъ размѣрамъ военномъ предпріятіи, стоившемъ сотни тысячъ жизней сынамъ отечества, носило, до извѣстной степени, всѣ характерныя признаки величайшей, но безплодной въ своемъ конечномъ исходѣ, авантюры, способной зародиться развѣ только въ головѣ ламаанческаго рыцаря-героя, выведеннаго въ безсмертной поэмѣ Сервантеса.

Если иностранная лѣтопись усиленно подчеркивала то обстоятельство, что союзныя съ Россіей державы ставили въ борьбѣ за независимость и все свое существованіе на карту, въ силу чего онѣ-де и въ правѣ были требовать значительно повышеннаго вознагражденія, то такой резонъ поконился скорѣе на коммерческо-гражданскомъ и даже этическомъ доводѣ, но отнюдь не на политическомъ. *Послѣдній зиждется безспорно лишь на соответствующемъ равновѣсіи между тѣмъ, что государство стремится запомнить, и тѣмъ, чего оно можетъ достигнуть въ случаѣ надобности силой!* Разсчитывать же заранѣе на великодушіе и уступчивость сентиментально настроеннаго союзника, онѣ не могли, а потому всѣ позднѣйшія сѣтованія и упреки, что при дѣлѣжѣ добычи на Вѣнскомъ конгрессѣ ихъ обсчитали, ни на чемъ не основаны; *напротивъ, они получили гораздо больше, нежели имѣли на то право!* Количество принесенныхъ на алтарь отечества жертвъ не имѣетъ силы предъявляемаго къ уплатѣ векселя на полученіе, соразмѣрно этимъ жертвамъ, вознагражденія. Рѣшающимъ факторомъ въ этихъ вопросахъ была, есть и будетъ впредь всегда только военная мощь государства.

Въ длительной кампаніи 1813—14 года Россія, или, выражаясь точнѣе, Императоръ *Александръ I* проявилъ наибольшую стойкость, а пожалуй и упрямство, въ преслѣдованіи заранѣе намѣченной имъ конечной цѣли. Но устремленный его, словно подъ гипнотическимъ внушеніемъ, взоръ въ даль, гдѣ вырисовывалась характерная легендарная фигура его геніальнаго противника, онъ не замѣчалъ, или не могъ замѣтить, всего того, что творилось на болѣе близкомъ разстояніи и непосредственно вокругъ его самого. На сколько русскій Государь интеллектуально возвышался надъ своими главными союзниками, королемъ *Фридрихомъ Вильгельмомъ III* и императоромъ Францемъ I, настолько уступалъ его первый офиціальный совѣтникъ и руководитель въ дѣлахъ внѣшней политики, *графъ Нессельроде*, своимъ коллегамъ: князю *Меттерниху* и князю *Гарденбергу*. Въ сравненіи съ ними и ихъ умѣньемъ пользоваться случаемъ для извлеченія какихъ-либо политическихъ выгодъ, онъ казался мѣшковатымъ, индиф-

ферентнымъ. Впрочемъ винить особенно графа *Нессельроде* въ томъ, что онъ не отстаивалъ энергично интересы Россіи, едва-ли справедливо, потому что *Александръ I* самъ рѣшалъ всѣ важнѣйшіе политическіе вопросы. Въ чисто германскихъ дѣлахъ онъ пользовался совѣтами и указаніями барона *Штейна*, который и настаивалъ на принужденіи прусскаго правительства войти въ соглашеніе съ Россіей и заключить съ ней союзъ противъ *Наполеона*. *Штейну*, по всей вѣроятности, не трудно было убѣдить русскаго царя въ неизбѣжномъ соглашеніи прусскаго короля принять исходящія изъ главной русской квартиры предложенія. Въ случаѣ отказа можно было ожидать, что во всей прусской монархіи вспыхнетъ если и не открытое возстаніе, то настолько сильное неудовольствіе народа и войска, что послѣднее перешло бы и безъ санкцій короля на сторону пришедшихъ съ востока избавителей отъ французской тиранніи. При подобныхъ обстоятельствахъ заключеніе формальнаго договора между обоими государствами въ Калишѣ 28 февраля являлось со стороны прусскаго короля лишь актомъ самоохраненія и страхованія отъ чрезмерной вспышки народнаго негодованія. За шесть дней до подписанія условій союза, король *Фридрихъ Вильгельмъ III* покинулъ свою главную резиденцію Берлинъ и переехалъ со всѣмъ дворомъ въ болѣе безопасный Бреславль, откуда затѣмъ и выпустилъ воззваніе къ своему народу.

Тѣмъ временемъ Кутузовъ готовилъ въ Калишѣ армію для наступленія и быстрого вторженія, ближайшимъ путемъ, въ центральныя области Германіи, дабы сразу разѣдинить сообщеніе Франціи съ государствами Рейнскаго союза и привлечь ихъ на сторону коалиціи противъ *Наполеона*. Кругомъ Калиша сосредоточено было для этой цѣли уже 70.000 человекъ подъ начальствомъ *Милорадовича*, но Кутузовъ все еще не рѣшался двинуться раньше апрѣля мѣсяца. Причиной такого замедленія являлось опасеніе главнокомандующаго за тѣмъ своей арміи. Охрана линіи сообщенія съ ея отдаленной базой представляла большія затрудненія въ виду ходившихъ уже съ конца января въ великомъ герцогствѣ Варшавскомъ упорныхъ слуховъ о намѣреніи поляковъ учинить повсемѣстно вооруженное возстаніе. Въ мартѣ эти слухи приняли уже болѣе конкретную форму въ смыслѣ вѣроятнаго и неизбѣжнаго событія. Русскія военныя власти стали получать анонимныя, тайныя донесенія о ютовившейся во востѣ польскихъ областяхъ „*Варшавской ночи*“, предназначенной для поголовнаго избиенія востѣ русскихъ, нѣмцевъ и евреевъ. Былъ назначенъ и день, вѣрнѣе сказать, ночь кровавой расправы,

при чемъ выборъ палъ на ночь между пятницу и субботой на страстной недѣль! Получивъ всѣ эти и множество еще другихъ указаній, русскія власти принялись энергично за тщательную провѣрку всѣхъ сообщеній, при чемъ выяснилось, что душою предстоящаго предательскаго нападенія являлся никто иной какъ гулявшій за все время оккупациі Варшавы русскими войсками на свободѣ, пресловутый сапожникъ Янъ Килимскій, учинившій уже въ 1794 году въ Варшавѣ извѣстную варварски предательскую рѣзню русскихъ солдатъ, мирно спавшихъ и не чаявшихъ коварнаго ночного нападенія. *Килимскаю* немедленно арестовали, послѣ чего всѣ слухи сразу замолкли, а съ ними вмѣстѣ и дальнѣйшія опасенія, быть можетъ, и преувеличенныя ¹⁾. Вообще польское населеніе не скрывало своей лютой вражды къ русскимъ и пруссакамъ. Когда же появились въ Варшавѣ, Краковѣ, Познани и другихъ польскихъ центрахъ парижскія газеты, въ которыхъ передавалось, что императоръ Наполеонъ I рѣшилъ свергнуть династію Гогенцоллерновъ съ престола, присоединить Восточную Пруссію къ Польшѣ, а королю ея назначить маршала Понятовскаю, то волненія во всемъ краѣ приняла угрожающіе размѣры и Кутузовъ вынужденъ былъ считаться съ настроеніемъ народа, готоваго каждую минуту ринуться съ ножомъ въ рукахъ на повернувшихся къ нему спиной русскихъ.

Кампанія 1813 года отражалась далеко не одинаково въ темпераментѣ, возрѣніяхъ и психикѣ участвовавшихъ въ ней народовъ. Русскіе были замѣтно утомлены предыдущимъ походомъ 1812 года, слишкомъ ужаснымъ, чтобы скоро забыть его; они не чувствовали того воодушевленія, какъ сражавшіеся за свою независимость пруссаки и другія германскія племена. Поляки горѣли ненавистью и злобой къ своимъ противникамъ; французы мечтали только о реваншѣ за пораженіе, понесенное на поляхъ Россіи. У всѣхъ, за исключеніемъ только русскихъ, замѣчалось усиленное раздраженіе противъ врага. Такъ у Наполеона I оно выразилось, напримѣръ, въ слѣдующемъ грозномъ приказѣ вице-королю Италіи *Еженію Богарне*, находившемуся съ незначительными силами по обоимъ берегамъ Эльбы отъ 5-го марта: „A la moindre insulte d'une ville, d'un village prussien, faite le brûler, fût-ce même Berlin, s'il se comporte mal“ ²⁾. (При

¹⁾ Изъ донесеній уполномоченнаго прусскаго правительства при Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, тайнаго совѣтника *Дербони ди Спозетти* шефъ-президенту Восточной Пруссіи фонъ-Ауэрсвальду. (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ).

²⁾ Изъ Парижскаго „*Moniteur officiel*“.

малѣйшемъ оскорбленіи или нападеніи на васъ со стороны ка-кого-либо прусскаго города или деревни, сожгите ихъ, хотя бы это коснулось даже самаго Берлина, въ случаѣ его дурного поведенія). Въ этомъ, похожемъ на бѣшеное рычаніе льва, приказѣ нельзя признать проявленія большого разума, онъ продиктованъ черевмѣрной нервностью и озлобленіемъ. На жителей Пруссіи произвелъ онъ впечатлѣніе, способствовавшее лишь ихъ объединенію въ единственно пламенномъ желаніи побѣдить врага во что бы то ни стало или пасть съ честью.

Подогревать энтузіазмъ противника, доводить его и безъ того твердую рѣшимость сражаться съ напряженіемъ всѣхъ силъ до отчаянія, посредствомъ необдуманныхъ угрозъ, вещь крайне рискованная; палка можетъ ударить обратнымъ концомъ и самого грозящаго. Въ прежнихъ приказахъ *Наполеона* ничего подобнаго не встрѣчалось, онъ не извѣщалъ, идучи на рать, о намѣреніи варварски расправляться съ жителями, преисполненными патріотическихъ чувствъ. Изъ трудовъ многочисленныхъ русскихъ и иностранныхъ военныхъ исторіографовъ читатели хорошо знакомы съ хронологическимъ, стратегическимъ и дипломатическимъ ходомъ кампаніи 1813—14 года, такъ что эта часть, не входитъ, какъ уже отмѣчено вначалѣ, въ кругъ нашего болѣе исторически-бытового изслѣдованія событій приснопамятной эпохи. Извѣстно также, что выдвинутые черевмѣрно впередъ, вначалѣ кампаніи, сравнительно слабыя русскіе отряды вынуждены были послѣ блестящихъ, но не имѣвшихъ серьезнаго значенія дѣлъ, отступать и ждать подкрѣпленій.

11-го марта былъ занятъ Берлинъ *Витгенштейномъ*. Здѣсь встрѣтили русскихъ съ такимъ искреннимъ энтузіазмомъ, осыпая ихъ всевозможными знаками признательности и восторга, что многіе изъ нашихъ закопченныхъ пороховымъ дымомъ и закаленныхъ въ безчисленныхъ бояхъ сѣрыхъ героев плакали отъ умиленія. Жители Берлина поняли и оцѣнили гораздо лучше своихъ согражданъ въ Восточной Пруссіи заслуги Россіи и храбрыхъ сыновъ ея въ дѣлѣ хотя еще лишь предстоящаго, но неминуемаго освобожденія отъ невыносимой тиранніи *Наполеона*. Въ столицѣ прусской монархіи русскія войска были впервые приняты и отблагодарены, какъ они этого вполнѣ заслуживали. Обрадованные обыватели старались наперерывъ выказывать этимъ оборваннымъ, столь страшнымъ на видъ, но въ сущности крайне добродушнымъ богатырямъ, свое расположеніе. Особенную сенсацію произвелъ одинъ престарѣлый, но еще очень бодрый казакъ, державшій передъ собой на сѣдлѣ 12 лѣтняго мальчика,

своего внука. Оказалось, что казакъ этотъ участвовалъ уже при вступленіи русской арміи въ Берлинъ, во время семилѣтней войны въ 1760 году, послѣ бомбардированія русскимъ генераломъ Тотлебенемъ города и ея капитуляціи. Своего внука онъ взялъ съ собой по настоятельной просьбѣ послѣдняго. Не удивительно, что славный дѣдъ-казакъ и его внукъ, совершившій несмотря на дѣтскій возрастъ весь походъ 1812 года, были за все время ихъ пребыванія въ Берлинѣ одной изъ интереснѣйшихъ достопримѣчательностей ¹⁾. Радужный пріемъ, оказанный нашимъ войскамъ въ Берлинѣ, сильно ободрилъ ихъ и передался всѣмъ авангарднымъ отрядамъ. 18-го марта, полковникъ *Теттенборнъ* (нѣмецкій уроженецъ Рейнской провинціи, перешедшій съ австрійской службы въ русскую) занялъ съ отрядомъ численностью лишь въ 1.800 человекъ Гамбургъ, выгнавъ предварительно оттуда датскій гарнизонъ. По этому поводу мѣстныя газеты писали, что съ тѣхъ поръ какъ стоятъ крѣпостныя стѣны города, Гамбургъ не испытывалъ такой радости, какъ въ день оккупациіи русскими войсками. Подобные отзывы печати сильно не нравились въ Парижѣ и тѣхъ нѣмецкихъ резиденціяхъ, гдѣ царствовали, на правахъ вассаловъ Наполеона I, короли, князья и герцоги Рейнскаго союза. Въ западно- и южно-германской прессѣ стали появляться описанія ужасныхъ „звѣрствъ“, чинимыхъ русскими и въ особенности казаками. Послѣднихъ представляли форменными дикарями-людоедами.

По этому поводу не безинтересно слѣдующее газетное сообщеніе, появившееся въ Саксоніи (кажется, въ Лейпцигѣ) отъ 25-го марта. Шедшій по улицѣ въ Берлинѣ господинъ, нѣкій состоятельный коммерсантъ, по имени *Гизеке*, встрѣтился случайно съ бравымъ, рослымъ урядникомъ—казакомъ съ Дона, въ которомъ тотчасъ же узналъ того начальника взвода, топившаго въ началѣ февралѣ въ окрестностяхъ города Маріенвердера (въ Восточной Пруссіи), вмѣстѣ съ другими товарищами-казаками, двухъ пойманныхъ французовъ въ проруби озера. Господинъ подозвалъ урядника и пригласилъ его въ небольшой рестораникъ для угощенія. Съ помощью переводчика онъ сталъ расспрашивать урядника, за что онъ поступилъ такъ безчеловѣчно съ бѣдными французами, вѣдь все-же они люди, христіане. Казакъ сначала посмотрѣлъ удивленными глазами

¹⁾ Замѣтка изъ берлинской, королевской, привилегированной газеты Шпенера отъ 16-го марта 1813 года. („Königliche [privilegirte] Spenersche Zeitung“).

на вопрошавшаго его господина, а потомъ, нахмуривъ брови, задумался. Наконецъ, хлебнувъ, какъ слѣдуетъ, изъ кружки, онъ и заговорилъ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ: „*Когда наши братья, нижній чинъ, украдетъ у зѣлшняго жителя, мѣшокъ овса для своей лошади, коровѣй хлѣба для себя или курицу, то за это его наше начальство приказываетъ нещадно бить розгами и даже нагайкой; они-же, эти два француза, несли въ своихъ котомкахъ святоотечественно похищенные изъ храма Божьяго священные сосуды, ризы, воздухи и антиминсы, вдобавокъ они еще опоянаны эти священные предметы: для нихъ нельзя было придумать иного наказанія, какъ смерть*“. На второй вопросъ господина Гизеке, почему же казаки въ такомъ случаѣ не прикончили плѣнныхъ своими шашками, урядникъ отвѣтилъ гордымъ тономъ: „*шашка не для того, чтобы убивать человека, не могущаго сопротивляться, шашку нельзя пятнать, она оружіе благородное. Зарубить шашкой женщину, ребенка или беззащитнаго кладетъ на нее клеймо позора*“. Нѣмецкая газета добавила къ отвѣту простого донскаго казака слѣдующее интересное примѣчаніе: Сужденія этого „сына дикихъ степей“ даютъ богатый матеріалъ для серьезнаго размышленія. Искреннее религиозное чувство, убѣжденная вѣра въ неизбежность нравственныхъ идеаловъ и врожденное рыцарское понятіе о воинской чести ставятъ его на много ступеней выше равныхъ ему по соціально-профессіальному положенію представителей другихъ культурныхъ расъ. Хотя мы и убѣждены, что далеко не всѣ казаки преисполнены подобныхъ воззрѣній, но все же и такой, быть можетъ, рѣдкій среди нихъ индивидъ дѣлаетъ честь всему сословію. 15-го марта состоялось наконецъ давно проектированное свиданіе Императора *Александра I* съ прусскимъ королемъ въ маленькомъ пограничномъ прусскомъ городкѣ Силезской провинціи, Элсѣ, (Oels). Продолжительная и обстоятельная бесѣда двухъ государей-союзниковъ отразилась замѣтно на душевномъ настроеніи прусскаго короля; онъ сталъ бодрѣе смотрѣть на событія и рѣшительнѣе высказывать свои взгляды.

Всѣ появившіеся за истекшее столѣтіе въ печатанныхъ трудахъ указанія и увѣренія, будто русскій самодержецъ подпалъ на время кампаніи 1813—14 годовъ и послѣ нея подъ вліяніе короля *Фридриха Вильгельма III*—смѣхотворный вздоръ!

Это были настолько діаметрально противоположныя по характеру, складу ума и темпераменту личности, что нужно прямо удивляться, какъ могли онѣ такое, сравнительно, продолжительное время идти рука объ руку. Даже объединяющая обонхъ монар-

ховъ политическими узами вражда къ *Наполеону I* была не одинаковаго свойства силы и происхожденія у каждаго изъ нихъ. Въ то время какъ *Александр I* ненавидѣлъ французскаго императора изъ чувства оскорбленнаго самолюбія, ревности къ его славѣ, какъ полководца и необычайно высокому положенію, занятому имъ въ Европѣ, прусскій король питалъ къ своему безпощадному противнику малообоснованное чувство преврѣнія, какъ къ выскочкѣ и проходимцу. Въ письмахъ къ королевѣ *Луизѣ* изъ Тильзита въ Мемель въ 1807 году онъ называлъ *Наполеона* не иначе, какъ „*Ganimal*“. Не признавая въ „корсиканцѣ“ даже военнаго генія, *Фридрихъ Вильгельм III* смотрѣлъ на поражение при *Иенѣ* и *Ауэрштедтѣ*, какъ на печальныя случайности, происшедшія по оплошности неумѣлыхъ генераловъ-руководителей и по недостатку мужества у многихъ второстепенныхъ военноподначальниковъ. Несмотря на подобныя чувства и убѣжденія, прусскій король стоялъ за время всей кампаніи, вплоть до перехода черезъ *Рейнъ*, за примиреніе съ *Наполеономъ*; онъ упорно противился вторженію союзныхъ войскъ въ предѣлы Франціи, находя въ этомъ нѣкоторую условную поддержку со стороны своего государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, русскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа *Нессельроде* и *Меттерниха*¹⁾.

Послѣ сформированія резервной арміи въ Польшѣ подъ командой *Беннигсена*, русскія войска выѣхавъ съ прусскими корпусами двинулись стремительно впередъ. Но на первыхъ же порахъ союзниковъ постигло тяжелое, непоправимое горе. Скончался фельдмаршалъ князь *Кутузовъ-Смоленскій*. Такая чувствительная потеря отразилась сильно на дальнѣйшемъ ходѣ дѣйствій противъ врага. Не обладая геніальными способностями полководца, *Кутузовъ* былъ тѣмъ не менѣе самая крупная личность не только среди русскихъ военноподначальниковъ, но и всѣхъ прочихъ генераловъ коалиціи. Острота его ума, энергія и дальновидность въ опредѣленіи возможныхъ грядущихъ событій придавали сужденіямъ *Михаила Иларіоновича* всегда вѣсскій авторитетъ. Замѣнить *Кутузова* было положительно не кѣмъ. Храбрый, честный и въ случаѣ необходимости рѣшительный *Барклай-де-Толли* не пользовался такимъ престижемъ въ арміи, какъ скончавшійся его старый боевой товарищъ. Первое столкнове-

¹⁾ Смотри: Воспоминанія государственнаго канцлера князя *Гарденберга*, изданныя и редактированныя извѣстнымъ историкомъ профессоромъ *Леопольдомъ фонъ-Ранке*. (*Denkwürdigkeiten des Staats Kanzlers Fürsten Hardenberg von Leopold von Ranke*).

ніе главныхъ союзныхъ силъ съ наступающими на нихъ вновь, сформированными французскими войсками, подъ начальствомъ самого *Наполеона*, произошло на Лютценской равнинѣ 2-го мая при деревнѣ Гроссъ-Гершенъ и кончилось, несмотря на численное превосходство, отступленіемъ союзной арміи опять за Эльбу. Только во-время подоспѣвшіе русскіе резервы и недостатокъ кавалеріи у *Наполеона*, для преслѣдованія непріятеля, предотвратили полный разгромъ союзниковъ, въ главной квартирѣ которыхъ находились оба монарха. Въ этомъ кровопролитномъ бою пали съ французской стороны маршалъ *Бессьеръ*, а съ прусской—славный генералъ *Шарениорстъ*. Геройская кончина послѣдняго подѣйствовала удручающимъ образомъ на всю патріотически настроенную въ ту пору Германію. Рѣшеніе отступить на правый берегъ Эльбы и тамъ укрѣпиться встрѣтило въ штабѣ главной квартиры союзниковъ общее одобреніе. Главнокомандующій русскими и прусскими войсками, генералъ *Витенштейнъ* представилъ его на усмотрѣніе Императора *Александра*, и тотъ согласился вполне съ высказанными въ немъ доводами. Оставалось еще склонить на эту необходимую мѣру прусскаго короля, что и взялся выполнить русскій Государь немедленно. *Александръ I* засталъ на утро послѣ сраженія *Фридриха Вильгельма III* еще въ постели. Не успѣвъ Императоръ послѣ первыхъ вступительныхъ объясненій произнести слово „отступленіе за Эльбу“, какъ король прервалъ его съ горячностью и раздраженіемъ фразой: „о, ужъ это мнѣ отступленіе, я отлично знаю, чѣмъ оно кончится: сначала за Эльбу, потомъ за Одеръ, а затѣмъ и за Вислу, такъ что подъ конецъ я очутусь опять въ крайнемъ углу моей монархіи въ Мемель.“

Никакія убѣжденія со стороны Императора *Александра* не дѣйствовали на упрямаго короля; онъ сталъ рѣзко критиковать дѣйствія *Витенштейна* и осыпать русскія войска упреками за отсутствіе въ ихъ рядахъ того сказочнаго мужества и легендарной стойкости, *проявленныхъ ими такъ блистательно при Бородинѣ!* Не возразивъ ничего на это довольно безтактное и совершенно ужъ нелогичное замѣчаніе, Императоръ продолжалъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и сдержанностью доказывать расхажившемуся „коллеѣ“ необходимость и очевидную пользу отступленія, стараясь въ то же время и успокоить его. Но король не унимался, не переставая въ продолженіи словесныхъ изложеній Императора ворчать себѣ подъ носъ. Наконецъ, приподнявшись немного съ кровати, онъ произнесъ своей привычной, нескладной, обрывистой рѣчью по-французски; „*Votre serviteur*,

excusez-moi, mais je dois quitter mon lit" ¹⁾, что было равносильно просьбѣ удалиться изъ покоевъ короля. Такое поведеніе прусскаго короля не вызывало, видимо, въ душѣ *Александра I* ни малѣйшаго неудовольствія, съ философскимъ спокойствіемъ выслушалъ онъ безтолковую воркотню своего союзника и распоряжался за тѣмъ по своему ²⁾.

Союзникамъ пришлось отступать не только за Эльбу, но и до саксонской Лужици къ берегамъ рѣчки Шпре и занять у города Бауцена укрѣпленную позицію. Сюда прибыли: 16.000-ный русскій корпусъ *Барклай-де-Толли* и 11.000-ный прусскій подъ командой генерала *фонъ Клейста*. Противъ этихъ наскоро сосредоточенныхъ войскъ *Наполеонъ* двинулся 18-го мая немедленно изъ Дрездена со всей своей арміей, къ которой присоединился еще саксонскій корпусъ, находившійся въ крѣпости Торгау, чтобы нанести окончательный ударъ союзникамъ. Сраженіе 20-го и 21-го мая 1813 г. при Бауценѣ или Вуршенѣ, какъ его нѣкоторые называютъ, было также проиграно союзниками, хотя и безъ особеннаго нравственнаго и матеріальнаго ущерба, такъ какъ они не потеряли ни единого орудія и ни одного плѣннаго. Но несомнѣнная, тактическая неудача должна была вліять на ходъ военныхъ и политическихъ событій. Назначенный послѣ проиграннаго бауценскаго сраженія вмѣсто *Виттенштейна* главнокомандующимъ, *Барклай-де-Толли*, старался склонить Императора *Александра I* къ отступленію всей русской арміи въ Польшу, а затѣмъ и въ Россію (что, собственно говоря, соответствовало общимъ желаніямъ). Онъ прекрасно сознавалъ, да и чувствовалъ, что союзъ съ Пруссіей не имѣлъ подъ собой прочныхъ и естественныхъ основъ. — Слишкомъ плохо согласовались интересы обоихъ государствъ. Постепенное отступление русской арміи въ предѣлы Россійской имперіи, безъ предварительнаго заключенія мира, поставило бы *Наполеона* въ крайне затруднительное положеніе, ибо онъ не зналъ въ точности, что предпринять ему; его войско, состоявшее на двѣ трети изъ несовершеннолѣтнихъ юношей-новобранцевъ, а частью даже изъ подростковъ, не годилось, не взирая на всю проявленную имъ въ двухъ большихъ битвахъ храбрость, для такой трудной, изнурительной кампаніи, какая предстояла бы ему на случай

¹⁾ Вашъ покорный слуга, извините меня, но я долженъ покинуть свою кровать.

²⁾ Изъ донесеній королевскаго секретаря Эйхгорна барону Штейну и переписки послѣдняго съ женой.

вторичнаго вторженія въ Польшу по примѣру памятнаго похода 1807 года.

Но *Александръ I* не шелъ навстрѣчу предложенію *Барклая-де-Толли*; онъ питалъ надежду, что ему скоро удастся склонить и Австрію примкнуть къ коалиціи. Попытки бывшаго французскаго посла въ Петербургѣ, *Коленкура*, вступить по приказанію *Наполеона* въ личные переговоры съ русскимъ Императоромъ были отклонены графомъ *Нессельроде*, указавшимъ *Коленкуру* на *Меттерниха*, какъ на желаннаго русскимъ дворомъ посредника для переговоровъ. Что Австрія сильно вооружалась, не было ни для кого тайной; явное ея намѣреніе разыграть при первомъ удобномъ случаѣ роль арбитра не нравилось Пруссіи и возбуждало опасенія *Наполеона*, получавшаго вдобавокъ все чаще секретныя донесенія о возрастающихъ во Франціи попыткахъ къ мятежамъ, происходящимъ вслѣдствіе крайняго неудовольствія населенія къ непрерывно тянувшейся войнѣ. Но и въ нѣмецкихъ государствахъ Рейнскаго союза, равно какъ въ Италіи стала замѣтно шевелиться нямѣна, угрожавшая французской арміи съ тыла и фланговъ. При такихъ обстоятельствахъ *Наполеонъ* охотно принялъ предложеніе о перемиріи, заключенномъ 4-го іюня въ селеніи Поишвицѣ. Выгоды отъ этого перемирія, длившагося почти 6 недѣль, оказались всецѣло на сторонѣ союзниковъ. Положеніе ихъ было несравненно хуже, не только въ стратегическомъ отношеніи, но и вслѣдствіе раздора, интригъ и отсутствія опредѣленной твердой воли въ главной квартирѣ. Ни *Витгенштейнъ*, ни *Барклай-де-Толли* не въ силахъ были бороться съ противодѣйствіемъ, оказываемымъ имъ такими неуживчивыми, задорно-рѣзкими и упрямыми корпусными командирами, каковыми оказались *Йоркъ* и *Блюхеръ*¹⁾. Оба названные генералы не любили подчиняться чужимъ приказаніямъ; особенно часто ссорился генералъ *Йоркъ* съ *Сакеномъ* и *Остерманомъ*. Если бы *Наполеонъ* имѣлъ хоть мало-мальски точное представленіе о господствовавшей въ главной квартирѣ союзниковъ неурядицѣ и глубокоподавленномъ настроеніи прусскаго короля, онъ не согласился бы на перемиріе и воспользовался превосходствомъ своего положенія. Но сильно удрученное нравственное состояніе геніальнаго полководца, вслѣдствіе участившихся ударовъ судьбы, къ числу коихъ

¹⁾ *Историкъ Дройзенъ*: Жизнеописаніе генералъ-фельдмаршала графа *Йорка*.

нужно отнести потерю любимѣйшихъ и преданнѣйшихъ друзей, какъ маршала *Бессіера* (при Гроссъ-Гершенѣ) и генералъ-адъютантовъ *Брюйера* и *Дюрока* (при Бауценѣ) мѣшало ему вникнуть въ положеніе противниковъ и способствовало пессимистическому состоянію духа, видѣвшаго все окружающее въ самомъ неприглядномъ, тускломъ освѣщеніи.

М. В. Станиславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

На ежегодно съ 1878 года повторявшихся обѣдахъ товарищей александровцевъ, видно было, въ какой степени они къ своему бывшему начальнику училища Б. А. Шванебаху сохранили чувства любви и уваженія. Неизмѣнно участвуя въ тѣхъ обѣдахъ, онъ какъ бы занималъ на нихъ предсѣдательское мѣсто, сначала, казалось, по чину генерала среди штабъ и оберъ-офицеровъ, впослѣдствіи вообще по званію старѣйшаго среди бывшихъ его юнкеровъ, изъ которыхъ многіе оказались генералами,—частью просто дошедшими до этого ранга, а частью и поднявшимися на очень высокую ступень военной іерархіи.

Всѣ собиравшіеся на обѣды понимали, чувствовали и признавали, что на тѣхъ обѣдахъ Борисъ Антоновичъ получалъ первенство не за чиновное его старшинство; онъ получалъ его, какъ бывший начальникъ, оставившій въ каждомъ изъ насъ за время нашей юности, на-ряду съ воспоминаніями о себѣ вообще,—массу пріобрѣтеннаго имъ уваженія къ себѣ, какъ къ человѣку. Кромѣ того на самыхъ обѣдахъ, при встрѣчахъ со своими бывшими подчиненными, онъ это пріобрѣтенное издавна къ себѣ расположеніе болѣе и болѣе закрѣплялъ своимъ простымъ, ровнымъ, предупредительнымъ, одинаково-внимательнымъ къ каждому изъ насъ отношеніемъ, какъ бывший начальникъ, который, и въ качествѣ таковаго прежде, никогда не являлся ни въ своемъ обращеніи вообще, ни въ своей служебной требовательности суровымъ, сухимъ или бездушнымъ; онъ всегда умѣлъ для насъ соединить крайнюю серьезность съ отеческимъ отношеніемъ; это мы, бывшіе шванебаховскіе юнкера, цѣнили и на

всегда сохранили какъ въ памяти своей, такъ и въ своихъ сердцахъ.

Всѣмъ было извѣстно, что александровцы обычно проявляли массу нетерпѣнія, ожидая приближенія избраннаго ими дня обѣда;—сначала,—тотчасъ послѣ войны, этимъ днемъ была назначена въ году вербная суббота, а потомъ какія-то обстоятельства вызвали перенесеніе его на субботу второй недѣли великаго поста. Съ особымъ удовольствіемъ шли они соединиться вокругъ Бориса Антоновича для общей возлѣ него товарищеской бесѣды, для воспоминаній о проведенныхъ въ стѣнахъ дорогаго оригинальнаго, укрѣпленнаго контръ-форсами зданія на Знаменкѣ, въ древней бѣлокаменной столицѣ, днѣхъ юнкерской жизни и обо всемъ, что было подъ вліяніемъ той жизни перенесено оттуда въ дальнѣйшую жизнь офицерскую.

* * *

Пять лѣтъ тому назадъ ¹⁾ на страницахъ „Русской Старины“ были вкратцѣ напечатаны воспоминанія о томъ, при какихъ обстоятельствахъ и изъ-за какихъ собственно ближайшихъ причинъ, Императоръ Александръ Николаевичъ рѣшился совершить коренное преобразование любимаго дѣтища своего—кадетскихъ корпусовъ и, главнымъ образомъ, выдѣливъ изъ нихъ спеціальныя классы, соединить ихъ въ военные училища. Тогда было упомянуто, что Государь долго не соглашался на это и что окончательно подвинули Его Величество дать свое согласіе на это происходившія въ тѣ времена, чуть ли не по очереди въ каждомъ изъ корпусовъ, неурядицы и шумныя безпорядки, которые, имѣя подобіе хронически повторявшихся бунтовъ, бунтами назывались.

Къ наступленію 1863 года была закончена по этой части почти вся работа въ главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній и въ военномъ министерствѣ вообще; уже стало извѣстно всѣмъ, что лѣтомъ предстояло открытіе училищъ; кадеты то въ томъ, то въ другомъ корпусѣ продолжали проявлять послѣднія вспышки бунтовъ,—небольшихъ, но напоминавшихъ о необходимости скорѣе покончить съ существованіемъ этихъ военно-учебныхъ заведеній въ томъ видѣ, такъ какъ онъ представлялся отжившимъ свой вѣкъ.

Одинъ изъ послѣднихъ бунтовъ, происшедшій въ рожде-

¹⁾ См. статью „Мих. Ив. Драгомировъ и военно-учебныя заведенія“ „Русск. Ст.“ № 4, 1908 г.

ство 1862 г., - бунтъ 1-го Московскаго корпуса особенно огорчилъ Государя; въ большой степени причиной этого особаго огорченія явилось то, что жертвой бунта сдѣлался директоръ того корпуса, Всеволодъ Николаевичъ Лермонтовъ, до назначенія директоромъ (1855) состоявшій въ должности командира славнаго лейбъ Бородинскаго полка, котораго шефомъ въ то время пребывалъ Государь Александръ Николаевичъ, будучи цесаревичемъ и съ воспоминаніями о которомъ у Государя было многое связано, какъ Его Величество самъ не разъ выражался, въ высокой мѣрѣ дорогого и многозначительнаго.

Съ новаго года до конца января въ корпусѣ производилъ строжайшее о бунтѣ разслѣдованіе, присланный лично Государемъ, генералъ-лейтенантъ В. П. Желтухинъ ¹⁾, сдавшій въ 1855 году должность директора того самаго 1-го корпуса В. Н. Лермонтову. Скрѣпя свое любвеобильное сердце, Государь послѣ разслѣдованія согласился смѣстить директора 1-го Московскаго корпуса Лермонтова, т.-е. исполнить то, что вытекало изъ разслѣдованія, произведеннаго В. П. Желтухинымъ,—этимъ рыцаремъ, который былъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошо извѣстенъ Государю.

* * *

Въ началѣ лѣта того года стало извѣстно, что вскорѣ Москву носѣтитъ Государь Императоръ. Съ середины іюня три Московскіе корпуса,—1, 2 и Александринскій сиротскій, собрались по обыкновенію, но уже въ послѣдній разъ, въ свой ла-

¹⁾ Сынъ знаменитаго генерала Петра Федоровича Желтухина, принимавшаго видное участіе во всѣхъ бояхъ начала прошлаго столѣтія: до 1812 года, въ теченіе того года, а также послѣ него—до взятія Парижа включительно,—и наиболѣе отличившагося при Лейпцигѣ и при Бородинѣ. П. Ф. Желтухинъ вскорѣ послѣ турецкой войны 1828—29 годовъ умеръ въ должности начальника русскаго управленія въ Молдавіи и Валахіи. Въ исторіи этихъ княжествъ, нынѣ составляющихъ, укрѣпившееся россійскою помощію, королевство Румынское,—сохраняются большія воспоминанія объ этомъ предсѣдателѣ Молдовалахскаго русскаго дивана,—онъ проявилъ массу энергіи и приложилъ особое стараніе къ тому, чтобы укрѣпить въ этихъ княжествахъ развитіе одновременно и арміи и сельскохозяйственной жизни поселянъ. Еще даже въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ имя этого славнаго русскаго, боевого генерала было слышно въ предѣлахъ Румыніи и съ почетомъ вспоминалось не только у молдовалахскихъ бояръ, но и среди царанъ, т.-е. сельскаго населенія, а въ особенности среди очень близкихъ этому населенію пришлыхъ грековъ, занявшихся, крайне удачно и съ большой пользой для населенія, благодаря вліянію П. Ф., посессионнымъ дѣломъ въ странѣ и твердо его въ ней установившимъ.

герный сборъ подъ историческимъ селомъ Коломенскимъ; Государь пріѣхалъ въ срединѣ августа и тотчасъ же назначилъ день для посѣщенія кадетскаго лагеря и для производства въ немъ смотра; жутко казалось 1-му Московскому корпусу представиться на глаза Царю, всегда неизмѣнно отличавшему своею высокою милостью этотъ корпусъ.

Верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, на которомъ, съ начала царствованія Императора Николая Павловича, былъ раскинутъ кадетскій лагерь, находилось обширное поле, называвшееся „Савкинымъ“ и служившее для маневрированія кадетскихъ батальоновъ. Много лѣтъ передъ тѣмъ, какъ гласило темное преданіе, въ глубокихъ оврагахъ, обрамлявшихъ это поле, и въ окаймлявшихъ тѣ овраги лѣсахъ, ютился атаманъ, со своей шайкой разбойниковъ, Савка, не дававшій покоя окрестному населенію и изведшій у себя въ неволѣ въ глубинѣ „Савкиныхъ“ овраговъ немало жителей, которыхъ онъ уводилъ, а затѣмъ подземными ходами препровождалъ изувѣченныхъ, измученныхъ и связанныхъ въ невѣдомые края.—Такъ отцы, матери семействъ, дочери, сыновья—и взрослые и малые, пропадали безъ вѣсти; никто не могъ ничего сдѣлать; людей то забирали въ отмищеніе за какую-либо малость, то уводили въ видѣ залога съ цѣлью полученія большой денежной дани; жизнь изъ-за этого Савки была тяжелая; измученное окрестное населеніе долго не могло забыть его; среди деревенскихъ ребятъ еще въ наше время ходили страшные сказочные рассказы объ этомъ извергѣ атаманѣ; на ночь дѣти избѣгали повторенія этихъ сказокъ и—страшились выслушивать ихъ.

Въ теченіе всего лѣта 1863 года кадеты подъ командой и подъ наблюденіемъ начальника лагернаго сбора, директора 2-го Московскаго корпуса генералъ-маіора Александра Васильевича Фрейганга ¹⁾ старательно обучались фронту на обширныхъ плацахъ, имѣвшихся передъ лагеремъ cadaго корпуса, а въ прекрасный, прохладный, солнечный день 17-го августа, собрался на Савкиномъ полѣ трехбаталіонный кадетскій отрядъ и выстроился для того, чтобы имѣть счастье представиться Царю

¹⁾ Генералъ А. В. Френгангъ славился, какъ боевой кавказецъ; онъ много отличился въ бояхъ и стычкахъ и былъ въ нихъ не разъ раненъ. получивъ въ 1862 году должность директора 2 Московскаго кадетскаго корпуса, онъ въ 1864 году былъ переведенъ на постъ петергофскаго коменданта и занимая эту должность много лѣтъ, былъ хорошо извѣстенъ всему военному міру.

на смотру, какъ уже стало извѣстно, послѣдній разъ въ кадетскомъ званіи передъ переходомъ на юнкерское положеніе.

* * *

Пасмурнымъ взоромъ оглянулъ Государь кадетъ, подъѣзжая въ сопровожденіи небольшой свиты къ правому флангу отряда и здороваясь съ 1-мъ корпусомъ.— Не къ такому взгляду безконечно добраго Царя привыкли кадеты; чувствовали они, что заслужили гнѣвъ царскій; каялись, да было поздно, что судьба послала.

Обычно, довольный кадетами и ихъ поведеніемъ, Государь, присутствуя на смотрахъ, благодарилъ на каждомъ шагу за строй;— бывало, въ теченіе всего времени смотра, поминутно въ кадетскихъ рядахъ раздавались шумные, восторженные отвѣты на Царскую похвалу; но въ тотъ памятный годъ, противъ обыкновенія, Его Величество, внимательно осмотрѣвъ стойку, ружейные приемы, повороты на мѣстѣ и въ движеніи, а затѣмъ разсыпной строй и даже церемоніальный маршъ, ни разу не удостоилъ насъ своимъ одобреніемъ; кадеты изъ силъ выбивались заслужить Монаршую благодарность, но Государь, продвигаясь по фронту, смотрѣлъ и лишь, отъ времени до времени, произносилъ то ту, то другую команду, подсказывая еѣ генералу Фрейгангу или отдавая тѣмъ приказанія сопровождавшимъ его верхомъ штабъ-трубачамъ, которыхъ въ тѣ времена вообще, а особенно въ кадетской средѣ, называли тѣлохранителями. Только тогда, когда отрядъ, послѣ церемоніальнаго марша, по царскому же указанію собрался въ общую колонну, Государь, обратившись къ генер. Фрейгангу и другимъ находившимся возлѣ него генераломъ, сказалъ:— „а славно учатся, превосходно и, возвысивъ голосъ, обрадовалъ юношей возгласомъ:

— Славно, господа, молодецки учитесь, благодарю васъ.

Затѣмъ, когда Его Величество громко скомандовалъ: съ поля! насъ повели по берегамъ Савкиныхъ овраговъ домой; хоръ музыкантовъ 1-го корпуса заигралъ торжественный маршъ изъ жизни за Царя.

— Пѣсельники поютъ? спросилъ Государь ген. Фрейганга; вызови ихъ во всѣхъ трехъ баталіонахъ.

Давъ пройти мимо себя всѣмъ частямъ отряда, Государь крупною рысью обогналъ ихъ и, дойдя до передовой части— хора пѣсельниковъ 1-го корпуса, поѣхалъ рядомъ съ нимъ.— Молодые звонкіе голоса въ это время доканчивали слова куп-

летовъ начатой ими пѣсни, сложившейся у нихъ нѣсколько своеобразно.—Государь очень внимательно вслушивался:

Пробили зорю барабаны
Востокъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ неожиданный
На батарею прилетѣлъ.

Въ дыму огонь блѣстѣлъ,
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колоть устала
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ вражьихъ тѣлъ.

Живые съ мертвыми сравнились
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тьмою развела.

Вдругъ батареи замолчали,
Вновь барабаны застучали,
Противникъ быстро отступилъ...

— Прекрасно они у тебя поютъ, обратился Государь къ директору 1-го корпуса генералъ-маіору Ив. Викент. Жданъ-Пушкину; хорошо изъ Лермонтовскаго произведенія пропѣли; немного перемѣшали слова, но этимъ славный Бородинскій стихъ у нихъ нисколько не испортился.

— А кстати, гдѣ бѣдный Лермонтовъ, куда онъ уѣхалъ послѣ несчастья, которое подъ нимъ стряслось? На докладъ Жданъ-Пушкина о томъ, что бывшій директоръ проживаетъ въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, Государь сказалъ:

— Я знаю его домъ; на Арбатской улицѣ?

— Такъ точно, Ваше Величество, отвѣтилъ Жданъ-Пушкинъ.

— Жаль мнѣ его, очень жаль.

Все в. Ник. Лермонтовъ по своей женѣ находился въ довольно близкомъ родствѣ съ покойнымъ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, который очень долго состоялъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наследнику цесаревичу Александру Николаевичу лицъ; поэтому не было ничего мудренаго въ томъ, что Государь могъ вспомнить, гдѣ въ Москвѣ находился домъ, принадлежавшій родственнику этого его сотрудника,—оставившаго по себѣ громадную память своими выходившими изъ ряда заслугами.

Повернувъ своего коня, Государь проѣхалъ прямо на двухъ полковниковъ, пѣшкомъ, нѣсколько поодаль отъ Дм. Алекс. Милютина, сопровождавшихъ строй, полковниковъ—сапернаго и шедшаго рядомъ съ нимъ артиллерійскаго. Мы, кадеты, до той минуты не замѣчали этихъ штабъ-офицеровъ.

— Ну вотъ, ты видишь кадетъ, которымъ предстоитъ начать на дняхъ службу подъ твоимъ начальствомъ, вотъ твои будущіе юнкера, сказалъ Государь краснощекому саперному полковнику; да, вамъ обоимъ предстоитъ начать работу надъ этимъ матеріаломъ, — скажу прямо, сырымъ, но хорошимъ; первый Московскій корпусъ всегда былъ славнымъ заведеніемъ, рекомендую его вамъ, хотя въ послѣднее время онъ сильно отличился далеко не въ свою пользу; жаль мнѣ и ректора и всегда прежде отменно радовавшихъ меня своимъ поведеніемъ кадетъ; Лермонтова я отъ души люблю и всегда его цѣнилъ.

— Пойте, господа, продолжайте ваши пѣсни, сказалъ Государь, повернувшись въ сторону пѣсельниковъ;—они дружно и громко затянули извѣстную, старую солдатскую пѣсню, — „поле чистое турецкое, мы когда жъ тебя, поле, пройдемъ“!..

Государь снова заговорилъ съ сапернымъ полковникомъ и оживленно проговорилъ съ нимъ во время всего пути до прихода въ лагерное расположеніе 1-го корпуса.—Послѣ того, что Государь присутствовалъ при роспускѣ батальона и при отнесѣ знамени, мы черезъ нѣсколько минутъ, сбросивъ съ себя аммуницію и наскоро смахнувши пыль, заняли мѣста подъ навѣсами лагерныхъ столовыхъ у накрытыхъ для обѣда столовъ.—Государь, прослушавъ спѣтую нами молитву, обошелъ столы, попробовалъ кадетскую пищу и отбылъ въ лагерь 2-го Московскаго корпуса,—затѣмъ проѣхалъ въ Александрійскій сиротскій корпусъ, а оттуда въ Кремль.

Во время обѣда намъ стало извѣстно, что отправившіеся вслѣдъ за Государемъ два штабъ-офицера, которымъ, по словамъ Его Величества, предстояло сдѣлаться нашими начальниками, были полковники Борисъ Антоновичъ Шванебахъ и Сергѣй Александровичъ Слуцкій; изъ нихъ первый былъ назначенъ на должность начальника Александровскаго военного училища, а второй былъ избранъ на постъ инспектора классовъ того же училища, приготовлявшагося пріютить насъ въ своихъ стѣнахъ на Знаменкѣ...

* * *

Эти, сразу показавшіеся намъ таинственными, штабъ-офицеры, намѣченные къ тому, чтобы стать нашими начальниками, исчезли за Государемъ; мы ихъ больше не видѣли до тѣхъ поръ, пока, вслѣдъ затѣмъ, они приняли насъ подъ свое крыло и очень скоро стали близкими намъ людьми.—Ходилъ тогда очень характерный слухъ о томъ, будто-бы Государь сильно не доволенъ остался указаніемъ Жданъ-Пушкина на то, что предмѣстникъ его, ген.-м. Лермонтовъ, переѣхалъ на жительство въ свой домъ. Ив. Викентьевича Жданъ-Пушкина всѣ очень цѣнили за его умъ и за постоянное стремленіе съ каждымъ подѣлиться своими по истинѣ обширными знаніями; это, между прочимъ, выражалось поспѣшностью, съ которою онъ всегда въ каждомъ классѣ замѣщалъ манкировавшаго преподавателя и, не смотря на свое относительно высокое положеніе, старался возможно полнѣе того преподавателя замѣнить, а воспитанникамъ трудъ приготовленія урока облегчить; въ этомъ была его серьезная отличительная черта. Новсѣ осуждали, правильно или неправильно приписывавшуюся ему другую черту,—ядовитость, съ которою онъ всегда, какъ казалось, радъ былъ кого угодно оговорить, заподозрить и осудить.

Б. А. Шванебаху случалось встрѣчать Жданъ-Пушкина въ молодости; служилъ онъ въ артиллеріи и въ 1-й Моск. корпусъ былъ переведенъ инспекторомъ классовъ незадолго до Лермонтовской исторіи изъ Сибирскаго кадетскаго корпуса, въ которомъ послѣднія нѣсколько лѣтъ занималъ должность инспектора же; исповѣдывалъ онъ римско-католическое вѣроисповѣданіе и по-этому вообще, а въ то время особенно, вѣроятно, переносилъ много несправедливаго по отношенію къ себѣ, такъ какъ время польскаго возстанія создавало немало всевозможныхъ осложненій для находившихся на службѣ лицъ польскаго происхожденія, при чемъ достаточно было принадлежать къ католической вѣрѣ для того, чтобы нести всѣ тѣ непріятности, на которыя были обречены сплошь почти всѣ поголовно поляки.

По поводу отвѣта, даннаго Жданъ-Пушкинымъ Государю о мѣстѣ пребыванія Лермонтова, у большинства родилась мысль, безъ сомнѣнія, несправедливая и во всякомъ случаѣ малоосновательная о томъ, будто-бы онъ хотѣлъ съ одной стороны укорить своего предмѣстника въ пріобрѣтеніи на службѣ денежныхъ средствъ, а съ другой и ознакомить Государя со свѣдѣніемъ о томъ, что на пребываніе въ бѣдности этотъ предмѣст-

никъ не обреченъ.—Такъ или иначе, произнесенное особымъ тономъ, донесеніе Жданъ-Пушкина произвело на всѣхъ очень не-пріятное впечатлѣніе и трудно было разувѣрить тѣхъ, кому пришло на умъ при этомъ его заподозрить.

Б. А. Шванебахъ рѣдко вообще и мало осуждалъ людей объ Жданъ-Пушкинѣ, имѣя или не имѣя въ мысляхъ намѣреніе заподозрить его, онъ и тогда и впослѣдствіи говорилъ только: „какъ жалъ, что онъ, прослуживши много лѣтъ въ Сибири, такъ мало тамъ обрусѣлъ“.

Увѣряли, будто и Государю заявленіе преемника о предмѣстникѣ не понравилось именно съ этой стороны, но большинство старалось благоразумно отрицать такое предположеніе и со всѣхъ сторонъ давало ему значеніе совершенно вздорнаго измышленія.—Отецъ его, какъ говорили, былъ въ 1831 году убитъ въ Варшавѣ въ числѣ честныхъ поляковъ, оставшихся вѣрными своему законному Государю. Вскорѣ стало извѣстно, что, по пріѣздѣ въ столицу, Государь послалъ Лермонтову, какъ тогда говорили, „привѣтствіе“ и препроводилъ на его имя пакетъ съ восемью тысячами рублей въ видѣ пособія ему и его семьѣ, состоявшей изъ жены и трехъ взрослыхъ дочерей.—Впослѣдствіи, Б. А. Шванебахъ, нерѣдко рассказывая о Государѣ и объ его нескончаемыхъ милостяхъ, упоминалъ о томъ, что В. Н. Лермонтовъ ежегодно ко дню годовщины Государевой коронаціи, — къ 26-му августа, удостоивался полученія отъ царя такой же высокомиловливой поддержки.

* * *

27-го августа 1863 года кадета 1-го Московскаго корпуса въ ходившихъ тогда на тройкахъ по Покровкѣ, старинныхъ особаго, крайне характернаго фасона, линейкахъ доставили на Знаменку въ ставшее домомъ Александровскаго военнаго училища зданіе Александрійскаго сиротскаго кадетскаго корпуса. Тамъ оказались уже пребывавшіе въ зданіи кадеты этого корпуса, привезенные за два часа до насъ кадеты 2-го Моск. корпуса, а также, доставленные дня за три передъ тѣмъ, кадеты провинціальныхъ корпусовъ—Воронежскаго и Орловскаго.—Всего насъ собралось на четыре роты по 75 чел.—800 юнкеровъ.

Б. А. Шванебахъ съ веселымъ лицомъ бодро ходилъ среди собиравшихся въ большихъ залахъ и въ просторныхъ коридорахъ кадетскихъ группъ; преобразовавшіеся въ юнкеровъ кадеты, не коса на него поглядывая, мало-по-малу знакомились между собой; раскланиваясь съ каждымъ изъ насъ, онъ нѣкоторыхъ

спрашивалъ фамиліи, старался быть ласковымъ и, видимо, давалъ себѣ трудъ ободрять новыхъ своихъ знакомыхъ—подчиненныхъ, вступившихъ въ тотъ день „на дѣйствительную службу“.

Получившій начало съ того дня, послужной списокъ каждаго изъ насъ, начинался словами: „въ службу вступилъ юнкеромъ въ 3-е военное Александровское училище 27-го августа 1863 года“; и вотъ намъ всѣмъ, тогда собравшимся юнцамъ, минуло въ только-что истекшемъ 1918 году пятидесятилѣтіе всей дѣйствительной службы.

* * *

Въ первые дни нашего пребыванія въ училищѣ, кромѣ Б. А. Шванебаха, начальства почти никакого еще не было: цѣлые дни мы видѣли начальника училища; дежурныхъ по ротамъ не было назначался лишь одинъ общій дежурный по батальону изъ числа трехъ-четырехъ офицеровъ, оставшихся отъ состава сиротскаго корпуса; всѣ они уже знали о состоявшемся переводѣ ихъ въ другіе корпуса или просто объ отчисленіи; показались за тѣ дни по одному разу инспекторъ классовъ С. А. Слущкій и помощникъ его Пав. Ник. Юшеновъ—гвард. артиллеріи поручикъ, назначенный въ должность помощника изъ числа лицъ, преподававшихъ артиллерію въ корпусахъ сиротскомъ и 1-мъ Московскомъ.

— Вотъ какъ, я одинъ съ вами справляюсь, шутилъ Б. А., обходя въ теченіе дня по нѣскольکو разъ училище и отдавая различныя распоряженія служителямъ. — Впослѣдствіи, когда жизнь въ училищѣ установилась, войдя въ колею, онъ, неизмѣнно появляясь въ ротахъ, велъ бесѣду съ группами юнкеровъ; крайне поучительны были тѣ бесѣды; припоминалась намъ недоступность корпуснаго начальства, и мы съ особымъ удовольствіемъ въ новомъ положеніи просто, свободно, безъ всякаго стѣсненія входили въ собесѣдованіе съ самимъ начальникомъ училища; скоро положеніе стало такимъ, что менѣе всего мы стѣснялись разговаривать именно съ нимъ; видя это, прочее начальство—батальонный, ротные командиры, ротные офицеры, которые всѣ были назначены къ намъ изъ числа окончившихъ курсъ академіи, а также многіе изъ профессоровъ и преподавателей въ своихъ разговорахъ съ нами и въ своемъ обращеніи съ нами—хотя нижними чинами, старались приноравливаться къ тому, какъ обращался и велъ себя Б. А.; выходило по простотѣ и свободѣ нѣчто вполне толковое, а между тѣмъ, по идеѣ выдѣ-

ленія кадетскихъ спеціальныхъ классовъ въ училищные батальоны съ зачисленіемъ насъ на дѣйствительную службу, первое мѣсто занимала забота объ укрѣпленіи среди насъ строгой дисциплины. Б. А. Шванебахъ много разъ давалъ намъ понимать, что именно въ этой, предоставлявшейся намъ, разумной свободѣ и простотѣ онъ видѣлъ обезпеченіе необходимой субординаціи.

Собесѣдованія, которыя онъ просто велъ съ нами въ дортуарахъ, залахъ, коридорахъ и въ классахъ, явились прототипомъ такихъ же бесѣдъ, продолжавшихся имъ и цѣпившихся нами въ послѣдствіи на товарищескихъ Александровскихъ обѣдахъ; на нихъ онъ, конечно, гораздо яснѣе и вполнѣ развязно разъяснялъ намъ все то, что въ училищѣ приходилось ему лишь намекать или давать понять.

* * *

— Знаете ли вы, о чемъ Государь разговаривалъ со мной въ тотъ памятный день, когда ѣхалъ верхомъ рядомъ со мной, сопровождавшимъ пѣшкомъ возлѣ него пѣсельниковъ 1 Московскаго корпуса, — сказалъ Б. Шванебахъ однажды на товарищескомъ обѣдѣ въ татарскомъ ресторанѣ, въ одинъ изъ первыхъ годовъ послѣ турецкой 1877—1878 войны? При этомъ онъ постарался глазами, въ числѣ бесѣдовавшихъ съ нимъ, привлечь вниманіе бывшихъ воспитанниковъ.

— Вы помните, что Государь, бесѣдуя со мной, велѣлъ вамъ „продолжать ваши пѣсни“.

— Они могутъ подумать, что я ихъ юными голосами хочу заглушить свой голосъ, сказалъ Государь и ласково засмѣялся — вѣдь, въ сущности дѣти, особенно если судить по тому, что представилъ объ ихъ бунтѣ Владиміръ Петровичъ¹⁾. Корпусное начальство, которое теперь дослуживаетъ, доканчиваетъ свое дѣло въ рядахъ этого славнаго корпуса, понимало свое дѣло такъ, что и съ кадетами вкоренять дисциплину, а также воинское подчиненіе и чинопочитаніе, надо исключительно строгостью, суровостью. — Я хочу, чтобы и съ солдатами такая строгость была отодвигается на задній планъ, хочу, чтобы она пряталась за доброе слово; одинъ Лермонтовъ, понимавшій это еще во время командованія моимъ, нынѣ Лейбъ-Бородинскимъ полкомъ, ясно понималъ и здѣсь въ корпусѣ, но, къ сожалѣнію, не сумѣлъ привлечь къ этому окружавшихъ его офицеровъ-воспитателей, они шли съ нимъ въ разладъ и портили все то,

¹⁾ Государь всегда звалъ генерала Желтухина по имени и отчеству.

что онъ заводилъ; а твердости у него не достало; отъ этого онъ и пострадалъ; онъ виноватъ, виноваты и офицеры; ни его, ни ихъ я не виню или, вѣрнѣе сказать хотѣлъ бы ихъ винить въ полной мѣрѣ лишь за то, что они сдѣлали виновными кадетъ—дѣтей; вмѣсто того, чтобы слѣпо искать и карать въ нихъ отсутствіе дисциплины и повиновенія, они должны были найти и видѣть, что между ними нашелся одинъ, который, нисколько не думая объ ихъ участи, думалъ лишь о себѣ, эгоистично защищалъ свою личную, мелкую обиду и тѣмъ втянулъ въ бѣду ихъ всѣхъ, какъ куколъ, какъ пѣшекъ, ему этому кадету, Ашенбреннеру, меньше, чѣмъ кому-либо, можно было простить; онъ и понесъ большое наказаніе; я все-таки простилъ бы ему всякое его преступленіе, но онъ жестоко втянулъ массу въ защиту лишь своей персоны; тотъ, кто, въ какомъ бы то ни было бунтѣ или возмущеніи, оказывается виновнымъ въ томъ, что не защищаетъ общее дѣло, а думаетъ лишь о себѣ самомъ,—тотъ недостойнъ никакой пощады; этотъ кадетъ очень просто и легко напортилъ массѣ товарищей, а также крайне легкомысленно погубилъ директора, достойнаго человѣка и начальника, проявлявшаго не мало заботъ о немъ же и, быть можетъ, проявившаго съ своей стороны вину лишь разъ во всей этой исторіи, именно тогда, когда у него сжалось сердце передъ необходимостью строго взыскать съ этого провинившагося питомца и онъ пощадилъ его; а между тѣмъ у окружавшихъ его воспитателей не хватило сознанія необходимости снисхожденія и вотъ чѣмъ все окончилось. У Государя навернулись тогда слезы, добавилъ Б. А. Шванебахъ, рассказывая намъ объ этомъ эпизодѣ.—Я увѣренъ, добавилъ Государь, что ты меня понимаешь и у тебя, при томъ составѣ строевыхъ офицеровъ, которыхъ ты теперь получишь, ничего подобнаго не будетъ выходить.

Разсуждая дальше объ этой памятной исторіи, Б. А. Шванебахъ сказалъ: „Ашенбреннеръ дѣйствительно занялся тѣмъ, чтобы защищать себя и отомстить генералу Лермонтову лично за себя въ такую минуту, когда Лермонтовъ проявилъ по отношенію къ нему свою самую большую доброту, оказавшуюся для него пагубною—этотъ кадетъ нанесъ своему начальнику оскорбленіе дѣйствіемъ, а вслѣдъ за тѣмъ, вмѣсто того, чтобы смѣло, благородно выступить впередъ и отдать себя въ полное распоряженіе начальства, онъ сталъ подъ покровительство товарищей кадетъ, которые взяли его за свои баррикады, и устройствомъ таковыхъ погубили себя. Если бы генералъ Желтухинъ, какъ бывшій директоръ того же 1-го Московскаго корпуса, не

взялъ недомыслившихъ, въ полной мѣрѣ понятыхъ имъ птенцовъ, подъ свою защиту передъ мощною милостью царя и не опредѣлилъ бы вполне твердо, ясно вину эгоиста, облюбовавшего лишь себя,—не одобровать бы имъ за такой бунтъ.

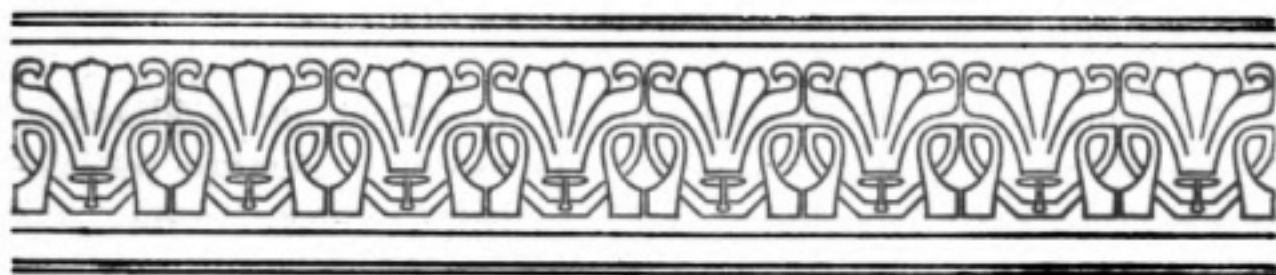
Трогательно было слышать, въ какихъ подробностяхъ Государь зналъ всю, въ сущности, мелкую, корпусно-кадетскую исторію, какую далъ ей оцѣнку и какъ отнесся къ участникамъ ея.

Б. А. Шванебахъ, вполне понимая, что не всякій разъ съ нимъ бесѣдуетъ на товарищескихъ обѣдахъ одни и тѣ же изъ бывшихъ его юнкеровъ, не разъ повторялъ эту исторію, добавляя къ ней и другіе не менѣе поучительные эпизоды; не одному изъ тѣхъ бывшихъ юнкеровъ случилось слышать такіе рассказы по два-три раза.

Перебирая въ настоящее время рядъ шванебаховскихъ рассказовъ, записанныхъ въ свое время съ его словъ, нельзя не вспомнить имена разныхъ собесѣдниковъ съ одинаковымъ чувствомъ и вниманіемъ слушавшихъ въ 1863—1864 году полковника Б. А. Шванебаха, и въ какомъ-нибудь изъ годовъ перваго десятилѣтія этого столѣтія инженеръ-генерала Б. А. Шванебаха, при чемъ собесѣдники тѣ пребывали то въ юнкерскомъ званіи, въ оберъ-офицерскомъ или въ генеральскомъ чинѣ.—Припоминаются въ составѣ ихъ участники обѣдовъ разныхъ годовъ изъ alexandrovцевъ генералы: А. П. Скугаревскій и В. Г. Глазовъ—начальники штаба гв. корпуса, В. В. Сахаровъ, В. Г. Глазовъ—и Н. К. Шауфусъ—министры, Н. П. Михневичъ, П. Н. Вороновъ, А. Н. Селивановъ, Н. Я. Лопушанскій—начальники дивизіи или генералъ-губернаторы, П. О. Щербовъ-Нефедовичъ, А. А. фонъ-Вендрихъ, Н. П. Михневичъ—начальники главнаго управленія или главнаго штаба, тов. мин. В. Г. Глазовъ, Д. Г. Щербачевъ—нач. академіи ген. штаба, а также друг. Нѣкоторые изъ этихъ достоуважаемыхъ лицъ, благополучно здравствуя и теперь, быть можетъ, прочтутъ на страницахъ этихъ записокъ не одинъ рассказъ, слышанный ими въ свое время отъ незабвеннаго Бориса Антоновича Шванебаха, скончавшагося въ 1906 году восьмидесяти лѣтъ,—онъ унесъ съ собой ту громадную радость, которую испытывалъ каждый разъ, когда видѣлъ служебные и жизненные успѣхи своихъ питомцевъ-юнкеровъ.

А. Е. К.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Смерть генерала Кондратенко.

Послѣ паденія Высокой горы (высота 203 метр.), для насъ было уже ясно, что агонія крѣпости началась.

1-го февр. генераль Кондратенко былъ у насъ на фортѣ № 2-ой и опредѣлялъ безнадежное состояніе форта. Казематовъ не существовало у нея. Уже за недѣлю до 1-го февраля, онъ приказалъ минировать потерну къ казематамъ контръ-эскарпа и все, что еще уцѣлѣло отъ огня 12-ти дюймовыхъ снарядовъ.

Солдаты укрывались непосредственно подъ брустверомъ, на валгангахъ.

Ежедневно брустверь разрушался отъ снарядовъ, и по ночамъ нами ремонтировался.

Подъ нашими ногами, на валганкѣ бруствера ясно слышна минная работа японцевъ.

Потерна и часть контръ-эскарповой галлерей была за нами, но рва мы уже обстрѣливать не могли. Онъ былъ во власти врага.

Утромъ 2-го февр. японцы зажгли въ контръ-эскарповой галлерей, набросанные ими впереди ихъ бруствера, легкіе мѣшки, наполненные ими какимъ-то неизвѣстнымъ веществомъ.

Тѣдкій, ядовитый дымъ душилъ людей.

У сложенного нами изъ мѣшковъ въ галлерей бруствера пришлось мѣнять всякія двѣ минуты.

Вызванный къ намъ военный инженеръ полковникъ Рашевскій по вкусу и запаху опредѣлялъ присутствіе мышьяка.

Дали знать генералу Кондратенко.

Я работалъ по исправленію брустверовъ и ходовъ сообщенія по ночамъ.

2-го дек. вечеромъ я распредѣлялъ людей по работамъ и часовъ въ 8 вечера вошелъ въ офицерскую комнату въ горжевомъ казематѣ. Это былъ единственный уголокъ, чудомъ еще не совсѣмъ разрушенный на фортѣ.

Здѣсь я увидѣлъ, что комната полна офицерами, пришедшими съ генераломъ на фортъ.

Генералъ сидѣлъ на кровати, возлѣ круглаго стола. Противъ него на стулѣ сидѣлъ полковникъ Рашевскій.

Комендантъ форта, поручикъ Флоровъ, лежалъ, укрывшись шубою, на своей койкѣ, около того же стола.

Видимо генералъ засталъ его отдыхающимъ и приказалъ не вставать, зная, что комендантъ имѣетъ отдыхъ только урывками.

Я присѣлъ въ ногахъ у коменданта на кровати, но генералъ увидѣлъ меня и сказалъ: „А! прапорщикъ, здравствуйте“, и подалъ мнѣ руку. „Здравія желаю, ваше превосходительство!“ отвѣтилъ я.

„Ну вы совсѣмъ Робинзонъ Крузо, засмѣялся генералъ. Я только-что вылѣзъ изъ глухой минной галлерей и полушубокъ мой былъ весь въ землѣ. Длинноволосая мохнатая папаха довершала сходство съ знаменитымъ авантюристомъ. Всѣ разсмѣялись.“

„Ну господа, пойдѣмъ посмотримъ контръ-эскарповую галлерей“, сказалъ генералъ, и мы, кому слѣдовало, спустились черезъ потерну внизъ.

Къ этому времени, галлерей уже провѣтрилась отъ ядовитыхъ газовъ и стрѣлки поддерживали непрерывный огонь вдоль нея.

Въ отвѣтъ намъ въ бетонъ щелкали японскія пули.

Генералъ поздоровался съ людьми, которые ему отвѣтили: „Здравія желаемъ, ваше превосходительство!“

Непріятель былъ отъ насъ въ 6-ти шагахъ. Даже простой разговоръ былъ ясно слышенъ.

Не разъ японцы здѣсь насъ спрашивали русскимъ языкомъ: „Что вы сегодня обѣдали? Получили ли полушубки и т. д.“

И дѣйствительно, только успѣлъ генералъ съ нами обойти брустверъ, гдѣ слушали подземную работу непріятеля и прочія работы и вошелъ въ казематъ, какъ, бывшая до того времени обыкновенная стрѣльба превратилось въ бомбардировку 280 мм. снарядовъ.

Задрожали, заколебались стѣны каземата. У насъ въ это время вѣстовые подали намъ ужинъ. Генералъ поджидалъ

для совѣщанія генерала Горбатовскаго. Предметомъ совѣщанія должна была быть дальнѣйшая участь форта № 2, гдѣ ежедневно гибло много защитниковъ. Съ паденіемъ открытыхъ капонировъ №№ 2 и 3 фортъ потерялъ защиту мертваго пространства впереди себя.

Генералъ велъ бесѣду съ полковникомъ Рашевскимъ.

Рашевскій замѣтилъ: Удивительный это уголокъ на фортѣ; только онъ и уцѣлѣлъ непонятнымъ образомъ.

Генералъ вынулъ изъ кармана знаки отличія Военнаго ордена Св. Георгія и возложилъ ихъ на груди заурядъ-прапорщика Смольянинова и, по представленію коменданта, фельдфебелю нестроевой роты запаснаго баталіона.

По этому поводу, генералъ, поздравивъ ихъ, выпилъ за ихъ здоровье немного краснаго вина, которое онъ изъ своихъ средствъ присылалъ намъ на фортъ.

„Ваше Превосходительство! сказалъ я генералу, разрѣшите мнѣ выпить за ваше здоровье“.

„Пейте за свое собственное“, отвѣтилъ онъ, улыбувшись.

На фортѣ съ адскимъ трескомъ рвались тяжелые снаряды.

Въ это время въ казематъ вошелъ мой старшій саперъ и доложилъ, что снарядъ разорвался на горжевомъ мосту.

Сходивъ и убѣдившись, что, хотя мостъ на половину разрушенъ, но что пройти по немъ еще можно, я доложилъ объ этомъ генералу. Онъ мнѣ на это ничего не отвѣтилъ. Я направился къ выходу изъ каземата на работы, но увидѣлъ на кровати у артиллериста банку съ карамелью и, сѣвши на кровать, развернулъ конфету. Сосѣдъ мой, поручикъ Крайко, тоже нагнулся надъ банкой.

Ослѣпительный блескъ заставилъ меня повернуть голову. Конецъ! мелькнуло въ моемъ сознаніи. Звука взрыва я не слышалъ. До сихъ поръ не могу сообразить, лишился ли въ этотъ моментъ сознанія? Первое чувство, охватившее меня, было ощущенія абсолютной тишины—тишины, никогда мною не испытанной. Истеричныя женщины говорятъ, что имъ это чувство знакомо.

Поразительно ярко предстало мнѣ сознаніе о происшедшей катастрофѣ.

Почувствовавъ на тѣлѣ давленіе тяжести, я вообразилъ, что на меня обрушился бетонъ каземата, и думалъ, что сейчасъ мои кости будутъ дробиться. Первое мое движеніе убѣдило меня, что я живъ и что руки и ноги дѣйствуютъ. Съ дикою энергіею я освободился изъ-подъ навалившихся на меня тру-

повъ товарищей и выскочилъ черезъ дверь изъ каземата во дворъ форта.

При ясномъ лунномъ свѣтѣ я увидѣлъ мой полушубокъ и всю одежду облитые кровью и мозгами товарищей.

Я былъ потрясенъ всѣмъ существомъ моимъ. Солдаты окружили меня.

„Ваше благородіе! что дѣлать? Офицеры всѣ перебиты, спрашиваетъ меня бравый ундеръ. Готовиться къ штурму“.

„Резервы въ горжу!“ приказалъ я.

Соколомъ пошелъ унтеръ исполнять свой долгъ. Живъ ли онъ—не знаю.

Доставъ изъ кармана спички, я зашелъ въ казематъ. Отъ деревянной переборки не осталось слѣда. Вошли саперы со свѣчами. Въ углу, гдѣ я сидѣлъ—гора труповъ, брошенныхъ газами. На мѣстѣ стола лежала его доска, на ней ницъ лежалъ генералъ Кондратенко. „Что генералъ? спрашиваю я, убить“.

Одежда на трупахъ ярко загорѣлась. Со стономъ поднялся комендантъ поручикъ Флоровъ. Схвативъ его подъ руку, я вывелъ его съ форта и сдалъ санитарамъ. Начали выносить тѣла.

Въ казематѣ было 17 офицеровъ: 9 убито, 7 ранено. Меня Господь сохранилъ невредимо. Молодой красавецъ военный инженеръ Зедгенидзе цѣлый часъ мучился, пока испустилъ духъ.

Рядомъ съ офицерскою комнатою, гдѣ собственно и разорвался снарядъ, былъ перевязочный пунктъ. Здѣсь лежали раненые. Отсюда мы вытащили цѣлый рядъ труповъ солдатиковъ. Подъ кроватью коменданта поручика Флорова былъ нашъ складъ ручныхъ пироксилиновыхъ бомбъ. Онѣ всѣ уцѣлѣли.

Помню, что въ день похоронъ генерала японцы почти не стрѣляли.

Какъ память о покойномъ, генералъ Горбатовскій вручилъ мнѣ, ему доставленный, сорванный газами погонъ. Нынѣ онъ составляетъ собственность Николаевской на Амурѣ саперной роты.

О. Ф. Бергъ.

За 38 лѣтъ.

Отрывки изъ неизданныхъ воспоминаній: посвящаются памяти

Милія Алексѣевича Балакирева.

Часть вторая.

III.

Лѣтніе мѣсяцы, съ середины 70-годовъ до конца жизни, Милій Алексѣевичъ проводилъ въ Гатчинѣ. Впервые, онъ познакомился съ ней, пріѣхавъ ко мнѣ весной на урокъ, кажется, въ 1873 г. До того онъ не зналъ ея и, пріѣхавъ къ намъ и пойдя гулять съ отцомъ моимъ, послѣ урока въ Пріоратъ—по возвращеніи къ намъ, на дачу Ломакина, онъ съ нескрываемымъ изумленіемъ, объявилъ:—Знаете-съ, тутъ чудесно-съ!.. На будущій годъ я тоже найму здѣсь дачу. Мнѣ давно совѣтуеть это Боткинъ... но я не вѣрилъ...

Мнѣ запомнился этотъ разговоръ потому, что Гатчина мнѣ лично не нравилась. Не нравились ея неряшливыя улицы, ея неизящныя деревянныя дачи, ея заброшенный, невыметенный или полувывметенный, полурасчищенный пустынный Пріоратъ и безлюдный, покинутый со временъ Императора Павла, дворцовый паркъ.

Я любила заграничныя, благоустроенныя, увитыя цвѣтами, оживленные швейцарскіе и нѣмецкіе городки и курорты. И слово „чудесно“, примѣненное къ Гатчинѣ, меня просто поразило.

— Ну, ужъ и чудесно!—думала я.—И что тутъ чудеснаго?! Но такъ какъ Надежда Дмитріевна тоже восхищалась воз-

духомъ Гатчины, и всѣ въ разговорахъ, упоминали о „силлурійской“ формціи (почвы), открытой въ Гатчинѣ Сергѣемъ Петровичемъ Боткинымъ, домъ котораго ходили даже смотрѣть, я рѣшила, что вѣрно я ничего не понимаю, что пойму, когда вырасту и, пожимая плечами, на этомъ и успокоилась.

Милій Алексѣевичъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Гатчину два раза въ мѣсяцъ,—чтобы дать мнѣ возможность отдыхать лѣтомъ и не слишкомъ экзерсироваться.

Помню, разъ какъ-то онъ пріѣхалъ не черезъ недѣлю,—какъ я его ожидала, а на слѣдующую недѣлю.

Я пришла въ ужасъ: урокъ не былъ приготовленъ... Какъ же это будетъ?!.. И я съ холодными руками и сконфуженнымъ лицомъ пришла къ нему изъ сада на зовъ кого-то изъ старшихъ.

— Ну-съ, начнемте,—поздоровавшись, обратился онъ ко мнѣ и, глядя на меня, вѣрно догадался, что что-то не такъ.

— Вы приготовили урокъ?—спросилъ онъ меня, когда крышка рояля была имъ открыта и я принесла ноты.

— Нѣтъ.

— Почему-же-съ?

— Я васъ ждала въ слѣдующій четвергъ—сказала я и залилась краской стыда и смущенія.

Милій Алексѣевичъ схватился за внутренній боковой карманъ въ пиджакъ, вытащилъ оттуда довольно большую и широкую записную черную книжку и, снявъ съ нея резинку, сталъ перелистывать ее.

Черезъ минуту онъ выговорилъ:

— Вы правы-съ. Это я перепуталъ. Ну-съ, до-свиданія, до слѣдующей недѣли.—И, подавъ мнѣ руку, быстро—стремительно онъ вышелъ въ переднюю, надѣлъ шляпу, взялъ „макинтошъ“, и... исчезъ.

Когда я вышла въ садъ, на меня, и безъ-того сконфуженную,—накинулись всѣ:—Куда жъ дѣвался Милій Алексѣевичъ? Какъ это ты не удержала его, какъ не пригласила его остаться? Вѣдь это невѣжливо такъ поступать, не говоря уже о томъ, что это нерадушно, негостепріимно, и т. д., и т. д.

Я и сама знала, что я поступила противъ всѣхъ правилъ и приличій, но сказать Милію Алексѣевичу, какъ всякому другому знакомому, т.-е. обыкновенному человѣку:—„останьтесь пожалуйста. Пойдемте въ садъ“,—я была не въ силахъ, не въ состояніи.

Если отпустить его было невѣжливо, то такъ просто, за

„панибрата“ обойтись съ нимъ, было, по моимъ тогдашнимъ понятіямъ, еще хуже. Не то святотатственно, не то до безумія стыдно.

Впрочемъ, разобраться въ моихъ „переживаніяхъ“ тогда я не могла.

Цѣлый день у меня лежалъ гнетъ на сердцѣ, точно я совершила дурной поступокъ, и я счастлива была, когда, позднѣе, меня же стали утѣшать, что это не бѣда, что онъ ушелъ, „Ну, зайдетъ къ какимъ-нибудь знакомымъ, можетъ быть, къ Боткину, если Боткинъ тутъ, посоветуется съ нимъ“...

На слѣдующей недѣлѣ, когда Милій Алексѣевичъ пріѣхалъ на урокъ и, поздоровавшись, произнесъ съ улыбкой первымъ дѣломъ:

— Сегодня-съ, кажется, я во-время, сегодня нашъ урокъ?— я только сконфуженной улыбкой отвѣтила ему на улыбку, и рада была, что моя мать, вошедшая на его голосъ въ столовую, гдѣ стоялъ рояль, выразила ему, какъ она и мы всѣ жалѣли, что онъ не остался въ тотъ четвергъ у насъ.

— Неужели вы прямо съ поѣзда на поѣздъ?—спросила моя мать.—Вѣдь это ужасно!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—сказалъ Балакиревъ успокоительно:— я погулялъ-съ, а потомъ зашелъ къ знакомымъ.

— Къ Боткину?—вырвалось у меня.

— Его здѣсь нѣтъ-съ,—переводя на меня строгіе глаза, строго отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и, снова заставивъ меня вспыхнуть до корней волосъ, продолжалъ:—ну-съ, начнемте-съ урокъ.

Впослѣдствіи, кажется, въ концѣ лѣта, я узнала, что знакомыми его въ Гатчинѣ были Павелъ Михайловичъ Ковалевскій и жена его Анна Ѳедоровна, рожденная Кожевникова.

Оба были или казались мнѣ тогда уже пожилыми, „настоящими родителями“ двухъ прехорошенькихъ, изящныхъ дѣвочекъ, одѣтыхъ всегда въ бѣлыя платья съ красными широкими шелковыми заше'ами вокругъ талии и съ крупными кораллами на шеѣ.

Какъ-то разъ другъ юности моего отца и тоже, какъ отецъ, бывший харьковскій студентъ, Аполлонъ Михайловичъ Матушинскій, чиновникъ Министерства внутреннихъ дѣлъ и извѣстный художественный критикъ, писавшій критическіе фельетоны въ „Голосъ“, пріѣхалъ къ намъ на дачу и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ былъ у Ковалевскихъ и слышалъ отъ нихъ, что мнѣ и лѣтомъ не даютъ покоя, что ко мнѣ пріѣзжаетъ да-

вать уроки Балакиревъ, и что М-ше Ковалевская тоже его ученица.

— Которая? — спросила я, не разслышавъ слово М-ше и представляя себѣ ту или другую хорошенькую дѣвочку.

— Какъ которая? — закатился своимъ особеннымъ смѣхомъ смѣшливый Матушинскій. — Развѣ ихъ нѣсколько? — И, переставъ смѣяться, нагибаясь ко мнѣ, онъ комически — тихо, съ удареніями пояснилъ: *Madame* Ковалевская, Анна *Федоровна* его ученица.

Я была поражена.

— Такая старая и беретъ уроки!

— Не беретъ, а бра-ла! — снова смѣясь, продолжалъ комически объяснять мнѣ Аполлонъ Михайловичъ и совершенно серьезно добавилъ: — „впрочемъ, она была уже замужемъ, когда брала уроки. Вы спросите вашего учителя... Она прекрасно играетъ“.

Меня покорило отъ слова „учителя“ (точно это былъ простой, обыкновенный Мг. Вгассеур!), но я ничего ужъ не сказала.

Впослѣдствіи (черезъ нѣсколько лѣтъ), мы познакомились съ Ковалевскими. Павелъ Михайловичъ былъ, тогда уже въ отставку, нелюдимымъ и мизантропъ. Онъ почти никогда не выходилъ къ знакомымъ и писалъ и печаталъ въ „Вѣстникъ Европы“ свои интереснѣйшія и колкія, „костичныя“ воспоминанія.

Анна Федоровна, — сестра друга моего отца и тоже харьковскаго студента — Вас. Фед. Кожевникова, бывшаго консуломъ въ Рущукѣ, а потомъ генеральнымъ консуломъ въ Іерусалимѣ, — Анна Федоровна была тогда раздавлена обрушившимся на нее несчастьемъ — смертью старшей изъ двухъ дѣвочекъ — красавицы Шурочки, похожей на нее.

Тутъ, думается мнѣ, небезъинтересно будетъ вкратцѣ рассказать исторію Ковалевскихъ. Неизвѣстно почему въ то время, когда оба Ковалевскіе были молоды и женились, — нѣсколько семействъ были испытаны страшнымъ горемъ: всѣ рождавшіеся въ нихъ дѣти, не достигая года или тотчасъ послѣ него, умирали. Семьи эти были: Мечниковы (друзья моихъ родителей), мои родители, Челищевы и Ковалевскіе. Знакомые и полужнакомые между собой, всѣ они обожали своихъ дѣтей, дѣлали все, чтобы ихъ сохранить, и хоронили, хоронили!..

(У Челищевыхъ усыпальница рядомъ съ нашей, въ Сергіевой пустынѣ, близъ Стрѣльны, и жутко до сихъ поръ читать

на каждой младенческой могилкѣ годы и числа, когда рождались и гасли на землѣ едва посланные и уже отозванные души. Четверо моихъ братьевъ и сестеръ покоятся противъ маленькихъ Челищевыхъ подъ однимъ памятникомъ—бѣлой мраморной часовней—съ простой надписью: младенцы Николай, Софія, Екатерина, Надежда Кондрашovy).

Ковалевскіе тоже безъ конца теряли своихъ дѣтей и наконецъ также, какъ и другія семьи (мои родители, Мечниковы, и Челищевы) сберегли жизнь послѣднимъ дѣтямъ—отказавшись отъ выѣздовъ, баловъ, пріемовъ, словомъ, отъ всей свѣтской суеты и посвятивъ себя исключительно дѣтямъ, уѣхавъ съ ними за границу, и пр.

У Ковалевскихъ послѣдними дѣтьми были двѣ дѣвочки. Когда онѣ подросли,—для ихъ здоровья, все изъ-за той же „силлурійской формаціи“,—Ковалевскіе купили землю и выстроили большую и прекрасную дачу въ Гатчинѣ.

Въ 1873 г. дача эта была нарядная игрушка, съ маленькимъ паркомъ, цвѣтникомъ и балконами, полными растеній и душистыхъ цвѣтовъ, т.-е. со всей возможной роскошью простоты, развитого вкуса и комфорта.

Но... но человѣкъ предполагаетъ...

Въ этой же самой, столь хваленой Гатчинѣ, въ концѣ 70-хъ годовъ, когда не было никакой эпидеміи,—старшая дочь Ковалевскихъ, полная цвѣтущаго здоровья и, дѣйствительно, рѣдкой красоты, шестнадцатилѣтняя дѣвочка заразилась въ молоко, которое имъ приносила крестьянка на домъ, дифтеритомъ (это узнали ужъ послѣ) и умерла въ полномъ сознаніи, повторяя только одну фразу: „Мамочка, значить, такъ Богу угодно... Такъ Богу угодно...“

Смерть ея и эта фраза потрясли тогда многихъ. Павелъ Михайловичъ былъ западникъ и человѣкъ вполнѣ невѣрующій (тогда это было неотдѣлимо). Онъ запрещалъ вѣрующей женѣ даже водить дѣтей въ церковь, даже говорить о Богѣ, и вдругъ эта праведная кончина!..

Балакиревъ тоже зналъ и съ благоговѣніемъ и какой-то тихой вдумчивостью упоминалъ о ней, рассказывая о нравственныхъ страданіяхъ своей бывшей ученицы и задавая всегда вопросъ: „что-то теперь Павелъ Михайловичъ!..“

Когда мы познакомились съ Ковалевскими, Анна Ѳедоровна уже не играла при чужихъ, кажется, играла только для одной выросшей и страстно любившей музыку оставшейся дочери. Но она показала мнѣ мазурку, посвященную ей Балакиревымъ,

и на мои вопросы неохотно и съ едва замѣтной улыбкой отвѣчала о Миліи Алексѣвичѣ. Должно быть, западничество Павла Мих. отразилось на ней, и съ Балакиревымъ они разошлись и не видались.

Лѣтомъ 1898 года, т.-е. четверть вѣка спустя, судьба снова привела меня въ Гатчину. Жили мы тогда въ Императорскомъ дворцѣ, внизу, въ помѣщеніи, отдаваемомъ отъ мин. двора разными лицамъ.

Помѣщеніе это выходило окнами въ паркъ. Издали, сквозь листву, чуть видѣлись пруды—озѣра, откуда доносилось криканье безчисленнаго множества утокъ, разведенныхъ высочайшими дѣтьми Государя Александра III.

Милій Алексѣвичъ, какъ всегда, и въ это лѣто жившій въ Гатчинѣ же, гдѣ-то на новыхъ мѣстахъ, по близости отъ своего любимаго Пріората, узнавъ, что мы проведемъ лѣто въ его резиденціи, проговорилъ: — и прекрасно-съ!.. Тамъ чудесно-съ.—И я къ вамъ буду часто приходить и... У васъ тамъ будетъ рояль?... Нѣтъ, піанино? И отлично-съ. Я буду на немъ „угощать“ васъ музыкой.

И дѣйствительно, не дождавшись нашего посѣщенія, какъ только мы переѣхали въ Гатчину, онъ зашелъ во дворецъ, вечеромъ гуляя, справиться, тутъ ли мы, и всталъ на съѣзъ полномъ сборѣ.

Онъ попробовалъ піанино, сдѣлалъ съ улыбкой нѣсколько свойственныхъ ему колкихъ замѣчаній насчетъ его тона и давнишней настройки, но все же сыгралъ намъ что-то и ушелъ, настоятельно пожелавъ, чтобы мы не замедлили позвать настройщика.

Затѣмъ, онъ довольно часто сталъ посѣщать насъ, опять таки, какъ и зимой, по вечерамъ, и всегда заканчивалъ вечеръ музыкой, хотя піанино ему не нравилось, и онъ игралъ на немъ немного и какія-нибудь небольшія вещи.

Этимъ же лѣтомъ я, впервые, въ мою жизнь, была у него въ гостяхъ. Мы поѣхали къ нему вдвоемъ, съ другомъ моимъ Ек. Петр. Озеровой, и встали его въ одномъ изъ такъ испортившихся мнѣ въ дѣтствѣ и юности деревянныхъ, дачныхъ банальныхъ домиковъ.

Онъ только-что кончилъ обѣдать или пить дневной чай,—не знаю. Самоваръ и банка съ вареньемъ стояли еще на столѣ, и онъ, встрѣтивъ насъ привѣтствіемъ: „пожалуйте, пожалуйста, дорогія гостя“,—сталъ радушно предлагать намъ: „чаю-съ съ вареньемъ...“ говоря про варенье: „это мнѣ одна знакомая

попадья наварила-съ. Прекрасное варенье-съ... Не хотите? Ну, какъ угодно!..“ И онъ началъ просто, нисколько не обидясь, говорить о другомъ, приказавъ своему лакею убирать со стола.

Въ это наше первое посѣщеніе, я увидѣла у него втиснутый, спрятанный въ уголъ, на окнѣ, высокій стаканъ и въ немъ высохшія и полувysохшія, полувывядшія розы.

Онъ замѣтилъ, что я ихъ вижу, что я на нихъ смотрю,— и проговорилъ съ сарказмомъ: „Да-съ, это мнѣ одна дааама поднесла... *Мнѣ*... (онъ сдѣлалъ удареніе и, сложивъ руки на груди, остановился). Цвѣты! (опять саркастическое удареніе и опять остановка).

Я молчала и думала о той, тоже полувывядшей, засохшей бѣлой розѣ, которая выпала у него изъ шапки, изъ кармана пальто, не знаю откуда, когда мнѣ было лѣтъ 18—19, и я разъ, по своему обыкновенію, провожала его послѣ урока до передней. Вспомнила, какъ онъ быстро нагнулся, поднялъ ее и быстро, стремительно, точно смутившись, снялъ на прощанье шапку и вышелъ на лѣстницу.

Вспомнила, какъ мучила меня эта роза, какъ не шла она къ представлявшейся мнѣ духовной личности Милія Алексѣевича...

— Отчего же?...—сказала теперь Екат. Петр. Озерова.— Конечно, именно вамъ.—Цвѣты, какъ подношеніе!..

— Нѣтъ-съ!...—серьезно отозвался Милій Алексѣевичъ.— Я ненавижу видѣть срѣзанные цвѣты. Вѣдь это видѣть ихъ медленную смерть-съ... Ихъ агонію!.. Ахъ, нѣтъ, это ужасно-съ!..

Онъ сдвинулъ брови и вложилъ столько жалости и состраданія въ свою интонацію, что я невольно внимательно посмотрѣла на него и еще разъ спросила себя: „откуда же была та роза?!.. Какая женская, безтактная, влюбленная душа дала ему ее?..

Въ этотъ разъ, на своемъ роялѣ, онъ сыгралъ намъ нѣсколько музыкальных пьесокъ, какъ онъ ихъ называлъ, которыя онъ сочинялъ въ то время, и послѣ каждой изъ нихъ, поводя своими старческими глазами, смотрѣлъ: какое произвела на насъ впечатлѣніе та или другая вещь.

Возвращаясь отъ него во дворецъ, мы прошли пѣшкомъ, мимо когда-то красивой и изящной дачи Ковалевскихъ. Ее было не узнать: ни маленькаго парка, ни цвѣтника, ни балконовъ, полныхъ растеній и душистыхъ цвѣтовъ, тамъ не было. За выросшими деревьями ютилось что-то старенькое и темненькое, съ крытыми стеклянными, такъ излюбленными въ дач-

ныхъ русскихъ мѣстностяхъ безобразными „верандами“... Въ палисадникѣ копошились маленькія фигурки больныхъ дѣтей съ перевязанными руками, ногами, головами, въ длинныхъ ситцевыхъ платицахъ или короткихъ ситцевыхъ же штанишкахъ и блузкахъ (смотря по полу...). Отъ дачи вмѣсто благоуханій левкоя, геліотропа, розъ и резеды, несся запахъ іодоформа...

Послѣ смерти дочери, Ковалевскіе принесли дачу въ даръ Обществу хронически больныхъ дѣтей, и они были теперь ея обитателями...

Въ воспоминаніи у меня ярко вспыхнулъ лѣтній солнечный день,—двѣ изящныя дѣвочки, сходящія съ балкона въ бѣлыхъ платьяхъ съ красными шелковыми *sache*'ами на талии и нитками крупныхъ коралловъ на шеѣ... Дама съ прекрасными глазами... Бархатные звуки рояля... И слова изъ романа Амбруаза Тома, воскресли у меня въ памяти: *„adieu, fleurs et ruisseau—il ne reste que vous!“*

Тутъ же не было даже и цвѣтовъ.

Да! *Tout passe, seul le souvenir reste...*

Наискосокъ отъ дачи Ковалевскихъ, ближе къ Пріорату, высилась дача Боткиныхъ. Теперь ея тоже не существовало. Она тоже была отдана, несмотря на почву благословенной силлурійской формаціи, тому же благотворительному обществу, какъ и домъ Павла Мих. и Анны Ѳед., прозывалась „Домомъ Попеченія“, и въ ея стѣнахъ помѣщались такія же, какъ тамъ, несчастныя бѣдностью и болѣзнью туберкулеза дѣти, только выросшія и повздорѣвшія отъ ухода и лѣченія.

Да!.. *Tout passe...*

Вдругъ сказка Андерсена промелькнула предо мною. Въ ней рассказано про пастушку-босоножку-нищенку, незаконную потомку когда-то гордыхъ владѣльцевъ замка, у подножія развалинъ котораго дѣвочка горестно пасетъ стада гусей, вырастаетъ и такъ и умираетъ нищенкой.

Больно сжалось сердце...

Суeta суеть! *Все суeta!*..

IV.

Въ это лѣто я узнала, какъ сердечно привязанъ Милій Алексѣевичъ къ Сергѣю Михайловичу Лапунову, какъ беспокоится объ его судьбѣ, о матеріальномъ обезпеченіи. (С. М. Лапуновъ служилъ тогда еще въ пѣвческой капеллѣ, но, послѣ

ухода Балакирева, вскорѣ послѣ кончины Государя Александра III, положеніе его тамъ стало шаткимъ).

Приходя къ намъ, Милій Алексѣевичъ только и говорилъ о Ляпуновѣ, только, такъ сказать, и жилъ его интересами, его жизнью, не считая другого его интереса—„ка-пел-лы“, какъ онъ произносилъ слово капелла. Онъ все еще не могъ отвыкнуть отъ заботъ о дорогомъ, врученномъ ему Государемъ Александромъ Александровичемъ дѣтищѣ.

А тамъ, въ этомъ дѣтищѣ, т.-е. въ пѣвческой капеллѣ, происходила, какъ происходитъ всегда при смѣнѣ начальника, ломка всего того, что съ любовью строилъ и созидалъ ушедшій начальникъ, въ данномъ случаѣ Балакиревъ, и какъ слѣдствіе этого—гоненіе на всѣхъ его единомышленниковъ.

Входя въ положеніе пѣвчихъ, теряющихъ свой голосъ, почти тотчасъ по поступленіи, Милій Алексѣевичъ учредилъ инструментальные классы, пройдя которые, пѣвчій никогда ужъ не могъ быть выброшенъ на улицу, какъ негодный къ пѣнію и непріученный ни къ какому другому труду человѣкъ (что такъ часто случалось и случается съ пѣвчими).

Заботясь о физическомъ здоровьи ввѣренныхъ ему Государемъ дѣтей, Балакиревъ отказался отъ половины своего содержанія и отдалъ его на улучшеніе стола учениковъ.

Кромѣ того, заботясь о воспитаніи души и сердца мальчиковъ,—онъ все ученіе повернулъ къ славянофильскому руслу, заставивъ даже еврея—учителя Б. читать исторію Чехіи и Гуса по Гильфердингу.

Все это не нравилось преемнику Балакирева, и все это ревностно принялись выкорчевывать съ корнемъ.

Кромѣ того, Балакиревъ не считалъ, что слово начальникъ должно означать олимпійское, недоступное божество. Въмѣсто начальника онъ былъ отцомъ всѣхъ учащихся, зналъ всѣхъ не только въ лицо, по фамиліи, по семейнымъ обстоятельствамъ, но зналъ по именамъ, и однажды поразилъ Государя этимъ знаніемъ.

Дѣло происходило во время великаго поста. Капелла говѣла. Обыкновенно въ Высочайшемъ присутствіи никто не пріобщается, но Милій Алексѣевичъ какъ-то устроилъ такъ (испросилъ ли разрѣшеніе—не знаю), что, вопреки обычаю, пѣвчіе подошли къ Чашѣ при Государѣ и Императрицѣ. Балакиревъ тоже подошелъ къ священнику, всталъ возлѣ него и громко и отчетливо началъ называть, отъ мала до велика cadaго мальчика, заканчивая слова священника: „пріобщается рабъ Божій...

Іоаннъ или пріобщается рабъ Божій... Петръ, или пріобщается рабъ Божій... Валентинъ и т. д.

Государь выстоялъ всю эту церемонію, послѣ обѣдни подошелъ къ Милію Алексѣвичу и, съ всепокоряющей улыбкой, сказалъ ему:— „я вамъ удивлялся! Какъ это вы можете всѣхъ узнать по именамъ! И ни разу не сбиться“!..

Разсказывая объ этомъ, Милій Алексѣвичъ всегда самъ свѣтился улыбкой.

Послѣ Балакирева—никто ужъ никогда не зналъ всѣхъ Васей и Мишей въ лицо, никто не заботился о нихъ, какъ объ индивидуальностяхъ... И вотъ это равнодушіе сокрушало Милія Алексѣвича, глодало ему сердце.

...Въ то лѣто шелъ процессъ Дрейфуса. У насъ было дома два лагеря—за и противъ Дрейфуса. Я искренно была убѣждена, что онъ, Дрейфусъ, невиновенъ, и искала подтвержденія этому не только во всевозможныхъ русскихъ и иностранныхъ газетахъ, но и въ разговорахъ съ разными людьми. Нѣсколько разъ пробовала заговаривать объ этомъ и съ Миліемъ Алексѣвичемъ, скучая его повторявшимися разсказами и сѣтованіями о „каналлѣ“. Но Милій Алексѣвичъ считалъ дѣло Дрейфуса неинтереснымъ, раздутымъ евреями и былъ убѣжденъ, что за Дрейфуса могутъ стоять только тѣ, кто подкупленъ.

Разъ я обидѣлась на него за эти слова и въ пылу негодованія сказала: „значить, и я подкуплена. Я получила 10 тысячъ, чтобы спорить съ вами и убѣждать васъ въ его невинности“.

Балакиревъ замолчалъ, открылъ ротъ, посмотрѣлъ на меня и, помолчавъ, поднявъ руки, выговорилъ...

— Ну, вотъ видите-съ... Въ такомъ случаѣ-съ...—и почувствовавъ, что дошелъ до „геркулесовыхъ столповъ“ абсурда, крикнувъ и издавъ свое: гм-гм-гм, замолчалъ.

Съ этого вечера мы никогда ужъ не спорили съ нимъ о Дрейфусѣ, но зато Милій Алексѣвичъ, при случаѣ и безъ случая, во всякое наше свиданіе, язвительно прохаживался на счетъ моей „любви“ къ евреямъ.

Онъ инстинктивно боялся ихъ, чувствовалъ ихъ тайную, почти стихійную силу, стоялъ за необходимость черты осѣдлости и все же, всю жизнь такъ или иначе покровительствовалъ имъ. Такъ въ концѣ 70-хъ и въ 80-хъ годахъ онъ сильно увлекался идеей апостольства среди нихъ, многихъ изъ нихъ крестилъ, считалъ ихъ искренними въ прозелитизмѣ. Затѣмъ они обманывали его,—оскорбляли его душу, вѣру въ людей

вообще и въ евреевъ въ частности... Милій Алексѣвичъ совѣтовалъ всѣмъ остерегаться евреевъ, но затѣмъ, снова, на жизненномъ пути его, черезъ нѣсколько времени, встрѣчался іудей, фениксъ вѣры въ человечество воспресалъ въ сердцѣ Балакирева, и снова повторялось рассказанное.

Такъ уже въ концѣ жизни онъ привезъ одного изъ своихъ путешествій „таланливаго“, — какъ онъ произносилъ, — жидка, который не имѣлъ права жительства въ столицѣ и за котораго Балакиревъ распинался, чтобы доставить ему разрѣшеніе покинуть такъ защищаемую имъ черту осѣдлости.

Зимой 1898—1899 года я впервые посѣтила Балакирева на его городской квартирѣ.

Мнѣ хотѣлось услышать слышанную мной въ концертѣ симфонію Милія Алексѣвича, и „Балладу для оркестра“ Ляпунова, и Балакиревъ пригласилъ меня и моихъ друзей къ себѣ, чтобы сыграть эти и другія вещи на 2-хъ фортепіано. Вторымъ пианистомъ, или партнеромъ его былъ Сергій Михайловичъ Ляпуновъ.

Странное чувство испытывала я, подъѣзжая къ дому № 7 по Коломенской улицѣ, гдѣ жилъ уже много лѣтъ Милій Алексѣвичъ, и поднимаясь по безконечно высокой лѣстницѣ въ его скромную квартиру. Молодого стыда, что вотъ я узнаю, какъ онъ живетъ, что я буду у „него“, — уже не было и помина, но было воспоминаніе объ этомъ стыдѣ и анализъ: „что вотъ его нѣтъ, и никогда ужъ не будетъ, потому что ужъ нѣтъ какой-то тайны, потому что все ясно и просто“.

На звонокъ намъ отперъ дверь лакей Милія Алексѣвича — опоэтизированный имъ „Андріанъ“. (Балакиревъ считалъ его много лѣтъ безкорыстѣйшимъ и чуть-ли не святымъ человекомъ, съ благоговѣніемъ относясь къ памяти его отца, — яличника, когда-то перевозившаго его, Милія Алексѣвича, черезъ Неву. Яличникъ этотъ умеръ и въ наслѣдство Балакиреву оставилъ вдову и двухъ сыновей, о которыхъ до смерти и заботился Милій Алексѣвичъ).

Услышавъ нашъ звонокъ, Балакиревъ и самъ вышелъ въ переднюю и, протягивая обѣ руки, привѣтствовалъ насъ словами: — „пожалуйте, пожалуйста, дорогіе гости“.

Мы сняли шубы, раздѣлись и вошли.

Въ передней и всей квартирѣ было все замѣчательно чисто и пахло „монашенкой“.

Во всѣхъ комнатахъ, высоко въ углахъ видѣлись у оконъ иконы Богоматери и передъ ними ярко теплились лампы.

Въ залѣ, по серединѣ, висѣла на цѣпочкѣ простая голубая лампа-фонарикъ.

Направо отъ входной двери, стоялъ рояль, и у стѣны, перпендикулярной къ нему, другой рояль. На стѣнахъ висѣли большіе портреты разныхъ композиторовъ, между прочимъ, надъ первымъ роялемъ подъ фототипіей съ картины Семирадскаго: „Шопень у кн. Радзивила“ и фотографіей „памятникъ Шопену въ Желѣзовой Велѣ, большой портретъ Гензельта съ автографомъ, не большой Ник. Рубинштейна, Шумана одного и его же съ женой, потомъ Шопена и Ласковскаго. Надъ вторымъ роялемъ, между прочимъ, овальный бронзовый барельефъ, формой похожій на большую медаль,—съ профилемъ Шопена и вокругъ него серебряный лавровый вѣнокъ или вѣтка. По бокамъ барельефа портретъ сестры Глинки—Л. И. Шестаковой; подъ ней портретъ Берліоза. Съ другой стороны фотографія памятника Глинки въ Петербургѣ, подъ нимъ портретъ Листа и ниже портретъ Ляпунова. Налѣво отъ входа, противъ стѣны со вторымъ роялемъ, стоялъ орѣховаго дерева диванчикъ, крытый голубымъ штофомъ, такія же креслица и стулья, подъ ними небольшой бархатный коверъ.—Направо отъ дивана невысокая колонка и на ней бюстъ, кажется, Глинки, а на стѣнѣ вѣтка подъ стекломъ съ могилы Шопена. Налѣво отъ дивана, столъ съ бархатной салфеткой, и на немъ лампа.

Я описываю обстановку квартиры Милія Алексѣевича такъ, какъ она помнится и воспоминается мнѣ. Съ трудомъ всплываютъ детали, такъ ничто не поражало, ничто не останавливало вниманія, не развлекало, не говорило вкусу и не возмущало его. Все было бѣдно и просто.

... Начался концертъ, и полились изъ-подъ пальцевъ великаго русскаго композитора и піаниста дивные звуки, и звуки эти, да ликъ Богоматери и ярко-горѣвшая передъ нимъ лампада, казалось, были единственнымъ богатствомъ его жилища...

Послѣ концерта, хозяинъ пригласилъ всѣхъ въ столовую, направо (отъ передней), смежную съ залой.

Налѣво отъ передней, по другую сторону залы, былъ кабинетъ-библіотека Милія Алексѣевича и тамъ же, за перегородкой или шкапами, служившими перегородкой, его спальня.

Въ столовой, съ традиціонными желтенькими, т. е. изображающими ясное дерево обоями—былъ накрытъ столъ, ярко горѣла спускная лампа, и стояли на столѣ тарелки и блюда съ икрой, балыкомъ, семгой, сливочнымъ масломъ, сладкимъ,

большимъ орѣховымъ пирогомъ, фруктами, всевозможными вареньями и пр.

Все предлагаемое было перваго сорта. Икра рѣдкая. И сколько разъ мы ни бывали у Миліа Алексѣевича—хлѣбосолюство и радушіе, и желаніе угостить каждого по его вкусу—всегда были у него замѣчательныя, настоящія барскія. Онъ присматривался, кто что любитъ, и, зовя къ себѣ, старался угостить этимъ любимымъ, радуясь, когда видѣлъ, что старанія его не пропали даромъ и, по-русски, угощая и угощая гостей.

— Вы попробуйте этого пирога, — говорилъ онъ, — когда икрѣ и всему прочему оказано было должное вниманіе. — Андріанъ, чаю!..

(И Андріанъ, блондинъ, на короткихъ ножкахъ, въ длинномъ сюртукѣ, съ бѣлымъ тоненькимъ галстукѣмъ на шеѣ вносилъ изъ внутреннихъ „покоевъ“ на подносѣ стаканы съ чаемъ).

— Нѣтъ-съ, позвольте вамъ положить пирога. Вы попробуйте-съ.

— Это отъ Дѣгурма?—спрашивалъ кто-нибудь. — Или отъ Балла. Прекрасный пирогъ.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—отвѣчалъ Милій Алексѣевичъ и продолжалъ надѣлать пирогомъ другихъ.

— Отъ кого же? Дѣйствительно удивительно хорошій пирогъ!—замѣчалъ еще кто-нибудь.

Лицо Балакирева свѣтилось отъ удовольствія.

— Это я вамъ скажу-съ. Это здѣсь на Владимірской.

— Отъ Вебера?—вставлялъ кто-нибудь.

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!—опять говорилъ Балакиревъ.

— У Вебера вы такого пирога не найдете-съ. Это... и онъ называлъ фамилію владѣльца небольшой и неизвѣстной кондитерской. — Это только тамъ такіе пироги. Я ее случайно нашелъ. Знаете-съ, тѣмъ замѣчательная-съ чистота-съ. Я разъ даже спросилъ: „отчего у васъ такая чистота?“ И тамъ дочери—продавщицы отвѣчали: у насъ папа нѣмецъ. Н-да-да!!

На стѣнахъ столовой висѣли маленькія картинки фотографіи и литографіи въ узенькихъ черныхъ и желтенькихъ рамочкахъ. Это были виды какихъ-то городовъ и монастырей, но опять-таки не было ничего запечатлѣвающагося въ памяти, по крайней мѣрѣ, для меня.

Въ это первое наше посѣщеніе, я не входила въ кабинетъ Милія Алексѣевича. Онъ не былъ даже освѣщенъ. Но въ одинъ изъ слѣдующихъ разовъ, кажется, по поводу какого-то разговора о какой-то книгѣ, которую Балакиревъ пошелъ доставать въ своей библіотекѣ, я вошла, по его приглашенію, въ кабинетъ и увидѣла на его письменномъ столѣ чьи-то дагеротипные портреты.

На мой вопросъ: чьи они?—онъ отвѣтилъ, что его родственниковъ и матери.

Я спросила, разглядывая отвѣчивавшіе, какъ всегда, дагеротипы:— „А какъ рожденная ваша матушка?“ —И получила краткій, точно неохотный отвѣтъ:

— Яшерева—(удареніе на первой буквѣ, т. е. на Я).

До этого времени, мнѣ какъ-то въ голову никогда не приходило узнавать объ его происхожденіи, но тутъ, съ запинкой, я спросила:

— Милій Алексѣвичъ, а Балакиревъ... знаменитый шутъ... бывшій при Аннѣ Іоановнѣ... который вмѣстѣ съ другими князьями... (я назвала фамиліи) долженъ былъ потѣшать Императрицу... онъ былъ вамъ родственникомъ, т. е. происходилъ изъ того же рода?

— Не знаю-съ!—просто отвѣчалъ Милій Алексѣвичъ, видя, что я стараюсь смягчить мой вопросъ и отнюдь не имѣю въ виду оскорбить его, Балакирева.—Объ этомъ не сохранилось свѣдѣній... Но, должно быть, изъ того же рода. Другихъ Балакиревыхъ, дворянъ,—нѣтъ-съ.

И Милій Алексѣвичъ перемѣнилъ разговоръ.

Гораздо позднѣе, уже послѣ его смерти, на одной изъ панихидъ по немъ, я узнала отъ его сестры, Анны Алексѣевны, по мужу Гусевой, пріѣхавшей на его похороны изъ Нижняго, что родъ ихъ древній, что у Милія Алексѣевича въ бумагахъ есть родословная, въ которой сказано, что предокъ ихъ Балакиревъ сражался на Куликовомъ полѣ, противъ татаръ, рядомъ съ Дмитріемъ Донскимъ, что онъ былъ на бѣломъ конѣ, а слуга его, или оруженосецъ, на гнѣдомъ конѣ.

Но Балакиревъ никогда, ни словомъ не обмолвился мнѣ или при мнѣ о знатности или древности своего рода.

Онъ считалъ, что не это важно въ жизни, и всегда прохаживался даже насчетъ того, что женщины ставятъ на визитныхъ карточкахъ „рожденная“. „Точно могутъ быть не рожденныя!—Да-да!“ острилъ онъ, не зная остраго, злого анекдотическаго отвѣта свѣтской старухи: *elle n'est pas née dutout*. Забол-

чалъ онъ объ этомъ вопросѣ только тогда, когда я, какъ-то разъ, тихо сказала:

— Милій Алексѣвичъ, и я тоже ставлю.

Въ первое наше посѣщеніе я была удивлена, что ни въ залѣ, ни въ столовой, нигдѣ не было серебряныхъ вѣнковъ, которые подносили Балакиреву. Не было и руки Листа... Не было даже лентъ отъ лавровыхъ вѣнковъ и полотенецъ и пр. вышитыхъ вещей, которыя я видѣла на концертахъ въ изобиліи дарили Милію Алексѣвичу.

Гдѣ они всѣ были,—я такъ при жизни его и не узнала, но разъ, придя ко мнѣ вечеромъ, онъ больно кольнулъ меня въ самое сердце и... несмотря на внутреннюю борьбу съ собой, я долго не могла простить ему этого разговора.

Не помню, по какому поводу произошелъ этотъ разговоръ или вѣрнѣе его рассказъ, но помню, какъ Милій Алексѣвичъ, за чайнымъ столомъ, со свойственными ему язвительными интонаціями, насмѣшливо блестя глазами, рассказалъ, какъ онъ на новоселье, при переѣздѣ на Коломенскую улицу, получилъ отъ моей матери хлѣбъ-соль съ солонкой и „то-о-о-оненькимъ“, саркастически протянулъ онъ, глядя мнѣ въ глаза:— н-да-да... то-о-оненькимъ серебрянымъ блюдомъ...

(Онъ поднялъ руку и, пальцами показавъ, какой „тонинъ“ было блюдо, добавилъ):

— Оно у меня и до сихъ поръ цѣло-съ. Н-да-да!..

Я ужасно смутилась.

Воспоминаніе объ этомъ блюдѣ и вообще хлѣбъ-соли Балакиреву—ярко всплыло передо мною. Въ то время отецъ мой уже ревновалъ меня къ вліянію Милія Алексѣвича.

Когда онъ переѣхалъ изъ дома Бенардаки (Невскій 64) на Коломенскую 7,—мнѣ ужасно хотѣлось оказать ему какое-нибудь вниманіе, подарить ему что-нибудь „на счастье“—(я знала, что матеріальныя обстоятельства его очень не блестящи), но сказать, даже матери моей, не смѣла, боялась: мнѣ было „стыдно“.

Велико же было мое удовольствіе, когда разъ, за утреннимъ чаемъ, у моихъ родителей зашелъ по этому поводу самостоятельный разговоръ. Отецъ былъ противъ всякаго подарка, но хотѣлъ послать самую простую хлѣбъ-соль—т. е. ржаной хлѣбъ съ вырѣзаннымъ на верху четырехугольникомъ и съ насыпанной въ немъ солью.

— Могу тебя увѣрить,—говорилъ отецъ моей матери,—что это будетъ ему самое пріятное подношеніе.

Моя мать не соглашалась и находила напротивъ, что ему нужно послать что-нибудь цѣнное.

— Ну, и будетъ, какъ съ шубой,—замѣтилъ отецъ.

— Такъ вѣдь это только будетъ солонка,—стояла на своемъ моя мать.—Солонка, какъ дарять на новоселье всѣмъ.

— Очень нужна такому человѣку, какъ Балакиревъ, у котораго хорошаго стула нѣтъ, золотая или даже серебряная солонка,—сказалъ отецъ.

— Въ крайности, онъ можетъ ее заложить,—не сдавалась мать. А то ничего ему не послать,—какъ-то страшно невнимательно, а послать, какъ ты говоришь, ржаной хлѣбъ... Нѣтъ!.. Ну-у-у, —просто невозможно... А тебѣ какъ кажется?—обратилась подъ конецъ моя мать ко мнѣ.

Я сильно покраснѣла и отъ внутренняго чувства и отъ того, что глаза отца были устремлены на меня, и отвѣтила, что нахожу, какъ мама и т. д.

Отецъ всталъ и, со словами:—„ну, дѣлайте, какъ хотите“...—недовольный вышелъ изъ столовой.

Позднѣе у моихъ родителей снова въ этотъ день произошелъ разговоръ по тому же поводу, и моя мать, во всемъ несерьезномъ—всегда уступавшая отцу, и тутъ рѣшила, что надо сдѣлать такъ, какъ онъ желаетъ. Но съ той минуты мы обѣ, я, чувствуя горечь обиды, стали соображать, что бы можно было послать Милю Алексѣвичу недорогое.

И вдругъ моя мать пришла ко мнѣ, чтобы утѣшить меня, и съ улыбкой сказала, что нашла что-то.

Мы сами тогда недавно, кажется, за годъ или два, переехали на Владимірскую 1—3 и между многими хлѣбъ-солями получили отъ человѣка, обязаннаго отцу (В. П. Ч.), шоколадный пирогъ. ввидѣ хлѣба, на серебряномъ блюдѣ съ прехорошенькой солонкой. Эту-то солонку и блюдо мы и рѣшили послать Балакиреву и когда рассказали объ этомъ отцу,—онъ разсмѣялся и сказалъ:—„покажите-ка, какое блюдо?.. Ну, его еще можно, только и то, пожалуй, обидится“.

Блюдо, солонка и хлѣбъ-соль были посланы Балакиреву—съ карточкой моей матери,—были посланы и канули, такъ сказать, въ вѣчность.

Милій Алексѣвичъ никогда не поблагодарилъ за нихъ, никогда не произнесъ о нихъ ни слова,—и мы съ матерью сначала сомнѣвались даже: получилъ ли онъ ихъ, а потомъ сконфуженно рѣшили, что да, вѣрно отецъ былъ правъ, что Балакиревъ обидѣлся... Что ничего цѣннаго ему не надо...

Отецъ же не удержался и, торжествуя, шутливо попрекнулъ насъ:—у а что я говорилъ?.. Вы всегда хотите лучше знать!..

И вдругъ, черезъ четверть вѣка, Милій Алексѣвичъ, саркастически, очевидно осуждая, упомянулъ объ этомъ блюдѣ.

Какая-то новая, неизвестная мнѣ черта открылась для меня въ его характерѣ. Оказывался правымъ не отецъ, а моя мать, которую черезъ 25 лѣтъ Балакиревъ упрекалъ въ „скупости“ и которая въ концѣ 70-хъ годовъ хотѣла послать ему цѣнную вещь!

Опять таки впоследствии, послѣ смерти Милія Алексѣевича, я поняла, что ошиблась, что невѣрно судила о немъ, какъ онъ невѣрно судилъ и моихъ родителей, т. е. поняла причину того, что онъ вспомнилъ о сохранившемся у него блюдѣ. Причиной этому было слѣдующее.

Всѣ цѣнныя подношенія, всѣ серебряныя вѣнки, несмотря на ихъ стоимость, а иногда и тонкую, художественную работу (на листьяхъ бывали эмалевыя надписи съ заглавіями его сочиненій) Милій Алексѣевичъ, на слѣдующій же день, по полученіи, относилъ обратно въ серебряныя магазины, гдѣ они были заказаны, и получалъ за нихъ деньги. Деньги же эти отдавалъ бѣднымъ, которымъ во множествѣ помогалъ и помѣсячно, и годами, и одновременно.

Очевидно, онъ и съ блюдомъ хотѣлъ поступить также, но „то-о-оченькое“ блюдо на это не пригодилось!!

Съ начала 1899 года наши посѣщенія Балакирева участились и участились его приглашенія. Такъ 24-го февраля онъ пишетъ мнѣ:

„Очень прошу васъ и дорогихъ друзей вашихъ, Екатерину Петровну и Давида Александровича, доставить мнѣ радость видѣть васъ у себя завтра вечеромъ.

Буду ожидать васъ съ 8 часовъ“.

Кому-то изъ насъ назначенный имъ день былъ неудобенъ, о чемъ я и сообщила ему, и онъ въ два дня написалъ мнѣ три раза.

Сначала въ тотъ же день сѣтованіе, что мы не можемъ его посѣтить:

„Къ сожалѣнію на этой недѣлѣ у меня кромѣ четверга всѣ вечера разобраны. Можетъ быть, освободится суббота или воскресенье, о чемъ я буду знать завтра утромъ и не замедлю тогда предложить вамъ другой день въ замѣнъ четверга.

„Что же касается до Ел. А. О., то конечно я буду весьма радъ ее видѣть у себя, равно какъ и всѣхъ тѣхъ, кого вы съ собой привѣзете. (Ореографія автора письма)“.

На слѣдующій день я получила третье письмо:

„Къ моей радости въ субботу вечеромъ я оказываюсь свободнымъ, и потому буду васъ съ вашими дорогими друзьями въ этотъ вечеръ ожидать къ себѣ 8^{1/2} часовъ“.

Такихъ и подобныхъ писемъ за всѣ года у меня сохранилось много, и я позволю себѣ, въ свое время, привести нѣкоторыя изъ нихъ, освѣщающія съ той или иной стороны Балакирева.

Обыкновенно на этихъ домашнихъ концертахъ, кромѣ друга Балакирева Лянунова, присутствовали только мы, т.-е. я. Е. П. и Д. А. Озеровы и тѣ, кого мы приглашали. Разъ, впрочемъ, какъ-то былъ приглашенъ самимъ Миліемъ Алексѣевичемъ графъ А. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

Не знаю, любилъ ли онъ и понималъ ли онъ музыку Балакирева.

Помню только, что послѣ музыки, за чаемъ, онъ говорилъ о литературѣ и восхищался повѣстью Леонтьева: „Путешествіе грека Одиссея Полихроандеса“.

Исключая меня, никто изъ присутствовавшихъ, какъ и Балакиревъ, не читали этого произведенія, а я хоть и читала въ молодости, когда оно выходило въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, не понимала тогда его политическихъ аллегорій и политическаго значенія и, по правдѣ сказать, находила, что оно написано тяжело, тягуче и крайне скучно.

Высказавъ это теперь Кутузову, я кажется навѣки „потеряла“ въ его глазахъ.

Не помню, въ этотъ ли годъ или позднѣе съ нами и Миліемъ Алексѣевичемъ на одномъ изъ его вечеровъ случился также смѣшной и досадной „казусъ“.

Въ день его концерта, тотчасъ послѣ нашего обѣда, неожиданно пришла къ намъ бѣднѣйшая молоденькая дѣвушка, съ дѣтства страстно любившая музыку. Такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывала про нее ея учительница музыки, съ которой мы познакомились на дачѣ, и которая, изъ состраданія къ тяжелому матеріальному положенію дѣвушки, пригласила ее къ себѣ на лѣто.

Мои дочери всѣ были значительно моложе ея, должны были готовить уроки, рано ложиться спать и потому не могли просидѣть съ гостей. И вотъ я, поддаваясь уговорамъ моихъ друзей,

рѣшила взять съ собой къ Балакиреву молоденькую, крошечнаго роста барышню, думая доставить ей этимъ громадное наслажденіе, а Милію Алексѣвичу не помѣшать. имѣя его разрѣшеніе привозить, кого я пожелаю.

Всѣ мы спокойно сѣли въ карету и поѣхали съ О. Ш. на Коломенскую.

Но Балакиревъ обыкновенно крайне радушно, любезно встрѣчавшій всѣхъ своихъ гостей, съ неудовольствіемъ или вѣрнѣе недоумѣніемъ въ суровыхъ глазахъ посмотрѣлъ на крошку-барышню, какъ только мы вошли къ нему.

Пришлось объяснять ему, кто она.

Милій Алексѣвичъ вообще не былъ физіонистомъ. Онъ страшно ошибался въ людяхъ, достойныхъ считалъ недостойными и наоборотъ, но тутъ, должно быть, музыкальное чутье помогло ему, подсказало ему вѣрную оцѣнку.

На всѣ объясненія онъ только произносилъ свои:—„гм-гм-гмъ!.. Такъ любить музыку-съ!... гм-гм!...“ И, вдругъ, круто прервалъ разговоръ и перевелъ его на что-то другое.

Черезъ нѣкоторое время начался концертъ, и съ первыхъ же звуковъ барышня поблѣднѣла, загасла, стала закрывать и открывать глаза и вообще такъ явно начала высказывать признаки какого-то страннаго состоянія, недомоганія, что-ли, что испортила намъ весь вечеръ.

Мы, между пьесами, подходили къ ней (что сильно раздражало Балакирева), спрашивали ее: что съ ней? хотѣли отправить ее домой, или дать ей какое-нибудь противо-нервное лѣкарство...

На все барышня отвѣчала, что ей ничего не надо, что она здорова, и вяла, вяла...

Балакиревъ изрѣдка нетерпѣливо поглядывалъ на нее. Она же видимо нисколько не интересовалась тѣмъ, что онъ, и что и какъ онъ игралъ, и ожила только послѣ концерта, съѣвъ первую сардинку за ужиномъ.

Голодна ли она была?..—Богъ ее знаетъ!.. (Мы послѣ рассказали Милію Алексѣвичу объ ея стѣсненныхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, и долго потомъ Балакиревъ не давалъ мнѣ покоя, всякій концертъ спрашивая: не привезу ли я опять на его вечеръ „голодную консерваторку“? Н-да! Да!)

...Осень 1899 года, вернувшись изъ Гапсаля, мы снова провели въ Гатчинѣ и снова часто видались съ Балакиревымъ. Дѣло Дрейфуса было кончено и всѣми болѣе или менѣе забыто, но другое дѣло, менѣе громкое, хотя тоже общественное, занимало круги, знавшіе о немъ.

Дѣло это касалось русскаго провинціальнаго священника о. Алексѣя Зерчанинова, перешедшаго въ католицизмъ и заточеннаго вслѣдствіе сего въ Суздальскій монастырь или такъ называемую Суздальскую крѣпость.

Зерчанинову удалось оттуда написать письмо, ходившее между знакомыми по рукамъ, полное ужасающихъ подробностей о казематѣ, гдѣ его поселили, и о способахъ воздействия на него со стороны начальства.

Балакиревъ былъ православнымъ по убѣжденію, энциклопедическому знанію, т.-е. чтенію по этому предмету, и по логическимъ выводамъ. Но, одновременно съ этимъ, онъ былъ и великодушнѣйшій, и благороднѣйшій человѣкъ.

Въ концѣ 70-хъ годовъ, утверждая меня въ нашей греко-русской православной вѣрѣ, онъ рассказывалъ мнѣ объ Алексѣѣ Степановичѣ Хомяковѣ и объ его вѣротерпимости и передавалъ лично ему извѣстный фактъ о томъ, что Хомяковъ не позволялъ несовершеннолѣтнему своему мальчику слугѣ-магометанину креститься, т.-е. принять православіе. Только въ отсутствіи Ал. Ст. жена или близкіе Хомякова,—не помню кто, способствовали крещенію мальчика и, думая сдѣлать пріятное Хомякову, встрѣтили его, по возвращеніи домой, этой новостью.

Но Хомяковъ пришелъ въ отчаяніе.

— Зачѣмъ было крестить несовершеннолѣтняго!.. Вѣдь онъ могъ сдѣлаться только номинально христіаниномъ!.. Надо было ждать его совершеннолѣтія для совершенія надъ нимъ таинства крещенія *Духомъ* не только *водою*.

— Такъ вотъ видите-съ, каковъ былъ Хомяковъ!..—говорилъ мнѣ тогда Балакиревъ, и глаза его сверкали воодушевленіемъ, и онъ искалъ пониманія въ моихъ глазахъ.

Теперь, узнавъ о Зерчаниновѣ, онъ пришелъ въ негодованіе.

— Ахъ, Бо-о-же мой! проговорилъ онъ и сталъ страшно интересоваться: дѣлаютъ ли что-нибудь для освобожденія Зерчанинова? Заходилъ къ намъ каждую недѣлю, чтобы имѣть о

немъ извѣстія, настаивалъ, что надо сдѣлать то-то и то-то. и написалъ мнѣ даже письмо по этому поводу.

Письмо это такъ замѣчательно по ширинѣ душевнаго горизонта Милія Алексѣевича, что я привожу его почти цѣликомъ, опуская лишь слишкомъ интимный и неинтересный потому для дѣла конецъ.

5-го августа 1899 г.

„Глубокоуважаемая княгиня Марія Васильевна.

„Я не перестаю думать объ извѣстномъ вамъ дѣлѣ, и все болѣе и болѣе укрѣпляюсь въ мысли, что газетная статья принесла бы громадную пользу, будучи напечатанной въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, благодаря чему, объ этомъ возмутительномъ фактѣ узналъ бы Государь, читающій эту газету“.

Добрѣйшая * * * также нашла бы въ этой статейкѣ надежное подспорье для своихъ добрыхъ стараній въ пользу несчастнаго. Примѣромъ для руководства въ этомъ дѣлѣ можетъ служить извѣстный фактъ, что по опубликованіи гр. Толстымъ объ отобраніи дѣтей у духоборцевъ въ „С.-Петербургскихъ вѣдомостяхъ“, это варварство тотчасъ же было прекращено, такъ какъ оно сдѣлалось черезъ это извѣстнымъ Государю, и нашъ Торквемада въ оправданіе свое сказалъ, что все это дѣлалось *по недоразумѣнію* (!!!??)

Можетъ быть, такіе же результаты послѣдовали бы и по опубликованіи интересующаго насъ дѣла, статейку о коемъ я бы началъ такъ: Недавно мы приходили въ ужасъ, читая о фанатическомъ изувѣрствѣ ксендза Бѣлянкевича, уже осужденнаго, а теперь приходится ужасаться изувѣрствамъ съ противоположной стороны, и тутъ бы рассказать объ несчастномъ священникѣ съ цитатой изъ письма, описывающаго его ужасное положеніе въ Суздальскомъ застѣнкѣ.

О... можно совсѣмъ не упоминать, относя всю нравственную отвѣтственность за это дѣло къ Синоду.

Въ противовѣсъ къ дѣйствіямъ духовнаго вѣдомства, необходимо упомянуть о покойной княгинѣ Волконской, которую никто не покушался сажать въ застѣнокъ, и на похоронахъ которой въ костелѣ была Царская фамилія.—Такое упоминаніе необходимо, чтобы показать, что въ высшихъ сферахъ смотрять на подобные факты съ должной терпимостью, которая (слѣдовательно) идетъ отъ самого Государя.

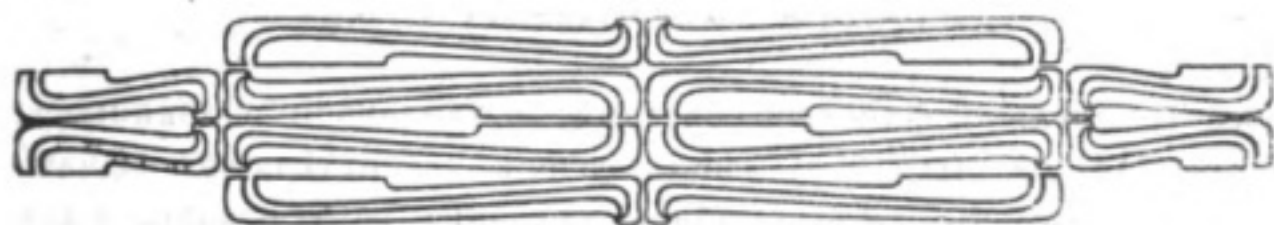
А потому согласоваться съ этими воззрѣніями и для духовнаго вѣдомства обязательно. — Съ другой стороны, и Волконскіе не будутъ въ претензіи за упоминаніе покойной Елизаветы Григорьевны, такъ какъ, благодаря этому, можетъ устроиться доброе христіанское дѣло. Къ тому же фактъ ея перехода за свидѣтельствованъ ея собственной семьей...”

...Зерчаниновъ, къ счастью, вскорѣ былъ освобожденъ.

Княгиня М. В. Волионская.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Къ столѣтію Императорской Публичной Библіотеки.

2-го января 1914 года исполняется столѣтній юбилей Императорской публичной библіотеки. Исторія ея возникновенія и развитія далеко не похожа на исторію большинства правительственныхъ мѣстъ: исключительное служеніе книгъ накладываетъ своеобразный отпечатокъ не только на душевный складъ человѣка, но и на общій характеръ и жизнь всего учрежденія, а неоцѣнимыя сокровища, которыя собираетъ и хранитъ библіотека, дѣлаютъ могущественнымъ ея вліяніе на культурную жизнь всего человѣчества и, прежде всего, Россіи.

Ближайшимъ поводомъ основанія Библіотеки было то, что послѣ взятія Варшавы Суворовымъ въ 1794 г., была объявлена собственностью русскаго правительства и отправлена въ Петербургъ обширная библіотека, основанная Іосифомъ Залусскимъ (1702—1774). Послѣдній былъ страстнымъ любителемъ книгъ и истратилъ на нихъ большую часть своего огромнаго состоянія.

Эта библіотека, въ количествѣ 152.403 томовъ, была временно сложена въ павильонѣ Аничкова дворца, пока не было выстроено для нея особое зданіе, которое составляетъ часть теперешняго, выходящаго на Садовую, Невскій и на площадь Александринскаго театра. Остальное было пристроено впоследствии. Въ 1800 г. гр. А. С. Строгановъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ Императорскихъ библіотекъ. Помощникомъ его былъ сдѣланъ А. Н. Оленинъ.

Трудами этихъ высокопросвѣщенныхъ лицъ библіотека была приведена въ порядокъ и были указаны пути, по которымъ въ теченіе XIX вѣка неуклонно шла общая работа въ библіо-

текѣ. По библіографической системѣ, составленной Оленинымъ, книги должны были быть распределены по отдѣламъ. Однако исполнѣ строго это не было проведено, такъ какъ отчасти былъ принятъ во вниманіе языкъ, на которомъ книги были написаны. Въ 1810 г. были установлены штаты библіотеки, а въ 1812 г. утверждено „Начертаніе подробныхъ правилъ“, составленное Оленинымъ для руководства чиновниковъ и для достиженія единообразія въ ихъ работѣ. Въ 1811 г. умеръ гр. Строгановъ и его замѣстителемъ сдѣлался Оленинъ. Должность главнаго директора была упразднена, и библіотека подчинена Министру Народнаго Просвѣщенія. Къ этому времени работа настолько подвинулась впередъ, что, хотя каталоговъ и не было составлено, Оленинъ считалъ возможнымъ открыть библіотеку для публики, такъ какъ размѣщеніе книгъ по отдѣленіямъ въ алфавитномъ порядкѣ фамилій авторовъ позволяло библіотекарю, знакомому нѣскольکو со своимъ отдѣленіемъ, находить требуемую книгу. 2 января 1812 г. состоялось посѣщеніе библіотеки Императоромъ Александромъ I. Это событіе увѣковѣчено на картинѣ, украшающей теперь кабинетъ директора. Однако открытіе библіотеки было задержано необходимостью ревизіи депо манускриптовъ. Главныя драгоцѣнности этого отдѣленія были приобрѣтены въ 1805 г. у нѣкоего Дубровскаго, который служилъ въ русскомъ посольствѣ въ Парижѣ и, въ смутные дни французской революціи, приобрѣлъ разными способами до 400 замѣчательныхъ рукописей и до 8.000 автографовъ знаменитыхъ людей Франціи, между прочимъ, молитвенники Маріи Стюартъ съ ея замѣтками на поляхъ, молитвенникъ Анны Ярославны, жены Генриха I французскаго, письма Генриха IV и Людовика XIV и т. д. По всеподданнѣйшему докладу гр. Строганова, коллекція эта была куплена у Дубровскаго на слѣдующихъ условіяхъ. Онъ получилъ единовременно 15 т. р., пожизненную пенсію изъ средствъ кабинета Его Величества въ 3 т. р. въ годъ, чинъ надворнаго совѣтника и орденъ св. Анны 2 ст., а въ 1807 г. чинъ коллежскаго совѣтника и орденъ св. Владимира 4 ст. Кромѣ того, онъ былъ назначенъ хранителемъ депо манускриптовъ съ жалованьемъ 1200 р. въ годъ и казенной квартирой въ томъ же зданіи. Первоначально онъ былъ подчиненъ непосредственно главному директору. Когда эта должность была упразднена, Дубровскій, благодаря неопредѣленности своего положенія, оказался внѣ всякаго надзора. Между тѣмъ онъ, повидимому, все еще не привыкъ смотрѣть на свою коллекцію, какъ на достояніе библіотеки, а не на свою собственность. Когда

на этой почвѣ начали возникать недоразумѣнія между нимъ и Оленинымъ, Дубровскій, воспользовавшись тѣмъ, что опись его коллекціи была далеко неполна, хотѣлъ удержать за собой нѣкоторыя рѣдкости. Онъ, однако, согласился оставить свою должность и отказался отъ всякихъ претензій, при этомъ онъ получилъ еще 5 т. р. единовременно, лишнюю тысячу рублей къ прежде назначенной пенсіи въ 8 т. р., чинъ статскаго совѣтника Дубровскій, однако, не долго пользовался этими выгодами: онъ умеръ 9-го января 1816 года. Всѣ рукописи были тщательно провѣрены, листы важнѣйшихъ сочиненій перенумерованы и составлена полная опись.

Послѣ ревизіи депо манускриптовъ открытію библіотеки помѣшала отечественная война 1812 г. Когда Наполеонъ достигъ Москвы, возникло опасеніе за участь драгоцѣннаго собранія библіотеки. Былъ снаряженъ спеціальнѣйшій бригъ, и 25-го сентября, подъ надзоромъ помощника библіотекаря Сопикова, 150 тысячъ томовъ рукописей и лучшихъ книгъ были отправлены на немъ водою на сѣверъ. 5 октября судно вышло въ Ладожское озеро и, несмотря на бурю, направилось по устью р. Сѣви. 19-го начались морозы и дальнѣйшее плаваніе стало невозможно. Пришлось зимовать у дер. Устланки, въ 30 вер. отъ Лодейнаго Поля. Ящики съ книгами не выгружали. На бригѣ была оставлена военная команда. Въ ноябрѣ, когда Наполеонъ сталъ неопасенъ, Оленинъ рѣшилъ перевезти книги обратно и 19-го декабря онѣ были доставлены въ Петербургъ на 108 подводѣхъ. Эта экспедиція обошлась въ 5.640 р.

2-го января 1814 г. состоялось, наконецъ, торжественное открытіе библіотеки въ присутствіи многихъ приглашенныхъ. Послѣ вступительнаго слова Оленина говорили рѣчи библіотекари Красовскій и Гнѣдичъ, а Крыловъ прочелъ свою басню „Водолазы“.

Въ концѣ декабря 1815 г. Оленинъ просилъ министра народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицына позволить осмотрѣть библіотеку іезуитской коллегіи въ Петербургѣ, такъ какъ онъ предполагалъ, что въ ней имѣются книги, принадлежавшія собранію Залусскаго, которыя можно было узнать по особымъ примѣтамъ. По этому поводу Государь выразилъ мнѣніе, что библіотека должна располагать исправными каталогами, по которымъ можно было бы провѣрять недочеты. Эти слова Государя побудили министра настаивать на составленіи такихъ каталоговъ. Послѣ нѣкоторой переписки, въ которой Оленинъ высказывалъ, что каталоги должны быть предназначены

не для пользованія публики, а для руководства библіотекарей, а кн. Голицынъ съ этимъ взглядомъ не соглашался, Оленинъ въ 1818 г. собралъ чиновниковъ библіотеки для обмѣна мнѣній, а затѣмъ разослалъ всѣмъ опросные листы съ требованіемъ отвѣтовъ на главные вопросы о способахъ осуществленія каталогизаціи. Наиболѣе здраво и просто эти отвѣты были сформулированы у Крылова; повидимому, ихъ Оленинъ и положилъ въ основу работы.

Въ 1819 г. были изданы окончательныя правила каталогизаціи, къ концу того же года было составлено 12 томовъ систематическаго каталога, а черезъ годъ еще 11 томовъ. Такимъ образомъ библіотека Залусскаго была приведена въ порядокъ. На очереди стояло дѣло разбора и описанія рукописей и книгъ, поступившихъ впослѣдствіи. Число послѣднихъ къ тридцатымъ годамъ не уступало библіотекъ Залусскихъ. Дѣйствительно, благодаря щедрой поддержкѣ Государя, библіотека быстро обогащалась. Въ 1817 г. была приобрѣтена драгоцѣнная коллекція Фролова, въ которой было вдвое больше славянскихъ и русскихъ рукописей, чѣмъ имѣлось въ библіотекѣ, и много древнѣйшихъ книгъ московской печати XVI—XVII в. Въ 1820 г. по Высочайшему повелѣнію были куплены для библіотеки книги Вязмитинова за 30.000 р. Въ 1828 г. передано въ библіотеку 2.802 тома изъ собранія ген.-м. Лобанова-Ростовскаго. Въ томъ же году при взятіи Ардебиля было захвачено и передано въ библіотеку 166 рукописей на персидскомъ, арабскомъ и турецкомъ языкахъ, изъ Ахалцыха 300 книгъ и рукописей и 45 книгъ, такъ называемой Баязетской библіотеки. Все это были трофеи войны съ Турціей.

Въ 1830 г. куплены за 150.000 р. у сенатора гр. Ѳ. А. Толстого его собраніе „словенороссійскихъ рукописей“ XI—XVIII в. и старопечатныхъ книгъ XV—XVIII в., всего 1.300 томовъ. Въ томъ же году въ библіотеку поступило собраніе корановъ XVII—XIX в., числомъ 66, весьма художественно исполненныхъ и коллекція классиковъ Тейбнера. Послѣ польскаго возстанія 1830 г. поступило много книгъ изъ конфискованныхъ библіотекъ: Полоцкой іезуитской, Варшавской публичной, и общества любителей науки и словесности, кн. Сапѣги, гр. Ржевускаго, кн. Чарторыйской и т. д. Особенно драгоцѣнное приобрѣтеніе получила Библіотека, когда была куплена по Высочайшему повелѣнію коллекція бывшаго русскаго посланника въ Стокгольмѣ гр. П. К. Сухтелена, въ 25.973 томовъ, въ томъ числѣ 948 инкунабулъ, 532 эльзевировскихъ и др. рѣдкихъ

изданій и 262 рукописи. Въ 1836 г. были пріобрѣтены конфискованныя у Волловича купленные въ Парижѣ у Лоранти книги о Масонскихъ и др. тайныхъ обществахъ, а въ 1842 году была передана библіотека кн. А. Н. Голицына, подаренная имъ Государю.

Особенное вниманіе обратилъ Оленинъ на собраніе русскихъ книгъ, которыхъ въ библіотекѣ Залусскаго было лишь 8 томовъ. Между тѣмъ Оленинъ считалъ, что публичная библіотека должна стать сокровищницей русской письменности и печати въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ. По его ходатайству всѣ типографіи въ предѣлахъ Россіи были обязаны доставлять въ библіотеку экземпляры всѣхъ печатающихся изданій, разумѣя подъ ними не только книги и періодическія изданія, но также ноты, литографіи, объявленія и проч. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался пріобрѣтать изданія, вышедшія въ свѣтъ до этого распоряженія. Уже къ 1836 году русскихъ книгъ было 36.000 т., изъ нихъ 10.000 дублетовъ.

Быстрый ростъ библіотеки вызвалъ необходимость увеличить ея зданіе. Въ 1828 г., въ связи съ грандіознымъ проектомъ Росси, застроить площадь, на которой теперь находится Александринскій театръ, и улицу отъ нея до Чернышевой площади, было возведено новое зданіе библіотеки; при этомъ, для согласованія съ нимъ, былъ передѣланъ фасадъ стараго корпуса и созданы новыя скульптурныя украшенія. Въ декабрѣ 1834 года работы были закончены. Оленинъ очень гордился новымъ зданіемъ и желалъ только, чтобы его посѣтилъ Государь. Посѣщеніе было внезапнымъ. Николай Павловичъ пріѣхалъ 24 іюля и осмотрѣлъ все зданіе. При этомъ онъ приказалъ на шкапахъ, гдѣ хранились восточныя рукописи, пріобрѣтенныя во время турецкой войны 1829 года, сдѣлать надписи о томъ, какъ и когда эти рукописи стали собственностью русскаго правительства. Кромѣ того, Государь нашелъ неудобнымъ, что въ зданіи библіотеки была устроена квартира эконома. Съ этихъ поръ въ зданіи квартиръ нѣтъ.

А. Н. Оленинъ умеръ 17 апрѣля 1843 года. На его мѣсто былъ назначенъ т. с. Д. П. Бутурлинъ (1790—1849), который явился завершителемъ устройства библіотеки, начатаго Оленинымъ. Отдѣленіе рукописей было тщательно описано. Рукописей оказалось 18.221 въ 21.288 томахъ, на 41 языкѣ и главнымъ образомъ на бумагѣ; пергаментныхъ было 941 т., папирусовъ 4. Кромѣ того было выдѣлено 709 т. разныхъ документовъ и автографовъ. Плодами этой двухлѣтней работы

явились 28 т. систематическаго каталога, которыми пользуются въ библіотекѣ до сихъ поръ.

Далѣе, было строже, чѣмъ при Оленинѣ, проведено распределение книгъ по отдѣленіямъ, согласно библіографическому принципу. Выдѣленными изъ этой системы остались лишь книги на русскомъ и восточныхъ языкахъ.

Важнымъ нововведеніемъ Бутурлина въ каталогизаціи слѣдуетъ считать его постановленіе: книгъ на мѣстахъ не размѣщать систематически, а систематизировать лишь каталогъ. Этимъ отмѣнялась каталогизація книгъ въ натурѣ, которая неизбѣжно сопряжена съ затратой излишняго труда, бесполезной тратой мѣста въ виду различія форматовъ книгъ, и чрезвычайной неподвижностью книгъ: онѣ всѣ были словно связаны другъ съ другомъ. Мѣра Бутурлина раскрѣпощала ихъ, позволяя передвигать отдѣльныя книги, не нарушая общаго порядка. Необходимо только, чтобы каждая имѣла свой шифръ, опредѣляющій ея мѣсто.

Наконецъ, при Бутурлинѣ былъ выполненъ библіотекаремъ Соболевичевымъ трудъ описанія эстамповъ и роскошныхъ изданій въ систематическомъ порядкѣ, число которыхъ доходило до 40.000.

Притокъ новыхъ пріобрѣтеній при Бутурлинѣ былъ невеликъ. По подсчету, произведенному въ 1844 г., было каталогизировано 446.391 книга и около 550.000 т. оставалось неописанными. За время управленія Бутурлина вновь поступило 15.685 т. изъ нихъ 11.323 т. по закону, 3.314 т. куплено и 1.048 т. получено въ даръ отъ купца С. Ѳ. Соловьева. Въ этомъ собраніи было много старопечатныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ русскихъ и заграничныхъ изданій и весьма рѣдкихъ русскихъ, церк.-славянскихъ, сербскихъ и молдавскихъ книгъ XVI—XIX в. Особенно драгоцѣнны были изданія униатовъ и старообрядцевъ въ Почаевѣ, Супраслѣ и Клинцахъ. Вмѣстѣ съ коллекціями Фролова и гр. Толстого, это собраніе составляетъ самое полное въ мірѣ собраніе памятниковъ церковно-славянскаго и славяно-русскаго типографскаго искусства.

Бутурлинъ не успѣлъ выполнить до конца многого, принятаго имъ, но онъ умѣлъ съ удивительной отчетливостью видѣть въ общей работѣ самое главное и нужное, умѣлъ облачать задуманное въ весьма практичныя и цѣлесообразныя формы и обладалъ сильной настойчивостью и властью въ его выполненіи.

18 октября 1849 г. директоромъ библіотеки былъ назначенъ баронъ М. А. Корфъ. Со времени его управленія библіотека начала жить той жизнью, которая и до сихъ поръ ее наполняетъ. До Корфа библіотека была публичной только по имени.

Корфъ вдохнулъ въ нее новую душу и повелъ ее ускоренными шагами къ новому существованію. Онъ былъ выдающійся государственный дѣятель и талантливый администраторъ. Его карьера это доказываетъ неопровержимо. И эти способности принесли немало пользы библіотекѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ обладалъ большимъ умомъ, настоящей ученой эрудиціей и чрезвычайно живой энергіей, которая не оставляла его никогда и побѣждала всѣ трудности.

Назначеніе Корфа повлекло за собой крупную перемѣну въ положеніи библіотеки: она была переведена въ вѣдомство Министерства Двора. Это было, несомнѣнно, дѣломъ Корфа, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ его записка „Императорская публичная библіотека въ ея прошедшемъ, настоящемъ и возможномъ будущемъ“; записка эта предназначалась для представленія Государю. Корфъ не могъ не видѣть, что библіотека почти всецѣло обязана своими драгоцѣнными сокровищами щедротамъ русскихъ Государей.

Онъ возводилъ это отношеніе даже въ принципъ, признавая библіотеку предметомъ государственной роскоши, которая не можетъ существовать въ средѣ бюрократическихъ отношеній, которая способна жить и развиваться свободно только въ прямомъ и непосредственномъ отношеніи къ Государю.

Въ той же запискѣ Корфъ рисуеъ положеніе библіотеки весьма мрачными красками, несомнѣнно несправедливо по отношенію къ своимъ предшественникамъ. Но, конечно, по сравненію съ тѣмъ блестящимъ образомъ, который стоялъ въ мысляхъ Корфа, дѣйствительность не могла не показаться печальной, и онъ имѣлъ право писать, что учрежденіе это, „одинъ изъ памятниковъ народной славы, запущенное, разстроенное, забытое. занимало лишь матеріальное мѣсто свое на Невскомъ проспектѣ. Посреди первой улицы Петербурга, кипящей вѣчной жизнью и дѣятельностью, громадное зданіе библіотеки одно стояло пустыней, лишенной всякой жизни, внѣшней и внутренней. Для пользы науки, для достоинства правительства, для славы Россіи, надлежало совсѣмъ пересоздать Библіотеку, скажу болѣе—*вновь открыть ее*, какъ бы невѣдомую страну, извѣстную дотолѣ лишь по надписи на ея фронтонѣ“.

Желая распространить популярность библіотеки въ образованныхъ кругахъ Россіи и за границей и создать нѣкоторый блескъ вокругъ нея, а кромѣ того предвидя прямыя выгоды отъ этого, Корфъ ввелъ званіе почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Въ 1850 г. были избраны: Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, канцлеръ гр. Нессельроде, гр. Уваровъ, гр. Кушелевъ-Безбородко, гр. С. Г. Строгановъ, А. С. Норовъ, кн. М. А. Оболенскій, кн. А. Я. Лобановъ-Ростовскій, И. П. Сахаровъ, М. П. Погодинъ, П. Θ. Карабановъ, С. Д. Полторацкій и др. Изъ иностранцевъ были избраны: гр. Эллесмеръ, предсѣдатель административной комиссіи Британскаго музея; Лобекъ, директоръ Кенигсбергской библіотеки; Перцъ, оберъ-библіотекаръ Берлинской королевской библіотеки; Миллеръ, консерваторъ Парижской національной библіотеки; Гвеведо, директоръ Эскуріальской библіотеки и др. Кромѣ того извѣстные ученые Ганка, Шафарикъ и др.

Корфъ не ошибся въ расчетѣ: почетные члены охотно жертвовали и деньгами, и временемъ. За десять лѣтъ библіотека получила отъ нихъ 15.000 р.; акад. Куникъ и С. Д. Полторацкій, Гофманъ, работали въ ней съ большимъ усердіемъ. Жертвовали и книгами въ громадномъ количествѣ, особенно гр. Ростопчинъ, Неустроевъ, проф. Головацкій, Каратаевъ, Сенницкій и др.

Но болѣе всего и въ этотъ періодъ способствовало обогащенію библіотеки покровительство Государя. 1850 г. изъ Царскосельскаго дворца было передано ей 1.215 т. Въ 1852 г. было приобрѣтено знаменитое „Древлехранилище“ М. П. Погодина, въ составѣ 2.019 рукописей, 589 автографовъ, 1.054 грамоты и документа, 1.246 книгъ старопечатныхъ и петровскихъ, 1.115 портретовъ, гравюръ и старинныхъ лубочныхъ картинъ и пр. Тутъ были подлинныя рукописи „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго и „О ратномъ строеніи“ Посошкова, самое полное въ мірѣ собраніе венеціанскихъ славянскихъ книгъ и изданій юго-западныхъ славянъ. Въ томъ же году передано въ библіотеку оставленное по завѣщанію Государя собраніе Карабанова, въ которомъ заключалось подлинное духовное завѣщаніе патріарха Іоакима, два фоліанта изъ архива Суворова и много другихъ цѣнныхъ рукописей, грамотъ и старыхъ книгъ. Въ 1852 г. въ Египтѣ было куплено нѣсколько сирійскихъ манускриптовъ. Среди нихъ оказалась рукопись V в., содержащая VIII—X главъ знаменитой исторіи церкви Евсевія. До тѣхъ поръ единственнымъ текстомъ этого сочиненія былъ отрывокъ I—V главъ въ

Британскомъ Музеѣ. Въ томъ же году изъ Эрмитажа было передано 8.911 т. и 845 рукописей, между прочимъ Изборникъ Святослава 1076 года.

Въ 1857 г. В. В. Стасову случайно стало извѣстно о древнемъ грузинскомъ Евангеліи, находящемся въ Пицундской крѣпости въ Абхазіи.

По ходатайству Корфа оно было доставлено въ библіотеку. По мнѣнію проф. Чубинова, который его описалъ, этотъ экземпляръ является если не первой, то одной изъ древнѣйшихъ копій грузинскаго перевода Евангелія Св. Георгія. Замѣчательны миниатюры рукописи и барельефы ея массивнаго серебрянаго переплета.

Въ 1858 г. Корфъ узналъ о томъ, что въ Аугсбургѣ, на аукціонѣ антиквара Бутча, будетъ продаваться коллекція рѣдкихъ инкунабулъ, въ томъ числѣ „первенецъ типографскаго искусства“ — библія 1450 г., которой на всемъ мірѣ существуетъ лишь 26 неполныхъ экземпляровъ. Корфъ рѣшилъ пріобрѣсти эту коллекцію во что бы то ни стало и поручилъ комиссіонеру Беру купить ее, не стѣсняясь цѣной.

Библія была пріобрѣтена за 1.885 талеровъ. Вмѣстѣ съ ней куплено нѣсколько древнѣйшихъ ксилографовъ и 288 альдинскихъ изданій.

Въ 1858 г. пріобрѣтена библіотека Аделунга въ составѣ 3.786 книгъ и 669 рукописей. Въ томъ же году Государь подарилъ Библіотекѣ пятитомное изданіе греческой Библіи, исполненное кардиналомъ Анджело Ман, и греческое евангеліе XI в. съ добавочными 14 листами VI—VII в., покрытыми драгоценными миниатюрами, поднесенное Государю митрополитомъ Трапезундскимъ. Въ томъ же году была пріобрѣтена коллекція греческихъ и восточныхъ рукописей проф. Тишендорфа изъ Лейпцига. При описаніи этой коллекціи библіотекарями Дорномъ, Муральтеномъ и Бычковымъ, акад. Броссе и ученымъ караимомъ Фирковичемъ, въ одной изъ еврейскихъ рукописей, содержащей стихотворенія караимскихъ поэтовъ, оказался недочетъ въ 10 листовъ. Фирковичъ вспомнилъ, что среди отрывковъ его коллекціи имѣется нѣчто подобное. При сличеніи оказалось, что это тѣ самые 10 листовъ, которыхъ не доставало. Фирковичъ подарилъ ихъ Библіотекѣ.

Въ 1859 г. Тишендорфъ, отправленный на русскія средства на Востокъ, привезъ въ Петербургъ еще 109 рукописей, между ними знаменитый синайскій кодексъ Библіи, изданный Тишендорфомъ въ 1862 г. въ Лейпцигѣ въ 4 тт. Въ томъ же

году куплена коллекція восточныхъ рукописей кн. Д. И. Долгорукаго и переданы изъ Эрмитажа рукописныя и печатныя музыкальныя сочиненія, большей частью подношенія композиторовъ Государю. Наконецъ, въ 1861 г. подарено Государемъ поднесенное ему Аѳонскимъ монастыремъ глаголическое славянское четвероевангеліе XI в., драгоценнѣйшее украшеніе славянской рукописной коллекціи. Одновременно, по случаю реформъ Эрмитажа, въ Библиотеку были возвращены рукописи, переданныя въ 1852 г. въ Эрмитажъ, съ придачей эрмитажныхъ, т. е. 1.180 номеровъ и даже съ роскошными витринами краснаго дерева и 50.000 т. книгъ, включая сюда и Вольтеровскую библиотеку.

За 12 лѣтъ управленія Корфа Библиотека приобрѣла 343.421 книгъ, 11.485 рукописей, 29.362 эстамповъ и фотографій, 7.016 нотъ, 1.755 картъ и плановъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ не прекращалась и работа упорядоченія и каталогизація книгъ, несмотря на массу новыхъ поступленій. Какъ свидѣтельствуется юбилейный отчетъ Корфа, изъ 849.946 т., въ Библиотекѣ въ 1859 г. оставалось невнесенными въ каталоги менѣе 50.000 т. Корфъ показалъ въ этомъ, что онъ умѣетъ доводить до конца дѣло своихъ предшественниковъ не хуже ихъ самихъ. Но одному Корфу обязано своимъ существованіемъ отдѣленіе *Rossica* — иноязычныхъ писателей о Россіи. Это былъ его оригинальный замыселъ, воплощеніе его личныхъ историческихъ симпатій. Когда въ 1836 г. Пушкинъ задумалъ заняться исторіей Петра Великаго, Корфъ поразилъ его богатствомъ библиографическихъ познаній. Пушкинъ писалъ ему, что жалѣетъ, „что государственная служба отняла у насъ историка“. Матеріалы, предоставленные Корфомъ Пушкину, были вѣроятно тѣ три толстыхъ тетради, которыя хранятся въ витринахъ Библиотеки подъ заглавіемъ: „*Les origines des Russica*“, которое имъ дано библиотекаремъ Феттерлейномъ. Мысль о собираніи иностранной литературы о Россіи, повидимому, мелькала у Корфа еще въ Лицеѣ. Теперь онъ могъ ее выполнить не только въ видѣ библиографическаго указателя, а въ видѣ громадной библиотеки. Въ этой работѣ его сотрудниками были Собольщиковъ, Стасовъ, Беркхольцъ, Минцловъ и др., и любимое дѣло связало его съ ними узами такихъ привязанностей, которымъ обычно нѣтъ мѣста въ служебной сферѣ. Первоначальный планъ былъ — присоединить къ иностранной литературѣ еще и русскія книги о Россіи и журнальныя статьи. Но вскорѣ Корфъ отказался отъ этихъ добавленій.

Въ 1851 г. было собрано воедино все, имѣющее отношеніе къ Россіи, что имѣлось въ Библіотекѣ, и переписано. Реестръ этихъ сочиненій, заключавшій 3.766 номеровъ, былъ издавъ съ предисловіемъ на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Этотъ реестръ былъ разосланъ извѣстнымъ ученымъ лицамъ и обществамъ съ просьбой сдѣлать поправки и дополненія. Особенно много дополненій внесли библіотекаръ Московскаго университета (200 соч.) и директоръ Московскаго главнаго архива кн. Оболенскій (500 соч.). Корфъ тщательно вписывалъ эти поправки въ свой экземпляръ реестра, и эти 362 исписанныхъ имъ страницы—наглядное свидѣтельство терпѣнія и любви Корфа къ созданію отдѣленія Россіа.

Собравъ обширный библіографическій матеріалъ, Корфъ сталъ издавать каталоги книгамъ, которыя онъ желалъ пріобрѣсти, и разсылать ихъ черезъ своихъ коммисіонеровъ на книжномъ рынкѣ. Въ предѣлахъ Россіи не было, кажется, ни одного значительнаго собранія книгъ, гдѣ Корфъ не навелъ бы справки и, при удобномъ случаѣ, не пріобрѣлъ бы необходимаго, пользуясь своимъ вліяніемъ и иногда даже по Высочайшему повелѣнію.

Собираніе шло настолько энергично, Корфъ такъ жадно ловилъ всякій случай, что уже къ 1 янв. 1854 г. новое отдѣленіе заключало въ себѣ 13.392 т., не считая періодическихъ изданій и брошюръ, число которыхъ превышало 2.000. Черезъ 10 лѣтъ въ Россіа было уже до 30.000 соч.

Новую постановку получили и коллекціи нikuнабулъ, и эльзевировъ. Корфъ хотѣлъ сдѣлать изъ нихъ музей книгопечатанія и типографскихъ рѣдкостей. При Бутурлинѣ нikuнабулы, свыше 3.000 томовъ (считая лишь изданія до 1500 г.), были собраны въ двухъ залахъ верхняго этажа по одной стѣнѣ залы. Путеводитель 1851 г. описываетъ такъ эту залу: „на правую сторону библіофилъ посмотреть не иначе, какъ съ чувствомъ особаго благоговѣнія. Уже издали долженъ его поразить видъ тысячей ветхо-угрюмыхъ фоліантовъ, занимающихъ все протяженіе и всю вышину длинной стѣны. Съ перваго взгляда онъ обворожень этими пергаментными или грубыми кожаными корешками, почернѣвшими отъ времени, этими переплетами изъ дубовыхъ досокъ съ металлическими застежками, словомъ, всѣми признаками глубокой и почтенной старины“...

Корфъ старался, по возможности, пополнить эту коллекцію первыми изданіями псалтыря, Библіей Мазарини 1450 г., рѣдкимъ

изданіемъ Теренція, первымъ изданіемъ рыцарскихъ романовъ „Парсиваль“ и „Титурель“ и т. д. Въ 1857 г. рѣшено было всѣ инкунабулы сосредоточить въ особомъ залѣ, которая, своей обстановкой и архитектурой, соответствовала эпохѣ инкунабулъ. По проекту акад. Горностаева, съ участіемъ Минцлова и Соболящикова, была устроена готическая зала или „Кабинетъ Фауста“, которую подробно описываетъ Минцловъ: „Пестро расписанные крестообразные своды плафона опираются на массивный срединный столпъ, составленный изъ четырехъ, соединенныхъ въ одно, колоннъ. Двѣ стрельчатые оконницы со своими розетками трилиственниками изъ цвѣтного стекла; громадные шкапы, которыхъ далеко выдающіеся карнизы поддерживаются витыми колоннами, возвышаются до самаго свода; тяжелый столъ и кресла, пюпитръ для письма, какой можно видѣть еще на старинныхъ ксилографахъ, на немъ часы съ кукушкой для боя и арабскій зеленый глобусъ съ астролябіей, а сверху на невидимой нити спокойно парящій вампиръ; скамья для чтенія книгъ, обложенныхъ цѣпями—все, до неуклюжихъ растопыренныхъ желѣзныхъ петель и запоровъ на боковыхъ дверцахъ и до чернильницы, напоминаетъ монастырскую библіотеку пятнадцатаго „типографскаго“ столѣтія...“

Надпись при самомъ же входѣ заимствована изъ общаго устава средневѣковыхъ библіотекъ и увѣщеваетъ: „не производить никакого шума, не возвышать голоса въ этомъ мѣстѣ, гдѣ говорятъ мертвые“. Только въ послѣдніе годы произведены нѣкоторыя внѣшнія улучшенія: къ „Кабинету Фауста“ сдѣлана стильная массивная дверь.

Коллекціи альдовъ и эльзевировъ, первыхъ 1.200 т., вторыхъ 800 т., были описаны Минцловымъ. При Корфѣ было приобрѣтено рѣдкое изданіе Петрарки 1501 г., первое изданіе Платона и т. д. Всѣ эти изданія были помѣщены рядомъ съ „Кабинетомъ Фауста“ въ узкой комнатѣ въ одно окно.

Послѣ управленія Корфа эти коллекціи почти не пополнялись, по недостатку средствъ. Поэтому, хотя инкунабулы Германіи и Италіи представлены въ Библіотекѣ превосходно, изданія Франціи и Англіи страдаютъ неполнотой. Собраніе альдовъ и эльзевировъ при Корфѣ было первымъ въ мірѣ, теперь же первое мѣсто принадлежитъ Стокгольмской Королевской Библіотекѣ, а Публичная Библіотека занимаетъ чуть ли не третье мѣсто.

Устройство отдѣленій Romica, инкунабулъ и эльзевировъ сильно возбудило интересъ въ русской публикѣ. Но Корфъ

старался привлекать ее въ Библіотеку и другими способами выставками рукописей, библій, славяно-русскаго книгопечата- нія, церковно-славянскихъ рукописей, автографовъ русскихъ іерарховъ, композиторовъ, историческихъ дѣятелей, писателей, русской гравюры, портретовъ Петра Великаго. Коллекція по- слѣднихъ, заключающая свыше 550 номеровъ, является бога- тѣйшей въ мірѣ коллекціей портретовъ Петра.

Въ связи съ общимъ благоустройствомъ библіотеки, появи- лись въ ея залахъ портреты, бюсты и другіе художественные предметы. Въ 1851 г. Государь подарилъ великолѣпный пор- третъ Екатерины II, работы Левицкаго, а въ 1861 г. былъ заказанъ портретъ Александра II дрезденскому художнику Рей- херту. Около того же времени академику Тюрину было пору- чено сдѣлать копію съ портрета Николая I, писаннаго Крюге- ромъ и находившагося въ Институтѣ Путей Сообщенія. Еще прежде имѣлся портретъ Александра I работы Дау и мрамор- ный бюстъ его, сдѣланный Демутомъ-Малиновскимъ.

Въ 1861 г. Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ II отдѣленіемъ канцеляріи Его Величества; онъ остался однако почетнымъ членомъ библіотеки и до самой смерти своей въ 1876 г. сохранялъ интересъ къ библіотекѣ и къ созданному имъ отдѣленію Rossica, принимая горячее участіе въ дѣлѣ на- печатанія каталога этого отдѣленія.

Постъ директора 6 декабря 1861 г. занялъ т. с. И. Д. Де- ляновъ, остававшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и попечителемъ Петер- бургскаго округа, въ 1866 г. онъ былъ назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Должность директора библіо- теки Деляновъ оставилъ лишь въ 1882 г., когда былъ назна- ченъ министромъ народнаго просвѣщенія. Съ назначеніемъ Делянова библіотека вновь перешла въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1870 г. былъ утвержденъ новый уставъ библіотеки, уве- личившій бюджетъ ея до 80 т. р. Вмѣстѣ съ тѣмъ Деляновъ заботился о равномерномъ пополненіи всѣхъ отдѣленій библіо- теки, распредѣливъ сообразно этому сумму, рассчитанную на приобрѣтеніе книгъ. Болѣе всего—19% было назначено на исто- рическое отдѣленіе, менѣе всего—3% на философское. Для пополненія отдѣленія Rossica Деляновъ обращался къ библіо- текамъ различныхъ учебныхъ заведеній, въ особенности къ библіотекамъ упраздненныхъ католическихъ монастырей, и нерѣдко получалъ изъ нихъ книги, которыя нельзя было найти нигдѣ, несмотря на всѣ усилія.

Была организована заново регистрація вновь поступающихъ книгъ, что устраняло возможность покупки сочиненій, уже имѣвшихся въ библіотекѣ. Кромѣ того Деляновъ просматривалъ реестры книгъ, которыя предполагали приобрести академія наукъ, университеты Петербургскій и Московскій, духовная академія и пр. для сличенія съ заказами библіотеки. Такимъ образомъ все было приспособлено къ тому, чтобы, при сравнительно скромныхъ средствахъ библіотеки, все-таки приобрести самое важное и необходимое.

Обстоятельный осмотръ дублетнаго отдѣленія выяснилъ, что среди нихъ были, напр., разные изданія одного и того же сочиненія, которыя считались, повидимому, дублетами; были и сочиненія, не имѣвшіяся въ библіотекѣ вовсе. Настоящіе дублеты были переданы въ Московскій публичный Румянцевскій музей и медицинскую академію. За время управленія Делянова въ библіотеку поступилъ рядъ весьма цѣнныхъ приобретеній. Въ 1869 г. ген.-ад. К. П. фонъ-Кауфманъ, туркестанскій генералъ-губернаторъ, принесъ ей въ даръ коранъ, писанный куфическимъ шрифтомъ, одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ мусульманской письменности, изъ Самарканда. По преданію, этотъ коранъ написанъ собственноручно зятемъ Магомета Османомъ; надъ чтеніемъ его Османъ былъ убитъ въ своемъ дворцѣ; на рукописи и до сихъ поръ сохранились пятна крови.

Въ это же время было приобретено два собранія рукописей караимскаго ученаго Фирковича, числомъ до 1 490. Одна изъ нихъ представляетъ древнюю копию съ письма хазарскаго царя Іосифа въ арабскій калифатъ въ Испаніи. Письмо это было написано въ 960 г. незадолго до разгрома хазарскаго царства Святославомъ. Въ 1870 г. у Фирковича было куплено 690 самарянскихъ рукописей, единственное собраніе этой литературы. Въ 1880 г. было приобретено богатое собраніе грузинскихъ рукописей и печатныхъ книгъ кн. Іоанна Грузинскаго. Это приобретение поставило библіотеку на первое мѣсто по полнотѣ грузинской письменности.

Деляновъ приобрѣлъ также библіотеку Тоблера о Палестинѣ, такъ что теперь библіотека владѣетъ самой богатой коллекціей сочиненій о Святой Землѣ.

Неожиданную тѣнь на библіотеку набросило воровство книгъ, попытку котораго сдѣлалъ библіотекарь Пихлеръ, ученый богословъ. Однако, книги были задержаны раньше, чѣмъ ученый маниакъ успѣлъ ихъ отправить за границу. Пихлеръ былъ преданъ суду и сосланъ, но вскорѣ помилованъ. Это было

единственное событіе, которое оставило въ Деляновѣ нѣкоторую досаду на библіотеку и, кажется, это былъ единственный разъ, когда этотъ всегда любезный и пріятливый человекъ разсердился до глубины души и возвысилъ голосъ.

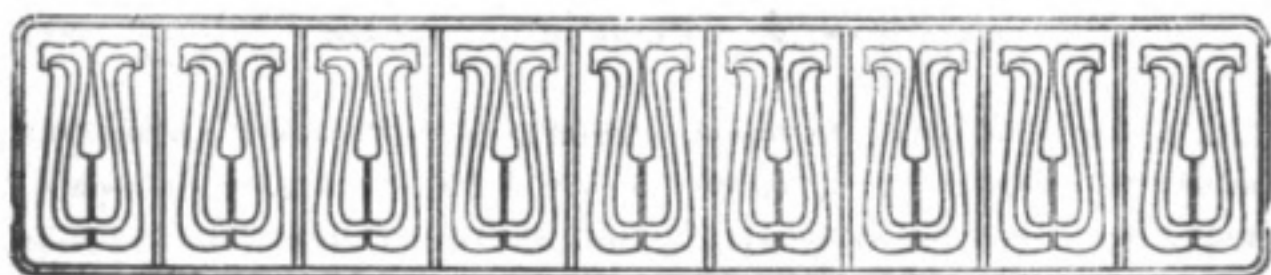
Въ 1882 г. директоромъ библіотеки сдѣлался А. Ѳ. Бычковъ, остававшійся въ этой должности до 1899 г. Вице-директоромъ назначенъ былъ Л. Н. Майковъ; дѣятельность его съ вѣдшей стороны прошла болѣе незамѣтно, чѣмъ при его предшественникахъ, такъ какъ главная забота была посвящена внутреннему упорядоченію и библіографическимъ работамъ. Изъ важнѣйшихъ пріобрѣтеній за время его управленія отмѣтимъ слѣдующія: въ 1890 г. рукописи П. Д. Богданова по исторіи раскола, въ 1891 г. собраніе индійскихъ рукописей проф. Минаева, въ 1892 г. бумаги Н. С. Аксакова, Державина, Шевырева, Болотова, К. Н. и П. Н. Батюшковыхъ, въ 1893 г. рукописи Ѳ. И. Буслаева, бумаги Мусоргскаго, А. Н. Муравьева и И. С. Тургенева и т. д.

При Бычковѣ были нѣсколько повышены оклады служащихъ и измѣнены штаты. Тогда же было выстроено новое зданіе. По почину С. Ю. Витте, состоялось Высочайшее повелѣніе о перенесеніи части библіотеки въ зданіе нынѣшняго музея Александра III. Распоряженіе это было сдѣлано помимо управленія библіотеки. Бычковъ и Стасовъ, однако, успѣли отклонить исполненіе этого распоряженія и взамѣнъ этого испросили разрѣшенія пристроить новый корпусъ въ 1898 г.; на это было ассигновано 500 т. р. Пристройка эта, возведенная по проекту Воротилова, выходитъ фасадомъ на Александринскую площадь и доходитъ до Толмазова пер. Въ ней была помещена новая читальная зала и отдѣленія математическое, естественное и медицинское. Съ 1903 г. при читальной залѣ былъ открытъ обширный справочный отдѣлъ.

Въ 1899 г. послѣ смерти А. Ѳ. Быкова былъ назначенъ директоромъ ген.-лейт. Н. К. Шильдеръ, который, однако, недолго оставался на этомъ посту, въ 1902 г. онъ скончался, и его мѣсто занялъ Д. Ѳ. Кобеко, пребывающій въ этой должности до сихъ поръ.

Б. В. Казанскій.

Елена Ивановна Шидянская,

капитанъ амазонской роты ¹⁾.

Мысль о составленіи изъ гречанокъ амазонской роты произошла слѣдующимъ образомъ: Государыня Екатерина II, вознамѣрясь обзрѣть вновь присоединенный къ Россіи Крымъ, имѣла разговоръ съ свѣтлѣйшимъ княземъ Потемкинымъ, который между прочимъ выхвалялъ храбрость грековъ и даже женъ ихъ. Государыня, смѣясь храбрости женщинъ, спросила—чѣмъ онъ можетъ доказать выхваляемую ихъ храбрость? Потемкинъ обѣщался Государынѣ увѣрить ее въ семь на мѣстѣ — въ Крыму. Давъ такое обѣщаніе, онъ прислалъ изъ Петербурга повелѣніе премьеръ-маіору Балаклавскаго греческаго полка Чанони—непремѣнно устроить амазонскую роту изъ вооруженныхъ женщинъ.

Предписаніе это было получено въ мартѣ 1787 г., а Императрицу ожидали въ маѣ того же года.

Премьеръ-маіоръ Чанони былъ въ большомъ затрудненіи исполнить такое повелѣніе, но, посоветовавшись съ капитаномъ Сарадовымъ, рѣшился предложить всѣмъ военнымъ дамамъ участвовать въ амазонской ротѣ. Такъ какъ Сарадовъ былъ старшимъ ротнымъ капитаномъ, то Чанони предложилъ его девятнадцати-лѣтней супругѣ, Еленѣ Ивановнѣ, быть ротнымъ капитаномъ амазонской роты.

¹⁾ Составлено на основаніи: 1) „Записка объ амазонской ротѣ“ Дуси въ „Москвитянинѣ“ за 1844 годъ № 1; 2) „Амазонская рота при Екатеринѣ II“ Есипова въ „Ист. Вѣстн.“ за 1886 годъ № 1; 3) „Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской въ Симферополѣ“ О. Лашкова въ „Извѣст. Таврич. учен. арх. комиссіи“ за 1889 годъ № 7; 4) Указъ Прав. Сената за 1872 годъ іюня 6 и октября 17; 5) По Воспоминаніямъ С. И. Генкеля; 6) По разсказамъ ея внуковъ.

Составлена была рота изъ благородныхъ женъ и дочерей балаклавскихъ грековъ въ числѣ 100 особъ.

Нарядъ амазонокъ состоялъ изъ юбокъ малиноваго бархата, отороченныхъ золотымъ галуномъ и такою же бахромой; курточекъ или спенсеровъ зеленаго бархата, также обшитыхъ золотымъ галуномъ; головной уборъ состоялъ въ бѣлыхъ тюрбанахъ съ золотыми блестками и страусовымъ перомъ. Всѣ амазонки были вооружены ружьями при трехъ патронахъ пороху.

Встрѣтить Императрицу положено было близъ Балаклавы у деревни Кадыкіюй, и рота, подъ начальствомъ Елены Ивановны, была построена въ концѣ аллеи, уставленной ацельсинными, лимонными и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты въ длину и усеянной лаврами.

Прежде пріѣхалъ римскій ¹⁾ императоръ Іосифъ верхомъ осмотрѣть Балаклавскую бухту и развалины древней крѣпости.

Увидѣвъ амазонокъ, онъ подѣхалъ къ командиру роты, Еленѣ Ивановнѣ, и поцѣловалъ ее въ губы, что произвело сильное волненіе въ ротѣ. Но командиръ успокоилъ своихъ подчиненныхъ словами:

— Смирно! чего испугались? Вѣдь вы видите, что императоръ не отнялъ у меня губъ и не оставилъ мнѣ своихъ.

Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ, которыя не знали, кто былъ подѣхавшій.

Осмотрѣвъ бухту и крѣпость, вѣщепосный путешественникъ возвратился къ Императрицѣ и уже пріѣхалъ во второй разъ къ Кадыкіюю съ Ея Величествомъ и княземъ Потемкинымъ въ ея каретѣ.

Костюмъ амазонки въ 1787 году.

¹⁾ Австрійскій императоръ Іосифъ II.

Подъѣхавши къ устроенной аллѣ, Государыня остановилась тутъ встрѣтилъ ее Балаклавскаго полка протоіерей Ананій съ крестомъ, хлѣбомъ и солью, ожидавшій Ея Величество въ нарочно приготовленной палаткѣ.

Потемкинъ, вышедшій изъ кареты, просилъ позволенія у Государыни стрѣлять амазонской ротѣ, встрѣтившей ее. Она запретила.

Не выходя изъ кареты, Императрица подозвала, чрезъ переводчика Гаврено начальника ихъ, Елену Ивановну, къ себѣ, подала ей руку, поцѣловала въ лобъ и, потрепавъ по плечу, изволила сказать:

Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ въ 1787 году
(со старинной литографіи).

— Поздравляю васъ, амазонскій капитанъ ¹⁾! ваша рота исправна. Я ею очень довольна.

Потемкинъ искренно радовался одобренію Государыни.

Не выходя изъ кареты, Государыня поѣхала въ Инкерманъ. Въ день царя Константина и матери его Елены ²⁾ Государыня

¹⁾ Въ исповѣдныхъ записяхъ Симферопольской греческой церкви за 1807 и 1809 гг. имѣется запись: капитанша Елена Ивановна, вдова, 42 лѣтъ.

Дѣти ея:

Гавріилъ	6 лѣтъ.
Анна	11 „
Александра	9 „

²⁾ При въѣздѣ въ Бахчисарай до сихъ поръ сохранились Екатерининскія ворота и на нихъ, въ верхней части, и теперь еще, правда съ трудомъ, но можно прочесть: 21 мая 1787 года.

казскій, князь М. С. Воронцовъ, сообщилъ министру императорскаго двора князю Волконскому, что онъ получилъ письмо изъ Симферополя отъ вдовы титулярнаго совѣтника Елены Ивановны Шидянской, въ которомъ она объясняетъ, „что, командуя еще въ царствованіе императрицы Екатерины II ротой амазонокъ и имѣвъ счастье представить роту Ея Величеству, была осыпана ея милостями, что, достигнувъ теперь 90 лѣтъ, лишась зрѣнія, она хотя съ того времени и не беспокоила царствовавшихъ августѣйшихъ монарховъ просьбами объ оказаніи ей пособія, но, находясь въ крайней бѣдности, просить объ исходатайствованіи ей отъ щедротъ Его Императорскаго Величества единовременнаго пособія ¹⁾“.

Е. И. Шидянская.

Князь Воронцовъ, имѣя въ виду засвидѣтельствованіе таврическаго предводителя дворянства, что все сіе вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бѣдному положенію Шидянской, она заслуживаетъ благодѣтельнаго вниманія Государя Императора, просилъ князя Волконскаго повергнуть все эти обстоятельства на благоусмотрѣніе Его Величества.

По Высочайшему повелѣнію было препровождено къ князю Воронцову 29 сентября 1848 года 300 руб. серебромъ изъ Кабинета Его Величества для Шидянской и притомъ приказано прислать свѣдѣнія, когда была составлена рота амазонокъ, гдѣ, изъ какого званія?

Получивъ въ ноябрѣ 1848 года Высочайше пожалованные ей 300 руб., она, согласно письму таврическаго губернатора, В. И. Пестеля, отъ 24 ноября за № 12470, описываетъ вышеупомянутую исторію возникновенія амазонской роты, заканчивая свое письмо такъ:

¹⁾ Въ архивѣ канцеляріи Таврическаго губернатора имѣется дѣло подъ № 271 отъ 21 ноября 1848 года съ заголовкомъ: „О Всемилостивѣйшемъ пожалованіи Шидянской 300 рублей въ единовременное пособіе“.

„Вотъ тѣ свѣдѣнія, которыя сочла я обязанностью сообщить вашему превосходительству.

„Возсылая теплыя молюбы о благоденствіи Августѣйшаго Милосердаго Монарха Великаго Правнука Великой Екатерины и великодушныхъ сановниковъ Его князя Михаила Семеновича Воронцова, вашего превосходительства и г. предводителя дворянства тайнаго совѣтника А. Н. Казначеева, какъ единственныхъ виновниковъ той священной радости, которая, подобно благотворному солнцу, еще разъ блеснуло для меня, 95-лѣтней старухи, на закатѣ дней моихъ, счастіемъ считаю именоваться вашего превосходительства милостиваго государя покорнѣйшей слугою“.

Е. Шидянская.

28 ноября 1848 года,
Симферополь.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1848 года, князь Воронцовъ доставилъ свѣдѣнія, сообщенныя самою Шидянской ¹⁾.

Это была послѣдняя царская награда для бывшаго капитана амазонской роты. Вскорѣ она умерла.

Въ Симферополѣ, на старомъ кладбищѣ, среди полуразрушенныхъ памятниковъ, одиноко стоитъ простой изъ обыкновеннаго песчаника, въ формѣ георгіевскаго, крестъ съ надписью: ²⁾:

1849 года
сентября
4-го скончалась капитанъ
Амазонской роты Елена
Шидянская на 95 году
своей
жизни.

¹⁾ Въ замѣткѣ О. Лашкова („Изв. Тавр. учен. ком.“ за 1889 г. № 7) говорится: „Записка объ амазонской ротѣ впервые появилась въ „Москвитянинѣ“ 1844 г. № 1, откуда мы и почерпнули свѣдѣніе, что записка составлена г. Дуси со словъ Шидянской. И. С. Чехъ (родной внукъ Шидянской) заявилъ намъ, что записка эта сообщена была почти въ то же время тогдашнимъ любителемъ старины Крыма секретаремъ статистическаго комитета О. Домбровскимъ и въ „Одесскій Вѣстникъ“, гдѣ она и появилась, и онъ помнитъ, какъ, по пріѣздѣ своемъ изъ Петербурга въ Симферополь, старуха Е. И. Шидянская заставляла его не разъ читать замѣтку „Одесск. Вѣстн.“ вслухъ“.

²⁾ На Балаклавскомъ кладбищѣ еще сохранились нѣкоторые памятники бывшихъ амазонокъ.

Дополненія

къ очерку „Елена Ивановна Шидянская“ капитанъ амазонской роты.

1) Исповѣдныя росписи съ 1807 по 1819 г. (Симферопольская греческая Пресвятая Троицы церкви).

За 1807 годъ.

Капитанша Елена Иваненкова вдова 42.

Дѣти ея:

Гавріилъ 6.

Анна 11.

Александра 9.

За 1809 годъ.

Капитанша Елена Ивановна 41.

Дѣти ея:

Гавріилъ 5.

Анна 10.

Александра 8.

За 1811 годъ.

Вдова Седянская 42

Дѣти ихъ:

Гавріилъ 7.

Анна 12.

Александра 10.

За 1814 годъ.

Алюна Шидянская 47.

Дѣти ея:

Гавріилъ 12.

Александра 15.

За 1816 годъ.

Елена Сидянская 48.

Дѣти ея:

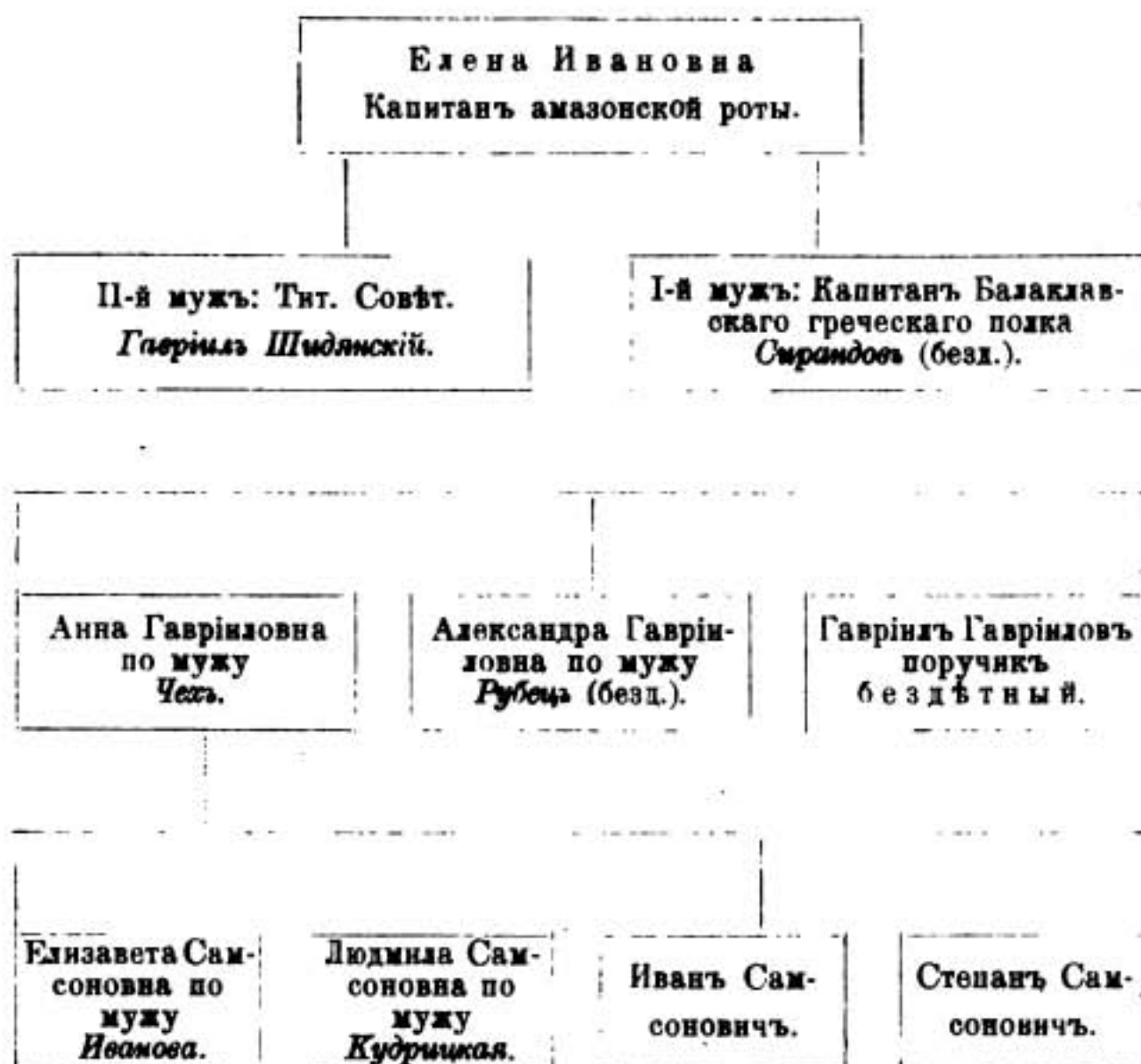
Анна 20.

Александра 17.

Гавріилъ 14.

- 2) а) Указъ Прав. Сен. 1872 г. іюня 6 и октября 17.
 б) Копія опред. Тавр. Деп. Собр. 8 декабря 1804 года,
 что отъ втораго брака: Гавріилъ, Анна и Александра.

Согласно этимъ даннымъ родословная Е. И. Шидянской.

3) До сихъ поръ еще живъ Сергѣй Ивановичъ Генкель, который помнитъ старуху Шидянскую, постоянно сидящую въ креслѣ и уже ослѣпшую. Нѣкоторые эпизоды изъ исторіи амазонской роты онъ слышалъ отъ нея и помнитъ нѣкоторыя подробности изъ ея біографіи.

4) По его словамъ Е. И. Шидянская родомъ изъ Константинополя. Отецъ ея былъ придворнымъ врачомъ при турецкомъ султанѣ. Во время бунта янычаръ все ея семейство было перебито. Случайно она уцѣлѣла. Одинъ изъ ея родственниковъ, кажется дядя, въ мѣшкѣ вынесъ 4 — 7 лѣтнюю дѣвочку и отправилъ ее въ Евпаторію къ родственникамъ.

5) По словамъ Е. С. Ивановой, Шидянская дѣвочкой была вывезена родителями изъ Флоренціи въ Константинополь.

6) Далѣе онъ (С. И. Генкель) говорить, что эпизодъ съ поцѣлуемъ Іосифомъ II Шидянской вначалѣ принялъ очень острый характеръ, и амазонки, какъ только увидѣли, что мужчина поцѣловалъ ихъ начальника, то сейчасъ же начали кричать: „чего смотришь? бей его въ лицо!“ и только громкій окрикъ Е. И. Шидянской съ указаніемъ на высокое положеніе поцѣловавшаго ее лица нѣсколько успокоилъ разволнованныхъ амазонокъ.

7) Внуки ея помнятъ, что они слышали въ дѣтствѣ, что когда у Шидянской отобрали въ казну имѣніе ея опекаемое и послѣ долгихъ хлопотъ ей не удалось получить его обратно, то будто она написала Императору Николаю I письмо, въ которомъ въ концѣ концовъ предлагала отдать ему свои документы на землю, чтобы у него, какъ у ней, не отняли имущества. Послѣ этого будто бы дѣло было по Высочайшему повелѣнію вновь пересмотрѣно, а имущество изъято изъ владѣнія казны.

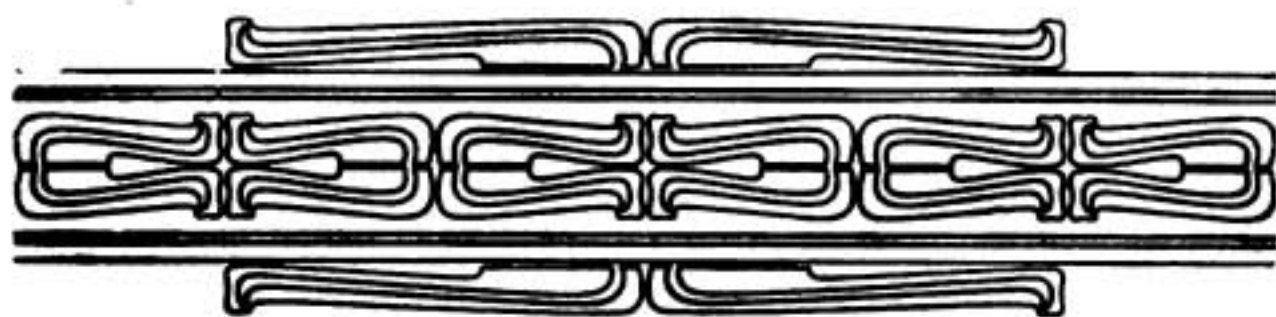
8) По словамъ внуковъ ея, Елена Ивановна, оставшись безъ средствъ къ существованію, взялась за акушерство и жила безбѣдно.

9) По воспоминаніямъ Е. С. Ивановой: однажды ночью, уже старухой, Шидянская была разбужена стукомъ въ окно. На вопросъ, въ чемъ дѣло, выяснилось, что требуется акушерка. Къ ней обратились съ просьбой немедленно ѣхать, такъ какъ слышали, что она специалистка въ этой области. Несмотря на ея заявленіе, что акушерская дѣятельность ей незнакома, ее все-таки уговорили ѣхать. Ребенка она приняла удачно и съ тѣхъ поръ имѣла большую практику.

10) По словамъ Н. Ѳ. Кудрицкаго, перстень, пожалованный ей Екатериной II, былъ украденъ. Всѣ розыски, предпринятые тогда, не дали никакихъ результатовъ.

11) Въ Симферопольскомъ окружномъ судѣ среди старыхъ дѣлъ еще до сихъ поръ, по словамъ архиваріуса, хранится дѣло Шидянской, но извлечь его изъ груды бумагъ, предназначенныхъ къ уничтоженію, довольно трудно.

Розовое и черное изъ моей жизни.

V.

И такъ, мои мечты, наконецъ, сбылись—я поѣхала за границу, чтобъ заниматься философiей.

Почему этого нельзя было сдѣлать въ Россiи?

Кончивши курсы, я, было, вздумала изучать по философiи то, что проходится въ университетѣ. Братъ досталъ записки, и я обратилась къ проф. Вл. съ просьбой указать мнѣ, что читать. Очень пространно и любезно отвѣчалъ профессоръ: назвалъ Платона, Канта и перечислилъ ихъ сочиненiя.

И вотъ я написала второй разъ, сказала, что все это уже читала, послала кое-что о Кантѣ (о времени и пространствѣ) и вложила свое желанiе держать у него на дому переходные студенческiе экзамены.

Тогда Вл. замолчалъ. Но этого было мало. Онъ поступилъ гораздо хуже, именно, повѣдавъ моему брату, будто я желаю познакомиться съ нимъ, Влад. Какъ я была тогда глубоко возмущена! Слышала, что Вл. уродъ, и имъ-то всего менѣе приходило мнѣ въ голову интересоваться. Какъ могъ онъ знать, въ какихъ отношенiяхъ я съ братомъ-студентомъ? Положимъ, что мы были дружны и братъ сочувствовалъ моему желанiю учиться. Но могло быть и иначе.

Такого поступка я не простила и рѣшила разъ навсегда ни къ кому изъ русскихъ философовъ никогда уже больше не обращаться.

Жалко, что впоследствии опять же въ П. я измѣнила этому слову и обратилась къ замѣстителю Вл.

Вотъ каковы русскіе философы, думалось мнѣ тогда! Не понимаютъ, что можно интересоваться самымъ дорогимъ и лучшимъ, что существуетъ на землѣ, и унижаютъ не только философію, но и самихъ себя.

По прїѣздѣ въ Л. я рѣшила обратиться съ проф. Гейнце, съ трудомъ котораго „Исторіей философіи“ Ибервега я была знакома.

Просто и легко все тамъ сдѣлалось. Гейнце я попросила устроить мои занятія. Рѣчь шла лишь о книгахъ, а не о лекціяхъ въ университетѣ. Въ то время женщины не допускались даже вольнослушательницами, а проникали въ университетъ лишь контрабандой.

Добродушно и внимательно выслушалъ меня милый нѣмецъ, тотчасъ же написалъ что-то на бумажкѣ.

Бумажка эта оказалась поручительствомъ за меня, пришедшую къ нему съ улицы безъ малѣйшей рекомендаціи.

И на основаніи этой бумажки университетская библіотека стала мнѣ выдавать столько книгъ, сколько я желала! Перегруженная ими, добралась я до своей квартиры, соображая, какой чудный и добрый Г. и какъ прекрасно устроена эта библіотека, мой кладъ знанія.

Она дѣйствительно устроена образцово. Вручается неограниченное число росписокъ, и заполнивъ каждую названіемъ книги и своей фамиліей, опускаешь ихъ въ большой наружный ящикъ. Въ тотъ же день выдаются книги, и если онѣ взяты, то получаешь ихъ, когда вернетъ взявшій.

И надоѣла же я маленькому толстому рыжему библіотекарю, думаю, невѣроятно, хотя онъ былъ всегда пріятливъ, какъ и студенты, которыхъ я встрѣчала въ библіотекѣ. Въ одну зиму я перечитала не одну, а много сотенъ книгъ.

Г. неофициально разрѣшилъ мнѣ слушать его лекціи, а онъ считался однимъ изъ самыхъ популярныхъ лекторовъ.

И вотъ разъ я побѣдила свою робость и усѣлась въ обширной аудиторіи на одной изъ выдавшихъ виды, старыхъ скамеекъ. Не была я рада своей жизни, что усѣлась. Очень долго не могла я забыть своего впечатлѣнія отъ бушевавшихъ вокругъ меня студентовъ. Они расхаживали по скамейкамъ, боксировали, неистово свистали, хлопали руками и ногами.

Только, когда вошелъ Г., я почувствовала себя подъ охраной, но все же рѣшила въ университетъ болѣе ни ногой.

Меня ли они такъ пріѣтствовали, или всегда такъ шумѣли, я никогда не узнала.

Я еще не объяснила, почему изъ Ж. поѣхала не въ Цюрихъ, а въ Л., такъ какъ въ Ц. я могла бы учиться правильно.

Не хотѣлось огорчать отца или разставаться съ нимъ нравственно, именно потому, что я была свободна. Онъ, вѣдь, не мирился съ мыслью, что въ Ц. анархисты, и я съ ними сойдуся.

Л. считался первымъ тогда университетскимъ городомъ въ Германіи (теперь Берлинъ), а тамъ къ тому же была учительницей наша бывшая бонна-нямка, и я ее очень любила и рассчитывала у нея поселиться.

Въ то лѣто, когда я ѣздила изъ Ж. въ Б., тамошній профессоръ философіи Геблеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернскомъ университетѣ не обязательны 6 семестровъ, а принимаются диссертациі безъ зачета семестровъ или можно нигдѣ не учиться, а представить диссертацию (и провалиться).

И вотъ эти слова витавшаго въ небесахъ мечтателя-идеалиста, какимъ былъ Геблеръ, произвели на меня впечатлѣніе, и еще въ Ж. я рѣшила, что буду писать въ Л. диссертацию.

Мнѣ не приходило въ голову, что это самонадѣйно и даже дерзко, а представлялось просто и интересно. Прочту самихъ философовъ (то было моею давнишней мечтой, т. к. читала я только Канта и Платона) и напишу о томъ, о чемъ мнѣ захочется писать.

Обыкновенно тема для диссертациі избирается профессоромъ, докторантъ лишь выполняетъ ее.

Я объ этомъ не помышляла, а витала въ облакахъ.

Правда, что я долго не могла остановиться на выборѣ темы. Сначала собиралась писать о Майнлендерѣ, одномъ изъ послѣдователей Шопенгауэра, второстепенномъ, если не третьестепенномъ философѣ. Пессимизму я не сочувствовала: это міровоззрѣніе не вязалось съ моею любовью къ знанію и къ работѣ.

Потомъ выбрала Плотина, крайняго идеалиста и мистика. Эта тема давала мнѣ возможность разобратъся во всей греческой философіи и изучить отчасти средневѣковую. Такъ я на ней и остановилась. Гораздо позже узнала я, что Пл. былъ излюбленнымъ конькомъ русскихъ философовъ, и работа ненавистнаго мнѣ Вл. была о немъ. Видно, что-то влекло къ нему насъ, русскихъ.

Я вся ушла въ работу. Дни раздѣлялись на умные и глупые, а не на пріятные и непріятные. То, къ чему я стремилась 15 лѣтъ, стало теперь моимъ: оно, быть можетъ, оказалось даже лучше того, чѣмъ я себѣ его представляла, испивая чашу наслажденія умственной работой. Выше ея нѣтъ ничего на свѣтѣ. Но не

всегда же можешь работать! Какъ много нужно условій, чтобъ пить эту чашу!

Настало лучшее время моей жизни: вся она сосредоточивалась въ тѣхъ тайнахъ, которыя я ежедневно раскрывала, и имъ какъ будто не предвидѣлось конца!

Чудесной и вмѣстѣ съ тѣмъ простой открывалась предъ мной область философій: многое непонятное разъяснили нѣкоторые философы, а другіе такъ и остались непонятыми.

Прочитавъ 2, 3 стр., я чувствовала родственнѣйшій мнѣ или чуждый духъ; когда не затрогивалась моя собственная пылкость, книга бросалась. Мнѣ трудно читать продиктованное однимъ разсудкомъ, а нужна работа того, кто ищетъ самъ и не считаетъ философію лишь учебнымъ предметомъ. Пусть философъ, ошибается и себѣ противорѣчитъ—это не важно. Нужно только чтобъ онъ искалъ, и, раскрывая книгу, я очень скоро вижу, съ кѣмъ имѣю дѣло.

Письма мои къ отцу носили восторженный характеръ, и онъ, повидимому, начиналъ теперь понимать, что моя любовь къ философій настоящее призваніе—то самое, что встрѣчается такъ рѣдко. Помѣшать итти по дорогѣ призванія не можетъ никакая земная сила, становилось теперь ясно умному человѣку, какимъ былъ мой отецъ. Если я его и любила горячо, то изъ-за этой любви не могла все же поступиться моимъ призваніемъ—это выходило за предѣлы моихъ силъ.

Помню живо, какъ мы свидѣлись съ отцомъ послѣ моего 1го 2 лѣтняго пребыванія за границей.

Это произошло въ Вѣнѣ.

— Останься со мной, просилъ онъ, когда я вошла въ его купе. Черезъ четверть часа поѣздъ отходитъ. Отецъ съ сестрой ѣхали въ Итацію.

— А вещи?

— Какіе пустяки, только останься. И онъ обнималъ и цѣловалъ меня.

И когда поѣздъ исчезъ изъ вида, я бессмысленно бродила по улицамъ Вѣны и, казалось, что не для чего жить теперь, когда мы разстались.

Но вернусь къ Л. Итакъ, отецъ успокоился и больше не упрекалъ меня—зачѣмъ я бросила Ж. Да, бросила, разсталась навсегда съ милыми своими дѣвочками, которыхъ никогда больше не увижу. Но я не жалѣла, что бросила: знала, что иначе поступить я не могла.

Я все писала. Писать по-нѣмецки для меня несравненно труд-

нѣе, чѣмъ по-русски, съ четырехъ лѣтъ я и говорила на этомъ языкѣ, проходила по-нѣмецки же всѣ предметы въ пансіонѣ. Духъ языка мнѣ не такъ близокъ, а переводить я совсѣмъ не умѣю—это какая-то органическая неспособность. Когда писала о Плотинѣ, то думала по-нѣмецки. Вечеромъ показывала не совсѣмъ удачныя фразы студенту, большому пріятелю, сыну гувернантки. Онъ былъ на первомъ семестрѣ, изучалъ химію, но отличался вдумчивымъ отношеніемъ ко всему и быстро заинтересовался философіей. Мы сходились каждый вечеръ за русскимъ чаемъ: я рассказывала о Россіи, которую Е. Ф. очень любила, и студентъ расспрашивалъ. И я какъ-то не жила далеко отъ своей любимой родины—она воскресала передъ мной всякій вечеръ.

Быстро шли мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Наступила весна. Съ ноября по май сидѣла я надъ Плотиномъ и написала не болѣе 3-хъ листовъ. Это казалось мнѣ теперь лучшимъ, что существовало у меня на землѣ. Каждая строчка стоила труда, надъ однимъ словомъ размышляла я иногда часами. Не было привычки къ такимъ работамъ, только одно рвеніе.

И съ горемъ рассталась я съ Плотинимъ.

Надо было оторваться и послать написанное въ Бернъ на судъ.

Прошелъ мѣсяцъ—то былъ такой же страшный мѣсяцъ, какъ время, когда я ожидала выборовъ въ Д. День казался годомъ, и когда миновалъ этотъ мѣсяцъ, за нимъ послѣдовало нѣчто, еще гораздо болѣе страшное.

Я не понимала, когда читала строки официальной бумаги: „Die Erkenntnistheorie Plotin's verkannt“ (Ученіе Плотина о познаніи не понято, или понято невѣрно). Слово „verkannt“ глубоко врѣзалось въ мой умъ, и я сказала себѣ: „Ничего не могу, ничего не понимаю, ну, и брошу! Ни за что не возьму больше въ руки ни одной философской книги, *никогда не возьму*“!

И я продала все то, что можно было продать, убрала далеко то, что продавать было нельзя, а сама... отправилась на ферму подъ Л. доить коровъ. „Зачѣмъ тратить время на пустяки, займусь тѣмъ, что мнѣ подъ силу“, рѣшила я. И стала учиться на фермѣ сельскому хозяйству, винкая во всѣ его подробности. Все то, что я тогда дѣлала, казалось мнѣ очень важнымъ и серьезнымъ. Я благоговѣла передъ благоустройствомъ моей фермы, ея образцовыми хлѣвами, чистотой ведеръ и въ избыткѣ усердія, кажется, даже пила ненавистное мнѣ молоко.

Потомъ пріятельница-учительница увезла меня на о. Рюгенъ, гдѣ ея сестра была замужемъ за рыбакомъ. Они жили по-

крестьянски; мы обѣдали вмѣстѣ, при чемъ рыбакъ облачался въ сюртукъ; жена ѣла картофель руками и всячески хотѣла показать свое дѣйствительное опрощеніе и то, что она теперь рыбацка, хотя и дочь профессора Дерптскаго университета.

Какъ-то разъ я съ удивленіемъ замѣтила, что сижу за книгой, и книга эта философская. А въ другой прекрасный день проснулась съ тѣмъ, что ѣду въ Цюрихъ. Когда у меня являются неожиданныя мысли, я обыкновенно ихъ осуществляю—таково одно изъ правилъ моей жизни. Откуда эти мысли? Въ нихъ всегда заключается нѣчто таинственное, не поддающееся размышленію, и онѣ, такъ сказать, выше меня. Я имъ обязана лучшимъ, что у меня есть. Прозябаю изо дня въ день, не знаю, какъ устроить свою жизнь и вдругъ просыпаюсь и знаю, что надо дѣлать,—знаю безповоротно.

Итакъ, я дѣйствительно поѣхала въ Ц.

— Вполнѣ увѣренъ, что вы знаете больше того, что требуется для поступленія въ университетъ, но разъ вы кончили педагогическіе курсы, а не гимназію, вамъ необходимо держать вступительный экзаменъ, говоритъ улыбаясь ректоръ. Мы ни для кого не дѣлаемъ исключенія.

Я была слишкомъ застѣнчива, чтобъ объяснить ректору, что педагогическіе курсы выше гимназій, и среднее образованіе у меня есть, и... промолчала.

„А вступительный экзаменъ держать не стану“, такъ же упорно и безповоротно рѣшила я, „вотъ уже ни за что не стану“!

Итакъ, предстояло одно—уѣхать изъ Ц.

Побродивъ по прелестному городу, полюбовавшись озеромъ, я черезъ 3 дня уложила вещи, но вдругъ мелькнула мысль:

„Узнаю у кого-нибудь мнѣніе о моемъ Плотинѣ,—такъ ли онъ плохъ, какъ это признали въ Бернѣ“?

Купила списокъ профессоровъ и остановилась на приватъ-доцентѣ Штейнѣ только потому, что онъ жилъ на той единственной улицѣ, которую я въ Ц. знала—Bahnhofstrasse.

Прихожу утромъ и спрашиваю:

— Можно васъ просить прочитатъ то, что я написала.

Молодой человѣкъ сухо и самодовольно киваетъ головой и отрѣзываетъ:

— Heute um 6 Uhr die Antwort (отвѣтъ сегодня въ 6 ч. в.).

„Вотъ такъ скоро, не по-нашему, недоумѣваю я и прихожу „um 6 Uhr“.

Молодой человѣкъ измѣняется: онъ встрѣчаетъ меня необыкновенно радушно.

— Вы еврейка?

— Нѣтъ, русская, разочаровываю я его.

— Чисто русская?

— Чисто русская.

— Но какъ вы хорошо знаете по-нѣмецки.

— Что же работа? на этотъ разъ съ нетерпѣніемъ спрашиваю я.

— Запишитесь къ намъ въ университетъ, и черезъ 3 семестра вы докторъ. Работа прекрасна.

А я опять молчу! Не хочу сказать, что меня не приняли въ студентки, молчу... и уѣзжаю.

Ѣду въ Л. и черезъ 3 мѣсяца получаю извѣстіе, что сестра выходитъ замужъ. Отецъ проситъ меня жить съ нимъ.

И когда я прѣзжаю въ П., со мной Плотинъ: онъ напечатанъ. Привожу еще одну мысль, вынесенную изъ разговора съ проф. Геблеромъ.

— Написали бы вы о Кантѣ въ русской философіи, предложилъ мнѣ разъ этотъ вдумчивый философъ-аскетъ.

Его слова заставили меня задуматься надъ русской философіей вообще. Когда она началась? Что въ ней, собственно говоря, сдѣлано?

Какъ это узнать?

Въ П. я зашла за чтеніе „Исторія Россіи“ Соловьева и сдѣлала нужныя мнѣ выписки и ссылки на рукописи, которыя меня заинтересовали, и рѣшила рукописи эти прочитать.

И вотъ теперь, что я жила съ отцомъ, то все думала объ этой своей мысли. Не клеилась наша совмѣстная жизнь: насъ теперь раздѣляли не только взгляды на женскій вопросъ, но 7 лѣтъ моей самостоятельной жизни, это мое свое, окрылившееся и уже имѣвшее корешки.

Живя съ отцомъ, я по-прежнему принимала близко къ сердцу его свое, но теперь оно меня гораздо больше мучило, чѣмъ удовлетворяло. А мое гибло отъ этой совмѣстной жизни, и, дотянувъ до осени, я рѣшила переселиться въ М.

Со свойственнымъ отцу благородствомъ онъ даетъ мнѣ 100 руб. въ мѣсяцъ, и, какъ мнѣ ни совѣстно ихъ брать, не давая взамѣнъ ничего, я нанимаю квартирку, иначе я не могу.

Въ Румянцевскомъ музеѣ передъ мной открываются сокровища—то все философскія рукописи.

— Что вы такое нашли?—спрашиваетъ проф. Н. Я. Гротъ, приходя ко мнѣ въ библіотеку (когда-то мы брали вмѣстѣ уро-

ки танцевъ и онъ и теперь продолжаетъ относиться ко мнѣ по-товарищески).

Я нашла такъ много, что не успѣваю вздохнуть и все читаю и читаю. Открытіе мое заключается въ томъ, что въ Россіи существовала философія, и только этимъ вопросомъ никто до сихъ поръ не интересовался и не далъ себѣ труда разобратъ памятники.

Разбирать ихъ не такъ-то легко: надо нѣсколько освоиться съ палеографіей. Я скоро научилась читать бѣгло и проводила въ Румянцевскомъ музеѣ все время, что было открыто рукописное отдѣленіе, отъ 11—3 ч. По приходѣ домой приводила въ порядокъ свои записи и надъ ними размышляла.

Нашлось еще дѣло: я вздумала прочесть публичную лекцію „о значеніи Канта“ и дала просмотрѣть Н. Я. Гроту то, что написала.

— Годится?

— Годится, сказалъ онъ, это лекція такая, какъ наши университетскія.

А черезъ нѣсколько дней онъ пріѣхалъ и просилъ меня не читать этой лекціи.

— Вѣдь вы же ее нашли пригодной, почему же не читать?

— Видѣлъ вашего отца, и онъ этого не хочетъ.

Я разсмѣялась.

— Повѣрьте, что отецъ первый порадуется, если только будетъ успѣхъ.

Наступилъ день лекціи—26 января 1888 г. Неутѣшной была моя пріятельница, сосѣдка по деревнѣ и другъ дѣтства. Ея домъ олицетворялъ для меня цѣлый міръ. Въ этомъ домѣ сосредоточилась жизнь очень многихъ людей—то былъ островъ любви, согласія и терпимости, [и я всей душой была привязана къ этому мірку.

— На вашей лекціи никого не будетъ, объявилъ мнѣ мужъ пріятельницы, но за то я пришлю всѣхъ своихъ приказчиковъ изъ магазина—человѣкъ 10, хорошо?

Онъ говорилъ полушутя, полусерьезно.

— Ну, что же, отвѣчала я, лучше, если будетъ меньше. вѣдь зала маленькая.

Когда я брала эту залу, то просила:

— Пожалуйста, поменьше освѣщайте. Въ темнотѣ, думалось мнѣ, будетъ не такъ страшно. Публикацію я сдѣлала только одну. Лекцію эту я читала не для публики, а для себя, чтобы себя провѣрить. Входъ былъ, само собой разумѣется, бесплатный.

Остается только день до лекціи, когда пріѣзжаетъ ко мнѣ пріятельница и умоляетъ:

— Брось, не читай, сдѣлай мнѣ удовольствіе, если меня любишь. Представь, что будетъ, если ты провалишься. Оставь, вѣдь, это глупость!

Я знаю, что это глупость, страшная глупость, не сплю 10 ночей отъ волненія, но все же читаю. Вся моя жизнь сосредоточивается теперь въ томъ, что я читаю. Почему мнѣ это нужно— я не отдаю себѣ отчета, но чувствую, что не могу жить, если не читаю.

Наступаетъ вечеръ. По наружности я все дѣлаю, какъ всегда, пусть и испытываю такую нервную дрожь, что съ трудомъ могу взять что-либо въ руки.

Со мной ѣдетъ не пріятельница (она объявила, что уйдетъ въ самый задній рядъ, чтобъ быть подальше), а знакомая, которая мило со мной бесѣдуетъ и увѣряетъ, что я должна быть очастлива, и ей бы хотѣлось со мной помѣняться. Слушаю ее, какъ во снѣ.

Пріѣхали. Вся передняя Политехническаго музея увѣшана шубами.

— Кто читаетъ еще? храбро спрашиваю я сторожа.

— Никто.

Прибѣгаетъ Гротъ и объявляетъ, что лекція будетъ въ большомъ залѣ.

— Не могу въ большомъ, — упрямо и испуганно повторяю я.

Мнѣ ни разу не приходилось до сихъ поръ читать даже въ маленькомъ кружкѣ. Какъ могу я рѣшиться войти передъ сотнями людей! (Ихъ было больше 600). Но другого исхода нѣтъ. Публика заняла вплотную большой залъ, на который я даже не взглянула, когда брала маленькій.

И когда я, какъ преступникъ, пригвожденный какъ къ столбу, сижу и читаю Канта, предъ мной чудовище, готовое меня поглотить, а я одна, маленькая и ничтожная, отдана ему на съѣденіе.

Знаю одно, что пока я читаю, чудовище меня не тронетъ, но наступитъ моментъ, что я кончу! Съ ужасомъ замѣчаю, что какъ ни длинна лекція (она продолжалась больше часа), приближается конецъ: страницъ остается все меньше и меньше.

Что тогда дѣлать?

Приходитъ моментъ конца. Чудовище волнуется, мнѣ хлопаютъ; уѣзжаю и вижу вездѣ сочувствіе.

Пріѣзжаю къ друзьямъ: тамъ тоже самое. И ничему этому я не вѣрю. Когда на другой день хочу выйти на улицу, то

боюсь встрѣтить студента. Онъ слушалъ эту лекцію и разсмѣется мнѣ въ глаза. Такое состояніе продолжается 8 дня, пока не читаю рецензіи въ „Рус. Вѣд.“, и тогда только яѣсколько успокаиваюсь.

„Почему меня хвалятъ“? въ состояніи я теперь разсуждать. Вѣдь только за дилетантизмъ. Чуть стану опаснѣе, хвалить перестанутъ. Это все тотъ же Влад.

И твердо рѣшаю ѣхать въ Ц. и поступить въ университетъ.

Читаю еще одну лекцію „О древнѣйшемъ памятникѣ славяно-русской письменности“. Публики немного, но читаю за деньги.

Осенью ѣду въ Цюрихъ.

Да, забыла сказать объ отцѣ.

Послѣ лекціи о Кантѣ онъ не только написалъ мнѣ восторженное письмо, но купилъ „Рус. Вѣд.“ и разослалъ роднымъ. Это меня глубоко тронуло. И опять то была побѣда женщины надъ мужчиной.

Но вотъ я опять въ прелестномъ Ц., и на этотъ разъ пишу, что кончила гимназію. Меня принимаютъ безъ затрудненій, и съ гордостью называю я себя stud. phil. Это званіе самое дорогое, что есть у меня теперь въ жизни.

Давившая меня химера, которую я такъ долго таскала за плечами, сброшена, но она осуществлена. Пусть мнѣ 30 лѣтъ, я студентка, и лучше поздно, чѣмъ никогда.

Какъ въ туманѣ брожу я по дѣйствительно красивому городу и нахожу все прекраснымъ. Нанимаю комнату, которая мнѣ необыкновенно нравится, хотя она почти безъ мебели и скорѣе *chambre dégarnie*, а не *garnie*; къ тому же въ ней страшно холодно, какъ я ни топлю, тратя франкъ въ день, что большая роскошь, въ особенности для студентки.

Но вѣдь у меня 100 р. въ мѣсяцъ—большая сумма для студентки. Могу купить сколько угодно книгъ. Хотя къ моимъ услугамъ двѣ бібліотеки—городская и университетская. У меня очень добрая хозяйка, и у нея голодные дѣти, которые радуются моимъ грошамъ.

И какъ я начинаю заниматься! Лейпцигское рвеніе ко мнѣ возвращается. Задумываю сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ, хочу обратить вниманіе на эмпиризмъ Лейбница и догматизмъ Локка, когда же обратилась къ старичку профессору Киму, ученику Тренделенбурга, узнаю, что онъ читалъ моего Платина. Я сконфужена, такъ какъ не собралась еще прочесть то, что написалъ профессоръ. Какое вниманіе по отношенію къ учащимся!

И дѣйствительно, взаимоотношенія профессоровъ и студентовъ

цѣлая идиллія. На нашъ адресъ одному изъ профессоровъ по случаю его 25-лѣтія каждый получаетъ благодарственный циркуляръ съ собственноручною его подписью.

Въ университетѣ вывѣшены пріемные часы профессоровъ на дому, и обращеніе со студентами таково, какъ съ младшими товарищами.

Я бываю впрочемъ у одного Лудвига Штейна, своего стараго знакомаго: онъ прекрасно читаетъ и пользуется большою популярностью.

Авенариусъ меня пугаетъ своей насмѣшливостью, и послѣ многихъ сборовъ я такъ и не рѣшаюсь у него побывать.

Три мѣсяца проходятъ въ непрерывныхъ занятіяхъ: читаю, пишу и ни съ кѣмъ не говорю.

Мои лекціи посѣщаются лишь иностранными студентами, которые „дамъ“ сторонятся. По нѣмому соглашенію они предоставили намъ переднія скамейки, и только случайно опоздавъ, кто-нибудь изъ нихъ садится къ намъ на кончикъ; подойдетъ съ просьбой одолжить ручку или скажетъ, что профессоръ сегодня на лекцію не прійдетъ: вѣжливо раскланивается на улицѣ, снимая шляпу или цвѣтную фуражку. Больше мнѣ ничего не было нужно, и я не вступала въ разговоръ. Если случалось, что студенты свистали и шумѣли (но совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Лейпцигѣ), я дѣлала видъ, какъ будто ничего не замѣчаю, и наши добрыя и далекія отношенія никогда не нарушались.

И вдругъ на одну лекцію Штейна является цѣлая компанія студентовъ; они садятся рядомъ со мной, и я слышу, что они разговариваютъ другъ съ другомъ по-русски.

Три мѣсяца я не слышала русскаго слова, и не могу скрыть, что понимаю.

По окончаніи лекціи одинъ изъ нихъ обращается уже прямо ко мнѣ:

- Читали вы Штейна о стойкахъ?
- Эта книга у меня есть.
- Не могли бы вы ее дать?
- Конечно, могу.

И онъ идетъ со мной, приходитъ въ *chambre dégarnie* и садится за круглый столъ.

А когда онъ удаляется, я обращаюсь къ хозяйкѣ съ тѣмъ — нельзя ли запереть нашу входную дверь? Хозяйка отвѣчаетъ: „Студентъ этотъ, конечно, анархистъ“, соображаю я, вспоминая его нѣсколько растрепанный видъ, рѣзкія движенія, высокіе сапоги.

Дверь наша пребываетъ раскрытой, студентъ приходитъ и показываетъ мнѣ кинжалъ. Онъ никогда не расстаётся съ кинжаломъ, потому что анархистъ!

Что теперь дѣлать?

Призракъ, пугавшій всю жизнь отца, обращается для меня въ дѣйствительность.

Я прошу студента придти безъ кинжала. Онъ общается, и вмѣсто кинжала съ нимъ теперь товарищи. За столомъ сидятъ цѣлыхъ 3 анархиста, и мы мирно бесѣдуемъ.

Я смѣюсь надъ ихъ анархіей, и они не обижаются и въ свою очередь называютъ меня бабушкой.

Мнѣ теперь ни по чемъ анархисты.

Весело проводимъ мы воскресенья; устраиваемъ катаніе по озеру (на этомъ всегда и настаиваетъ одинъ, который очень жалѣетъ свои сапоги) или гуляемъ по окрестностямъ, при чемъ совсѣмъ забываемъ свои различные политическія убѣжденія.

И теперь я уже не одна, а съ добрыми товарищами. Штиггольтъ даже уговариваетъ меня записаться въ университетскую читальню, такъ какъ я жалуюсь на сумбуръ въ русской: шумять, уносить газеты, рвать ихъ на части, просто невозможно тамъ бывать.

Въ университетской, напротивъ, царитъ глубокое молчаніе: газеты и журналы находятся на опредѣленныхъ мѣстахъ и невредимы. Правда, что студенты, когда жарко, снимаютъ сюртуки, но это неприличіе, которое въ Швейцаріи считается приличіемъ. Такъ мнѣ пришлось видѣть мирового судью въ камерѣ безъ сюртука.

Оказывается, что я единственная студентка—членъ читальни, и мнѣ присылаютъ повѣстки на собранія, которыя я не посѣщаю.

Быстро идетъ время, и на Святой я уѣзжаю въ Вѣну. Провожая меня, Шт. спрашиваетъ:

— Не нужно ли вамъ франковъ?

И какъ-то ухитрилась размѣнять все на гульдены, но взять у него все же не хочу, какъ ни трогаетъ меня его заботливость.

И когда я черезъ 3 недѣли возвращаюсь, то узнаю о событіи, которое поразило городъ. Русскіе студенты бросили недалеко отъ университета на Цюрихбергѣ бомбу и, если никто и не раненъ, все же жители возмущены. Виновники сидятъ въ тюрьмѣ, у всѣхъ русскихъ учащихся былъ обыскъ.

— Что же у меня нашли? спрашиваю я хозяйку.

— О, я не позволила трогать вашихъ вещей, полиція произвела бы безпорядокъ, гордо отвѣтила моя тихая хозяйка.

— Такъ они васъ и послушались? смѣялась я.

— Конечно, послушались.

Мои студенты не приходятъ.

— Что бы это означало? спрашиваю я хозяйку.

— Надо вамъ узнать на ихъ квартирѣ.

Оказывается, что студенты арестованы и всѣ ихъ вещи въ полиціи, въ томъ числѣ и мое сочиненіе о Лейбницѣ и Локкѣ. Полиція мнѣ его такъ и не вернула.

Прошло двѣ недѣли, когда въ комнату входитъ Шт. и, не здороваясь, кричитъ:

— Дайте водки!

— Что съ вами? спрашиваю я съ удивленіемъ. Откуда у меня водка?

— Тюрьма не дѣлаетъ человека лучше! — прибавляетъ онъ тише. Если бы вы знали, какъ эти либеральные швейцарцы съ нами обращались? Развѣ это было бы возможно въ Россіи!

И какъ мнѣ ни жаль Шт., я радуюсь, что онъ сказалъ доброе слово о Россіи.

Онъ рассказываетъ, что ихъ посадили подъ крышу, гдѣ невообразимо пекло—можно было задохнуться, и вовсе не кормили—надо было покупать ѣду на свои деньги.

— Да что вы-то сдѣлали? я же ничего не знаю!

— У меня нашлась книга, принадлежавшая тому, кто бросилъ бомбу.

— И больше ничего?

— А теперь высылаютъ изъ Швейцаріи, объявляетъ онъ мрачно уставившись въ полъ. Я возьму вашъ чемоданъ, прибавляетъ онъ, оживившись. Мой не годится.

— Возьмите, но и мой плохъ, соглашаюсь я.

И черезъ нѣсколько дней Шт. съ чемоданомъ совсѣмъ исчезаетъ изъ моей жизни, а не только уѣзжаетъ изъ Ц. Никогда больше не встрѣчаю я этого милаго мальчика и не знаю, что съ нимъ потомъ случилось.

Семестръ кончается, и я сама навсегда расстаюсь съ Ц. и со своимъ студенчествомъ.

Уѣзжаю въ Л., а потомъ въ П. Въ Дмитровѣ умираетъ 29-го августа отецъ. Я съ нимъ 10 дней, и мы расстаемся уже навѣки.

Больше учиться я не могу. Для этого нѣтъ теперь денегъ—приходится оставаться въ Россіи и заниматься совсѣмъ другимъ.

М. Безобразова.

Открыта подписка на 1914 годъ на органъ финансовой
и торгово-промышленной жизни

Финансовое --- --- Обозрѣніе

(Годъ изданія 5-й). Журналъ будетъ выходить еженедѣльно,
при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ
экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ
рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ госу-
дарственного и народного хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ точныя сообщенія
о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ цен-
тровъ Европы, анализы дѣятельности акціонерныхъ бан-
ковъ и столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и
Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ
Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія и отчеты по Золотопромышленной, Нефтяной, Хлопко-
вой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной
промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является единственнымъ
еженедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ най-
детъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, по всѣмъ интересующимъ
его вопросамъ.

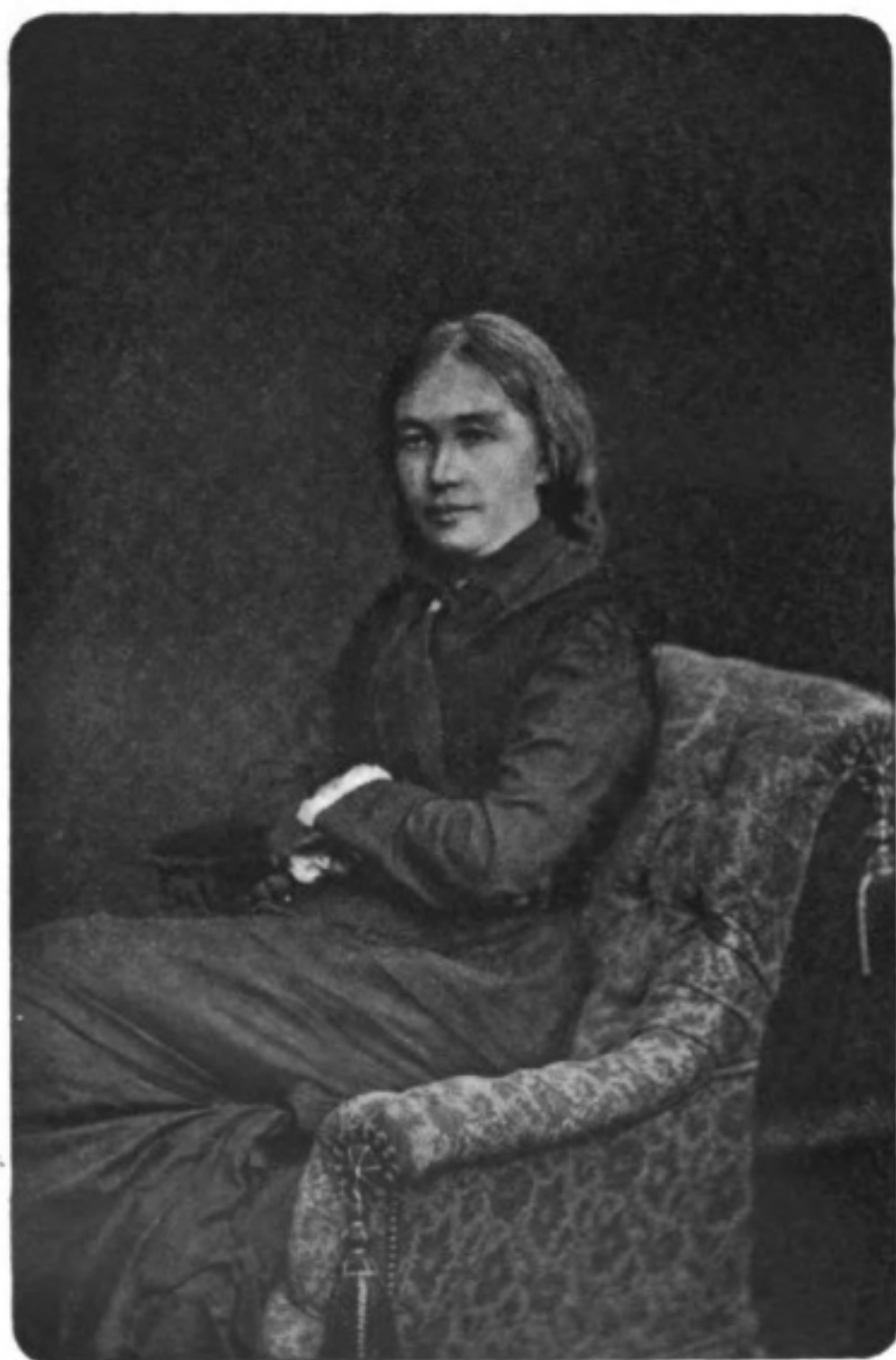
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ и въ провинціи на годъ, 8 р. на 6 мѣс. 5 р.
За границу „ 10 р. „ 6 р.

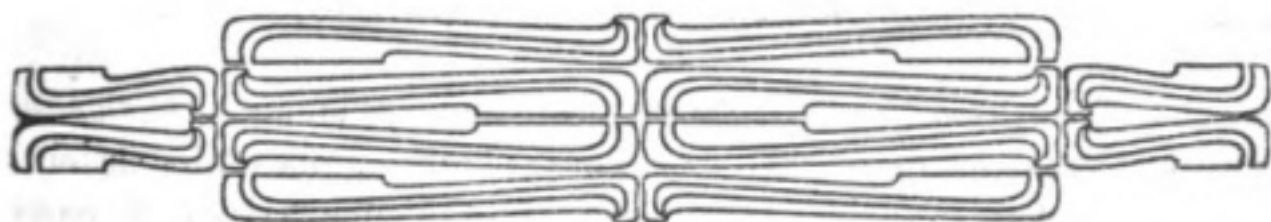
Контора и редація: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редаціи жур-
нала и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Н. А. Нотовичъ.

АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВНА
ПЛЕТНЕВА.

Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣателя.

XX¹⁾.

Присяжные засѣдатели.

Серьезной причиной оправдательныхъ приговоровъ, волнующихъ общественное мнѣнiе, потому что ни въ событiи тяжкаго преступленiя, ни въ сознательной виновности въ послѣднемъ подсудимаго не можетъ быть никакого сомнѣнiя—являлись, какъ я уже говорилъ, не только руководящiя напутствiя, но также и *разъясненiя* предсѣдателя *присяжнымъ ихъ правъ и обязанностей*, дѣлаемые въ началѣ каждой сессiи, въ связи съ приводомъ къ присягѣ. Они далеко не всегда,— по крайней мѣрѣ за то время, когда я служилъ въ „дѣйствующей армiи“ судебного вѣдомства,—соотвѣтствовали своему назначенiю. Въ нихъ больше всего обращалось вниманiе присяжныхъ на технику ихъ работы, и лишь упоминались вскользь вопросы о *внутреннемъ убѣжденiи*, о *сомнѣнiи*, о значенiи признанiя присяжными подсудимаго „заслуживающимъ снисхожденiя по обстоятельствамъ дѣла“ и т. п. Между тѣмъ именно по этимъ вопросамъ прежде всего слѣдуетъ вооружить присяжныхъ здравыми и правильными понятiями. Излишне говорить, какъ важно, напримѣръ, разъясненiе присяжнымъ разницы между сомнѣнiемъ въ виновности, остающимся послѣ тщательнаго взвѣшиванiя всего, что говоритъ за и противъ нея, и тѣмъ сомнѣнiемъ, которое легко возникаетъ тамъ, гдѣ умственная работа недостаточно напряжена или гдѣ легко возникающее сомнѣнiе даетъ соблазнительный поводъ отъ этой умственной работы уклониться. Точно такъ же необходимо съ полной ясностью и нагляд-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Январь 1914 г.

ностью объяснить присяжнымъ, что ихъ рѣшеніе, въ основу котораго должно быть положено внутреннее убѣжденіе, не есть простое мнѣніе ихъ по дѣлу, а является чреватымъ послѣдствіями для подсудимаго и для общества приговоромъ ихъ совѣсти, призываемой ограждать общество и отъ поощренія зла путемъ безнаказанности преступленія, и отъ того несчастія, которымъ должно быть признано осужденіе невиннаго. Къ сожалѣнію, мы имѣемъ еще меньше печатныхъ образцовъ такихъ объясненій присяжнымъ, чѣмъ печатныхъ руководящихъ напутствій, такъ что почти нѣтъ примѣровъ для подражанія или руководства. Мнѣ извѣстно лишь одно такое объясненіе, превосходное по формѣ и по содержанію, произнесенное при открытіи сессіи присяжныхъ моимъ старымъ сослуживцемъ, товарищемъ предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда В. К. Случевскимъ, и напечатанное въ „Новомъ Времени“ 1879 года № 309.

Я уже говорилъ въ моихъ воспоминаніяхъ о дѣлѣ Жюжанъ о томъ, какъ мало обращалось у насъ долгое время вниманія на выработку руководящихъ напутствій и какъ большинство изъ нихъ отличалось безцвѣтностью и отсутствіемъ внутренняго содержанія, которое должно бы содѣйствовать облегченію задачи присяжныхъ. Печать, удѣляя по громкимъ процессамъ мѣсто рѣчамъ сторонъ, почти никогда не помѣщала рѣчи предсѣдателя, такъ что даже и тамъ, гдѣ она представляла полезный образецъ для подражанія, эта рѣчь оставалась неизвѣстной никому, кромѣ присутствовавшихъ. Такимъ образомъ, пропали для изученія и подражанія нѣкоторыя изъ слышанныхъ мною превосходныхъ напутствій присяжнымъ со стороны А. А. Сабурова въ Петербургѣ и Э. Я. Фукса въ Харьковѣ. По этой же причинѣ нынѣ я могъ бы указать лишь на напечатанныя руководящія напутствія А. М. Кузминскаго въ Петербургскомъ окружномъ судѣ по дѣлу Меранвиль - де - Сенклера и одного изъ товарищей предсѣдателя Московскаго окружнаго суда по дѣлу официанта Куликуна, обвиняемаго въ сводничествѣ своихъ малолѣтнихъ дочерей, -- какъ воплію отвѣчающую своему значенію и назначенію. Не могу не выразить при этомъ крайняго сожалѣнія, что превосходныя напутствія нынѣшняго предсѣдателя Петербургскаго окружнаго суда С. В. Кудрина не были напечатаны. Но за то я могъ бы отмѣтить цѣлый рядъ слышанныхъ мною руководящихъ напутствій, состоявшихъ изъ усыпительнаго повторенія статей закона или изъ такихъ толкованій, которыя вносили смуту въ

умы присяжныхъ и вызывали недоумѣнія даже въ участвующихъ въ дѣлѣ лицахъ. Такимъ было, напримѣръ, ничѣмъ не вызванное тяжкодумное объясненіе разницы между заявленіемъ о *подложѣ* акта и споромъ о его *недѣйствительности*,—объясненіе, вслушиваясь въ которое можно было добросовѣстно признать, что никакой разницы между ними не существуетъ; или авторитетное объясненіе различія между *выемкой* и *обыскомъ*, сводившееся къ тому, что когда *ищутъ*, то это обыскъ, а когда что-нибудь при этомъ *нашли*, то это выемка. Вообще говоря, на предварительную, спокойную и обдуманную подготовку руководящаго напутствія вѣдъ судебнаго засѣданія и теченія судебного слѣдствія, особливо по серьезнымъ и сложнымъ дѣламъ, у насъ, повидимому, обращалось мало вниманія, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень важное объясненіе о составѣ преступленія, его существенныхъ признакахъ и общественномъ значеніи можетъ быть обдумано и построено еще до открытія судебного засѣданія. Между тѣмъ я помню случаи, гдѣ въ этомъ отношеніи допускалась торопливая импровизація или обдумываніе предстоящаго напутствія совершалось въ самый разгаръ преній сторонъ, безъ необходимаго сосредоточенія вниманія на нихъ предсѣдателя. Такъ, мнѣ пришлось въ Сенатѣ участвовать въ разсмотрѣніи дѣла, въ которомъ сторонами въ рѣчахъ были сдѣланы совершенно недопустимые на судѣ выпады противъ подсудимаго и нѣкоторыхъ свидѣтелей, направленные къ возбужденію и разжиганію племенныхъ страстей и оставленные предсѣдательствовавшимъ не только безъ своевременной остановки беззастѣнчиво зарвавшихся противниковъ, но и безъ всякаго указанія въ руководящемъ напутствіи на ихъ болѣе, чѣмъ неумѣстный характеръ. Въ объясненіи, представленномъ Сенату, этотъ предсѣдатель наивно говорилъ, что не могъ обратить вниманія на такіе выходки, потому что былъ погруженъ во время судебныхъ преній въ подготовленіе своего „резюме“. Этотъ „погруженный въ обдумыванье“ предсѣдатель, не отдающій себѣ отчета въ происходящемъ вокругъ, напоминаетъ мнѣ невольнаго рассказъ объ одномъ предсѣдателѣ, находившемся въ такихъ же условіяхъ. Въ то время, когда онъ всецѣло отдавался созерцанію мысленной постройки своего будущаго напутствія присяжнымъ, стоящій сбоку подсудимаго, бывшаго подъ стражею, солдатъ задремалъ и наклонилъ ружье въ сторону присяжныхъ. Ихъ это стало тревожить и, наконецъ, старшина, перебивая рѣчь защитника, воззвалъ къ предсѣдателю: „А? что?“ спросилъ тотъ, оторванный отъ своей творче-

ской работы, и еще весь находясь подъ ея вліяніемъ. „Да вотъ, господинъ предсѣдатель, вотъ этотъ нижній чинъ такъ держитъ ружье... присяжные опасаются... какъ бы оно не выстрѣлило... вѣдь кого-нибудь изъ насъ убить можетъ“...— „Убить? разсѣянно сказалъ предсѣдатель, все еще пребывая въ своемъ автогинозѣ: но вѣдь у насъ есть *запасные* (т.-е. присяжные засѣдатели)!“.

Я давалъ заключеніе въ Сенатѣ по надѣлавшему шуму дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Саратовско-Симбирскомъ земельномъ банкѣ. Важнѣйшимъ изъ основаній къ отмѣнѣ приговора присяжныхъ послужило въ немъ руководящее напутствіе предсѣдателя Тамбовскаго окружнаго суда, въ которомъ онъ совѣтовалъ присяжнымъ засѣдателямъ „обогащать свою житейскую опытность наблюденіемъ за тѣмъ, какъ себя выказываютъ и проявляютъ своимъ поведеніемъ во время засѣданія подсудимые“, т.-е. рекомендовалъ имъ самыя неправильныя, смутныя и неустойчивыя основанія для сужденія о человѣкѣ, поставленномъ въ условія для него необычныя, тягостныя и роковыя. Затѣмъ онъ внушалъ присяжнымъ, что возложеніе уголовной кары на людей, „увлекшихся теченіемъ и направленіемъ времени“ и которые „не пожелали оставаться на скромныхъ ступеняхъ житейской лѣстницы, а пустились въ аферы, спекуляціи и биржевую игру, было бы равносильнымъ неисполненію возложенной на присяжныхъ обязанности, такъ какъ подложные документы, счета и отчеты были составлены въ данномъ случаѣ людьми, которые, лишь вслѣдствіе сложившихся, быть можетъ, въ ихъ жизни обстоятельствъ, не захотѣли ограничиться ролью труженика и мирнаго гражданина, но, вслѣдствіе среды, въ которой вращались, и неособеннаго умственного развитія и направленія, пожелали плавать шире и глубже“. Не меньшее значеніе имѣютъ и неправильныя объясненія предсѣдателя присяжнымъ способа оцѣнки ими доказательствъ, а также разъясненіе имъ ограничительныхъ отвѣтовъ на вопросы, ставящіе ихъ иногда въ безвыходное положеніе. Такимъ образомъ пришлось отмѣнить оправдательный приговоръ присяжныхъ о жестокомъ и возмутительномъ убійствѣ, по которому на ихъ разрѣшеніе былъ поставленъ вопросъ о виновности съ двумя отягощающими обстоятельствами: обдуманномъ заранее намѣреніемъ и предварительнымъ съ другими соглашеніемъ, при чемъ присяжные, не находя въ дѣлѣ признаковъ этихъ отягощающихъ обстоятельствъ, просили предсѣдателя объяснить имъ, могутъ ли они въ своемъ отвѣтѣ таковыя отвергнуть?

Предсѣдатель имъ сказалъ, что отрицаніе этихъ обстоятельствъ не можетъ имѣть вліянія на судьбу подсудимаго, поставивъ ихъ тѣмъ въ необходимость или вопреки своему убѣжденію признать эти обстоятельства, или, если совѣсть ихъ съ этимъ не мирилась, то оправдать подсудимаго. Они избрали второе.

Необходимымъ условіемъ для руководящаго напутствія является разумная увѣренность предсѣдателя въ законмѣрности и житейской цѣлесообразности даваемыхъ имъ разъясненій, въ которыхъ, разбирая относительную силу представленныхъ доказательствъ для правильного уразумѣнія ихъ присяжными, онъ не долженъ однако обнаруживать личнаго мнѣнія о винѣ или невинности подсудимаго. Къ сожалѣнію, далеко не всегда напутствіе удовлетворяетъ этому требованію. Анализъ вѣса и значенія доказательствъ по дѣлу въ видѣ общихъ началъ, преподаваемыхъ присяжнымъ, дѣло не легкое и требующее большой вдумчивости, а фарватеръ между Сциллой и Харибдой обвиненія и оправданія узокъ и извилистъ. Поэтому бываютъ случаи, когда въ дѣлахъ, требующихъ именно вѣскаго и твердаго слова, въ напутствіи проявляются неувѣренность и колебаніе или, наоборотъ, вмѣсто разбора доказательствъ навязываніе присяжнымъ своего мнѣнія о виновности, приводящее къ отрицательнымъ результатамъ. Тамъ, гдѣ предсѣдатель, вмѣсто судьи, обращается въ дополнительнаго прокурора, напоминая президентовъ французскихъ ассизовъ, съ ихъ всегдашнимъ предубѣжденіемъ противъ подсудимаго, тамъ присяжные обыкновенно теряютъ довѣріе къ его разъясненіямъ и склонны рѣшать дѣло, какъ выражается народъ, „своимъ средствѣмъ“. Выдающійся примѣръ такого рода былъ предметомъ моего доклада въ Сенатѣ по громкому дѣлу о священникѣ Тимофеевѣ, обвинявшемся вмѣстѣ со своимъ работникомъ въ лишеніи жизни крестьянина Аксенова съ цѣлью продолженія связи съ женою послѣдняго, которая еще малолѣтнею была развращена и растлѣна подсудимымъ. По этому дѣлу предсѣдатель просилъ присяжныхъ, возстановляя въ своей памяти обстоятельства дѣла, не руководиться его собственнымъ ихъ изложеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставить вовсе безъ обсужденія показанія одного изъ свидѣтелей, какъ данное разнорѣчиво при дознаніи, слѣдствіи и на судѣ. Такимъ образомъ имъ, въ сущности, была упразднена необходимость возстановленія истинныхъ обстоятельствъ дѣла, что придало его напутствію характеръ безцѣльной траты времени. Въ этомъ дѣлѣ, возбуждавшемъ страстное къ себѣ отношеніе, предсѣдатель предоставилъ присяжныхъ исключительно

ихъ собственнымъ силамъ и снабдилъ ихъ совершенно неправильнымъ совѣтомъ не утруждать себя сопоставленіемъ разнорѣчивыхъ показаній свидѣтеля, а оставить ихъ вовсе безъ разсмотрѣнія. Какъ далеко это отъ тѣхъ здравыхъ взглядовъ на руководящее напутствіе, которыхъ держится англійская судебная практика. Вотъ что, между прочимъ, сказалъ сэръ Кокбернъ въ своемъ напутствіи присяжнымъ въ знаменитомъ процессѣ самозванца Тичборна: „По мнѣнію моему, тотъ судья не исполняетъ долга своего, который только воспринимаетъ приводимыя доказательства съ тѣмъ, чтобы ихъ передать потомъ присяжнымъ, не указывая на существенные факты и на тѣ выводы, которые изъ нихъ естественно, неизбежно вытекаютъ. Судья долженъ устанавливать вѣсы правосудія такъ, чтобы они висѣли ровно, но онъ обязанъ вмѣстѣ съ тѣмъ слѣдить за тѣмъ, чтобы всѣ обстоятельства дѣла, по мѣрѣ того, какъ они раскрываются, клались сообразно той категоріи, къ которой они принадлежатъ, въ ту или другую чашу вѣсовъ. Его дѣло позаботиться о томъ, чтобы заключенія, къ которымъ приводятъ послѣдовательно факты, были указаны присяжнымъ, и поддерживать себя при этомъ отраднымъ сознаніемъ, что, если онъ ошибется, то подъ бокомъ у него находятся двѣнадцать человѣкъ, знакомыхъ съ явленіями ежедневной жизни, которые исправятъ ошибки, въ которыя онъ быть можетъ впалъ. Но если одна чаша вѣсовъ перетянетъ другую при разложеніи обстоятельствъ дѣла на вѣсахъ, то это не вина судьи, а является лишь плодомъ дѣйствительности“.

Встрѣчались въ моей практикѣ, къ прискорбію, и обратные случаи, гдѣ предсѣдатель, оцѣнивая доказательства, дѣлалъ это въ такой формѣ, которая, оскорбляя участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, въ то же время содержала и явное мнѣніе о виновности или невиновности подсудимаго. Такъ, согласно съ моимъ заключеніемъ, Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу, въ которомъ предсѣдатель охарактеризовалъ подлежащее рѣшенію присяжныхъ дѣло пословицей: „на то и щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ“,—и неоднократно называлъ подсудимаго „щукой“. Выдающееся и очень характерное въ этомъ же отношеніи дѣло доходило до Сената изъ Московскаго окружного суда. Одинъ изъ извѣстныхъ московскихъ негоціантовъ, желая отдѣлаться отъ иностранной артистки, учившейся играть на арфѣ, подбросилъ ей свой золотой портсигаръ и обвинилъ ее въ кражѣ. Живость обвиненія, удостовѣренная судебнымъ разбирательствомъ и слѣдствіемъ, вызвала преданіе его суду за ложный доносъ. Товарищъ предсѣдателя, допустившій защитника подсу-

димаго безвозбранно сказать по адресу потерпѣвшей, что хотя она и говоритъ, что училась играть на арфѣ, „но всѣмъ ясно, на какомъ инструментѣ играла эта госпожа“, со своей стороны въ руководящемъ напутствіи позволилъ себѣ выразиться: „вы, быть можетъ, г. г. присяжные засѣдатели, скажете себѣ, что наука, которую она хотѣла себѣ усвоить, была наука не въ сферѣ искусства, а наука страсти нѣжной, о которой упоминаетъ поэтъ, но только на денежной подкладкѣ“. Сенатъ призналъ такое поведеніе предсѣдателя непозволительнымъ и въ установленномъ порядкѣ передалъ его суду за бездѣйствіе власти по отношенію къ защитнику и за совершеніе при отправленіи должности непристойнаго поступка (2-ая часть 347 ст. Улож. о наказ.). Но этимъ дѣло не кончилось. Судебная Палата нашла однако въ дѣйствіяхъ обвиняемаго лишь простое упущеніе, выразившееся въ нѣкоторомъ недостаткѣ вниманія по отношенію къ допущенному имъ „игривому“ (?) выраженію, не заключающему въ себѣ ничего непристойнаго. такъ какъ слова о „наукѣ страсти нѣжной“ заимствованы изъ „Евгенія Онѣгина“—романа, читаемаго въ институтахъ благородныхъ дѣвицъ. Этотъ, въ свою очередь, „игривый“ приговоръ не былъ однако опротестованъ прокуратурой. Сенатъ, разсмотрѣвъ въ порядкѣ надзора дѣйствія Палаты и признавъ ея разсужденія явно неосновательными и ошибочными, сдѣлалъ замѣчаніе самой Судебной Палатѣ, а о бездѣйствіи прокурорскаго надзора передалъ на усмотрѣніе министра юстиціи. Вообще предсѣдатель въ своемъ руководящемъ напутствіи никогда не долженъ забывать второй части уже приведенный мною цитаты изъ Пушкина: „блаженъ, кто въ сердцѣ усыпляетъ или давитъ мгновенно прошипѣвшую змѣю“. Еще недавно предсѣдателемъ по дѣлу генерала Левашова, обвинявшагося въ убійствѣ земскаго начальника Шпанова подъ вліяніемъ жестокаго оскорбленія, нанесеннаго ему послѣднимъ,—былъ данъ примѣръ совершеннаго непониманія этого золотого правила, и по отношенію къ подсудимому, не имѣющему права возражать и возможности защищаться, въ напутствіи былъ употребленъ тонъ и способъ выраженій, недопустимый въ устахъ предсѣдателя, понимающаго свои обязанности.

Постановка вопросовъ присяжнымъ засѣдателямъ составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ суда. Отъ умѣлаго ея выполненія въ большинствѣ случаевъ зависитъ правильный отвѣтъ присяжныхъ. Поэтому законъ даетъ въ рядѣ статей подробныя указанія о содержаніи и формѣ вопросовъ, при чемъ требуетъ, чтобы предлагаемые присяжнымъ вопросы составлялись въ об-

щеупотребительныхъ выраженійхъ, а не въ видѣ принятыхъ закономъ опредѣленій. Нельзя однако сказать, чтобы отъ этихъ правилъ не дѣлались довольно частыя отступленія, ставящія иногда присяжныхъ втупикъ или заставляющія ихъ отвѣчать на непонятныя имъ юридическіе термины, недостаточно разъясненные предсѣдателемъ; къ тому же эти вопросы то страдаютъ чрезмѣрной краткостью, допускающей произвольныя толкованія, то содержать въ себѣ такое изложеніе фактической стороны событія преступленія, со включеніемъ въ него уликъ и доказательствъ, которое затемняетъ передъ присяжными смыслъ ожидаемаго отъ нихъ отвѣта. Къ сожалѣнію, я не нахожу возможнымъ привести здѣсь редакціи нѣкоторыхъ вопросовъ, предложенныхъ по дѣламъ, разбираемымъ при закрытыхъ дверяхъ. Въ нихъ преступленіе описывалось съ такими ненужными подробностями и перечисленіемъ уликъ судебно-медицинскаго характера, что, смѣшивая существенное съ несущественнымъ и случайнымъ, разсѣивая, а не концентрируя вниманіе присяжныхъ, эти вопросы могли бы зато доставить лакомое развлеченіе любителямъ фривольнаго чтенія. Одинъ изъ такихъ вопросовъ, по дѣлу о покушеніи на изнасилованіе, представляя массу вводныхъ и придаточныхъ предложеній, занималъ три страницы убористаго письма! На-ряду съ этимъ требованіе *общепонятныхъ* выраженій понимается нашей судебной практикой весьма своеобразно, и это пониманіе со своей стороны влечетъ за собою добросовѣстное непониманіе присяжными — о какихъ именно признакахъ преступленія спрашиваетъ ихъ судъ? Такъ, вслѣдствіе указаній Сената признаются *вполнѣ* понятными для присяжныхъ, хотя бы и состоящихъ изъ крестьянъ, выраженія: „порицаніе“, „насиліе“, „оскорбленіе“, „тайное похищеніе“, и въ то же время считаются *не общепонятными* выраженія: „приготовиться“, „ошибка“, „умышленно“, „истязанія“, „растрата“ (вмѣсто этого рекомендовано *понятное* слово: „израсходованіе“), „намѣреніе“, „сопротивленіе“, „грабежъ“ и даже „открытое похищеніе“ и т. д. Такое едва-ли на чемъ-нибудь основанное раздѣленіе словъ богатаго и изобразительнаго русскаго языка на „понятныя“ и „непонятныя“ для народа, къ сожалѣнію, нашло себѣ мѣсто и въ новомъ Уголовномъ Уложеніи, гдѣ, напримѣръ, въ 550 статьѣ говорится о *поврежденіи* рыбы въ чужихъ водахъ посредствомъ отравленія воды, при чемъ въ объясненіяхъ къ ней проводится мысль, что это поврежденіе можетъ вызвать *истребленіе* рыбы. А въ проектѣ Уложенія, очевидно признаваемое „непонятнымъ“ народу слово *поджогъ* было замѣнено выраже-

ніемъ *поврежденіе онемъ*, которое Особое совѣщаніе при Государственномъ Совѣтѣ замѣнило словами *поврежденіе поджоюмъ*, тоже считая, что поврежденіе заключаетъ въ себѣ и понятіе истребленія. Въ своихъ—по меньшей мѣрѣ оригинальныхъ разсужденіяхъ Особое совѣщаніе, вопреки ясному смыслу русскаго языка, нашло, что „поврежденіе чужой вещи проявляется не только въ формѣ ея порчи, но и въ истребленіи, которое уже заключается въ понятіи поврежденія, имѣющемъ много степеней, начиная съ самаго незначительнаго измѣненія, имѣющаго вліяніе лишь на существо или назначеніе вещи, и кончая полнымъ ея истребленіемъ. Слѣдуетъ при этомъ принять также во вниманіе, что, строго говоря, въ природѣ ничто не уничтожается и не истребляется, а только *трансформируется*“.—Дозволительно усомниться, чтобы обыкновенный русскій присяжный засѣдатель, не изучившій книги Моешотта „Kreislauf des Lebens“, могъ ясно представить себѣ, что сгорѣвшій до-тла домъ, скирда, изгородь и т. п. не уничтожены, а лишь повреждены или *трансформированы*, или что отбитіе у статуи пальца или у бюста кончика носа или разбитіе цѣлаго барельефа на мелкіе осколки одинаково покрываются словомъ *поврежденіе*.

За состоявшеюся отмѣной широкаго права *немотивированнаго отвода* присяжныхъ указывать вредъ такого права сторонъ не приходится. Но слѣдуетъ замѣтить, что въ прежніе годы, благодаря ему, не только составлялось болѣе или менѣе тенденціозное съ точки зрѣнія прокурора или защитника, присутствіе присяжныхъ по дѣлу, но очень часто совершенно исключался наиболѣе подходящий для суда элементъ въ лицѣ развитыхъ и образованныхъ людей, если предстоялъ процессъ о нарушеніяхъ изъ области банковской, акціонерной или служебной дѣятельности, неясной въ своихъ тонкостяхъ и спеціальныхъ условіяхъ для простыхъ людей. Это стремленіе къ союзу съ предполагаемымъ невѣжествомъ и темнотою даже не умѣрялось коррективомъ *мотивировки*, какъ это дѣлается въ Англіи, или провозглашеніемъ именъ отводимыхъ, какъ это существуетъ въ Германіи. Въ особенности право прокурора вычеркивать изъ списка присяжныхъ шесть человѣкъ представлялось мнѣ всегда несогласнымъ съ ролью государственнаго обвинителя, который долженъ стоять выше мелочныхъ заподозриваній и не подбирать ни судей, ни законы, употребляя выраженіе великаго Петра „масть къ масти“. Поэтому въ бытность мою прокуроромъ я никогда не отводилъ никого изъ присяжныхъ засѣдателей въ надеждѣ, что правое дѣло само постоитъ за себя безъ ненужнаго оскорбленія от-

дѣльныхъ присяжныхъ засѣдателей, которые всегда легко могли догадаться о послѣдовавшемъ отводѣ вслѣдствіе совершенно произвольнаго сомнѣнія въ ихъ безпристрастіи. Этого же образа дѣйствій рекомендовалъ я держаться и моимъ товарищамъ, и, хотя отсутствіе прокурорскихъ отводовъ и вызывало недоумѣніе у высшихъ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, но я не слышалъ ни одного заявленія моихъ сослуживцевъ о томъ, что оправдательный приговоръ послѣдовалъ вслѣдствіе предполагаемаго вреднаго вліянія того или другого изъ неотведенныхъ присяжныхъ.

Нужно ли затѣмъ говорить о томъ, какіе результаты вызывало до послѣдняго времени *сокрытіе отъ присяжныхъ наказанія*, грозящаго подсудимому — эта своеобразная игра съ ними въ прятки? Конечно, присяжные, исполняя свою обязанность, должны разсматривать обстоятельства, которыми было окружено и сопровождалось преступленіе, такъ сказать, смотря назадъ отъ событія преступленія, но нельзя требовать отъ нихъ, чтобы они не смотрѣли и впередъ, т.-е. на то, что послѣдуетъ съ подсудимымъ, котораго они судятъ. Если они имѣли право знакомиться съ личностью обвиняемаго, то, конечно, они должны были имѣть и право ознакомиться съ послѣдствіями ихъ приговора для подсудимаго. На практикѣ послѣ первыхъ двухъ—трехъ дѣлъ о кражахъ присяжные уже знали, какое наказаніе постигнетъ осужденнаго ими, но по цѣлому ряду другихъ дѣлъ имъ было извѣстно лишь то, что ихъ суду подлежатъ преступленія, сопряженные съ лишеніемъ правъ и иногда съ очень суровыми карами, а о томъ, какова эта кара, они составляли себѣ представленіе нерѣдко изъ разъясненій какого-нибудь случайно находившагося въ ихъ средѣ самозваннаго юриста, считающаго себя знатокомъ уголовныхъ законовъ, потому что онъ служилъ въ уѣздномъ судѣ или полицейскомъ управленіи. Мнѣ пришлось председательствовать въ восьмидесятихъ годахъ по дѣлу сына купца-милліонера, извѣстнаго своимъ уголовнымъ процессомъ. Состоя въ связи съ одной женщиной, молодой человѣкъ ожидалъ, вслѣдствіе заявленія ея и приглашенной акушерки, вскорѣ сдѣлаться отцомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ приглашенъ къ умирающей родильницѣ, которая подарила ему сына. Уступая ея желанію, тронутый ея судьбой и рожденіемъ ребенка, который, по словамъ акушерки, былъ похожъ на него, какъ двѣ капли воды, онъ далъ ей шесть тысячъ рублей для того, чтобы успокоить ее, быть можетъ, въ послѣднія минуты ея жизни, за сына. Черезъ три дня акушерка пришла къ нему и сказала, что

съ такой мошенницей, какъ недавняя родильница, дѣла имѣть не желаетъ и щадить ея не хочетъ, такъ какъ будущая родильница общала 3.000 руб., а дала за труды только 300 руб. При этомъ она объяснила, что беременность была притворная, „гуттаперчевая“, а ребенокъ былъ взятъ напрокатъ. Такимъ образомъ возникло дѣло о шантажѣ, но, такъ какъ нашъ законъ шантажа не знаетъ до сихъ поръ, то по аналогіи приходилось примѣнить постановленія о мошенничествѣ. Подсудимыя сознались, а извѣстный адвокатъ Александровъ просилъ только о снисхожденіи, но присяжные послѣ четверти часа совѣщанія вынесли оправдательный приговоръ. И когда я въ разговорѣ со старшиной присяжныхъ указалъ на трудно объяснимый и странный результатъ ихъ совѣщаній, онъ мнѣ сказалъ: „помилуйте, г. председатель, кабы за это тюрьма была, то мы бы съ дорогой душой обвинили, а вѣдь за это каторжныя работы“. Когда же я ему указалъ, что подсудимымъ слѣдовало наказаніе отъ 1 до 3 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія, то старшина пришелъ въ крайнее изумленіе, сожалея, что они впади въ такую ошибку вслѣдствіе того, что въ составѣ присяжныхъ былъ отставной чиновникъ, который ихъ увѣрилъ, что за это преступленіе непременно должны быть назначены каторжныя работы. Это незнаніе о наказаніи особенно бывало вредно по дѣламъ о преступленіяхъ, кончающихся лишеніемъ жизни. Есть между этими преступленіями такія, которыя вовсе не заслуживаютъ и не влекутъ по закону высшаго по строгости наказанія—каторжныхъ работъ. Таково, наприкладъ, убійство въ дракѣ, нанесеніе побоевъ безъ умысла на убійство, но вызвавшее, однако, смерть, убійство новорожденного уродя, не имѣющаго человѣческаго образа и т. п. Между тѣмъ, всѣ эти дѣла подсудны присяжнымъ засѣдателямъ. У нихъ являлась мысль: тутъ убійство, смерть, а разъ смерть, конечно, будетъ и самое строгое наказаніе, каторга. Имъ никто не имѣлъ права объяснить, что тутъ о каторгѣ нѣтъ и помину, что тутъ наказаніе гораздо болѣе слабое. Защитникъ не имѣлъ права упоминать о наказаніи, но иногда онъ говорилъ горячую рѣчь, въ концѣ которой его паеосъ увеличивался, и рѣчь кончалась обыкновенно словами: „г. г. присяжные засѣдатели, я надѣюсь, что вашъ приговоръ не заставитъ подсудимаго въ тундрахъ Сибири, подъ холоднымъ полярнымъ кругомъ, въ снѣгахъ и стужѣ, вспоминать нынѣшній роковой день“. Председатель восклицалъ: „Вы не имѣете права говорить о наказаніи!“ Защитникъ отвѣчалъ: „Я кончилъ“. Затѣмъ подсудимый говорилъ послѣднее слово. Но какъ удержать простаго человѣка—а ихъ

большинство—отъ того, чтобы онъ не сказалъ: „помилюте, кормильцы, куда же вы меня теперь въ Сибирь: у меня жена, дѣти“... Не даромъ въ 1895 г. съѣздомъ старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ большинствомъ 19 противъ 1 было признано необходимымъ въ цѣляхъ правосудія допустить оглашеніе передъ присяжными наказанія, которое грозитъ обвиняемому. Однако это пожеланіе осуществлено лишь чрезъ 15 лѣтъ...

Нельзя затѣмъ не отмѣтить и тѣхъ *неудобныхъ*, но, къ сожалѣнію, трудно отвратимыхъ *условій*, которыя косвеннымъ образомъ могутъ отражаться на настроеніи и расположеніи духа присяжныхъ засѣдателей, нарушая въ нихъ сосредоточенность, душевное равновѣсіе и спокойствіе, столь необходимое при исполненіи ихъ важной обязанности. Присяжные по всѣмъ дѣламъ, имѣющимъ серьезное значеніе, окружены своего рода оградой, которая стойко поддерживается съ разныхъ сторонъ всѣми участвующими въ процессѣ,—черезъ которую никто и ничто не переходитъ и у входа въ которую стоитъ кассачія, какъ библейскій ангелъ со своимъ мечомъ. Но сдѣлано ли что-либо для присяжныхъ внутри этой ограды—одинаковое и равномерное повсюду? Созданы ли условія, устраняющія ихъ физическое и нравственное утомленіе? Приходится отвѣчать отрицательно. Пребываніе присяжныхъ въ судѣ по дѣламъ, длящимся не только нѣсколько дней, но и цѣлыя недѣли и болѣе (харьковское дѣло о злоупотребленіяхъ въ Таганрогской таможнѣ продолжалось шесть недѣль), представляетъ для нихъ во многихъ отношеніяхъ тяжелое испытаніе. Указанія Сената и основанная на нихъ практика судовъ представляютъ значительныя колебанія. Такъ разрѣшеніе отпуска присяжныхъ домой и освобожденіе ихъ отъ отяготительнаго ночного пребыванія въ судѣ ставилось сначала, въ теченіе долгаго времени, въ зависимость отъ важности обстоятельствъ дѣла. Затѣмъ было разрѣшено дѣлать различіе между угрожающимъ подсудимому *уголовнымъ* или *исправительнымъ* наказаніемъ. Потомъ признано допустимымъ отпускать присяжныхъ и при угрозѣ уголовнымъ наказаніемъ при полной невозможности оставаться имъ въ зданіи суда. Наконецъ, циркулярнымъ указомъ Сената по дѣламъ, влекущимъ уголовное наказаніе, такой отпускъ не дозволенъ „ни подъ какимъ видомъ“. Послѣ этого указа, однако, снова начались колебанія, и отпускъ присяжныхъ домой возлагается всецѣло на отвѣтственность предсѣдателя и не служитъ поводомъ къ отмѣнѣ приговора, если не будетъ доказано, что присяжные со вредомъ для безпристрастія ихъ рѣшенія входили въ сно-

шеніе съ кѣмъ-либо изъ постороннихъ. Въ виду всего этого въ дѣлахъ, представляющихъ особую важность по возбуждаемому ими въ обществѣ интересу или волненію, присяжные засѣдатели безусловно лишаются иногда на долгое время свободы. Не говоря уже о томъ, что въ большей части провинціальныхъ судовъ, при постройкѣ новыхъ зданій или приспособленіи старыхъ, на устройство отдѣльныхъ помѣщеній для ночлега присяжныхъ не было обращено особаго вниманія, а въ уѣздныхъ городахъ, гдѣ происходятъ выѣздыя сессіи, такихъ помѣщеній и вовсе не существуетъ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы и въ столицахъ и въ наиболѣе крупныхъ центрахъ эти помѣщенія были устроены съ необходимыми удобствами и предусмотрительностью. Но даже если бы таковыя и существовали, то есть рядъ причинъ, по которымъ безотлучное пребываніе присяжныхъ въ судѣ въ теченіе долгаго времени не можетъ не вліять на нихъ удручающимъ образомъ. Стоитъ представить себѣ картину пребыванія присяжныхъ въ судѣ при очень длинныхъ засѣданіяхъ въ насильственномъ сообществѣ людей, весьма часто по своему воспитанію, образу жизни, привычкамъ общенія и т. п. чуждыхъ другъ другу. Необходимость оставить надолго управленіе домашними или торговыми дѣлами, служебныя или профессиональныя занятія не можетъ не нарушать душевнаго спокойствія присяжныхъ, тревожа ихъ и заставляя невольно задаваться мыслью: „а что-то тамъ, дома, въ лавкѣ, въ бюро и т. д.“ Плохія гигиеническія и дорогія кулинарныя условія вмѣстѣ съ отсутствіемъ оживляющихъ впечатлѣній, особливо тамъ, гдѣ, до девяностыхъ годовъ, иногда цѣлыми днями тянулась скучная и сложная бухгалтерская или банковская экспертиза, не могли не отражаться на присяжныхъ, усугубляясь долгое время еще и запрещеніемъ отпускать ихъ для прогулки въ зданіи или во дворѣ суда. Въ своемъ циркулярѣ по этому поводу Сенатъ говорилъ о предоставленіи присяжнымъ для отдыха *зала засѣданій*. Но имъ нужно движеніе, а не пребываніе въ залѣ, гдѣ цѣлый день находилось и дышало множество народа и гдѣ обычно не существуетъ правильно устроенной вентиляціи. Быть можетъ, все это въ нѣкоторыхъ случаяхъ и неизбежно, но нельзя не учитывать обращенія судебнаго помѣщенія въ изоляціонную камеру для присяжныхъ при оцѣнкѣ справедливости тѣхъ категорически-суровыхъ приговоровъ, которыми присяжные признаются не только виновными, но и не заслуживающими снисхожденія. И вотъ что еще надо замѣтить: коронныя суды во всѣхъ инстанціяхъ признаются—

и справедливо—гарантированными отъ постороннихъ вліяній и отъ разсѣянія своего вниманія и вдумчивости въ дѣло свиданіемъ съ семьей и пребываніемъ въ привычной домашней обстановкѣ, между тѣмъ, какъ ими рѣшаются, вмѣстѣ съ сословными представителями, дѣла о преступленіяхъ государственныхъ и противъ порядка управленія, влекущихъ за собою безсрочную каторгу и смертную казнь. То же признается и относительно сословныхъ представителей, которые при томъ далеко не всегда, за исключеніемъ неизмѣннаго волостного старшины, являются въ первоначальномъ составѣ, начертанномъ Судебными Уставами. Губернскихъ предводителей дворянства часто замѣняютъ уѣздные, а уѣздныхъ—члены депутатскихъ собраній и дворянскихъ опекъ, а городскихъ головъ—члены управъ и даже смотрители отдѣльных хозяйственныхъ городскихъ предпріятій. Если къ этому прибавить, что эти представители судейской присяги не приносятъ, то несовсѣмъ понятно, почему по отношенію къ нимъ не предпринимаются, хотя бы отчасти, тѣ мѣры огражденія, которыя признаются необходимыми для присяжныхъ засѣдателей. По отношенію къ послѣднимъ Сенатъ не допускаетъ, подъ угрозой отмѣны приговора, даже и простой, вызываемой необходимостью и совершенно не касающейся обстоятельствъ дѣла, бесѣды съ ними предсѣдателя суда. Въ извѣстномъ дѣлѣ Гулакъ-Артемовской, обвиняемой въ подлогѣ векселей, въ засѣданіи, длившемся нѣсколько дней,—судебное слѣдствіе было закончено въ началѣ перваго часа ночи. Присяжные засѣдатели, желавшіе вернуться домой, просили меня черезъ судебного пристава вести засѣданіе непрерывно до конца и не оставлять ихъ ночевать. Я отвѣчалъ отказомъ, предвидя, что рѣчи прокурора, двухъ защитниковъ и повѣреннаго гражданского истца, постановка вопросовъ и мое руководящее напутствіе займутъ съ необходимыми перерывами, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести часовъ, и что такимъ образомъ присяжные уйдутъ совѣщаться лишь около 7 часовъ утра, послѣ безсонной ночи. Присяжные, однако, настойчиво повторили свою просьбу, и я счелъ себя вынужденнымъ войти въ сопровожденіи судебного пристава въ ихъ комнату и объяснить имъ мотивы моего отказа, обративъ ихъ вниманіе на необходимость приступать къ рѣшенію участи подсудимой не подъ вліяніемъ крайняго утомленія и искусственнаго нервнаго возбужденія. Хотя Сенатъ, въ виду представленнаго мною объясненія и не отмѣнилъ по этому поводу обвинительнаго приговора, но, однако, призналъ, что въ крайнихъ случаяхъ предсѣдатель долженъ объясняться

съ присяжными въ присутствіи сторонъ, а не ограничиваться заявленіемъ имъ о существѣ происшедшей бесѣды при открытіи продолжающагося судебного засѣданія. Такой взглядъ, исполненный страннаго недовѣрія къ предсѣдателю суда, объясняющемуся *со всемъ составомъ* присяжныхъ засѣдателей, несогласный при томъ съ точнымъ смысломъ статьи 675 Устава Уголовнаго Судопроизводства, въ силу которой присяжнымъ засѣдателямъ воспрещается входить въ сношенія съ лицами, *не принадлежащими къ составу* суда, не получивъ на то *разрѣшенія предсѣдателя*, — вызвалъ на практикѣ не мало затрудненій. Приходилось, иногда по маловажнымъ поводамъ, во время перерывовъ судебныхъ засѣданій, посылать разыскивать представителей сторонъ и въ присутствіи ихъ разъяснять присяжнымъ какое-либо совершенно чуждое дѣлу житейское недоразумѣніе или объяснять невозможность удовлетворенія ихъ просьбы. Я уже не говорю о томъ, что бывають случаи, гдѣ присутствіе сторонъ стѣсняетъ присяжныхъ въ свободномъ выраженіи основаній своего желанія. Такъ, напримѣръ, нерѣдко именно излишнія и чрезмѣрно продолжительныя упражненія участниковъ судебныхъ преній въ элоквенціи и побуждаютъ присяжныхъ просить поскорѣе „отпустить ихъ душу на покаяніе“. Страхъ передъ входомъ предсѣдателя въ комнату присяжныхъ принималъ иногда трагикомическіе размѣры. Во второй половинѣ девяностыхъ годовъ старшій предсѣдатель одной изъ Судебныхъ Палатъ южной половины Россіи рассказывалъ мнѣ слѣдующій, трогательный за сердце и вмѣстѣ вызывающій невольную улыбку, случай. Во время засѣданія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей въ уѣздномъ городѣ заслуженный и весь отдавшійся судебному дѣлу товарищъ предсѣдателя почувствовалъ себя очень дурно. Его перенесли въ единственную непроходную комнату, изъ которой удалили на время присяжныхъ, и положили на диванъ. Старое усталое сердце отказывалось продолжать служить, но предъ кончиной умирающій пришелъ въ себя и спросилъ: „гдѣ я?“ — „Въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей“, былъ отвѣтъ. „Ахъ!“ воскликнулъ онъ съ волненіемъ и упрекомъ: „зачѣмъ это? вѣдь это *кассационный поводъ*!“ И это были его послѣднія слова...

Нужно ли затѣмъ говорить, какъ дѣйствуютъ *рѣчи сторонъ* въ смыслѣ утомленія присяжныхъ, направленія ихъ мысли по ложному пути и нарушенія спокойствія ихъ душевнаго настроенія, необходимаго для одинаково справедливой оцѣнки всѣхъ обстоятельствъ дѣла? Гораздо меньшая важность боль-

судѣ вскорѣ послѣ его открытія. Присяжные засѣдатели, просидѣвъ въ судѣ на двухъ дѣлахъ, приступили къ слушанію третьяго, весьма немногосложнаго, въ виду собственнаго сознанія подсудимаго въ кражѣ со взломомъ, и могли рассчитывать, что на этотъ день ихъ тяжелая обязанность скоро окончится. Но защитникъ оказался весьма словоохотливымъ и началъ свою рѣчь съ заявленія, что такъ какъ кража есть преступленіе противъ чужой собственности, то необходимо прослѣдить развитіе понятія о собственности, начиная съ перваго лица, положившаго ей, согласно утвержденію Жанъ-Жака Руссо, основаніе, вплоть до настоящаго времени. Затѣмъ въ теченіе часа, при благодушномъ попустительствѣ предсѣдателя, онъ разсматривалъ взглядъ на собственность у народовъ патріархальнаго и родового быта, а затѣмъ въ Египтѣ, Вавилонѣ, Римѣ и въ средніе вѣка. Присяжные—преимущественно изъ торговаго сословія—сидѣли, понутивъ голову. „Теперь перехожу къ обстоятельствомъ дѣла“, сказалъ защитникъ и, сдѣлавъ паузу, сталъ наливать себѣ стаканъ воды. Старшина присяжныхъ засѣдателей, старикъ-купецъ съ сѣдою бородою, поднялъ голову, взглянулъ на своихъ товарищей, посмотрѣлъ на образъ и на судей и, сказавъ громко: „ахе-хе-хе-хе!“ тяжело вздохнулъ и снова поникъ головою. „Я кончилъ“, неожиданно провозгласилъ защитникъ и, сконфуженный, сѣлъ на свое мѣсто. Надо къ этому замѣтить, что чѣмъ меньше судебный ораторъ въ засѣданіи, при перекрестномъ допросѣ, обнаруживаетъ знанія дѣла, тѣмъ больше въ его рѣчи банальныхъ, общихъ мѣстъ и пустопорожнихъ разсужденій, такъ что, слушая его, иногда невольно хотѣлось бы повторить восклицаніе Альфреда де-Виньи: „Mon Dieu, quel supplice! avoir une seule tête et deux oreilles par lesquelles on vient vous verser des sottises!“

Но не одно количество словъ составляетъ тернія для бѣдныхъ присяжныхъ засѣдателей. Наравнѣ съ нимъ играетъ роль и *качество* словъ, которыми ловко и искусственно подмѣнивается настоящій смыслъ понятій, и создается трескучая или сентиментальная фразеологія, содѣйствующая тому, что простые и здравыя понятія уступаютъ мѣсто болѣзненнымъ и ложнымъ. Благодаря искусно подобраннымъ софизмамъ извращается правильная перспектива дѣла, и вмѣсто обыкновеннаго слабовольнаго или увлеченнаго человѣка, нарушившаго уголовный законъ и впаившаго въ преступленіе, передъ глазами присяжныхъ изображаютъ или мрачнаго злодѣя или невиннаго агнца. „Я возстаю“,—писалъ въ своей статьѣ о дѣлѣ Тичборна Н. П. За-

кревскій, бывшій въ то время убѣжденнымъ защитникомъ суда присяжныхъ, — „противъ превращенія суда, въ которомъ засѣдаютъ присяжные, въ арену для высказыванія софизмовъ, для возбужденія всякаго рода эмоцій въ судящихъ и слушающихъ, для разрисовки ненужныхъ психологическихъ этюдовъ, для представленія зрѣлищъ, какъ говорилъ Миттермайеръ, которыя бы и дамамъ нравились (dass die Damen auch dabei ihr Vergnügen haben)“.— Некрасовъ со свойственною ему поэтической чуткостью подмѣтилъ и охарактеризовалъ проявленіе этого словеснаго блудословія. „Передъ вами стоятъ граждане чище снѣга Альпійскихъ вершинъ!“ восклицаетъ у него защитникъ. А что говоритъ обвинитель, явствуется изъ утѣшенія поэта подсудимому: „а невиненъ—отпустятъ домой, окативши ушатомъ помой“. Нѣтъ сомнѣнія, что эти крайности, практическіе примѣры которыхъ я уже приводилъ въ своихъ воспоминаніяхъ, не могутъ не вызывать невольной реакціи въ душѣ присяжныхъ засѣдателей и не нарушать равновѣсія въ ихъ сужденіяхъ. Самая *форма* выраженій повсюду, гдѣ относительная истина вырабатывается путемъ словесныхъ преній.—будетъ ли то судъ, ученый диспутъ или законодательное собраніе—играетъ немаловажную роль. Грубость или пошлость выраженій оставляютъ свой слѣдъ на слушателяхъ, иногда совершенно противоположный той цѣли, съ которой они были употреблены. Вообще говоря, шуточки, явительныя выходки и дешевое остроуміе не находятъ себѣ отголоска у присяжныхъ засѣдателей, которые именно потому, что для нихъ судъ дѣло не обычное и не повседневное, желаютъ и ищутъ серьезной обстановки для той работы, къ которой государство призываетъ ихъ совѣсть. Такія выходки, оскорбляя въ нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ чувство эстетическаго такта, почти у всѣхъ идутъ въ разрѣзъ съ ихъ нравственнымъ настроеніемъ. Одинъ присяжный засѣдатель рассказывалъ мнѣ, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на него и на его товарищей начало рѣчи обвинителя по дѣлу о дворникѣ, который въ сообществѣ съ кухаркой совершилъ кражу у ея хозяевъ. „Господа присяжные засѣдатели!“ развязно началъ обвинитель: „жилъ-былъ дворникъ, и жила-была кухарка. Снюхались они и...“—„Развѣ можно такъ говорить на судѣ?“ негодовали присяжные: „вѣдь это не за чаемъ въ трактирѣ!“ Я замѣчалъ со своей стороны, что обычно присяжные засѣдатели хранятъ серьезное молчаніе даже и тогда, когда показанія свидѣтеля заставляютъ судей невольно улыбнуться, и никогда во время двѣнадцатилѣтней работы съ присяжными

засѣдателями не видѣлъ я ихъ смѣющимися даже въ такія минуты, когда публикой овладѣвалъ неудержимый хохотъ.

Тѣ, кто кричитъ противъ отдѣльныхъ оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ засѣдателей, грѣшатъ тѣмъ, что или не знаютъ или не хотятъ знать о громадной *работѣ* присяжныхъ, почти ежедневно совершающейся на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, за исключеніемъ окраинъ, и о той массѣ вполне правильныхъ приговоровъ, о которыхъ никто изъ хулителей даже и не упоминаетъ. Свойственное нашему обществу забвеніе „вчерашняго дня“ сказывается и въ этомъ случаѣ. Рѣшенія присяжныхъ, дававшія нравственное удовлетвореніе общественной совѣсти суровымъ и заслуженнымъ словомъ осужденія виновнаго, никогда не вспоминаются тамъ, гдѣ общественная неосвѣдомленность или предубѣжденіе, не разбирая причинъ оправданія, выдвигаютъ огульное обвиненіе этого противъ суда. А между тѣмъ, я увѣренъ, что каждый судебный дѣятель можетъ припомнить въ своей практикѣ не одно изъ такъ называемыхъ громкихъ дѣлъ, въ которыхъ, несмотря на усилія блестящихъ представителей адвокатуры, присяжные—и подчасъ довольно скромнаго состава—вынесли обвинительный вердиктъ, не поддавшись „внушенію“ красивыхъ словъ и яркихъ декорацій и соблазну снять съ себя тяжесть отвѣтственности, ссылаясь на услужливое сомнѣніе или замѣщая настоящаго виновнаго отвлеченными подсудимыми, о которыхъ уже говорилъ въ началѣ этихъ страницъ. Я не могу не вспомнить безъ глубокаго уваженія къ суду присяжныхъ ряда процессовъ, гдѣ они съ честью разобрались въ самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ и свято исполнили свой долгъ передъ обществомъ. Дѣла Овсянникова (о поджогѣ паровой мельницы), игуменіи Митрофаніи (о подлогѣ векселей и духовнаго завѣщанія) говорятъ сами за себя. Но и по менѣе громкимъ, хотя иногда еще болѣе сложнымъ дѣламъ, по которымъ мнѣ приходилось выступать обвинителемъ или предсѣдательствовать (обвинительныя рѣчи и руководящія напутствія по которымъ собраны въ моей книгѣ „Судебныя рѣчи“), я не могу указать ни одного рѣшенія присяжныхъ, которое оставило бы въ моей душѣ впечатлѣніе поруганной правды и оскорбленной справедливости. А между тѣмъ, по многимъ изъ нихъ присяжнымъ приходилось сидѣть по цѣлой недѣлѣ и держать свой курсъ среди прилива и отлива энергической защиты и обвиненія, въ водоворотѣ противорѣчивыхъ свидѣтельскихъ показаній и сложныхъ, далеко не всегда единогласныхъ, экспертизъ. И въ кассационной моей практикѣ мнѣ встрѣчалось

немало вполнѣ разумныхъ рѣшеній, постановленныхъ по дѣламъ, въ которыхъ не только подсудимые, но подчасъ и нѣкоторые мѣстные общественные слои принимали всѣ мѣры, чтобы повліять на провинціальныхъ присяжныхъ рѣчами блестящихъ столичныхъ гастролеровъ, напускнымъ негодованіемъ вліятельныхъ свидѣтелей, глубоко возмущенныхъ „привлеченіемъ невиннаго“, и показаніями свѣдущихъ людей, расходившихся, несмотря на свое ученое высокомеріе, со спокойной и убѣдительною логикою фактовъ. Присяжные засѣдатели не разъ вступались за житейскую правду дѣла, несмотря на искусное перемѣщеніе центра тяжести дѣла въ область безразличныхъ, съ точки зрѣнія уголовного закона, дѣяній. Они вошли въ положеніе несчастной дѣвушки, сдѣлавшейся предметомъ покушенія на ея цѣломудріе со стороны наглаго „красавца-мужчины“ и жертвой лживаго медицинскаго освидѣтельствованія, доведшаго ее до отчаянія и самоубійства, при чемъ по вскрытіи трупа оказалось, что она, провозглашенная чуть не профессиональною проституткою и шантажисткою, была совершенно дѣвственна. Они осудили купца-милліонера, истязавшаго въ далекомъ заграничномъ курортѣ маленькую дѣвочку, взятую для развлеченія его дочери и подвергавшуюся жестокому сѣченію, продолжительному стоянію на колѣняхъ, подъ которыя предварительно ставились горчичники, и сидѣнію обнаженными частями на обширномъ горчичникѣ, крѣпко привязанною къ стулу,—несмотря на то, что весьма ученый судебный врачъ призналъ слѣды этихъ истязаній, о которыхъ съ ужасомъ рассказывала простая женщина—няня въ домѣ купца, за возможные послѣдствія золотухи. На представителей общественной совѣсти не подѣйствовали ни обычные намеки на шантажъ со стороны родителей потерпѣвшей, ни заявленіе настоятеля мѣстной заграничной церкви о великомъ благочестіи подсудимаго, выразившемся въ разныхъ щедрыхъ вкладахъ на облаченія, ни лестныя для подсудимаго показанія со стороны хозяина отеля, прислуги и другихъ лицъ, для полученія которыхъ ѣздилъ специально за границу особый присяжный повѣренный. Сколько прошло черезъ мои руки дѣлъ, въ которыхъ, напримѣръ, при благосклонномъ содѣйствіи мѣстныхъ властей, здоровыхъ людей, лишь съ нервной организаціей, упрятавали родственники или будущіе наслѣдники въ дома умалишенныхъ или добивались признанія ихъ сумасшедшими,—дѣлъ, въ которыхъ предприимчивые люди пользовались для своихъ корыстныхъ цѣлей умственнымъ разстройствомъ потерпѣвшихъ, питавшихъ къ нимъ неограниченное довѣріе; на-

конецъ, дѣлъ, въ которыхъ противъ слабыхъ, беззащитныхъ и безгласныхъ жены или дѣтей, а тѣмъ паче пасынковъ или падчерицъ, практиковалась систематическая, безжалостная жестокость, сопровождаемая побоями, голоданіемъ, смертельнымъ истощеніемъ и всякаго рода нравственными пытками, не говоря уже о проявленіяхъ садизма или мщенія за отказъ въ удовлетвореніи противоестественной похоти! И замѣчательно, что въ этихъ случаяхъ суровое нравственное осужденіе, находившее себѣ выраженіе въ обвинительномъ рѣшеніи, исходило отъ простыхъ, трудовыхъ, сѣрыхъ людей, на которыхъ многіе изъ подсудимыхъ съ высоты своего матеріальнаго и общественнаго положенія и умственнаго развитія привыкли смотрѣть пренебрежительно и свысока.

Вообще надо замѣтить, что тамъ, гдѣ преступленіе являлось результатомъ страстнаго порыва, которому предшествовали душевныя терзанія подсудимаго, какъ результатъ ревности, перенесенной обиды, постоянного униженія и т. п., присяжные часто бывали склонны къ широкому снисхожденію, а иногда и къ оправданію. Не слѣдуетъ думать, что это было съ ихъ стороны признаніемъ, что страсть все *извиняетъ*, тогда какъ она лишь многое *объясняетъ*,—нѣтъ! Это являлось результатомъ сознанія перенесенныхъ подсудимымъ мукъ, прежде чѣмъ онъ совершилъ свое злое дѣло, страданій, выпавшихъ на его долю до того, какъ онъ предсталъ предъ судомъ, и соображенія о томъ, что ему еще предстоитъ въ случаѣ обвинительнаго вердикта. Изъ такихъ соображеній вытекли, по всѣмъ вѣроятіямъ, и тѣ оправдательныя рѣшенія столичныхъ присяжныхъ по дѣламъ объ облитіи сѣрною кислотою, которыя возбудили основательную тревогу въ обществѣ, какъ бы знаменуя собою практическую безнаказанность одного изъ самыхъ ужасныхъ видовъ мщенія. Полоса подобныхъ рѣшеній прошла въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ и во Франціи, начавшись съ вызвавшихъ страстную полемику дѣлъ Маріи Бьеръ, Тилли и др. Повидимому, эти приговоры были своего рода протестомъ, хотя и неумѣстнымъ, но объяснимымъ для тѣхъ, предъ кѣмъ, на судебномъ слѣдствіи, раскрылась житейская драма подсудимой,—протестомъ противъ нравовъ, допускающихъ легкомысленное, грубо-животное и безсердечное отношеніе къ душѣ потерпѣвшей и къ самому ея существованію. Въ бездушно брошенной на произволъ судьбы дѣвушкѣ (иногда матери вѣбрачныхъ дѣтей) послѣ того, какъ прошла ея молодость, и ея миловидность утратила пріятную заманчивость въ глазахъ того, кто ими

воспользовался „въ свое удовольствіе“,—въ женѣ, сдѣлавшейся, безъ всякой вины, предметомъ надругательства и глумленія со стороны внезапно появившейся, ничѣмъ не связанной съ общимъ супружескимъ прошлымъ, соперницы — присяжные сердцемъ почувствовали жертву, доведенную до отчаянія. Такъ оправдали они еще недавно—охарактеризованную свидѣтелями съ лучшей стороны швею, плеснувшую кислотой въ шеффера при знатномъ домѣ, когда на судѣ обнаружилось, что послѣ девятилѣтняго ухаживанья, онъ оболстнулъ ее обѣщаніемъ жениться, а когда возникъ вопросъ о днѣ свадьбы, грубо оскорбилъ ее, заявивъ: „у меня такихъ, какъ ты, много,—не могу я на всѣхъ жениться“. Такъ, не рѣшились они обвинить двухъ женъ, брошенныхъ съ малолѣтними дѣтьми мужьями, и облившихъ кислотой соперницъ, нагло издѣвавшихся надъ обреченными на нищету... Совсѣмъ иначе поступили они въ Петербургѣ, не давъ даже „снисхожденія“, когда предъ ними предсталъ лукавый искатель богатыхъ невѣстъ, ослѣпившій, съ медленно созрѣвшимъ и тщательно обдуманымъ умысломъ, молодую великодушную дѣвушку въ отместку за отказъ выйти за него замужъ.

Почти всегда, несмотря на неблагопріятную обстановку дѣла, присяжные являлись сознательными противниками тѣхъ подсудимыхъ, бездушная, черствая, холодно-разсчитанная, обдуманно-корыстная дѣятельность которыхъ вела къ страданіямъ, несчастью и горю потерпѣвшихъ. Но и при этомъ они отводили обыкновенно большое мѣсто даже и въ такихъ преступленіяхъ—накопившейся горечи и раздражительности обвиняемаго, вызваннымъ условіями его несчастной личной жизни. Такимъ образомъ, отнесясь строго и безъ признанія смягчающихъ обстоятельствъ къ женѣ чиновника, воспитанницѣ института, доведшей падчерицу до голодной смерти отъ такого истощенія, что въ ея исхудаломъ тѣлѣ, подъ кожей, завелись насѣкомыя,—или къ вышеупомянутому купцу-истязателю, они, однако, какъ видно было изъ доходившаго до Сената дѣла, оправдали несчастную чахоточную поденщицу, брошенную своимъ любовникомъ, расправлявшуюся послѣ тяжелаго рабочаго полуголоднаго дня слишкомъ круто съ жившими въ „углу“ и вызывавшими жалобы другихъ квартирантовъ дѣтьми. Присяжные по моимъ воспоминаніямъ, особливо въ провинціи, рѣдко бывали увлечены нѣкоторыми изъ защитниковъ, любившихъ одно время совѣтовать имъ вдуматься въ слова Шекспира: „Нѣтъ въ мірѣ виноватыхъ!“. Продолженіе этихъ словъ: „одѣнь злодѣя въ золото—стальное копье закона сломится безвредно, одѣнь его въ лохмотья—и погибнетъ

онъ отъ пустой соломинки пигмея"—огромному числу изъ нихъ было, конечно, неизвѣстно, но житейскій смыслъ и голосъ состраданія, очевидно, побуждали ихъ войти въ положеніе одичавшей въ борьбѣ за кусокъ хлѣба носительницы „дохмотьевъ“ и твердо удержатъ въ рукѣ по двумъ другимъ дѣламъ „стальное копье закона“.

Отсюда видно, какъ огульные нападки на присяжныхъ по многимъ дѣламъ болѣе поспѣшны, чѣмъ справедливы, особенно потому, что при этомъ совершенно забывается дѣятельность суда короннаго въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ присяжныхъ засѣдателей, или въ учрежденіяхъ, гдѣ они замѣнены сословными представителями. Можно указать немало случаевъ оправданій, состоявшихся въ Судебныхъ Палатахъ, которыя вызвали бы несомнѣнно рѣзкую критику и осужденіе, будь они постановлены присяжными засѣдателями. Въ кассационной практикѣ встрѣчались примѣры такихъ приговоровъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ ставимыхъ въ вину присяжнымъ „помилованій“. Достаточно указать хотя бы на дѣло помѣщика Западнаго Края, обвинявшагося въ подстрекательствѣ и попустительствѣ шестнадцати своихъ рабочихъ къ двухдневному при участіи урядника и при угощеніи водкой истязанію „съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“ четырехъ лицъ, заподозрѣнныхъ въ кражѣ у него тройки лошадей, при чемъ крики ихъ разносились далеко за предѣлы усадьбы. Одинъ изъ истязуемыхъ лишился навсегда работоспособности, а другой не перенесъ истязаній и умеръ. Судебная Палата, выслушавъ краснорѣчивыя рѣчи о вредѣ конокрадства въ сельскомъ быту, постановила оправдательный о всѣхъ подсудимыхъ приговоръ. Чѣмъ этотъ приговоръ отличается отъ оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ объ убійствѣ конокрадовъ, за что ихъ обвиняютъ въ извиненіи самосуда? Ихъ упрекали иногда также и въ томъ, что они признаютъ извинительнымъ покушеніе на убійство, когда мотивомъ къ нему послужило желаніе подсудимаго обратить вниманіе общественнаго мнѣнія на свое тяжелое положеніе или на какіе-либо вопіющіе поступки лицъ, власть имущихъ. Достаточно вспомнить нареканія на присяжныхъ по поводу дѣла Вѣры Засуличъ, когда одинъ лишь лѣнивый не бросалъ въ нихъ не только камнями, но, по выраженію автора „Былого и думъ“, даже цѣлой мостовою. Однако въ 1902 году одна изъ Судебныхъ Палатъ, рассматривая дѣло о счетоводѣ городского общественнаго банка Хахалинѣ, обвиняемомъ въ томъ, что, имѣя намѣреніе лишить жизни директора банка Степашкина,

онъ произвелъ въ него почти въ упоръ выстрѣлъ, при чемъ пуля, пробивъ сюртукъ и жилетъ, контузила потерпѣвшаго, въ лѣвую часть живота, отвергла *намыреніе* обвиняемаго убить, признавъ, что подъ давленіемъ мысли о несправедливости начальства онъ рѣшился своимъ выстрѣломъ вывести эту несправедливость за стѣны банка на судъ общественнаго мнѣнія, и оправдала его, т.-е. признала заслуживающимъ уваженія тотъ же мотивъ, который приводила и Засуличъ въ объясненіе своего поступка. Наконецъ, мнѣ пришлось давать заключеніе въ Сенатѣ по дѣлу предсѣдателя самарской земской управы Алабина, преданнаго суду Судебной Палатой съ участіемъ сословныхъ представителей за бездѣйствіе власти, выразившееся въ томъ, что осенью 1891 года, въ самый разгаръ голода, постигшаго приволжскія губерніи, онъ не только ничего не предпринялъ для обезпеченія добросовѣстнаго исполненія обязательствъ, принятыхъ на себя поставщиками муки и верного хлѣба на 700.000 рублей, но приобрѣлъ въ видѣ муки пятаго сорта, вопреки постановленію земскаго собранія, совершенно негодный продуктъ съ умышленной примѣсью куколя и другихъ сорныхъ травъ, а также гнилую муку, вызвавшую тяжкое заболѣваніе 1.272 крестьянъ, потребителей ея, и обусловившую смерть одной крестьянки. Палата оправдала Алабина, объясняя неисполненіе имъ своей святой въ данномъ случаѣ обязанности его *неумѣlostью* распорядиться имѣвшимися у него средствами. Не говоря уже о томъ, что простое утвержденіе о неумѣlosti человѣка, находящагося на службѣ 48 лѣтъ, бывшаго управляющимъ удѣльною конторой и палатою государственныхъ имуществъ, губернаторомъ въ Болгаріи и самарскимъ городскимъ головою,—звучало болѣе, чѣмъ странно, надо замѣтить, что законъ требуетъ отъ всякаго служащаго „человѣколюбія, усердія къ общему добру и покровительства къ скорбящимъ“, вмѣняя должностному лицу въ „главнѣйшее поношеніе упущеніе должности и нерадѣніе по части блага общаго, ему ввѣреннаго“. Такого приговора, конечно, никогда не изrekli бы присяжные засѣдатели, противопоставивъ, подобно Палатѣ и сословнымъ представителямъ, какъ нѣчто равносильное, *неумѣlostь* опытнаго человѣка и *жестокое бѣдствіе*, постигшее населеніе цѣлой губерніи. Коронно-сословный судъ, въ данномъ случаѣ, не могъ не понять, что начало *неумѣlosti*, какъ основаніе къ оправданію, недопустимо потому, что, получивъ право гражданства, оно явилось бы разлагающимъ по отношенію къ началу долга, на которомъ зиждется всякое служеніе. Это начало было бы *опаснымъ*, такъ какъ въ силу его

представлялась бы возможность, относясь легкомысленно, невнимательно, высокомерно или бездушно къ общественному бѣдствію и даже усугубивъ его такимъ отношеніемъ къ дѣлу, уходить изъ-подъ карающей длани закона и драпироваться въ удобную и безопасную мантию неумѣлости. Это начало было бы несогласнымъ съ требованіями нравственности, такъ какъ при допущеніи его привыкаемый по долгу службы на помощь противъ общаго несчастія, рѣшаясь взяться за дѣло, сталъ бы руководиться, вмѣсто смиренія предъ важностью задачи и строгой проверки себя и своихъ силъ,—одними лишь аппетитами къ власти, вліянію и разнаго рода наградамъ.

Присяжныхъ засѣдателей одно время жестоко упрекали за частые оправдательные приговоры по преступленіямъ должности. Подъ вліяніемъ этихъ обвиненій дѣла по преступленіямъ должности были изъяты отъ суда присяжныхъ вмѣсто того, чтобы улучшить условія производства этого рода дѣлъ до поступленія ихъ въ судъ. Въ Судебныхъ Уставахъ отдѣлъ о преслѣдованіяхъ по преступленіямъ должности всегда составлялъ самую слабую часть. На ней сильнѣе всего отразилось вліяніе того „ветхаго Адама“ нашего стараго бюрократическаго строя, „совлечь“ который съ нашей судебной жизни были не въ силахъ, несмотря на все свое желаніе, составители этихъ Уставовъ. Дача этимъ дѣламъ законнаго хода почти всецѣло была предоставлена усмотрѣнію начальства обвиняемаго. Слишкомъ большой просторъ, данный въ этомъ случаѣ личному взгляду, и отсутствіе законныхъ сроковъ для истребованія объясненій обвиняемыхъ создавали цѣлый рядъ ненормальныхъ отступленій отъ правильнаго и правосуднаго хода этихъ дѣлъ. Къ производству слѣдствія приходилось приступать зачастую при вполнѣ остывшихъ и изглаженныхъ слѣдахъ преступленія. Наиболѣе крупнымъ участникамъ преступленій удавалось во многихъ случаяхъ занять положеніе простыхъ свидѣтелей, а на скамьѣ подсудимыхъ фигурировалъ обыкновенно традиціонный „стрѣлочникъ“. Если же судебная власть пыталась привлечь дѣйствительно виновнаго, то ей предстоялъ цѣлый рядъ мытарствъ, именуемыхъ въ законѣ „пререканіями“, какъ по вопросу о привлеченіи къ отвѣтственности, такъ и по вопросу о преданіи суду. Это затягивало дѣло еще на новые сроки и давало поводъ обвиняемому ссылаться на разные зловключенія, пережитыя имъ до судебного засѣданія, что въ свою очередь не могло не вліять на приговоръ присяжныхъ. Какъ на типическій примѣръ ненормальныхъ условій предварительнаго до-

судебнаго производства дѣлъ по преступленіямъ должности, я могу указать на дѣло полицеймейстера одного изъ большихъ приволжскихъ городовъ, который, грозя вслѣдствіе анонимнаго доноса, двумъ дѣвушкамъ изъ мѣстной „буржуазіи“ зачисленіемъ ихъ въ разрядъ проститутокъ, вынудилъ ихъ для снятія съ себя оскорбительнаго и незаслуженнаго подозрѣнія подвергнуться медицинскому освидѣтельствованію въ компаніи зарегистрированныхъ публичныхъ женщинъ, при чемъ несчастныя опозоренныя дѣвушки оказались невинными. Жалобы ихъ родителей оставлены были начальствомъ, на лонѣ котораго поконился предприимчивый полицеймейстеръ, безъ послѣдствій. Тогда вступился въ дѣло прокуроръ, но и его домогательства о привлеченіи виновнаго встрѣтили отпоръ въ Губернскомъ Правленіи, и лишь Сенатъ, разсмотрѣвшій пререканія между Губернскимъ Правленіемъ и прокуроромъ, предписалъ привлечь полицеймейстера къ отвѣтственности. Но и затѣмъ, когда слѣдствіе съ заключеніемъ прокурора о преданіи суду поступило въ Губернское Правленіе, послѣднее съ нимъ не согласилось. Тогда вновь возникло пререканіе, которое было разрѣшено постановленіемъ Сената о преданіи суду. Покуда медленно двигалась громоздкая колымага пререканій, дѣло въ значительной степени выпвѣло, и въ концѣ концовъ виновный въ возмутительномъ надругательствѣ надъ честью и достоинствомъ двухъ беззащитныхъ предъ ввѣренной ему властью дѣвушекъ отдѣлся пустяками и остался на своемъ мѣстѣ, при чемъ этотъ приговоръ былъ постановленъ не присяжными засѣдателями.

Большая часть неудовлетворительныхъ рѣшеній присяжныхъ относилась къ растратамъ ввѣренныхъ по службѣ суммъ. При разбирательствѣ—съ одной стороны обнаруживалось полное отсутствіе какихъ бы то ни было началъ правильной отчетности въ нашихъ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ, а съ другой стороны присяжныхъ не могло не смущать то, что карательные законы за должностную растрату не допускаютъ смягченія наказанія и уменьшенія отвѣтственности въ случаяхъ обязательства пополнить растраченное по легкомыслію, что однако существуетъ по отношенію къ растратамъ въ частномъ быту. Уже двадцать четыре года дѣйствуетъ по этимъ дѣламъ Судебная Палата съ сословными представителями, но участіе этихъ представителей именно по этимъ дѣламъ не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ и во многихъ отношеніяхъ представляетъ своеобразные недостатки, которые приписывали суду присяжныхъ его противники. Въ 1895 году многіе изъ стар-

шихъ предсѣдателей Палатъ присоединились къ заявленію одного изъ нихъ, что „временные члены“ относятся весьма пассивно къ своимъ обязанностямъ и во всякомъ случаѣ не осуществляютъ той строгости, въ расчетъ на которую дѣла по преступленіямъ должности были отняты у присяжныхъ засѣдателей. По заявленію одного старшаго предсѣдателя, обыкновенно, по входѣ въ совѣщательную комнату для рѣшенія дѣла, представители дворянства спрашиваютъ о томъ, какое самое малое наказаніе за судимое преступленіе, и съ размѣромъ его соображаютъ и выводъ свой о виновности;—представители города спрашиваютъ у предсѣдателя, нельзя ли оправдать подсудимаго; волостные старшины на вопросъ объ ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предсѣдателю съ вопросомъ: „какъ прикажете?“. Поэтому, въ сущности, дѣло рѣшаютъ коронные судьи, присутствіе которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозно и слѣдовательно неправомерно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ показала практика Палатъ, *надлежащіе* сословные представители дворянства и городовъ всемирно уклоняются отъ исполненія своихъ судебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею и т. п. Еще въ первой половинѣ восьмидесятыхъ годовъ тогдашній прокуроръ Петербургской Судебной Палаты, Муравьевъ, сдѣлалъ въ юридическомъ обществѣ очень поучительный докладъ, въ которомъ со свойственной ему ясностью и категоричностью доказалъ съ цифрами въ рукахъ, какъ шатки и произвольны надежды, возлагаемыя на особую репрессивность суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей. Въ комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ онъ поддерживалъ—уже въ качествѣ министра юстиціи—замѣну сословныхъ представителей спеціальными присяжными засѣдателями особаго состава съ повышеннымъ имущественнымъ и образовательнымъ цензомъ. А нынѣ теперешній министръ юстиціи И. Г. Щегловитовъ, при обсужденіи въ мартѣ истекшаго года въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта законопроекта о порядкѣ преслѣдованія должностныхъ лицъ, на основаніи многолѣтняго и разносторонняго опыта, высказался рѣшительнымъ образомъ за возвращеніе дѣлъ о преступленіяхъ должности суду присяжныхъ засѣдателей.

Есть еще одинъ упрекъ, дѣлаемый присяжнымъ ихъ теоретическими и практическими противниками,—упрекъ въ пассивности и малой самодѣтельности. Но и этотъ упрекъ, по моимъ наблюденіямъ и воспоминаніямъ, несправедливъ. Судебная практика представляетъ случаи, гдѣ коронные судьи пользовались предоставленнымъ имъ статьею 818 Уст. Угол. Суд. правомъ и, находя, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, передавали дѣла другому составу присяжныхъ для новаго разсмотрѣнія. Въ семидесятыхъ годахъ обратило на себя вниманіе дѣло домовладѣлицы одного изъ уѣздныхъ городовъ Петербургской губерніи, обвиняемой въ поджогъ своего дома съ цѣлью полученія преувеличенной страховой преміи. Несмотря на существующую вообще трудность добычи и выясненія *доказательствъ* поджога, присяжные признали подсудимую виновной. Сенатъ отмѣнилъ приговоръ по судопроизводственнымъ нарушеніямъ, и присяжные снова вынесли обвинительное рѣшеніе. Тогда судъ примѣнилъ 818 статью, но новый составъ присяжныхъ согласился со своими предшественниками. То же самое произошло въ одной изъ южныхъ губерній въ восьмидесятыхъ годахъ по дѣлу о священникѣ и его женѣ, обвиняемыхъ въ отравленіи дѣчка. Нужно ли затѣмъ упоминать о такихъ, напримѣръ, случаяхъ, вовсе не свидѣтельствующихъ о пассивности присяжныхъ, какъ очень частыя просьбы присяжныхъ о постановкѣ судомъ дополнительныхъ вопросовъ, подлежащихъ ихъ разрѣшенію;—какъ заявленіе о томъ, что обвиненіе, въ смыслѣ квалификаціи дѣянія подсудимаго, должно быть поставлено строже, и на мѣсто вопроса о запальчивости и раздраженіи слѣдуетъ поставить вопросъ о предумышленіи;—какъ отказъ отъ разрѣшенія дѣла, представляющагося неяснымъ по отсутствію на судѣ важнаго свидѣтеля или сообщника подсудимаго,—какъ, наконецъ, просьбы нѣкоторыхъ присяжныхъ объ освобожденіи отъ ихъ обязанностей, такъ какъ еще до судебного засѣданія у нихъ, по слухамъ и частнымъ свѣдѣніямъ, составилось непреодолимое убѣжденіе въ виновности или невинности подсудимаго, могущее оказать давленіе на товарищей.

Остается сказать еще о тѣхъ вызывающихъ нареканія приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, которые смущаютъ чрезмѣрно широкимъ примѣненіемъ понятія о невмѣняемости подсудимаго въ то время, когда весь образъ его дѣйствій, рассчитанная и подготовленная жестокость преступленія, обдуманное сокрытіе слѣдовъ послѣдняго или система своего оправданія—заставляютъ

невольно усомниться въ томъ, что суду пришлось имѣть дѣло съ больнымъ. Психіатрическая экспертиза въ послѣдніе годы все болѣе и болѣе переходитъ изъ области одного изъ видовъ доказательства въ область рѣшительныхъ приговоровъ, облеченныхъ всѣми виѣшними атрибутами непререкаемой научности. Кто слѣдилъ за объясненіями свѣдущихъ людей въ столицахъ и большихъ центрахъ по вопросамъ о вмѣненіи, не можетъ не замѣтить, какъ подъ ихъ вліяніемъ постепенно расширяется понятіе о невмѣняемости и суживается понятіе объ отвѣтственности. Въ большинствѣ такъ называемыхъ сенсационныхъ процессовъ предъ присяжными развертывается яркая картина эгоистическаго бездушія, нравственной грязи и безпощадной корысти, которыя, въ поискахъ не нуждающагося въ трудѣ и жаднаго къ наслажденіямъ существованія, привели обвиняемаго на скамью подсудимыхъ. Задача присяжныхъ при созерцаніи такой картины должна имъ представляться хотя и тяжелою „по человѣчеству“, но, однако, не сложной. Но вотъ фактическая сторона судебного слѣдствія окончена, допросъ свидѣтелей и осмотръ вещественныхъ доказательствъ завершенъ, и на сцену выступаютъ служители науки во всеоружіи страшныхъ для присяжныхъ словъ: нравственное помѣшательство, неврастенія, абулія, психопатія, вырожденіе, атавизмъ, наслѣдственность, автоматизмъ, автогипнозъ, навязчивое состояніе, навязчивыя идеи и т. п. Краски житейской картины, которая казалась такою ясной, начинаютъ тускнѣть и стираться, и, вмѣсто человѣка, забывшаго страхъ Божій, заглушившаго въ себѣ голосъ совѣсти, утратившаго стыдъ и жалость въ жадномъ желаніи обогатиться во что бы то ни стало, утолить свою ненависть мщеніемъ или свою похоть насиліемъ—выступаетъ по большей части не отвѣтственный за свои поступки по своей психофизической организаціи человѣкъ. Не онъ управлялъ своими поступками и задумывалъ свое злое дѣло, а во всемъ виноваты злыя мачехи—природа и жизнь, пославшія ему морелевскія уши или гутчинсоновскіе зубы, слишкомъ длинныя руки, или сѣдлообразное пѣбо или же наградившія его,—въ данномъ случаѣ къ счастью,—въ боковыхъ и восходящихъ линіяхъ близкими родными, изъ которыхъ нѣкоторые были пьяницами, или болѣли сифилисомъ, или страдали падучей болѣзнію, или, наконецъ, проявляли какую-либо ненормальность въ своей умственной сферѣ. Въ душѣ присяжныхъ поселяется смущеніе,—и боязнь осужденія больного—слѣпой и безсильной игрушки жестокой судьбы—диктуеть имъ оправдательный приговоръ, чему

способствуетъ благоговѣйное преклоненіе защиты передъ авторитетнымъ словомъ науки и почти обычная слабость знаній у обвинителей въ области психологіи и ученія о душевныхъ болѣзняхъ. На нашихъ глазахъ создавалось и проникло въ науку ученіе о неврастеніи, впервые провозглашенное американцемъ Бирдомъ, и разлилось безбрежною рѣкою, захватывая множество случаевъ слабости воли, доходя до совершенно немислимыхъ проявленій невмѣняемости въ родѣ мнительности, склонности къ сомнѣніямъ, боязни острыхъ и колющихъ предметовъ (belanofobia), антививисекціонизма, болѣзненной наклонности къ опрятности и, наконецъ, такого естественнаго, хотя и печальнаго чувства, какъ ревность. И несмотря на то, что современная жизнь съ ея ухищреніями и осложненіями, съ ея гипертрофіей духа и атрофіей тѣла, съ ея беспощадной борьбой за существованіе, конечно, не можетъ не отражаться на нервности современнаго человѣка, ничуть не исключаящей вмѣняемости, приходится часто слышать въ судахъ разсужденіе о томъ, что подсудимый страдаетъ какимъ-нибудь признакомъ неврастеніи, или по новѣйшей терминологіи психастеніей. — освобождающей его отъ отвѣтственности или во всякомъ случаѣ ее уменьшающей. Когда недавно вызвали справедливыя ропотъ и понятное смущеніе дѣйствія судебнаго слѣдователя, допустившаго въ своихъ протоколахъ рядъ искаженій и умысленныхъ поддѣлокъ въ цѣляхъ раздутія объема изслѣдуемаго имъ политическаго преступленія, эксперты наши, что онъ страдаетъ цереброспинальною неврастеніей, которая, однако, не помѣшала ему считаться способнымъ и усерднымъ — быть можетъ слишкомъ усерднымъ — слѣдователемъ и затѣмъ членомъ судебной коллегіи. На нашихъ глазахъ появился и терминъ „психопатія“, впервые произнесенный въ русскомъ судѣ на процессѣ Мироновича и Семеновой, обвиняемыхъ въ убійствѣ Сарры Беккеръ. Эта психопатія получила тоже чрезмѣрное право гражданства въ судѣ. Слово стало популярнымъ. „Признаете ли вы себя виновнымъ?“ спрашиваетъ предсѣдатель человѣка, обвиняемаго въ рядѣ крупныхъ мошенничествъ и подлоговъ. „Что же мнѣ признавать?“ не безъ горделиваго задора отвѣчаетъ подсудимый: „я вѣдь психопатъ“... „Дѣйствовалъ въ состояніи психопатіи“, пишетъ въ своей кассационной жалобѣ отставной фельдшеръ, обвиненный въ умысленномъ отравленіи, „я не могу признать правильнымъ состоявшійся о мнѣ приговоръ“ и т. д. Такимъ образомъ это слово служитъ какъ бы для опредѣленія такого со

стоянія, въ которомъ все дозволено, и которое составляетъ для подсудимаго своего рода *position sociale* или, вѣрнѣе, *antisociale*. Въ благородномъ стремленіи оградить права личности подсудимаго и избѣжать осужденія больного и недоразвитаго подъ видомъ преступнаго нѣкоторые представители положительной науки иногда доходятъ до крайнихъ предѣловъ, противъ которыхъ протестуетъ не только логика живни, но подчасъ и требованія нравственности. Наслѣдственность, несомнѣнно существующая въ большинствѣ случаевъ лишь какъ почва для дурныхъ вліяній среды и неблагопріятныхъ обстоятельствъ, и при томъ исправляемая приливомъ новыхъ здоровыхъ соковъ и силъ, является лишь эвентуальнымъ факторомъ преступленія. Ее нельзя разсматривать съ предвзятой односторонностью и чрезвычайными обобщеніями, приводящими къ мысли объ атакизмѣ, къ силу котораго современное общество, по мнѣнію итальянскихъ антропологовъ-криминалистовъ, заключаетъ въ себѣ огромное количество людей—до 40% всѣхъ обвиняемыхъ, представляющихъ запоздалое одичаніе, свойственное ихъ прародителямъ первобытной эпохи. Насколько эти обобщенія бываютъ произвольны, видно, напримѣръ, изъ того, что къ одному изъ признаковъ вырожденія извѣстнымъ Ломброзо и его послѣдователями долгое время бывала относима страсть людей преступнаго типа къ *татуировкѣ*. Однако на международномъ антропологическомъ конгрессѣ въ Брюсселѣ было доказано, что всего болѣе татуировка распространена не въ мірѣ нарушителей закона, страдающихъ атрофіей нравственнаго чувства, или прирожденныхъ преступниковъ, а въ высшихъ кругахъ лондонскаго общества, гдѣ существуютъ особы профессора татуировки, получающіе за свои рисунки на тѣлѣ разныхъ дѣнди и лэди суммы, достигающія до 100 фунт. стерлинговъ за узоръ. Понятно, что подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ и теорій, при которыхъ главное вниманіе экспертовъ направляется не на поступки подсудимаго и другія фактическія данныя дѣла, а на отдаленные и лишь возможные этиологическіе моменты предполагаемаго въ немъ состоянія невмѣняемости въ моментъ совершенія преступленія,—присяжные иногда послѣ долгихъ колебаній не рѣшаются произнести обвинительнаго приговора. Мнѣ пришлось однажды слышать въ засѣданіи суда мнѣніе весьма почтеннаго эксперта, доказывавшаго, что подсудимый, обвиняемый въ убійствѣ въ запальчивости и раздраженіи, долженъ быть признанъ невмѣняемымъ, потому что находится въ состояніи душевнаго разстройства, характеризуемаго отсутствіемъ или

подавленностью нравственныхъ началъ, очевиднымъ изъ того, что по дѣлу онъ представляется хитрымъ и тщеславнымъ эгоистомъ съ склонностью къ жестокости и разврату. Мнѣ хотѣлось спросить эксперта, не находитъ ли онъ, въ виду такихъ выводовъ, что только тихіе, великодушные и нравственно-чистые люди являются субъектами, представляющими исключительный матеріалъ для вмѣненія, и что эти ихъ свойства, въ случаѣ совершенія преступленія въ страстномъ порывѣ, неминуемо должны обращаться имъ во вредъ?

Въ годы моей непосредственной работы съ присяжными крайности экспертизы, направленной въ сторону широкихъ обобщеній и односторонне понимаемаго человеколюбія, были сравнительно рѣдки, но въ послѣдніе годы они значительно участились. Молодой человекъ университетскаго образованія, отлынивающій отъ всякихъ опредѣленныхъ занятій, въ теченіе четырехъ лѣтъ занимается искусно обставленной и ловко задуманной кражей дорогихъ шубъ въ гостиницахъ, театрахъ и публичныхъ собраніяхъ, а также, выдавая себя за мѣстнаго мирового судью, требуетъ довѣрія къ своимъ заказамъ въ дорогихъ ресторанахъ, отказываясь затѣмъ платить по счетамъ. Психіатрическая экспертиза утверждаетъ, что онъ представляетъ признаки физическаго и психическаго вырожденія и поэтому невмѣняемъ.—Пятнадцати и восемнадцати-лѣтнія дѣвушки, возненавидѣвъ воспитательницу старшей изъ нихъ, достаютъ цѣпистый кали и пускаютъ его въ дѣло, но въ недостаточной дозѣ; затѣмъ принимаютъ мѣры, чтобы добыть стрихнинъ, но, когда и онъ недостаточно скоро дѣйствуетъ, то убиваютъ старуху во время сна топоромъ—и, по мнѣнію экспертовъ, совершаютъ это все, дѣйствуя *безъ разумія*. — Молодой человекъ, о которомъ всѣ отзываются, какъ объ умномъ, хитромъ, очень способномъ и понятливомъ, но лѣнивомъ, рѣшительно не желаетъ учиться, а желаетъ жить и кутить на счетъ богатаго отца и, когда послѣдній требуетъ отъ него трудовыхъ занятій, грозитъ ему убійствомъ, старается раздобыть ядъ и револьверъ и, наконецъ, подкравшись ночью къ спящему отцу, зарѣзываетъ его припасеннымъ ножомъ, выписавъ предъ тѣмъ въ записную книжку статьи Уложенія—о наказаніяхъ за отцеубійство. Послѣ убійства, восклицая: „собакъ собачья смерть!“ онъ идетъ съ пріятелемъ выпить и закусить и отправляется въ объятія проститутки, а изъ-подъ ареста спрашиваетъ письмами, нельзя ли пригласить защитника, умѣющаго гипнотизировать присяжныхъ, и какая часть наслѣд-

ства послѣ отца достанется ему въ случаѣ оправданія. На судѣ эксперты находятъ, что у подсудимаго ассиметрія лица и приросшія мочки ушей (морелевскія уши); покатый лобъ и длинныя ноги; у него притуплено нравственное чувство, онъ угрюмъ и не сразу отвѣчаетъ на вопросы, подергиваетъ плечомъ и неумѣстно улыбается. Кромѣ того, его отецъ лѣчился отъ ревматизма, а мать страдала бессонницей и дважды лѣчилась отъ нервовъ. Все это, какъ дважды два доказываетъ, что подсудимый глубокой вырожденецъ, заслуживающій состраданія, а не осужденія. И вотъ присяжные, не рѣшаясь идти противъ такого многосторонняго вывода, даваго, конечно, благодарный матеріалъ для гипноза защитительной рѣчи, выносятъ оправдательный приговоръ. Можно ли ихъ винить за это, когда и коронный судъ, быть можетъ, затруднился бы мотивировать свое несогласіе съ категорическимъ взглядомъ нѣсколькихъ специалистовъ, говорящихъ отъ имени и во имя науки. Но позволительно спросить, не смѣшали ли они въ данномъ случаѣ послѣдствія съ причинами, не нашли ли, что *post hoc ergo propter hoc* и не слишкомъ ли щедро одарили они злого бездѣльника дарами болѣе чѣмъ сомнительной наслѣдственности, причисливъ, между прочимъ, къ признакамъ вырожденія и то, что сидящій на скамьѣ подсудимыхъ отцеубійца не находится въ свѣтломъ настроеніи духа, а угрюмъ и, рассчитывая, какъ онъ самъ заявлялъ при слѣдствіи, быть признаннымъ дѣйствующимъ въ умонизступленіи, медлитъ отвѣтами на вопросы о предумышленности своего злодѣянія.

Для полноты обзора условій дѣятельности присяжныхъ остается еще указать на нѣкоторыя явленія въ нашей судебной жизни, вслѣдствіе которыхъ присяжные вызываютъ противъ себя нареканія, будучи, въ сущности „безъ вины—виноватыми“. Такъ бывають случаи, когда Судебная Палата по обвинительной камерѣ, встрѣтясь съ недостаточностью уликъ, не прекращаетъ своимъ властнымъ словомъ дѣла, а рѣшаетъ лучше предоставить высказаться присяжнымъ, суду коихъ и предастъ обвиняемаго. Взявши, такимъ образомъ, свое законное бремя на ихъ плечи, Палата забываетъ о своей обязанности *оправдать*—обвиняемаго отъ лишеннаго достаточныхъ основаній преданія суду и сопряженныхъ съ этимъ напрасныхъ страданій,—а присяжныхъ отъ еще большихъ сомнѣній, чѣмъ ея, что почти неминуемо должно повлечь оправдательный приговоръ послѣ судебной процедуры, которую слѣдовало своевременно предотвратить. Таковы также случаи, когда судебный слѣдователь, по какимъ-либо причинамъ, не

держится строго установленныхъ для него рамокъ слѣдственнаго судьи, а смѣшивая и переплетая негласный *розыскъ* со *слѣдственными дѣйствіями*, становится игрушкою въ рукахъ служебныхъ и добровольныхъ сыщиковъ, всегда одностороннихъ, часто нечистоплотныхъ въ приѣмахъ и нерѣдко лично заинтересованныхъ въ направленіи слѣдствія по тому или другому пути. Собираніе и оцѣнка доказательствъ обращается при этомъ въ необдуманная порыванія въ разныя стороны съ ущербомъ для ясности дѣла и если оно ставится на судъ, то присяжные, подавленные сумбуромъ противурѣчивыхъ данныхъ и отсутствіемъ обдуманной послѣдовательности въ ихъ добываніи — видятъ, и совершенно справедливо, въ оправдательномъ рѣшеніи спасительный исходъ изъ своихъ сомнѣній.

Говоря о присяжныхъ засѣдателяхъ, нельзя забывать и педагогическаго значенія суда присяжныхъ и значенія ихъ рѣшеній, какъ показателей для законодателя, не замыкающагося въ канцелярскомъ самодовольствѣ, а чутко прислушивающагося къ общественнымъ потребностямъ и къ требованіямъ народнаго правового чувства. Важная *педагогическая* роль этого суда состоитъ въ томъ, что люди, оторванные на время отъ своихъ обыденныхъ и часто совершенно безцвѣтныхъ занятій и соединенные у одного общаго, глубокаго по значенію и по налагаемой имъ нравственной отвѣтственности дѣла, уносятъ съ собою, растекаясь по своимъ уголкамъ, не только возвышающее сознаніе исполненнаго долга общественнаго служенія, но и облагораживающее воспоминаніе о внимательномъ отношеніи къ людямъ и о достойномъ обращеніи съ ними. А это такъ полезно, такъ необходимо въ виду многихъ привычекъ и замашекъ, воспитанныхъ нашею обыденною жизнью! Не менѣе важенъ судъ присяжныхъ и какъ *показатель для законодателя*. Примѣромъ оправдательныхъ приговоровъ, составлявшихъ свыше 62% всего числа постановляемыхъ присяжными и заставившихъ законодателя призадуматься и выйти изъ созерцательнаго положенія, — явились приговоры по паспортнымъ дѣламъ. Предъ присяжными не было потерпѣвшаго, не было ничьего матеріальнаго ущерба, не было со стороны подсудимаго ни мщенія, ни ненависти, ни корысти — а было нарушеніе отжившихъ свой вѣкъ правилъ... Потерпѣвшею являлась *паспортная система*, грозившая за неуваженіе къ себѣ тяжкими карами. А между тѣмъ обстановка и житейскія условія обвиняемаго зачастую указывали на то, что онъ былъ вынужденъ прибѣгнуть къ нарушенію формальныхъ правилъ, обрекающихъ

его на неизбѣжныя нравственные страданія или трудовыя затрудненія. И паспортныя преступленія были коррекціонализированы, т.-е. наказаніе за нихъ уменьшено настолько, что дѣла о нихъ пришлось распредѣлить между безприсяжнымъ судомъ и мировыми судьями. Къ сожалѣнію, однако, рѣдко оказывалось наше законодательство столь отзывчивымъ на голосъ общественной совѣсти, звучащій въ оправдательномъ рѣшеніи присяжныхъ. Оно предпочитало, при повторяемости такихъ рѣшеній, передавать дѣло отъ присяжныхъ—сословнымъ представителямъ, т. е. въ сущности, какъ мною уже замѣчено, коронному суду, не утруждая себя пересмотромъ хотя бы отдѣльныхъ статей Уложенія о Наказаніяхъ съ точки зрѣнія ихъ житейской примѣнимости. Во время моего предсѣдательства, въ Петербургскомъ Окружномъ Судѣ было вынесено присяжными оправданіе восемнадцатилѣтнему письмоносцу Алексѣеву, обвинявшемуся въ утайкѣ и растратѣ части ввѣренной ему корреспонденціи, просидѣвшему восемь мѣсяцевъ подъ стражей и чистосердечно сознавшемуся, ссылаясь на полную невозможность аккуратной и своевременной доставки массы писемъ, приходившихся на его долю. Оправданіе это вызвало не только „негодование“ и „возмущеніе“, но даже и одну изъ министерскихъ „бесѣдъ“ о дальнѣйшей судьбѣ суда присяжныхъ. А между тѣмъ, почти вслѣдъ за слушаніемъ этого дѣла, былъ опубликованъ отчетъ о дѣятельности письмоносцевъ въ Петербургѣ; изъ него оказывалось, что въ послѣднее трехлѣтіе предъ дѣломъ Алексѣева число письмоносцевъ увеличилось на 66 человекъ (всего было 592 лѣтомъ и 537 зимою), а число доставленныхъ писемъ увеличилось на 6.164.000, такъ что каждому приходилось вмѣсто 36.000 писемъ въ годъ разнести 50.000, при чемъ на содержаніе письмоносцевъ почтовый департаментъ испрашивалъ ежегодно сумму въ 75.000 р. Казалось бы, что вмѣсто негодованія на присяжныхъ слѣдовало прислушаться къ ихъ рѣшенію и подумать объ улучшеніи соотношенія между силами письмоносцевъ, лежащимъ на нихъ трудомъ и вознагражденіемъ за него. Казалось бы... но въ дѣйствительности департаментъ экономіи Государственнаго Совѣта въ близорукихъ заботахъ о сокращеніи расходовъ уменьшилъ испрашиваемую ничтожную сумму на пять тысячъ...

Въ нынѣшнемъ году наступаетъ пятидесятилѣтіе Судебныхъ Уставовъ, создавшихъ и водворившихъ судъ присяжныхъ въ Россіи. Много пришлось ему пережить тяжелаго и даже опаснаго для его существованія. По странной судьбѣ многихъ изъ

нашихъ учрежденій эпохи „великихъ реформъ“ опасность эта грозила одновременно и со стороны враговъ, и со стороны равнодушныхъ, и со стороны слѣпыхъ приверженцевъ. Не желая видѣть ненормальности многихъ условій, въ которыя была поставлена дѣятельность этого суда, *враги* обращали отдѣльные, спорадическіе факты, возможные во всякомъ дѣлѣ человѣческаго несовершенства, въ огульное обвиненіе и раздували рѣдкіе острые случаи въ неизлѣчимый хроническій недугъ. *Равнодушные*, облеченные властью и починомъ для устраненія недостатковъ этого суда, давали имъ зрѣть и укореняться годами и даже десятилѣтіями и замыкались въ близорукое бездѣйствіи законодательной рутины. *Приверженцы* боялись сознаться, что у суда присяжныхъ есть и могутъ быть недостатки, чтобы не дать новаго оружія въ руки его враговъ. Но никѣмъ не охраняемые и подчасъ яростно осуждаемые, какъ „судъ улицы“, русскіе присяжные дѣлали свое дѣло, не считывая на награды и повышенія, и не страшась личнаго неудовольствія начальства или отвѣтственности за то, что послушались голоса совѣсти. Когда въ 1895 году состоялось въ Петербургѣ специально созванное совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ Судебныхъ Палатъ,—ихъ общій выводъ былъ безусловно въ пользу присяжныхъ сравнительно съ другими формами суда. Изучившіе его на своей многолѣтней практикѣ, эти лица нашли, что судъ присяжныхъ есть судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія. Не отходить въ область недалекихъ преданій, а окончательно укрѣпиться въ русской жизни долженъ онъ. Русскій присяжный засѣдатель, въ особенности изъ крестьянъ, которые кладутъ, какъ неоднократно замѣчено, призывную повѣстку, сулящую имъ тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, за образа—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому его подвергъ законодатель. Думалось, что послѣ такого приговора свѣдущихъ людей, изучившихъ и испытавшихъ судъ присяжныхъ на дѣлѣ, въ его статикѣ и динамикѣ, а не на страницахъ газетныхъ отчетовъ о процессахъ,—можно было считать его прочность обезпеченною. Но у насъ, въ странѣ „неожиданныхъ возможностей“, случилось не такъ. Безъ всякаго вѣдѣннаго повода, при затишьѣ въ лагерьъ противниковъ, министромъ юстиціи Муравьевымъ былъ возбужденъ въ Комиссіи по пересмотру Судебныхъ Уставовъ (при чемъ необходимый и полезный ремонтъ ихъ грозилъ обратиться, во многихъ отноше-

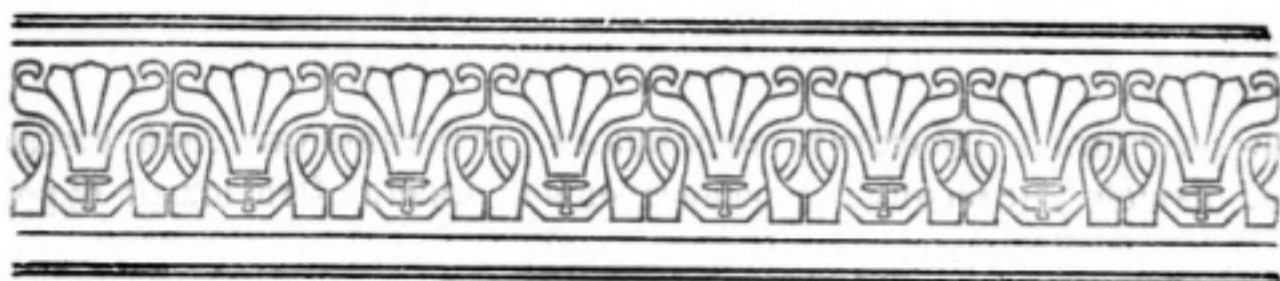
ніяхъ, въ коренную и легкомысленную ломку) вопросъ о самомъ существованіи у насъ суда присяжныхъ, и по его настоянію были открыты для похода противъ послѣдняго страницы офіціального журнала Министерства Юстиціи. На его страницахъ и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ появились „обличительныя статьи“ практическихъ противниковъ этого учрежденія, встрѣтившія горячій и достойный отпоръ со стороны Г. А. Джаншіева („Судъ надъ судомъ присяжныхъ“). Затѣмъ совершенно неожиданно выступилъ со страстными статьями и юридическими фельетонами, исполненными инсинуаціей противъ заступниковъ за присяжныхъ, бывшій прокуроръ Харьковской Судебной Палаты сенаторъ И. П. Закревскій, перешедшій, „avec armes et bagages“ во вражескій станъ. Такое обращеніе виднаго судебного дѣятеля изъ „Павловъ въ Савлы“ было знаменательно и представляло тревожный признакъ новыхъ испытаній для суда присяжныхъ. Но страшенъ сонъ да милостивъ Богъ! Въ многочисленномъ, ad hoc, засѣданіи Комиссіи лишь трое изъ противниковъ этого суда, никогда, впрочемъ, не скрывавшіе своего мнѣнія, прямодушно подали голосъ противъ него и остались вѣрными себѣ, а Закревскій беззапѣчиво заявилъ, что его возраженія имѣли лишь значеніе теоретическое, и снисходительно допустилъ существованіе этой формы суда для Россіи. Такимъ образомъ надо думать, что вопросъ объ упраздненіи у насъ суда присяжныхъ окончательно отошелъ въ область прошлаго, и что наши представительныя законодательныя учрежденія никогда сами не поднимутъ его и, во всякомъ случаѣ, никогда его не поддержать. Хочется надѣяться, что наши судебныя дѣятели будутъ, въ своей совмѣстной работѣ съ присяжными, облегчать имъ ихъ высокую задачу и, любовно руководя ими, не станутъ подвергать ихъ тяжелымъ испытаніямъ необдуманнѣйшими обвиненіями или одностороннимъ освѣщеніемъ дѣла.

Несомнѣнно, что судъ присяжныхъ, какъ и всякій судъ, отражаетъ на себѣ недостатки общества, среди котораго онъ дѣйствуетъ и изъ нѣдръ котораго онъ выходитъ. Поэтому иногда, слушая ссылки на „общественное негодованіе“ по поводу нѣкоторыхъ оправдательныхъ приговоровъ, обыкновенно отмѣняемыхъ кассационнымъ судомъ по нарушенію формъ и обрядовъ судопроизводства, невольно вспоминаешь Гоголя. „Надъ кѣмъ смѣтетесь?! восклицаетъ онъ въ Ревизорѣ устами городничаго:— надъ собой смѣтетесь!“— „Чѣмъ возмущаетесь?“ хочется сказать этимъ ярымъ хулителямъ, говорящимъ отъ лица общества: „собой

возмущаетесь!“ По этому поводу интересно отмѣтить, что, по сообщенію газетъ, въ Москвѣ недавно состоялось въ одномъ изъ литературныхъ собраній „засѣданіе“, посвященное суду надъ женоубійцей изъ ревности—героемъ пьесы Арцыбашева. Были избраны присяжные, допрошенъ экспертъ, докторъ Каннабихъ, признавшій, что обвиняемый дѣйствовалъ не въ патологическомъ, а въ физиологическомъ аффектѣ и потому вѣняемъ, были произнесены „увлекательныя“ и „горячія“ рѣчи обвинителемъ и двумя гражданскими истцами, покрыты аплодисментами публики,—затѣмъ сказаны „красивыя, но безъ подъема“ рѣчи двухъ защитниковъ, и при общемъ „твердомъ убѣжденіи“, что женоубійца не будетъ оправданъ,—присяжные ушли совѣщаться и... вынесли оправдательный приговоръ. Можно себя представить, какія нареканія вызвалъ бы такой приговоръ, будь онъ произнесенъ *настоящими* присяжными. А вѣдь они въ значительной степени „плоть отъ плоти, кость отъ кости“ того общества, представители котораго собрались судить „по всѣмъ правиламъ искусства“ героя Арцыбашева, съ тою только разницей, что передъ ними стоялъ бы живой человекъ со слабой волей и уязвленнымъ сердцемъ, судьба котораго зависѣла бы отъ ихъ „да! виновенъ“.

А. Ө. Кони.

Житейскія встрѣчи ¹⁾).

V.

Mortuos plango!

„... А станешь стариться, нарви — цвѣтовъ, растущихъ на могилахъ,—и ими сердце оживи“,—совѣтуетъ Некрасовъ въ одномъ изъ своихъ лучшихъ стихотвореній, и дѣйствительно, въ жизни, если не у каждаго, то у многихъ, наступаетъ такое время, когда предстоящее уже короткое будущее теряетъ свою прежнюю загадочную заманчивость, а прошлое—напоминаетъ о себѣ рядомъ могилъ. Цвѣты, о которыхъ говоритъ поэтъ, это—дорогіе образы тѣхъ, съ кѣмъ шелъ вмѣстѣ или встрѣтился въ жизни и кто не оставилъ послѣ себя горькихъ воспоминаній или непоправимыхъ посмертныхъ разочарованій. Эти образы возникаютъ въ своей цѣльности лишь послѣ смерти. Она освобождаетъ ихъ отъ случайныхъ и преходящихъ осложненій и, по большей части, заставляетъ исчезнуть и злорадство клеветы и искательство лести. Смерть соединяетъ съ усопшимъ болѣе, чѣмъ жизнь. Представляя послѣдній постепенно замолкающій или внезапно прерывающійся аккордъ жизни,—послѣднюю черту, оставляемую умершимъ въ памяти близкихъ и знающихъ его, смерть вызываетъ раскрытіе такихъ сторонъ въ личности ушедшаго, всплытіе наружу такихъ невѣдомыхъ дотолѣ обстоятельствъ его жизни, о которыхъ умалчивала скромность однихъ, забывчивость другихъ. И благодаря этому *жизнь* усопшаго становится понятнѣй и ярче *послѣ* его смерти.

Судьба послала мнѣ встрѣчу и общеніе съ нѣсколькими

¹⁾ См. „Русская Старина“, 1909—1911 г.

выдающимися русскими женщинами, оставившими свой слѣдъ въ нашей умственной и общественной жизни. Это были: баронесса *Эдита Федоровна Раденъ*, сотрудница Великой Княгини Елены Павловны—этой „нимфы Эгеріи“ Александра II-го въ лучшихъ дѣлахъ его царствованія; *Анна Павловна Философова* и *Варвара Павловна Тарновская* въ ихъ чуткой и отзывчивой общественной дѣятельности; *Прасковья Николаевна Тарновская* съ ея замѣчательными трудами изъ области антропологіи. Но не о нихъ хочется мнѣ вспомнить на этихъ страницахъ, тѣмъ болѣе, что двумъ первымъ изъ нихъ я отдалъ посильную дань душевнаго уваженія въ моей статьѣ объ Еленѣ Павловнѣ („Главные дѣятели освобожденія крестьянъ“ 1903 г.) и въ очеркѣ личности А. П. Философовой для сборника, посвящаемаго ей памяти. Мнѣ хочется здѣсь вспомнить о нѣкоторыхъ другихъ менѣе блестящихъ, не громкихъ по тѣсному кругу своей дѣятельности, оставившихъ на общественной нивѣ менѣе замѣтный слѣдъ, но въ сердцѣ, знавшемъ ихъ, прочное и яркое воспоминаніе. Ихъ замкнутая въ области заботы о ближнихъ и теплаго участія къ дальнимъ жизнь выходила, конечно, далеко за предѣлы начертанныхъ германскимъ императоромъ рамокъ, выраженныхъ четырьмя словами: „Kirche, Kinder, Küche, Kleider“ уже потому, что вмѣсто обрядовой церковности онѣ шли свободно и смѣло на житейское осуществленіе завѣтовъ Христа,—не умѣли *раздѣлаться* во вкусѣ надвигавшейся современной моды,—не предавались безъ оглядки разнымъ видамъ спорта—этого „труда роскошествующихъ“—и безъ сомнѣнія, будучи хорошими хозяйками, были плохими „кухарками“. Но онѣ понимали, что одной изъ главныхъ задачъ женщины въ жизни должно быть: „иногда *исцѣлять*, часто *облегчать* и всегда *утѣшать*“ и своими душевными проявленіями осуществляли мнѣніе князя Одоевскаго о томъ, что жизнь хорошаго человѣка есть *доброе дѣло* въ жизни другихъ людей.

Объ одной изъ нихъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ („Очерки и воспоминанія“ 1906 г.). Это была *Вѣра Александровна Еракова-Дамилова*, рано вглядѣвшаяся въ жизнь и всю сложность ея явленій, постигшая умомъ и почуявшая сердцемъ, что въ сущности люди (и не всегда притомъ по собственной винѣ) раздѣляются на умѣющихъ страдать и умѣющихъ причинять страданія, на плачущихъ явно или невидимо и на способныхъ заставлять плакать. Проницательная и вдумчивая, она научилась отличать вторыхъ отъ первыхъ и идти на помощь послѣднимъ, раздѣляя завѣтъ „святого доктора“ Гааза: „торопи-

тесъ дѣлать добро!“ Еще не будучи замужемъ и принадлежа къ состоятельной семьѣ, она усердно давала уроки, „чтобы имѣть свои рубли“ для помощи, которую оказывала щедро и деликатно, обыкновенно безъ указанія истиннаго источника, выдавая себя лишь за исполнительницу чужихъ порученій. Никогда не унывая, несмотря на ошибки и разочарованія въ людяхъ, она продолжала непоколебимо вѣрить въ нихъ, стараясь судить о каждомъ съ благородной справедливостью—по лучшимъ проявленіямъ его природы, а не по прозаическому повседневному „прохожденію жизни“. Заботы о семейномъ очагѣ и о нѣжно любимыхъ дѣтяхъ ни на минуту не заслоняли отъ нея чужого горя и скорбей. Постоянно къ нимъ приглядываясь и присматриваясь, она вѣчно отдавалась хлопотамъ о ихъ облегченіи. Поэтому тѣ, кому послѣ ея смерти удалось заглянуть въ тщательно скрываемую ею область ея добрыхъ дѣлъ, прозвали её *маленькимъ докторомъ Гаазомъ* и это прозвище вполне объясняетъ учрежденіе въ память ея кровати въ Московскомъ пріютѣ имени Ѳ. П. Гааза для бездомныхъ дѣтей. Она вошла въ дѣятельную жизнь въ то время, когда высшее женское образованіе у насъ еще только зарождалось. Но любовь къ литературѣ и искусству были потребностью ея тонкой натуры. Не выдвигаясь впередъ, скромно и, какъ бы застѣнчиво обнаруживая свое обширное образованіе, которое было настоящимъ личнымъ *самообразованіемъ*, она умѣла цѣнить всѣ проявленія истиннаго таланта и неподдѣльнаго творчества, чему, конечно, способствовали частыя встрѣчи въ домѣ отца съ его друзьями Плещеевымъ, Некрасовымъ и Салтыковымъ. Она глубоко любила и понимала музыку—этотъ „языкъ невыразимыхъ словами чувствъ“,—участвовала въ составленіи разумныхъ книжекъ для дѣтскаго чтенія и печатала подъ псевдонимомъ повѣсти и рассказы, отражавшіе, среди яркихъ картинъ природы и вѣрныхъ психологическихъ наблюденій, главныя душевныя свойства автора: вдумчивое, съ оттенкомъ грусти, отношеніе къ жизни и широкую способность прощенія и пониманія людскихъ слабостей. Смерть похитила ее 16-го марта 1896 года, послѣ успѣшно прошедшей операціи, когда ея сердце, такъ умѣвшее биться для другихъ и за другихъ, не нашло силъ продолжать биться для себя.

Обращаясь къ другому привлекательному женскому образу—женѣ и ватѣмъ вдовѣ профессора Александра Дмитріевича Градовскаго, *Ольга Владиміровна Градовской*—приходится сказать нѣсколько словъ объ ея усопшемъ, но живомъ въ памяти знавшихъ

его, мужъ. Глубокій ученый и вмѣстѣ учитель, — учитель молодежи въ качествѣ профессора и учитель общества въ качествѣ публициста, — онъ оставилъ по себѣ огромный научный трудъ — своего рода монументальное зданіе, въ которомъ водчій и практическій строитель слились воедино. Одинъ — начерталъ планъ и способы исполненія, обдумавъ каждую подробность и исходя изъ невыблемаго для него идеала; другой — выполнилъ этотъ планъ, трудясь постоянно и неустанно, „не покладая рукъ“ и собравъ поразительную по своему обилію и разнообразію массу матеріала. Всѣ его публицистическіе труды, его многотомное „Государственное право Европейскихъ державъ“ и „Русское государственное право“, его мелкія замѣтки и публичныя лекціи — были проникнуты идеей о правовомъ началѣ, оберегающемъ личность и помогающемъ ей свободному развитію. Настаивая на политическомъ воспитаніи личности и, слѣдовательно, цѣлаго общества, Градовскій вносилъ въ свой трудъ біеніе горячаго и нѣжно любящаго свой народъ сердца и вкладывалъ въ него и свои упованія и свое негодованіе. Вся его разнообразная дѣятельность, выражавшаяся между прочимъ и въ живомъ участіи въ разныхъ законодательныхъ работахъ, требовала большой траты силъ. Ихъ у него, съ его физически больнымъ сердцемъ, было не много, а способность страстно влагать въ каждое дѣло всю свою душу, конечно, не содѣйствовала ихъ накопленію. Жизнь не щадила его и наносила ему подчасъ глубокіе удары. Впечатлительный, нервный и гордый, онъ съ трудомъ оправлялся отъ нихъ, а стародавній недугъ шелъ быстрыми шагами, и „судьбой отсчитанные дни“ были отпущены ею съ жестокою скупостью. Послѣдній годъ его жизни былъ сплошною агоніей, безнадежною борьбою его душевныхъ силъ съ явно и грозно надвигавшеюся смертью. Онъ вынужденъ былъ оставить любимый университетъ и, послѣ безплодныхъ и отяготительныхъ странствованій по Германіи, слѣчь въ Петербургъ, чтобы уже больше не вставать. Ему не пришлось дожить до измѣненія нашего законодательнаго строя, но несомнѣнно, что въ насажденіи здравыхъ понятій о значеніи, условіяхъ и задачахъ народнаго представительства, его труды сыграли выдающуюся роль.

Градовскій сочетался въ 1867 году бракомъ съ шестнадцатилѣтнею дочерью воронежскаго помѣщика Владиміра Дмитріевича Шидловскаго. Почти одновременно онъ сдѣлался профессоромъ Петербургскаго университета, и молодая супруга сразу вступила въ кругъ его товарищей, — ученыхъ дѣятелей, еще полныхъ впечатлѣніями и завѣтами „эпохи великихъ реформъ“.

Нѣжная и преданная жена, подарившая мужу сына и двухъ дочерей, она заняла достойное мѣсто въ томъ кругу, въ который ввелъ ее мужъ. Раздѣляя всѣ его взгляды, поддерживая его бодрость, окружая его чуткой заботой, она прошла съ нимъ въ духовномъ сліяніи двадцать два года. Сознательная и глубокая душевная близость этихъ двухъ существъ—мужа, который работалъ, „упорствуя, волнуясь и спѣша“, и жены, всегда спокойной, вдумчивой и уравновѣшенной—была для всѣхъ знавшихъ эту семью и испытывшихъ въ ней то, что французы называютъ „гостепріимствомъ мысли“, такъ очевидна и осязательна, что въ ихъ представленіи образъ Александра Дмитріевича всегда неразрывно сливался съ образомъ Ольги Владиміровны. Она, однако, не была покорнымъ и слѣпымъ отзвукомъ умственной жизни своего мужа. Въ ея миломъ русскомъ лицѣ и серьезномъ взглядѣ умныхъ глазъ чувствовалась самостоятельная работа мысли, умѣло развивавшей и примѣнявшей взгляды своего мужа къ явленіямъ практической жизни. Прекрасная домоправительница и рачительная воспитательница дѣтей, она умѣла сдѣлать свой семейный очагъ чуждымъ мѣщанскому самодовольству и разливающимъ теплоту далеко за свои предѣлы.

Печаленъ былъ закатъ Градовскаго въ расцвѣтѣ умственныхъ силъ, готовыхъ на плодотворную работу въ пользу родины, къ потребностямъ которой онъ приросъ всѣми корнями души, о которой говорилъ постоянно то серьезнымъ тономъ мыслителя, то съ любящимъ юморомъ. Вдали отъ родины, въ горныхъ окрестностяхъ Гейдельберга за полгода до смерти, которая вѣяла вокругъ него и уже коснулась его концомъ крыла, онъ, измученный долгими страданіями, дыша трудно и прерывисто, все говорилъ о далекой Россіи и, мысленно воскрешая ея сѣрыя картины, то переживалъ прошлое, то пытливо заглядывалъ въ будущее. Но на его „закатъ печальный“ лила свои лучи, выражаясь словами поэта, „любовь улыбкою прощальной“! Она смягчала его горечь, облегчала ему боль, несмотря на то, что сердце жены, лившее эти лучи, было втайнѣ истерзано ожиданіемъ безвременной, неминуемой кончины мужа и истомлено годами заботъ и неумолкающихъ тревогъ, когда приходилось безъ усталости съ нѣмымъ достоинствомъ скрываемой печали заслонять его отъ смерти чуткимъ и нѣжнымъ уходомъ.

Когда скончался Градовскій, Ольга Владиміровна не растерялась, не опустила безсильно руки и не погрузилась, какъ это очень часто дѣлается, исключительно въ свое горе, которое обыкновенно обращается затѣмъ къ тихую печаль, переходящую въ послѣдствіи

въ привычное унылое состояніе вдовы замѣчательнаго человѣка, вызывающей къ себѣ почтительное, но, въ сущности холодное отношеніе знавшихъ и любившихъ ея покойнаго мужа. Она не стала *вдовой*—и больше ничѣмъ. Нѣтъ! Она глубоко поняла, что выдающимся человѣкомъ и упорнымъ трудолюбцемъ, съ которымъ она прошла значительную часть жизненнаго пути, ей какъ-бы завѣщаны двѣ задачи: исполнить до конца, стойко и отзывчиво, долгъ матери его дѣтей и увѣковѣчить память о немъ. Въ послѣднемъ отношеніи она осуществила всей своей дальнѣйшей жизнью то, что въ старину русскіе люди называли *потрудимица* и *сослужебница*. Она закрѣпила трудъ мужа и дала послѣднему возможность и за гробомъ продолжать служить русскому обществу и молодымъ поколѣніямъ своимъ знаніемъ и своими возвышенными нравственными идеалами. Когда семейныя ея заботы съ выходомъ замужъ дочерей за академика Шахматова и за профессора Вальтера оставили ей отчасти нѣкоторый досугъ, она посвятила почти все свое время усиленному подготовленію и собранію сочиненій мужа. Это была работа чрезвычайно трудная, потому что кромѣ научныхъ трудовъ и статей, выходившихъ за его подписью, имъ въ качествѣ дѣятельнаго сотрудника „Голоса“, было напечатано огромное число передовыхъ статей и фельетоновъ на общественныя темы, изъ которыхъ лишь немногіе были подписаны псевдонимомъ „Виленскій житель“ (по мѣсту нахожденія принадлежавшей ему дачи). Пришлось розыскать и пересмотрѣть массу печатнаго матеріала, свѣрить его съ черновыми замѣтками покойнаго, съ его перепиской, со своими личными воспоминаніями и съ редакціонными книгами „Голоса“. Духовное единство съ мужемъ помогало во многихъ случаяхъ Ольгѣ Владиміровнѣ въ неподписанныхъ статьяхъ и въ отдѣльных отрывкахъ чутъ душевный складъ мужа, его живой и образный способъ выраженій, и высказанные имъ по поводу тѣхъ или другихъ обстоятельствъ мысли и взгляды.

Въ пожелтѣлыхъ страницахъ давно закрытой попечительнымъ начальствомъ вліятельной газеты для нея оживалъ образъ любимаго человѣка, и изъ нихъ слышался его голосъ. Но это возсозданіе когда-то живой работы ума и сердца, замолкнувшихъ навѣкъ, эта своего рода *литературная палеонтологія*, которою по кусочкамъ возстановлялось цѣлое, было дѣломъ нелегкимъ и требовало усидчивости, настойчивости и крайняго напряженія физическихъ и душевныхъ силъ. Въ 1897 году Ольгѣ Владиміровнѣ удалось составить библиографическій списокъ трудовъ А. Д. Градовскаго, а съ 1899 года по 1904 годъ она

Ольга Владиміровна
ГРАДОВСКАЯ.
† 1912

выпустила девять томовъ его сочиненій, прочитавъ каждый листъ изъ семи томовъ этого изданія. Провѣряя всѣ многочисленныя цитаты, выписки изъ законодательныхъ актовъ и ссылки на статьи Полнаго Собранія законовъ, она должна была постоянно напрягать зрѣніе, которое къ концу этой работы въ значительной степени ослабѣло, что повергало ее въ большую скорбь и не за себя, а за невозможность окончить служеніе памяти спутника своей жизни. Постоянной мечтой ея было изданіе двухъ дополнительныхъ томовъ къ собранію сочиненій мужа—и постоянной тревогой мысль о томъ, что послѣ ея смерти сочиненія, для нихъ предназначенныя, не увидятъ свѣта.

Эта работа переплеталась у нея съ принятымъ на себя сердечнымъ и самоотверженнымъ уходомъ за больнымъ внукомъ.—впавшимъ въ параличное состояніе отъ перенесеннаго имъ менингита,—до самой его смерти. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ она не знала личной жизни иначе какъ въ формѣ неустанной и нѣжной заботы о страдальцѣ. Лишь изрѣдка собирались у нея немногіе остававшіеся въ живыхъ друзья и сверстники ея мужа и въ душевной бесѣдѣ, сопровождаемой иногда какимъ-либо литературнымъ докладомъ, вспоминали дорогое для нея прошлое.

Осенью 1911 года силы стали ей окончательно измѣнять и послѣ пребыванія въ больницѣ Евгеніевской общины она скончалась въ деревнѣ своего зятя А. А. Шахматова на рукахъ своей дочери 12-го іюня 1912 года. Такъ угасла эта цѣльная, полная внутренняго содержанія жизнь. Судьба, пославшая ей радость быть истиннымъ другомъ замѣчательнаго ученаго и прекраснаго человѣка,—*дѣлательно* любившимъ его не только при его жизни, но и послѣ смерти,—давшая ей пережить не мало испытаній, была къ ней, въ концѣ концовъ, милостива: Градовская ушла, по-своему „свершивъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“, изъ среды любящей и преданной семьи, не доживъ одного года до тяжкаго несчастія сына, потерявшаго жену во время Двинской желѣзнодорожной катастрофы и до неожиданной смерти своей дочери Софьи Александровны Вальтеръ, такъ живо напоминавшей внѣшнимъ и внутреннимъ обликомъ своего отца.

Говоря о „потрудилицѣ“ для своего мужа, невольно вспоминаешь и другую русскую женщину, память которой въ глазахъ знавшихъ ее окружена тихимъ свѣтомъ доброты и привѣтливаго отношенія къ людямъ. Она скончалась годъ на-

завѣдѣ, сразу оставивъ послѣ себя незаполнимую пустоту. Это была *Еленія Николаевна Воронова*, рожденная Веревкина, проводшая свое дѣтство и первую молодость въ коренной русской обстановкѣ, сначала въ Кинешмѣ, а затѣмъ въ Костромѣ. Живая, способная и остроумная, она уже съ пяти лѣтъ увлекалась чтеніемъ, — на школьной скамьѣ зачитывалась облагораживающими духъ и расширяющими душевные горизонты произведеніями писателей пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ, знакомясь въ то же время съ лучшими образцами иностранной литературы, чему помогало прекрасное знаніе языковъ, дававшее ей впослѣдствіи завидную возможность, держа предъ собою оригиналъ на чуждомъ языкѣ, немедленно пересказывать его ясно, красиво и точно по-русски. Къ этимъ ея умственнымъ свойствамъ присоединялась богатая фантазія. Еще въ дѣтствѣ, когда старушка-няня, рассказывая ей, на сонъ грядущій, сказку, начинала дремать и всхрапывать, она принималась плести по канвѣ этой сказки свои собственные узоры. Услышавъ голосокъ ребенка, няня страхивала съ себя сонъ и, удивленно вслушиваясь, пробовала убѣдительно и авторитетно перебивать его рассказъ: „что ты, матушка, откуда ты это взяла? никогда этого съ Иваномъ-царевичемъ не бывало“. Выйдя двадцати одного года замужъ за капитана генеральнаго штаба П. Н. Воронова и переселившись вмѣстѣ съ нимъ въ Петербургъ, воспріимчивая и наблюдательная молодая женщина попала сразу въ двойное общество: въ общество профессоровъ академіи и офицеровъ генеральнаго штаба и въ общество, собиравшееся у перваго редактора „Русской Старины“ М. И. Семева, женатаго на теткѣ Вороновой.

Въ *первомъ* изъ этихъ обществъ ей пришлось вращаться, пытливо вслушиваясь въ серьезные рассказы военныхъ ученыхъ и историковъ, въ родѣ Леера, Пузыревскаго и другихъ, общеніе съ которыми вызвало въ ней интересъ къ очеркамъ изъ военнаго быта, печатавшимся ею въ извѣстныхъ изданіяхъ Березовскаго. Во *второмъ* — у радушнаго ховяина собирався весь тогдашній литературный и артистическій міръ. Встрѣча съ такими людьми, какъ Тургеневъ, Гончаровъ и Горбуновъ, какъ Рубинштейнъ и Самойловъ, и присутствіе при ихъ бесѣдахъ давало одновременно и эстетическое наслажденіе и богатую пищу воспріимчивому уму молодой женщины. Стоитъ развернуть „Альбомъ“ Семева (1888 г.) и прочесть сдѣланныя въ немъ записи и списки участниковъ собраній у ховяина, чтобы видѣть, какую живую смѣну глубокихъ мыслей,

ЕВГЕНІЯ НИКОЛАЕВНА
ВОРОНОВА.

† 28 января 1913 года.

тонкихъ наблюденій, поэтическихъ порывовъ, остроумныхъ выходокъ, историческихъ свѣдѣній и живыхъ воспоминаній являли собою бесѣды людей, группировавшихся около практически-любопытнаго хозяина. Умѣя извлекать изъ каждаго что-нибудь интересное, зорко приглядываясь къ настоящимъ и возможнымъ въ будущемъ сотрудникамъ своего историческаго журнала, онъ намѣчалъ силы и матеріалъ для дальнѣйшихъ книжекъ послѣдняго.

Прислушивалась ко всему этому, конечно, и Евгенія Николаевна, и ея умственный круговоръ расширялся и обогащался полнотою и разнообразіемъ свѣдѣній по литературѣ, искусству и исторіи. Результаты этихъ „Lehrjahre“ сказались особенно сильно въ то время, когда ея мужъ въ свою очередь сдѣлался редакторомъ „Русской Старины“. Въ подготовительной работѣ по оцѣнкѣ и распредѣленію матеріаловъ и по ознакомленію съ многочисленными печатными произведеніями, присылаемыми въ редакцію, она являлась дѣятельной помощницей его, внося въ эту кропотливую работу присущія ей чувства такта и вкуса. И подъ ея скромнымъ и гостепріимнымъ кровомъ стали собираться политическіе и литературные дѣятели, встрѣчались историки С. Ф. Платоновъ, П. Я. Дашковъ, Е. С. Шумигорскій и другіе, и появлялись выдающіеся представители сценическаго искусства. Объединяя своихъ посѣтителей и вовлекая ихъ въ общую бесѣду своимъ умѣньемъ просто и радушно группировать ихъ въ своей маленькой гостиной, Воронова обладала двумя рѣдкими у насъ вообще и среди русскихъ женщинъ въ особенности, качествами: способностью разсказывать точно и ясно, соблюдая перспективу повѣствованія и, что еще важнѣе, *умѣньемъ слушать*, не перебивая и не вставляя замѣчаній „изъ другой оперы“. Эти ея качества дѣлали разговоръ съ нею особенно пріятнымъ, а иногда, въ виду разнообразія и богатства сообщаемого ею,—и поучительнымъ. Къ этому надо прибавить и еще одно ея свойство, тоже рѣдкое въ наше эгоистическое время. Оно состояло въ пониманіи того, что можетъ искренно и живо интересоваться собеседника, и въ стремленіи искусно и деликатно сводить разговоръ именно на эту тему, интересуясь выдающимися и общепонятными сторонами его специальной дѣятельности и съ благородной терпимостью относясь къ мнѣніямъ и взглядамъ, которыхъ она не раздѣляла. Добрая безъ напускной чувствительности, глубоко вѣрующая безъ узкой нетерпимости, она умѣла понимать горе ближнихъ, съ участіемъ заглядывать въ ихъ

души въ скорбныя минуты и творить добро, какъ истинная христіанка, стараясь, чтобы лѣвая рука не вѣдала, что творить правая; умѣла также оставлять теплыя и прочныя по себѣ воспоминанія. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ со времени оставленія ея мужемъ командованія новочеркасскимъ полкомъ память о ней „не поросла травой забвенія“ у офицеровъ этого полка, о чемъ молчаливо свидѣтельствовали ежегодно присылаемые ими ко дню св. Елгеніи — цвѣты. Окруженная сочувствіемъ всѣхъ ее знавшихъ, она рано сошла въ могилу, до конца дѣятельная и отзывчиво относящаяся ко всему, касавшемуся горячо любимой ею родины. Уже тяжело-больная, она мысленно присутствовала на предстоявшей закладкѣ храма-памятника въ честь двадцати двухъ тысячъ русскихъ воиновъ, павшихъ сто лѣтъ назадъ подъ Лейпцигомъ „въ битвѣ народовъ“ — и ревностно собирала пожертвованія на утѣковѣченіе этой великодушной, хотя, быть можетъ, и напрасной жертвы, принесенной Россіей. Среди мучительныхъ сердечныхъ припадковъ, почти непрерывныхъ и быстро сводившихъ ее въ могилу, она оставалась вѣрна правилу своей жизни: заботиться о другихъ и мало думать о себѣ. Когда затихали на время ея слабыя стоны, которыми она старалась не обезпокоить своихъ близкихъ, она звала къ себѣ тѣхъ, кто самъ нуждался въ ея утѣшеніи, одобреніи или добромъ совѣтѣ и слабѣющей передъ смертью рукою писала горячее письмо участія знакомой, только — что лишившейся мужа. Она отошла отъ жизни со сказаннымъ доктору словомъ „хорошо“, которымъ могло быть охарактеризовано и все ея земное существованіе.

Встаетъ затѣмъ въ моей памяти, какъ живая, *Александра Васильевна Плетнева* — вдова академика и ректора Петербургскаго университета П. А. Плетнева. Каждый, кто зналъ эту милую и оригинальную русскую женщину, кому пришлось заглянуть въ ея душу, кто слышалъ о ея супружеской жизни, не можетъ не признать, что она являлась въ существованіи своего мужа живымъ воплощеніемъ той „святой мечты“, которою была исполнена, по словамъ Пушкинскаго посвященія ему „Евгенія Онѣгина“ — душа Плетнева. И въ ней, какъ въ послѣднемъ, было одновременное соединеніе „высокихъ думъ и простоты“. Несмотря на разницу лѣтъ, она умѣла отдаться самоотверженному облегченію недуговъ преклоннаго возраста мужа и утѣшенію его въ минуты тяжкихъ страданій, окончившихся его смертью въ Парижѣ 29 декабря 1865 года. Недаромъ подарилъ онъ ей передъ кончиной золотой крестъ съ многозначи-

тельной надписью: „я расскажу Богу, чѣмъ ты для меня была“.

Потерявъ мужа, память котораго свято и трогательно чтала она всю свою жизнь,—часто уходя, по словамъ ея письма „низко, низко поклониться его могилѣ и просить у его возвышенной души благословенія на жизнь и ея испытанія“, Плетнева настойчиво и обдуманно принялась за воспитаніе двухъ сыновей, вложивъ въ ихъ юношеское развитіе и въ заботу о первыхъ шагахъ ихъ жизни всю свою любящую душу. Но эти заботы не ограничили ея круговора: не старѣя душевно, несмотря на сѣдину кудрей, обрамлявшую ея выразительное, подвижное лицо съ живыми умными глазами, она жила всѣми интересами современности, далекая и отъ старческаго брюзжанія и отъ безразличія апатіи.

Глубоко русская во всѣхъ своихъ чувствахъ, поведкѣ и красивомъ мѣткомъ словѣ (она происходила изъ стариннаго рода князей Щетининыхъ)—она любила родину сознательной и страстной любовью, не скрывая, однако, отъ себя недостатковъ русскаго человѣка и нѣкоторыхъ порочныхъ сторонъ нашей общественности. Подобно простой русской женщинѣ, она „жалѣла“ свой народъ, соединяя въ этомъ чувствѣ и нѣжную, подчасъ горделивую къ нему привязанность и скорбь о печальныхъ свойствахъ его безволія. „А знаете ли, какъ Россія-то мила русскому сердцу?!“ писала она мнѣ изъ-за границы. „Что-то ѣкаетъ, когда видишь русскія слезы—добрыя, простыя слезы. *Все простое — прекрасно! Le beau c'est le simple!* И какъ просто русское сердце, когда оно умѣетъ себя проявить. Когда доживаешь свой вѣкъ, какъ все искусственное дѣлается чуждо и непонятно. Какъ мнѣ хочется снова увидѣть нашу бѣдную, *простую* Россію!“ Въствѣ съ тѣмъ по разностороннему образованію, по тонкому эстетическому развитію и по глубокому сознанию чувства долга въ себѣ и уваженію его въ другихъ, она соединяла въ себѣ лучшія черты западно-европейскаго человѣка. Непреклонная въ убѣжденіяхъ, мягкая и снисходительная въ личныхъ отношеніяхъ, безобидно остроумная, она способна была возмущаться всякой неправдой, которая ее лично и не касалась. „Меня поражаетъ“—говорила она передъ концомъ своей долгой жизни—(она скончалась 76 лѣтъ), „среди всего окружающаго упадокъ у насъ чувства негодованія. Это страшный признакъ, не обѣщающій ничего хорошаго въ будущемъ“. „Какая у насъ частая дряблость души“—писала она мнѣ,—всѣ вокругъ ноютъ, и всѣ безсильны волей и мыслью, и какъ всѣ

одинокі! Быть можетъ, это отъ Петербурга и отъ его жизни, гдѣ одни слишкомъ часто видятся отъ праздности и надобли другъ другу, а другіе не могутъ видѣться изъ-за работы, которой непосильно много. Эти скучные долгіе темные дни тянутся непрерывной цѣпью, и мы взваливаемъ ихъ на плечи безъ помощи дружеской руки. Противная петербургская жизнь! Я замѣтила, что *никогда* нельзя такъ обходиться безъ жизненнаго элемента дружбы, какъ подъ нашимъ могильнымъ покровомъ безразсвѣтнаго дня. Мы со всѣмъ на свѣтѣ примиряемся и становимся въ строй тяжкихъ обстоятельствъ безъ борьбы и даже безъ протеста... Но сама она была способна на смѣлый протестъ. Когда 17-го февраля 1861 года на торжественномъ актѣ Петербургскаго университета профессору Костомарову не было, по распоряженію министерства, дозволено прочесть свою рѣчь о Константинѣ Аксаковѣ, среди публики и студентовъ поднялись шумъ и крики, и произошла демонстрація, заставившая почетныхъ гостей, съ митрополитомъ во главѣ, покинуть залъ. Ректоръ Плетневъ, ни въ чемъ неповинный, былъ окруженъ негодующей молодежью, требовавшей объясненій. Узнавъ о положеніи мужа, Александра Васильевна прибѣжала въ залъ, пробилась сквозь толпу, въ слезахъ обняла Плетнева и стала между нимъ и тѣснившимися его. Ея разстроенный видъ и ея мужество подѣйствовали лучше всякихъ уговоровъ... Толпа отступила и тихо разошлась, при чемъ, по рассказамъ современниковъ, многіе почтительно кланялись женѣ ректора.

Друзья ея мужа всю жизнь оставались и ея друзьями. Вращаясь между ними, она какъ бы являлась представительницею покойнаго. У нея бывали и радостно ее встрѣчали у себя люди, чтившіе память П. А. Плетнева, и она платила имъ пріязнью, стоявшею вѣкъ сомнѣній и выше испытаній. Къ ея близкимъ друзьямъ принадлежали братья К. К. и Я. К. Гроты, М. М. Стасюлевичъ и другіе люди позднѣйшаго поколѣнія, въ томъ числѣ и Павелъ Васильевичъ Жуковский, сынъ поэта, симпатичный художникъ, другъ и почитатель Вагнера, идеалистъ чистой воды. Со справедливой гордостью вспоминала Плетнева открытіе въ 1887 году въ Александровскомъ саду памятника поэту. „Въ день открытія памятника Жуковскому — писала она — я играла драгоцѣнную для меня роль: я появилась подъ руку съ ею сыномъ, какъ вдова ею друга и пережила хорошія минуты“. Къ ней былъ тепло привязанъ и поэтъ Федоръ Ивановичъ Тютчевъ. Въ его письмахъ къ ней, напав-

удержимыя слезы брызнули у меня изъ глазъ. Такъ неужели же Господь милосердный не заплачетъ надъ нами когда-нибудь? Вѣдь, этого быть не можетъ!“—„Ничего нѣтъ вѣрнѣе смерти“ — говорила она и поэтому думала она о ней спокойно. „Какая, однако, битва — жизнь и какой покой смерть“ — писала она изъ Аркашона, гдѣ была съ больнымъ внукомъ. „Я теперь живу почти такъ же одиноко, какъ Кохановская на своемъ хуторѣ. Годами выдержавъ это одиночество, она торжественно изъ него ушла, полная вѣры, любви и мужества. Вы правы — тишина и уединеніе сосредоточиваютъ мысли; тишина втягиваетъ въ свою глубину. Я часто помышляю о смерти. Надо быть готовой умѣть сразу сказать *прости* земному и... въ походъ!—безъ сожалѣнія, зная, что на томъ берегу давно уже манять и зовутъ открытыя объятія Христа. Я восхищаюсь характеромъ Фридриха III, умирающаго въ Берлинѣ. Сколько силы воли и духа, торжествующаго надъ страданіями тѣла, и сколько жизни предъ лицомъ смерти!“ Ее по временамъ угнетала не мысль о кончинѣ, а ощущеніе надвинувшейся старости. „Я очень грущу и тоскую“ — пишетъ она—„отъ того, что все пережито, что дорогое прошедшее такъ далеко, далеко, и беретъ отчаяніе думать, что все безконечно милое отступило въ далекую перспективу, а на первомъ планѣ стали и стоятъ ежедневныя ничтожныя событія общественной и личной жизни, нисколько не облегчающія жажды души. Эта длинная задняя перспектива—это та старость, которой я одной боялась, находя, что она — единственный тяжкій крестъ, котораго не понесъ Христосъ и не научилъ примѣромъ своимъ, какъ его донести до конца“.

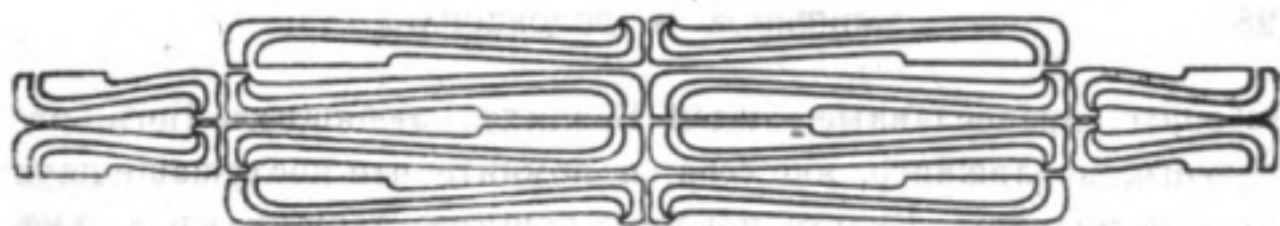
Чуждая предразсудковъ и суевѣрій, ясная умомъ и сознательная въ чувствѣ, она любила, однако, поэтическія сказанія о смерти и чутко прислушивалась къ разнымъ рассказамъ изъ таинственной области послѣдней. Сама уже тяжело больная, она писала мнѣ: „мнѣ рассказывали про странное и граціозное видѣніе, бывшее у Н—аго незадолго до его кончины. Онъ сказалъ дочери, лежа на одрѣ болѣзни: „зачѣмъ ты тутъ садишься? Здѣсь сейчасъ подлѣ меня сидѣла смерть.—Какая она?!—Молодая дѣвушка съ длинными бѣлокурыми волосами, съ вѣнкомъ изъ розъ на головѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тяжелымъ чернымъ крестомъ на шеѣ и съ лампадою въ рукахъ. Она мнѣ сказала, что я не буду больше смѣяться и что она въ слѣдующій разъ придетъ и возьметъ меня съ собою“. Онъ говорилъ это спокойно безъ всякаго страха, но

больше не смѣялся до кончины, но однажды сказалъ, что гостыя приходила во второй разъ и онъ замѣтилъ, что креста уже нѣтъ, а лампада въ ея рукахъ едва теплится. Вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ...”

Такою была до конца своихъ дней А. В. Плетнева, хранившая въ себѣ, говоря словами Пушкина, „простое сердце, умъ свободный и правды пламень благородный“. Излишне прибавлять, что она радостно дѣлилась своими скромными средствами съ „блѣдной нищетой“ и была счастлива, когда могла кому-либо помочь на жизненномъ пути, пользуясь своими дружескими связями и тѣмъ уваженіемъ, которое ее постоянно окружало. Постепенно угасая, отъ мучительно и медленно дѣлавшаго свое губительное дѣло рака, не жалуясь, несмотря на страданія, она до конца сохранила интересъ ко всему, любовь и прощеніе ко всѣмъ... 29-го декабря 1901 года, въ 36-ю годовщину смерти ея любимаго мужа, бѣлокурая дѣвушка въ вѣнкѣ изъ розъ предстала передъ ней съ потухающей лампадой и сняла съ нея крестъ жизни...

А. Ө. Кони.

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

Мая 19. Открытіе Чупровскаго волостного правленія въ селѣ Ивнѣ.—Найдя выборныхъ подлѣ избы почтеннаго старца, Егора Иванова, украшеннаго медалью за 30-ти-лѣтнее попеченіе о церкви въ званіи церковнаго старосты, я нашелъ въ хозяинѣ типъ простоты и смиренности русскаго.

Ему подѣ 70-ть лѣтъ; болѣе двадцати человѣкъ потомковъ живутъ вмѣстѣ, хоть и не въ одномъ домѣ, но всѣ подѣ рукою старика: совѣтъ и дѣло почти на каждый день каждому даются отъ него; всѣ дружны и всѣ держатся имѣ патриархально.

Долго ждали священника, и чтобы не терять время выборы старшины и 6-ти судей для волости были сдѣланы въ теченіе двухъ часовъ. Потомъ всѣ пошли къ недавней и усердіемъ Егора лучшей изъ окрестныхъ часовенъ. Начался молебенъ съ водосвятиемъ, потомъ благодарственный съ колѣнопреклоненіемъ: послѣ чего о. Григорій, сказавъ назидательное слово на текстъ: „Нѣсть власти аще не отъ Бога“. Безъ приготовленія въ простотѣ сердца и ума, онъ говорилъ такъ ясно и понятно для крестьянъ, что я невольно пожелалъ записать, но было уже поздно. Постараюсь вспомнить главныя мысли:

„Вы слышали Бр-іе Выб-а Манифестъ нашего Государя; стало, знаете, какъ онъ по добротѣ своего отчаго сердца желаетъ блага, мира и тишины. Въ этомъ желаніи онъ далъ вамъ новый порядокъ, новое Положеніе, по которому вамъ самимъ надо избрать себѣ своихъ старшинъ, судей, старостъ.—

См. „Русская Старина“, январь 1914 г.

Изберите, православные, людей Божіихъ, любящихъ Бога, паче всего, и ближняго, яко себя, и помните: что послушаніе паче поста и молитвы. Будьте покорны вашимъ старшинамъ, а тѣмъ паче предержащимъ власти, повинуйтесь, какъ дѣти отцу, своему мировому посреднику, самимъ Царемъ поставленному на стражу мира. Господь да благословитъ васъ на все доброе и душеполезное. Еще разъ повторяю: Нѣсть власти еще не отъ Бога! Аминь!

По окончаніи рѣчи всѣ избранные приведены къ присягѣ и, подходя ко мнѣ, низко кланялись. По выходѣ изъ часовни мое повдравленіе всѣмъ со своимъ судомъ и расправою было принято съ искренними, единодушными криками:

„Благодаримъ, Ваше Превосходительство“. Видно было, что общество радовалось новому порядку и выразило это отъ сердца.

Проѣхавъ оттуда черезъ С. Румелю, я узналъ, что люди ходятъ на работу, какъ прежде.

Въ Малыхъ Торжковичахъ генераль-лейтенантъ Н. Н. Скобелцынъ, жаловавшійся мнѣ письменно на своего лакея Петра, по моему убѣжденію, согласился его отпустить въ деревню, а тотъ изъявилъ готовность наравнѣ съ мужиками получить землю и платить оброкъ.

Мая 20. Открытіе Вычелюбской волости въ С. Большихъ Раковнѣ.

По невозможности переправить дрожекъ черезъ рѣку Лугу, я послалъ ихъ въ объѣздъ за 15-ть верстъ, а самъ переѣхалъ въ челнокъ и, пройдя двѣ версты, былъ въ С. Б. Раковно, гдѣ выборные и священникъ меня ожидали. Немедленно начать молебень подлѣ часовни, по ветхости и малости неудобной къ служенію; люди молились усердно; священникъ старался читать ясно, но по странной привычкѣ всѣхъ сельскихъ священниковъ, то слишкомъ тянулъ возгласы, то торопливо спѣшилъ кончить, часто измѣнялъ голосъ и вообще предпочиталъ какую-то натянутость и несоотвѣтственность; дьячки старались подражать. Во время службы подѣхали: о. Петръ и мелкопомѣстный Аникинъ.

Самые выборы длились не долго, бывъ заранѣе сосѣдними деревнями условлены, почему и оказалось, что всѣ избранные были налицо и здѣсь же приведены къ присягѣ, во время которой народъ слушалъ и смотрѣлъ съ любопытствомъ, преслѣдуя особеннымъ вниманіемъ чтеніе и повтореніе словъ присяги.

О. Петръ просилъ помощи на возобновленіе церкви, помѣ-

щикъ Аникинъ жаловался на неисправность работъ, о чемъ здѣсь же приказано выборнымъ изъ села Колодно, и тѣмъ обѣ стороны удовлетворены.

Оттуда былъ въ Сырцѣ и, осмотрѣвъ прекрасное устройство, приказалъ новому старшинѣ открыть сельское управленіе.

Къ семи часамъ вечера поспѣлъ въ г. Лугу по самой не-сносной дорогѣ, и послѣ обѣда въ числѣ 6-и посредниковъ и уѣзднаго предводителя составилъ малый совѣщательный съѣздъ.

Здѣсь переданы мною первыя впечатлѣнія нашего дѣла, выслушанныя г.г. внимательно. Потомъ было нѣсколько преній, въ томъ числѣ о жалобахъ крестьянъ на помѣщиковъ. Я полагалъ, что для пріобрѣтенія полныхъ данныхъ къ сужденію онѣ должны приходить къ посреднику черезъ сельскій и волостной сходы или суды, но предводитель находилъ невозможнымъ, чтобы дѣйствія баръ судили мужики,—на томъ мы разошлись.

Мая 21. Съ утра собрались выборные на первый волостной сходъ въ Ронти. Разъяснивъ имъ обязанность въ нѣсколькихъ словахъ, я отправился въ Торжковичи. На дорогѣ о Пётръ съ крестьянами просили зайти въ возобновленную церковь.

Въ Торжковичахъ послѣ обѣдни священникъ сказалъ рѣчь,—семинарскую, и за молебномъ пѣлъ такъ же на разные голоса, а дьячекъ кричалъ нестерпимо: оба полагали, конечно, придать служенію торжественность. Въ церкви по окончаніи службы меня атаковали двѣ помѣщицы, Г-жа Свѣтова съ сестрою, провожали до дому, тамъ сѣли и такъ много говорили, что я извинился, вышелъ къ толпѣ народа, раздѣливъ всѣхъ выборныхъ на три волости: Торжковскую, Ссывинскую и Передольскую, и объяснивъ значеніе старшинъ и судей, приказалъ выбирать. Барыни снова заговорили о своемъ стѣсненіи, общемъ неповиновеніи, и т. д. Выборы были также подготовлены въ смежныхъ селахъ, и не прошло часа, какъ всѣ избранные явились налицо и были приведены къ присягѣ въ церкви при своихъ избирателяхъ, также внимательно слушавшихъ чтеніе и повтореніе присяжныхъ словъ. По выходѣ изъ церкви выборные были распущены, но на ихъ мѣсто явились жалобщики, которымъ объявлено, что по образованіи сельскаго управленія жалобы ихъ будутъ выслушаны и обсуждены по порядку.

1., жалоба на г. Карамышева отъ крестьянина деревни Горки Ѳедота Николаева.

Былъ на барщинѣ (за 25-ть верстъ); управитель бранилъ подслѣповатаго сосѣда за то, что худо видитъ, я улыбнулся, онъ на меня: „чему ты смѣешься? а такъ вотъ я тебя, пойдѣмъ къ барину“. „Пришли, баринъ изъ кабинета вышли, говорить: „ты грубіанъ!“ я отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ!“ онъ схватилъ меня за волосы и давай таскать по передней,—оттаскалъ, да говорить: „взять его на недѣлю на барщину не въ зачетъ, за провинность!“

2., жалоба на г. Карамышева.

21 человекъ изъ деревни Горки жаловались: что домовъ чинить не велитъ, пашню вокругъ деревни обобралъ, гонить на мѣсто безъ воды и пахать не даетъ старой пашни. — Приказано: написать жалобу, выбрать довѣренныхъ и ждать рѣшенія.

3., жалоба на того же г. Карамышева.

Прачка Ѳедосья, страдая сердцебіеніемъ, просила у него увольненія на оброкъ съ дочерью, онъ назначилъ каждой по 60 р. въ годъ. Между тѣмъ онѣ крестьянки деревни Заполя. — Написано къ помѣщику, чтобы сообщилъ свѣдѣнія, къ какому плану онѣ принадлежатъ?

Окончивъ выборы въ 6-ти волостяхъ, могу положительно сказать, что крестьянская грубость и даже неповиновеніе происходитъ только отъ непониманія своего положенія. Принимая свое желаніе или пустой слухъ, которому легко вѣрять, — за право, они становятся безсознательно упрямы, но когда имъ объясняютъ тѣ, кому они вѣрять, они легко смиряются. — Мнѣ, благодаря Бога, вѣрили, и вездѣ въ разговорахъ съ крестьянами я встрѣчалъ такое радушіе, такую готовность и благодарность, какихъ, долженъ признаться, и не подозрѣвалъ подъ такою грубою корою, какою покрытъ русскій мужикъ. — Выборы вообще были такъ единодушны и вмѣстѣ такъ удачны, что поистинѣ нельзя не удивиться здравому смыслу и умному такту, съ какимъ это дѣло въ ихъ кругу такъ просто и дѣльно улаживалось. — Всѣ старшины, сколько по справкамъ отъ священниковъ и сосѣдей можно было узнать, выбраны умные, дѣльные и честные; даже старосты и выборные превосходно назначены. Замѣчательно, что на первый опытъ никто не жалалъ, всѣ опасались, но весьма рѣдкіе отказывались, и то только по торговымъ обстоятельствамъ. Выбирались и отсутствующіе, только по достоинству и способностямъ.

На всѣхъ многочисленныхъ сходахъ была явно замѣтна въ народѣ жажда власти и покровительства. Сознавая вполне

свою отрѣшенность отъ помѣщиковъ, крестьяне инстинктивно искали прибѣжища въ сферѣ административной и, потерявъ уваженіе къ чинамъ полицейскихъ, радовались званію мирового посредника и своимъ учрежденіямъ, какъ дорогой находкѣ, самымъ Царемъ для нихъ придуманной.

Такое проявленіе въ началѣ многотруднаго дѣла и цѣлаго переворота въ понятіяхъ и хозяйствѣ подаетъ весьма благопріятную надежду въ будущемъ. Дай Богъ!

Май 25. По жалобѣ крестьянокъ Федосьи и Авдотьи полученъ отвѣтъ отъ г. Карамышева и внесенъ въ мировой съѣздъ съ заключеніемъ: уволить крестьянокъ, признаваемыхъ имъ произвольно дворовыми, давъ паспорта отъ волостного правленія. Это первый шагъ къ ускромненію странныхъ претензій гг. помѣщиковъ. Слово обращается въ дѣло,—увидимъ, какъ сойdetъ, этотъ г. имѣетъ многихъ за себя. Но здѣсь я дѣйствую по совѣту П. А. Валуева, который сказалъ, что о такихъ гг. надо особенно писать губернатору или губернскому присутствію;—я написалъ къ первому о побояхъ, нанесенныхъ Карамышевымъ крестьянину, и просилъ отъ его имени внушить быть осторожнѣе.

Мая 28. Былъ въ с. Сырцѣ и нашелъ дорогу такъ исправленную, какъ нельзя было ожидать. Мѣстный старшина и три мужика туда и назадъ ждали меня на плоту, на которомъ доселѣ почти не переѣзжали по неисправности вѣздовъ; это исправлено въ ночь.

Въ Сырцѣ, призвавъ сельскаго старосту и выборныхъ, толковали съ ними часа два. Первый изъ нихъ, молодой и бойкій, мужикъ Василій, въ началѣ притворялся вовсе незнающимъ своей обязанности, но потомъ, изъ его же разговоровъ, оказалось, что знаетъ все хорошо, но не осмѣливается приняться за дѣло, опасаясь вліянія управленія. Разъяснивъ каждому его долгъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ полную готовность работать на пользу общую, въ увѣренности, что посредникъ ихъ не выдастъ. Пришелъ изъ Колодна мужикъ, Михайло, жаловаться на сосѣда, застроившаго его дворикъ;—велѣлъ разобрать для примѣра, и на обратномъ пути убѣдился, что разобрали дѣльно: рѣшили построившемуся отодвинуть избу на сажень, а просителю строиться съ интерваломъ; обѣ стороны согласились и удовлетворились.

Отъ г. Карамышева явился староста съ словесною жалобою

на неисправность крестьянъ. Приказано кланяться и сказать пусть отвѣчаетъ на мое письмо, тогда дѣло разберу.

Отъ довѣреннаго г. Бергъ изъ с. Касацкаго получена письменная жалоба на крестьянъ, и возвращена съ надписью: обращаться къ сельскому, потомъ волостному правленію, а потомъ къ посреднику.

Былъ помѣщикъ Степановъ съ дѣломъ пустымъ, но высказалъ многое общее, что въ настоящее время нельзя не принять въ соображеніе. Напр., общее недовѣріе крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ такъ велико, что, хоть говори, хоть нѣтъ, все равно знать не хотятъ, судя по себѣ, что онъ ихъ не можетъ не обманывать.—Всѣ помѣщики и крестьяне одинаково признаютъ, что ускоренное введеніе сельскаго и волостного управленій составляетъ обоюдное спасеніе отъ всѣхъ толковъ и недоумѣній, которыя это время стали было очень усиливаться. Гдѣ этого не успѣли еще сдѣлать, напр. въ Новгородскомъ уѣздѣ, тамъ безпорядки не только продолжаются, но тупое неповиновеніе и самые неблагопріятныя для владѣльцевъ толки умножаются. Крестьяне еще не понимаютъ истиннаго значенія своихъ властей, но очень желаютъ ихъ, много толкуютъ объ этомъ и какъ бы перерождаются въ понятіяхъ, какъ скоро свой староста имъ толкуетъ.

Юня 1. Съ 8-ми часовъ утра выѣхалъ въ волости. Въ Торжковичахъ Смѣвина встрѣтилъ 1-й волостной сходъ и всѣхъ повернулъ за собою въ церковь,—на служеніе Св. Вознесенію Господню. Церковь была полна народу, двѣ трети бабъ и одна треть мужиковъ. По окончаніи обѣдни вся толпа выборныхъ собралась въ новой избѣ, гдѣ болѣе часу толковали о новыхъ порядкахъ.—Здѣсь волость малая, всего 390 душъ, народъ торговый, понимаетъ все хорошо, но, по обыкновенію, испытываетъ, проситъ объясненій.—Слушали съ большимъ вниманіемъ все, что я говорилъ объ обязанностяхъ сходовъ, старосты и старшины. Просили соединить 3 деревни подъ одного сельскаго старосту, что имъ и разрѣшено. Были частныя жалобы о раздѣлахъ, о сдворкахъ и пр., обращенныхъ тутъ же къ разбору по порядку прежде на сельскомъ, а, если обидно, то на волостномъ сходѣ.

Разъяснивъ имъ значеніе волостного схода и назначивъ толковать о содержаніи лицъ служащихъ, я уѣхалъ въ Торжковичи, и черезъ три часа старшина съ новымъ писаремъ изъ односельцевъ принесли приговоръ, въ которомъ опредѣлено: старшинѣ 100 р., писарю 20 р.

Въ Торжковской волости было толковъ болѣе, но исходъ такой же, положено: старшинѣ—300 р., писарю—100 р., судьямъ по 10 р., а старостамъ, смотря по числу душъ, отъ 25-ти до 40 рублей въ годъ.

Здѣсь встрѣтилось первое ослушаніе сельскаго старосты при вызовѣ не смѣшанной повинности на условную работу; приказалъ немедленно оштрафовать каждаго ослушника на 1 р. сер.

Въ Побережьѣ 3-я волость оказалась самою разсудительною, 1-й волостной сходъ положилъ: старшинѣ 550 рублей, писарю 150 р., судьямъ по 50 р. Всѣ толки, хотя были шумны, но сряду вырабатывалась идея правды и порядка. Когда главное кончилось, и я читалъ приговоръ, то на каждой цифрѣ вся толпа единодушно возглашала: тошно такъ, Ваше Превосходительство! О магазинахъ, учетѣ помѣщицею старосты и пр. были весьма дѣльные замѣчанія.—На мой совѣтъ просить у помѣщицы уставной грамоты, чтобы знать свою землю и оброкъ на 20 лѣтъ неизмѣнно, изъявили одобрительное согласіе, видно было, что поняли, въ чемъ дѣло.—Много частныхъ жалобъ сами остановили, говоря, что сами разберемъ и донесемъ Вашему Пр—ву.

Изъ многихъ толковъ съ крестьянами нельзя не припомнить нѣсколько здравыхъ сужденій.—Въ самомъ началѣ нововведенія, когда я упрекалъ крестьянъ къ самовольному толкованію и исполненію новыхъ правилъ, одинъ старикъ мнѣ сказалъ:

— „Батюшко, вѣдь, мы стали своевольны не по своей волѣ, а по нуждѣ,—не было начальства, а помѣщики отъ насъ отказались“.

Вотъ указаніе народное на порядокъ объявленія Манифеста: прежде мировые посредники и волости, а потомъ Манифестъ, между тѣмъ какъ сдѣлано было обратно. Спрашивается: знали ли составители и распорядители свойства нашего народа? Вникнули ли въ потребности и какимъ путемъ думали ихъ удовлетворить?—Нѣтъ, они желали хаоса, революціи, безпорядковъ неукротимыхъ, чтобъ въ мутной водѣ рыбу ловить, поставивъ правительство въ затрудненіе и возбудивъ требованія искусственно согласно своимъ, личнымъ убѣжденіямъ и цѣлямъ, что дѣйствительно могло бы осуществиться, если бъ Господь не хранилъ Россіи до времени, и не благословилъ добродушное намѣреніе Императора Александра II, пославъ ему мысль, при первомъ извѣстіи о безпорядкахъ и застрѣленныхъ, бросить

Лавского въ графскія кресла на вѣчный покой и поставить на его мѣсто П. А. Валуева.

Вотъ министръ, призванный самимъ Богомъ ко благу Россіи.—Немедленно по вступленіи онъ началъ публиковать всѣ происшествія по крестьянскому дѣлу, далъ благотворные циркуляры губернаторамъ и въ теченіе мѣсяца положилъ важныя препятствія къ развитію тѣхъ заднихъ мыслей, какими были преобладаемы: Милютинъ, Черкасскій, Самаринъ съ братією. Слава Богу!

— Но я отвлекся отъ крестьянъ своего мирового участка.

Когда шла рѣчь о сельскомъ начальствѣ и его обязанностяхъ, мнѣ не одинъ изъ мужиковъ говорилъ:

Да, Ваше Превосходительство, это ладно, это у насъ будетъ свой судъ, это хорошо, а то нынѣ парень манпогнетъ дѣвку, старуху, аль старика, да на него суда не сыщешь, а теперь иной и пьяный сдержится, небось, не залаетъ, а то ужъ куда народъ распустился, это, слава Богу, что такъ сдѣлали, можно даже ждать.

2-го іюня. Сегодня третье совѣщаніе на мировомъ съѣздѣ, повѣду, чтобы наблюсти градусъ успѣха въ нашемъ новомъ дѣлѣ.

Всѣ посредники съѣхались къ 6-ти часамъ, но, протолковавъ въ отдѣльныхъ кучкахъ до 7½ часовъ, наконецъ усѣлись за столъ. Секретарь съѣзда началъ читать вопросы, отдѣльно подготовленные для рѣшеній въ общемъ видѣ, и пренія шли довольно связно, вырабатывая отвѣты единогласные. Послѣ двухъ, трехъ вопросовъ предсѣдатель съѣзда вынимаетъ цѣлую тетрадь и начинаетъ читать свое представленіе, въ лицѣ помѣщика, Лужскому мировому съѣзду о неисполненіи крестьянами с. Уторгошъ смѣшанной повинности. Дѣло простое было обставлено полною правотою помѣщика,—кругомъ виноватые крестьяне, давшіе подписку на подсобные дни и отказавшіеся идти на работу.—Когда по окончаніи чтенія мѣстный посредникъ отозвался о томъ, что крестьяне объявили ему прошеніе объ уменьшеніи урочныхъ повинностей, то предводитель защитилъ свое право по данной подпискѣ, но когда посредникъ отвѣчалъ, что крестьяне сомнѣваются, чтобы была взята отъ нихъ подписка, предводитель сталъ горячиться и настаивать на своемъ правѣ.

Изъ этого пренія вышло явленіе довольно странное: предводитель, обратясь съ просьбою въ мировой съѣздъ, какъ помѣщикъ, сталъ судьей въ собственномъ дѣлѣ и защищался сло-

весно противъ мѣстнаго посредника, пользуясь правами председателя.— Явное отступленіе отъ коренного смысла законовъ.— Когда преніе стало слабѣть, и на вопросъ председателя:

— „Что угодно постановить, гг.“?—никто ни слова не отвѣчалъ, я спросилъ у г. Пантелѣева:

— „Въ чемъ состоитъ цѣль предложенія“?

— „Въ возстановленіи права“.

— „Тогда слѣдуетъ обратиться къ закону и отдать прошеніе помѣщика Пантелѣева мировому посреднику, чтобъ, сообразивъ, и представилъ свое заключеніе“.

Всѣ гг. присутствующіе отозвались согласіемъ, и председатель получилъ урокъ.

Затѣмъ мое предложеніе объ увольненіи двухъ крестьянокъ отъ помѣщика Карамышева принято единогласно.

Дѣло г. Мавриной по переселенію крестьянъ дер. Нѣжловицъ было доложено предварительно г. Марковичемъ въ видѣ выписки, но безъ заключенія. Видно было, что молодой человѣкъ, по неопытности недоумѣвая, желалъ вывѣдать мнѣніе большинства и опыта, но это намѣреніе было слабо рассчитано и не могло удалиться по весьма простой причинѣ: несвѣдущіе въ дѣлахъ вообще не находили ни мыслей, ни словъ, ни резолюцій, а свѣдущіе смолчали умышленно.

Пришлось мнѣ же выразить г. Марковичу, что послѣ предварительнаго ознакомленія съ столь сложнымъ дѣломъ, мировому съѣзду остается ожидать мнѣнія посредника.—Имъ же были представлены правила о порядкѣ засѣданій съѣзда, которыя приняты къ руководству, какъ домашнее согласіе. Развѣхались почти въ полночь.

Іюня 3. Полученъ отвѣтъ отъ г. Карамышева о побояхъ крестьянину,—и принять къ свѣдѣнію, хотя и неправильно, но на первое время нельзя иначе.—Ему же отправлено письмо по прошенію крестьянъ дер. Горки, которымъ 6-ть лѣтъ не дозволяется починять домовъ въ видѣ поощренія къ переселенію на другое мѣсто, для ихъ неудобное.

Секретарь мирового съѣзда сказалъ, что получено письмо отъ г. Карамышева, просящаго всѣ его деревни взять изъ моего участка и перечислить къ Лазареву-Станищеву,—я очень радъ, но каково будетъ крестьянамъ ходить за 70 верстъ.

Собщ. А. Половцова.

Продолженіе слѣдуетъ.

Къ статьѣ: „Описаніе Веймарскихъ торжествъ“.

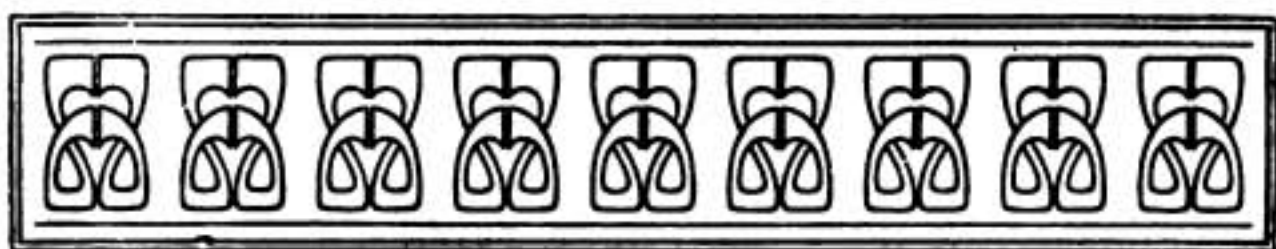
Достопамятная въ русской исторіи Отечественная война 1812 г. вызвала въ послѣдніе годы обширную литературу, посвященную свѣтлой памяти Императора Александра I. „Русская Старина“ дала на своихъ страницахъ также не мало статей для освѣщенія достославной эпохи войнъ Россіи съ Наполеономъ.

Нынѣ редація „Русской Старины“ печатаетъ—въ полномъ переводѣ на русскій языкъ—старинный документъ, изданный въ Веймарѣ въ 1809 г. на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и относящійся къ исторіи Эрфуртскаго конгресса въ 1808 г., на которомъ состоялось свиданіе двухъ могущественнѣйшихъ императоровъ Александра и Наполеона.

Эрфуртскій конгрессъ, долженствовавшій, по ожиданію современниковъ, „рѣшить судьбы народовъ Сѣвера и Юга“ и умиротворить потрясенную страшными войнами Европу, не далъ, однако, крупныхъ политическихъ результатовъ, и блистательныя празднества, устроенныя въ Веймарѣ и въ Іенѣ 6 и 7-го октября 1808 г., которыми закончился конгрессъ, въ дѣйствительности явились однимъ изъ наиболѣе яркихъ эпизодовъ знаменитаго свиданія двухъ императоровъ.

На эти празднества были приглашены, въ лицѣ своихъ правителей или наслѣдниковъ престола, всѣ государства Рейнскаго союза: Вестфалія, Баварія, Вюртембергъ и друг. Изъ Пруссіи прибылъ принцъ Вильгельмъ, братъ короля. Въ нихъ участвовало все высшее общество Германіи и великаны германской литературы—*Гете* и *Виландъ*. Изъ Парижа выписаны были артисты „Théâtre français“, игравшіе передъ „партеромъ королей“. На пышномъ балу, данномъ въ Веймарѣ 6 октября, Наполеонъ, по выраженію историка Тьера „искавшій славу всѣхъ родовъ и обладавшій въ высшей степени сокровищами науки“, оставивъ блистательный кругъ нѣмецкихъ властителей и зайдя въ уголъ залы съ двумя названными выше знаменитыми учеными, долго бесѣдовалъ съ ними о Тацитѣ, „котораго имя—по словамъ его—было ему не страшно“. (Thiers, Hist. du consulat). Но съ мелкими

вассалами Наполеонъ обращался безцеремонно и нерѣдко проявлялъ высокомеріе тирана, какъ на примѣръ въ приглашеніи имъ прусскаго принца посѣтить поле битвы подъ Іеною. Императоръ Александръ, отличавшійся всегда необыкновенно любезнымъ и ласковымъ обращеніемъ, на всѣхъ описываемыхъ здѣсь празднествахъ веймарскихъ охотно принималъ ближайшее участіе во всѣхъ увеселеніяхъ, предложенныхъ высокимъ гостямъ: до того времени никогда не охотившійся, онъ принялъ участіе въ большой охотѣ на оленей и застрѣлилъ одно животное; на балу онъ также принималъ неоднократное участіе въ танцахъ, и всѣ восхищались граціею Монарха.

Торжества въ честь Императоровъ

Александра I и Наполеона I и другихъ коронованныхъ особъ, происходившія въ Веймарѣ и въ Іенѣ

6 и 7 октября 1808 г.

Новѣйшая исторія запечатлѣтъ въ своихъ анналахъ неизгладимыми чертами достопамятное свиданіе двухъ самыхъ могущественныхъ на континентѣ монарховъ, русскаго и французскаго императоровъ, имѣвшее мѣсто съ 27 сентября по 14 октября 1808 г. Здѣсь Наполеонъ и Александръ, одинаково воодушевленные горячимъ желаніемъ даровать Европѣ всеобщій миръ, сошлись, чтобы въ своей мудрости рѣшить судьбы народовъ Сѣвера и Юга. Правда, непроницаемая завѣса политики скрываетъ еще отъ нашихъ глазъ результаты этого важнаго политическаго свиданія, но весьма близкое будущее, чреватое дѣлами и событіями, постепенно откроетъ намъ таинственную завѣсу.

Городъ Эрфуртъ, расположенный въ 4-хъ лье отъ Веймара, былъ признанъ мѣстомъ наиболѣе подходящимъ для свиданія Императоровъ какъ вслѣдствіе близости родственнаго Россіи владѣтельнаго дома Саксенъ-Веймарскаго, такъ и въ виду обширности города и помѣстительности его зданій. Въ нашъ планъ не входитъ описаніе, во всѣхъ деталяхъ, всего происходившаго во время пребыванія Высокихъ Гостей въ Эрфуртъ, такъ какъ во многихъ брошюрахъ все это изложено до мельчайшихъ подробностей. Наша же цѣль заключается въ томъ, чтобы описать тѣ празднества, которыя были устроены великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ, 6 и 7 октября, въ Веймарѣ и Іенѣ, въ честь Императоровъ Наполеона и Александра, королей

и владѣтельныхъ принцевъ, а также изобразить главнѣйшіе моменты этихъ празднествъ и передать память о нихъ потомству. Но каждый разъ, какъ эти празднества будутъ соприкасаться съ пребываніемъ монарховъ въ Эрфуртъ, мы не преминемъ давать о немъ въ настоящемъ трудѣ бѣглые обзоры.

Въ срединѣ сентября наслѣдный саксенъ-веймарскій принцъ вернулся изъ Петербурга, куда онъ сопровождалъ великую герцогиню, свою августѣйшую супругу, и сообщилъ о близкомъ прибытіи въ Веймаръ Его Величества Императора Александра и великаго князя Константина. Всѣ необходимыя приготовленія для встрѣчи этихъ августѣйшихъ гостей были уже закончены, когда, въ 11 часовъ утра 24 сентября, прибылъ въ Веймаръ, вмѣстѣ съ генераломъ Хитрово и флигель-адъютантомъ Олсуфьевымъ, великій князь Константинъ; вмѣстѣ съ этимъ стало положительно извѣстнымъ, что Его Величество Императоръ Александръ прибудетъ сюда же на слѣдующій день. Для встрѣчи и привѣтствованія монарха отъ веймарскаго двора посланъ былъ въ Лейпцигъ тайный совѣтникъ баронъ Вольцогенъ и камергеръ баронъ Зигзаръ (Ziegsar).

Императора Александра ожидали во дворцѣ веймарскомъ къ вечеру 25-го, и поѣтому иностранные принцы, дворянство и весь дворъ собрались, къ этому времени, къ великой герцогинѣ, такъ какъ герцогъ уже отправился въ Эйзенахъ для встрѣчи и привѣтствованія императора Наполеона. Саксенъ-веймарскій наслѣдный принцъ сѣлъ на лошадь, чтобы ѣхать, съ многочисленною свитою, по дорогѣ въ Лейпцигъ, навстрѣчу августѣйшему гостю, въ то время какъ жители, расположившись густыми рядами на всемъ протяженіи отъ крайней оконечности парка до самаго города, съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія высокомиловитоваго монарха. Наконецъ, предшествовавшіе кортежу гусары, а также и звонъ всѣхъ колоколовъ возвѣстили о прибытіи Государа. Кортежъ величественно поднялся на мостъ замка при свѣтѣ факеловъ. Французскіе драгуны, веймарскіе гусары и герцогскіе егеря предшествовали парадной, везомой восемью лошадьми, дворцовой каретѣ, въ которой находились Его Величество Императоръ Александръ съ наслѣднымъ принцемъ веймарскимъ. Графъ Н. Румянцевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, — графъ Толстой, оберъ-маршалъ, — князь Александръ Голицынъ, статсъ-секретарь, — князья Трубецкой, Волконскій, Гагаринъ, все трое генералъ-адъютанты, — Сперанскій, статсъ-секретарь, составляли свиту Его Величества.

Герцогиня саксенъ-веймарская, сопровождаемая принцессою Каролиною, великимъ княземъ Константиномъ, герцогомъ Ольденбургскимъ, наследнымъ принцемъ Мекленбургъ-Шверинскимъ съ принцемъ Павломъ и окруженная всѣми лицами своего Двора и почетными иностранными особами—встрѣтила Его Величество во дворцѣ и ввела его большой залъ.

Монархъ весьма долгое время бесѣдовалъ съ герцогинею, послѣ чего наследный принцъ представилъ Его Величеству его племянницу — прелестную маленькую принцессу Марію. Въ 9 часовъ Его Величество и великій князь Константинъ изволили ужинать съ герцогиней, въ зеркальномъ залѣ, за столомъ на 80 кувертовъ.

Французскій посолъ въ Петербургѣ, оберъ-шталмейстеръ Коленкуръ, прибывшій изъ Эрфурта, чтобы встрѣтить Императора Александра, поспѣшилъ обратно навстрѣчу Императору Наполеону, чтобы сообщить ему о прибытіи русскаго Императора.

26 сентября, Его Величество Императоръ Александръ, проработавъ все утро со своими министрами, около полудня сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ наследнымъ принцемъ саксенъ-веймарскимъ и со свитою, также конною, всѣ направились въ недалеко расположенный отъ города увеселительный замокъ Бельведеръ. По возвращеніи ихъ оттуда, имъ приготовленъ былъ обѣдъ въ большомъ залѣ дворца. Императорскій столъ состоялъ изъ 60 кувертовъ; не менѣе многочисленнымъ былъ и оберъ-маршальскій столъ.

Вечеромъ монархъ вновь работалъ съ министрами, но другія владѣтельныя особы, также какъ и свита Его Величества, отправились въ придворный театръ, гдѣ давалась „Камилла“, опера итальянскаго композитора Паэра.

Во вторникъ, 27-го сентября, около полудня, прибыли французскій маршалъ Ланнъ, герцогъ монтебелльскій, вмѣстѣ съ французскимъ посломъ, герцогомъ виченцскимъ, чтобы оповѣстить Императора Александра о прибытіи, еще утромъ, Императора Наполеона въ Эрфуртъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предувѣдомить, что этотъ послѣдній, въ настоящую минуту, уже выѣхалъ изъ Эрфурта и направляется къ Императору Александру въ Веймаръ. Узнавъ объ этомъ, Императоръ Александръ, въ 1 часъ дня, выѣхалъ изъ Эрфурта вмѣстѣ съ великимъ княземъ Константиномъ и всею своею свитою. Государя сопровождалъ наследный принцъ саксенъ-веймарскій съ эскортомъ изъ французскихъ драгунъ, герцогскихъ егерей и веймарскихъ гусаръ.—„Да исцѣлитъ это свиданіе раны Германіи и да обезпечить оно благо-

денствіе страны",—таковы были молебны всѣхъ жителей Веймара, сопутствовавшія возлюбленному монарху.

Сей день былъ сугубо торжественнымъ днемъ веймарскаго двора, ибо это былъ день коронованія Его Величества Императора Александра, и поэтому онъ былъ пышно отпразднованъ при дворѣ и данъ блестящій балъ.

Императоръ Александръ, какъ мы уже упоминали, выѣхалъ изъ Веймара въ часъ дня. На полъ-пути къ Эрфурту, между деревнями Нора и Отштедтъ, находился тотъ достопамятный пунктъ, гдѣ, около 3 часовъ пополудни, произошла встрѣча обоихъ великихъ монарховъ. Императоръ Наполеонъ пріѣхалъ верхомъ, сопровождаемый блестящею свитою. Когда оба Императора увидѣли другъ друга, Наполеонъ сошелъ съ лошади, а Александръ вышелъ изъ экипажа, и оба монарха сердечно обнялись. Императоръ Наполеонъ привѣтствовалъ также великаго князя Константина Павловича, представилъ имъ принца Нѣвштальскаго, и послѣ этого оба Императора прошли, нѣкоторое время, вмѣстѣ, впереди другихъ, ведя весьма оживленную бесѣду.

Императоръ Александръ имѣлъ на себѣ красную ленту французскаго ордена Большаго Орла, а императоръ Наполеонъ — голубую ленту русскаго ордена Св. Андрея.

Вскорѣ затѣмъ оба монарха сѣли на лошадей и, въ присутствіи 5.000 собранныхъ на парадъ французскихъ войскъ, совершили свой торжественный въѣздъ въ Эрфуртъ при громѣ пушекъ, при звонѣ колоколовъ и при неумолкаемыхъ привѣтственныхъ крикахъ громадной народной толпы. Императоръ Наполеонъ занялъ правительственный дворецъ, а Императоръ Александръ великолѣпный отель Трибея, убранный съ большою роскошью.

Распорядокъ дня, котораго держались августѣйшіе монархи въ Эрфуртѣ, былъ слѣдующій: по пробужденіи своемъ, утромъ они посылали другъ другу взаимныя привѣтствія; послѣ этого, они, каждый въ своемъ дворцѣ, давали аудіенціи или же работали съ своими министрами. Въ полдень они дѣлали смотръ французскимъ полкамъ, расположеннымъ въ Эрфуртѣ и около него, или же осматривали верхомъ окрестности города. Въ 6 часовъ вечера у императора Наполеона былъ обѣдъ въ правительственномъ дворцѣ. Ежедневно здѣсь обѣдали Императоръ Александръ, а также великій князь Константинъ и находившіеся въ это время въ Веймарѣ короли и князь-примать; въ импе-

раторскому столу приглашались также и многіе другіе принцы и принцессы. По вечерамъ, въ 7 часовъ, ежедневно отправлялись въ театръ, гдѣ лучшіе трагическіе артисты Франціи мастерски исполняли классическія произведенія Корнея, Расина и Вольтера. Входъ въ театръ былъ открытъ для всѣхъ пріѣзжихъ, получившихъ билеты отъ французскаго Двора, и они могли свободно лицезрѣть Императоровъ, королей и владѣтельныхъ принцевъ, которые занимали въ партерѣ мѣста въ слѣдующемъ порядкѣ. Императоры сидѣли въ срединѣ перваго ряда, позади оркестра, въ креслахъ, — Александръ справа, Наполеонъ слѣва. Рядомъ съ Императоромъ Александромъ находились мѣста королей баварскаго, саксонскаго и принца-примата, а рядомъ съ Наполеономъ — король вюртембергскій, великій князь Константинъ и принцъ Вильгельмъ прусскій. Принцы, маршалы, министры, генералы и другіе высшіе чины, отдѣленные отъ перваго ряда легкою балюстрадою, занимали весь партеръ. Множество орденскихъ лентъ, богатство расшитыхъ золотомъ мундировъ — производили ослѣпительный эффектъ. Это было необыкновенное, единственное зрѣлище, когда на столь небольшомъ пространствѣ можно было видѣть столько монарховъ, принцевъ, знаменитыхъ генераловъ и государственныхъ дѣятелей. Въ большой, по срединѣ, ложѣ были король и королева вестфальскіе, а также много другихъ принцессъ. Остальныя ложи перваго и втораго ярусовъ были заняты пріѣзжими, получившими билеты. Спектакль обыкновенно оканчивался въ 10 часовъ, послѣ чего императоръ Наполеонъ всегда сопровождалъ Императора Александра въ его дворецъ, гдѣ оба монарха оставались обыкновенно до полночи, оживленно бесѣдуя о важнѣйшихъ вопросахъ.

Число владѣтельныхъ особъ въ Эрфуртѣ ежедневно увеличивалось до 5-го октября. Къ этому времени постепенно прибыли: король баварскій, саксонскій, вюртембергскій, король и королева вестфальскіе съ блестящею свитою, принцъ-примать и много герцоговъ и принцевъ; многочисленныя толпы лицъ изъ высшаго общества, прибывшихъ со всѣхъ концовъ Германіи, оживили обыкновенно пустынные улицы города Эрфурта, казалось, сдѣлавшагося нынѣ, какъ по волшебству, столицею всего континента.

Давъ этотъ бѣглый очеркъ событій, театромъ которымъ былъ Эрфуртъ, мы перейдемъ теперь къ главной цѣли нашего описанія, именно къ торжествамъ, которыя были устроены, 6 и 7 октября, владѣтельнымъ великимъ герцогомъ саксенъ-вей-

марскимъ, въ честь Императоровъ, королей и принцевъ, какъ въ самомъ Веймарѣ, такъ и въ окрестностяхъ этой резиденціи.

Прежде всего всѣ Высочайшія особы были приглашены принять участіе въ большой охотѣ на оленей. По полученіи отъ нихъ согласія, въ лѣсу Эттерсберга, расположенномъ близъ Веймара, были сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія для этой охоты. Было употреблено восемь дней, чтобы устроить, подъ управленіемъ главнаго оберъ-форстмейстера барона Фриша, загороды для охоты, для каковой работы ежедневно требовалось по нѣсколько сотъ загонщиковъ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ охотничьяго замка Эттерсберга, между большимъ и малымъ Эттерсбергомъ, на открытомъ мѣстѣ,—откуда представлялся живописнѣйшій видъ на равнину Тюрингенскую, по направленію къ рѣкѣ Унструтъ,—былъ сооруженъ павильонъ, откуда монархи должны подстрѣливать дикихъ животныхъ. Этотъ павильонъ, изображенный здѣсь на рисункѣ, представлялъ изъ себя открытую палатку, имѣющую форму портика, и такимъ образомъ онъ состоялъ изъ партера, а крышей ему служилъ парусинный наметъ, державшійся на древесныхъ стволахъ въ видѣ колоннъ, украшенныхъ сверху, на подобіе пальмовыхъ деревьевъ, вѣтвями и красными плодами. Вся постройка имѣла въ длину 223 фута и въ ширину 51 футъ и занимала площадь въ 10 тысячъ квадратныхъ футовъ. Боковыя стѣны павильона были совершенно глухія, а лицевыя совсѣмъ открытыя и каждая изъ нихъ была украшена десятью колоннами, высотой въ 22 фута; все сооруженіе было украшено гирляндами изъ цвѣтовъ и фруктовъ, что сообщало всему оживленный, праздничный видъ.

Внутренняя часть павильона была раздѣлена на три главныя части: залу для императоровъ и двѣ залы—для свиты. Зала для императоровъ, имѣвшая 73 фута длины и 51 футъ глубины, находилась въ серединѣ и была на 8 ступеньки выше смежныхъ залъ, предназначенныхъ для свиты. Остальное пространство по бокамъ, раздѣленное на двѣ равныя части, заключало въ себѣ кухню, погребъ и помѣщенія для прислуги, а также для оружія. Вокругъ всего павильона образовали загороду, отдѣленную отъ мѣста, куда былъ загнанъ звѣрь, раздвижною парусиною; за этою загородою было устроено много балконовъ для зрителей, хотя ихъ все-таки оказалось недостаточно въ виду громаднаго числа пріѣзжихъ лицъ. Уже съ ранняго утра сюда стали стекаться тысячи зрителей; чудный осенній день благопріятствовалъ этому развлеченію въ откры-

томъ полѣ и все имѣло видъ веселаго народнаго празднества. Нѣсколько рядовъ лавокъ съ съѣстными припасами и со всевозможными напитками были къ услугамъ зрителей.

Въ 10 часовъ утра великій герцогъ саксенъ-веймарскій отъѣхалъ отъ павильона навстрѣчу императорамъ и королямъ. Великаго герцога сопровождали его охотничій дворъ, подъ управленіемъ оберъ-егермейстера Стаффа, и главные смотрители за лѣсами Арисфальдъ, Фришъ, Зеебахъ и Шварценфельдъ. На оберъ-форстмейстера Линкера было возложено наблюденіе за павильономъ и за устройствомъ завтрака.

Императоры отбыли изъ Эрфурта около полудня; на пограничной чертѣ города они были встрѣчены великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ, а въ селеніи Штеденъ—свитой, сопровождавшею ихъ до самаго павильона, куда они прибыли въ 1 часъ дня.

Ихъ Величества были встрѣчены здѣсь трубными звуками и привѣтственными восклицаніями безчисленной толпы зрителей. Короли баварскій, саксонскій и вюртембергскій, также какъ принцъ-примать—прибыли къ павильону немного раньше Императоровъ.

Кромѣ многихъ принцевъ германскихъ, здѣсь присутствовали также принцъ невшательскій Бертъ и маршалы Франціи—герцогъ Далмаціи Сульть и герцогъ Монтебелло Ланнъ. Монарховъ сопровождала блестящая свита изъ генераловъ и знатныхъ дворянъ.

Императоры и короли заняли середину павильона, гдѣ былъ сервированъ завтракъ.

Охота началась въ назначенный часъ; загороды были открыты, дичь была погнана впередъ, трубы и литавры, размѣщенные на особой эстрадѣ, возвѣстили о появленіи гонимыхъ оленей.

Первое охотничье ружье было подано Монархамъ слѣдующими лицами:

Императору Франціи—принцемъ Невштельскимъ, оберъ-егермейстеромъ Франціи.

Императору Россіи—оберъ-егермейстеромъ Стаффомъ.

Королю баварскому—оберъ-форстмейстеромъ Шварценфельдомъ.

Королю саксонскому—оберъ-форстмейстеромъ Линкеромъ.

Королю вюртембергскому—оберъ-форстмейстеромъ Арисфальдомъ.

При императорѣ Наполеонѣ находились: шесть его пажей,

оруженосцевъ и четыре пикера. Преданный ему мамелюкъ Рустанъ ¹⁾ и оруженосецъ заряжали его ружья.

Императоры и короли стрѣляли очень часто и убили къ 4 часамъ, когда закончилась охота: 47 оленей, 5 козулей, 3 зайца и 1 лисицу

Ни малѣйшій инцидентъ не нарушилъ удовольствія, доставленнаго описанною выше охотою. Въ 4 часа закончился этотъ, чисто-нѣмецкій, охотничій праздникъ, и императоры, короли, принцы, покинули Эттерсбергъ и направились въ экипажахъ къ Веймару. При приближеніи, около 5 часовъ вечера, къ этому городу, они были встрѣчены звономъ всѣхъ колоколовъ. У воротъ Св. Якова они были почтительно привѣтствованы магистратомъ города, а жители съ значками разныхъ корпорацій расположились двойнымъ рядомъ вдоль улицъ до самаго дворца, у котораго стоялъ военный караулъ. Такъ совершили свой въездъ въ Веймаръ августѣйшіе Императоры въ открытомъ охотничьемъ экипажѣ, въ которомъ каждый изъ толпы могъ свободно лицезрѣть ихъ.

Кортежъ пересѣкъ площадь Карла, эспланаду и отсюда направился къ замку, гдѣ Ихъ Величества были встрѣчены, внизу большой лѣстницы, великимъ герцогомъ веймарскимъ, герцогинею, наследнымъ принцемъ, принцессою Каролиною, всѣмъ собравшимся Дворомъ и знатнѣйшими лицами изъ числа пріѣзжихъ и проведены въ апартаменты герцогини, отведенные императору Наполеону. Его Величество Императоръ Александръ занялъ апартаменты, сосѣдніе съ большимъ заломъ, которые онъ уже занималъ раньше.

Короли баварскій, саксонскій, вюртембергскій, также какъ принцъ-примать, по окончаніи охоты также направились вслѣдъ за императорами, въ Веймаръ. Имъ отвели помѣщеніе во дворцѣ принца и въ нѣсколькихъ другихъ лучшихъ частныхъ домахъ, и каждому изъ нихъ была назначена почетная стража, состоявшая изъ одного офицера и 20 герцогскихъ фювилеровъ. Герцогская охрана занимала также всѣ посты въ замкѣ. Во время императорской охоты въ эту же резиденцію прибыла изъ Эрфурта королева вестфальская и заняла дворецъ герцогини Амаліи.

Въ 6 часовъ, когда всѣ короли со своими свитами собрались около императоровъ, состоялся обѣдъ. Императорскій столъ имѣлъ 16 кувертовъ. Кромѣ императоровъ, за этимъ столомъ находи-

¹⁾ Этотъ „преданный“ мамелюкъ позже, въ 1814 г., былъ одинъ изъ первыхъ, оставившихъ Наполеона. А. Л.

лись: королева вестфальская, короли баварскій, саксонскій, вюртембергскій, герцогиня и принцесса Каролина саксенъ-веймарскія, принцъ-примать, принцъ Вильгельмъ прусскій, принцы невшательскій и беневентскій, герцогъ ольденбургскій, наслѣдный принцъ мекленбургъ-шверинскій, герцогъ и наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскіе. Король вестфальскій и великій князь Константинъ, по нездоровью, не явились къ императорскому столу. Первые герцогскіе придворные сановники должны были служить Ихъ Величествамъ за столомъ, но въ самомъ началѣ обѣда это было отклонено Монархами. Императоръ Наполеонъ былъ обслуживаемъ своими собственными пажами, а Императоръ Александръ—пажами герцогскаго Двора. Однако всѣ назначенные служить у стола придворные оставались стоять повади Высочайшихъ особъ, также какъ и камергеръ баронъ Шпигель, за отсутствіемъ маршала двора барона Эглофштейна несшій обязанности маршала, продолжалъ оставаться передъ столомъ. Обѣдъ продолжался около часа времени.

За маршальскимъ столомъ обѣдали слѣдующія лица:

Полковникъ и камергеръ Зеебахъ, несшій обязанности маршала.

Свита русскаго императора: посолъ при французскомъ дворѣ графъ Толстой, князья: Голицынъ, Волконскій, Гагаринъ; посолъ при саксонскомъ дворѣ Ханыковъ, министръ Сперанскій, графъ Шуваловъ, графъ Ожаровскій, г.г. Аракчеевъ и Балабинъ и лейбъ-медикъ Императора Александра Виллье.

Свита французскаго императора: министръ статсъ-секретарь герцогъ бассанскій Маретъ, оберъ-маршалъ герцогъ фриульскій Дюрокъ, маршалъ Франціи герцогъ далматскій Сульть, маршалъ Франціи герцогъ монтебелльскій Ланнъ, герцогъ ровижскій Савари, оберъ-шталмейстеръ герцогъ виченцскій Коленкуръ, первый камергеръ графъ Ремюза, посолъ при саксонскомъ дворѣ Бургунъ, генералы Нансути и Лористонъ, дворцовые префекты Монтескью и Бессе и г.г. Канувилль и Кавалетти.

Свита короля баварскаго: государственный министръ баронъ Монжелясъ, генералъ графъ Вартенбергъ и генералъ графъ Рейссъ.

Свита вюртембергскаго короля: оберъ-шталмейстеръ графъ Горлицъ, генералъ-маіоръ Дилленъ, графъ Сальмъ, генералъ-адъютанты: принцъ Гогенлоу, Бреннингъ и Мольтке.

Свита короля саксонскаго: оберъ-шталмейстеръ графъ Марколинни, генералъ-адъютанты: Гутшмидтъ, Функъ и Петриковскій и камергеръ Габленцъ.

Свита королевы вестфальской: первая дама д'Атуръ, графъ Трухсессъ и графъ Фюрстенштейнъ.

Свита принца-примата: князь Лейенъ, графъ Бейстъ, государственный секретарь, и генераль Фирфъ, маршалъ двора.

Въ общемъ всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ 6 октября въ замкѣ Веймара было до 550 человекъ.

Послѣ обѣда предполагался концертъ, но, за недостаткомъ времени, онъ не могъ состояться.

Въ 7 часовъ Императоры и другіе владѣльные особы отправились въ придворный театръ. Замокъ, его окрестности и городъ были иллюминированы съ большимъ вкусомъ. Обелискъ въ 60 футъ высотой, воздвигнутый передъ замкомъ, бросалъ далеко кругомъ снопы яркаго свѣта. Чудный мягкій, осенній, вечеръ придавалъ еще больше очарованія общей картинѣ.

Въ театрѣ императоры и короли заняли мѣста, какъ и въ Эрфуртѣ, въ партерѣ. Здѣсь, близъ оркестра, для нихъ было устроено особое, нѣсколько возвышенное, мѣсто. Полъ былъ покрытъ турецкимъ ковромъ и на немъ поставлены были два богато украшенныхъ кресла для Императоровъ и по обѣимъ отъ него сторонамъ—стулья для королей, принца-примата, великаго князя Константина и принца Вильгельма прусскаго. Остальная часть партера была занята принцами и ихъ свитою. Въ герцогской ложѣ, по срединѣ, сидѣла королева вестфальская, рядомъ съ великой герцогинею саксенъ-веймарскою. Герцогиня саксенъ-мейнингенская, принцесса турьская и герцогиня Александра вюртембергская—заняли мѣста направо, принцесса Каролина веймарская—налѣво и придворныя дамы—въ глубинѣ ложи. Балконъ и первыя ложи были наполнены дамами въ изысканныхъ костюмахъ.

Императоръ Наполеонъ приказалъ прибыть сюда изъ Эрфурта французской труппы, и эти превосходные артисты разыграли въ этотъ вечеръ „Смерть Цезаря“ Вольтера съ большимъ искусствомъ. Знаменитый Тальма, въ роли Брута, проявилъ во всемъ блескъ свой великій трагическій талантъ и вполне заслуженно вызвалъ общее восхищеніе всѣхъ зрителей. Не менѣе превосходно сыгралъ свою роль Юлія Цезаря и артистъ Сень-При.

По окончаніи спектакля, оба Императора сѣли вмѣстѣ въ экипажъ, проѣхали по нѣсколькимъ, роскошно иллюминированнымъ, улицамъ и вернулись въ замокъ, гдѣ вскорѣ послѣ этого начался балъ. Его Величество Императоръ Россіи открылъ его

съ королевою вестфальскою полонезомъ. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ принимали неоднократно участіе въ танцахъ, и всѣ удивлялись граціи августѣйшаго монарха. Императоръ Наполеонъ удостоивалъ вступать въ оживленную бесѣду со многими изъ присутствовавшихъ на балу. Это счастье выпало и на долю великихъ поэтовъ Гете и Виланда. Съ обоими изъ нихъ герой нашего вѣка разговаривалъ очень долго, съ послѣднимъ многократно возобновляя бесѣду; онъ велъ ученый споръ съ легкостью генія и съ глубокимъ проникновеніемъ, подымая много важныхъ вопросовъ изъ области исторіи и литературы, — древней и новой. Его широко-объемлющій ужъ трактовалъ эти вопросы съ новой возвышенной точки зрѣнія. Этотъ, съ глубокимъ умомъ, монархъ почтилъ особою благосклонностью корифеевъ германской литературы и чрезъ это далъ самое лестное доказательство, что нація, которой онъ состоитъ протекторомъ, достойна его и что онъ уважаетъ и цѣнитъ ея литературу и языкъ, которые составляютъ ея истинный національный союзъ. Передъ возвращеніемъ, въ часъ ночи, въ свои апартаменты, императоръ Наполеонъ еще разъ вступилъ въ весьма оживленную бесѣду съ тайнымъ совѣтникомъ Гете.

Его Величество Императоръ Александръ соблаговолилъ принимать весьма дѣятельное участіе на балу, который окончился около 8 часовъ и который вполне заслужилъ быть названнымъ необыкновенно блестящимъ.

Такъ закончился навсегда достопамятный въ анналахъ Веймара день 6 октября, когда мы имѣли счастье видѣть въ нашихъ стѣнахъ двухъ императоровъ, королеву, трехъ королей и множество принцевъ, государственныхъ людей и выдающихся генераловъ. Этотъ единственный день далъ цѣлый рядъ празднествъ, которымъ благопріятствовала и чудная погода. Ни одинъ непріятный случай не омрачилъ торжественнаго веселія этого дня.

Императоръ Наполеонъ выразилъ желаніе вмѣстѣ съ Императоромъ Александромъ посѣтить поле битвы при Іенѣ, расположенное въ 4 часахъ пути отъ Веймара; въ виду этого великій герцогъ саксенъ-веймарскій поручилъ коменданту города Іены — сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія для встрѣчи и пріема знаменитыхъ монарховъ, каковое порученіе и было выполнено блестяще.

7-го октября, въ 9 часовъ утра, оба императора выѣхали изъ веймарскаго замка и въ роскошномъ, уже упомянутомъ

выше охотничьемъ экипажѣмъ направились въ сторону Іены. Веймарскіе гусары имѣли счастье служить эскортомъ обоимъ императорамъ, которымъ сопутствовали короли баварскій, саксонскій, великій князь Константинъ, великій герцогъ и наследный принцъ саксенъ-веймарскіе, наследный принцъ ольденбургскій, маршалы Бертъе, Сультъ и Ланнъ и многіе другіе изъ свиты.

Не заѣзжая въ Іену, поѣхали черезъ Фирценхейлингень къ высотамъ Ландграфенберга, близъ Іены. Здѣсь именно, находясь на самомъ возвышенномъ пунктѣ этихъ высотъ, называвшемся раньше Виндкнолленъ, а теперь названномъ Наполеоновской горой, императоръ Франціи велъ битву 14-го октября 1806 г. Съ этихъ высотъ открывается на югъ и на востокъ самая живописная часть долины р. Заалы; что же касается недалеко отсюда лежащаго города Іены, то онъ скрытъ отъ взора Ландграфенбергомъ. Къ сѣверо-западу и къ сѣверу развертывается знаменитое поле сраженія съ примыкающими къ нему деревнями Коспода, Кловевидъ и Люцероде. Этотъ пунктъ, столь достойный быть отмѣченнымъ въ современной исторіи, былъ выбранъ въ настоящее время, чтобы, въ ознаменованіе происходящихъ торжествъ, соорудить здѣсь, подъ руководствомъ іенскаго профессора Штурма, храмъ въ дорическомъ стилѣ, съ фасадомъ, обращеннымъ на западъ, или къ Веймару. Наверху четырехъ колоннъ перестили читалась слѣдующая хронограмма, составленная надворнымъ совѣтникомъ Эйхштедтомъ:

praesentes Divos nunc prisca thuringia iunxit
en novus attonitos iunget amor populos.

Императоры и принцы, обозрѣвъ поле битвы, прибыли къ 10 часамъ утра, нѣкоторые въ экипажахъ, другіе верхомъ, къ упомянутому выше храму на верху Наполеоновской горы. Въ первомъ экипажѣ были король саксонскій съ графомъ Марколини, во второмъ — король баварскій съ министромъ Монгелясъ. Послѣ довольно значительнаго промежутка времени прибыли верхомъ веймарскіе придворные чины, за которыми слѣдовалъ, также верхомъ, въ охотничьемъ костюмѣ, и великій герцогъ веймарскій. Вскорѣ послѣ этого показался блестящій охотничій экипажъ съ обоими императорами, Наполеономъ направо и Александромъ — налево. Ихъ Величества очень привѣтливо отвѣчали на поклоны и привѣтствія безчисленной толпы зрителей, собравшейся здѣсь въ этотъ чудный осенній день. Жители Іены, имѣя во главѣ префекта этого города — Отто, собра-

лись въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога къ храму отходитъ отъ главной дороги Апольды, и здѣсь присоединили свои голоса къ звукамъ трубъ и литавръ, оглашая воздухъ восклицаніями: „да здравствуютъ Императоры“ въ тотъ моментъ, когда ихъ величества изволили прослѣдовать мимо нихъ.

Императоры и короли остановились у храма, построеннаго на мѣстѣ, откуда открывался далекій видъ. Здѣсь ихъ величества долго рассматривали окрестную мѣстность. Великій герцогъ веймарскій предложилъ императору Наполеону подробный планъ этой мѣстности, составленный въ самое послѣднее время лучшими инженерами. На этомъ планѣ императоръ Франціи лично показалъ императору Россіи главнѣйшіе пункты атаки во время іенскаго сраженія.

Спустя нѣкоторое время государи спустились съ высотъ Наполеоновской горы на плато, нѣсколько ниже лежащее, но то именно мѣсто, гдѣ императоръ Наполеонъ, окруженный своею гвардіею, расположился биваками въ ночь, предшествовавшую іенскому бою. Здѣсь теперь заблаговременно разбито было нѣсколько палатокъ и въ нихъ былъ приготовленъ для высокихъ гостей завтракъ. Въ одной изъ палатокъ находился столъ для государей, и онъ обслуживался высшими придворными чинами и пажами, столъ же для свиты императоровъ и королей былъ приготовленъ на открытомъ воздухѣ и обслуживался офиціантами герцогскаго двора.

Въ нѣкоторомъ разстояніи это мѣсто было огорожено двойнымъ рядомъ шестовъ, перевитыхъ шнуромъ. Для поддержанія порядка были разставлены, съ промежутками, герцогскіе часовые. Во внутреннемъ пространствѣ, но на нѣкоторомъ разстояніи отъ палатокъ, стояли великолѣпныя верховыя лошади императоровъ, вмѣстѣ съ вѣрнымъ мамелюкомъ Рустаномъ. Передъ палатками зажгли большіе бивачные огни, придавшіе всему мѣсту видъ лагерной стоянки.

Во время завтрака обоимъ императорамъ была дана аудіенція двумъ депутаціямъ Іенскаго университета. Депутація, представлявшаяся императору Франціи, состояла изъ тайнаго совѣтника Старка, надворнаго совѣтника Генриха и профессора Генри; другая депутація, явившаяся къ императору Россіи, состояла изъ церковнаго совѣтника Габлера и надворныхъ совѣтниковъ Эйхштедта и Шнауберта. Ихъ Величества оказали этимъ депутаціямъ самый милостивый пріемъ и удостоили ихъ продолжительнымъ разговоромъ. Императоръ Наполеонъ очень подробно расспрашивалъ о потеряхъ, понесенныхъ городомъ

Изображеніе большой охоты на козъ, устроенной Герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ 6 октября 1808 г. въ честь Императоровъ Александра и Наполеона въ Этеребергѣ, близъ Веймара.

Іеною, и съ чисто императорскою щедростью уврачевалъ раны городского населенія значительными подарками городу. Позже тайный совѣтникъ Старкъ, бургомистръ города Іены Фогель и профессоръ Генри были пожалованы орденами Почетнаго Легиона въ награду за попеченіе о раненыхъ французскихъ воинахъ. Послѣ завтрака всѣ владѣльцы особы сѣли на лошадей или въ экипажи и, сопровождаемые великимъ герцогомъ веймарскимъ, отправились на ближайшее плато Ланграфенберга, чтобы со стороны Фалькенскаго лѣска осмотрѣть городъ и окрестности Іены, которыхъ императоръ Россіи еще не видѣлъ.

Отсюда Монархи поѣхали обратно, чрезъ Наполеонову гору, по направленію къ Косподѣ, и осмотрѣли различные пункты поля битвы до Кришпендорфа и Фирценхейлигена. Послѣ этого Ихъ Величества, отѣхавъ отъ поля битвы, прибыли вскорѣ въ окрестности города Апольды, гдѣ вторично состоялась большая охота на красныхъ звѣрей. По окончаніи ея, Императоры направились къ Веймару, куда и прибыли къ 8 часамъ дня. Смѣнивъ, у воротъ Эрфуртскихъ, лошадей они продолжали свой обратный путь къ городу Эрфурту.

Нарисовавъ исторически вѣрную картину празднествъ, данныхъ въ Веймарѣ и Іенѣ, мы напомнимъ еще здѣсь, въ краткомъ изображеніи, о событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ Эрфуртѣ до 14 октября, т. е. до дня окончанія достопамятнаго свиданія. Число владѣтельныхъ особъ ежедневно увеличивалось до 10 октября. Къ этому дню прибыли, въ числѣ другихъ, наслѣдныи великій герцогъ баденскій съ своею супругою принцессою Стефаніей, а также наслѣдныи великій герцогъ гессенскій.

Это было необычайное и единственное зрѣлище для всѣхъ присутствовавшихъ въ это время въ Эрфуртѣ—видѣть, при представленіяхъ въ здѣшнемъ французскомъ театрѣ, собравшимся вмѣстѣ двухъ Императоровъ, одну королеву, четырехъ королей, четырехъ принцессъ, сорока герцоговъ и принцевъ, множество генераловъ, государственныхъ министровъ и пословъ.

12 октября Императоръ Наполеонъ пожаловалъ крестъ Почетнаго Легиона великимъ поэтамъ германскимъ Гёте и Виланду какъ блестящее свидѣтельство того уваженія, которымъ онъ почтилъ ихъ выдающіеся таланты, а министръ статсъ-секретарь Маре вручилъ веймарскому епвоуэ, тайному совѣтнику Миллеру, два письма по сему предмету, написанныя въ выраженіяхъ самыхъ лестныхъ для двухъ новыхъ орденскихъ кавалеровъ.

Будучи убѣждены, что краткій перечень трагедій, которыя были даны французскимъ театромъ въ Эрфуртѣ, начиная съ 28-го сентября и кончая 13-мъ октября, не можетъ не представляться крайне интереснымъ, мы даемъ здѣсь этотъ перечень:

Сентября: 28-го—„Цинна“, Корнея; 29-го—„Андромаха“, Расина; 30-го—„Британикъ“, Расина. Октябрь: 1-го—„Заира“, Вольтера; 2-го—„Митридатъ“, Расина; 3-го—„Эдипъ“, Вольтера; 4-го—„Ифигенія въ Авлидѣ“ и 5-го—„Федръ“, Расина; 6-го—„Смерть Цеваря“, Вольтера; 7-го—„Горацій“, Корнея; 8-го—„Родогуна“, Корнея; 9-го—„Магометъ“, Вольтера; 10-го—„Рамистъ и Зеновія“, Кребильона; 11-го—„Сидъ“, Корнея; 12-го—„Манлій Капитолинъ“, де-ла Фосса; 13-го—„Баязедъ“, Расина.

Знаменитѣйшіе драматическіе артисты французской сцены: Рокуръ, Тальма, Дюшенуа и Бургуэнъ въ женскихъ роляхъ и Тальма, С.-При, Лафонъ и Дама въ мужскихъ роляхъ—сопереживали другъ съ другомъ въ этихъ классическихъ твореніяхъ.

13-го октября были сдѣланы всѣ приготовленія къ отъѣзду. Обоими Императорами были распределены драгоценные подарки какъ для Веймара, такъ и для Эрфурта. Принцъ невшательскій и беневентскій были награждены русскими орденами Св. Андрея Первозваннаго съ брилліантовою звѣздою. Этотъ же орденъ получили: графъ Шампаньи, министръ иностранныхъ дѣлъ, и герцоги монтебелльскій и виченцскій.

Большой крестъ Почетнаго Легіона былъ пожалованъ графу Румянцеву, русскому министру иностранныхъ дѣлъ, и оберъ-маршалу графу Толстому.

Его Величество Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Эрфурта, со всею своею свитою, въ полдень 14 октября 1808 г. Императоръ Наполеонъ сопровождалъ его по дорогѣ въ Веймаръ, до мѣста, гдѣ Ихъ Величества встрѣтились въ первый разъ и гдѣ теперь августѣйшіе монархи разстались другъ съ другомъ. Такъ закончилось это свиданіе, достойное быть навѣки занесеннымъ въ лѣтописи исторіи.

Императоръ Наполеонъ покинулъ Эрфуртъ въ тотъ же день, чтобы возвратиться въ Парижъ; но Императоръ Александръ почтилъ веймарскій дворъ своимъ присутствіемъ до 16-го октября. Сюда же, въ Веймаръ, прибыли также наслѣдный великій герцогъ баденскій, съ своею супругою, наслѣдный великій герцогъ гессенскій и многіе другіе принцы. При дворѣ состоялся

большой обѣдъ, и вечеромъ, въ 7 часовъ, въ придворномъ театрѣ дана была опера „Камилла“ Паэра. Дворецъ и городъ были роскошно иллюминированы. Празднества этого дня закончились блестящимъ баломъ при дворѣ, который былъ открытъ Его Величествомъ Императоромъ Александромъ съ принцессою Стефаніею, наслѣдною великою герцогинею баденскою.

Утромъ 15-го октября лица имѣли честь быть представленными Императору Александру, послѣ чего Его Величество отправился на прогулку въ герцогскій паркъ. Во время обѣда за императорскимъ столомъ было 80 кувертовъ; не менѣе многочисленнымъ былъ и маршальскій столъ. Послѣ обѣда знаменитый Тальма и его супруга декламировали при Дворѣ, съ высокою талантливостью, многія сцены изъ „Макбета“ и „Отелло“, и Его Величество наградилъ ихъ съ истинно Императорскою щедростью.—Въ театрѣ состоялось представленіе „Дон-Карлоса“ Шиллера. Послѣ того въ замкѣ былъ балъ, въ которомъ приняли участіе Императоръ и великій князь Константинъ. Наши великіе поэты Гёте и Виландъ также явились на балъ, украшенные орденомъ Св. Анны, которымъ Его Величество удостоилъ наградить ихъ въ этотъ день.

Его Величество Императоръ Александръ покинулъ Веймаръ 16 октября въ 9 часовъ утра; съ этимъ отъѣздомъ закончились празднества, устроенныя въ честь Императоровъ и память о которыхъ сохранится навсегда въ анналахъ города Веймара.

Къ рисунку.

Общій видъ большой охоты на оленей, устроенной въ честь Ихъ Величествъ Императоровъ Александра I и Наполеона 6 октября 1808 г. на Эттерсбергѣ, близъ Веймара, великимъ герцогомъ саксенъ-веймарскимъ.

Рисовалъ съ натуры и гравировалъ *Швердтсбургъ* въ Веймарѣ.

Посреди́нѣ большого охотничьяго павильона (описаннаго на стр. 318) стоятъ августѣйшія особы, стрѣляющія въ оленей, въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) императоръ Наполеонъ, 2) Императоръ Александръ, 3) король баварскій, 4) король саксонскій, 5) король виртембергскій, 6) князь-примать, 7) великій герцогъ саксенъ-веймарскій, 8) наслѣдный принцъ саксенъ-веймарскій.—Загонщики, одѣтые въ платье дикихъ, оттаскиваютъ отъ мѣста, гдѣ стоятъ Императоры, подстрѣленныхъ оленей. Направо видно, какъ оленей загоняютъ въ ограду чрезъ раздвижную парусину. За оградой виднѣются трибуны, занятыя зрителями.

Сообщ. А. С. Лацинскій й.

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

I

Послѣ боя.

Штилъло. На небѣ не было видно ни единого облачка. Солнце стояло высоко надъ головой; палящіе лучи его ослѣпляли глаза и нагрѣвали догоряча темную поверхность бортовъ, трубъ и другихъ, окрашенныхъ въ боевую краску, частей крейсера.

Эта теплота, этотъ жаръ передавались во внутреннія помѣщенія, но въ нихъ еще возможно было бы дышать, если бы и туда не проникалъ тяжелый смрадный запахъ съ верхней палубы: подъ вліяніемъ лучей солнца, трупы убитыхъ, кровь отъ раненыхъ, начали быстро разлагаться, и испаренія, исходящія отъ нихъ, становились опасными для большого количества раненыхъ, находившихся въ нижнихъ палубахъ—могло произойти у нихъ зараженіе крови и прибавились бы къ числу погибшихъ во славу русскаго оружія еще ненужныя жертвы.

И какъ только скрылись изъ вида японскіе крейсера, какъ только, послѣ горячки боя, почувствовали этотъ запахъ, тотчасъ же приняли рѣшительныя мѣры къ парализованію вреднаго его вліянія.

Шланги, черезъ которые во время боя непрерывно била струя воды и которыя употреблялись лишь для тушенія пожаровъ, теперь были направлены на борта, на палубу; даже на боевой марсѣ хотѣли поднять самый длинный шлангъ, чтобы тамъ обмыть внутренность его, вѣроятно забрызганную кровью и запачканную останками человѣческихъ тѣлъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, Январь 1914 г.

сообщить батюшкѣ о готовности къ погребенію, а въ машину за колостниками.

Нѣсколько оставшихся въ живыхъ матросовъ - пѣвчихъ, оставшіеся въ цѣлыхъ офицеры и свободная команда окружили батюшку и прослушали короткое молитвословіе; затѣмъ у выхода къ правому трапу поставили наклонно двѣ широкихъ доски, прикрѣпили ихъ къ сѣткамъ и подъ пѣніе „со святыми упокой“ стали спускать въ море убитыхъ воиновъ, обернутыхъ по двое въ койкѣ съ привязанными къ нимъ колостниками.

Печально было пѣніе; истово крестились присутствующіе, безмолвно слѣдя за падающими за бортъ длинными тучами и черезъ секунду исчезающими въ тысячесаженной глубинѣ Японскаго моря; каждый думалъ, что и ему грозила въ этотъ день та же участь, но не казалась эта смерть тяжелой, а тяжела была обстановка погребенія въ глубинѣ чуждаго моря, гдѣ уже никому не найти могилу погибшаго близкаго.

Но еще больнѣе становилось за тѣхъ двухъ убитыхъ, трупы которыхъ вслѣдствіе плохой привязки колостниковъ, выскользнули изъ охватывавшихъ ихъ штертовъ и всплыли на поверхность воды—достанутся они на добычу кровожаднымъ акуламъ; а такой ли посмертной судьбы они заслужили?!... „Вяжите колостники крѣпче“. „Аккуратнѣе, братцы“—послышались тихіе возгласы, звучавшіе горькой укоризной, и подобныхъ случаевъ больше не повторилось.

Къ часу дня верхняя палуба, борта, помѣщенія, гдѣ были раненые—все было основательно вымыто и разбитые и боемъ, и наступившей томительной жарой, свободные офицеры и команда могли бы, казалось, отдохнуть, но не всѣмъ была дана эта возможность и не всякій захотѣлъ ею воспользоваться: на крейсера находилось двѣсти раненыхъ, за которыми былъ необходимъ уходъ.

Два доктора, батюшка, два фельдшера и санитары, не покладая рукъ, работали во время боя: одинъ за другимъ являлись раненые, перевязывались, уходили наверхъ; иныхъ приносили на носилкахъ и доктора дѣлали серьезныя операціи, благодаря искусному выполненію которыхъ, сохранилась жизнь бойцовъ; приносили безнадежныхъ, и принимали они отъ батюшки на перевязочномъ пунктѣ послѣднія напутствія въ жизнь вѣчную.

Пять часовъ непрерывнаго напряженнаго труда измучили достойныхъ врачей, а послѣ боя вновь стали являться разсыльные отъ офицеровъ, призывавшихъ ихъ къ тяжело раненымъ, размѣщенныхъ уже по разнымъ свободнымъ частямъ

крейсера, — раньше всѣхъ тяжело раненыхъ клали въ жилой палубѣ на сѣткахъ для большихъ чемодановъ, но царившая тамъ духота конечно не могла быть полезна и, лишь бой былъ конченъ, ихъ вытащили изъ этого относительно безопаснаго мѣста. И врачи работали и работали.

— „Батюшка, Васъ въ лазаретъ требуютъ, старшій минный офицеръ кончается“, — войдя въ каютъ-компанію, доложилъ вѣстовой, гдѣ дородный батюшка, изнемогая отъ жары, пилъ, противъ обыкновенія, теплую воду, такъ какъ офицерами было рѣшено весь запасъ холодныхъ минеральныхъ водъ, льда и вина отпускать изъ буфета лишь для раненыхъ чиновъ крейсера.

Забѣжавъ за необходимыми для требы принадлежностями, батюшка и старшій лейтенантъ направились въ лазаретъ, куда были перенесены, въ виду малаго количества, лишь исключительно трудные раненые: на грубоватомъ, но чистомъ бѣльѣ лазаретной койки лежалъ блѣдный, какъ полотно, офицеръ.

Потухающимъ взоромъ встрѣчалъ онъ подходящаго батюшку, но и въ нихъ чувствовалась еще жажда жизни; мало общительный, замкнутый, привязанный къ своей молодой женѣ и ребенку, преданный службѣ, въ тотъ моментъ, когда ему врачи дѣлали первую перевязку, понялъ онъ изъ ряда мелкихъ замѣчаній, что положеніе его тяжелое, и вырвался горькій крикъ у этого молчаливаго человѣка: „спасите меня, я жить хочу“.

Послѣднія минуты подходили, къ холодѣющимъ губамъ поднесенъ крестъ, и... не стало еще одного славнаго участника боя.

— „Батюшка, офицерскій буфетчикъ кончается“, — докладываетъ о новой жертвѣ боя назначенный къ присмотру за ранеными санитаръ, и къ вечеру еще нѣсколько труповъ были опущены въ безстрастныя воды Японскаго моря.

Наступила теплая, звѣздная ночь: въ нижнихъ палубахъ было все еще жарко и большинство команды помѣстилось на открытомъ воздухѣ на верху и тихо, точно боясь потревожить вѣчный сонъ погибшихъ товарищей, вела она о нихъ бесѣду, передавала другъ другу впечатлѣнія боя и дѣлала предположенія о судьбѣ Портъ-Артурской эскадры.

Раненые были размѣщены въ 8-хъ мѣстахъ: самые трудные были положены въ лазаретъ, который остался цѣлехонькимъ, хотя вокругъ него въ кондукторскихъ каютахъ царило полное разрушеніе. Другая часть, тоже трудная лежала въ батарейной палубѣ подъ образомъ, въ деревянную раму котораго попало не мало осколковъ; третьи помѣщались въ адмиральскомъ помѣщеніи. Еще нѣсколько человѣкъ лежало на сѣткахъ изъ-подъ

большихъ чемодановъ—это были тѣ, переноска которыхъ могла бы сильно повредить ихъ здоровью.

Понятно, что при необходимости расположить такъ раненыхъ, медицинскій персоналъ съ ногъ сбился, бѣгая съ трапа на трапъ и изъ палубы въ палубу,—вотъ старшій врачъ, въ очкахъ съ сосредоточеннымъ видомъ, идетъ изъ кондукторской каюты и, встрѣтаясь съ старшимъ лейтенантомъ, озабоченнымъ тономъ говоритъ: „Егоръ Федотычъ (такъ звали артиллерійскаго кондуктора) очень плохъ, боюсь, что будетъ зараженіе крови“.

— Что вы, вѣдь вчера онъ до конца боя на одной ногѣ, съ половой щеткой подмышкой, выфондыривалъ.

— Вотъ это-то и повредило ему; приму все мѣры, чтобы вызволить этого молодчиннищу; температура-то у него выше 40°.

— А есть еще трудные раненные?

— И не говорите, еще пятокъ находится между жизнью и смертью, а сколько еще можетъ быть осложнений; да и вы-то что съ хромою ногой бѣгаете?

— Это пустое, а вы, поди, и не отдыхали.

— Нѣтъ, но дѣлаю послѣдній обходъ и потомъ подзасну до утра, надо все-таки сохранить свѣжее соображеніе, а то можно напортить, младшій врачъ пободрствуетъ.

— Ну, спокойной ночи.—И старшій лейтенантъ заковылялъ по палубамъ.

Подъ образомъ рядъ тяжело раненныхъ: перемучившись уже сутки, лежали они съ истомленными лицами, и выраженіе на нихъ боли смѣнилось терпѣливымъ напряженіемъ. Каждый старался не двигаться, чтобы не тревожить раны.

Около одного изъ нихъ, татарина, ровно дышащаго съ великолѣпнымъ румянцемъ на щекахъ, безъ признаковъ какихъ-либо наружныхъ поврежденій, сидитъ его товарищъ и всячески ублажаетъ своего земляка, но кажущійся на видъ здоровымъ, вотъ ужъ 18-ть часовъ не издалъ раненый ни одного звука; тщетно доктора и фельдшеръ старались привести его въ чувство: найденный въ коечныхъ сѣткахъ, куда онъ былъ отброшенъ взрывомъ и получивъ контузію, подобную находившемуся на марсѣ, этотъ матросъ къ утру другого дня тихо скончался, такъ и не отвѣтивъ своему земляку, за нимъ ухаживавшему и лопотавшему что-то на своемъ татарскомъ языкѣ.

Около другого, водолаза, сидѣлъ его старшина: съ осторожностью, доступной его рукамъ, легко поднимавшимъ десять пудовъ, старался онъ перекладывать шестипудовое тѣло своего не менѣе солиднаго подчиненнаго; раненый былъ очень гру-

стенъ, такъ какъ полученная рана была мучительна и калѣчила его на всю жизнь и въ то время, когда уже служить оставалось послѣдній годъ, но подъ вліяніемъ спокойныхъ, ласковыхъ, вдругъ нашедшихся у всегда молчаливаго старшины словъ, умиротворялось сердце его, и переходили они на тихую бесѣду о далекой родинѣ... Двое лежали совсѣмъ рядомъ: сильный жаръ безуміемъ отражался въ ихъ глазахъ, не понимали они ни словъ, обращенныхъ къ нимъ, безучастно пили подносимые приходящими разные напитки, изрѣдка стонали, но и въ этой агоніи искали они другъ у друга поддержки—пальцы рукъ ихъ сплелись и изрѣдка сжимались, какъ бы давая знать этимъ пожатіемъ, что еще бьется жизнь въ ихъ исковерканныхъ тѣлахъ. Подъ утро одинъ заснулъ тяжелымъ сномъ, а пальцы умершаго за ночь сосѣда тихонько высвободили изъ его слабой теплой руки, которая и во снѣ, казалось, не хотѣла оставить безъ поддержки товарищескую руку.

Около не особенно трудно раненаго перевязаннаго въ одномъ мѣстѣ сигнальщика лежали папиросы, стоялъ лимонадъ—доставленные изъ офицерскаго буфета, и на вопросъ старшаго лейтенанта „все ли у тебя есть“, онъ далъ положительный отвѣтъ. Каково же было удивленіе офицера, когда два мѣсяца спустя прочелъ онъ въ періодическомъ журналѣ статью одного репортера, осматривавшаго и разспрашивавшаго больныхъ въ одномъ изъ эвакуаціонныхъ госпиталей: полными буквами была написана фамилія этого сигнальщика, который жаловался на то, что послѣ боя никто не обращалъ на него вниманія, и разнесенная по всему свѣту жалоба эта бросала тѣнь на чистое имя крейсера. Возмущенный такимъ поступкомъ, лейтенантъ рассказалъ весь свой разговоръ боцману, и тотъ ему отвѣтилъ:

— Нытокъ онъ, ваше высокоблагородіе; всѣ довольны, скажемъ, а онъ непремѣнно будетъ искать чего-нибудь дурного, а на хорошее и смотрѣть не будетъ; вотъ его къ квартирмейстеру не производили, а онъ обижался и постоянно на все скулилъ.

И, слушая боцмана, становилось офицеру обидно, что изъ какихъ-то ничтожныхъ личныхъ счетовъ распускались несправедливые и невѣрные слухи о томъ, что въ дѣйствительности было и налажено и къ чему было приложено много сердечной заботы.

Вотъ усердно моется въ банѣ кочегаръ, только-что смѣнившійся съ вахты, казалось бы, могъ онъ пойти спать, но быстрыми шагами идетъ онъ къ малому чемодану, переодѣвается

въ чистое рабочее и пробирается въ адмиральское помѣщеніе: одного за другимъ обходитъ онъ раненыхъ, поправляетъ скинутыя во время сна съ подушекъ головы, даетъ жаждающимъ пить; около одного долго сидитъ онъ и прислушивается къ бреду...

— Скоро кончится, — говоритъ подошедшій фельдшеръ, — сейчасъ младшій докторъ придетъ.

А кочегаръ, услышавъ это, всталъ и удалился.

Черезъ нѣсколько минутъ возвращается онъ съ батюшкой, провожаетъ крестнымъ знаменіемъ послѣдній вздохъ умирающаго, помогаетъ вынести его тѣло наверхъ и вновь идетъ ухаживать за страждущими.

Здоровье командира, вслѣдствіе громаднаго количества полученныхъ имъ раненій, также ухудшилось, но врачи считали, что въ обстановкѣ, болѣе отвѣчающей требованіямъ гигиены, оно быстро возстановится.

Въ каютъ-компаніи, столь уютной до войны, когда она состояла изъ столовой и гостиной, столь чистенькой, и обширной до боя, когда вся мягкая мебель была изъ нея убрана — теперь царитъ хаосъ: двумя снарядами, взорвавшимися въ ней, были разломаны находившіеся столы и стулья, давленіемъ газовъ исковеркало рельсы отъ подачи минъ, вдавило и сломало легкую плиссованную обшивку переборокъ; все испорченное было сложено на лѣвой сторонѣ каютъ-компаніи, а правая была предоставлена для оставшихся въ цѣлыхъ офицеровъ.

Въ большомъ креслѣ съ закинутой наверхъ головой сидитъ старшій штурманъ: большой осколокъ, проникнувшій въ глубину шеи, не даетъ возможности сдѣлать хоть какое-нибудь безболѣзненное движеніе головой; около него суетятся пріятель механикъ и вѣстовой, стремясь облегчить его страданія, тѣмъ болѣе, что благодаря еще поврежденіямъ въ двухъ мѣстахъ руки, самъ раненый не имѣетъ силы самостоятельно передвигаться.

Другіе офицеры ранены относительно легко, и мало-по-малу проходятъ угнетенное настроеніе послѣ похоронъ жертвъ боя, и то и дѣло слышны обычныя шутки и подтруниванія.

А главный раненый? А милый грозный крейсеръ!? На немъ больше, чѣмъ на комъ-нибудь, слѣдовъ вражескихъ ударовъ, а онъ рѣжетъ своимъ могучимъ тараномъ легкія ночныя волны и также стремится на свой перевязочный пунктъ — въ портъ!

Надо ему задѣлать нѣсколько пробойнъ въ борту — громадныхъ пробойнъ, въ которыя можетъ проходить телѣга; надо

ему закрыть новыми досками пробитую во многихъ мѣстахъ верхнюю палубу, исправить шлюпки, которыя потерявъ отъ взрыва свои кормы, предохранили палубу отъ паденія непріятельскихъ снарядовъ; надо заплатать исковерканныя снарядами или изрѣщенные осколками дымовыя трубы, наконецъ надо принять новый 400-хъ пудовый правый якорь, такъ какъ отъ бывшаго остался одинъ штокъ: большой непріятельскій снарядъ, попавъ въ него, откололъ веретено съ лапами, и не будучи уже въ состояніи проникнуть внутрь корабля, гдѣ бы онъ надѣлалъ хлопотъ, взорвался внаружи и не причинилъ никакого вреда.

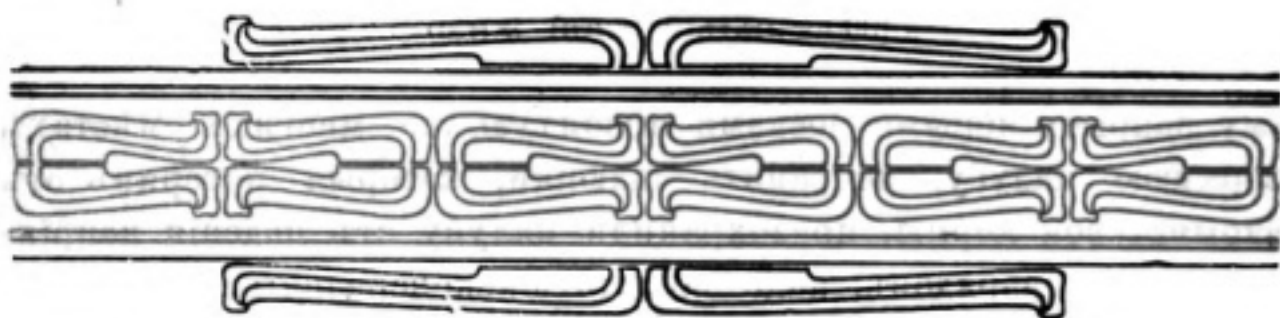
Раны эти были легкія, поверхностныя,—страшныя на видъ, но не опасныя для боевой мощи корабля.

Были у крейсера и другія раны, незамѣтныя для незнакомаго съ боевымъ дѣломъ глаза, но понятныя и опасныя для спеціалиста: больше половины на видъ исправныхъ пушекъ не могло дѣйствовать, было испорчено нѣсколько элеваторовъ, которые по ошибкѣ со стороны строителей не были бронированы, пострадали нѣкоторые мелкіе механизмы и отсѣки пожарной магистрали, но машина и котлы, этотъ желудокъ крейсера, помѣщенные въ глубинѣ, защищенные броней и угольными ямами, были въ исправности и легко несли крейсеръ къ роднымъ берегамъ.

Еще прошелъ день, и къ вечеру на горизонтѣ показались берега острова Русскій, а къ полночи къ крейсерамъ подошли сторожевые миноносцы и съ полученными приказаніями адмирала пошли въ Золотой Рогъ, гдѣ портовое начальство озабочилось присылкой баржъ и пароходовъ для пріемки раненыхъ и своза ихъ въ госпиталь.

Славлевъ.

Таинственный преступникъ.

А уже былъ секретаремъ канцеляріи Московскаго военнаго генерала-губернатора, когда случилось это происшествіе, стало быть, это было въ концѣ тридцатыхъ годовъ¹⁾.

Отъ исправника поступило донесеніе, что иностранный путешественникъ австрійскій графъ избилъ на станціи смотрителя.

Между тѣмъ графъ уже прибылъ въ Москву и, получивъ въ канцеляріи генералъ-губернатора на прожитіе паспортъ взаменъ иностраннаго, просилъ аудіенцію у князя Дмитрія Владиміровича Голицына. Красивый, высокаго роста, брюнетъ, одѣтый въ черный фракъ со звѣздою, графъ блисталъ изяществомъ во всей своей фигурѣ и манерахъ. Онъ заявилъ князю, что съ нимъ случилось прискорбное происшествіе: выведенный изъ терпѣнія дерзостью смотрителя, онъ забылся и прибилъ его; сознавая всю свою вину, онъ просилъ князя научить его, чѣмъ можетъ загладить нанесенное оскорбленіе. Князь, лично бывшій въ такомъ положеніи и прекратившій претензію смотрителя, уплатя ему 1.000 руб., обѣщалъ уладить дѣло графа. Графъ обѣщалъ щедрое вознагражденіе и, казалось бы, дѣлу конецъ.

Но черезъ нѣсколько времени получается отъ графа Бенкендорфа требованіе представить паспортъ графа В. и учредить за нимъ строгій полицейскій надзоръ.

Графъ былъ окруженъ шпионами, но онъ велъ открытую жизнь, осматривалъ древности и рѣдкости Москвы, заводилъ знакомство со знатью, жилъ противъ генералъ-губернатора въ лучшемъ номерѣ гостиницы Коппа и Лейба, сдѣлался героемъ

¹⁾ Прошлаго столѣтія.

или львомъ дня, но никакимъ подозрѣніямъ повода не подавалъ.

Прошло недѣли двѣ, какъ князь Д. В. былъ изумленъ новыми отношеніями графа Бенкендорфа. Графъ объявилъ, Высочайшее повелѣніе „именующаго себя Австрійскимъ графомъ В... сослать въ Сибирь на поселеніе“ безъ дальнѣйшихъ объясненій. Это поразило князя, и видя тутъ какія-нибудь недоразумѣнія, князь не исполнилъ Высочайшей воли, просилъ графа Бенкендорфа передоложить Государю, что ссылка иностранца въ Сибирь, не учинившаго у насъ никакого преступленія, ссылка безъ суда и слѣдствія и даже безъ объявленія причинъ ссылаемому, надѣлаетъ много шуму въ Россіи и Европѣ.

Бенкендорфъ отвѣчалъ, что онъ удивляется, какъ князь позволилъ себѣ не исполнить Высочайшей воли, но что онъ передокладывать не будетъ. Князь велѣлъ снова написать отъ себя Бенкендорфу, требуя передоклада; но онъ не счелъ возможнымъ оставить графа В. на свободѣ и послалъ объявить ему Высочайшее повелѣніе и посадилъ на гауптвахту, а бумаги и вещи опечатать. Тяжело было князю отдать такое приказаніе, но еще тяжелѣе было его исполнить.

Довольно рано утромъ явился отъ князя чиновникъ, а полиція уже ожидала его за дверями; онъ принялъ чиновника, стоя у стола и опираясь одной рукой, съ видомъ привыкшаго повелѣвать и утонченной вѣжливости высокой особы.

Какъ ни старался чиновникъ подготовить его къ роковой, страшной вѣсти, но надо наконецъ высказаться.

Когда было сказано, что ему предстоитъ невольное путешествіе, онъ сначала принялъ это за высылку за границу и отвѣтилъ только: „надѣюсь, что меня не выдадутъ Австріи“, но когда сказали, что его повезутъ въ Сибирь, онъ остолебѣлъ, зашатался, и кровь хлынула изъ носу, ушей и глазъ, и онъ опустился на пододвинутое кресло.

Сейчасъ было подано медицинское пособіе и несчастный помѣщенъ въ особое просторное помѣщеніе въ Яузскомъ частномъ домѣ, окруженъ всевозможными удобствами и заботами. При опечатаніи оказались у него большія деньги, золотомъ и билетами англійскаго и частныхъ банковъ, бумаги запечатаны безъ пересмотра и сданы на храненіе въ канцелярію.

Князь воспользовался этимъ случаемъ, что услышитъ свое требованіе о передокладѣ, но получилъ отъ Бенкендорфа „исполнить по выздоровленіи“.

Прошло мѣсяца два, графъ выздоравливаетъ, могъ уже кататься и сталъ просить у князя Д. В. аудіенцію.

Князь его принялъ съ глубокимъ участіемъ, встрѣтилъ въ пріемной комнатѣ и за руку повелъ къ себѣ въ кабинетъ.

Черезъ полчаса времени князь потребовалъ принести портфель графа; когда я внесъ его въ кабинетъ, они оба сидѣли въ креслахъ, какъ добрые знакомые, и я успѣлъ поймать на-лету только, что князь сказалъ ему „Ваша свѣтлость!“ Князь велѣлъ мнѣ дожидаться за дверями; прошло около получаса, когда князь самъ отворилъ двери кабинета и почтительно пропустилъ графа впередъ, потомъ проводилъ его до лѣстницы, какъ очень важную особу.

Князь былъ очень взволнованъ, возвращая портфель уже за своей печатью, онъ написалъ по-французски весьма смѣлый докладъ Государю; князь по-французски превосходно писалъ дипломатическія бумаги, оставалось только переписывать. Объясняя Государю упорство въ передокладѣ графа Бенкендорфа, князь рѣзко выставлялъ тяжелыя впечатлѣнія всей Европы и всѣ непріятныя послѣдствія за такое произвольное распоряженіе съ политическимъ преступникомъ государства, князь опирался на международное право и на обычай всѣхъ (странъ) народовъ и, наконецъ, на то, что это противно основнымъ законамъ имперіи; князь умолялъ Государя отмѣнить свое приказаніе и въ заключеніе говорить, что онъ изъ документовъ и переписки графа съ высочайшими особами убѣдился, что онъ дѣйствительно... тутъ велѣно было оставить пробѣлъ... и въ заключеніе просилъ разрѣшенія выслать его только за границу.

Когда письмо было подано къ подписи, князь, закрывшись листомъ бумаги, пополнилъ пробѣлъ и своеручно запечаталъ конвертъ своею личною печатью.

Что онъ написалъ, осталось тайной. Такое горячее письмо, защищающее отъ нареканій Государя, не могло не произвести впечатлѣнія.

Послѣдовало повелѣніе отвезти именующаго себя графомъ В... въ Одессу и сдать на распоряженія князю Воронцову.

Передъ отъѣздомъ графъ былъ у князя, получивъ всѣ свои бумаги и деньги, потребовалъ счетъ, что на него истрачено правительствомъ, и уплатилъ ихъ, щедро одарилъ медиковъ, полицію и прислугу, разсыпался въ прославленіи гуманности князя, прямо отъ него сѣлъ въ свое великолѣпное ландо съ

переодѣтыми на козлахъ и на сидѣніяхъ жандармами и отправился въ Одессу.

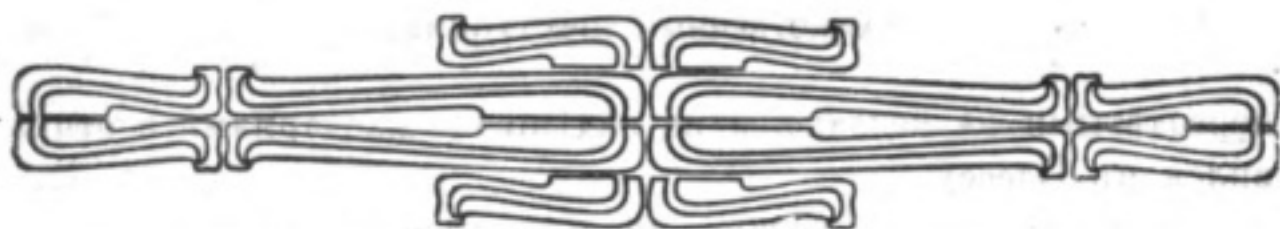
Таинственность страшно меня интересовала, что это за представительная, важная личность, за что она подверглась такому крутому преслѣдованію. Я могъ только узнать, что была предварительная переписка съ австрійскимъ дворомъ, и возвратившіеся жандармы, щедро одаренные, рассказывали, что въ Одессѣ его прямо провезли на пристань и на особо приготовленномъ пароходѣ сейчасъ же отправили въ Константинополь, гдѣ онъ получить свободу.

Это было не черезъ долгое время послѣ Романской революціи, по запискамъ Сильвіо Пилино, въ ней принималъ участіе какой-то герцогъ, членъ царствующаго семейства... не онъ ли это?

Но секретъ—остался невѣдомой тайной.

П. И. Степановъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ ¹⁾

1813-го и 14-го года, собранные по поводу столѣтней
годовщины.

II.

Никто не нуждался такъ въ отдыхѣ — предоставленномъ перемиріемъ, какъ крайне отдаленная отъ своей операціонной базы русская армія.

Она ощущала недостатокъ во всемъ, за исключеніемъ развѣ лошадей, которыхъ у нея было въ изобиліи и которыхъ, къ слову сказать, такъ недоставало *Наполеону*. Въ большомъ затрудненіи находилась и Пруссія. Выставленные и хорошо снаряженные ею 4 корпуса поглотили всѣ, имѣвшіяся въ казнѣ, денежные средства. Для формировавшейся резервной арміи не хватало ни ружей, ни пушекъ, ни амуниціи. Обѣщанная англійская субсидія, въ видѣ присылки оружія на 400.000 фунтовъ стерлинговъ (4 милліона рублей), все еще заставляла себя ждать, такъ какъ англійскіе заводы оказались не въ силахъ справиться съ громадными заказами своего правительства. Въ этотъ критическій моментъ на выручку военного прусскаго интендантства выступили — *польскіе евреи*! Вышеупомянутый уполномоченный представитель прусскаго правительства при Варшавскомъ великомъ герцогствѣ, тайный совѣтникъ *Цербони ди-Спозетти* (*Zerboni di-Sposetti*) послалъ шефпрезиденту восточно-прусской провинціи фонъ-*Ауэрсвальду* слѣдующее *строю секретное* извѣщеніе: ²⁾ „Ко мнѣ обратилась группа еврейскихъ коммерсан-

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1914 г.

²⁾ Хранящееся въ королевскомъ государственномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ.

товаро-поставщиковъ съ конфиденціальнымъ предложеніемъ купить у нихъ громадное количество всевозможнаго оружія до пушекъ включительно съ боевыми припасами и прочимъ необходимымъ для арміи инвентаремъ. Весь этотъ „товаръ“ частью былъ скупленъ тайнымъ консорціумомъ польскихъ евреевъ, отъ безпорядочно проходившихъ черезъ привислянскія земли французскихъ отрядовъ, частью подобранъ мѣстными жителями, какъ валявшійся по дорогамъ, и перепроданъ тѣмъ же евреямъ. Имущество это, представляющее значительную цѣнность, спрятано такъ хорошо въ различныхъ мѣстахъ, что всѣ поиски русскихъ военныхъ властей не имѣли ни малѣйшаго успѣха. Выборные отъ еврейскаго консорціума доверенныя лица снабдили свое предложеніе преискурантомъ для всѣхъ предметовъ, соотвѣтственно которому все имущество, стоящее въ дѣйствительности не меньше 15 милліоновъ талеровъ, можно приобрести за 2½ милліона. Соблаговолите передать мое извѣстіе съ соблюденіемъ величайшихъ предосторожностей въ Берлинъ для послѣдующихъ дальнѣйшихъ распоряженій.—Донесеніе Цербони ди Спозетти произвело сильное впечатлѣніе въ берлинскихъ военно-интендантскихъ кругахъ. Шеф-президентъ фонъ Ауэрсвальдъ и военный губернаторъ въ Кенигсбергѣ, генералъ фонъ Масенбахъ получили тотчасъ же секретныя предписанія, относительно способа извѣщенія начальниковъ пограничной стражи и мѣстныхъ интендантскихъ складовъ съ приложеніемъ правилъ пріема тайно перевозимаго черезъ границу оружія вмѣстѣ съ аммуниціей. Вотъ образчикъ секретнаго такого приказа, разосланнаго высшими провинціальными властями всѣмъ надлежащимъ учрежденіямъ:

„Въ ближайшіе дни къ вамъ придутъ (преимущественно въ ночное время) подводы, нагруженныя тщательно упакованнымъ оружіемъ всѣхъ родовъ вмѣстѣ съ запасами аммуниціи. Препровождая эти транспорты евреи предъявятъ вамъ точный списокъ сортовъ и количества оружія. Вамъ ставится въ обязанность отнюдь не задерживать сдачу транспортовъ, чрезмерно долгой проверкой количества оружія или лишними разспросами евреевъ. По разгрузкѣ подвотъ, вы выпишите на присланныхъ вамъ казенныхъ квитанціонныхъ бланкахъ количество принятаго груза и стоимость его согласно указаннымъ евреями въ преискурантъ цѣнамъ“.

Русскія высшія военно-гражданскія власти были увѣдомлены о происходившемъ тайномъ вывозѣ и продажѣ имущества, принадлежащаго по неотъемлемому международному праву русскому государству. Главнокомандующій въ Варшавѣ графъ Сиверсъ и гражданскій правитель, сенаторъ Ланской намекнули тайному совѣтнику Цербони ди Спозетти въ очень деликатной

формѣ, что имъ стало извѣстно закулисное гешефтмахерство прусскаго военнаго интендантства съ польскими евреями.

Тогда въ Берлинѣ спохватились и старались повернуть начатое уже дѣло иначе. Въ Варшаву посланы были официально уполномоченные комиссары для скупки оставшагося еще у евреевъ оружія, съ предписаніемъ заручиться предварительнымъ согласіемъ на эту мѣру русскихъ властей. Графъ *Сиверсъ* и сенаторъ *Ланской* дозволили скупку оружія, но лишь подъ условіемъ, чтобы комиссары давали точный отчетъ, въ смыслѣ количества и цѣнъ, о всѣхъ заключенныхъ ими съ продавцами сдѣлкахъ. Этой мѣрой наше правительство хотѣло пріобрѣсти данныя для предъявленія впослѣдствіи прусскимъ властямъ требованія, относительно хотя бы только доплаты къ той дѣйствительной стоимости оружія, которое они купили у евреевъ за безцѣнокъ. Но согласія прусскаго военнаго вѣдомства на такое требованіе высшей русской администраціи въ Варшавѣ не послѣдовало, и дѣло, не возбуждавшееся болѣе официально, какъ бы заглохло, т. е. вѣроятно всего стало продолжаться по-прежнему, только съ той разницей, что тайный вывозъ оружія перемѣнилъ маршрутъ. Нельзя не удивляться лонкости, сообразительности и способности евреевъ учитывать заранее выгоду отъ разнообразныхъ политическихъ конъюнктуръ. О нахожденіи въ рукахъ еврейскаго консорціума неимовернаго количества оружія русскія власти были давно и хорошо освѣдомлены; но ихъ требованіе относительно немедленной выдачи его за очень приличное вознагражденіе не встрѣтило у евреевъ никакого сочувствія и они не намѣрены были разстаться со своимъ кладомъ въ пользу Россіи. Имъ было очень хорошо извѣстно, что русское военное вѣдомство далеко не въ такой степени нуждается въ оружіи и амуниціи, какъ прусское. Они взвѣсили, между прочимъ, и обстоятельства, касательно вѣроятнаго выполненія сроковъ уплаты денегъ и пришли къ выводамъ, не говорившимъ въ пользу русскихъ властей. Переговоры съ евреями относительно покупки оружія вели и поляки, мечтавшіе, какъ уже сказано, о поголовномъ возстаніи. Но недовѣрчивые сыны Израиля соглашались только въ томъ случаѣ имѣть дѣла съ польскими комитетами, если за товаръ тутъ же немедленно будутъ уплачены деньги, и выданъ крупный авансъ, но при этомъ они все же не преминули накинута весьма значительный процентъ на цѣны оружія и амуниціи. Относительно же прусскаго правительства они имѣли такія свѣдѣнія, которыя сулили имъ на-ряду съ денежной выгодой и наимень-

шій рискъ въ смыслѣ скорого платежа. Англія обѣщалась дать Пруссіи въ счетъ субсидіи первоначально 280.000 фунтовъ стерлинговъ, наличными деньгами, для первыхъ неотложныхъ нуждъ вооруженія резервовъ и ландвера, или на 400.000 фунтовъ стерлинговъ самага оружія. Но такъ какъ на полученіе послѣдняго въ скоромъ времени было мало надежды, то переговоры шли опять о присылкѣ наличныхъ суммъ. Вотъ эта конъюнктура была на руку евреямъ; они могли рассчитывать на немедленное полученіе денегъ.

Перемиріе отразилось на духѣ союзныхъ армій и ихъ вождей во всѣхъ отношеніяхъ благопріятно, хотя русскіе не переставали тосковать о скоромъ возвращеніи на родину. Присоединеніе Австріи по окончаніи перемирія къ коалиціи противъ *Наполеона* окрылило замѣтно надежды на побѣдоносное окончаніе войны. Фраза, сказанная *Меттернихомъ* *Наполеону* послѣ окончанія неудачныхъ переговоровъ въ знаменательной аудіенціи 10-го августа въ Дрезденѣ: „*Sire, vous êtes perdu*“ (ваше величество, вы пропали) стала крылатымъ словомъ въ дипломатическихъ сферахъ главной квартиры союзниковъ и явилась вѣрнымъ предсказаніемъ, въ которомъ никто не сомнѣвался, за исключеніемъ: короля прусскаго, *Фридриха Вильгельма III*, его государственнаго канцлера князя *Гарденберга* и графа *Нессельроде*, упорно старавшихся направить дѣло къ мирному соглашенію съ *Наполеономъ*, чему не противился въ сущности ни *Меттернихъ*, ни австрійскій императоръ *Францъ*, но о которомъ русскій самодержецъ и слышать не хотѣлъ, ибо вполнѣ раздѣлялъ къ геніальному корсиканцу чувства неугомонныхъ враговъ „генерала *Бонапарта*“, какъ не переставали именовать *Наполеона* представители англійскаго правительства и дипломатія, а также и состоявшіе при *Александрѣ I* негласные его совѣтники: *Данартъ*, *Поццо ди Борго* и другія менѣе значительныя личности, вродѣ швейцарца *Андрея Маріана*, убѣжденнаго ненавистника французской революціи и *Наполеона*. *Маріанъ* служилъ сперва австрійскому правительству, а затѣмъ перешелъ на русскую службу, занявъ мѣсто одного изъ членовъ-представителей отъ Россіи въ центральномъ управленіи оккупированныхъ союзными войсками германскихъ областей, входящихъ въ составъ рейнскаго союза (Departement centrale d'administration temporaire), главноуправляющимъ котораго состоялъ баронъ *Штейнъ*.

Возобновленіе военныхъ дѣйствій 14-го августа еще до истеченія установленнаго срока перемирія вызвано было произвольнымъ наступленіемъ *Блюхера*, не желавшаго считаться съ

приказаніями изъ главной квартиры. Подъ его командой находилось много русскихъ войскъ, среди которыхъ пользовался онъ за свой простой, солдатскій нравъ нѣкоторою популярностью. Это расположеніе нашихъ сѣрыхъ героевъ къ себѣ хитрый *Блюхеръ* учитывалъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ очень искусно. Такъ называемая вторая саксонская кампанія 1813 года, т.-е. съ 14-го августа по 19-го октября, разыграна и выиграна была благодаря, главнымъ образомъ, участію въ ней русскихъ войскъ. *Наполеонъ* хотя и одержалъ еще блестящую тактическую побѣду у самыхъ стѣнъ Дрездена, 26-го августа, противъ соединенныхъ силъ русскихъ, австрійцевъ и пруссаковъ, но стратегически онъ не могъ извлечь изъ нея ни малѣйшей пользы. Союзники скоро оправались отъ неудачи при Дрезденѣ и нанесли затѣмъ французамъ быстро цѣлый рядъ поражений, одно за другимъ: при Катцбахѣ, при Кульмѣ, при Гросберенѣ и при Денневитцѣ. Вынужденный всюду отступать, *Наполеонъ* сосредоточилъ наконецъ свои весьма еще значительные остатки арміи при *Лейпцигѣ*, чтобы дать тутъ главное и рѣшающее кампанію 1813 года сраженіе. Исходъ трехдневной упорной борьбы между союзниками и французами, названной нѣмцами „битвой народовъ“ (*Völkerschlacht*), сломилъ окончательно наполеоновскую гегемонію надъ Европой и привелъ, хотя и съ промедленіемъ, къ Парижскому миру въ апрѣлѣ 1814 года.

Преобладающая роль русской арміи въ окончательной побѣдѣ надъ мощнымъ врагомъ въ *Лейпцигскомъ* сраженіи отмѣчена военной исторіей въ достаточной степени. Единственный и рѣшившій исходъ трехдневной борьбы успѣхъ союзниковъ выпалъ 18-го октября на долю *силезской арміи* подъ начальствомъ *Блюхера*, состоявшей, какъ извѣстно, чуть не на двѣ трети, изъ русскихъ войскъ; побѣда при Меккериѣ принудила *Наполеона* на другой же день отступить со всей своей арміей. *Штейнъ* заявлялъ всюду громко, что безъ помощи Россіи Пруссія, Австрія, Англія и Швеція никогда не одолѣли бы врага.

Это явствовало хотя-бы изъ одного сопоставленія цифръ обѣихъ сражавшихся при *Лейпцигѣ* другъ противъ друга, армій. *Наполеонъ* располагалъ вмѣстѣ съ пребывшимъ во время боя корпусомъ генерала *Ренье*, 12-ю корпусами, т.-е. въ общей сложности 186.000 человекъ при 900 орудіяхъ. Союзники же насчитывали въ своихъ рядахъ: 127.000 русскихъ, 89.000 австрійцевъ, 72.000 пруссаковъ и 18.000 шведовъ, что составляло вмѣстѣ 306.000 человекъ, при 1.200 орудіяхъ. Если вычесть теперь изъ этой цифры русскія войска, то получится, какъ разъ,

почти что совершенно равное французскимъ силамъ количество въ 189.000 человѣкъ союзниковъ, такъ что о подавляющемъ численномъ превосходствѣ силъ коалиціи не могло быть и рѣчи.

Результатомъ Лейпцигской побѣды было отступление *Наполеона* за Рейнъ и отпаденіе отъ него всѣхъ германскихъ государствъ рейнскаго союза. Тѣмъ не менѣе, мнѣнія на счетъ продолженія наступательныхъ дѣйствій противъ врага и перенесенія войны на территорію Франціи вновь раздѣлились въ главной квартирѣ. Опять прусскій король и его совѣтники, какъ князь *Гарденбергъ*, *фонъ Кнезебекъ* и другіе, за исключеніемъ военныхъ, стояли за возобновленіе переговоровъ съ противникомъ. Къ этому мнѣнію присоединялись, хотя опять лишь условно, *графъ Нессельроде* и даже *Меттернихъ*. Особенно возставалъ противъ перехода союзной арміи черезъ Рейнъ король *Фридрихъ Вильгельмъ III*, жаждавшій скорѣйшаго окончанія войны и возвращенія домой¹⁾. Императоръ австрійскій *Францъ I* не высказывалъ никакого особенно упорнаго намѣренія лишить своего зятя престола. Одинъ только Императоръ Александръ I оставался непоколебимымъ, хотя никакими внѣшними признаками или разговорами не проявлялъ скрытой, но твердой своей рѣшимости довести дѣло до низложенія *Наполеона* съ императорскаго престола Франціи.

Въ былое время, когда путеводная звѣзда геніальнаго корсиканскаго полководца-завоевателя, озаряя яркимъ свѣтомъ весь міръ, сіяла въ зенитѣ легендарной его славы и могущества, императорское французское правительство было всегда наиточнѣйшимъ образомъ освѣдомлено обо всемъ, что творилось, говорилось и даже думалось въ тайныхъ дипломатическихъ кабинетахъ и военныхъ канцеляріяхъ другихъ европейскихъ державъ, а также и при чужихъ дворахъ. *Фушэ* и *Талейранъ* умѣли добывать *Наполеону* свѣдѣнія, какія онъ только пожелалъ имѣть. Для *парижскаго кабинета* не существовало тогда нигдѣ, никакихъ тайнъ или секретовъ! Но послѣ проигранной въ Германіи кампаніи 1813 года, зрительные и слуховые органы наполеоновскаго правительства—стали замѣтно атрофироваться. Въ дни блестящихъ побѣдъ при Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридландѣ, Ваграмѣ, *Наполеонъ* зналъ до мельчайшихъ подробностей все, что происходило въ главномъ штабѣ его противниковъ. Послѣ же Лейп-

¹⁾ Смотри: Дневникъ князя Гарденберга.

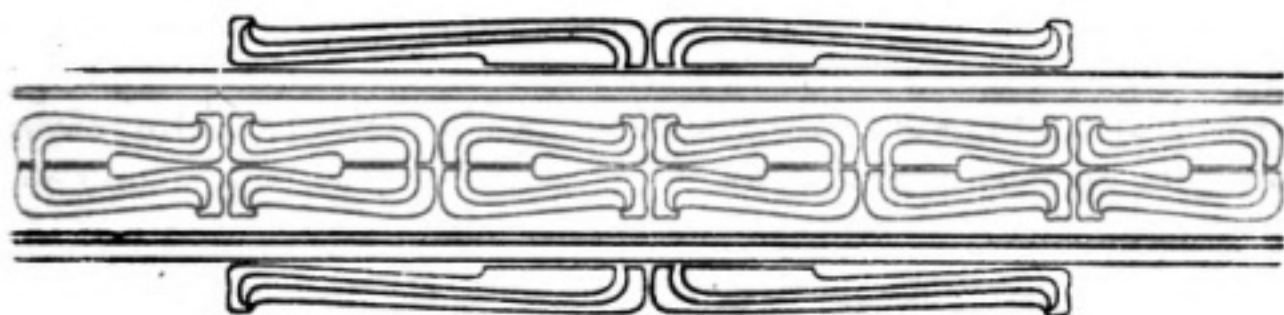
цигскаго пораженія, тотъ беспроволочный телеграфъ, изобрѣтенной тайной наполеоновской полиціей еще за сто лѣтъ до открытія Маркони, пересталъ, видимо, функционировать, и въ главной квартирѣ дотолѣ безпримѣрно счастливаго побѣдителя не имѣли ни малѣйшаго понятія о происходившихъ среди союзниковъ крупныхъ недоразумѣніяхъ, принимавшихъ размѣры раздоровъ, могущихъ легко привести къ пагубнымъ послѣдствіямъ. Въ противномъ случаѣ *Наполеонъ* сумѣлъ бы воспользоваться несогласіемъ державъ, зарождающимся преимущественно на почвѣ взаимнаго недовѣрія и ревности. Онъ навѣрно расширилъ бы первоначальныя трещины въ твердо воздвигнутомъ зданіи коалиціи до громадныхъ брешей! Если же союзъ не распался еще до перехода армій черезъ Рейнъ, то заслуга въ этомъ принадлежала, отчасти, барону *Штейну*. Онъ обращалъ во время вниманіе Императора *Александра I* на интриги и подвохи *Меттерниха*, направленные то въ сторону Пруссіи, то противъ Россіи. Въ одной изъ представленныхъ русскому Государю памятныхъ записокъ къ концу 1813 года *Штейнъ* доказываетъ съ помощью хронологическихъ датъ, что недоверіе и ревность Австріи, сдерживаемая постояннымъ страхомъ передъ *Наполеономъ*, возрастали тотчасъ же соразмѣрно уменьшенію этого страха ¹⁾. Вообще, если *Штейнъ* и не стоялъ спеціально на стражѣ русскихъ интересовъ, то онъ во всякомъ случаѣ и не игнорировалъ ихъ умышленно.

М. В. Станиславскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Изъ переписки *Штейна* съ кабинетнымъ секретаремъ короля Фридриха Вильгельма III, *Эейхгорномъ*.

Дневникъ академика В. П. Безобразова.

1887 ¹⁾.

Москва, 23 іюня. Пріѣхалъ сегодня въ Москву и, какъ всегда, несмотря на предшествовавшую суматоху въ Петербургѣ, чувствую здѣсь необыкновенное успокоеніе, душевное и тѣлесное.

У меня былъ Н. А. Поповъ ²⁾. Я былъ въ редакціи Рус. Вѣд. Отмѣчу: во 1-хъ, совершенное невѣдѣніе того, что дѣлается въ Петербургѣ. Таковы наши газеты или наша жизнь. Во 2-хъ, самое пессимистическое настроеніе.

Я, пессимистъ, въ сравненіи съ ними—оптимистъ.

24 іюня. У меня былъ сегодня С. Т. Большаковъ (букинистъ-старообрядецъ). Жаловался, какъ всегда, на притѣсненія отъ нашей церкви—вѣриѣ отъ Побѣдоносцева (митрополитъ Іоанникій весьма гуманенъ и даже оборвалъ у Троицы излишнюю ревность Субботина противъ раскольниковъ). Обѣдни, которыя стали служить на Рогожскомъ кладбищѣ вслѣдствіе освободительнаго указа Александра III, виѣзаконно прекращены по доносу Субботина. Подавали просьбу на имя Государя; не только оставлена безъ послѣдствій, но взята подписка, что никогда такихъ просьбъ не будутъ подавать. И раскольниковъ, къ которымъ какъ будто благоволили въ нынѣшнее царствованіе вслѣдствіе ихъ дѣятельнаго участія въ охранѣ противъ нигилистовъ, раздражаютъ.

Большаковъ рассказываетъ ужасы и комическія вещи про

¹⁾ См. „Русская Старина“, май 1913 г.

²⁾ Нилъ Александровичъ, профессоръ Москов. унив. †.

бесѣды арх. Михаила съ раскольниками въ Москвѣ. Это была комедія, ложно представленная въ газетахъ.

Раскольникамъ зажимали рты. Даже полиція тутъ притѣсняла. Жмутъ даже единовѣрцевъ, которыхъ наша церковь считаетъ православными. Наши священники числятъ у себя старинныхъ единовѣрцевъ и не позволяютъ имъ совершать требы въ единовѣрческихъ церквахъ.

25 *іюня*. Обѣдалъ сегодня у Богданова (Мих. Ег.), члена редакціи Рус. Вѣд. Вели много политическихъ разговоровъ. Этотъ Богдановъ для меня нѣсколько загадочный человекъ, несомнѣнно умный, но въ какой степени онъ искрененъ? На словахъ онъ со мной только либераль, а не радикаль, вообще согласенъ со мной, хотя и прогрессивнѣе меня. Онъ сдерживаетъ въ себѣ все раздраженіе противъ существующаго порядка, котораго у меня нѣтъ. Онъ говоритъ, что въ молодежи страшное раздраженіе: иначе быть не можетъ, что всякое движеніе (?) преслѣдуется, крамола растетъ, и теперь есть прочныя организации. Б. долженъ знать.

Заѣзжалъ къ Наумову (Предс. Губ. Зем. Управы). Тоже недоволенъ. „Мы прозябаемъ“. Генераль-губернаторъ велѣлъ уволить Каблукова, завѣдующаго земскимъ статистическимъ отдѣломъ, безъ всякихъ причинъ. Проф. Ковалевскій уволенъ также безъ всякихъ причинъ. Этотъ безплодный произволъ производитъ недовольство, которое чѣмъ-нибудь разразится, хотя оно и не опасно законными своими проявленіями.

26 *іюня*. Вчера провелъ весь день у Н. А. Попова (подъ Химками). Утромъ былъ у меня Гольцевъ. Вечеромъ по возвращеніи болталъ въ Славянскомъ Базарѣ съ Горбуновымъ (актеромъ).

Сегодня утромъ былъ у меня Тимоѣей Саввичъ Морозовъ. Очень жаловался на фабричную инспекцію, говоритъ, что дѣло не въ существѣ закона, который можетъ быть полезенъ (?), но въ исполненіи—инспекторы дѣйствуютъ произвольно, напр., требуютъ рабочихъ книжекъ въ самыхъ мелкихъ заведеніяхъ—даже у кустарей, гдѣ отношенія домашнія, безъ всякихъ формальностей. Этимъ стѣсняется кустарное производство, которое правительство желаетъ поощрять (тутъ мы очевидно по своему обыкновенію хитримъ, выставляя главнѣйше интересы мелкой промышленности). Далѣе М. писалъ М. Ф., что необходимо повысить пошлины на сырой хлопокъ и сырой шелкъ для поощренія производства того и другого на Кавказѣ.

Тогда нужда заставить фабрикантовъ устраивать плантаціи

на Кавказѣ (тутъ опять М. равнодушенъ къ среднимъ и мелкимъ фабрикантамъ, которые страдаютъ отъ вздорожанія сырья).

Теперь намъ особенно нужно подумать о глупости прежнихъ рѣчей, что Россія страна земледѣльческая, когда Америка уничтожаетъ наше земледѣліе. Напр., отъ шелка сколько бы выиграли наши крестьяне. Для крестьянокъ это нивящій легкій трудъ (мотаніе и т. д.) могущій, ихъ облагородить больше, чѣмъ копать лукъ. Нужно всячески поощрять фабричную промышленность (все тѣ же старыя пѣсни).

О безпорядкахъ на своей мануфактурѣ говорилъ, что главная причина нигилисты. Ими фабричный міръ кишитъ и до сихъ поръ. Губ. Судіенко дѣйствовалъ скверно: онъ прямо говорилъ рабочимъ: „Я предлагалъ Т. С. то, что для васъ, онъ не соглашается, что же мнѣ дѣлать?“

Теперь инспекторы выкинули такую глупость, и губернаторъ одобрилъ. На мануфактурѣ запрещено рабочимъ носить съ собой табакъ, трубки, спички. Это сказано въ вывѣшенныхъ таблицахъ. Инспекторы нашли это запрещеніе ненужнымъ и произвольнымъ.

Таблицы было велѣно снять. Это скандалъ, производитъ сильное впечатлѣніе на рабочихъ. Губернаторъ велѣлъ возстановить таблицы, заклеивъ вышеупомянутыя мѣста. И все таки разумное воспрещеніе конторы отмѣнено. Если это правда, то величайшая глупость. Судіенко не любитъ Морозова, потому что несомнѣнно при всемъ своемъ самолюбіи онъ не любитъ всякую независимую силу подлѣ себя (такъ не любитъ и Гарелина). Это относится къ фیزیологіи общества. Общій вопросъ—что лучше (или что хуже) для благосостоянія: властолюбивые и самолюбивые воеводы или таковыя же фабриканты и капиталисты кулаки? Тутъ есть много о чемъ подумать.

Т. С. Морозовъ замѣчательный типъ. Юркій, угодливый къ тѣмъ, кто ему нуженъ и отъ кого онъ независимъ (какъ я). Обходительный съ высшими, необыкновенно умный. Съ низшими (тутъ при мнѣ съ Козловымъ, мелкимъ фабрикантомъ) горделивый, высокомерный; это настоящая аристократія нашего времени въ промышленномъ мірѣ.

27 іюня. У меня былъ вчера Н. М. Козловъ (Суздальскій фабрикантъ, мой пріятель). Жалуется не на кризисъ, какъ всегда, а на давленіе большихъ капиталовъ (Морозова). Они производятъ дороже среднихъ и мелкихъ (?), но уничтожаютъ насъ *доустріемъ* публики къ ихъ фирмѣ (хотя ихъ товаръ и нѣсколько лучше, но главное—слѣпое довѣріе къ фирмѣ). Мы при

малыхъ капиталахъ такихъ кредитовъ давать не можемъ, мы самое большее на 6 м., а они минимумъ на 12 м. Этимъ главное насъ давятъ. Это общее явленіе, и я уже слышу постоянныя на это жалобы: „гнетъ крупной промышленности“. Законъ Штейна „Grössengesetz der Kapitalien“ надо обдумать.

Былъ у меня извѣстный ревнитель единовѣрія Ив. Ив Шестовъ. Построилъ единовѣрческую церковь подъ Нижнимъ; жертвовалъ сотни тысячъ на свои церкви. Очень жалуется на высшее духовенство, на нижегор. архіерея Модеста. Онъ освящалъ его церковь вопреки обѣщанію по нашимъ обрядамъ. Сѣлъ за столъ и всталъ безъ молитвы.

Изумительно это бессмысленное пренебреженіе къ старообрядчеству даже въ формѣ единовѣрія. Это просто гадко. Отталкиваютъ отъ единовѣрія, которое само правительство предложило, какъ компромиссъ.

Вечеръ провелъ на дачѣ въ Сокольникахъ у Большаковыхъ. Могъ бы сдѣлать любопытныя общественно-физиологическія наблюденія.

Были въ восторгѣ (особенно жена) отъ моего прѣзда. Угостили закуской: икра, бѣлужина, огурцы и красненькое.

Семейство—смѣсь старообрядчества, новѣйшаго купечества, уступокъ модѣ, однако упорное держаніе стариннаго обряда. Съ одной стороны, старуха-тетка, съ другой, молодая дочь была въ гимназій, не кончила курса (любопытно, что изъ нея выйдетъ?).

Сынъ 5-ти лѣтъ не соглашается креститься по-моему: „папа говоритъ грѣхъ“.

Удивительное упорство. Несмотря ни на какія мои просьбы, Б. не соглашается познакомить меня со своимъ архіереемъ (Савватіемъ) и свезти къ нему на обѣдню, хотя близокъ съ нимъ. Тутъ, кромѣ опасеній шпіонства, съ моей стороны, главное, кажется, уменьшить *prestige* своей іерархіи. Этотъ архіерей, кажется, простой мужикъ. Такъ они и говорятъ: „наши архіереи люди простые, скромные“ и т. д. Боятся, что когда я ближе увижу, то всякая иллюзія пропадетъ.

Это вѣриѣйшее объясненіе, потому что должны же раскольники имѣть ко мнѣ довѣріе, и не могу попасть къ нимъ на обѣдню.

По словамъ Большакова, новая *varietas* въ поповщинѣ *поповщина-безпоповщина*. Она возникла въ Сибири (Иркутскѣ). Онъ это знаетъ отъ одного покупателя. Вѣрятъ въ необходимость іерархіи и духовенства (*en principe*), но по невозмож-

ности имѣть обходятся безъ него и безъ таинствъ. Это тоже безпоповщина. Б. говоритъ, что нѣтъ.

28 *юня*. Вчера утромъ былъ у меня М. Н. Анненковъ и рассказывалъ про свою Закаспійскую ж. д. Въ декабрѣ доведетъ ее до Самарканда. Строили неимоверно быстро и дешево. Какіе бы ни были недостатки у этого человѣка, я цѣню его энергію и инициативу, столь у насъ рѣдкія. Онъ много рассказывалъ про интриги—околопридворныя тренія между Побѣдоносцевымъ и Вышнеградскимъ. Только и слышишь, что жалобы (даже отъ такихъ правительственныхъ людей, какъ Анненковъ). Всѣ недовольны силой Побѣдоносцева.

Въ Москвѣ только и говорятъ о смертельной болѣзни Каткова; она очевидно усилилась отъ его волненій, раздраженія послѣднихъ дней (ослабленіе фавора). Замѣчательно, какъ всѣ, безъ исключенія, дурно о немъ говорятъ. Его диктаторскія наклонности всѣхъ возбудили противъ него.

Я обѣдалъ (т.-е. былъ угощенъ) вчера въ компаніи Рус. Вѣд. въ Эрмитажѣ. Было очень пріятно. Очень серьезная беседа прерывалась смѣшными рассказами. Такъ умно и пріятно рѣдко теперь приходится проводить время. Въ числѣ курьезныхъ глупостей нашего времени мнѣніе о редакціи Рус. Вѣд., что она красная. Вотъ чепуха, распространяемая Катковымъ и изъ его корыстолюбивыхъ цѣлей. (Москов. Вѣд. имѣютъ менѣе 6 т. подписчиковъ, а Рус. Вѣд. 17 т.), и при нашемъ невѣжествѣ этому вѣрятъ. По всѣмъ моимъ убѣжденіямъ я все-таки ближе къ этому литературному кружку, который вообще либеральный (и больше ничего).

Я радъ, что держу себя, какъ 30 лѣтъ тому назадъ, не какъ сенаторъ, а какъ студентъ и бѣдный писатель, и всѣ къ этому привыкли, а мои физическія силы еще это выдерживаютъ.

Вечеромъ проѣхались съ Саблинымъ по увеселительнымъ заведеніямъ Петровскаго парка. Никакого кутежа, слава Богу, не было. Все очень скромно. Эти заведенія съ пѣвицами особенностью Москвы. Предсказаніе очень глупое я получилъ отъ мальчика въ Сокольникахъ. У него птицы, которыя вынимаютъ клювомъ изъ ящика билетики.

28 *юня*. Сейчасъ осматривалъ въ первый разъ Храмъ Спасителя. Это должно было быть послѣднимъ словомъ русскаго искусства въ XIX в. Очень хорошо, но, можетъ быть, я ничего не понимаю—далеко нѣтъ тутъ впечатлѣнія столь внушительнаго, какъ въ новѣйшихъ и древнихъ базиликахъ Италіи. Съ св. Петромъ и сравненія не можетъ быть никакого.

Носково, 1 іюля. 28 іюня обѣдалъ на дачѣ у Н. М. Козлова, подлѣ платформы „Перловка“. Дѣти воспитываются по-европейски, дѣвочки обучаются по-французски и по-нѣмецки. Будутъ въ Петропавловской нѣмецкой гимназіи (чистокровные русскіе люди избѣгаютъ русскія гимназіи и пансіоны). Такъ поднимаются самыя маленькіе смышленные люди. Отецъ Ник. Мих. почти мужикъ. Онъ самъ учился только въ приходскомъ училищѣ.

29 іюня прибылъ по адской дорогѣ изъ Хотькова въ Носково — ѣхалъ 8 часовъ, почти все время шагомъ. Получилъ слѣдующую телеграмму: „Въ 4 часа 2 м. пополудни Господь послалъ намъ сына Гавріила. Мать и новорожденный въ совершенномъ здоровіи. Константинъ“.

9 іюля. Былъ вчера въ Тарусовѣ ¹⁾, Н. С. Корсаковъ расхваливалъ дѣйствія фабричной инспекціи и ея результаты по свѣдѣніямъ съ Гарднеровскаго завода. Теперь всѣ расчеты вѣрны, не задерживаютъ платъ, не платятъ припасами изъ лавокъ и т. д. Янжулъ говоритъ въ своемъ отчетѣ за 1881 г., что Гарднеровская фабрика образцовая въ числѣ десяти и не требуетъ усиленія надзора.

Совсѣмъ другія свѣдѣнія получилъ я на самомъ заводѣ ²⁾ отъ мастерового Синицына, у котораго останавливался по случаю дождя (я доволилъ къ нему сестру, горничную Корсаковыхъ). И раньше инспекціи никакихъ обидъ не было: платы всегда выдавались исправно. Только теперь выдаютъ 2 раза въ мѣсяцъ, а прежде разъ. (Синицынъ соглашается, что отъ этого выпивки чаще). При дальнѣйшихъ разспросахъ онъ объяснилъ, что теперь припасы изъ лавки лучше. Въ кредитъ и прежде не давали (этого рода люди въ концѣ концовъ даютъ отвѣты, которые отъ нихъ, по ихъ замѣчанію, желаютъ имѣть высшіе).

16 іюля. Въ числѣ гостей былъ у меня вчера Фил. Фил. Бордтманъ, директоръ Ляминской мануфактуры. Онъ страшно жалуется на фабричную инспекцію и на законы, и на дѣйствія инспекторовъ—признавая, что въ принципѣ инспекція необходима. Инспекторы хотятъ быть хозяевами на фабрикахъ, и фабрикантамъ невозможно распоряжаться. Б. отпустилъ всѣхъ малолѣтнихъ, признавая невозможнымъ зависѣть отъ инспекціи.

¹⁾ Имѣніе Корсаковыхъ въ 20 в. отъ Носкова.

²⁾ Вербилки въ 10 в. отъ Носкова, теперь фабрика Кузнецова.

Теперь эти малолѣтніе галдятъ на фабрикѣ и молятъ, чтобъ ихъ приняли (и не могли они вернуться, какъ мечтаютъ, въ свои деревни, потому что у нихъ деревень нѣтъ, — родители давно здѣсь водворились). По словамъ Б., всего болѣе рабочіе раздражены противъ новыхъ законовъ и инспекціи; благодаря ей уничтожились прежнія патріархальныя отношенія къ рабочимъ, здѣсь бывшія. Чтобъ не подчиняться регламентаціи и надзору инспекціи, управляющій фабрики прекращаетъ всякія заботы о рабочихъ. Изъ 80 т. р. сбереженій рабочихъ, хранившихся въ конторѣ, имъ уже возвратили 40 т. и хотятъ возвратить все, чтобъ освободиться отъ лишняго повода вмѣшательства инспекціи.

Таковы результаты на фабрикѣ образцовой въ своихъ отношеніяхъ къ рабочимъ.

Москва, 18 іюля. Приѣхалъ съ Машей въ Москву черезъ Озерецкое и Хотьковъ въ Славянскій Базаръ.

Владимірѣ, 20 іюля. 18 іюля въ 4 ч. съ Т. С. Морозовымъ по Нижегород. ж. д. въ Орѣхово-Зуево. Тамъ ночевалъ и 19 іюля въ 10 ч. в. поѣхалъ въ Муромъ, но усталъ и остановился на день въ Владимірѣ.

Въ Орѣхово-Зуевѣ. Т. С. Морозовъ говоритъ, что ничего еще не сдѣлано въ смыслѣ покровительства (какая ненасытность протекціонизма!) и бранитъ за то Петербургъ. Говоритъ, что не хочетъ запретительныхъ пошлинъ, но въ сущности онъ ихъ хочетъ на все.

Довольно оригинальна его система: сильно облегчая всѣ условія производства сырья (напр., хлопокъ, шелкъ) и орудія—машины, онъ хочетъ путемъ страшныхъ жертвъ старыхъ производителей съ одной стороны, и громаднаго вознагражденія, съ другой (производителей новыхъ товаровъ), заставить все производить въ Россіи. Но для чего это суровое воспитаніе промышленности и напряженіе силъ? Не выгоднѣе ли и проще подчинить меньшимъ жертвамъ путемъ свободной торговли, — т.-е. заставляя дешевле производить. Тутъ новое то, что фабрикантовъ принуждаютъ къ жертвамъ. При этомъ все мерещится промышленная самобытность все производить у себя. И опять балансъ—не вывозить за границу денегъ и поправить курсъ.

Мы разбираемъ вмѣстѣ съ Морозовымъ всѣ законы и правила. Онъ указываетъ на неопредѣленность, встрѣчающуюся на каждомъ шагу, дающую поводъ пристрастно дѣйствовать въ пользу рабочихъ въ ущербъ фабрикантамъ (М. видитъ тутъ красную злонамѣренность законодателей).

Съ презрѣніемъ говоритъ онъ о нашемъ земледѣліи. По его понятіямъ, успѣхи цивилизаціи только въ фабричной промышленности (?). Очень развилось недавно въ Ивановѣ бумаготкачество (Горбуновъ), М. покупаетъ много миткаля—выше только первыя русскія фирмы.

М. много и постоянно говоритъ о взяткахъ въ Ц. Видно, поплатился. Онъ все приписываетъ взяткамъ.

Характерный и любопытный человѣкъ Морозовъ! Семейныя отношенія: жена Марія Ѳедоровна очень образованная и благовоспитанная; мужъ—смѣсь бывшаго крѣпостного, московскаго первостатейнаго купца и раскольника. Дѣти всѣ вышли изъ этого положенія, поднялись. Сыновья прошли университетъ (старикъ что-то намекалъ мнѣ, что молодое поколѣніе настроено социалистически—какъ будто намекъ на сыновей!—не знаю). Сынъ Савва, теперь главный директоръ фабрики—курьезный новѣйшій типъ (это продуктъ разложенія посредствомъ университета, также броженія нашего общества—старой старообрядческой купеческой семьи). Это богатый матеріалъ для фізіологіи современнаго русскаго общества. Я его не расчухалъ. Онъ, видимо, отъ меня удалялся—да какъ будто держать себя на почтительномъ разстояніи и отъ родителей. Тутъ смѣсь русскаго вольнодумца съ русскимъ кулакомъ. Послѣдній возьметъ, вѣроятно, верхъ. Прошелъ естественный факультетъ. Обо всемъ говоритъ съ точки зрѣнія натуралистическаго міровоззрѣнія. Къ моей наукѣ относится презрительно, да и ко всему презрительно. Объ Адамѣ Смитѣ говоритъ съ ироніей: онъ стоитъ выше всего этого. Все произошелъ, хотя только 2 года, какъ кончилъ университетъ. Безпрестанныя ссылки на Дарвина и другихъ. Образчикъ новѣйшаго купечества (отвратительный). Все-таки прежде всего чувствуетъ себя милліонеромъ, — хотя этого не сознаетъ, можетъ быть. О рабочихъ говоритъ съ презрѣніемъ и ожесточеніемъ,—не хотѣлъ ѣхать со мной кататься посмотрѣть на рабочихъ, чтобъ „не обругали“. Не умѣлъ себя поставить, несмотря на высшее образованіе, въ хорошія отношенія къ рабочимъ. Мало сердца, вѣроятно, нѣтъ религіи; перейдя въ нашу церковь изъ старообрядчества, потерялъ всякую церковь. Тутъ есть много о чемъ подумать. Производитъ впечатлѣніе нигилиста, но онъ, въ сущности (я могу ошибаться) кулакъ!

20 іюля. Я почувствовалъ себя вчера дурно въ вагонѣ и потому остановился во Владимірѣ. Опять „Кофейная гостиница“ и опять ея неизмѣнная гадость.

Пріѣхалъ ко мнѣ вице-губернаторъ, управляющій теперь губерніей, Семеновъ (Вас. Алекс.). Онъ много занимается благотворительными заведеніями во Владимірѣ.

Семеновъ говоритъ умѣренно объ инспекціи, защищаетъ ее сильно въ принципѣ,—также людей, но признаетъ, что они дѣйствуютъ круто, съ маху. Нужно останавливать излишнее рвеніе. Инспекторы вздумали утверждать табели (въ которыхъ цѣны работъ—вотъ колоссальная безсмыслица!).

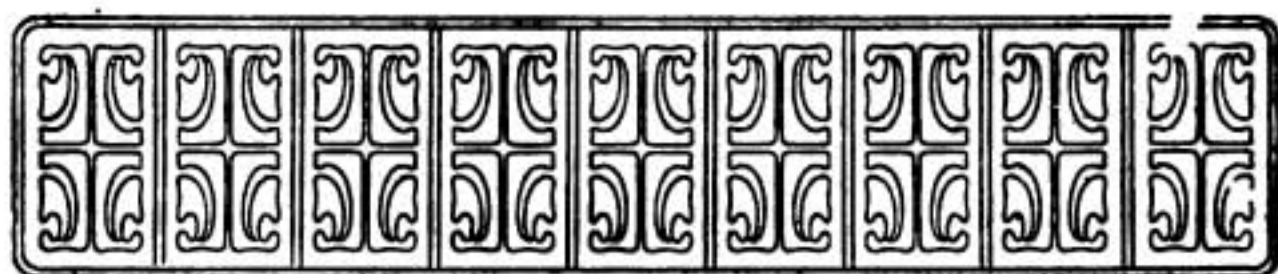
Сегодня получена бумага отъ Тернера, чтобъ они не утверждали. иначе правительство вмѣшивается въ назначеніе платъ—этого только не доставало.

Обѣдалъ у Семенова съ здѣшнимъ бригаднымъ командиромъ (В. П. Витторсомъ). Очень простой и почтенный человекъ. Въ колоніальномъ магазинѣ Петровскаго главный приказчикъ (старый) говоритъ мнѣ съ энтузіазмомъ (sic!) о моихъ прошлогоднихъ дорожныхъ письмахъ въ Рус. Вѣд.

Сообщ. М. В. Безобразова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾).

ГЛАВА IV.

8-го іюля. Стало что-то очень прохладно. Утромъ, часовъ въ 7, прошли мы мимо такъ называемыхъ „дымящихся горъ“. Это темносѣрыя известковыя скалы съ ясно обозначенными прослойками каменнаго угля. И вотъ, сколько помнятъ мѣстные старожили, прослойки эти всегда дымятся, а ночью замѣтно бываетъ и пламя. Очевидно, здѣсь еще одно изъ пропадающихъ покуда даромъ богатствъ мѣстнаго края.

Вдали показался передъ нами пароходъ. Это „Сибирякъ“ — частный пароходъ, вышедшій изъ Благовѣщенска на сутки раньше насъ. Нашъ молодой капитанъ велѣлъ прибавить ходу. „Сибирякъ“ также усиленно запыхтѣлъ. Капитанъ позвалъ къ себѣ машиниста и умолялъ его „ну хоть на четверть часика“ усилить число оборотовъ колеса. Механикъ сначала совершенно резонно отказывался, ссылаясь на опасность усиленія давленія выше законнаго предѣла, но въ концѣ концовъ сдался, и мы быстро обогнали „Сибиряка“. Нечего и говорить, какъ опасны подобныя гонки, и какъ недалеко съ ними до катастрофы; стоитъ только вспомнить многочисленные несчастные случаи — взрывы котловъ съ гибелью всего судна на Миссиссипи, гдѣ, благодаря безразсуднымъ пари, котлы пароходовъ накаливались докрасна подливаніемъ масла, киданіемъ кусковъ сала, а иногда, за неимѣніемъ того и другого, бывшими подъ руками окороками.

Къ вечеру подъѣзжаемъ къ Чернявской станицѣ, основанной въ 1858 г. въ честь командира казачьей бригады полков-

¹⁾ См. „Русская Старина“, декабрь 1913 г.

ника Черняева. Селеніе это, послѣ бывшаго въ 1872 г. сильнаго наводненія, было перенесено на версту выше своего первоначальнаго мѣстоположенія. Весь поселокъ лежитъ на площадкѣ у подножія горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Близъ него извѣстный „Чернявскій перекалъ“, фарватеръ котораго обставленъ почему-то вмѣсто бакеновъ—палочками: дешево и сердито. Холодъ увеличивается: всего только 12 градусовъ. Зато чудный солнечный закатъ, свинцово-сѣрыя облака снизу подкрашены яркимъ пурпуромъ, испещреннымъ мелкими перообразными полосками совершенно огненнаго цвѣта. Вообще нигдѣ я не видалъ столь красивыхъ солнечныхъ закатовъ, какъ въ Сибири.

Дальнѣйшее плаваніе по Амуру до Покровской станицы, мѣста развѣтвленія р. Амура на двѣ образующія его рѣки Шилку и Аргунь, засимъ путь по изобилующей перекалами мелководной Шилкѣ до самаго Стрѣтенска не ознаменовались никакими особо выдающимися обстоятельствами, кромѣ опасенія ежеминутно сѣсть на мель. Попутно попадались большія баржи съ солдатами, буксируемые небольшими пароходами. На берегу въ одномъ мѣстѣ уныло стоялъ, ржавый привезенный моремъ до Владивостока, а оттуда по Амуру и Шилкѣ слѣдовавшій въ Стрѣтенскъ для Забайкальской дороги паровозъ: по мелководью въ свое время баржа, на которую онъ былъ погруженъ, не могла слѣдовать далѣе, и злополучный паровозъ былъ выгруженъ почему-то на берегъ, гдѣ колеса его уже успѣли обрости травой. Въ Стрѣтенскѣ мѣстный начальникъ Стрѣтенскаго участка строившейся въ это время Забайкальской дороги любезно подвезъ меня, остатокъ моего строительнаго штата, японскаго атташе Мурата и еще нѣсколькихъ знакомыхъ путниковъ до конца участка, близъ г. Нерчинска на рабочемъ поѣздѣ, а засимъ частью на лошадяхъ, частью на рабочихъ поѣздахъ Забайкальской дороги добрались мы до Читы. Чита зловонная деревня, расположенная въ песчаной долинѣ, гдѣ пыль вѣетъ глаза, а ноги по щиколотку вязнутъ въ песокъ, населенная по преимуществу ссыльно-политическимъ элементомъ, между прочимъ и поляками, принимавшими участіе въ возстаніи 1863 г.

Дальнѣйшій путь нашъ былъ снова на лошадяхъ. Перевалъ черезъ Яблоновыя хребты, бурятскія грязныя деревни, лиственные дремучіе лѣса, спаленные на протяженіи десятковъ верстъ палами; бѣшено быстрая ѣзда на невзрачныхъ на первый взглядъ бурятскихъ лошадакахъ, впряженныхъ въ тарантасы при помощи „веревочной“ упряжи—вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя сохранились у меня въ памяти о пути отъ Читы до

самаго Верхнеудинска. Засимъ плаванье по р. Селенгѣ, полноводному притоку Байкала, съ весьма красивыми берегами и опаснымъ водоворотомъ, такъ называемымъ „Тараканьимъ уловомъ“, подъ отвѣсною скалою—до Прибайкальскаго почтоваго тракта. Ночевка въ почтовой станціи, гдѣ насъ угостили ухой изъ знаменитаго байкальскаго „омуля“. Переправа черезъ величественный чарующій взоры Байкаль между Мысовою и Лиственичною—на деревянномъ утломъ пароходикѣ, вмѣстѣ со скотомъ и подводами. Бѣшеная скачка на тройкахъ по почтовому тракту отъ Лиственичной до Иркутска съ вынутымъ наготовѣ револьверомъ (т. к. за два дня до нашего проѣзда имѣло мѣсто нападеніе ссыльныхъ чѣркесовъ на почту, при чемъ были убиты почтальонъ и ямщикъ) и, наконецъ, кратковременное пребываніе въ Иркутскѣ, который показался мнѣ чѣмъ-то вродѣ Парижа послѣ всѣхъ трудобъ Дальняго русскаго Востока,—вотъ тѣ конечныя впечатлѣнія моей неудачной Маньчжурской поѣздки.

Сѣвъ въ Сибирскій экспрессъ, я въ концѣ іюня 1899 г. вернулся въ Москву, весь разбитый, какъ было упомянуто выше, и душою и тѣломъ, безъ мѣста и какихъ-либо надеждъ на будущее.

Г Л А В А V.

Изысканія подмосковныхъ вѣтвей.—Служба въ Сибири.—Служба на Николаевской дорогѣ.—1905 годъ.

Выбраться изъ печальныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ я находился, помогли мнѣ и словомъ и дѣломъ мои товарищи по выпуску: А. Е. Плакида, В. В. Тимофеевъ-Рясовскій. Послѣдній строившій въ это время Павелецкую и Смоленско-Данковскую линіи Рязанско-Уральской дороги, предоставилъ мнѣ производство изысканій двухъ подмосковныхъ вѣтвей: Царицыно-Крюково и Пахра-Крюково, для соединенія Павелецкой съ Николаевской дорогою. Послѣднюю изъ вѣтвей пришлось, между прочимъ, вести черезъ извѣстное имѣніе Великаго Князя Сергія Александровича „Ильинское“, находящееся на берегу р. Москвы. Когда я просилъ управляющаго имѣніемъ доложить Великому Князю, что прошу разрѣшенія пройти по его владѣніямъ, то послѣдній замѣтилъ управляющему: „Передайте инженеру, что если онъ проведетъ линію у Ильинскаго, то свистки паровозовъ и грохотъ поѣздовъ нарушатъ прелесть тишины и спокойствія Ильинскаго, спугнуть рыбу, которую я люблю ловить,

и вынудить меня въ концѣ концовъ бросить мою усадьбу. Препятствовать трасировкѣ я не считаю себя въ правѣ, но передайте, пожалуйста, ему мои слова“.

Послѣ сказаннаго мнѣ пришлось конечно отвести линію на три версты выше Ильинскаго, намѣтивъ ее по владѣніямъ князя Голицына. По особой случайности управляющій Великаго Князя былъ у него съ докладомъ въ Москвѣ о томъ, что я, подчиняясь желанію В. Князя—отвелъ линію—въ то самое время, когда у него былъ въ кабинетѣ князь Голицынъ. Великій Князь, выслушавъ управляющаго, обратился съ улыбкой къ князю Голицыну и сказалъ: „Ну, князь, поздравляю Васъ, отнынѣ будутъ тревожить Ваше спокойствіе свистки и грохотанье поѣздовъ“. На замѣчаніе князя Голицына, „что онъ не допуститъ проведенія по своимъ владѣніямъ какой бы то ни было линіи“ Великій Князь возразилъ: „Не имѣете права, придется подчиниться“. Передаю весь этотъ разговоръ конечно со словъ управляющаго Великаго Князя.

Вскорѣ послѣ сего я получилъ мѣсто помощника начальника службы пути соединенныхъ Западной и Восточно-Сибирскихъ дорогъ, гдѣ провелъ три года, при чемъ на мою долю выпало всецѣло весьма нелегкое дѣло поддержанія пути въ должной исправности и организаціи: производство сплошной смѣны рельсовъ типа 18 фунт. въ пог. футѣ на типъ 24 фунта въ пог. футѣ, при совершенно исключительныхъ условіяхъ:—мобилизаціи во время Китайской войны.

Организація самихъ работъ представляла значительныя трудности, одною изъ основныхъ которыхъ являлось почти полное отсутствіе сколько-нибудь опытнаго не только въ смѣнѣ рельсовъ, но вообще въ какихъ бы то ни было путевыхъ работахъ личнаго состава. Обстоятельство это ничуть не удивительно, если принять въ соображеніе ту страшную смѣняемость въ служащихъ, которая наблюдалась изъ года въ годъ на Сибирской дорогѣ; таблицы увольняемости, составленныя завѣдывающимъ пенсіонною кассою Сибирской желѣзной дороги, показывали, что подавляющее большинство лицъ, оставляющихъ службу на Сибирской дорогѣ, уходитъ по собственному желанію, благодаря непріятнымъ условіямъ службы, климатическимъ невгодамъ, отдаленности и некультурности края, дороговизнѣ жизни и полной необезпеченности. Такъ, напримѣръ, въ 1898 г. уволилось 3.293 чел., въ 1899 г.—4.257, въ 1900 г.—3.809 и т. д.

Понятно, что при такихъ условіяхъ не было возможности

создать сколько-нибудь опытный составъ людей. Приходилось выписывать ихъ изъ Россіи. Но за весьма немногими исключеніями удавалось заполучить, конечно, только такихъ служащихъ, которые по разнымъ причинамъ не могли удержаться въ Россіи. Въѣзжать такимъ агентамъ отвѣтственныя работы было крайне рискованно, но волею неволею приходилось мириться и съ этимъ. Съ цѣлью организовать сколько-нибудь удовлетворительно работу смѣны, мною было выписано съ различныхъ дорогъ разновременно за два года 26 опытныхъ и болѣе или менѣе благонадежныхъ дорожныхъ мастеровъ, лично извѣстныхъ мнѣ или кому-нибудь изъ агентовъ дороги по предшествующей совмѣстной службѣ въ Россіи, при томъ на значительно повышенныхъ противъ окладовъ Европейской Россіи условіяхъ. Опытъ показалъ, что и эти „лучшіе“ дорожные мастера по истеченіи изумительно быстрого времени портились, начинали лѣниться, небрежно вести дѣло, пьянствовать и приписывать въ табеляхъ. Наиболѣе же порядочные уходили, умоляя ихъ отпустить обратно въ Россіи иногда даже на гораздо болѣе низкіе оклады, чѣмъ тѣ, которые они получали тамъ до своего перехода въ Сибирь, а иногда уходили даже прямо на „ура“, безъ надежды на мѣсто.

Трудно себѣ представить, какъ велись при такихъ условіяхъ работы, и на какія непростительныя упущенія приходилось наталкиваться чуть ли не на каждомъ шагу. Такъ, напримѣръ, при осмотрѣ мною работъ при сплошной смѣнѣ въ 1901 г. получилась нижеслѣдующая картина: почти на всѣхъ участкахъ новое и старое скрѣпленіе валялось на протяженіи цѣлыхъ верстъ безъ уборки, позволяя самую легкую повражу. Болты на смѣненныхъ рельсахъ были слабо подтянуты, а мѣстами уложены не по чертежу, такъ, что благодаря близости головки костыля, ихъ нельзя было заболтить надлежащимъ образомъ. Подъ нѣкоторыми стыковыми шпалами и подъ промежуточными подкладками съ реборами допущены малопостежистыя и даже маломѣрныя шпалы, такъ что края подкладокъ были на вѣсу. Стыки въ большинствѣ случаевъ не по угольнику. Въ нѣкоторыхъ шпалахъ затеска сдѣлана не по шаблону, а криво, такъ что между подкладкой и шпалой угловой проворъ. Изъ особо крупныхъ не порядковъ замѣчены были мною: укладка на одной кривой на правой колѣѣ рядомъ рубки въ семь сотыхъ и двадцать три сотыхъ сажени, а на лѣвой колѣѣ, напротивъ, рубки въ двадцать шесть сотыхъ.

На другомъ участкѣ уложена была на прямой въ мѣстѣ

смычки съ легкими рельсами на правой колеѣ рубка въ пять сотокъ, а рядомъ съ ней въ прозорѣ между торцомъ рубки и торцомъ рельса засунуть для заполнения пространства стыковой костыль. Нѣсколько костылей забиты мимо шпалъ въ балласть, а подкладки положены косо. Приходилось неустанно учить, учить и брать одною лишь упорною настойчивостью, ибо къ сколько-нибудь серьезнымъ взысканіямъ прибѣгать было совершенно немислимо: люди тотчасъ же уходили. Крайнее затрудненіе представляло собою образованіе кадра даже опытныхъ простыхъ рабочихъ, такъ какъ были участки, напримѣръ, между Канскомъ и Нижнеудинскомъ, между ст. Зимою и Иркутскомъ и другими, гдѣ въ рабочую пору „ни за какія деньги“ нельзя было достать рабочихъ вообще.

Приходилось возить на такіе участки рабочихъ со ст. Оби или еще изъ болѣе далекихъ мѣстъ, напримѣръ, изъ Каинска и Омска, т.-е. въ разстояніи въ первомъ случаѣ около 595 верстъ, во второмъ, свыше 1.200 верстъ, въ третьемъ, свыше 1.500 верстъ. На долю начальниковъ участковъ, гдѣ производилась смѣна, выпадала тогда такая еще далеко нелегкая обязанность заботиться о продовольствіи всей толпы пріѣзжихъ рабочихъ, что сопряжено было подчасъ съ огромными трудностями, въ виду неимѣнія продуктовъ на мѣстѣ. Тѣмъ не менѣе несмотря на столь неблагоприятныя условія, удалось за восемь мѣсяцевъ работы 1901 и 1902 г.г. (по четыре въ годъ) смѣнить 894 верстъ рельсовъ при одномъ только незначительномъ сходѣ поѣзда по винѣ одного изъ дорожныхъ мастеровъ укладчиковъ.

Не менѣе тяжела была сама жизнь въ Томскѣ: крайне суровый климатъ, съ весьма рѣзкими колебаніями температуры, при обиліи подпочвенной воды, и даже цѣлыхъ трясинъ на главныхъ улицахъ города; рѣзкіе вѣтры съ одной стороны, съ другой же—мало располагающее къ себѣ мѣстное населеніе, въ значительномъ числѣ состоящее изъ ссыльныхъ или ихъ потомства; частые грабежи (за два года до моего пребыванія въ Томскѣ было еще такое времячко, когда по улицамъ города ночью разѣзжали на лихихъ тройкахъ въ большихъ „кошевкахъ“ (санияхъ, обшитыхъ рогожами) „молодцы“ и закидывали арканы на прохожихъ, притягивая ихъ къ своимъ саниямъ, и обирали засимъ какъ липку).

Дороговизна квартиръ и многихъ предметовъ первой необходимости, недостатокъ въ надежной прислугѣ (мою жену чуть-чуть не задушила уволенная ею кухарка изъ ссыльныхъ),—

все это были такія обстоятельства, которыя заставляли каждаго семейнаго человѣка стремиться возможно скорѣе выбраться изъ злополучнаго города. Послѣ 2-хъ-лѣтняго пребыванія въ Томскѣ здоровье жены моей пришло въ такое состояніе, что пришлось отправить ее съ семьей сначала лѣчиться за границу, а засимъ оставить окончательно въ Москвѣ, а самому начать съ того времени „бобылью“ жизнь. Проводить семью за границу удалось мнѣ съ большими затрудненіями, получивъ отпускъ, я былъ вызванъ начальствомъ въ Томскъ обратно на мѣсяць ранѣе окончанія такового: „безъ меня не могли справиться съ дѣломъ“.—Это было очень лестно, но въ то же время по меньшей мѣрѣ—безчеловѣчно. Пришлось подчиниться и бросить едва-едва начавшую поправляться отъ „Томской жизни“ жену и летѣть сломя голову снова въ Сибирь.

Позволю себѣ здѣсь сдѣлать нѣкоторое отступленіе и описать одинъ изъ эпизодовъ кратковременнаго пребыванія моего за границей, могущій имѣть общій интересъ: я говорю о посѣщеніи моемъ работъ по прорытію Симплонскаго туннеля, одного изъ величайшихъ сооружений XX столѣтія.

Туннель (слово англійское=труба) въ инженерномъ дѣлѣ называется такое сооруженіе, которое служитъ для подземнаго пропуска того или другого пути сообщенія, т. е. желѣзной дороги, шоссе или канала. Историческая справка показываетъ, что съ постройкою туннелей были знакомы еще въ глубокой древности, такъ напримѣръ, Ассирійскій царь Новуходоносоръ прокопалъ подземный ходъ подъ р. Евфратомъ къ капищу Ваала. Извѣстный историкъ Геродотъ упоминаетъ о туннелѣ длиною 600 сажень на островѣ Самосѣ. Римлянамъ также было небезызвѣстно искусство прорытія туннелей, о чемъ свидѣлствуетъ знаменитый т. н. Гротъ Поссипса длиною около 1 километра между Неаполемъ и его предмѣстьемъ. Засимъ въ средніе вѣка замѣчается полный застой сказаннаго рода построекъ и только изобрѣтеніе пороха даетъ могучій толчекъ этой отрасли инженернаго дѣла.

Первый туннель сооружается въ XVII вѣкѣ—это такъ называемый „Мальпасскій туннель“ въ Франціи для пропуска извѣстнаго Лангедокскаго канала. Въ томъ же XVII вѣкѣ прорывается знаменитый „Urner Loch“ въ С.-Готтардскомъ проходѣ и засимъ въ XVIII вѣкѣ сооружается С.-Кентинскій туннель во Франціи для пропуска одноименнаго канала.

Но особеннаго развитія достигаетъ эта отрасль инженернаго

искусства въ XIX и XX вѣкахъ, послѣ изобрѣтенія динамита въ связи съ необходимостью провѣда желѣзныхъ дорогъ.

Такимъ образомъ сооружаются послѣдовательно туннели: въ 1857 г. Монтъ-Сенискій, въ 1877 г.—С. - Готтардскій, въ 1880 г.—Арльбергскій и наконецъ въ 1899 г.—Симплонскій.

Россія также не отстаетъ отъ прочихъ европейскихъ странъ и сооружаетъ при проведеніи желѣзныхъ дорогъ: СпБурго-Варшавскій-Виленскій и Ковенскіе туннели, длиною первый—200 саж., а второй—600 саж. Засимъ при постройкѣ Ловово-Севастопольской дороги—цѣлый рядъ туннелей на Крымскомъ полуостровѣ; при постройкѣ Закавказскихъ дорогъ—знаменитый Сурамскій туннель длиною 4 версты. Послѣ сего сооруженія послѣдовательно туннели: на Новоселицкихъ вѣтвяхъ Юго-Западныхъ дорогъ. На Новороссійской вѣтви—Владикавказкой дороги. На Тифлисъ-Карской дорогѣ и, наконецъ, Хинганскій туннель (1.328 саж.) на Маньчжурской дорогѣ и 34 туннеля длиною отъ 7 до 370 саж. на кругобайкальской дорогѣ.

Въ нижеприводимой табличкѣ приведено нѣсколько любопытныхъ данныхъ по наиболѣе выдающимся изъ современныхъ туннелей.

	НАИМЕНОВАНИЕ ТУННЕЛЕЙ.				
	М. Сени.	С. Готтардъ.	Арльбергъ.	Сурамъ.	Симплонъ.
1. Длина (въ километрахъ)	12 ¹ / ₄	15	10 ¹ / ₄	4	20
2. Продолжительность работы (въ годахъ).	14	9 ³ / ₄	4	4 ¹ / ₄	4 ³ / ₄
3. Годовой успѣхъ работы (въ километрахъ)	0.88	1.61	2.56	0.94	4.20
4. Средній суточный успѣхъ буренія (въ метрахъ.)	1 ¹ / ₂	3	4 ³ / ₄	2 ³ / ₄	6
5. Максимальный успѣхъ буренія (въ метрахъ).	8	7	8	10 ¹ / ₂	8
6. Полная стоимость туннеля (въ франк.).	75.500.000	58.543.000	40.833.000	15.000.000	75.000.000
7. Стоимость на 1 пог. метръ (въ франк.).	5.875	3.975	3.975	3.790	3.750
8. Стоимость одного оборудованія (въ франкахъ).	3.500.000	4.355.500	3.567.000	—	7.000.000

Перехожу собственно къ Симплонскому туннелю, прорытіе котораго имѣетъ почти міровое значеніе въ дѣлѣ международныхъ сообщеній. Туннель этотъ подземнымъ путемъ подъ горою Симплономъ соединяетъ между собою Швейцарію (городокъ Бригъ въ долинѣ р. Роны) съ Италіею (городокъ Изелле).

Гора Симплонъ составляетъ часть Лепонтинскихъ Альпъ, образующихъ часть границы между Швейцаріей и Италіей. Вершина Симплона достигаетъ высоты до 3.360 метровъ надъ уровнемъ моря, и вдоль одного изъ его склоновъ вьется знаменитый Симплонскій проходъ—шоссейная дорога, достигающая высоты до 2.000 метровъ. Самъ проходъ ведетъ изъ Брига, въ долину Роны, до Домодоссолы—деревни на берегу рѣки Точин, впадающей въ озеро Маджоре.

Во время римлянъ Альпы представляли непреодолимые препятствія свободному международному сообщенію, и послѣднее съ большимъ трудомъ поддерживалось небольшимъ числомъ проходовъ. Въ тѣ времена были извѣстны только проходы большой и малой St-Bernhard, а также Бреннеръ, отличающійся незначительной высотой (1.362 метра). Очень трудный проходъ черезъ С.-Готтардъ сталъ извѣстенъ только съ 1293 года.

Съ возрастаніемъ сношеній съ Индіей и Китаемъ черезъ Средиземное море увеличилось и число проходовъ черезъ Альпы, при чемъ еде проходимыя тропинки стали разрабатывать въ проѣзжія дороги. Въ 1772 г. черезъ Бреннеръ была устроена прекрасная шоссейная дорога. Вторая дорога черезъ Альпы была вышеупомянутая дорога черезъ Симплонъ, построенная инженеромъ Séard по приказанію Наполеона I-го. Она строилась отъ 1800 до 1806 года и имѣетъ ширину до 9 метровъ, при чемъ проходитъ черезъ 611 мостовъ и множество туннелей; наибольшіе подъемы доходятъ до 0,077; вдоль пути расположено около 20 домовъ для пріюта путешественниковъ. Дорога черезъ С.-Готтардъ, который войска Суворова перешли въ 1799 г. съ невыразимыми трудностями и человѣческими жертвами, была построена только въ 1820—1832 годахъ.

Едва только важнѣйшіе проходы черезъ Альпы стали доступны для проѣзда, какъ, благодаря появленію желѣзныхъ дорогъ, въ области сообщенія наступила новая эпоха.

Проектъ постройки Симплонскаго туннеля возникъ еще давно, а именно въ 1853 г. Въ этомъ году группа французскихъ капиталистовъ получила отъ швейцарскаго правительства концессію и образовала желѣзнодорожное общество подъ названіемъ Ligne d'Italie. Это общество однако не дѣлало никакихъ

серьезныхъ шаговъ для начала работъ по постройкѣ Симплонскаго туннеля и повидимому приобрѣло концессию съ цѣлью уступить ее другому обществу. Въ 1865 году общество *Ligne d'Italie* обанкротилось, и оно было преобразовано сначала въ общество Симплонской желѣзной дороги, а затѣмъ въ общество Юра-Симплонской желѣзной дороги. Новое общество для постройки Симплонскаго туннеля также вынуждено было прибѣгнуть къ заграничной поддержкѣ, и оно обратилось къ Италіи и Франціи. Италія обязалась гарантировать на 99 лѣтъ наименьшій доходъ въ 3.000 франковъ съ километра и построить соединительную линію отъ станціи Домодоссолы до Изелле. А во Франціи, по предложенію Гамбетты, французская палата депутатовъ вотировала въ 1874 г. субсидію обществу Юра-Симплонской жел. дороги сначала въ суммѣ 48, а потомъ въ 50.000.000 франковъ; но французское правительство почему-то оставило рѣшеніе палаты безъ послѣдствій, благодаря чему постройка Симплонскаго туннеля затормозилась.

Наконецъ, въ 1891 г. фирма Брандъ, Брандау и Зульцеръ предложила обществу Юра-Симплонской жел. дор. построить Симплонскій туннель, и съ этой фирмой въ 1898 г. былъ заключенъ окончательный контрактъ.

Работы начались на сѣверной сторонѣ (у Брига) 1 августа 1898 г., а на южной сторонѣ (у Изелле) 16 августа того же года, и въ общемъ подвигались настолько быстро и успѣшно, несмотря на весьма огромныя препятствія, главнымъ образомъ въ видѣ потоковъ холодной, а иногда и горячей воды,—преимущественно благодаря прекрасной работѣ гидравлическихъ бурильныхъ машинъ системы Брандта, изъ которыхъ у сѣверной штольни работало по 3 вмѣстѣ, а у южной—по 4,—что зимою 1906 г. весь цивилизованный міръ могъ праздновать открытіе желѣзнодорожнаго движенія черезъ туннель.

Теперь перейду къ личнымъ впечатлѣніямъ по поѣздкѣ для осмотра туннеля. 27 мая 1902 г. я съ сыномъ студентомъ Московскаго университета прибылъ изъ Монте, гдѣ мы жили, въ городокъ Бригъ и отправились въ строительную контору туннеля. Насъ весьма любезно принялъ одинъ изъ инженеровъ Брандта, Брандау и К^о Carlos Wichern и выдалъ билетъ (*Carte d'entrée pour la visite des travaux de construction du Tunnel du Simplon*) для безпрепятственнаго осмотра всѣхъ сооружений и мастерскихъ на Швейцарскомъ концѣ туннеля, но заявилъ, что въ самый туннель буду допущенъ одинъ только я, а не сынъ, такъ какъ осмотръ сопряженъ все-таки съ нѣкоторою опасностью,

Подъѣзжаемъ къ входу въ туннель. Этотъ послѣдній состоитъ собственно изъ 2-хъ параллельныхъ отдѣльныхъ независимыхъ другъ отъ друга однопутныхъ туннелей №№ I и II, расположенныхъ въ разстояніи 17 метровъ центръ отъ центра и соединяющихся между собою черезъ каждые 200 метровъ поперечными косыми галереями, запирающимися особыми почти герметическими воротами. Изъ сказанныхъ 2-хъ сооруженій только одинъ № I получаетъ полную проектную профиль, а именно ширину 4,5 метра и высоту 5,5 метровъ, туннель же № II временно разработанъ лишь до ширины 3,2 метра и высоты 2,45 метра и служитъ для доставки воздуха и строительныхъ матеріаловъ въ туннель № I, а также для выпуска воды изъ послѣдняго. Расширеніе же второго туннеля до полной профили должно послѣдовать лишь тогда, когда доходъ линіи Изелле-Бригъ-Лованна превыситъ 500.000 франковъ съ километра ¹⁾).

При входѣ въ туннель № I находится высокая башня съ 2-мя гигантскими центробѣжными вентиляторами, діаметромъ каждый въ 8,75 метра, доставляющими каждый по 25 кубическихъ метровъ воздуха въ секунду. Устройство вентиляторовъ таково, что оба они могутъ или одновременно накачивать воздухъ въ туннель или же выкачивать, или же, наконецъ, одинъ накачивать, а другой выкачивать воздухъ. Опытъ постройки различныхъ швейцарскихъ туннелей предшественниковъ Симплонскаго показалъ, что одной только вентиляціи недостаточно для поддержанія удовлетворительныхъ санитарныхъ условій для рабочихъ, а что приходится бороться еще и съ довольно высокою температурою нѣдръ земли. Предварительныя изысканія геологовъ дали возможность опредѣлить вѣроятную температуру подъ наивысшей точкой, лежащей надъ Симплонскимъ туннелемъ въ $+ 42^{\circ}$ Ц. Опытъ показалъ, что по мѣрѣ удаленія въ глубь туннеля (а именно на разстояніи около 7 километровъ отъ начала) температура достигла уже $+ 52^{\circ}$ Ц. Въ виду сего пришлось придумать какія-нибудь мѣры для борьбы съ теплотою при помощи холодной воды. Съ этою цѣлью въ туннель № II (слѣва) была уложена система желѣзныхъ трубъ (діаметромъ 25 м/м.), снабженныхъ большимъ числомъ очень маленькихъ отверстій, черезъ которыя вода пульверизировала подъ давленіемъ въ 42 атмосферы, охлаждая нагнетаемый вентиляторами воздухъ. Благодаря этимъ мѣрамъ удалось сдѣлать

¹⁾ Эта работа производится въ настоящее время.

безвредной теплоту, выдѣлявшуюся со стѣнъ туннеля и изъ встрѣчавшихся въ значительномъ количествѣ горячихъ ключей. Въ томъ же маломъ туннелѣ № II (съ правой стороны) расположены одинъ надъ другимъ еще два трубопровода: 1) нижній (діаметромъ 50 м/м.), ведущій сжатый (подъ давленіемъ 100 атмосферъ) воздухъ отъ упомянутыхъ выше компрессоровъ до особыхъ желѣзныхъ резервуаровъ (изъ тянутыхъ по системѣ Манесмана желѣзныхъ трубъ)—для снабженія вышеописанныхъ воздушныхъ паровозиковъ рабочимъ воздухомъ и 2) верхній (діаметромъ 250 м/м.)—по которому вода отъ насосовъ высокаго давленія въ 120 атмосферъ проводится до буровыхъ машинъ системы Брандта. Названные трубопроводы изолированы двойною оболочкою, состоящею изъ угольной мелочи, сверхъ которыхъ обшивка изъ тонкихъ досокъ.

Мы нырнули въ туннель: грохотъ поѣзда, лязгъ вагонныхъ цѣпей отъ треска по кое-какъ уложеннымъ, покалѣченнымъ работою рельсамъ, темнота, еле-еле прерываемая тусклымъ свѣтомъ едва-едва мерцающихъ кое-гдѣ лампочекъ, постепенно увеличивающаяся духота, капли влаги, падающія съ свода туннеля—все это на свѣжаго человѣка производитъ первое время ошеломляющее дѣйствіе. Такъ и кажется, что ѣдешь въ преисподнюю и никогда не увидишь больше бѣлаго свѣта. Спутникъ отъ времени до времени покрикивалъ „Tenez bien ferme“, а поѣздъ несется съ совершенно небезопасною быстротою. Запахло вдругъ чеснокомъ, а вдали сталъ усиливаться свѣтъ. Оказалось, что подъѣзжаемъ къ временной станціи на 8 километръ, освѣщенной ацетиленовыми горѣлками (отсюда и запахъ чеснока). Вырисовываются какія-то таинственныя фигуры въ такихъ же костюмахъ, какъ и я.

Паровозикъ нашъ, набравъ запасъ сжатого воздуха, везетъ насъ еще немного впередъ. Засимъ слѣваемъ, близко до мѣста работъ. Температура удушлива, идемъ по водѣ, сверху падаютъ мѣстами уже не капли, а цѣлыя струи горячей воды. Все чаще и чаще попадаются рабочіе. Наконецъ доходимъ и до самаго мѣста работъ. Представьте себѣ невысокую пещеру, нѣсколько лучше освѣщенную прочей части туннеля, стѣны которой состоятъ изъ зеленоватыхъ массивовъ гнейса и блестятъ отъ многочисленныхъ вкрапленныхъ въ него блесстокъ слюды. Въ торцовую стѣну пещеры уперты своими сварлами три сверлильныхъ машины (системы Брандта), производящія благодаря наличію передвижныхъ станковъ, на которыхъ онѣ покоятся, впечатлѣніе тоненькихъ длинныхъ пушекъ на лафетахъ. Каждое

за 1 франкъ 10 сант. въ день даетъ каждому квартиру и пищу (безъ вина). Санитарныя условія весьма удовлетворительныя. Каждый рабочій передъ отправленіемъ на работу мѣняетъ свой обычный костюмъ въ упомянутой выше раздѣвальнѣ при банѣ на рабочій, подобно описанному мною, предварительно дезинфицированный паромъ и просушенный въ паровой сушилкѣ. По возвращеніи съ работъ принимаетъ душъ и засимъ одѣвается въ свой обычный костюмъ. Внутри туннеля находятся земляные клозеты, дезинфицируемые известью. Для питья отварная вода въ бутылкахъ. Ъда же внутри туннеля безусловно воспрещена. Это послѣднее обстоятельство вызвано нижеслѣдующими соображеніями: при прорытіи швейцарскихъ туннелей оказалось, что насыщенный избыткомъ углекислоты и сыростью воздухъ дурно вліяетъ на сердце и легкія, затрудняетъ обмѣнъ веществъ, и туннельная пыль закупориваетъ поры тѣла какъ бы мазью. Какъ послѣдствія являются затрудненіе дыханія, учащеніе бѣшенія пульса, усталость, вялость, острое малокровіе и даже обмороки. Совокупность сказанныхъ явленій характеризовалась прежде однимъ наименованіемъ „горной анеміей“. Однако чисто эпидемическій характеръ сказанной болѣзни, особенно при прорытіи С.-Готтардскаго туннеля, навелъ на мысль искать глубже причину сказанныхъ явленій, тѣмъ болѣе, что при вскрытіи одного умершаго рабочаго нашли въ его кишечникѣ до 1.500 червей типа, открытаго еще въ 1838 г. докторомъ Dubini. Это былъ родъ кишечной пиявки, окрещенной названіемъ *Anchylostoma duodenale Dubini*. Пиявка эта, пасть которой снабжена шестью крюкообразными присосками, высасываетъ кровь человѣка. По изслѣдованіямъ доктора Гольдмана оказывается, что при самомъ слабомъ наличіи анхилостомы въ кишечникѣ—человѣкъ теряетъ не менѣе 10 граммъ крови ежедневно.

Такимъ образомъ понятно, что при крайней плодовитости сказанной пиявки и ея жизнеспособности (до 6 лѣтъ) и заразительности анхилостома является ужаснымъ бичомъ въ туннельномъ дѣлѣ. Вотъ почему администраціей работъ и были приняты вышеуказанныя мѣры предосторожности по отношенію къ пищѣ, водѣ и пользованію отхожими мѣстами.

Что касается до несчастныхъ случаевъ при работахъ въ туннелѣ, то ихъ было довольно много, но съ смертельнымъ исходомъ только 44. Рабочимъ, лишившимся жизни при сооруженіи туннелей, проектируется поставить памятникъ въ видѣ гранитной скалы съ обозначеніемъ на ней именъ погибшихъ

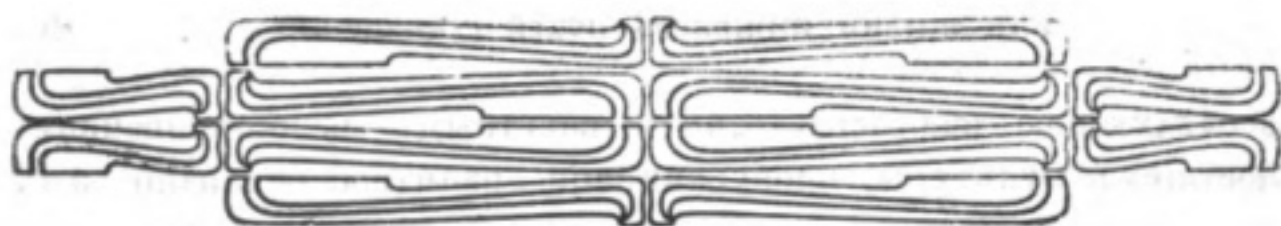
и слѣдующею надписью: „подъ властнымъ безостановочномъ шествіемъ культуры, пробуравившіе гранитное основаніе этой скалистой горы, простые піонеры труда оставили здѣсь свою жизнь и кровь, умирая въ темнотѣ, но не безплодно“.

Взявъ на память кусокъ отломанной при мнѣ взрывомъ гнейсовой скалы, я съ своимъ чичероне побрелъ вспять, шлепая по водѣ до мѣста остановки нашего поѣзда, нагружившагося тѣмъ временемъ обломками скалъ. Снова засѣли мы на вагонетки, на этотъ разъ на острые куски камней и съ прежнимъ грохотомъ и лязгомъ двинулись въ обратный путь. По мѣрѣ приближенія къ выходу изъ туннеля становилось все прохладнѣе и прохладнѣе. Наконецъ вылетѣли мы на волю; На небѣ уже взошла луна и ярко мерцали звѣзды. Казалось очень холодно. Но какое-то чувство необычайной радости охватило меня, что вырвался изъ преисподней. Полною грудью вдыхалъ я свѣжій воздухъ. Вдали раздавалась подъ аккомпаниментъ мандолинъ извѣстная пѣсня „Santa Lucia“, какъ сказано было выше (большинство рабочихъ здѣсь итальянцы). Услужливый чичероне свелъ меня снова въ баню. Сбросивъ съ себя грязныя рабочія ризы, вставъ подъ благодѣтельный душъ и облекшись въ собственный костюмъ, я почувствовалъ себя окончательно воскресшимъ, поблагодарилъ своего проводника и, выйдя изъ воротъ двора строительной конторы, столкнулся съ сыномъ, который безъ меня успѣлъ всесторонне ознакомиться съ Бригомъ и его окрестностями. Пообѣдавъ въ свое удовольствіе въ желѣзнодорожномъ ресторанѣ, мы отправились ночевать въ гостиницу, гдѣ на и подъ мягкими перинами забылись въ крѣпкомъ снѣ отъ дневныхъ тревоженій. Такъ кончилось мое знакомство съ однимъ изъ величайшихъ сооруженій инженернаго искусства XX столѣтія.

Л. Н. Любиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Великій князь Николай Михайловичъ ¹⁾.

Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна.

Императоръ Александръ I и представители русской дипломатіи въ 1820 г.

По окончаніи войны съ Наполеономъ, Императоръ Александръ возвратился въ Россію утомленный и пресыщенный славою; подъ впечатлѣніемъ ужасовъ военнаго времени, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, онъ жаждалъ мира.

„Я слишкомъ близко видѣлъ войну, чтобы не возненавидѣть ее“, сказалъ онъ однажды австрійскому посланнику, „я утомленъ ею. Слава, которую она даетъ, и ея мимолетный блескъ удовлетворяютъ только самолюбіе и гордость и не заставляютъ позабыть ея ужасовъ“.

Миролюбиво настроенный Императоръ „напрягалъ всѣ силы, чтобы сохранить миръ и не втягивать Россію въ новыя войны“, а между тѣмъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ спокойствію Европы угрожало возстаніе, вспыхнувшее въ Греціи, и русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Каподистрія, „всѣми силами старался вовлечь Россію въ войну съ Турціей, для освобожденія грековъ отъ турецкаго произвола“; это создавало въ Петербургѣ самую тяжелую, тревожную атмосферу и было причиною полной неопредѣленности тогдашней политики русскаго кабинета, его постоянныхъ колебаній, которыя глубоко изумляли австрійскихъ дипломатовъ. „La Russie ne marche pas, elle tâtonne“, писалъ Меттернихъ Лебцельтерну.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ Январь 1914 г.

„Всегда вѣрно освѣдомленный, Меттернихъ зналъ всѣ подробности треній, происходившихъ въ Петербургѣ. Онъ соображалъ свои дѣйствія съ минутными настроеніями русскаго Государя, то подпадавшаго подъ вліяніе увлекательнаго грека, Каподистрія, то склонявшагося въ сторону бездарнаго и маленькаго Нессельроде, всегда находившагося подъ полнымъ очарованіемъ ловкаго Меттерниха. Въ виду отсутствія въ тѣ времена желѣзныхъ дорогъ, курьеры ѣздили сравнительно долго между Петербургомъ и Вѣной, а за это время приходилось нерѣдко мѣнять распоряженія, давать новыя инструкціи Лебцельтерну и соображаться съ перемѣнами настроенія у Александра Павловича“. Меттернихъ сумѣлъ вѣрно оцѣнить положеніе и, видя бездарность русскихъ дипломатовъ и полную несогласованность ихъ дѣйствій, извлекъ изъ этихъ данныхъ выгоду для Австріи, которой онъ ревностно служилъ, и въ результатѣ оказалось, что „Россія, которая со временъ Екатерины II повелѣвала на берегахъ Босфора самовластно и безконтрольно, съ легкимъ сердцемъ передала первенствующую роль на Востокѣ Англіи и безотчетно подготавливала почву для вліянія Австріи на Балканахъ“.

Неувѣренные и колеблющіеся шаги русской дипломатіи и несогласованность дѣйствій представителей Россіи, ведшихъ одновременно разнородную политику, не только изумляли, но глубоко волновали иностранные кабинеты, такъ какъ невозможно было предвидѣть, какое вліяніе возьметъ, въ концѣ концовъ, верхъ въ Петербургѣ. Александру Павловичу это было извѣстно, и онъ пользовался своими бесѣдами съ Лебцельтерномъ и съ другими представителями иностранныхъ державъ, чтобы черезъ нихъ успокаивать своихъ союзниковъ и, въ особенности, императора Франца, къ которому Государь неизмѣнно питалъ чувство величайшей пріязни.

— Всѣ думаютъ, что Россія имѣетъ какія-то заднія мысли, говорилъ онъ прусскому генералу Шелеру; „она сильна и внушаетъ опасенія; каждый приписываетъ ей намѣренія, какихъ у нея нѣтъ. Факты доказали и доказываютъ и нынѣ, что у нея нѣтъ мыслей тайныхъ для ея союзниковъ; развѣ вы не думаете, что мы постоянно стараются внушить, что Австрія и Пруссія также имѣютъ заднія мысли? Стоять Австріи что-либо подумать или сказать, и мы тотчасъ пишемъ, что необходимо быть насторожѣ, что надобно слѣдить за ней. Мои представители за границей, узнавъ какую-либо новость, придаютъ ей зачастую преувеличенное значеніе, воображаютъ, что они про-

никли какую-то тайну и сообщаютъ ее мнѣ. Они—представители Россіи и работаютъ въ интересахъ своей страны; я не могу заставить ихъ молчать и ограничиваюсь тѣмъ, что я ихъ не слушаю. Между тѣмъ эти сообщенія вліяютъ иной разъ на работу кабинета; но это не должно никого тревожить. Я искренно и серьезно желаю добра; въ этомъ вы не можете сомнѣваться, равно какъ и всѣ тѣ, кои меня знаютъ. *Но я не могу въѣздить въ душу моихъ министровъ и внушить имъ мои мысли; они нередко имѣютъ свою собственную точку зрѣнія и проводятъ ее въ своихъ сообщеніяхъ. Сколько разъ мнѣ приходилось изъ исправлять и даже вычеркивать изъ нихъ цѣлыя страницы.* Меня предупреждаютъ не одни русскіе въ своихъ донесеніяхъ; я получаю предостереженія изъ Германіи отъ самихъ монарховъ, которые, будучи озлоблены противъ Австріи или опасаясь ея, сообщаютъ мнѣ свои жалобы или спрашиваютъ мое мнѣніе“.

Въ исходѣ декабря мѣсяца 1821 г. Императоръ получилъ отъ Меттерниха перехваченное на почтѣ письмо, посланное изъ Парижа въ Вѣну, въ которомъ были приведены несомнѣнныя доказательства участія, какое гр. Каподистрія принималъ въ греческомъ возстаніи. Положеніе получалось *невозможное*. „Могъ ли Каподистрія дѣйствовать въ интересахъ Россіи, коль скоро они были несовмѣстимы съ интересами грековъ. Могъ ли онъ руководить одновременно русскимъ министерствомъ и столь обширной революціей, которая зиждилась на принципахъ совершенно противоположныхъ тѣмъ, кои лежали въ основѣ политики Императора Александра“?

Секретные документы, присланные Меттернихомъ, произвели на Императора огромное, удручающее впечатлѣніе. Ему надобно было пожертвовать министромъ,—дѣйствія котораго были двусмысленны и не могли имъ быть одобрены, между тѣмъ онъ продолжалъ по-прежнему работать съ нимъ.

Недѣли двѣ спустя послѣ полученія упомянутыхъ бумагъ, на утреннемъ приѣмѣ у Императрицы, Государь подошелъ къ Лебцельтерну и, сообщивъ ему, что онъ въ тотъ день утромъ получилъ новыя депеши изъ Вѣны, сказалъ, что „его терпѣніе подвергають слишкомъ тяжелому испытанію“ и прибавилъ, понизивъ голосъ:

— „Впрочемъ, терпѣніе мое еще не истощилось, я все также желаю мира; въ искренности этого желанія не можетъ быть сомнѣній“.

Въ тотъ же день вечеромъ Императоръ снова говорилъ съ

посланникомъ; въ теченіе дня ими были получены новыя депеши.

— „Сегодня днемъ мнѣ снова прислали отъ васъ работу“, говорилъ онъ жалуясь на обиліе депешъ.

— Это происходитъ, Государь, отъ усвоенной нами привычки говорить В. В. обо всемъ. Мой кабинетъ, лишенный нынѣ этого счастья, пишетъ вамъ обо всемъ и сокращаетъ, такимъ образомъ, разстояніе.

— „Я очень радъ, что онъ сохранилъ эту привычку и благодаренъ ему за это. Что касается состоянія умовъ въ Европѣ,— я смотрю на вещи такъ же точно, какъ вы; все идетъ худо, какъ нельзя болѣе худо; я чувствую это не менѣе васъ. То же могу сказать объ опасности, угрожающей соціальному порядку. Я желаю мира болѣе всего и болѣе, нежели кто-либо иной, относительно всего этого мы вполне согласны, но мнѣ кажется, что кто-то смущаетъ васъ; прочитывая эти безчисленные депеши, я былъ огорченъ тѣмъ, что хотя я много разъ доказалъ твердость своихъ принциповъ, но у васъ все-таки не питаютъ ко мнѣ того довѣрія, которое я думалъ заслужить у васъ“.

— Простите, Ваше Величество, возразилъ Лебцельтернъ, мой дворъ питаетъ къ В. В. величайшее довѣріе, и я смѣю утверждать, что оно не ослабѣвало ни на минуту.

— „А между тѣмъ“, возразилъ Императоръ, „я вижу по тону нѣкоторыхъ депешъ, что у васъ раздаются относительно меня какія-то сомнѣнія, и не думаютъ, что я иду такъ твердо и непоколебимо по намѣченному пути, какъ это есть на самомъ дѣлѣ; а гдѣ же какъ не у васъ должны бы были знать меня“?

„Впрочемъ, меня успокоиваетъ то, что мои слова будутъ подтверждены фактами, которые разсвѣтятъ всѣ сомнѣнія“.

Да какой степени Императора волновало греческое возстаніе и отношеніе къ нему союзниковъ, можно судить по тому, что онъ пользовался всякимъ случаемъ высказаться по этому поводу австрійскому посланнику непосредственно.

На слѣдующій день послѣ вышеприведеннаго разговора, на празднествѣ, данномъ вдовствующей Императрицей въ честь великой герцогини Веймарской, Государь снова подошелъ къ Лебцельтерну и, замѣтивъ, что „хотя мѣсто для бесѣды не подходящее, но ему необходимо переговорить съ нимъ о дѣлахъ“ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Упомянувъ о томъ, что онъ дѣйствовалъ съ самаго начала Восточнаго кризиса весьма сдержанно, въ надеждѣ на помощь союзниковъ, и подтвердивъ свое желаніе, чтобы миръ не былъ

нарушенъ, Государь коснулся печальнаго положенія Европы и наконецъ выразилъ свое сожалѣніе по поводу того, что его надежды на поддержку со стороны союзниковъ не оправдались, что переговоры все еще находились въ томъ положеніи, какъ семь мѣсяцевъ тому назадъ, что безконечная дипломатическая переписка не приводитъ ни къ чему, что сообщенія русскаго кабинета поняты неправильно, и что онъ считаетъ необходимымъ послать въ Вѣну кого-нибудь, кто бы могъ вѣрно передать его мысли, и намѣтилъ для этой цѣли Татищева, „это человѣкъ умный, свѣдущій въ дѣлахъ, я выскажу ему свои намѣренія, и онъ ясно передастъ ихъ князю Меттерниху“, добавилъ Императоръ.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ путешествіе по Россіи, въ маѣ мѣсяцѣ 1822 г., Александръ Павловичъ имѣлъ съ австрійскимъ посланникомъ еще разъ продолжительную бесѣду о Восточномъ вопросѣ, изъ которой было ясно, что онъ прекрасно зналъ о томъ, какъ исполнялась его воля, но мирился съ этимъ какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, которое онъ не могъ предотвратить.

Отстаивая правильность дѣйствій своего кабинета, занявшаго въ Восточномъ вопросѣ выжидательное положеніе, Лебцельтернъ объяснялъ это обстоятельство тѣмъ, что въ Вѣнѣ не понимали нѣкоторыхъ сообщеній русскаго кабинета, которыя не отличались ни ясностью, ни опредѣленностью взглядовъ; поэтому рѣшено было выждать, когда Императоръ выскажется вполне опредѣленно.

„Я не могу все дѣлать самъ“, отвѣчалъ на это Императоръ, „мнѣ поневолѣ приходится полагаться на другихъ. Нѣкоторыя лица имѣли въ этомъ вопросѣ свою собственную точку зрѣнія; на нихъ могли вліять національныя соображенія и интересы, старыя связи..., но развѣ я не говорилъ вамъ, что ко мнѣ слѣдуетъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ?... Развѣ я не сдержалъ слова? эти лица шли все дальше и дальше, но я былъ насторожѣ, чтобы остановить ихъ. и дѣйствительно, какъ только пришло время, я сказалъ: Довольно!

„Я не могъ желать войны. Какую она сулила мнѣ выгоду? Она сыграла бы только въ руку враждебной партіи, ибо я твердо увѣренъ въ томъ, что никто, какъ она, посвѣяла смуту на Востокъ... Ничто не могло такъ хорошо послужить интересамъ этой партіи, какъ восточная война; она была бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы насъ поссорить и расторгнуть узы связующаго насъ союза. Я это чувствовалъ и позаботился

о томъ, чтобы противники не могли воспользоваться ни однимъ изъ преимуществъ, на которыя они рассчитывали“.

— Повѣрьте, Государь, мы вполне раздѣляемъ эту точку зрѣнія. Мнѣ прискорбно, что взгляды Ваши не были сообщены намъ ранѣе; тогда было бы менѣе проволочекъ въ этомъ дѣлѣ и мы скорѣе пошли бы по одному пути.

— „Я уже сказалъ вамъ“, отвѣтилъ Императоръ „что не всегда можно отвѣчать за тѣхъ, кто намъ служить. Развѣ у васъ лица, исполняющія волю Е. В., всегда оправдываютъ его ожиданія?“

— Я умолкъ, говоритъ Лебцельтернъ, да и чтобы я могъ сказать, чтобы съ одной стороны быть правдивымъ, а съ другой чтобы не вызвать неудовольствія Государя? Не могъ же я отвѣтить: „Если кто-либо изъ насъ служить Императору не согласно съ его намѣреніями, то Е. В. дѣлаетъ ему замѣчаніе, даетъ ему указанія или увольняетъ его, но не допускаетъ, чтобы онъ вредилъ дѣлу, не оправдываетъ его ошибокъ и не скрѣпляетъ ихъ своей высочайшей подписью“.

„Императору следовало пожертвовать министромъ, котораго онъ не одобрялъ, а между тѣмъ онъ работаетъ по-прежнему съ Императоромъ, писалъ Лебцельтернъ, и будетъ вліять на дѣла, хотя я увѣренъ, что присутствіе Каподистрія стѣсняетъ Е. В.“.

Положеніе Императора было трудное: съ одной стороны ему приходилось считаться съ сочувствіемъ русскаго народа къ угнетеннымъ единовѣрцамъ, съ собственнымъ чувствомъ чело-вѣколюбія и состраданія къ нимъ, а съ другой стороны онъ не могъ отступить отъ провозглашенныхъ имъ принциповъ, повелѣвавшихъ бороться съ революціоннымъ духомъ во всѣхъ его проявленіяхъ. Онъ рѣшилъ дѣйствовать въ тѣсномъ согласіи со своими союзниками, въ особенности съ Австріей, и много разъ выражалъ Лебцельтерну свое сожалѣніе по поводу того, что онъ былъ лишенъ возможности обмѣняться взглядомъ съ императоромъ Францомъ.

На осторожные намеки Лебцельтерна на то, что, двинувъ русскія войска на помощь возставшимъ грекамъ, Императоръ не могъ не высказать одновременно своего негодованія противъ тѣхъ, кто явился нарушителемъ долга, возставъ противъ своего законнаго монарха, ибо иначе онъ уничтожилъ бы однимъ ударомъ все то, чѣмъ Европа была обязана ему, Императоръ отвѣчалъ, что ни о какой помощи грекамъ не можетъ быть рѣчи и что онъ будетъ дѣйствовать не иначе, какъ совместно со своими союзниками, не предприметъ отдельно никакихъ шаговъ и останется вѣренъ принципамъ, имъ провозглашеннымъ.

Таковы были взгляды и намѣренія Императора, а его министръ утверждалъ, что священный союзъ болѣе не существуетъ; что это химера, которой Государь готовъ подчинить самые существенные интересы своей политики. Изъ сообщеній Леб-цельтерна Меттернихъ составилъ себѣ ясное представленіе о томъ, какъ осуществлялись намѣренія Александра Павловича, и въ своихъ отвѣтныхъ письмахъ онъ даетъ этому обстоятельству вѣрную оцѣнку. Мало того онъ сообщаетъ посланнику вопіющій фактъ, что Каподистрія поддерживалъ съ представителями нашихъ заграничныхъ миссій, которымъ онъ лично довѣрялъ, частную корреспонденцію, въ которой предлагалъ имъ не руководствоваться текстомъ официальныхъ сообщеній, а *понимать ихъ въ иномъ смыслѣ*. Такая двойственная корреспонденція велась, напр., съ русскими представителями въ Мюнхенѣ и Штуттгартѣ, и этимъ объясняется однообразный тонъ донесеній этихъ русскихъ дипломатическихъ агентовъ, который совершенно не соответствовалъ не только нравственнымъ принципамъ, коихъ держался Государь, и положенію, занятому имъ въ Восточномъ вопросѣ, но и противорѣчилъ смыслу официальныхъ инструкцій, которыя посылались этимъ агентамъ изъ Петербурга. Меттернихъ отмѣчаетъ также, что русскіе посланники имѣли дурную привычку придавать своимъ донесеніямъ ту окраску, которую они считали наиболѣе пріятной своему монарху. Такъ, напр., по дѣлу, которое особенно интересовало Императора Александра—о революціонномъ движеніи въ Испаніи—Поццо-ди-Борго посылалъ изъ Парижа донесенія, которыя Меттернихъ называетъ „романическими“. Могли ли при этихъ условіяхъ составить себѣ въ Петербургѣ правильный взглядъ на дѣло.

Изумляли Меттерниха также необъяснимыя противорѣчія, встрѣчавшіяся въ русской официальной перепискѣ: въ одной и той же бумагѣ, напр., приводились разсужденія о пользѣ мира и необходимости поддержать его, а въ заключительныхъ строкахъ говорилось о неизбежности разрыва съ Турціей.

„Единственный выводъ, который я могъ сдѣлать изъ такого изумительнаго обстоятельства“, пишетъ Меттернихъ „это то, что лица, редактирующія русскія бумаги, находятся въ разногласіи не только со своими коллегами, но и сами съ собою“. Далѣе онъ приходитъ къ заключенію, что тотъ, кто одинъ могъ бы объявить войну, не желалъ ея, тѣ же или тотъ, кто хотѣлъ войны, не былъ властенъ объявить ее и что *петербургскій кабинетъ въ виду своего состава не могъ слѣдовать определенному*

плану, основанному на точномъ расчетѣ, который могъ бы привести къ определенному результату; что въ Петербургѣ не знали, чего они хотятъ въ дѣлѣ, которое называютъ то русскимъ, то европейскимъ, и, наконецъ, что русскій кабинетъ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше разбирается въ немъ“.

„Русскій кабинетъ не можетъ сдѣлать ни шагу впередъ, ни шагу назадъ, не становясь въ противорѣчіе съ самимъ собою, писалъ Меттернихъ, русскій дворъ упустилъ случай занять (въ Восточномъ вопросѣ) подобающее ему положеніе. Возстаніе грековъ ничѣмъ не отличалось отъ другихъ подобныхъ возстаній, потрясавшихъ Европу за послѣднія тридцать лѣтъ. Императоръ Александръ могъ съ самаго начала занять положеніе наиболѣе благопріятное русскимъ интересамъ. Не одобряя возстанія также точно, какъ бы онъ не одобрилъ возстаніе поляковъ или мусульманъ, своихъ подданныхъ, онъ долженъ былъ однако немедленно возвысить свой голосъ и предложить Портѣ прекратить неистовства, либо объявить ей войну. Европа одобрила бы этотъ шагъ Императора, если бы имъ были своевременно приняты энергичныя мѣры. Въмѣсто этого русскій кабинетъ сталъ лавировать, увлекся мелкими пререканіями и упустилъ изъ вида сущность вопроса. Въ результатѣ всѣхъ этихъ колебаній и ошибокъ, вопросъ о томъ *„воспользуется ли Императоръ Александръ греческимъ возстаніемъ какъ предлогомъ, чтобы объявить войну Турціи, остается открытымъ и по прошествіи четырехъ лѣтъ съ начала переговоровъ.*

„Я слишкомъ хорошо знаю, съ какою легкостію и поспѣшностью Императоръ Александръ и его министръ поддаются впечатлѣніямъ, знаю ихъ склонность принимать безъ провѣрки сообщенія, присылаемые имъ недобросовѣстными агентами, и слѣдовать ихъ указаніямъ, знаю, наконецъ, изумительную легкость, съ какою въ Петербургѣ относятся къ самымъ серьезнымъ вопросамъ, не давая себѣ труда подробно обсудить ихъ, поэтому у меня создалось убѣжденіе, что Императоръ и гр. Нессельроде преисполнены предразсудковъ, которые пагубно вліяютъ на ихъ сужденія“.

О русскихъ дипломатахъ,—представителяхъ русской политики и русскихъ интересовъ—Меттернихъ отзывался по большей части, какъ о „бездарностяхъ, обязанныхъ своей карьерой исключительно придворной интригѣ или низкопоклонству“, „относившихся халатно къ своимъ прямымъ обязанностямъ“ и отличавшихся полнымъ отсутствіемъ патріотизма.

„Больно читать, говорить Великій Князь Николай Михаило-

вичъ, Меттерниховскія отмѣтки о „nullité complète du comte Golovkine“ или „de l'insuffisance de M. Tatishtcheff“,—такова безпощадная, но къ сожалѣнію вѣрная оцѣнка австрійскаго министра.

„Два лица особенно приводили его въ негодованіе: то были Каподистрія и Поццо-ди-Борго“; что онъ думалъ о Каподистріи, мы видѣли выше; „ликованіе его при паденіи Каподистріи было неописанное“. Что касается Поццо-ди-Борго,—который былъ въ теченіе десяти лѣтъ русскимъ посломъ во Франціи, гдѣ онъ имѣлъ большое вліяніе на легитимистовъ, то Меттернихъ считалъ его человѣкомъ легкомысленнымъ, дѣйствовавшимъ часто необдуманно, обладавшимъ огромнымъ самомнѣніемъ, который пользовался своимъ вліяніемъ на французское правительство, чтобы возстановить его противъ Австріи и Англіи, которыя онъ ненавидѣлъ съ давнихъ поръ. Когда вліяніе Поццо-ди-Борго въ Парижѣ пошатнулось, Меттернихъ сообщилъ Лебцельтерну лаконически: „La position de Pozzo est devenue nulle à Paris“.

Нессельроде характеризуется Меттернихомъ какъ человѣкъ слабый; „никто такъ не хочетъ добра, какъ онъ“, писалъ Меттернихъ Лебцельтерну, „а между тѣмъ всякій лучше его знаетъ, въ чемъ заключается это добро. Главный его недостатокъ въ томъ, что онъ одинаково боится и выше и ниже его стоящихъ, отличаетъ людей, не выяснивъ ихъ истинной цѣнности, легко озлобляется противъ своихъ истинныхъ друзей, если они не раздѣляютъ его опасеній и пристрастій, и поэтому теряетъ возможность дѣйствовать правильно“.

„Si l'empereur Alexandre marchait d'enthousiasme en enthousiasme et de culte en culte, son ministre marchait d'illusion en illusion et d'engouement individuel et de choses en engouement de choses et d'individus“.

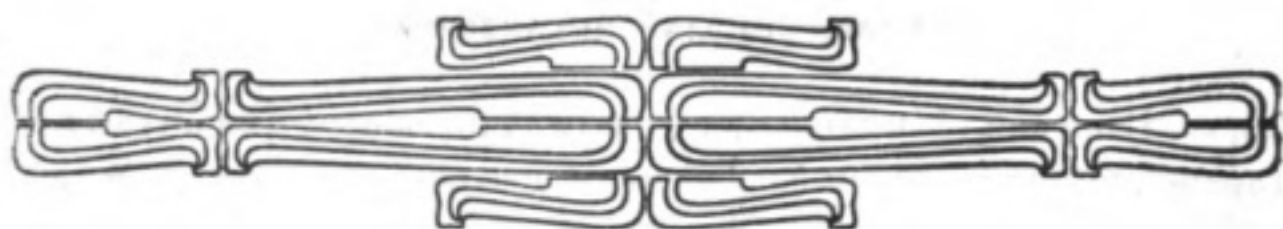
Таковъ приговоръ Меттерниха.

Разбирая подробно политику русскаго кабинета, отмѣчая его промахи и ошибки, Меттернихъ пересыпаетъ свои замѣчанія „ехидными совѣтами Лебцельтерну, какъ выгодноѣ использовать эти промахи въ интересахъ Австріи“, излагаетъ въ своихъ письмахъ, „не стѣсняясь, свой взглядъ какъ на общую политику, на программу дѣйствій австрійскаго кабинета, на отдѣльныя личности и на людей вообще. Въ этихъ откровенныхъ бесѣдахъ со своимъ ставленникомъ, внушавшимъ ему полное довѣріе, Меттернихъ является передъ нами въ томъ обликѣ, въ какомъ онъ дѣйствительно былъ. „Здѣсь, говорятъ Великій

Князь Николай Михайловичъ, наглядно обнаруживается его отвращеніе не только ко всему революціонному, но и къ малѣйшимъ признакамъ либерализма, проявляемаго то монархами, то государственными людьми различныхъ державъ Европы. Идея абсолютизма доминируетъ надъ всѣмъ остальнымъ съ ясными проблесками прославленія священнаго союза, котораго творцомъ считалъ себя Меттернихъ, но былъ не кто иной, какъ Императоръ Александръ I. Но на практикѣ выходило, что эта идея Священнаго Союза превращалась въ игрище ловкаго маэстро того европейскаго оркестра, первой скрипкой котораго безподобно управлялъ австрійскій дипломатъ. Вся фальшь несчастной затѣи Александра Павловича выступаетъ во всей своей наготѣ въ циничномъ откровеніи человѣка, задавашагося цѣлью, играя на слабостяхъ себѣ подобныхъ, занять господствующее положеніе. Такого положенія Меттернихъ добился сравнительно скоро, царя надъ европейскими кабинетами въ теченіе болѣе тридцати лѣтъ, пока событія 1848 года не похоронили навсегда всю эту систему, основанную на обманѣ и на презрѣніи рода человѣческаго“.

В. Т.

Люди и нравы за полвѣка ¹⁾.

XXIX.

Въ 1874 году въ числѣ другихъ была и у насъ открыта четырехклассная прогимназія. Во главѣ новаго очага просвѣщенія былъ поставленъ нѣкто П., учитель русскаго и латинскаго языковъ въ первомъ классѣ какой-то губернской гимназіи.

Если бы любопытствующій задалъ ему вопросъ: „Какъ дошелъ ты до жизни такой?“ то формуляръ его отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ тако: окончилъ курсъ въ Демидовскомъ Ярославскомъ юридическомъ лицей. Теперь это обычное высшее учебное заведеніе, гдѣ проходятъ науки юридическихъ факультетовъ россійскихъ университетовъ; когда же П. кончалъ тамъ курсъ, то и пріемъ туда и выпускъ оттуда былъ въ совершенно другихъ условіяхъ. Лицей былъ учрежденъ съ исключительною цѣлью подготовленія чиновниковъ для государственной службы, поступать туда, кажется, могли въ то время и не окончившіе курса гимназіи.

И вотъ П. студентъ лицея; оканчиваетъ онъ тамъ курсъ съ отличіемъ, награждается серебряной медалью... Но не пугайтесь: медаль эта ничего не прибавила къ тѣмъ достоинствамъ, съ какими пустила его мать-природа слоняться по бѣлу-свѣту...

По натурѣ своей онъ юсъ, чиновникъ съ головы до пятъ, но судьбѣ угодно было допустить непростительную шутку; она толкнула его на педагогическій путь, и онъ занялъ мѣсто младшаго учителя въ одной изъ большихъ губернскихъ гимназій. Тамъ онъ преподавалъ русскій языкъ въ младшихъ четырехъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, октябрь 1913 г.

классахъ, когда же былъ введенъ новый гимназическій уставъ, въ 1871 г., то П. было поручено преподаваніе и латинскаго языка въ I классѣ. Это была граница, за которую съ своими познаніями по латинскому языку ни самъ онъ никогда не переступалъ, ни директора не рисковали выпускать его, опасаясь тяжкаго, смертнаго, незамолимаго грѣха, который неизбежно долженъ былъ пасть на ихъ душу, если бы П. очутился учителемъ хотя бы пятаго класса по русскому языку и латинскаго языка выше перваго класса.

Такъ творили мы на скорую руку доморощенныхъ классиковъ...

„Тщетны россамъ всѣ преграды!..“

Кто-то сказалъ, кажется, по этому случаю.

Внѣшность его тоже была не совсѣмъ обыкновенна: высокій лобъ въ родѣ картонки изъ-подъ муфты, благодаря которому его всѣ звали „тыквой“, бакенбарды котлетами, крупныя черты лица, и громадныя на выкатѣ рачьи глаза; курилъ онъ очень много, папиросы—пушки; пилъ—тоже, но пилъ по-фельдфебельски, въ одиночку, по вечерамъ, около своего шкафчика; подойдетъ къ нему, замочекъ тринкнетъ, объемистая рюмочка наполняется, вонзится онъ ее въ себя, крикнетъ, закусить огурчикомъ или рѣдичкой и пойдетъ опять сновать основу по комнатѣ.

Когда въ первый разъ Величъ встрѣтилъ его на улицѣ, то фizioномія П. вырвала у поэта довольно удачный экспромптъ:

Инспекторъ прогимназіи
Для блага горожанъ
Былъ выписанъ изъ Авіи
Изъ стада обезьянъ.

Я назвалъ этотъ экспромтъ удачнымъ: дѣйствительно, наружность П. смахивала на гориллу.

Характера онъ былъ твердаго, непоколебимаго: что заладилъ, то, ужъ извините, скорѣе царь-колоколъ можно было сдвинуть съ мѣста, но только не его.

У него была большая семья и почти вся сплошь тоже неудачная: яблочки отъ яблоньки упали недалеко; очевидно, паденіе происходило, когда барометръ показывалъ „тихо“ и вѣтеръ не откатилъ падали отъ дерева.

Мнѣ пришлось служить съ нимъ и, волей-неволей, пришлось подойти къ нему близко, заглянуть во внутренняя его, и я только диву давался, какъ можно поручать подобнымъ гос-

подамъ такіе отвѣтственные посты, какъ начальника средняго учебнаго заведенія.

Людей что ли не было?

Да, конечно, не было.

А загорѣлось во что бы то ни стало Ѳукидида переводить, вотъ и П. пригодился.

Удивительно!

Впрочемъ, что же мнѣ удивляться послѣ тридцатилѣтней службы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: „тамъ чудеса разсѣяны повсюду“.

Итакъ, открылась прогимназія. Городъ хоть и уѣздный, но большой, жителей было съ пригородами тысячъ 25—30. Слѣдовательно, учить было кого.

Но... законъ... уставъ... циркуляръ... параграфъ... инструкция... статья... самый тѣсный формализмъ, а главное дѣло—неопредѣленная фیزیологами до сего времени та масса, которая была набита ему въ голову, но которую никакъ было нельзя назвать мозгомъ—все это сдѣлало то, что гимназія въ теченіе первыхъ же четырехъ лѣтъ стала чахнуть... чахнуть и чуть совсѣмъ не побывшала...

Къ счастью, въ другомъ городѣ нашелся дѣятель совсѣмъ противоположной закваски.

Въ то время какъ П. изъ тридцатитысячнаго населенія могъ набрать только 40—50 учениковъ для четырехъ классовъ, другой чудодѣй въ городѣ съ тринадцатю тысячами населенія ухитрился напичкать въ свою четырехклассную прогимназію около двухсотъ человѣкъ, при чемъ приемы этого чудодѣя были до крайности просты.

Привозить, напримѣръ, водовозъ воду, или приносить кузнецъ кочергу, которую наваривалъ, и у нихъ съ инспекторомъ происходилъ такой разговоръ:

— У тебя, Акимычъ, дѣти-то есть?

— Какъ же, батюшка, дѣтямъ не быть...

— И мальчики есть?

— Мальчиковъ трое, да дѣвочки двѣ.

— Учатся?

— Учатся, родимый, учатся... Да силушекъ-то нѣтъ у насъ...

Хочу въ мастерство отдать...

— А сколько, лѣтъ-то имъ?

— Да старшему 13-й годокъ пошелъ, второму—одиннадцатый, а третьему шестой, еще безъ штанишекъ бѣгаетъ.

— А гдѣ учатся-то?

— Да одинъ-то во второй уѣздный перешелъ, а другой—въ приходскомъ.

— Да чтожъ это: воду къ намъ возишь, а дѣтей учиться не отдаешь?

— И... и... родимый! Гдѣ ужъ намъ... У тебя чай учеба-то чего стоитъ? А намъ гдѣ взять... Иной разъ сапожишекъ починить не на что, а не то что за ученье платить... Легко сказать, 40 р. въ годъ... Откуда ихъ взять?

— Да ты не безпокойся... Отъ платы за ученье освободимъ... форменное платье сошьемъ, сапоги купимъ, учебники дадимъ. Приводи! не бойся!

И водовозъ ведетъ обоихъ ребятъ, и они учатся... Ихъ освобождаютъ отъ платы, даютъ учебники, одѣваютъ и обуваютъ, а учатся со всячинкой... При этомъ, конечно, требованія устава во многомъ нарушались, какъ, на примѣръ, въ возрастѣ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, разумѣется, немудрено было набрать и 200 человѣкъ.

Городскіе и земскіе дѣятели перваго уѣзда опустили носы долу, благодаря законнику П.; дѣятели втораго уѣзда, благодаря старому беззаконнику-инспектору, обратно подняли носы выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго...

Такая ненормальность не могла не броситься въ глаза окружному начальству; оно видѣло, что дѣло неладно...

Второй городъ, опираясь на такой чудесный уловъ рыбъ въ свои классическія мрежи, и простодушно вѣря, что Господь создалъ ихъ за тѣмъ, чтобы двигать науку, поднялъ вопросъ о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Отрядили избранныхъ изъ своей среды лучшихъ людей въ качествѣ ходячихъ, и дѣло закипѣло не на шутку.

Вызываютъ П. въ округъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло, господинъ хорошій, говорятъ ему: такой-то уѣздный городъ набралъ въ свою прогимназію необычайное количество учениковъ. Ни въ одномъ германскомъ городѣ такого процента учащихся не найдешь. Теперь они хлопчуть о преобразованіи прогимназіи въ гимназію. Намъ легче будетъ васъ сдѣлать директоромъ тамъ, на мѣстѣ, нежели перевести изъ инспекторовъ въ директора. И потому предлагаемъ вамъ перемѣститься туда заранѣе.

Ну, не чудаки ли?

Вѣдь для нихъ было очевидно (если допускали переселеніе душъ), что душа Ирода-четвертовластника изъ чистилища

изгнана и нашла пристанище въ просторномъ помѣщеніи П.; что если онъ такъ жестоко накатавасилъ въ К., то онъ не сойдетъ съ этой дороженьки и въ новомъ Виенѣмъ.

Ему бы нужно было сказать: голубчикъ! сейчасъ свирѣствуютъ въ Болгаріи баши-бузуки; среди нихъ ты будешь такой ли эфенди, что другого и въ Турціи не найдешь; пользуйся случаемъ, благо тамъ нуждаются въ такихъ господахъ, а для насъ ты милый неподходящій! Съ Богомъ! не робѣй! Карьеру блестящую сдѣлаешь!..

А вмѣсто этого онъ слышитъ совсѣмъ другое, и, разумеется, сейчасъ же даетъ свое благосклонное согласіе, и переводъ состоялся.

Узнавши отъ учителей о предполагавшейся комбинаціи, я при первой же встрѣчѣ съ нимъ (кажется, на улицѣ) обратился къ нему съ просьбой прихватить и меня съ собой, если представится подходящее свободное мѣстечко.

Къ моей просьбѣ онъ отнесся очень любезно и даже сообщилъ, что по его свѣдѣніямъ съ прежнимъ инспекторомъ уходитъ и его родственникъ, занимавшій массу должностей: помощника классныхъ наставниковъ, письмоводителя, учителя исторіи и географіи, да къ тому же имѣлъ время взять нѣсколько уроковъ въ женской прогимназіи. Такимъ образомъ первыя двѣ должности П. предложилъ мнѣ.

Я, конечно, согласился, несмотря на то, что по общему отзыву учителей П. для службы былъ тяжеленекъ...

Но и изъ нихъ-то многіе (нечего грѣха таить) были съ лѣнцой и относились къ своимъ обязанностямъ, какъ говорится, спустя рукава. Это обстоятельство я долженъ былъ принять къ учету и особаго страха въ моемъ предпріятіи не ощущалъ.

Когда пришелъ переводъ П., онъ вызвалъ меня къ себѣ и сообщилъ, что въ половинѣ іюля ѣдетъ принимать должность; присмотрится тамъ и если дѣйствительно съ инспекторомъ уйдетъ въ отставку и его родственникъ, то П. сообщитъ мнѣ объ этомъ.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ жена П. получила письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, пишетъ, что если я не раздумалъ служить съ нимъ, то чтобы къ 1 августа пріѣзжалъ.

Я былъ очень этому радъ: во 1) жалованья въ общемъ я долженъ получать вдвое больше, во 2) все-таки служба въ среднемъ учебномъ заведеніи давала извѣстныя преимущества,

и въ 8) я полагался на свои силы, избытокъ которыхъ давалъ мнѣ основанія думать, что съ соединенными двумя должностями я управляюсь свободно.

Правда, новое дѣло, предстоявшее мнѣ, канцелярія, съ которою я совершенно не былъ знакомъ, заставляла меня нѣсколько призадумался, но—Богъ не выдастъ—свинья не съѣстъ! Не боги же, въ самомъ дѣлѣ, горшки обжигаютъ?

А главное—особенно меня прельщало имѣвшійся въ перспективѣ и обѣщанный мнѣ П. переводъ на должность учителя приготовительнаго класса.

Удачный выборъ на такую же должность моего товарища, такого же приходскаго учителя, привелъ П. къ твердому убѣжденію, что для приготовительныхъ классовъ самые лучшіе учителя—это учителя именно приходскихъ училищъ, а не уѣздныхъ.

И онъ былъ правъ.

Впослѣдствіи былъ изданъ какимъ-то попечителемъ циркуляръ по учебному округу, что бы на мѣста учителей приготовительныхъ классовъ были назначаемы лица, имѣющія званія не ниже уѣздныхъ учителей.

Такое распоряженіе свидѣтельствовало о томъ, что г. попечитель додумался до подобнаго циркуляра, не ознакомившись всесторонне съ сущію дѣла.

Онъ разсуждалъ, очевидно, такъ: учитель приготовительнаго класса, если онъ съ высшимъ образованіемъ, по уставу пользуется правами учителей нормальныхъ классовъ гимназій; если же онъ безъ высшаго образованія, то ему предоставлялись права уѣздныхъ учителей той губерніи, въ которой онъ служить; слѣдовательно, и образовательный цензъ для учителя приготовительнаго класса долженъ быть не ниже уѣзднаго учителя.

Съ точки зрѣнія закона и теоретическаго разсужденія онъ былъ безусловно правъ: тебѣ даны права уѣзднаго учителя, такъ и ты долженъ имѣть соотвѣтствующее свидѣтельство; но на практикѣ, для сути дѣла, такое распоряженіе едва-ли имѣло разумныя основанія.

Кто у насъ въ былое время шелъ въ уѣздные учителя?

Во-первыхъ, окончившіе курсъ духовныхъ семинарій, не пожелавшіе посвятить себя пастырской дѣятельности; не поступившіе въ духовную академію для продолженія образованія—во-вторыхъ, и, наконецъ, въ третьихъ—не получившіе мѣста въ духовныхъ училищахъ. Такимъ образомъ получалось, что въ

уѣздные учителя по большей части шли семинаристы второ-разрядники.

Сдавалъ онъ на уѣзднаго учителя спеціальный экзаменъ по какому-нибудь одному предмету, преимущественно по русскому языку, или же бралъ главнымъ предметомъ исторію съ географіей; математика же у нихъ была вѣчно камнемъ преткновенія, и выбрать ее главнымъ предметомъ рѣдко, очень рѣдко, кто изъ нихъ покушался на это.

Ни для кого не тайна, что въ программахъ духовныхъ заведеній математикѣ отведено мѣсто самое незначительное, гдѣ-то на заднемъ столѣ съ музыкантами, не знаю, какъ теперь, а прежде она у всѣхъ была въ загонѣ: и у учителей, и у начальства, и у учениковъ. Получивши самые слабые начатки свѣдѣній по математикѣ въ духовномъ училищѣ, онъ переходилъ съ ними въ семинарію; здѣсь онъ натыкался на учителя математики изъ академиковъ, которые знали предметъ немногимъ лучше своихъ учениковъ.

При такихъ условіяхъ, само собою разумѣется, что ни одинъ изъ семинаристовъ съ настоящей-то математикой никогда не былъ и знакомъ. Были, правда, счастливыя исключенія, какъ, на-примѣръ, бывшій попечитель Моск. уч. окр. П. А. Некрасовъ, изъ рязанскихъ семинаристовъ и вдругъ достигъ ученой степени—доктора чистой математики, но вѣдь согласитесь, что изъ исключенія общаго правила выводить не слѣдъ, и ужъ во всякомъ случаѣ Рязанская семинарія непорочна въ этомъ дѣлѣ ни душой, ни тѣломъ.

А между тѣмъ такому спеціалисту по русскому языку въ приготовительномъ классѣ придется имѣть дѣло и съ ариеметикой.

Въ учителя математики попадали господа большею частью изъ неудавшихся гимназистовъ. Рѣдко, очень рѣдко окончившій курсъ гимназіи шелъ въ учителя уѣздныхъ училищъ: зачѣмъ ему нужно было лѣзть въ учителя, когда для него открыта дверь университета. Но, зная математику, занимаясь исключительно ею въ предѣлахъ курса уѣздныхъ училищъ, они поне-многу растеривали въ пути свои познанія по русскому языку, преподаваніе котораго въ приготовительномъ классѣ входило въ кругъ ихъ обязанностей. Про учителей-историковъ я уже не говорю: при чемъ тутъ исторія Пипина Короткаго, или климатъ полярныхъ странъ, когда требуется русская грамматика и рѣшеніе задачъ? Вотъ учителя городскихъ училищъ, гдѣ введена система классная, а не предметная, то дѣло другое.

Неосновательность распоряженія попечителя была подтверждена самою жизнью.

Когда поднялся вопросъ о прекращеніи доступа къ образованію „кухаркинымъ дѣтямъ“, то принята была самая дѣйствительная мѣра: закрытіе приготовительныхъ классовъ въ 1887 году. Этотъ шагъ тормозилъ путь къ образованію не только „кухаркинымъ дѣтямъ“, но и дѣтямъ чиновниковъ, мѣщанъ, крестьянъ, большей части духовенства—всѣ это восчувствовали особенно живо.

Но жизнь сильнѣе всѣхъ министровъ вкупѣ и всѣхъ циркуляровъ въ полномъ собраніи.

Жизнь творила свое дѣло, не справляясь съ вкусами гг. циркуляристовъ.

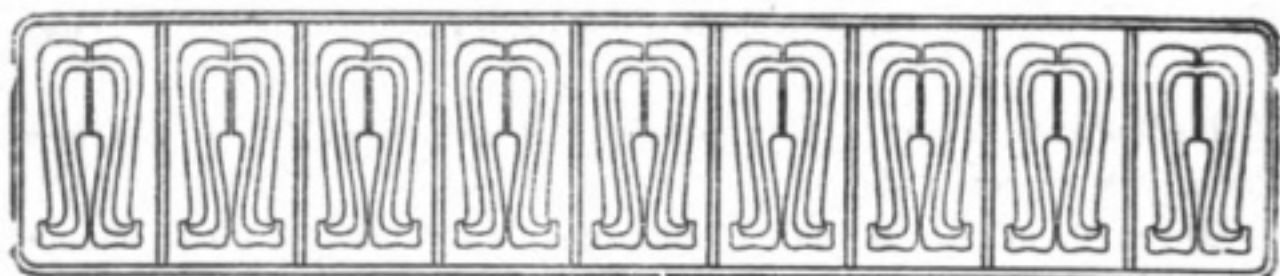
Съ закрытіемъ приготовительныхъ классовъ стали чахнуть и гимназін. Нѣкоторые изъ начальниковъ средн. учеб. заведеній для питанія своей гимназін на свой страхъ и рискъ пооткрывали начальныя училища, явился притокъ учениковъ; чахлое учебное заведеніе поправлялось, разрасталось и сплошь и рядомъ преобразовывалось въ полную гимназію. Силкомъ проби-вался народъ къ свѣту познанія. Никакіе циркуляры не помѣшали времени сдѣлать свое дѣло, и „кухаркинымъ дѣтямъ“ ходъ открытъ, какъ и всѣмъ другимъ. Пооткрывалась масса частныхъ учебныхъ заведеній и всѣ они имѣли при себѣ начальныя училища, какъ основу свою, какъ источникъ своего питанія. А вотъ господинъ - то попечитель этого и не узрѣлъ, не понялъ, въ чемъ суть дѣла. А между тѣмъ, какъ все это было просто: вѣдь приготовительный-то классъ было то же начальное училище только съ нѣкоторымъ расширеніемъ программы русскаго языка въ сторону грамматики.

Итакъ, жребій брошенъ: переходъ въ среднее учебное заведеніе рѣшенъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Н. Морозовъ.

Александръ I и польскій вопросъ на Вѣнскомъ конгрессѣ ¹⁾.

(По документамъ Вѣнской тайной полиціи).

Уѣзжая на конгрессъ въ Вѣну, Императоръ Александръ будто бы сказалъ: „J'irai puis qu'on le veut, mais je n'y ferai ni plus ni moins de ce que je veux“ ²⁾; и дѣйствительно, во всемъ, что касалось кардинальнаго вопроса, подлежавшаго обсужденію концесса, вопроса о Польшѣ—онъ такъ упорно настаивалъ на своемъ, что изъ-за его неуступчивости конгрессъ затянулся на всю зиму, и даже былъ моментъ, когда участники совѣщаній потеряли всякую надежду на благополучный исходъ переговоровъ и едва не разъѣхались изъ Вѣны. Въ этомъ случаѣ Меттернихъ ошибся, полагая, что съѣздъ монарховъ и ихъ министровъ ускорить и облегчить переговоры.

Задолго до начала конгресса, 25 іюня 1814 г., шведскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ сообщилъ своему министру, что королевство Польское, согласно заявленному Императоромъ Александромъ намѣренію, будетъ присоединено къ Россіи—„планъ, коимъ русскіе не особенно довольны, писалъ онъ; они не понимаютъ, почему Императоръ хочетъ создать этотъ призракъ королевства Польскаго, который будетъ напоминать полякамъ объ ихъ былой независимости и поддерживать въ нихъ надежду на ея возрожденіе“.

Намѣренія Императора Александра, о которыхъ писалъ

¹⁾ Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Eine Auswahl aus Ihren Papieren. Von August Fournier. Wien 1913.

²⁾ Я поѣду въ Вѣну, коль скоро этого хотятъ, но я буду дѣлать тамъ только то, что я захочу.

своему двору Гегардтъ, вызвали большую тревогу въ Вѣнѣ, гдѣ успокоились только тогда, когда стало извѣстно, что Меттерниху удалось вынудить у Императора обѣщаніе, что имъ не будетъ предпринято окончательныхъ шаговъ относительно Польши до обсужденія этого вопроса на конгрессѣ. „Хотя это ничего не предрѣшаетъ по существу, писалъ датскій посланникъ Вернсторфъ министру иностранныхъ дѣлъ Розенкранцу, но въ Вѣнѣ этому придаютъ большое значеніе, такъ какъ этимъ выигрывается время и устраняется возможность недоразумѣній, которыя возникли бы неизбежно, въ случаѣ слишкомъ рѣшительныхъ и поспѣшныхъ мѣръ“ со стороны русскаго Императора.

Представители Россіи, считая права Александра I на Варшавское герцогство неоспоримыми, пріѣхали на конгрессъ съ твердой увѣренностью, что они настоятъ на своемъ. По словамъ хорошо освѣдомленнаго лица, скрывавшаго въ донесеніяхъ свое имя подъ **, Анстедтъ еще въ исходѣ сентября говорилъ о возстановленіи Польши подъ протекторатомъ Россіи, какъ о чемъ-то несомнѣнномъ. „Это будетъ первое предложеніе, которое мы внесемъ на конгрессъ, говорилъ онъ; ежели будетъ видно, что остальные на это не согласны, то мы уложимъ свои пожитки и конгрессъ будетъ оконченъ“.

На самомъ дѣлѣ польскій вопросъ и тѣсно связанный съ нимъ вопросъ о будущемъ Саксоніи подалъ поводъ къ нескончаемымъ переговорамъ и пререканіямъ; въ исходѣ сентября и въ октябрѣ мѣсяцѣ положеніе казалось безвыходнымъ; всѣ полагали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ только войною. „Намъ такъ хорошо извѣстны честолюбивые замыслы Россіи“, говорилъ прусскій канцлеръ Гарденбергъ, „и они подали уже поводъ къ столь серьезнымъ объясненіямъ, что если бы мы были въ состояніи вести войну и встрѣтили бы поддержку со стороны прочихъ державъ, то война была бы объявлена очень скоро; съ другой стороны несомнѣнно, что если Россія получитъ Польшу, то года черезъ три—самое позднее, у насъ будетъ война, которой мы такъ стараемся избѣгнуть“.

Прусскій генералъ Шеллеръ, обсуждая вопросъ о возможности войны, говорилъ, что „моментъ для нея былъ не благоприятный, что слѣдовало выждать, пока поляки, коихъ королевство Александръ конечно и не подумаетъ возстановить, притѣсняемые русскими чиновниками, станутъ такъ недовольны своимъ положеніемъ, что будутъ готовы кинуться въ объятія того, кто явится ихъ освободителемъ“.

Въ первыхъ числахъ октября самъ Императоръ, бесѣдуя съ Талейраномъ, намекнулъ на возможность войны, и Талейранъ, какъ передавали въ Вѣнѣ, „имѣлъ смѣлость замѣтить, что въ такомъ случаѣ „il faudrait lui retirer le beau titre qu'on lui avait accordé de libérateur de l'Europe et lui en donner un autre“ ¹⁾, послѣ чего Александръ сталъ уступчивъ и въ ходѣ переговоровъ произошелъ нѣкоторый поворотъ и казалось, что ожиданіямъ польскихъ патріотовъ не суждено сбыться. Съѣхавшіеся въ Вѣну поляки имѣли въ это время продолжительную бесѣду съ кн. Чарторыйскимъ и послѣ этого какъ будто убѣдились въ необходимости подчиниться своей злосчастной судьбѣ. „Въ теченіе нѣсколькихъ дней они замѣтно волновались, было ясно, что они ожидали какого-то событія: они назначали другъ другу свиданія, перешептывались; ихъ трудно было застать дома и еще труднѣе было заставить ихъ высказаться. Они были страшно встревожены и, боясь выдать себя какимъ-либо словомъ, избѣгали говорить о польскихъ дѣлахъ, и тотчасъ умолкали, когда о нихъ заходила рѣчь“.

10 октября, „поляки были приглашены на обѣдъ къ графу Скарбеку и когда вино разгорячило ихъ головы, они стали разговорчивы. Скарбекъ насмѣхался надъ своими соотечественниками и доказывалъ имъ, что надобно быть безумнымъ или крайне недалъновиднымъ, чтобы хоть одну минуту серьезно думать, что Россія будетъ содѣйствовать возстановленію королевства Польскаго, отъ котораго рано или поздно ей можетъ угрожать опасность. Баваровскій обвинялъ русскій дворъ въ „fausseté“ и „manque de foi“ и увѣрялъ, что Императоръ не скупится на обѣщанія, чтобы усыпить поляковъ и парализовать ихъ, а затѣмъ поработить Польшу и взять себѣ лучшую часть этой несчастной страны. Броневскій радовался, что онъ не будетъ въ числѣ тѣхъ, кого судьба обречетъ на подданство Россіи. Остальные гости горевали о судьбѣ своей родины“. Въ тотъ же вечеръ выяснилась причина волненія, обнаруженнаго поляками: князь Адамъ Чарторыйскій категорически заявилъ имъ, что Императоръ Александръ, не видя возможности долѣе противиться намѣреніямъ Берлинскаго и Вѣнскаго дворовъ, рѣшилъ дать свое согласіе на раздѣлъ Польши; Пруссія, сказалъ онъ, получитъ свою долю съ городами Торномъ и Познанью, Австрія получитъ Краковъ, а Варшавское герцогство отойдетъ

¹⁾ Ему уже нельзя будетъ дать прекрасный титулъ освободителя Европы, а придется дать другой.

къ Россіи". Князь Адамъ присовокупилъ, что „о королевствѣ Польскомъ" во всякомъ случаѣ болѣе не можетъ быть рѣчи.

Между тѣмъ Императоръ Александръ Павловичъ всячески старался привлечь къ себѣ поляковъ. Г-жа Вальдштейнъ, рожденная Ржевусская, рассказывала, что когда она представлялась Императору, какъ русская подданная, такъ какъ почти всѣ помѣстья ея семьи находились въ русской Польшѣ, то Государь сказалъ ей:

„Вы не подданная моя. Поляки мои соотечественники. Мы принадлежимъ къ одной націи, у насъ одинъ языкъ, одни обычаи, одни интересы". То же, по увѣренію г-жи Вальдштейнъ, Государь говорилъ въ Вѣнѣ всѣмъ полякамъ, и тѣмъ не менѣе, они не выказывали, какъ писалъ министру полиціи **, ни малѣйшаго восторга по поводу того, что Александръ I хотѣлъ именоваться королемъ польскимъ; они побаивались демократическаго вліянія Лагарпа и барона Штейна", хотя, зная объ огромномъ вліяніи Лагарпа на образъ мыслей Императора Александра и о его дружескихъ отношеніяхъ къ кн. Чарторыйскому, они заискивали въ немъ. „Весьма многіе поляки, осуждавшіе до сихъ поръ Меттерниха, писалъ ** Гагеру, превозносятъ его теперь за то, что онъ выказалъ столько характера при переговорахъ съ русскимъ Императоромъ. „Если бы Меттернихъ согласился на все то, что ему диктуютъ и приказываютъ Пруссія и Россія, конгрессъ скоро былъ бы оконченъ. Огрызаться на нихъ—Ihnen die Zähne zeigen—сопротивляться имъ, добиваться у нихъ уступокъ, проявлять при переговорахъ съ ними свой характеръ, можетъ только человѣкъ не заурядный", говорили въ польскихъ кружкахъ.

Несмотря на благопріятную перемену, происшедшую въ настроеніи Александра I послѣ вышеупомянутаго разговора съ Талейраномъ, надежды дипломатовъ на то, что переговоры пойдутъ ускореннымъ темпомъ, не оправдались; Александръ Павловичъ вскорѣ сталъ вновь настаивать на своихъ требованіяхъ и когда Кестльри, въ половинѣ октября, письменно предложилъ ему посредничество Англіи въ переговорахъ съ Австріей, то Государь самъ отправился къ нему и „словесно подтвердилъ свое твердое намѣреніе сохранить занятое имъ Варшавское герцогство". Перлюстрированное письмо дипломатическаго агента Валахскаго князя, Белліо, отъ 16 октября 1814 г., въ которомъ онъ сообщалъ князю о свиданіи Государя съ Кестльри, сохранилось въ архивѣ Вѣнской полиціи.

„Чтобы отвлечь Пруссію отъ Россіи, писалъ Белліо, въ

этомъ письмѣ, „Австрія соглашается на то, чтобы Пруссія получила, во всякомъ случаѣ, часть Саксоніи. Изъ двухъ золъ она выбираетъ меньше. Она согласна скорѣе отдать Пруссіи Саксонію, нежели отдать Россію всю Польшу. Дай Богъ, чтобы въ Вѣнѣ не ошиблись и чтобы Пруссія не держала и впредь въ тайнѣ сторону Россіи, которая добровольно предлагала ей Саксонію, тогда какъ Австрія соглашается на эту жертву по необходимости, какъ на крайнее средство“.

Что касается англичанъ, они поддерживали всѣ проекты, клонившіеся къ увеличенію Пруссіи. „Это единственная держава“, говорили они, и которую мы можемъ противопоставить Россіи. Упорствуя относительно Польши, она слѣпо соглашается на всѣ уступки въ пользу Пруссіи и не видитъ, что противъ нея растетъ колоссъ“.

Французы громче всѣхъ негодовали противъ Россіи и Императора Александра, они перечисляли всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя имъ по Тильзитскому миру, и говорили, что „Россія не должна получить никакихъ новыхъ пріобрѣтеній, ей бы слѣдовало даже отказаться отъ кое-чего полученнаго ею ранѣе, чтобы стать въ равныя условія съ остальными державами“. Но русскій Императоръ, основываясь на договорѣ, заключенномъ съ Пруссіей, не принималъ никакихъ возраженій со стороны Австріи и Франціи и думалъ, отдавъ Пруссіи Саксонію, покончить дѣло однимъ росчеркомъ пера.

Перваго ноября, въ моментъ, когда начались наконецъ засѣданія конгресса, положеніе было таково: Россія занимала войсками Польшу и угрожала Галиціи; Пруссія оккупировала Саксонію и угрожала Богеміи. Баваріи и Швабіи навязывали конституцію, которой онѣ не желали, Австрія была вынуждена содержать въ Италіи многочисленную армію, что стоило ей огромныхъ денегъ, а въ Италіи, въ занятыхъ австрійскими войсками провинціяхъ, говорили, что „подъ владычествомъ Наполеона имъ было лучше, нежели подъ владычествомъ Австріи“.

Какъ на предварительныхъ переговорахъ, такъ и на самомъ конгрессѣ главнымъ камнемъ преткновенія были требованія, заявленные Александромъ Павловичемъ въ польскомъ вопросѣ. Шведскій уполномоченный Гегардтъ писалъ министру Энгестрему 12 ноября, что Меттернихъ передъ самымъ открытіемъ конгресса рѣшительно заявилъ Императору Александру, что „Вѣнскій дворъ не можетъ отнестись равнодушно къ планамъ Петербургскаго кабинета относительно Польши, такъ какъ они не совмѣстимы съ равновѣсіемъ Европы и съ безопасностью

Австріи, поэтому австрийское правительство надеется, что Россія откажется отъ своихъ требованій, если она дорожить соглашеніемъ съ другими державами. Императоръ, раздраженный этими словами, спросилъ Меттерниха, „не думаютъ ли уже предписывать ему законы и отнять у него то, чѣмъ онъ владѣетъ—*le frustrer de ce qu'il possédait*—присовокупивъ, что ежели его пригласили въ Вѣну съ этой цѣлью, то очень ошибутся въ расчетъ. Пусть пошлютъ кого-нибудь въ Польшу пересчитать русскія войска, тогда найдутъ можетъ быть болѣе умѣстнымъ говорить съ нимъ инымъ тономъ“.

„Тотъ, кто передавалъ мнѣ этотъ разговоръ, пишетъ Гегардтъ, увѣряетъ, что Меттернихъ былъ до того озадаченъ (*disconcerté*) рѣзкимъ и энергичнымъ отвѣтомъ русскаго Императора, что, уходя, онъ едва могъ попасть въ двери“.

Въ Вѣнѣ говорили, что послѣ этой сцены было предложено дать Меттерниху въ помощники для переговоровъ съ представителями Россіи князя Шварценберга и гр. Стадіона, но оба они, подъ разными предлогами, отклонили это назначеніе.

Александръ былъ до того раздраженъ противъ Меттерниха, что не хотѣлъ болѣе вести съ нимъ переговоровъ. 8-го ноября, вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора былъ обѣдъ у швейцарскаго посланника Мюллера; на немъ присутствовали Лагарпъ и португальскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, Миранда.

„Лагарпъ, по словамъ Миранды, критиковалъ поведеніе Меттерниха и по способностямъ ставилъ его ниже Гарденберга, Телейрана и Штейна. Между прочимъ онъ высказалъ предположеніе, что Меттернихъ вскорѣ получить отставку“; „при своихъ блестящихъ способностяхъ, красивой наружности и умѣніи все обращать въ шутку, князь Меттернихъ имѣетъ скорѣе всѣ данныя, чтобы занимать мѣсто посланника, нежели министра великой державы“, сказалъ Лагарпъ. „Его пошлютъ вѣроятно въ Парижъ, гдѣ у него хорошія связи. Съ политической точки зрѣнія нелѣпо и для интересовъ Австріи опасно имѣть министромъ человека, котораго націоналисты презираютъ, а иностранцы ненавидятъ. Прямо удивительно, до какой степени общественное мнѣніе возбуждено противъ него“.

Сужденія Лагарпа были, разумѣется, отголоскомъ его бесѣдъ съ Императоромъ Александромъ. Столкновенія Государя съ Меттернихомъ были темою оживленныхъ толковъ въ домѣ барона Тугута и вообще въ аристократическихъ кружкахъ Вѣны. Объ Императорѣ говорили, что онъ хотѣлъ поступать во Франціи

и въ Австріи такъ же деспотично, какъ въ Петербургѣ, и высказывали опасеніе, что постъ австрійскаго посланника въ Россіи будетъ пагубнымъ—un gouffre—для того, кто его займетъ; видя, какъ Императоръ держалъ себя въ Вѣнѣ, предполагали, что по возвращеніи въ Россію онъ будетъ относиться къ Австріи нетерпимо, подѣ влияніемъ инсинуаций со стороны Пруссіи и своихъ фаворитовъ, Каподистрія, Штейна, Чарторыйскаго, Волконскихъ, Уваровыхъ и другихъ. „Можетъ ли быть, чтобы Австрія хотя-бы два года могла находиться въ добромъ согласіи и въ мирѣ съ такимъ непослѣдовательнымъ и измѣнчивымъ человѣкомъ, каковъ Императоръ Александръ“? говорилъ баронъ Тугутъ.

Таковы были опасенія, которыя высказывались въ Вѣнѣ на основаніи личныхъ впечатлѣній о ходѣ работъ конгресса и о столкновеніяхъ, происходившихъ между русскимъ Императоромъ и руководителемъ австрійской политики. Опасенія эти однако не сбылись: Императоръ съ теченіемъ времени примирился съ Меттернихомъ, а его ставленникъ на посту австрійскаго посланника въ Петербургѣ, Лебцельтеръ, цѣлыхъ десять лѣтъ пользовался исключительнымъ благоволеніемъ Государя и направлялъ его помыслы сообразно съ интересами Австріи¹⁾, но въ 1818 году, въ Вѣнѣ, Александръ Павловичъ какъ будто хотѣлъ оправдать слова, сказанныя имъ передъ отъѣздомъ на конгрессъ, и доводилъ его участниковъ до полного отчаянія. Несмотря на свое расположеніе къ императору Францу, Государь и его не разъ глубоко огорчалъ своими заявленіями. Такъ въ исходѣ ноября, Александръ заявилъ неожиданно, что онъ ничего не дастъ Австріи, даже Краковъ, и что если у него возьмутъ Польшу, то онъ прибѣгнетъ къ крайнимъ мѣрамъ. Это такъ потрясло императора Франца, что онъ заболѣлъ, и русскій Императоръ уже обсуждалъ вопросъ о томъ, не выѣхать ли ему изъ императорскаго дворца, и не переселиться ли въ домъ Разумовскаго; онъ остался во дворцѣ только ради Императрицы.

Въ это самое время Талейранъ имѣлъ снова аудіенцію у Императора. Разговоръ шелъ конечно о злополучной Польшѣ и о Саксоніи. Талейранъ былъ рѣзокъ (heftig). Императоръ разгорячился и сказалъ: *Vous aurez la guerre*⁴⁾.

⁴⁾ См. Великій Князь Николай Михайловичъ. Донесенія австрійскаго посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна за 1816—1826 г.г. Спб. 1913 г.

„Vous perderez“, возразилъ Талейранъ.

Императоръ наморщилъ брови и бросилъ на него молниеносный взглядъ.

„Sire, il y va de votre gloire de pacificateur du monde gloire sur laquelle à Paris vous annonciez de vouloir prétendre“, продолжалъ Талейранъ, перефразируя то, что онъ однажды уже сказалъ Государю.

Эта аудіенція, о которой въ Вѣнѣ было много толковъ, произвела на Императора большое впечатлѣніе.

Въ исходѣ ноября Александръ, Павловичъ пошелъ на уступки и заявилъ, что дружеское расположеніе его къ своему союзнику, Императору Австрійскому побуждаетъ его уступить по нѣкоторымъ пунктамъ. Сторонники русской партіи громко высказывали свое сожалѣніе по этому поводу, превозносили великодушіе Александра и поносили Талейрана за то, что онъ вынудилъ союзниковъ противостоятъ желаніямъ Государя.

Оберъ-гофмейстеръ русской Императрицы, князь А. Голицынъ, передавалъ, что Императрица Елисавета Алексѣевна была недовольна тѣмъ, что ея супругъ не выказалъ достаточной твердости при переговорахъ, на что генералъ, которому онъ это рассказывалъ, замѣтилъ, что хотя Императоръ въ данный моментъ пошелъ на уступки и какъ будто отказался отъ своего излюбленнаго плана, но онъ все еще дѣлаетъ его въ душѣ и объ этомъ вопросѣ еще придется говорить серьезно“.

Несмотря на всеобщее утомленіе и желаніе покончить наскучившіе всѣмъ переговоры, въ январѣ еще ни по одному пункту не было достигнуто соглашенія, и Талейранъ имѣлъ поводъ ехидно замѣтить о союзникахъ, что „у нихъ не хватаетъ мужества открыто пойти на разрывъ и не хватаетъ ума, чтобы притти къ соглашенію“.

Генералъ Круковецкій—ярый революціонеръ и врагъ австрійскаго правительства, возвратясь въ февралѣ мѣсяцѣ 1815 г. изъ Лондона, куда онъ ѣздилъ по порученію Императора Александра, рассказывалъ уже извѣстному намъ **, что Государь думаетъ, „что польскій народъ будетъ доволенъ тѣмъ, что его существованіе упрочилось и что ежели въ данную минуту нѣтъ возможности вернуть ему полную независимость, все-таки онъ, государь, далъ ему возможность добиться ея со временемъ подъ его покровительствомъ“. Такимъ образомъ Александръ поддерживалъ въ полякахъ несбыточныя надежды, въ осуществленіе которыхъ самъ едва-ли вѣрилъ, и которыя высказывались имъ съ цѣлью привлечь къ себѣ поляковъ, къ коимъ онъ очень скоро по

возвращеніи въ Россію охладѣлъ, также точно какъ къ конституціоннымъ и либеральнымъ идеямъ вообще. Императоръ былъ недоволенъ результатомъ конгресса; послѣднее время своего пребыванія въ столицѣ Австріи онъ былъ мраченъ и молчаливъ и однажды сказалъ королю Прусскому въ присутствіи князя Волконскаго:

„Soyez tranquille, voulant cimenter une paix durable on n'a fait que couvrir de cendres le feu d'une guerre inévitable qui devra éclater dans peu et déranger l'édifice politique projeté à Paris et exécuté à Vienne“ ¹⁾.

Въ мартѣ мѣсяцѣ когда всѣ спорные вопросы были наконецъ улажены, въ Вѣнѣ было получено извѣстіе о бѣгствѣ Наполеона съ острова Эльбы, какъ громомъ поразившее союзныхъ монарховъ.

„Вотъ къ чему привели бесполезныя пререканія и медленность работъ конгресса“, воскликнулъ Талейранъ, говоря объ этомъ событіи съ Императоромъ Александромъ и упрекая его за его великодушіе, благодаря которому Наполеонъ былъ оставленъ на о. Эльбѣ. „Я не люблю сентиментальной политики, говорилъ Талейранъ; мы ей обязаны появленіемъ Наполеона и изъ-за нея испытываемъ снова всѣ ужасы революціи и войны“. Александръ I и король Прусскій, какъ передавали лица, видѣвшія ихъ непосредственно послѣ полученія извѣстія о высадкѣ Наполеона, „avaient tous les deux l'air bien concerné“, а Государь негодовалъ на то, что „въ такомъ городѣ, какъ Вѣна, гдѣ поддерживается такой порядокъ, могли быть негодяи, которые безнаказанно выражали свои симпатіи Наполеону. „Изъ всѣхъ свѣдѣній, мною полученныхъ на этотъ счетъ“, говорилъ онъ, „меня поразило болѣе всего, что это говорятъ не французы, а по большей части разные фабриканты, преимущественно нѣмцы и швейцарцы; я полагаю, что французы, коихъ здѣсь очень много, раздѣляютъ это мнѣніе, но они по крайней мѣрѣ настолько осторожны, что молчатъ. Конечно, все это было бы еще опаснѣе, если бы за этими людьми не было учинено строгаго надзора“.

А что сказалъ бы Императоръ Александръ, если бы онъ зналъ, что съ появленіемъ Наполеона во Франціи поляки снова бредили только имъ.

¹⁾ „Мы хотѣли обезпечить прочный миръ, но будьте увѣрены, что пламя неизбѣжной войны еще тлѣетъ подъ пепломъ; она вскорѣ вспыхнетъ и опрокинетъ политическое сооруженіе, задуманное въ Парижѣ и осуществленное въ Вѣнѣ.“

Изумительные успѣхи Наполеона вызвали не мало тревоги въ Вѣнѣ; въ первый моментъ никто не зналъ, куда онъ направится; Талейранъ, говорившій объ немъ ранѣе какъ о чловѣкѣ конченномъ, увидѣлъ, что онъ ошибся. Тогда онъ сталъ говорить, что онъ ожидалъ „отъ корсиканца“ подобной выходки, но это была неправда, въ его донесеніяхъ Людовику XVIII не говорилось ничего подобнаго. Напротивъ, изъ полицейскихъ донесеній видно, что Талейранъ только старался казаться спокойнымъ; 8 марта онъ ѣздилъ въ Пресбургъ, гдѣ признался принцессѣ Лотарингской, что онъ „очень волнуется и не надѣется на преданность королю военнаго министра, маршала Сульта“.

Когда было получено извѣстіе о томъ, что Наполеонъ высадился въ Каниѣ, Талейранъ успокоился и пророчилъ, что „этотъ чловѣкъ, не хотѣвшій покончить трагедіей, кончитъ фарсомъ“, но въ ближайшіе мѣсяцы на поляхъ Ватерлоо разыгрался не фарсъ, а послѣдній актъ кровавой драмы, измучившей Европу.

Въ исходѣ мая конгрессъ закончился; высокіе гости разъѣхались изъ Вѣны; и, какъ выразился Талейранъ, „каждый уѣхалъ немного недовольный, каждому пришлось принести какую-нибудь жертву, но изъ совокупности этихъ жертвъ возникло общее благо“.

В. Тимошукъ.

Изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича.

(Бытовые очерки по новымъ даннымъ).

Гибель крамольнаго рудомета.

Въ годы великой разрухи со всею Русью наравнѣ шаталось и Бѣлозерье. Не было крѣпкой власти, ибо не было у государства главы. Часть бѣлозерцевъ, состоявшая по преимуществу изъ мелкихъ чиновниковъ, признала было царемъ Владислава и отъ имени новаго государя отняла власть у старыхъ начальниковъ вмѣстѣ съ казенными деньгами. Есть документы. Сохранилась, напримѣръ, отъ той поры любопытная расписка Ивана Кузьмина да Воина Бажанова въ приѣмъ оброчныхъ денегъ съ деревни Панинской, принадлежавшей смѣненному ямскому приказчику — начальнику ямской гоньбы — Семену Окиншину; новые чиновники поусердствовали и взыскали эти деньги за цѣлыя семь лѣтъ безнедоимочно „по государеву цареву и великаго князя Владислава Жигимонтовича наказу“. Въ народѣ, однако, шло глухое броженіе противъ царя-поляка.

Въ началѣ мая 1613 года на Бѣлозерьи водворилась, наконецъ, твердая власть:—пришли вѣсти объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, пріѣхалъ новый воевода—Степанъ Никифоровичъ Чепчуговъ,—и бѣлозерцы цѣловали крестъ прирожденному русскому государю. Твердая власть принялась прежде всего взыскивать оброки въ казну,—и въ государственную, и въ свою собственную.

Поѣхалъ представитель бѣлозерской твердой власти Дмитрій Малаховъ по волостямъ собирать „четвертные доходы“. Пріѣхалъ въ одну деревню—нѣтъ въ ней ни единого жителя. Пріѣхалъ

ѣхалъ въ другую,—и тамъ избы пусты, нашелъ въ третьей деревенькѣ нѣсколько человекъ и сталъ допросъ чинить:

— Куда народъ подѣвался?

И отвѣтили ему:

— Разбѣжался народъ по лѣсамъ, потому, что идутъ на Бѣлозерье литовскіе и нѣмецкіе люди съ великимъ разореніемъ. Уже пришли они на Вытегру, грабятъ и убиваютъ.

Разсердился Малаховъ:

— А съ кого же я четвертные доходы возьму?

И сталъ онъ доискиваться, кто принесъ въ бѣлозерскій край сполошныя крамольныя вѣсти о литовскихъ людяхъ. Сказали ему, что пробѣгалъ-де мимо рудометь, т. е. знахарь-кровопускатель, Нифонтко Кобяковъ; онъ, молъ, и рассказывалъ о Вытегрѣ и о воровскихъ людяхъ.

Окончательно разсвирѣпѣлъ лишенный четвертныхъ доходовъ подъячій и кинулся разыскивать крамольника Кобякова. Поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Настигли Нифонтку, связали, и повезъ его Малаховъ въ Бѣлозерскъ на расправу.

Привезъ на подворье, гдѣ обыкновенно останавливался въ свои наѣзды, къ Соколицынымъ, и приказалъ стрѣльцу Пятому Клементьеву устроить на дворѣ подъ навѣсомъ дыбу. Сталъ спервоначалу допрашивать съ боемъ.

— Зачѣмъ въ волостяхъ смуту чинилъ? Зачѣмъ сполошными вѣстями народъ разогналъ?

Билъ Нифонтку и приговаривалъ:

— Ты государю измѣнникъ!

Натѣшившись, приказалъ Нифонтку подвѣсить. Стрѣлецъ постарался—подвѣсилъ и такъ усердно началъ хлестать несчастнаго, что вопли его далеко-далеко разносились кругомъ. Выскочила изъ своей избы дворница Авдотья Соколицына и, видя такую Нифонткову муку, горько плакала и тужила.

Вопилъ Нифонтко и молилъ представителя твердой власти:

— Пусти, кормилецъ, душу на покаяніе. Что хошь возьми... Два рубля у меня есть. Возьми, пожалуйста, смилуйся...

Взялъ Малаховъ два рубля, деньги по тому времени изрядныя, приказалъ спустить Нифонтку съ дыбы, а самъ пошелъ къ воеводѣ съ докладомъ о поимкѣ крамольника.

Отъ воеводы вышло приказаніе:

— Допросить Нифонтку Кобякова о его сполошныхъ вѣстяхъ.

Воевода, очевидно, испугался; очевидно, подумалъ:—а нѣтъ ли въ сполошныхъ вѣстяхъ Кобякова подлинной правды?

Передъ воеводою Чепчуговымъ и дьякомъ Шестымъ-Копнинымъ Нифонтко во всемъ заперся.

— Про нѣмецкихъ, про литовскихъ и про воровскихъ людей ничего я не слыхивалъ, и не вѣдаю. А въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Тумбажской и Бадожской волостяхъ и въ Курьюжскомъ монастырѣ ничего не говаривалъ. Пришелъ я изъ Алмозерской волости ¹⁾, ночевалъ у тумбажскаго крестьянина, у Богдана Шкурляева, но ничего ему, Богдану, не сказывалъ. А въ Бадожской волости я не бывалъ. А Дмитрій Малаховъ сказываетъ на меня понапрасну...

Рѣшилъ воевода: „вкинуть“ Нифонтку до сыску въ тюрьму, а въ волости Тумбажскую и Бадожскую и въ Курьюжскій монастырь послать для обыска (т. е. для разслѣдованія) посадскаго человѣка бѣлозерца Степана Васильева Подосенова, разсылщика Кузьму Гаврилова и стрѣльца Русинку Исакова. Рѣшеніе это состоялось 3 іюля 1613 года.

Вкинутый въ тюрьму несчастный измученный Нифонтко затосковалъ. Онъ зналъ, что сыскъ обнаружить его вину: — онъ дѣйствительно ушелъ изъ предѣловъ нынѣшней Олонецкой губерніи, потому, что слухи о литовскихъ людяхъ упорно повторялись тамъ народомъ, покидающимъ свои деревни и бѣгущимъ въ лѣса; онъ дѣйствительно передавалъ эти слухи по дорогѣ бѣлозерскимъ крестьянамъ, и тѣ, къ великому неудовольствію стяжательнаго подъячаго Малахова, дѣйствительно прятались отъ подступающаго врага по лѣсамъ.

А что будетъ тогда, когда слѣдствіе подтвердитъ правильность малаховскаго доноса?—Опять страшныя пытки, издѣательства, дыба. Въ ужасѣ передъ ожидающими его муками Нифонтко задумалъ умереть.

Въ тюрьмѣ сидѣлъ какой-то „деревенскій дѣтина“. Вечеромъ 6 іюля Нифонтко попросилъ у него ножа. У дѣтины въ самомъ дѣлѣ оказался ножъ, и онъ, ничего не подозрѣвая, далъ Нифонткѣ просимое. Нифонтко ударилъ себя ножомъ въ животъ пониже ложечки и взрѣзалъ брюшную полость до пупа. Сильная боль заставила его вскрикнуть. Въ притюремкѣ, въ сѣняхъ, ужиналъ въ то время тюремный сторожъ Тимошка Лейпашъ. Почувявъ недоброе, Лейпашъ открылъ дверь въ тюрьму и ужаснулся, увидавъ окровавленнаго рудомета. Закрывъ наскоро тюрьму, Лейпашъ побѣжалъ къ воеводѣ.

¹⁾ Алмозерская волость --нынѣ приходъ Вытегорскаго уѣзда, Олонецкой губерніи.

Сохранился документъ, въ которомъ подробно записано заявленіе Лейпаша.

„121 года, іюля въ 6-й день, послѣ вечерни поздно пришелъ на дворъ къ воеводѣ, къ Степану Микифоровичу Чепчугову, тюремный сторожъ Тимошка Федоровъ сынъ Лейпашъ и сказалъ:—посажень деи у него въ тюрьмѣ бѣлозерецъ посадскій человекъ Нифонтко Кобяковъ, рудометь, что деи на него извѣщалъ тебѣ, воеводѣ, подъячій Дмитрій Малаховъ, будтось деи онъ, Нифонтко, ходя въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ по волостямъ, сказываетъ крестьянамъ, что деи пришли въ Бѣлозерскій уѣздъ литовскіе люди, и отъ тое деи его, Нифонтковы, сказки во всѣхъ волостяхъ крестьяне разбѣгались и ему деи подъячему, Дмитрію Малахову, четвертныхъ доходовъ стало собирать, ѣздя по волостямъ, не съ кого. И того деи онъ Нифонтка тотъ подъячій поймалъ и привелъ на Бѣлоозеро, и въ томъ дѣлѣ отъ него, подъячаго, посаженъ онъ, Нифонтко, у него въ тюрьмѣ. И какъ деи у него сторожа, у Тимошки, въ тюрьмѣ сего вечера сидѣлъ, и онъ сторожъ Тимошка учалъ въ при теремкѣ въ сѣняхъ ужинать, а тотъ деи Нифонтко былъ въ тое пору въ тюрьмѣ въ избѣ затворенъ, и только деи тотъ Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, возопилъ; и онъ деи, сторожъ Тимошка, у тюрьмы отворилъ двери да къ нему въ тюрьму за порогъ ступилъ, а тотъ деи Нифонтко на него, сторожа, бросился; а деи онъ, Нифонтко, разрѣзалъ у себя брюхо, и кишки изъ брюха всѣ вышли вонъ, а того деи онъ, сторожъ Тимошка, не вѣдаетъ, чѣмъ онъ у себя, тотъ Нифонтко, брюхо разрѣзалъ,—ножемъ ли или чѣмъ инымъ, а ножа у него въ тюрьмѣ не было, опричь тюремныхъ желѣзъ“.

Выслушавъ докладъ Лейпаша, воевода послалъ въ тюрьму сотника бѣлозерскихъ стрѣльцовъ Алексѣя Юрьева и выборнаго посадскаго судного цѣловальника Степана Чепыжникова съ наказомъ—взять понятыхъ и въ присутствіи ихъ разслѣдовать,—„которыми обычаи онъ, Нифонтко, сидя въ тюрьмѣ, зарѣзался, и самъ ли себя зарѣзалъ, или кто его тюремные сидѣльцы зарѣзали, и гдѣ онъ взялъ ножъ“.

Посланные захватили съ собою священника Андреевской церкви отца Антипа, а въ понятые увязался чуть не весь Бѣлозерскъ. Объ этомъ свидѣтельствуется „обыскъ“, въ которомъ поименовано 46 человекъ, а о прочихъ сказано:—„и многіе посадскіе люди и стрѣльцы“.

Передъ этимъ въ полномъ смыслѣ міромъ, несчастный Нифонтко, „при смертномъ часу, отходя сего бѣлаго свѣта“, по-

вѣдалъ исторію своего поворота и великихъ мукъ. И присланные отъ воеводы слѣдователи, и понятые люди послѣ этого его, Нифонтковы, раны на брюхѣ досматривали и засвидѣтельствовали, что „брюхо разрѣзано ножомъ знатно—отъ ложки вдоль до пупа, и кишки всѣ изъ брюха вывалились перерѣзаны.—Всю ночь глазѣли бѣловерцы на бѣднаго рудомета, а передъ заутренею тотъ Нифонтко „представился“. Обо всемъ этомъ подъячіе составили „обыскъ“ и склеили листы обыска въ столбецъ. Нифонтку, вѣроятно, по силѣ правилъ св. отецъ, закопали гдѣ-нибудь за кладбищемъ, въ мѣстѣ пустѣ, и креста надъ могилою его, какъ самоубійцы, не поставили...

А въ уѣздѣ тѣмъ временемъ шелъ сыскъ о Нифонтковыхъ сполошныхъ рѣчахъ.

Разспрашивали священника и старосту и крестьянъ Бадожской волости ¹⁾:—іюня въ двадцать девятый день рудометъ Михалко Кобяковъ (почему-то вмѣсто Нифонтки оказался Михалко) былъ ли и сполошныя вѣсти про литовскихъ и про нѣмецкихъ и про воровскихъ людей сказывалъ ли, и отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ крестьяне бѣгали ли?

Священникъ Евтихій Ивановъ и староста Будило Ѳеодоровъ и крестьяне сказали:

— Нѣтъ, у насъ тотъ Михалко въ волости не бывалъ. А пришелъ къ намъ съ Вытегры, до того времени дня за два—27 іюня, старецъ Іона Бѣлозеръ, по прозванію Вашковъ, и сказалъ намъ:—„пріѣхали на Ошту ²⁾ нѣмецкіе и литовскіе люди и ѣдутъ на Вытегру“.—Услышавъ это, посылали мы въ подѣздъ (т.-е. на развѣдки) Саву Карпова да Митю Якимова. Пріѣхали они съ подѣзду и сказали:—„Вытегра и крестьяне на побѣгъ по лѣсамъ всѣ“.—И мы всѣ, крестьяне, разбѣжались по лѣсамъ. Былъ нашъ крестьянинъ Треня Григорьевъ въ побѣгъ на Тумбажской рѣкѣ и рассказывалъ, что ночью къ нему на Тумбажскую рѣку, проходя мимо, заходилъ Михалко Кобяковъ и говорилъ:—„пришли на Тумбажъ воровскіе люди, оттого, молъ, я и иду ночью“.—Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Записалъ эти рѣчи въ „обыскъ“ бадожскій земскій дьячокъ (по современному волостной писарь) Пронька Ульяновъ сынъ

¹⁾ Бадожская волость—нынѣ приходъ того же имени въ южной части Вытегорскаго уѣзда, при впаденіи рѣчки Шанды въ Ковжу.

²⁾ Ошта—погостъ у Онежскаго озера. Литовскіе и нѣмецкіе люди пришли туда, повидимому, изъ-подъ Тихвина, гдѣ былъ осажденъ ими Большой Богородицкій монастырь, о доблестной защитѣ котораго сохранились письменныя сказанія и устныя легенды.

Морозовъ,—и слѣдователи двинулись на Курьюгу, въ монастырь Николы Чудотворца и Введенія Пресвятыя Богородицы ¹⁾.

Допросили здѣсь чернаго священника, т.-е. іеромонаха, Іоакима, да келаря старца Евфимія, да старца Геласія, да старца Ѧеодосія, да старца Никодима и всю братію:

Старцы сказали:

— Въ тридцатое число, ввечеру, пришелъ къ нашему монастырю изъ Зачинья человекъ и началъ кликать перевозу. Мы спросили:—„кто ты?“—онъ сказался:—„я—Михалко Кобяковъ, бѣлозерецъ“. — Мы его перевезли и стали спрашивать:—„зачѣмъ ты такъ поздно ходишь?“—Онъ сказалъ:—„бѣгу я съ Тумбажа отъ воровскихъ людей; всѣ крестьяне тумбашскіе разбѣжались да и „праветчикъ“ Дмитрій Малаховъ на лѣсъ бѣжалъ“.—Вотъ и всѣ наши рѣчи.

Поѣхали слѣдователи въ Тумбашскую волость ²⁾. Допросили здѣсь священника Никольской церкви Іосифа, старосту Григорья Ѧеодорова и крестьянъ. И всѣ согласно показали:

— Да. Михалко Кобяковъ у насъ двадцать девятаго іюня былъ, сполошныя вѣсти про нѣмецкихъ и про литовскихъ людей сказывалъ. Сказывалъ, что воры на Вытегрѣ жгутъ деревни и людей сѣкутъ. И мы отъ тѣхъ сполошныхъ вѣстей по лѣсамъ бѣгали. Вотъ наши рѣчи.

Возвратясь въ Бѣлозерскъ 14-го іюля, слѣдователи подали свой обыскъ воеводѣ Чепчугову, а подъячіе подклеили его въ столбецъ къ тѣмъ листамъ, въ которыхъ описана была нехристіанская Нифонтова смерть.

Думалъ ли бѣдный рудометь, спасавшійся отъ литовскихъ воровъ, что онъ такъ скоро и такъ ужасно покончитъ расчеты съ жизнью въ тюрьмѣ своего родного города? Очевидно, страхъ предъ отечественнымъ чиновникомъ Малаховымъ былъ въ сто кратъ сильнѣе страха передъ иноземнымъ врагомъ, если Нифонто рѣшился на такой великій, по понятіямъ того времени, грѣхъ, какъ самоубійство.

Въ дѣлѣ Кобякова, триста лѣтъ тому назадъ, уже ярко сказываются столь знакомые позднѣйшей Россіи неизлѣчимые недуги отечественной администраціи—непостижимая самоувѣрен-

¹⁾ Курьюжскій монастырь на рѣкѣ Ковжѣ при впаденіи въ нее рѣчки Коксарь, притокъ которой носитъ наименованіе Курья. На картѣ Шуберта отмѣченъ, какъ Курьевская пустынь. Нынѣ—Киригская приходская церковь Кирилловскаго уѣзда, Новг. губ.

²⁾ Тумбашская волость,—нынѣ приходъ того же имени, по рѣкѣ Тумбѣ, въ сѣверной части Бѣлозерскаго уѣзда на границѣ съ Вытегорскимъ.

ность, непоколебимое сознаніе собственной непогрѣшимости и постоянное стремленіе перейти изъ сферы законности и здравомыслія въ область произвола.

Вмѣсто того, чтобы провѣрить принесенныя Кобяковымъ важныя извѣстія и подготовиться къ достойной встрѣчѣ врага, бѣлозерская власть предастъ вѣстника истязаніямъ, какъ крамольника. Власть рѣшила, что врага нѣтъ,—и съ мнѣніемъ ея спорить нельзя, хотя бы это мнѣніе являлось очевидною нелѣпостью, кто поспорить,—тому дыба, кнутъ, тюрьма, плаха...

А сполошныя вѣсти Нифонтки въ концѣ концовъ оказались вовсе не ложными. Воры проникли на Чаронду (къ озеру Воже)¹⁾, убили тамъ воеводу и чиновниковъ, побили много людей, прошли весь Бѣлозерскій край, побывали, какъ говорить народное преданіе, и въ самомъ Бѣлозерскѣ, и здѣсь людей побили.

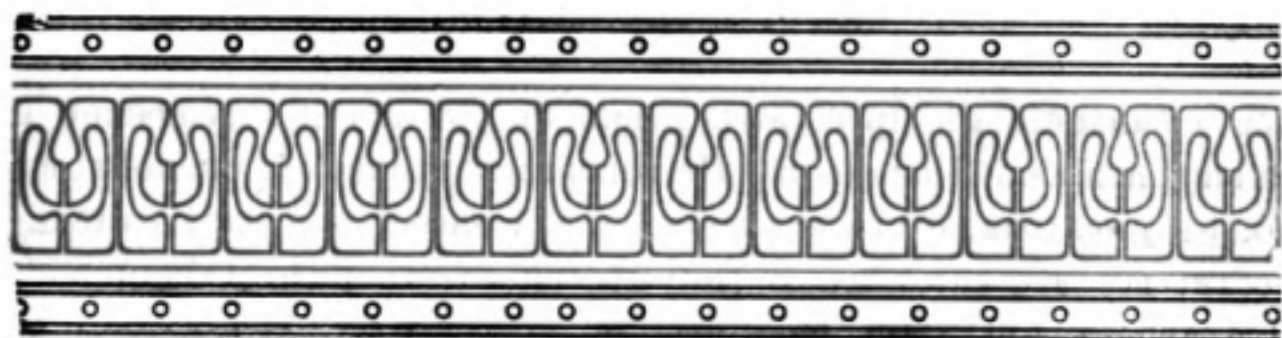
А въ слѣдующемъ 1614 году пришли изъ-подъ Тихвина воровскіе казаки,—ихъ тогда называли „черкасами“,—и вновь на Чарондѣ людей побили и прошли съ грабежомъ и убійствами всю округу—нынѣшніе уѣзды Бѣлозерскій и Кирилловскій.

Тяжело жилось народу въ послѣдніе дни улегающейся смуты... но... „тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ“...

И. Мордвиновъ.

¹⁾ Книга дозорная 29 іюля 1615 г., Калачовъ, Акт. Юр. т. II. № 128, стр. 45 (опись посада Чаронды).

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

Получивъ въ свое распоряженіе сорокъ пять писемъ И. А. Гончарова къ извѣстному писателю, цензору и академику А. В. Никитенку, автору широко распространенныхъ „Записокъ“ и „Дневника“, редакція журнала выражаетъ лицамъ, любезно предоставившимъ эту серію для напечатанія, свою искреннюю признательность.

Не останавливаясь подробно на содержаніи этихъ писемъ, мы хотѣли бы лишь отмѣтить тотъ общій интересъ, который они возбуждаютъ. Отношенія Гончарова къ Никитенку и къ его семейству извѣстны были до сихъ поръ съ одной стороны, главнымъ образомъ по упомянутому „Дневнику“. Между тѣмъ замѣтное сходство міросозерцаній обоихъ дѣятелей уже вызвало въ біографической литературѣ вопросъ о взаимномъ вліяніи; думается, при изученіи этаго обстоятельства, печатаемое нынѣ собраніе писемъ можетъ послужить полезнымъ матеріаломъ.— Правда, обычная у Гончарова осторожность въ сужденіяхъ сказывается здѣсь довольно явственно, что происходило, возможно, изъ опасенія нѣкоторой, не безъизвѣстной писателю, словоохотливости его корреспондента, а еще вѣроятнѣе, вслѣдствіе оффиціального положенія обоихъ, но за то, здѣсь же можно найти свѣдѣнія и о служебныхъ дѣлахъ Гончарова, и о редакторствѣ его въ „Сѣверной Почтѣ“, наконецъ, самое важное,— о его взглядахъ на собственное творчество и на самого себя. Все это разбросано въ видѣ случайныхъ замѣтокъ, отдѣльными черточками, но внимательное чтеніе даетъ намъ въ цѣломъ по-

вое добавленіе къ прежнимъ мыслямъ объ исторіи душевной и внѣшней жизни Гончарова. Не говоримъ о тонкомъ, спокойномъ юморѣ писателя, о его исключительной житейской наблюдательности; все это само собою разумѣется въ творцѣ „Обломова“. Эти свойства и здѣсь налицо.

Все чаще и чаще формально „нарушается воля“ Гончарова; объ этомъ, т.-е. о правѣ печатать его письма, не распространяемся, полагая вопросъ достаточно обсужденнымъ, но, присоединяясь къ тѣмъ, кто считаетъ справедливымъ рѣшеніе не въ пользу писателя „спорнаго вопроса“ о неисполненіи его запрета,—замѣтимъ, что въ иномъ отношеніи, въ смыслѣ измѣняющейся оцѣнки личности Гончарова, побѣда остается за нимъ. И эти письма, въ добавленіе ко многимъ, опубликовываемымъ въ послѣднее время, приводятъ къ одному и тому же выводу: образъ писателя становится все яснѣе и все привлекательнѣе.

В. Я.

№ 1.

Почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ.

Сегодня—пасмурный день, сегодня мы, т. е. цензора представляемся новому предсѣдателю Комитета ¹⁾ и сегодня же назначенъ годовой обѣдъ въ чиновничьемъ клубѣ: всѣ эти три событія уложились въ тотъ день и въ тѣ часы, въ которые мы съ Вами предприняли три совокупныхъ съ Вами, слѣдовательно добрыхъ дѣла: снять портретъ Вашъ у Левицкаго ²⁾, для чего нуженъ только свѣтъ, а не мракъ съ дождемъ; ѣсть устрицъ, для чего нужно идти къ Елисѣеву ³⁾, а не къ князю Щербатову [Г. А.] ⁴⁾, и пообѣдать не порознь, а въ

¹⁾ Кн. Г. А. Щербатовъ, попечитель петербургскаго университетскаго и учебнаго округа и, по тогдашнему устройству цензурнаго вѣдомства, одновременно предсѣдатель петербургскаго цензурнаго комитета, членомъ котораго былъ Г.—ъ съ 19 февраля 1856 г. См. у А. Мазона—„Матеріалы для біографіи и характеристики И. А. Г.—а“, „Русск. Стар.“, 1911 г., кн. 12, стр. 491. Кн. Щерб. былъ назначенъ попечителемъ 26 августа 1856 г. см. Русск. Біограф. Слов.

²⁾ Петербургскій фотографъ.

³⁾ И. А. очень любилъ заходить въ магазинъ Елисѣева; см. у М. Суперанскаго—„Ив. Ал. Г.—ъ и новые матеріалы для его біографіи“, „Вѣст. Евр.“, 1907 г., № 2 и 1908 г., №№ 11 и 12.

⁴⁾ Объ отношеніяхъ Г. къ Щ. см. у А. А. Мазона, тамъ же. Щ. искалъ черезъ посредство Г. знакомства съ литераторами и приглашалъ ихъ къ себѣ, чтобы имѣть постоянныя и личныя сношенія съ ними.

домъ Пашкова, Вы—не знаю гдѣ, а соединенно у Луи. Но судьба рѣшаетъ иначе и въ утѣшеніе шепчетъ мнѣ, что всѣ эти три обстоятельства, т. е: снятіе портрета, завтракъ и обѣдъ купно съ Вами непременно должны случиться на будущей недѣлѣ, когда Вы будете здѣсь и постучите, въ любой день и часъ, кромѣ пятницы, у моей двери, которая радостно распахнется передъ Вами, а за нею будутъ ждать Васъ объятія сердечно любящаго Васъ

И. Гончарова.

19 Мая. [1857 г.?).

До свѣдѣнія Казиміры Казиміровны ¹⁾ не упустите довести, что насчетъ ея ходятъ здѣсь въ городѣ ужасные слухи, что будто она, со множествомъ чужихъ сердецъ, увезла въ Царское Село чужую книгу: владѣтель, не имѣя никакой надобности въ сердцѣ, проситъ возвратить ему только книгу.

№ 2.

Надѣюсь, Вы не откажете мнѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, отобѣдать въ Среду т. е: послѣ завтра, (въ 4^{1/2} ч.) въ кругу добрыхъ пріятелей, Тургенева [И. С.], Боткина [В. П.], Майковыхъ ²⁾, Краевского [А. А.] ³⁾ etc, etc. Мѣсто дѣйствія—на заводѣ, въ квартирѣ Языкова ⁴⁾. Болѣе всего не пугайтесь мыслію, что это далеко: посредственный извозчикъ довезетъ Васъ въ 22^{1/2} минуты; къ вечеру тамъ тоже возницъ много, приведутъ, сколько угодно.

Отказать—и подумать не можете: оскорбите не одного меня, цѣлый соборъ жаждущихъ зрѣть и слышать Васъ друзей, въ томъ числѣ неизмѣнно Вашего

И. Гончарова.

20. [м.? г.?)

¹⁾ Жена А. В. Никитенка.

²⁾ Г. поддерживалъ постоянныя отношенія со всей семьей Майковыхъ. См. объ этомъ въ только-что изданной перепискѣ И. А. съ Е. В. Толстой. „Голосъ Минувшаго“. 1913 г. №№ 11, 12.

³⁾ Издатель „Отеч. Записокъ“.

⁴⁾ Г. былъ знакомъ съ нѣсколькими Языковыми. Въ настоящемъ случаѣ говорится о Мих. Александровичѣ, завѣдывавшемъ въ тѣ годы на Императорскомъ стеклянномъ заводѣ мозаичнымъ отдѣленіемъ, впоследствии бывшимъ директоромъ этого же завода. М. А. Языковъ былъ близокъ со многими писателями и славился какъ интересный, остроумный собесѣдникъ.

№ 3.

Сегодня В. П. Титовъ ¹⁾ сказалъ мнѣ, что онъ очень желалъ бы присутствовать на одной изъ Вашихъ университет. лекцій и просить уведомить его, если можно, завтра утромъ, какъ расположены часы вашихъ лекцій и когда, на какую лекцію преимущественно желали бы Вы, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ, кажется, хочетъ не откладывать даже до будущей недѣли. Спѣшу сообщить Вамъ объ этомъ, чтобы Вы въ свою очередь всѣ нужныя свѣдѣнія могли сообщить Его Превосх. Владиміру Павловичу [Титову] завтра же поутру, и чѣмъ раньше, тѣмъ лучше: часовъ въ 9 или 10. Адресъ его: на Мойкѣ, недалеко отъ Пѣвческаго моста, въ домѣ Петрицкаго.

Я бы сегодня самъ зашелъ сказать Вамъ объ этомъ, да не увѣренъ, застану ли Васъ: можетъ быть, и зайду.

Не считите пожалуйста всего этого за...

Вашъ И. Гончаровъ.

1 Апрѣля 1858 года.

Самому мнѣ некогда отлучиться и послать тоже некого: боимся воровъ. Отъ того я и прошу Васъ самихъ сообщить съ Влад. Павл.

№ 4.

Тургеневъ, опираясь на общее расположеніе къ нему нѣкоторыхъ лицъ извѣстнаго кружка, настаиваетъ на объясненіи, съ тѣмъ чтобы конечно пустить въ меня громы. Съ нимъ будетъ Анненковъ [П. В.], потомъ Дружининъ [А. В.], Дудышкинъ [С. С.] ²⁾; хотѣлъ онъ еще нагнать народу, но я не вижу въ этомъ надобности и потому устранию; онъ хочетъ сдѣлать торжество свое полнѣе и такъ какъ юридически дѣла рѣшить нельзя, то онъ конечно и выиграетъ.

Васъ, почтеннѣйшій Александръ Васильевичъ, я прошу присутствовать при этомъ разговорѣ не въ качествѣ свидѣтеля, потому что Вы мало знаете сюжетъ моей программы, а просто въ качествѣ лица, искренно ко мнѣ расположеннаго.

¹⁾ Наставникъ Наслѣдника Вел. Кн. Николая Александровича, въ то же время членъ главнаго правленія училищъ въ м-вѣ народн. просв. впоследствии членъ гос. совѣта.

²⁾ Извѣстные литературные дѣятели.

чтобы мнѣ было не совсѣмъ неловко быть и говорить. И потому прошу Васъ пожаловать завтра во Вторникъ утромъ въ часъ ко мнѣ—(какъ будто на выносъ и отпѣваніе, если не тѣла, то моего духа), чѣмъ много обяжете преданнаго Вамъ

И. Гончарова ¹⁾.

28 Марта [1860 г.].

№ 5.

6 мая [г.?]]

Мой поваръ заболѣлъ и я питаюсь сегодня крупницами отъ трапезы старыхъ друзей, поэтому, нашу скромную бесѣду, до-столюбивѣйшій Александръ Васильевичъ, позволѣте отложить до слѣдующей недѣли, а когда—о томъ забѣгу сказать лично:—надѣюсь, недолго мы заставимъ ждать нашу бутылочку рейн-вейна, потому что повара никогда долго не болѣютъ: этой прихоти имъ по штату не полагается.

Вчера я былъ въ Царскомъ Селѣ и Павловскѣ: тамъ хорошо, спѣшите туда.

Кажется, я доброму и сострадательному вниманію Казиміры Казиміровны обязанъ рецептомъ, присланнымъ мнѣ неизвѣст-нымъ мнѣ, но не менѣе отъ того любезнымъ врачомъ Валь-цомъ ²⁾, по какому рецепту я съ успѣхомъ лечусь отъ не-стерпимой боли. Кстати и поваръ занемогъ: я бы не могъ выпить ни капли вина и находился бы въ гнусномъ положеніи—завидовать въ этомъ лучшему изъ друзей.

¹⁾ Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ Гончарова и Тургенева по-дробно разобранъ въ превосходной монографіи Евг. Ляцкого—„Гонча-ровъ. Жизнь, личность, творчество“—въ XVIII, XIX и XX главахъ. Изд. 2-ое, переработанное и дополненное. 1912 г. Третьейскаго суда, состо-явшійся по требованію Тургенева, происходилъ 29 марта 1860 г. въ квар-тирѣ Гончарова; свидѣнія о немъ можно найти въ извѣстныхъ „Литера-турныхъ воспоминаніяхъ“ П. Анненкова (стр. 520--521) и его же—„Шестъ лѣтъ переписки съ И. С. Тургеневымъ“ въ „Вѣстн. Европы“, 1886, мартъ, стр. 39. Описание суда и рѣшеніе приглашенныхъ экспер-товъ воспроизведены въ упомянутой работѣ Ляцкого (стр. 134—135). Нѣкоторыя данныя о столкновеніи обоихъ писателей имѣются у Л. Май-кова: „Ссора между И. А. Гончаровымъ и И. С. Тургеневымъ въ 1859 и 1860 г.г.“. „Русск. Старина“, 1900 г., № 1. Новый матеріалъ къ этому же вопросу имѣется въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современ-ники въ ихъ перепискѣ“, подъ редакціей М. Демке, послѣдній, IV („гон-чаровскій“) томъ вышелъ въ 1912 году.

²⁾ Докторъ, постоянно лѣчившій А. В. Никитенко.

Сегодня метутъ, скребутъ, моютъ мою квартиру и извергаютъ изъ нея всякія пакости: на этомъ основаніи извергнуты мною и два препровождаемые при семъ тома.

Другую пакость, т: е: другіе, нынѣ вновь выходящіе мои собственные томы не извергаются изъ моей квартиры въ Вашу только потому, что ихъ еще нѣтъ; сегодня принесутъ и изверженіе нѣкоторыхъ изъ нихъ къ Вамъ послѣдуетъ немедленно.

Кланяюсь Вамъ, Вашимъ и много благодарю Казимиру Казиміровну.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 6.

11 Мая—Понедѣл. [г. ?]

Моя лѣтняя кампанія открывается, любезный другъ Александръ Васильевичъ, и я въ эту минуту уныло, но величественно слѣдую по Владимірской и Загородному проспекту—привѣтствуя Васъ этимъ письменнымъ прощаніемъ.

Не гнѣвайтесь за личную мою неявку на вышину Фридрихсова ¹⁾ дома: въ ней нѣтъ никакой гнусности, а есть только старость, усталость и болѣзнь, боюсь—неизлечимая. Я душевно боленъ, а этимъ можно болѣть и при толстомъ брюхѣ. Вы правильно, при встрѣчѣ со мной на улицѣ, изрекли, что „человѣкъ иногда нуждается быть одинъ“. Боюсь только, чтобъ это *иногда* не превратилось у меня въ *всегда*—т: е: боюсь, вылечусь ли я отъ иппохондріи. Воды, воздухъ, тепло и перемѣна мѣстъ—все это конечно хорошія средства: и еслибы къ этому еще прибавить хорошія обстоятельства, то и можно бы починить, не только тѣло, но и душу, и обрѣсти необходимый для нея миръ.

Я направляюсь въ Маріенбадъ—оттуда и самъ не знаю, куда. Это еще въ туманѣ для меня: поѣду ли въ Вѣну и Венецію, какъ хотѣлось бы, а оттуда въ Миланъ, Швейцарію и въ Булонь, или же скромно прожить въ Германіи—не знаю. Увижу какъ расположатся обстоятельства.

Во всякомъ случаѣ я дамъ Вамъ о себѣ вѣсть, а Вы не поскучайте отвѣтить на мой голосъ.

Если мнѣ не удастся починить душу, то я такъ и останусь у себя дома, какъ въ гробу. никуда не пойду. А если солнце,

¹⁾ Никитенко въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій жилъ въ домѣ барона Фредерикса, на Владимірской улицѣ.

луна и звѣзды улыбнутся мнѣ, я тотчасъ приду къ Вамъ, тѣмъ болѣе, что къ тому времени Вы съ подъ-облачныхъ высотъ баронскаго дома переселитесь долу, въ тѣ слои, гдѣ витають земные жители: я вѣрю въ это переселеніе. Прощайте, любезный другъ, до свиданія. Поручаю себя всего старой нашей дружбѣ, вашей добротѣ, правдѣ и другимъ хорошимъ качествамъ, за которыя я Васъ, какъ и многіе другіе, давно полюбилъ и не разлюбилъ. Не разлюбляйте же и Вы меня, а всяко охраняйте, какъ эгидою, Вашимъ умомъ, словомъ и дѣломъ противъ всякаго зла и пакости. И я стану дѣлать тоже съ Вами.

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 7 ¹⁾.

[1860 г.?]

Извините меня пожалуйста, что я распечаталъ телеграмму Марковскаго: мнѣ очень хотѣлось узнать, тамъ ли Вальтеръ ²⁾ и по этому извѣстію утѣшать себя надеждою на скорое свиданіе съ Вами въ Дрезденѣ; потомъ я ждалъ, не дастъ ли Марковский мнѣ знать въ депешѣ о томъ, оставлена ли мнѣ комната въ отели Франкфуртъ. Я сейчасъ уѣзжаю. До свиданія.

Вашъ Гончаровъ.

№ 8.

Маріенбадъ. 17 (29) Іюня 1860.

Вотъ я и на мѣстѣ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, о чемъ и имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства. Добрался я однакожь сюда только на третій день, потому что прозѣвалъ, или лучше сказать проспалъ раннюю почту и ночевалъ въ Плауэнѣ, а на другой день въ Франценсбадѣ. Здѣсь меня приняли, какъ земляка: куда ни приду, встрѣчаю улыбки и поклоны, а одна дѣвочка такъ обрадовалась, увидя меня въ третій разъ здѣсь, что бросилась и поцаловала у меня руку, прежде нежели я успѣлъ ей помѣшать. Всѣ эти ласки не помѣшали однакоже моей хозяйкѣ содрать съ меня 40 талеровъ въ мѣсяцъ, за двѣ комнаты съ балкономъ на сады. Въ первый же день меня привѣтствовали

¹⁾ Письмо написано карандашомъ.

²⁾ Популярный въ то время въ Дрезденѣ врачъ; лечилъ также и Никитевка.

двѣ грозы, одна утромъ, другая ночью: я вспомнилъ о Софѣ Александровнѣ ¹⁾, да и мнѣ самому, точно также какъ и никому не могло бы быть пріятно это раскачиванье деревьевъ, огненные змѣи и перебаты грома въ горахъ. Вчера пріѣхали сюда нѣкоторый мужъ и нѣкоторая жена, которыхъ гроза застала въ дорогѣ; въ десяти шагахъ отъ нихъ молнія раздробила дерево, лошади ихъ испугались и понесли; къ счастью, кучеръ успѣлъ направить ихъ въ какія-то ворота. Нѣтъ, не вѣрю я охотникамъ до грозы и прочихъ подобныхъ безпорядковъ природы. Всѣ эти „труссы, потоппы и глады“, особенно глады—не по натурѣ человѣку.

Я принялся было сегодня за свои тетради и началъ бойко читать, но потомъ усталъ и бросилъ. Нѣтъ, видно судьба вырвала перо у меня изъ рукъ: можетъ быть и за дѣло. Затѣмъ небрежно обращался съ нимъ, забывалъ его для праздности, лѣни и безумнаго ублаженія гнуснаго тѣла (рубашки составляютъ исключеніе: это благороднѣйшее изъ всѣхъ чувственныхъ ублаженій). Однакожъ завтра попробую приняться опять, не смотря на то, что чувствую великій холодъ и запустѣніе въ себѣ. Докторъ нашелъ, что у меня не столько печень болитъ, сколько нервная система раздражена, и потому совѣтуетъ взять здѣсь только 4-хъ недѣльный курсъ, а потомъ отправиться въ Вильдбадъ—успокоить нервы, а затѣмъ къ морю—укрѣпить ихъ. Но перваго мнѣ не хочется дѣлать: куда еще таскаться по водамъ? Петербургскаго геморроя и естественнаго наступленія старости не вылечишь, а только даромъ потеряешь время и деньги.

Здѣсь я нашелъ человѣкъ восемь Русскихъ, между прочимъ Обручева, [Н. Н.] ²⁾ бывшаго редактора Военнаго Сборника. Одинъ изъ русскихъ рассказываетъ, что Бельгійскій король предлагаетъ будто бы Франціи и Англіи отдать первой Бельгію, а себѣ взять у Австріи Венгрію, что ему было бы съ руки, такъ какъ онъ родомъ якобы изъ Венгріи и владѣетъ тамъ большими помѣстьями, далѣе, что Пруссія уступить свои Рейн-

¹⁾ Дочь А. В. Никитенка, очень близкая П. А.—чу и искренно ему преданная; иногда по его порученію приводила въ порядокъ рукописи, напр., первую половину „Обрыва“. См. въ изданіи—„М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ“. Подъ редакціей М. Лемке. IV томъ. 1912 г. Письмо Г—а къ Ст—у отъ 30 мая 1869 г., а также въ настоящей перепискѣ письмо № 11. Письма Г. къ ней напечатаны тамъ же.

²⁾ Извѣстный военный дѣятель, въ то время профессоръ военной статистики въ академіи генеральнаго штаба, впослѣдствіи начальникъ главнаго штаба и членъ госуд. совѣта.

скія провинціи Франціи, а Франція поможетъ ей завладѣть разною Германскою мелочью, маркграфствами, ландграфствами и герцогствами, которыя будто бы давно уже просили прусскаго короля взять ихъ подъ свою крѣпкую руку. Объ этомъ, слышь, будетъ рѣчь на свиданіи въ Баденъ - Баденѣ. Не знаю, гдѣ тутъ правда: эта политика что-то отзывается Тамбовомъ. Но Баденское свиданіе сдѣлало однако то, что курсъ на наши деньги упалъ здѣсь, ибо всѣ надѣются, что свиданіе устранить всякія поползновенія къ войнѣ и миръ нарушенъ не будетъ ¹⁾.

¹⁾ Въ журналѣ „Искра“ 1860 г. № 19 (Мая 20) напечатаны стихи, которые считаемъ небезынтереснымъ привести здѣсь полностью:

ПАРНАССКІЙ ПРИГОВОРЪ.

Шумъ, волненіе на Парнасъ;
 На Парнасъ всѣ въ тревогѣ,
 И смущенные, толпами,
 На совѣтъ собрались боги.
 Съ горъ заоблачнаго Пинда
 И съ вершины Геликона
 Боги мчатся въ колесницахъ,
 По призыву Аполлона.
 Для чего жъ боговъ собранье
 На заоблачномъ Парнасъ?
 Кто сей смертный, съ тусклымъ взглядомъ,
 Прилетѣвшій на Пегасъ?
 Кто онъ,—вялый и лѣнивый,
 Неподвижный, какъ Обломовъ,
 Сталъ безмолвно и угрюмо,
 Окруженный тучей гномовъ?..
 И божественные гости
 Полукругомъ ставъ у трона,
 Съ нетерпѣньемъ ждали рѣчи
 Отъ красавца Аполлона.
 И сказалъ онъ:—„Смертный! молви:
 У боговъ чего ты просишь?
 На землѣ своей далекой
 Ты какое званье носишь?“
 И отвѣтилъ смертный: „Русскій
 Я писатель! На собрата
 Приношу доносъ вамъ, боги,
 И молю васъ—въ наказаніе
 Съ обвиненнымъ будьте строги.
 Онъ, какъ я, писатель старый,
 Издавъ онъ романъ недавно,
 Гдѣ сюжетъ и планъ рассказа
 У меня укралъ безславно...

Сегодня получилъ я изъ Петерб. письмо съ приложеніемъ стиховъ, напечатанныхъ въ Искрѣ о нашемъ спорѣ съ Тургеневымъ: ничего, такъ себѣ: можно бы написать забавнѣе.

Прощайте. Свидѣт. усердное почтеніе Казимірѣ Казиміровнѣ.

Весь Вашъ

Ив. Гончаровъ.

Дайте о себѣ вѣсточку. Вотъ мой адресъ, если Вы забыли:

Boemen. *Marienbad*, poste restante.

An den Herrn Johann von Gontcharoff.

У меня—герой въ чахоткѣ,
У него—портретъ того же;
У меня—Елена имя;
У него—Елена тоже.
У него всѣ лица также,
Какъ въ моемъ романѣ, ходятъ.
Пьютъ, болтаютъ, спятъ и любятъ...
Наглость эта превосходитъ
Мѣры всякія... Вы, боги,
Справедливо были вѣчно.
И за это преступленіе
Вы накажете, конечно.
Смертный смолкъ... Вотъ спорятъ боги,
Шумъ и говоръ окрестъ трона,
Наконецъ громовой голосъ
Раздается Аполлона:
—„Мы, съ сестрой своей Минервой,
Такъ рѣшили, смертный! Право
Твое дѣло и наказанъ
Будетъ недругъ твой лукавый.
И за то онъ, нашей властью,
На театрѣ будетъ вскорѣ
Роль купца играть нѣмую
Безсловесно, въ Ревизорѣ.
Ты же,—такъ какъ для романа
У тебя нѣтъ вновь сюжета,—
На казенный счетъ поѣдешь
Путешествовать вкругъ свѣта.
Вѣрно лучшее твореніе
Ты напишешь на дорогѣ.
Такъ рѣшаемъ на Парнаскѣ
Я, Минерва и всѣ боги.

Обличительный Поэтъ.

№ 9.

Маріенбадъ 20 Іюня (2 Іюля) 1860.

Почтенный другъ и глава нашей странствующей дружеской колоніи!

Письмо я Ваше получилъ и какъ говорятъ мои пріятели японцы, *хорошо понялъ*. Не сокрушаюсь о Вашихъ стонахъ и жалобахъ, вымогаемыхъ изъ Васъ претерпѣваемыми на водахъ бѣдствіями, какъ то „питьемъ вонючей жидкости, ваннами“ и т. п. частію по гнусному эгоизму, ибо претерпѣваю тоже самъ, частію потому, что маріенбадская вода—не вонючая, но все же нельзя и наслаждаться ею, ибо выпить натошакъ, да еще въ 6 часовъ утра, четыре стакана чего-то въ родѣ сыраго, неудавшагося квасу... не большое наслажденіе. Валятся въ ваннахъ изъ грязи по 20 минутъ и отъ скуки ноглаживать собственное свое, въ грязи измаранное и отъ этого—дѣйствительно *мусное тѣло*, да, для развлеченія вытаскивать изъ подъ себя камешки, прутики и набравшіяся въ ванны—щечочки—не Богъ знаетъ какая отрада!

Но все это я совершаю твердо, привычной рукой и вольнымъ духомъ...

Здѣсь тоже много народу—Русскихъ, къ счастью, мало и я знакомъ съ немногими. Но здѣсь дожди и холода кладутъ печать скуки и унынія, по крайней мѣрѣ, на меня, такъ что я съ наслажденіемъ вспоминаю о Васъ обоихъ и такъ сказать—почти о новыхъ, но драгоценныхъ юныхъ друзьяхъ, Вашихъ дщеряхъ, также и о непроходимѣйшемъ, безпримѣрнѣйшемъ шалунницѣ¹⁾, о нашихъ чаяхъ и хожденіяхъ—съ вами для удовлетворенія потребности покупать, а съ ними, для бесѣды и для упражненія ногъ.

Спасибо за вопросъ о моихъ замыслахъ и объ участіи въ нихъ, участіи тройномъ: друга, литератора, профессора литературы и четвертомъ наконецъ—академика. Коротко скажу,—я пишу и листовъ 16 напаяно, но, пишу или пою по выраженію Шиллера, какъ *поютъ птицы* т. е. какъ будто безъ цѣли, а наслаждаюсь только своею способностью пѣть, ибо что ни запою, выходитъ мотивъ, трель, колѣно, но выйдетъ ли пѣсня, кончу ли ее—едва-ли: тутъ уже и начинаются Гамлетовскія сомнѣнія. Являются на сцену лица, фигуры, картины, но сгруп-

¹⁾ Говорится о сынѣ А. В.—Сашѣ.

пировать ихъ, найти смыслъ, связь, цѣль—этой рисовки—не умѣю, не могу; *нѣтъ необходимости*, по которой долженъ создаваться и ею проникаться и скрѣпляться весь романъ т: е! она у меня есть въ головѣ, но не выражается, а не выражается отъ того, что неуловима, почти недоступна выраженію, образу. Помните, я въ Петерб. у меня на квартирѣ читалъ Вамъ изъ программы данныя, элементы, изъ которыхъ задумана личность героя художника? Ну, вотъ, передъ созданиемъ его—я останавливаюсь въ недоумѣніи и приостановился работать. Это не созрѣло, не уяснилось передо мной—и герой еще не приходитъ, не является. Только вчера напалъ я на слѣдъ смѣлаго и оригинальнаго способа и теперь пытаю и думаю надъ нимъ: это или вздоръ, нелѣпость, или единственный путь разрѣшить задачу.

Не знаю, что будетъ. Но какъ трудно—не рисовать, нѣтъ, это легко, а вести рисовку къ центру, къ цѣли, осмысливать ее. Въ слѣдствіе этого является то бодрость, то уныніе.—Я описалъ о началѣ своего труда къ Вашимъ, такъ какъ онѣ принимаютъ живое, дружеское участіе въ этомъ, но боюсь не напрасно-ли подалъ на себя надежду.

Онѣ будутъ считать меня путнымъ человѣкомъ твердо идущимъ къ цѣли, а я вдругъ окажусь несостоятельнымъ: Боже ты мой, сколько прибавится къ насмѣшкамъ надъ моею лѣнью и прожорливостью, другихъ, болѣе ядовитыхъ жалъ! Постараюсь продолжать, если не покинетъ охота!

Я останусь здѣсь числа до 10-го Іюля нашего стиля, а тамъ попробую до конца Іюля пописать въ Дрезденѣ, чтобы къ 1-му Августу быть въ Парижѣ и Булони. Вотъ мой планъ, другого пока нѣтъ, да если я буду продолжать писать, то другого плана мнѣ и нельзя принять, ибо всякій другой помѣшаетъ мнѣ. Леченье мое конечно отъ писанья много терпитъ, но я бы помирился съ этимъ, еслибъ удалось второе, но если не удастся ни первое, ни второе, тогда пожалѣю о потерянномъ времени, трудахъ и издержкахъ.

Вы пишете, что у Васъ тамъ собраніе желтыхъ, блѣдныхъ, страдальческихъ фигуръ¹⁾; здѣсь такъ напротивъ. Больные—всѣ такіе, Богъ съ ними, здоровенькіе, всѣ „поперекъ себя толще“—у кого подбородокъ до брюха, а брюхо до земли, у кого

¹⁾ Никитенко въ это время былъ въ Киссингенѣ. Его „Записки и дневникъ“. Т. I, 594—596.

руки и ноги отекали: все обжоры, ублажатели гнуснаго тѣла; я—изъ самыхъ тонкихъ здѣсь.

Прощайте—мое дружеское почтеніе Казиміръ Казиміровичъ,

Весь Вашъ И. Гончаровъ.

№ 10.

28 Іюня (10 Іюля) 1860. Маріенбадъ.

Сей часъ получилъ Ваше письмо и сей часъ же отвѣчаю, любезный другъ Александръ Васильевичъ. Погода сыграла и здѣсь ту же роль, какъ у Васъ, а въ Петербургѣ, пишутъ мнѣ, были жары! Вотъ подите же: если мы, люди, живемъ въ противорѣчіяхъ, боремся съ ними и въ этомъ проводимъ жизнь, такъ это потому, думалъ я, что не умѣемъ, не устроились, не распорядились. А природа физическая? вѣдь ея законы подлежатъ не произволу страстей, глупости и невѣжества, а постояннымъ мудрымъ законамъ? Что же это такое? За неумѣньемъ рѣшить этого вопроса приходится и эту загадку природы ваять на себя бѣдному человѣку, т. е. признать закономъ эту несообразность погоды и сознаться въ неумѣніи рѣшить ее: это, кажется, будетъ самое умное.

Пишу Вамъ изнеможенною отъ писанья рукой: пишу, пишу—не въ смыслѣ творю, а пишу—сочиняю, т. е. мараю бумагу и не сомнѣваюсь болѣе, а отчаиваюсь въ томъ, что это мое писанье—ни на что не пригодно. Какъ ни утѣшайте, а планъ былъ не выясненъ, не продуманъ и герой—безъ лица и образа. Еслибъ можно было начать снова, то вышло бы что нибудь, но начать! Это, если не физически, то морально невозможно!

Мое леченіе (съ грѣхомъ пополамъ, или лучше съ грѣхами: одинъ грѣхъ—холодная, осенняя погода, другой—неистовое сидѣнье и писанье) идетъ къ концу, т. е. я переваливаюсь на пятую недѣлю и въ Понедѣльникъ или во Вторникъ т. е. 5 или 6-ю Іюля нашего стиля *надѣюсь быть въ Дрезденъ*. Хотя источникомъ Вашего предполагаемаго туда возвращенія—неудобство и нѣкоторое разстройство вашего плана, но я, по гнусности эгоизма, этимъ не недоволенъ, ибо, за долгоевременное пребываніе въ одиночествѣ и неумѣренное писанье, считаю себя въ правѣ мечтать о вознагражденіи бесѣды среди Васъ всѣхъ, хожденія по лавочкамъ, блаженнаго состоянія милой праздности и *покупокъ* разныхъ предметовъ вообще, сигаръ въ

особенности, и между прочихъ и рубашекъ, въ нихъ чувствую крайнюю потребность.

А тамъ въ перспективѣ улыбается мнѣ совокупная съ Вами поѣздка въ Булонь: и какъ мы Парижъ уже видѣли оба, то не направимъ ли путь на Брюссель, коего не видали? Не съѣздимъ ли до тѣхъ поръ въ Веймаръ, или иное нѣмецкое затишье—(если поѣздка въ Швейцарію не окажется необходимою) или не предпримемъ ли чего иного, но во всякомъ случаѣ есть надежда быть вкупѣ.

Сюда наѣзжаетъ много Русскихъ и почти всѣ дѣлаютъ мнѣ честь желать со мною познакомиться: можете себѣ представить, какъ это, по моему характеру, веселитъ меня! Вотъ уже я познакомился съ одной княгиней, съ двумя князьями, съ двумя начальниками институтовъ, и отъ того меньше хожу, меньше пишу, даже, отъ тоски, меньше ъмъ и сплю.

Здѣсь стала погода поправляться, хотя въ эту минуту идетъ дождь, сопровождаемый отчасти грозой. Но хоть не холодно по крайней мѣрѣ: и то хорошо!!—Вы совершенно совпали съ моимъ настроеніемъ, рѣшивъ отыскивать утѣшенія и отвѣта на тоскливые вопросы въ себѣ и въ тѣхъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, которыми кое-какъ держишься въ жизни—такъ, такъ мудрый другъ мой—а прочее, что не поддается этимъ убѣжденіямъ, что противится и идетъ иначе, сочтемъ абберраціями, которымъ подлежатъ и звѣзды, не только мы и жизнь наша, съ ея паденіями, торжествами, съ ея печальнымъ весельемъ и невеселыми печалами.

Итакъ, можетъ быть, скоро опять сойдемся мы въ Прагеръ-штрассе ¹⁾, за чайнымъ столомъ, съ булками, сладкими пирогами, съ телятиной, но безъ ветчины и колбасъ—до времени.

Прощайте, не пишите мнѣ болѣе сюда, а въ Дрезденъ, въ Hôtel Frankfurt, а лучше приѣзжайте сами. Жму Вашу и цалую Казиміры Казимі[ровны]—руку.

Вашъ Н. Гончаровъ.

№ 11.

18 (30) Іюля 1860. Дрезденъ.

Что за немилость, что за вѣтренность, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ? Польстили было Вы надеждою при-

¹⁾ Въ Дрезденѣ. Съ 16 по 31 Мая этого года Никитенко былъ вмѣстѣ съ И. А. въ Дрезденѣ, послѣ чего Г. направился въ Мариенбадъ, а Н. съ женою въ Киссингенъ. См. Никитенко. Зап. и дни.

ѣхать въ Дрезденъ, отдохнуть въ Пражской улицѣ—и обманули! А я льстил себя надеждою увлечься за Вами въ Швейцарію и объѣхать Женевское озеро вокругъ и потомъ направиться вмѣстѣ въ Парижъ и Булонь. А Вы измѣнили и этому плану и избираете Трувиль! Но въ Трувилѣ, какъ мнѣ сказали, надо ѣздить къ морю въ одной, со многими купальщиками, телѣгѣ, тогда какъ въ Булони каждый идетъ самъ по себѣ и раздѣвается въ особой будкѣ; женатымъ же людямъ предоставляется купаться вмѣстѣ съ женами и слѣдовательно съ прочими женщинами, но только въ нарочито устраиваемомъ для того костюмѣ, легкомъ, бумажномъ, тутъ же на берегу продаваемомъ. А мужчины купаются между собой въ одной повязкѣ, въ какой дѣти играютъ въ жмурки. Я уже подговорилъ ѣхать туда Ковалевскаго съ женой, племянника министра¹⁾. Тѣмъ наипаче любо бы было мнѣ блуждать съ Вами по берегу океана и бесѣдовать. Мы иногда подолгу молчимъ съ Вами, но молчаніе это есть ничто иное, какъ постоянная бесѣда, въ которой оба другъ друга понимаютъ, оба задумываются или лѣнятся говорить и оба безъ словъ знаютъ, что сказалось бы въ ту или другую минуту. Зато когда вдругъ прорвется, то отводишь душу вполнѣ. И Вы вдругъ взяли все, да и испортили! Не рѣзвитесь, почтенный другъ, и не вѣтренничайте: Трувиль—мѣсто модное, гдѣ собираются и купаются обезьяны изъ большого свѣта и гдѣ нѣтъ отдыха и пріюта нормально устроенному человѣку. Ужъ не умыслили ли Вы, тайкомъ отъ остальной странствующей колоніи, совершить надъ собою какую-либо метаморфозу, какъ-то облечься въ тонко-волокнистую рубашку и лазить въ море, въ толпѣ львовъ и львицъ, не иначе какъ въ бѣлыхъ перчаткахъ?

Не увижу ли я Васъ хоть въ Парижѣ, куда я вѣроятно обрѣтусь съ 22 нашего Іюля и пребуду, я думаю, до 28-го, а къ 1-му Августу надѣюсь уже быть въ Булони. Въ Булони есть и рѣка, гдѣ стоятъ всѣ пароходы и суда, а это предалеко отъ купанья; въ Булони песокъ, а не каменья и кромѣ того онъ или она (Булонь) избыточествуетъ всевозможными магазинами, слѣдовательно можно ежедневно, въ виду угрюмаго океана, предаваться удовольствію—покупать! Остановлюсь я въ

¹⁾ народнаго просвѣщенія, Евграфа Петр. Ковалевскаго. Вѣроятно, И. М. Ковалевскій, забытый, но интересный писатель, яркія и остроумныя воспоминанія котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ печатались въ „Русск. Стар.“ Въ 1912 г. вышло отдѣльнымъ изданіемъ собраніе его стиховъ и воспоминаній.

Парижъ тамъ же, гдѣ Вы однажды уже обрѣли меня, т. е. въ rue du Helder, № 16, hôtel du Brézie. А если тамъ не случилось бы комнаты, то оставляю тамъ адресъ.

Здѣсь я живу около двухъ недѣль—Ваши всѣ въ вождѣлѣнномъ здравіи; раза два впрочемъ у Екатерины Алекс.[андровны] болѣла голова. Сколько Софья Алекс.[андровна]¹⁾ задумчива и молчалива, столько же Сашенька²⁾ сталъ говорливъ и юрокъ. Этотъ безпримѣрнѣйшій, безпощаднѣйшій и непроходимѣйшій шалунище приводитъ въ трепеть Дрезденъ: матери, завидя его, со страхомъ уводятъ дѣтей, а купцы запираютъ лавки; кого за руку схватить—рука прочь, за ногу—нога и т. д., даже дошелъ до того, что, о ужасъ! разбилъ графинъ. Онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, весьма радъ моему пріѣзду и между прочимъ потому, что я по утрамъ беру его съ собой въ манежъ и когда кончу свой часъ, его берейторъ сажаетъ на лошадь и ведетъ, я иду рядомъ и онъ воображаетъ, что онъ „ѣдетъ“.

Когда же берейторъ побѣжитъ и потащитъ за собой лошадь въ припрыжку, шалунище, дотолѣ безмолвный, вдругъ находитъ въ себѣ рѣчь, да еще нѣмецкую и въ оной рѣчи кричитъ: „довольно, довольно! не скоро!“ и по-русски прибавляетъ, что у него сердце „замерзаетъ“, когда лошадь пойдетъ *трусой*. По случаю питыхъ Екатериною Алекс[андровною] и мною водъ—наши чайныя трапезы проходятъ скромно безъ колбасъ и ветчинъ, а больше съ молокомъ и яйцами; но зато пирожнаго... Мы съ Сашей просто—велики затрапезой и соревнованію нашему нѣтъ конца, какъ ни ядовито улыбается Софья Алекс[андровна]! „Превосходно, отлично, чудесный пирогъ“ говоритъ въ восторгъ Саша, и иногда прибавляетъ: „прелестнѣйшій Иванъ Ал[ександровичъ]“.

Обѣ барышни облагодѣтельствовали меня, переписавъ написанное мною въ Маріенбадѣ, а я взялъ да и употребилъ ихъ доброту во зло, написавъ еще тетрадку уже здѣсь; они взяли на себя и ту перебѣлить. Затрудняюсь благодарить ихъ и за это и за всегда ласковый, какъ къ брату, пріемъ и за всю ихъ дружбу, которую Вы, должно быть, оба передали имъ.

Не хочу вѣрить, что до Петербурга не увижусь съ Вами и еслибъ зналъ, гдѣ Васъ найти въ Парижѣ, то нашелъ бы. На случай зайду въ rue Vivienne, въ ту отель, гдѣ Вы останавливались, лишь только пріѣду; а Вы зайдите въ указанную

¹⁾ Дочери А. В.

²⁾ Сынъ А. В.

выше. Да не остановитесь ли и Вы въ ней? А если мѣста не будетъ, то въ той же улицѣ du Helder есть hôtel Richemont: гдѣ и хорошо, и дешево, и близко отъ бульвара.

Всегда и всюду Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 12.

Дрезденъ, 27 Августа (8 сентября) [1860 г.].

Вчера я прикатилъ по поспѣшному поѣзду съ Яковомъ Карл. [овичемъ]¹⁾ въ Дрезденъ, пробывъ два съ половиною дня въ Парижѣ и вчера же узрѣлъ Вашихъ въ вождѣлѣнномъ здоровьѣ и спокойствіи, ожидающихъ Васъ. Я вручилъ имъ 3 золотыхъ монеты, въ коихъ, сколько я могъ замѣтить, онѣ нуждались, ибо, взявъ ихъ, воскликнули: „теперь мы опять богаты“. Хозяйскими деньгами онѣ воспользоваться не могли, ибо должны были заплатить хозяйкѣ 1-го Августа за Сентябрь, а далѣе за Октябрь, имъ денегъ оставлено Вами не было. Очень можетъ быть, что имъ понадобится немного и еще (я впрочемъ навѣрное не знаю), то я предложу имъ своихъ, но онѣ такъ деликатны, что, пожалуй, моимъ предложеніемъ не воспользуются, въ такомъ случаѣ, въ первомъ Вашемъ письмѣ, уполномочьте ихъ или предпишите имъ взять у меня, а меня онѣ не послушаютъ.

Главная цѣль этого моего письма—поздравить Васъ, почтенный другъ мой, съ днемъ Вашего тезоименитства и пожалѣть, что мы всѣ не вмѣстѣ. Мы постараемся здѣсь подкрѣпить въ этотъ день особеннымъ образомъ наши силы пищею и питіемъ, а если можно, то и прогулкою, хотя на послѣднее надежды мало, ибо вчера лилъ безотрадный дождь, а сегодня пасмурно и свѣжо, такъ что Ваши скучаютъ, не только по Васъ, но даже и по Россіи. Потомъ мнѣ хочется сказать слова два о Парижѣ и объ отели, въ которой я останавливался, и въ которой вѣроятно остановитесь и Вы. Я немного наклеветалъ на нее: она, правда, смотреть не изящно, но въ ней есть порядочныя и даже немного щеголеватыя комнаты, какъ я потомъ увидѣлъ, особенно если Вамъ достанутся №№ 9 или 13: я ихъ видѣлъ, они даже съ нѣкоторыми претензіями на роскошь. Вы только дня за два напишите.

¹⁾ Гротомъ, извѣстнымъ ученымъ.

A Madame Maugée, rue de Richelieu, 22. Paris.

А я ей далъ Ваше имя и она будетъ ждать. Я уже писалъ Вамъ, что она поможетъ Казиміръ Казиміровичъ во всѣхъ ея покупкахъ и много сбережетъ времени и денегъ.

Отъ этой отели ровно пять шаговъ до двери Палерояля: изъ задней двери отели Вы, мимо 23 номера какого-то магазина, очутитесь въ одной изъ галлерей Палерояля, гдѣ между прочимъ въ одномъ изъ *пятидесятихъ номеровъ* есть табачная лавка: тамъ можно купить менѣе скверныхъ сигаръ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Еще есть въ улицѣ St.-Hippolyte, противъ Палерояля и близехонько отъ отели табачный магазинъ à la Civette (M-me Maugée покажетъ), тамъ продаются наименѣе скверныя сигары, но не по мелочи, а не менѣе 25 штукъ (тѣ что я вамъ оставилъ, уѣзжая).

Теперь скажу Вамъ кое-что о пути отъ Парижа до Дрездена. Сдѣлайте, какъ я совѣтовалъ т. е: возьмите билеты до самаго Дрездена и поклажу тоже отдайте до-туда же: Вамъ въ Кёльнѣ придется только ее показать въ Таможнѣ; но тамъ это дѣлаютъ въ одну минуту. На Бельгійской границѣ у Васъ отберутъ даже и *sac-de voyage* и отдадутъ въ Кёльнѣ. Одинъ, самый поспѣшный поѣздъ идетъ изъ Парижа *въ 7 часовъ утра*, привѣзжаетъ въ Кёльнѣ въ половинѣ седьмого вечеромъ, а *въ четверть осьмаю* идетъ далѣе всю ночь и утромъ въ половинѣ двѣнадцатаго приходитъ въ Дрезденъ. Въ Магдебургѣ надо перемѣнить вагоны.

Билеты въ Парижѣ до Дрездена стоятъ: 1-го класса 147 *франковъ*, кромѣ багажа (за багажъ немного), а другіе билеты, называемые *mixtes* т. е. смѣшанные (до Кёльна 1-го класса, а отъ Кёльна до Дрездена 2-го) стоятъ 122 франка съ человѣка. Но это уже не такъ покойно, потому что въ 1-мъ классѣ можно надѣяться ѣхать по Германіи однимъ и слѣдовательно спать.

Второй поѣздъ идетъ изъ Парижа *вечеромъ* (кажется, *въ 8 часовъ*—навѣрное не знаю) и приходитъ въ Дрезденъ на другой день *въ часъ ночи*. Вотъ все, о чемъ мнѣ хотѣлось Вамъ сообщить. Гротъ черезъ день уѣзжаетъ и проситъ Вамъ поклониться. Онъ ѣдетъ черезъ Кенигсбергъ и Тильзитъ, потомъ водой до Ковно по Нѣману, а въ Ковно въ мальпость. Я прошу его написать мнѣ изъ Ковно, каковъ этотъ путь и не лучше ли ѣхать такъ, чтобъ избѣжать Варшавы и свиданія съ.....

До свиданія—всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

Изъ Вашего письма, полученнаго вчера при мнѣ, Екатерина Алекс.[андровна] прочла, что Вы дали себѣ еще день *отдыха*: несчастный трусливый другъ! за чѣмъ украли у себя золотникъ здоровья! А каково теперь море: кланяйтесь ему!

Кланяюсь Вамъ усердно Казимира Казиміровна и прошу поклониться хозяевамъ.

№ 13.

[1861 г.].

Не хотите ли, вселюбезный и привередливый другъ, пожаловать завтра (въ Четвергъ) въ половинѣ пятаго на Стекланый Заводъ и не принесете ли, кромѣ своего собственнаго, еще и аппетитъ Саша, ибо будетъ всепреждевременно *борщъ*, съ участіемъ малороссійскихъ сосисокъ, утки и проч.?

Кромѣ борща, будутъ Ник. Петровичъ Боткинъ и Ребиндеръ [Н. Р.].

Мих. Алек. [Языковъ?], самъ вызвался вручить Вамъ эту записку: мы съ нимъ хозяева.

Будутъ еще Панаевъ [И. И.], Некрасовъ [Н. А.], и больше никого.

Вашъ

Среда.

Гончаровъ.

№ 14.

Понедѣльникъ. [3 Апрѣля 1861 г.].

Сегодня былъ у меня Лъховскій ¹⁾ и сказалъ, что онъ зѣло радуется нашему намѣренію быть у него во Вторникъ т. е. завтра и будетъ съ нетерпѣніемъ ждать насъ; придутъ къ нему и Майковы.

¹⁾ Возможно, что здѣсь говорится объ Ив. Ив. Л—ъ, въ 1861—1862 г.г. начальникъ типографіи морского министерства, повидимому хорошо знакомъ Майковыхъ, о чемъ можно заключить изъ свѣдѣній въ Записк. и Дневн. Никитенка, подъ датою 4 Апрѣля 1861 г. (гдѣ какъ разъ упоминается о вечерѣ, на который собирается Г.), а главнымъ образомъ изъ только-что напечатанной переписки Гончарова съ Е. В. Толстой, подъ редакціей П. Н. Сакулина, въ „Голосѣ Минувшаго“, 1913 г. №№ 11 и 12. Это же лицо упоминается у Никитенка еще только одинъ разъ: „1861 г. Мая 5. Вечеромъ были Гончаровъ, Краевскій, Лъховскій и др.“. Въ Дневн. Никитенка передъ фамиліей Л—аго редакторомъ изданія г. М. Лемке поставленъ инициалъ „П“.

Но Вы, не забудьте, здоровеннѣйшій и непроходимѣйшій привередникъ, что во Вторникъ же, въ 1-мъ часу мы съ Вами пойдемъ къ фотографу и я Васъ утромъ ожидаю къ себѣ.

Сѣверные, неувядающіе Цвѣты при семъ возвращаются въ Вашъ книжный, запущенный вертоградъ.

До свиданія

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 15.

Дрезденъ 4/16 Мая 1861 г.

О Вы, неумѣющій найти необходимое, обращающій мгновенно въ тряпье новое платье и многими подобными свойствами, преимущественно же привередничаньемъ обладающій, но мудрый мой другъ Александръ Васильевичъ! Гдѣ Вы теперь: способствуете ли къ сгущенію петербургской атмосферы, или оmyваете уже, токмо свою спину, въ волнахъ Либавскаго рейда? Гдѣ бы Вы ни были, все равно шлю Вамъ свой привѣтъ, съ глубокою завистью въ томъ, что Вы сидите лѣниво развалиясь, съ правомъ безнаказаннаго привередничанья, безъ суеты и возни съ чемоданами, безъ опасенія опоздать на желѣзную дорогу, остановиться въ скверной гостинницѣ etc, etc, все, что испытываю я, не наслаждаясь ни новизной путешествія, ни впечатлѣніями, уже притупившимися. Одно только и осталось мнѣ благо, благо заниматься покупками, чѣмъ я и пользуюсь, увы, одинъ!

На третій день въ понедѣльникъ вечеромъ, чему еще не было примѣра, примчалъ насъ Владиміръ въ устье—по мнѣнію петербургскихъ академиковъ—Эльбы, а по мнѣнію шкипера, моему и всѣхъ пассажировъ—Свине, потомъ Одера. Но ночью лоцманъ отказался ввести насъ въ рѣку и мы всетаки попали въ Штетинъ утромъ. Но конецъ концовъ, въ Среду около полудня, я былъ уже въ миломъ Дрезденѣ, въ которомъ пребываю и поднесъ, болѣе по поводу заказа—Вы догадываетесь чего: рубашекъ, пальто, лѣтней визитки и испробованья сигаръ. Послѣднія у Пейера оказались дрянью и я открылъ новый источникъ, который открою и Вамъ, какъ только мы поѣдемъ опять въ Дрезденъ вмѣстѣ.

На пароходѣ я познакомился съ Мещерскими и Карамзи-

ной ¹⁾, дѣвицей уже зрѣлой, но милой, доброй и говорливой. Они понравились бы Вамъ своей простотой, добродушіемъ и отсутствіемъ всякихъ претензій. У нихъ дочь, лѣтъ 18, слаба грудью и ее везутъ въ Швейцарію на сыворотку, а потомъ всѣ ѣдутъ на зиму въ Мадеру.

Меня Вальтеръ ²⁾, согласно Петербургскимъ врачамъ, послалъ въ Карлсбадъ, куда я и поѣду послѣ завтра, а Васъ прошу не оставить меня грамоткой. Софья Александровна наставитъ Васъ на счетъ адреса.

Здѣсь поселяется Я. К. Гротъ, котораго я видѣлъ мелькомъ. Онъ уѣхалъ въ Саксонскую Швейцарію.

Всѣ знакомцы встрѣтили меня съ распростертыми объятіями, не исключая лодочника, перевозящаго меня въ купальню. Божественная кондитерша выходитъ замужъ за пруссака и переселяется въ Берлинъ, гдѣ открываетъ колбасное заведеніе. Вотъ Вашъ Саша порадуетъ: сколько у него въ перспективѣ ея поцѣлуевъ и колбасъ!

Здѣсь и Ильины: дочь достигла апогея своей красоты: свѣжа, здорова, въ голосѣ прибавилось нѣсколько грудныхъ нотъ. Она весела, сказалъ бы игрива, да это нейдетъ къ ея росту.

Вольфсона ³⁾ я не засталъ, онъ уѣхалъ въ Франценсбадъ. Сидя на мѣстѣ я замышлялъ ѣхать и въ Швейцарію, даже въ Италію послѣ водъ, но чѣмъ ближе настаеъ время исполнить это, тѣмъ яснѣе миѣ хлопоты, а душа отказывается принимать впечатлѣнія и я много-много, если совершу обычный путь до Парижа и Булоня и обратно съ клятвою не показываться болѣе за границу, ибо путешествіе не окупается ничѣмъ.

Если возымѣютъ быть какія-либо новости на нашемъ политическомъ, служебномъ и прочихъ горизонтахъ, немедленно просвѣтите меня на счетъ оныхъ. Особенно увѣдомьте о томъ, когда пріѣдетъ Путятинъ, какъ вступить и что? и т. д. ⁴⁾.

Когда будете писать къ Вашимъ, не забудьте упомянуть и мое имя. Затѣмъ, любезный другъ, желаю Вамъ добраго здоровья

¹⁾ Вѣроятно семья публициста и беллетриста, кн. В. П.; писатель по матери внукъ Н. М. Карамзина.

²⁾ См. выше.

³⁾ Уроженецъ Одессы; въ 1862 г. въ Дрезденѣ началъ издавать „Russische Revue“.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о вновь назначенномъ министрѣ народнаго просвѣщенія, гр. Е. В. Путятинѣ, смѣнившемъ К. П. Ковалевскаго.

и мужественнаго погруженія не токмо спины но и ушей въ либавскія волны—и остаюсь всегда неизмѣнно Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 16.

Маріенбадъ, 29 Іюня, (10 Іюля) 1861.

На крыльяхъ воображенія же спѣшу Вамъ навстрѣчу, непроходимѣйшій привередникъ, и ловлю Васъ за полу, хотя новаго, но уже измятаго пальто, на границѣ Пруссіи и Саксоніи и несмотря на толчки и щелчки, получаемые яко бы (тоже въ воображеніи) Вами по ночамъ, влеку Васъ далѣе и далѣе, на дно бездны разврата, въ самую Богемію, гдѣ курятся, хотя не менѣе Либавскихъ, скверныя сигары, но гдѣ на самой границѣ встрѣчаютъ Васъ статныя, полногрудыя, власообильныя, свѣтлоокія, непохожія на полоротыхъ саксонокъ, славянскія дѣвы, съ ужасомъ и омерзѣніемъ срываютъ съ Васъ онѣ толстую срачицу и ввергаютъ въ желѣзистыя воды цѣлительныхъ источниковъ, потомъ ведутъ на горы, показываютъ цвѣтушія долины, увеселяютъ слухъ напѣвами богемскихъ пастуховъ и т. д. и т. д. Вы тамъ наслаждаетесь видомъ не менѣе Альбы—рыжаго моря; а я купаюсь въ морѣ зелени. Милый Маріенбадъ—есть ничто иное, какъ одинъ огромный цвѣтушій садъ, паркъ, окруженный холмами, покрытыми здоровымъ, сосновымъ лѣсомъ. На высотахъ разбросаны павильоны, дорожки, аллеи, лѣса—усѣяны большими, все такими Богъ съ ними, здоровенькими, изъ коихъ я наихудошавѣйшій... Табль-д'оты обилуютъ форелями, телячьими почками, говяжьими филе и компотами: ни вина, ни пироговъ, ни иныхъ развратныхъ блюдъ нѣту. Но есть променада, съ рядами лавокъ: я, равнодушный и унылый, прохожу мимо, ибо нѣтъ около меня того сладостнаго друга, того безпощаднаго, когда надо зацѣпить лѣнь, діалектика и того великаго привередника, съ которымъ мы медленно и мудро обтекали Дрезденскія и Булонскія торжища, углубясь въ дѣло пріобрѣтенія сигаръ, стереоскоповъ и другихъ назидательныхъ и высокихъ предметов!

Карлсбадъ есть ничто иное, какъ тлетворная, глубоко—разверстая, темная пасть чудовища, на днѣ коей кипятъ и бушуютъ горячіе пары, такъ что во мнѣ шевелится догадка, не здѣсь ли были врата адовы, куда пропадалъ Улиссъ, а за нимъ и Телемакъ. Я прожилъ день и бѣжалъ отъ этого тартара,

въ которомъ въ настоящую минуту поселился бывший Вельзевулъ — Клейнмихель [П. А.] ¹⁾. (А здѣсь теперь — Позень, [М. П.] ²⁾, тоже исчадіе ада, и вашъ другъ — поздравляю?) Я бѣжалъ сюда и живу въ зелени, проживу еще недѣли двѣ, а тамъ, а тамъ . . . міръ Божій великъ, но прогоны мои малы и потому не знаю, поѣду ли даже въ Швейцарію, ибо оттуда великъ скачокъ въ Булонь, гдѣ надлежитъ мнѣ быть. Когда рѣшу, куда ѣхать, тогда къ Вамъ и напишу на петербургскую Вашу квартиру, дамъ адресъ и попрошу утѣшить меня еще письмомъ.

Я собрался было въ Швейцарію вдвоемъ съ однимъ русскимъ, дѣйств. ст. сов... ³⁾. Онъ радовался, дѣлалъ со мной планы ѣхать на Рейнскій водопадъ, потомъ на озеро 4-хъ кантоновъ и т. д. А между тѣмъ въ три недѣли успѣлъ здѣсь влюбиться, чортъ его возьми, въ замужнюю женщину. И какъ любовь уѣзжаетъ въ Дрезденъ, то и влюбленный дѣйств. ст. совѣтникъ (съ краснымъ носомъ и еще болѣе таковыми щеками) стремится на этотъ чортовъ мостъ любви, гдѣ и желаю ему провалиться въ самый глубокой ледникъ.

Что мой бывший отецъ и командиръ отказался отъ предлагаемаго ему поста — это дѣлаетъ ему великую честь. Онъ добросовѣстенъ, скромнъ, отътого и не принялъ дѣла, котораго бы не вынесъ на своихъ плечахъ. Онъ отъ этого выиграетъ спокойствіе, не потеряетъ своей репутаціи, другіе всѣ тоже ничего не потеряютъ, кромѣ развѣ немножко меня ⁴⁾. Но мои дѣла въ семъ мірѣ, кажется, кончены и я

¹⁾ Извѣстный государственный дѣятель, пользовавшійся особымъ довѣріемъ и расположеніемъ Императора Николая I; въ обществѣ же къ нему относились съ крайнимъ несочувствіемъ, что выразилось въ шумной радости по случаю его паденія по вступленіи на престолъ Императора Александра II.

²⁾ Еще при Николаѣ I былъ отставленъ отъ службы; на первыхъ порахъ дѣятельности Ростовцева по крестьянской реформѣ былъ къ нему близокъ и имѣлъ даже шансы быть м-ромъ финансовъ; будучи полтавскимъ помѣщикомъ, попалъ въ число членовъ-экспертовъ редакціонныхъ комиссій, гдѣ прославился энергичнымъ отстаиваніемъ помѣщичьихъ интересовъ. Ранѣе того имъ была представлена обратившая на себя вниманіе записка по крестьянскому вопросу. Зная Позена рѣзко отзывались о его нравственныхъ достоинствахъ.

³⁾ Фамилія тщательно зачеркнута.

⁴⁾ Здѣсь Г., повидимому, говоритъ о назначеніи гр. Путятина м-ромъ народн. просвѣщенія; назначеніе это, какъ было указано выше, все же состоялось. Слова „бывшій отецъ и командиръ“ должны въ такомъ случаѣ напоминать о времени плаванія на фрегатѣ „Паллада“ (1852—1855 г.г.),

не знаю, какъ мнѣ дальше быть и чѣмъ заняться. Софья Алекс[андровна] не хочетъ вѣрить (да и какъ ей повѣрить въ ея лѣта?) что настанетъ время, когда писать романы становится невозможно, не по лѣни или другой подобной гнусности, а просто потому, что отживешь время. Эдакъ бы Россини ¹⁾ писалъ да писалъ до сихъ поръ, а вонъ—молчать—и даже отказался, по приглашенію Англичанъ, написать какой-то маршъ. Россини! а ужъ намъ грѣшнымъ, съ нашей лимфой, апатіей, геморроями и слабенькими, блѣдными талантами—и подавно простибельно.

Прощайте, любезный другъ, сей часъ получилъ съ Рейна письмо отъ одной путешественницы: манить въ Швейцарію. Не знаю, какъ.

Обнимаю Васъ, дружески влечусь Вашимъ и остаюсь, т. е. хочу остаться непремѣннымъ членомъ въ памяти Вашего сердца.

П. Гончаровъ.

Брюхо у меня меньше, но лобъ еще желтъ, а щеки зеленаты.

Я бы хотѣлъ теперь подсмотрѣть, по прошлогоднему ли Вы отдѣлываетесь діалектикой отъ купанья, едва удостоивая погружать въ море задъ? Бѣдная Софья Ал[ександровна]! Гдѣ ей сладить съ Вами? Вамъ нужно два палача и орудіе казни, тѣлешку. Развѣ няня возьметъ на себя эту должность.

№ 17.

Интерлакенъ, 20 іюля (2 августа) [1861 г.]

Я не путешествую, я не лечусь, я не работаю, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, а до сихъ поръ веду рядъ безпечныхъ, почти веселыхъ, почти даже счастливыхъ дней.

когда Г. былъ командированъ для исправленія должности секретаря при упоминаемомъ Путятинѣ (вице-адмиралъ, впоследствии адмиралъ и графъ)—начальникъ экспедиціи, цѣлю которой было завязать торговныя сношенія съ Японіей. Путешествіе описано въ извѣстныхъ очеркахъ „Фрегатъ Паллада“. Надежды, высказываемыя Г-мъ въ этомъ письмѣ относительно Путятина, не оправдались и хорошій морякъ не приобрѣлъ такой же славы на посту министра народнаго просвѣщенія, пробывъ имъ очень недолго.

¹⁾ Знаменитый композиторъ, авторъ „Вильгельма Телля“ и „Севильскаго Цирюльника“.

Едва дождавшись четырех-недельнаго срока, я вырвался из милаго, тѣнистаго, но скучнаго Маріенбада и, промчавшись черезъ Баварію, остановившись на день въ Аугсбургѣ, обѣгавъ и осмотрѣвъ этотъ, нѣкогда передовой постъ Римлянъ въ владѣніяхъ Тевтоновъ, потомъ громаднѣйшій базаръ между Европой и Востокомъ, потомъ имперскій городъ и т. д., полюбывавшись на остатки римскихъ зданій, на водопроводъ etc.—черезъ Линдау проѣхалъ къ Рейнскому водопаду, оттуда въ Цюрихъ, Люцернъ и теперь отдыхаю четвертый день, здѣсь гдѣ Вы отдыхали въ прошедшемъ году. Софья Алекс[андровна], изъ письма моего къ ней, скажетъ Вамъ объ общемъ впечатлѣніи, какое произвела на меня Швейцарія. Я живо поддался ему, какъ всегда поддаюсь тому, что меня тронетъ, но чувствую, что скоро утомлюсь и отътого завтра же спѣшу дальше. У меня есть и время и средства осмотрѣть многое здѣсь, но боюсь изнемочь отъ жара, усталости и повредить курсу леченія. Впечатлѣнія же не залегаютъ уже глубоко въ душу, а встревоживъ ее на минуту, испаряются, почти не оставляя слѣда. Это весьма понятное фізіологическое явленіе: пища въ молодомъ, свѣжемъ и здоровомъ организмѣ распределяется извѣстнымъ, правильнымъ путемъ, поступая въ кровь, соки и проч., чтобы поддерживать жизнь, давать ей ходъ и т. д. Идеи, впечатлѣнія, чувства—не то же ли дѣлаютъ въ нравственной нашей природѣ, Г. профессоръ-академикъ? Въ пору силъ, дѣятельности—онѣ послужатъ матеріаломъ для созиданія... А когда организмъ ослабѣетъ, одряхлѣетъ—тогда и не спится, и не ѣстся, зачѣмъ же сочные куски и искрометныя вина? Не помогутъ! Такъ и впечатлѣнія—не послужатъ матеріалами ни къ чему. Словомъ, я убѣдился окончательно, что болѣе уже не скажу никогда ни одного умнаго слова и не напишу ни одной живой строки, поэтому и не волнуюсь никакими, лично до меня касающимися вопросами. Поговоримъ теперь о другихъ вопросахъ. Вы писали, что будто Гр.[афъ] Пут.[ятинъ] отказался отъ своего поста, между тѣмъ *человѣкъ, боящійся умныхъ людей*, какъ Вы его назвали, (теперь онъ здѣсь) сказывалъ мнѣ, что тотъ уже вступилъ въ свою должность, и прибавилъ къ этому, что онъ приближается къ себѣ Кис.[ловскаго А. Е.] ¹⁾ и что „это скверно—для

¹⁾ Съ 1860 г. директоръ канцеляріи м-ва народн. просв. Въ Зап. и Дневн. Никитенка читаемъ: „1861 г. Мая 22. Толки о Ковалевскомъ [бывшемъ м-рѣ], что онъ слабъ характеромъ: оставилъ по себѣ зародышъ язвы, который можетъ отравить все управленіе новаго министра [т. е. Путятина] — Кисловскаго, будто теперь мѣтящаго въ директоры депар-

дѣла и для всего, потому де, что тотъ великій негодяй“ и т. д. Я просто спросилъ его, отъ чего же молъ Вы его не удалили? Онъ отвѣчалъ, что этотъ упрекъ онъ вполне заслуживаетъ, но во 1-хъ, онъ держалъ онаго негодяя въ черномъ тѣлѣ и воли ему не давалъ; во 2-хъ онъ бы позже это и сдѣлалъ, но онъ не думалъ, что долженъ будетъ самъ такъ скоро оставить свое мѣсто; въ 3-хъ, наконецъ—что, еслибъ онъ и удалилъ его, то Гр.[афъ] Пут.[ятинъ] приблизилъ бы его, черезъ племянника, опять къ себѣ. Здѣсь же я опять встрѣтилъ Мещерскихъ ¹⁾: всѣ мы другъ-другу обрадовались. Еслибъ Вы узнали это семейство, Вы непременно полюбили бы его: сколько въ нихъ доброты, мягкости и простоты. У нихъ мнѣ также хорошо, какъ почти у Васъ.

Всѣ они живутъ у Обера, которому я отдалъ Вашъ поклонъ. Онъ очень Васъ помнитъ и спрашиваетъ, отъ чего Вы не пріѣхали. Я изъ Маріенбада путешествую съ однимъ русскимъ московскимъ семействомъ: по пріѣздѣ сюда мы болѣе часа ѣздили и у всѣхъ дверей стучались, чтобы переночевать, но все было занято, наконецъ едва помѣстились въ отели Casino, гдѣ и красиво, и удобно и недорого. Черезъ день Оберъ предлагалъ мнѣ переѣхать, но какъ я черезъ день т. е: завтра уѣзжаю, то и не стоило труда переѣзжать. Выпилъ я сегодня утромъ стаканъ сыворотки, изъ любопытства, и чуть не отдалъ выпитое назадъ. Я еще на діетѣ и потому позволяю себѣ только въ мечтахъ хорошенько пообѣдать въ Парижѣ, а пока печально жую телятину и лакоплюсь компотами.

Въ Парижѣ я надѣюсь быть къ 1-му нашего Августа, а 5-го или 6-го въ Булони. Если благоволите, почтенный другъ, то мало помедливъ, напишите мнѣ въ Булонь, чѣмъ меня несказанно обрадуете. Тамъ я пробуду вѣроятно до 25 Августа, все по нашему же стилю.

Говорятъ, Николай Романовичъ [Ребиндеръ] ²⁾ вышелъ въ отставку, а на его мѣсто Кис.[ловскій]: правда ли это? Каково дѣй-

таamenta м-ва народн. просв.“ И. далѣе—„1861 г. Августа 2..... сообщилъ мнѣ неутѣшительныя вѣсти о нашемъ новомъ м-рѣ (Путятинѣ). Во-первыхъ, Кисловскій опять входитъ въ силу и готовится играть роль, какую игралъ при Норовѣ“. При Путятинѣ Кисл. былъ назначенъ членомъ главнаго управленія цензуры. Подъ его наблюденіемъ находилась „Сѣверная Почта“, редактируемая въ 1862 г. сначала Никитенкомъ, затѣмъ Н. В. Варадиновымъ, а послѣ него И. А. Гончаровымъ.

¹⁾ См. выше.

²⁾ Въ 1861 г. директоръ департамента м-ва народн. просв., большой пріятель А. В. Никитенка.

ствуешь Ефимъ Васильевичъ [Путятинъ]? Любопытно мнѣ видѣть его въ этой роли.

Вернуться домой мнѣ хочется сей разъ пораньше, и именно въ первой половинѣ Сентября, чтобы не засталъ меня холодъ въ пути. Не знаете ли, собирается ли Языковъ (хромой) въ Парижъ: если мы тамъ съ нимъ и съ Боткинымъ ¹⁾ сойдемся, то-то помянемъ Васъ, дражайшій и вселюбивѣйшій другъ. До свиданія, жму Вашу руку, кланяюсь Вамъ и всѣмъ Вашимъ.

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

№ 18.

Булонь, 16 (28) Августа 1861.

Нынѣ, государь мой и вселюбивѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, нахожусь я паки у моря, у окіана и симъ великимъ зрѣлищемъ столь много веселюсь, что ничѣмъ инымъ сего выразить не могу, токмо слезами.

Хощу зѣло вамъ, государь мой, вѣсть о себѣ дать, тѣмъ паче, что она, чаю, будетъ послѣдняя до возвращенія моего въ отечество.

Здѣсь все, скажу Вамъ, идетъ по старому: также живо и суетно все на набережной, также толпой идутъ купальщичи на побережье, гдѣ ласково встрѣчаетъ ихъ Паранти ²⁾; та же старуха раздаетъ подштанники и кофты. И устрицы продаются на томъ же мѣстѣ, и песъ Гекторъ, по прежнему, принимаетъ отъ прохожихъ су и покупаетъ себѣ сухари; тотъ же пѣвецъ неистово оретъ въ харчевнѣ, леди и миссъ также, распустя мокрые волосы, бѣгутъ съ купанья завтракать. Только іудейка перчаточница заболѣла и увѣхала лечиться и вмѣсто себя, посадила въ лавкѣ сестру, которая еще съ большимъ остервенѣніемъ примѣриваетъ покупателямъ перчатки. Что касается до Мартыновны, то хотя она и предсѣдательствуетъ по прежнему, въ своемъ заведеніи, но ввортъ ея унылъ, голова склоняется долу и кудри печально осѣняютъ носъ, по коему иногда катится слеза. Я спросилъ ее о причинѣ сей печали

¹⁾ Вас. Петровичъ. Г-нъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ нѣсколькими братьями Боткиными.

²⁾ Купальщичъ.

и она повѣдала мнѣ, что сынъ ея, единственное чадо, женится на дѣвушкѣ зазорнаго поведенія, торгующей башмаками, что не разъ она, мать, отвлекала его отъ подобныхъ намѣреній, но что онъ сынъ, зѣло блудный и склонный къ женскому полу, паче пса Гектора, на сей разъ ничему не внемлетъ, требуетъ отъ нея, матери, 15 тысячъ франковъ и заключаетъ сей постыдный бракъ. Но она, не желая сего позора, продаетъ кофейню, беретъ свои капиталы и удаляется въ дикую пустыню доживать старые дни. И такъ все по старому, только сей годъ почему то отецъ Бажановъ [В. Б.] ¹⁾ не пріѣхалъ, да еще нѣтъ со мною того непроходимаго привередника, коего я ввергалъ въ прошломъ году насильственно въ океанъ, что причиняетъ мнѣ печаль немалую. Я сиротою расхаживаю по океану и нынѣ въ дванадесятый разъ мѣрялъ съ нимъ свои силы и увидалъ, что онъ гораздо сильнѣе меня, ибо былъ поверженъ имъ на песокъ, съ наплеваниемъ мнѣ въ ликъ и затылокъ многой пѣны.

Свелъ я знакомство здѣсь съ протестантскимъ пасторомъ и женою его, зѣло красивою леди. Много спорятъ они со мною о томъ, что якобы мы грѣшимъ передъ Богомъ, поклоняясь Божьей матери, что сего ни въ Библии, ни въ Евангелии и ни въ какихъ другихъ писаніяхъ не указано, что Апостолы не молились ей—и многія тому подобныя грѣшныя рѣчи держать. А что отвѣчать имъ на то, я не знаю.

На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прошлый годъ комедію играли о Св. Антоніи и о томъ, какъ его якобы бѣсъ искушалъ, представляютъ нынѣ иное богопротивное зрѣлище, а именно всю исторію І. Х., какъ его ведутъ на распятіе, какъ Онъ молятся въ вертоградѣ, потомъ несетъ крестъ, а потомъ воздымаютъ и распятіе, въ заключеніе же Онъ воскресаетъ. Все это представляютъ нѣкіе дюжіе мужики, а баба Божію мать представляетъ, другая же Марію Іаковлеву, все въ живыхъ картинахъ и пантомимой. Зѣло грѣшно и противно; при семъ и музыка играетъ, и бубны бьютъ.

Побывъ мало здѣсь, дней пять, да дней пять въ городѣ Парижѣ, направляю путь свой на Берлинъ.

Желаю бы знать, какъ Вы всѣ обрѣтаетесь, въ добромъ ли здоровьѣ? Кланяюсь много Государынямъ Казиміръ Казиміровнѣ, Екатеринѣ и Софьѣ Алек.[сандровнамъ], а также и лютму

¹⁾ Протопресвитеръ, придворный духовникъ, профессоръ и почетный членъ академіи наукъ.

шалунищу Александру. Бью много челомъ и государю моему Марку Николаевичу ¹⁾. А затѣмъ до свиданія, дерзаю обнять Васъ. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 19.

30 Августа [1861 г.]

Сегодня, по обычаю, я собрался было къ Вамъ, любезнѣйшій именинникъ Александръ Васильевичъ, чтобы хоть часъ-другой провести на Вашемъ семейномъ праздникѣ: но хлынулъ дождь и превратилъ праздникъ въ будни, тепло въ холодъ—и я остался, бояясь усилить въ вагонѣ ревматическую боль въ ногахъ, которую успѣлъ нажить по прїѣздѣ сюда, вмѣстѣ съ осеннимъ расположеніемъ духа.

Все это не мѣшаетъ однако мнѣ этими строками напомнить Вамъ о моемъ существованіи, поздравить Васъ и Вашихъ съ имениннымъ праздникомъ—и въ заключеніе сказать, что я есмь, былъ и буду искренно преданный Вамъ

И. Гончаровъ.

№ 20.

На рецензію Обломова въ Сѣверной почтѣ рассчитывать не дерзаю, но на нѣсколько строкъ, на краткій отзывъ, который бы напомнилъ публикѣ о второмъ изданіи надѣяться буду, любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

И какъ теперь дѣло идетъ не столько о моей литературной репутаціи, сколько о сбытѣ этого второго изданія, то если Вы благоволите вставить какъ-нибудь слова: что *въ первой части мѣстами сдѣланы сокращенія длиннотъ и кое-идъ слаженъ слогъ, словомъ романъ тщательно авторомъ просмотрѣнъ* (что совершенно справедливо), то это много поможетъ сбыту книги, о чемъ я теперь сладостно мечтаю.—Симъ обяжете великаго Вашего почитателя

И. Гончарова.

Ужѣ, надѣюсь, оба свидимся въ бѣлыхъ галстукахъ.

21 Января 1862 г.

¹⁾ Любоцинскій, въ то время об.-прокуроръ перваго департамента сената, родственникъ жены Никитенка.

№ 21.

Симбирскъ 17 Іюня 1862 г.

Вотъ ужъ второй мѣсяцъ пошелъ, наипочтениѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, какъ я процвѣтаю на берегахъ Волги и въ сію минуту во второй разъ токмо берусь за перо, чтобы напомнить Вамъ объ одномъ изъ отсутствующихъ друзей изъ опасенія, какъ бы не исполнилась надо мной справедливость французской пословицы, что отсутствующіе виноваты тѣмъ, что они—отсутствуютъ (*Les absents ont tort*). Во второй разъ—говорю—потому что въ первый разъ писалъ къ племяннику о домашнихъ дѣлахъ; не знаю, напишу ли кому-нибудь въ третій, ибо всѣ близкіе люди, за исключеніемъ ближайшаго изъ нихъ, т. е. Васъ, тоже отсутствуютъ изъ Петербурга. Самъ я пребуду здѣсь яко два мѣсяца, да и того, кажется, не пребуду, а въ началѣ Іюля, съ сестрою ¹⁾ и ея дѣтьми, потечу Волгой до Нижняго, а оттоль желѣзнымъ путемъ до Москвы, для помѣщенія тѣхъ дѣтей въ пансіонъ, а изъ Москвы, въ концѣ Іюля или въ началѣ Августа потщусь прибыть на свое мѣсто, если только могу назвать какое-нибудь мѣсто своимъ на семъ свѣтѣ. Не трудите себя отвѣтомъ ко мнѣ: опасаюсь, что таковой меня здѣсь не застанетъ, а паче всего зѣло веселюсь упованіемъ пасть симъ же лѣтомъ въ Ваши объятія.

Живу я среди своихъ, собравшихся тѣсною семьей около меня, въ маленькомъ домикѣ, набитомъ, какъ улей, все родными обитателями. Мнѣ тутъ пріютно, привольно, покойно и мирно—скучно. Эту мирную скуку и тихій сонъ души будятъ подъчасъ неистовые, долетающіе оттуда, отъ Вашихъ мѣстъ дикіе вопли, плачъ и скрежетъ зубовъ съ пожаращъ. Что за ужасъ, что за безобразіе! Хотѣлось бы послушать правды, узнать, въ чемъ дѣло, кто, что, какъ? А здѣсь узнать нельзя: газеты на что-то намекаютъ и не договариваютъ, изустная молва горюдитъ такіа чудеса, что береги только уши! ²⁾

Я здѣсь, какъ и вездѣ, ничего не дѣлаю: это, кажется, главное мое призваніе, насилу я догадался, а не дѣлаю ничего, сколько въ силу этого самаго призванія, столько же и по обстоятельствамъ: домикъ, въ которомъ обитаю, такъ малъ, что слово, сказанное въ

¹⁾ Александрой Александровной Кирмаловой.

²⁾ Рѣчь идетъ объ извѣстныхъ петербургскихъ пожарахъ, вызвавшихъ большія волненія, т. к. подозрѣвались систематическіе поджоги, приписываемые тайнымъ политическимъ обществамъ.

одномъ углу, слышно въ другомъ и, мнѣ приходится теперь возобновить нѣкоторыя морскія привычки т: е: засыпать, напримѣръ, иногда, если не подъ шумъ бури, то подъ грохотъ увертюры изъ Вильгельма Телля, разыгрываемой племянницами; или набѣгутъ племянники, коихъ у меня много, и на шумъ, на кричатъ и я кончу тѣмъ, что начну шумѣть самъ, или уйду съ ними на Волгу и въ поля.— Ужъ я теперь окончательно рѣшилъ, что писанье мое минуло безвозвратно и что для меня опять настаетъ пора тяжелаго, служебнаго труда, если только съ Вашею ли, или иною помощью найду случай пристроиться какъ-нибудь. Если же нигдѣ меня не возьмутъ, если никто изъ тѣхъ важныхъ друзей, которые такъ ласковы со мной, пока ихъ о чемъ-нибудь не попросишь, не призритъ меня, то надо будетъ обречь себя на угасаніе, увы, можетъ быть, продолжительное, гдѣ-нибудь въ щели—и прощай благовонныя сигары, прощай Мариенбадъ, Дрезденъ и Булонь: независимое нищенство будетъ моимъ удѣломъ!

„Пиши“ говорятъ, иные лицемерно, а другіе отъ того, что не могутъ отличить канцелярскаго писанья отъ писанья литературнаго.—„Пиши“ твердятъ, когда нельзя писать, когда на носу бури и пожары, отъ которыхъ искусство робко прячется, когда надо писать грязью или вовсе не писать; „пиши“ твердятъ, когда все опротивѣло, на душѣ стоятъ слезы, когда чувствуешь, что пережилъ годы писанья, какъ пережилъ годы страстей и завялъ. Нельзя писать и не стану, развѣ только придется писать докладъ или записку. Забавно слушать, когда воображаютъ, что лѣнь можетъ удержать отъ творческаго дѣла, нѣтъ, не лѣнь—а миллионъ другихъ психологическихъ, фیزیологическихъ и просто логическихъ причинъ.—Всего досаднѣе, что и Софья Алекс. Никитенко, которой, равно, какъ и всѣмъ Вамъ и Вашимъ дружески кланяюсь, полагаетъ, что одной такой пошлой причины, какъ лѣнь, достаточно, чтобъ положить перо человѣку пробужденному и уже бравшемуся за перо. Обнимаю Васъ въ ожиданіи пріятнаго свиданія. Вашъ И. Гончаровъ.

№ 22.

Четвергъ, 18 Октября [1862 г.]

Ал. Гр.¹⁾ проситъ прислать теперь же къ нему *адресъ По-*

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Тройницкій, извѣстный статистикъ; съ нимъ И. А. познакомился въ 1862 г., когда онъ былъ главнымъ редак-

*домская дворянства*¹⁾: повтому потрудитесь, почтеннѣйшій другъ, отослать къ Александру Григорьевичу помянутый документъ прямо отъ себя съ моимъ же разсылнымъ, которому я велѣлъ подождать отвѣта. Вѣроятно Вы уже знаете адресъ, а если нужно что-нибудь для памяти, то не извлечете ли на особую бумажку то, что можетъ понадобится для Вашего соображенія?

№ 23.

Воскресенье. [21 Октября 1862 г.]

Завтра, въ *Понедѣльникъ*, 22 Октября—прежній Главный Редакторъ Сѣверной Почты, въ торжественномъ засѣданіи у *Дюссо* (что въ Большой Морск., въ домѣ Жако), въ 5 часовъ по-полудни, передастъ свои права и обязанности, также цароль (словомъ, все, кромѣ привередничанья) новому редактору²⁾, въ присутствіи редактора Политическаго Отдѣла той газеты, а также Редакторовъ СПБ. Вѣдомостей, Отеч. Записокъ и нѣкоторыхъ другихъ свидѣтелей, нарочно для сего приглашенныхъ новымъ Редакторомъ. Послѣ означенной передачи приступлено будетъ къ совѣщаніямъ о томъ, въ какой степени и размѣрахъ можетъ быть главному редактору предоставлено, при его обязанностяхъ, упражняться въ лѣвн и склонности къ прекрасному полу, — а также и о вѣрнѣйшемъ изысканіи къ тому надлежа-

торомъ „Сѣверной почты“, Г-ий же былъ въ то время товарищемъ м-ра вн. дѣлъ; служебныя отношенія ихъ прекратились въ мартѣ 1867 г., когда послѣдній былъ назначенъ членомъ гос. сов., отношенія же добрыхъ знакомыхъ продолжались и впослѣдствіи до смерти Гр. въ мартѣ 1871 г. Четыре письма Г. къ Гр. напечатаны М. О. Суверанскимъ въ „Вѣсти. Евр.“ 1908 г., № 12.

¹⁾ Дворяне Подольской губерніи въ поданномъ на высочайшее имя адресѣ 10 октября 1862 г. „требовали“ соединенія названной губерніи съ Польшею. Цитируемъ по соч. С. Татищева, Императоръ Александръ II. Т. I, стр. 458. Нѣсколько любопытныхъ строчекъ о подробностяхъ выработки, какъ можно думать, именно этого адреса, находимъ въ воспоминаніяхъ В. С. и О. Ф.-ка—„Изъ Подольской старины“. „Русск. Стар.“, 1911 г. № 12, стр. 547.

²⁾ По приглашенію П. А. Валуева, бывшаго тогда м-ромъ вн. д., Г. во второй половинѣ 1862 г. принялъ на себя главную редакцію официальной „Сѣверной Почты“. Въ слѣдующемъ году (черезъ нѣсколько мѣсяцевъ) онъ уже сложилъ съ себя эти обязанности. См. Никитенко. Записки и Дневникъ. 1862 г. Іюля 7 и 1863 г. Іюня 6. О намѣреніяхъ Валуева, вызвавшихъ появленіе этого органа, см. Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 годовъ. СПБ. 1904, стр. 92.

щихъ способовъ и средствъ. Главнымъ руководствомъ въ семъ случаѣ будутъ приняты совѣты и указанія бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты ¹⁾ и многолѣтняя опытность Редактора С.-ПБургскихъ вѣдомостей ²⁾.

Въ заключеніе новымъ редакторомъ предложено будетъ на общее обсужденіе нѣсколько важныхъ вопросовъ, которыхъ онъ намѣренъ касаться въ издаваемой имъ газетѣ, а именно, о пониженіи платы за сохраненіе шубъ у скорняковъ на лѣтнее время и о неусыпномъ преслѣдованіи бродяжничества собакъ въ ночное время по улицамъ ³⁾.

При окончаніи засѣданія обращено будетъ строгое вниманіе на то, чтобы не произошло умышленнаго обмѣна верхняго платья господъ членовъ собранія.

О вышеозначенномъ симъ доводится до свѣдѣнія Его Превосходительства бывшаго Главнаго Редактора Сѣверной Почты и ожидается благосклоннаго отвѣта.

№ 24.

Мнѣ кажется, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, большая часть недоразумѣнія, между прочимъ, падаетъ и на меня. Александръ Григорьевичъ [Тройницкій]—противъ помѣщенія въ газетѣ адреса, какъ онъ есть, но не прочь отъ краткаго о немъ упоминовенія, каковое упоминовеніе, сколько я могъ его понять, и должно бы подать поводъ къ статьѣ. Я тоже съ своей стороны допускалъ *нѣкоторую, но лухую* цитату на адресъ, такую цитату, которая бы касалась только того пункта, гдѣ говорится о *присоединеніи Западнаго края*, оставляя все прочее рѣшительно въ сторонѣ, ибо все остальное судить не наука, не литература, а Сенатъ, Госуд. Совѣтъ и даже III-е Отдѣленіе. Слѣдовательно, я настаивалъ только на томъ, чтобы отдѣлить бездной авторитетъ газеты, какъ литературнаго органа, отъ авторитета правительственной власти,

¹⁾ Т. е., Никитенка, хотя слѣдуетъ отмѣтить, что послѣ него и до Гончарова главнымъ редакторомъ „С. Почты“ нѣсколько мѣсяцевъ былъ Н. В. Варадиновъ.

²⁾ Т. е. А. А. Краевского, который редактировалъ эту газету въ теченіе десяти лѣтъ (1862—1882).

³⁾ Постоянное раздраженіе, вызываемое у Г—а уличными собаками, выразилось въ нѣсколькихъ любопытныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ Г—мъ въ „Голосъ“ 1864 г., №№ 50 и 124; 1865 г. №№ 1 и 70 и перепечатанныхъ А. Мазономъ въ „Русск. Стар.“ 1912 г. № 3, стр. 555—568.

чтобы они не впали въ одну ноту, чтобы первую т. е: литературу и газету, а съ ними и насъ съ вами, не обвинили въ сообщничествѣ съ уголовнымъ уложеніемъ, поэтому я и настаивалъ, чтобы статья писана была не по поводу адреса, или—если по поводу его, то чрезвычайно осторожно. Вы сами, можетъ быть, съ перваго раза инстинктивно, но и сами чувствовали это, ибо поставили первымъ условіемъ не подписывать имени подъ статьей, тогда какъ—не будь этого несчастнаго столкновенія съ адресомъ—Вы бы не усомнились подписаться.

Вы будете у Алекс.[андра] Григ.[орьевича] и я тоже завтра и послѣзавтра увидаюсь съ нимъ—мы объяснимъ ему все это и, можетъ быть, онъ найдетъ возможнымъ отложить статью до того времени и случая, когда литературѣ можно будетъ произнести и свой судъ, не совпадая съ короннымъ судомъ предержавшей власти надъ этимъ адресомъ, какъ надъ политическимъ преступленіемъ ¹⁾.

И такъ до 5 часовъ у Дюссо (въ верхнихъ комнатахъ).

Всегда Вашъ И. Гончаровъ.

22 октября [1862 г.].

№ 25.

[Октябрь ?] [1862 г.].

Сдѣлайте одолженіе, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, потрудитесь прислать, если Вы дома, теперь же, съ этимъ посланнымъ, а если Васъ нѣтъ, то хотя послѣ обѣда, всѣ *матеріалы по Подольскому адресу въ Редакцію Почты*. При свиданіи объясню, какъ съ ними и съ предполагаемою статьей будетъ, съ согласія Александра Григорьевича [Тройницкаго], поступлено. А теперь такъ некогда, что могу только мысленно Васъ обнять. И. Гончаровъ.

Четвергъ.

¹⁾ Особой статьи объ адресѣ подольскаго дворянства нами въ „Сѣверной Почтѣ“ за время редакторства Г--а найдено не было; только въ № 270 отъ 12 декабря 1862 г. въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, въ статьѣ о депутаціяхъ и письмахъ по поводу совершившагося тысячелѣтія Россіи появилось глухое указаніе на этотъ адресъ въ словахъ: „Начальникъ губерніи [волинской] приписываетъ общее настроеніе къ представленію вышеупомянутыхъ писемъ желанію заявить такимъ образомъ протестъ противъ стремленій, выраженныхъ въ противузаконномъ всеподданнѣйшемъ прошеніи подольскаго дворянства состоявшемся на послѣднихъ выборахъ“.

№ 26.

Вторникъ. [Октябрь ?] [1862 г.].

Пожалуйста, Александръ Васильевичъ, не говорите ничего Арсеньеву [И. А.] ¹⁾, не повидавшись со мной: Вы увидите, что это необходимо. Я еще слышалъ кое-что о немъ, послѣ чего всякіе разговоры дѣлаются бесполезными. Дай Богъ, чтобъ это были обыкновенныя сплетни, но все-таки надо быть осторожнымъ.

Посылаю Вамъ Отеч. Зап., гдѣ въ *Современной Хроникѣ* задѣта Почта, Вы, я и многіе другіе ²⁾. До свиданія. Вашъ

И. Гончаровъ.

Если у Васъ есть уже прочитанные журналы, то передайте ихъ разсылному, а онъ отнесетъ въ редакцію.

№ 27.

[1862 или 1863 г.].

Вотъ, прилагаю при этомъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, одну изъ трехъ тетрадей Г. Ржевскаго [В. К.] ³⁾: ихъ всѣхъ было три; двѣ уже напечатаны и листки отъ нихъ не найдутъ въ типографіи, которая, какъ извѣстно, переѣзжаетъ, а если найдутъ, то будутъ къ Вамъ доставлены.

Эти три тетради переданы были мнѣ Г. Варадиновымъ [Н. В.] ⁴⁾ уже съ намѣченными карандашемъ исключеніями и прочтены мною только въ корректурѣ, слѣдовательно, если авторъ будетъ ими недоволенъ, то мнѣ нельзя его успокоить даже объясненіемъ причинъ этихъ исключеній въ цензурномъ отношеніи.

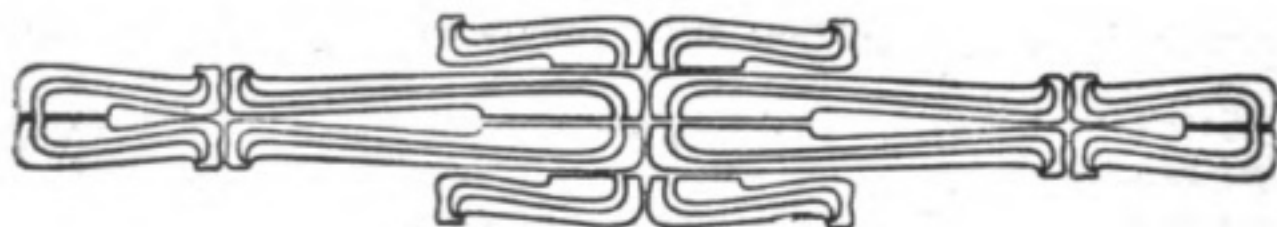
(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Сотрудникъ и одно время редакторъ политическаго отдѣла „Сѣверной Почты“. Впослѣдствіи (въ 1865—1866 г.г.) редактировалъ „Петербургскій Листокъ“, а съ 1867 г. открылъ свою собственную „Петербургскую газету“.

²⁾ Въ „Отеч. Зап.“ 1862 г., въ томѣ 144, вышедшемъ въ октябрѣ, въ отдѣлѣ „Современной Хроники“ на стр. 49—50 говорится съ ироніей объ объявленной „Сѣверною Почтою“ программѣ.

³⁾ Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Сѣверной Почты“, состоявшій нѣкоторое время редакторомъ отдѣла внутренней лѣтописи.

⁴⁾ Въ 1862 г. послѣ Никитенка, до Гончарова былъ редакторомъ „Сѣверной Почты“. Съ 1863 г. состоялъ членомъ въ учрежденномъ П. А. Вагуевымъ совѣтѣ м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія, въ составѣ котораго былъ также Никитенко, а нѣсколько позднѣе и И. А. Гончаровъ.

Встрѣча.

(Изъ воспоминаній портъ-артурца).

Было далеко за полночь. Холодная промозглая петербургская ночь давала себя чувствовать. Порывистый вѣтеръ, врывающійся въ прямыя линіи улицъ Васильевского острова, ударялъ въ вывѣски, окна и налеталъ на прохожихъ. Мигающія звѣздочки, переливаясь, смотрѣли на запоздалыхъ пѣшеходовъ, унылыхъ, какъ эта ночь, и дразнили ихъ своимъ блескомъ. Фабіанъ Ѳедоровичъ только-что покинулъ своихъ друзей. Очутившись среди теми и пронизывающаго до костей холода, онъ закутался въ свою шубу и быстро зашагалъ по переулку, гдѣ фонари бросали свѣтъ возлѣ себя. Идя по темному переулку, онъ только теперь могъ свободно, не горячась, обсудить неправильность ходовъ послѣдняго робера, гдѣ онъ на маломъ шлемѣ остался безъ трехъ. Страстный любитель винта и довольно порядочный игрокъ онъ долго не могъ простить себѣ своей ошибки, за что, конечно, поплатился деньгами,—играли по крупной. Чтобы сократить путь, мой пріятель повернулъ налѣво. Поворачивая за уголъ, онъ наткнулся на извозчика, который, сидя на козлахъ и опустивши голову, какъ бы дремалъ, а вся его съезжившаяся фигура казалась въ темнотѣ какимъ-то чернымъ комомъ. Но извозчикъ не дремалъ и могъ ли онъ въ такую страшную ночь дремать, когда она ему напомнила прошлое и передъ нимъ воскресли картины боя и человѣческія страданія. Та ночь была такая же темная, также бушевалъ порывистый холодный вѣтеръ...

Извозчикъ, сидя на пролеткѣ, переживалъ прошлое такъ реально, такъ живо, что ему казалось, что онъ въ окопѣ, а не на козлахъ и въ рукахъ у него не возжи, а винтовка, а тощая лошаденка, которая довольна продолжительной остановкой—его

врагомъ, которому онъ всадилъ въ животъ штыкъ и всей грудью навалился на японца, стараясь по самую шейку штыка вогнать его въ безусаго мальчишку, еще мало познавшего жизнь, но полного сознанія ради блага страны жертвовать ею. Лошаденка отъ холода вздрогнула, извозчикъ натянулъ возжи и съ такимъ остервенѣніемъ, какъ будто онъ вытащилъ окровавленный штыкъ изъ трепетавшей жертвы, которая грохнулась, выпускающая изъ рукъ винтовку...

— Много въ эту ночь я взялъ на свою душу грѣха... Господи прости... зашептали уста, сидящаго на козлахъ и онъ чуть не свалился.

— Извозчикъ, на Лиговку!

— Пожалуйста, баринъ,—очнувшись отъ своихъ мыслей и весь встрепенувшись, сказалъ извозчикъ.

— Сколько?

— Пожалуйста, дорого не возьмемъ!

Фабіанъ Ѳедоровичъ сѣлъ. Закутавшись еще плотнѣе, онъ теперь, кромѣ согнувшейся фигуры извозчика, ничего не видѣлъ.

Проѣхавъ темный переулочекъ и выѣхавъ на четвертую линію, извозчикъ, время отъ времени, сталъ поворачиваться въ полоборота къ моему пріятелю, какъ бы желая его вызвать на разговоръ. Но Фабіанъ Ѳедоровичъ упорно не желалъ обращать вниманія на его полуобороты и согнувшуюся фигуру.

— Холодно, баринъ,—не вытерпѣлъ и какъ бы жалѣя поведенія сѣдока, спросилъ извозчикъ.

Моему другу не хотѣлось отвѣчать: „Перекинься словомъ, и разговоръ начнется, наши извозчики любители съ запоздалыми сѣдоками разговаривать“,—подумалъ мой пріятель.

— Эхъ, баринъ, не унимался извозчикъ,—вы вотъ штатскій. Вамъ сегодняшняя ночь, что вчерашняя, все единая и не понятная. Я до васъ часа два страждался, не то чтобы страждался, а такъ переживалъ значить, вспоминалъ страшныя минуты. Сидя вотъ на эфтихъ козлахъ, мнѣ казалось, что я въ страженіи. Ночь была точь въ точь такая же: вѣтеръ вылъ, кругомъ гудѣли орудія, стонали и умирали солдатишки, и у меня отъ эфтова душа ныла, вырывалась наружу, а сердце раздирало на куски, ну словно внутрѣ у меня окопъ былъ, вотъ и теперь то же самое...

— Я, баринъ, въ Портъ-Артурѣ былъ.

При послѣднемъ словѣ мой пріятель привскочилъ, насторожился, и эта ночь теперь встала передъ нимъ, словно вчерашній день. Человѣкъ на козлахъ всколыхнулъ прошлое, потревожилъ

еще не зажившія гноящіяся раны и заставилъ каждое слово извозчика, пережившаго осаду, сналету хватать.

— Десять дней насъ японцы засыпали снарядами,—продолжалъ онъ,—сегодняшнюю ночь полѣзли на насъ цѣлыми колоннами. Что было, не приведи Богъ...

— Въ какомъ же ты полку былъ?—сгорая отъ любопытства и нетерпѣнія, спросилъ мой пріятель и, затаивъ дыханіе, впился въ его фигуру, ожидая отвѣта.

— Я-то!?—переспросилъ извозчикъ и добавилъ.—Да вамъ-то, баринъ, не все ли равно? Вы штатскій, въ полкахъ не разберетесь. Былъ въ Портъ-Артурѣ и все,—закончилъ съ ноткой гордости и раздраженія извозчикъ. а затѣмъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ.—Нашъ полкъ что ни есть въ самомъ пеклѣ былъ, на сѣверо-восточномъ фронтѣ, подъ Орлинымъ Гнѣздомъ. Въ аду, я думаю, мнѣ будетъ легче, чѣмъ тамъ было. Эти самые косоглазые лѣзли, словно муравьи, и откуда только они брались...

Умолкъ извозчикъ, и погрузился въ мысли не столь отрадныя, мой другъ. Дѣйствительно, что какъ не прошлое тяжелое, можетъ больнѣе встревожить людей, сильнѣе ударить ихъ по сердцу и заставить снова переживать. Такъ было и съ этими двумя затерявшимися, между громадинъ петербургскихъ домовъ, страдальцами, и еще не отраднѣе имъ было, когда сдача явилась темнымъ пятномъ на свѣтломъ фонѣ лѣтописи героизма.

— Такими колоннами шли—началъ онъ послѣ минутной остановки,—что всѣ пригорки, лощины, покрыли своими тѣлами: нашъ 14-й полкъ работалъ на славу...

„Не ослышался ли я, не сонъ ли это“, мелькнула мысль у моего пріятеля. „Нашъ 14-й полкъ...“

Цифра 14, словно электрическій токъ, заставила его подняться и слегка выпрямиться. „Нѣтъ, это не сонъ. Вотъ Исаакіевскій соборъ, вотъ Морская. Поворотъ направо и ровная полоска огней Невского...“

— Въ какой же ты ротѣ былъ? волнуясь, съ дрожью въ голосъ, спросилъ Фабіанъ Ѳедоровичъ, и тамъ, гдѣ-то глубоко у него начало стучать, онъ ясно слышитъ удары сердца, чувствуетъ, что къ вискамъ приливаетъ кровь и голова становится тяжелѣе. Еще моментъ, и онъ свалился бы съ пролетки, но высокая фигура на козлахъ съ презрѣніемъ бросила фразу:

— Штатскій вы, баринъ, чай въ ротахъ-то тоже мало мыслите?—въ 3-й ротѣ, по счету отъ первой, былъ я. Всю осаду пробылъ при ней. Три раза былъ раненъ. Одинъ разъ въ жи-

вотъ—затянуло, другой въ ногу, третій разъ въ руку, это легкая рана, пальцы не много скурчило, но ничего, возжи и кнутъ держать могу, а вотъ тяжелое поднимать не въ силахъ, изъ руки такъ и валится, словно кто ударяетъ по ней. Совсѣмъ безсильная стала. Эхъ, штатскій вы баринъ,—добавилъ онъ, стегая лошаденку,—кабы военный, поняли бы все. Вотъ вы вѣрно на меня за эфто обижаетесь, коли молчите, право, я... Вотъ примѣрно теперь про себя сказать. Вѣжу я по петербургскимъ улицамъ, сижу на козлахъ, а кто знаетъ, что я артурецъ? Никто. Да оно и лучше. Съ вами разговорился потому, что очень мнѣ тяжело, эта ночь напомнила все, взбредила всю душу.

Фабіанъ Федоровичъ весь погрузился въ прошлое. Мысль одна за другой летѣла, картина смѣняла картину, и въ то же время онъ боялся проронить хотя бы одно слово наболѣвшей души извозчика, онъ далъ волю ему высказаться, онъ его понималъ, и этотъ человѣкъ на козлахъ былъ ему теперь роднымъ, но ему хотѣлось знать изъ устъ сѣраго мужичка про полкъ и его мнѣніе безхитростное, откровенное дороже боевыхъ реляцій.

— Кто же у тебя былъ командиръ полка?

— Командиръ-то!? Генераль Савицкій,—царствіе ему небесное,—умеръ здѣсь, въ Питерѣ. Такой былъ... бывало какъ закричить на ученіи, такъ стѣны дрожать, а не только мы. А въ бою и не говори—храбрецъ... Былъ августовскій штурмъ, самъ ботальѣнъ повелъ въ штыки,хватила его пуля, но батарею-то заредутную, взяли, японцевъ всѣхъ докончили. Ротнымъ моимъ былъ сначала капитанъ Ушаковъ, а затѣмъ все мѣнялись, убывали, значить. Мѣсяца за два до сдачи нашу роту принялъ—упокой его душу, Царство ему небесное. При этихъ словахъ извозчикъ снялъ шапку, встряхнулъ головой и, перекрестившись, продолжалъ,—поручикъ М—скій, хорошій былъ человѣкъ, отецъ, а не командиръ...

Невскій проспектъ, съ вереницей огней, домами, пѣшеходами, потемнѣлъ въ глазахъ моего друга. Чувства радости наполнили его сердце. Къ горлу подступили спазмы, дышать стало тяжело, и слезы мѣшали видѣть окружающее. Онъ слышитъ свою фамилію, онъ слышитъ... гулъ снарядовъ, стоны раненыхъ, предсмертные хрипы умирающихъ... слегка откинувшись въ глубь пролетки онъ замеръ... При поворотѣ на Лиговку налетѣвшій холодный вѣтеръ заставилъ моего друга очнуться, и онъ слышитъ:

— Съ самаго утра японцы засыпали насъ, отъ дыму и пыли

почитай было такъ, какъ бы вотъ теперь, энъ вонъ тамъ, въ томъ переулкѣ—ничего не видно. Поручикъ М—скій, значить, бѣгаетъ между нами, подбодряетъ насъ... Дальше извозчикъ не могъ продолжать, замолкъ.

Вся картина этого дня и ночи воскресла передъ моимъ другомъ, и сидящій на козлахъ казался ему теперь тѣнью прошлаго величія, а настоящее: осталась затерянность въ массѣ людей чуждыхъ воспринимать и цѣнить страданія пережившихъ кровавую эпопею и страшные дни, минуты нечеловѣческихъ мукъ сѣрыхъ людей.

— Бѣжить это онъ около меня, какъ ахнетъ снарядъ, такъ онъ, „Царство ему небесное“ и покатился. Я, значить, кричу: „Ротный, ротный убить“. Подлетѣли санитары, на носилки его и ходу, а что скажите, баринъ, мертвого-то поднимешь, спасешь его,—снарядъ-то онъ какой... Только-что его унесли, какъ хлынуть японцы, и пошла работа... сразу они фельдфебеля положили, ваводнаго, насъ осталось горсточка. Вотъ тутъ то мы, значить, остервенимшись, и наложили же ихъ... Что же, баринъ, вы молчите-то; чай, Лиговка-то кончается? Номеръ-то какой?

Дѣйствительно, Лиговка кончилась. Пришлось повернуть обратно. Эти страшныя минуты, пережившія эти чудныя, искреннія слова извозчика, заставили моего друга забыть и улицу, и домъ, и все.

— А что, если я тебѣ скажу, что твой ротный живъ?

Фигура на козлахъ вся перевернулась, сверкнула глазами, а затѣмъ все лицо расплылось въ улыбку, и небольшая черная борода затряслась.

— Хе... хе... хе... шутникъ вы, баринъ, право слово, шутникъ!

— Ну, а если ты своего ротнаго везешь?

— Съ нами крестная сила, какъ же такъ, я мертвого-то съ того свѣта везу, чай, еще я въ своемъ умѣ. Какъ ихъ убили, девятый годъ пошелъ. Что дурака-то изъ меня строить, да и покойника тревожить, „Царство ему небесное“. Извозчикъ не на шутку разсердился и теперь отчаянно нахлестывалъ лошадедку. Съ вами, опять забылъ, какой номеръ дома-то?

— А ты узналъ бы своего ротнаго, если онъ сейчасъ бы явился тебѣ?... и не ожидая отвѣта мой другъ у фонаря добавляетъ, повернувъ свое лицо на свѣтъ.—Ты посмотри хорошенько на меня, взглядишь въ мое лицо.

Фигура опускаетъ возжи и быстро поворачивается. Лошаденка, почувствовавъ свободу, поплелась шагомъ.

— Баринъ, вотъ что я вамъ скажу... шутить надъ покойникомъ грѣшно, а надъ собой смѣяться въ такую ночь я не позволю. Хотя вы и баринъ, но... Затѣмъ, немного смягчивъ гнѣвъ и голосъ, онъ продолжалъ.—Тотъ былъ офицеръ, а вы стрюцкій, куда вамъ до него. Одно могу сказать, Богъ накажетъ васъ за такія шутки... Но! встала!.. Какой номеръ-то? Извозчикъ дернулъ возжами лошаденку, та куда-то шарахнулась въ сторону. онъ ее съ озлобленіемъ стегнулъ концами возжей, несчастная затрусила по булыжникамъ Лиговки.

— Ну теперь, голубчикъ мой, слушай, я стану тебѣ рассказывать.

Мой другъ коротко передалъ нѣкоторыя подробности позиціи, боя, назвалъ нѣкоторыхъ своихъ подчиненныхъ по фамиліямъ. На каждое слово сѣдока извозчикъ отвѣчалъ: „вѣрно, правильно, вѣрно!“ Но чтобы окончательно мой другъ убѣдилъ извозчика, что онъ везетъ своего ротнаго М.—скаго, опредѣлить по его физіономіи было нельзя. Слишкомъ сдержанъ былъ извозчикъ и не проявлялъ еще довѣрія къ словамъ своего сѣдока. Онъ былъ обезкураженъ и, что называется, застигнутъ врасплохъ. И только когда остановились у дома, гдѣ свѣтъ фонаря бросалъ лучи на лицо моего друга, у извозчика разсѣялось сомнѣніе, онъ соскочилъ съ козелъ, и два артурца молча бросились въ объятія другъ друга, и свидѣтелемъ ихъ братскихъ поцѣлуевъ была лошаденка, которая, понуря голову, смотрѣла въ сторону двухъ обнявшихся и, вѣроятно, недоумѣвала, по какому случаю хозяинъ обнимается съ бариномъ.

— Такъ вы живы, ваше... могъ только выговорить извозчикъ, и слезы радости хлынули изъ его глазъ по морщинистымъ щекамъ незамѣтнаго героя-артурца.

Г. Артуровъ.

Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій, сынъ смоленскаго помѣщика, отставного гвардіи поручика Ивана Тимофеевича и Агаѣи Андреевны, рожденной Храповицкой, родился въ 1788 году. Воспитывался въ Шкловскомъ кадетскомъ корпусѣ, откуда выпущенъ прапорщикомъ въ 1805 году.

Въ 1812 г., 24 лѣтъ отъ роду, произведенъ въ полковники. Участвовалъ въ походѣ въ Пруссію въ 1806 году; 1807 года былъ въ сраженіи подъ Брауенсбергомъ; 1808 г. въ Финляндіи; 1809 г. въ Швеціи, за что получилъ Влад. 4 ст. съ бантомъ; въ 1812 г. подъ Клястицами сильно контуженъ въ голову—получилъ Анну 3 ст.; подъ Смоленскомъ раненъ осколкомъ гранаты въ правый бокъ—награжденъ Анной 2 ст.; за переходъ Березину произведенъ въ полковники; за сраженіе подъ Люценомъ—Георгія 4 ст.; за сраженія подъ Бауценомъ и Дрезденомъ—Влад. 3 ст.

Въ 1814 году состоялъ начальникомъ штаба гр. Витгенштейна. Имѣлъ золотую шпагу за храбрость, Краснаго Орла 2 ст., Pour le mérite и др. Въ этомъ же году назначенъ шефомъ Калужскаго пѣхотнаго полка.

Въ 1815 году вышелъ въ отставку за ранами и поселился въ своемъ имѣніи Смоленск. губ., гдѣ имѣлъ около 1.500 душъ.

Въ 1826 году былъ выбранъ въ уѣздные предводители Юхновскаго уѣзда Смол. губ., а 1830 г. былъ назначенъ Слободско-Украинскимъ губернаторомъ съ производствомъ въ дѣйств. ст. совѣтники.

На этой должности Мих. Ив. получилъ Анну 1 ст.

Мих. Ив. былъ женатъ на дочери смоленскаго губернскаго предв. дворянства А. Карабановой и имѣлъ нѣсколько дѣтей.

Михаилъ Ивановичъ Каховскій скончался около 1840 года въ родовомъ имѣніи.

Б. К.

Великое герцогство Баденское.

Г. Раштатъ 1-ю января 1814 года.

Боже благослови начало новаго года, осчастливь въ оной міръ твой миромъ, и возврати насъ со славою въ объятія родителей, родныхъ и друзей;—вотъ первая молитва моя, которую сегодня проснувшись проговорилъ я на постели еще отъ чистаго сердца къ Владыкѣ небесъ и земли, да услышитъ Онъ ее и да благословитъ событіемъ оной. Вчера ровно въ 12-ть часовъ ночи, я лишь только-что уснулъ, какъ Брежинскій прислалъ звать проводить вмѣстѣ улетающій годъ и встрѣтить вмѣстѣ же наступившій съ бутылкою шампанскаго, но сонъ былъ самой сладкой и уже не до того. Утромъ сегодня по введенному обычаю былъ съ поздравленіями: у Довре, у Кикина, у гр. Сиверса, у Левенштерна, у Акличеева и, наконецъ, у графа ¹⁾; оттуда всѣ въ церковь, гдѣ выслушали обѣдню и молебенъ, оберъ-священникъ проговорилъ проповѣдь, и я, вышедши въ одномъ мундирчикѣ, продрогъ порядочно, морозецъ изрядной и особливо прескверный и холодной вѣтеръ.

У графа сегодня былъ большой обѣдъ, на которомъ былъ принцъ Генрихъ Прусскій и проѣзжавшій изъ главной квартиры обратно въ Карльсруе гротъ-герцогъ Баденскій, всѣ наши генералы и штабъ-офицеры, въ главной квартирѣ находящіеся. Столъ былъ хорошъ въ здѣшней картинной галлерей и, воротившись домой, когда графъ всталъ, долженъ былъ водить своихъ ховяекъ и еще двухъ здѣшнихъ генеральшъ къ графинѣ съ визитомъ. Пріѣхалъ дѣйствительный камергеръ Жеребцовъ изъ Данцига, онъ везетъ ключи этой крѣпости Государю, гарнизонъ съ Раппомъ сдался военноплѣнными и все забрано; онъ же говорилъ мнѣ, что Петру Демьяновичу ²⁾ Богъ еще даровалъ сына, но онъ ничего не пишетъ.

Пилъ чай и пуншъ съ ромомъ Кирилла Ѳедоровича у Брежинскаго, и пришедъ домой писалъ по обыкновенію письмо къ моимъ домашнимъ, получилъ отъ генерала Лисаневича и сейчасъ явился Серѣжа Микулиня. Дай Богъ, еще-таки скажу въ заключеніе перваго дня новаго года, чтобы и этотъ былъ

¹⁾ Графа Витгенштейна.

²⁾ Ген.-м. Петръ Демьяновичъ Каховскій кавалеръ Св. Георгія 8 степени, нач. 1 кав. дивизіи.

мнѣ счастливъ и сугубо возвращеніемъ домой и общимъ всей Европы спокойствіемъ.

Да, забылъ самое важное, сегодня надѣлъ я медали на обоихъ моихъ казаковъ и на Андрея солдатскій крестъ военнаго ордена, которой я давно уже ему обѣщалъ и который онъ заслужилъ по правдѣ, надо было вообразить себѣ ихъ радость и то, сколько это пріятно. Богъ да поможетъ цѣлый годъ дѣлать добро.

Рашиатъ 2-го января.

Утромъ сего дня читалъ долго книгу, послѣ писалъ къ сестрѣ и уже въ 11-мъ часу ходилъ къ графу съ представленіями къ прусскимъ орденамъ, онъ велѣлъ собрать ото всѣхъ и тогда представимъ снова къ Королю за Лейпцигъ. Обѣдали сегодня и ѣли пирогъ у Тишина, назвавъ его именинникомъ; сего дня переплели восьмой ежедневной журналъ отъ самаго перехода за границу по 1-е число этого года, и вотъ теперь вечеромъ принесли готовой, за то заплатилъ 2 гульдена и 48-мъ крейцеровъ. Далъ Михайлѣ на куртку и шинель 50-ть, да и то Богъ знаетъ, достанетъ ли, все дорого. До сихъ поръ не могу дочитать der Dolch, а бросить не кончивъ не хочу, между тѣмъ есть много книгъ гораздо лучшихъ. Теперь раза два уже былъ у Тишина, въ послѣдній разъ выпилъ два стакана пуншу залпомъ и прибѣжалъ тотчасъ домой, чтобы заняться дѣломъ. Вотъ въ третій разъ, сію минуту пришелъ отъ Тишина, тамъ позакусили немножко и уже ужинъ не подъ нужду. Сегодня мой Яковъ Михайловичъ насолилъ мнѣ хоть-бы и не племянничку, да за то и рѣшено уже, онъ ѣдетъ въ полкъ и пусть тамъ узнаетъ разницу между положеніемъ его до сегодня и впередъ; Богъ видитъ, что я сдѣлалъ болѣе, нежели должно, и точно столько, сколько только можно было, хотя бы и для родного сына, онъ ничего не чувствуетъ, и это легче.

Г. Рашиатъ 3-го января.

Вставъ очень рано, такъ что еще совсѣмъ было темно, покуда подали чай, дочиталъ, наконецъ, der Dolch и связалъ въ связку прочитанныя книги, послѣ чего читалъ долго газеты, гдѣ очень интересное объясненіе Наполеоново сенату, всѣхъ происшествій войны и того, сколько онъ желалъ миру, адресъ послѣ этого сенату и отвѣтъ его на оной, гдѣ онъ говоритъ, что онъ желаетъ искренно миру и что радъ сдѣлать собствен-

ныя пожертвованія, не упоминая уже нисколько о возвращеніи земель завоеванныхъ, которыя уже возвращены союзниками прежнимъ законнымъ ихъ владѣльцамъ; пріятно видѣть такое униженіе въ гордѣйшемъ властелинѣ.

Графъ до обѣда ѣздилъ въ Форъ-Люи смотрѣть, можно ли навести опять мостъ, снятой отъ проходу льду. Сегодня отпустило и шелъ снѣгъ.

Рѣшившись вчера непременно отправить Яшу и рассчитавшись съ нимъ совсѣмъ, не могъ сегодня устоять въ своемъ предположеніи, слезы его и искреннее раскаяніе тронули меня и—я простилъ, дай Богъ, чтобы это послужило ему урокомъ и, чтобы впредь подобныхъ сценъ уже не случалось. Обѣдали у хозяина, который только-что пріѣхалъ изъ Карлсруе и ему за столомъ сдѣлалось дурно, такъ-что онъ весь день ничего не ѣлъ, приходили новые баденскія войска къ Келю, очень порядочныя. Хозяинъ мой рассказывалъ, что Талейранъ пріѣхалъ въ Базель для переговоровъ и будто-бы Оффенбургъ назначенъ для конгресса, Богъ знаетъ, правда ли это и чѣмъ все кончится. Далъ коляску мою Брежинскому, который съ Шефлеромъ и Яхонтовымъ поѣхали въ Баденъ за жалованьемъ и купаться, вечеромъ графъ присылалъ за мною и велѣлъ написать приказъ на переходъ за Рейнъ и особенно на счетъ баденцевъ, чтобы они обходились хорошо съ французами, а то уже и до сихъ поръ тѣмъ жалобъ, а нашими очень довольны и принимаютъ хорошо; выпивши чашку чаю, писалъ наскоро и не знаю, будетъ ли хорошо, завтра рано надѣюсь поправить, когда Богъ дастъ утромъ мысли свѣжѣе. Яшу обманулъ было, пришедши отъ графа, что сейчасъ ѣду за Рейнъ, и заставилъ одѣться по-походному, хотя для смѣху, и самъ долженъ былъ то же сдѣлать. Брежинскій передъ отъѣздомъ съ товарищами своими вытянулъ по стакану добраго пуншу и въ дорогу еще утащилъ съ собою бутылку моего прекраснаго рому. Штевенъ не знаю за что-то прислалъ безъ меня шесть бутылокъ шампанскаго, и до сихъ поръ я не знаю, что у него за праздникъ. Смотрѣлъ сегодня моихъ верховыхъ лошадей, „Мальчикъ“ засѣкъ немного ногу; велѣлъ всѣхъ перековать къ походу. Теперь пора немножко закусить и спать, чтобы завтра поранѣе встать.

Рашиатъ 4-ю января.

Спавъ дурно и безпокойно, всталъ сегодня очень рано и до чаю кой-какъ поправилъ вчерашній приказъ, списалъ съ него

копію и послалъ Ивану Сергѣевичу; послѣ читалъ его графу, онъ былъ очень доволенъ и велѣлъ для баденцовъ переводить на нѣмецкой языкъ и печатать пополамъ. Сегодня для меня день счастливой письмами, до обѣдни еще получилъ въ одномъ конвертѣ отъ Доливы-Добровольскаго два письма изъ Казани, отъ Алексаши и отъ баталіоннаго его командира Трескина. Первой плохо извиняется въ шалости, пишетъ, что получилъ уже отъ Григорія посылку, которую я велѣлъ отправить, и просить о переводѣ; другой, вспомнивъ старое знакомство, отзывается объ Алексашѣ очень хорошо и пишетъ, что онъ долго былъ боленъ лихорадкою,—послѣ обѣдни получилъ въ другомъ конвертѣ при письмѣ Добровольскаго и письмо изъ дому отъ 18-го ноября, слава Богу, они были здоровы, но Курошъ не могъ не написать дорогой своей сестрицѣ, что Вася раненъ, а та всѣмъ и расщебетала, до смерти досадно, кой-чортъ просить людей мѣшаться въ чужія дѣла. Масаловъ именинникъ 7-го числа, но какъ послѣ завтра мы переправляемся за Рейнъ, то и отпраздновали именины эти сегодня, онъ далъ славной обѣдъ, народу было куча, наши ѣздившіе въ Баденъ возвратились къ самому столу, было весело и даже шалили до такой степени, забросались было хлѣбомъ и пробками, особенно же досталось бѣдному Царенцову, послѣ обѣда сидѣлъ за бумагами, отправилъ готовыя письма къ Добровольскому и читалъ немного книгу. Сегодня сдѣлалась оттепель и мостъ опять наводять, 1-й корпусъ переходитъ завтра, а мы послѣ завтра идемъ въ Гагенау. По сегодняшнимъ газетамъ лордъ Веллингтонъ шибко побилъ французовъ и 10.000 въ плѣну, дай Богъ все скорѣе къ концу. Вечеромъ опять заходили къ Масалову, тамъ во всѣхъ углахъ картежъ, выпилъ чашки двѣ добраго чаю и чашку пуншу, тихомъ за двери и, вотъ, уже раздѣвшись въ халатъ мараю бумагу. Сегодня здѣсь клубъ, но я шуму терпѣть не могу. Завтра надо укладываться и собираться, а работы тоже скопилось изрядно, да и на письма отвѣчать надобно, уфъ! когда-то Богъ порадуетъ миромъ, ужъ мы ли не молимся и не просимъ объ этомъ.

Вотъ накрытъ уже столъ и надо немножко закусить на сонъ грядущій.

Раштатъ 5-ю января.

Сегодня утромъ животъ у меня такъ болѣлъ и такой былъ рѣзъ, что право и не помню, когда такъ страдалъ, выпилъ вина съ мушкатнымъ орѣхомъ и самого крѣпкаго чаю чашки четыре

безъ сливокъ, но все не помогло и промучился до самаго обѣда, однакожъ надо было писать и два раза ходить къ графу; по вчерашнему писъму Иловайскаго 12-го представили его за Лейпцигъ къ саблѣ съ алмазами и еще выпросилъ у графа представленіе 28-го Егерскаго полка къ серебрянымъ трубамъ вмѣстѣ съ Тенгинскимъ и Эстляндскимъ полками, которыхъ представили къ гренадерскимъ боямъ, въ сегодняшней день у меня вышло болѣе 18-ти номеровъ. Графъ поѣхалъ купаться въ Баденъ и будетъ тамъ ночевать, да и мы завтра еще не перейдемъ отсюда, потому что мосту до сихъ поръ не могли навести, при сдѣлавшейся оттепели вода сильно прибывла и все неудобно, однакожъ 1-ой нашъ корпусъ переправляется сегодня на лодкахъ и кавалерію будутъ переправлять на паромахъ.

Утромъ проѣхалъ здѣсь англійскій министръ лордъ Каткартъ въ главную императорскую квартиру для участія въ переговорахъ мирныхъ, Боже ускори. Графъ говорилъ, что Государь еще 1-го генваря перешелъ за Рейнъ, это славно, прошлаго году въ этотъ день Государь перешелъ Нѣманъ, а нончѣ Рейнъ. Обѣдали дома и хозяйки мои лѣчили меня горькими вареньями, горькимъ ликеромъ и запрещали кое-что ѣсть, однакожъ я всталъ изъ-за стола сытешенекъ и гораздо здоровѣе, когда сѣлъ. Балагурили о многомъ, особливо же Шефлеръ съ хозяиномъ, я сегодня сказалъ племянницѣ, что передъ выѣздомъ отсюда, что-то у нее украду,—разумѣя ландшафтъ ея шитой, которой виситъ въ моей комнатѣ, но она не догадывается и обѣ въ хлопотахъ угадывать, что я украду. Послѣ обѣда писалъ, къ чаю позвалъ Шефлера, да еще пришелъ Штевенъ и человѣка три другихъ, отправивъ конверты, выпили по чашечкѣ пуншику для окрѣпленія желудка, читали новополученные приказы и послѣ, ходя съ Густавомъ по комнатѣ, и разговаривая о счастіи мирной сельской жизни въ кругу милаго семейства, молили Бога о благодѣтельномъ мирѣ и не видя вытянули по другой.

Ложась въ постель начну читать трагедіи Шекспира. — Звали меня къ вечерни, да нельзя было.

Рассказъ 6-го генваря.

День Крещенія,—утромъ я опять былъ по вчерашнему же нездоровъ, однакожъ послѣ лучше; предъ обѣдомъ былъ у Довре ¹⁾

¹⁾ Начальникъ штаба гр. Витгенштейна.

и послѣ у графа, которой къ этому времени пріѣхалъ изъ Бадена и опредѣлилъ завтра, непременно, хотъ на плотахъ, переходить Рейнъ;—послѣ обѣдни ходили на іорданъ на здѣшней рѣкѣ, со всею возможною церемоніею, при всемъ томъ, что дождь лилъ проливной все время и мы воротились назадъ мокрешенькіе, какъ будто выкупавшись, зрителей не взирая на дурную и мокрую погоду было множество, весь мостъ и оба берега рѣки были усѣяны; послѣ заходилъ ко мнѣ оберъ-священникъ со всѣмъ синклитомъ и пѣвчими, пропѣвъ „Рождество твое Христе Божє нашъ“,—пѣвчимъ далъ червонецъ; а съ священникомъ выпилъ водочки и бутылку добраго розоваго шампанскаго для праздника;—за обѣдомъ было весело; по вчерашнему спору бился въ закладъ съ племянницею хозяйскою, она проигрываетъ кошелѣкъ, а я долженъ буду купить букетъ цвѣтовъ, — кажется, я выигралъ. Вечеромъ ходилъ къ графу съ бумагами къ подписанію и испросилъ позволеніе остаться здѣсь еще дня на два, разъ что нездоровъ и второе и важнѣйшее то, что завтра вѣрно всѣ не переправятся чрезъ Рейнъ на паромахъ; а верхомъ не надѣюсь ѣхать; Шефлеръ, Брежинскій, Яхонтовъ, Петрулинъ и многіе тоже остаются со мною и поѣдемъ вмѣстѣ караваномъ.—Графъ теперь только получилъ повелѣніе идти какъ можно скорѣе къ Люневилю и мы все отъ него не отстанемъ.—Чай пили у Брежинскаго въ большой залѣ, тамъ куча народу и теперь еще играютъ въ карты; а мы сію минуту поужинали.

Рахтатъ 7-ю января.

По утру сегодня писалъ къ графу Аракчееву, прося ходатайствовать о скорѣйшемъ утвержденіи нашихъ представленій, которыя графъ подписавъ уѣхалъ; насъ много здѣсь еще осталось, да и съ выѣхавшихъ многіе возвратились, не могли переправиться, обѣ переправы такъ набиты, что даже драки, кому скорѣе сѣсть въ лодку или на паромъ. До обхода былъ долго у Брежинскаго, заходилъ къ Мосолову поздравить съ настоящимъ ангеломъ; но обѣдать не остался, не хотя обидѣть хозяина, съ которымъ время провелъ очень пріятно;—боль живота моего все еще продолжается и завтра врядъ уѣду ли, а болѣе всего за переправою.—Послѣ обѣда заходилъ опять на минуту къ Мосолову, графиня прислала записку, прося бумаги и перьевъ, теперь самъ заходилъ къ ней и отдалъ записку о дамахъ которымъ должна она визитами.—Ожидаютъ на дняхъ большаго сраженія въ нашей большой арміи; Боже благослови и помоги намъ,

тогда вѣрно конецъ.—Опять заходилъ на часъ къ Мосолову и пилъ чай; послѣ сидѣлъ съ Шефлеромъ у хозяевъ, онъ толковалъ о политикѣ и Богъ вѣдаетъ о чемъ, а я о моемъ выигранномъ закладѣ; наконецъ уже знаютъ мою кражу и былъ превеликой споръ, однакожъ всѣ приняли мою сторону и рѣшено тѣмъ, что сверхъ покражи долженъ я еще получить кошелекъ, хорошо, это останется пріятнымъ памятникомъ добраго и ласковаго пріему, жаль, что здѣсь не дождемся мы миру.

Рахтатъ 8-ю января.

Утромъ былъ у графини, Игнатъевъ собирался было сегодня ѣхать; но за переправой остался, а Акличеевъ отъ Форъ-Люи опять воротился, да и много нашихъ съ Преженцовымъ, однакожъ дѣлать нечего, на волю Божию отправилъ послѣ обѣда свой ящикъ и верховыхъ лошадей, есть ли сегодня не переправятся, то хоть завтра рано, а я завтра уже пушусь самъ.—Завтракали у Брежинскаго, обѣдали дома и очень пріятно, ходилъ послѣ гулять, и у Брежинскаго пили чай, тамъ и теперь всѣ чиновники, наши еще здѣсь оставшіеся, заходилъ къ хозяевамъ,—смѣялись долго, одинъ профессоръ, бывшій у нихъ вчера вечеромъ, счелъ Шефлера за меня, а меня за Яшу, послѣ разсматривали прекрасный и большой планъ Парижа со всѣми подробностями; теперь должно опять идти туда ужинать и взять выигранной кошелькъ.—12-ой часъ, только что отъужинали, накормили какъ и обыкновенно болѣе нежели хорошо и выпили двѣ бутылки шампанскаго, садясь за столъ и открывъ салфетку, я нашелъ подъ оной навороченной въ бумагѣ прекрасной кошелькъ, Ей Богу, грѣхъ забыть такихъ добрыхъ, почтенныхъ хозяевъ; я далъ имъ слово по объявленіи миру непременно къ нимъ пріѣхать.

Рахтатъ 9-ю января.

Вотъ и переправились черезъ Рейнъ и уже ночуемъ по крайней мѣрѣ въ Гагенау;—утромъ распрощавшись съ графинею, съ моими хозяевами, которые увѣряли, что мы непременно воротимся, и не вѣря казаку, который пріѣзжалъ отъ переправы, увѣряя, что никакъ нельзя переѣхать, пустился въ путь въ сопровожденіи оберъ-священника и другихъ; погода была предурная, мокрый снѣгъ и вѣтеръ; но не доѣхавъ немного до деревни Ау, вотрѣтили: Акличеева, Бота, Тишина, Пота и всѣхъ прежде поѣхавшихъ; вода такъ поднялась, что даже дорогу за-

лила и пѣшимъ переправиться невозможно; 7-мъ орудій и весь обозъ стоитъ на берегу, нечего дѣлать, должно было уступить невозможности и воротиться;—остановясь въ 1-ой деревенькѣ, выпили по рюмкѣ дорожной водки и отпустивъ казака къ ящику и верховымъ лошадямъ съ приказаніемъ при первой возможности переправиться и ко мнѣ пріѣхать съ рапортомъ; посадилъ съ собою же Тишина и пріѣхали въ 1-мъ часу обратно; добрые хозяева мои приняли насъ съ искреннею радостію, въ то время какъ многихъ изъ нашихъ господъ уже и на квартиры не принимаютъ—Брежинскій, Шефлеръ и Яхонтовъ уѣхали въ Баденъ къ Петрулину погулять. Ходилъ къ графинѣ и тамъ обѣдалъ съ Акличеевымъ, Обертомъ и Игнатьевымъ, которой уже въ полъобѣда явился, возвратившись съ самага берегу: послѣ заставъ хозяина за столомъ, сидѣлъ съ ними и ѣлъ варенье.—Хозяинъ мой увѣряетъ, что еще дня четыре нельзя будетъ переправиться, мнѣ бы очень было это непротивно, да двѣ бѣды, разъ, что у графа теперь никого нѣтъ, а второе то, что онъ сегодня ночуетъ уже въ Савернѣ и завтра идетъ далѣе, Богъ знаетъ какъ нагонимъ;—прежде графиня, а за ужиномъ и мой хозяинъ говорили, что въ Карльсруэ носятъ слухи, будто было въ большой арміи сраженіе близъ Дижона и продолжалось три дни: но объ успѣхѣ онаго никто ничего не знаетъ.—На вечеръ ходилъ немножко по городу, послѣ пилъ чай дома и играли у хозяина въ лото до самага ужина;—сестра хозяйская подарила мнѣ прекрасной зубочистничекъ съ золотою зубочисткою, съ надписями *Amitié*, въ память и такъ уже у меня отъ тетки и племянницы по памятнику, я ихъ всѣхъ обыгралъ сегодня и завтра будемъ играть еще и рассчитывать.—Ужинали у нихъ и проговорили объ этой новости и положеніи солдатъ въ жалованьи нашей арміи и ихъ войскъ. Теперь взялъ хозяина книгу и легши немножко почитаю.—Что-то Богъ дастъ завтра.

Раштатъ 10-ю января.

Сегодня ожидая казака отъ переправы съ увѣдомленіемъ, почти до самага обѣда не одѣвался, читалъ взятую у хозяина книгу, путешествіе въ Египетъ вмѣстѣ съ Шефлеромъ, тоже газеты, — ходили немножко прогуляться, изрядной морозецъ; обѣдали, какъ и всегда, прекрасно и весело и при концѣ стола явился казакъ съ извѣстіемъ, что ящикъ и верховые мои лошади уже переправились чрезъ Рейнъ,—сегодня ѣхать было уже поздно, приходилъ Игнатьевъ для совѣта и рѣшились завтра

всѣ вмѣстѣ пуститься поранѣе; — ходили съ Шефлеромъ на здѣшнюю каретную фабрику, которую очень хвалилъ мой хозяинъ; видѣлъ нѣсколько колясокъ довольно хорошихъ и одинъ дормезъ, Шефлеръ хотѣлъ купить; но дешевле 150 червонцевъ не отдавали; — тутъ возвратились изъ Бадена Брежинскій и пр., и послѣ пили чай у оберъ-священника; оттуда пришедши играли въ лото, и я выигралъ болѣе трехъ гульденовъ; — Лосенковъ отдалъ мнѣ 175-ть ассигнаціями, слѣдующіе Васѣ на обмундировку. — Размѣнялъ 200, купилъ сукна на шинель, 8-мь локтей по 4 гульдена, голову сахару 11-ть гульденовъ съ половиною и пр.: — сію только минуту отъ ужина, это послѣднее время провели особенно весело; теперь я уже напередъ распрощался и завтра надо какъ можно ранѣе уѣхать, чтобы прежде другихъ переправиться. — Боже благослови.

Франція, городъ Лаутербургъ 11-ю января.

Богу милосердному благодареніе, мы уже за Рейномъ, уже въ предѣлахъ Франціи, — кто могъ вообразить себѣ при началѣ войны и даже при самомъ вступленіи нашемъ въ Пруссію, чтобы такъ далеко забрели мы, поражая враговъ; промыслъ Вышняго управлялъ нами и Ему Единому слава. — Вставъ рано послѣ чашки чаю, я поѣхалъ, думая, что хозяйева еще спятъ; но добрые, почтенные люди, генералъ, сестра его и племянница стояли въ окнахъ, когда мы вышли садиться въ коляску; поблагодаривъ ихъ отъ чистаго сердца за квартиру, которой никогда не забуду, — какъ рано ни выѣхалъ, однакожъ на перевозѣ нашелъ уже все полно повозокъ, колясокъ, лошадей, казаковъ и Богъ знаетъ чего; погода пренесносная, снѣгъ и вѣтеръ въ глаза, на берегу не было никакого пристанища, выпили однакожъ водочки и съ помощію Божіею кой-какъ взбросилъ коляску свою на малую лодку съ парю лошадей, а самъ переѣхалъ съ Акличевымъ, Игнатьевымъ и другими на большомъ перевозѣ; между тѣмъ какъ мы забирались выше въ верхъ, мою коляску тамъ снесло быстриною въ низъ, что она не могла уже пристать къ берегу въ томъ мѣстѣ, гдѣ всѣ выгружались; но привалила уже верста десять ниже и гораздо послѣ насъ пріѣхала на парѣ лошадяхъ; — мы же отъ перевозу пѣшкомъ добрались версты двѣ добрыхъ и притомъ дурной погодѣ, насилу дотащили ноги, вѣтеръ нанесъ все въ самые глаза; — здѣсь пока получили билетъ на квартиру, зашли въ трактиръ очень незавидной и пообѣдали за гроши изрядно вмѣстѣ съ Розеномъ, Мосоловымъ

Тишинымъ и другими; всѣ уѣхали до Гагенау; а мы съ Игнатьевымъ и Шефлеромъ ночуемъ здѣсь отъ того, что лошади пришли очень поздно;—на первый разъ во Франціи квартира больно плохая; коморочка аршина три въ квадратѣ да и та холодная; но между тѣмъ принимаютъ кажется съ усердіемъ;—городокъ этотъ маленькой и не хорошъ, говорятъ, что графъ нашъ сегодня уже въ Люневиллѣ и не знаю, какъ мы нагонимъ;—я хотѣлъ на половинѣ Рейна выпить бутылку шампанскаго, но какъ коляска была на другомъ перевозѣ, то и выпили уже здѣсь стаканчика по два, моля Бога о скоромъ и счастливомъ возвращеніи.—Игнатьевъ сейчасъ у меня домой и мы ожидаемъ ужина.

И сочиняемъ письмо къ ген. Гарранту.

Г. Саверне 12-ю января.

Послѣ холоднаго ночлегу, напившись чаю, въ 8-мь часовъ мы пустились въ путь до Гагенау, отдавъ хозяину письмо къ генералу Гарранту для доставленія по обѣщанію его въ Раштатъ, отъ Лаутербурга до Гагенау считаютъ 10-ть почтовыхъ часовъ и мы пріѣхали въ часъ пополудни, тутъ была уже квартира готова и мои верховыя лошади съ ящикомъ насъ ожидали; узналъ, что сѣраго жеребца не пустили на перевозъ за сапомъ и потому его бросили на той сторонѣ. Въ Гагенау остался нашъ Кривской и уже третій день тамъ кутить, вчера закупилъ весь тамошній театръ за 150 т. и велѣлъ играть для себя одного, непонимая ни слова по-нѣмецки; теперь всѣ наши прибывшіе были уже у него и мы, познакомясь съ хозяиномъ, старымъ, 80-ти лѣтнимъ капитаномъ, служившимъ въ семилѣтнюю войну противу Фридриха Великаго, который рассказываетъ много о своихъ подвигахъ, и его дочерью молодою и изрядною женщиною, женою одного французскаго офицера, находящагося теперь въ Магдебургѣ,—мы также пошли къ Кривскому, закусывали, пили шампанское и обѣдать воротились на квартиру. Столъ былъ уже парадно изготовленъ въ нижней залѣ, и мы обѣдали съ цѣлымъ семействомъ, состоящимъ изъ двухъ упомянутыхъ уже особъ, еще одной женщиною и маленькой 6-ти лѣтней дѣвочки, дочери хозяйки; она рассказывала, что въ продолженіе 7-ти-лѣтняго ея замужества, она жила съ мужемъ только три мѣсяца и что дочь видѣла отца своего только 17-ть дней; столъ дали прекрасный, вина хоть не пей и между разговорами хозяйка усердно приглашала поку-

шать и попить. Во время обѣда пріѣхалъ Бурнашевъ и сѣдѣлъ съ нами, выпили тоже бутылку шампанскаго, десертъ былъ славной и я очень доволенъ этими хозяевами и жалѣлъ, что нельзя было остаться ночевать. Чтобы догнать скорѣе графа, который давно уже въ Люневиллѣ; и такъ съ порядочнымъ обинякомъ, что называемъ мы—навеселѣ,—поблагодарили за доброе угощеніе и въ 5-ть часовъ, выкормивъ лошадей, и давъ слово на возвратномъ пути къ нимъ заѣхать, рѣшились сдѣлать еще 7-мъ часовъ до этого города, уже было поздно, но лошади бѣжали славно и послѣ скучной дороги, съ зажженными фонарями и опасаясь, не ошиблись ли дорогою,—наконецъ въ 10-мъ уже часу достигли до Саверны и обрадовались какъ Богу, увидѣвъ огонекъ. Городъ этотъ кажется поменѣе Гагенау; но однакожъ довольно великъ, имѣетъ 5.000 жителей и послѣдней въ провинціи Эльзасъ; жители здѣшніе на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ говорятъ очень дурно, съ трудомъ можно понимать. Квартиру дали здѣсь не лучше Лаутербургской и ежели не холоднѣе, то истинно также холодную;—ужинъ былъ пренегодной, да спасибо, послѣ добраго обѣда онъ не подѣлалъ нужды.—Купили бутылку коньяку за 2 франка,—выпили сейчасъ по стаканчику и ложимся спать всѣ трое, т.-е. я, Яша, Шефлеръ вмѣстѣ покоткомъ на землѣ, уже часъ ночи.

Г. Саарбургъ 13-ю января.

Послѣ прехолодно-проведенной ночи, гораздо хуже прошлой въ Лаутербургѣ, гдѣ часто просыпались. Утромъ затопили маленькую чугунную печь и отъ сырыхъ дровъ такъ накурили, что нельзя было подняться отъ полу;—при всемъ холоду должны были растворить окна и какъ можно скорѣе одѣться; чай однакожъ подали поздно и послѣ вчерашняго большого переѣзду насилу могли выѣхать въ 10-ть часовъ; взяли проводника, прося Бога о мирѣ, скоромъ возвращеніи и о лучшемъ расположеніи въ квартирахъ, чего не ожидали во Франціи;—проѣхавъ два часа по большой дорогѣ подъ самыми картечными выстрѣлами съ крѣпости Пфальцбурга, гдѣ оставленъ французскій гарнизонъ и которую блокируетъ Лялинъ,—поворотили проложенною вновь, можно сказать тропинкою около крѣпости до выѣзду до большой дороги.—Право, дураки французы, что для смѣху не пустили ядра изъ крѣпости, обозовъ шло много и сверхъ того въ то же самое время проходили эту дистанцію команда выздоровѣвшихъ и самые караулы блокады

смѣнялись, Лялинъ былъ тутъ, съ эскадрономъ Баденцовъ, кой какъ съ превеликимъ трудомъ въ предурную и снѣжную погоду, наши выѣхали на шоссе, три часа отсюда и благодаря Бога за счастливый проѣздъ, въ 3-мъ часу пополудни пріѣхали сюда, сдѣлавъ только по большей мѣрѣ 8-мъ часовъ равстоянія,— послѣ вчерашней квартиры, здѣсь слава Богу досталась та, на которой стоялъ нашъ графъ, это фабрикантъ лѣпной работы, изъ особенной массы имъ изобрѣтенной, которая замѣняетъ рѣзную работу не только не уступая, но превосходя ея; сегодня мы уже переѣхали границу Эльзаса и уже въ Лотрингін, старой Франціи, однакожь нашъ хозяинъ нѣмецъ Іосифъ Рейнатъ, говоритъ, что служилъ капитаномъ; двѣ славныя комнаты, показывалъ намъ свою работу, говоря, что это нѣмецкой домъ, можно увести съ собою въ Россію. Графъ нашъ уже за Нанси и Богъ внаетъ, куда онъ летитъ, Акличеевъ и Игнатъевъ здѣсь обѣдали и оба уѣхали, первый на почтовыхъ, а другой на своихъ, а я пожалѣлъ лошадей, но завтра хочу ночевать въ Люневиллѣ 14-ть часовъ,—хозяинъ далъ намъ книгъ. Коцебу, Ифлянда и Шиллера, и мы съ Густавомъ все время читаемъ; за то обѣду дождали до 7-ми часовъ вечера, но поѣли прекрасно и попили добраго бургонскаго и по бокалу шампанскаго, теперь выпили по стаканчику съ стариннымъ славнымъ ромомъ, и теперь Шефлеръ читаетъ *der Magnitismus* и пора спать.

Г. Люневиль 14-ю января.

Славъ славно, вставъ сегодня въ 7-мъ часу утра и выправивъ ящикъ, въ 9-мъ сами пустились, поблагодаривъ хозяина за хорошее угощеніе, до Люневилля 14-ть почтовыхъ часовъ, и мы ѣхали порядочно,—погода все еще дурная и снѣгъ столько, что можно бы ѣхать и на саняхъ, право, я не знаю. что такъ много наши господа обожатели французовъ говорятъ о Франціи, земля эта какъ и всѣ другія, и мнѣ нисколько не нравится; нищѣ останавливаютъ почти на каждомъ шагу и при всемъ холоду, которой имъ гораздо ощутительнѣе, нежели намъ, бѣгутъ нѣсколько верстъ за коляскою, пока дашь имъ что-нибудь, на половинѣ дороги въ городъ Блемонте мы останавливались пообѣдать и не выпрягая лошадей зашли въ лучшій трактиръ, который очень похожъ на обыкновенную нашу харчевню, намъ дали кусокъ развареной говядины съ дурною дижонскою горчицею, по куску утки и яичницу, да

въ десертъ по яблоку и миндали на тарелку, да при этомъ мы выпили двѣ бутылки бургонскаго, — которое подаютъ здѣсь обыкновенно въ каждомъ домѣ, какъ самое дешевое вино, и разговорчивая хозяйка за это угощеніе взяла съ насъ 9-ть франковъ; отъ Блемонта 7-мъ часовъ до Люневилля, мы проѣхали очень скоро и въ 5-мъ часу были уже здѣсь на квартирѣ въ домѣ графа Фермона. Люневилль городъ довольно большой и памятенъ мнѣ болѣе по рассказамъ нашихъ плѣнныхъ отъ Аустерлица и кампаній 1806 и 1807 годовъ, которые все время здѣсь содержались; — эта мысль рождаетъ много разныхъ воспоминаній, какъ-то о бѣдномъ Полторацкомъ, такъ много рассказавшемъ мнѣ о своемъ здѣсь пребываніи, и о Константинѣ Курошѣ, которые оба уже наслаждаются вѣчнымъ покоемъ, миръ праху ихъ, вздохъ, вылетѣвшій при начертаніи именъ ихъ изъ груди моей, да будетъ жертвою ихъ памяти, — но полно о мертвыхъ, еще много есть живыхъ, которые увидятъ хозяевъ своего плѣна, въ числѣ ихъ и Оранскій, жаль, что его теперь нѣтъ здѣсь, то-то бы посмѣялся. Здѣсь квартира у меня въ пребольшомъ домѣ, комнаты пышныя, но прехолодныя, печей совсѣмъ нѣтъ, а пока разложили огонь въ каминѣ, явился прежде зять хозяйской, послѣ старикъ 86 лѣтній и его жена еще здоровая баба, долго толковали, ихъ сынъ служить въ австрійской службѣ фельдмаршалъ — лейтенантомъ, на вечеръ пришелъ Набель, который идетъ съ сумскими эскадронами и здѣшній комендантъ Вятскаго полка, маіоръ Огонь-Догановскій, нашъ Порѣцкой помѣщикъ, просидѣли за чаемъ и дочитали драму Ифланда Gerbestag, которуе нечаянно увезли съ ночлега, графъ завтра выходитъ изъ Нанси и маршрутъ до Трои.

Гор. Туль 15-го января.

Ну, слава Богу, наконецъ, нагнали графа и теперь вмѣстѣ. Спавъ эту ночь отъ чрезвычайнаго холоду очень непокойно, встали не такъ-то рано и одѣвались у камина, послѣ чаю не видѣвшись уже съ хозяевами, съ которыми вчера еще распростались, поѣхали до Нанси и я за угощеніе хозяевамъ забылъ мой носовой платокъ. Проѣхавъ изрядной городокъ Сентъ-Никола, въ 1-мъ часу пополудни явились въ большомъ и прекрасномъ городѣ Нанси, многіе говорятъ, что онъ только числомъ жителей и обширностію уступаетъ Парижу, но расположеніемъ и красивыми зданіями не хуже французской столицы, въ немъ жителей 24.000, проѣхалъ предлинную и широкую

улицу, составляющую форштадтъ, мы выѣхали въ ворота *Porte de la Constitutione* и по лучшей улицѣ подъ этимъ же названіемъ доѣхали до большой площади, прекрасно обстроенной съ главными по угламъ фонтанами, посрединѣ которой за желѣзною рѣшеткою стоитъ пьедесталъ статуи Людовика XV, которую истребили въ революцію; пустота эта на высокомъ пьедесталѣ заставляетъ каждого спросить, что тутъ было и по полученіи отвѣта, какое-то невольное отвращеніе рождается къ народу, могшему истребить законнаго государя, памятники самые древнихъ владѣльцевъ и теперь рабски повинующемуся тирану, проливающему кровь ихъ для собственной славы.

Отыскивая своего квартирьера, мы прошли пѣшкомъ довольно часть города и послѣ дали намъ квартиру за воротами съ надписью: *A Napoleon Grand*, отъ которыхъ идетъ прекрасный бульваръ до огромнаго дому правленія и передъ онымъ вокругъ бульвара прекрасной циркуль.—Наша квартира въ одномъ домѣ изъ принадлежащихъ къ правленію;—дали одну небольшую, по обыкновенію, весьма холодную комнату и пока развели огонь и велѣли готовить скорѣе обѣдъ, чтобы доѣхать досюда и нагнать графа, выѣхавшаго сегодня же изъ Нанси, рѣшились лучше осмотрѣть городъ;—утромъ сегодня былъ славной русской морозъ; но послѣ выглянуло солнышко и день сдѣлался прекрасной;—зашелъ къ намъ генералъ Левенштернъ и пошли вмѣстѣ бродить, онъ завелъ насъ въ тамошнюю каедральную церковь, построенную изъ плиты и очень недурной архитектуры. Церковь эта—какъ рассказываютъ жители, была отмѣнно богата; но богобоязливые и набожные французы во время незабвенной своей революціи увѣряли, что богатство и пышность не принадлежитъ и святынь и смиренію, оголили ее совершенно; отъ церкви Левенштернъ хотѣлъ провести насъ къ монументу польскаго короля, бывшаго здѣсь въ изгнаніи, но какъ это надо было сдѣлать болѣе двухъ верстъ по той улицѣ, откуда мы выѣхали, то не дойдя еще до Конституціонныхъ воротъ мы воротились и долго гуляли по городу, сопровождаемые нищими мальчишками, которые на каждомъ шагу кричали „*Vive bon Roi Alexandre*“ и просили денегъ, Шефлеръ смѣясь кричалъ имъ: „ахъ вы, измѣнники, вамъ должно кричать *vive Napoleon*“ и они тотчасъ подхватывали: „вивать *Napoleon Австрійской*“,—при всемъ сокрушеніи сердца, видя такое множество нищихъ на каждомъ шагу, въ землѣ, которую наши господа называютъ счастливою, нельзя было не смѣяться этимъ восклицаніямъ.

Передъ лавкою итальянца, продающаго астампы, мы нашли кучу народу предъ вывѣшеннымъ портретомъ нашего Императора, вовсе на него непохожимъ;—зашли въ лавку и я купилъ карту Франціи за 7 франковъ; астампы такъ дороги, что за 6-ть представляющихъ Павла и Виргинію просили 12-ть червонцевъ; оттуда воротились домой съ такою же свитою, которая отняла у меня совершенно охоту опять прогуливаться.—Дали обѣдать довольно хорошо, и явилась баба-нѣмка, родомъ изъ Цвейбрикина, надобно сказать, что мы тамъ были и что даже знаемъ скотной дворъ, гдѣ она родилась; на десертъ явились новыя нищія и съ письмами въ стихахъ, а нѣмка, видя, что мы дали имъ нѣсколько крейцеровъ, приговаривались также безъ всякаго стыда и совѣсти; но слава Богу и тутъ—какъ пишетъ Густавъ, сейчасъ въ своемъ маленькомъ журналѣ—атаку эту отразили крейсерами же;—мы тамъ выбрались новыми бритвами, которыя я досталъ отъ Вильчинскаго и простившись съ хозяиномъ, ругавшимъ безъ милосердія Наполеона, пустились въ путь;—при выходѣ изъ дверей къ коляскѣ съ одной стороны ожидала ужасная толпа большихъ и малыхъ нищихъ; а съ другой нѣсколько такихъ же музыкантовъ, отъ которыхъ насили, насили могли ускакать за городъ; но и на большой дорогѣ нѣтъ покою отъ нищихъ.—Сюда пріѣхали въ 7-мь часовъ, квартира маленькая, холодная и дрова до сихъ поръ дурно горятъ въ каминѣ.—Графъ въ концертѣ, и я не знаю, увижу ли сегодня.—Выпили по стаканчику пуншу, и вотъ я сѣлъ писать свой, а Шефлеръ свой журналъ; онъ давно уже кончилъ и, читая, заставилъ насъ смѣяться;—о, пріятно будетъ, когда Богъ благословитъ, дома въ миломъ кругу прочитывать эти записки и припоминать то, что теперь предъ глазами;—Туль крѣпость; но мы пріѣхали уже тѣмно и сегодня ничего не могу замѣтить.

Деревня Гудленкуръ 16-ю января.

Сегодня по утру былъ у графа, засталъ его одного и много кой о чемъ говорили, онъ смѣялся, что я отсталъ и не могъ нагнать такъ долго;—Туль очень небольшой городъ и кромѣ одной площади, усаженной деревьями, я ничего порядочнаго не замѣтилъ; наша квартира была въ трактирѣ подъ знакомъ бронзоваго коня и хозяинъ называется Стиръ; за ковку лошадей, за которую заплатилъ я двадцать франковъ,—мы прождали въ

Тулѣ до 2-хъ почти часовъ за полдень, — обѣдали изрядно и маршъ до этой деревни. 9-ть почтовыхъ лье или часовъ сдѣлали въ 7-мъ часу вечера, дорога гориста; проѣзжали небольшой городокъ Вукулерь. Деревня эта не больно большая и даже въ домѣ простого мужика, гдѣ мы квартируемъ, не нашли печки, въ передней, гдѣ хозяева, каминъ почалъ; а въ нашей ничего и такъ холодно, что вмѣсто печки принесли горшекъ съ угольемъ и мы, выпивши по два стакана пуншу, не можемъ обогрѣться; ноги замерзли гораздо болѣе, чѣмъ въ коляскѣ, хотя и на дворѣ оттепель, все отъ каменныхъ стѣнъ; — купили пару бутылокъ вина и будемъ ужинать; къ графу не пойду — далеко, — читалъ драму и перебиралъ полученные бумаги. — Каково же спать, хоть не раздѣвайся. О милая Германія.

Городъ Жуанвилль 17 января.

Снавъ еще хуже вчерашняго отъ необыкновеннаго холоду и дурной постели, нѣсколько разъ просыпался ночью и насилу дозвался Михайлу съ свѣчою и велѣлъ давать чаю; — ходилъ къ графу, и дорогою зашелъ къ Акличееву, который сильно напугалъ было тѣмъ, что мы обойдены непріателемъ; но графъ имѣлъ уже рапортъ что корпусъ прусской прогналъ непріателя и уже занялъ линіи въ параллель съ нами; потолковавъ съ графомъ довольно долго и узнавъ, что намъ важно остановиться въ Жуанвиллѣ, заходилъ къ Игнатьеву и пустились въ путь, — горы большія и досадныя; насилу доѣхали, сдѣлавъ 7-мъ лье; но и тутъ подѣзжая къ городу встрѣтилъ какой-то офицеръ отъ принца Виртембергскаго и говорилъ, что съ экипажемъ нельзя нашимъ въѣхать въ городъ, потому что слышна вблизи перестрѣлка стрѣлковъ, однакожъ на волю Божию мы пустились въ городъ и ничего не слышали; пока узнали гдѣ квартира; зашли къ Пышницкому, которой здѣсь же стоитъ; пили у него водку съ Акличеевымъ и Игнатьевымъ и послѣ сюда, — квартира холодная съ каминомъ какъ и обыкновенно; но впрочемъ очень изрядная; ходилъ къ графу, который получилъ курьера, что Вреде приказано съ баварцами подкрѣпить насъ и онъ уже сегодня прибылъ и былъ у графа; — непріатель велъ сегодня дѣйствительно перестрѣлку съ нашими аванпостами и по дорогѣ къ Сентдизьеру отступилъ, говорятъ, что тамъ первая позиція французовъ, а вторая въ Шалонѣ, Наполеонъ сегодня долженъ быть въ Витри; съ другой же стороны

говорять, что непріятель очень близко, и потому мы въ осторожности.—Мы стоимъ здѣсь подъ № 814-мъ, обѣдъ дали славною и что здѣсь рѣдко по чрезвычайной дороговизнѣ сахару, поподчивали кофіемъ послѣ обѣду;—ходили къ Теслеву, который живетъ на самомъ форштадтѣ за мостомъ. Онъ еще подтвердилъ, что надо быть осторожнымъ, а у меня все здѣсь, коляска, ямщикъ и верховыя лошади—все Богомъ, право, на Него надежда.—Хозяинъ преразговорчивой, и бранить безъ милосердія Бонапарте, сколько можно разсудить, онъ дѣлаетъ это отъ чистаго сердца и дѣйствительно сколько они пострадали отъ революціи и еще болѣе отъ Наполеона, всѣ единодушно желаютъ мира и—Боже, услыши общее желаніе всѣхъ.—Къ дому Бурбонскому они душою преданы и радость видна на лицѣ каждаго, когда говорятъ, что Дюкъ-д'Ангюлемъ въ главной нашей квартирѣ.—Теслевъ увѣрилъ меня, что завтра будемъ атаковать вмѣстѣ съ Вреде, но диспозиціи еще нѣтъ; должно спать на шинеляхъ и нераздѣваясь!

Г. Жуанвилль 18-го января.

Ночь спали тепло и хорошо, но не очень покойно, опасаясь тревоги;—утромъ былъ у графа и долго съ нимъ говорили какъ о теперешнихъ движеніяхъ нашихъ и расположеніи непріятеля, такъ и о неутвержденіи до сихъ поръ представленій нашихъ и по отправленіи принца Виртембергскаго съ корпусомъ его противу непріятеля къ Васси; писалъ къ Барклаю о нашихъ рекомендаціяхъ;—графъ ѣздилъ къ авангарду, и во весь день слышна была сильная канонада какъ у насъ, такъ и у Іорка отъ Баръ-ле-Дюка; графъ возвратился къ обѣду, погода прескверная, дождь, снѣгъ и вѣтеръ попеременно.—Писалъ между тѣмъ къ Трескину и Алексашѣ и отправилъ вмѣстѣ съ письмомъ домой при запискѣ къ Доливѣ-Добровольскому. Вечеромъ получили увѣдомленіе Блюхера, что онъ былъ вчера атакованъ Наполеономъ и даже выгнанъ изъ Бріена, но подкрѣпясь корпусомъ Сакена онъ поколотилъ порядкомъ злодѣя, занялъ опять Бріенъ и отнялъ нѣсколько пушекъ съ плѣнными, заставивъ непріятеля ретироваться; у насъ тоже отступилъ непріятель 1½ часа и завтра предполагаемъ быть порядочному дѣлу.—При канонадѣ сегодняшней въ городѣ была чрезвычайная тревога между жителями они прибѣгали къ намъ искать утѣшенія; но благодаря Богу страхъ ихъ прошелъ и мы здѣсь.

Говорятъ также, что Коленкуръ, прѣзжавшій въ Шалокъ съ предложеніями мира на томъ основаніи, чего требовали мы въ перемиріе при Швейдницѣ—очень смѣшномъ въ теперешнемъ нашемъ положеніи прогнанъ, и союзные государи не хотятъ уже болѣе толковать съ Бонапартомъ, но прямо съ націею; — Боже, благослови низложить злодѣя, угнетающаго человѣчество и проливающаго кровь для собственнаго властолюбія, — увѣнчай этимъ щедроты Твои, на насъ изліянныя, и осчастливь истиннымъ и прочнымъ миромъ. Завтра, кажется, рѣшено уже подраться; у принца сегодня ранили Вахтена и изрядно еще изъ корпуса, что-то завтра будетъ?

Сообщ. Б. В. Каховскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Изъ архивныхъ документовъ.

I. „Непригожія рѣчи“ о патріархѣ Филаретѣ Никитичѣ (1630 г.).

Въ 1630 году, послѣ Дмитріевской субботы (26 октября) въ Ельцѣ былъ посаженъ въ тюрьму попъ Черной слободы Григорій. Онъ отбывалъ наказаніе за какую-то провинность по указу рязанскаго архіепископа Антонія. Находясь въ заключеніи, попъ Григорій, однако, не забывалъ своихъ пастырскихъ обязанностей и въ неудобной тюремной обстановкѣ служилъ заутреню, часы и молебенъ. При этомъ попъ Григорій поминалъ на эктеніяхъ „святѣйшаго патріарха московскаго и всея Русіи Филарета Никитича“. Къ окошку тюрьмы подошелъ боярскій сынъ Томило Толбузинъ, исполнявшій обязанности „десятильника“ при рязанскомъ архіепископѣ. Услышавъ возгласы попа Григорія, Толбузинъ, какъ архіерейскій чиновникъ, не могъ примириться съ такимъ умаленіемъ чести и власти своего владыки и набросился на узника съ бранью:

— Какъ ты, попъ, Бога молишь въ октеняхъ и въ богомольныхъ за патріарха, а не за архіепискупа? Останешь, попъ, скуфьи и головы (т.-е. безъ скуфьи и безъ головы)... Кто тебѣ указалъ Бога молить за патріарха?...

— Какъ мнѣ за великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Никитича Бога не молить?—возразилъ попъ-Григорій: я отъ него, государя, воскресъ. Онъ мнѣ далъ свѣтъ видѣть: вышелъ я изъ полону, и онъ, государь, меня поймъ и кормилъ, и въ попы поставилъ безошлинно, и указалъ быть на Ельцѣ въ попѣхъ, въ Черной слободѣ. Радъ за него, великаго государя, Бога молить вѣкъ...

— Сидѣть тебѣ голомя (долгое время) въ тюрьмѣ—закончили споръ Томила Толбузинъ.

Этотъ разговоръ такъ и остался бы домашнимъ происшествіемъ, если бы одному изъ тюремныхъ сидѣльцевъ не пришло на мысль закричать за собой „государево слово“. На допросѣ въ сѣбѣжей избѣ по поводу этого оговора и рассказанъ былъ поступокъ попа Григорія, со ссылкой на свидѣтелей его столкновенія съ десятильникомъ. Воевода попытался было поставить попу Григорію въ вину, почему онъ, послѣ выхода изъ тюрьмы, побывалъ уже въ Рязани и въ Москвѣ, и, однако, нигдѣ о „непригодныхъ словахъ“ про патріарха Филарета не извѣщалъ. Попъ Григорій сослался на такое обстоятельство, которое слышомъ часто въ то время встрѣчалось въ отношеніяхъ свѣтскихъ архіерейскихъ чиновниковъ къ низшему духовенству: „боемъ отъ него, Томилы, надсаженъ, для того и не извѣщалъ“...

Когда результаты допроса сообщены были въ Москву, послѣдовала интересная резолюція. Всякое наказаніе боярскому сыну за его слова попу Григорію косвенно являлось внушеніемъ епархіальному архіерею, который нравственно и юридически отвѣчалъ за поступки своихъ агентовъ. Резолюція тонко обходитъ этотъ щекотливый пунктъ, и, оставляя незатронутой честь рязанскаго архіепископа, въ то же время, даетъ хорошій урокъ его ретивому десятильнику. „Указали государь и святѣйшій государь патріархъ отписать грамоту, что государю и святѣйшему государю патріарху то вѣдомо, что молятъ Бога во всѣхъ митрополіяхъ и архіепискупьяхъ за своихъ митрополитовъ и архіепискуповъ; а тотъ попъ, сидя въ тюрьмѣ, молилъ Бога за государя святѣйшаго патріарха и государскую святѣйшаго патріарха милость воспоминалъ, что его въ попы поставилъ и пошлѣ имать не велѣлъ; и десятильнику Томилу Толбузину за то бранить и унимать попу не за что, и того сына боярскаго за то посадить въ тюрьму на три дни“...

(Московск. Архивъ Минист. Юстиціи. Приказнаго стола столб. № 16, л.л. 514—520).

II. „Демонскіе лики“ въ Рязани (1671 г.).

31 марта 1671 г. въ Рязани у писчей явбы на стѣнѣ оказался прилѣпленнымъ листъ съ „демонскими ликами“, а подъ ними были написаны „неурстойныя и недѣльныя слова“. На одной сторонѣ листа подъ тремя „личинами“ значались имена 8 подъя-

чихъ: Авдѣйка Епихинъ, Артюшка Карповъ, Калистратка Суворовъ. На оборотѣ надъ одною личиною были слова: *царь, юсударь, царица*, а еще надъ двумя: *антихристъ*. Такъ какъ изба помѣщалась „въ торгу“, то листъ привлекъ къ себѣ вниманіе толпы и вызвалъ оживленные разговоры. Подьячіе, имена которыхъ оказались на листѣ, знали, что имъ прежде всего придется отвѣчать за непристойныя надписи, а потому сами бросились отыскивать виновника—„вора, составщика и поругателя“. Воевода въ Рязани въ это время умеръ, и разслѣдованіе перешло въ казенный приказъ рязанскаго митрополита, тѣмъ болѣе, что главнымъ зачинщикомъ всего дѣла оказался молодой подьячій духовныхъ дѣлъ Тимошей Внифантьевъ. Его братъ, Иванъ Внифантьевъ, былъ вліятельнымъ лицомъ въ казенномъ приказѣ. Онъ попытался было какъ-нибудь замять непріятную исторію. „Безъ очины ставки братъ мой никакой сказки не дастъ“—заявилъ Иванъ казначею монаху Тарасію, начальнику казеннаго приказа. Рязанскій митрополитъ Иларіонъ въ ту пору находился въ Москвѣ, и сношенія съ нимъ изъ Рязани задержались вешней водой. Только 3 мая митрополитъ распорядился передать все дѣло изъ казеннаго приказа новому воеводѣ для розыска. А въ случаѣ укрывательства Тимошки Внифантьева митрополитъ далъ приказъ вмѣсто него „принять накрѣпко“ самого Ивана Внифантьева и отдать въ руки воеводы. Теперь пришлось Тимошкѣ повиниться въ своей продѣлкѣ... „Писалъ я на листу перомъ лица по обѣ стороны, — показавъ Тимошка передъ воеводой, — не умысломъ и не хитростью, съ малоумія. И въ тотъ листъ въ бумажкѣ завернувъ деньги, понесъ платить Вхо-Іерусалимскому пошу Михаилу. И въ то время, какъ деньги принесъ, въ церкви поютъ обѣдню, и въ церкви деньги отдалъ попову сыну дьячку Ѳедоскѣ. А тотъ листъ взялъ у меня смотрѣть пушкаря Тимошкинъ сынъ Карцова малый Исачка. И вышедъ на паперть, при мнѣ и при дьячкѣ Ѳедоскѣ на томъ листу съ одну сторону подписалъ подъ тремя лицами ямщика Авдюшкино имя Епихина да площадныхъ робятъ Артюшки Карпова да Калистратки Суворова, и подписавъ тотъ листъ понесъ къ робятамъ къ своей братьѣ. А я положилъ то впростѣ... И робята, межъ себя глумясь, положили тотъ листъ у писчей избы на окнѣ или будетъ прилѣпили. А на другой сторонѣ листа надъ парсунами никакого подписанія не было“...

„Робята“ на допросѣ подтвердили, что на оборотѣ дѣйствительно подписей не было. Затѣмъ этотъ листъ перешелъ въ руки племянника Авдюшки Епихина—Васьки Ульянова, который

спряталъ листъ въ свою коробью подъ замокъ. Но самъ Авдюшка, вѣроятно, былъ очень оскорбленъ насмѣшками толпы, читавшей его имя подъ „демонскимъ ликомъ“. Къ тому же, съ Тимошкою Внифатьевымъ у него была „старая недружба“. И вотъ онъ задумалъ жестоко отплатить за карикатуру. Въ свою лавку въ соляномъ ряду Епихинъ завелъ пришлаго „дѣтину“, по имени—Авдюшку, и началъ съ нимъ такой разговоръ: „У меня учинился закладъ съ однимъ человѣкомъ. Я хвалилъ твою руку: письмо ты-де лучше пишешь. А товарищъ мой хвалилъ иного дѣтины письмо лучше“... Подзадоренный грамотей сейчасъ же сѣлъ и сталъ писать на бумагѣ „складъ“ (т. е. стихотвореніе): „Стоитъ градъ“... Но Авдюшка Епихинъ возразилъ: „Не о томъ у меня закладъ стоитъ“ — и показалъ на порожнемъ столбцѣ три слова написаны: царь, государь, царица. „Вотъ о чемъ у меня закладъ стоитъ“. Посадивъ дѣтину, Епихинъ завернулъ листъ въ неписанные столбцы и изъ своихъ рукъ положилъ къ нему на колѣни. Листъ былъ сложенъ такъ, что „парсонъ“ не было видно. Не ожидая злого умысла, дѣтина написалъ три слова и былъ въ полной увѣренности, что онъ пишетъ на чистой бумагѣ. Другія подписи были сдѣланы Каллистраткой Суворовымъ. Чтобы скрыть слѣды своей продѣлки, Епихинъ сталъ „ссылать съ города“ обманутаго имъ Авдюшку Ананьина, дабы нельзя было „сыскать такой руки“... Въ тѣхъ же цѣляхъ Епихинъ сдѣлалъ „явки“ въ пригородныхъ слободахъ, а въ самой Рязани не объявилъ листа съ воровской и обманной подписью, между тѣмъ какъ на словахъ онъ о немъ распространялъ многимъ. Когда начались розыски, „дѣтина“ чистосердечно повинился и рассказалъ, какъ онъ по простотѣ вдался въ обманъ, „не чая воровского умысла отъ Епихина“. Остальные лица, замѣшанные въ исторію „демонскими ликами“, также передали подробно весь ходъ дѣла. Но Авдюшка Епихинъ былъ, видимо, человѣкъ очень изворотливый. Онъ сразу нашелъ какіе-то пути къ новому рязанскому воеводѣ князю Лаврентію Горчакову и расположилъ его въ свою пользу. Вопреки обычному порядку дознанія, воевода не далъ очной ставки Епихину съ „дѣтиной“, медлилъ сообщить о результатахъ допроса въ Москву и безъ указа государя отпустилъ всѣхъ причастныхъ къ дѣлу лицъ, посадивъ на съѣзжей избѣ въ оковахъ одного только „дѣтину“ Авдюшку, да въ подклѣтѣ „въ чепѣ“ „въ желѣзахъ держалъ еще Тимошку Внифатьева“.

Такъ какъ участію послѣдняго узника былъ заинтересованъ митрополитъ Иларіонъ, то онъ счелъ необходимымъ обратиться

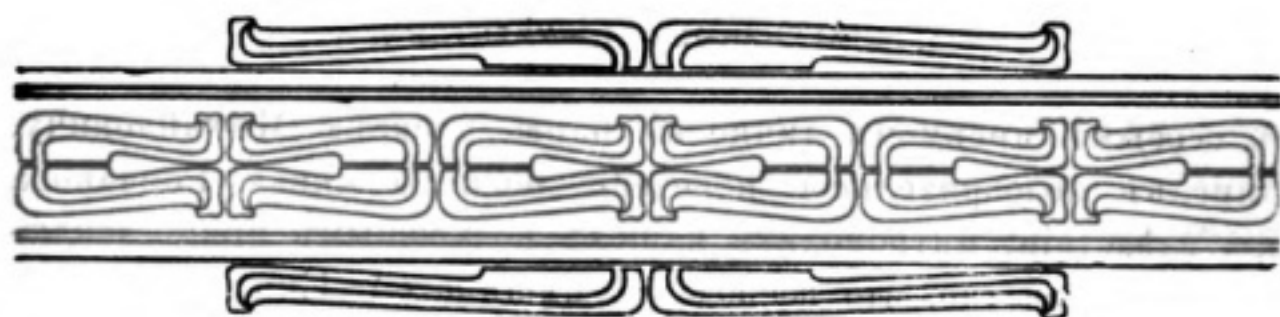
съ особымъ письмомъ лично къ царю Алексѣю Михайловичу. Описавъ подозрительное поведеніе воеводы князя Горчакова при слѣдствіи, митрополитъ нашелъ возможнымъ прямо заключить: „и то знатно, что воевода съ ямщика (А. Епихина) взялъ взятку и хочетъ его очистить и ту вину положить на неповинныхъ“... Такое обвиненіе, исходившее изъ устъ высшаго духовнаго начальника, было слишкомъ серьезно и не могло остаться безъ вниманія. Изъ Москвы посланъ въ Рязань дворянинъ Лаврентій Денисовъ съ полномочіемъ произвести подробный сыскъ. Воевода кн. Горчаковъ свою медлительность въ дѣлѣ объяснилъ тѣмъ, что онъ „подлинно про то не розыскалъ и за иными многими приказными дѣлами“; послѣ разспроса и очныхъ ставокъ всѣ оговоренные были не на свободѣ, и за приставами и на порукахъ; „дѣтину“ Авдюшку велѣно было держать въ желѣзахъ для береженья, потому что онъ человѣкъ гулящій — вѣрить ему некому, а не для поноровки Авдюшки Епихина и своей корысти...

Только въ декабрѣ мѣсяцѣ состоялся приговоръ: ямщика Авдюшку Епихина за его воровство бить кнутомъ на козлѣ да у него-же отсѣчь лѣвую руку по запястье; дѣтину Авдюшку Ананьина и Калистратку Суворова также бить кнутомъ на козлѣ нещадно; Тимошку Внифантьева, пушкарскаго сына Исачка и другихъ участниковъ всей исторіи съ листомъ, вмѣсто кнута, бить батоги нещадно и дать ихъ на поруки, чтобъ впредь имъ и инымъ такимъ воровствомъ не воровать; воровской листъ сжечь. „А князь Лаврентья Горчакова изъ Переславля Рязанскаго перемѣнить, а на его мѣсто послать иного, кого пригожъ“...

(Приказн. стола столб. № 420, л.л. 5—9, 14—16, 102—107).

Сообщ. С. Н. Введенскій.

Эпизодъ изъ жизни Императора Павла I.

Изъ записокъ Ивана Яковлевича де Виттъ.

Братъ моей бабушки, Маріи Яковлевны де Воллантъ (Swert de Wallant), урожденной де Виттъ, генералъ Иванъ Яковлевичъ де Виттъ, оставилъ послѣ себя записки и нѣчто вродѣ дневника¹⁾, доведеннаго до 1846 г. Онъ начинается съ родословной, въ которой насчитывается съ отцемъ (а моимъ прадедомъ) тринадцать поколѣній. Мой прадедъ Яковъ-Эдуардъ де Виттъ былъ приглашенъ въ 1784 Екатериною II и поступилъ на русскую службу съ чиномъ полковника и 1.200 руб. жалованья. Умеръ онъ въ высокихъ чинахъ.

Скажемъ о маленькой подробности:

На первыхъ порахъ не могъ примириться съ вѣздой на телѣгахъ и всеподданнѣйше донесъ, что онъ пріѣхалъ изъ Голландіи не для того, чтобы потерять свое здоровье на отвратительныхъ телѣгахъ. Екатерина II приказала ему отпустить 1.200 р. на покупку экипажа.

Позднѣе въ 1799 г. Павелъ I приказалъ ему приготовить проектъ о разрушеніи крѣпости въ Ригѣ по случаю того, что этотъ городъ обращается въ порто-франко, и вмѣсто этого построить крѣпость въ Митавѣ.

Приготовивъ всѣ проекты, генералъ де Виттъ поднесъ ихъ лично Императору, который остался очень доволенъ всею работою. Разсматривая чертежи, Павелъ I замѣтилъ де Витту, что ни одинъ изъ чертежей не былъ подписанъ генераломъ де Виттъ. Тогда послѣдній неустрашимо отвѣтилъ Императору: „Ваше Величество, я долженъ былъ исполнить Ваше приказа-

¹⁾ Записки на нѣмецкомъ языкѣ.

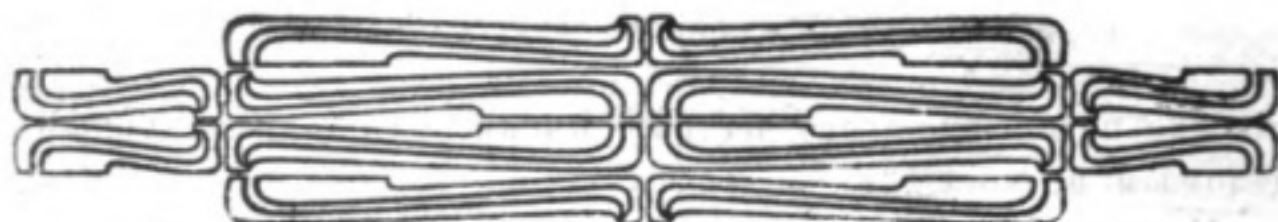
ніе—но подписать моего честнаго имени подъ такимъ дурнымъ дѣломъ я не могу...”

Павелъ I страшно вспыхнулъ и выгналъ отъ себя де Витта. Тотъ, конечно, отъ нравственнаго потрясенія заболѣлъ и слегъ въ постель. Можно бы вообразить, въ какомъ состояніи было семейство, когда въ полночь прибылъ фельдъ-егерь, который передалъ генералу де Виттъ большой конвертъ. Дрожащею рукою отрываетъ де Виттъ конвертъ и въ немъ находитъ грамоту и орденъ Св. Анны 1 степени.

Этотъ внезапный переходъ отъ страха къ радости все-таки отразился на здоровьи, и генералъ де Виттъ долженъ былъ пролежать въ постели еще десять дней. Когда онъ выздоровѣлъ и захотѣлъ представиться Государю, Павелъ назначилъ ему придти въ воскресенье во время парада. Завидѣвъ его издали, Павелъ I взялъ де Витта подъ руку и провелъ его такимъ образомъ передъ всѣмъ фронтомъ, сказавъ при этомъ: „Таковыхъ генераловъ мнѣ нужно болѣе“. Затѣмъ Павелъ I снялъ шляпу и дружески поклонился де Витту. Послѣ этого онъ отличалъ его своимъ милостивымъ обращеніемъ.

Григорій де-Волланъ.

Исторія повторяется.

М. о. О. А. Г.
III. оп. 161а. св.
534, д. 15, л. 5.
№ 32.

**Рескриптъ вел. князю Константину Павловичу
за собственноручной подписью Императора
Александра I.**

Его Императорскому Высочеству Цесаревичу.

Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ донесенія Вашего Императорскаго Высочества отъ 21-го іюня справедливое замѣчаніе, сдѣланное Вами генералу Римскому-Корсакову, за непозволительный пропускъ виленскою цензурою артикула, помѣщеннаго въ издаваемомъ въ Вильнѣ журналѣ отъ 31-го маія подъ № 10-мъ.

Какъ губернія сія нынѣ состоитъ уже подъ начальствомъ Вашего Императорскаго Высочества, то повелѣваю Вамъ дать предписаніе редактора виленскаго журнала арестовать на мѣсяцъ, съ запрещеніемъ ему изданія сего журнала; цензурѣ же замѣтить, чтобъ она бдительно исполняла свою должность.

Александръ.

Въ Царскомъ селѣ
4 іюля 1822 г.

Сообщилъ В. П. Федоровъ.

Редакторъ-издатель П. Воровъ.

Открыта подписка на 1914 годъ на органъ финансовой
и торгово-промышленной жизни

Финансовое --- --- Обозрѣніе

(Годъ изданія 5-й). Журналъ будетъ выходить еженедѣльно,
при участіи выдающихся авторитетовъ по всѣмъ отраслямъ
экономической жизни.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ въ каждомъ номерѣ
рядъ основныхъ статей по различнымъ вопросамъ госу-
дарственного и народного хозяйства.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ точныя сообщенія
о состояніи биржъ и денежныхъ рынковъ главныхъ цен-
тровъ Европы, анализы дѣятельности акціонерныхъ бан-
ковъ и столичныхъ фондовыхъ и товарныхъ биржъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія о Банковыхъ, Биржевыхъ и Страховыхъ дѣлахъ и
Акціонерныхъ Торгово-Промышленныхъ Обществахъ въ
Россіи.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ даетъ подробныя свѣдѣ-
нія и отчеты по Золотопромышленной, Нефтяной, Хлопко-
вой, Лѣсной, Сахарной, Горной и Сельско-Хозяйственной
промышленностямъ.

„ФИНАНСОВОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ является единственнымъ
еженедѣльнымъ журналомъ, въ которомъ дѣловой міръ най-
детъ всѣ необходимыя свѣдѣнія, по всѣмъ интересующимъ
его вопросамъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ С.-Петербургѣ и въ провинціи на годъ, 8 р. на 6 мѣс. 5 р.
За границу „ 10 р. „ 6 р.

Контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 22.

Объявленія и подписка принимаются въ Редакціи жур-
нала и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ Н. А. Нотовичъ.

СТАРЫЕ ГОДЫ

Ежемесячникъ для
любителей искусства
и старины □ □ □

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1914 ГОДЪ.

„Старые Годы“ въ восьмомъ году изданія будутъ выходить по прежней программѣ и при участіи слѣдующихъ сотрудниковъ.

В. С. Арсеньевъ, Александръ Н. Бенуа, Ф. Г. Беренштамъ, И. Я. Билибинъ, Wilhelm Bode, П. П. Вейнеръ, Adolfo Venturi, L. Venturi, В. И. Веретенниковъ, В. А. Верещагинъ, бар. Н. Н. Врангель, Fiegers Gevaert, Max Geisberg, В. III. Георгиевскій, В. Н. Гернгроссъ (Всеволодской), В. В. Голубевъ, Jean Guiffrey, Игорь Э. Грабаръ, Louis Dalteil, С. П. Дягилевъ, Н. П. Кондаковъ, Е. Ф. Коршъ, Е. М. Кузьминъ, В. Я. Курбатовъ, Н. Е. Лансере, Э. Э. Ленцъ, Э. К. фонъ Липгартъ, Е. Г. Лисенковъ, Н. П. Лихачевъ, В. К. Лукомскій, Г. К. Лукомскій, Н. Е. Макаренко, Сергѣй Маковский, Pierre Marcel, L. de Maeterlinck, П. П. Муратовъ, П. И. Нерадовскій, W. Norbert, А. В. Орѣшниковъ, R. P. Pirling, Pol de Mont, Н. К. Рерихъ, Н. И. Романовъ, А. А. Ростиславовъ, Н. Ротштейнъ, Denis Roche, А. В. Селивановъ, П. П. Семеновъ-Тянь-Шанскій, П. К. Симони, Н. В. Соловьевъ, А. А. Спицынъ, П. Н. Столянский, Н. Г. Тарасовъ, С. Н. Тройницкій, А. А. Трубниковъ, В. К. Трутовскій, А. И. Успенскій, бар. А. Е. Фелькерзамъ, Max Friedländer, И. А. Шляпкинъ, Джемсъ А. Шмидтъ, В. А. Шавинскій, И. А. Фоминъ, П. Д. Эттингеръ, А. И. Яцимирскій и мн. др.

Цѣна въ годъ съ доставкой и пересылкою 10 руб.,
безъ доставки—9 руб., за границу—40 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка:
при подпискѣ—5 р., 1 апрѣля—3 р. и 1 іюля—2 руб.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Ключкова и Митюрникова; въ Москвѣ—въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова и Веркемейстера и въ складахъ изданій Общины Св. Евгеніи Краснаго Креста; въ С.-Петербургѣ—Морская, 38 и въ Москвѣ—Кузнецкій мостъ, 11.

Объявленія: страница 50 р., $\frac{1}{2}$ стр.—30 р., $\frac{1}{4}$ стр.—20 р., $\frac{1}{8}$ стр.—12 р.

За перемѣну адреса 50 коп.

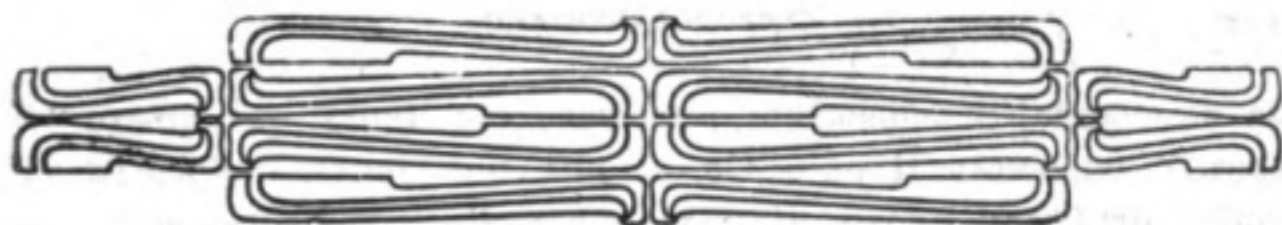
Комплектовъ журнала за прошлые годы не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Вице-Король Італіанскій
ЕВГЕНІЙ БОГАРНЕ.

Семейное преданіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ лѣта отъ Рождества Христова 1651 „Тишайшій“ Царь Алексѣй Михайловичъ находился въ ежегодномъ „Звенигородскомъ походѣ“, т.-е., по просту говоря, охотился со своими приближенными въ окрестностяхъ Звенигорода и возвышающагося на холмѣ надъ нимъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Въ одно прекрасное, весеннее, утро Царь отправился пѣшкомъ одинъ гулять въ лѣсъ; вдругъ видитъ—навстрѣчу ему идетъ громадный медвѣдь. Не робокъ былъ Царь и хватился за оружіе—а нѣтъ оружія нѣтъ. Обомлѣвъ тутъ „Тишайшій“: тропинка узкая, кусты густые, сойти въ сторону некуда, а звѣрь идетъ прямо на него... оставалось благочестивому Царю лишь одно: сотворивъ молитву, предаться волѣ Божіей. Перекрестился онъ; вдругъ, глядь, рядомъ съ нимъ появился инокъ, всталъ передъ нимъ, а медвѣдь, увидя его, повернулъ обратно и скрылся въ густой чащѣ лѣса.

Снявъ Царь шапку, сотворилъ крестное знаменіе, мысленно возблагодаривъ Господа за спасеніе свое отъ опасности, и спросилъ потомъ инокъ, какъ его звать и откуда онъ пришелъ? „Зовутъ меня Саввой, отвѣчалъ инокъ, а монастырь тутъ рядомъ“. Пошли тогда Царь съ инокомъ къ монастырю, только, по дорогѣ инокъ, незамѣтно для Государя, вдругъ исчезъ.

Придя въ монастырь, Алексѣй Михайловичъ сталъ спрашивать, гдѣ инокъ ихъ, по имени Савва? Но оказалось, что инокъ съ такимъ именемъ нѣтъ во всемъ монастырѣ. Приказалъ Государь позвать всю братію... но и среди нея не было царскаго спасителя. Задумался тогда Царь... и пошелъ въ храмъ Божій отслужить благодарственный молебенъ Господу за избавленіе свое отъ опасности. Входить въ церковь и видитъ среди иконъ

на икопостасѣ изображеніе спасаго его инокѣ: „Чей это образъ“? спросилъ Царь — „Св. Саввы, покровителя обители нашей“, отвѣчали иноки. Понялъ тогда Государь, кто былъ его чудесный спаситель, и съ тѣхъ поръ всегда—особенно благодѣтельствовалъ и покровительствовалъ Звенигородскому Саввину-Сторожевскому монастырю.

Такъ рассказываетъ старинное монастырское преданіе, поэтически рассказанное Меемъ въ звучныхъ стихахъ ¹⁾.

Прошло съ тѣхъ поръ 160 лѣтъ. Настала тяжелая для Россіи година нашествія дванадцати языковъ, началась „Отечественная война“. Прогремѣлъ Бородинскій бой, запылала Москва, потянулись во все концы матушки Россіи обозы спасающихся отъ француза жителей Бѣлокаменной.

31 августа 1812 года къ высокимъ, усиленнымъ башнями, зубчатымъ стѣнамъ Саввина-Сторожевскаго монастыря, расположеннаго на высокомъ берегу Москвы-рѣки, послѣ небольшой перестрѣлки съ казаками, подошелъ отрядъ непріятельскихъ войскъ: то былъ авангардъ 4-го корпуса „великой арміи“, состоявшаго подъ начальствомъ вице-короля Итальянскаго, принца Евгенія Богарне, пасынка и пріемнаго сына Наполеона.

Послѣ Бородинскаго сраженія, 4-й корпусъ, простоявъ 28 и 29 августа въ Рузѣ, которую авангардъ его и мародеры, встрѣтивъ сопротивленіе жителей, жестоко разграбили, выступилъ оттуда 30-го, слѣдуя къ Звенигороду по большой дорогѣ вдоль лѣваго берега рѣки Москвы, продолжая, какъ и до Бородина, составлять лѣвую изъ трехъ колоннъ „великой арміи“.

Отъ Рузы до Звенигорода болѣе 40 верстъ разстоянія; слѣдовательно, штабъ корпуса съ принцемъ Евгениемъ, двигаясь не спѣша, прошли этотъ путь, въ два перехода, и между Рузою и Звенигородомъ вице-король несомнѣнно долженъ былъ имѣть гдѣ-нибудь ночлегъ; гдѣ *точно*—къ сожалѣнію, намъ установить не удалось.

Мы знаемъ только, что 29 августа онъ еще былъ въ Рузѣ, гдѣ была дневка, и оттуда сохранились письма къ его женѣ, а 31-го онъ ночевалъ въ Саввиномъ монастырѣ; слѣдовательно, ночь съ 30 на 31-е августа онъ провелъ гдѣ-нибудь между этими двумя пунктами, и, вѣроятно, на бивакѣ. Преданіе, по крайней мѣрѣ, упоминаетъ, что все послѣдующее случилось „въ палаткѣ“.

¹⁾ Баллада эта приведена въ роскошномъ трудѣ Кутепова „Царская охота на Руси“.

Занимаясь вечеромъ въ ней, гласить оно, принцъ вдругъ видитъ, какъ приподнимается пологъ палаточной двери и входитъ почтенный на видъ старецъ въ монашеской одеждѣ, съ длинной сѣдой, какъ лунь, бородой. На вопросъ удивленнаго принца, что ему нужно, старецъ отвѣтилъ: „Прими мѣры, чтобы охранять мой монастырь отъ разграбленія, и тогда ты будешь однимъ изъ немногихъ, которые возвратятся на родину свою здоровыми и невредимыми, *а потомки твои будутъ служить въ Россіи*“. Сказавъ это, старецъ исчезъ.

Опомнившись отъ удивленія, принцъ сталъ протирать себѣ глаза, думая, что заснулъ, и все это было сномъ; потомъ вышелъ изъ палатки и строго спросилъ часового, стоявшаго у дверей его, почему онъ впускаетъ безъ доклада постороннихъ лицъ? Солдатъ безсмысленно глядѣлъ на своего начальника и отвѣтилъ, что онъ никого не пропускалъ, да никто и не подходилъ къ палаткѣ, и даже угроза посадить его подъ арестъ, если онъ не сознается и не скажетъ правды, не могла заставить его измѣнить свое показаніе. Задумался тогда принцъ, и рѣшивъ, что все это сонъ и никому не сказавъ о причинѣ своего гнѣва на часового, пошелъ въ свою палатку и крѣпко, мирно заснулъ.

На утро слѣдующаго дня авангардъ корпуса, съ адъютантомъ принца—Лабомомъ (Labaupe) во главѣ, подступилъ къ Сторожевскому монастырю и, войдя въ него, засталъ тамъ, кромѣ инока, открывшаго ворота, еще только 4 старцевъ, молившихся въ церкви у раки святителя и почившихъ настоятелей монастыря. На требованіе незваныхъ гостей открыть свои тайники и дать продовольствіе, старцы отвѣчали, что сами они бѣдны, ѣдятъ такую пищу, которую и солдаты французскіе, вѣроятно, отказались бы получать, сокровищъ у нихъ никакихъ нѣтъ, кромѣ ихъ церкви и гробницы ихъ святыхъ, и молили оставить имъ эти святыни, что и было имъ обѣщано. Въ это время прибылъ и самъ принцъ Евгеній со своимъ штабомъ. (Labaupe, Campagne de Russie. Livre V, page 156) ¹⁾.

Войдя въ церковь (или по другому варианту, идя къ ней по коридору), принцъ остановился, пораженный, передъ изображеніемъ старца съ длинной бѣлой бородой, въ которомъ узналъ своего ночного посѣтителя! На вопросъ его, черезъ

¹⁾ Преданіе, къ сожалѣнію, не говоритъ, на какомъ языкѣ объяснились принцъ и старецъ, по извѣстному вѣдъ, что и во снѣ мы никогда не отдаемъ себѣ отчета, какія были сказаны слова, хотя смыслъ ихъ намъ всегда остается вполнѣ памятнымъ и понятнымъ.

переводчика: „чей это портрет“, старцы отвѣтили, что это—образъ и изображеніе покровителя монастыря св. Саввы, бывшаго нѣкогда инокомъ ихъ обители.

Удивился тогда принцъ, и вспомнивъ вѣщія слова, тотчасъ же велѣлъ приставить къ воротамъ монастырскимъ часовыхъ и никого, кромѣ чиновъ штаба, туда не пускать, и принять строгія мѣры для наблюденія за тѣмъ, чтобъ не было никакого грабежа, обидъ и утѣсненій обители.

А на слѣдующее утро, привѣтливо простившись съ монахами и оставивъ караулъ для охраны ихъ монастыря, онъ двинулся въ дальнѣйшій путь къ Бѣлокаменной. И, пока, вѣроятно, эта мѣстность входила въ районъ его корпуса, караулъ оставался тамъ и охранялъ монастырь. Такимъ образомъ, пожеланіе ночного посѣтителя было исполнено. Такъ говоритъ преданіе.

А вотъ, что добавляетъ въ лицѣ Лабома исторія. Одинъ изъ схимниковъ, оказавшійся живущимъ въ убогой землянкѣ, ободренный любезнымъ обращеніемъ Лабома, сознался ему, что говоритъ по-французски и вступилъ съ нимъ въ разговоръ. При этомъ, спрошенный посѣтителемъ схимникъ сказалъ слѣдующее:

„Французы въ громаднѣхъ силахъ пришли въ русскія владѣнія, пришли раззорять нашу родину и уже подошли къ святому нашему городу, сердцу государства и источнику нашего благосостоянія; но они не знаютъ нашего характера и думаютъ, что мы склонимъ шею подъ ярмо и что, поставленные въ необходимость выбирать между нашими домами и нашей свободой, мы, какъ уже другіе народы, предпочтемъ влечь оковы, отказавшись отъ нашей народной гордости, составляющей силу всякаго народа. Но нѣтъ, Наполеонъ ошибается: мы слишкомъ просвѣщенны, чтобы ненавидѣть его тиранство, и не достаточно развращены, чтобы предпочесть рабство свободѣ. Напрасно онъ надѣется понудить насъ силою своихъ несмѣтныхъ армій заключить миръ; и тутъ онъ ошибается: народъ нашъ кочевой, и сильныя царства нашего, имѣя возможность переселять цѣлыя народности, прикажутъ своимъ крестьянамъ бѣжать въ пустыни и дебри, чтобы избѣжать нашествія и даже, если нужно, уничтожать города и села, скорѣе, чѣмъ отдать ихъ истинному варвару, власть котораго намъ ненавистнѣе самой смерти.

„Мы знаемъ также, продолжалъ онъ, что Наполеонъ очень сильно разсчитываетъ на прежнія препирательства между мо-

• нархомъ и дворянствомъ; но любовь къ родинѣ заглушаетъ всѣ прежнія несогласія: онъ еще надѣется вооружить народъ противъ дворянъ: тщетныя старанія! Народъ, по вѣрѣ своей, долженъ подчиняться господамъ своимъ и не повѣритъ обманчивымъ обѣщаніямъ того, кто жжетъ его избы, убиваетъ дѣтей, опустошаетъ нивы и оскверняетъ храмы; впрочемъ, не вся ли Европа имѣетъ передъ глазами разительные примѣры его хитрости? Испанія повѣрила въ искренность его союза, и теперь она—одно громадное кладбище! Короновавшій его первосвященникъ, посадившій скромнаго гражданина на первый въ мірѣ тронъ, получилъ ли что въ благодарность за этотъ вѣнецъ? Суровый плѣнь! А ваша родина, которая намъ, иностранцамъ, кажется забывшей породу Св. Людовика, какую награду получила она за свою покорность? Лишь постоянные новые налоги для оплачиванія царедворцевъ, или для удовлетворенія роскоши семейства, жаднаго на удовольствія. Сверхъ того, у Васъ безчисленныя изгнанія, тайныя казни, даже сама мысль ваша окована; цѣлыя поколѣнія людей поглощены войной, и матерямъ вашимъ, остается, наконецъ, только проклинать свою плодовитость. Вотъ сказалъ мнѣ этотъ почтенный старецъ, положеніе, въ которое поставилъ васъ тиранъ; тиранъ тѣмъ болѣе пустой и противный, что, родившись въ темной средѣ, имѣя едва-ли одного слугу, онъ нынѣ желаетъ покорить подъ свои ноги весь міръ, желаетъ даже королей заставлять ожидать въ своей передней. Ахъ! если бы я не боялся оскорбить величіе нашего монарха, котораго мы любимъ, какъ и онъ насъ, я бы провелъ параллель между вашимъ императоромъ и нашимъ... но такое сравненіе показало бы лишь разительную противоположность и значило бы противоплагать преступленіе добродѣтели“.

Затѣмъ схимникъ разсказалъ французу про пребываніе Императора Александра Павловича въ Москвѣ, про энтузіазмъ, проявленный дворянствомъ на его призывъ къ защитѣ родины, про письмо митрополита Платона и про священную хоругвь Св. Сергія Радонежскаго, подаренную имъ арміи (ополченію) и проч. Все это глубоко поразило Лабому, и онъ „проникся уваженіемъ къ націи, проявляющей въ несчастіи столько величія, и самъ себѣ говорилъ: непобѣдимъ тотъ народъ, который, оставаясь твердымъ въ своей нравственности, не падаетъ духомъ при видѣ опасности, и въ сохраненіи своей вѣры и обычаевъ видитъ собственное свое спасеніе“.

„На слѣдующее утро, очень рано, мы покинули этотъ монастырь. Удаляясь, я оглянулся назадъ и увидѣлъ, какъ первые

лучи восходящаго солнца освѣтили верхушки этихъ высокихъ стѣнъ, долженствовавшихъ ограждать миръ и тишину, и которыя вмѣсто этого, послѣ отъѣзда нашего, подверглись ужасному грабежу ¹⁾).

Такъ совпадаютъ въ этомъ случаѣ преданіе и исторія въ отношеніи наружныхъ фактовъ. Остальное извѣстно: принцъ Евгенийъ, дѣйствительно, одинъ изъ немногихъ благополучно возвратился во Францію изъ гибельнаго похода, перенесъ всѣ ужасы отступленія, и первая часть предсказанія таинственнаго старца, такимъ образомъ, оправдалась.

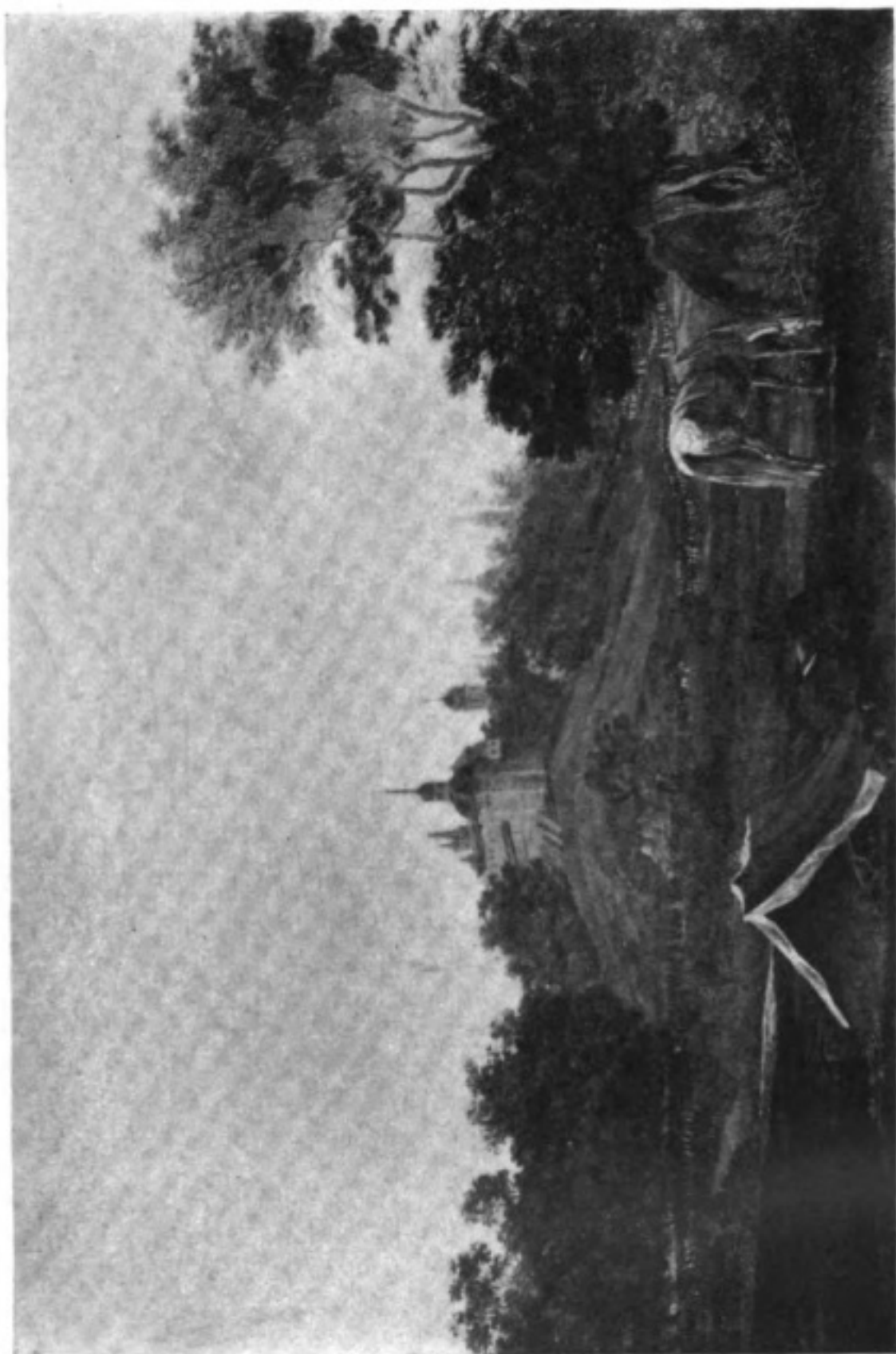
Что касается второй части, то, казалось бы, по обстоятельствамъ того времени и при тогдашней политической обстановкѣ, она имѣла весьма мало шансовъ оправдаться. Но случилось иначе.

Послѣ отреченія Наполеона въ Фонтенбло въ мартѣ 1814 года, принцъ Евгенийъ, сдавъ, на основаніи мирнаго договора съ союзниками, Италію австрійцамъ, прибылъ, уже какъ частное лицо, въ Парижъ и Малмезонъ, и здѣсь, у изголовія смертельно заболѣвшей матери своей, впервые встрѣтился съ Императоромъ Александромъ I-мъ, которому очень понравился.

Ихъ притягивали другъ къ другу взаимныя симпатіи и онѣ еще болѣе усилились во время Вѣнскаго конгресса, на которомъ Александръ Павловичъ не только поддерживалъ интересы принца и его семейства передъ нерасположеннымъ къ нимъ конгрессомъ, но и тѣсно съ нимъ подружился: ежедневно можно было видѣть обоихъ друзей гуляющими пѣшкомъ въ статскомъ платьѣ по улицамъ Вѣны, или катающимися верхомъ въ Пратерѣ и проч. Благодаря дружбѣ Александра, судьба принца Евгенія на конгрессѣ устроилась, и онъ получилъ признаніе права на какое-нибудь княжество, въ возмѣщеніе потерянной для него Италіи. Тогда его тестъ, король Баварскій, предложилъ ему во владѣніе, за предоставленную ему конгрессомъ сумму, княжество Эйхштедтское въ Баваріи, съ титуломъ „герцога Лейхтенбергскаго“ и прочими прерогативами.

Герцогъ Евгенийъ Лейхтенбергскій, поселившись въ Баваріи, не вмѣшивался болѣе въ политику, и только при проѣздахъ Императора Александра I-го черезъ Германію иногда видался съ нимъ. Въ 1823 году принцъ всѣми оплакиваемый скончался въ Мюнхенѣ, и его царственный другъ прислалъ вдовѣ

¹⁾ Labaume, page 170.

Савинъ, сторожевскій, монастырь. (Рисунокъ Адама, сдѣланъ съ натуры въ день пребыванія
въ монастырь вице-короля Итальянскаго, Принца Евгенія Богарне.

его прочувствованное письмо, весьма лестное для памяти покойнаго.

Въ другомъ мѣстѣ мнѣ, можетъ-быть, придется выяснить отношенія между Александромъ и Евгеніемъ, а теперь остается сказать слѣдующее:

Старшій сынъ послѣдняго, герцогъ Августъ Лейхтенбергскій, пробывъ 5 мѣсяцевъ въ супружествѣ съ королевой португальской донной Маріей да-Глорія, скоропостижно скончался отъ крупозной ангины, и единственнымъ представителемъ герцоговъ Лейхтенбергскихъ оказался его братъ герцогъ Максимилианъ ¹⁾).

Этотъ-то герцогъ Максимилианъ, вступивъ въ бракъ съ дочерью Императора Николая Павловича, великой княжной Маріей Николаевной, по желанію своего царственного тестя переселился въ Россію, будучи причисленъ къ Императорскому Россійскому дому. Послѣ кончины герцога Максимилиана княжество Эйхштедтское, по желанію Николая Павловича, было продано баварскому правительству и внуки принца Евгенія стали чисто русскими, будучи всѣ уже православными. Такъ исполнилось вѣщее пророчество Св. Саввы.

Я не знаю, не помню, отъ кого я впервые въ дѣтствѣ слышалъ это преданіе, но знаю, что и у другихъ членовъ семьи нашей оно сохранилось, въ общихъ чертахъ, именно, въ приведенной выше формѣ. Говорятъ, оно до настоящаго времени сохранилось и въ преданіяхъ Саввина-Сторожевскаго монастыря.

Станнымъ можетъ показаться лишь то, что ни самъ принцъ Евгенийъ въ своихъ письмахъ, ни лица его свиты въ своихъ воспоминаніяхъ не упоминаютъ объ этомъ эпизодѣ, о которомъ говорятъ, кажется, только одинъ французъ, баронъ де-Бай въ одномъ изъ своихъ современныхъ намъ сочиненій.

Не нашелъ я ни слова объ этомъ и въ большой перепискѣ жены принца Евгенія принцессы Августы-Амалии, женщины въ высокой степени вѣрующей, и которая, какъ таковая, надо думать, не преминула бы записать такой странный случай, развѣ, что, будучи ревностной католичкой, находила неумѣстнымъ вспоминать о *православномъ* святомъ.

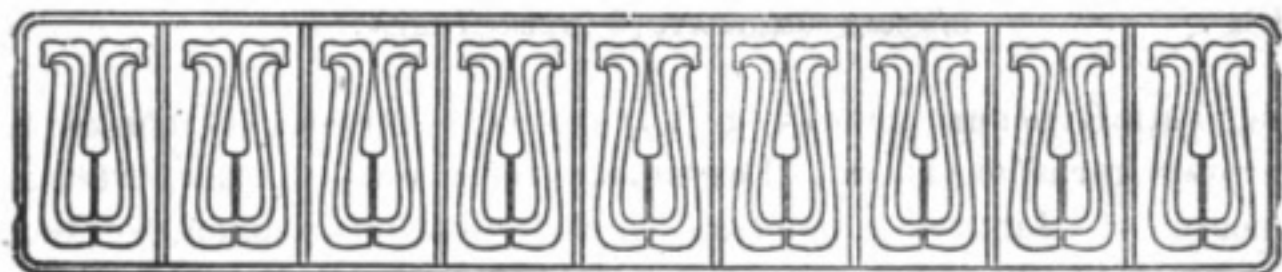
Самъ принцъ Евгенийъ, какъ большинство французовъ вре-

¹⁾ У нихъ было еще 4 сестры.

мень революціи и первой Имперіи, едва-ли былъ глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ. Молчаніе его остается, слѣдовательно, объяснить тѣмъ, что повѣрить видѣнію ему было слишкомъ трудно, а съ другой стороны, реальность его была, вѣроятно, настолько велика и настолько подтвердилась видѣнной въ монастырѣ иконой, что и совершенно отрицать его онъ не былъ въ силахъ и, поэтому, ограничился тѣмъ, что разсказалъ, можетъ-быть, про этотъ случай только своимъ родственникамъ, дѣтямъ и, можетъ-быть, лицамъ свиты, не желая подавать виду, что придаетъ, или дѣйствительно не придавая ему особеннаго значенія. И только сыну его, и въ особенности внукамъ и правнукамъ, пришлось неоднократно вспоминать о необъяснимомъ видѣніи, столь странно оправдавшемся.

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

Письмо Императора Александра I Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа.

Помѣщаемое ниже письмо Императора Александра Павловича къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ отъ 3 апрѣля ст. стilia 1814 г. изъ Парижа впервые дѣлается достояніемъ печати. Оно написано спустя двѣ недѣли послѣ взятія Парижа русскими войсками (19 марта 1814 года) и живо напоминаетъ о чудныхъ успѣхахъ русскихъ войскъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, завершившейся его низверженіемъ. Велика была въ этотъ моментъ слава Александра и Россіи. Но униженіе Франціи и низверженіе гениальнаго корсиканца въ сущности были полезны только Англіи и нѣмецкимъ союзникамъ Россіи: ни русскимъ, ни французамъ нечего было дѣлать между собою, и послѣ пожара Москвы и взятія Парижа они продолжали относиться другъ къ другу съ чувствами симпатіи и уваженія. Самъ Александръ пишетъ матери: „надобно сознаться, что если что-нибудь и порадовало меня при вступленіи въ Парижъ, то это былъ тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами: это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу“. Это настроеніе Императора, благопріятное французамъ, сдерживало аппетиты его союзниковъ, желавшихъ какъ можно болѣе урѣзать Францію къ вящшей славѣ и выгодѣ германизма, и доставило ей болѣе выгодныя условія мира.

Низверженіе Наполеона привело къ возвращенію французскаго престола династіи Бурбоновъ. Людовикъ XVIII еще не успѣлъ пріѣхать въ Парижъ, когда Александръ писалъ свое письмо матери. Но Императоръ хорошо зналъ, что за время своего

изгнанія Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли, и потому потребовалъ отъ Людовика, чтобы онъ, прежде въѣзда своего въ Парижъ, призналъ новый порядокъ вещей, установленный во Франціи революціей: только этимъ, по его мнѣнію, могло быть обезпечено спокойствіе во Франціи и во всей Европѣ. „Надѣюсь, писалъ онъ Императрицѣ Маріи, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго, должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что можетъ ихъ разъединить; вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, что Франція не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденій, коими она обязана революціи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцію, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая“. Людовикъ XVIII вынужденъ былъ, къ крайнему своему неудовольствію, принять совѣты Императора Александра, но это послужило въ послѣдствіи поводомъ къ охлажденію отношеній между обоими монархами.

Будучи повелителемъ судебъ Франціи, со страхомъ ожидавшей заключенія окончательнаго мира и новаго правленія Бурбоновъ, Александръ послѣ взятія Парижа сдѣлался предметомъ интригъ всѣхъ партій, раздиравшихъ несчастную страну, а также агентовъ союзныхъ правительствъ. Видимо это внушило ему мысль удалиться на время изъ Парижа и совершить поѣздку въ Англію, куда направлялась уже сестра его, вдовствующая принцесса Ольденбургская, великая княгиня Екатерина Павловна. Англичане съ восторгомъ ожидали посѣщенія русскаго императора, избавившаго Англію отъ смертельнаго ея врага. Но посѣтить Лондонъ Александру удалось лишь въ іюлѣ 1814 г. уже послѣ заключенія мира: ему выпала нелегкая задача быть посредникомъ и миротворцемъ между французами и новымъ ихъ государемъ, Людовикомъ XVIII, между Франціею и имъ же созданною коалиціею ея враговъ.

Любопытенъ отзывъ Александра о русской арміи въ письмѣ къ Императрицѣ: „французскіе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянію нашей кавалеріи и нашей чудной артиллеріи“. Между тѣмъ, русская армія о пребываніи своемъ въ Парижѣ сохранила невеселыя воспоминанія. „Во все пребываніе наше въ Парижѣ, пишетъ Н. Н. Муравьевъ-Варскій, часто дѣлались наряды, такъ что солдату въ

Парижъ было болѣе трудно, чѣмъ въ походѣ. Побѣдителей морили голодомъ и держали какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ. Государь былъ пристрастенъ къ французамъ до такой степени, что приказалъ парижской національной гвардіи брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда встрѣчали ихъ на улицѣ, отъ чего произошло много дракъ, въ которыхъ большею частію наши остались побѣдителями... Но такое обращеніе съ солдатами отчасти склонило ихъ къ побѣгамъ, такъ что при выступленіи нашемъ изъ Парижа множество изъ нихъ осталось во Франціи. Офицеры также имѣли своихъ притѣснителей... Цѣль Государя была вполне достигнута: онъ приобрѣлъ расположеніе французовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвалъ на себя ропотъ побѣдоноснаго своего войска. Иначе относился Александръ къ нѣмецкимъ и даже польскимъ войскамъ, что приводило русскихъ въ негодованіе.

Молодые великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи-прибывшіе въ Парижъ къ концу похода, также были предметомъ переписки Александра съ матерью. Александръ предполагалъ воспользоваться пребываніемъ своихъ братьевъ въ столицѣ Франціи, чтобы расширить ихъ образованіе, но онъ зналъ мнѣніе императрицы о легкомысліи французовъ и „развращенности“ новаго Вавилона. Поэтому, предлагая Лагарпа, находившагося въ то время въ Парижѣ, въ руководители молодымъ великимъ князьямъ, Александръ подчеркнул въ письмѣ къ матери, что Лагарпъ имѣетъ въ Парижѣ знакомство со всѣми наиболѣе *„достойными уваженія“* образованными людьми. Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Николаю и Михаилу Павловичамъ, давно уже напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“, видно, что это подчеркиваніе Императора Александра не произвело на нее большого впечатлѣнія и нисколько не ослабило ея желанія, чтобы великіе князья какъ можно скорѣе оставили Парижъ. Зато она вполне присоединилась къ другой мысли Александра, чтобы они совершили образовательное путешествіе по Европѣ, и Лагарпъ руководилъ въ послѣдствіи путешествіемъ по Италіи великаго князя Михаила Павловича. Замѣчательно что въ вопросахъ воспитанія своихъ братьевъ Александръ во всемъ подчинялъ себя матери: „относительно всего этого, писалъ онъ, рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля“.

Письмо Императора Александра къ Императрицѣ Маріи изъ Парижа отъ 3 апрѣля стараго стиля 1814 г. одно изъ немногихъ писемъ Императора къ матери, дошедшихъ до насъ, хотя въ копіи, такъ какъ вся переписка его съ матерью была уни-

чтожена Императоромъ Николаемъ по кончинѣ Императрицы Маріи въ 1828 году. Тѣмъ дороже для исторіи и небольшіе отрывки изъ нея, рисующіе душевное настроеніе и затаенныя мысли одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ государей.

Copie d'une lettre de l'Empereur à Sa Mère du 3 Avril 1814.

Paris, le 3 Avril (le 15 Avril).

Je suis toujours, chère et bonne Maman, dans l'attente de mes frères et de Vos chères lettres. Si la privation m'en est pénible, j'ai la consolation au moins de pouvoir me dire, qu'aucune n'est tombée au pouvoir de l'ennemi. La joie générale ici est à son comble. L'arrivée du C-te d'Artois n'a fait que l'augmenter encore. On sent le bonheur d'être débarrassé du jong cruel de Napoleon; en même tems de voir la guerre finie. Chacun respire et se croit régénéré; enfin on ose à peine croire à tout ce qui est survenu et cela paraît plutôt un beau rêve. Pour moi je jouis peu des plaisirs de Paris: mes occupations et mes goûts me retiennent beaucoup chez moi et à l'exception de trois spectacles et de la visite de quelques établissemens publics, tels que l'hôtel des Invalides, je n'ai pas vu grand'chose encore. La C-te d'Artois à son arrivée ayant pris le titre de Lieutenant Général du Royaume, ma présence si rapprochée auprès du Gouvernement provisoire ne pouvant plus être nécessaire, j'ai quitté ma demeure dans l'hôtel du P-ce de Benevent et je suis allé me loger à l'Elisée-Bourbon, hôtel charmant qui appartenait à Napoleon et qui a l'avantage d'avoir un charmant petit jardin. Tout est déjà vert et de cette manière j'ai l'illusion d'être comme à la campagne et de ne pas entendre tout ce bruit de Paris.—J'espère que le nouveau Gouvernement saura se conduire sagement: du moins je le souhaite du fond de mon cœur. Sa position est très délicate, car un oubli complet du passé doit être son premier principe, toutes les passions, toutes les personnalités, les réactions doivent être soigneusement comprimées. Il faut lier les choses, les partis, les affections et éviter avec soin tout ce qui peut désunir: en même tems il faut se dire que la France ne peut se passer des institutions libérales qu'elle doit en partie à la révolution et que vouloir les détruire, ce serait provoquer une seconde révolution mille fois plus effrayante que la première. Il y aurait un volume à écrire sur tout cela.—L'Empereur François est arrivé aujourd'hui: nous l'avons regu avec toute la pompe militaire possible... Les maré-

chaux et généraux français ne reviennent pas de leur étonnement à la vue de la beauté de nos troupes, de l'état de notre cavalerie et de notre belle artillerie. Ils me témoignent en toute occasion leur meilleurs sentiments possibles et même beaucoup d'affection et j'avoue que si quelque chose me fait plaisir de notre entrée à Paris, c'est la manière dont Dieu a permis que cela se fit, c'est à dire, non en conquérants ou ennemis, mais en véritables amis de ceux, qui avoient été si longtemps nos plus cruels ennemis. C'est là une véritable jouissance pour moi et dont je porte à Dieu une gratitude qu'aucun terme ne peut rendre. Pour tout le reste je voudrais déjà être loin de Paris et voir les grands objets politiques, qui se traitent dans ce moment et qui doivent fixer le sort futur de l'Europe, déjà réglés. Comme il ne dépend pas de moi cependant d'abréger les négociations sur des intérêts trop majeurs, pour qu'ils puissent être achevés d'un trait de plume, et leur fin dépendant aussi beaucoup de l'arrivée du Roi Louis XVIII, après avoir réglé les princepeaux objets, pour ne pas rester ici sur place, ce qui m'est assez désagréable, je compte, chère Maman, faire une course à Londres, dont je ne suis qu'à trois jours de voyage. C'est la seule et unique occasion pour moi de voir quelque chose de l'Angleterre et je me retrouverai ici pour le tems où tout se trouvera prêt pour la signature finale du Grand Traité de paix, qui en couronnant l'oeuvre, mettra fin, je l'espère avec l'aide du Tout-Puissant, aux malheurs du monde. En même tems cela me procurera le plaisir de revoir ma soeur à Londres, et de cette manière je ne perds pas un moment et je ne sacrifie que des prétendues délices du séjour de Paris qui n'en sont pas pour moi.— En même tems, chère Maman, veuillez me donner Vos ordres sur le compte de mes frères, et qu'ont-ils à faire? Doivent ils profiter de cette occasion pour voyager un peu en Hollande, en Angleterre, en Suisse, ou bien ordonnez Vous qu'ils reviennent tout de suite? M. Lambsdorff étant avec eux et M. Laharpe étant ici, il serait possible de combiner un voyage très instructif pour eux et qui compenserait avec utilité ce que la cassation de la guerre leur a fait perdre. Surtout un voyage en Suisse et en Angleterre pourrait être bien salubre pour eux. Mais sur tout cela c'est Votre volonté seule qui doit tout décider. En attendant nous arrangerons avec M. Lambsdorff les choses de manière à ce qu'ils ne perdent pas le tems ici où il y a moyen de continuer les leçons dans tous les genres d'instruction possibles. M. de Laharpe leur sera d'une grande utilité par la connaissance dans laquelle il se trouve avec tout ce qu'il y a d'*estimable* en fait d'hommes

instruits. M. de Lambsdorff décidera et surveillera le tout. Adieu, chère et bonne Maman. Avec quelle impatience j'attends le moment où ayant fini toute cette si importante besogne, je pourrai voler à Vos pieds! En attendant je Vous baise mille fois les mains et me recommande à Vos bénédictions.

Копія съ письма Императора къ его матери отъ 3 апрѣля
1814 г.

Парижъ, 3 апрѣля (15 апрѣля по новому стилю).

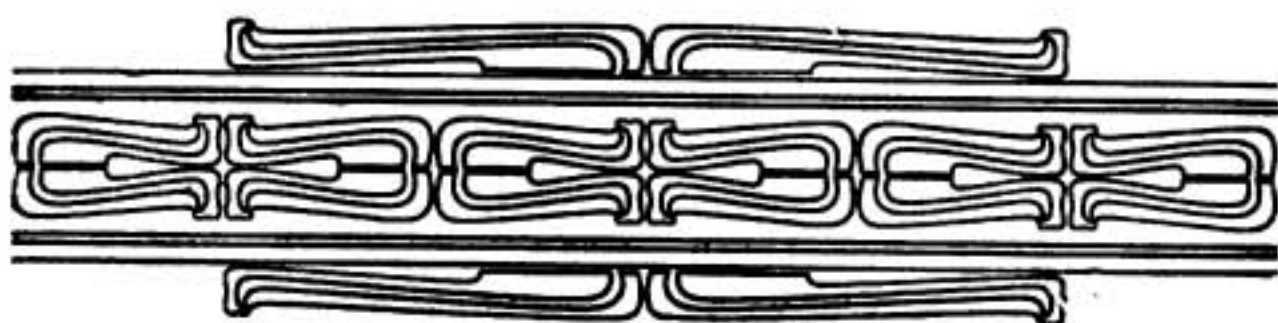
Я все еще нахожусь въ ожиданіи, дорогая и добрая матушка, моихъ братьевъ и вашихъ дорогихъ писемъ. Какъ мнѣ ни тяжело быть лишеннымъ ихъ, но утѣшеніемъ служить мнѣ по крайней мѣрѣ сознаніе, что ни одно изъ нихъ не попало въ руки непріятеля. Здѣсь всѣ преисполнены величайшей радостью, которая еще увеличилась съ пріѣздомъ графа д'Артуа. Всѣ счастливы, что освободились отъ жестокаго ига Наполеона, и въ то же время радуются окончанію войны. Всѣ вздохнули свободно и какъ бы возродились, словомъ, едва рѣшаются вѣрить всему случившемуся, и оно кажется скорѣе прекраснымъ сномъ. Что касается меня, я мало пользуюсь Парижскими удовольствіями: мои занятія и мои склонности причиною, что я часто сижу дома и, за исключеніемъ трехъ спектаклей и осмотра нѣкоторыхъ общественныхъ учрежденій, какъ напр., Дома Инвалидовъ, я до сихъ поръ мало что видѣлъ. Такъ какъ гр. д'Артуа, пріѣхавъ въ Парижъ, принялъ титулъ намѣстника королевства, то мнѣ уже не было необходимости находиться такъ близко къ временному правительству, и я выѣхалъ изъ дома князя Беневентскаго и поселился въ *Elisée-Bourbon*, прелестномъ домѣ, принадлежавшемъ Наполеону, съ восхитительнымъ садикомъ, что представляетъ большое преимущество. Все уже зазеленѣло, и мнѣ представляется, такимъ образомъ, будто я живу за городомъ, и я не слышу весь этотъ Парижскій шумъ. Надѣюсь, что новое правительство сумѣетъ вести себя благоразумно; я желаю этого, по крайней мѣрѣ, отъ всей души. Его положеніе весьма затруднительно, такъ какъ оно должно прежде всего взять за правило полное забвеніе прошлаго; должно отрѣшиться отъ всѣхъ личныхъ счетовъ, отъ всѣхъ реакціонныхъ стремленій, должно сплотить партіи, интересы и склонности и тщательно избѣгать всего, что могло бы ихъ разъеди-

нить; вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно, что Франція не можетъ обойтись безъ либеральныхъ учрежденій, коими она обязана отчасти революціи, и что, захотѣвъ уничтожить ихъ, вызвали бы этимъ вторую революцію, въ тысячу разъ болѣе страшную, чѣмъ первая. Объ этомъ можно было бы исписать цѣлый томъ.—Императоръ Францъ прибылъ сегодня: мы приняли его со всевозможной военной помпой... Французскіе маршалы и генералы не могутъ надивиться прекрасному виду нашихъ войскъ и состоянію нашей кавалеріи и нашей прекрасной артиллеріи. Они выказываютъ мнѣ при всякомъ удобномъ случаѣ самыя отиѣнныя чувства, и надобно сознаться, что если что-нибудь порадовало меня при нашемъ вступленіи въ Парижъ, то это былъ именно тотъ способъ, какимъ Господь сподобилъ насъ совершить это, т. е. что мы явились сюда не какъ завоеватели или враги, а какъ истинные друзья тѣхъ, кои были такъ долго нашими жесточайшими врагами, это истинная отрада для меня, и я за это несказанно благодаренъ Господу Богу. Что касается до всего прочаго, то я бы уже хотѣлъ быть далеко отъ Царяжа и знать, что съ важными политическими вопросами, обсуждаемыми въ настоящій моментъ и долженствующими опредѣлить дальнѣйшую судьбу Европы, покончено. Но такъ какъ не отъ меня зависитъ сократить переговоры, которые затрогиваютъ интересы слишкомъ важные, чтобы съ ними можно было покончить однимъ росчеркомъ пера, и такъ какъ ихъ окончаніе зависитъ также въ значительной мѣрѣ отъ пріѣзда короля Людовика XVIII, то, порѣшивъ съ главными дѣлами, чтобы не оставаться тутъ на мѣстѣ, что было бы мнѣ не особенно пріятно, я предполагаю, дорогая матушка, совершить поѣздку въ Лондонъ, куда всего три дня ѣзды. Это единственный для меня случай повидать Англію, и я вернусь сюда къ тому времени, когда все будетъ готово къ окончательному подписанію великаго мирнаго договора, который увѣнчаетъ дѣло и надѣюсь положить, съ помощью Всевышняго, конецъ всѣмъ бѣдствіямъ міра. Вмѣстѣ съ тѣмъ я буду имѣть удовольствіе повидать въ Лондонѣ сестру; такимъ образомъ я не потеряю ни минуты времени и только пожертвую минимыми прелестями пребыванія въ Парижѣ, которыя я таковыми не считаю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дорогая матушка, соблаговолите дать мнѣ ваши приказанія относительно моихъ братьевъ, что имъ дѣлать? Должны ли они воспользоваться случаемъ, чтобы совершить путешествіе въ Голландію, Англію, Швейцарію, или же вы прикажете имъ тотчасъ вернуться обратно? Такъ какъ г. Ламсдорфъ находится съ ними, а г. Лагарпъ тутъ, то можно было бы составить планъ

очень поучительнаго для нихъ путешествія, которое съ пользою вознаградило бы то, что они потеряли вслѣдствіе окончанія войны: особенно полезнымъ для нихъ могло бы быть путешествіе по Швейцаріи и по Англіи. Но относительно всего этого рѣшающимъ долженъ быть вашъ голосъ, ваша воля. Пока, мы позаботимся съ г. Ламсдорфомъ о томъ, чтобы они не теряли времени здѣсь, гдѣ есть возможность продолжать уроки по всевозможнымъ образовательнымъ предметамъ. Г. Лагарпъ будетъ имъ весьма полезенъ, такъ какъ онъ имѣетъ здѣсь знакомство со всѣми наиболѣе *достойными уваженія* (курсивъ въ подлинникѣ) среди образованныхъ людей. Г. Ламсдорфъ все рѣшитъ и будетъ за всѣмъ слѣдить. Прощайте, дорогая и добрая матушка. Съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю той минуты, когда, покончивъ со всѣми этими важными дѣлами, я смогу полетѣть къ вамъ и броситься къ вашимъ ногамъ! Пока цѣлую тысячу разъ ваши ручки и прошу вашего благословенія.

Сообщилъ Е. Шумигорскій.

Поѣздка графа Н. П. Игнатъева по европейскимъ столицамъ передъ войной 1877—1878 г.г.

(Съ примѣчаніями П. Д. Воейкова).

Біографическія данныя о графѣ Николаѣ Павловичѣ Игнатъевѣ, а равно и портретъ его, были помѣщены въ январьской книгѣ „Русской Старины“ за 1890 годъ, а ст. „Десятилѣтняя годовщина Санъ-Стефанскаго договора“ напечатана въ февральской книгѣ „Русской Старины“ за 1878 годъ. Въ этихъ статьяхъ вполне выяснены его дивныя дипломатическіе таланты, его проникновенный взглядъ на ходъ историческихъ событій, его отличное знаніе людей, его особая находчивость и его рѣшительный и энергичный характеръ.

Все это вмѣстѣ имѣло послѣдствіями блистательныя практическія послѣдствія для Россіи.

Заключеніе Айгунскаго договора и Санъ-Стефанскій договоръ вполне достаточны для того, чтобы заслуги родинѣ этого, одного изъ самыхъ даровитыхъ дипломатовъ Россіи, были почтены сооруженіемъ памятника графу Николаю Павловичу Игнатъеву. И въ настоящее время, въ 36 лѣтнюю годовщину Санъ-Стефанскаго договора, турецкій народъ чтитъ память графа Игнатъева почетнымъ для иностранца названіемъ „беюкъ сефиръ“, т. е. „великій посолъ“.

Предполагаемая къ печати, часть записокъ Н. П. Игнатъева обнимаетъ собою время отъ 18 февраля по 20 марта 1877 г., которое онъ провелъ въ командировкѣ съ особымъ дипломатическимъ порученіемъ за границей, при чемъ посѣтилъ Берлинъ, Парижъ, Лондонъ и Вѣну.

Ред.

Съ самаго начала Восточнаго кризиса Россія была связана и стѣснена въ всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Тройственнымъ соглашеніемъ и обмѣномъ мыслей, происшедшимъ въ Рейхштадтѣ ¹⁾: переговоры съ Англіей еще болѣе осложнили впо-

¹⁾ Рейхштадтское соглашеніе, заключенное между Австріей и Россіей при свиданіи императоровъ Александра II и Франца-Иосифа 26 іюня

слѣдствіи ея положеніе, но на Константинопольской конференціи ¹⁾ тучи разсѣялись и въ единодушномъ приговорѣ, произнесенномъ Европою противъ Турціи, мы увидѣли прочный залогъ для будущаго. Съ той минуты какъ Турція сдѣлала ошибку, отклонивъ послѣднія предложенія конференціи, а западные кабинеты не рѣшились настаивать на рѣшеніи, которое было скрѣплено ихъ подписями, Россія, вырвавшись, благодаря конференціи, изъ объятій своихъ двухъ союзницъ, получила возможность зрѣло обсудить создавшееся положеніе и свободно намѣтить свой дальнѣйшій образъ дѣйствій. Уяснивъ себѣ создавшееся положеніе, надобно было рѣшить прежде всего: 1) былъ ли это вопросъ европейскій или чисто русскій и 2) какая точка зрѣнія была, въ этомъ отношеніи, для насъ наиболѣе выгодна; затѣмъ надлежало сообразовать наше поведеніе съ тѣмъ или другимъ взглядомъ на вопросъ и не допускать впредь, чтобы насъ связывали по рукамъ и по ногамъ и тащили на буксирѣ союзники, которые не только не хотѣли ничего предпринять, чтобы помочь намъ разрѣшить предстоявшія затрудненія сообразно съ самыми существенными нашими интересами, но не хотѣли даже отрѣшиться отъ своихъ антиславянскихъ предразсудковъ и отъ своихъ вожделѣній относительно эксплоатаціи Востока; опутывая насъ обязательствами, не совмѣстимыми съ сколько-нибудь практическимъ рѣшеніемъ вопроса, они ставили насъ въ то же время въ безвыходное положеніе.

(8 іюля) 1876 года, устанавливало, что въ случаѣ торжества ислама обѣ державы обязуются принять мѣры къ прекращенію неистовствъ мусульманъ—противъ христіанскаго населенія и настоятъ на введеніи преобразованій въ Босніи и Герцеговинѣ. Въ случаѣ побѣды христіанъ, державы не допустятъ образованія крупнаго славянскаго государства; къ Сербіи и Черногоріи могутъ быть присоединены: къ первой нѣкоторые округи урѣки Дринъ въ Босніи, а ко второй Герцеговина, но за то и Австрія должна была получить Турецкую Хорватію и нѣкоторые округи Босніи смежныя съ границей. Россія будетъ имѣть право возвратитъ себѣ часть Бессарабіи, уступленную по Парижскому договору, и если бы пожелала, то ей предоставлялось присоединить Батумъ къ ея владѣніямъ. Въ случаѣ же распада всей Оттоманской имперіи въ Европѣ, изъ Болгаріи и Румеліи должны образоваться независимыя княжества, Эпиръ и Фессалія присоединятся къ Греціи, а Константинополь сдѣлается вольнымъ городомъ (С. М. Горькинъ. Босфоръ и Дарданелы. СПб. 1907). П. В.

¹⁾ Константинопольская конференція великихъ державъ была созвана въ декабрѣ нов. стilia 1876 года для мирнаго разрѣшенія возникшихъ затрудненій по поводу возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, безпорядковъ и турец-

По окончаніи конференціи мы свободно могли заключить соглашеніе ab ovo, руководствуясь опытомъ 1876 г., доказавшимъ достаточно ясно бесплодность соглашенія, заключеннаго съ Австро-Венгріей, которое не было обставлено никакими формальными обоюдными обязательствами. Вина канцлера состояла въ томъ, что онъ не понялъ этого важнаго историческаго момента, а взглянулъ на вопросъ, какъ это случалось съ нимъ, впрочемъ, нерѣдко, съ узкой личной точки зрѣнія: онъ старался уменьшить значеніе и результатъ Константинопольской конференціи и довольствовался тѣмъ, что руководилъ нашей политикой изо дня въ день, не углубляясь въ сущность дѣла и не принимая никакихъ энергичныхъ рѣшеній. Въмѣсто того чтобы дожидаться моего пріѣзда въ Петербургъ и сговориться со мною, въ особенности въ виду того, что мнѣ приходилось быть проѣздомъ въ Вѣнѣ, или же объясниться съ обоими союзными кабинетами прежде, нежели остановиться на опредѣленной программѣ дѣйствій, онъ поспѣшилъ оказать заинтересованнымъ кабинетамъ услугу въ ущербъ намъ, выведя ихъ изъ создавшагося для нихъ труднаго положенія вслѣдствіе одновременнаго отъѣзда представителей всѣхъ державъ изъ Константинополя. Онъ заговорилъ первый, чего отнюдь не слѣдовало дѣлать въ виду того, что конференція была созвана Англіей: онъ разослалъ всѣмъ представителямъ Россіи, аккредитованнымъ при дворахъ, принявшихъ на себя обязанность гарантовъ, циркуляръ, коимъ державамъ предлагался вопросъ: что слѣдовало предпринять далѣе. Этотъ неумѣстный шагъ, который давалъ кабинетамъ возможность оставить вопросъ безъ отвѣта, поставивъ насъ такимъ образомъ въ положеніе просителя, выжидающаго рѣшенія

кихъ звѣрствъ въ Болгаріи и войны Турціи съ Сербіей и Черногоріей. На конференціи этой представителями были: Англіи маркизъ Салisbury и сиръ Генри Эллиотъ, Франціи графъ Бургоэнъ и Шодорди, Австро-Венгрии графъ Зичи и баронъ Каличе, Германіи баронъ Вертеръ, Италіи графъ Корти, Россіи гр. Н. П. Игнатьевъ. Представителями державъ были выработаны требованія объ уступкѣ нѣкоторыхъ округовъ Черногоріи, предоставленія черногорцамъ свободнаго плаванія по р. Боянѣ; Сербіи возвращались земли, отнятыя турками въ 1876 г. и прилегающія къ Малому Зворнику. Въ Босніи, Герцоговинѣ, Болгаріи и Македоніи вводилась автономія. Всѣ эти требованія державъ были заявлены на общемъ засѣданіи 23 декабря 1876 года турецкимъ уполномоченнымъ, но послѣ 8 засѣданій конференціи эти требованія были отвергнуты турецкимъ правительствомъ, расчитывавшимъ на поддержку Англіи и Австріи. Такой исходъ константинопольской конференціи, неудачѣ которой способствовали англійскіе уполномоченные и лордъ Дерби, повлекъ за собой русско-турецкую войну.

П. В.

своей судьбы посторонними лицами, лишилъ насъ свободы дѣйствій и въ то же время онъ обязывалъ насъ, если мы не хотѣли со всѣми перессориться и потерять всѣ выгоды европейскаго соглашенія, призраку котораго мы всѣмъ пожертвовали, стоя подъ ружьемъ, пока турки окончатъ свои приготовленія и заключать миръ съ сербами, пропустивъ такимъ образомъ безо всякаго толка послѣдній благопріятный моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Кабинеты, не потратившись на мобилизацію, не имѣли никакой надобности спѣшить высказаться и вывести насъ изъ выжидательнаго положенія, которое было для насъ разорительно.

Таковы были обстоятельства въ то время, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ. Докладывая канцлеру о томъ, что было сдѣлано мною на конференціи, я напиралъ на то, что я исполнилъ свой долгъ и сдѣлалъ даже болѣе того, что отъ меня требовалось данными мнѣ инструкціями; ибо, вмѣсто того, чтобы выйти изъ состава конференціи, порвавъ съ Европой, предоставивъ болѣе выгодную роль Турціи и принявъ всю вину на себя, какъ хотѣлъ канцлеръ, я не только сохранилъ, но и упрочилъ доброе согласіе со всѣми державами, нашелъ почву для соглашенія съ Англіей и совершенно изолировалъ Турцію, добившись разрыва державъ съ Портой и одновременнаго отъѣзда ихъ представителей изъ Константинополя. Помимо того, что нами былъ достигнутъ этотъ моральный успѣхъ, мы поставили въ затруднительное положеніе всѣхъ замышлявшихъ коалицію противъ Россіи, или предполагавшихъ въ случаѣ войны, поддержать Турцію матеріально, и извлекли изъ всего этого одно неоспоримое преимущество, а именно—намъ удалось выяснить наши истинныя отношенія къ европейскимъ державамъ (съ Австро-Венгріи была наконецъ сорвана маска), и мы имѣли случай произвести въ большомъ масштабѣ пробную мобилизацію,—весьма поучительную для нашей военной администраціи и несомѣнно весьма полезную для организаціи нашего военнаго дѣла вообще. Мы могли, слѣдовательно, объявить войну или заключить миръ, смотря по тому, что намъ было болѣе подходяще, не поступаясь своимъ достоинствомъ, но въ первомъ случаѣ мы не должны были терять изъ вида, что психологическій моментъ для войны съ Турціей былъ упущенъ. Мы потеряли случай уничтожить ее однимъ рѣшительнымъ ударомъ. Отнынѣ, чтобы произвести какое-нибудь впечатлѣніе, надобно было перейти Дунай и Балканы по крайней мѣрѣ съ 150 или 200 тысячнымъ войскомъ. Можно было ожидать трудной, продолжительной и дорого стою-

щей войны. Во всякомъ случаѣ, надобно было сдѣлать все возможное, чтобы выяснить положеніе до 25 февраля и принять какое-либо рѣшеніе не позже этого срока, ибо потеря времени была бы невознагражима и могла послужить только намъ во вредъ. По системѣ князя Горчакова ничего не было сдѣлано, чтобы выйти изъ этого труднаго положенія, въ смутной надеждѣ, что Провидѣніе ниспошлетъ какое-нибудь неожиданное обстоятельство, коимъ мы воспользуемся, не давая себѣ труда предпринять что-либо самостоятельно и не принимая за это на себя никакой отвѣтственности.

Наконецъ, въ покояхъ Императора, подъ предсѣдательствомъ Его Величества былъ созванъ Совѣтъ. Помимо обычныхъ членовъ, участвовавшихъ въ то время въ этихъ засѣданіяхъ, Наслѣдника Цесаревича, великихъ князей Константина Николаевича и Владиміра Александровича, князя Горчакова, графа Адлерберга, генерала Милютина и меня, были приглашены министры Тимашевъ, Валуевъ и Рейтернъ.

Различныя мнѣнія были высказаны послѣ того, какъ Императоръ самъ очертилъ съ большой ясностью и опредѣленностью создавшееся положеніе дѣлъ, а князь Горчаковъ прочелъ, въ дополненіе къ этому изложенію, нѣкоторые дипломатическія документы и записку, составленную подъ его руководствомъ барономъ Жомини ¹⁾.

Въ ней доказывалось, что мѣры, предложенныя кабинетами, были недостаточны, что Россіи слѣдовало выйти какъ изъ соглашенія шести державъ, такъ и изъ соглашенія съ двумя союзными имперіями, распустить армію и объявить министерскимъ циркуляромъ Европѣ и императорскимъ манифестомъ Россіи, что послѣ безплодныхъ попытокъ достигнуть соглашенія съ нѣкоторыми державами для улучшенія участи христіанъ

¹⁾ Жомини (баронъ Александръ Генриховичъ, 1814—88)—дипломатъ, былъ старшимъ совѣтникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ и, въ качествѣ замѣчательнаго стилиста, просматривалъ предварительно всѣ дипломатическіе документы. По окончаніи крымской кампаніи Ж. ѣздилъ съ особыми порученіями въ Берлинъ, а въ 1861 г. — въ Парижъ; въ 1875 г. управлялъ, вмѣсто государственнаго канцлера, министерствомъ иностранныхъ дѣлъ; во время русско-турецкой войны 1877—78 гг. состоялъ въ Бухарестѣ при кн. Горчаковѣ; въ 1879 и 1880 г. исправлялъ должность товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Послѣ Ж. осталось много интересныхъ записокъ, но напечатано изъ нихъ немного. Еще въ 1863 г. Ж., на основаніи матеріаловъ, ему одному доступныхъ, составилъ правдивый очеркъ дипломатической исторіи Восточной войны, пролившій яркій свѣтъ на закулисную ея сторону. П. В.

Россія возвращаетъ себѣ свободу дѣйствій или скорѣе „свободу бездѣйствовать“, какъ я замѣтилъ, ибо такова была система канцлера, воображавшаго, что онъ поступаетъ мудро, осторожно и патріотично, получивъ возможность бездѣйствовать и сидѣть сложа руки, глядя, какъ дѣйствуютъ другіе, даже въ томъ случаѣ, когда они занимали, безо всякой церемоніи, позиціи, ископи принадлежавшія Россіи.

Я оспаривалъ это предложеніе, считая его противнымъ достоинству и чести страны и не согласнымъ съ логикой фактовъ; ибо оно сводилось къ тому, чтобы оставить христіанъ на произволъ судьбы, увести нашу армію съ границы, не достигнувъ той цѣли, которую мы себѣ поставили, мобилизуя ее и сосредоточивая ее на нашей границѣ и не давъ притомъ ни малѣйшаго удовольренія арміи, дорожащей своею честью, и національному самолюбію.

Князь Горчаковъ, по винѣ котораго мы запутались въ сѣтяхъ тройственнаго согласія и поздиѣ въ переговорахъ съ шестью державами, предлагалъ вернуться къ положенію, которое мы занимали на Востокѣ два года передъ тѣмъ и которое я безуспѣшно пытался сохранять вопреки самому министру иностранныхъ дѣлъ, всегда считая это положеніе лучшей гарантіей для нашихъ интересовъ и для европейскаго мира. Напомнивъ, что я горько сожалѣлъ о томъ, что мы вступили въ 1875 году на иной путь, отказавшись ради прекрасныхъ глазъ нашихъ мнимыхъ союзниковъ отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ съ такимъ трудомъ, я указалъ, что занятое нами положеніе было особенно для насъ благопріятно въ то время, какъ на престолѣ возсѣдалъ султанъ Абдулъ-Азисъ, а министромъ его былъ Махмудъ-Недимъ¹⁾, такъ какъ оба они предлагали намъ заключить соглашеніе по всѣмъ пунктамъ и выражали даже готовность подчиниться безусловно волѣ императора. На Турцію можно было имѣть благотворное вліяніе въ то время, когда она была въ рукахъ твердаго, энергичнаго и внушавшаго страхъ правительства, но канцлеръ упускалъ изъ вида, что положеніе дѣлъ въ Стамбулѣ съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилось.

¹⁾ Махмудъ-Недимъ паша турецкій министръ, былъ великимъ визиремъ съ 1871 года, пріобрѣвъ милость султана Абдулъ-Азиса, поддерживая его стремленія измѣнить порядокъ престолонаслѣдія въ пользу его сына Юсуфа. Онъ подпалъ вліянію автора настоящихъ записокъ. Въ 1875 году онъ приостановилъ платежи процентовъ по турецкимъ государственнымъ долгамъ. Возстаніемъ софтовъ въ 1876 году былъ низвергнутъ.

Мидхатъ-паша¹⁾ и „мусульманская коммуна“, захватившіе дѣла въ свои руки, не представляли не малѣйшей гарантіи благоразумія, осторожности и умѣренности, и трудно было предсказать, какой оборотъ примутъ событія, ежели ихъ партія возьметъ верхъ. Россія, потерявъ 18 мѣсяцевъ въ безплодныхъ переговорахъ, оказавшись въ томъ положеніи, въ какомъ она находилась въ то время, добившись на конференціи изолированія Турціи и ея осужденія, не могла помѣняться съ ней, безо всякаго повода, ролями и добровольно занять сама изолированное положеніе, предоставивъ свободу дѣйствій Англіи и заставивъ Турцію, своимъ непослѣдовательнымъ поведеніемъ, броситься безповоротно въ объятія этой державы. Мы дали бы этимъ нашимъ противникамъ возможность толкнуть турокъ въ войну съ нами, въ то время какъ ихъ фанатизмъ и возбужденіе дошли до крайнихъ предѣловъ; а это значило бы предоставить нашихъ единовѣрцевъ во власть нападающихъ и способствовать новой группировкѣ державъ, которая могла быть для насъ чрезвычайно вредна.

Я только ставилъ рядъ вопросовъ, умоляя Императора обсудить ихъ въ Совѣтѣ до измѣненія окончательнаго рѣшенія.

Его Величество, выслушавъ мнѣнія, высказанныя по поводу поднятыхъ вопросовъ, закрылъ засѣданіе, повелѣвъ членамъ Совѣта тщательно обдумать ихъ и собраться на другой день для окончательнаго рѣшенія. вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество разрѣшилъ присутствовавшимъ на засѣданіи сановникамъ изложить свое мнѣніе, если они пожелаютъ, письменно, чтобы точнѣе выяснить свои мысли и прочитатъ изложенныя ими на совѣтѣ. *Одинъ* я отозвался на этотъ призывъ и принесъ на засѣданіе Совѣта 12 февраля свою записку. Замѣчательно, что

¹⁾ Мидхатъ-паша — представитель политической партіи, известной подъ названіемъ „Молодой Турція“, возникшей въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія и стремившейся возродить Турцію къ новой жизни. Ревностный сторонникъ Англіи и врагъ Россіи и славянъ, М., принявъ въ началѣ 1876 г. руководство партіей, сталъ стремиться къ ограниченію власти султана и введенію въ Турцію конституціи по европейскимъ образцамъ. Благодаря поддержкѣ Англіи, онъ былъ назначенъ, въ маѣ того же года, министромъ безъ портфеля. Въ сверженіи Абдулъ-Азиса съ престола и въ провозглашеніи султаномъ Мурада V М. игралъ одну изъ первыхъ ролей. Занявъ должность предсѣдателя государственнаго совѣта, онъ представилъ проектъ конституціи, которая была торжественно объявлена 11 декабря уже новымъ султаномъ Абдулъ-Гамидомъ, а парламентъ былъ открытъ 7 марта 1877 г. Этотъ парламентъ имѣлъ всего только двѣ сессіи, послѣ чего онъ болѣе не созывался. П. В.

вопреки слухамъ, которые распускались въ обществѣ нѣкоторыми членами Совѣта, не сочувствовавшими войнѣ, съ цѣлью объяснить этимъ свое безмолвіе въ рѣшительный моментъ, я настаивалъ на томъ, что такъ какъ война есть „народное бѣдство“, то надобно сдѣлать все возможное, чтобы выйти съ честью изъ занятаго нами выжидательнаго, дорого стоящаго и невыгоднаго положенія и избѣжать необходимости вести войну, тѣмъ болѣе, что по моему глубокому убѣжденію. *благопріятный моментъ* для этого былъ пропущенъ и мы, говоря попросту, „оплошали“. „Если бы войско было мобилизовано лѣтомъ въ то время, когда звѣрства, чинимыя въ Болгаріи, взволновали общественное мнѣніе и вызвали негодование сильной партіи въ Англіи, вступленіе нашихъ войскъ въ Турцію было бы объяснено порывомъ великодушія и человеколюбія и вызвало бы восторженное одобреніе не только въ Россіи, но и въ извѣстной части Европы. Назрѣвшіе на Востокъ вопросы могли быть, такимъ образомъ, разрѣшены въ благопріятномъ смыслѣ и Императоръ имѣлъ бы въ данномъ случаѣ возможность дать блистательное доказательство нашего совершеннаго безкорыстія. Лѣтомъ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ и даже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, война могла окончиться быстро и легко; въ Болгаріи и Анатоліи почти не было турецкихъ войскъ; наши кавказскія войска не встрѣтили бы сильнаго сопротивленія въ открытомъ полѣ. Въ Сербіи и Черногоріи боевые запасы были истощены и турецкой арміи только теперь удалось пополнить ихъ закупками и заказами, произведенными въ Америкѣ и въ Германіи. Въ настоящее время, писалъ я, война съ Турціей будетъ совсѣмъ не то, что лѣтомъ и осенью прошлаго года. Она потребуетъ съ нашей стороны *большаго напряженія силъ* и можетъ затянуться на неопредѣленное время, если намъ не удастся съ самаго начала одержать блестящія и рѣшительныя побѣды. Двѣ, три побѣды, одержанныя за Балканами, подѣйствовали бы, конечно, угнетающе на турецкія войска и могли бы имѣть послѣдствіемъ неожиданныя перемѣны въ Стамбулѣ, которыя быть можетъ заставятъ султана немедленно просить о заключеніи мира. Во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ упускать изъ вида, что общественное настроеніе измѣнилось съ начала кризиса какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, и что нынѣ *турки несравненно лучше подготовлены къ войнѣ, нежели нѣсколько времени тому назадъ*. Война будетъ трудная, серьезная и будетъ преслѣдовать совершенно иные цѣли, чѣмъ прежде.

„Если намъ придется начать войну, предъявивъ ультиматумъ, основанный на программѣ, выработанной конференціей, безъ всякихъ въ ней измѣненій (требованія, формулированныя на первомъ общемъ собраніи конференціи), то война поневолѣ закончится полнымъ разгромомъ оттоманской имперіи или по крайней мѣрѣ потерей ею значительной части ея владѣній. Было бы рациональнѣе съ финансовой и съ экономической точки зрѣнія покончить съ Восточнымъ вопросомъ сразу, нежели переживать періодически тяжелые и волнующіе кризисы подобные настоящему, или терпѣть, чтобы мусульманская анархія у нашихъ границъ никогда не прекращалась. Разстройство оттоманской администраціи такъ велико, что нельзя рассчитывать на организацію прочнаго и сильнаго правительства, если только фактическая власть на берегахъ Босфора не попадетъ въ руки человѣка съ желѣзной волей и сильнымъ характеромъ, который рискнулъ бы вступить въ борьбу съ фанатизмомъ и обуздать дурныя инстинкты. Первый пушечный выстрѣлъ, который раздастся на берегахъ Дуная съ нашей стороны, возбудитъ алчныя вождѣлвія на наслѣдіе Турціи, которое будетъ считаться открытымъ и разбудитъ дремлющія, невѣдомыя силы Востока, которыя не позволятъ намъ остановиться на полпути, строго придерживаясь опредѣленной, ясно формулированной программы“.

Эти правдивыя слова не понравились въ высшихъ сферахъ и главнымъ образомъ канцлеру. Забвеніе истины дошло до того, что стали утверждать, будто я „съ легкимъ сердцемъ“ совѣтывалъ начать войну и что мудрый канцлеръ сначала протестовалъ противъ этого, но затѣмъ покорился. Въ сущности же на этомъ второмъ засѣданіи (12 февраля) было постановлено слѣдующее:

1) Будучи связаны циркуляромъ канцлера и обязаны выждать, пока выяснится оборотъ, какой примутъ переговоры, которые велись непосредственно между Турціей и Черногоріей, мы должны, тѣмъ не менѣе, выйти изъ выжидательнаго положенія, чтобы дать понять кабинетамъ, что мы ожидаемъ отъ нихъ отвѣта, благопріятнаго для поддержанія столь благополучно установившагося европейскаго согласія; мы должны приложить стараніе, чтобы ускорить полученіе этихъ отвѣтовъ и дружески подсказать кабинетамъ тотъ образъ дѣйствій, который фактически былъ бы для насъ пріемлемъ. Такъ какъ возобновленіе переписки не могло привести къ удовлетворитель-

ному результату до тѣхъ поръ, пока мы были связаны министерскимъ циркуляромъ, оставшимся безъ отвѣта, то слѣдовало послать къ иностраннымъ дворамъ довѣренное лицо, которое въ короткое время объѣхало бы эти дворы, повидалось бы и переговорило съ государственными людьми, руководящими внѣшней политикой европейскихъ державъ, и склонило бы ихъ принять протоколъ, коимъ были бы закрѣплены постановленія конференціи. Это дало бы намъ возможность выйти безъ ущерба для Россіи изъ создавшагося непріятнаго положенія, покончивъ съ дипломатическими переговорами, затянувшимися безконечно.

2) Тѣмъ временемъ слѣдовало, пользуясь случаемъ, дать понять Портѣ, что для скорѣйшаго миролюбиваго окончанія дѣла ей слѣдовало послать въ Петербургъ чрезвычайнаго посла. Предположенное министерствомъ иностранныхъ дѣлъ заключеніе особой конвенціи для обсужденія вопросовъ объ окончательномъ раздѣлѣ Турціи, на началахъ, выработанныхъ во время свиданія въ Рейхштадтѣ, которая находилась въ полномъ противорѣчій съ положеніемъ, занятымъ нами въ Константинополѣ передъ лицомъ Европы, должно было быть отложено, подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, до тѣхъ поръ, пока положеніе дѣлъ не выяснится окончательно ¹⁾.

3) Въ случаѣ благопріятнаго отвѣта со стороны кабинетовъ, могъ бы быть подписанъ протоколъ, опредѣляющій формальныя обязательства Порты и ея отвѣтственность, а равно право контроля и надзора со стороны Европы; тогда наша армія могла бы быть отодвинута отъ границы и частью демобилизована; это слѣдовало объявить царскимъ манифестомъ съ упоминаніемъ, что Европа признала себя солидарной съ нами, и слѣдовательно вопросъ перестаетъ быть исключительно *русскимъ*.

Уходу арміи съ границы долженъ былъ во всякомъ случаѣ предшествовать роспускъ редифовъ и отозваніе части турецкихъ войскъ изъ пограничныхъ провинцій. Для вящей осторожности и для того, чтобы удержать турецкія власти отъ излишествъ, императорское правительство должно будетъ оставить нѣкоторое время обсерваціонное войско въ Бессарабіи и въ Александрополѣ (на Кавказѣ).

¹⁾ Я никогда не одобрялъ мысли объ этой конвенціи, потому что князь Горчаковъ тщательно скрывалъ отъ меня ея текстъ. Событія 1878 г. доказали, до какой степени она была ненужна, опасна, противна нашимъ интересамъ, плохо изложена и плохо редактирована. *Лет.*

4) Въ случаѣ, если переговоры съ кабинетами не увѣнчаются успѣхомъ и если державы откажутся поддержать постановленія конференціи совмѣстнымъ выступленіемъ въ Турціи, императорскій кабинетъ долженъ будетъ немедленно, категорически объясниться по этому поводу съ берлинскимъ правительствомъ и условиться какъ съ Германіей, такъ и съ Австро-Венгріей, съ цѣлью приступить къ энергичнымъ дѣйствіямъ въ Турціи.

5) Только въ случаѣ полной неудачи всѣхъ дипломатическихъ шаговъ, имѣющихъ цѣлью практическое разрѣшеніе кризиса до конца марта, въ первыхъ числахъ апрѣля Портѣ, съ согласія обѣихъ союзницъ, Германіи и Австро-Венгрии, могъ быть предъявленъ ультиматумъ, при чемъ предварительно должны быть приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы наши войска могли немедленно перейти границу въ случаѣ, если бы это послѣднее требованіе державъ было отвергнуто султаномъ. Если же этотъ шагъ увѣнчался бы въ Константинополѣ успѣхомъ, то наша армія въ концѣ апрѣля могла бы быть демобилизована. Въ распоряженіи нашей дипломатіи было бы, слѣдовательно, шесть недѣль для того, чтобы дѣятельно, усердно и искусно заняться мирнымъ разрѣшеніемъ кризиса, или приготовить политическую почву для благополучнаго исхода военныхъ дѣйствій, ежели бы они оказались неизбежны.

Программа была ясна и логична, но для обезпеченія ея успѣха нужно было, чтобы всѣ шли рука объ руку, работая совмѣстно *viribus unitis* надъ исполненіемъ повелѣній Императора; между тѣмъ князь Горчаковъ объ этомъ и не помышлялъ. Провозглашая во всеуслышаніе, что онъ намѣренъ прежде всего поддержать достоинство Россіи, но что онъ не желаетъ войны, онъ и пальцемъ не шевельнулъ и не сдѣлалъ никакихъ серьезныхъ шаговъ, чтобы воздѣйствовать на кабинеты, на ихъ представителей въ Петербургѣ и на общественное мнѣніе, и хотя бы помочь мнѣ, которому было поручено объѣхать дворы, принявшіе на себя обязанность гарантовъ, и предъявить имъ текстъ протокола, выработаннаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

Мы увидимъ далѣе, что русскіе посланники, зная лично настроеніе князя Горчакова и будучи обижены пріѣздомъ спеціальнаго посла, не сдѣлали почти ничего, чтобы обезпечить подписаніе протокола, который они ошибочно считали моимъ личнымъ дѣломъ. Графъ Шуваловъ пошелъ далѣе: онъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать моей поѣздкѣ въ Англію. Отнюдь

не скрывая своей досады и своего соперничества, онъ старался съ этого момента явиться въ глазахъ европейской публики ходатаемъ и глашатаемъ мира по преимуществу, объясняя этимъ свой антагонизмъ ко мнѣ и приписывая мнѣ роль „апостола войны и панславизма“; наконецъ онъ вошелъ въ виды англійскаго кабинета, пожелавшаго исказить протоколъ до того, что онъ сталъ неузнаваемъ и даже смѣшонъ, съ цѣлью взять этимъ путемъ обратно все то, на что маркизъ Салесбюри былъ вынужденъ согласиться въ Константинополѣ отъ имени Англіи.

Я пріѣхалъ въ Берлинъ 21 февраля (3 марта) и поспѣшилъ познакомиться Убри ¹⁾, нашего посла въ Германіи, съ положеніемъ дѣлъ на Востокѣ и съ текстомъ протокола, который мнѣ дали въ Петербургѣ вмѣсто инструкціи, внеся въ него кое-какія поправки, чтобы сдѣлать обязательства Порты болѣе ясными.

Нетерпѣніе князя Бисмарка и его желаніе увидѣть меня какъ можно скорѣе были такъ велики, что онъ чуть не сейчасъ же явился къ Убри, чтобы освѣдомиться о цѣли моей миссіи, о которой онъ былъ коротко извѣщенъ изъ Петербурга. Въ тотъ же день онъ принялъ меня съ глазу на глазъ, а затѣмъ самъ пріѣхалъ ко мнѣ въ отель и пригласилъ меня и мою жену, пріѣхавшую со мною, отобѣдать у него запросто.

Германскій канцлеръ утверждалъ, что Германія вовсе не заинтересована въ Восточномъ вопросѣ и никогда не стала бы сѣять въ Турціи смуту.

Я изобразилъ ему съ полной откровенностью положеніе дѣлъ и намѣренія императорскаго кабинета, подчеркнувъ, что тройственное согласіе, вполнѣ отвѣчающее взглядамъ Императора, создало Россіи трудное и не особенно выгодное положеніе, на

¹⁾ Убри (Павелъ Петровичъ, графъ),—дипломатъ, род. 1820 г., въ 1848 г. былъ сдѣланъ секретаремъ посольства, затѣмъ первымъ совѣтникомъ русскаго посольства въ Вѣнѣ и былъ правой рукой князя Горчакова передъ началомъ крымской войны во время безплодныхъ переговоровъ вѣнской конференціи 1853 г. Переведенный въ 1856 г. первымъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ, Убри сдружился здѣсь съ Бисмаркомъ и, какъ другъ Германіи, усердно поддерживалъ дружбу между дворами берлинскимъ и петербургскимъ, когда въ 1863 г. былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Берлинъ; въ томъ же званіи онъ былъ аккредитованъ съ 1868 г. при сѣверо-германскомъ союзѣ, а съ 30 декабря 1871 г. посломъ при Германской имперіи. Какъ довѣренное лицо Горчакова Убри сталъ неудобенъ для Бисмарка вслѣдствіе чего былъ отозванъ изъ Берлина въ 1879 г.

Востокъ, замѣтивъ, что нельзя отрицать того страннаго факта, что „полнѣйшее согласіе трехъ наиболѣе могущественныхъ державъ Европы дало на Востокъ одни отрицательные результаты, ибо въ тотъ моментъ, когда мы стали хозяевами положенія въ Константинополѣ, обязательство дѣйствовать совмѣстно парализовало нашу дѣятельность въ Турціи и помѣшало намъ достигнуть тѣхъ удовлетворительныхъ результатовъ для блага нашихъ единовѣрцевъ, какихъ мы могли бы достигнуть при единоборствѣ съ Портой. Опытъ показаль, что Турція не понимаетъ иного воздѣйствія, кромѣ матеріальной силы: поэтому преклонившись недавно передъ голосомъ одной Россіи (сербскій ультиматумъ), она противится теперь требованіямъ всей Европы, рассчитывая, что разногласіе въ мнѣніяхъ помѣшаетъ державамъ прибѣгнуть къ силѣ и обезпечить ей безнаказанность. Соглашеніе шести державъ осталось такимъ же безплоднымъ, какъ и тройственное согласіе; конференція увѣчивается не большимъ успѣхомъ, какъ и нота Андраши, если ея рѣшенія не будутъ поддержаны силой — единственнымъ рѣшающимъ аргументомъ въ глазахъ турокъ. Конференція имѣла по крайней мѣрѣ одно преимущество: она привела къ соглашенію державъ на такой почвѣ, на которой его считали невозможнымъ; она выяснила правительствамъ и общественному мнѣнію истинное положеніе Оттоманской имперіи, положеніе невыносимое, которое кабинеты не могутъ долѣе игнорировать, каково бы ни было ихъ равнодушіе къ участи христіанъ. Но для того, чтобы придти къ логическому заключенію, державамъ слѣдовало *настоять* на томъ, что онѣ *советовали*, ибо онѣ не могутъ отказаться отъ того, что было сказано ими на конференціи“.

Достойно вниманія, что я былъ вынужденъ въ то время пустить въ ходъ всю силу своихъ убѣжденій, чтобы склонить будущаго предсѣдателя Берлинскаго конгресса къ менѣе равнодушной оцѣнкѣ восточныхъ дѣлъ.

Впрочемъ, канцлеръ присоединился по существу ко всему мною сказанному, заявивъ, что „онъ всегда былъ того мнѣнія, что для обезпеченія успѣха конференціи, уполномоченнымъ слѣдовало имѣть въ карманѣ настоящіе ультиматумы“. Онъ увѣрялъ меня, что „онъ считаетъ дипломатическое воздѣйствіе на Турцію совершенно неэффективнымъ и, что какъ императоръ Вильгельмъ, такъ и онъ самъ, услыхавъ, что турки, не взирая на снисходительность державъ и на уменьшенія ихъ требованій до минимума, осмѣлились противиться требованіямъ Европы, были возмущены до глубины души и невольно сдѣ-

лали угрожающій жестъ, схватившись за эфесъ шпаги“. Князь Бисмаркъ ясно далъ мнѣ понять, что онъ не одобряетъ нашей умѣренности, и тѣхъ уступокъ, чисто формальнаго свойства, которыя были сдѣланы мною, чтобы обезпечить единодушіе уполномоченныхъ и изолировать турокъ. Такъ объясняется недоразумѣніе, происшедшее между канцлеромъ и барономъ Вертеромъ по поводу сокращеннаго перечня требованій конференціи, которое Салисбюри ¹⁾ сообщилъ туркамъ, какъ нашу послѣднюю уступку, отголоски этого недоразумѣнія дошли до Константинополя и повліяли на нѣмецкаго уполномоченнаго, который казался крайне смущеннымъ. Князь Бисмаркъ успокоился на этотъ счетъ только тогда, когда мнѣ удалось доказать ему, на основаніи выдержекъ изъ обоихъ текстовъ протокола, что послѣдняя программа конференціи заключала по существу всѣ первоначальныя требованія и что измѣненія въ нихъ были сдѣланы исключительно изъ уваженія къ ограничительнымъ инструкціямъ уполномоченныхъ Англіи и Австро-Венгріи, которые хотѣли во что бы то ни стало исключить изъ нашего ультиматума всѣ спорные пункты. Наша первоначальная программа была бы осуществлена въ цѣломъ, если бы по принятіи турками *основныхъ положеній*, на которыхъ мы настаивали, намъ удалось окончательно редактировать постановленія конференціи. Канцлеръ согласился съ тѣмъ, что Европа была связана своей подписью и что нужно было найти приличный выходъ изъ положенія, которое такъ плохо вязалось съ ея достоинствомъ. Въ противномъ случаѣ, Европа осталась бы подъ впечатлѣніемъ, что Порта отвергла предложенія, сдѣланныя ей съ цѣлью обезпеченія мира и улучшенія судьбы христіанъ.

А положеніе ихъ, судя по нѣмецкимъ донесеніямъ, съ тѣхъ поръ все ухудшалось и заносчивость мусульманъ возростала, парализуя всѣ дипломатическіе шаги; канцлеръ познакомилъ меня съ содержаніемъ послѣднихъ донесеній, полученныхъ имъ изъ Константинополя, въ которыхъ положеніе на мѣстѣ рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

¹⁾ Салисбюри, Робертъ-Артуръ-Тальботъ-Гасконъ-Сесиль, съ 1868 г. третій маркизъ С., род. въ 1830 г., учился въ Итонѣ и Оксфордѣ, объѣздивъ американскія и австралійскія англійскія колоніи. Въ 1876 г. онъ былъ посланъ англійскимъ уполномоченнымъ на конференцію въ Константинополь и своимъ противодѣйствіемъ русскимъ требованіямъ помѣшалъ успѣху переговоровъ. Въ апрѣлѣ 1878 г. онъ занялъ постъ секретаря по иностраннымъ дѣламъ, въ томъ же году онъ вмѣстѣ съ Биконсфильдомъ представлялъ Англію на Берлинскомъ конгрессѣ, гдѣ искусно противодѣйствовалъ Россіи.

вами, князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что онъ, какъ и всякій благомыслящій нѣмецъ, горячо желаетъ, чтобы между двумя сосѣдними державами, которыя могутъ причинить другъ другу безконечно много зла, безъ малѣйшей выгоды для той и другой стороны, существовала непоколебимая дружба; онъ вдался по этому поводу въ разсужденія, которыя будутъ мною лично переданы вашему сіятельству ¹⁾).

„По словамъ канцлера, только поляки въ Россіи и ультрамонтане въ Германіи стараются подчеркивать разногласіе во мнѣніяхъ, которое можетъ возникнуть временно, воображая, что столкновеніе между нами могло бы послужить имъ на пользу.

„Я замѣтилъ на это князю Бисмарку, что въ случаѣ войны съ Турціей было бы желательно, чтобы онъ высказалъ намъ письменно тѣ объясненія и тѣ въ высшей степени успокоительныя обѣщанія, которыя я только-что отъ него выслупалъ. Онъ не колеблясь тотчасъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ охотно сдѣлаетъ это, ежели изъ Петербурга ему будетъ выражено желаніе получить эти объясненія въ видѣ депеши на имя генерала Швейница ²⁾, для сообщенія ея вашему сіятельству; но присовокупилъ, что Германія не можетъ связать себя дальнѣйшими обѣщаніями до тѣхъ поръ, пока мы оставляемъ за собою право принять сторону Германіи или Франціи, въ случаѣ столкновенія между этими державами...

¹⁾ Князь Бисмаркъ доказывалъ, что увеличеніе числа поляковъ и евреевъ не принесло бы никакой пользы Германіи, которая ихъ имѣетъ безъ того слишкомъ много, и слѣдовательно никто не помышляетъ о присоединеніи Польши, „хотя Висла, со стратегической точки зрѣнія, была бы не дурной границей на Востокъ“; затѣмъ онъ высказался рѣшительно по вопросу о Прибалтійскихъ губерніяхъ и утверждалъ, что нѣмецкое меньшинство населенія этихъ губерній слишкомъ малочисленно и слишкомъ дорожитъ своими старинными привилегіями, а мѣстность сама по себѣ слишкомъ бѣдна, чтобы ея аннексія могла быть выгодна для Германіи и вознаградила бы за тѣ жертвы, которыя послѣдней пришлось бы принести, порвавъ дружбу съ Россіей и завоевавъ Прибалтійскія губерніи. „Германія не можетъ сдѣлать никакихъ завоеваній ни со стороны Франціи, ни съ противоположной стороны, т. е. со стороны Россіи, изъ-за которыхъ стоило бы вести войну“, сказалъ канцлеръ; такъ какъ ни въ одной изъ этихъ странъ нѣтъ на нашей границѣ такой провинціи, какъ Богемія, которая была бы такъ богата, такъ густо населена и имѣла бы такія неистощимыя естественныя богатства“. *Авт.*

²⁾ Швейницъ - прусскій дипломатъ и генералъ, состоялъ съ 1876 по 1893 годъ посломъ въ Петербургъ, игралъ большую роль на ряду съ Андраши и Горчаковымъ, въ событіяхъ 1876—1878 гг., былъ однимъ изъ наиболѣе довѣренныхъ лицъ у императора Вильгельма. *П. В.*

И задалъ по этому поводу германскому канцлеру вопросъ относительно его агрессивныхъ намѣреній противъ Франціи, которая въ данный моментъ совершенно безвредна. Онъ отрицалъ со своей стороны всякое желаніе вызвать конфликтъ, не представлявшій, по его увѣренію, никакой *выгоды* для Германіи, такъ какъ у Франціи нѣтъ Богеміи, которую можно было бы у нея отнять; ея колоніи также не представляютъ особыхъ выгодъ, завладѣть же Голландіей было бы не безопасно; но онъ увѣрялъ, что Франція мечтаетъ о реваншѣ, чтобы взять обратно Эльзасъ и Лотарингію и что она готовится къ этому дѣятельнѣе и основательнѣе, нежели думаютъ и нежели онъ самъ *думалъ раньше*; онъ передалъ мнѣ вкратцѣ содержаніе донесеній его агентовъ по этому поводу и утверждалъ, что Франція, сосредоточивъ свою кавалерію въ пограничныхъ съ Германіей департаментахъ и усиливъ въ этой мѣстности составъ войска въ мирное время, можетъ въ случаѣ войны помѣшать мобилизаціи ближайшихъ пяти армейскихъ корпусовъ.

„Я позволилъ себѣ высказать нѣкоторое сомнѣніе относительно возможности агрессивныхъ дѣйствій со стороны Франціи, которыя разумѣется еще менѣе могли бы увѣнчаться успѣхомъ, нежели въ 1870 г., когда ей принадлежали Мецъ и Страсбургъ.

„Подъ конецъ нашей продолжительной бесѣды, желая побудить князя Бисмарка оказать намъ при переговорахъ болѣе энергичную поддержку, я замѣтилъ, что только поддержавъ энергично протоколъ, выработанный Россіей, онъ зажметъ ротъ всѣмъ, кто обвиняетъ его въ томъ, что, толкая насъ въ войну съ Турціей, онъ хочетъ вызвать европейскій конфликтъ“.

Изъ дружескихъ сообщеній, сдѣланныхъ мнѣ Бюловымъ, — человекомъ чрезвычайно осторожнымъ и сдержаннымъ, и изъ разговоровъ моихъ съ нѣмецкими посланниками, съ которыми я видѣлся въ разныхъ столицахъ Европы, я заключилъ, что послѣдній аргументъ произвелъ впечатлѣніе на канцлера и что имъ были даны соотвѣтственно этому извѣстныя инструкціи.

Англіей была высказана въ это время мысль о необходимости дать Портъ срокъ для осуществленія *собственными силами* реформъ, на коихъ настаивали державы, но я предостерегалъ германскаго канцлера противъ этой комбинаціи. Я напомнилъ ему недавнія событія, которыя подорвали всякую вѣру въ турецкія обѣщанія, „формулированныя въ настоящее время, подъ давленіемъ нашей арміи, сосредоточенной на границѣ Турціи. Эти обязательства, говорилъ я, не будучи подтверждены реальными гарантіями, будутъ немедленно взяты обратно, какъ только

Россія разоружится; мнѣ представляется невозможнымъ. съ какой бы то ни было точки зрѣнія и въ особенности съ точки зрѣнія *Россіи*, предоставить христіанъ на годъ или хотя бы на мѣсяць всецѣло во власть турокъ, для производства надъ ними эксперимента турецкихъ реформъ. всѣ ужасы которыхъ намъ хорошо извѣстны, хотя бы мы и потребовали впослѣдствіи у Порты отчета въ злоупотребленіяхъ, которыя мы предвидѣли ранѣе. Наконецъ для Россіи существуетъ еще одно весьма затруднительное обстоятельство: ея мобилизованная армія не можетъ долго остаться въ бездѣйствіи и не можетъ быть распущена, если нами не будетъ достигнуто никакого существеннаго результата.

Это положеніе, созданное нашимъ желаніемъ сохранить миръ и рѣшеніемъ дѣйствовать въ согласіи съ прочими державами, налагаетъ на нихъ обязанность поддержать насъ въ этихъ обстоятельствахъ.

Канцлеръ замѣтилъ на это, что нельзя рассчитывать на матеріальное содѣйствіе державъ, въ особенности невозможно получить согласіе Англіи на фактическое вмѣшательство державъ, на ихъ дѣйствіе вооруженной силой. Я возразилъ, что давленіе можетъ быть произведено нѣкоторыми державами отъ имени Европы, по данному ею полномочію, но присовокупилъ, что „мы не добиваемся монополіи на экзекуцію въ Турціи“; „предвидя матеріальныя трудности, связанныя съ немедленнымъ выступленіемъ, императорскій кабинетъ согласился бы ограничиться въ данный моментъ протоколомъ или инымъ аналогичнымъ актомъ, который, будучи подписанъ державами, явился бы доказательствомъ ихъ соглашенія, настаивалъ бы на выработанной ими программѣ реформъ и удостовѣрилъ бы неоднократныя обѣщанія, данныя оттоманскимъ правительствомъ, за исполненіемъ которыхъ Европа предоставила себѣ право наблюдать.

„Послѣ этого предисловія, я показалъ канцлеру, какъ бы для простого его освѣдомленія, данный мнѣ вами проектъ протокола (съ незначительными поправками, сдѣланными мною при чтеніи его въ вагонѣ), и по просьбѣ князя Бисмарка оставилъ ему копію съ него, обсудивъ его предварительно по пунктамъ и замѣтивъ канцлеру, что выраженіе: „дѣйствіе державъ“ (противъ котораго онъ возражалъ), въ послѣднемъ абзацѣ, отнюдь не означаетъ немедленнаго вмѣшательства, такъ какъ императорскій кабинетъ согласенъ ограничиться въ данное время подписаніемъ державами протокола“.

Текстъ протокола былъ переданъ мною кн. Бисмарку не въ

качествѣ предложенія со стороны императорскаго кабинета, а только для его освѣдомленія, дабы этимъ облегчить и упростить обмѣнъ мнѣній и добиться благопріятнаго отвѣта со стороны заинтересованныхъ кабинетовъ. Незначительныя поправки, чисто редакціоннаго характера, сдѣланныя въ текстѣ князя Горчакова, имѣли цѣлью лишь нѣсколько усилить его редакцію въ желательномъ для насъ смыслѣ.

Признавая точку зрѣнія, на которую мы стали, вполнѣ умѣренной, князь Бисмаркъ просилъ меня оставить ему этотъ документъ, который онъ хотѣлъ представить на благовоззрѣніе императору Вильгельму, предварительно обдумавъ его содержаніе. Я исполнилъ просьбу германскаго канцлера, обсудивъ предварительно виѣстѣ съ нимъ проектъ протокола по пунктамъ и давъ ему всѣ желательныя разъясненія. Князь Бисмаркъ находилъ, что коль скоро Россія довольствуется этимъ исходомъ, протоколъ, по его мнѣнію, будетъ приемлемъ для всѣхъ.

Мы неоднократно бесѣдовали на эту тему. Князь Бисмаркъ и его семья осыпали меня и графиню любезностями и три дня подъ рядъ приглашали насъ къ обѣду запросто.

Я видѣлся не разъ съ вторымъ секретаремъ министерства иностранныхъ дѣлъ Бюловымъ и съ моимъ старымъ знакомымъ, Радовицемъ, на котораго канцлеромъ спеціально было возложено веденіе дѣлъ Востока. Они оба присоединились къ высказаннымъ мною взглядамъ, открыто признали ихъ чрезвычайную умѣренность и сообщили мнѣ о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на германскаго канцлера мною лично. Нѣсколько дней спустя, нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ, князь Гогенлоу¹⁾, подтвердилъ мнѣ то же самое, увѣряя, что, судя по извѣстіямъ, полученнымъ имъ изъ Берлина, канцлеръ „въ восторгѣ отъ меня, говоритъ, что я знаю, чего хочу, имѣю извѣстныя убѣжденія и ясно высказываю свои мысли“.

На аудіенціи, данной мнѣ императоромъ Вильгельмомъ послѣ совѣщанія съ канцлеромъ, я изложилъ вполнѣ ясно поло-

¹⁾ Гогенлоу, Хлодвигъ Карлъ-Викторъ, князь Г.-Шиллингсфюрстъ, принцъ ратиборскій и корвейскій. Родился въ 1819 г.; изучивъ право, вступилъ въ прусскую государственную службу; въ 1846 г. занялъ мѣсто въ баварскомъ рейхстагѣ, въ которомъ постоянно ратовалъ за реформу союзной конституціи. Послѣ войны 1865 г. Г., назначенный баварск. министромъ-президентомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ и королевскаго двора, поставилъ главной цѣлью своей политики объединеніе Германіи. По провозглашеніи имперіи Г. былъ первымъ вице-президентомъ рейхстага; въ 1874 г. онъ занялъ трудный постъ германскаго посла въ Парижѣ.

женіе, въ которое императорскій кабинетъ былъ поставленъ на Востокъ тройственнымъ согласіемъ и соглашеніемъ шести державъ, и старался доказать настоятельную необходимость личнымъ образомъ закончить эти переговоры, при чемъ я особенно настаивалъ на томъ, что затруднительное положеніе, въ которомъ находился въ данное время Императоръ Александръ, создано единственно благодаря его всегдашнему желанію поддерживать общій миръ, избѣгнуть войны, которую намъ видимо хотѣли навязать, и согласовать дѣйствія Россіи на Востокъ съ дѣйствіями прочихъ державъ, несмотря на то, что ихъ интересы, въ особенности интересы Австро-Венгріи, совершенно расходились съ нашими, и что они были предубѣждены противъ насъ и противъ славянъ.

Логическимъ послѣдствіемъ закрытія конференціи должно было явиться немедленное выступленіе всѣхъ державъ съ цѣлью заставить Порту уважать ихъ общее, принятое ими совмѣстно рѣшеніе. „Мы бы предпочли совмѣстное выступленіе, но желанія наши настолько умѣренны, что мы согласились бы, на худой конецъ, удовольствоваться подписаніемъ протокола, въ духѣ того проекта, который находился въ рукахъ князя Бисмарка, *если бы кабинеты предложили это намъ въ отвѣтъ на циркулярную ноту князя Горчакова*“.

Указавъ на умѣренный тонъ проекта, который являлся только палліативомъ, я высказалъ надежду, что если *соглашеніе кабинетовъ* не можетъ привести къ болѣе цѣлесообразному и благопріятному результату для христіанъ, то Германія поможетъ намъ по крайней мѣрѣ склонить державы къ принятію этого проекта. Я предостерегалъ Его Величество противъ англійскаго плана дать туркамъ годъ для проведенія реформъ и говорилъ, что ни Европа, ни Императоръ, въ особенности, не могутъ оставить христіанъ на такой долгій срокъ, въ видѣ опыта во власть нашей.

Полагая два мѣсяца срокомъ вполне достаточнымъ для проведенія мѣстныхъ реформъ, Россія согласилась бы скорѣе не назначать для этого никакого опредѣленнаго срока, такъ какъ это дало бы по крайней мѣрѣ каждому кабинету извѣстную свободу въ оцѣнкѣ реформъ, за осуществленіемъ которыхъ онъ долженъ наблюдать и держало бы оттоманскихъ властей на чеку.

Императоръ Вильгельмъ, несмотря на предубѣжденіе, которое видимо старались внушить ему со всѣхъ сторонъ противъ моей личности, обошелся со мной въ высшей степени благоклонно; выслушавъ меня, онъ сказалъ, что онъ вполне даетъ

себѣ отчетъ въ трудномъ положеніи, въ которое Россія поставлена настоящими событіями и ходомъ переговоровъ. что онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ возраженій противъ протокола и желалъ бы склонить къ принятію его Лондонскій кабинетъ, который одинъ только и можетъ быть противъ этого коллективнаго акта.

Когда рѣчь зашла, во время этого разговора, о возможности войны между Россіей и Турціей, я высказалъ нѣкоторое сомнѣніе въ искренности намѣреній Австро-Венгрии и указалъ на то, что стремленія мадьяръ могли, въ послѣдній моментъ, заставить Вѣнскій кабинетъ уклониться отъ истиннаго пути, на это императоръ Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ гарантируетъ намъ, во всякомъ случаѣ, благожелательный нейтралитетъ Германіи и не преминетъ „слѣдить за тѣмъ, какъ будетъ держать себя Австро-Венгрія, чтобы она осталась вѣрна соглашенію трехъ императоровъ, связанныхъ честнымъ словомъ“.

Когда я посѣтилъ на слѣдующій день канцлера, онъ прочиталъ мнѣ записку, написанную императоромъ Вильгельмомъ тотчасъ послѣ аудіенціи, въ которой онъ выражалъ свое полнѣйшее одобреніе по поводу данныхъ мною объясненій. Въ виду этого князь Бисмаркъ заявилъ мнѣ, что германское правительство принимаетъ нашъ проектъ, что оно подпишетъ его безъ малѣйшаго измѣненія, обязуется энергично поддержать его передъ прочими кабинетами и передъ Портой и во всякомъ случаѣ окажетъ намъ свою поддержку, только „не батальонами, которыхъ у васъ болѣе чѣмъ достаточно“, замѣтилъ канцлеръ, присовокупивъ, что имъ будутъ даны въ этомъ смыслѣ инструкціи германскимъ посланникамъ при разныхъ дворахъ, дабы заставить Лондонскій кабинетъ присоединиться къ нашему взгляду; онъ прибавилъ съ видимымъ удовольствіемъ, что между нашимъ и его образомъ мыслей относительно Турціи и окончательнаго рѣшенія восточнаго кризиса не существуетъ никакого разногласія и что по его мнѣнію дѣйствительно необходимо подписать протоколъ, чтобы завершить достойнымъ образомъ дипломатическую кампанію, которая иначе могла закончиться довольно жалко.

Ссылаясь на послѣднія донесенія, полученные имъ изъ Константинополя, рисовавшія полнѣйшее разстройство турецкаго правительства, князь Бисмаркъ вернулся еще разъ къ высказанной имъ мысли о желательности послать въ Константинополь тайнаго агента, который при помощи денежныхъ суммъ, предоставленныхъ въ его распоряженіе, легко могъ бы, по его

миѣнію, заставить турокъ сдѣлать намъ всѣ уступки, даже территоріальныя, гораздо легче, нежели мы могли добиться чего-либо путемъ европейскаго вмѣшательства. Это вполне согласовалось съ моимъ миѣніемъ, такъ какъ я былъ всегда того же взгляда и всегда совѣтовалъ князю Горчакову не жертвовать призраку европейскаго согласія и совмѣстныхъ дѣйствій выгодами непосредственнаго и практическаго соглашенія съ султаномъ и Портою.

На мое замѣчаніе, что Европа и въ особенности Австро-Венгрія и Англія едва-ли признаютъ соглашеніе, заключенное помимо ихъ, въ особенности тотчасъ по закрытіи конференціи, германскій канцлеръ утверждалъ напротивъ того, что въ виду трудности настоящаго положенія и опасности европейскаго конфликта, всякій положительный результатъ, достигнутый непосредственнымъ соглашеніемъ Россіи съ Турціей, будетъ съ радостью принятъ всѣми кабинетами, не исключая Вѣнскаго и Лондонскаго. Онъ полагалъ, что, стремясь только къ достиженію общаго согласія, мы будемъ вынуждены силою обстоятельствъ, вопреки желанію Императора, начать войну съ Турціей. Желая со своей стороны упрочить вѣчную дружбу между Германіей и Россіей, канцлеръ обѣщалъ, что въ случаѣ войны Германія гарантируетъ намъ со стороны Австро-Венгріи выполненіе всѣхъ данныхъ ею обязательствъ и во всякомъ случаѣ обезпечить ея доброжелательный нейтралитетъ. Помимо того Германія не допуститъ образованія никакой коалиціи противъ насъ и предоставитъ намъ всѣ дипломатическія, военныя и финансовыя льготы, какія мы пожелаемъ. Въ концѣ концовъ князь Бисмаркъ сказалъ, что если намъ не удастся этотъ разъ склонить кабинеты подписать протоколъ, то за нами придется, по всей справедливости, признать право дѣйствовать впредь противъ Турціи однимъ и считать себя совершенно свободными отъ соглашенія съ кабинетами, которые не хотятъ и пальцемъ шевельнуть.

Большаго нельзя было и требовать, и князь Бисмаркъ могъ сказать себѣ, что онъ предоставлялъ намъ всѣ возможныя льготы для начала нашей войны съ Турціей. Слѣдовало только продолжить въ Петербургѣ разговоръ, такъ хорошо начатый въ Берлинѣ, и въ письменныхъ сообщеніяхъ, коими обмѣнивались кабинеты, называть вещи ихъ собственными именами, какъ я этого и хотѣлъ. Но осуществленію этой программы помѣшало одно обстоятельство, лично касавшееся князя Горчакова и которое усугубило холодность, чтобы не сказать соперничество,

существовавшее уже въ то время между обоими канцлерами, къ ущербу русскихъ интересовъ. Дѣло въ томъ, что князь Бисмаркъ, во время своихъ послѣобѣденныхъ бесѣдъ со мною, въ кругу своей семьи, давалъ мнѣ ясно почувствовать свое неудовольствіе всякій разъ, какъ разговоръ заходилъ о князѣ Горчаковѣ, и выражалъ свое озлобленіе противъ него при воспоминаніи о его циркулярной нотѣ, переданной по телеграфу въ 1875 году, послѣ свиданія въ Берлинѣ. „Онъ хотѣлъ изобразить меня тогда какимъ то чудовищемъ, хотѣвшимъ сожрать Францію и вызвать раздоръ въ Европѣ, а себя выставлялъ ангеломъ миротворцемъ, удержавшимъ мою руку и обезпечившимъ Европѣ миръ. Между тѣмъ онъ только благодаря своему чисто женскому тщеславію и самодовольству могъ вообразить, что таково было положеніе въ тотъ моментъ, когда Императоръ Александръ пріѣхалъ въ Берлинъ. Онъ хотѣлъ убѣдить самого себя и всѣхъ другихъ въ томъ, что онъ игралъ главную роль и унижилъ меня; на самомъ дѣлѣ, не было ничего подобнаго, и я никогда не прощу ему того, что онъ хотѣлъ одурачить меня. Онъ заплатитъ мнѣ за это; придетъ день, когда мы сведемъ этотъ маленькій личный счетъ“.

Зная издавна слабость князя Горчакова, который хотѣлъ убѣдить окружающихъ, что Бисмаркъ былъ глубоко преданъ ему и что онъ можетъ во всякое время рассчитывать на него, я былъ пораженъ словами князя Бисмарка, не предвѣщавшими ничего хорошаго для Россіи при данныхъ обстоятельствахъ. Не желая, чтобы интересы страны страдали изъ-за ошибочнаго расчета императорскаго кабинета въ моментъ столь важный для Россіи, я счелъ долгомъ осторожно предупредить князя Горчакова во время одного интимнаго разговора, что князь Бисмаркъ какъ будто еще злобствовалъ на него за телеграмму, посланную изъ Берлина въ 1875 г. и обошедшую всю Европу; я далъ понять ему, что слѣдовало бы загладить это впечатлѣніе и умастить германскаго канцлера, который могъ еще понадобится намъ въ моментъ кризиса, и такимъ образомъ обезпечить себѣ его доброжелательную и дружескую поддержку. Но тщеславіе и слѣпое самодовольство одержали въ умѣ князя Горчакова верхъ надъ благоразуміемъ, осторожностью и патріотизмомъ; онъ прервалъ меня, сказавъ довольно высокомерно, что я совершенно ошибаюсь на счетъ настроенія князя Бисмарка, который все еще старается угодить тому, кого „онъ во всеуслышаніе называетъ своимъ учителемъ“.

Чего не хочешь слышать, того не слышишь. Далекій отъ

всякихъ интригъ, я только хотѣлъ предостеречь канцлера, не говоря объ этомъ Императору; мнѣ было противно дѣйствовать по примѣру князя Горчакова, не пропускавшаго случая, чтобы повредить мнѣ, напрасно считая меня кандидатомъ на свой постъ въ умѣ Императора и даже во мнѣніи государственныхъ людей всѣхъ странъ.

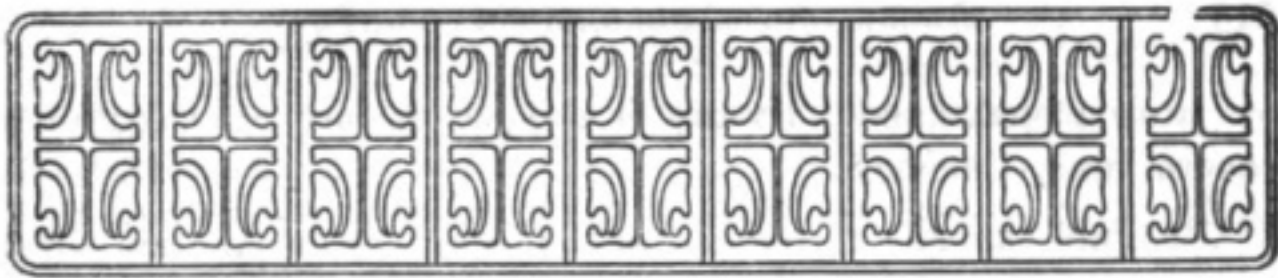
Миссія, которую я долженъ былъ выполнить въ Берлинѣ, вполнѣ удалась; вопросъ о протоколѣ обсуждался и былъ близокъ къ благополучному разрѣшенію. Придирка Англіи помѣшала его успѣху и заставила меня сократить свою поѣздку по Европѣ и отказаться подписать протоколъ, совершенно обезображенный въ Лондонѣ ¹⁾ и который, какъ я тотчасъ подумалъ, роковымъ образомъ долженъ былъ привести къ войнѣ.

Графъ Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Двумя противорѣчивыми деклараціями, слѣданными Россіей и Англіей. **Авт.**

Великій Князь Николай Николаевичъ

въ 1860-мъ году, въ Парижѣ.

Въ столь богатой событіями жизни великаго князя Николая Николаевича встрѣчается эпизодъ, оставшійся совершенно неизвѣстнымъ его біографамъ, г. Жерве и Д. А. Скалону, несмотря на то, что послѣдній былъ одинъ изъ самыхъ близкихъ людей къ великому князю и пользовался его неограниченнымъ довѣріемъ.

Эпизодъ этотъ особенно любопытенъ тѣмъ, что Его Высочество является въ немъ въ совершенно необычной для него роли дипломата, и, несмотря на свою неподготовленность къ этому новому для него поприщу, онъ исполнилъ и въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, самымъ блестящимъ образомъ державную волю Августѣйшаго своего брата.

Это было въ 1860 году, когда Императрица Матушка, Государыня Александра Ѳеодоровна, съ находившимся у нея въ гостяхъ любимымъ сыномъ „Nisi“, проживала въ Ниццѣ, только что присоединенной къ французской имперіи.

Наполеонъ III всячески старался угодить Государынѣ и задобрить ее, такъ какъ зналъ, что она, какъ и великій князь, не слишкомъ доброжелательно относилась къ этой аннексіи. Оба они любили въ Ниццѣ прелестный обликъ чисто итальянскаго города и были очень дружны съ ея прежнимъ владѣтелемъ, Викторомъ Эммануиломъ, „il Re Galantuomo“, часто посѣщавшимъ Императрицу въ Ниццѣ. Король только съ душевной скорбью, даже, говорятъ, со слезами, рѣшился разстаться, по требованію своего могущественнаго союзника,—тайно имъ ненавидимаго,—

съ этой жемчужиной Италіи и вмѣстѣ съ нею съ колыбелью своего дома, Савойею.

Великій князь не скрывалъ своего неудовольствія этой экспропріаціею, и, я помню, какъ я боялся за него, когда онъ, въ день плебисцита, долженствовавшего рѣшить давно заранѣе дипломатами предрѣшенную участь Ниццы, разгуливалъ съ отрицательнымъ бюллетенемъ „Non“, не только на своей шляпѣ, но и на ошейникѣ его любимаго пса „Разбойника“, среди многотысячной толпы, въ которой было столько явныхъ и тайныхъ агентовъ французскаго правительства.

Но дѣлать было нечего; высшая политика, къ которой, по слухамъ очень неохотно, присоединился и нашъ Государь, рѣшила, что Франція должна получить вознагражденіе за кровь, пролитую на поляхъ Мадженты и Сольферино для освобожденія Ломбардіи отъ владычества австрійцевъ.

Наполеонъ дѣлалъ все, что только могъ, чтобы пріобрѣсти, если не благорасположеніе Императрицы Александры Ѳеодоровны, то, по крайней мѣрѣ, право на ея признательность. Независимо отъ назначенія состоять при Ея Особѣ, во все время пребыванія ея въ предѣлахъ Франціи, одного изъ своихъ самыхъ вліятельныхъ и любимыхъ адъютантовъ, генерала Фроссара, будущаго воспитателя императорскаго принца, впоследствии командира корпуса, выдержавшаго первые натиски пруссаковъ подъ Вейсенбургомъ и Вертомъ, и убитаго въ одномъ изъ сраженій подъ Мецомъ,—онъ прислалъ цѣлую придворную конюшню и вагенбургъ для прогулокъ Императрицы по Ниццѣ и ея окрестностямъ. Узнавши отъ Фроссара о сожалѣніи Государыни, что она не видѣла, при проходѣ ихъ на возвратномъ пути черезъ Ниццу, столь отличившихся въ послѣднюю кампанію знаменитыхъ зуавовъ, Наполеонъ выслалъ немедленно изъ Парижа цѣлый батальонъ гвардейскихъ зуавовъ, чтобы держать караулы въ виллахъ Де-Орести и Авигдора, въ которыхъ жили Императрица и великій князь. Николай Николаевичъ съ его наметаннымъ военнымъ глазомъ не могъ довольно налюбоваться этими образцовыми представителями французской арміи, бывшей тогда послѣ крымской и итальянской войнъ въ апогеѣ своей славы. Трудно было представить такой подборъ молодцовъ и съ такой замѣчательной военной выправкой. Великій князь часто заходилъ въ ихъ помѣщеніе, присутствовалъ на ихъ ученьяхъ, разговаривалъ съ отдѣльными зуавами, какъ только умѣлъ говорить съ солдатами онъ, и.

окончательно очаровалъ ихъ, какъ потомъ мнѣ передавали это ихъ офицеры.

Надобно было отблагодарить Наполеона, съ которымъ въ то время считались всѣ коронованныя лица,—а нѣкоторые даже его побаивались; потому Государь рѣшилъ послать съ собственноручнымъ письмомъ къ Императору и,—какъ кажется, съ передачей на словахъ особаго порученія,—великаго князя, которому такая командировка очень и очень не улыбалась. Онъ съ нѣкоторою опасливой брезгливостью относился къ перспективѣ очутиться среди пышнаго двора второй имперіи съ его нѣсколько оффенбаховскимъ, но строго соблюдаемымъ этикетомъ, о которомъ столько вездѣ говорилось и печаталось, и который вызывалъ ироническія улыбки среди старыхъ, основанныхъ на вѣковыхъ традиціяхъ, дворахъ Европы.

Великому князю предстояло явиться первымъ официальнымъ представителемъ нашего царскаго дома въ Парижѣ послѣ крымской войны. Великій князь Константинъ Николаевичъ посѣтилъ Парижъ еще раньше—въ 1857 году, но, кажется, только по своему почину и безъ официального характера, конечно съ соизволенія Государя, но не по Высочайшему Его Величества повелѣнію. Это было понятно, такъ какъ пріѣздъ его слишкомъ близко совпадалъ съ подписаніемъ парижскаго мира, съ его столь тягостными для самолюбія Россіи условіями. Конечно, Наполеонъ III ловко воспользовался пребываніемъ великаго князя Константина Николаевича,—перваго члена Россійскаго царскаго дома, въ столицѣ Франціи,—чтобы положить основанія будущаго сближенія съ Россіей, и поэтому оказывалъ всѣ возможные знаки вниманія къ его особѣ, какіе впослѣдствіи онъ оказывалъ только коронованнымъ лицамъ, столь часто съ 1869 г. посѣщавшимъ Парижъ.

Положеніе великаго князя Николая Николаевича было совсемъ иное: онъ являлся въ Парижъ по волѣ своего державнаго брата съ письмомъ и съ особымъ порученіемъ Его Величества къ Наполеону, и исполненіе такого рода порученія дипломатическаго характера было для великаго князя дѣломъ совершенно новымъ и непривычнымъ. — Поэтому понятно его нѣкоторое смущеніе и даже быть можетъ недовѣріе къ своимъ силамъ и подготовленности къ царской службѣ въ этой для него необычной сферѣ. — Онъ не скрывалъ всего этого отъ Государыни Матушки, и, полагаю, нерѣшимость Его Высочества дошла и до самаго Государя, такъ какъ вскорѣ состоялось Высочайшее повелѣніе генералъ-адъютанту графу Штакель-

бергу,—бывшему нашему посланнику въ Туринѣ,—состоять при великомъ князѣ во время его поѣздки во Францію.

Великій князь неохотно разставался съ Ниццею, которая благодаря чудной погодѣ, продолжавшейся всю весну 1860 г., была особенно привлекательна въ этомъ году. Русское общество было многочисленно, и настолько же первенствовало въ то время въ космополитной Ниццѣ, насколько послѣ оно затемнялось англійскимъ и американскимъ элементомъ. За-океанскіе милліардеры тогда еще не наводняли Ривьеру, какъ они это дѣлаютъ теперь. Русская колонія имѣла много богатыхъ и родовитыхъ представителей и цѣлый цвѣтникъ молодыхъ, веселыхъ и милостивыхъ боярышень, во главѣ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ княжною Маріей Максимиліановной, бывшей тогда въ чарующемъ расцвѣтѣ ея восемнадцати лѣтъ ¹⁾.

Матушка Императрица нѣжно любила красавицу-внучку, которая прибыла вмѣстѣ съ нею и помѣщалась съ своей воспитательницей Г-ей Барыковой въ виллѣ Де-Орести, занимаемой Ея Величествомъ въ Ниццѣ.

Въ угоду ей Императрица приглашала по очереди молодыхъ ея подругъ на свои ежедневные вечера и даже устроила для нихъ небольшой танцевальный вечеръ въ великолѣпномъ саду, окружавшемъ виллу Де-Орести.—Кромѣ того

¹⁾ Ея Высочество особенно дружила съ нѣкоторыми изъ этихъ боярышень, бывшихъ, по годамъ, ея сверстницами. Онѣ образовали особый кружокъ подъ названіемъ „Шайка“, атаманомъ которой себя объявила княжна Марія Максимиліановна. Изъ этого кружка и по сіе время благополучно здравствуютъ, кромѣ Августѣйшей ея предводительницы: свѣтлѣйшая княгиня Имеретинская, бывшая въ то время графиня Анна Александровна Мордвинова; графиня Игнатьева, бывшая княжна Екатерина Леонидовна Голицына; Татьяна Михайловна Лазарева; княжна Надежда Алексѣевна Трубецкая, обѣ фрейлины Государынь Императрицъ; и баронесса Мейендорфъ, бывшая въ 1860 году графиня Марія Васильевна Олсуфьева.

Графиня Орлова-Давыдова, бывшая въ то время графиня Марія Егоровна Толстая; княгиня Демидова Санъ-Донато, въ описываемое время княжна Мещерская; Наталія Николаевна Черкесова; свитская фрейлина баронесса Марія Петровна Фредериксъ; графиня Дарія Васильевна Олсуфьева, впоследствии замужемъ за А. А. Моро; графиня Зубова, бывшая въ 1860 г. графиня Александра Васильевна Олсуфьева. Къ скорбному листу „Шайки“ слѣдуетъ, къ сожалѣнію, прибавить еще одно имя:—ея Августѣйшей предводительницы, скончавшейся въ Карлсруэ, 2-го февраля, когда статья эта уже была отослана въ типографію.

Принцесса до конца жизни сохранила дружескія отношенія съ своими ницскими подругами, съ нѣкоторыми изъ которыхъ даже поддерживала переписку.

были большіе балы—съ оркестромъ—у Е. И. В. принца Петра Георгиевича Ольденбургскаго на виллѣ Avigdor, у моряковъ на палубѣ парохода фрегата Рюрикъ, у великаго князя и dejeuner dansant, длившійся впрочемъ далеко за полночь, даваемый русской колоніей въ честь Государыни Императрицы,—въ Beaupieu. Танцами всегда распорядился, съ обычнымъ ему искусствомъ, веселостью и ловкостью, великій князь, что дома онъ дѣлалъ только на придворныхъ балахъ.

Тогда еще не было ни велосипедовъ, ни автомобилей, и любимый спортъ для молодыхъ людей была верховая ѣзда; почти каждый день устраивались прогулки - пикники, верхомъ въ очаровательныя окрестности Ниццы. Среди нашихъ дамъ были замѣчательно ловкія и смѣлыя наѣздницы, начиная съ Ея Высочества Маріи Максимиліановны; великій князь былъ очень друженъ съ своей племянницей и они шли въ первой—чудно красивой парѣ ¹⁾.

Послѣдніе дни пребыванія въ Ниццѣ были посвящены частымъ и долгимъ совѣщаніямъ Ея Высочества съ графомъ Штакельбергомъ, которыя, полагаю, имѣли нѣсколько дидактическій характеръ. Кромѣ графа, великаго князя сопровождали: личный адъютантъ—пишущій эти строки,—докторъ А. Л. Обермиллеръ и только одинъ камердинеръ Бергманъ.

Въ самую минуту отъѣзда В. И. Мятлевъ, находившійся на рейдѣ Ниццы на своей яхтѣ—которую Государыня Императрица, бывшая особенно внимательной и милостивой къ Владиміру Ивановичу, разъ осчастливила Своимъ посѣщеніемъ — и пользовавшійся давнишнимъ расположеніемъ великаго князя, предложилъ свои услуги—въ качествѣ гофмаршала двора Ея Высочества. Онъ имѣлъ вполнѣ то, что французы называютъ

¹⁾ Изъ другихъ кавалеровъ вспоминаю Е. В. принца Николая Петровича Ольденбургскаго; моего товарища лейбъ-гусара и по нынѣ здравствующаго шталмейстера Высочайшаго двора, графа Стенбокъ-Фермора, двухъ братьевъ князей Долгорукихъ, впоследствии оберъ-гофмаршала и генералъ-адъютанта; кирасира шт.-ротмистра Клюпфеля; адъютанта принца Ольденбургскаго князя Оболенскаго. В. И. Мятлевъ, бывший во главѣ всякой увеселительной программы, отъ верхового спорта съ благоразумной осторожностью удерживался, предпочитая ему морской, который впрочемъ, также не всегда ему удавался. Помню, какъ онъ, въ день именинъ Императрицы, ѣхалъ на рулѣ своего вельбота, въ камергерскомъ мундирѣ подъ громомъ салютныхъ выстрѣловъ двухъ пушченокъ своей яхты, съ великолѣпнымъ букетомъ для Ея Величества и—за нѣсколько шаговъ отъ берега опрокинулъ лодку и ея пассажировъ: меня и курьера Императрицы Драгони.

le physique de l'emploi: великолѣпныя бакенбарды петербургскаго сановника, начинающуюся лысину, во всемъ англійскую складку,—какъ князь Григорій изъ „Горе отъ ума“,— всегда невозмутимо серьезное, несмотря на постоянное шутовство, выраженіе лица и великолѣпный расшитый золотомъ камергерскій мундиръ со множествомъ иностранныхъ, большею частью какихъ-то экзотическихъ, орденовъ.

Великій князь, смѣясь, согласился, но съ уговоромъ, чтобы Владиміръ Ивановичъ, извѣстный столько же своимъ неподражаемымъ юморомъ и неизсякаемымъ остроуміемъ, обличавшимъ въ немъ достойнаго сына автора безсмертной „Мадамъ де-Курдюковъ“, какъ и своею расточительностью, отнюдь не принималъ въ серьезъ своего положенія псевдо-гофмаршала и не вмѣшивался ни въ какіе расходы, „не то, знаю“, добавлялъ великій князь, „намъ не съ чѣмъ будетъ въ Петербургъ вернуться“.

Привожу одинъ примѣръ юмора, немного шутовскаго, Мятлева. Когда на представленіи въ Тюилерійскомъ дворцѣ, на которомъ, разумѣется, я уступилъ первое мѣсто Владимиру Ивановичу, какъ нашему гофмаршалу, Наполеонъ спросилъ у него: „Depuis combien de temps êtes-vous auprès de son Altesse?“ Мятлевъ, отвѣсивъ низкій придворный поклонъ, по принятому этикету, который онъ уже успѣлъ скопировать у придворныхъ французскихъ чиновъ, съ невозмутимымъ, серьезно-почтительнымъ лицомъ отвѣтилъ: „Depuis son enfance, Sire“. Великій князь рассказывалъ потомъ, какого труда ему стоило, чтобы не расхохотаться, припоминая, что этотъ столь долгій срокъ сводился къ тремъ днямъ.

Впрочемъ денегъ на этотъ вояжъ намъ было отпущено изъ Министерства двора столько, что, полагаю, и при расточительности Мятлева ихъ хватило бы. Желая придать особый блескъ пріѣзду своего брата къ Тюилерійскому двору, Государь приказалъ отпустить изъ кабинета большой ящикъ, до краевъ наполненный табакерками, перстнями, часами, портсигарами съ портретами и вензелями великаго князя, браслетами и брошками, осыпанными брилліантами. Ихъ было, на мой глазъ, тысячъ на двадцать или тридцать, по крайней мѣрѣ ¹⁾. Въ препроводительной бумагѣ графа Адлерберга было сказано: „Для

¹⁾ Двѣ табакерки, пожалованныя въ Парижъ министру двора графу Бачіочи и оберъ-штабмейстеру генералу Флери съ портретомъ Его Высочества стоили вмѣстѣ 4.364 р.

раздачи придворнымъ чинамъ французскаго двора и другимъ лицамъ по приказаніямъ Его Императорскаго Высочества и указаніямъ посла, графа Киселева.— Въ частномъ письмѣ графъ Александръ Владиміровичъ писалъ: „L'Empereur désire qu'on ne se gêne pas avec ses cadeaux“; и когда, по возвращеніи въ Петербургъ, большая часть подарковъ была представлена непочатую, то благодушный графъ Адлербергъ чуть не сдѣлалъ выговора: „Вѣдь было сказано не экономничать“!

Для переѣзда великаго князя въ Марсель былъ назначенъ пароходъ-фрегатъ „Рюрикъ“, на которомъ обыкновенно совершали морскіе переѣзды Государь и члены Императорской фамиліи.—Кромѣ упомянутыхъ лицъ свиты, добрый великій князь разрѣшилъ моей сестрѣ Ольгѣ Васильчиковой, ѣхать съ ея семействомъ и цѣлымъ штатомъ французскихъ Non-poup кормилицъ и англійскихъ боннь, съ нами до Марселя. Мы оставили Ниццу, не помню въ который изъ первыхъ дней мая и менѣе нежели черезъ сутки уже были въ Марсель, гдѣ великаго князя ожидалъ въ *Expresse Lyon Méditerranée* императорскій вагонъ.

Въ Парижѣ на вокзалѣ Южныхъ дорогъ Его Высочество былъ встрѣченъ всѣмъ составомъ нашего посольства, бывшаго въ то время особо избраннымъ и блестящимъ. Во главѣ его стоялъ маститый графъ Павелъ Дмитріевичъ Киселевъ, украшенный генераль-адъютантскими вензелями еще „благословеннаго“ Царя Александра Павловича. Совѣтникомъ посольства былъ Альфредъ Карловичъ Гротъ, впоследствии оберъ-шенкъ и завѣдующій Высочайшимъ дворомъ, секретарями числились: первымъ—Алексѣй Николаевичъ Толстой, „le Louche“, мой товарищъ по Пажескому корпусу, племянникъ столь вліятельнаго въ министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Ивана Матвѣевича Толстого, вторымъ—Паскевичъ, племянникъ варшавскаго фельд-маршала. Военнымъ агентомъ былъ флигель-адъютантъ, графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ, бывшій адъютантъ великаго князя Николая Николаевича, впоследствии заслужившій Георгіевскій крестъ на шею славнымъ командованіемъ гвардіи за Балканами.—Было еще много *attachés*, имена которыхъ я не могу припомнить, за исключеніемъ князя Петра Никитича Трубецкаго, супруга знаменитой *Lison* Трубецкой, имѣвшей въ Парижѣ салонъ, который игралъ въ то время извѣстную роль въ большомъ свѣтѣ и у дипломатовъ, всегда встрѣчавшихся въ ея великолѣпныхъ гостинныхъ.

Великій князь не пожелалъ остановиться по приглашенію Императора Наполеона въ Тюилерійскомъ дворцѣ и имѣлъ пребываніе въ Grand Hôtel du Louvre, гдѣ ему нашимъ посольствомъ былъ приготовленъ цѣлый рядъ роскошно отдѣланныхъ комнатъ. Сколько мнѣ помнится, огромная наемная цѣна за этотъ великолѣпный апартаментъ, кажется превышавшая тысячу франковъ въ день, была уплачена посольствомъ.—Ливреи и выѣздные экипажи собственно для Его Высочества были отъ двора, но великій князь рѣдко пользовался ими и только для официальныхъ выѣздовъ; обыкновенно же онъ ѣздилъ на фіакрахъ или экипажахъ графа П. А. Шувалова.

Мы пріѣхали въ Парижъ вечеромъ, и на другой же день довольно рано, послѣдовалъ пріемъ великаго князя Императоромъ въ Тюилерійскомъ дворцѣ.—Выѣздъ во дворецъ былъ полу-официальный; не было ни военного эскорта, ни вершниковъ у дверей экипажа, а только впереди двумѣстной кареты, въ которой были великій князь и посолъ, ѣхалъ въ парадной ливреѣ *richeur*. Запряжки и экипажи были безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ. Было видно, что императорскими конюшными завѣдывалъ такой знатокъ лошадей и выдающійся кавалеристъ, какимъ былъ оберъ-шталмейстеръ, генералъ Флери, впоследствии французскій посолъ въ Петербургѣ. Въ особенности была хороша пара 7 вершковыхъ полукровныхъ *high-steppers* въ экипажѣ великаго князя. Его Высочество, страстный любитель лошадей, по возвращеніи изъ дворца, не могъ удержаться, чтобы, въ присутствіи многочисленной публики на парадномъ дворѣ Hôtel du Louvre, не снимая еще генералъ-адъютантскаго мундира, столь красиваго въ то время съ блестящей каской и пышнымъ султаномъ изъ перьевъ, нѣсколько разъ не обойти кругомъ этихъ чудныхъ лошадей, стоявшихъ у подъѣзда, какъ вкопанныя на вытянутыхъ въ струнку заднихъ сухихъ ногахъ.

Его Высочество былъ принятъ во второй гостиной или кабинетѣ Наполеона, куда онъ вошелъ вмѣстѣ съ графомъ П. Д. Киселевымъ, имѣя въ рукахъ собственноручное письмо Государя. Мы, т.-е. Мятлевъ, докторъ Обермиллеръ и я съ французской свитой великаго князя, дожидались въ первой гостиной. У дверей, въ которыя они вошли во вторую гостиную, стояла неподвижно, какъ каріатиды, пара уборныхъ часовыхъ изъ отборнаго эскадрона *Cent Gardes*,—замѣчательные красавцы въ голубыхъ мундирахъ, съ серебромъ, въ стальныхъ кирасахъ и каскахъ.—Обмундированіе нижнихъ чиновъ,

всѣхъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи, почти ничѣмъ не отличалось отъ офицерскаго: было точно такъ же богато, превосходно пригнано и украшено одинаковыми серебряными аксельбантами.

Интимная аудіенція продолжалась довольно долго, послѣ чего императоръ вышелъ, ведя подъ руку императрицу Евгенію, бывшую тогда во всемъ расцвѣтѣ ея легендарной красоты. Она вела за руку прелестнаго мальчугана пяти лѣтъ, le Prince Impérial. Наполеонъ каждому изъ насъ сказалъ нѣсколько словъ; мнѣ припомнилъ, — что, конечно, ему было подсказано, — мое представленіе ему на балѣ Тюилерійскаго дворца въ 1857 г. Императрица удостоила насъ дозволеніемъ поцѣловать ей ручку и каждому изъ насъ сказала нѣсколько любезныхъ словъ. Все это продолжалось весьма скоро, затѣмъ общій поклонъ, и императорская чета скрылась за дверью, охраняемой часовыми Cent Gardes.

Наполеонъ въ тотъ же день, около 4-хъ часовъ, отдалъ визитъ великому князю, пріѣхавъ одинъ безъ всякой свиты въ парномъ кабріолетѣ, которымъ самъ правилъ. Онъ былъ въ синемъ рейтфракѣ, сѣрыхъ брюкахъ и высокомъ цилиндрѣ, который тогда носили всегда и вездѣ всѣ, считавшіеся принадлежащими къ обществу. Несмотря на докладъ швейцара, что великаго князя не было дома, Наполеонъ пожелалъ взглянуть на его помѣщеніе въ отелѣ. Я былъ одинъ дома и успѣлъ встрѣтить императора у первой площадки великолѣпной лѣстницы à deux rampes, ведшей въ апартаменты, занимаемые Его Высочествомъ.

Опираясь на палку и съ замѣтной одышкой, императоръ, нѣсколько грузный, на короткихъ ногахъ, тихо по ней поднялся и вошелъ въ бельэтажъ, гдѣ уже собрался весь персоналъ отеля. Небрежно отвѣтивъ кивкомъ на ихъ подобострастно низкіе поклоны, Наполеонъ сдѣлалъ едва уловимый знакъ, по которому всѣ быстро скрылись. Онъ прошелъ, сопровождаемый однимъ мною, — даже камердинера Бергмана не было налицо, — весь рядъ комнатъ, занимаемыхъ Его Высочествомъ. — „Voyant comme Vous êtes bien installés, — сказалъ онъ мнѣ, — „j'éprouve moins de regrets de ne pas avoir Monseigneur chez moi au palais“.

Въ спальнѣ онъ съ любопытствомъ разсматривалъ образа и кресты вмѣстѣ съ акварельнымъ портретомъ Государя Николая Павловича, всюду сопровождавшимъ великаго князя, разложенные на столикѣ около походной желѣзной кровати Его

Высочества, и казался очень удивленнымъ, когда я ему пояснилъ, что великій князь, какъ и всѣ его братья, другихъ кроватей, какъ дома, такъ въ походахъ и вояжахъ, не имѣютъ, и что на точно такой же узкой кровати скончался въ 1855 году въ Зимнемъ Дворцѣ Государь Николай Павловичъ. „Tiens, c'est curieux, mais cela ne doit pas être très commode“, съ нѣсколько недовѣрчивой улыбкой пропустилъ онъ • изъ-подъ своихъ нафиксатуаренныхъ довольно длинныхъ усовъ.

Быть можетъ онъ припомнилъ громоздкія походныя постели съ массою тюфяковъ и подушекъ своего царственного дяди, одинъ экземпляръ которыхъ, отбитый казаками въ 12-мъ году, хранится въ Московской Оружейной Палатѣ.

Войдя въ кабинетъ великаго князя, онъ вынулъ карточку съ гравированной надписью: „L'Empereur des Français“—и, загнувъ уголъ, положилъ ее на письменный столъ. Съ изысканной учтивостью спросивъ, можно ли здѣсь курить, — онъ почему-то зналъ, что Его Высочество не курить,—закурилъ папирску и, предложивъ мнѣ такую же изъ своего портсигара, покойно расположился на креслѣ и довольно долго распрашивалъ меня о привычкахъ великаго князя, интересуясь знать, любить ли онъ ѣздить верхомъ. „Dans ce cas dites à Monseigneur, que je lui ai préparé pour les promenades le matin au Bois une très bonne bête, dressée spécialement par la Hotte“¹⁾.

Великій князь потомъ сожалѣлъ, что не воспользовался этой любезностью, такъ какъ узналъ отъ графа Киселева, что Наполеонъ намѣревался, послѣ того, какъ Его Высочество на ней ѣздилъ, подвести ему эту лошадь; а великій князь, страстный любитель и замѣчательный знатокъ конскаго дѣла, радовался всякому случаю увеличить составъ своей Петербургской конюшни, превышавшей иногда полсотни головъ, въ числѣ которыхъ послѣ войны была и лошадь Османъ-Паши, подведенная знаменитымъ защитникомъ Плевны его побѣдителю²⁾.

Затѣмъ съ „Bien des compliments à son Altesse et des regrets

¹⁾ Генералъ La Hotte считался первымъ ѣздокомъ французской кавалеріи; онъ командовалъ тогда кавалерійской школой въ Сомюрѣ.

²⁾ Въ рѣдкихъ случаяхъ Его Высочество милостиво принималъ подобныя подведенія и отъ частныхъ ему приближенныхъ лицъ. Я самъ имѣлъ честь подвести Его Высочеству, когда въ 1874 году покинулъ строевую службу, моего послѣдняго фронтового коня, известнаго всей Варшавѣ по своимъ замѣчательнымъ статьямъ—„Бурко“, завода графа Дедушицкаго. Великій князь очень полюбилъ эту лошадь и много на ней ѣздилъ на войнѣ съ Турціей 1877—1878 годахъ.

de ne pas avoir trouvé Monseigneur", Наполеонъ простился со мной у подъѣзда, куда высыпала масса служащихъ и живущихъ въ отелѣ.

На другой или третій день былъ назначенъ парадный обѣдъ съ дамами, болѣе чѣмъ на двѣсти персонъ во Дворцѣ. Графу Киселеву и Павлу Андреевичу Шувалову стоило не малаго труда уговорить великаго князя быть на этомъ обѣдѣ въ установленномъ для подобныхъ случаевъ французскимъ дворомъ костюмѣ, состоявшемъ изъ обыкновеннаго фрака, бѣлаго галстука и рубашки съ какимъ-то вычурнымъ жабо. Потомъ шелковыя черныя брюки и такіе же чулки, оканчивающіеся башмаками съ большой стальной пряжкой, трехъугольная шляпа *claque*, назначеніе которой было носиться только подъ мышкой, а никакъ не на головѣ, и бѣлыя лайковыя перчатки довершали этотъ костюмъ, въ которомъ Его Высочество, несмотря на явное отвращеніе замѣнить имъ привычный для него мундиръ, былъ удивительно красивъ и ловокъ. Ему въ то время шелъ тридцатый годъ, и онъ былъ въ лучшей порѣ своей замѣчательной мужественной красоты, дѣлавшей его столь схожимъ съ покойнымъ Государемъ.

Контрастъ, представляемый имъ, когда онъ шелъ рядомъ съ французскимъ императоромъ, доходившимъ ему только до плеча, былъ великъ и, конечно, не въ пользу Наполеона. Его Высочество во время нескончаемо длиннаго обѣда занималъ мѣсто между императоромъ и императрицей. За императорскимъ столомъ были и мѣста немногихъ лицъ его свиты, каждый рядомъ съ одной изъ придворныхъ дамъ императрицы. Мятлевъ, разумеется, былъ, какъ дома и, несмотря на строгій этикетъ вызывалъ своими остротами безпрестанно смѣхъ своихъ сосѣдокъ. Мнѣ досталась честь вести къ столу графиню Пурталесъ, одну изъ кружка самыхъ красивыхъ, прелестныхъ женщинъ, снятыхъ вокругъ императрицы Евгеніи на знаменитой картинѣ Винтергальтера, столь распространенной тогда и до сихъ поръ безчисленными гравюрами.

Для насъ русскихъ было по меньшей мѣрѣ странно видѣть на этомъ официальномъ обѣдѣ въ честь русскаго великаго князя, въ числѣ приглашенныхъ, барона Дантесъ Геккерна, злополучно мѣткій выстрѣлъ котораго лишилъ Россію преждевременно величайшаго ея поэта. Какъ одинъ изъ высшихъ сановниковъ французской имперіи, сенаторъ и кавалеръ первой степени Почетнаго Легіона, онъ сидѣлъ за императорскимъ столомъ недалеко отъ великаго князя, который не могъ не

обратить вниманія на его выдающійся ростъ и сановную осанку. Слѣдуетъ замѣтить, что Геккернъ послѣ обѣда, во время долго длившагося куртага, на которомъ Наполеонъ представилъ Его Высочеству всѣхъ высшихъ лицъ войска и администраціи, держалъ себя въ сторонѣ и ни къ кому изъ русскихъ, даже близкихъ ему по Лоскеу клубу, не подходилъ. За то видимо демонстративно съ нимъ дружески разговаривалъ Принцъ Наполеонъ—Plop-Plop. Досадно было видѣть на этомъ заявленномъ врагѣ Россіи нашу Андреевскую ленту.

Въ теченіе своего шестидневнаго пребыванія въ Парижѣ великій князь еще нѣсколько разъ видѣлся съ Наполеономъ въ Тюилери и, кажется, за обѣдомъ у принцессы Матильды, княгини Демидовой-Санъ-Донато, очень благоволившей—въ разрѣзъ своему брату, Plop-Plop,—къ русскимъ и всегда хранившей благодарную память къ Государю Николаю Павловичу, которому она была обязана значительной рентой, выплачиваемой ей А. Н. Демидовымъ, ея разведеннымъ мужемъ.

Великій князь, сколько помнится, ни одного раза не обѣдалъ у себя въ отелѣ, принимая приглашенія, кромѣ упомянутыхъ, къ обѣдамъ у посла и графа Шувалова; но за то всякій день къ завтраку въ 12 часовъ у него собиралось большое общество. Кромѣ лицъ свиты, къ которой вновь причислился графъ Павелъ А. Шуваловъ, бывали приглашаемы нѣкоторые члены посольства и постоянно генералъ-адъютанты, князья Левъ Радзивиллъ и А. Ѳ. Голицынъ, оба истые парижане, знавшіе всѣхъ и всѣмъ знакомые, которые очень оживляли эти завтраки, длившіеся иногда до 2 часовъ, своими нескончаемыми разсказами и веселыми анекдотами о парижской жизни, изученной ими обоими такъ подробно.

Послѣ завтрака я почти не видѣлъ великаго князя, котораго постоянно сопровождалъ графъ Шуваловъ, его бывшій любимый адъютантъ и другъ дѣтства. Я приходилъ къ великому князю вмѣстѣ съ докторомъ Обермиллеромъ въ 8 часовъ утра, когда онъ кушалъ чай—неизмѣнно зеленый, какой исключительно употреблялъ и его Августѣйшій родитель. Наскоро просматривалась полученная петербургская почта съ приказами и газетами, изъ которыхъ великій князь читалъ только „Русскій Инвалидъ“ и „Петербургскій Листокъ“, и разсѣянно выслушивалось то, что я ему читалъ изъ „Figaro“ и другихъ Парижскихъ бульварныхъ газетъ, относившееся до пребыванія великаго князя въ Парижѣ и до Россіи.

Въ 9 часовъ Его Высочество выходилъ со мною гулять по

бульварамъ и по Палероялю, останавливаясь передъ роскошно убранными витринами, и часто заходя въ магазины для покупокъ, которыя большею частью тутъ же размѣщались по карманамъ нашихъ пальто; только особо громоздкія, или по которымъ приходилось платить крупные счета, направлялись въ нашъ отель, такъ какъ великій князь желалъ сохранить при этихъ утреннихъ прогулкахъ самое строгое инкогнито, что, однако, не всегда удавалось. Наканунѣ отъѣзда изъ Парижа этихъ покупокъ набралось столько, что онѣ не размѣщались въ нашихъ карманахъ, и я былъ принужденъ сложить ихъ въ каретку перваго попавшаго фіакра, приказавъ ему слѣдовать за нами. Вдругъ я замѣтилъ съ испугомъ, что фіакръ отсталъ отъ насъ въ лабиринтѣ узкихъ улицъ, которыя тогда, до ломки и перемѣнъ, сдѣланныхъ Гаусманомъ, окружали Палерояль. Несмотря на наши поиски, мы его найти не могли, въ немъ находилось различныхъ покупокъ на нѣсколько тысячъ франковъ, а я не позаботился узнать его номеръ или указать ему нашъ адресъ. Масса экипажей и пѣшеходовъ, несмотря на ранній часъ, переполняли узкія улицы, и я серьезно начиналъ опасаться за могущія быть послѣдствія моей неосмотрительности, когда ко мнѣ подошелъ безукоризненно одѣтый джентльменъ, учтиво снялъ блестящій цилиндръ и вполголоса доложилъ: *Mon Colonel, le fiacre N tel et tel n'est pas loin au coin de cette autre rue, un agent va l'amener tout de suite*. Даже чинъ мой былъ извѣстенъ нашему невѣдомому охранителю, не говоря уже о высокомъ санѣ лица, шедшаго рядомъ и очень забавлявшагося моимъ смущеніемъ и всѣмъ этимъ эпизодомъ.

Вообще полиція Парижа тайная и явная, возведенная геніальнымъ ея начальникомъ, знаменитымъ Pietri, до совершенства, не только неусыпно охраняла великаго князя, но и зорко за нимъ повсюду и вездѣ слѣдила. Директоръ *Grand Hôtel*, счастливый и довольный пожалованнымъ ему перстнемъ съ брилліантовымъ вензелемъ великаго князя, признался мнѣ въ день нашего отъѣзда, что въ числѣ ливрейной прислуги, служившей за завтракомъ, было два „*mouchards*“, прекрасно говорившихъ по-русски, обязанность которыхъ была каждый день представлять à son Excellence Monsieur le Prefet письменный докладъ обо всемъ, что говорилось за столомъ.—„Неужели son Altesse этого не замѣтилъ и могъ полагать, что наша прислуга могла быть такъ неловка, какъ се *misérable*, который чуть не облилъ великаго князя, уронивъ за нимъ блюдо съ соусомъ“. Я успокоилъ директора, увѣряя, что никто изъ насъ

этой оплошности его персонала не замѣтилъ, и подумалъ, какъ мало интереснаго должны были представлять для Pietri доклады его тайныхъ агентовъ, такъ какъ за столомъ они слышали только парижскіе рассказы и анекдоты,—имъ, вѣроятно, давно извѣстные,—передаваемые съ неподражаемымъ юморомъ княземъ Радзивилломъ и его пріятелемъ Александромъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ vulgus „Сашка“, какъ его, разумѣется за глаза, называли даже корнеты. Серьезные разговоры, если таковые были, съ посломъ и съ графомъ Штакельбергомъ, происходили въ кабинетѣ великаго князя, куда они ежедневно прѣзжали за полчаса до завтрака.

Я только разъ, кажется, сопровождалъ Его Высочество въ его экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ тотчасъ послѣ завтрака: это было, когда онъ въ мундирѣ поѣхалъ въ инвалидный домъ—le palais des Invalides—директоромъ котораго,—по нашей терминологіи,—а по французской,—Gouverneur des Invalides,—былъ послѣдній изъ оставшихся въ живыхъ братьевъ Наполеона,—бывшій король Вестфальскій,—Жеромъ.

Совершенно дряхлый Наполеонидъ встрѣтилъ у подъѣзда великаго князя въ парадномъ мундирѣ съ маршальскимъ жезломъ въ рукахъ, который впрочемъ былъ ему пожалованъ племянникомъ, а не братомъ, имѣвшимъ весьма нелестное понятіе о его военныхъ способностяхъ и даже освободившимъ его послѣ Бородина отъ командованія корпусомъ. Было трогательно видѣть слезы на глазахъ почтеннаго старика, когда онъ, съ трудомъ шагая, подвелъ великаго князя къ мраморному саркофагу своего великаго брата, предъ которымъ склонился на колѣни. Великій князь былъ видимо тронутъ, однако къ нашей, русскихъ, общей радости, примѣру Жерома не послѣдовалъ, хотя утренніе листки это на другой день утверждали. Выходя изъ мавзолея, великій князь пожелалъ посѣтить принца Жерома въ его великолѣпной квартирѣ въ самомъ домѣ, а затѣмъ, попросивъ принца не утруждать себя, въ сопровожденіи коменданта дома, бригаднаго генерала, прошелъ по всѣмъ обширнымъ помѣщеніямъ инвалидовъ, со многими изъ которыхъ онъ милостиво разговаривалъ, въ особенности съ ранеными во время Крымской войны ¹⁾).

¹⁾ Не воображалъ я тогда, что черезъ тридцать шесть лѣтъ я буду такимъ же „Gouverneur des Invalides“ въ Москвѣ и стану вспоминать въ скромныхъ казарменныхъ комнатахъ стариковъ измайловцевъ о роскошныхъ помѣщеніяхъ ихъ Парижскихъ товарищей.

Всѣ вечера Его Высочество проводилъ въ театрѣ. Во всѣхъ, получающихъ субсидіи отъ правительства или города, театрахъ были предоставлены въ его распоряженіе Императорскія ложи. Впрочемъ, онъ мало ими пользовался, предпочитая оперетку и циркъ. Великій князь даже не особенно охотно отнесся къ усиленнымъ просьбамъ министра двора, Вассіосхі, посѣтить знаменитый „foyer de la danse“ за кулисами Grand Opera. Не помню, кто была тогда звѣздою балетнаго міра, которая была представлена министромъ великому князю, сказавшему ей, по поводу ея танцевъ, нѣсколько учтивыхъ словъ, видимо очень ей польстившихъ. На другой день она была еще болѣе осчастливлена, когда В. И. Мятлевъ доставилъ ей осыпанный брилліантами довольно цѣнный браслетъ отъ имени великаго князя, котораго Владиміръ Ивановичъ убѣдилъ въ необходимости слѣдовать парижскимъ традиціямъ, экспертомъ которыхъ онъ являлся въ нашей свитѣ.

Табакерки, которыя я по указанію графа П. Д. Киселева, передалъ отъ Августѣйшаго имени министру двора Вассіосхі, министру внутреннихъ дѣлъ — Rouher, оберъ-штабмейстеру Флери и, сколько помнится, префектамъ города и полиціи, были, разумѣется, гораздо цѣннѣе, особенно тѣ, на которыхъ находились портреты Его Высочества. Дамскихъ подарковъ, несмотря на большое ихъ число присланныхъ изъ кабинета Его Величества,—не было случая раздавать.

Великій князь остался очень доволенъ своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и, судя по слышанному мною тогда же отъ графа Киселева, произвелъ наилучшее впечатлѣніе на Тюилерійскій дворъ, въ особенности на императрицу.—„Peut être la traitait il un peu trop en jolies femmes dont on voudrait faire la conquête. Mais au reste elle n'avait nullement l'air d'en être fâchée“, прибавлялъ онъ, быть можетъ не сознавая, что, (по слухамъ) и самъ онъ несмотря на старческіе годы, точно также съ нѣкоторой фамильярностью,—которую въ виду его утонченной любезности ему охотно извиняли, — относился къ красавицѣ Евгеніи.

А. Н. Толстой увѣрялъ меня, что онъ видѣлъ письмо графа Павла Дмитріевича къ князю Горчакову, но предназначенное для прочтенія Государемъ, въ которомъ графъ съ величайшей похвалою отзывался о нашемъ великомъ князѣ, о тактѣ, съ которымъ онъ исполнилъ возложенное на него Высочайшее порученіе, и о выгодномъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ,

какъ на дворъ, такъ и на всѣхъ, имѣвшихъ случай къ нему приблизиться ¹⁾).

Великій князь спѣшилъ домой, къ семьѣ, съ которой онъ былъ почти три мѣсяца въ разлукѣ; поэтому, проѣзжая черезъ Германію, не заѣзжалъ, какъ обыкновенно это дѣлалъ, къ родственнымъ дворамъ Штутгардта и Веймара, а остановился только на два дня въ Берлинѣ, чтобы посѣтить въ Потсдамѣ своего двоюроднаго брата, Фридриха Карла, съ которымъ онъ былъ очень друженъ и съ которымъ у него было много общаго, въ особенности во взглядахъ на кавалерію. Оба они были выдающіеся ѣздоки и знатоки коннаго дѣла. „Красный Принцъ“, „der rote Prinz“, какъ называли Фридриха Карла по цвѣту доломана и фуражки прусскаго гвардейскаго гусарскаго полка, которые онъ постоянно носилъ, не менѣе способствовалъ развитію превосходныхъ качествъ германской кавалеріи, какъ его двоюродный братъ, великій князь Николай Николаевичъ, сдѣлалъ это для русской конницы.

Его высочество посѣтилъ Берлинъ на другой годъ еще разъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, будучи представителемъ Государя Императора на похоронахъ короля Фридриха Вильгельма IV-го. Его свита состояла изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ В. И. Мятлева; графъ Штакельбергъ былъ снова прикомандированъ къ Его Высочеству.

Церемонія похоронъ была замѣчательна тѣмъ, что она соединила въ Берлинѣ въ послѣдній разъ всѣхъ владѣтельныхъ князей германскаго союза, числомъ болѣе тридцати, которыхъ пять лѣтъ спустя такъ разметала побѣда пруссаковъ подъ Кениггрецомъ.

Это былъ, кажется, единственный разъ, что Его Высочество, столь часто посѣщавшій Берлинъ, остановился не въ домѣ Посольства, а въ большомъ королевскомъ дворцѣ. Рождественскую обѣдню Его Высочество пожелалъ отслушать въ маленькой церкви Потсдамской колоніи русскихъ гвардейскихъ солдатъ, водворенныхъ тамъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III въ 1814 году.—Изъ нихъ осталось очень немного; прихожанами этой церкви. Они всѣ пережились на нѣмкахъ; дѣти были крещены лютеранами и совершенно онѣмечились, точно также какъ и немногіе изъ оставшихся въ живыхъ гвар-

¹⁾ Къ сожалѣнію, я этого письма не нашелъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, открытомъ мнѣ по особой любезности С. Д. Сазонова; вѣроятно оно, какъ не строго официальное, перешло въ личный архивъ князя Горчакова, находящійся у его сына.

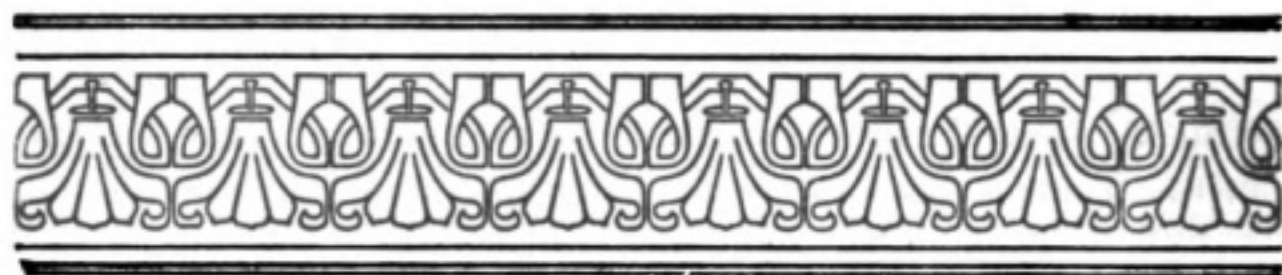
дейцевъ Александра Павловича, позабывшихъ даже русскій языкъ. Теперь полагаю село Ивановъ, „das Dorf der Iwan“, ничѣмъ не отличается отъ многочисленныхъ селъ, въ видѣ городовъ, окружающихъ Потсдамъ,—вѣроятно и сама церковь упразднена за полнымъ отсутствіемъ прихожанъ.

На этотъ разъ отсутствіе великаго князя изъ Петербурга было очень непродолжительно: сколько мнѣ помнится, онъ уже командовалъ войсками на Крещенскомъ парадѣ 1862 года.

Графъ Алексѣй Олсуфьевъ.

Riviera. San Remo.
Февраль 1914 г.

Разговоръ Пушкина съ Келлеромъ о дневникѣ Гордона и исторіи Петра Великаго.

Въ статьѣ М. Бендера о дневникѣ Гордона, помѣщенной въ № 12 журнала Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества за 1913 годъ, имѣется выдержка изъ дневника чиновника Келлера, занимавшагося переводомъ записокъ Гордона, о его разговорѣ съ Пушкинымъ, который, въ виду его особаго интереса, повторяемъ дословно:

„Былъ на балу у Мейендорфа. Онъ и жена его говорили съ Пушкинымъ о данномъ мнѣ порученіи перевести для Государя рукопись генерала Гордона. Я не танцевалъ и находился въ комнатѣ передъ залой. Вдругъ вошелъ оттуда Александръ Сергѣевичъ съ Мейендорфомъ.

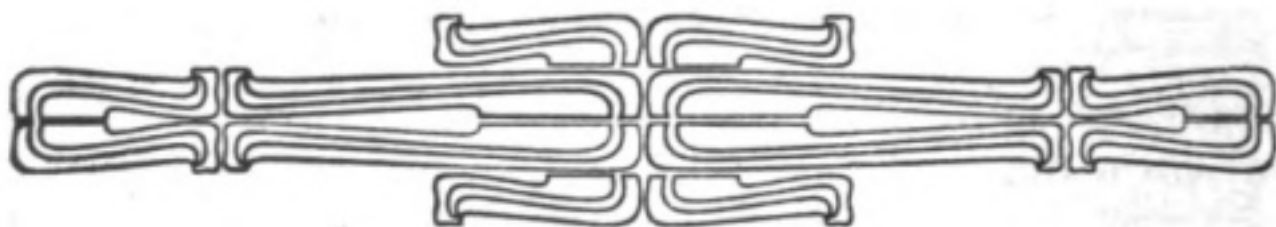
Егоръ Ѳедоровичъ насъ познакомилъ. Пошли разспросы объ объемѣ и содержаніи рукописи. Пушкинъ удивился, и, когда узналъ, что у меня шесть томовъ in 4, сказалъ: „Государь говорилъ мнѣ объ этомъ манускриптѣ, какъ о рѣдкости, но я не зналъ, что онъ столь пространенъ“. Онъ спросилъ, не имѣю ли по окончаніи перевода другихъ подобныхъ занятій на виду и упрашивалъ навѣщать его. Недѣли за три до смерти Пушкина былъ я по его приглашенію у него.

Онъ много говорилъ со мною объ исторіи Петра Великаго. „Объ этомъ Государь“—сказалъ онъ, между прочимъ— „можно написать болѣе, чѣмъ объ исторіи Россіи вообще. Одно изъ затрудненій составить исторію его состоитъ въ томъ, что многіе писатели, недоброжелательствуя ему, представляли событія въ искаженномъ видѣ; другіе съ пристрастіемъ осыпали похвалами все его дѣйствія“. Александръ Сергѣевичъ на вопросъ

мой. скоро ли будемъ имѣть удовольствіе прочесть произведеніе его о Петрѣ, отвѣчалъ: „Я до сихъ поръ ничего не написалъ еще, занимался единственно собираніемъ матеріаловъ: хочу составить себѣ идею обо всемъ трудѣ, потомъ напишу исторію Петра въ годъ или въ теченіе полугода и стану исправлять по документамъ“. Онъ говорилъ мнѣ также о мнимомъ вліяніи Императрицы Екатерины I на заключеніе Прутскаго мира. Пушкинъ отзывался съ похвалою о трудахъ исторіографа Миллера: весьма часто дѣлалъ онъ себѣ вопросы объ историческихъ фактахъ и находилъ имъ разрѣшеніе въ бумагахъ этого ученаго. Къ сожалѣнію, многія произведенія до сихъ поръ не вышли въ печати. На счетъ перевода рукописи Гордона Пушкинъ мнѣ сказалъ: „Продолжайте имъ заниматься, вы окажете большую услугу“. Онъ изъявилъ готовность помогать мнѣ въ моихъ занятіяхъ книгами и манускриптами и обѣщалъ одолжить выдержку изъ Гордона на нѣмецкомъ языкѣ о стрѣлцкихъ дѣлахъ.—„Я самъ читаю теперь ее, но потомъ, если желаете, ее вамъ пришлю“.

Пушкину не удалось помогать Келлеру: черезъ три педѣли его не стало.

СВѢТЪ не гасимый...

Въ октябрьской книгѣ, за истекшій годъ журнала „Русская Старина“, я помѣстила небольшую статейку: „Свѣтлый лучъ изъ дальнихъ лѣтъ“, относившуюся къ воспоминаніямъ о Татьянѣ Петровнѣ Пассекъ, этой „общей бабушкѣ“ всѣхъ, имѣвшихъ счастье ее узнать и неизмѣнно любить.

Въ началѣ своей статейки я упоминаю о томъ, что 25 іюля 1910 г. исполнилось столѣтіе со дня рожденія Татьяны Петровны, а 24 марта текущаго года минетъ 25 лѣтъ со дня ея кончины, съ того дня, какъ погасъ факелъ жизни, освѣщавшій своимъ свѣтомъ столько жизней, прошедшихъ подъ этимъ свѣтомъ! Кто изъ читателей „Русской Старины“ не зналъ ея записокъ: „Изъ дальнихъ лѣтъ“, появившихся на страницахъ журнала въ 70-хъ годахъ, раньше, чѣмъ онѣ, — въ 1878 г. — вышли отдѣльнымъ изданіемъ, въ двухъ томахъ?—этихъ записокъ, полныхъ неизсякаемаго интереса, касаясь столькихъ интересныхъ личностей, составлявшихъ окружавшее ее общество?

Передъ вами, какъ живыя, проходили всѣ эти выдающіяся личности прошлаго столѣтія; эти борцы за идею, западники и славянофилы: Герценъ, Грановскій, Аксаковъ, Кирѣевскій, — боровшіеся обоюдоострымъ оружіемъ вымученной ими идеи. Среди этихъ людей вращалась Татьяна Петровна. Среди нихъ крѣпла ея душа и развивался умъ. Она много работаетъ и со своимъ мужемъ, Вадимомъ Васильевичемъ, изучавшимъ исторію вообще, отечественную по преимуществу. Энергія Т. П. не

ослабѣваетъ, а еще крѣпнѣетъ съ годами; особенно отъ сознанія твердаго исполненія долга, сначала,—рано овдовѣвъ,—поднять на ноги своихъ двухъ сыновей, а затѣмъ,—уже подъ старость,—поддержать семью своего послѣдняго сына.

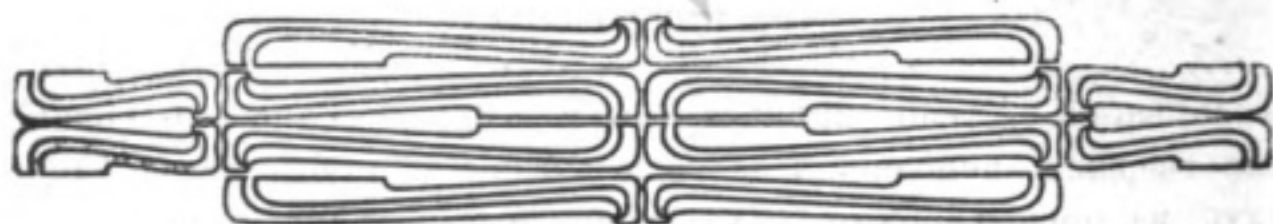
Энергія эта помогаетъ ей,—уже семидесяти-лѣтней старухѣ,—семь лѣтъ продержатъ дѣтскій журналъ „Игрушечка“, не переставая изливать свой свѣтъ и этой маленькой, зажженной ею „свѣчечкой“. Но, и сдавъ журналъ, который при начавшейся хворости, вести не могла ¹⁾—Т. П. не сложила оружіе, а продолжала работать.

Написавъ III-ю часть своихъ записокъ „Изъ дальнихъ лѣтъ“, она приступила къ разбору своихъ бумагъ, очень живо написанныхъ небольшихъ рассказовъ и законченныхъ и только набросанныхъ; остановилась, было, болѣе серьезно на давно задуманной статьѣ „О судьбѣ женщины съ древнѣйшихъ временъ“,—нѣкоторыя страницы которой были такъ хороши, что не требовали редакціи. Задумала, было, писать для „Русской Старины“ нѣкоторыя изъ своихъ воспоминаній, особенно касавшихся Герцена и Огарева. Душа ея была еще такъ молода и свѣжа, что, несмотря на слабость физическихъ силъ, старушка постоянно жила иллюзіями, мечтая даже объ изданіи того „Энциклопедическаго журнала для юношества“, которое когда-то задумывалъ еще ея покойный мужъ. Она все еще неукоснительно держала „свою свѣчечку“.—Всякій долженъ держать свою свѣчечку,—говаривала она,—какая по рукѣ придется; да такъ ты ее держи, чтобы отъ нея и другіе, если захотятъ, могли бы свѣтъ зажечь. Чѣмъ больше отъ твоей свѣчки зажглось, тѣмъ лучше. Рука опустится, а другія, что отъ нея зажглись,—горятъ и отъ нихъ еще зажгутся свѣчки, такъ свѣтъ въ людяхъ и не гаснетъ“...

И вотъ, вмѣстѣ съ погасшимъ свѣтомъ факела жизни, не погасъ свѣтъ духа, изливавшійся отъ маленькой „свѣчечки“—„общей бабушки“... И не мало зажглось огоньковъ отъ этой свѣчечки и все свѣтитъ „Свѣтъ негасимый!..“.

С. Лаврентьева.

¹⁾ Изданіе этого журнала теперь прекратилось.

Письма И. А. Гончарова къ А. В. Никитенку ¹⁾.

Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. Яковлева.

№ 28.

2 Января. [1863 г.?).

Не дожидаясь Вашихъ дружескихъ строкъ, дорогой Александръ Васильевичъ, слѣдовало бы мнѣ давно притти къ Вамъ самому, сѣсть у Васъ—въ обычномъ моемъ тепломъ уголкѣ, между самоваромъ, жарко натопленною печкой—и распространиться въ дружескихъ пожеланіяхъ Вамъ и Вашимъ по случаю Новаго Года.

Я бы и сдѣлалъ это и дѣлалъ бы по старому обычаю всегда, еслибъ не испортился совсѣмъ. Не знаю, лихіе ли люди испортили меня „наговоромъ“, „нашептanjemъ“, „злымъ зельемъ“ и т. п. средствами, или я самъ испортился (что вѣрнѣе), но только я сталъ дикъ, пугливъ и все прячусь въ свое „уединеніе“, довольно впрочемъ гнусное, ибо оно не разбавляется ни любимымъ трудомъ, этимъ вѣрнымъ лекарствомъ противъ всякой ипохондріи, меланхоліи, нервъ и т. д., ни даже тепломъ и свѣтомъ, такъ какъ снизу дуетъ мнѣ холодъ въ ноги, а сверху солнце, отсутствующее вообще, для меня въ особенности, не достигаетъ въ мой подвальный „hérmitage“.

Изъ этого Вы усмотрите, что этотъ hérmitage не изобилуетъ никакими приманками, могущими отвлекать меня отъ друзей.

Значить, такъ, испортился! И тяжестью на подъемъ, всяческою лѣнью и нехотью ко всему на свѣтѣ—далеко превзо-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

шелъ одного лѣниваго героя романа, только по другимъ причинамъ.

Впрочемъ такихъ отвратительныхъ, ни на что не нужныхъ стариковъ, одержимыхъ еще горшею обломовщиною — множество, но они только не имѣютъ мужества сознаться въ ней, притворяются все еще нужными, да еще „украдкою киваютъ на Петра“, т. е. на меня. Это все — *Климичи*! Имъ — ничего, спускаютъ, а меня бранятъ!

Но Вы попрежнему дружелюбны и снисходительны ко мнѣ и въ семь лѣтъ, какъ были и въ прошломъ — и прежде, и всегда: да будетъ же Вамъ благо и да почиетъ здравіе и обиліе надъ всѣмъ Вашимъ домою!

Здравіе и *обиліе* помянулъ я во главѣ моихъ желаній, потому, что все прочее — у Васъ преизбыточествуетъ! (*Обиліе*, я разумѣю, денегъ, т. е. всего того, что можно на нихъ приобрести покупкою не достающаго Вамъ).

И такъ — съ Новымъ Годомъ и Васъ и всѣхъ Вашихъ — Казиміру Казим.[іровичу], Екат. и Соф. Алек.[сандровнѣ], Алекс.[андра] Алекс.[андровича] и леди — поздравляю.

Лишь только освѣжусь, т. е. если на меня хоть неожиданно пахнетъ струя свѣжаго воздуха, если явится благодѣтельная волшебница и сниметъ злыя чары, нервы окрѣпнутъ хоть немного и ноги перестанутъ ныть отъ ревматизма — я явлюсь опять въ Вашъ теплый дружескій пріютъ, взбѣжавъ на Вашу губительную лѣстницу *quatre à quatre* и рискуя задохнуться въ Вашихъ объятіяхъ.

Вашъ И. Гончаровъ.

№ 29.

На субботніе блины меня усердно звалъ одинъ новорожденный и я отказать ему не могъ, потому въпрочемъ, что Вы, при свиданіи не навѣрное рѣшили о своей субботѣ. Спѣшу предупредить Васъ объ этомъ, почтенный другъ — въ ожиданіи удовольствія свидѣться на первой недѣлѣ, а до тѣхъ поръ я ангажированъ на всѣ блины — вплоть до поста. Масляница — это такое пока серьезное дѣло на Руси, что отъ него пріостановится сама — Сѣверная почта, пріостановится въ тотъ моментъ, когда все прочее катается.

Въ Воскресенье можно бы свидѣться у П. А. Валуева ¹⁾, да

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ и литераторъ: былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ И. А. Въ 1906 г. К. Военскимъ напечатаны (въ отдѣльномъ изданіи) письма Гончарова къ Валуеву.

бриться лѣнь, одѣваться лѣнь, говорить лѣнь, ахъ, и жить лѣнь!

Имѣю честь приложить при семъ: 1, экз. *Обыкновенной исторіи*, III-го изданія: упоминать объ ней одной въ Сѣверной Почтѣ было-бы неудобно и я о томъ не прошу, а посылаю ее такъ, на память Вамъ, въ Вашу книжную трущобу, но зато посылаю 2-е, Объявленіе для припечатанія въ Сѣверной Почтѣ: деньги слѣдующія за то внесу исправно. Хорошо бы напечатать это въ *Среду или Четвертъ первой недѣли Поста*.

Если же это можетъ легко и удобно сдѣлаться и безъ Вашего посредства, то потрудитесь возвратить объявленіе подателю сего, моему племяннику и мы сами отнесемъ въ Контору. А Вы, пожалуй еще, къ Вашему *неумѣнью находить*—присоединяете, можетъ быть, *умѣнье терять необходимое*—и того гляди—потеряете объявленіе.

Вотъ и все!

Всегда Вашъ

И. Гончаровъ.

16 февраля [1863 г.].

№ 30.

Я надѣялся видѣть Васъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, вчера въ клубъ и за бокаломъ вина проститься съ Вами до осени. Но Вы не были.

Между тѣмъ третьяго дня произошла въ моей квартирѣ уродливость, въ слѣдствіе которой человекъ мой, вдругъ, по вдохновенію, сказалъ Вамъ, что меня нѣтъ дома, потому что въ то утро я на него разсердился, зачѣмъ онъ пустилъ ко мнѣ незнакомаго. Когда Вы позвонили, потомъ ушли, я спросилъ, кто былъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: „генералъ изъ Малороссіи, а фамилію забылъ!“ Можно ли было догадаться, что это Вы? Наконецъ, когда онъ даже прибавилъ, что „Вы служили прежде въ *Сѣверной Почтѣ*“, я и тутъ еще не догадался, а когда наконецъ догадался и послалъ въ погоню, Васъ уже не было. Анекдотъ—лишившій меня удовольствія еще разъ видѣть Васъ, а Васъ—случая сказать мнѣ доброе напутственное слово и выкурить золоченую сигару.

Я ѣду въ Пятницу утромъ—и еслибы не лѣстница—забѣжалъ бы еще разъ. Въ надеждѣ застать Васъ осенью витающимъ ниже облаковъ и птицъ Владимірской колокольни, обнимаю Васъ отъ всего сердца и кланяюсь Вашимъ.

И. Гончаровъ.

13 мая 1864 г.

№ 31.

Вильдбадъ (Виртембергъ). Hôtel Klumpp, № 11. [1864 г.].

Почтенный и любезный другъ Александръ Васильевичъ! Вотъ ужъ третій мѣсяцъ, какъ я отсутствую, не говорю странствую, потому что я только и дѣлаю, что лечусь, а какое же это странствіе! Но отсутствіе отъ всего знакомаго и близкаго становится все ощутительнѣе и ощутительнѣе, такъ, что я едва ли опечалюсь, когда истекуть и послѣдніе дни моего отпуска. Какъ ни сумрачно, ни холодно у насъ, а все же—привиллегія сидѣть на своемъ собственномъ креслѣ, пить свой собственный (а не здѣшній гнусный) чай, да въ тотъ или другой вечеръ увидѣть Вашъ любезный, или другой—третій, да и обчелся ликъ добрыхъ друзей—все это не замѣняетъ ни веселая бѣготня по желѣзнымъ дорогамъ, ни перемѣна городовъ, какъ декорацій, ни куча новыхъ и отчасти старыхъ встрѣчныхъ знакомыхъ и толпы незнакомыхъ лицъ, къ которымъ чувствуешь себя постоянно—не просто, а какъ-то непріязненно—равнодушнымъ.

Собственно путешествіе, къ стыду моему, или къ стыду моихъ лѣтъ, уже не шевелитъ меня: вотъ хоть бы теперь, дней черезъ двѣнадцать, я кончаю леченіе, Италія подъ бокомъ, я ее никогда не видалъ, дорожный кошелекъ мой далеко не истощенъ, а лѣнь, не хочется, не тянетъ. И вотъ, отсюда, заглянувъ дня на два въ Баденъ-Баденъ, я вернусь во Франкфуртъ, пробуду въ Соденѣ нѣсколько дней у больного Ляховскаго ¹⁾ и потомъ dahin, dahin—гдѣ миртъ цвѣтетъ и персикъ блестятъ—въ ресторанахъ Пале-рояля, гдѣ дѣвы розами цвѣтутъ, до которыхъ мнѣ, т. е: до дѣвъ тоже нѣтъ никакой надобности.

А вѣдь мнѣ легче стало послѣ Карлсбада, во-первыхъ. брюхо отчасти растаяло, изжога не мучаетъ; а теперь и боль въ ногахъ исчезла, вѣроятно—до осени, до Октябрьскихъ дождей и вѣтровъ: и то слава Богу. Доктора все не рѣшили еще, подагра или ревматизмъ у меня, хотя всѣ, отъ Петербурга, Дрездена и Карлсбада, съ удивительною проницательностію угадали, что у меня большое—брюхо! Какіе мудрецы! И вотъ отъ большого то брюха они все и лечили меня и чуть было совсѣмъ не вылечили, такъ что осталось только брюшко.

¹⁾ См. выше, письмо № 14.

Въ Карлсбадѣ была скука, томленіе, Вавилонское плѣненіе, съ холодомъ, голодомъ и вѣчной заботой непрерывнаго хожденія по крутымъ горамъ. Тамъ человѣкъ становится дикъ, свирѣпъ и неукротимъ, худѣетъ, блѣднѣетъ и исполняется ненависти къ человѣчеству вообще, къ нѣмцу австрійскому въ особенности.

Здѣсь же въ Вильдбадѣ, хотя по названію и *дикомъ*, но въ самомъ дѣлѣ прелестномъ мѣстѣ, онъ смягчается; здѣсь думы его питаетъ и кроткій мягкій воздухъ, и сумракъ елей и дубовъ, и нѣжная зелень очаровательнѣйшихъ долинъ, какія найдешь только у Кодъ-Лоррена; а тѣлесныя силы подкрѣпляются обильнымъ, изъ 11 блюдъ состоящимъ табль-д'отомъ, устроеннымъ лучшимъ парижскимъ метръ-д'отелемъ; здѣсь обиліе природы спорить съ роскошью жилищъ въ обитаемой, наприкладъ, мною отели; здѣсь тѣнистыя аллеи, цвѣты, прекрасныя калѣвки и калѣчки—словомъ чуешь близость Рейна, Франціи и Британіи, ихъ могущество, роскошь, комфортъ.

А въ какомъ обществѣ лечился я все лѣто: какъ не возгордиться? Въ одномъ корридорѣ со мной живетъ нашъ принцъ Ольденбургскій, да англійскій Ротшильдъ, да австрійская эрцгерцогиня, и простые герцоги, графы и князья всѣхъ націй. Въ Карлсбадѣ былъ австрійскій императоръ, прусскій и бывшій греческій короли, наши двѣ великія княгини, герцогъ нассаускій etc. etc. etc. Тамъ и Бисмаркъ и Рехбергъ ¹⁾—et tutti quanti!

Скажите же мнѣ о себѣ: такъ же ли Вы задумчиво-величаво прогуливаетесь и на какихъ берегахъ, въ сумракъ какихъ деревьевъ, среди акацій Черной рѣчки и Аптекарскаго острова, или подъ липами и елями Павловска, близъ Славянки? Такъ же ли великолѣпно ничего не дѣлаете, благодаря лѣтнему закрытію университета, всякихъ академій, а можетъ быть и нашего Совѣта ²⁾, какъ и въ прошлое лѣто, такъ же ли неистово привередничаете, призывая на помощь весь медицинскій факультетъ по случаю невидимой, ночной затрешины по головѣ какого-нибудь стучащаго духа, или по случаю будто бы промоченія ногъ, а въ сущности самыхъ нетолько непромокаемыхъ, но и не истребляемыхъ, ни огнемъ, ни водой, калошъ? А что барыни? Казиміра Казиміровна? Что Екатерина и Софья

¹⁾ Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ.

²⁾ И. А. былъ членомъ совѣта м-ра вн. д. по дѣламъ книгопечатанія съ 30 августа 1865 г. по 29 декабря 1867 г. См. у Мазона „Русская Старина“, 1911 г. № 3.

Александровны? Здоровы ли онѣ? Убрали ли хоть на время удушливаго петербургскаго лѣта свои зубныя подушечки, склянки съ лекарствами и съ ними головную и всякую боль? Что дѣлаетъ непроходимѣйшій шалунъ?

Дайте мнѣ обо всемъ знать, но уже не сюда: не успѣете. Письмо ходить дней шесть туда, да шесть оттуда. А лучше напишите такъ:

Frankfurt a/M.

poste restante.

Herrn Iohann v. Gontscharoff каковымъ дружески и подписуюсь въ ожиданіи Вашего отвѣта.

Нѣтъ ли чего новаго? Что дѣлается у насъ въ Совѣтѣ? Говорятъ, Александръ Григ[орьевичъ Тройницкій] за границей: кто предсѣдатель? Не Вы ли, любезный другъ?

И. Гончаровъ.

№ 32.

Маріенбадъ 2 (14) іюля [1865 г.].

Не изъ подъ оливъ и померанцевъ и кипарисовъ, а изъ глубины сосноваго лѣса взываю къ Вамъ, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ, и глаголю: что творите? скинули-ли байковый сюртукъ и колоши? наступила-ли весна или лѣто? обмолвились-ли журналы наши умною и занимательною статьею? не пустилъ-ли Осипъ Антонычъ? ¹⁾ еще какой-нибудь ядовито-ценсурной стрѣлы въ нашу бѣдную литературу? Собирается-ли мудрый нашъ Совѣтъ ²⁾ въ полуденную жару у Чернышева моста, или лѣниво дремлетъ по разнымъ тѣнистымъ пріютамъ задумчивыхъ Дріадъ Павловска, Петергофа и Черной рѣчки? Есть-ли какіе-либо слухи о новомъ ценсурномъ порядкѣ и будемъ ли мы и впредь изнемогать подъ бременемъ толстыхъ журналовъ, или же придумываются иные, болѣе острые способы служебныхъ истязаній и какіе суть тѣ способы т. е: какъ

¹⁾ Пржецлавскій, одновременно съ И. А. бывшій (1863—1865 г.г.) членомъ совѣта министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія, а ранѣе состоявшій членомъ главнаго управленія цензуры, въ то время какъ И. А. былъ цензоромъ петербургскаго цензурнаго комитета. Объ усиленной цензурской дѣятельности Пржецлавскаго см. у Лемке. Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—1865 г.г. Спб. 1904 г., стр. 29 и далѣе.

предполагается вести новое дѣло: что достанется на долю Комитетамъ и что Совѣту? Я съ великимъ страхомъ жду грядущаго новаго порядка и не имѣю ясной идеи о томъ, какъ онъ разыграется. Но не хочу болѣе смущать ни себя, ни Васъ будущимъ, въ туманѣ кроющимся образомъ новыхъ заботъ и тяготы: пока мысли мои стремятся отсюда къ Рейну, къ Булони и къ Парижу, куда полагаю прибыть отъ нынѣшняго дня недѣли черезъ полторы, и пробывъ тамъ столько же, отправиться въ Булонь. Если вадумаете написать ко мнѣ, то поручите писаніе свое Софьѣ Александровнѣ, а я сообщилъ ей, куда и какъ ко мнѣ адресовать.

Изъ русскихъ знакомыхъ есть здѣсь теперь Андрей Парф. Заблоцкій—[Десятовскій]¹⁾, съ коимъ я и гуляю ежедневно по променадѣ, раскланиваюсь также и съ нѣкоторыми другими.

Мнѣ надоѣло питье воды и я съ нетерпѣніемъ жду будущей недѣли, чтобы благополучно удрать отсюда во Франкфуртъ, гдѣ между прочимъ нужно остановиться и ватѣмъ, чтобы запастись сигарами.

Если въ самомъ дѣлѣ есть какіе-нибудь слухи, новости, какъ о нашей будущей службѣ, такъ и вообще, что-нибудь интересное, то не оставьте меня увѣдомленіемъ.

Если Вы напишете и отдадите письмо на почту въ Парижъ не позже 20 іюля русск. стиля, то я скоро надѣюсь читать Ваши строки. Усердно и дружески Вамъ кланяюсь

И. Гончаровъ.

№ 33.

Четвергъ, 29 Августа. [1865 г.].

На дняхъ я воротился домой—и по дорогѣ черезъ Бельгію и Пруссію захватилъ съ собой стараго своего товарища—~~мика~~, который и лишаетъ меня удовольствія про[из]вести завтра день, по обыкновенію, у Васъ, дорогой именинникъ Александръ Васильевичъ!

Боюсь сквозного вѣтра въ вагонахъ, боюсь вечерней сырости—жалѣю, что осужденъ на домашній арестъ, едва смѣя показывать носъ на вѣтеръ—и поздравляю Васъ съ именинами.

Завтра однако постараюсь пропѣть: „Святый, благовѣрный Княже Александре—моли Бога за Царя, за всѣхъ всероссій-

¹⁾ Извѣстный государственный дѣятель и писатель по экономическимъ вопросамъ, знатокъ крестьянскаго дѣла.

скихъ имянниковъ вообще, и за Васъ, Александръ Васильевичъ, въ особенности, а потомъ уже и за насъ грѣшныхъ!

Надѣюсь въ непродолжительномъ времени свидѣться съ Вами у Владимірской и вызваю къ Борею, который конечно не замедлитъ разогнать дачниковъ по своимъ городскимъ гнѣздамъ!

Да снесетъ онъ кстати и кровлю съ Вашего городского гнѣзда и да сброситъ сіе послѣднее съ пятаго въ первый снизу этажъ—чтобы моему благоутробію не тяжело было подниматься на многоэтажныя высоты!

Съ этимъ обѣтомъ простираю къ Вамъ обѣ дружескія длани и пью за Ваше здоровье—вельтерскую воду съ молокомъ.

Кланяюсь усердно Казиміръ Казиміровичъ и всѣмъ Вашимъ.

Вашъ же И. Гончаровъ.

№ 34.

Воскресенье. [1865 г.].

Препровождаю къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Александръ Васильевичъ, два экземпляра трагедіи *Смерть Іоанна Грознаго*. Но вотъ въ чемъ дѣло: если, какъ Вы говорите, трое будутъ заниматься ею—то гдѣ же взять третій экземпляръ? Одинъ останется у Васъ, другой отдадутъ, положимъ, Г. Сухомлинову [М. И.] ¹⁾; если поручать третьему Дудышкину [С. С.], тогда, конечно, экземпляра не нужно—у него есть. А если не ему, а кому-нибудь другому?—У меня есть третій экземпляръ, но онъ—мой, и если будетъ настоять крайняя надобность, то я его отдамъ съ большимъ сожалѣніемъ.

Повѣряя Вамъ эти мои сомнѣнія на мудрое Ваше разрѣшеніе, пребываю жестоко преданный

И. Гончаровъ.

№ 35.

11 (22) Іюня 1866 г.

Любезнѣйшій другъ Александръ Васильевичъ!

Вотъ я и на мѣстѣ злачиѣ, но не на мѣстѣ покойнѣ. Кругомъ война ²⁾, пахнетъ порохомъ, дороги мало по малу снимаются и я не знаю, когда я выберусь отсюда.

¹⁾ Профессоръ русской словесности, впоследствии извѣстный ученый, академикъ.

²⁾ Австро-прусская.

Я пробылъ дня три въ Берлинѣ, и еслибъ промедлилъ еще день, то былъ бы теперь дома, потому что на другой день послѣ моего отъѣзда и послѣдній путь черезъ Лейпцигъ былъ запертъ. Въ Парижъ черезъ Ганноверъ сообщеніе тоже прекратилось.

Я пробрался не безъ приключеній и едва, едва спасся бѣгствомъ отъ непріятеля. Вамъ извѣстно конечно, что Пруссія мирно заняла всю Саксонію, войска которой стянуты вмѣстѣ съ Австрійскими, близъ Ольмюца. День моего выѣзда изъ Берлина былъ послѣдній, пока еще можно было пробраться черезъ Лейпцигъ въ Австрію и я благополучно добрался до Эгера, послѣдней станціи до Маріенбада, даже записался въ дилижансъ, чтобъ добраться туда, какъ вдругъ услышалъ, что изъ Маріенбада и Карлсбада больные спѣшатъ выѣхать, что сообщенія мало по малу прекращаются, что снимаются рельсы и проволоки. Я тотчасъ же велѣлъ снять свой чемоданъ съ имперіала кареты и въ ту же ночь пустился обратно черезъ Лейпцигъ, надѣясь къ утру достичь Берлина и ждать тамъ, пока обрисуется ясное положеніе, или если неизвѣстность продлится, то воротиться въ Петербургъ. Въ дорогѣ я крѣпко ночью заснулъ, а на зарѣ вдругъ будить меня голосъ: „выходите вонъ: дальше ѣхать нельзя—Прусаки уже въ Лейпцигѣ!“

И насъ, и багажъ нашъ извлекли и послѣдній валялся въ безпорядкѣ на платформѣ. Тутъ я увидѣлъ и свой чемоданъ, а кругомъ толпу смущенныхъ пассажировъ. Мы были въ Саксонскомъ городкѣ Рейхенбахѣ — около станціи разстилались далеко поля съ зелеными хлѣбами. Куда хочешь—туда и иди. А Прусаки надвигались какъ туча, разрушая путь. Вотъ скверно-то было на душѣ при мысли засѣсть въ нѣмецкомъ городишкѣ и ждать конца войны и исправленія путей. Кондукторы однако рѣшили, посоветовавшись между собою, подвигаться впередъ сколько можно ближе къ Лейпцигу и мы сѣли опять въ вагоны и часа полтора подвигались къ Лейпцигу. Вдругъ часовъ въ семь утра на одной станціи, часа за два до Лейпцига, опять крикъ „назадъ, назадъ — Прусаки за часъ отсюда!“

И я опять съ Саксонцами пустился бѣжать отъ Прусаковъ, съ которыми наканунѣ за *table d'hôte* въ Берлинѣ чокался бокалами за ихъ первый успѣхъ надъ захваченнымъ курфирстомъ съ деньгами, предупредивъ ихъ впрочемъ, что завтра, можетъ быть, я точно такъ же буду чокаться съ австрій-

цами за успѣхъ надъ ними, прусаками. Они добродушно за-смѣялись и чокнулись со мной опять.

Мы помчались назадъ, въ Австрію, захватывая съ собой пустые вагоны по дорогѣ, чтобы ими не воспользовались солдаты и часа черезъ два были внѣ всякой опасности. А во второмъ часу дня я былъ опять на томъ мѣстѣ, откуда уѣхалъ ночью, т. е. въ Эгеръ, а оттуда къ 5 часамъ пріѣхалъ сюда, въ Мариенбадъ.

Что будетъ дальше—не знаю. Хотя я и ко многому равнодушенъ, но къ плѣненію Вавилонскому или Мариенбадскому равнодушенъ быть не могу.

Нужно мнѣ и леченіе водами, а еще нужнѣе купанье въ морѣ—а между тѣмъ я не увѣренъ не только въ томъ, попаду ли я къ морю, но и въ томъ, попаду ли я куда-нибудь отсюда, если дороги будутъ несвободны. Теперь еще можно пробраться въ Вѣну, а изъ Вѣны черезъ Варшаву домой; потомъ можно ѣхать изъ Вѣны Дунаемъ до Чернаго моря—но я совсѣмъ не располагалъ дѣлать эти объѣзды и вовсе не любопытствую видѣть и Вѣну, и Одессу. А черезъ мѣсяцъ, можетъ быть, и того будетъ нельзя!

Здѣсь есть нѣсколько русскихъ, но очень мало. между прочимъ сенаторъ Арцимовичъ [В. А.] ¹⁾, съ которымъ я незнакомъ, да генералъ-адъютантъ баронъ Бюлеръ [К. Ѳ.] ²⁾, Новикова [О. А.] ³⁾, урожд. Кирѣева и еще человѣка три, четыре. Можно бы отсюда сейчасъ уѣхать черезъ Нюрнбергъ и Виртембергъ, на Стразбургъ и Парижъ, но не извѣстно здѣсь, открыли ли опять дорогу черезъ Кельнъ и Берлинъ въ Петербургъ, чтобъ не засѣсть надолго и въ Парижѣ. Словомъ, каша. Въ заключеніе скажу, что положеніе это небезынтересно: есть ощущенія неожиданности, нѣкоторой опасности, разнообразія и приключеній: но чтобъ наслаждаться ими, нужно быть новичкомъ въ тревоженіяхъ, а я старъ и усталъ, хочу покоя, а не приключеній—и потому мнѣ нетолько не занимательно все это, а просто нестерпимо скучно.

¹⁾ Извѣстный административный дѣятель эпохи „шестидесятыхъ“ годовъ, сенаторъ.

²⁾ Помощникъ командующаго войсками Петербургскаго военного округа.

³⁾ Писательница и общественная дѣятельница, постоянно живетъ въ Лондонѣ; въ послѣдніе годы печатаются въ „Русской Старинѣ“ ея записки „Депутатъ отъ Россіи“.

Прощайте, кланяюсь Вамъ усердно и остаюсь искренно преданный

И. Гончаровъ.

Поклонитесь Павловскимъ Вашимъ сожителямъ и расскажите о моемъ участіи въ военныхъ дѣйствіяхъ.

№ 36.

5 (17) Маріенбадъ. [1866 г.]

Получилъ я Ваше письмо, любезнѣйшій Александръ Васильевичъ—и премного благодарю. Отвѣчаю коротко на этотъ разъ, потому что собираюсь завтра уѣхать и укладываюсь. Я пробылъ мѣсяцъ; надо бы пить воды еще недѣль шесть, но медлить нельзя, потому что неизвѣстно, удастся ли выбраться отсюда во время. Теперь пока, дорога открыта черезъ Баварію и я хочу проскочить въ Штутгартъ, а оттуда скорехонько черезъ Стразбургъ въ Парижъ, чтобы мнѣ былъ свободный путь къ морю.

Здѣсь все волнуется, все томится неизвѣстностью будущаго. Торговля, дѣла, всякое движеніе—въ застоѣ, и люди, которымъ дѣла нѣтъ до плановъ честолюбцевъ, проклинали Бисмарка съ его затѣями и Пруссію. А Прусаки утверждаютъ, что Австрія—есть тормазъ, что она держитъ въ застоѣ всѣ свои племена и языки—не только въ политикѣ, но и въ наукѣ, и въ торговлѣ, и даже въ земледѣліи. Вотъ Прусаки и взяли якобы на себя роль цивилизаторовъ. Такъ вчера пероривалъ ¹⁾ у источника одинъ прусскій графъ въ толпѣ австрійцевъ—и тѣ согласны бы были служить всякому господину, лишь бы торговля и промышленность двигались и чтобы съ нихъ брали поменьше податей.

Они уже привыкаютъ къ мысли, что Богемія будетъ потеряна для Австріи, и сегодня мой докторъ, прощаясь со мной, сказалъ безъ всякой патріотической грусти, что если я приѣду на будущій годъ, то вѣроятно онъ—и Маріенбадъ будутъ уже прусскими подданными.

Я бы всѣмъ этимъ несказанно наслаждался, сочувствуя неуспѣху однихъ нѣмцевъ и не сочувствуя успѣху другихъ, еслибъ война не прекращала движенія по желѣзнымъ доро-

¹⁾ Т. е. выводилъ заключеніе.

гамъ, а то Прусаки имѣютъ скверную привычку, занявъ неприятельскую землю, снимать рельсы и телеграфич. проволоки, чтобы не дать врагу средства оправиться и направиться на нихъ.

Прощайте. Спѣшу укладываться. Я отчасти завидую Вамъ и Вашей безмятежной тишинѣ. А мнѣ предстоитъ тащиться по ужасной жарѣ черезъ всю Баварію, да еще дай Богъ дотащиться, а не сѣсть въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ бургѣ или бергѣ въ ожиданіи лучшихъ временъ и дорогъ.

Блажаюсь Казиміръ Казиміровичъ и всѣмъ Вашимъ дружески и жму Вашу руку

И. Гончаровъ.

Письмо это придетъ къ Вамъ вѣроятно дней черезъ десять. Надѣюсь тогда быть въ Парижѣ.

№ 37.

22 Авг. (3 Сентября) [1866 г. ?].

Получилъ я Ваше письмо, дражайшій Александръ Васильевичъ, и хотя близится время моего возвращенія т. е. остается мѣсяцъ съ небольшимъ (до 26 Сентября—мой срокъ), однако я все желаю подать Вамъ еще разъ голосъ о себѣ. Я все кисну—сказалъ бы я—въ Булони, но какъ море не даетъ ничему прокиснуть, то я проживаю мирно на его берегахъ вотъ уже четыре недѣли—и среди англичанъ съ одной, и французовъ съ другой стороны—рискую только забыть совсѣмъ русскую рѣчь. За table d'hôte у меня успѣли завестись пріатели и пріятельницы, особенно англичанки, которыхъ ласковостію и милымъ обхожденіемъ я не могу нахвалиться. И кокетничаютъ онѣ съ такимъ достоинствомъ, такъ благородно, что влекутъ къ себѣ какъ-то хорошо, такъ что, глядя на нихъ, понимаешь, отъ чего семейная жизнь въ Англіи лучше, нежели гдѣ-нибудь. Одна прекрасная англичанка, моя сосѣдка за столомъ, очень довольна, что я былъ въ Китаѣ, Индіи, на Мысѣ доброй Надежды, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она провела восемь лѣтъ—и мы съ ней вспоминаемъ знакомыя мѣста. Зато моя визави француженка, долго высматривавшая за кого бы ей приняться, наконецъ угадала въ одномъ собесѣдникѣ богача—англичанина и теперь обрабатываетъ его и его фунты стерлинги. Ей 20 лѣтъ, она—невѣдомо кто, но нельзя сказать

невѣдомо откуда: изъ Парижа, пріѣхала съ горничной и съ грузомъ платьевъ, такъ что мѣняетъ по три туалета въ день. Англичанину 65 лѣтъ, но онъ бодръ, свѣжъ, сейчасъ же взялъ ее подъ свою опеку—и теперь они неразлучны—и онъ моритъ насъ всѣхъ со смѣху, потому что самъ сознаетъ свое дурачество и шутитъ надъ собой. Притомъ онъ еще глухъ и французенка черезъ столъ передразниваетъ его французскій выговоръ и смѣется надъ нимъ, вызывая и меня къ тому же и успокоивая тѣмъ, что онъ не слышитъ.

А впрочемъ все тоже. И Паранти тутъ и Françoise, которая командуетъ подвижными будками. Пса Гектора нѣтъ, но за то развелось много другихъ псовъ, почти столько же какъ въ Петербургѣ. Была и ежегодная религіозная процессія съ 9-ью епископами, на которую изъ Англіи пріѣхало много экскурсіонистовъ т: е: зѣвакъ, съ нарочными, устроиваемыми для этого рейсами, которые т: е: зѣваки перепились къ вечеру пьяны и воротились къ себѣ. Есть и отличные фрукты, хотя ихъ ѣдятъ меньше, потому что—нѣтъ, нѣтъ, а холера и хватитъ нѣсколько жертвъ.

Я отчаянно и буквально борюсь съ волнами, такъ что вчера насъ купалось только трое. Волна выше дома набѣжитъ и отброситъ насъ назадъ, а мы взберемся на слѣдующую и опять на свое мѣсто. Но на дняхъ волны какъ-то разыгрались около меня и понесли было меня не туда, куда я хотѣлъ, а къ другому, дальнему берегу, какъ я ни отбивался отъ нихъ. Но Батистъ, другой baigneur, вырвалъ меня за руку изъ ихъ омута и объяснилъ, что я попалъ въ сильное теченіе.

Я было пробовалъ заняться здѣсь, но дѣлаются приливы крови и я, взявши 25 или 26 ваннъ, въ четвергъ уѣзжаю въ Парижъ, гдѣ и пробуду до конца отпуска т: е: до 20-го Сентября, а потомъ—и къ Вамъ.

А до тѣхъ поръ, можетъ быть, не провалится ли у Васъ въ домѣ Фридриха потолокъ, или не отвалится ли уголъ дома, такъ чтобъ Вамъ пришлось переѣхать двумя этажами пониже: иначе нельзя отвѣчать ни за Ивана Карловича, ни за меня, что съ нами не случится ударъ.

Софья Семеновна, говорите Вы, гадаетъ мнѣ и выходить *интересъ, пріятное извѣстіе и дорога*: изъ всего этого вѣрно одно—*дорога*, или *дороги*, и даже неизбежно, если только не бросишься въ море. Туда и *дорога*: и все-таки будетъ дорога.

Здѣсь были жары, разразившіяся тропическими грозами и шкваломъ, а теперь дуетъ неистовый вѣтеръ прямо съ океана,

и притомъ не теплый, что однако не помѣшало мнѣ нынче въ 8 часовъ утра взять ванну.

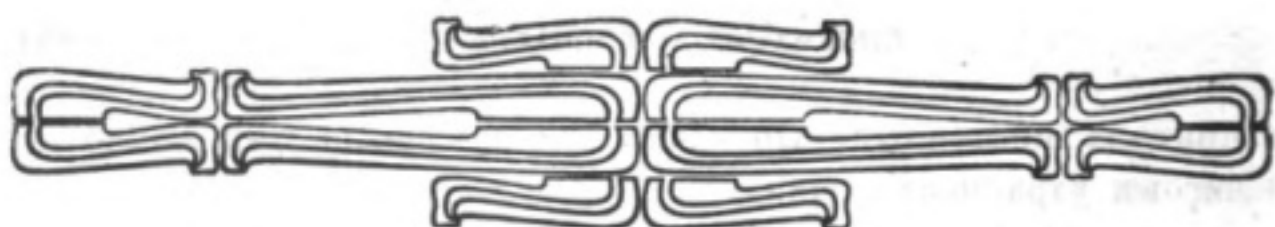
Скоро 30 Августа: можетъ быть около того времени будетъ это письмо въ Вашихъ рукахъ—примите мое поздравленіе съ тезоименитствомъ и сожалѣніе, что я не буду въ тѣсномъ кругу Вашихъ друзей, которые, подъ тѣнью Павловскихъ липъ или сосенъ, соберутся на пирогъ къ имениннику. Считайте меня невидимо присутствующимъ тамъ и упросите скушать мою долю и выпить мой бокалъ—Софью Александровну. Пусть она покушаетъ хоть одинъ разъ въ жизни—какъ слѣдуетъ, или какъ не слѣдуетъ т. е: какъ я.

Прощайте, мой дружескій поклонъ Казиміръ Казиміровичъ и всему Вашему дому

Вашъ И. Гончаровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры ¹⁾.

Наскочили на мину.

Трое сутокъ густой туманъ висѣлъ надъ Владивостокомъ; сначала онъ былъ мокрый, холодный, потомъ понемногу теплѣлъ и когда, послѣ суточной борьбы съ солнцемъ, къ полдню разсѣялся, экипажамъ крейсеровъ неожиданно представилась чудная картина. Противоположный городу сѣроватый берегъ залива Золотой Рогъ, покрытый низкими деревцами, лишенными листвы, загрязненный угольными складами, сдѣлался неузнаваемымъ: живительный туманъ одѣлъ голые стволы и вѣтви деревъ яркой зеленью,—еще не густая, своей свѣжестью неудержимо влекла она взоръ отдохнуть на ней; угольные пристани сдѣлались живописными, а грязноватые казенные дома, разбросанные въ глубь берега и незамѣтные раньше на тускломъ сѣромъ фонѣ, теперь, пестрѣя цвѣтными крышами и освѣщенные яркимъ солнцемъ, казались ослѣпительно бѣлыми. Не даромъ послѣ такихъ перемѣнъ этотъ берегъ стали называть Итальянскимъ.

Наступала весна 1905 года; за Итальянскимъ берегомъ зазеленѣли и сады города, и рѣдкая растительность прилегающихъ къ городу высотъ, и мрачный островъ Русскій. Природа оживала, радовалась, но въ сердцахъ, чуткихъ сердцахъ патріотовъ, таилась тревога: отъ послѣдняго матроса до жизнерадостнаго адмирала, каждый съ тоской присматривался къ общему настроенію и прислушивался къ разговорамъ, стараясь найти въ ихъ отзвукѣ предчувствіе чего-то скорбнаго, уже овладѣващаго его существомъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

Среди старой команды многострадальнаго крейсера, оставшейся на немъ послѣ боя, уже пережившей вмѣстѣ съ офицерами тяжелыя минуты посадки на камни и гнетущій строй жизни во время зимней стоянки въ докѣ, изъ устъ въ уста передавались загадочныя сны; молчаливо смотрѣли старые матросы, девятый годъ уже служившіе на пользу отечества, на молодыхъ, вновь прибывшихъ, матросовъ изъ экипажа: тѣхъ не охватила еще любовь къ своему кораблю, къ родному флоту; далеки они были отъ старыхъ офицеровъ, не дрались они въ бою рядомъ съ погибшими товарищами; не знали еще сложнаго морского дѣла—гдѣ имъ было чувствовать приближеніе какого-то горя! Безъ знанія своего прямого дѣла, безъ заслуги честно несенной службы, безъ чувства удовлетворенія послѣ мужественной выдержки горькихъ и тяжелыхъ испытаній, пришли они на крейсеръ и внесли фальшь новаго вѣянія, какъ волна докатившагося изъ Европейскихъ окраинъ Россіи, или вѣроломно подкраившагося изъ нѣдръ вражеской страны.

„А намеренъ блаженный видѣль, будто бы прилетѣль на крейсеръ подстрѣленный орелъ, сѣлъ на фокъ-рей, а кровь изъ крыла такъ и падаетъ на палубы“,—тихо говорилъ старшій комендоръ, обтирая по утреннему расписанію восьмидюймовую пушку на ютѣ, своему второму номеру, недавно прибывшему изъ экипажа комендору.—„На то и блаженный, чтобы попусту болтать“—развязно отвѣчалъ тотъ: „а почему это вы его блаженнымъ называете“?—„Человѣкъ онъ особенный, къ примѣру скажемъ, кажинный день Богу молится, да не то что на молитвѣ, какъ мы грѣшныя, а припадаетъ къ иконѣ нашей и долго стоитъ у нея, особливо когда никого нѣтъ, и не за себя должно быть молится, а за насъ за всѣхъ. Деньги, что получаетъ, кочегаръ онъ будетъ, тратитъ на книжки, и книжки командѣ раздаетъ, а книжки все больше о хорошей жизни, о вредѣ пьянства; самъ тихій, тихій...“

„А начальству извѣстно“?—„Ротный командиръ знаетъ, дознался потому лишь, что при осмотрѣ чемодановъ у воришки одного такую книжку нашелъ... откуда взялъ?... такой-то далъ... пу, ротный къ нему, блаженный не охочъ много говорить, да ротный понимаетъ дѣло и не настаивалъ, а ужъ къ блаженному всегда съ тѣхъ поръ особое почтеніе, а ему и не надо вовсе, онъ все въ сторончкѣ, и дѣло кочегарное знаетъ первый сортъ, а на унтеръ экзамена держать не хочетъ... Что брать не по-новому“? уже иронически закончилъ свой раз-

скавъ старшій комендоръ, призываемый дудкой во фронтъ въ разводкѣ на работы.

Быль май мѣсяцъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили офицеры и команды за движеніемъ эскадры Рождественскаго; отрядъ, хлопотами офицеровъ и усиліями команды вооруженный чуть не двойнымъ количествомъ пушекъ, былъ ежеминутно готовъ къ выходу въ море на соединеніе съ эскадрой: три крейсера, побывавшіе подъ огнемъ непріятеля, воодушевленные относительной удачей прежнихъ походовъ, стремились подраться рядомъ съ своими братьями, такъ необычно пересѣкшими три океана.

Придетъ ли приказаніе!? И о непріятелѣ есть свѣдѣнія; видѣли какое-то подозрительное судно около Владивостока, а кромѣ того сѣвернѣе были японскіе миноносцы; зачѣмъ они были?... не конвоировали ли они заградитель!.. или не забросали ли сами минами подходы къ Владивостоку?

И вотъ, однажды въ 4 часа утра крейсеръ снялся съ якоря и направился къ бону, но одинъ... почему одинъ? Скоро уже всѣ знали, что неожиданная съемка съ якоря вызвана какими-то опытами съ искровымъ телеграфомъ, только-что зарекомендовавшимъ себя съ лучшей стороны.

Развели бонъ, всегда на ночь и въ туманъ закрытый, дабы предохранить отрядъ крейсеровъ отъ нападенія предприимчиваго врага. Крейсеръ, выйдя изъ залива Золотой Рогъ, сталъ поворачивать налѣво, а изъ бухты Уллись показался тралящій караванъ. „Идемъ въ Уссурійскій заливъ“ замѣтилъ баковый лейтенантъ. „Это странно, въ Амурскомъ заливѣ итти гораздо спокойнѣе, туда труднѣе пройти незамѣченнымъ и надѣлать тамъ пакостей, а здѣсь для врага полная свобода дѣйствій: ни одной банки, хорошія отличительныя глубины, пришелъ ночью, сдѣлалъ бульонъ изъ минъ, да и ушелъ тихохонько и спокойненько, до разсвѣта, а тамъ лови его въ морѣ“.

„Да, вотъ для опыта нужно будетъ разговаривать съ береговой станціей, а телеграфировать изъ Амурскаго залива черезъ островъ Русскій считаютъ неудобнымъ для той цѣли, которую преслѣдуютъ“ —отвѣчалъ завѣдующій полубакомъ мичманъ. „А цѣль-то какая?“ „Туманная. Чуть ли не выяснить, на какое меньшее разстояніе можно телеграфировать этой станціей... а впрочемъ не знаю“...

„На мины премъ“—мрачно бурчалъ комендоръ у 75 м/м. пушки на шканцахъ: „въ прошломъ году миноносцы только

вылѣзуть сюда, такъ и кормы нѣтъ, и угольщики, что подвозятъ, то и дѣло въ этомъ Уссурійскомъ заливѣ о мины шлепають". Тихо, поминутно останавливая ходъ, шелъ подъ эти сомнѣнія крейсеръ; тралящій караванъ, организованный во время войны, уже имѣвшій опытъ, выловивъ нѣсколько минъ, обезпечивалъ для крейсера достаточный безопасный секторъ. Нетерпѣливый, горячій адмиралъ, видимо неожиданный такого медленнаго хода, спрашивалъ безпрестанно лотовыхъ, какая глубина; офицеры, за исключеніемъ стоявшихъ на вахтѣ и штурмана, спустились внизъ; началась обыкновенная ходовая жизнь крейсера, столь знакомая ему за четырехъ-лѣтнее непрерывное плаваніе... „25 сажень, пронесло“ донесся голосъ, однообразный выкрикъ лотового. Тралящему каравану дали приказаніе отойти и вернуться во Владивостокъ; медленно, какъ бы нехотя, поворачивался тралящій караванъ, очищая дорогу для крейсера, которому уже былъ данъ ходъ въ 10 узловъ; съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли впередъ сигнальщики, разставленные на всѣхъ выступающихъ мѣстахъ крейсера, на марсѣ, на вороньемъ гнѣздѣ, чтобы не прозвѣвать какую-либо всплывшую мину.

„Мина по-носу“—донесся неестественно крикливый возгласъ съ мостика, точно человѣкъ, издавшій эти звуки, только-что получилъ болѣзненную рану. Зазвенѣлъ телеграфъ на полный задній ходъ, положенъ руль на бортъ. „Мина подъ тараномъ“—встревоженнымъ голосомъ кричитъ матросъ съ полубака и инстинктивно, держась за лееръ, откидывается корпусомъ назадъ, ожидая ежесекунднаго взрыва... Высокій столбъ воды, поднявшійся одновременно не то съ гуломъ, не то съ ударомъ, чувствовавшимся въ подводной части, залилъ лѣвое крыло верхняго мостика, облилъ стоявшихъ на лѣвомъ шкафутѣ и мягко, точно лаская, борта корабля, покатылся мелкими брызгами по нимъ внизъ; вторая, незамѣченная своевременно изъ-за большого углубленія подъ водой и изъ-за неудачнаго освѣщенія солнцемъ, мина взорвалась у первой кочегарки... Водяная тревога пробита: тысячная команда, почти вся находившаяся внизу, бросилась къ своимъ мѣстамъ по расписанію, и это движеніе на крейсерѣ какъ бы производило впечатлѣніе паническаго—во входныхъ люкахъ тѣснились люди, и, стремясь выйти наверхъ, еще болѣе давили другъ друга и задерживали привычное выполненіе расписанія; да и немудрено, что толкотня эта существовала: чуть не шестьсотъ человѣкъ находилось въ шлюпочной и пластырной партіи, и всѣ они должны

быть наверху! Офицеры, находившіеся въ каютъ-компаніи, бросились по своимъ мѣстамъ; лейтенантъ и инженеръ-механикъ, назначенные быть при исправленіи поврежденій, бросились въ первую кочегарку.

Не прошло и двухъ минутъ, какъ на крейсерѣ наступило спокойствіе, и только возня около пластыря и приказанія офицеровъ и боцмана нарушали тишину; на ютъ безъ шляпы выбѣжалъ и батя, храбрый спокойный батя, такъ много принеся пользы въ бою, такъ потрудившійся въ тотъ достопамятный день; легкій вѣтерокъ развѣялъ его роскошныя кудри, крупная фигура темнѣла на фонѣ голубого неба и рѣзко выдѣлялась среди бѣлыхъ форменокъ команды. „А гдѣ берегъ?“—обратился онъ къ стоявшему на ютѣ мичману, спокойному на видъ... „А вонъ тамъ...“ отвѣтилъ тотъ, указывая на болѣе отдаленный берегъ Уссурійскаго залива. „Дрянно“—со вздохомъ произнесъ батюшка, видимо не желая мириться съ мыслью о возможной гибели не отъ руки врага непосредственно, а отъ какой-то мины, коварно, въ ночную тьму, заброшенной хитрымъ врагомъ и, какъ выяснилось потомъ, не для отряда крейсеровъ, а для всей эскадры адмирала Рожественскаго, буде онъ пришелъ во Владивостокъ и сталъ бы входить въ портъ Уссурійскимъ заливомъ.

Въ первой кочегаркѣ было тихо: до слуха спускавшагося стремглавъ по кочегарному выходу лейтенанта не долетѣло обычнаго шарканія желѣзныхъ лопатъ по углю и площадкѣ, не долетало и звуковъ разговора, только слышалось непривычное журчаніе воды и подоврительное шипѣніе. „Ужель никакого нѣтъ“—молніей пронеслось въ мозгу лейтенанта, а уже глазамъ его представилась необыденная картина. Изъ стыка дна верхней угольной ямы и изъ нижней ямы лила каскадомъ вода, на площадкахъ кочегарки лежала сорванная донка и другіе мелкіе механизмы, нѣсколько брошенныхъ кое-какъ и не у мѣста лопатъ дополняли видъ разрушенія той кочегарки, солидностью которой и на большомъ ходу гордился старшій механикъ. Изъ второго и шестого котла жаръ уже былъ выгребенъ, изъ 4-го и 8-го два черныхъ, въ вымоченной одеждѣ, человекѣ выгребали жаръ и поливали горящіе угли водой изъ каскада.

Въ одномъ изъ этихъ представителей честной службы лей-

тенантъ узналъ старшину кочегарки, квартирмейстера, въ другомъ—„блаженного“; а „гдѣ остальные“?—невольно сорвался у него вопросъ. „Трое старыхъ, да двое молодыхъ ранено, а остальные молодые убѣгли... испугались“—недовольнымъ, обиженнымъ за свою кочегарную честь голосомъ отвѣтилъ квартирмейстеръ, продолжая съ озлобленіемъ выгребать жаръ изъ слѣдующей топки... а блаженный продолжалъ также свое дѣло, смахивая грязными руками кровь, текущую съ лѣвой стороны щеки отъ ссадины на головѣ. „Надо послать людей сюда“—послѣ быстрого осмотра сказалъ лейтенантъ: „вы побудете здѣсь“?—обратился онъ къ механику. „Конечно“—отвѣтилъ тотъ, точно удивляясь такому вопросу. Черезъ минуту запачканный сажей лейтенантъ докладывалъ командиру, что опасности для крейсера никакой нѣтъ, и посылалъ людей въ кочегарку. „Отъ шлюпокъ и талей отойти“—бодро пронеслась по крейсеру подъ свистъ дудокъ команда, и началась кропотливая работа по заводкѣ пластыря. Медленно, чуть накренясь, точно отъ боли въ боку, возвращался крейсеръ въ портъ, и невеселыя мысли гнѣздились въ воображеніи офицеровъ и команды; не сегодня, завтра потребуетъ адмиралъ Рожественскій къ себѣ крейсера, и не можетъ пойти дорогой крейсеръ поддержать свое славное прошлое, свое доброе имя на страхъ врагамъ, на пользу родинѣ и въ свою честь, будетъ онъ одинокій стоять въ порту и смотрѣть, какъ уйдутъ два другихъ крейсера, и отъ этихъ думъ холодѣло сердце, умъ метался, стремился найти какой-нибудь способъ пойти вмѣстѣ съ ними... Уже стали изъ города доноситься слухи, распускаемые исподтишка злона-мѣренными людьми, что нарочно крейсеръ вели на мины, чтобы избѣжать рѣшительнаго боя съ врагомъ. Но что эти жалкія попытки подорвать духъ въ патріотахъ въ сравненіи съ тѣмъ тяжелымъ гнетомъ, съ той безысходной тоской, которая овладѣла всѣмъ существомъ любящихъ родину, когда той же злополучной искровой станціей крейсера впервые стали получать телеграммы съ подлетающей къ Владивостоку раненой птицы—посыльнаго судна эскадры адмирала Рожественскаго?

Какъ капли крови изъ крыла птицы, падая на палубу, образуютъ пятна, которыя трудно стереть, которыя нужно выскабливать, медленно разбиравшіяся шифрованные слова телеграммы проникали въ душу, оставляя въ ней неизгладимую печать.

Только неустанная работа отъ мала до велика въ пользу

родного флота, только единодушное стремленіе къ возмездію дадутъ возможность зарубцеваться этой ранѣ, и тогда въ ореолѣ честно исполненнаго передъ родиной долга, въ ореолѣ возродившейся побѣдной славы, не съ горькой досадой будетъ носить этотъ рубецъ, а съ чувствомъ полного нравственнаго удовлетворенія и благодарностью за неиспытанное свыше испытаніе.

Славлюсь.

Изъ воспоминаній Прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ въ 1853—1854 г.

За послѣднюю четверть вѣка историческая литература на Западѣ обогатилась такимъ громаднымъ числомъ самыхъ разнообразныхъ мемуаровъ, записокъ и дневниковъ лицъ, игравшихъ не только первенствующія роли въ политическихъ и военныхъ событіяхъ XIX столѣтія, но въ особенности второстепенныхъ, часто мало извѣстныхъ, ихъ участниковъ, что многое изъ этого крайне цѣннаго, но слишкомъ обширнаго, матеріала невольно ускользаетъ отъ вниманія. Между тѣмъ нерѣдко именно въ тѣхъ запискахъ и воспоминаніяхъ, которыя принадлежатъ перу лицъ, стоявшихъ на второмъ планѣ и дѣятельность которыхъ ограничивалась предѣлами опредѣленной служебной сферы, мы встрѣчаемъ страницы, совершенно неожиданно освѣщающія то или другое событіе исторической важности во многихъ отношеніяхъ иначе, чѣмъ это дѣлалось до того, и знакомящія съ обстоятельствами, дотолѣ неизвѣстными, которыя несомнѣнно могли бы имѣть въ свое время существенное вліяніе на разрѣшеніе весьма крупныхъ политическихъ вопросовъ. Къ числу такихъ произведеній слѣдуетъ отнести изданные въ 1897 году четыре тома записокъ принца Крафта Гогенлоэ-Ингельфингенъ ¹⁾. Авторъ, принадлежа къ одной изъ четырехъ вѣтвей столь извѣстнаго въ Германіи рода князей Гогенлоэ, началъ службу въ прусской гвардейской артиллеріи, съ которой участвовалъ въ усмиреніи мартовскихъ беспорядковъ

¹⁾ Aus meinem Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenlohe-Ingelfingen. Berlin. 1897. 4 B.

въ Берлинѣ въ 1848 г., окончилъ курсъ военной академіи. былъ временно командированъ въ Вѣну въ 1854 г. и засимъ много лѣтъ состоялъ въ качествѣ приближеннаго флигель-адъютанта при короляхъ Фридрихѣ-Вильгельмѣ IV^м и Вильгельмѣ I. впоследствии императорѣ. Дальнѣйшая служба Г. была посвящена артиллеріи, съ которой онъ, сначала какъ командиръ гвардейскаго артиллерійскаго полка, засимъ бригады и наконецъ всей осадной артиллеріи подъ Парижемъ, былъ непосредственнымъ и дѣятельнымъ участникомъ кампаній 1866 и 1870 гг. Въ 1872—1879 г. онъ командовалъ дивизіей, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-адъютантомъ. Послѣднія двѣнадцать лѣтъ Г. прожилъ въ отставкѣ и скончался въ 1892 г.

Въ чрезвычайно живомъ и увлекательномъ изложеніи рисуетъ Г. яркія картины прусской военной жизни и обстановки берлинскаго двора за продолжительный періодъ съ 1845 по 1880 г. и не разъ раскрываетъ закулисныя подробности придворныхъ, политическихъ и военныхъ интригъ, остававшихся не безъ вліянія на крупныя событія внутренней жизни Пруссіи и Германіи, а также и на международныя отношенія.

Но изъ всего крайне любопытнаго разсказа пр. Гогенлоэ для насъ представляетъ особый интересъ одинъ, сравнительно весьма краткій, періодъ его служебной дѣятельности. А именно время, проведенное имъ въ качествѣ военнаго агента или военнаго аташе при прусской миссіи въ Вѣнѣ съ іюня 1854 — по октябрь 1855 г.¹⁾ Командировка эта явилась для него неожиданной въ то время, какъ онъ, по окончаніи курса военной академіи, несъ вновь фронтową службу въ одной изъ конныхъ батарей гв. артиллерійскаго полка. Между тѣмъ моментъ въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ представлялся крайне сложнымъ. Разрывъ Россіи съ Турціей, Франціей и Англіей былъ уже совершившимся фактомъ, и наши войска занимали Дунайскія княжества, Австрія готовилась къ вмѣшательству и для Пруссіи предстояло въ ближайшемъ будущемъ опредѣлить свое отношеніе къ надвигавшимся грознымъ событіямъ. Первый шагъ, въ этомъ отношеніи уже былъ ею сдѣланъ заключеніемъ въ апрѣлѣ 1854 г. съ Австріей особой конвенціи. При этомъ съ 1850 г., когда только энергичное вмѣшательство Императора Николая Павловича предупредило казавшееся неминуемымъ столкновение Пруссіи и Австріи, Пруссія не имѣла своего военнаго представителя въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ не имѣли.

¹⁾ Aus meinem Leben, B. I. SS. 242—380.

какъ говорить Г., ни малѣйшаго понятія о положеніи австрійской арміи. Тѣ данныя, которыя ему дали въ военномъ министерствѣ, и вопросные пункты, касавшіеся мѣстъ расположенія различныхъ австрійскихъ полковъ и частей, рѣшительно нигда негодились, такъ какъ касались прежней организаціи и дислокаціи, давно въ корнѣ измѣненныхъ. Не лучше обстояло дѣло съ тѣми инструкціями, которыя онъ получалъ при своемъ отъѣздѣ. Король его милостиво отпустилъ, сказавъ только „до свиданья, веселитесь хорошенъко въ Вѣнѣ“. Въ генеральномъ штабѣ ему сказали, что онъ самъ увидитъ на мѣстѣ, что представляетъ наиболѣе интересный матеріалъ для его сообщеній, при чемъ военный министръ, на вопросъ, представляется ли возможнымъ пользоваться въ Вѣнѣ какими-либо офиціальными свѣдѣніями по военной части, замѣтилъ, что для него безразлично, гдѣ лицо, пишущее свои донесенія, находитъ надлежащіе источники, и улыбаясь прибавилъ, что „въ Австріи можно все узнать, если умѣешь ухаживать за женщинами“. вмѣстѣ съ тѣмъ для Г. осталось неяснымъ, кому непосредственно онъ долженъ адресовать свои донесенія и черезъ кого ихъ представлять. По словамъ военнаго министра онъ только формально подчиненъ посланнику, который долженъ прочитывать его донесенія до ихъ отправленія, но въ остальномъ онъ, Г., совершенно самостоятеленъ. А кому донесенія должно адресовать, того военный министръ не зналъ и сказалъ, что Г. это узнаетъ отъ министра иностранныхъ дѣлъ. Этотъ послѣдній, заявляя Г., что онъ состоитъ подъ начальствомъ посланника и слѣдовательно министерства иностранныхъ дѣлъ, сказалъ, что онъ въ Вѣнѣ узнаетъ, какъ это все нужно дѣлать.

Предоставленный такимъ образомъ во всѣхъ отношеніяхъ собственному усмотрѣнію, въ области, ему вполне чуждой, Г. не безъ смущенія прибылъ въ Вѣну. Тамъ онъ былъ встрѣченъ замѣнявшимъ посланника секретаремъ гр. Флеммингомъ болѣе чѣмъ холодно, который на вопросъ, къ кому онъ долженъ отправлять свои донесенія, сказалъ ему: „намъ вообще до васъ нѣтъ никакого дѣла. Вы можете писать кому и что хотите. Намъ предписано не вмѣшиваться въ ваши дѣла. Въ Берлинѣ желаютъ знать кое-что по военной части—мы и будемъ вамъ сообщать, что имѣемъ, а вы этими свѣдѣніями распорядитесь по вашему усмотрѣнію“.

Къ этимъ мало общающимся въ будущемъ словамъ гр. Флеммингъ прибавилъ, что въ сущности въ сферѣ военной ничего интереснаго нѣтъ и что императору можно будетъ представиться

лишь на ближайшемъ придворномъ балу въ февраль мѣсяцѣ, и засимъ передалъ Г. нѣсколько своихъ визитныхъ карточекъ, которыя Г. вмѣстѣ со своими долженъ былъ оставить у лицъ дипломатическаго корпуса. Что касается военныхъ властей, то гр. Флеммингъ никого не зналъ.

Открывшаяся перспектива съ іюня по февраль, т.-е. болѣе шести мѣсяцевъ оставаться внѣ всякаго общенія именно съ тѣмъ обществомъ, въ которомъ онъ долженъ былъ работать, показала Г. настолько ненормальной, что онъ, не долго думая, надѣлъ парадную форму и явился ко всѣмъ старшимъ военнымъ начальникамъ. Всѣми онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно любезно, и они вызвались, каждый по своей части, сообщать ему все, что онъ признаетъ нужнымъ, такъ какъ, говорили они, между двумя арміями, которыя объединены союзнымъ договоромъ, заключеннымъ въ апрѣлѣ 1854 г., не можетъ быть тайнъ. Генералъ-адъютантъ императора гр. Грюне приказалъ приготовить Г. лошадь изъ императорской конюшни и черезъ два дня на парадѣ представилъ его императору Францу Іосифу. Когда Г. съ парада заѣхалъ въ мундирѣ къ гр. Флеммингу и сталъ ему говорить о тѣхъ непосредственныхъ отношеніяхъ, которыя у него установились съ военнымъ міромъ, и о своемъ представленіи императору, то дипломатъ почти упалъ въ обморокъ.

Приступивъ къ работѣ и поставивъ себѣ ближайшею задачею выяснить составъ и наличную силу австрійской арміи, какъ союзной, Г. встрѣтился съ почти непреодолимыми препятствіями. Все касающееся этой стороны дѣла держалось въ самой строгой тайнѣ. Издававшійся ежегодно списокъ военныхъ чиновъ (Schematismus) былъ такъ составленъ, что о составѣ корпусовъ, дивизій и бригадъ нельзя было получить надлежащаго представленія, такъ какъ въ списокѣ генераловъ не указывались части, которыми они командуютъ, равно какъ и мѣста расположенія войскъ. При этомъ, согласно принятому порядку, черезъ каждые два года эти мѣста для всѣхъ частей мѣнялись, и тѣмъ самымъ измѣнялся и составъ бригадъ, дивизій и корпусовъ. Наконецъ, самый списокъ издавался именно въ періодъ перемѣщенія войскъ, такъ что его свѣдѣнія относились всегда къ прошлому, а не настоящему. Независимо отъ сего оказывалось, какъ въ этомъ Г. наглядно убѣдился на первомъ парадѣ, что число батальоновъ и ротъ въ полкахъ было различно. Онъ видѣлъ полки съ 3, 4, 5 и 6 батальонами, батальоны въ 4 и 6 ротъ, а роты въ составѣ 110 и 45 рядовъ.

Тѣмъ не менѣе путемъ весьма кропотливаго разбора самаго разнообразнаго матеріала. Г. установилъ, что значительная часть полковъ были въ движеніи къ восточнымъ границамъ и, считая, что, въ виду апрѣльской конвенціи, для Пруссіи представлялось совершенно необходимымъ имѣть точныя свѣдѣнія о мѣстахъ расположенія австрійской арміи вообще, Г. обратился съ прямымъ вопросомъ объ этомъ къ начальнику Генеральнаго штаба генералу Наги, объяснивъ ему причины, его къ сему побудившія. Такое прямое обращеніе привело генерала въ чрезвычайное смущеніе. Заявивъ, что лично онъ совершенно раздѣляетъ мнѣніе Г. о томъ, что между союзными арміями не должно быть ни малѣйшихъ тайнъ, начальникъ штаба рѣшительно отказался что-либо сообщить, за неимѣніемъ на то разрѣшенія и дружески посовѣтывалъ Г., если онъ желаетъ сохранить добрыя отношенія къ австрійскимъ военнымъ властямъ, болѣе съ такими вопросами никуда не обращаться. При этомъ, однако, генералъ Наги обѣщалъ прислать ему все то, съ чѣмъ по этой части оказалось бы возможнымъ его ознакомить. И дѣйствительно на другой день прислалъ экземпляръ новаго Положенія о санитарной части въ арміи. Такой неожиданный результатъ первой же попытки къ разрѣшенію возложенной на него задачи, которую Г. понималъ, какъ установленіе ближайшей связи между союзными прусской и австрійской арміями, заставилъ его усомниться въ искренности этого союза и заподозрить существованіе у австрійцевъ намѣреній, которыя они желали скрывать отъ своего союзника.

Продолжая, однако, и при этихъ неблагоприятныхъ условіяхъ свои розыски и разслѣдованія, Г. постепенно выяснилъ, что около шести армейскихъ корпусовъ направлены на востокъ. Случайными и невольными сотрудниками въ этой работѣ явились для него прежде всего нѣкоторые изъ старшихъ начальниковъ тѣхъ частей, которыя входили въ составъ мобилизованной арміи. Менѣе замкнутые, чѣмъ молодые офицеры вообще и Генеральнаго штаба въ особенности, они, наѣзжая въ Вѣну, перѣдко, не стѣсняясь, говорили въ клубѣ о полученныхъ приказаніяхъ и о передвиженіяхъ ввѣренныхъ имъ частей. Такъ, славившійся въ то время, какъ выдающійся начальникъ кавалеріи, командиръ кавалерійскаго корпуса, кн. Алоизъ Лихтенштейнъ громко рассказывалъ о томъ, что онъ внезапно получилъ приказаніе быстро двинуться въ Гурани-Гура въ Галиціи и что его полки съ 12 іюля уже въ движеніи, а къ 25 авгу-

ста будутъ на мѣстѣ. Пользуясь такими разговорами, при которыхъ онъ всегда дѣлалъ видъ, что они его не касаются, Г. и дополнялъ и провѣрялъ свои данныя. Въ итогѣ онъ давали возможность вполне опредѣленно констатировать, что съ одной стороны шесть армейскихъ корпусовъ и одинъ спеціально кавалерійскій были собраны около Черновицъ въ Буковинѣ и должны были 25 августа быть вполне готовы къ наступленію. Кромѣ того армія въ 60.000 подъ командой фельдмаршала-лейтенанта Коронини стояла на границѣ Семиградія. Расположеніе этихъ армій вполне ясно указывало и характеръ предстоящихъ имъ дѣйствій—первая, очевидно, имѣла назначеніемъ ударить въ тылъ русскимъ, занятымъ въ Крыму, а вторая предназначалась для вступленія въ Валахію.

Когда Г., которому эта угрожающая картина была вполне ясна, счелъ необходимымъ познакомить съ ней особо командированнаго въ Вѣну спеціально по восточнымъ дѣламъ, въ качествѣ экстраординарнаго посланника гр. Альвенслебена, замѣнявшаго отсутствовавшаго постоянного представителя Пруссіи, графа Арнима, то Альвенслебенъ совершенно спокойно замѣтилъ: „Ну ужъ и наразсказали же вамъ молодые австрійскіе офицеры небылицъ“. Когда же Г. старался ему подробно объяснить дѣйствительное положеніе дѣла, на основаніи всѣхъ имѣвшихся у него свѣдѣній, Альвенслебенъ заявилъ, что всего этого не можетъ быть, такъ какъ наканунѣ еще австрійское правительство дало и Россіи и Пруссіи самыя положительныя завѣренія своего миролюбія. Наконецъ, на почтительное замѣчаніе Г. о томъ, что правительство страны, которой никто не угрожаетъ, которая старается увѣрить всѣхъ въ своемъ миролюбіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ строжайшей тайнѣ занята серьезными приготовленіями къ войнѣ, — вѣроятно готовить какой-нибудь внезапный и рѣшительный ударъ — посланникъ отвѣчалъ громкимъ смѣхомъ и тутъ же отказалъ Г. и въ секретномъ шифрѣ, который онъ просилъ для своего донесенія и посылкѣ въ Берлинъ особаго курьера. Тѣмъ не менѣе Г. снѣшно отправилъ своему начальству всѣ имѣвшіяся у него свѣдѣнія вмѣстѣ съ тѣми выводами, къ которымъ онъ пришелъ. Но потомъ онъ узналъ, что надъ этимъ его донесеніемъ отъ 1 августа въ Берлинѣ много смѣялись и автора считали за человека, всюду видящаго привидѣнія. Смѣхъ этотъ, однако жъ, скоро смѣнился другимъ чувствомъ, говоритъ Г., когда сталъ извѣстнымъ союзный договоръ, заключенный Австріей 10 августа съ Франціей и Англіей, въ которомъ опредѣлялись условія

наступательныхъ дѣйствій Австріи противъ Россіи, когда засимъ въ концѣ августа Австрія обратилась къ русскому правительству съ требованіемъ объ очищеніи Дунайскихъ княжествъ и когда 6 сентября фельдмаршалъ Гессъ вступилъ во главѣ австрійскихъ войскъ въ Бухарестъ.

Почти тотчасъ послѣ отправленія этого, раскрывавшаго тайныя замыслы Австріи, донесенія, Г. сталъ замѣчать со стороны австрійскихъ офицеровъ еще значительно большую сдержанность, любезныя товарищескія отношенія замѣнились холодной вѣжливостью. Подозрѣвая, что тѣмъ или инымъ путемъ посылаемыя имъ въ Берлинъ свѣдѣнія стали извѣстны, Г., только много времени спустя узналъ, что одинъ изъ канцелярскихъ чиновниковъ Прусскаго посольства былъ уличенъ, значительно позже, когда Г. уже давно оставилъ Вѣну, въ систематической передачѣ австрійскому правительству всей переписки своего начальства съ Берлиномъ. Одновременно съ такой перемѣной въ обращеніи, за Г. былъ установленъ тщательный надзоръ въ видѣ особаго агента, неуклонно слѣдовавшаго за нимъ въ извѣстномъ разстояніи и такъ какъ это было всегда одно и то же лицо, то такое любезное попеченіе о представителѣ союзной арміи очень скоро было имъ замѣчено.

Выполненіе возложенной на Г. задачи было весьма труднымъ при подобныхъ условіяхъ, но онъ, какъ человѣкъ несомнѣнно настойчивый и энергичный, пользовался всѣмъ ему доступнымъ, чтобы держать военное управленіе въ Пруссіи въ курсѣ происходившаго въ средѣ австрійской арміи и сообщалъ все, что ему удавалось видѣть и слышать. Такъ, присутствуя на смотрахъ и ученіяхъ войскъ вѣнскаго гарнизона, осматривая арсеналъ и разными путями проникая часто и въ то, что тщательно скрывалось, онъ обо всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ доносилъ въ Берлинъ. Рядомъ съ этимъ большой интересъ представляло для него личное знакомство съ тѣми лицами высшаго командованія австрійской арміи, покрытыми славой войнъ 1848 и 1849 г.г., на которыхъ мы, въ Пруссіи, говоритъ Г., привыкли смотрѣть съ особымъ уваженіемъ и даже завистью, но тутъ же восклицаетъ: „Кто вернетъ мнѣ мои иллюзіи“! Общее впечатлѣніе, вынесенное изъ такого знакомства съ генералами Гессомъ, Кламъ-Галласомъ, княземъ Лихтенштейномъ, княземъ Владишгрецомъ и другими, за исключеніемъ перваго, въ которомъ нельзя было отрицать нѣкоторыхъ серьезныхъ качествъ военного начальника, было печальное. Особенно поражало почти полное невѣжество иногда даже въ

самой элементарной теоріи военнаго дѣла. Всѣ эти лица и многія другія, принадлежащія къ высшей австрійской аристократіи, ставили иногда въ тупикъ своими замѣчаніями или вопросами. Послѣ очень долгаго и подробнаго объясненія, сдѣланнаго Г. по просьбѣ одного генерала, введенной въ Прусской арміи военной игры, генераль этотъ спросилъ его: „такъ какъ же, значить вы играете“? Т. е. я хочу сказать, продолжалъ генераль, „какъ вы назначаете ставку, по которой играете“? Совершенно удивленный Г. отвѣтилъ, что въ эту игру на деньги не играютъ. „Какъ, не на деньги? но вѣдь тогда это не имѣетъ никакого интереса“, замѣтилъ генераль. Звѣзды первой величины, какими казались издалика фельдцейхмейстеръ Аугустинъ, знаменитый изобрѣтатель австрійскихъ ракетъ, пугавшихъ сначала венгерцевъ въ 1849 г., но засимъ какъ никуда и ни во что не попадавшихъ, скоро совершенно заброшенныхъ, былъ старый бюрократъ съ круговоромъ бомбардира XVIII столѣтія, а фельдмаршалъ баронъ Рейшахъ, про подвиги котораго рассказывали чудеса, былъ несомнѣнно лично храбрый генераль, но не имѣвшій никакихъ общихъ представленій о войнѣ и проводившій свое время въ клубѣ, поглощая коньякъ большими стаканами. Конечно, въ управленіи арміи долженъ былъ быть и другой элементъ, на которомъ и лежала вся дѣйствительная работа. Но онъ состоялъ, по словамъ Г., большей частью изъ людей сравнительно темнаго происхожденія и авантюристовъ. Все интендантство, начиная съ его главы, фельдмаршала-лейтенанта барона Эйнатена, въ послѣдствіи застрѣлившись, настолько было извѣстно своими злоупотребленіями, что фельдцейхмейстеръ графъ Вимфенъ однажды совершенно спокойно доказывалъ, что девять фунтовъ овса въ день на лошадь слишкомъ мало, такъ какъ, если установить эту норму, то лошадь изъ нихъ въ дѣйствительности получитъ максимумъ пять. При ближайшемъ знакомствѣ и со строевымъ составомъ австрійской арміи оказывалось, что тотъ блескъ, въ которомъ ее представляли историческія работы австрійскаго генеральнаго штаба, описывавшія войны 1848 и 1849 г.г., значительно померкъ. Съ конца 1849 г. ее пришлось почти заново формировать, такъ какъ цѣлыя полки, главнымъ образомъ венгерскіе, совершенно исчезли. Создавшійся вслѣдствіе сего большой некомплектъ офицеровъ въ значительной степени сталъ пополняться иностранцами и большею частью элементомъ мало желательнымъ. Изъ германскихъ государствъ шли тѣ, кто по разнымъ обстоятельствамъ не могли продолжать служить у себя дома. Было и не

мало англичанъ. Такъ что, говоритъ Г., встрѣчались цѣлые полки, въ которыхъ корпусъ офицеровъ носилъ характеръ международный.

При постоянно расширявшемся кругѣ знакомыхъ въ дипломатическомъ корпусѣ и вѣнскомъ обществѣ и при болѣе близкомъ съ нимъ общеніи, мнѣ скоро стала вполнѣ ясна, говоритъ Г., установившаяся здѣсь точка зрѣнія на Пруссію. Несмотря на семилѣтнюю войну, въ которой Австрія почувствовала возникавшую силу и значеніе Пруссіи, несмотря на то, что престожа Германской Императорской короны уже не существовало, несмотря, наконецъ, на прусскія побѣды и военные успѣхи въ 1813 и 1814 г.г., создавшіе Пруссіи положеніе великой державы, на нее въ Вѣнѣ и правительство и общество смотрѣло, какъ на вассальное государство. И даже такъ называемая прусская партія (въ арміи къ ней принадлежали Радецкій и Виндишгрецъ) разсматривала могущія потребоваться совмѣстныя дѣйствія Пруссіи и Австріи исключительно въ интересахъ послѣдней, при чемъ считалось, что Пруссія обязана жертвовать послѣднимъ солдатомъ и послѣднимъ талеромъ. Отношеніе къ Пруссіи и ко всѣмъ другимъ германскимъ государствамъ со стороны Австріи имѣло патріархальный характеръ отеческаго. Такъ что, когда говорили о только-что заключенной съ Пруссіей конвенціи 20 апрѣля, то въ Вѣнѣ хвалили прусское правительство нѣсколько свысока, признавая его поведение корректнымъ, какъ родители хвалятъ дѣтей, когда они себя хорошо ведутъ. Впрочемъ, къ такому не особенно лестному для Пруссіи отношенію, она, съ 1815 г. слѣпо слѣдую велѣніямъ Меттерниховской политики и своей податливостью при послѣднемъ столкновеніи въ 1850 г., — сама приучила Австрію.

Съ грустнымъ чувствомъ отдавая себѣ во всемъ этомъ отчетъ, говоритъ Г., я совершенно откровенно высказалъ прѣхавшему въ половинѣ іюля съ особымъ порученіемъ флигель-адъютанту короля Фридриха-Вильгельма Мантейфелю, впоследствии фельдмаршалу, такъ же, какъ и я раньше мечтавшему о возможности тѣснаго Пруско-Австрійскаго союза, что я въ возможность такового пересталъ вѣрить и что мы только тогда пріобрѣтемъ въ глазахъ австрійскаго правительства и общества надлежащее уваженіе, какъ равные, когда мы ихъ сначала хорошенько побьемъ. Мантейфель тогда считалъ этотъ взглядъ результатомъ излишней страстности молодого офицера, но черезъ полтора года онъ призналъ его вполнѣ вѣрнымъ, приба-

вивъ: „Вы были правы. Здѣсь намъ нужно бить, иначе, мы ничего не значимъ“.

Разительное и наглядное доказательство именно такихъ отношеній къ Пруссіи, продолжаетъ Г., не заставило себя ждать. 11 августа 1854 г. Австрія заключила съ Франціей и Англіей договоръ, имѣвшій несомнѣнно враждебный по отношенію къ Россіи характеръ, безъ всякаго о томъ предварительнаго предупрежденія Пруссіи. Тѣмъ самымъ договоръ съ сей послѣдней отъ 20-го апрѣля, устанавливавшій нейтралитетъ этихъ обонхъ государствъ, былъ односторонне нарушенъ. И все это было сдѣлано въ самой полной тайнѣ, и прусскій чрезвычайный посланникъ въ Вѣнѣ объ этомъ ничего не зналъ. Между тѣмъ эта постоянная таинственность, въ которую австрійцы старались облекать свои политическія дѣйствія и военныя приготовленія, имѣла и свои комическія стороны. Приготовленія эти происходили почти на глазахъ у всѣхъ, и, проводя ежедневно по нѣсколько часовъ на сѣверномъ вокзалѣ, я могъ, говорить Г., видѣть весьма близко всѣ тѣ части и военные транспорты, которые ежедневно отправлялись. Личныя наблюденія Г. надъ отдѣльными, проходившими передъ его глазами при разныхъ условіяхъ частями, сводятся къ тому, что пѣхота стояла на очень низкой степени строевого и полевого образованія. Вооруженіе было старое; проектированное нарѣзное ружье Лоренца еще было въ періодѣ опытовъ. Столь знаменитую кавалерію Г., къ его большому удивленію, нашелъ въ крайне неудовлетворительномъ состояніи, и онъ долго колебался прежде, чѣмъ рѣшился высказаться по этому вопросу въ своихъ допесеніяхъ. Главнѣйшіе недостатки—малая подвижность и выносливость, отсутствіе надлежащаго спокойствія въ движеніи и сплоченности объяснялись какъ сложнымъ и тяжеловѣснымъ уставомъ, сложными и утомительными приѣмами обученія, такъ и въ значительной степени системой хозяйственнаго довольствія и безконечными въ немъ злоупотребленіями. Артиллерія, при стрѣльбѣ которой Г. не разъ присутствовалъ, руководилась офицерами, обремененными теоретическими познаніями, стоявшими еще на уровнѣ обученія XVIII вѣка и стрѣляла плохо. Только за два года передъ тѣмъ батареи получили свои запряжки, до того орудія вывозились въ походъ лошадьми изъ особыхъ конныхъ парковъ. Маневрированія отрядовъ, составленныхъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, имѣли характеръ совершенно дѣтскихъ упражненій. Все впередъ было точно указано и предписано, и совершенно опредѣленно установлены мо-

менты побѣдъ и пораженій въ отдѣльныхъ пунктахъ тѣхъ или другихъ частей.—Отсюда такія картины: сѣверный отрядъ защищаетъ такую-то позицію, усиливая особенно свой правый флангъ. По расписанію непріятель ведетъ сначала атаку на этотъ флангъ и будучи отбитъ наступаетъ засимъ на лѣвый, болѣе слабый флангъ, который въ свою очередь долженъ отступить. Такъ какъ эти движенія впередъ указаны, то атакующій позицію, зная, что его атака на правый флангъ позиціи должна быть отбита, въ дѣйствительности посылаетъ ничтожное число батальоновъ, такъ какъ зачѣмъ же имъ напрасно ходить взадъ и впередъ, а защищающій позицію, зная, что при движеніи непріятеля на его правый флангъ онъ непремѣнно долженъ отступить, тотчасъ же снималъ свою артиллерію, чтобы она потомъ не попала въ руки непріятеля, который въ данномъ мѣстѣ непремѣнно долженъ имѣть успѣхъ.

Въ концѣ августа мнѣ удалось, говорить Г., совершенно случайно достать общій списокъ всѣхъ полковъ австрійской арміи и, пользуясь этимъ, я засталъ за составленіе общаго расписанія австрійскихъ войскъ съ указаніемъ мѣстъ ихъ расположенія. Работа была чрезвычайно сложна, такъ какъ прямыхъ источниковъ почти не было и приходилось основываться на массѣ разнообразныхъ данныхъ, собранныхъ косвенными путями—газетъ, случайныхъ разговоровъ, личныхъ наблюденій. Къ этому за послѣднее время прибавился для Г. еще новый развѣдочный источникъ: нѣкій І., со времени венгерской кампаніи состоявшій на службѣ русскаго посольства по части шпионажа и предложившій и Г. свои услуги. Но свѣдѣнія І. являлись недостаточными. Слишкомъ мало матеріала можно было находить и въ случайныхъ бесѣдахъ съ военными въ клубѣ. Та сдержанность, которую, какъ уже было раньше сказано, Г. замѣчалъ со стороны молодыхъ офицеровъ, со временемъ все усиливалась, какъ оказалось потомъ, вслѣдствіе особаго приказанія высшаго начальства, непріятно пораженного тѣми свѣдѣніями, которыя Г. все-таки подчасъ обнаруживалъ въ своихъ разговорахъ. Такимъ образомъ ближайшее общеніе съ кругомъ молодыхъ офицеровъ ничего интереснаго не давало и въ будущемъ мало обѣщало. Такое чувство предубѣжденія было довольно тягостно, и Г. постепенно отстранялся отъ этого рода общества, сохраняя однако самыя лучшія свѣтскія отношенія съ его членами. Въ концѣ концовъ однако онъ все-таки нашелъ то, что искалъ, благодаря непредвидѣнному случаю, которымъ онъ весьма умѣло воспользовался. Въ сентябрѣ

мѣсяцѣ пріѣхала изъ Берлина на гастроли извѣстная танцовщица Тальони, имѣвшая громадный успѣхъ въ Вѣнѣ. Очень скоро стала она и центромъ великосвѣтской военной молодежи при своеобразной обстановкѣ. Живя съ родителями и сестрой, она пользовалась самой безупречной репутаціей, но, будучи весьма привлекательной, была постоянно окружена сонмомъ поклонниковъ, не терявшихъ надежды на ея особое благорасположеніе и ежевечерно собиравшихся въ ея салонѣ, который, по установившемуся тамъ тону самаго изысканнаго приличія, ничѣмъ не отличался отъ великосвѣтскаго. Вотъ здѣсь, говоритъ Г., при непринужденныхъ разговорахъ, которые молодые адъютанты и ординарцы главныхъ военныхъ начальниковъ вели между собою, забывая о моемъ присутствіи, разговоровъ больше на тему военной злобы дня и продолжавшихся часто за полночь, такъ какъ собравшееся у Тальони общество обыкновенно заканчивало свою бесѣду въ ресторанѣ Захера, я узнавалъ все, что мнѣ было нужно, ничего не спрашивая и не показывая вида, что я что-нибудь слышу. Такъ, благодаря такому совершенно своеобразному інформаціонному бюро, Г. узналъ вечеромъ одно секретное распоряженіе по арміи, когда еще черновикъ приказа не былъ составленъ. Объ этихъ вечерахъ у Тальони много говорили въ вѣнскомъ обществѣ, но разговоры эти были только полезны для Г., такъ какъ съ одной стороны о немъ составилось мнѣніе, что онъ гораздо болѣе занятъ ухаживаніемъ за танцовщицей, чѣмъ желаніемъ проникнуть въ тайны австрійской политики, а съ другой, такое препровожденіе времени его тѣснѣе связывало съ тѣмъ именно кругомъ лицъ, которыя ему наиболѣе были нужны.

Занявъ княжества, австрійская армія расположилась широкимъ полукругомъ, имѣя правый флангъ у Кракова, а лѣвый у Краіовы и хотя политическій горизонтъ по отношенію къ выступленію Австріи былъ болѣе ясенъ, тѣмъ не менѣе, говоритъ Г., въ теченіе октября замѣчалось въ арміи много разнообразнаго движенія. Не совсѣмъ понятныя для него сначала многочисленныя отправки тяжелыхъ крѣпостныхъ орудій скоро объяснились намѣреніемъ превратить Краковъ, Лембергъ и Пршемысль въ укрѣпленные пункты на случай наступленія русской арміи изъ Царства Польскаго. Стараясь подробнѣе ознакомиться съ этимъ новымъ предпріятіемъ австрійцевъ, Г. скоро узналъ, что означенныя крѣпостныя орудія были только-что и очень спѣшно изготовлены, при чемъ такой спо-

собѣ изготавленія всеялѣ не малыя опасенія относительно прочности самыхъ орудій. Снарядовъ для нихъ не было. Что же касается проектированныхъ укрѣпленій, то они были въ натурѣ только намѣчены и хотя ни одного вала еще не было насыпано, орудія уже разставлялись для того вѣроятно, чтобы русскіе шпіоны сообщили о новыхъ грозныхъ крѣпостяхъ. И армія была не въ лучшемъ положеніи. За недостаткомъ орудійныхъ ящиковъ, на орудіе было только по 20 снарядовъ въ передкѣ.

Пѣхота въ то же время была доведена до очень крупнаго военнаго состава, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ нѣкоторые полки были развернуты въ 6 батальоновъ, вмѣсто кадровыхъ трехъ. Но большая часть людей, призванныхъ подъ знамена, состояла изъ плохо обученныхъ рекрутъ, которые не могли бы выдержать серьезной кампаніи. Въ кавалеріи было много вновь созданныхъ полковъ, не имѣвшихъ надлежащей сплоченности и подготовки. Съ офицерскимъ корпусомъ дѣло обстояло весьма слабо. Ясно было, что при такихъ условіяхъ войны съ Россіей не начинаютъ.

Мнѣ было также ясно, говоритъ Г., что командующій арміей фельдцейхмейстеръ Гессъ не могъ не отдавать себѣ отчета въ такомъ, далеко неудовлетворительномъ состояніи своихъ войскъ и что имѣлось въ виду подѣйствовать угрозой, которая, разъ уже заставившая русскихъ очистить Дунайскія княжества, могла и дальше при удачѣ создать для Австріи рѣшающее положеніе. безъ выстрѣла съ ея стороны.

Дѣло было рискованное и въ 1859 и 1866 г.г. эта тактика не удалась.

По пріѣздѣ фельдцейхмейстера Гесса изъ Бухареста въ Вѣну въ концѣ октября, стали распространяться новыя слухи о мобилизаціи всей арміи, о зимней кампаніи и въ военномъ министерствѣ замѣчалась оживленная дѣятельность. Я сталъ еще пристальнѣе наблюдать, говоритъ Г., но со всѣхъ сторонъ встрѣчалъ еще большую замкнутость. Случайный разговоръ съ секретаремъ французскаго посольства, который очень возбужденно доказывалъ, что наступаетъ моментъ, когда Франція, Англія и Австрія потребуютъ отъ Пруссіи категорическаго отвѣта о ея намѣреніяхъ, такъ какъ предпочтительнѣе имѣть яснаго врага, чѣмъ неопредѣленнаго союзника,—заставилъ меня быть насторожѣ. Но въ тотъ же вечеръ въ обычномъ собраніи у Захера, когда тамъ собрались посѣтители Тальони, одинъ адъютантъ, пришедшій очень поздно изъ военнаго министерства, послѣ нѣ-

сколькихъ стакановъ вина сталъ говорить объ имѣющихся предположеніяхъ. По мѣрѣ того, какъ Г. его уговаривалъ не заниматься политическими вопросами и по мѣрѣ того, какъ онъ пилъ, передъ Г. вся картина того, что австрійцы имѣютъ въ виду, становилась ясной. Они рѣшили запугать и Пруссію, чтобы тѣмъ самымъ окончательно завлечь ее въ союзъ противъ Россіи, которая тогда уже должна была бы подчиниться всѣмъ предъявленнымъ ей требованіямъ. Для сего, по словамъ нескромнаго офицера, въ Богеміи и Моравіи, т.-е. на границѣ Пруссіи, должна была быть образована новая армія въ 120.000 человекъ. Но такъ какъ армія подъ начальствомъ Гесса уже составила 280.000, Радецкій же изъ своей итальянской арміи не давалъ больше ни одного полка, а другихъ войскъ не было, то Богемская армія должна была числиться на бумагѣ въ составѣ 80 батальоновъ, доведенныхъ, по распространяемымъ нарочно слухамъ, до 120.000 человекъ. Въ дѣйствительности же тамъ могли бы быть собраны лишь запасные и пятые батальоны, общая сила которыхъ не могла превышать 30—40 человекъ. Вынужденный не отставать отъ тѣхъ, которые безсознательно раскрывали передъ нимъ столь важныя тайны, Г., хотя и выпившій болѣе обыкновеннаго, въ ту же ночь написалъ подробное донесеніе обо всемъ узнанномъ и на слѣдующее утро сообщилъ его посланнику, который, вначалѣ опять не повѣривъ, вечеромъ сказалъ, что и по его свѣдѣніямъ все это такъ. Такъ какъ однако моментъ былъ весьма серьезный и опасаясь, что сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ въ Берлинѣ повѣрятъ, когда уже будетъ поздно, а тѣмъ временемъ Пруссія можетъ быть поставлена въ положеніе, при которомъ ей, вовлеченной въ войну съ Россіей, въ концѣ концовъ придется расплачиваться за всѣхъ, Г., съ согласія посланника, тотчасъ же выѣхалъ въ Берлинъ для личнаго доклада.

Немедленно по прибытіи принятый королемъ, Г. подробно изложилъ положеніе дѣла и считалъ своимъ долгомъ указать, что если бы прусская армія была немедленно мобилизована, то при отсутствіи у Австріи свободныхъ силъ, которыя могли бы быть ей противопоставлены, и при большихъ разстояніяхъ, которыя южная армія Гесса должна была бы пройти, чтобы повернуть свой фронтъ противъ Пруссіи, прусскія войска черезъ мѣсяцъ могли бы быть въ Вѣнѣ. Наконецъ, что австрійцевъ нужно поколотить, чтобы заставить себя уважать.

Вполнѣ соглашаясь съ этой точкой зрѣнія, король, которому мысль о войнѣ съ Австріей вообще была тяжела, выражалъ

сомнѣніе въ возможности такого нападенія на своего союзника, съ которымъ онъ связанъ конвенціей 20 апрѣля. Но, сказалъ король, я на дняхъ сдѣлаю шагъ, который заставитъ Австрію или окончательно вмѣстѣ со мной сохрѣпить полный нейтралитетъ, или же освободить меня отъ условій конвенціи, и просилъ Г. предупредить объ этомъ посланника гр. Арнима, который не долженъ будетъ удивляться такому новому обращенію къ Австріи. Ближайшія его послѣдствія тотчасъ же обнаружатъ и его дѣйствительный смыслъ.

Одновременно съ возвращеніемъ Г. въ Вѣну, посланникъ гр. Арнимъ получилъ изъ Берлина приказаніе предложить австрійскому правительству дополнительную статью къ конвенціи 20 апрѣля, согласно коей Пруссія, для большаго обезпеченія австро-прусскаго нейтралитета, принимаетъ на себя обязательство притти Австріи на помощь всѣми своими силами въ томъ случаѣ, если ея войска, находящіяся въ Дунайскихъ княжествахъ, подвергнутся нападенію.

Несмотря на всѣ возраженія гр. Арнима, не понимавшаго такого явно невыгоднаго для Пруссіи обязательства, эта статья, въ которой австрійское правительство благосклонно усматривало желаніе своего вассала еще болѣе ровностно ему служить, была подписана 26 ноября. А 2 декабря случилось то, что предусматривалъ король Фридрихъ-Вильгельмъ. Австрія заключила формальный союзъ съ Франціей и Англіей, т.-е. черезъ 6 дней послѣ подписанія своего договора съ Пруссіей о совмѣстномъ нейтралитетѣ; она, не предупредивъ своего союзника, вступила съ двумя другими государствами въ договоръ противоположнаго характера. Этимъ чаша переполнилась, гр. Арнимъ прекратилъ сношенія съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и всѣмъ членамъ посольства воспретилъ показываться гдѣ бы то ни было въ австрійскомъ обществѣ. Такое отношеніе поразило австрійскіе офиціальныя круги, рассчитывавшіе на возможность обращенія съ Пруссіей по своему усмотрѣнію. Министра иностранныхъ дѣлъ гр. Арнимъ, подъ предлогомъ болѣзни, не принявъ, а фельдмаршалу Гессу, посланному къ нему императоромъ съ частнымъ визитомъ, онъ высказалъ свое частное мнѣніе, что на такое отношеніе Австріи къ Пруссіи можетъ быть только одинъ отвѣтъ—немедленный отъѣздъ его, посланника и объявленіе войны.

Изъ Берлина пришло приказаніе ни въ какія объясненія пока не входить, а когда тамъ была получена австрійская нота, возбудившая общій смѣхъ, чтобы Пруссія, на основаніи кон-

венціи 20 апрѣля о нейтралитетѣ, выставила на границѣ Царства Польскаго 200.000 армію, долженствующую дѣйствовать, согласно съ арміей фельдмаршала Гесса, Пруссія отвѣтила, что она себя отъ всякихъ обязательствъ считаетъ свободною.

Въ то же время Г. замѣтилъ, что прежнее полицейское наблюденіе за нимъ было усилено, и тотъ же агентъ вновь слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, не упуская его изъ виду ни въ театрахъ, ни въ ресторанахъ. Предположеніе, что такой усиленный надзоръ вызванъ его поѣздкой въ Берлинъ, должно было позднѣе уступить мѣсто иному объясненію дѣйствій полиціи. Такъ какъ несомнѣнно купленный австрійскимъ правительствомъ канцелярскій чиновникъ прусской миссіи сообщилъ о донесеніи Г. относительно движенія австрійскихъ войскъ, то военное начальство старалось разузнать, отъ кого изъ офицеровъ Г. могъ получать свѣдѣнія, и съ этой цѣлью наблюдало также за военными, съ которыми Г. встрѣчался. Это обнаружилось при одномъ весьма комическомъ случаѣ. Какъ-то вечеромъ большая компанія поклонниковъ Тальони собралась въ ея квартирѣ и при участіи ея родителей и сестры занималась невинной игрой въ лото, при чемъ играли на конфеты. Послѣ двухъ, трехъ часовъ такой забавы, гости отправились ужинать въ ресторанъ Захера. На другой день всѣ изъ бывшихъ на этомъ вечерѣ офицеры были вызваны въ комендантское управленіе, гдѣ имъ сдѣланъ былъ выговоръ за то, что они наканунѣ, какъ донесла полиція, вечеромъ въ квартирѣ Тальони, предавались азартной игрѣ. Потребовалось не мало труда, чтобы выяснить это недоразумѣніе, но при этомъ всѣ участники такого эпизода наглядно убѣдились, что за ними повсюду слѣдятъ. Когда засимъ одинъ изъ нихъ сообщилъ объ этомъ Г., то тотъ, искренно расхохотавшись, удивился, что обратившійся къ нему ротмистръ Д. до того не замѣчалъ постоянно сопровождавшаго его спутника, и предложилъ ему въ этомъ убѣдиться. Цѣлый вечеръ былъ для сего посвященъ. Но куда бы оба офицеры ни заходили, какіе бы отдаленные кварталы Вѣны они ни посѣщали—таинственный спутникъ не отставалъ.

Кончилось тѣмъ, что взбѣшенный австріецъ схватилъ агента за горло и при содѣйствіи двухъ городскихъ отправилъ въ полицейскій участокъ. Ни Г., ни ротмистра Д. никогда никто для объясненія этого поступка не вызывалъ, а черезъ нѣсколько дней таинственный незнакомецъ продолжалъ опять неутомимо слѣдовать за Г. Этому это наконецъ надоѣло, и онъ обратился

къ весьма смущенному начальнику Вѣнской полиціи съ просьбой принять мѣры къ тому, чтобы если подобнаго рода надзоръ не можетъ быть отмѣненъ, то по крайней мѣрѣ сдѣлать такъ, чтобы онъ, Г., его не замѣчалъ.

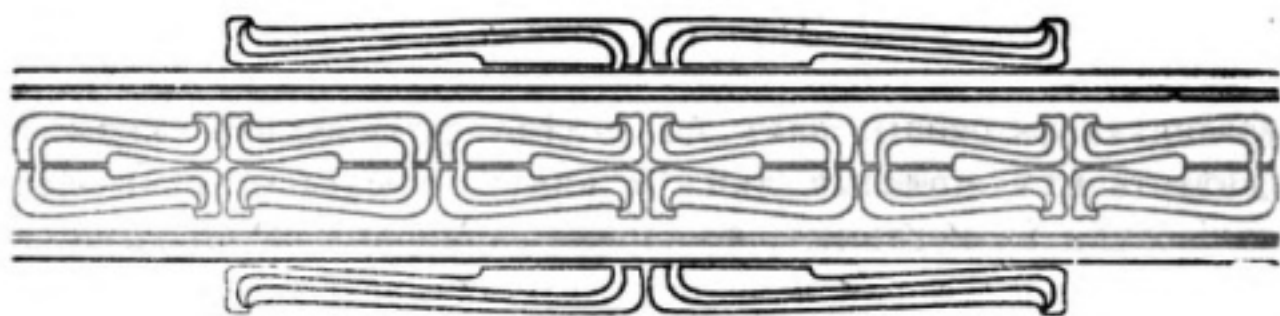
Послѣ категорическаго отказа Пруссіи отъ какихъ-либо совмѣстныхъ дѣйствій съ Австріей, эта послѣдняя остановилась на полъ-пути, съ котораго потомъ и не сходила. Воинственный ея пылъ, который въ ней разжигали Франція и Англія, умѣрялся въ значительной степени очень не утѣшительнымъ положеніемъ, въ которомъ находилась армія. Тифъ и холера ее опустошали въ теченіе всей зимы, чему способствовали чрезвычайно дурныя условія расквартированія войскъ въ Галиціи. Командиръ одного изъ кирасирскихъ полковъ рассказывалъ Г., что у него къ концу зимы выбывшихъ изъ строя по болѣзни и за смертью оказалось на 10 человекъ больше того списочнаго состава, съ которымъ онъ вышелъ въ походъ, и несмотря на такую полную замѣну первоначальнаго состава, полкъ долженъ былъ быть отправленъ въ мѣсто своего постоянного расположенія, при чемъ лошадей вели пѣхотные солдаты. Ко всему этому, говоритъ Г., присоединялся и громко выражавшійся среди генераловъ и офицеровъ протестъ противъ войны съ Россіей, которая являлась въ ихъ глазахъ актомъ возмутительной неблагодарности со стороны Австріи, только-что передъ тѣмъ спасенной Императоромъ Николаемъ. Одинъ изъ наиболее уважаемыхъ и авторитетныхъ ветерановъ австрійской арміи фельдцейхмейстеръ Шликъ нарочно прибылъ въ Вѣну, чтобы доложить императору объ этомъ настроеніи. Фельдмаршалъ Радецкій писалъ о томъ же изъ Вероны, а фельдмаршалъ князь Виндигрецъ, не стѣсняясь, энергично выражался въ томъ же смыслѣ въ вѣнскихъ военныхъ кругахъ и салонахъ.

Этимъ собственно ограничивается то, что въ запискахъ Пр. Г. имѣетъ непосредственное отношеніе къ Россіи изъ пережитаго имъ въ Вѣнѣ и вынесенныхъ имъ оттуда впечатлѣній. Но картина получается любопытная. Въ ней прежде всего представляютъ интересъ тѣ почти враждебныя отношенія Австріи къ Пруссіи, при которыхъ очевидно дѣйствительно опасный для насъ союзъ между ними былъ невозможенъ. Убѣжденіе Г., который вовсе не былъ, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ его записокъ, безусловнымъ руссофиломъ, что для того, чтобы Пруссіи добиться равноправія въ глазахъ Австріи, нужно ее сначала побить, — заставляетъ предчувствовать неизбежность

столкновенія въ 1866 г., и результатъ этого столкновенія для Австріи уже намѣчается въ 1854 г. всѣмъ тѣмъ, что Г. говоритъ объ австрійской арміи. Но тому, что онъ говорилъ, въ Берлинѣ плохо тогда вѣрили, а у насъ того, что онъ сообщалъ въ Берлинъ, очевидно не знали, своихъ же свѣдѣній не имѣли, и угрозы принимались за силу.

П. Н. Исаковъ.

ОДИНЪ ИЗЪ МНОГИХЪ.

(Разсказъ изъ воспоминаній портъ-артурца).

Въ тотъ моментъ, когда у насъ шелъ бой, далеко за этими шапками-горами и безконечнымъ моремъ съ несущимися надъ ними облаками, быть можетъ, на лицахъ моихъ знакомыхъ скользила нѣжная беззаботная улыбка, быть можетъ, они ловили грезы о счастѣ, мечты о любви и ихъ душу сковывалъ трепеть радости, а горе, горе словно ласточка, рѣя въ воздухѣ, черной точкой высоко проносилаь надъ ними, скрываясь въ выси.

Здѣсь на маленькомъ клочкѣ земного шара, на Ляодунскомъ полуостровѣ, стрѣлою вдающемся въ море, не то было на нашихъ лицахъ. Злоба, ненависть, безсердечность, озвѣреніе обуяли каждого изъ насъ, и все это было изображено грубыми мазками какимъ-то безсердечнымъ художникомъ на полотнѣ живыхъ лицъ. Но среди этихъ рѣзкихъ мазковъ ярко выдѣлялись свѣтлыя нѣжныя краски беззавѣтныхъ подвиговъ съ безстрашными жертвами.

Въ это утро блѣдно-лазуревое небо, съ нависшими дымчатыми облачками, казалось свинцовымъ, горы кратерами, долины кипучимъ котломъ расплавленного металла, люди же среди этой огненной лавы осколковъ и свинца — титанами, а ненасытная смерть—безстрашной гостьей каждого, въ каждую секунду. Среди этихъ горокъ и долинъ смерти, всѣ давно обрекли себя ея мгновенному взору, свыклись мысленно съ ней. И кто былъ здѣсь страшнѣе, жесточе: она или вонъ тѣ, что сбрасываютъ подъ откосъ штыками врага?

Солнце, въ этотъ день жнивы смерти, съ самаго утра сидилось

заглянуть въ окопы, какъ бы хотѣло дать радость живымъ, освѣтить ихъ мрачныя лица и кинуть послѣдній разъ свои яркіе лучи на мертвыхъ, но черные свинцовые клубы дыма заволокли окопы, горки и долины: скрыли мертвыхъ и живыхъ.

День только-что насталъ. Облака дыма то сгущались надъ нами, то легкой налетъ вѣтерка съ моря разгонялъ ихъ, давая возможность людямъ минуту другую вдохнуть свѣжій, неотравленный ѣдкимъ дымомъ, воздухъ, мимолетно взглянуть, что дѣлается кругомъ, видѣть кого не стало, кому давножданная гостья наложила свою печать безмолвія.

Въ это утро японцы ворвались въ наши окопы, мой другъ и пріятель, поручикъ Трофимовъ, вырвалъ меня изъ объятія костлявой гостьи; еще одинъ моментъ, и я почувствовалъ бы въ своемъ тѣлѣ холодныя тесаки японцевъ, но поручикъ Трофимовъ во-время подоспѣлъ, бросился въ штыки и спасъ мнѣ жизнь. Признаюсь, когда японцы повалились возлѣ насъ, мнѣ не хотѣлось бы быть на ихъ мѣстѣ: слишкомъ мучителенъ былъ ихъ конецъ, но чувства состраданія, жалости они въ этотъ моментъ во мнѣ не возбудили. Послѣ, когда солнце закатится, когда сумерки окутаютъ горы Волчьи, Дагушань и Сягушань, когда все стихнетъ и гулъ и стоны, и погаснетъ жизнь съ послѣднимъ вздохомъ умирающаго, когда картина дневного боя, не подающаяся кисти художника, будетъ закончена, тогда...тогда, я буду не тѣмъ, если можно такъ сказать про себя, титаномъ борьбы за пядь земли, я духомъ паду, ослабнуть нервы, моя жестокость рухнетъ словно стѣна, и я почувствую себя не убійцей людей, а другомъ ихъ, буду страдать, мучиться, смерть своего и врага болью отдадутся въ моемъ сердцѣ... а если завтра съ разсвѣтомъ снова штурмъ? Меня снова охватятъ чувства безсердечности, жестокости, и жажда крови явится моимъ желаннымъ наслажденіемъ, я буду упиваться мученіями врага... Такой страшный переворотъ души былъ всегда, когда начинался бой и угасалъ день.

Въ полдень мой участокъ окончательно заволокло дымомъ, казалось, что померкъ день и гибнетъ весь міръ. Нѣтъ, міръ тотъ же съ дивной красотой и чарующей прелестью.... Жизнь такъ же красива. Жить... жить... Изъ моихъ глазъ блеснулъ снопъ искръ, пошли круги, чувствую, земля проваливается, и я несусь куда-то въ бездну, въ безконечную пропасть и съ каждой минутой быстрѣе. Мнѣ такъ хорошо, пріятно, истома охватила все тѣло, безконечно ощущалъ бы эти блаженныя минуты...

Что было дальше, не помню, я очнулся на перевязочномъ пунктѣ. Черезъ три дня въ госпиталѣ узнаю, что мой другъ, Юрочка, такъ звали поручика Трофимова, когда японцы снова ворвались въ наши окопы,—бросился ко мнѣ на выручку и спасъ меня отъ разъяренныхъ японцевъ. Затѣмъ съ небольшою горсточкою такихъ же смѣльчаковъ, какъ онъ, Юрочка кинулся въ мой полуразрушенный блиндажъ, гдѣ засѣли японцы. Въ дверяхъ они встрѣтили нашихъ смѣльчаковъ, градомъ пуль и бомбочекъ. Поручика Трофимова тяжело ранили въ животъ осколками бомбочки, троихъ неизвѣстныхъ смертельно. Но за эти четыре жертвы они заплатились тридцатью. Наша ворвавшаяся, остервенившаяся горсточка стрѣлковъ переколола всѣхъ, не дала пощады имъ и въ темныхъ углахъ блиндажа, гдѣ многіе изъ нихъ притворились мертвыми. Правда, и наши изъ темнаго блиндажа вышли не всѣ цѣлехоньки, но за то они отомстили за своего ротнаго и трехъ своихъ товарищей. Переколовъ японцевъ, стрѣлки бросились вдоль моего окопа, выбили изъ траверсовъ остальныхъ японцевъ, и окопъ былъ до вечера снова въ нашихъ рукахъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ этого штурма, послѣ моего раненія и подвига моего друга, Юрочка Трофимовъ въ страшныхъ мученіяхъ борьбы за жизнь скончался. Его смерть тяжелой болью отдалась въ моемъ сердцѣ. Не вѣрилось, что его въ этомъ мірѣ не стало.

Помню, день былъ ярко-солнечный. Внутренній рейдъ серебрился, водяная гладь красиво переливалась, блестя на солнцѣ. Вдали на фонѣ облаковъ, гора Ляотешань съ причудливыми холмами, кривыми изгибами, глубокими долинами, покрытыми кустарникомъ, далеко уходила, закрывая собою море и облака. Среди этихъ красотъ природы, непрерывно гудѣли и вздрагивали наши броненосцы, посылая двѣнадцатидюймовые снаряды куда-то за горы, черезъ долину, возлѣ Перепелиной горы. Страшный трескъ колебалъ почву и сотрясалъ воздухъ, временами казалось, что разверзлись нѣдра земли и рушились стѣны. Когда эти гиганты посылали снаряды, то все живое вздрагивало и трепетало. Гудя, они неслись туда, далеко за горы, гдѣ разрывались, разнося эхо, которое замирало среди дивной красоты высотъ въ дикихъ скалахъ Ляотешаня, сливаясь со стонами умирающихъ въ окопахъ. При каждомъ такомъ выстрѣлѣ маленькая часовенка, куда мы вошли, казалось, не выдержитъ, отъ сотрясенія рухнетъ, а три офицерскихъ гроба развалятся. Жутко было здѣсь, въ этой маленькой часовенкѣ, гдѣ обезо-

браженные до неузнаваемости трупы офицеровъ въ желтыхъ гробахъ вздрагивали, а лежащіе на полу пять неизвѣстныхъ стѣрыхъ героевъ, зашитыхъ въ черный лоснящійся коленкоръ, вмѣсто гроба—казалось, шевелились...

Послѣ краткой литіи мы простились, кинули послѣдній взглядъ въ спокойное лицо своего друга и при общемъ гробовомъ молчаніи безъ слезъ, а это хуже, когда крышка скрyla его на всегда, мы вынесли Юрочку изъ часовни, поставили на дроги и тихо тронулись къ Перепелиной горѣ. Образъ его и свѣтлый подвигъ былъ моимъ спутникомъ. Его подвигъ ничто не можетъ до сего дня скрыть и сгладить изъ моей памяти. Я обязанъ ему за слишкомъ цѣнную его жертву красотой жизни.

Вотъ и Перепелиная гора, черезъ которую на внутренній рейдъ и въ докъ посылаютъ намъ японскіе мортиры отвѣтъ Чувства не обманываютъ, подсказываютъ остановиться, переждать, пока нѣсколько японскихъ снарядовъ не взбороздятъ, не взроютъ дорогу, возлѣ подошвы этой горы, гдѣ кладбище, чтобы скорѣе миновать обстрѣливаемое мѣсто, не попасть подъ снаряды, которые могутъ перевернуть гробъ съ прахомъ, и не потревожить въ послѣдній часъ передъ могилой покой моего товарища—дроги съ моимъ другомъ должны проѣхать второй поворотъ рысью. Дѣйствительно, когда мы остановились, впереди саженьяхъ въ пятидесяти отъ насъ нѣсколько снарядовъ упало на дорогу и разбросало свои пудовые осколки, которые съ визгомъ пронеслись надъ нами. Мы, съ трепетомъ въ душѣ и страхомъ, двѣ—три минуты переживаемъ. Сопровождавшій оркестръ повернулъ обратно: рисковать людьми, которые въ бою исполняли должности санитаровъ, а при погребеніи играли похоронные марши, звуки котораго подъ гулъ трехъ снарядовъ и муки умирающихъ еще больше растрavляли сердца сопровождавшихъ, было не къ чему. Тронулись. Вотъ онъ, второй поворотъ, проклятое мѣсто, самое опасное на всемъ пути. Здѣсь снаряды и мертвыхъ не щадили. въ этомъ мѣстѣ дороги, какъ нарочно въ выбоинахъ стали замедлять ходъ, лошаденка настораживаться. Моментъ... и она шарахнулась въ сторону: страшный трескъ огласилъ весь рейдъ... Но все обошлось благополучно.

— Скорѣе... Скорѣе... къ могилѣ, она здѣсь недалеко—копошилась мысль въ моей головѣ. Еще одинъ поворотъ, и опасное мѣсто мы миновали. Вотъ вправо передъ нами склонъ Перепелиной горы. Свѣжіе холмики съ бѣлыми крестами спускаются къ самой ея подошвѣ. Не успѣли мы отъѣхать нѣ-

сколько саженой, какъ сейчасъ же на дорогѣ сзади, за поворотомъ, разорвалось нѣсколько снарядовъ, но намъ теперь это не страшно: мы возлѣ могилы, куда спѣшимъ его спрятать. Какъ-то тихо пропѣли два солдатскихъ голоса „Со святыми упокой“. Мы опустились на колѣни. Эти дивныя слова, эта искренняя обжигающая сердце, молитва слилась съ гуломъ снарядовъ, съ разрывомъ за горой и далекимъ эхомъ въ морѣ. Еще тише прозвучали слова: „Вѣчная память, вѣчная пам“... И послѣднее слово отъ треска снаряда оборвалось.

Глухо застучала о крышку земля. Образовался новый холмикъ, поставили бѣлый крестъ съ надписью „Поручикъ Трофимовъ“ и только... Мы постояли, посмотрѣли на этотъ свѣжій холмикъ съ крестомъ и пошли... въ окопы. Хотѣлось вернуться еще разъ взглянуть, не вѣрилось, что сейчасъ опустили въ могилу друга, которому я и многіе обязаны жизнью, но почему знать, быть можетъ черезъ три дня и я буду здѣсь, возлѣ него.

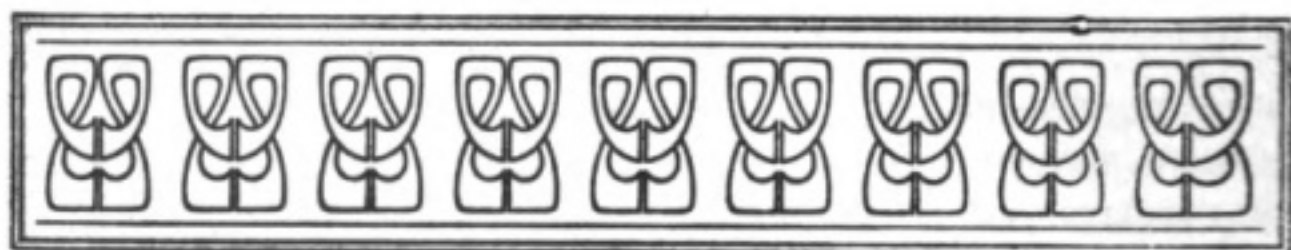
Когда мы спускались по узенькой крутой тропочкѣ, передъ нами развернулась дивная сказочная картина природы. Вдали горы, дальше море, надъ которыми нависли бѣлыя шапки облаковъ и не двигаются, какъ будто онѣ очарованы водяною гладью, верхушками горъ и замерли. Солнышко высоко надъ нами, теплые лучи его насъ пригрѣваютъ, но душу, грусть ея, въ этотъ моментъ ничто не можетъ согрѣть... А тамъ дальше, за этимъ моремъ, родина, туда, туда съ этого склона хотѣлось крикнуть своимъ знакомымъ: „Не забудьте, сейчасъ опустили въ могилу еще одного вамъ неизвѣстнаго. Не забудьте!“

Въ этотъ моментъ порыва на вершинѣ Перепелиной горы раздался трескъ: задрожали маленькіе, свѣженькіе холмики, покачнулись кресты, и быть можетъ тамъ въ гробу вздрогнули товарищи, но какое имъ дѣло до нарушенія ихъ покоя.

Они въ землѣ, они ничего не чувствуютъ. Ихъ имя вамъ чуждо, ихъ смерть, ихъ подвиги васъ не тронутъ, но близкимъ будетъ больно, когда о нихъ забудутъ. Такъ дайте же, хоть живымъ, оставшимся послѣ нихъ, покой, удѣлите имъ чувства состраданія, облегчите ихъ участь. Вы скажете: война жестока и страшна жертвами. Вамъ мой искренній изъ глубины изстрадавшагося сердца отвѣтъ:

— А вы еще жесточе и страшнѣе... безсердечіемъ.

Г. Артуровъ.

Изъ жизни инженера путей сообщенія ¹⁾.

Служба на Николаевской дорогѣ—1905 годъ.—Нѣсколько словъ въ защиту инженеровъ Путей Сообщенія.—Заключеніе.

Въ бытность на службѣ Сибирской дороги—я одновременно читалъ три года лекціи по геодезіи во вновь открытомъ въ то время технологическомъ Томскомъ институтѣ.

Въ февралѣ 1908 г. я былъ приглашенъ Н. К. Шауфусомъ, бывшимъ въ то время уже начальникомъ Николаевской дороги—на должность помощника начальника службы пути къ бывшему также моему начальнику—начальнику пути А. И. Лебединскому. Къ сожалѣнію, глубокоуважаемый Александръ Ильичъ—прекрасный, всесторонне образованный, талантливый инженеръ-теоретикъ и практикъ, не могъ долго выдержать довольно суроваго режима служебныхъ отношеній, къ которымъ привыкъ Н. К. Шауфусъ, и оба эти въ сущности сердечные и добрые человѣка не могли ужиться другъ съ другомъ, такъ что А. И. Лебединскій вскорѣ перешелъ на почетную должность члена инженернаго совѣта.

При новомъ начальникѣ пути Н. К. Шауфусъ счелъ за болѣе цѣлесообразнымъ взять меня къ себѣ въ управленіе и предложилъ мнѣ мѣсто инженера особыхъ порученій при начальникѣ дороги, съ назначеніемъ меня штатнымъ инженеромъ V класса и однимъ изъ своихъ замѣстителей. Зная, что названная должность представляетъ изъ себя почетный „тупикъ“, изъ котораго потомъ трудно выбратъся снова на прямой путь по своей спеціальности, и крайне мнѣ не по нутру, такъ какъ въ кругъ обязанностей инженера особыхъ порученій входитъ,

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

главнымъ образомъ, разслѣдованіе разныхъ пронесеній, кляузъ и доносовъ, къ чему я по природѣ всегда чувствовалъ особое отвращеніе—и помня—въ то же время, что Николай Константиновичъ терпѣть не можетъ противорѣчій, когда намѣтилъ себѣ какую-либо цѣль—я посоветовался съ женою. „До сихъ поръ, что бы ни дѣлалъ Николай Константиновичъ для насъ“, сказала эта послѣдняя,—„все было намъ къ добру, нужно надеяться, что такъ будетъ и на этотъ разъ“. — Тогда скрѣпя сердце—я далъ согласіе, но обусловилъ таковое тѣмъ, что назначеніе это не повліяетъ на мою дальнѣйшую карьеру и что, когда придетъ время, Н. К. возвратитъ меня на прежній мой инженерный путь. „Ну вотъ и хорошо“, сказалъ Н. К. „Вы будете теперь моимъ „окомъ“ и, конечно, я Васъ не забуду и въ дальнѣйшемъ“.

Не буду описывать своей службы въ этой новой должности, такъ какъ она представляла вообще, какъ я и предвидѣлъ раньше—весьма мало привлекательнаго и только послѣ назначенія начальникомъ Николаевской дороги глубокоуважаемаго Осипа Антоновича Турцевича—ко мнѣ перешли фактически всѣ обязанности второго помощника начальника дороги, что позволило мнѣ хоть отчасти снова вернуться къ инженерной дѣятельности.

Самъ Н. К. Шауфусъ, какъ извѣстно, назначенъ былъ въ 1906 г. сначала начальникомъ управленія желѣзныхъ дорогъ, а засимъ министромъ путей сообщенія. Такъ какъ моей женѣ строжайше было запрещено жить въ Петербургѣ изъ-за бронхіальной астмы и маляріи, которыми она страдаетъ—то я вынужденъ былъ жить на два дома, поселивъ семью въ Москвѣ. Нѣсколько разъ умолялъ я Н. К. Шауфуса перевести меня въ Москву на неоднократно открывавшіяся тамъ вакансіи начальниковъ службы пути, но каждый разъ получалъ отвѣтъ, что „на вакансіи предначертаны помимо него другіе кандидаты“, а когда я рѣшился напомнить ему его обѣщаніе: не держать меня въ тупикѣ инженера особыхъ порученій—то разъ былъ вызванъ къ телефону и услышалъ буквально нижеслѣдующее: „Я Шауфусъ. Вы упрекаете меня, что я забылъ Васъ—вотъ открылась вакансія начальника службы пути въ Асхабадѣ на Средне-Азіатской дорогѣ. Предлагаю ее Вамъ“. Я конечно отказался, говоря, что просилъ назначенія въ Москву, гдѣ устроилась моя семья, а не въ Азію, гдѣ мнѣ придется жить снова одному. Тѣмъ не менѣе намекъ я понялъ и не сталъ больше тревожить Николая Константиновича, хотя мое нравственное

и матеріальное положеніе вдали отъ своихъ и на два дома— было крайне тяжелое и только благодаря тому же глубокоуважаемому Осипу Антоновичу Турцевичу я въ 1908 году былъ назначенъ помощникомъ начальника дороги. Замѣчу, что и тутъ Н. К. Шауфусъ поступилъ безчеловѣчно по отношенію къ моей семьѣ: О. А. Турцевичъ сдѣлалъ представленіе о назначеніи меня на вышеуказанную должность съ 1-го января 1908 — Н. К. Шауфусъ утвердилъ меня только съ 1-го іюля того же года, вслѣдствіе чего я потерялъ свыше 2000 р. с. Меня всегда удивляло такое, можно назвать, „жестокосердечіе“ со стороны Н. К. ко мнѣ: зная его за добрейшей души человѣка, зная, что онъ цѣнитъ меня, цѣнитъ и жалѣетъ мою бѣдную жену и испыталъ въ теченіе 14 лѣтъ одно только доброе отношеніе съ его стороны даже въ мелочахъ — я долгое время совершенно недоумѣвалъ, что за причина такого поворота? Въ позднѣйшемъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что Н. К. находился подъ недоброжелательнымъ ко мнѣ вліяніемъ нѣкоторыхъ лицъ.

Но вотъ наступилъ знаменитый историческій 1905 годъ. Время это по своему особому вліянію на весь желѣзнодорожный строй настолько знаменательно, что не считаю возможнымъ обойти тѣхъ обстоятельствъ, которыя пришлось мнѣ пережить за время съ 18-го октября 1905 г. по январь 1906 г.

Въ сентябрѣ началось уже, какъ извѣстно, сильное броженіе и среди желѣзнодорожныхъ служащихъ. Не избѣгла до нѣкоторой степени такого движенія и Николаевская дорога. Сначала посыпались къ начальству цѣлыя сонмы петицій и депутацій. Начались митинги. Зашевелился Александровскій механическій заводъ, рабочіе котораго потребовали повышенія расцѣнокъ, по нѣкоторымъ работамъ чуть ли не на 200%. На заводѣ появились всякіе посторонніе ораторы вроде какого-то „Абрашки“ и даже ораторша,—по нѣкоторымъ даннымъ извѣстная Вѣра Засуличъ. Образовался комитетъ служащихъ Николаевской дороги во главѣ съ однимъ психопатомъ-техникомъ сл. пути и чертежникомъ той же службы. Вскорѣ наступило 18 октября, служащіе окончательно распустились. По счастью печальное явленіе это касалось почти исключительно только самого Петербурга и Петербургскаго пригороднаго района, тогда какъ вся прочая часть линіи, т.-е. 90%—не въ примѣръ прочимъ дорогамъ проявила необычайную стойкость и сопротивленіе забастовочному движенію.

Въ памятный день 18 октября, охваченный радужной надеждой на то, что страна наконецъ успокоится, жизнь войдетъ

въ мирную колею и всѣмъ будетъ наконецъ легче жить, я отправился пройтись по Невскому, посмотреть на ликующую толпу. Но вскорѣ настроеніе мое уже сильно понизилось: шалая толпа молодежи съ красными флагами, пѣньемъ „русской марсельезы“, группы не то рабочихъ, не то какихъ-то особыхъ „товарищей“. Ѣдущіе на извозчикахъ съ натыканными по угламъ пролетки красными флагами и красными же флагами на длинныхъ древкахъ въ рукахъ, яро жестикулирующіе и надрывающіеся до сипоты на паперти подъ думскою каланчею, ораторы, кричащіе, что манифестъ даетъ слишкомъ мало свободы и т. п.,—все это было крайне далеко отъ тѣхъ лучезарныхъ картинъ, которыя я ожидалъ встрѣтить. У меня былъ взятъ билетъ въ Михайловскій театръ на французскій спектакль и когда вечеромъ я пробирался изъ театра по Невскому проспекту домой, то вездѣ валялись обломанные древки и изорванные въ клочья національные флаги, коими днемъ были украшены дома. Полное отсутствіе полиціи. На тротуарахъ группы хулигановъ „товарищей“, ревушихъ марсельезу. Окна и двери большинства домовъ задѣланы досками или ставнями. Когда я подошелъ къ углу Надеждинской улицы, то увидѣлъ сплошную толпу человѣкъ въ 300—400, шедшую мнѣ навстрѣчу, оравшую во все горло марсельезу, съ красными флагами на палкахъ въ рукахъ. Увидя меня въ формѣ, ближайшіе ко мнѣ „товарищи“ заорали „долой шапку, не видишь развѣ, что свобода идетъ“. Не обращая вниманія на пьяные возгласы, я осторожно пробирался вдоль самыхъ стѣнъ домовъ, ища, не найду ли случайно какую-либо дверь или ворота открытыми, чтобы скрыться туда. „Долой, тебѣ говорятъ, шапку“, заревѣла толпа. Я продолжалъ идти впередъ. „Ну-ка, товарищи, коли не скидаетъ, такъ нахлобучьте-ка ему шапку на голову, да накладите какъ слѣдуетъ въ шею“, крикнулъ кто-то изъ окружавшихъ меня. Въ эту самую минуту судьба сжалилась надо мною, я увидѣлъ слѣва слабый свѣтъ въ щели отъ слегка пріотворенной парадной двери, задвинутой ставней, изъ-за которой выглядывалъ швейцаръ. Я шепнулъ ему „ради Бога впустите меня“ и юркнулъ за дверь, которую сердобольный швейцаръ тотчасъ же заперъ на замокъ. Пришлось выждать минутъ 15-ть, пока толпа не схлынула дальше. Послѣ сего приснопамятнаго дня наступилъ рядъ другихъ мытарствъ. Я сидѣлъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ въ Управленіи дороги, въ то время какъ въ сосѣдней комнатѣ шло засѣданіе Совѣта Управленія подъ предсѣдательствомъ замѣщавшаго въ то время началь-

ника дороги, И. В. Лесневскаго (Н. К. Шауфусъ былъ только-что назначенъ начальникомъ Управленія, а новый начальникъ Николаевской дороги О. А. Турцевичъ еще не вступилъ въ должность). Вдругъ я услыхалъ сильный шумъ въ корридорѣ и, пріотворивъ дверь, увидалъ толпу желѣзнодорожныхъ служащихъ въ перемежку съ какими-то „товарищами“ и женскимъ элементомъ. Вся эта орда, съ папиросами въ зубахъ, хлынула въ засѣданіе Совѣта и начала требовать отъ инженера Лесневскаго распоряженія о прекращеніи движенія по дорогѣ въ знакъ солидарности съ бастующими дорогами. Оказалось, что забастовщики уже „выставили“ вонъ изъ служебныхъ кабинетовъ начальниковъ тяги и движенія, а начальника матеріальной службы, непожелавшаго тронуться съ мѣста, толпа вынесла на креслѣ вонъ изъ помѣщенія матеріальной службы.

Затѣмъ орда направилась къ намъ уже выгонять высшее начальство. „Прикажите всѣмъ служащимъ Управленія уйти сейчасъ вонъ изъ канцеляріи“, кричали главари инженеру Лесневскому. „Если Вы гражданинъ, то ступайте сами въ переднюю и надѣвайте пальто и уходите домой“, продолжалъ вопить этотъ сбродъ.

Помню фигуру нашего неперемѣннаго члена отъ министерства путей сообщенія, глубокоуважаемаго Ѳ. А. Дитмара, блѣднаго какъ полотно, растеряннаго идущаго по корридору и повторявшаго совершенно безотчетно одну и ту же фразу: „Власть, власть, гдѣ же ты“? Въ это время кто-то крикнулъ „жандармы“, и вся орда бросилась бѣжать во главѣ съ дѣвицей съ обтрепаннымъ шлейфомъ, которая за секунду до сего сочла нужнымъ возсѣсть почему-то на канцелярскій столъ.

Въ управленіи осталось насъ только трое: И. В. Лесневскій, правитель канцеляріи и я. Съ инженеромъ Лесневскимъ сдѣлалась истерика, и онъ, ухватившись обѣими руками за голову, громко рыдалъ, говоря, что никогда не ожидалъ натерпѣться такого сраму. Тѣмъ временемъ наступили сумерки. На улицахъ темень кромѣшная, такъ какъ забастовали на электрической станціи. Пришлось пробираться въ потемкахъ домой при стукѣ сиѣшно заколачиваемыхъ обывателями и владельцами магазиновъ досками и ставнями оконъ и дверей. Черезъ нѣсколько дней новая депутація въ Совѣтскомъ залѣ во главѣ съ тѣмъ же психопатомъ-техникомъ службы путей, требовавшимъ пріостановки движенія и т. д.

Наконецъ наступили памятные декабрьскіе дни. 2 декабря появился „манифестъ“, подписанный Совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, Главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральнымъ комитетомъ и организаціонной россійской социаль-демократической рабочей партіей, центральнымъ комитетомъ партіи социалистовъ-революціонеровъ и центральнымъ комитетомъ польской социалистической партіи.

Этотъ самозванный манифестъ окончательно затуманилъ головы, и 5 и 6 декабря въ Москвѣ собрались делегаты отъ 29 желѣзныхъ дорогъ, рѣшившіе примкнуть къ всеобщей политической забастовкѣ, а 8 декабря разразилась московская революція. Работала на зло одна только Николаевская дорога, и революціонеры сосредоточили все вниманіе на томъ, чтобы взять приступомъ Николаевскій вокзалъ въ Москвѣ, осыпая градомъ пуль изъ-за забора Рязанскаго вокзала и изъ мастерскихъ Ярославской дороги самый вокзалъ и сосѣдніе съ такимъ жилые дома служащихъ Николаевской дороги, многіе изъ которыхъ хранятъ въ своихъ стѣнахъ слѣды пуль и до сего времени.

Трижды произведенный революціонерами натискъ на вокзалъ былъ блестяще отбитъ, и сами революціонеры путемъ сожженія забора, потребительной лавки и одного дома между Рязанскимъ вокзаломъ и угломъ Красносельской улицы, лишены главнѣйшихъ опоръ своихъ дѣйствій. Съ Николаевскаго же вокзала внутрь города никто не рѣшался проникнуть ни за какія деньги: шла постоянная ружейная и револьверная трескотня, и въ концѣ концовъ послышался грохотъ пушекъ.

Личное положеніе мое было ужасно: семья моя не переносившая, къ сожалѣнію, какъ сказано было выше, петербургскаго климата, проживала постоянно въ Москвѣ, а я одинъ въ Петербургѣ, и вотъ въ теченіе цѣлыхъ 10 дней, т. е. съ 8 по 18 декабря, я не зналъ, въ живыхъ ли все то, что мнѣ дорого, или нѣтъ. Справляясь ежедневно по два раза на дню по служебному телеграфу, что дѣлается въ Москвѣ и нѣтъ ли надежды, что могу пробраться безопасно къ своимъ, получаю все одинъ и тотъ же однообразный отвѣтъ: „Идетъ пушечная пальба и стрекотаніе ружей тамъ и тамъ-то. Выйти за стѣны вокзала безусловно опасно“. Измученный нравственно и физически, я 18 декабря все-таки рискнулъ пробраться отъ Николаевскаго вокзала къ своимъ на Дѣвичье поле. Переодѣвшись

въ штатское платье и нанявъ за большія деньги извозчика, тулупъ и полость саней котораго были наканунѣ изрѣзаны въ ключья революціонерами „освободителями“, я кое-какъ окольными путями добрался до своихъ, которыхъ нашелъ къ великой своей радости живыми, но страшно потрясенными. Тѣмъ временемъ стрекотаніе ружей, то пачками, то въ одиночку, гулкіе пушечные выстрѣлы продолжались непрерывно. Никогда я не забуду этой ночи съ 18 на 19 декабря, проведенной въ Москвѣ. Багровое небо отъ горѣвшихъ фабрикъ Шмидта, Мамонтова и Прохоровской Мануфактуры. Пушечная пальба въ разстояніи около версты отъ насъ въ Кудринѣ и на Прѣснѣ, отдѣльные револьверные и ружейные выстрѣлы на непосредственной близости и даже въ нашемъ переулкѣ—не позволяли сомкнуть ни на минуту глазъ. Рано утромъ на подговоренныхъ заблаговременно трехъ знакомыхъ намъ надежныхъ извозчикахъ я благополучно довезъ семью до Николаевского вокзала и когда поѣздъ миновалъ станцію Тверь и Кулицкую, на которую незадолго передъ тѣмъ было нападеніе революціонеровъ, я вздохнулъ свободнѣе, но отъ долгаго 2-хъ дневнаго нравственнаго непосильнаго напряженія, вдругъ почувствовалъ себя настолько дурно, что, доѣхавъ до станціи Спирово, не могъ уже ѣхать дальше, и въ теченіе трехъ часовъ съ лишнимъ пришлось мѣстному участковому врачу повозиться со мной. Не дай Богъ никому вытерпѣть такихъ нравственныхъ мукъ, какъ мнѣ за эти проклятые дни.

Жена моя рассказала мнѣ, между прочимъ, такой эпизодъ изъ пережитаго ею въ періодъ возстанія: квартира наша помещалась въ нижнемъ этажѣ двухъэтажнаго дома, выходившаго однимъ угломъ въ Долій, а другимъ въ Неопалимовскій переулокъ на Дѣвичьемъ полѣ, и парадная дверь была вся стеклянная: по перемѣнкѣ приходили—то революціонеры, то войска и требовали, чтобы вечеромъ входная дверь и окна были занавѣшены, а форточки отнюдь не открывались бы. Такимъ образомъ несчастная семья моя сидѣла по вечерамъ съ занавѣшенными окнами и безъ возможности провѣтривать комнаты—большою частью въ передней, составлявшей самую центральную комнату, недоступную дѣйствию могущихъ послѣдовать съ улицъ выстрѣловъ.—Послѣдніе не прекращались ни днемъ, ни въ особенности ночью. Мимо оконъ провозили сани, нагруженные плохо прикрытыми трупами убитыхъ.—Ночью же съ большой опаскою хоронили растерзаннаго толпою студента Лопатина, жившаго по сосѣдству съ нашимъ домомъ. Студентъ этотъ

былъ настигнуть толпою, если не ошибаюсь, на Каменномъ мосту, сброшенъ отсюда въ р. Москву, а затѣмъ вытащенъ и въ буквальномъ смыслѣ растерзанъ разъяренною толпою хулигановъ.—И вотъ въ одинъ изъ вечеровъ, когда моя семья сидѣла притаившись во внутреннихъ комнатахъ квартиры, раздался звонокъ. Прислуга докладываетъ, что пріѣхалъ какой-то инженеръ и желаетъ видѣть жену. Жена, думая, что, быть можетъ, это кто-либо изъ инженеровъ Николаевской дороги съ вѣстью отъ меня, приказала впустить. Входитъ молодой человѣкъ въ формѣ инженера путей сообщенія въ темныхъ очкахъ и рекомендуется инженеромъ такимъ-то, говоря, что прекрасно знаетъ меня и что, очутившись по какимъ-то особымъ соображеніямъ безъ денегъ въ Москвѣ и помня, что семья моя живетъ здѣсь—просить жену, не можетъ ли она поскорѣе одолжить нѣсколько денегъ, такъ какъ ему спѣшно нужно ѣхать на поѣздъ Брестской дороги.—Жена, догадавшись, что передъ ней мошенникъ, имѣла присутствіе духа позвать поскорѣе дѣтей и находившагося у насъ знакомаго гимназиста и сказала непрошенному гостю, что сама живетъ „отъ 20-го до 20-го числа“ тѣмъ, что мужъ посылаетъ изъ Петербурга, а въ настоящее тревожное время дать что-либо и подавно не можетъ.—Тогда проходимецъ этотъ, увидя, что жена далеко не одна, пробормоталъ нѣсколько словъ извиненія и удалился. Жена, немного оправившись, послала тотчасъ же записку къ жившему наискось отъ насъ женатому на сестрѣ инженеру путей сообщенія Н. А. Самгину съ предупрежденіемъ о томъ, что у насъ произошло. Къ сожалѣнію, оказалось, что она опоздала, такъ какъ авантюристъ въ путевой формѣ успѣлъ побывать и тамъ.—Впослѣдствіи оказалось, что у насъ былъ извѣстный разбойникъ К., нарядившійся въ форму путеца. На душѣ у К., какъ говорятъ, было не одно убійство, совершенное имъ подъ покровомъ „революціи“.—Если не ошибаюсь, К. въ скоромъ послѣ сего времени постигла вполнѣ заслуженная имъ кара.—Далѣе жена повѣдала мнѣ, что въ виду общей забастовки и угрозы возможности прекращенія дѣйствія водопровода приходилось разсовывать по всѣмъ угламъ квартиры запасы муки, хлѣба, керосина и проч., наполнить водою всевозможную посуду и даже ванну.—Кромѣ того нашъ домохозяинъ съ женою, бросивъ все, уѣхали къ себѣ въ имѣнье, и забота о дворѣ нашего дома и сосѣдняго, принадлежавшаго тому же домохозяину лежала исключительно на женѣ, такъ какъ нашъ дворникъ, старикъ Петръ, совершенно

растерялся, не зная, кого слушаться — революціонеровъ или солдатъ.

Въ дальнѣйшемъ служба моя на Николаевской дорогѣ не отличалась никакими особо выдающимися обстоятельствами, упомяну лишь о довольно интересной работѣ, которую мнѣ пришлось выполнить въ предѣлахъ города Петербурга: при постройкѣ временной соединительной вѣтви Николаевкой дороги съ Финляндскими по набережной р. Невы съ крутымъ поворотомъ у Литейнаго моста на этотъ мостъ—возникъ споръ: возможно ли пропустить безъ опасенія схода паровозъ по такому крутому закругленію, какъ кривая радіуса въ 24 сажени (большаго радіуса не возможно было примѣнить изъ-за близости съ одной стороны—р. Невы, а съ другой углового дома военнаго вѣдомства на углу Литейнаго проспекта)—и не лучше ли будетъ устроить въ этомъ мѣстѣ поворотный кругъ. Я и мѣстный начальникъ участка пути инженеръ Прокофьевъ доказывали полную возможность обойтись безъ круга, — большинство же стояло за кругъ и когда по моему настоянію инженеромъ Прокофьевымъ былъ пропущенъ по закругленію паровозъ и таковой сошелъ при этомъ съ рельсовъ—то наши противники отъ души смѣялись. Но я этимъ не смутился и далъ идею переустройства кривой съ такимъ приспособленіемъ, которое позволило съ тѣхъ поръ въ теченіе четырехъ лѣтъ паровозамъ благополучно проходить злополучную кривую безъ опасенія схода, а приготовленный поворотный кругъ такъ и простоялъ безъ всякаго употребленія. До сихъ поръ помню эту бѣлую іюньскую петербургскую ночь, когда около 3 часовъ утра на первомъ паровозѣ, прошедшемъ благополучно кругъ — мы переѣзжали на диво собравшейся, несмотря на раннее утро, толпѣ зѣвакъ, изъ коихъ большинство возвращалось изъ „Акваріума“ и „Виллы Роде“ — переѣхали впервые Литейный мостъ и, доѣхавъ до воротъ товарной Финляндской желѣзнодорожной станціи въ концѣ Нижегородской улицы, начали стучать въ ворота къ ужасу заспанныхъ и ничего не ожидавшихъ финскихъ сторожей.

Съ назначеніемъ О. А. Турцевича предсѣдателемъ инженернаго совѣта—я былъ назначенъ и. о. члена сего послѣдняго, при чемъ черезъ мои руки прошли проекты нѣкоторыхъ изъ новыхъ дорогъ послѣдняго времени, а именно: проекты линій: Западно-Уральской, Алтайской, Семирѣченской и Ферганской. Крайне интересныя чисто инженернаго характера занятія въ означенномъ совѣтѣ во многомъ способствовали скрашиванію

моей почти исключительно административной должности помощника начальника дороги.

Въ заключеніе настоящаго очерка не могу не удѣлить нѣсколько теплыхъ словъ личности человѣка, который за послѣдніе годы моей службы оказалъ и мнѣ лично широкую помощь — я говорю о нынѣ покойномъ Осипѣ Антоновичѣ Турцевичѣ.

О. А. Турцевичъ пользовался въ инженерной средѣ чрезвычайнымъ общимъ уваженіемъ, какъ человѣкъ большихъ техническихъ знаній и обширнаго практическаго опыта, приобретеннаго продолжительною, дѣятельною службою на видныхъ желѣзныхъ дорогахъ. До назначенія его на важный постъ предсѣдателя высшаго технического совѣщанія министерства, онъ былъ начальникомъ: сначала Петербурго-Варшавской, а потомъ Николаевской желѣзныхъ дорогъ, предварительно, въ теченіе многихъ лѣтъ, занимая послѣдовательно должности главного инженера службы ремонта пути и зданій и помощника начальника дороги на той же Николаевской дорогѣ. Съ 1907 г. онъ назначался неуклонно сначала членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи, образуемой въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія для выпуска молодыхъ инженеровъ. Онъ же въ послѣдніе годы состоялъ представителемъ отъ желѣзныхъ дорогъ русской сѣти въ постоянной комиссіи международныхъ желѣзнодорожныхъ конгрессовъ. Оба эти назначенія наглядно свидѣтельствуютъ о томъ уваженіи и довѣріи, которыми покойный пользовался съ своей средѣ. Въ 1910 г. О. А. былъ назначенъ, какъ было сказано мною выше, на высшій постъ предсѣдателя инженернаго совѣта. Къ сожалѣнію, тяжелая болѣзнь свела его въ могилу менѣе, чѣмъ черезъ полтора года послѣ сего назначенія.

О. А. Турцевичъ умеръ далеко не глубокимъ старикомъ, онъ родился 15 февраля 1851 года, и ему минуло едва 60 лѣтъ, возрастъ, когда въ Европѣ люди только начинаютъ свою общественную дѣятельность и выступаютъ на самостоятельную ответственную арену. Къ сожалѣнію, въ Россіи большинство инженеровъ къ 60-ти годамъ уже такъ изнурены тяжелымъ трудомъ и жизнью, что уходятъ преждевременно въ лучшій міръ.

Счастливымъ исключеніемъ не пришлось быть и Осипу Антоновичу. Окончивъ свое образованіе въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія въ 1872 г., онъ умираетъ въ 1911 г., такъ что на всю самостоятельную дѣятельность ему не было дано судьбою и полныхъ 40 лѣтъ. По справедливости, надле-

жить признать, что покойный въ теченіе всего, отпущеннаго ему срока работалъ талантливо, усердно, трудолюбиво и съ выдающейся пользою для того дѣла, которому посвятилъ свою недолгую жизнь. Дѣятельность покойнаго, чуждая самолюбію, прошла съ несомнѣннымъ блескомъ и оставила свой слѣдъ всюду, гдѣ имѣла случай проявиться. На Николаевской же дорогѣ, на которой протекла большая часть этой дѣятельности, гдѣ покойный служилъ болѣе 85 лѣтъ, имя О. А. Турцевича навѣрное долго не забудется, какъ имя истиннаго труженика, отдавашаго дѣлу всего себя, весь свой талантъ и всю свою душу. Какъ человекъ Осипъ Антоновичъ всегда отличался мягкимъ, привѣтливымъ характеромъ и тѣмъ неизмѣннымъ доброжелательствомъ, которое столь цѣнно въ хорошемъ добромъ товарищѣ, и особенно цѣнно въ начальникѣ. Нѣкоторые склонны были при жизни покойнаго обвинять его въ излишней, порою, снисходительности, но это совершенно несправедливо: О. А. Турцевичъ въ серьезныхъ случаяхъ никогда не былъ слабымъ, но въ то же время онъ не былъ суровымъ, суровымъ чиновникомъ, для котораго руководящимъ началомъ служить не жизнь а бумага, и который, внѣ этой бумаги, не способенъ видѣть ни человека, ни жизни. Такое отношеніе къ дѣлу и мыслямъ дѣйствительно чуждо честной, прямой натурѣ покойнаго, и это признавали и цѣнили въ немъ его сослуживцы, всѣ его подчиненные, зная, что судъ Турцевича всегда будетъ справедливъ, человѣченъ и доброжелателенъ.—Мнѣ лично неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ, что, исполняя съ одной стороны во всей строгости законъ, онъ въ то же время старался быть и человекомъ. Помню, напримѣръ, какъ пришелъ къ нему на пріемъ какой-то дѣйствительно несчастный интеллигентный бѣднякъ, находившійся въ безвыходномъ положеніи, и просилъ: не найдетъ ли возможнымъ начальникъ дороги дать ему безплатный проѣздъ отъ С.-Петербурга до Москвы. Осипъ Антоновичъ отказалъ какъ начальникъ дороги, но въ то же время выслалъ черезъ правителя канцеляріи бѣднягѣ 10 рублей своихъ собственныхъ денегъ на проѣздъ. Свою исключительную доброту и благожелательность къ учащейся молодежи О. А. доказалъ тѣмъ, что завѣщалъ свыше 15.000 рублей—изъ своихъ трудомъ добытыхъ скромныхъ личныхъ средствъ на стипендіи въ Институтѣ Инженеровъ Путей Сообщенія, С.-Петербургскомъ и Бологовскомъ желѣзнодорожныхъ училищахъ и обществу вспоможенія служащихъ Николаевской дороги.

Опять скажу: крайне, крайне жаль, что такой человекъ такъ рано сошелъ въ могилу; онъ могъ бы еще съ громадною пользою послужить любимому желѣзнодорожному дѣлу.

Нѣсколько словъ въ защиту инженеровъ путей сообщенія. Заключеніе.

Противъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ путей сообщенія раздаются чаще всего упреки публики и прессы, главнымъ образомъ, въ 2-хъ случаяхъ: 1) при обходѣ городовъ при постройкѣ новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и 2) при крушеніяхъ поѣздовъ. Постараюсь освѣтить оба обстоятельства возможно безпристрастнѣе.

При трасировкѣ той или другой желѣзнодорожной линіи инженерамъ-изыскателямъ приходится придерживаться техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ, выработанныхъ Инженернымъ совѣтомъ Министерства Путей Сообщенія и утвержденныхъ Министромъ Путей Сообщенія. Отклоненія отъ сказанныхъ техническихъ условій, вызываемыя особенностями строящейся дороги, могутъ быть допущены не иначе, какъ съ разрѣшенія Министра Путей Сообщенія.

По тѣмъ же техническимъ условіямъ каждая желѣзная дорога должна быть проектирована между указанными правительствомъ, при разрѣшеніи сооруженія дороги, пунктами по *кратчайшему*, по возможности, направленію, при чемъ, если при разрѣшеніи были, сверхъ того, указаны и какіе-либо промежуточные пункты, вблизи которыхъ должна пройти строящаяся желѣзная дорога, то требованіе это должно быть обязательно исполнено при проектированіи направленія означенной желѣзной дороги. Независимо сего направленіе желѣзной дороги должно быть проектировано такимъ образомъ, чтобы попутные города и главнѣйшіе попутные центры населенія и промышленности были по возможности захвачены желѣзною дорогою. Въ случаѣ отклоненія желѣзной дороги отъ направленія, бывшаго въ виду высшихъ государственныхъ установленій при разрѣшеніи постройки желѣзной дороги, равнымъ образомъ въ случаѣ оставленія попутныхъ городовъ и центровъ населенія и промышленности въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, должны быть выяснены причины подобнаго проектированія желѣзной дороги, съ представленіемъ въ обоихъ случаяхъ вариантовъ по направленію, а также захватывающихъ обойденные вышепоименован-

ные города и центры, или варианты отдѣльныхъ къ нимъ вѣтвей (§ 2 техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ). Относительно расположенія конечныхъ и промежуточныхъ станцій въ городахъ или при оныхъ, а равнымъ образомъ и относительно направленія линіи въ предѣлахъ городской черты, должны быть представлены планы городовъ, съ показаніемъ на нихъ направленія линіи и мѣста расположенія станцій, а также и отѣвы подлежащихъ городскихъ управленій (§ 3 техническихъ условій проектированія и сооруженія желѣзныхъ дорогъ).

Вотъ тѣ законоположенія, которыми долженъ руководствоваться каждый изыскатель-инженеръ въ отношеніи городовъ. Изъ вышеизложеннаго нетрудно, полагаю, усмотрѣть, что личный произволъ безъ или съ корыстною цѣлью: 1) сведенъ сказанными правилами для изыскателя до минимума и 2) если обходъ того или другого города тѣмъ не менѣе осуществляется на дѣлѣ—то онъ долженъ быть обусловленъ настолько вѣскими обстоятельствами, противъ которыхъ ничего не могло бы возразить цѣлое коллегіальное учрежденіе, его санкціонирующее. всѣхъ членовъ котораго едва-ли есть возможность подозревать въ подкупности. Не проще ли согласиться съ тѣмъ, что изыскатель въ предѣлахъ поставленныхъ ему техническихъ условій не могъ на самомъ дѣлѣ подойти къ „обойденному городу“. Если добраться до города можно лишь 0,05 подъемомъ, на который поѣзда дорогъ при всемъ желаніи не могутъ взобраться, или городъ стоитъ на берегу рѣки, которую линія сѣчетъ въ случаѣ непосредственнаго подхода къ городу подъ весьма острымъ угломъ, по нормальнымъ же техническимъ условіямъ, въ интересахъ безопаснаго существованія мостовъ, требуется устраивать таковыя перпендикулярно къ пересѣкаемымъ рѣкамъ,—то волею неволею ему приходится отойти дальше отъ злополучнаго города, хотя бы подъ подозрѣніемъ, что „не дали ему взятки“. Далѣе, если городъ стоитъ на высокомъ берегу рѣки, а по другую сторону на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ простирается бездонное болото, проведеніе насыпи по которому обошлось бы въ баснословную цѣну,—то конечно приходится „обойти“ и такой городъ.

Приведенныхъ примѣровъ, полагаю, достаточно, чтобы понять всю несостоятельность обвиненія каждаго инженера-изыскателя въ умышленномъ злонамѣренномъ обходѣ того или иного города.

Обращаясь къ разсмотрѣнію второго вопроса: по обвиненію

инженеровъ чуть ли не въ каждомъ крушеніи, при чемъ большею частью ехидно подчеркивается, какъ публикою, такъ и прессою стереотипное замѣчаніе „опять виноваты конечно стрѣлочники“—позволю себѣ прежде всего отмѣтить то обстоятельство, что, какъ это и ни странно на первый взглядъ—но приходится установить, что въ весьма многихъ случаяхъ причиною крушеній и сходовъ поѣздовъ на станціяхъ непосредственнымъ виновникомъ таковыхъ является именно вышеуказанный злополучный агентъ. Въ подтвержденіе высказаннаго привожу нижеслѣдующія данныя: на Николаевской дорогѣ, на примѣръ, въ 1905 г. имѣли мѣсто 75 случаевъ сходовъ подвижного состава, изъ коихъ 54 случая=70%, произошли исключительно по винѣ стрѣлочниковъ. Иное дѣло, какія обстоятельства побуждаютъ стрѣлочниковъ относиться столь небрежно къ ихъ обязанностямъ: необходимо конечно считаться съ низкимъ уровнемъ ихъ воспитательнаго ценза, скудностью получаемого жалованья. Но при чемъ же тутъ желѣзнодорожные инженеры? Всякому сколько-нибудь знакомому съ тою нравственною и физическою пыткой, которую приходится выдерживать каждому изъ высшихъ агентовъ дороги при проведеніи того или иного мѣропріятія въ порядкѣ смѣтнаго ассигнованія, когда каждая строка бюджета, каждая попытка улучшить ту или другую отрасль желѣзнодорожнаго хозяйства, въ томъ числѣ и улучшение быта низшихъ служащихъ, претерпѣваетъ систематическія урѣзки въ засѣданіяхъ сначала Совѣта дороги, со стороны т. н. „иностранцевъ“, то есть представителей Министерства Финансовъ и Контроля, а засимъ укороченная такимъ путемъ смѣта еще разъ разсматривается въ смѣтныхъ засѣданіяхъ Управленія ж. дорогъ, гдѣ урѣзывается окончательно ¹⁾. Спрашиваю—при чемъ же тутъ желѣзнодорожные инженеры?

Есть пожалуй одна сторона желѣзнодорожнаго хозяйства, которую можно было бы поставить въ упрекъ занимающимъ высшія должности: начальниковъ дорогъ, ихъ помощниковъ и начальниковъ службъ—это рѣдкое посѣщеніе линіи, т. е., другими словами, недостаточный личный надзоръ за правильными дѣйствіями подчиненной имъ арміи мѣстныхъ служащихъ и прочей части обширнаго желѣзнодорожнаго механизма—на самомъ мѣстѣ работъ, то-есть на самой линіи, такъ какъ, для исполнѣ нормальнаго и успѣшнаго дѣйствія всей сложной машины желѣзнодорожнаго хозяйства, слѣдовало бы, чтобы на-

¹⁾ Въ настоящее же время—еще и въ Государственной Думѣ.

чальникъ каждой дороги объѣзжалъ бы ввѣренную ему линію на полномъ протяженіи таковой не рѣже одного раза въ мѣсяцъ, а начальники службъ не рѣже, чѣмъ каждая двѣ недѣли. Но кто же въ этомъ виноватъ? Конечно, не сами они. Неудачная группировка желѣзнодорожныхъ линій, часто совсѣмъ неоднородныхъ ни по географическому, ни по коммерческому своему положенію—подъ однимъ Управленіемъ въ огромныя сѣти длиною до 4.000 верстъ, тогда какъ за нормальную длину дороги, которой можетъ по физическимъ и нравственнымъ силамъ успѣшно управлять одинъ человекъ—не можетъ превосходить 1.200—1.500 верстъ—есть одна изъ такихъ основныхъ причинъ.

Если такая задача была не подъ силу людямъ, умудреннымъ долготѣннымъ всестороннимъ опытомъ—то для омоложденного состава управленій такой трудъ и подавно выше силъ, такъ какъ во всѣхъ такихъ случаяхъ, когда на помощь энергіи и знанію долженъ придти необходимый опытъ—таковой, за немногими исключеніями, отсутствуетъ, и отъ избытка молодой энергіи нерѣдко дѣлаются весьма *серьезныя* и трудно поправимыя ошибки въ ущербъ какъ безопасности движенія, такъ и казеннымъ интересамъ.

Другая не менѣе, если не болѣе важная причина—это существованіе членовъ Совѣта отъ Контроля и Министерства Финансовъ въ мѣстныхъ управленіяхъ ж. дорогъ. Это тотъ тормозъ, который на каждомъ шагу задерживаетъ дѣятельность cadaго начальника дороги, т. е. лица, занимающія одну изъ самыхъ важныхъ должностей по отношенію къ каждому гражданину Россійской Имперіи: не слѣдуетъ забывать, что отъ бдительности начальниковъ дорогъ, отъ ихъ распорядительности зависитъ жизнь cadaго изъ насъ и членовъ нашихъ семействъ, и не во время войны, а въ каждую данную минуту нахожденія нашего на желѣзнодорожной сѣти. Ему приходится отвѣчать за все, а руки у него связаны постороннею петлей,—члены которой, тормозя зачастую фактически его начинанія, сами не несутъ рѣшительно никакой отвѣтственности. Это порядокъ несомнѣнно ненормальный и неимѣющій рѣшительно никакого оправданія.

Это будетъ ясно изъ тѣхъ соображеній, что со времени учрежденія этихъ совѣтовъ начальники дорогъ и службъ вмѣсто того, чтобы заниматься дѣломъ, должны засѣдать по нѣсколько разъ въ недѣлю и все „совѣтоваться“. Число засѣданій по разсмотрѣнію однихъ только смѣтъ на нѣкоторыхъ

дорогахъ доходило до 60—70, при чемъ дѣломъ нерѣдко распоряжались фактически представители постороннихъ вѣдомствъ.

Ненормальное положеніе, занятое представителями Контроля и Министерства Финансовъ въ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ управленій желѣзныхъ дорогъ было въ свое время охарактеризовано на сѣздѣ начальниковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, бывшемъ въ 1909 году въ С.-Петербургѣ¹⁾, который, между прочимъ, постановилъ: „признать участіе въ Сопѣтахъ (Управленій) представителей Министерства Финансовъ и Государственной Контроля нежелательнымъ. Если бы тѣмъ не менѣе присутствіе представителей сихъ вѣдомствъ въ Сопѣтахъ было признано необходимымъ, то означенные представители должны участвовать въ рѣшеніяхъ Сопѣта съ правомъ голоса, съ тѣмъ, чтобы заявляемая ими особая мнѣнія не могли приостанавливать рѣшенія большинства Отсутствіе въ засѣданіяхъ Сопѣта представителей Министерства Финансовъ и Государственной Контроля не приостанавливаетъ рѣшеній Сопѣта“.

Такое постановленіе является совершенно понятнымъ, если принять во вниманіе, что въ живомъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, гдѣ отъ своевременнаго и быстраго рѣшенія того или иного вопроса зависитъ безопасность движенія или хозяйственность той или иной заготовки—нельзя растягивать дѣла до ближняго засѣданія Совѣта (Совѣтъ собирается обычно разъ въ недѣлю), а иногда и до слѣдующаго черезъ недѣлю засѣданія, подчасъ подтѣмъ предлогомъ, что представитель вѣдомства „не успѣлъ“ ознакомиться къ очередному засѣданію Совѣта съ дѣломъ.—Если принять во вниманіе, что начальникъ матеріальной службы не имѣетъ права, напримѣръ, безъ верховной санкціи представителей Контроля и Финансовъ купить наличною покупкою матеріаловъ или предметовъ на сумму свыше 30 рублей—то можно себѣ представить, какой хаосъ въ многомилліонное хозяйство дороги вводитъ каждый разъ подобнаго рода отсрочка. Мало того, съ одной стороны Министерство требуетъ съ начальника дороги усиленія мѣропріятій по безопасности движенія—а съ другой сей послѣдній безъ санкціи тѣхъ же представителей Министерства Финансовъ и Контроля — не имѣетъ права нанять лишняго стрѣлочника, лишняго сигналиста, безъ боязни начета, и въ этомъ отношеніи названные представители нерѣдко выступаютъ съ особымъ мнѣніемъ, парализующимъ благое начина-

¹⁾ См. журналы засѣданій Сѣзда Начальниковъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ 27-го и 28-го января 1909 г. стр. 22.

ніе администраціи дороги. Это между прочимъ одна изъ главныхъ причинъ, почему ховяйство частныхъ дорогъ большею частью доходнѣе казеннаго ховяйства, и подобное положеніе вещей едва-ли терпимо въ дальнѣйшемъ. Это относится въ особенности къ желѣзнодорожному контролю, затѣвající иногда такого рода дѣла, которыя не только не обоснованы, но ведутъ даже къ матеріальнымъ убыткамъ казны и подрыву авторитета вѣдомствъ. Чтобы не показаться голословнымъ, приведу, недавно бывшій, примѣръ на одной изъ дорогъ привлеченія завѣдывавшаго таможеннымъ агентствомъ по настоянію Контроля къ суду „за растрату“, при чемъ въ соответствующемъ засѣданіи судебной палаты выяснилось, что почти за ~~шесть~~ лѣтъ, прошедшихъ со времени привлеченія вышеуказаннаго агента къ судебной отвѣтственности, и ~~до дня~~ суда, Контроль не могъ провѣрить соответствующихъ документовъ и тѣмъ доказать *фактъ* растраты, благодаря чему обвиняемый былъ оправданъ, а судебныя издержки по процессу возложены на казну ¹⁾, а самъ оправданный предъявилъ къ управленію дороги претензію въ 17.000 р.

Я далекъ отъ мысли утверждать, что Государственный фактический Контроль *излишенъ*. Наоборотъ онъ *долженъ* обязательно существовать, но совершенно не въ той формѣ, въ которой онъ царитъ въ настоящее время. Полезная для дѣла обязанность каждаго фактическаго контролера должна заключаться въ томъ, чтобы онъ убѣждался, что та или другая работа или поставка дѣйствительно *произведена*, при томъ въ томъ именно *количествѣ*, которое показано по счету, за нее *заплачено столько*, сколько *слѣдуетъ* по утвержденной расцѣночной вѣдомости, и уплата произведена именно тому лицу, которое показано по счету; что количество мастеровыхъ и рабочихъ, *показанныхъ* по табелямъ, дѣйствительно совпадаетъ съ тѣмъ, которое имѣется въ натурѣ; что сборы дороги поступаютъ въ казну въ томъ именно количествѣ, въ которомъ они въ дѣйствительности поступили отъ разныхъ лицъ и учреждений и т. п... Но присваивать себѣ функціи техническія распорядительнаго характера, т. е. посягать на права начальника дороги и его ближайшихъ сотрудниковъ начальниковъ службъ — такого вмѣшательства Контроля безъ прямого ущерба для дѣла *не должно быть* болѣе допущено. До какихъ Геркулесовыхъ столбовъ иногда дости-

¹⁾ Рѣшеніе Особаго Присутствія СПбургской Судебной Палаты отъ 30 ноября 1913 г.

гаютъ притязанія Контроля, позволю себѣ указать на бывшіе случаи требованія таковыми сокращеній участковъ службы пути, врачебной службы и т. п. въ ущербъ столь краеугольнымъ требованіямъ, какъ *безопасность* движенія и *санитарное* состояніе дорогъ!

Что касается до представителей отъ Министерства Финансовъ—то зачастую таковые забываютъ, что каждая желѣзнодорожная линія, за исключеніемъ дорогъ узко *стратегическаго* значенія—является *прежде* всего предпріятіемъ *коммерческимъ* и что въ коммерческомъ дѣлѣ зачастую приходится временно производить большія затраты, идти иногда на нѣкоторый рискъ—но за то расходы и рискъ этотъ—въ свое время принесутъ свою пользу, которая съ избыткомъ покроетъ всѣ казавшіяся, на первый взглядъ, непроизводительными издержки. До сихъ поръ представители Министерства Финансовъ въ Совѣтахъ дорогъ за весьма немногими исключеніями ограничивали свою дѣятельность неустаннымъ требованіемъ *сокращенія* расходовъ дорогъ и, какъ сказано выше, зачастую—къ прямому ущербу сихъ послѣднихъ. Между тѣмъ по своему положенію, т. е. близкому соприсосновенію съ нѣкоторыми изъ отраслей вѣдѣнія Министерства Финансовъ—представители эти могли бы, наоборотъ, приносить даже существенную пользу дорогамъ, если бы памятовали, что „каждый новый пассажиръ, каждый лишній пудъ груза самымъ фактомъ своего появленія удешевляетъ перевозку“¹⁾. Они должны были бы помнить, что каждое коммерческое предпріятіе, не исключая и транспортныхъ, въ цѣляхъ развитія своего дѣла должно направлять наибольшія усилія, главнымъ образомъ, къ отысканію *рынковъ сбыта* или нуждающихся въ ихъ услугахъ кліентовъ въ томъ именно опредѣленномъ географическомъ районѣ, который тяготеетъ къ той или другой желѣзной дорогѣ.

Въ первую очередь это, конечно, дѣло коммерческой службы каждой желѣзнодорожной линіи, но, какъ я уже упоминалъ выше, кому ли не какъ представителямъ Министерства Финансовъ можно наилегчайшимъ путемъ добыть такого рода свѣдѣнія, какъ, напримѣръ, нижеслѣдующія:

1) Какіе находятся въ районѣ дороги: фабрики, заводы, копи, ихъ рынки сбыта и способы подвоза къ ближайшимъ станціямъ дороги.

¹⁾ Профессоръ А. П. Чупровъ „Желѣзнодорожное хозяйство“.

2) Какіе наиболее выдающіеся кустарные промыслы, размѣры производствъ, рынки сбыта и способы перевозки.

3) Данныя о наиболее крупныхъ имѣніяхъ и сельско-хозяйственныхъ организаціяхъ.

4) Свѣдѣнія о числѣ деревень въ районѣ, числѣ ихъ жителей, количествѣ надѣльной земли и собственной, количествѣ посѣвовъ по родамъ злаковъ и урожаѣ таковыхъ.

5) Данныя о свободныхъ земляхъ, цѣнахъ на нихъ, арендныхъ цѣнахъ и условіяхъ найма.

6) Свѣдѣнія о рабочихъ рукахъ и цѣнахъ на нихъ.

7) Данныя о лѣсномъ хозяйствѣ, топливѣ и рынкахъ сбыта.

8) Свѣдѣнія о водныхъ и грунтовыхъ путяхъ даннаго района, состояніи сихъ путей и способахъ передвиженія и т. д.

Вотъ та область, въ которыхъ содѣйствіемъ къ полученію тѣхъ или иныхъ изъ перечисленныхъ свѣдѣній могла бы быть оказана существенная поддержка хозяйству дороги!

Отмѣчу, что независимо отъ всего сказаннаго выше и *весь* укладъ службы въ центральныхъ учрежденіяхъ мѣстныхъ управленій желѣзныхъ дорогъ сложился, повидимому, недостаточно цѣлесоотвѣтственно въ отношеніи использованія труда высшихъ агентовъ: таковые заважены совершенно непроизводительнымъ чисто механическо-канцелярскимъ трудомъ въ ущербъ возможности болѣе частаго требованія на линіи и руководства среднимъ и низшимъ персоналомъ таковой. Для примѣра позволю себѣ привести фотографическую картинку того, что приходится дѣлать мнѣ, какъ помощнику начальника дороги—и беру мѣсячную работу ¹⁾.

Такимъ образомъ трудъ, гдѣ помощникъ начальника дороги можетъ использовать свой опытъ и знаніе, составляетъ только около 30% всей подавляющей массы канцелярскаго чисто механическаго труда и, если необходимо и понятно, чтобы ассигновки и предписанія шли за подписью начальника дороги или одного изъ его замѣстителей—то совершенно, на мой по крайней мѣрѣ взглядъ, непроизводительно, чтобы требовалась подпись сихъ лицъ для прочихъ перечисленныхъ документовъ.

Въ самомъ дѣлѣ: неужели нельзя использовать болѣе цѣлесоотвѣтственнымъ образомъ инженерныхъ познаній и опыта?— Неужели „книгу объ отдыхѣ паровозныхъ бригадъ“ или „книгу осмотра вагонныхъ паровыхъ котловъ“, или „выписку изъ накладной“ не можетъ скрѣпить въ первомъ и во второмъ слу-

¹⁾ Съ 2 декабря 1913 г. по 7-ое января 1914 г. (см. стр. 601).

Таблица этого труда приведена на 601 страницѣ.

Отчетное время.	А. Механический трудъ.										Б. Интеллигентный трудъ.													
	Подписано:										Положено резолюцій по вх. бум.	Утверждено распоряженіи и постановленіи.	Утверждено резолюцій по прошествіи.	Составлено докладовъ.	Иредъявлено въ совѣтъ управленія.	Позвѣлки на линію.								
Съ 2-го декабря 1913 г. по 7-е января 1914 г. . .	Прочтено копій съ дѣшевъ-адресованныхъ Началь-нику Дороги.										Видетовъ.	Асигновокъ.	Отношеній и предписаній.	Довѣренностей.	Книгъ отъѣха на-ровозн. бригадъ.	Пенсионныхъ книжекъ.	Копій съ наказы-ныхъ Сл. Сбо-ровъ.	Удостовереній на пра-во нѣхъ на паро-возъ.	913	20	172	3	4	-
	1029										1032	666	842	5	11	71	120	102						
И т о г о: Механическаго труда 3877 единицъ Интеллигентнаго труда 1112 "																								
Отношеніе $\frac{Б}{А} = 0,29$																								

чаяхъ: мѣстный начальникъ участка тяги или депо, а въ послѣднемъ—удостоверить начальникъ службы сборовъ?—Вѣдь во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и во множествѣ другихъ подпись начальника дороги или его замѣстителя—является лишь пустымъ лишнимъ росчеркомъ пера, такъ какъ ни въ первомъ, ни во второмъ случаѣ, ни въ третьемъ начальникъ дороги *физически* не въ состояніи убѣдиться въ правильности удостоверяемыхъ имъ данныхъ.—Зачѣмъ же вся эта комедія, отнимающая непроизводительно сравнительно дорого оплачиваемое время занятій высшаго агента дороги въ прямой ущербъ его техническо-административной дѣятельности?!

Остановлюсь еще на одномъ существенномъ обстоятельствѣ, касающемся собственно уголовной отвѣтственности желѣзнодорожныхъ инженеровъ. Вопросъ этотъ въ свое время былъ весьма обстоятельно рассмотрѣнъ знаткомъ желѣзнодорожнаго дѣла инженеромъ Н. Л. Марковымъ въ его брошюркѣ „Положеніе желѣзнодорожнаго инженера передъ обществомъ и судомъ“¹⁾, написанною имъ по поводу суда надъ инженерами Московско-Курской дороги за знаменитую Кукуевскую катастрофу. Прошло 30 лѣтъ со времени изданія названной брошюрки, а все, что въ ней сказано, къ сожалѣнію, можетъ быть отнесено и къ настоящему времени: „Суды, говоритъ г. Марковъ, не должны упускать того, что высшіе агенты дороги по отношенію къ низшимъ, кромѣ нѣкоторой *денежной зависимости* послѣднихъ, выражающейся правомъ наложенія штрафа²⁾ или удаленія отъ службы, *никакихъ другихъ закономъ дарованныхъ правъ на дисциплинарное взысканіе, какъ, напримѣръ, права ареста, не имѣютъ*; такъ равно и того, что за *нарушеніе инструкцій или приказовъ старшихъ* младшіе агенты законной отвѣтственности по суду не подвергаются, пока нарушение это не вызоветъ катастрофы.

Такимъ образомъ, съ одной стороны является *безправіе старшихъ*, а съ другой *уголовная изъ отвѣтственности* за неисполнительность младшихъ и тѣмъ создается для нихъ внѣ-законное положеніе какихъ-то заложниковъ передъ судомъ, съ примѣненіемъ *законовъ исключительныхъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ при всѣхъ обстоятельствахъ справедливо примѣнять къ начальникамъ дистанцій или управляющему дорогою, вѣдающимъ—первый до 70 верстъ дороги, а по-

¹⁾ Москва 1884 г.

²⁾ Въ настоящее время отмѣнены и штрафы.

слѣдній — всею — суровую уголовную кару за обнаруженную судебнымъ слѣдствіемъ неисполнительность сторожа, хотя бы и послужившую причиною катастрофы.

Мы понимаемъ, что если сторожъ не исполнилъ своей обязанности, потому что *не былъ снабженъ всѣми предметами*, составляющими потребность его службы, или *что онъ былъ обремененъ другими занятіями настолько, что не могъ выполнить ближайшаго своего назначенія*, то ответственность за это всецѣло должна пасть на всѣ тѣ лица, на коихъ лежитъ обязанность заботиться о предоставленіи всего нужнаго. Но разъ снабженный всѣми средствами сторожъ не выполнить своихъ обязанностей или по забывчивости своему или въ силу опьяненія, или въ надеждѣ, что услуги его не потребуются на время сна, или произвольной отлучки его, то полагаю, что и рѣчи объ отвѣтственности не только управляющаго, но и начальника дистанціи, быть не должно, такъ какъ ни начальникъ дистанціи, ни управляющій физически не въ состояніи постоянно находиться *сзади* или *около* порученныхъ имъ агентовъ, число коихъ для перваго превосходитъ 400, а для втораго 6.000 человекъ (прибавлю отъ себя, а теперь свыше 30.000). Слѣдовательно, въ подобномъ случаѣ, неисполнительность сторожа является самостоятельно совершеннымъ съ его стороны проступкомъ или преступленіемъ, за которое никакое начальство привлекать къ уголовному суду невозможно. И стремленіе поддерживать такую отвѣтственность со стороны судовъ *равносильно обязательству старшихъ лицъ исполнять лично обязанности своихъ подчиненныхъ*, что конечно невозможно и физически и противорѣчитъ существу веденія каждаго дѣла, основаннаго на распределеніи труда между многими лицами. Напротивъ, такое стремленіе, *обезличивающее низшаго агента до степени простого неодушевленнаго орудія*, не возбуждая въ немъ понятія о долѣ службы, притупляетъ и всякую его инициативу, безъ которой въ такомъ дѣлѣ, какимъ являются желѣзныя дороги, обойтись невозможно, такъ какъ ничто не зависитъ отъ столькаго рода случайностей, какъ желѣзнодорожное дѣло, предусмотрѣть которыя не въ силахъ никакая самая подробная инструкция. Поэтому и уголовное преслѣдованіе сказанныхъ лицъ за преступленія, совершенныя другими, составляетъ прямое нарушеніе статьи 15 кореннаго уголовного закона, по которому привлекаются только лица, совершающія преступленіе, а не начальствующіе, отвѣчающіе или по законамъ гражданскимъ или въ административномъ порядкѣ.

Желательно знать, какъ бы взглянули г.г. прокуроры на

появленіе такого закона, по которому за преступленіе по должности, совершенное г.г. судебными слѣдователями или товарищами прокуроровъ, стали бы привлекать къ уголовному суду самихъ прокуроровъ...

Но, если въ данномъ случаѣ оказывается невозможнымъ и юридически несправедливымъ возлагать уголовную отвѣтственность на прокуроровъ, какъ на лицъ, начальствующихъ, за преступленія, совершаемыя ихъ подчиненными, получившими и *высшее образованіе, и правильное умственное и духовное развитіе*, то во сколько же разъ несправедливѣе и *невозможнѣе возлагать уголовную же отвѣтственность на инженеровъ за проступки*, совершенные дорожною стражей, собранной изъ невѣжественной, недисциплинированной, неразвитой и неграмотной массы...

Почему же суды считаютъ *нравственно справедливымъ и возможнымъ требовать отъ старшихъ дорожныхъ агентовъ физически невыполнимаго*? Почему г.г. прокуроры съ особеннымъ стараніемъ къ обнаруженной самостоятельной неисполнительности сторожа, имѣвшаго всѣ средства къ исполненію своей обязанности, пристегиваютъ всегда и старшихъ агентовъ дороги, создавая для нихъ виновность изъ словъ: „*нерадѣніе*“, „*невниманіе*“, „*упущеніе*“ и т. п....

Неужели они въ такомъ сложномъ дѣлѣ, какимъ является управленіе дорогою, не допускаютъ ни *проявленія утомленія ума, ни ошибки соображенія и мысли* у лицъ, стоящихъ въ главѣ дѣла? Намъ кажется, чтобы имѣть право утверждать, является ли данная катастрофа результатомъ *нерадѣнія или невниманія* со стороны обвиняемыхъ *ими нѣтъ—прежде всего слѣдуетъ разобратъ весь характеръ общаго направленія дѣятельности* обвиняемаго лица. Иначе агенты *нерадивые*, но за то болѣе счастливые будутъ избѣгать уголовной кары, а лица, всецѣло преданные своему дѣлу и старательныя, при *малѣйшей отибкѣ ихъ ума* одни будутъ строго наказуемы.

Послѣ всего вышеприведеннаго, думаю, что вполнѣ *беспристрастный читатель* согласится со мною, что нѣтъ никакого повода кидать грязью огульно въ *каждаго инженера путей сообщенія*.

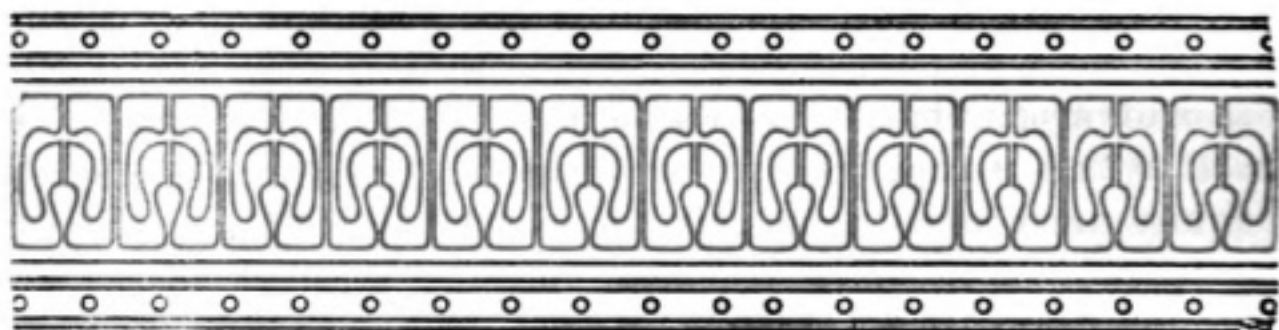
Заключеніе.

Я кончилъ. Жизнь инженера, какъ видно, надѣюсь, изъ моего повѣствованія, не всегда легка и завидна, но если бы кто-либо предложилъ мнѣ вопросъ: „не раскаиваетесь ли, что избрали карьеру инженера“,—я ни на минуту не поколебался

бы отвѣтить: „нѣтъ, никоимъ образомъ“. Я люблю свое дѣло всей душою и горжусь быть инженеромъ путей сообщенія. Съ однимъ лишь никогда не примирюсь—это, что не могъ примѣнить по независящимъ отъ меня причинамъ своего искренняго желанія послужить любимому дѣлу желѣзныхъ дорогъ на болѣе обширномъ поприщѣ—мало того даже не могъ до сихъ поръ добиться перевода на родину въ Москву, въ менѣе губительныя условія жизни для жены и семьи, нежели городъ Петербургъ.

Л. Любимовъ.

Къ біографіи декабриста М. С. Лунина.

Во второй половинѣ 1826 года дѣйств. стат. совѣтникъ Николай Александровичъ Лунинъ обратился въ Московскій опекунскій совѣтъ съ просьбою о распечатаніи хранившагося въ совѣтѣ, запечатаннымъ, духовнаго завѣщанія, внесеннаго 9 іюня 1819 г. отъ двоюроднаго брата его, бывшаго гвардіи ротмистра, а затѣмъ Гродненскаго гусарскаго полка подполковника, Михаила Сергѣевича Лунина.

Принимая во вниманіе, что Михаилъ Лунинъ, бывъ преданъ, по Высочайшему повелѣнію, сужденію Верховнаго уголовного суда, приговоромъ онаго и Высочайшимъ указомъ 10 іюля 1826 года, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ въ каторжную работу на 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе. Опекунскій Совѣтъ, 1 ноября 1826 г., поднесъ Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ всеподданнѣйшій докладъ, высказавъ мнѣніе, что, основываясь на общемъ узаконеніи, по коему такого рода ссыльные люди почитаются политически мертвыми, Совѣтъ полагаетъ означенное завѣщаніе распечатать въ присутствіи Совѣта и, по выслушаніи онаго, по установленному порядку, отослать въ Московское губернское правленіе для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

На докладъ совѣта Ея Императорское Величество, 11 ноября, соизволила собственноручно написать: „Справедливо. Марія“.

Распечатанное, вслѣдствіе сего, 18 ноября 1826 г., духовное завѣщаніе Лунина заключалось въ слѣдующемъ:

„Лѣта тысяча восемьсотъ девятнадцатаго, марта 27 дня. Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, я, нижеподписавшійся, отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ

Луининъ, находясь въ совершенномъ здоровьѣ и полномъ разумѣ, но убѣжденный неизвѣстностію смертнаго часа, который постигнуть можетъ и въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, по собственной волѣ дѣлаю сіе мое духовное завѣщаніе въ слѣдующемъ: 1-е, на основаніи указа 1714 года марта 23 дня, все доставшееся мнѣ послѣ покойнаго родителя моего и послѣ покойной родительницы моей недвижимое и движимое имѣніе, въ разныхъ губерніяхъ состоящее, также и денежные капиталы всѣ предоставляю двоюродному брату моему, камеръ-юнкеру 5 класса Николаю Александровичу сыну Лунину, одного со мной рода и фамиліи, и дѣлаю его единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ. 2-е, имѣя въ виду благосостояніе крестьянъ моихъ и сохраненіе въ цѣлости наслѣдственного имѣнія въ нашемъ родѣ, завѣщаю брату моему Николаю Александрову сыну Лунину пещись о благѣ всего достающагося ему имѣнія, не продавать его ни порознь, ни въ цѣлости, не закладывать, не дарить, и въ другой родъ ни подъ какимъ предлогомъ не выпускать, а въ теченіи пяти лѣтъ со дня моей смерти, войдя въ подробное разсмотрѣніе свойствъ того имѣнія и средствъ полученія доходовъ, непременно уничтожить въ ономъ право крѣпостное надъ крестьянами и дворовыми людьми, не касаясь земель, лѣсовъ, строений, имуществъ вообще, и прочихъ угодій. 3-е, уничтоженіе крѣпостного права на крестьянъ и дворовыхъ людей должно послѣдовать во первыхъ по распоряженію наслѣдника моего, брата Николая Александрова сына Лунина, не далѣе пяти лѣтъ отъ дня моей смерти; условія съ крестьянами, образъ освобожденія ихъ отъ крѣпостного состоянія, предоставленіе имъ правъ и обязанность крестьянъ въ отношеніи доставленія доходовъ избираемому мною нынѣ наслѣднику зависить совершенно отъ воли его, брата моего Николая Александрова сына Лунина, который въ семъ случаѣ можетъ руководствоваться правилами, ему отъ меня внушенными; во-вторыхъ, съ утвержденія правительства. Но крестьяне и дворовые люди должны находиться въ непосредственномъ брата моего повиновеніи до того времени, пока не уничтожится законнымъ образомъ, по прошенію брата моего, крѣпостное надъ ними право, и въ семъ случаѣ главнѣйшее основаніе должно быть распоряженіе онаго брата моего. 4-е, по смерти брата моего Николая Александрова сына Лунина, буде у него останутся дѣти, сыновья, то сіе отдаваемое мною имѣніе должно принадлежать старшему его сыну, или тому изъ сыновей его, которому онъ самъ назначить, по все сіе завѣщаемое мною имѣніе вообще въ цѣлости, которое имѣ-

ніе никакимъ образомъ и ни въ какомъ случаѣ раздробляемо быть не должно. Если же у него сыновей не будетъ, а будутъ дочери, въ такомъ случаѣ сіе имѣніе, также въ цѣлости и не подвергаясь никакому раздробленію, должно итти въ приданое одной изъ дочерей,—но съ тѣмъ, чтобъ будущій зять его принялъ фамилію и гербъ нашего рода. Наслѣдники брата моего Николая Александрова сына Лунина обязываются сохранять въ точности силу всѣхъ значущихся въ семъ завѣщаніи пунктовъ, и сіе завѣщаемое мною имѣніе въ нашемъ родѣ и потомствѣ обращаться должно не инако, какъ на изложенныхъ въ семъ моемъ завѣщаніи условіяхъ, и безъ малѣйшаго раздробленія. 5-е, по смерти моей братъ Николай Александровъ сынъ Луинъ немедленно вступаетъ во владѣніе моего имѣнія. 6-е, прошу брата моего выдать, единовременно, въ теченіе года отъ дня моей кончины, двѣицѣ Праскевіи Михайловой двадцать тысячъ рублей государственными ассигнаціями. Коллежскому регистратору Евдокиму Ѳедорову сыну Суслину десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями, буде онъ, Суслинъ, по день кончины моей останется управляющимъ всего моего имѣнія. или тотъ Суслинъ умретъ въ сей должности при моей жизни. тогда сіи десять тысячъ рублей выдать его дѣтямъ. Если же по какому случаю онъ, Евдокимъ Ѳедоровъ сынъ Суслинъ будетъ мною удаленъ отъ управленія сей должности, тогда ни ему, ни его дѣтямъ сего награжденія не выдавать. 7-е, тѣхъ дворовыхъ людей, кои, по старости или немощи, не будутъ въ состояніи пропитать себя, прошу тебя, брата моего, ихъ призрѣть. Вольноотпущенную дѣвку Анну Соколову, по смерть ея, оставить въ селѣ Сергіевскомъ. буде того пожелаетъ, на томъ же основаніи, какъ она теперь находится; буде же она пожелаетъ куда удалиться, то опредѣлить ей содержаніе приличное и сообразное ея потребностямъ, по твоему, брата моего, благоусмотрѣнію. 8-е, сестрѣ моей родной Екатеринѣ Сергѣевнѣ, женѣ камергера, статскаго совѣтника Ѳедора Александрова сына Уварова, доставлять ежегодно, по смерть ея, по десяти тысячъ рублей государственными ассигнаціями. начавъ тотъ платежъ чрезъ годъ отъ дня моей смерти. то-есть за первый годъ послѣ моей смерти сестра не можетъ требовать той суммы. Десять тысячъ рублей государственными ассигнаціями употреблять ежегодно на поддержаніе вольнаго народнаго училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, и послѣ смерти моей должно зависѣть отъ непосредственнаго распоряженія брата моего Николая Александрова сына Лунина. 9-е, всѣ доходы съ

сего завѣщаемаго мною имѣнія должны принадлежать брату моему Николаю Александрову сыну Лунину, какъ единственному послѣ меня на основаніи сего завѣщанія наслѣднику. 10-е, поелику главнѣйшіе предметы сей моей духовной состоятъ въ томъ, чтобъ послѣ смерти моей устроить благосостояніе крестьянъ и оставить имѣніе нераздѣльнымъ въ нашемъ родѣ, то я надѣюсь, что братъ мой обратитъ все свое вниманіе на сіи два предмета, сохранивъ собственныя выгоды и тѣмъ, содѣйствуя къ поддержанію нашей фамиліи, составитъ счастье крестьянъ и дворовыхъ людей, освобожденіемъ ихъ отъ крѣпостного состоянія, на томъ основаніи, которое онъ признаетъ за благо, и давъ тѣмъ опытъ своей благодарности за мою къ нему дружбу—успокоитъ прахъ мой и содѣлаетъ память мою для крестьянъ и потомства нашего священной. И потому, любезный братъ! прошу тебя, несмотря ни на какое лицо, сіе мое духовное завѣщаніе, какъ согласное съ законами, привести въ непремѣнное исполненіе. А васъ, почтеннѣйшіе друзья! какъ свидѣтелей сего добровольнаго моего завѣщанія, прошу удостовѣрить предъ лицомъ правосудія, что изложенное здѣсь есть точно моя воля, коей цѣль есть освобожденіе отъ крѣпостного состоянія и вообще устройство благосостоянія крестьянъ и сохраненіе имѣнія нераздѣльнымъ въ родѣ предковъ нашихъ. — Къ сему духовному завѣщанію отставной гвардіи ротмистръ и кавалеръ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ руку приложилъ.

Что подлинно сіе духовное завѣщаніе есть добровольное, и подлинно подписано въ совершенномъ умѣ и чистой памяти собственною рукою отставнымъ гвардіи ротмистромъ и кавалеромъ Михаиломъ Сергѣевымъ сыномъ Лунинымъ, въ томъ свидѣтельствую по священству, подписуюсь Гребневскій священникъ Никита Петровъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здоровомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному его прошенію, статскій совѣтникъ и кавалеръ Петръ Семеновъ сынъ Полуденскій.

Въ томъ же свидѣтельствую, подписуюсь титулярный совѣтникъ Ѳеодоръ Петровъ сынъ Ильинъ, и сіе духовное завѣщаніе съ воли завѣщателя переписывалъ.

Что сіе завѣщаніе точно писано по волѣ его, Михаила Сергѣевича Лунина, и подписано его рукою въ здоровомъ его умѣ и памяти, въ томъ свидѣтельствую и подписуюсь, по личному

его прошенію, гвардейскаго генеральнаго штаба поручикъ и кавалеръ Никита Михайловъ сынъ Муравьевъ.

А что въ семъ завѣщаніи по чищенному написано на первой страницѣ въ послѣдней строкѣ *правилами*, а на второй страницѣ въ первой строкѣ *ему отъ меня внушенными*, и то почитать вѣрнымъ. Михаилъ Лунинъ“.

Ознакомившись съ духовнымъ завѣщаніемъ Михаила Сергѣевича, Московскій опекунскій совѣтъ отослалъ таковое въ губернское правленіе, для законнаго разсмотрѣнія и утвержденія.

Вслѣдъ затѣмъ, въ то же губернское правленіе 9 декабря 1826 г. жена дѣйств. стат. совѣтника Федора Александровича Уварова, Екатерина Сергѣевна Уварова, рожденная Лунина, подала прошеніе о выдачѣ ей копій съ означенной духовной и о приостановленіи распоряженія по этому акту.

Приводимъ полный текстъ просьбы г-жи Уваровой. Она писала:

„Родной братъ мой, бывшій подполковникъ Михаилъ Сергѣевъ сынъ Лунинъ, по рѣшенію Верховнаго уголовного суда, Высочайше утвержденному, въ числѣ прочихъ государственныхъ преступниковъ осужденъ къ лишенію чиновъ, дворянства, къ ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

Послѣ упомянутаго бездѣтнаго брата моего осталось родовое недвижимое имѣніе Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда, въ селѣ Сергіевскомъ, Ржавино тожъ, и въ Никитскомъ; Саратовской губерніи, Вольскаго уѣзда, въ деревнѣ Аненой, Платъма тожъ. А какъ я состою въ имѣніи семъ единою законною наслѣдницею, то, вслѣдствіе бывшей отъ меня просьбы, присутственныя мѣста, по опредѣленію Кирсановскаго уѣзднаго суда вышеупомянутыхъ губерній и ввели меня на законномъ основаніи во владѣніе онымъ, безъ всякаго противъ того съ чьей-либо стороны спора до сего времени, о чемъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и слѣдующія публики произведены.

Нынѣ же сдѣлалось извѣстнымъ мнѣ, что въ Московскомъ опекунскомъ совѣтѣ хранилось духовное завѣщаніе, въ 1819 году сдѣланное помянутымъ несчастнымъ братомъ моимъ, Михаиломъ Лунинымъ, которое изъ того Совѣта препровождено уже въ сіе правленіе къ надлежащему распоряженію по законамъ.

Доселѣ лишена будучи средствъ получить свѣдѣнія, въ которомъ году и отъ кого то завѣщаніе представлено къ хране-

нію въ опекунскій совѣтъ, а равно — кто были свидѣтели, въ одно ли, или въ разныя времена значущіея свидѣтели учинили подъ оною узаконенную подпись, я не могу нынѣ дѣлать противъ того представленіе, а равно, не имѣя за скрѣпою надлежащей копіи съ того завѣщанія, я лишаюсь и способовъ со всею подробностію симъ опровергать тотъ актъ; почему и остается мнѣ единая законная обязанность представить вниманію и на уваженіе правительства опроверженіе на недостатокъ правъ завѣщателя къ существенному составленію того акта. Всякаго рода духовное завѣщаніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ въ двухъ видахъ: 1-е. по причинамъ, существовавшимъ во времена совершенія онаго, или 2-е. по причинамъ, открывающимся послѣ того, — вслѣдствіе чего нынѣ я ограничиваюсь объясненіемъ незаконности того завѣта въ первомъ видѣ.

Несчастный братъ мой хотя рѣшеніемъ Верховнаго уголовного суда подверженъ осужденію въ 1826 году, но въ донесеніи Высочайше учрежденной комисіи, поднесенномъ 30 мая, обнаружено, что Михайла Лунинъ находился уже въ февралѣ мѣсяцѣ 1817 года въ числѣ составлявшихъ первое тайное общество, подъ названіемъ Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ Отечества. Слѣдовательно, составъ духовнаго завѣщанія, къ распоряженію родовымъ имѣніемъ относящійся, произведенъ въ то время, когда онъ былъ уже членомъ тайнаго общества и сближался къ цѣли исполненія государственнаго преступленія. Осужденіе, постигшее его въ 1826 году, не есть время содѣланнаго имъ преступленія, а опредѣленіе единого наказанія за открытое намѣреніе. Изъ сего довода проистекаетъ неоспоримое заключеніе, что онъ былъ однимъ и тѣмъ же преступникомъ въ 1817 году, только втайнѣ, и не былъ осужденъ къ политической смерти. Справедливость сего подтверждаетъ и самое рѣшеніе Верховнаго уголовного суда. — ибо если Михайла Лунинъ не былъ преступникомъ въ 1817 году, то не могъ быть и осужденъ къ политической смерти въ 1826 году; будучи же преступникомъ, онъ лишенъ былъ всякаго права распоряжаться имѣніемъ своимъ. Основаніемъ истины сей служитъ указъ 1766 года августа 21-го о духовной самоубійцы князя Шаховскаго, въ коемъ изъяснено: „Ежели самоубійство учинено не въ безуміи и не въ безпамятствѣ, есть злодѣяніе и преступленіе закона, почему отъ такового никакой завѣтъ принять быть не можетъ“. Завѣщаніе уничтожено и имѣніе отдано наслѣдникамъ. Сей случай во всемъ согласуется

съ первымъ. тѣмъ паче. что всякое духовное завѣщаніе не есть крѣпость, записъ, или другой актъ, на обязательства установленный. но принимаетъ только дѣйствіе послѣ смерти завѣщателя; коль же скоро актъ сего рода принимаетъ начало и дѣйствіе свое послѣ смерти его, слѣдовательно. политически мертвый, какъ объяснено въ указѣ 1803 и 1818 годовъ, не будучи ни въ какомъ сношеніи съ обществомъ людей, ни какихъ и актовъ дѣлать не можетъ; отъ таковыхъ же ничего не пріемлется на бумагѣ и по указу 1728 года декабря 20-го.

По изложеніи вышесказанныхъ законныхъ доводъ, заключеніемъ допущенъ быть не можетъ и самый вопросъ: если бы преступленіе несчастнаго брата моего Михаила Лунина открыто было при самомъ началѣ, въ 1817 году, и онъ тогда же осужденъ былъ къ политической смерти, то предстояла ли бы возможность для него составлять какой-либо завѣтъ къ распоряженію имѣніемъ въ 1819 году? Естественнo, нѣтъ,—а причина сказаннаго дѣйствія его была единая свобода располагать собою. будучи уже преступникомъ. Начало всякаго рода преступленія исчисляется отъ періода возрожденія онаго, а не отъ времени раскрытія чрезъ разнообразныя послѣдствія Неоспоримымъ основаніемъ вышенъясненнаго заключенія служить Всемиловѣйше жалованная въ 1785 году апрѣля 21 дня дворянству грамота, 28 статьею коей узаконено: „Благороднаго наследственное имѣніе, въ случаѣ осужденія по важнѣйшему преступленію, да отдастся законному его наследнику“. Вслѣдствіе чего настоящее завѣщаніе брата моего не можетъ облечено быть формою законнаго акта, а должно подвергнуться уничтоженію, какъ духовная или завѣтъ, въ противность государственныхъ постановленій составленная. Но какъ актъ сей, по сущности своей, возрождаетъ дѣло примѣрное, то я и поставляю въ необходимости взять смѣлость пасть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества и чрезъ особое прошеніе всеподданиѣйше просить Высочайшаго разсмотрѣнія сего возникающаго процесса, столь примѣрнаго въ составѣ своемъ, — почему и прошу:

Дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе въ Московскомъ губернскомъ правленіи принять и, доколѣ воспослѣдуетъ Высочайшее Вашего Императорскаго Величества на особое всеподданиѣйшее прошеніе мое рѣшеніе, пріостановиться всякаго рода распоряженіемъ по упомянутому духовному завѣщанію; тѣмъ паче. что достиженіе слуха до упомянутыхъ крестьянъ брата

моего, нынѣ во владѣніи моемъ состоящихъ, о той свободѣ, которую будто бы содержаніемъ духовной желали предоставить имъ, неизбѣжно возродить между ними неповиновеніе, безначаліе и, можетъ быть, самое буйство къ истребленію на важную сумму находящихся въ томъ имѣніи, какъ хозяйственныхъ заведеній, такъ и разнаго рода хлѣба. Буде же въ послѣдствіи времени повелѣно будетъ возвратить то имѣніе и г. Лунину, то мѣры осторожности, испрашиваемыя мною нынѣ отъ правительства, послужатъ, равнымъ образомъ, и къ пользѣ его. А съ тѣмъ вмѣстѣ повелѣтъ выдать мнѣ съ вышеупомянутаго завѣщанія, за надлежащею скрѣпою, точную копію, на основаніи Высочайше утвержденныхъ Смоленскихъ докладныхъ пунктовъ, значущагося въ толкованіи на 2-й пунктъ, для поднесенія Вашему Императорскому Величеству.

Всемилоствѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Декабря дня 1826 года. Къ поданію надлежитъ въ Московское губернское правленіе. Прошеніе набѣло переписывалъ коллежскій секретарь Андрей Яковлевъ сынъ Чеботаревъ“.

Московское губернское правленіе, разсмотрѣвъ поступившія бумаги по дѣлу Лунина, нашло, что оно обязано, по общему порядку, духовное завѣщаніе Михаила Сергѣевича „представить на законное утвержденіе подлежащаго присутственнаго мѣста; но при извѣстности, что завѣщатель открылся государственнымъ преступникомъ, по рѣшенію Верховнаго уголовного суда, Высочайше утвержденному, по лишеніи чиновъ и дворянства, сосланъ на опредѣленное время въ каторжную работу, а потомъ на поселеніе, слѣдовательно, содѣлался политически мертвымъ“, и притомъ усматривая нѣкоторыя распоряженія завѣщанія клонящимися къ нарушенію существующаго порядка, Правленіе не осмѣлилось само собою дать дѣлу сему обыкновеннаго теченія и потому, не открывая содержанія этого завѣщанія, вошло съ представленіемъ къ военному генералъ-губернатору, генералу - отъ - кавалеріи князю Голицыну, а онъ, въ свою очередь, всѣ бумаги по дѣлу препроводилъ къ министру юстиціи, для испрошенія по означенному предмету Высочайшаго разрѣшенія.

Министръ юстиціи, князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій, 28 декабря 1826 г. представилъ Государю Императору, чрезъ статсъ-секретаря Муравьева, всеподданнѣйшую докладную записку, высказавъ свое мнѣніе, что, по силѣ указовъ 22 марта 1714 г. и 28 февраля 1804 г., М. С. Лунинъ,

до осужденія своего. съ которымъ кончилось политическое его существованіе. бывъ бездѣтенъ, имѣлъ право отдать недвижимое одному фамиліи своей: но что касается до предположеній его относительно уничтоженія крѣпостного права на крестьянъ, по условію съ ними. безъ предоставленія впрочемъ имъ земли, и учрежденія въ завѣщаемомъ имѣніи маіората, то предположенія эти министръ находилъ совершенно противными общему порядку и постановленіямъ, по силѣ которыхъ хотя помѣщичьи крестьяне могли быть увольняемы въ свободные хлѣбопашцы, но не иначе какъ по актамъ, которые должны быть совершены при посредствѣ правительства и получить Высочайшее утвержденіе, съ предоставленіемъ при томъ въ пользу крестьянъ земель и съ прекращеніемъ на будущее время всякаго отношенія къ правамъ ихъ личнымъ и собственности со стороны бывшего владѣльца, если крестьяне приняты на себя обязанности вполнѣ исполнять. По завѣщаніямъ же—говорилось въ запискѣ—и переходъ въ свободные хлѣбопашцы по закону не допускается, тѣмъ менѣе можно дозволить уничтоженіе крѣпостного права, съ оставленіемъ крестьянъ на земляхъ помѣщичьихъ и со всегдашнею обязанностию доставлять оному доходы. Далѣе князь Лобановъ-Ростовскій представлялъ, что никто не имѣетъ власти для преемниковъ своихъ въ родовомъ имѣніи дѣлать ограниченія въ свободномъ онымъ пользованіи и распоряженіи на основаніи законовъ и учреждать, въ противность же законовъ, на правѣ первородства порядокъ наследованія тѣмъ имѣніемъ. Основываясь на указѣ 7 сентября 1726 г., министръ юстиціи заключилъ, что помянутыя предположенія Михаила Лунина не могли быть приняты и допущены къ исполненію. Впрочемъ,—говорилъ онъ,—„не представляется никакого уваженія, по которому бы слѣдовало содержаніе завѣщанія оставить въ неизвѣстности, особливо при предъявленномъ уже на оное со стороны законной наследницы спорѣ, который утвержденъ или отвергнутъ иначе быть не можетъ, какъ судебнымъ порядкомъ; почему я и полагалъ бы разрѣшить московскаго военнаго генералъ-губернатора на передачу помянутаго завѣщанія и поступившей отъ Уваровой просьбы въ надлежащее присутственное мѣсто, для поступленія по законамъ“.

30 декабря 1826 г. статсъ-секретарь Муравьевъ возвратилъ министру докладную записку съ карандашною резолюціею Императора Николая Павловича: „Согласенъ“.

Между тѣмъ, ранѣе вослѣдованія этой резолюціи, а именно

21 декабря, дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Александровичъ Лунинъ подалъ московскому военному генералъ-губернатору прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилъ:

„Вашему сіятельству угодно было объявить мнѣ, что губернское правленіе затрудняется въ отсылкѣ онаго завѣщанія къ разсмотрѣнію по законамъ и что г. Уваровъ подалъ вашему сіятельству письмо по сему предмету. Не зная причинъ, могущихъ служить поводомъ къ изъятію сего дѣла изъ общаго узаконеннаго порядка, я осмѣливаюсь изложить вашему сіятельству существо завѣщанія и всепокорнѣйше просить принять въ уваженіе слѣдующія обстоятельства:

1) Завѣщатель избираетъ меня наслѣдникомъ всего вообще имѣнія, на основаніи указа 1814 г. марта 23 дня, предоставляя мнѣ въ принадлежность всѣ вообще доходы съ имѣнія, съ тѣмъ, чтобы по смерти его я вошелъ немедленно во владѣніе имѣніемъ. Симъ ясно доказывается безусловная воля завѣщателя, чтобы все его имѣніе и вообще всѣ доходы принадлежали мнѣ, какъ избираемому имъ единственному послѣ себя наслѣднику на основаніи законовъ.

2) Братъ мой завѣщаетъ мнѣ, въ продолженіи пяти лѣтъ послѣ смерти его, освободить крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, не касаясь земель, лѣсовъ и прочаго,—исполненіе сего предоставляетъ онъ совершенно моей волѣ, руководствуясь правилами, имъ мнѣ внушенными, съ утвержденія правительства, — повинovenіе мнѣ крестьянъ и дворовыхъ людей ограждать до того времени, пока не уничтожится надъ ними крѣпостное право, по моему прошенію, законнымъ образомъ. Изъ сего видно, что братъ мой, обнаруживъ мысль свою освобожденія крестьянъ безъ земли, устройство благосостоянія ихъ неограниченно ввѣрилъ моей волѣ и совѣсти, съ утвержденія правительства, на основаніи законовъ. Въ 10-мъ пунктѣ завѣщанія говоритъ онъ, что освобожденіе крестьянъ должно послѣдовать на томъ основаніи, которое я признаю за благо; слѣдовательно, отъ меня зависитъ совершенно и безъ всякаго ограниченія привести оное въ дѣйствіе, какъ признаю выгоднѣйшимъ для себя и крестьянъ, на основаніи законовъ. Не взирая на объявленную мысль завѣщателя, чтобы не касаться въ семъ случаѣ земель, я въ полномъ правѣ удѣлить имъ часть, или вообще всю землю, и сдѣлать оныхъ крестьянъ вольными хлѣбопашцами.

3) Пять лѣтъ времени, назначаемаго завѣщателемъ на приведеніе мною въ исполненіе желанія его по предмету освобожденія крестьянъ, были необходимы по случаю долговъ, съ коими

означенное имѣніе досталось завѣщателю и которые окончательно уплачены только сего 1826 года. Но и сей срокъ 8-мъ пунктомъ завѣщанія не ограничивается, ибо въ ономъ сказано, что крестьяне и дворовые люди должны находиться въ моемъ повинненіи до того времени, пока не уничтожится крѣпостное ихъ состояніе, по моей просьбѣ, законнымъ образомъ. — новое доказательство, что завѣщатель каждое дѣйствіе при исполненіи его желанія мною, какъ наслѣдникомъ завѣщаемаго имѣнія, подвергнулъ утвержденію правительства и силѣ закона.

4) Въ 8-мъ пунктѣ завѣщанія братъ мой завѣщаетъ мнѣ доставлять сестрѣ его, г-жѣ Уваровой, ежегодно, по смерти ея, 10.000 руб.; на поддержаніе училища, которое имѣетъ быть учреждено въ селѣ Сергіевскомъ, по которое впрочемъ учреждено не было, 10.000 руб.; дѣвицѣ Прасковѣ Михайловой одновременно 20.000 руб., и управляющему Суслику 10.000 руб. Таковыя назначенія брата моего доказываютъ совершенную его ко мнѣ и моей совѣсти довѣренность, ибо въ первомъ пунктѣ завѣщанія онъ назначаетъ меня единственнымъ по себѣ наслѣдникомъ, въ 5-мъ предоставляетъ по смерти его войти немедленно во владѣніе, въ 9-мъ говоритъ, что всѣ вообще доходы должны принадлежать мнѣ. Слѣдовательно, предоставленіе имъ мнѣ имѣнія есть гласное, неограниченное и обнаруживающее единственно его довѣріе ко мнѣ въ томъ, что я исполню свято его волю.

Представивъ вашему сіятельству существо завѣщанія, основанное на законахъ, коего исполненіе, согласно воли самого завѣщателя, не можетъ послѣдовать иначе, какъ съ утвержденія правительства, законнымъ образомъ, я осмѣливаюсь просить быть моимъ защитникомъ, не зная причинъ, почему губернское правленіе сіе завѣщаніе изъяло изъ общаго законнаго порядка и остановилось отсылкою онаго на разсмотрѣніе и утвержденіе въ судебное мѣсто. Я приступилъ къ открытію завѣщанія тогда только, когда управляющій имѣніемъ брата донесъ мнѣ сего года августа 12 дня, что братъ мой въ послѣднемъ письмѣ къ нему предписываетъ по дѣламъ до имѣнія касающимся, относиться ко мнѣ и исполнять мои предписанія. Когда г-жа Уварова вступила во владѣніе имѣніемъ подъ видомъ попечительства, тогда уже видя, что братъ мой остается непреклоннымъ въ его намѣренія по сему предмету, а г. Уваровъ приступилъ къ имѣнію незаконнымъ образомъ, — хотя я, съ своей стороны, и могу не желать собственныхъ выгодъ, но не въ моей волѣ отречься отъ исполненія тѣхъ предметовъ завѣщанія, кои ка-

саются не до меня лично, и именно освобожденіе крестьянъ, сопряженное съ ихъ благосостояніемъ, интересомъ казеннымъ и ввѣренное мнѣ, какъ наслѣднику, учрежденіе училища, какъ-выя учреждать съ дозволенія и въ распоряженіи правительства никогда не возбранялось,—отъ ежегодной выдачи г-жѣ Уваровой, отъ награжденія дѣвицъ Прасковѣ Михайловой и управляющему Суслику.

Всему свѣту извѣстно преступленіе брата моего, обративъ на него всю справедливую строгость законовъ, коихъ дѣйствіе и самое неограниченное милосердіе Государя Императора ослабить было не въ силахъ. Нужно ли еще изыскивать новыя средства для посрамленія памяти человѣка уже несчастнаго и отъ отечества пятномъ неизгладимымъ отлученнаго. стараясь толковать ко вреду его актъ, подвергаемый имъ самимъ утвержденію правительства и въ коемъ всѣ постановленія основаны на желаніи сдѣлать добро и утвердить, послѣ кончины его, благосостояніе всѣхъ его крѣпостныхъ людей.

Ваше сіятельство слишкомъ справедливы, чтобы не одобрить причинъ, побуждающихъ меня не отринуть просьбы несчастнаго моего брата. Достояніе его мнѣ не нужно, но довѣренность его ко мнѣ я обязанъ оправдать, доколѣ послѣдняя его воля, въ завѣщаніи изложенная, не противна существующимъ законамъ“.

Изложенное прошеніе Н. А. Лунина князь Голицынъ, 26 декабря 1826 г. отослалъ. „для совокупнаго разсмотрѣнія“, къ министру юстиціи, а послѣдній, отношеніемъ отъ 13 января 1827 г., увѣдомилъ, что, въ виду состоявшагося уже по дѣлу о духовномъ завѣщаніи Высочайшаго повелѣнія, онъ, министръ, не считаетъ письмо дѣйств. стат. сов. Лунина принадлежащимъ до его разсмотрѣнія и что отъ князя самого зависитъ дать оному такое направленіе, какого обстоятельства дѣла требуютъ.

Одновременно, министръ юстиціи предписалъ московскому губернскому прокурору о наблюденіи за скорѣйшимъ ходомъ и окончаніемъ дѣла о духовной М. С. Лунина.

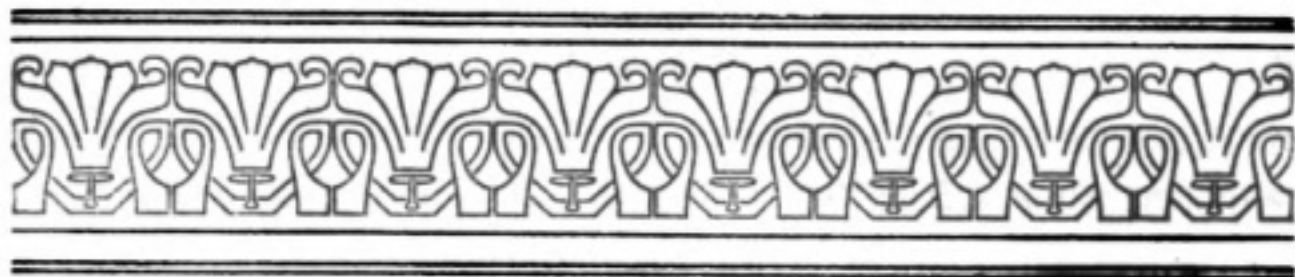
Московское губернское правленіе, видя изъ просьбы Уваровой, что имѣніе Лунина состоитъ въ Тамбовской губерніи и она введена уже онымъ во владѣніе Кирсановскимъ уѣзднымъ судомъ, постановило завѣщаніе Лунина, обще съ производствомъ, и присланныя послѣ отъ военнаго генералъ-губернатора, сообщенныя ему военнымъ министромъ, о имѣніи и долгахъ Лунина бумаги препроводить для зависящаго распоряженія и поступленія по законамъ, въ Тамбовское губернское правленіе.

Постановленіе Московскаго губернскаго правленія исполнено было 20 января 1827 года, а 8-го февраля дѣло о духовномъ завѣщаніи М. С. Лунина поступило въ Кирсановскій уѣздный судъ, для рѣшенія безъ очереди, а 18 того же февраля судъ сообщилъ въ Московскую управу благочинія объ отобраніи, подъ присягою, отъ подписавшихся подъ завѣщаніемъ свидѣтелей нужныхъ свѣдѣній.

Какое окончаніе получило означенное дѣло, намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстно.

Н. А. Мурзановъ.

Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ ¹⁾.

1813-го и 14 года, собранные по поводу столѣтней годовщины.

III.

Съ перенесеніемъ войны на французскую территорію началась новая кампанія, но уже не на одномъ полѣ брани и посредствомъ ружей, штыковъ, саблей и пушекъ, но и на шахматной доскѣ дипломатическаго вѣдомства, гдѣ имѣется такъ много простора для интригъ, переговоровъ, проектовъ, контрпроектовъ и прочихъ хитроумныхъ комбинацій. Оставшаяся въ тылу союзной арміи и служащая ей операціоннымъ базисомъ Германія, съ ея многочисленными самостоятельными государствами, походила, по пестротѣ своихъ независимыхъ географическихъ частей, на шахматное поле, на которомъ было гдѣ развернуться дипломатическому искусству и всѣмъ заправскимъ любителямъ sportivaго интригантства въ области внѣшней политики. Германскія дѣла ждали своего рѣшенія по окончаніи войны; вопросъ о созданіи союзнаго или федеративнаго государства (Bundesstaat oder Staatenbund) волновалъ общественное мнѣніе не одной Германіи и Австріи, но и другихъ странъ Европы, за исключеніемъ Россіи. Попытка мелкихъ средне и южно-германскихъ дипломатовъ свить себѣ въ центральномъ управленіи оккупированныхъ союзными войсками областей бывшаго рейнскаго союза нѣчто въ родѣ „осиноваго мѣзда“, какъ исходнаго пункта для всевозможныхъ каверзъ и

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

интригъ, не удалась благодаря бдительности, мудрости и тактичности барона *Штейна*, главного начальника этого учрежденія. Императоръ *Александръ I* входилъ лишь въ поверхностный разборъ чисто германскихъ вопросовъ. Онъ слѣдилъ только за тѣмъ, чтобы династическіе интересы его нѣмецкихъ родственниковъ не были принесены въ жертву велико-германскимъ идеямъ, пропагандируемымъ *Эристъ-Морицъ*, *Аридтомъ*, *Яномъ* и прочими патриотами. Но русскій царь отнюдь не питалъ тѣхъ враждебныхъ и непримиримыхъ чувствъ къ стремленіямъ нѣмецкихъ идеалистовъ относительно политическаго объединенія ихъ родины, какія проявляли въ столь сильной степени король *Фридрихъ-Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, князь *Меттернихъ*, графъ-*Мюнстеръ* и всѣ прочіе короли и владѣтельные князья упраздненнаго рейнскаго союза. На пропаганду такъ называемыхъ великогерманскихъ идей смотрѣли въ ту пору какъ на нѣчто преступное и опасное, въ смыслѣ подрыванія монархическаго престижа и державнаго авторитета. Что подобныя взгляды не могли соответствовать русскимъ воззрѣніямъ на національные вопросы, весьма понятно. Нашимъ соотечественникамъ казалось донельзя смѣшнымъ и несуразнымъ, почему это житель изъ курфюршества гессенкассельскаго долженъ политически непременно иначе чувствовать, сирѣчь вѣровать, нежели рядомъ бокъ о бокъ съ нимъ живущій подданный герцогства гессенъ-дармштадтскаго или ландграфства гессенъ-филипсталь-брахфельдскаго? Религіозную и ярко очерченную племенную рознь русскіе еще понимали и признавали, какъ, напримѣръ, между католикомъ альпійскихъ областей Баваріи и протестантскимъ обывателемъ сѣверо-германской равнины, но національное различіе, отмѣченное исключительно только цвѣтами и эмблемами изъ животнаго царства на государственныхъ гербахъ (соколъ, орелъ, олень, лошадь или быкъ), вызывало лишь недоумѣніе вмѣстѣ съ насмѣшками въ рядахъ нашихъ войскъ.

Хотя союзная армія и вступала уже въ предѣлы Франціи, но военныя дѣйствія въ самой Германіи все-таки не кончились. Гамбургъ и Данцигъ были еще во власти французовъ и осаждались отчасти русскими войсками. Саксонія, король которой такъ упорно держался союза съ *Наполеономъ*, находился военно-плѣннымъ въ Берлинѣ, его государствомъ управлялъ генераль-губернаторъ князь *Рѣпнинъ*, о которомъ до сихъ поръ сохранилась въ Дрезденѣ память, какъ о *благодѣлѣ* этой страны. Рѣпнинъ управлялъ Саксоніей годъ и 2 мѣсяца

и за все это время расходы по высшей администраціи, т.-е. на содержаніе канцеляріи и прочихъ штатовъ генералъ-губернаторства, покрывались *русской казной*. Можно было бы предполагать, что Императоръ *Александръ I* хотѣлъ подобной снисходительностью проявить свое особое расположеніе къ саксонскому королю *Фридриху-Августу I*, человеку несомнѣнно умному, образованному, воспитанному и уже пожилому; но ни чуть не бывало!—Во время вѣзда трехъ монарховъ послѣ Лейпцигскаго сраженія въ городъ, саксонскій король вышелъ изъ своего дворца навстрѣчу государямъ и стоя на улицѣ у дверей сталъ ихъ ожидать. Приблизившійся первымъ къ нему императоръ *Францъ I* поклонился холодно королю, не остановилъ своего коня. Король *Фридрихъ-Вильгельмъ III* задержалъ на минуту лошадь и обмѣнялся, оставаясь въ сѣдлѣ нѣсколькими фразами съ своимъ коронованнымъ коллегой. Императоръ же *Александръ I* не только не отвѣтилъ на поклонъ саксонскаго монарха, но отвернулся даже въ другую сторону ¹⁾. Изъ этого эпизода можно заключить, что русскій царь не питалъ никакихъ дружескихъ чувствъ къ *Фридриху-Августу I*.

Князь *Рюпинъ* простиралъ свою добродѣтель по отношенію къ Саксоніи и специально къ Дрездену до затраты большихъ суммъ, невѣдомо откуда взятыхъ, на улучшеніе и украшеніе столицы саксонскаго королевства, отдавая нерѣдко городу въ безвозмездный наемъ и рабочью силу русскаго гарнизона. Такъ между прочимъ утверждали, что знаменитая „*Брюльска терраса*“ въ Дрезденѣ сооружена стараніями князя *Рюпина* и на средства русскаго военного вѣдомства. Къ сожалѣнію, намъ не удалось провѣрить, насколько этотъ, ходившій еще въ 60-тыхъ годахъ слухъ соответствовалъ дѣйствительности.

Довольно странная и на первый взглядъ непонятная двойственность оцѣнки замѣчалась со стороны нѣмецкихъ гражданъ по отношенію къ русскимъ войскамъ во время ихъ пребыванія и оккупациіи Германіи въ 1813 и 14 годахъ. Что касается отзывовъ самихъ жителей, насколько они сохранились въ разнообразныхъ дѣлахъ, городскихъ архивахъ и другихъ казенныхъ или общественныхъ учрежденіяхъ, то взаимныя отношенія между обѣими сторонами были наилучшія; нигдѣ, никогда, ни отъ кого не раздавались *серьезныя жалобы* на поведеніе русскаго

¹⁾ Очерки изъ исторіи освободительныхъ войнъ въ Германіи *Мюллеръ-Бома*, собранные и изданные *Павломъ Киттель*.

войнства. Даже во время штурма Лейпцига, наши отряды, ворвавшіеся въ городъ, не давали повода къ нареканіямъ. Иное отношеніе и нерѣдко противоположную оцѣнку мы находимъ въ повременныхъ и періодическихъ изданіяхъ того времени. Тамъ попадаются рассказы и объ ужасахъ и о звѣрствахъ, чинимыхъ казаками, башкирами, калмыками и прочими „азіатами“. Во многихъ газетахъ, выходившихъ въ государствахъ рейнскаго союза, проводился взглядъ съ притянутыми за волосы доказательствами, что *подминнаю русскаю народа, русскаю языка въ сущности не существуетъ*, а что подъ собирательной кличкой „русскихъ“ слѣдуетъ подразумѣвать цѣлый „конгломератъ“ разнообразнѣйшихъ полуварварскихъ и совершенно дикихъ племенъ азіатскаго происхожденія, какъ: татаръ, чувашъ, башкиръ, киргизъ, калмыковъ, самоѣдовъ, лапландцевъ, мордвы, черкесовъ, черемисъ и т. п. національностей. Не удивительно, если послѣ такой лестной аттестаціи во многихъ нѣмецкихъ городахъ, не выдавшихъ еще русскихъ, трепетали при одной мысли о появленіи этихъ звѣроподобныхъ людоедовъ. Ходячимъ лозунгомъ стала фраза, появившаяся также впервые въ печати: „*Lieber die Franzosen als Feinde, denn die Russen als Freunde*“ („лучше враги французы, нежели друзья русскіе“). Такія и подобныя имъ летучія поговорки сочинялись сначала въ правительственныхъ бюро печати Парижа и рейнскаго союза, а затѣмъ и въ канцеляріи князя *Меттерниха*, который не хуже *Наполеона* умѣлъ оцѣнивать значеніе и силу печати и дѣятельность хорошо организованной тайной политической полиціи. Къ сожалѣнію, ни хитроумный *Александръ I*, ни слишкомъ прямолинейно мыслящій прусскій король не видѣли и не признавали особенной выгоды отъ умѣлаго пользованія этими двумя оружіями, такъ что баронъ фонъ *Штейнъ* не имѣлъ возможности противодѣйствовать интригамъ Вѣнскаго кабинета въ должной мѣрѣ. Усилія же *Меттерниха* были направлены къ тому, чтобы, какъ повѣствовалъ онъ въ субсидированной имъ печати, Россія не замѣнила во всѣхъ отношеніяхъ Францію, т. е. чтобы Европа, освободившаяся отъ французской гегемоніи, не подпала подъ *болѣе тяжелую русскую!* Во избѣжаніе такого оборота дѣлъ, Австрія готова была идти на какія угодно уступки и политическія комбинаціи. Только геройски-отчаянное сопротивленіе, оказываемое наполеоновскою арміею, вначалѣ 1814 года, вторгнувшимся во Францію союзнымъ войскамъ было причиной, что интриги, затѣваемые со разныхъ сторонъ противъ мало-мальски справедливаго рѣшенія вопроса о будущемъ проведеніи политическихъ границъ, на

картъ Европы, не приняли преждевременно характеръ открыто-враждебнаго выступленія одной части договаривавшихся между собой державъ противъ другой.

Провозглашенный всей политической Европой принципъ легитимизма затруднялъ донелзя установленіе естественныхъ и этнографическихъ границъ тамъ, гдѣ это требовалось во имя справедливости и экономическихъ интересовъ по отношенію къ тѣмъ областямъ и народностямъ, которыхъ диктаторскій произволъ *Наполеона*, царившій въ продолженіе десяти лѣтъ, ввергъ въ условія государственной жизни идущихъ въ разрѣзъ съ общимъ желаніемъ населенія. Баронъ *Штейнъ* прекрасно сознавалъ всю тщетность своихъ попытокъ убѣдить кого-либо изъ державшихъ въ своихъ рукахъ судьбу народовъ монарховъ, въ зловредности политическаго принципа, покоющагося на одномъ легитимизмѣ. Онъ писалъ и доказывалъ Императору Александру I и всѣмъ правительствамъ союзныхъ великихъ державъ, что добрая треть всѣхъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей не достойна царствовать дольше или вновь занять упраздненные *Наполеономъ* престолы. *Штейнъ* высказывалъ между прочимъ открыто мысль, что никогда французскій властелинъ не достигъ бы такого могущества, славы и преобладанія въ Европѣ, если бъ не поразительно счастливая случайность способствовала ему въ этомъ. Во всемъ старомъ свѣтѣ не было въ началѣ карьеры *Наполеона* ни одного монарха, приближавшагося хоть немного по уму, характеру, энергіи и силѣ воли, къ геніальному корсиканцу. Его окружали со всѣхъ сторонъ главы государствъ или совсѣмъ невмѣняемые, какъ короли Англіи *Георгъ III* и Швеціи *Густавъ IV*, или стоявшіе на уровнѣ средняго интеллектуальнаго развитія и даже ниже этого, какъ напримѣръ король *Фридрихъ Вильгельмъ III*, императоръ *Францъ I*, оба короля Сардиніи *Викторъ-Амедей* и *Карлъ Эммануилъ IV*. Король неаполитанскій *Фердинандъ IV*, король испанскій *Карлъ IV* и португальскій *Иоаннъ VI* были самыми заурядными личностями, неспособными подняться въ своихъ воззрѣніяхъ до умственнаго уровня, необходимаго для успѣшнаго плодотворнаго управленія сложнымъ правительственнымъ механизмомъ страны. Наткнись *Наполеонъ* хоть на одного изъ такихъ противниковъ какими были: *Петръ Великій*, *Фридрихъ II* или *Иосифъ II* австрійскій, онъ едва-ли восторжествовалъ бы такъ легко надъ всей Европой. Слѣпая фортуна дѣйствительно много содѣйствовала первоначальнымъ блестящимъ успѣхамъ необычайно смѣлаго, рѣшительнаго и хитраго генерала *Буонапарте*.

Завѣдуя дѣлами центральной комиссіи или временнаго административнаго департамента, какъ называлось учрежденіе, основанное правительствами союзныхъ государствъ: Россіей, Австріей и Пруссіей, для управленія германскими областями, оккупированными войсками коалиціи, баронъ Штейнъ имѣлъ возможность ознакомиться поближе съ былымъ образомъ правленія монарховъ въ нѣкоторыхъ государствахъ, входившихъ въ составъ рейнскаго союза, при чемъ наткнулся на многія доказательства, подтверждавшія ходячую дурную славу про многихъ сувереновъ западно - и южно - германскихъ странъ. Такъ про короля вюртембергскаго, Фридриха I, онъ писалъ: *„Король вюртембергскій, отвратительный по своей наружности, своему чванству, обжорству, трусости и безпутной жизни. Невозможно, что такой человекъ не нашелъ бы соответствующій и достойный его характеру конецъ. Этотъ правитель осмѣлился даже послѣ Лейпцигскаго сраженія и отступленія наполеоновской арміи, когда черезъ Вюртембергъ стали проходить союзныя войска, отдать приказъ, чтобы въ госпитали, лазареты и больницы его королевства не принимали раненыхъ и больныхъ „иностранныхъ“ солдатъ. Штейнъ требовалъ энергично смѣщенія этого короля съ престола, но конечно ничего не могъ добиться. Но больше всѣхъ остальныхъ князей, отличавшихся деспотическими наклонностями и развратными похождениями, возмущалъ общественное мнѣніе изгнанный въ свое время Наполеономъ, послѣ Іенскаго сраженія, и возвратившійся къ концу 1813 года въ свои прежнія владѣнія Курфюрстъ гессенкасельскій Вильгельмъ I.*

Состоявшій у Штейна, въ качествѣ главнаго сотрудника, кабинетный секретарь короля прусскаго, Эйхюрнъ писалъ въ своемъ докладѣ про дѣла и поведеніе курфюрста гессенкасельскаго слѣдующее: *Der Kurfürst von Hessen übt eine Gerechtigkeit des Ueberstandes und der Roheit aus, die die Unterthanen zur Ver zweiflung bringt und in vielen Gemüthern die schlimmen zeiten der vorigen Regierung zurückwünscht.* (Курфюрстъ гессенскій проявляетъ справедливость, внушаемую одной ему глупостью, жесткостью и грубостью, чѣмъ доводитъ подданныхъ до отчаянія и пробуждаетъ въ душѣ ихъ желаніе къ возврату къ прежнимъ лихимъ временамъ правленія). Сего державнаго повелителя ненавидѣли всѣ его подданные, отъ малаго до великаго, за его необычайную скарედность, жестокость и нравственную нечистоплотность, которой, впрочемъ, соответствовалъ и внѣшній его видъ.

И подумать только, что изъ-за подобной отвратительной фигуры было не мало пролито и русской крови! Про баварцевъ

Эйхюрнъ доносилъ Штейну официально, что наглымъ притязаніямъ начальниковъ баварскихъ гарнизоновъ нѣтъ предѣла. Чиновники и политическіе шпіоны баварскаго правительства проявляютъ всюду суетное безпокойствіе съ заносчивой дерзостью и низкими подвохами по отношенію къ властямъ центральнаго департамента. Суть дѣла заключалась въ томъ, что правительства трехъ союзныхъ континентальныхъ державъ оставили на мѣстѣ весь административный аппаратъ и служебный укладъ въ оккупированныхъ нѣмецкихъ областяхъ, предоставивъ центральному управленію только высшій надзоръ за правильнымъ теченіемъ государственно-общественной жизни въ означенныхъ областяхъ. Не будь во главѣ этого учрежденія барона Штейна, оно не имѣло бы никакого значенія. Австрійскимъ членомъ правленія значился въ немъ графъ Шниель, послѣ того, какъ отказался отъ этой должности извѣстный политикъ и публицистъ Гентцъ. Прусскимъ уполномоченнымъ состоялъ тайный совѣтникъ Фризе. Со стороны Россіи принимали участіе упомянутый уже выше швейцарецъ изъ Базеля, Андрей Меріанъ и пріобрѣтшій впоследствии извѣстность коллежскій ассесоръ Николай Турненевъ, котораго баронъ Штейнъ очень полюбилъ и цѣнилъ за его прямоту, честность и преданность долгу, а также и за любознательность, выдающееся дарованіе и стремленіе къ наукамъ. На Турненева Штейнъ произвелъ, въ свою очередь, неизгладимое впечатлѣніе. Въ вышедшей въ 1847 году въ Парижѣ книгѣ Турненева „*La Russie et les Russes*“ онъ характеризуетъ бывшаго своего начальника спустя уже 18 лѣтъ послѣ его смерти такъ: „Sa tête était trop vaste pour ne penser qu'aux intérêts d'une seule caste; son âme trop grande, trop fort pour ne s'occuper que des destinées d'une fraction alors quelle pouvait embrasser le tout.—On parle du Dôme de Cologne, ce monument à part, qui doit devenir le symbole mystique d'une unité non moins mystérieuse. Un monument élevé à Stein au nom de tout le peuple allemand ferait, à mon avis, beaucoup mieux comprendre qu'il s'est opéré un nouveau progrès réel dans l'esprit public de ce peuple“.

(Его умъ былъ слишкомъ обширенъ, чтобы думать только объ интересахъ одного сословія; онъ былъ слишкомъ великодушенъ, чтобы принимать къ сердцу судьбу какой-либо одной фракціи, разъ она не могла обнять все остальное. Говорятъ о Кельнскомъ соборѣ, этомъ особенномъ памятникѣ, который, какъ таинственный символъ, долженъ олицетворять не менѣе таин-

ственное объединеніе. Воздвигнутый памятникъ *Штейну* отъ имени всѣхъ народовъ Германіи гораздо лучше уяснилъ бы все, что сдѣлано имъ новаго въ области реального преуспѣянія общественнаго мнѣнія среди этого народа).

Вотъ какъ оцѣнилъ безпристрастный русскій человекъ чувствительнаго государственнаго дѣятеля, котораго монархъ той страны, гдѣ онъ служилъ, умѣлъ очертить лишь отборно бранными словами, съ прибавленіемъ угрозы отправить его въ заточеніе. Нѣтъ, правы были немногіе прозорливые политическіе умы той эпохи, утверждавшіе, что *Наполеонъ* потому такъ легко справился со всей Европой, что противники, равно какъ и приверженцы его были *черезчуръ уже ничтожны*. Они были прямо подавлены престижемъ французскаго императора, который, въ качествѣ протектора рейнскаго союза, держалъ ихъ въ полной матеріальной зависимости отъ себя и распоряжался въ этой донелзя нелѣпой въ политическомъ и географическомъ значеніи слова организаціи, какъ въ своей частной вотчинѣ. Обаяніе Наполеона въ Германіи носило буквально сказочный характеръ, о чемъ свидѣтельствовалъ слѣдующій фактъ.

Въ сраженіи при Вуршенѣ или Бауценѣ, небольшому отряду русскихъ регулярныхъ кавалеристовъ и казаковъ удалось напасть на заблудившійся французскій обозъ, въ которомъ случайно находились и четыре фургона съ вещами самаго императора *Наполеона*. Чтобы не дать возможность овладѣть непріятелю добычей, французскій конвой взорвалъ незначительный пороховой транспортъ, вслѣдствіе чего уничтожены были и придворные фургоны. Спустя нѣкоторое время прибываетъ въ Дрезденъ съ экстренной почтой, на взмыленныхъ отъ бѣшеной ѣзды лошадяхъ, таинственная личность и останавливается въ королевскомъ дворцѣ. Но здѣсь пріѣзжій незнакомецъ сразу сильно заболѣваетъ и къ нему спѣшатъ не только придворные лейбъ-медики, но и самъ саксонскій король *Фридрихъ Августъ I*. По городу стали носиться разнообразныя тревожныя слухи относительно личности внезапно прибывшаго съ почтой пассажира. Скоро граждане Дрездена передавали другъ другу шепотомъ на ухо имя больного гостя, произнося членораздѣльно слово: *На-по-ле-о-нъ*. И дѣйствительно, судя по поведенію придворныхъ и короля, можно было предполагать, что въ покояхъ дворца лежитъ самъ великій императоръ. По два и по три раза въ день отправлялся саксонскій монархъ къ больному осведомляться о состояніи его здоровья. Наконецъ, незнакомецъ поправился и сталъ выходить, при чемъ только и

выяснилось, что это былъ старшій камердинеръ Наполеона, посланный въ Дрезденъ за покупкой необходимыхъ вещей, погибшихъ отъ взрыва ¹⁾.

Магическій страхъ и трепеть, распространяемый всюду Наполеономъ при его появленіи, очень умѣло поддерживался, съ чисто комедіантской виртуозностью, его приближенными: маршалами, министрами, генералами, посланниками вплоть до послѣдняго писаря или сержанта. Императоръ Александръ I и чины его арміи, прошедшіе побѣдоносно отъ Москвы до Парижа, не проявили и десятой доли такого умѣнья, между тѣмъ для тѣхъ временъ это было не лишнимъ нравственнымъ подспорьемъ при веденіи дипломатическихъ переговоровъ. Вообще же то самоуниженіе, внушенное русскому войску, которымъ гордились у насъ въ нѣкоторыхъ военныхъ сферахъ, какъ признакомъ культурности и гуманности, не принесло намъ никакой пользы и не повысило ни на волосокъ нашъ нравственный цензъ въ глазахъ Европы. Во время кампаніи 1814 года во Франціи, русскія войска отличались опять наиболѣе строгой дисциплиной, въ сравненіи съ другими. Это обстоятельство отмѣчаютъ особенно наши офицеры изъ остзейскихъ уроженцевъ, какъ напримѣръ Эдуардъ фонъ Левенштейнъ въ своихъ печатанныхъ на нѣмецкомъ языкѣ воспоминаніяхъ: „*Mit Graf Pahlens Reiterei gegen Napoleon*“ (Съ конницей графа Палена противъ Наполеона), гдѣ авторъ возмущается варварскимъ поведеніемъ баварскихъ, виртембергскихъ и прочихъ южно-германскихъ войскъ, этихъ недавнихъ „вѣрныхъ“ союзниковъ французскаго императора. Поводъ къ замѣчаніямъ и критикѣ давали иногда русскіе субалтернъ-офицеры, не отличавшіеся въ ту пору особеннымъ образованіемъ и воспитанностью, но грѣшившіе главнымъ образомъ по части черзмѣрнаго поклоненіе Бахусу. Благодаря только такому слишкомъ ужъ ретивому проявленію религіозныхъ чувствъ къ языческому Божеству, можно было объяснить и странный поступокъ генерала Дехтерева, разбившаго въ замкѣ (La Chapelle) собственноручно объ полъ драгоцѣнный, художественной работы, бюстъ Вольтера, предполагая, что онъ изображалъ какого-то французскаго маршала. Но кончилась война. Парижъ былъ взятъ и Наполеонъ устраненъ съ французскаго престола. Наступило время сравнительнаго успокоенія и отдыха отъ тяжелыхъ перипетей войны. Русскія войска стали

¹⁾ „Königsbergische Hartungsche privilegirte Zeitung“, отъ октября 1813 года и въ воспоминаніяхъ Варнгагена фонъ Энзе (Varnhagen von Ense).

постепенно возвращаться въ далекую родину, шествуя не торопясь обратно черезъ Германію, при чемъ однако имъ скоро пришлось убѣдиться, что отношеніе къ нимъ жителей существенно измѣнилось, по сравненію съ предыдущимъ годомъ. О восторженныхъ встрѣчахъ побѣдителей не было и помину. Всѣ старанія и помыслы были направлены къ тому, чтобы поскорѣе избавиться отъ неособенно щегольски обмундированныхъ пришелицъ.

Странный, необычайно антидемократическій и сословный духъ царилъ тогда надъ Европой, несмотря на то, что еще наканунѣ всѣхъ разыгравшихся событій, народы воодушевлялись идеями *братства, равенства и свободы*. Суровая, безрасудная реакція распространялась даже на мелочи. Такъ передъ торжественнымъ вступленіемъ въ Парижъ всѣмъ союзнымъ войскамъ приказано было пообчиститься, дабы не „шокировать“ своимъ неряшливымъ видомъ изящныхъ, образованныхъ, воспитанныхъ парижанъ и парижанокъ. Приказъ этотъ выполнялся съ *особенной строгостью въ русскихъ войскахъ*. Но и прусскій король хотѣлъ щегольнуть своей арміей и когда оказалось, что у 4-го корпуса генерала Горка (самого лучшаго, самого храбраго) не оказалось приличной обмундировки, *Фридрихъ Вильгельмъ III* вычеркнулъ въ приказѣ его изъ числа корпусовъ, назначенныхъ участвовать въ шествіи съ примѣчаніемъ „*schmutzige Leute*“ (грязные люди) ¹⁾. Сильно обтрепанный видъ русскихъ отрядовъ, идущихъ черезъ нѣмецкія земли домой, былъ нерѣдко причиной недоразумѣній. Граждане Германіи вспоминали о блестящей внѣшности наполеоновской гвардіи, дѣлая банальныя сравненія, совершенно забывая при этомъ, что грозный повелитель этою отборною войскою одѣвался, снаряжалъ и кормилъ своихъ поражающихъ красотой легионовъ, большею частью на счетъ покоренныхъ имъ нѣмецкихъ земель! Недоразумѣнія съ русскими военными властями выходили и на почвѣ исторической оцѣнки недавняго прошлаго, превратившагося въ воспоминаніяхъ нѣмецкаго народа въ сказанія, далеко не соотвѣтствовавшія дѣйствительности.

Одно изъ наиболѣе крупныхъ недоразумѣній произошло 3-го августа 1814 года въ небольшомъ городкѣ Восточной Пруссіи, въ Гумбинненѣ. Въ означенный день праздновалось рожденіе короля *Фридриха Вильгельма III*. Въ виду радостнаго избавленія государства отъ тяготѣвшаго надъ нимъ въ продолженіе 6^{1/2} лѣтъ

¹⁾ Смотри Дройзенъ „Жизнь фельдмаршала Горка“.

невыносимаго ига, общественныя и правительственныя власти не одного города, но и всего округа рѣшили отпраздновать этотъ день съ особенной помпой. Находившійся случайно проездомъ въ Гумбинненъ нашъ, хорошо извѣстный всей Германіи, бывшій русскій главнокомандующій, *графъ Витенштейнъ* съ нѣкоторыми другими высшими военными чинами русской арміи получили тоже приглашеніе. Но такъ какъ во всемъ городѣ не нашлось достаточно большого зала для помѣщенія всѣхъ желавшихъ принять участіе въ банкетѣ, то распорядились устроить его въ великолѣпномъ саду при зданіи правительственныхъ провинціальныхъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что погода очень благопріятствовала такой затѣѣ. Единственный провозглашенный тостъ за короля былъ произнесенъ *Regierungspresident*-омъ (губернаторомъ), превозносившимъ при этомъ заслуги *Фридриха Вильгельма III* въ самыхъ превыспренныхъ выраженіяхъ, не скупясь на похвалу и по адресу прусской арміи. *Графъ Витенштейнъ* былъ вполне увѣренъ, что послѣ этой здравицы и прочихъ диэирамбовъ, послѣдуетъ тостъ и за русскаго императора и его войско, но когда вмѣсто ожидаемаго провозглашенія участники трапезы затянули банальный и чисто буржуазный гимнъ: (*Spiessbürger-Hymne*) „*Der König rief und alle, alle kamen*“, *графъ Витенштейнъ* не вытерпѣлъ и, возмущенный безтактностью устроителей банкета, всталъ и произнесъ рѣчь, въ которой громко заявилъ, что нужно пѣть: не *Der König rief*, а *Der Kaiser rief*, ибо только благодаря энергіи и настойчивости идеально безкорыстнаго императора всероссійскаго и беззаветному мужеству его арміи, Пруссію удалось освободить отъ иноземной тиранніи. Не успѣлъ *графъ Витенштейнъ* кончить, какъ поднялся неистовый крикъ и шумъ, переполненный возгласами негодованія. Со всѣхъ концовъ громаднхъ банкетныхъ столовъ раздавались требованія о немедленномъ и насильственномъ удаленіи русскихъ гостей; многіе, особенно негодовавшіе, патріоты и горячія головы обступили *Витенштейна*, угрожая ему словами и жестами. Лишь энергичными стараніями наиболѣе благоумной части присутствовавшихъ на банкетѣ лицъ удалось предотвратить столкновеніе, могшее имѣть очень серьезныя послѣдствія ¹⁾. Этимъ некрасивымъ диссонансомъ закончилась эпопея пребыванія русскихъ войскъ въ Германіи. Исторія же

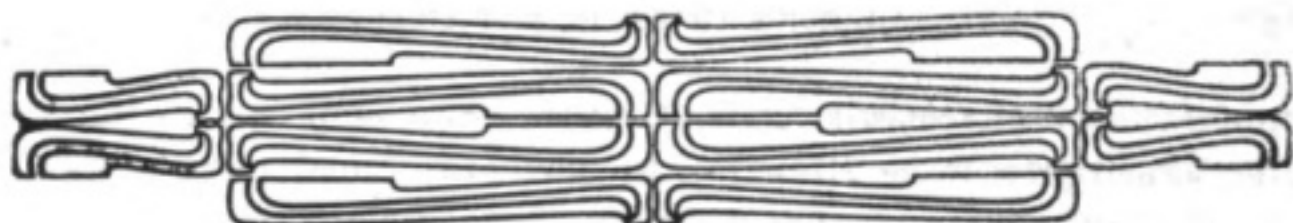
¹⁾ Донесеніе начальника Гумбинненскаго округа шефъ-президенту фонъ Ауэрвальду (Кенигсбергскій королевскій государственный архивъ) Königsbergische privilegierte Hartung'sche Zeitung von 7-ten August 1814.

занесла на своихъ крижальхъ нѣсколько новыхъ страницъ съ отдѣльными главами, между которыми поучительный трактатъ о полнѣйшей непригодности, хотя бы только частичнаго примѣненія обычной семейно-гражданской или общественной нравственности къ вопросамъ внѣшней политики является самымъ важнымъ, ибо онъ доказываетъ, что никакой настоящей, т.-е. не согласующейся съ жизненными интересами страны, благодарности между государствами не было, нѣтъ и *быть не можетъ*. Оказывать же безкорыстные услуги, вплоть до благодѣянія чужому народу, не считаясь съ нуждами своего, родного, ради преслѣдованія однихъ общечеловѣческихъ, утопическихъ цѣлей ведетъ въ тупикъ мечтательныхъ умозрѣній, изъ котораго затѣмъ нѣтъ логическаго выхода. Въ правильности этого вывода убѣдился очень скоро Императоръ *Александръ I*, о дѣянїяхъ котораго намъ хотѣлось бы въ силу всего вышензложеннаго поговорить только въ отдѣльной главѣ.

Сообщилъ М. В. Станиславскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина ¹⁾.

I.

Д'Аваре, Азара.

Въ продолженіе долгаго времени, а именно — во время своего пребыванія въ Веронѣ, король Людовикъ XVIII оказывалъ особенное довѣріе графу д'Аваре, гвардейскому капитану. Онъ умно разставилъ перекладныя, когда государь его спасался изъ Франціи, и король, довольный предложомъ, оправдывавшимъ въ его глазахъ благосклонность, въ сущности, впрочемъ, неизвинительную, повторялъ съ аффектаціей, что онъ ему обязанъ жизнію. Вслѣдствіе этого, онъ позволилъ ему присвоить себѣ французскій гербъ, вмѣсто его собственнаго, герба рода Безіадъ, и прибавить къ нему, вмѣсто девиза, число того дня, когда они оба переѣхали границу королевства. Я осмѣлился спросить, что бы еще сдѣлалъ король Людовикъ XVIII въ пользу маркиза де Бульё, если бы путешествіе въ Варенъ удалось? но ослѣпленіе господина могло равняться только нахальству незначительнаго человѣка, который часто, обращеніемъ своимъ съ королемъ, приводилъ въ затрудненіе присутствовавшихъ, и, вмѣшиваясь во все съ чрезвычайной самоувѣренностію, приносилъ большой вредъ дѣламъ его величества.

Однажды, когда можно было того всего наименѣе ожидать,

¹⁾ Записки графа Ѳ. Г. Головкина, бывшаго русскимъ посланникомъ въ Неаполѣ въ концѣ царствованія императрицы Екатерины, далеко не всѣ извѣстны по напечатаннымъ уже извлеченіямъ. Нѣкоторые отрывки изъ нихъ, ярко характеризующіе эпоху и самого автора, мы и предлагаемъ вниманію читателей въ русскомъ переводѣ.

прибыль съ опасностію жизни, проѣхавъ черезъ всю Францію, адъютантъ г. де Шарета, въ качествѣ довѣреннаго лица главы Вандейскаго возстанія. Онъ привезъ извѣстія съ предложеніями самой высокой важности и проекты вполне разсудительные, чего нельзя было сказать про проекты, составленные на собраніи въ Веронѣ. Какъ только этого героя ввели въ кабинетъ короля, какъ тотчасъ же въ него вошелъ г. д'Аваре, изъ внутреннихъ комнатъ и, безъ церемоній, бросился въ кресло.—„Ваше в-ство, кто это?“ спросилъ пораженный вандеецъ.—„Это“, отвѣчалъ король, сконфуженный дерзостью своего фаворита и гнѣвомъ военнаго, „это графъ д'Аваре, который спасъ мнѣ жизнь; онъ же и отвезетъ меня во Францію“.—„Странно, ваше в-ство, что мы никогда не слыхали о немъ. Человѣкъ, вполне заслужившій вашу благосклонность, долженъ бы быть отправленъ къ г. де Шаретъ“. Разговоръ становился щекотливымъ и, къ довершенію неловкости, фаворитъ, желая, какъ говорится, прервать разговоръ, вынулъ часы,—и сказалъ, какъ если бы короля тамъ не было:—„шесть часовъ; я отвезу васъ сейчасъ въ оперу“.—„Уже шесть лѣтъ, какъ добрые французы туда болѣе не ѣздятъ“; и вандеецъ, бросивъ презрительный взглядъ, вышелъ изъ кабинета, не ожидая приказаній короля. Шаретъ сказалъ намъ, т.-е. графу д'Е. и мнѣ:—„Предупредите короля, что если когда-нибудь онъ привезетъ намъ такихъ негодяевъ... въ Вандею, мы станемъ ихъ вѣшать“. Въ виду того, что, согласно моимъ инструкціямъ ¹⁾, я долженъ былъ находиться въ распоряженіи французскихъ принцевъ, насколько, по моимъ соображеніямъ, это могло входить въ ихъ интересы и соотвѣтствовать принципамъ моего двора, во все время пребыванія моего тамъ, я велъ дѣятельную переписку съ королемъ и его совѣтниками. Г. д'Аваре безпрестанно примѣшивалъ свою прозу, и, чтобы судить объ ея остроуміи, достаточно знать, что какъ-то онъ послалъ мнѣ пространную докладную записку съ приглашеніемъ неаполитанскому королю продать всѣ свои охотничьи экипажи, а вырученныя суммы обратить въ пользу своихъ французскихъ двоюродныхъ братьевъ. Это было все равно, какъ если бы предложить Фердинанду отказаться отъ жизни.

Здоровье г. д'Аваре, всегда очень плохое, ухудшилось еще со времени пребыванія его въ Миланѣ и заставило удалиться изъ одного климата въ другой, до Мадеры включительно, гдѣ

¹⁾ Въ бытность Головкина посланникомъ (министромъ) Россіи въ Неаполѣ (1794- 1796).

онъ и умеръ. Король, въ подтвержденіе своего мнѣнія, которое всегда старался высказывать относительно его заслугъ, потому что не могъ уже болѣе его терпѣть, возвелъ отца его въ герцогское достоинство и званіе гардеробмейстера, назначивъ большіе оклады и, что еще хуже того,—съ утвержденіемъ герба. Безіады были не знатнаго рода, но отецъ графа д'Аваре, перваго герцога, женился на M-lle де Нель, сестрѣ княгини де Монбарей и извѣстной графини Куялись, и такимъ путемъ достигъ пріѣзда ко двору.

Король былъ слишкомъ уменъ, чтобы разсчитывать убѣдить меня въ истинѣ воображаемыхъ услугъ и заслугъ графа д'Аваре. Не зная, до какой степени мой взглядъ на все, касавшееся его, былъ точенъ и ясенъ, онъ вообразилъ, что повѣряетъ мнѣ настоящую причину своей привязанности, съ его точки зрѣнія безъ сомнѣнія, именно что этотъ почтенный и достойный другъ, видя, насколько, въ бытность свою въ Кобленцѣ, государь его увлекается графинею Бальби, открылъ ему глаза на эту опасную женщину, и такимъ образомъ оградилъ его репутацію со стороны нравовъ и безопасности. Я все это разсказалъ герцогу Вогижонъ и графу С.-При, и они согласились, что его в-ство злоупотребляетъ правомъ обращаться со мной, какъ съ иностранцемъ, слишкомъ разсчитывая на мое незнаніе дѣла и легковѣріе. Впослѣдствіи, когда дѣло шло о г-жѣ Занло, узнали, что его в-ству всегда было пріятно, чтобъ его подозрѣвали въ небольшой склонности къ прекрасному полу. Дѣло въ томъ, что онъ, отъ рожденія, былъ лишенъ самаго утонченнаго чувства, чувства красоты, и слѣдовательно ничто никогда не могло содѣйствовать къ его развитію.

Шевалье д'Азара, бывшій такъ долго испанскимъ министромъ въ Римѣ и умершій посланникомъ въ Парижѣ, былъ, по его словамъ, сициліанецъ незнатнаго происхожденія. Это былъ человѣкъ средняго роста, носившій отпечатокъ благородства, съ сильнымъ характеромъ, замѣчательнаго ума и обладавшій познаніями преимущественно по древней литературѣ и искусствамъ. Каждое утро, безъ исключенія, перечитывалъ онъ Горация. У него было слишкомъ много такта и вкуса, чтобы его цитировать, особенно по-латыни, но можно было замѣтить, что поэтический духъ, которымъ отличалась его бесѣда, былъ воспитанъ въ этой высокой школѣ. Онъ былъ другъ и покровитель Менга. Артисты и писатели, если только были сколько-нибудь того достойны, находили въ немъ мецената.

Сначала онъ былъ извѣстенъ по своему управленію Римомъ,

которое раздѣлялъ съ нимъ кардиналъ Берни, французскій повѣренный въ дѣлахъ. Дружба ихъ, основанная на короткости ихъ ежедневныхъ сношеній, всегда была искренна. Кардиналъ обладалъ кротостью и мягкостью въ той же степени, какъ шевадье—силой и высокоуміемъ; одинъ успѣвалъ тамъ, гдѣ другой терпѣлъ неудачу. Г. де Берни дополнялъ г. д'Азара въ ловкости, а послѣдній придавалъ энергію первому. Что ускользало отъ перваго, легко давалось второму. По смерти кардинала, Азара остался одинъ господиномъ Рима. Привычка, болѣе чѣмъ религія, составляла основу папскаго могущества, и, со времени французской революціи и послѣ превратностей судьбы, испытанныхъ австрійскимъ императорскимъ домомъ, Испанія одна, можно сказать, поддерживала величіе папскаго престола. Преждевременно утомленный человѣческими слабостями и политическими ошибками, испанскій министръ обратился къ филантропической системѣ, которая отнимала у него часть энергіи.

Онъ не вдругъ увидалъ, до какой степени уклонился отъ своихъ собственныхъ принциповъ и отъ законовъ своего положенія и, гордый воспоминаніями о власти, которой владѣлъ онъ въ продолженіе полувѣка, полагалъ, что достаточно было его „Quos ego“ для удаленія всякой опасности. Онъ полагалъ также, что, занявъ Толентинское ущелье, черезъ которое Бонапартъ готовился перейти, онъ своимъ краснорѣчіемъ и логикой заставить вернуться вспять человѣка, для котораго не было преградъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Азара вдался въ обманъ, наравнѣ съ Франціей и всѣмъ міромъ, и честь его пострадала также наравнѣ съ честью другихъ; по крайней мѣрѣ извиненіемъ ему служили его прошлые успѣхи и хорошія намѣренія. Въ расчетъ человѣческаго самолюбія входитъ преувеличеніе значенія проступковъ тѣхъ, которые казались наименѣе способными ихъ сдѣлать, потому-то такъ много людей, стоявшихъ несравненно ниже Азара по своимъ талантамъ и характеру, старались наложить темныя пятна на поведеніе, а въ послѣдствіи и на память шевадье Азара. Вслѣдствіе этого именно я вмѣнилъ себѣ въ обязанность воздать должное памяти Азара, хотя и не раздѣлялъ его мнѣній, отдать справедливость этому благородному и открытому характеру, который никогда не сбивался съ пути чести, и осмѣлился стать выше своего положенія и данныхъ ему инструкцій, когда ему грозила опасность удаленія отъ него. Сейчасъ увидать, что я говорю о немъ съ знаніемъ дѣла. Буду стараться оправдать испанскаго министра, основываясь на нѣкоторыхъ фактахъ его долгой политической карьеры.

Этотъ мало интересный въ данное время предметъ прольетъ нѣсколько свѣта на другіе, которые въ томъ нуждаются, и всегда будутъ возбуждать интересъ.

Климентъ XIV такъ мало рассчитывалъ быть папой, что въ самый день возведенія его въ это достоинство, видя Авара у рѣшетки конклава, поцѣловалъ у него руку съ просьбой оказать ему покровительство у будущаго первосвященника. Это былъ бѣдный монахъ, очень застѣнчивый, по привычкѣ искавшій себѣ покровителей. Ученые не могли понять, почему г. Каррачіоли и другіе писатели хотѣли его выставить въ исторіи за геніальнаго человѣка. Когда испанскій министръ пришелъ съ поздравленіемъ то сказалъ ему: „Обращаюсь съ первой просьбой къ вашему святѣйшеству“. — „Могу ли отказать въ чемъ-нибудь своему благодѣтелю?“ — „Просьба моя заключается въ томъ, чтобы вамъ хорошенько обмывали ноги, потому что этому не придаютъ особаго значенія“. Я откровенно разспрашивалъ министра относительно смерти Климента XIV. Вотъ его отвѣтъ: „Что бы тамъ ни говорили писатели и романисты, знайте, что жизнь этого бѣднаго человѣка никогда ничѣмъ другимъ не была отравлена, какъ только страхомъ передъ ядомъ. Это положительно трусъ, умершій отъ страха“. Предчувствія, непрерывная боязнь его, были такъ сильны, что, вручая кардиналу Берни папскую грамоту объ уничтоженіи іезуитовъ, онъ сказалъ ему: — „Вы этого хотѣли: это мой смертный приговоръ“, и съ этой минуты — впалъ въ агонію. Г. кардиналъ Берни рассказывалъ противное. (Я это слышалъ, между прочимъ, отъ герцоговъ де Ноайль и де Лаваль): онъ приписывалъ смерть отравѣ.

Никто при папскомъ дворѣ не возбуждалъ такъ досады г. Авара, какъ Пій VI. Во-первыхъ, вслѣдствіе возведенія его въ папское достоинство, изъ-за котораго Авара едва не лишился мѣста, потому что мадритскій дворъ не хотѣлъ одно время признавать новаго папу. Поведеніе Броти считалось скандальнымъ: онъ рано достигъ кардинальскаго пурпура, и вовсе не каноническими путями, но судьба явно покровительствовала счастливцу. Испанскій дворъ получилъ о томъ извѣстіе объ избраніи съ отвращеніемъ. Карлъ III горько плакалъ и думалъ отмѣнить баллотировку. Авара нуждался во всѣхъ своихъ умственныхъ способностяхъ и въ дѣйствительной бодрости духа, чтобы воспрепятствовать этому большому скандалу и, быть можетъ, церковной схизмѣ, тѣмъ болѣе опасной для религіи, что враги его, уже явно озлобленные, не пропустили бы такого благоприятнаго случая осмѣять

своего властителя. Но новый папа заставилъ его дорого заплатить за такую большую услугу. Онъ былъ до того упрямъ и грубъ, что каждый день бывали новыя непріятности. Испанскій министръ назначилъ ему въ государственные секретари Буонкомпаньо, умнаго и знатнаго человѣка, младшаго брата князя Піомбино, съ которымъ у него ежедневно бывали непріятности болѣе, или менѣе важныя. Однажды у нихъ дѣло дошло до того, что св. отецъ ударилъ кардинала, который, въ свою очередь, взявъ его святѣйшество за воротъ, порядкомъ поколотилъ его. Г. Азара, тотчасъ же предувѣдомленный объ этой сценѣ, отправилъ слишкомъ горячаго кардинала въ Болонью, а самъ отправился потомъ въ Ватиканъ, гдѣ ожидалъ его папа съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Какъ только папа завидѣлъ его издали, такъ закричалъ: „Разскажу вамъ неслыханный случай“. — „Все знаю, св. отецъ, и мнѣніе мое безповоротно“. — „О! негодай представилъ вамъ это дѣло по-своему“. — „Я ему вѣрю: онъ слишкомъ знатнаго рода, чтобы снизойти до лжи“. — „Я желаю, чтобъ вы меня выслушали“. — „Хорошо“. Разсказъ былъ очень длиненъ, а св. разсказчикъ — очень вспыльчивъ, по обыкновенію. — „Ну, что вы о томъ думаете теперь?“ — „Думаю, что кардиналъ держалъ себя по-княжески, а папа — не лучше лакея“.

Тонъ г. Азара съ св. коллегіей (соборомъ кардиналовъ) былъ тонъ визиря съ рабами. Азара самъ находилъ его смѣшнымъ, неприличнымъ, но считалъ необходимымъ, и оставлялъ его не иначе, какъ съ людьми дѣйствительно достойными, что производило тогда большой эффектъ, какъ вообще нѣчто рѣдкое, выдающееся. Онъ меня такъ сильно полюбилъ, что бывало, когда я замѣчалъ передъ обѣдомъ, что я находилъ общество слишкомъ многочисленнымъ, или недостаточно избраннымъ, то приказывалъ приносить два прибора въ гостиную, гдѣ мы обѣдали вдвоемъ, и посылалъ принцессу Сантакросъ въ столовую для пріема гостей. Помню фактъ, который особенно поразилъ меня, хотя самъ по себѣ былъ ничтоженъ. Доложили о кардиналѣ, приверженцѣ Австріи. — „Его надо принять. Вотъ уже десять разъ со вчерашняго дня, какъ онъ проситъ допустить его до меня“. Кардиналъ входитъ, говоритъ нѣсколько словъ на ухо шеваље, котораго легкій пароксизмъ подагры удерживаетъ на кушеткѣ. — „Жалѣю, что подумалъ, будто ваше в-ство пріѣхали только поблагодарить меня за посланныя книги; но ничего не потеряно. Я пошлю за римскимъ губернаторомъ, намою ему порядкомъ голову, и дѣло уладится“.

Кардиналъ удалился. Послали за губернаторомъ; съ нимъ обошлись, какъ съ послѣднимъ изъ людей, и, полтора часа спустя, кардиналъ вернулся благодарить за быстро оказанную справедливость. Дѣло шло объ убійствѣ его повара. Мнѣ необходимо было привести нѣсколько подобныхъ анекдотовъ, чтобы сдѣлать болѣе правдоподобнымъ тотъ, который сейчасъ расскажу; онъ послужить отвѣтомъ всѣмъ, хотѣвшимъ выдать г. Азара за якобинца и измѣнника дѣлу Бурбоновъ.

Это было въ 1794 г. Маленькій король Людовикъ XVII только-что умеръ въ рукахъ негодяевъ, которымъ поручили его особу. Азара, какъ и я, былъ въ личныхъ отношеніяхъ и велъ правильную переписку съ *Monsieur* (братомъ Людовика XVI, графомъ Прованскимъ, впослѣдствіи Людовикомъ XVIII), поселившимся въ Веронѣ и признаннымъ регентомъ меньшинствомъ дворовъ. Легко было предвидѣть, что принцъ приметъ титулъ короля, но державы и всѣ наши дозволятъ ли смуты? Могли ли бы мы взять на себя отвѣтственность за инициативу! Могли ли мы, не считая личнаго чувства, дать примѣръ низости?—„Другъ мой, сказалъ мнѣ Азаръ, не знаю, что сдѣлаетъ мой дворъ, но знаю хорошо, что онъ долженъ сдѣлать, и я придамъ величія новому королю“. Мнѣ, молодому русскому посланнику было не такъ легко, какъ старому министру, увѣренному въ своемъ кредитѣ, разрѣшить такое деликатное дѣло, но я всегда полагалъ, что главное нужно быть благороднымъ, и мы, первые во всей Европы, признали вдвоемъ Людовика XVIII. Когда я принесъ свою ноту шевалье, для отправления вмѣстѣ съ его, онъ мнѣ сказалъ:—„Это не все: надо заставить папу сдѣлать то же, и какъ у васъ нѣтъ никакой официальной роли, вы можете начать атаку. Если получится успѣхъ, то это будетъ важный шагъ, который можетъ увлечь за собой общественное мнѣніе. Если же намъ не удастся, то, по крайней мѣрѣ, мы поступимъ, какъ люди благонамѣренные. Послѣ полудня отправился я въ Ватиканъ. Кардиналъ Зелада, государственный секретарь, былъ предупрежденъ заранѣе и впустилъ меня къ папѣ. Его святѣйшество принялъ меня, по обыкновенію, очень хорошо; но я засталъ его такимъ боязливымъ, нерѣшительнымъ, и къ тому же столь естественно упорнымъ относительно всего, что не выходило изъ его святѣйшаго мозга, что мнѣ надо было отказаться отъ славы внушить ему идею, какъ бы ни была она прилична и серьезна по послѣдствіямъ, которыя могла повести за собою. Г. Азаръ не потерялъ бодрости духа, и на слѣдующее

же утро самъ принялся за атаку. Послѣдовали просьбы и отказы, возраженія и упорство, угрозы и упрямство. Наконецъ обоюдная вспышка. Министръ вышелъ изъ себя и, въ присутствіи служащихъ прелатовъ, наполнявшихъ пріемную, закричалъ папѣ:— „Ваше в—ство, вы были и будете всегда глупцомъ!“ Св. отецъ, привыкшій, въ продолженіе 30 лѣтъ, къ внутреннему раздору, затаилъ новую обиду, но затѣмъ еще болѣе упорствовалъ въ желаніи не признавать старшаго сына церкви. Впослѣдствіи, когда Испанія, перемѣнивъ систему, завела сношенія съ національнымъ конвентомъ, Авара написалъ королю Людовику XVIII: „Говорятъ, что дворъ мой ведетъ переговоры съ Франціей. Не знаю, будетъ ли продолжаться пенсія вашему в-ству (36 тысячъ піастровъ), но умоляю ничего не предпринимать по этому поводу. Всѣмъ, что я имѣю, я обязанъ покойному королю Карлу III, моему доброму государю. Я получилъ состояніе свое отъ Бурбоновъ, и оно должно перейти къ Бурбонамъ. Глава ихъ дома не долженъ стѣсняться принять доказательство признательности человѣка, который служитъ имъ уже 40 лѣтъ“. Въ то время какъ Авара это писалъ, онъ уже содержалъ на свой счетъ въ Римѣ французскихъ принцессъ и ихъ свиту.

Самая непріятная миссія, которую долженъ былъ выполнить г. Авара въ продолженіе своей долгой дипломатической карьеры, возложена была на него королемъ Карломъ III, который относился къ Авара съ особеннымъ уваженіемъ. Слѣдовало поѣхать въ Неаполь съ письмами, въ которыхъ заключались усиленные просьбы къ королю Фердинанду заточить королеву въ монастырь или тотчасъ же отправить ее въ Вѣну. Но слабость сына разрушила справедливость отца. Оба двора помирились только со смертію послѣдняго, и гнѣвъ королевы не имѣлъ ни границъ, ни конца. Министръ, болѣе спокойный, забавлялся тѣмъ, что приводилъ въ отчаяніе принцессу, которую, къ тому же, публично обвинялъ, будто она хотѣла его отравить. Одна изъ самыхъ удачныхъ его мыслей лучше всего осуществилась, когда онъ велѣлъ поставить въ испанскомъ дворцѣ, въ Римѣ, большую картину, на которой изображенъ былъ король обѣихъ Сицилій, на колѣнахъ принимавшій свои владѣнія, какъ даръ отеческой любви.

Пріѣхавъ впослѣдствіи въ Римъ, королева, съ самой границы, даже фореиторамъ, говорила объ Авара, называя его не иначе, какъ плутомъ, испанскимъ негодяемъ. Когда карета остановилась передъ дворцомъ Фарнезе, королева тогда

только вышла, когда римскій губернаторъ увѣрилъ ее честнымъ словомъ, что Авара высылъ изъ города, чего онъ не могъ не сдѣлать, вслѣдствіе убѣдительныхъ просьбъ папы. Тѣмъ не менѣе въ случаяхъ, повторявшихся ежедневно все чаще и чаще, когда слѣдовало отдѣлать частные интересы отъ общихъ, министръ придерживался образа дѣйствій, достойнаго общественнаго дѣятеля и честнаго человѣка. Приведу примѣръ достаточно сильный, который не оставитъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно его лояльности и откровенности. Регентъ Швеціи, герцогъ Зюдерманландскій, впослѣдствіи Карлъ XIII, поссорился съ неаполитанской королевой, вслѣдствіе оказанной ею протекціи барону Армфельдъ, шведскому министру въ Италіи, замѣшанному въ заговоръ противъ этого принца, который напрасно старался овладѣть имъ въ Неаполѣ. Послѣдовало объявленіе войны, довольно неосторожное со стороны Швеціи, въ виду ея сношеній съ востокомъ, но такъ какъ обѣ воюющія стороны не могли сразиться оружіемъ, то съ обѣихъ сторонъ прибѣгнули къ перу самыхъ адскихъ составителей пасквилей. Королева, боясь новаго памфлета, который выпустить на ея счетъ г. Актонъ, синьоръ Пиранети, шведскій агентъ въ Римѣ, повѣрила мнѣ свои новыя опасенія. Я хотѣлъ убѣдить ее отнестись къ памфлетамъ съ полнымъ презрѣніемъ, но, вмѣсто того, чтобы принять такой мудрый совѣтъ, она умоляла меня спасти ее отъ новаго оскорбленія, мысль о которомъ преслѣдовала ее даже во снѣ. Я обѣщаль подумать о томъ. На слѣдующій день новыя настоятельныя просьбы. Тогда я высказалъ ей, что у меня только одно средство повиноваться ей, средство, которое однако не удобно ни предложить, ни принять. Королева пожелала знать какое. Средство заключалось въ томъ, чтобы обратиться къ шевалье Авара, который, будучи распорядителемъ въ Римѣ, одинъ могъ запретить, или перехватить пасквиль. Что касается меня, я такъ полагался на принципы этого министра, что вполне былъ увѣренъ въ возможности получить отъ него начальническое распоряженіе, необходимое для успокоенія ея в-ства. Сперва она и слышать не хотѣла; не опасность казалась ей неминуемой, и она согласилась на все. Однако, въ виду того, что при этомъ дворѣ осторожность была далеко не лишняя, я поставилъ условіе ожидаемой отъ меня услуги. Я долженъ былъ написать письмо въ кабинетъ королевы, предоставивъ ей заботу его отправить. Она прочитала его, секретарь ея запечаталъ письмо, и оно было отправлено. Нѣсколько дней спустя прибылъ изъ Рима на мое имя огром-

ный тюкъ. Это было все изданіе и манускриптъ пасквилья. Письмо, сопровождавшее его, было вскрыто только у королевы, которая не устояла противу желанія его прочесть. Азара уведомлялъ меня между прочимъ:—„Совѣтую вамъ обратить особенное вниманіе на доказательство уваженія, которое съ удовольствіемъ даю вамъ. Достаточно было одного вашего вмѣшательства, чтобы заставить уважать королевскую корону на той, которая столь недостойна носить ее. Клянусь вамъ всѣмъ для меня священнымъ, что нѣтъ болѣе ни одного листка памфлета ни въ манускриптѣ, ни въ печати; но въ то же время примите совѣтъ не такъ легкомысленно оказывать услугу людямъ, неспособнымъ ее оцѣнить“. Дѣйствительно, когда королева захотѣла меня погубить, она поставила въ число причинъ недовольства мной, что, будучи аккредитованъ при ея особѣ, я поддерживалъ такія близкія сношенія съ ея смертельными врагами, что съ обѣихъ сторонъ принесены были большія жертвы. Я полагаю, что впослѣдствіи г. Азара снѣдало большое горе, но безъ угрызенія совѣсти, при воспоминаніи о неудачѣ его переговоровъ въ Толентино. Онъ жилъ, какъ и слѣдовало честному человѣку, привыкшему къ успѣху, но жилъ очень дурно, и слѣдовало простить его врагамъ, также, какъ и всѣмъ не знавшимъ его, за дурное сужденіе о немъ. Его манера держать себя во Франціи была въ зависимости отъ его привычекъ. Однажды, когда Бонапартъ сдѣлалъ видъ, будто не видитъ его и повернулся къ нему спиною, Азара сказалъ громко своимъ сосѣдямъ: „Императоръ думаетъ разсердить меня: онъ видно не знаетъ, что я нисколько не цѣню его вниманія“.—Бонапартъ покраснѣлъ, и минутой спустя, обернувшись, притворился удивленнымъ.—„А! вы здѣсь, г. посланникъ, а я васъ искалъ...“ и обошелся съ нимъ какъ нельзя любезнѣе. Возвратившись какъ-то изъ дворца Бонапарта, онъ сѣлъ на кушетку и испустилъ духъ. Ему было тогда за 70 лѣтъ.

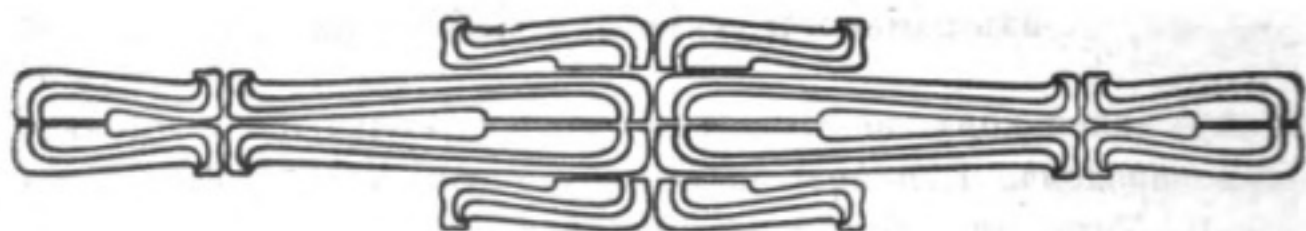
Разговоръ его былъ содержателенъ, остеръ, игривъ, откровененъ, и Іосифъ II, наслаждаясь имъ въ Римѣ, имѣлъ къ нему полное довѣріе, основанное на уваженіи къ его личнымъ достоинствамъ. Когда предметъ разговора увлекалъ Азара, у него являлось вдохновеніе, которое всегда удивляло и часто увлекало все собраніе. Когда рѣчь зашла за столомъ о памфлетахъ, осыпавшихъ насъ, кто-то нескромно замѣтилъ, что, по ихъ мнѣнію, $\frac{4}{10}$ наслѣдниковъ престола были незаконнорожденные.—„Что за бѣда“? живо воскликнулъ Азара: „говорятъ, что Астурійскій принцъ сынъ г. Далокастро, но опять

скажу, какое кому до того дѣло! его воспитываютъ и готовятъ быть королемъ. Испанцы знаютъ, что у нихъ долженъ быть король. Тотъ ли, другой ли, только бы онъ зналъ дѣло и сдѣлалъ ихъ счастливыми. Вотъ главное. Одни измѣнники и дураки откажутся ему повиноваться. Я готовъ это прокричать на мадритскихъ улицахъ, совершенно такъ, какъ говорю здѣсь“.

Сообщилъ Е. С. Шумигорскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова ¹⁾.

(Петербургской губерніи Лужскаго уѣзда).

Іюня 4-го. Съ утра отправивъ письмоводителя впередъ, поѣхалъ къ обѣднѣ за 24-е версты въ погостъ Чупрова Гора, предположивъ соединить двѣ волости, Чупровскую и Вычелобскую въ одну подъ названіемъ Зарѣчная волость.

Въ церкви слышалъ пѣніе пяти крестьянскихъ дѣвочекъ, на клиросѣ довольно стройно. Священникъ, у котораго послѣ обѣдни пилъ кофе, разсказалъ, что мысль о такихъ пѣвчихъ пришла ему оттого, что по дорогѣ домой они обыкновенно пѣли священные пѣсни. Вотъ простой и естественный путь по приученію и выбору желающихъ.

Приѣхавъ въ д. Ивну, я нашелъ оба волостныхъ схода соединенными и велѣлъ имъ назначить содержаніе лицамъ, служащимъ по выбору, а самъ вошелъ въ избу старика Егора Иванова и за стаканомъ чаю велъ съ нимъ бесѣду во многомъ поучительную.

Часа два толковали и кричали сосѣди съ разныхъ сторонъ, соединенные въ одно цѣлое, наконецъ сговорились и положили по примѣру Передольской волости: старостѣ—550 р., писарю—150 р., судьямъ по 50 р., о чемъ немедленно составленъ приговоръ, грамотные подписались, а прочіе всѣ поименованы.

По окончаніи приговора я хотѣлъ сказать имъ нѣсколько словъ и пришлось протолковать болѣе часа. Здѣсь выразились свободно нѣсколько крестьянскихъ толковъ, напр. о бобыляхъ, какъ не работникахъ помѣщику, понятія были у каждого свои,

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

но когда имъ сказано, что законъ признаетъ только два вида не работниковъ: до 18 и за 55 лѣтъ, это они поняли. О смѣшанной повинности всѣ толки были односторонни въ пользу крестьянъ, но когда имъ это объяснено по закону, то одни поняли, а другіе видимо не желали понимать, и представитель послѣднихъ крестьянинъ д. Румели Осипъ старался одинъ за всѣхъ утверждать свое. Приказать замолчать значило бы испортить дѣло, и я обратился къ нему такъ:

— Эвона! Осипъ, да ты, кажется, лучше меня знаешь новое положеніе, ну такъ ступай, стань на мое мѣсто, говори, а я буду слушать.

Вдругъ дерзкое и самоуверенное выраженіе лица исчезло, мужикъ покраснѣлъ и началъ пятиться, скрываясь въ задніе ряды,—толпа молчала, слѣдила за его отступленіемъ, прошло минуты двѣ, и я обратился къ ближайшему:

— Нутка, повтори, о чемъ было говорено?

Мужикъ замялся, я помогъ, и онъ препорядочно повторилъ по-своему главный смыслъ сказаннаго. Объ Уставныхъ грамотахъ я говорилъ много, ясно и громко, останавливался, спрашивалъ по одиночкѣ и видѣлъ, что всѣ хорошо понимаютъ. Явилось много скрытыхъ идей, напр.:—„Стало, послѣ 20-ти лѣтъ земля будетъ наша, значить, мы за нее заплатимъ въ сроки. Такъ ли?

— Нѣтъ, ребята, чтобы была ваша, надо ее купить по согласію, а казна вамъ поможетъ, иначе ты, какъ постоялецъ въ домѣ, будешь платить за квартиру, а наймомъ дома не купишь.

— Понимаемъ.

Или еще:

— Старостамъ и выборнымъ ходить на сходы въ свои дни или въ барскіе?

— Да, вѣдь, вы видите, что сходы въ воскресенья или праздники, а это чьи дни?

— Такъ, батюшка, понимаемъ.

— А въ навозъ повозиться давать ли на барщину?

— Давайте, коли вамъ для сберега лошади такъ лучше, а что я сказалъ о работникахъ и бобыляхъ?

— Такъ, такъ, понимаемъ.

Всего не пересказать, а было многое, въ чемъ надо было выстоять умѣючи передъ хитростью нашего народа.

Въ 2-хъ едва образовавшихся волостяхъ явилось два примѣрныхъ случая сельскаго судопроизводства.

1. Въ д.д. Бору и Рѣчи Торожковской волости оброчники, состоящіе на смѣшанной повинности, отказались отъ работы въ числѣ 9-ти дней въ лѣто и ослушались наряда сельскаго старосты, за что на первомъ волостномъ сходѣ приказано тому же старостѣ штрафовать. На другой же день каждый приговоренъ заплатить по 1 р. въ мірскую кассу, и всѣ 19-ть чело-вѣкъ вышли на работу.

2. Въ Кологородской волости крестьянинъ Семенъ изъ дер. Чеюлы, проѣзжая изъ города пьяный, обругалъ волостного старшину. Сельское правленіе осудило его на два дня въ общественныя работы, но этотъ приговоръ не утвержденъ, и виновный преданъ волостному суду.—На волостномъ сходѣ три волостныхъ судьи рѣшили:

„Хотя и слѣдовало бы виновнаго подвергнуть тѣлесному наказанію 50-и ударовъ, но, какъ онъ былъ пьянъ, то на первый разъ, взыскавъ съ него 5 р., нарядить на 6 дней въ работу на большую дорогу рыть канаву, чтобы всякій ѣдущій и идущій его видѣлъ и зналъ, а прежде всего испросить ему покорное прощеніе у старшины“.

При утвержденіи въ этомъ приговорѣ денежное взысканіе посредникомъ отмѣнено въ уваженіе искренняго раскаянія виновнаго.

Старостѣ и сельскому сходу сдѣлано замѣчаніе за слабое понятіе о званіи волостного старшины.

Іюня 8-го. Отправлено письмо къ П. А. Валуеву съ приложеніемъ письма изъ Казани о слѣдствіи, въ Безднѣ производившемся.

Былъ исправникъ Манкошевъ и мировой посредникъ, А. Ф. Марковичъ. Первый сказалъ о неудачныхъ распоряженіяхъ двухъ посредниковъ. Со вторымъ переговорено многое объ общихъ дѣлахъ, при чемъ видно было, что молодой человекъ, полный усерднаго желанія на пользу общую и руководимый здравымъ соображеніемъ, призналъ за лучшее: записать свои недоумѣнія и обратиться за разрѣшеніемъ къ моему опыту въ дѣлахъ. Съ одной стороны это дѣлаетъ честь его скромности, а съ другой доставляетъ существенную пользу дѣлу.

Цѣлыхъ три часа мы не вставали съ мѣста, такъ много надо было объяснить и частнаго и общаго. Между прочимъ онъ принялъ къ сердцу просьбу крестьянъ, оставшихся безъ земли, отчужденной помѣщику.

Оказалось, что крестьяне государственные, и до нихъ намъ дѣла нѣтъ.

Но мы, какъ люди, а не посредники, можемъ имъ помочь,—

это дѣло другое, не по формѣ, а по совѣсти,—потому я принялъ ходатайство на себя, объяснивъ, что должны быть избраны до-вѣренныя. получена копія съ рѣшенія суда и т. д.

Помѣщикъ В. Н. Трофимовъ изгналъ двороваго, записан-наго въ крестьянахъ, не желая подвергнуться отвѣтственности. тотъ пришелъ жаловаться на свою безпріютность. Я отправилъ его обратно къ помѣщику съ тѣмъ, чтобы жилъ два года, какъ прежде, кланялся отъ меня и сказалъ, что если нужна на это бумага, то я дамъ отъ себя.—Тѣмъ дѣло кончилось.

Дворовая женщина г-жи Стасюлевичъ пришла жаловаться, что ей за 50-тъ лѣтъ, и помѣщица ее выгнала, не желая кор-мить. Послалъ старшину вмѣстѣ съ нею къ помѣщицѣ, и ока-залось, что баба разсердилась и сама ушла. Г-жа оставила ее у себя на прежнемъ основаніи.

Пришелъ больной крестьянинъ, жалуясь что его гонить на барщину управитель г-жи Энгельгардъ.—Данъ порошокъ отъ лихорадки и приказано сельскому старостѣ считать его боль-нымъ, покуда не пойдетъ на свою работу.

15-го іюня. Пришелъ слѣпой мужикъ изъ д. Турова. Ма-ксимъ, и жаловался, что его племянница, Дарья, 14-ти лѣтъ, живя во дворѣ г. Селавинова, не пожелала быть горничной влои госпожи и за то наказана ста розгами мировымъ по-средникомъ А. Ф. Оболенскимъ.—Слѣпой стоялъ на колѣняхъ прося защиты отъ такого самоуправства.

— Да какъ же я буду судить другого посредника. подумай самъ, Максимъ.

— Да, батюшка, вѣдь я твоего участка, ты нашъ благотвори-тель, научи какъ знаешь: кого просить? куда писать? у меня есть знакомые въ Лугѣ, напишутъ хоть Царю, вѣдь теперь стало вольно, проси что хошь, тамъ что сдѣлаютъ, неизвѣстно, а за прошенія не такъ, какъ прежде. не наказываютъ.

— Ну, хорошо, Максимъ, дай показаніе, а я поговорю съ тѣмъ посредникомъ, можетъ, и такъ обойдется.

— Ну такъ, такъ—такъ, оно и лучше, но только, батюшка, не оставляй ты сироты у влои женщины; люди знаютъ, что она своихъ горничныхъ зубами кусаетъ.

— Да правда ли?

— Правда, ей-ей, правда, спроси у кого хошь, а то почему бы и Дарьѣ не служить, у добраго человѣка можно служить, а у ней, вишь, опасно, ну, сирота и не желаетъ, боится.

18-го. Мировой сѣздъ открылся въ 6 часовъ вечера избра-ніемъ предсѣдательствующаго за отсутствіемъ предводителя.

Единогласно просили меня. Чтеніе журналовъ прошлаго засѣданія длилось долго; во время подписи А. А. Назимовъ, предъявивъ бумаги, полученныя отъ военнаго губернатора, требующаго его заключенія о тяжести повинностей и качества его управляющаго имѣніемъ Тирана,—выразилъ, что принимать на себя рѣшенія такого рода онъ не желаетъ.—Еще прежде того, узнавъ отъ г. Марковича, что подобное затрудненіе можетъ лишить насъ такого почтеннаго товарища, при самомъ открытіи засѣданія, я успѣлъ убѣдить г. Назимова оставить эту мысль и намѣреніе,—онъ далъ мнѣ слово и руку.—Затѣмъ г.г. Унковскій и Миллеръ, имѣющіе также въ своихъ участкахъ деревни Тирана, согласились участвовать въ заключеніи; А. Ф. Марковичъ тоже присоединился, и потому рѣшено съѣхаться у меня въ субботу, чтобы поговорить и составить требуемое заключеніе сообща для представленія съѣзду.

Изъ дѣлъ, бывшихъ въ этотъ день, рѣшили многіе вопросы, внесенные посредниками, между прочими по 1-му участку соединены двѣ волости въ одну Торожковскую и утверждено единогласно возобновленіе строеній въ д. Горки, если г. Карамышевъ не согласится на данную подписку крестьянъ; дѣло примѣрное основано на ст. 77 мѣстнаго Положенія, которой помѣщику предоставляется 6-и-лѣтній срокъ на переселеніе.

Передъ засѣданіемъ я отвелъ въ сторону А. Θ. Оболенскаго и показалъ ему прошеніе слѣпца Максима, онъ огорчился и сказалъ, что поѣдетъ къ губернатору, но послѣ засѣданія просилъ моего совѣта, какъ бы это кончить; обѣщавъ свое содѣйствіе, я попросилъ его объ одномъ: чтобы наказанная дѣвочка не была горничною, а поступила въ прежнюю общую работницу по мызѣ, что онъ и обѣщалъ.

Вообще засѣданіе прошло мирно, все, что было на очереди, рѣшено окончательно, и мы разъѣхались почти въ полночь, назначивъ снова съѣздъ 30-го числа въ 5 часовъ вечера.

Нельзя не сказать, что подобные съѣзды дѣйствительно разъясняютъ многое и пренія бываютъ интересныя, хотя наше жалкое я и играетъ важную роль, но, вѣдь, это неизбежно: гдѣ человекъ, тамъ и зло, однако съ своей стороны надѣюсь, что наше общее дѣло, несмотря на великую важность и трудность, будетъ подвигаться впередъ. Что касается до крестьянъ, то я почти увѣренъ въ ихъ довѣріи, съ которымъ можно сдѣлать многое, но помѣщики и помѣщицы особенно съ управителями удивительно слабо понимаютъ духъ времени и средства къ успѣху. На съѣздѣ было высказано много подтвержде-

ній тому. Напр.: Тиранъ загородилъ воду отъ крестьянъ цѣлой деревни, другой видитъ доселѣ свое спасеніе въ побояхъ и наказаніяхъ, третій желаетъ невозможнаго и винить во всемъ посредника; большая часть не читали Положенія или хотятъ толковать статьи отдѣльно, какъ имъ выгодно, и т. д., словомъ: добрая воля къ возможному преуспѣванію доселѣ еще въ меньшинствѣ. Безъ сомнѣнія, время многое измѣнитъ, но какъ главный органъ дѣйствій заключенъ въ посредникахъ, то едва ли возможно исполнить заданное въ два года. Уставныя грамоты доселѣ камень преткновенія, ихъ мало понимаютъ и мало желаютъ, а безъ нихъ нельзя перейти окончательно къ новому порядку въ хозяйствѣ.

Трудное, великое дѣло, одинъ Богъ можетъ благословить и устроить доброе начинаніе по святой истинѣ текста: „Невозможное человеку возможно Богу“!

20 іюня. Въ исполненіе рѣшенія мирового съѣзда получили письмо отъ г. Карамышева, черезъ ту же вдову Федосью, которая увольнялась.—оно начиналось такъ:

„М. Г. Если Вы считаете себя въ правѣ отпускать кого Вамъ угодно изъ людей, находящихся въ услуженіи у помѣщиковъ, то не угодно ли будетъ Вашему Превосходительству самимъ объявить имъ рѣшеніе и т. д.“.

Прочитавъ это, я велѣлъ имъ выдать отъ волостного правленія билеты на полученіе паспортовъ изъ казначейства. Это начало тѣхъ безчисленныхъ претензій, которыми будутъ угощать посредниковъ. Пусть такъ, но я по всему вижу, что если бы меня въ числѣ посредниковъ не было, то многое пошло бы иначе.—слава Богу, за все!

Былъ и слѣпецъ, Максимъ, собравшійся идти къ Царю въ Красное Село съ жалобою на посредника Оболенскаго. Несмотря на его слѣпое, сильное негодованіе, кажется, мнѣ удалось его убѣдить оставить это намѣреніе. По его словамъ, добрые люди давали ему на это 10 рублей съ тѣмъ, что выиграешь, отдашь, а нѣтъ такъ пусть пропадутъ.

Явился плотникъ Павелъ съ жалобою на притѣсненія подрядчика:

— Да кто жъ тебя прислалъ?

— Да на дорогѣ женщина сказала: поди къ нему, онъ все справитъ.

Но какъ онъ былъ изъ Костромы, подрядчикъ то же, то и отправлены къ становому, на другой же день приславшему его

съ приказомъ къ сотскому, — не взявъ ни копейки. Вотъ это я называю прогрессомъ.

Въ письмѣ къ Валуеву я просилъ о бланкахъ для Уставныхъ грамотъ и сравнилъ ходъ народной администраціи съ пересаженнымъ деревомъ, которое, найдя почву благоприятную, начинаетъ пускать корни—хоть до листьевъ и плодовъ еще очень далеко.

Вчера, бывъ у одного изъ посредниковъ, А. А. Назимова, я нашелъ его прежде всѣхъ въ положеніи будущаго фермера. Изъ множества дворовыхъ онъ оставилъ только необходимыхъ, платитъ хорошее жалованье, напр., мужу съ женою по 12 р. въ мѣсяцъ и очень доволенъ. Но ему это было легче другихъ: ихъ двое, мужъ да жена; къ тому же послѣдняя, бывъ молода, успѣла сдѣлать 12.000 верстъ, такъ, конечно, можетъ обойтись меньшимъ, привынувъ къ быту дорожному.

24 іюня. Сегодня общались у меня съѣхаться для предварительнаго совѣщанія четыре посредника, а пріѣхали двое и потомъ секретарь мирового съѣзда фонъ-Тильманъ де Вальдекъ. Пріѣхавшій Назимовъ и Марковичъ обѣдали, ходили по полямъ смотрѣть хозяйство, наконецъ за чаемъ на балконѣ прочитали бумагу, составленную Назимовымъ, и говорили очень многое объ общихъ дѣлахъ. Главнымъ предметомъ разговора были выходы предводителя, соединившагося съ Земскою полиціею противъ мирового съѣзда по неустройствамъ крестьянъ въ с. Уторищи. А. А. Назимовъ взялъ на себя переговорить о томъ съ Пантелѣевымъ, чтобъ кончить по возможности мирно. Марковичу я передалъ прошеніе крестьянъ его участка на помѣщика Мартыанова; прочитавъ, онъ огорчился и пожалъ имъ это замѣтить, но я просилъ его точно также принимать и отъ моихъ на меня жалобы, чтобы претензіи крестьянъ имѣли истокъ, иначе мы потеряемъ ихъ довѣріе, съ чѣмъ онъ согласился. Пришли крестьяне изъ Нѣжговецъ тоже жаловаться на его дѣйствія по переселенію, но я отправилъ ихъ съ добрымъ совѣтомъ ожидать конца терпѣливо.

26-го іюня. Изъ небывшихъ г.г. посредниковъ Унковскій пріѣхалъ, но меня не засталъ, а Миллеръ прислалъ письмо. Отъ Лужской дворянской опеки получилъ жалобу г. Каравасовой на крестьянъ имѣнія наслѣдниковъ Ренни и отвѣчалъ, что г. опекунша, продавъ лѣсъ и лугъ, находившіеся въ пользованіи крестьянъ, и торгуя мѣстами подъ усадьбы, не можетъ въ настоящее время оставаться опекуншею. о чемъ и будетъ представлено мировому съѣзду.

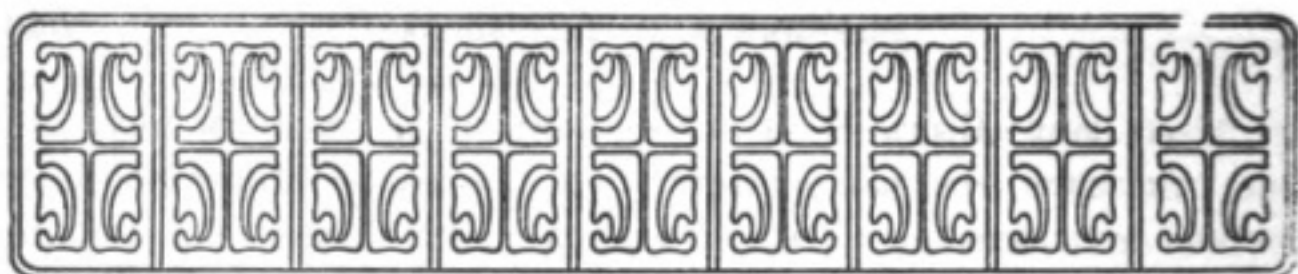
27-го іюня. Былъ В. И. Трофимовъ и разъяснилъ мнѣ, что онъ отказался отъ кандидатства по неумѣнію Пантелѣева и вообще отзывался о немъ не выгодно. Онъ былъ бы лучшій предводитель, если бы удалось сбыть съ рукъ, хотя и добраго, но пустѣйшаго Пантелѣева.

Какъ знать, можетъ быть оттого онъ и не посредникъ, что кромѣ его нѣтъ другого предводителя на случай необходимости. Раздѣливъ съ нимъ трудность настоящаго положенія, я былъ очень доволенъ, что онъ готовъ вступить на службу и пользу обществу. Это было бы дѣйствительное приобрѣтеніе для уѣзда во многихъ отношеніяхъ.

Сообщила А. А. Половцова.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Николая Михайловича Пржевальскаго.

(По случаю 25-лѣтія со дня смерти).

Н. М. Пржевальскій былъ первымъ отважнымъ путешественникомъ, которому удалось избородить своими смѣлыми маршрутами всю внутреннюю часть Азіатскаго материка. По отношенію къ своей научной подготовкѣ онъ не уступалъ самымъ лучшимъ современнымъ африканскимъ путешественникамъ. Офицеръ генеральнаго штаба, бывшій преподаватель географіи и прекрасный натуралистъ, онъ совмѣщалъ въ себѣ познанія въ математической и физической географіи съ познаніями въ зоологіи и ботаникѣ и съ замѣчательной наблюдательностью и талантливостью. Рѣдкія же личныя его качества какъ путешественника—беззавѣтная отвага, предприимчивость, выносливость и, наконецъ, энергическая сила воли, подчиняющая своему вліянію все его окружающее, давали орлиный полетъ всѣмъ его предпріятіямъ и внушали къ нему безграничное довѣріе насъ —его спутниковъ...

Въ теченіе болѣе нежели двадцатилѣтняго періода—съ 1867—1888 гг. Пржевальскій провелъ въ путешествіяхъ въ сложности около десяти лѣтъ. Маршруты имъ пройденные и снятые въ предѣлахъ застѣннаго Китая составляютъ свыше тридцати тысячъ верстъ, образуя цѣлую сѣть глазомѣрныхъ съемокъ, опирающихся на 63 имъ же опредѣленныхъ пунктахъ, не говоря уже о громадномъ числѣ гипсометрическихъ измѣреній. Понятно, какой драгоцѣнный матеріалъ для картографіи и орографіи Азіи дали экспедиціи Пржевальскаго. Если же принять въ соображеніе, что Н. М. Пржевальскій путешествовалъ и по непомѣрно высокимъ центрально-азіатскимъ нагорьямъ и по песчанымъ пустынямъ во всѣ времена года и вездѣ производилъ метеорологическія наблюденія и записи, то понятно также, какіе цѣнные матеріалы для метеорологіи дали его путешествія...

Но самыя крупныя заслуги Пржевальскаго относятся къ изученію органической жизни Центральной Азіи. По отношенію къ ея растительному покрову неутомимый изслѣдователь собралъ всѣ типическіе образцы его: и въ роскошныхъ и теплыхъ Ганьсуйскихъ долинахъ, и на сырыхъ подсыжныхъ лугахъ тангутскихъ альповъ, и въ раскаленныхъ песчаныхъ пустыняхъ Алашаня и Лобъ-нора, и въ безводныхъ и безжизненныхъ холодныхъ пустыняхъ высокаго Тибетскаго нагорья... По отношенію къ подводному царству животныхъ Пржевальскій ознакомилъ насъ и съ разнообразными насѣкомыми, то гнѣздящимися въ дикихъ горныхъ ущельяхъ на верховьяхъ Голубой рѣки, то зарывающимися въ подводныхъ пескахъ раскаленной пустыни, то собирающимися массами около быстро испаряющихся водъ и по мѣрѣ ихъ высыханія перелетающими цѣлыми тучами на еще уцѣлѣвшія воды пустыни; и съ рыбами, живущими въ замкнутыхъ и неимѣющихъ стока озерныхъ бассейнахъ, и съ гадами, вообще довольно рѣдкими во внутренности Азіатскаго материка, и съ птицами, то гнѣздящимися подобно фазанамъ на берегахъ рѣкъ, то перелетающими черезъ весь Азіатскій материкъ отъ Индѣйскаго юга къ Сибирскому сѣверу, и съ крупными звѣрями, пасущимися въ своемъ первобытномъ полурайскомъ состояніи на роскошныхъ, но безлюдныхъ пастбищахъ Тибетскаго нагорья, при чемъ Пржевальскому удалось добыть впервые экземпляры описаннаго Маркомъ Поло горнаго барана (*Ovis Polii*) и первобытныхъ праотцовъ нынѣ самыхъ полезныхъ домашнихъ животныхъ, а именно дикаго верблюда и дикую лошадь, названную въ честь славнаго путешественника *Equus Przewalskii*. Словомъ весь этотъ растительный и животный міръ былъ, можно сказать, новооткрытымъ для науки, и справедливо оцѣнила Академія Наукъ заслуги Н. М. Пржевальскаго, когда она на оборотѣ золотой медали, выбитой ею въ честь знаменитаго путешественника, изобразила слова: „Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи“...

Знаменитый геологъ и путешественникъ по Китаю, предсѣдатель Берлинскаго Географическаго Общества, баронъ Рихтгофенъ, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе Большой Гумбольтовской медали, первое по ея учрежденію, свидѣтельствуешь, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаешь его гениальнымъ путеше-

ственникомъ, обладающимъ необыкновенной наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ этотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ... Въ частности говоря объ Алтынъ-тагъ, Рихтгофенъ считаетъ научное открытіе Пржевальскимъ этого хребта поразительнымъ географическимъ открытіемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе, какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія среднеазиатскихъ народныхъ отношеній.

Президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, при присужденіи Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи Общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временъ Марко-Поло, и ставитъ одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и какъ натуралиста; при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянные и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго Географическаго Общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самого счастливаго и отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго Географическаго Общества, которое въ присутствіи своего просвѣщеннаго и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ — Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки—Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первомъ ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представляетъ свою страну въ географической наукѣ.

„Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, говоритъ нашъ соотечественникъ академикъ-ботаникъ К. И. Максимовичъ, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ наука обязана Россіи научнымъ приобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ, какъ Амурскій и Уссурийскій край, Сахалинъ, Туркестанъ, Монголія и сѣверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ

вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученныя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ его... Впечатлѣніе, въ особенности въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія правительствомъ цѣлаго ряда описаній колониальныхъ флоръ. Еще болѣе глубокимъ уваженіемъ встрѣчены геройскіе подвиги Н. М. Пржевальскаго. Въ письмѣ сэра Джозефа Д. Гукера, знаменитаго путешественника, изслѣдовавшаго между прочимъ и Гималаи, до рубежа Тибета, письмѣ, написанномъ по поводу весьма заинтересовавшей его вышеупомянутой статьи о флорѣ Монголіи и Тибета, онъ выразился о Пржевальскомъ, какъ едва-ли не о первомъ научномъ путешественникѣ нашего времени, соединяющемъ военную отвагу съ многостороннею научною подготовкою и неимовѣрнымъ трудолюбіемъ. Ливингстонъ и Стэнли, пишетъ онъ, были отважными піонерами, но только сумѣли проложить на картѣ пройденныя ими пути, для изученія же природы не сдѣлали ничего. Послѣ заслуженнаго Барта нужно даже было послать другого путешественника, чтобы проложить на картѣ маршруты его. Только Пржевальскій, заключаетъ онъ, соединялъ въ своемъ лицѣ отважнѣйшаго путешественника съ географомъ и натуралистомъ.

Научныя заслуги Н. М. Пржевальскаго всегда находили лестную оцѣнку и съ высоты престола.

По волѣ монарха, двадцатаго октября 1892 года бюстъ Пржевальскаго былъ законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько повдигѣ былъ поставленъ величественный памятникъ и у могилы Пржевальскаго, на высокомъ берегу Иссык-Куля. Иссыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ Тяньшанскаго гранита. На вершинѣ скалы большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла карта Азіи, на бронзовомъ листѣ, съ нанесеніемъ маршрутовъ путешественника; въ клювѣ орла оливковая вѣтвь—эмблема мирныхъ завоеваній науки...

Городъ Караколъ былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

Памяти Пржевальскаго посвящено нѣсколько біографій, изъ которыхъ наиболѣе полная составлена академикомъ Н. Ѳ. Дубровинымъ и такъ прекрасно издана другомъ Пржевальскаго—генераломъ Ф. А. Фельдманомъ.

Но рядомъ съ такими оцѣнками, которыми единодушно удостоивали заслуги Н. М. Пржевальскаго вся Россія, съ ея

вѣнценосными вождями во главѣ, и всѣ ученыя учрежденія Западной Европы, слышались иногда и нѣкоторыя критическія замѣчанія о его дѣятельности.

Упрекали Н. М. Пржевальскаго въ пренебреженіи не только къ китайской администраціи, но и къ китайской цивилизаціи и ко всей китайской исторической и географической литературѣ. Собственно пренебреженіе Пржевальскій выказывалъ, и выказывалъ совершенно основательно, только къ существовавшимъ тогда китайскимъ административнымъ порядкамъ и къ боевымъ силамъ Серединной Имперіи, особливо въ Застѣнномъ Китаѣ, гдѣ китайскіе администраторы съ одной стороны коварно создавали русскимъ путешественникамъ всякія препятствія и затрудненія, а съ другой—опасались ихъ главнымъ образомъ потому, что нравственная сила русскихъ заключалась въ ихъ обходительности и гуманности по отношенію къ туземцамъ и въ ненависти сихъ послѣднихъ къ китайцамъ. При такихъ условіяхъ Н. М. Пржевальскій указывалъ на совершенное безсиліе Китая въ застѣнныхъ его владѣніяхъ и на полнѣйшую безопасность всей нашей пограничной линіи съ Китаемъ, самой длинной изъ междугосударственныхъ границъ земного шара. Горячіе споры, которые возбуждались тогда противъ такого мнѣнія, категорически высказываемаго Пржевальскимъ, въ свое время разрѣшены событіями Японо-Китайской войны и такъ называемымъ боксерскимъ возстаніемъ въ Китаѣ безусловно въ пользу безошибочности взглядовъ Пржевальскаго; къ исторіи же Китая и его древней цивилизаціи пренебреженія Пржевальскій никогда не имѣлъ. Китайскія географическія сочиненія мало интересовали Пржевальскаго, потому что, будучи по преимуществу изслѣдователемъ природы, умѣющимъ смѣло и свободно читать во время своихъ отважныхъ странствованій открытыя только для естествоиспытателей страницы книги природы, мало интересовался чтеніемъ такихъ авторовъ, для которыхъ не только эта книга была закрыта, но и самая ея азбука непонятна. Послѣдствіемъ этого было, конечно то, что Пржевальскій, будучи мало знакомъ съ единственною до него географическою литературою о посѣщенныхъ имъ странахъ—китайскою—мало обращалъ вниманія на китайскія и вообще туземныя названія урочищъ и въ особенности горъ и озеръ и давалъ имъ собственныя названія. Но и въ этомъ отношеніи упрекъ, дѣлаемый Пржевальскому, едва-ли безусловно справедливъ. Вездѣ, гдѣ онъ имѣлъ случай узнать туземныя названія, онъ ихъ исключительно и придерживался;

когда же онъ шелъ безъ проводниковъ въ безлюдныхъ пустыняхъ, то по праву перваго изслѣдователя онъ давалъ урочищамъ свои названія, которыя нерѣдко попадали и на предметы, уже издавна имѣвшіе свои опредѣленные туземныя названія. Но развѣ не такъ же поступали и другіе путешественники и развѣ гора Эверестъ и озеро Викторія не имѣли туземныхъ наименованій?.. Подобная синонимія, мнѣ кажется, не приноситъ никакого вреда.

Двадцатаго октября 1913 года минуло двадцать пять лѣтъ со дня смерти незабвеннаго Пржевальскаго. Незадолго передъ тѣмъ Петербургъ командировалъ меня на могилу славнаго русскаго путешественника.

Императорское Русское Географическое Общество, Императорская Академія Наукъ, Императорскій Ботаническій Садъ Петра Великаго, Генеральный Штабъ и прочія просвѣтительныя учрежденія, гордившіяся славою Пржевальскаго, объединились мыслью воздать должное свѣтлой памяти покойнаго изслѣдователя Центральной Азіи. Каждое изъ этихъ ученыхъ учреждений поручило мнѣ въ юбилейный день возложить на могилу Пржевальскаго свой серебряный вѣнокъ съ соотвѣствующей надписью.

Восемнадцатаго сентября я оставилъ Петербургъ.

Оренбургская желѣзная дорога приблизила сердце русской Средней Азіи къ родной столицѣ. Вѣдь только четверо съ половиной сутокъ—и вы въ резиденціи туркестанскаго генералъ-губернатора. Подобно Закаспійской желѣзной дорогѣ, Оренбургская—созданіе смѣлое, съ огромнымъ значеніемъ не только въ будущемъ, но даже и въ настоящемъ, и въ своемъ цѣломъ заслуживаетъ больше похвалы и удивленія, чѣмъ порицанія и нападокъ.

Перевздъ отъ Оренбурга, среди оренбургскихъ степей, живо напомнившихъ мнѣ таврическія степи, полонъ глубокаго интереса. Равнинныя оренбургскія степи и кочевое населеніе постепенно смѣняются пустыней сначала солончаковой, потомъ песчаной, съ характерными представителями растительнаго царства: саксаудомъ, тамарискомъ, хармыкомъ и другими. На горизонтѣ играетъ миражъ. Тамъ и сямъ проносятся пустынные больдуруки (*Syrghartes paradoxus*). Сыръ-Дарья мало оживляетъ монотонность страны, въ особенности тамъ, гдѣ она протекаетъ въ высокихъ обрывистыхъ берегахъ... Зато въ ея

низинахъ, гдѣ на безконечное пространство потянулись заросли камыша, съ ярко-синими площадями озерокъ, все живетъ и движется. Безчисленные стаи разнообразныхъ утокъ плаваютъ и перелетаютъ, нисколько не страшась поѣзда. Въ самыхъ укромныхъ уголкахъ одинокія сѣрыя цапли и выпи неподвижно стоятъ надъ болотинами и внимательно смотрятъ въ воду. Поѣздъ мчится мимо, и разнообразныя картины быстро смѣняются одна другою.

Туркестанъ—великолѣпный край: бирюзовое небо, яркое солнце и въ осеннее время средне-россійскій лѣтній воздухъ. Въ сердцѣ страны, Ташкентъ, жизнь бьетъ ключемъ; городъ растетъ и развивается...

Въ мой пріѣздъ, въ Ташкентъ состоялось соединенное засѣданіе туркестанскаго отдѣла Географическаго Общества и кружка любителей археологій. Залъ городской думы былъ переполненъ. Открывъ засѣданіе, предсѣдатель Географическаго Общества А. С. Галкинъ сказалъ привѣтственное слово и предложилъ мнѣ познакомить собраніе съ результатами моей Монголо-Сычуанской экспедиціи и съ цѣлью настоящей поѣздки на Иссыкъ-куль...

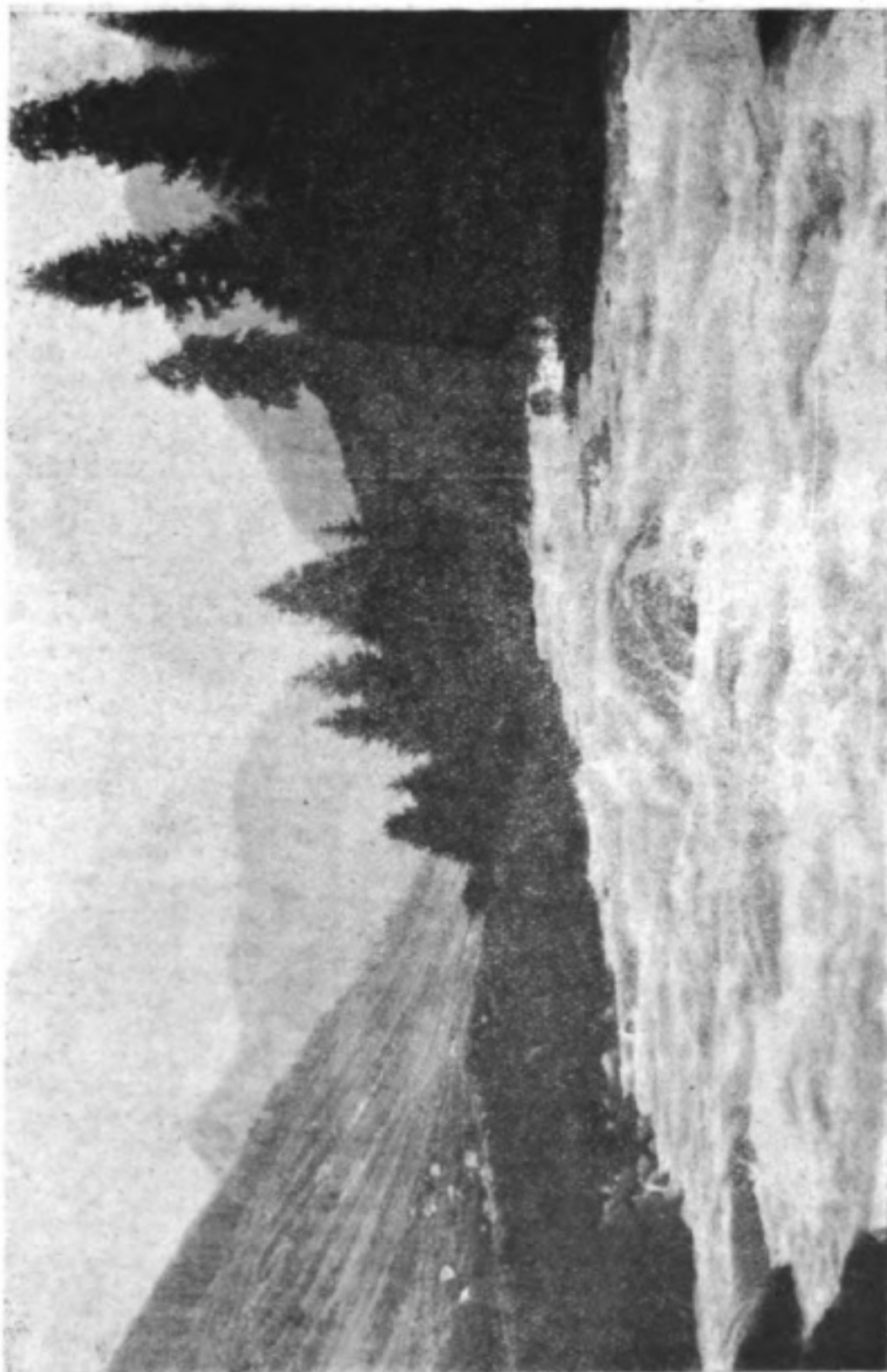
...Въ осеннее время переѣздъ на Иссыкъ-куль носилъ характеръ пріятной прогулки. Каждый день приближалъ къ заветной цѣли; особеннымъ образомъ сжалось сердце при видѣ грандіознѣйшей картины природы Центральной Азіи, при вѣздѣ въ дикое каменистое ущелье „Буамъ“, выведшее путника въ обширную, сказочно-красивую и привѣтливую долину Иссыкъ-куля.

Погасли сумерки... Спустилась на землю ночь, когда мы приблизились къ западной окраинѣ озера. Среди облаковъ проскальзывала луна, картинно разливавшая свой таинственный свѣтъ по поверхности водъ и по далекой снѣговой цѣпи Тянь-Шаня.

Въ воздухѣ стояла торжественная убаюкивающая тишина. Волны шептались съ берегомъ... До насъ долетали звуки многочисленныхъ утокъ, гусей и рѣдкіе крики священныхъ бѣлоснѣжныхъ лебедей... Отъ обаянія ласки природы, я невольно какъ-то вадрагивалъ, мнѣ живо чувствовалось, живо представлялось, какъ тѣ же волны на восточномъ берегу шепчутся съ подножьемъ дорогой для всѣхъ и святой для меня могилы Пржевальскаго.

Мы ѣхали быстро, но мысль еще быстрее насъ неслась къ изголовью усопшаго. Образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче.

Какъ при самой первой встрѣчѣ моей въ моемъ юномъ возрастѣ, такъ и теперь,—я сталъ видѣть живой образъ великаго учителя. Предо мной живо встала его величественная фигура, весь онъ; я увидѣлъ его красивую орлиную голову,

Каракольское ущелье.

увидѣлъ его оригинальныя движенія. Какъ прежде, такъ и теперь онъ не походилъ на остальныхъ людей и какъ прежде глубокимъ взглядомъ строгихъ и красивыхъ голубыхъ глазъ,—казалось, проникалъ въ самую душу...

Въ такихъ мечтахъ и грезахъ утромъ шестого октября мы

прибыли въ городъ Пржевальскъ и уютно расположились въ любезно приготовленной намъ представителями города квартирѣ...

Симпатичный городокъ Пржевальскъ расположенъ у подножья величественнаго Тянь-Шаня, съ одной стороны, и въ со-

Джетиогузское ущелье (вверхъ отъ ключей).

сѣдствѣ прекраснаго незамерзающаго бассейна Иссыкъ-куля—съ другой. Будучи поднятъ на 5.400 футовъ надъ моремъ, Пржевальскъ питается холодными прозрачными водами рѣчки „Караколь“ („Черная рука“), берущей начало въ каракольскихъ ледникахъ и впадающей въ двѣнадцати верстахъ ниже города, въ

восточный заливъ Иссыкъ-куля... Название рѣчки было присвоено и городу, насчитывающему до 14.000 жителей, изъ которыхъ большая половина русскихъ и меньшая—туземцевъ: сартовъ и дунганъ.

Къ числу выдающихся особенностей Пржевальска, его духовной жизни, слѣдуетъ отнести то отрадное обстоятельство, что этотъ городъ при годовомъ бюджетѣ въ шестьдесятъ тысячъ рублей тратитъ на народное образованіе половину. Я не могу назвать другого такого города на всемъ пространствѣ нашего обширнаго отечества... И этому городу суждено носить имя одного изъ славныхъ, доблестныхъ сыновъ Россіи... Имя, которое довольно произнести, чтобы возбудить въ слушателяхъ представленіе о чемъ-то великомъ, и общезвѣстномъ...

Если Оренбургская желѣзная дорога оживила Туркестанъ и приблизила его къ сердцу Россіи, то вновь строящійся рельсовый путь на Вѣрный и Джаркентъ оживитъ и приблизитъ къ столицамъ все Семирѣчье, и въ частности Пржевальскъ, съ его чудными, болѣе поэтическими, нежели Швейцарія, картинами природы... Чтобы убѣдиться въ дѣйствительности сказаннаго о красотахъ природы, стоитъ лишь взглянуть на фотографическіе снимки, хотя бы съ двухъ прилежащихъ къ городу Пржевальску ущелій Тянь-Шаня—Каракольскаго и Джетыгогузскаго, расположенныхъ отъ востока къ западу.

Каждое изъ этихъ ущелій имѣетъ свою прелесть, каждое богато растительной и животной жизнью и каждое создаетъ своеобразную красоту и оживленіе вѣчнымъ шумомъ водъ, стремительно, иногда даже каскадами низвергающихся по камнямъ и разбрасывающихъ свои жемчужные брызги далеко по сторонамъ.

Джетыгогузское ущелье кромѣ того славится своими горячими цѣлебными источниками.

Въ эти ущелья съ началомъ лѣта нѣкоторые обитатели Пржевальска переселяются словно номады и положительно благодушествуютъ до осени, хотя большинство зажиточныхъ пржевальцевъ по-прежнему устраивается на дачахъ, расположенныхъ по красивому восточному берегу Иссыкъ-куля, у подножья памятника Н. М. Пржевальскаго. Иссыкъ-куль очень соблазнителенъ своимъ превосходнымъ купаньемъ...

Въ заключеніе замѣтки о Пржевальскѣ скажемъ нѣсколько словъ о дунганахъ—китайскихъ мусульманахъ...

Дунгане переселились изъ Китая въ Россію, въ Семирѣчье и приняли русское подданство въ 1877-мъ году, послѣ бурной и отчаянной борьбы съ угнетавшимъ ихъ китайскимъ владычествомъ. Предводителемъ и вожакомъ дунганъ явился смѣлый, энергичный съ желѣзной волей человѣкъ, по имени Би-ян-хо, который до самыхъ послѣднихъ дней своей жизни властно управлялъ всѣмъ новымъ, только что создавшимся селеніемъ Каракунузъ. Это послѣднее расположено въ восьми верстахъ къ сѣверу отъ Токмака, въ горахъ.

По одеждѣ своей дунгане напоминаютъ китайцевъ, и только за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ покрой ихъ платья началъ измѣняться и походить на одежду сартовъ. Женскій костюмъ, правда, пока еще не утратилъ своей самобытности...

Жилищемъ дунганъ служатъ китайскія фанзы, обыкновенно обсаженные ветлами, тополями или карагачами; вблизи дома можно зачастую встрѣтить очень порядочный огородъ, гдѣ разводятся по преимуществу картофель и капуста, и фруктовый садъ изъ персиковыхъ деревьевъ. Главное занятіе дунганъ—хлѣбопашество (сѣютъ пшеницу), слабымъ подспорьемъ котораго служатъ мелкая торговля и извозъ. Необходимо отмѣтить, что дунгане, вообще говоря, очень трудолюбивый народъ, которому легко дается всякая работа; если къ этимъ качествамъ прибавить еще полное отсутствіе пьянства, то станетъ понятнымъ, почему среди нихъ почти совершенно нѣтъ нищихъ.

Дунгане исповѣдуютъ магометанскую религію, но, несмотря на это, они имѣютъ, обыкновенно, одну жену, которая и является хозяйкой въ домѣ. Брачнымъ возрастомъ у дунганъ считается—для парней восемнадцать лѣтъ, а для дѣвушекъ, которыхъ уже съ четырнадцати лѣтъ держать взаперти, четырнадцать, пятнадцать. Сватовство и свадебный обрядъ совершается у нихъ слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день молодой человѣкъ отправляетъ къ родителямъ дѣвушки, которую онъ желаетъ посватать, отъ двухъ до четырехъ человѣкъ своихъ близкихъ друзей, среди которыхъ должна быть непременно хоть одна женщина, могущая высмотрѣть невесту. Посланные направляются въ намѣченный домъ, и, послѣ обычнаго привѣтствія, заключающагося у дунганъ, какъ и у китайцевъ, въ вопросъ: „принималъ ли пищу“?, и незначительныхъ разговоровъ, приступаютъ къ дѣлу. Если родители дѣвушки изъявляютъ согласіе, то сваты являются уже на слѣдующій день въ сопровожденіи муллы (священника) и, послѣ короткой молитвы, передаютъ невестѣ подарки—серьги и платокъ. Тутъ же назначается

день для уплаты калыма. Калымъ состоитъ изъ двухъ большихъ ямбъ (слитковъ) серебра—около 200 рублей на наши деньги, идущихъ въ пользу родителей дѣвушки, и различныхъ украшеній самой молодой. Обычно женихъ даритъ ей браслетъ, булавки, серебряные цвѣты для украшенія волосъ, маленькое зеркальце, съ шелковыми разноцвѣтными кистями на серебряной шейной цѣпочкѣ, шерстяныя и шелковыя матеріи, полный женскій костюмъ и, наконецъ, отъ восьми до двѣнадцати барановъ, съ окрашенными фуксинномъ спинами. Въ тотъ же день родители невесты передаютъ сватамъ отъ ея имени подарки жениху—кольцо, чалму, халатъ, рубаху, штаны, башмаки съ чулками, жареную курицу, прикрытую бумажнымъ колпакомъ въ формѣ пѣтуха и двадцать хлѣбовъ.

Въ день свадьбы женихъ, котораго всегда можно отличить по яркой цвѣтной перевязи, идущей крестъ на крестъ по груди, со сверстниками подъѣзжаетъ къ дому невесты и осторожно останавливается по-одахъ, изъ страха, чтобы знакомые и родные дѣвушки не сдернули его съ лошади или, вообще, не посмѣялись надъ нимъ. Въ это время у невесты уже всѣ въ сборѣ—гостей иногда бываетъ до ста человѣкъ—гости сидятъ передъ накрытыми столами. Какъ только подадутъ первое кушанье, женихъ входитъ въ фанзу и, приближаясь по очереди къ каждому столу, дѣлаетъ глубокій поклонъ, послѣ чего уѣзжаетъ къ себѣ домой. Товарищи молодого парня остаются до окончанія обѣда, когда приглашаютъ всѣхъ гостей переночевать въ домъ жениха. Поѣздъ, по обычаю, должна открывать невеста, которую везутъ въ сопровожденіи какой-нибудь родственницы-старушки, въ особой крытой повозкѣ, убранной красной матеріей. Невѣсту выходятъ встрѣчать двѣ женщины и одинъ мужчина—родственникъ молодого, который и вноситъ ее на рукахъ въ особую саклю, гдѣ ея дѣвичью косу причесываютъ уже по-женски. Послѣ длинной правоучительной рѣчи муллы, которую онъ произноситъ громко, такъ чтобы ее могла слышать молодая, начинается обѣдъ, во время котораго невеста, уже одѣтая по-женски, выходитъ къ гостямъ и молчаливымъ движеніемъ руки благодаритъ всѣхъ присутствующихъ за вниманіе. Вечеромъ того же дня снова собираются друзья и знакомые, которые стараются различными шутками и прибаутками сблизить молодыхъ. Около девяти—десяти часовъ всѣ расходятся, и новобрачные остаются одни.

Послѣ мѣсячнаго сожителства жена возвращается къ своимъ родителямъ и живетъ у нихъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца;

то же повторяется и черезъ годъ, послѣ чего супруги уже никогда не разлучаются.

При рожденіи ребенка, по обыкновенію, присутствуетъ опытная женщина, которая и обмываетъ его теплой водой, а затѣмъ

Дунганская свадьба. Подарки во дворъ жениха. Рѣчь мullahъ къ свадебнымъ гостямъ. Наставл. въ будущее жизни и пожел. благополучія.

его не купаютъ больше до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не будетъ въ состояніи умыться.

Имя ребенку дается мulloю въ самый день рожденія, такъ какъ, по обычаю, дитя, не имѣющее имени, не можетъ быть кормлено грудью.

На десятый день, въ домъ, гдѣ совершилось событіе, приходятъ гости съ поздравленіями и подарками. Послѣ сытнаго обѣда всѣ немедленно удаляются, такъ какъ этикетъ не позволяетъ въ этотъ день лишняго сидѣнія.

Мальчикамъ, въ возрастѣ отъ десяти—двѣнадцати лѣтъ, торжественно дѣлается обрѣзаніе, въ присутствіи многочисленныхъ приглашенныхъ.

Женщина-дунганка играетъ въ семьѣ не послѣднюю роль; кромѣ шитья платья и обуви и заботъ по кухнѣ, на обязанности ея лежитъ еще попеченіе о дѣтяхъ, которыя относятся къ матери съ большимъ уваженіемъ и любовью. Мужъ всегда уважаетъ жену, и въ ихъ отношеніяхъ не замѣтно и тѣни того пренебреженія, которое мы видимъ среди киргизъ.

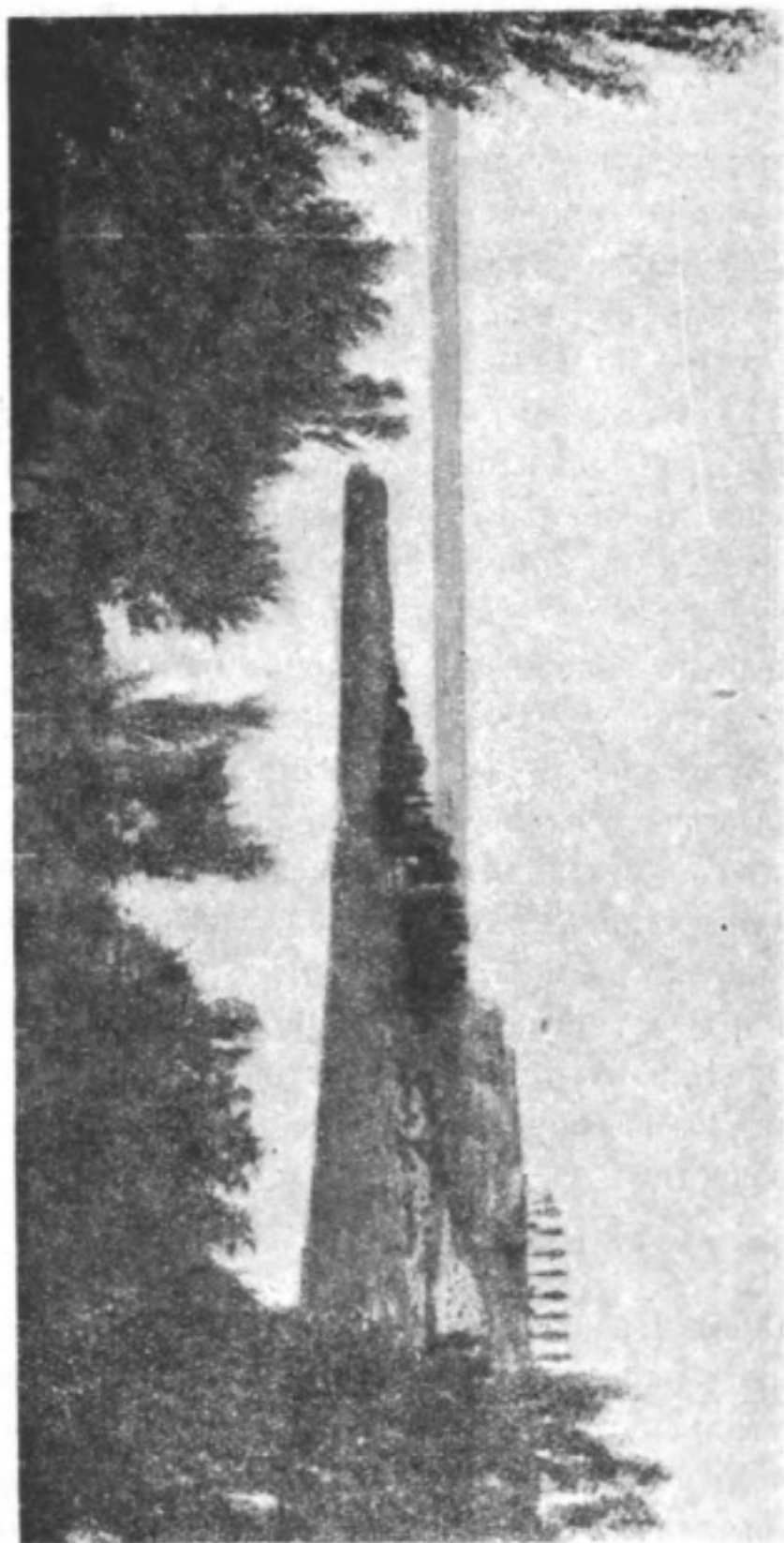
Разводы среди дунганъ — явленіе крайне рѣдкое. Женщина старается не показываться никому изъ постороннихъ мужчинъ и, если въ ея домъ собираются гости, она удаляется въ особую саклю, куда могутъ проникнуть только ея пріятельницы.

Дунгане, вообще говоря, люди очень нравственные, строгіе, трудолюбивые и порядочные во всѣхъ или почти во всѣхъ отношеніяхъ. Умственные способности ихъ довольно высоки, что особенно замѣчается среди дѣтей, которыхъ родители непременно отдають въ школы. Не довольствуясь грамотою, которой ихъ учать муалы, дѣти продолжаютъ свое образованіе въ русскихъ школахъ, и при умѣломъ преподаваніи, каково было, напримѣръ, преподаваніе В. Ф. Ладыгина въ дунганскомъ селеніи Каракунузъ (до участія его въ экспедиціяхъ Императорскаго Географическаго Общества) выказываютъ недюжинныя способности.

По пріѣздѣ въ Пржевальскъ больше нежели прежде, всѣ наши мысли, всѣ наши желанія были направлены къ дорогой могилѣ Пржевальскаго. Черезъ часъ-другой мы подъѣзжали къ ней... Знакомыя мѣста, знакомая дорога, но новый для меня тополевыи паркъ шумитъ своею не совсѣмъ опавшею листвою. Въ аллеѣ мелькнулъ красивый мавзолей. Сердце до боли сжалось. Еще нѣсколько минутъ, и я у могилы, у изголовья дорогого Николая Михайловича... Припавъ къ намогильной гранитной плитѣ, я чувствовалъ живое сильное общеніе съ духомъ великаго учителя... Опять образъ Пржевальскаго воскресалъ все ярче и ярче...

Съ первыхъ лѣтъ знакомства и дружбы съ Н. М. Пржевальскимъ, я уже проникся сознаниемъ, что человекъ въ тѣсномъ общеніи съ природой дѣлается лучшимъ. Своимъ обаяніемъ природа захватываетъ человека и дольше сохраняетъ въ

Видъ отъ памятника на дачу Н. Н. Королькова.

немъ чистоту, цѣльность и чуткость души. Среди природы человекъ легче дышетъ, шире мыслить, глубже чувствуетъ, чище любитъ. Николай Михайловичъ особенно любилъ и особенно понималъ душу природы и ея волшебную красоту. Въ городахъ онъ былъ нервнымъ, раздражительнымъ и на города

смотрѣлъ, какъ на раззолоченныя клѣтки; среди же природы Пржевальскій всегда былъ нѣжный и обаятельный.

Среди той же природы азіатскихъ горъ особенно восторгалась чуткая душа Пржевальскаго. Онъ говорилъ, словно пѣлъ гимнъ природѣ. „Сколько разъ я былъ счастливъ, сидя одиноко на высокихъ горныхъ вершинахъ! Сколько разъ я завидовалъ пролетавшему мимо меня грифу, который можетъ подняться еще выше и созерцать панорамы еще болѣе величественныя. Лучшимъ дѣлается человекъ въ такія минуты. Словно поднявшись въ высь, онъ отрѣшается отъ своихъ мелкихъ мысловъ и страстей. Могу сказать, кто не бывалъ въ высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ грандіозныхъ картинъ природы“...

И природа или судьба подслушала этотъ признательный гимнъ Пржевальскаго, поняла его желаніе: онъ, горячо любившій природу, спитъ въ ея дѣвственныхъ объятіяхъ на высокомъ берегу Иссыкъ-Куля, въ предѣлахъ вѣчно манившей его Нагорной Азіи... Обѣ цѣпи Тянь-Шаня, покрытыя снѣгомъ, блестятъ и искрятся на солнцѣ какъ въ серебрѣ. Между цѣпами горъ широко разстилается изумрудная поверхность прелестнаго незамерзающаго бассейна...

Пріѣхавъ въ Пржевальскъ за двѣ недѣли до вѣчно памятнаго *двадцатаю октября*, мы имѣли возможность часто бывать у дорогой могилы, у тѣни усопшаго, и любоваться красотою природы не только днемъ, но даже и ночью... любоваться и невольно чувствовать могучій духъ незабвеннаго Пржевальскаго...

Знаменательный день 25-лѣтней годовщины смерти Николая Михайловича собралъ къ дорогой Россіи могилѣ почти весь Пржевальскъ, все русское и инородческое населеніе: у могилы и памятника стояло много народу, стоялъ и я—его ученикъ и послѣдователь. Какъ въ день похоронъ, такъ и въ день двадцатаго октября въ голубомъ прозрачномъ небѣ красиво скользило яркое солнце, Тянь-Шань отливалъ блескомъ снѣговъ, Иссыкъ-куль темной синевой, а надъ нами парилъ царственный грифъ-монахъ...

За торжественной панихидой у могилы усопшаго послѣдовалъ парадъ 2-го баталіона 2-го Туркестанскаго стрѣлковаго полка ¹⁾... Среди гробовой тишины и величія окружающей при-

¹⁾ Доблестный командиръ котораго, подполковникъ М. А. Болотовъ, былъ въ то же время и начальникомъ гарнизона города Пржевальска.

роды особенно трогательны для души были звуки „Коль славенъ“...

Могила и памятникъ горды величіемъ. Намогильная плита убралась вѣнками. Какъ бронзовый орелъ, вѣнчающій памятникъ и сторожащій безцѣнный прахъ героя-путешественника—Пржевальскій леталъ за грань русской земли, за хребты и пустыни и всякій разъ возвращался съ богатой добычей. Онъ зналъ, что надо изучать, онъ зналъ, что надо взять для обогащенія отечественныхъ музеевъ и какъ орелъ на своихъ могучихъ крыльяхъ, приносилъ родинѣ богатства и славу. Своими полетами въ Центральную Азію Пржевальскій увлекался и увлекалъ другихъ ему сопутствовавшихъ юныхъ птенцовъ, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ и натаскивалъ на самостоятельный путь. Четыре великихъ полета совершилъ Н. М. Пржевальскій, на пятомъ — злокачественный недугъ остановилъ его.

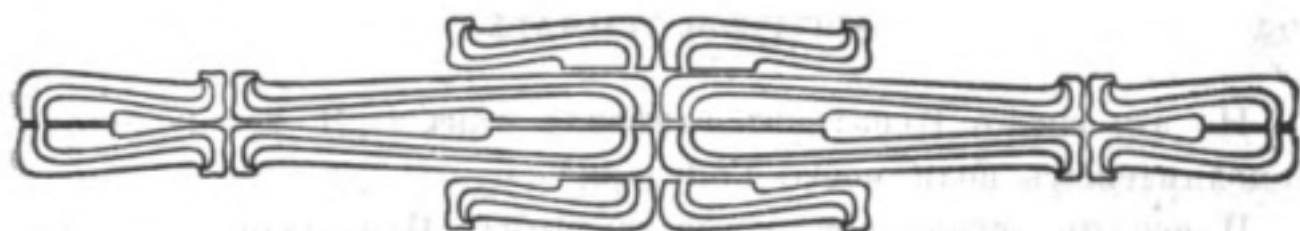
Какъ орелъ, Пржевальскій приспустилъ крылья и сказалъ:— „Теперь я лягу, но лягу здѣсь, на стражѣ русской земли у порога дорогой родины, у синяго простора озера, у подножья Небеснаго хребта. А вы, мои птенцы, доканчивайте начатое мною святое дѣло“! Тѣсной дружбой и горячей любовью къ своимъ ученикамъ-спутникамъ Н. М. Пржевальскій привилъ къ нимъ безсмертіе его идеи, и дѣйствительно мы можемъ сказать: „Умеръ Пржевальскій, но безсмертна его идея“!

Николай Михайловичъ скончался на порогѣ пятого путешествія; какъ бы предчувствуя свой конецъ, онъ помѣстилъ въ послѣдней своей книгѣ, кромѣ инструкціи, какъ путешествовать въ Центральной Азій, еще и перечисленіе задачъ, подлежащихъ исполненію для болѣе основательнаго изученія пройденныхъ имъ странъ,—скромно называя свои труды научными рекогносцировками...

Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его! Найдемъ въ нашей географической средѣ отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азій.

П. Козловъ.

Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ ¹⁾.

Въ 1885 году минуло ровно 25 лѣтъ со времени подписанія Айгунскаго трактата въ Пекинѣ, заключеннаго графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ съ китайскими уполномоченными въ 1858 году, по которому весь Амуръ, а также и Уссурийскій край вплоть до порта Посъета, на границѣ Кореи, отошли къ Россіи.

По этому случаю, с.-петербургское общество для содѣйствія русскому торговому мореходству назначило особое собраніе своихъ членовъ для того, чтобы ознаменовать этотъ день 25-лѣтія присоединенія къ Россіи Уссурийскаго края какимъ-либо административнымъ предпріятіемъ на предметъ русскаго мореходства въ восточныхъ водахъ Тихаго океана, такъ какъ Владивостокъ, въ то время еще незначительное наше поселеніе, замиралъ въ торговой бездѣятельности.

На это собраніе былъ приглашенъ графъ Игнатъевъ, какъ первый виновникъ того, что Айгунскій трактатъ былъ подписанъ въ Пекинѣ, и что всѣ требованія Россіи по этому трактату были удовлетворены китайскимъ правительствомъ.

Открывъ собраніе, предсѣдательствующій его Михаилъ Ильичъ Кази обратился къ графу Игнатъеву съ привѣтственнымъ словомъ, въ которомъ онъ напомнилъ присутствующимъ всѣ великія заслуги Николая Павловича передъ нашимъ отечествомъ.

¹⁾ Въ виду особаго интереса къ заслугамъ Россіи графа Н. П. Игнатъева, воспроизводится одна изъ версій событія „какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ“. Версія этого событія была воспроизведена К. А. Губастовымъ въ его рѣчи, произнесенной 30 ноября 1908 г. въ с.-петербургскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ и журналѣ „Былое“.

Ред.

На это графъ Игнатьевъ отвѣтилъ такъ: „Я только былъ исполнителемъ воли моего Государя“...

И все это, сказанное тогда графомъ Игнатьевымъ, мною было записано вполнѣ точно и передается теперь почти что съ фотографической точностью.

Но время 80-хъ годовъ минувшаго столѣтія, какъ извѣстно, было очень строгое въ политическомъ отношеніи, и всякій дипломатическій шагъ Россіи, обыкновенно, составлялъ государственную тайну. Поэтому графъ Игнатьевъ, прежде, чѣмъ сказать что-нибудь о томъ, какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ въ Пекинѣ, взялъ со всѣхъ насъ, присутствовавшихъ на собраніи общества, слово, что мы будемъ молчать объ этомъ до конца его жизни. — „А тамъ, когда меня не будетъ на свѣтѣ“, — добавилъ онъ, — „говорите, что хотите“.

Мы дали свое слово не разглашать дипломатической тайны, сообщенной намъ графомъ Игнатьевымъ.

Но теперь настало время повѣдать объ этомъ русскому міру, такъ какъ Николай Павловичъ уже скончался 20 іюня 1908 года.

— Къ сожалѣнію, началъ графъ Игнатьевъ свою рѣчь, — наше правительство ничего не сдѣлало для новаго края, присоединеннаго къ Россіи въ 1860 году...

Въ его рѣчи здѣсь звучала скорбная нотка, исполненная недовольства „петербургской политикою“...

— Владивостокъ остался порто-франко, продолжалъ онъ, — иностранцы въ немъ ховаяничаютъ, а мы только наблюдаемъ за этимъ изъ своего далека... Наши переселенцы вымираютъ, не зная, къ чему приложить рукъ своихъ... Морскія богатства эксплуатируются американцами при любезномъ содѣйствіи имъ въ этомъ случаѣ русскаго контрагента Филипеуса... Амурское пароходство едва влачитъ свое жалкое существованіе, праздно поглощая только государственную субсидію... А между тѣмъ Востокъ готовится къ борьбѣ съ ними...

Японцы уже прислали своихъ государственныхъ піонеровъ къ намъ, въ Россію въ числѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, обучающихся теперь въ Петербургскомъ университетѣ... Одинъ изъ нихъ уже вышелъ японскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ, — Токузиро Ниеси, — отозванный теперь на свою родину съ тѣмъ, чтобы тамъ составить о Россіи такую книгу — памфлетъ, отъ которой не повдоровилось бы даже и нашимъ мудрецамъ... Китайцы также подняли голову и, благодаря внушенію англичанъ, уже прислали къ намъ въ Россію свое постоянное

посольство въ 1878 году... Такъ что по всему этому азиатскому задору съ Россіею, можно думать, что намъ грозитъ въ близкомъ будущемъ на Тихомъ океанѣ не малая буря... А мы даже не позаботились до сихъ поръ сдѣлать изъ Владивостока оборонительнаго пункта... На Сахалинѣ же пока нѣтъ ничего кромѣ жалкой колоніи ссыльныхъ... Но и это возникло совершенно случайно... Благодаря лишь нѣкому г. Г—ву (онъ еще живъ и теперь), предложившему генералу Мезенцову (бывшему въ то время шефу жандармовъ) — въ 1877 г. ссылатъ всѣхъ красно-соціалистовъ на островъ Сахалинъ, чтобы они не мѣшали мирнымъ гражданамъ страны жить въ порядкѣ и законности... Между тѣмъ этотъ необитаемый до сихъ поръ островъ преисполненъ всякихъ естественныхъ богатствъ, какъ говорятъ намъ объ этомъ побывавшіе тамъ недавно американцы и пообсѣдовавшіе его сокровища... Что касается Уссурийскаго края, то Петербургъ махнулъ на него рукой, говоря, что это такая часть свѣта, до которой недоскачешь во вѣки... О желѣзной же дорогѣ до Владивостока, конечно, нечего и думать... А между тѣмъ она могла бы быть проведена еще въ 1864 году, когда сибирскіе купцы, будучи въ то время въ Нижнемъ Новгородѣ на открытіи московско-нижегородской желѣзной дороги, предлагали Государю Императору Александру II проложить рельсовый путь отъ Нижняго-Новгорода до Иркутска на свой счетъ, ассигновавъ на это 60 милл. рублей. Но петербургскіе акціонеры волжскаго пароходства нашли этотъ параллельный рѣкѣ Волгѣ рельсовый путь очень опаснымъ для себя конкурентомъ... И такъ Дальній Востокъ былъ обреченъ влечить свое жалкое существованіе... А между тѣмъ я, для того, чтобы закрѣпить его за Россіею, жертвовалъ своей жизнью... И случилось это вотъ какъ. Заключенный въ 1858 г. графомъ Муравьевымъ Айгунскій трактатъ былъ переданъ мнѣ для подписанія его въ Пекинѣ. Въ то время въ Китаѣ былъ регентомъ принцъ Кунгъ, человекъ умный, но нерѣшительный... На мое предложеніе подписать Айгунскій трактатъ, онъ, обыкновенно, по восточной привычкѣ, кормилъ меня легкими завтраками... И такъ тянулось время довольно долго. Наконецъ, наступилъ 1860 годъ. Тутъ была объявлена война Китаю англо-французами. Соединенная армія обоихъ государствъ обложила Пекинъ. По этому случаю всѣ иностранныя посольства должны были покинуть китайскую столицу. Вмѣстѣ съ другими посланниками, выѣхалъ и я изъ Пекина. Поселившись на своемъ стаціонерѣ (кораблѣ), я три мѣсяца крейсиро-

валъ по Печилійскому заливу. Но мнѣ скоро наскучило это изгнаніе мое изъ китайской столицы, и я вновь надумалъ возвратиться въ Пекинъ. Но въ это время все еще продолжалось обложеніе китайской столицы соединенными англо-французскими войсками. Поэтому на мое рѣшеніе возвратиться въ Пекинъ, всѣ мои сотрудники отзывались самымъ нерѣшительнымъ образомъ... Проще говоря, меня признали въ тайнѣ сумасшедшимъ человѣкомъ... Какъ это, думали они. — онъ можетъ проникнуть въ Пекинъ, когда городъ окруженъ непріятельской арміей и на улицахъ китайской столицы всюду воздвигнуты сотни всевозможныхъ неприступныхъ баррикадъ, взять которыя можно только большой вооруженной силой... Но я рѣшился идти одинъ... Взявъ съ собою нѣсколькихъ кавасовъ (казаковъ), я покинулъ свой стаціонеръ... Но прежде чѣмъ отправиться въ путь, я сказалъ своимъ людямъ, что насъ всѣхъ ожидаетъ въ осажденномъ Пекинѣ страшная безызви́стность... Почему знать, добавилъ я, — быть можетъ мы тамъ сложимъ свои буйныя головы... Но за то мы исполнимъ сыновній долгъ передъ своей родиной, и за это насъ вспомнить добрымъ словомъ благодарное потомство... На этотъ мой голосъ отзывались всѣ нижніе чины своей готовностью слѣдовать за мной, куда угодно... Такова обыкновенно довѣрчивая русская простая душа... Но я взялъ съ собою только нѣсколькихъ избранныхъ изъ всѣхъ, наиболѣе крѣпкихъ и выносливыхъ, стойкихъ людей...

За нихъ мнѣ поклялась вся моя посольская команда... И вотъ я подъ Пекиномъ... Англо-французская цѣпь, оковавшая своимъ желѣзнымъ кольцомъ всю китайскую столицу кругомъ ся каменной ограда, преградила мнѣ дальнѣйшій мой путь... Я къ главнокомандующему соединенной англо-французской арміи за разрѣшеніемъ... чтобы онъ пропустилъ меня черезъ цѣпь... Но тотъ на дыбы... „Что вы, что вы, какъ это можно!“ сказалъ онъ. — „Весь городъ на военномъ положеніи... Четыре милліона людей въ немъ бродятъ по улицамъ, оберегая тысячи баррикадъ!.. А вы въ городъ... Да развѣ это возможно?.. Что вамъ жизнь надоѣла что ли?.. Ну тогда, какъ знаете... Идите... Я въ томъ вамъ не препятствую“...

Я получилъ предписаніе умереть, или быть живымъ въ Пекинѣ, сказалъ я главнокомандующему. — „Ну теперь я понимаю“, сказалъ онъ. — „Дилемма эта поучительная... она чисто русская... совсѣмъ въ вашемъ духѣ... Ну, дай Богъ вамъ всякаго благополучія... Я съ сердечной радостію готовъ буду

васъ встрѣтить послѣ войны“... И такъ я, получилъ разрѣшеніе отъ главнокомандующаго соединенной англо-французской арміей прослѣдовать черезъ цѣпь, плотнымъ кольцомъ оковавшую китайскую столицу, и пошелъ въ Пекинъ... Но прежде, чѣмъ подойти къ городу, я переодѣлся въ китайское мандаринское платье, нанялъ для себя особый роскошный по-мѣстному паланкинъ и, помѣстившись въ немъ, вооружилъ себя двумя пистолетами.

Люди мои также всѣ были вооружены пистолетами, ружьями черезъ плечо и шашками наголо... Подойдя къ городской стѣнѣ, я увидѣлъ на ней массу китайцевъ, потрясающихъ въ мою сторону дрекольями... На это я имъ отвѣтилъ угрозою своихъ пистолетовъ, а людямъ моимъ приказалъ немедленно открыть мнѣ ворота...

„Смѣлость города беретъ“, какъ говоритъ русская народная пословица;—а по китайскому убѣжденію выходитъ такъ, что „если онъ идетъ, то имѣетъ право, а имѣющему право—отказывать нельзя“...

И такъ я, воспользовавшись этимъ китайскимъ „народнымъ правомъ“, вошелъ безпрепятственно въ Пекинъ. Но здѣсь меня ожидала тысяча другихъ препятствій, преобороть которыя нужно было упорнымъ трудомъ, чтобы потомъ достигнуть дома русскаго посольства... То-есть, мнѣ нужно было пройти городомъ пятнадцать верстъ черезъ тысячи разныхъ баррикадъ, поставленныхъ на тѣхъ улицахъ Пекина, черезъ которыя я шелъ, ведя при этомъ непрестанную борьбу съ охранителями всѣхъ баррикадъ и разрушая при этомъ всѣ препятствія, мѣшавшія мнѣ на всемъ моемъ длинномъ пути...

Сотни разъ намъ грозила здѣсь мучительная смерть отъ десятковъ тысячъ озвѣрѣлыхъ азіатовъ, измученныхъ своимъ безъизвѣстнымъ положеніемъ отъ трехмѣсячной осады Пекина англо-французской соединенной арміею... И появленіе мое здѣсь, на улицахъ китайской столицы, среди тысячъ баррикадъ, защищаемыхъ несмѣтными толпами мѣстной голодной черни, вызвало страшный ревъ среди этой живой стихіи, и она, какъ видно было, каждую данную минуту готова была предать насъ мучительной смерти...

Но такъ какъ мы пошли на этотъ подвигъ съ тѣмъ, чтобы умереть, то смерть намъ не страшна была своей зіяющей пастью, и мы ее равнодушно искали для себя на каждомъ шагу нашего движенія, но не нашли ее, такъ какъ Богъ не назначилъ намъ ее въ удѣлъ на этомъ чудовищномъ мѣстѣ.

Только къ вечеру того дня, въ который я вошелъ въ Пекинъ, мы добрались до дома русскаго посольства... Но здѣсь насъ встрѣтили страшно изумленные лица... Тѣмъ болѣе этого нужно было ожидать здѣсь уже потому, что люди мои, страшно измученные борьбою съ разрушеніемъ множества баррикадъ на нашемъ пути, настолько были не похожи на самихъ себя, что ихъ даже не узнали тутъ общіе старые знакомые... Да и я тоже едва былъ въ состояніи отвѣчать на привѣтствія, оказываемыя мнѣ...

Но, несмотря, однако, и на это мое утомленіе въ пути, мнѣ еще въ тотъ же вечеръ суждено было рѣшить судьбу бѣднаго Китая въ войнѣ его съ англо-французами... и добиться при томъ подписанія нашего Айгунскаго трактата...

А случилось это вотъ какъ. Не успѣлъ я придти въ домъ русскаго посольства, какъ ко мнѣ тотчасъ же явился регентъ Китая, принцъ Кунгъ, окруженный цѣлымъ сонмомъ своихъ приближенныхъ... На немъ, однако, не было лица... Такъ онъ былъ при этомъ взволнованъ, выражая мнѣ свое удивленіе... „Какъ это вы очутились здѣсь?“ весь дрожа отъ волненія, спросилъ меня принцъ.—„Вѣдь городъ давно находится въ революціи, на его улицахъ тысячи баррикадъ и миллионы волнующихся при нихъ людей, а вы рѣшились идти сюда?!!“

На это я ему отвѣтилъ тѣми же словами, что и сказалъ главнокомандующему англо-французской арміею... Принцъ страшно былъ пораженъ моею рѣшимостью...—„Но что намъ дѣлать?!“ вдругъ, измѣнивъ тонъ, спросилъ онъ меня,—„Пекинъ обложенъ непріятельской арміею, народъ въ революціи, а мы ничего не можемъ придумать, какъ намъ рѣшить эту проблему: продолжать ли дальше нашу трагедію или покончить ее на этомъ актѣ?!!“—„Вы спрашиваете моего совѣта, принцъ?“ рѣшительно поставилъ я ему вопросъ. „Да“, отвѣтилъ онъ въ волненіи.—„Такъ я вамъ дамъ его... Но прежде, чѣмъ это сдѣлать, вы подпишете Айгунскій трактатъ“.—„Ахъ!“ въ волненіи произнесъ принцъ и тутъ же подписалъ намъ договоръ...—„Ну... а теперь я вамъ скажу, что нужно будетъ дѣлать съ вашей трагедіею“, спокойно сказалъ я регенту... „Заклучите миръ съ англо-французами и сдѣлайте имъ всѣ уступки, о которыхъ они васъ просятъ“... И на другой же день послѣ моего прихода въ Пекинъ, Китай заключилъ миръ съ англо-французами, и осада китайской столицы соединенной арміею была снята... И съ тѣхъ поръ Китай не зналъ, какъ и выразить Россіи свою глубокую признательность за ея посредничество въ этой не-

счастной войнѣ... Несчастной потому, что четыре милліона жителей Пекина три мѣсяца тряслись отъ своей страшной безъизвѣстности, а тридцать тысячъ англо-французскаго соединеннаго войска боялись войти въ городъ, переполненный милліонами народа... Но европейцы менѣе благодарны, чѣмъ азіаты... Они и послѣ этой услуги, оказанной имъ Россією, продолжали интриговать противъ насъ въ Азіи... Но китайцы этого не дѣлали...

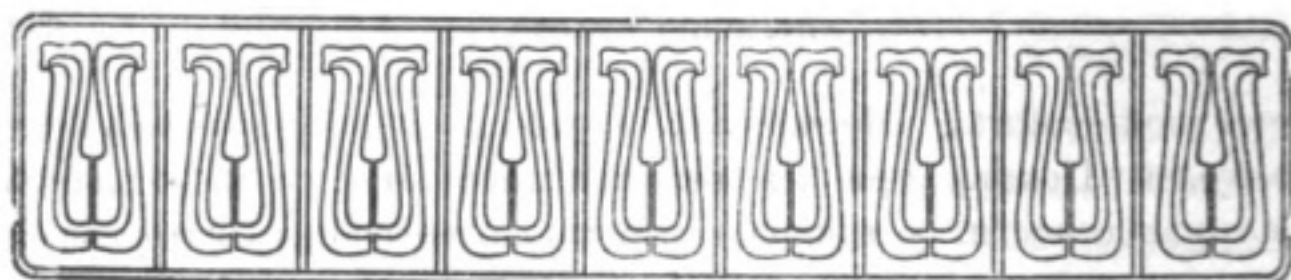
Когда графъ Игнатъевъ закончилъ этими словами свою простую рѣчь, то мы всѣ въ одинъ мигъ разразились дружными аплодисментами и громко прокричали ему „ура“!.. Но насъ при этомъ волновало совсѣмъ другое чувство... Намъ всѣмъ хотѣлось обнять его и осыпать горячими поцѣлуями... До того насъ тронулъ его безхитростный рассказъ, что мы каждую минуту ждали въ немъ трагической развязки на улицахъ Пекина, но Богъ спасъ нашего героя... Онъ сидѣлъ передъ нами живой и здоровый...

Таково было наше впечатлѣніе отъ разсказа графа Игнатъева... Вотъ при какихъ условіяхъ былъ подписанъ въ Пекинѣ нашъ Айгунскій трактатъ съ Китаемъ...

Думаемъ, что за такой подвигъ графа Николая Павловича Игнатъева наше благодарное потомство почтитъ его достойнымъ мавзолеемъ!..

С. Глѣбовъ.

Въ Редакцію „Русской Старины“.

Въ февральской книжкѣ 1912 г. „Русской Старины“, въ дневникѣ Д. Г. Анучина упомянуто, между прочими лицами, о М. А. Бутеневѣ, какъ о секретарѣ графа П. А. Шувалова, во время Берлинскаго конгресса. О немъ передается, что графъ П. А. Шуваловъ „не могъ его переносить: по его словамъ, онъ способенъ только вести реестръ входящимъ и исходящимъ бумагамъ и запечатывать конверты. Впослѣдствіи однако наше Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, продолжаетъ авторъ замѣтки, пользовалось этимъ самымъ Г. Бутеневымъ для веденія переговоровъ съ Папской Куріей. Трудно повѣрить, чтобы Министерство не знало ничего о Г. Бутеневѣ. Или можетъ быть вести переговоры съ Римомъ все равно, что умѣть запечатывать конверты?“

Какъ говорятъ французы „с'est ainsi que s'écrit l'histoire“. Вправду, она пишется легкомысленно, иногда даже самыми серьезными льдьми, не знаю, откуда генералъ Анучинъ почерпнулъ эти свѣдѣнія о М. А. Бутеневѣ, впослѣдствіи графъ Бутеневъ-Хрептовичъ. Я зналъ хорошо Бутенева и могу увѣрить читателя, что Бутеневъ всегда считался, чѣмъ онъ и былъ въ дѣйствительности, весьма образованнымъ, умнымъ, даровитымъ и пріятнымъ человѣкомъ. Онъ отличался при этомъ чрезвычайной скромностью, строгостью къ себѣ и снисходительностью къ другимъ и рѣдкой добротой. Не помню, покойный ли посолъ въ Лондонѣ Е. Е. Стааль или великая княгиня Марія Александровна герцогиня Эдинбургская, прозвали его за эту доброту „Ангеломъ—l'ange“. Его любили рѣшительно всѣ, и великіе и малые міра сего, и его преждевременная кончина была огорченіемъ для всѣхъ, знавшихъ и почитавшихъ его. Такихъ дипломатовъ, какимъ былъ Бутеневъ, всегда было и будетъ

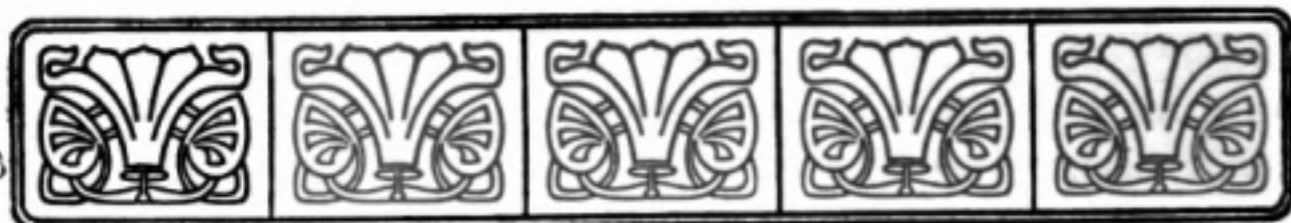
мало и если Министерство Иностранныхъ Дѣлъ послало его вести переговоры съ Папской Куріей, то это именно потому, что оно знало Бутенева и цѣнило его выдающееся дарованіе.

Обращаясь въ Редакцію „Русской Старины“ съ просьбой напечатать въ ближайшемъ номерѣ журнала эти строки, я отдаю только дань чистой памяти покойнаго Бутенева и восстанавливаю истину, помраченную вышеприведенной замѣткой въ интересномъ дневникѣ генерала Анучина.

А. Крупенскій.

Императорскій Россійскій посланникъ при
Норвежскомъ Дворѣ.

 .

Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году ¹⁾.

Г. Васси 19 Января.

Въ предположеніи подраться сегодня, спалъ и хорошо и дурно, утромъ велѣлъ сѣдлатъ лошадей, пошелъ къ графу и узналъ, что Иловайскій, 12-го атаковавъ ночью непріятеля врасплохъ, хватски гналъ его до Васси и наконецъ занялъ этотъ городъ съ одними своими казаками;—это остановило сегодняшнюю атаку и графъ рѣшившись перенести сюда главную свою квартиру, обѣдалъ въ Жоанвиллѣ;—Горкъ вчера порядкомъ пораздѣлался съ пріятелями, занялъ Сентъ-Дизіеръ, отнялъ одну пушку и много плѣнныхъ; а сегодня намѣренъ былъ занять Витри и выждать Макдональда, которой съ корпусомъ, состоящимъ изъ 20.000, проходить долженъ на соединеніе съ Наполеономъ, а нашъ Винценгероде идетъ по слѣдамъ его; должно ожидать, что выйдетъ порядочное дѣльцо; между тѣмъ должно замѣтить, какъ обрадовались хозяева наши при рассказѣ моемъ объ этихъ подвигахъ, господинъ Дессе и его супруга—наши хозяева, можно сказать, прыгали отъ радости;—сегодня хозяинъ обѣдалъ съ нами, поѣли и попили хорошо, графъ скоро послѣ обѣда уѣхалъ верхомъ и мы за нимъ,—бѣдная моя сѣрая кобыла, до сихъ поръ не выздоровѣла отъ укушенія, и нельзя было ѣхать, осѣдлалъ гнѣдую кобылу и на ней путешествовалъ, поблагодаривъ хозяевъ за ихъ доброе угощеніе; погода во весь день была пренесносная, вдругъ солнце, вдругъ дождь, вдругъ по-

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1914 г.

томъ крупа и вѣтеръ пренесносной, верхомъ было ѣхать ужасно досадно 3-й лѣе досюда,—городъ этотъ растянуть, но кажется, не очень великъ, моя квартира у старика капитана жандармовъ Блюменрее кажется изрядной, на каминѣ огонь и мы всѣ у камина.—Ходилъ къ графу, пили у него чай и читали прокламацію Виктора, здѣсь выданную, гдѣ онъ вызываетъ всѣхъ жителей къ ружью и которую сами жители принесли для показу.

Городъ Сентъ-Дизье 20-го января.

Спавъ хорошо, проснулся сегодня очень рано, развелъ огонь въ каминѣ и со свѣчою разбудилъ всѣхъ;—полагая, что по вчерашнему назначенію графа мы сегодня будемъ дневать, утромъ писалъ списокъ къ прусскимъ награжденіямъ и носилъ къ графу, но у него уже запрягали лошадей и онъ получилъ повелѣніе соединиться съ Іоркомъ, почему и перешли въ этотъ городъ; сегодня, говорилъ графъ, должна быть генеральная атака на всѣхъ пунктахъ, и Богъ знаетъ чѣмъ кончилось, нашъ гр. Паленъ спасъ всю армію Блюхера, взялъ 6 пушекъ, знамя и разрушилъ всѣ планы Наполеоновы—передъ самымъ обѣдомъ, благодаря милосердаго Бога получилъ письмо изъ дому отъ 29-го ноября, не знаю какой-то дуракъ вмѣстѣ съ моимъ петербургскимъ Григоріемъ увѣрилъ ихъ, что я произведенъ въ генералы, и они праздновали четыре дни, досадно это, но пусть Богъ наградитъ милую, безцѣнную мою матушку за неограниченную любовь ея, не могъ читать безъ слезъ и послѣ кусокъ не пошелъ въ ротъ; Боже, благоволи увидѣть мнѣ моихъ родителей и лично вкусить удовольствіе радости семейственной. Отъ этого сѣлъ верхомъ на „Мальчика“ и доѣхалъ сюда 4-е лѣе, Іоркъ недавно отсюда выступилъ къ Витри, которой укрѣпленъ и которой намъ должно будетъ брать; былъ у графа, онъ еще не знаетъ, что дѣлать будемъ завтра. Хотѣлъ писать домой сегодня же, но забалагурились да и не знаю, что еще выйдетъ. Хозяинъ здѣшній какой-то математикъ и долженъ быть большая шельма, накормилъ не завидно и даже подушекъ не хотѣлъ дать, бравши требованія отъ насъ даже на говядину. Графъ приказалъ сегодня объявлять приказъ за Дрезденъ о награжденіяхъ, которые отъ него зависятъ, и тамъ цѣлый день въ Васси и здѣсь этимъ занимался, но типографія до сихъ не прибыла; радъ душевно, что Васси вышло 2 Анны;—Кривскому тоже, и мы за завтракомъ поздравили его бутылкою шампанскаго.

Сентъ-Дизъ 21-ю января.

Сегодня продневали, утромъ благодаря Бога получили увѣдомленіе, что Блюхеръ съ частію войскъ Вреде разбилъ вчера Наполеона, взялъ 41 пушку и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ. дѣло продолжалось и сегодня весь день, непріятель ретируется и чѣмъ-то Богъ обрящетъ; въ Витри Макдональдъ съ 4-мя или пятью тысячами, вотъ его армія; Государь нашъ и король Пруссій были тоже въ дѣлѣ. Весь день пришедши отъ графа, съ которымъ ходили смотрѣть здѣшнюю церкву, старинную большую, но лишенную всѣхъ богатствъ революціею, сидѣлъ дома, хотѣлъ писать домой, но послѣ рѣшился обождать, авось что выйдетъ лучшее. Вечеромъ писалъ къ Гарранту и сейчасъ отправилъ съ фельдъегеремъ въ Раштатъ.

Монтъеранде 22-ю января.

Ночь была прехолодная, получили увѣдомленіе, что третьяго дня взяли наши 97 пушекъ и до 3-хъ тысячъ плѣнныхъ; намъ велѣно оставить Йорка у Витри, а самимъ идти чрезъ этотъ городокъ и обходить непріятеля въ тылъ; позавтракавъ или пообедавъ въ 11-ть часовъ, пустился верхомъ въ походъ; поблагодаривъ г-на Бленъ-де-Ейли, великаго математика, у котораго домъ огромной, комнатъ много, а ѣсть очень плохо;—дороги сегодняшней отъ повороту съ шоссе нельзя и описать, грязь выше ступицы и во многихъ мѣстахъ даже верхомъ нельзя было проѣхать, самъ удивляюсь, какъ Богъ пронесъ мою коляску и ящикъ, погода же къ тому предурная и насилу добрались до квартиръ; городокъ этотъ небольшой, но квартира моя у старушки, мадамъ Перне изрядная—о холодъ говорить нечего, двѣ изрядныя комнаты порознь, эти каминны, я боюсь, такое посѣятъ въ насъ отвращеніе къ себѣ, что дома и заводить ихъ не захочешь. Графъ здѣсь получилъ курьера отъ Барклая съ увѣдомленіемъ, что взято 80 пушекъ и до 6-ти тысячъ въ плѣнъ, непріятель бѣжитъ и всѣ преслѣдуютъ, намъ велѣно соединиться съ резервомъ, то есть съ гвардіею и потому идемъ на трое, пишутъ, что Наполеонъ—злодѣй крѣпко разбить и что хотятъ уже обнародовать Бурбона королемъ Франціи; Боже благослови, народъ радъ этому до безконечности и ожидаетъ съ натерпѣніемъ, а мы ожидаемъ вступленія въ Парижъ, миру, и молимъ Бога о истребленіи этого бича роду человѣческаго.

Завтра намъ большой маршъ и 3 лье должно идти по такой же дурной дорогѣ, какъ сегодня сдѣлали пять, такъ выйдя у Бриена и увидимъ картину пораженія. Пріѣхалъ Брежинскій съ Яхонтовымъ. Я сушусь и скоро ужинъ.

Дер. Роне 23-го января.

Ну денекъ сегодня, утромъ сходявъ къ графу, которой ѣхалъ верхомъ, и выправившись Богъ знаетъ какъ проползли по грязи выше колѣна, скоро по выѣздѣ нагнали Гельфрейха и съ нимъ довольно долго ѣхали, въ первой деревнѣ выпили водки у Брежинскаго, и оттуда я ихъ уже потерялъ; ѣхали три лье дурной дороги, гораздо худшей вчерашней, и еще двѣ до Бриена по большой, но однакожъ испорченной Наполеоновою арміею;—подъѣзжая къ Бриену, обѣ стороны дороги и поля устѣяны трупами несчастныхъ жертвъ варварства Наполеонова; городъ сожженъ и разграбленъ и замокъ, стоящій на прекраснѣйшей высотѣ, командующей всѣми окрестностями, также ограбленъ, въ этомъ замкѣ Буонапарте былъ воспитанъ въ здѣшней военной школѣ по привозѣ его изъ Корсики и здѣсь то онъ потерялъ, можетъ быть, послѣднія баталіи въ жизни; здѣсь уже никого не нашли, въ замкѣ стоялъ генералъ гр. Вреде, которой вчера получилъ за послѣднее дѣло 2-го Георгія; графъ у него обѣдалъ, но мнѣ не захотѣлось толкаться и поѣхалъ прямо сюда въ новоназначенную квартиру вмѣсто Лемона, которой сожженъ; замокъ разграбленъ баварцами и всѣ прекрасные кабинеты натуральной исторіи, минеральной и прочіе; жаль, что мнѣ и посмотреть не удалось; Козловъ и Паттонъ подарили мнѣ однакожъ по раковинкѣ. Здѣсь стояли баварцы и все-таки ограбили какъ французы грабили насъ. квартиръ некому было занимать, и баварскія войска при насъ выступили и славныя, жаль, что они такъ дурно ведутъ себя. Получили увѣдомленіе, что Наполеонъ собираетъ разбитыя свои войска у Троа, Блюхеръ пошелъ прямо на Парижъ и даже говорятъ, что уже есть депутація у Государя отъ Парижа, мы идемъ на Аренсъ и будемъ обходить французскую армію, которая, кажется, уже оставляетъ свою столицу. Боже, помоги и избавь насъ отъ такой дороги, какъ сегодня, а завтра опять проселкомъ.

Пине 24-го января.

Эти проклятыя камни и негодная Франція, ей! ей! истинные биваки,—сегодня я такъ прозябъ ночью, хотя вовсе и не

раздѣвался и огонь не переставалъ горѣть въ каминѣ, утромъ проснувшись рано, не могъ согрѣться, думали, что пойдѣмъ въ Рамерсъ, но дирекцію перемѣнили и Шварценбергъ предписалъ идти сюда; позавтракавъ немножко пустились верхомъ и пѣшкомъ, опять прошли Бриенъ, закусили еще немножко въ деревнѣ съ Акличевымъ и другими нашей свиты; отъ самаго Бриена своротили съ большой дороги и уже не дорогою, но полями и болотами добирались сюда и 6-ть лье насилу сдѣлали до 6-го часу вечера; не знаю, какъ Богъ милуетъ мою коляску и лошадей, а такой одинъ переходъ стоитъ 3-хъ добрыхъ;— Пине миленькій городокъ и разграбленъ нашими союзниками, однакожъ мнѣ по счастью досталась квартира съ хозяевами, и вотъ вечеромъ накормили по силамъ, а мы поподчивали ихъ пуншикомъ. Теперь до Тросе 4-е лье, сегодня слышна была весь день канонада, и говорятъ, непріятель прогнанъ, куда же намъ завтра—еще неизвѣстно. Здѣшнія деревни совершенно бѣдныя и безъ войны, домики маленькіе и какъ клѣтки, о, какъ равняютъ Францію съ Германією. Все не удастся написать домой; ахъ, когда бы вмѣстѣ увѣдомить ихъ и о мирѣ.

Дер. Шармонъ 25-го января.

Вчера было досадно отъ холоду въ Пине: но тамъ хоть комната была изрядненькая да и хозяйева, не взирая на то, что уже разграблены, люди очень добрые, покормили, послѣ дали кой-какую постель и сегодня честно разстались, даже желали, чтобы мы простояли до самаго миру; здѣсь же пренегодная крестьянская избенка, двери прямо съ двора, у хозяевъ ничего нѣтъ, и мы всѣ обсѣли кругомъ камина. Да чуть-ли и ночь всю не просидѣть отъ холода. Утромъ былъ рано у графа, просилъ объ увольненіи Яхонтова въ Россію, и слава Богу успѣлъ; пообѣдавъ въ Пине, пустились въ путь по-вчерашнему, только погода холодная, помилуй Богъ, морозу нѣтъ, но вѣтеръ ужасной и почти нельзя было сидѣть на лошади, три лье показались за десять и на дорогѣ только была одна деревенька, негдѣ пообогрѣться, сюда же пріѣхавъ по несчастью и квартиры не нашелъ, другъ у друга отнимали и мою отняли Акличесву, дали было вмѣстѣ съ Теслевымъ, но помѣститься нельзя и такъ прохोдивъ часа три съ квартирмистромъ по деревнѣ, остановились въ первой незанятой изобкѣ. Теперь выпили съ горя по стаканчику, побалагурили у бивакаками—и вздохнувъ о милой родинѣ, о друзьяхъ и родныхъ

отдаленныхъ, взялись съ Густавомъ за свои журналы; право, въ этихъ квартирахъ во Франціи закоптысь во всегдашнемъ дыму и на огнѣ, что-то и въ умъ нейдетъ, что писать, нѣтъ, то ли дѣло въ Германіи,—тепло, хорошо, а здѣсь все биваки. Наши гдѣ-то забрали Наполеоновъ табакъ Рапе, которымъ онъ одинъ торговалъ и мнѣ вчера прислалъ нашъ генералъ.

15 картузовъ, далъ я 4 Густаву, два Брежинскому и одинъ началъ, изрядной, но не лучшей табакъ. У насъ наводять мостъ чрезъ Сену и, коли Богъ поможетъ, завтра будемъ на той сторонѣ,—увы! сколько рѣкъ надо переправиться, чтобы возвратиться намъ въ милую родину. Старуха хозяйка—суша у нашего каминна деревянныя свои башмаки, въ которыхъ здѣсь всѣ они ходятъ и Богъ знаетъ какъ могутъ ходить, смотритъ на эту бумагу и удивляется, что я пишу скоро и похоже на нихъ;—ей! не завидуйте французамъ, право, ничѣмъ не заслуживаютъ ни похвалъ, ни подражанія.

Д. Шармонъ 26-го января.

Ночью графъ получилъ диспозицію кн. Шварценберга, по которой слѣдовало въ 2-а часа пополудни атаковать Троа вмѣстѣ съ большею арміею. По утру узнавъ это, пошелъ къ графу и упросилъ его подписать аттестаты Яхонтову и его племяннику о подвигахъ и службѣ. Хотѣли ѣхать до обѣда, однакожь зашли къ Брежинскому. Славно поѣли, между тѣмъ, графъ уѣхалъ, пришлось догонять, день сдѣлался ясный, но пренесноснѣйшій вѣтеръ, которой валилъ съ лошади; не доѣзжая за часъ до Троа, встрѣтили Бота и многихъ нашихъ возвращающихся назадъ съ извѣстіемъ, что Троа занята уже австрійцами, гдѣ будетъ и главная квартира Государя,—возвратясь вмѣстѣ заходили къ графу, завтра, если не перемѣнятъ диспозиціи, пойдемъ въ Арси. Пили чай и пуншъ у Брежинскаго и дотянули послѣднюю бутылку рому, теперь читалъ дома Ромео и Юлію, подчивалъ хозяина и вотъ къ Брежинскому же иду ужинать.

1. Арси 27-го января.

Поужинавъ вчера славно у Брежинскаго и допивъ все, что было хмѣльное, легли спать не рано; сегодня отправилъ сюда квартиргеровъ, былъ у графа и закусивъ дома кое-чего, на прощанье съ Брежинскомъ и Яхонтовымъ выпили послѣднія полъ-бутылочки водки и бутылки четыре вина; поѣхалъ верхомъ и отъ дурной погоды 4-е почтовыхъ лье показались долги, заѣзжалъ къ Пышницкому по дорогѣ и сюда доѣхавъ промокъ

такъ, что и рубашку даже долженъ былъ скинуть;—квартирка была изрядная, но дымна безъ милосердія; хозяйка преглупая, но проворная, а хозяинъ грубіянь,—заставилъ,—скинуть съ него шляпу; городокъ небольшой и ничего достать нельзя, насилу у хозяина Шефлера нашелъ 3 бутылки коньяку и жалѣю, что не послалъ казака съ Брежинскимъ въ Троа, гдѣ все достать можно.—Послѣ обѣда былъ у Довре и оттуда пили пуншъ у Шефлера, послѣ дочиталъ Ромео и Юлію; ужинать не даютъ, объ австрійскомъ движеніи еще ничего неизвѣстно. Получилъ письмо отъ Григорія чрезъ Маялковскаго отъ 30-го ноября.—Отъ холоду у меня и писать не хочется, а читать нечего, теперь же еще только 9-ть часовъ вечера, Шефлеръ пошелъ уже домой и я лягу; Государя сегодня ожидаютъ въ Троа.

1. *Мери 28-го января.*

Спавъ дурно, утромъ вмѣсто ожидаемой дневки получили повелѣніе идти сюда, закусивъ свою курицу изъ коляски пустились въ путь; но негодная хозяйка, недовольствуясь добротою нашею, что мы и отъ нее не требовали ничего поѣсть, вадумала потребовать отъ насъ еще платы за труды и двухъ жареныхъ голубей.—Верхомъ доѣхали сюда довольно скоро 4^{1/2} лье почтовыхъ и не думали подѣхавъ сюда, что это Мери; онъ стоитъ на Сенѣ, городъ маленькой и негодной, въ прѣздѣ нашъ проходилъ авангардъ нашъ впередъ къ Ножану; квартира у меня преподлая по ужасной лѣстницѣ, у графа узналъ, что получено свѣдѣніе, будто бы Наполеонъ со всѣми своими силами поверотилъ на Блюхера, котораго авангардъ уже около Мо, не знаю куда насъ поверотятъ и должно бы скорѣе захватить Парижъ;—ходили на рѣку Сену, которая такъ мала и въ прибавокъ такъ мутна, что я не приберу и сравненія съ какою-нибудь маленькою рѣчкою въ Россіи, мостъ былъ испорченъ, но уже поправленъ.—Обѣдалъ у Мерлина и славно; вечеромъ просидѣлъ часа 4-е у графа и хотѣлъ посчитаться кое о чемъ съ Кикинымъ, но никакъ не могъ удѣлить возможности, завтра постараюсь;—графъ Гохбергъ привезъ мнѣ письмо отъ генерала Гарранта, въ которомъ онъ его рекомендуетъ, но моихъ писемъ вѣрно не получилъ. Здѣсь хозяинъ старикъ 70-ти лѣтъ всклепалъ на Шефлера, что онъ эмигрантъ, родомъ изъ Троа и что его фамилія Бодо; думая пользоваться этимъ, онъ согласился на эмигрантство; но ихъ очень дурно покормили, да и то при свѣчахъ; возвратясь теперь отъ графа послѣ чаю, нашелъ моихъ за пуншемъ и хозяина въ

треугольной его шляпѣ уже на третьемъ взводѣ, старикъ болталъ, пока языкъ ворочался и только-что сейчасъ ретировался внизъ.

1. *Мери 29-ю января.*

Утромъ сегодня былъ у графа, писалъ къ Барклаю о перемирияхъ по Лейпцигскому дѣлу и о Дрезденскомъ представленіи, послѣ писалъ приказъ объ утвержденіи Бауценскаго представленія и окончилъ къ обѣду, который былъ очень плохой, посѣтителей любопытныхъ о наградахъ было сегодня весь день безъ конца; послѣ обѣда написалъ преогромное письмо домой на двухъ полулистахъ кругомъ, сестрѣ тоже большое, Ивану Сергѣевичу Маслову, и отвѣчалъ на полученные сегодня же письма отъ Григорія о полученіи денегъ, посланныхъ съ Гагинымъ и графомъ Толстымъ, и Добровольскому, который поздравлялъ съ утвержденіемъ пансіона, а вечеромъ чрезъ Кондрата, Алексѣя Николаевича, получилъ отъ Яхонтова письмо съ конвертомъ Барклая къ графу о утвержденіи этого же представленія, все хорошо, но бѣдной Акличеевъ опять вымаранъ, а другимъ перемирия;—жаль, да какъ быть, царь милосердъ и справедливъ.—Въ письмѣ къ сестрѣ вложилъ 25 для раздачи людямъ по 5, но сегодня къ Д. Добровольскому отправить не успѣлъ, надо ожидать другого курьера, да спасибо у насъ каждый день курьеры.—Вечеромъ опять куча посѣтителей и какъ ни хотѣлось написать къ Ивану Матвѣевичу Бегичеву, но никакъ не могъ писать, разъ потому, что мѣшали мнѣ работать, а второе потому, что г-нъ мой Яша усталъ сильно записывать мои письма, получилъ также письмо отъ Тишина, отвѣчать некогда уже до первой дневки, слава Богу, что сегодня продневили и удалось написать домой; завтра мы идемъ къ Ножанъ и назначенъ переходъ до Понъ-сюръ-Сейнъ, однакожь теперь еще непріятель былъ тамъ и сегодня перестрѣливались; я радъ очень, что обоимъ Денисьевскимъ дали чины.—Говорили также, слышна была сильная канонада вправо, это должно быть у Блюхера, на котораго Бонапарте бросился, дай Богъ, чтобы онъ съ нимъ посправился.—Хозяева и здѣсь негодные, да спасибо Шефлеръ такого задалъ имъ страху, что теперь не знаютъ, какъ вертятся, а ужинъ все-таки дрянъ;—быть такъ, ложимся спать.

Замокъ Понъ на Сейнъ. Января 30-ю дня.

Вотъ мы теперь въ Марисѣ нашемъ достигли и до жилища матери Наполеоновой; но по порядку, утромъ написавъ приказъ

о наградахъ, былъ у графа и тутъ же получили увѣдомленіе Блюхера, что непріятель весь на него обратился и потѣснилъ авангаръ генерала Олсуфьева; но однакожъ онъ уже концентрировался съ Іоркомъ и Клейстомъ, и хотѣлъ сегодня самъ атаковать, между тѣмъ просилъ насъ форсировать Ножанъ и потому мы пустились въ маршъ; закусивъ немножко сельдей, яичницы и выпивъ во славу полученнаго пансіона бутылку стараго, раштатскаго шампанскаго, ѣхали верхомъ.—Весь сегодняшней день противу всѣхъ прежнихъ былъ удивительный, погода чрезвычайная, и солнце такъ грѣло, что должно было разстегнуть совѣтъ мундиръ. Авангардъ съ Паленомъ весь день дрался у Ножана и уже на вечеръ только успѣли занять половину до мосту; но за то 25-й Егерскій полкъ сильно пострадалъ и командиръ онаго полковникъ Ветошкинъ, славной, храброй офицеръ убитъ; жаль, очень жаль: оставилъ семейство и жену. Замокъ тотъ, какъ видно, старинной дворянской—вовсе невеликъ; но однакожъ довольно изряденъ, но теперь совершенно брошенъ, не имѣя ни души жителей, даже и въ мѣстечкѣ, которое тутъ же за садомъ, тоже жителей нѣтъ; здѣсь всегда жила Марія Летиція—мать Наполеонова, но въ замкѣ великолѣпія вовсе не видно, да и не было, мы желали бы гораздо лучше стоять въ простой крестьянской избѣ у хозяевъ, гдѣ можно бы что-нибудь сыскать поѣсть; а здѣсь ни куска хлѣба и ничего; моя квартира въ нижнемъ этажѣ недалеко отъ домовоѣ церкви № 1 и 2, двѣ маленькія комнаты, въ которыхъ ничего нѣтъ; обѣдалъ сегодня у графа и благодаря Бога кое-какъ хорошо, и выпили тоже шампанскаго бутылку, онъ хотѣлъ было сегодня же переѣхать въ Ножанъ, но еще былъ не занятъ и уже поздно; Довре нашъ 37-тъ лѣтъ тому назадъ былъ здѣсь и теперь нашелъ все въ прежнемъ положеніи, надо было слушать старика, какъ это его утѣшаетъ, онъ обходилъ кругомъ и все осматрѣлъ; въ замкѣ все перебито и переломано, осталось немного фарфоровыхъ тарелокъ очень обыкновенныхъ и больше ничего, видно, что госпожа матушка Бонапартова все поприбрала съ собою.—Теперь только мы пили чай у меня съ Тесловымъ, новымъ Георгіевскимъ кавалеромъ и другими и не думая объ ужинѣ, надо ложиться спать.

Замокъ Понъ на Сейнъ. 31-го января.

Послѣ 11-го октября, до сегодняшняго дня мы не были въ сраженіи, по утру съ графомъ поѣхали къ Ножану, городъ былъ до половины занятъ, и въ то время какъ графъ говорилъ

съ Паленомъ въ форштатѣ, пуль десятка полтора пролетѣло чрезъ головы и одна даже сбила шапку у принца Виртембергскаго; но слава Богу милосердному, все мимо,—холка у бѣдной моей кобылки еще не совсѣмъ зажила, однакожъ для дѣла ѣздилъ на ней, оттуда объѣхали городъ почти кругомъ и нашли Вреде, которой долженъ переправиться слѣва,—долго съ нимъ постояли и у насъ пулями ранили двухъ ординарцевъ Клейна и Франсуа; между тѣмъ здѣсь въ городкѣ навели мостъ и два полка 3-й дивизіи переправились, а за ними и Ридигеръ съ своимъ и Ребрикова казачьимъ полкомъ; возвращаясь оттуда на дорогѣ заѣзжали въ домикъ, гдѣ лежалъ убитый вчера полковникъ Ветошкинъ и еще одинъ офицеръ его же полка; отдавъ послѣдній долгъ покойному, возвратились къ обѣду сюда, пріѣзжалъ генералъ Лисаневичъ, обѣдалъ у меня и послѣ былъ у графа, ему бѣдному дали благоволеніе за Лейпцигъ, когда онъ по правдѣ заслужилъ болѣе. За столомъ, который очень былъ солдатской и состоялъ изъ картофельнаго супу и жареной курицы; послѣ присланнаго отъ добрыхъ людей ординарнаго винца, выпили бутылочку шампанскаго, еще и послѣ гуляли съ графомъ по саду, а тамъ писалъ къ Мезенцову и Властову поздравленія и пришедши отъ графа, которой спорилъ съ принцемъ Виртембергскимъ о намѣреніяхъ Наполеона, пили чай и пуншъ дома съ генераломъ Лисаневичемъ, которой только что сейчасъ уѣхалъ, добрый старикъ.—Да чуть не забылъ было, что сегодня же утромъ получили прокламацію отъ имени Людовика XVIII къ французскому народу; графъ призвалъ къ себѣ всѣхъ жителей, которыхъ собрать могли здѣсь, и надо было видѣть, какъ тронула она ихъ,—читавшій раза четыре останавливался отъ слезъ, и всѣ рыдали, даже и мы не могли смотрѣть на нихъ равнодушно, и я признаюсь, слезы сверкали и у меня въ глазахъ;—Шефлеръ очень удачно сказалъ, что глаза останутся навсегда зеркаломъ души и чувствій, теперь г-нъ Наполеонъ уже въ чистой отставкѣ, и Франція имѣетъ короля, это должно возбудить весь народъ, отклонить отъ него войска и ему ничего не остается болѣе, какъ разбойничать, пока найдетъ конецъ всему;—праведенъ Богъ всемогущій и вотъ достойная месть злодѣю, не могшему довольствоваться невѣроятнымъ счастьемъ и хотѣвшему поработить весь свѣтъ.—Но скоро ли будетъ настоящій конецъ—Богъ вѣсть. Видѣлся съ генераломъ Каменевымъ и другими.

Сообщ. Б. В. Каховскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

(Къ 30-лѣтію литературной дѣятельности
М. М. Мариной).

30-ть лѣтъ тому назадъ 16 марта 1884-го года на страницахъ „Задушевнаго Слова“ помѣщенъ былъ первый появившійся въ печати рассказъ Дези (М. М. Мариной), а затѣмъ печатались ея рассказы въ „Задушевномъ Словѣ“, „Дѣтской газеткѣ“, „Дѣтствѣ и Отрочествѣ“.

Очерки, путевыя замѣтки, корреспонденціи, историческія статьи, біографіи, воспоминанія, маленькіе рассказы—подъ псевдонимомъ Марина помѣщались разновременно: въ „Южныхъ Запискахъ“ (Одесса), „Журналѣ Начинающихъ“ (Кишиневъ), „Вѣра и Жизнь“ (Черниговъ), „Весь Міръ“, „Русской Землѣ“, „Русской Рѣчи“, „Одесскомъ Листкѣ“, „Отдыхѣ Христіанина“, „Русскомъ Архивѣ“, „Вѣстникѣ Иностранной Литературы“ и „Русской Старинѣ“.

Удѣляя время литературной работѣ, Марина принимала постоянно участіе въ общественной жизни—въ дѣлахъ благотворительности, служенія ближнимъ.

Такъ въ 1891 неурожайномъ году, на средства, полученныя изъ особаго комитета Наслѣдника Цесаревича, Марина, какъ предсѣдательница церк. прих. попечительства (Ряненбургскаго у. Ряз. губ.) организовала общественныя работы—при чемъ помощь населенію, во избѣжаніе продажи скота, выдавалась кормами.—На пособіе отъ комитета в. кн. Ел. Ѳед. на пожертвованія рожью част. лица и кукурузной муки Сѣверо-Ам. штатами были устроены дѣтскія столовыя. На пособіе Кр. Креста и Еп.

Ком. производилась еженедѣльная выдача муки по количеству душъ каждой семьи.

Въ 1904—5 гг. Марина, какъ предсѣдательница Вол. Поп. Кр. Креста въ Кролев. у. Черн. губ., на частныя пожертвованія деньгами, холстомъ, пенькой—имѣла возможность черезъ Губер. Ком. Кр. Креста снабжать раненыхъ воиновъ бѣльемъ и перевязочными средствами.

При основаніи попечительствъ нар. трезвости, Мариной удалось основать первую народную чайную—въ безплатномъ помѣщеніи волост. правленія и завѣдывать нынѣ упраздненной народной библіотекой-читальней.

Проживая постоянно въ предѣлахъ Черн. губ., хорошо знакомая съ экономическимъ положеніемъ и нуждами населенія, Марина болѣе 25-ти лѣтъ состоитъ дѣятельнымъ корр. Департамента Земледѣлія и Землеустройства. *Ред.*

Петербургъ XX столѣтія съ его усовершенствованными автомобилями, яркимъ электрическимъ освѣщеніемъ улицъ, домовъ, магазиновъ, непрерывно быстро движущимся трамваемъ, многочисленными заманчивыми кинематографами, элегантнымъ фешенебельнымъ скэтингъ-рингомъ, автоматическими ресторанами, обиліемъ маленькихъ частныхъ театровъ, разнообразіемъ и новизной общедоступныхъ развлеченій—Петербургъ—модный, шумный, людный оживленіемъ уличнаго движенія, напоминающій Парижъ, до неузнаваемости измѣнившимся—представляется мнѣ не такимъ, какимъ, давно не бывавшая въ немъ—знавала я его въ 60-хъ годахъ XIX вѣка и кажется мнѣ, что не четыре десятка лѣтъ, а цѣлое столѣтіе протекло съ того времени, когда въ немъ въ 1862 г. праздновалось ознаменованное многими царскими милостями, увѣковѣченное художественно исполненными медалями—тысячелѣтіе Россіи.

Я не помню, какой именно день былъ посвященъ чествованію этого знаменательнаго—въ исторіи нашей родины—событія. Помнится мнѣ только, что происходило оно въ сентябрѣ мѣсяцѣ; что наканунѣ съ вечера во всѣхъ церквахъ правилось служеніе, которое было особенно торжественно въ соборахъ Исакиевскомъ и Казанскомъ; что въ самый день торжества послѣ обѣдни при звонѣ колоколовъ, сливавшихся въ одинъ величественно-густой гулъ—было совершаемо молебствіе во всѣхъ церквахъ столицы.

Я помню множество флаговъ, которыми были украшены дома: пестрые ковры, спускавшіеся съ балконовъ, транспаранты и вензеля надъ подъѣздами и въ окнахъ магазиновъ и громадную по окончаніи богослуженія, праздничную толпу на площади Владимірской церкви (противъ которой въ домѣ бар. Фредрихса свыше 30 лѣтъ прожили мои родители).

Днемъ въ думѣ, многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ было устроено публичное чтеніе, касающееся великаго историческаго значенія этого юбилейнаго дня.

Во всѣхъ театрахъ днемъ давались представленія, при чемъ мѣста предоставлялись бесплатно служащимъ въ различныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ — учащимъ и учащимся. Дядѣ, служившему въ то время въ Морскомъ Вѣдомствѣ, была предложена ложа въ Александринскомъ театрѣ.

Ложа эта въ 1-мъ ярусѣ надъ бель-этажемъ приходилась съ лѣвой стороны и въ ней кромѣ меня, сестры и бонны находился какой-то молодой чиновникъ изъ числа подчиненныхъ дяди, котораго раньше мы никогда не видѣли. „Не въ свои сани не садись“ и „Бѣдность не порокъ“. Много разъ исполнялъ оркестръ гимнъ „Боже, Царя храни“, сопровождавшійся долго не смолкавшими криками „ура“, благодаря чему очень затянулся спектакль. Играли, какъ мнѣ помнится, П. А. Каратыгинъ ¹⁾, старушка Липская, Самойловъ, Жулева, Левкѣва и др., имена которыхъ трудно припомнить; но впечатлѣніе этого народнаго спектакля свѣжо сохранилось въ моей памяти на всю послѣдующую жизнь.

Вечеромъ была роскошная, эффектная иллюминація. Особенно красиво были украшены зданія: Думы, Гостиного двора. Главнаго Штаба, Публичной библіотеки и Кокорева ²⁾ (кресз откупщика и мецената) на углу Невскаго и Литейнаго.

Передъ Думой, Гостинымъ дворомъ, Александринскимъ театромъ и въ др. мѣстахъ играли оркестры военной музыки. Шагомъ рядами тянулись одинъ за другимъ собственные экипажи и извозчичьи четырехъ-мѣстныхъ колымаги, такъ какъ не только тротуары, но и середина мостовой представляла сплошную медленно движущуюся массу людей.

При неоднократныхъ восторженныхъ кликахъ „ура“ музыка исполняла народный гимнъ. кажется, что кромѣ него ничего другого не играли военные оркестры въ этотъ вечеръ.

¹⁾ Котораго я впоследствии встрѣчала въ домѣ своего дяди генералъ-Адъютанта Слѣпцова.

²⁾ Противъ бывшаго ресторана Палкина.

Помнится мнѣ, что въ Петербургѣ особенно чествовались въ 60-хъ годахъ не только дни тезоименитства Государя Императора Александра Николаевича и Императрицы Маріи Александровны, но даже такіе табельные дни, какъ годовщины коронаціи, восшествія на престолъ. Не было тогда еще электрическаго, какъ теперь, освѣщенія и необыкновенный въ то время эффектъ производили впервые появившіеся на Думской канальчѣ, надъ зданіемъ Публичной бібліотеки (на углу Невского и Садовой) и среднихъ воротахъ Гостиного двора вензеля, составленные изъ газовыхъ рожковъ, а также небольшія звѣздочки, замѣнявшія въ тѣ дни газовые фонари возлѣ сада Аничкова дворца.

По краю тротуаровъ не только главныхъ улицъ центра города, но и окраинъ Песковъ, Коломны, Петербургской стороны и т. д. дымились возлѣ тумбъ большія глиняныя плошки, красовалось по 2 свѣчи въ окнахъ зданій присутственныхъ мѣстъ и обывательскихъ домовъ. Въ разныхъ мѣстахъ выставлялись большіе транспаранты на подобіе щитовъ съ царской порфирой, красивыхъ экрановъ. Балконы унизывались рядами цвѣтныхъ (часто бумажныхъ) фонариковъ. Лучшіе магазины Невского проспекта и Большой Морской соперничали въ царскіе дни убранствомъ, бюстами и гирляндами зелени—своихъ большихъ витринъ зеркальнаго стекла.

Иллюминація привлекала на центральныя улицы столицы громадную толпу рабочаго, мастерового люда. Въ то время какъ пѣшеходная публика плотной стѣной двигалась по тротуарамъ по срединѣ мостовой (по которой не было еще тогда проложено рельсъ конно-железной дороги), длинной вереницей тянулись два ряда экипажей—каретъ съ гербами и придворными лакеями въ красныхъ ливреяхъ и обшитыхъ золотымъ галуномъ—треугольникахъ на козлахъ, наемныхъ большихъ извозничьихъ 4-хъ мѣстныхъ колымагъ (одиночекъ почти не видно было въ то время, а извозничьи пролетки—не допускались въ кругъ); часто можно было видѣть проѣзжавшихъ по иллюминированнымъ улицамъ членовъ Императорской фамиліи—великихъ князей и княженъ.

30 августа день тезоименитства Государя Императора и великаго князя Александра Александровича ¹⁾, храмовой праздникъ Александро-Невской лавры и самой столицы чествовался

¹⁾ Императора Александра III.

въ 60-хъ годахъ торжественнымъ крестнымъ ходомъ и процессію золотыхъ каретъ, въ которыхъ великія княгини и княжны, находившіяся въ Петербургѣ, слѣдовали изъ Зимняго Дворца на литургію въ Лаврскій соборъ.

29 вечеромъ спѣшно заканчивалась работа плотниковъ по прокладыванію посрединѣ мостовой Невскаго проспекта широкихъ деревянныхъ мостковъ для грандіознаго, торжественнаго, крестнаго хода изъ Исаіевскаго собора въ Невскую Лавру.

Съ ранняго утра было прекращаемо движеніе экипажей по Невскому проспекту и заставленъ рогатками проѣздъ прилегающихъ къ нему боковыхъ улицъ. Городъ принималъ въ этотъ день необычайно торжественный видъ. Дома, подъѣзды, ворота, фонарные столбы были разукрашены національными флагами, съ балконовъ и открытыхъ оконъ домовъ—свѣшивались пестрые, яркіе ковры. Спозаранка толпился народъ и намъ, смотрѣвшимъ ежегодно процессію изъ квартиры нашего годоваго доктора, ординатора Максимилиановской лѣчебницы К. Б. Кохендѣрфера ¹⁾, приходилось въ 9 ч. утра съ трудомъ пробираться вдоль домовыхъ стѣнъ, позади стоявшей шпалерами по тротуару—публики.

Подъ праздничный, ликующій перезвонъ колоколовъ медленно двигалась по мосткамъ длинная духовная процессія съ хоругвями, чудотворной иконой Казанской Божіей Матери, крестомъ, фонарями. Вслѣдъ за опиравшимися на жезлы архіереями, викариями, окруженными ассистентами съ подобающими ихъ сану атрибутами выступало по-парно почетное столичное духовенство, священники, дьякона въ блестящихъ, ярко горящихъ на солнцѣ, тяжелыхъ парчевыхъ ризахъ, которымъ предшествовали пѣвчіе въ красивыхъ—обшитыхъ галунами—кафтанахъ, а позади громадная толпа народа.

Проводивъ глазами процессію, публика съ интересомъ и волненіемъ ожидала проѣзда высочайшихъ особъ—членовъ Императорской семьи.—Впереди дорогихъ золотыхъ каретъ съ большими зеркальными стеклами, въ открытой коляскѣ ѣхалъ гофмейстеръ императорскаго двора. Экипажи высочайшихъ особъ сопровождались чинами придворнаго вѣдомства—гофъфурьерами, конюшенными служащими и т. д. Въ открытой коляскѣ, окруженные блестящей свитой, проѣзжали великіе князья, привѣтствуемые восторженными кликами „ура“. Непрерывно быстро безъ шума проѣзжали въ каретахъ по торцевой мостовой послы

¹⁾ Имѣвшаго собственный домъ на Невскомъ противъ Знаменской улицы.

иностранныхъ державъ, члены дипломатическаго корпуса, сенаторы и камергеры въ шитыхъ золотомъ мундирахъ, генералы въ каскахъ съ развѣвающимся по вѣтру красивыми цвѣтными перьями, праздновавшіе 30 августа свой полковой праздникъ офицеры Павловскаго полка въ своихъ высокихъ—(въ видѣ усѣченнаго конуса) историческихъ гренадеркахъ.

Послѣ торжественной литургіи и молебствія съ многолѣтіемъ высокимъ гостямъ былъ сервированъ завтракъ въ покояхъ митрополита Исидора.

Помню я хорошо торжественный вѣздъ въ столицу. Невѣсты Августѣйшаго Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича Датской принцессы Дагмары (нынѣ вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны).

День выдался необыкновенный для Петербургской осени, теплый, ясный, солнечный (совсѣмъ лѣтній). Окна домовъ на пути слѣдованія высочайшихъ особъ были открыты настежь и всюду на балконахъ, чердакахъ, крышахъ домовъ—видѣлась масса народа.

Мы смотрѣли на высочайшій проѣздъ изъ оконъ кондитерской Арно, противъ Владимірской церкви въ домѣ барона Б. Авг. Фредерихсъ.—М-г Арно пожилой, но удивительно живой французъ, маленькій, плотный—любезно предоставилъ намъ своимъ покупателямъ, среднее изъ 3-хъ оконъ своей помѣщавшейся въ *rez de chaussée*—кондитерской, славившейся не столько конфетами, тортами и др. сахарными издѣліями, сколько обаяніемъ кокетливой молодой продавщицы¹⁾, привлекавшей кліентовъ своей обворожительной привѣтливостью.

Съ ранняго утра улицы столицы по всему пути слѣдованія кортежа отъ вокзала до Зимняго дворца были переполнены народомъ. Я помню долгіе, дружные восторженные раскаты ура при появленіи той роскошной золотой кареты, въ которой чрезъ зеркальныя стекла можно было ясно видѣть въ русскомъ придворномъ костюмѣ съ кокошникомъ и фатой на головѣ юную невѣсту Наслѣдника Цесаревича, привѣтливой улыбкой, наклоненіемъ головы отвѣчавшей на поклоны и восторженные привѣтствія народа.

Порядокъ на улицахъ въ то время былъ образцовый—публикѣ, стоявшей шпалерой на тротуарѣ, предоставлена была пол-

¹⁾ Она впоследствии сдѣлала блестящую партію, выйдя замужъ за одного изъ постоянныхъ посѣтителей кондитерской Арно—въ которой съ ея уходомъ плохо пошли дѣла. Арно едва могъ расплатиться съ кредиторами.

ная возможность безпрепятственно видѣть вблизи въѣздъ въ столицу ея будущей царицы. Обывателямъ разрѣшено было безъ всякихъ формальностей даже за плату предоставлять желающимъ мѣста на балконахъ и у открытыхъ оконъ.

Жителямъ Петербурга того времени часто представлялась возможность видѣть любимого Государя или ѣдущимъ въ коляскѣ или въ саняхъ по улицамъ столицы или же гуляющимъ пешкомъ отъ 2—до 3-хъ часовъ пополудни—въ Лѣтнемъ саду въ сопровожденіи своей большой любимой собаки, которую хорошо знали воспитанники и воспитанницы учебныхъ заведеній—куда сопутствовала она своего Августѣйшаго хозяина.

Съ воспоминаніемъ о Петербургѣ 60-хъ годовъ тѣсно связано представленіе о тѣхъ маленькихъ съ низенькимъ крылечкомъ на столбахъ—окрашенныхъ темной охрой будкахъ, въ которыхъ помѣщались рослые, въ кожаныхъ каскахъ съ мѣдными шишаками будочники. Много ихъ было въ различныхъ частяхъ города, но почему-то особенно помнится мнѣ та, что прилежала къ магазину—типографіи Бенике и Аригольда на Литейной близъ Невскаго—противъ 2-хъ-этажнаго дома оберъ-прокурора Св. Синода. Мнѣ также живо представляется высокая фигура, осанистаго съ бакенбардами Николаевской эпохи—будочника, какъ и того рослаго молодого парня, который продавалъ сбитень ¹⁾ (желтаго цвѣта сладкій на патокъ напитокъ) въ большомъ стеклянномъ съ оловянной крышкой—кувшинѣ, возлѣ зданія Публичной библіотеки на углу Невскаго и Садовой.

Много позднѣе его исчезли съ Невскаго проспекта—сачники, продававшіе свой свѣжій, вкусный товаръ на длинныхъ деревянныхъ, покрытыхъ чистымъ холстомъ—столахъ—при входѣ съ угла Садовой въ Гостинный дворъ.

Кто изъ петербуржцевъ добраго, стараго времени не помнитъ вкуса небольшихъ изъ' крутого тѣста сакъ и соленыхъ витушекъ, испеченныхъ на соломѣ, придававшей имъ какой-то особенный пріятный привкусъ—легкаго дыма.

Въ pendant къ этимъ торговцамъ, бойко торговавшимъ на мѣстахъ въ самомъ оживленномъ центрѣ столицы, представляется цѣлая плеяда мелкихъ продавцовъ различнаго товара, ходившихъ по городу и оглашавшихъ обывательскіе дворы громкимъ

¹⁾ Чай въ то время замѣнялся сбитнемъ даже въ учебныхъ заведеніяхъ, такъ, напримѣръ, въ пріютахъ, Человѣколюбивомъ обществѣ (на Лиговскомъ каналѣ).

выкрикиваніемъ предметовъ своей торговли. Нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, селедочницы съ корзинками въ видѣ ранца за спиной—съ ранняго утра предлагали покупателямъ „селедки голландскія—селедки“. За ними слѣдовали обыкновенно продавцы рыбы, въ плоскихъ бадьяхъ которыхъ плавали еще живые лещи, окуни, лини и пр.

Бойкіе ярославскіе парни съ гвардейской выправкой задорно выкрикивали „молодки, куры битыя“. Немного позднѣе являлись солидные старьевщики, бритые въ нестрыхъ чалмахъ татары съ узлами за плечами—подростки, тряпичники, съ объемистыми холщевыми мѣшками и длинными крючками для добыванія изъ мусорныхъ ямъ костей, тряпокъ и пр. хлама.

Съ наступленіемъ весны, когда въ окнахъ домовъ выставались двойныя рамы, число этихъ продавцовъ гастролеровъ значительно увеличивалось—появлялись тогда здоровые молодцы, умудрявшіеся удерживать на головѣ поверхъ круглой подушечки огромные лотки, нагруженные цвѣтущими растеніями: цепераріями, гортензіей и др., а также корзиночками съ различными сортами ягодъ, маленькими коробочками неаполитанскаго шоколада, небольшими круглыми жестянками монпасье и пр. сладостями. На такихъ же лоткахъ, также прикрытыхъ полотнищемъ пестраго ситца съ большими узорами, предлагалась обитателямъ столичныхъ домовъ—всякая зелень: салатъ, огурцы, редисъ и проч.

Значительно позднѣе появлялись на дворахъ странствующие музыканты, которымъ предшествовала въ видѣ авангарда цѣлая толпа задорныхъ, праздныхъ, уличныхъ мальчишекъ. Чаше всего приходили шарманщики-итальянцы, исполнявшіе излюбленные мелодичныя аріи изъ „Трубадура“, „Лючіи“, „Травиаты“, „Марты“ и др. Нѣкоторые изъ нихъ приносили съ собой маленькихъ, чахлахъ, жалкихъ обезьянокъ въ красныхъ фракахъ и крошечныхъ треуголкахъ или колпачкахъ. Изъ форточекъ выбрасывались на мостовую завернутыя въ газетную бумагу мѣдныя монеты—жалостливой прислугой, преимущественно кухарками, приносились кусочки сахара, бѣлаго хлѣба или сладкихъ сухарей для маленькаго жалкаго обитателя тропическихъ странъ. Живо представляется мнѣ худощавая блондинка, не то латышка или шведка (напоминавшая извѣстную примадонну Нильсонъ), устанавливающая свою арфу на обрывкѣ ковра и медленно, неувѣренно перебирающую длинными пальцами многочисленныя струны своего сложнаго инструмента—прислушиваясь въ игрѣ на скрипкѣ старика—вѣроятно отца.

Мнѣ всегда какъ-то особенно жаль было ее — она казалась мнѣ такой болѣзненной, слабой, а игра на такомъ сложномъ инструментѣ, какъ арфа, такой трудной, при плохо оплачиваемомъ исполненіи, хотя бы и не разнообразнаго репертуара. Часто она нѣсколько разъ бросивъ умоляющій взглядъ на окна — какъ-то особенно уныло принималась за повтореніе тѣхъ же пьесъ. Иногда маленькая, рѣзвая дѣвочка старательно била палочкой въ металлическій треугольникъ въ то время, какъ закутанная въ байковый платокъ женщина, подъ аккомпаниментъ своей небольшой скрипучей шарманки, жалостливымъ голосомъ распѣвала „Отгадай, моя родная, отчего я такъ грустна“ или „Хуторокъ“, „Что ты спишь, мужичекъ, вѣдь весна на дворѣ“¹⁾ и пр.

Вышеупомянутые музыканты не встрѣчали такого вниманія со стороны публики и не привлекали столько слушателей, какъ извѣдка появившійся оркестръ изъ 5-ти какихъ-то развязныхъ буршей, въ круглыхъ шапочкахъ, которые на своихъ плохихъ струнныхъ инструментахъ, ускореннымъ темпомъ исполняли излюбленный въ то время „Персидскій маршъ“, Folichon польку и какой-то бравурный галопъ...

Правились также представленія цѣлой семьи акробатовъ, состоявшей изъ шарманщика-отца и двухъ ловкихъ, одѣтыхъ въ поношенное трико мальчугановъ 7 и 11 лѣтъ. Спѣшно сдернувъ съ себя потертое, порыжѣвшее отъ времени пальто съ оборванными пуговицами, старшій, раскинувъ старый полинявшій коврикъ, принимался кувыркаться — онъ катился колесомъ, кружился волчкомъ, становился на руки внизъ головой. Когда онъ поднимался на ноги, почти тѣ же эволюціи продѣлывалъ младшій, вслѣдъ за тѣмъ взбиравшійся на плечи старшаго, который, боясь потерять равновѣсіе, медленно съ тяжелой ношей — переступалъ съ ноги на ногу. Проворно спрыгнувъ на землю и облегченно вздохнувъ, маленькій гимнастъ, высоко поднявъ надъ головой свой старенькій картузъ, пристально всматривался въ ряды оконъ, изъ открытыхъ форточекъ которыхъ выбрасывалась на камни мостовой — скудная подачка. Поднимая съ земли медныя монеты, онъ привѣтливо кивалъ головой сострадательнымъ обывателямъ.

Но наибольшимъ интересомъ со стороны публики пользовались представленія Петрушки. Они привлекали всегда даже въ

¹⁾ Изъ романсовъ того времени самыми модными были „у каминна“, „Только станеть смеркаться немножко“, „говорять, что я кокетка“, „Ен ужъ вѣтъ“ романсы Алябьева, Варламова, Даргомыжскаго.

самую дождливую, плохую погоду массу зрителей, не только домовою прислуги, подмастерьевъ и учениковъ ремесленниковъ, которыхъ хозяева того времени ради дешевизны одѣвали въ тиковые полосатые, опоясанные ремешкомъ—халаты, но и проходившихъ мимо двора: гимназистовъ съ ранцами, лавочныхъ мальчишекъ съ корзинами, прилично одѣтыхъ дѣтей съ нянями. Всѣхъ, казалось, въ одинаковой степени интересовала энергичная палочная расправа, пронзительный крикъ самого Петрушки, реплики остальныхъ участвующихъ лицъ, послѣдовательно высовывавшихся изъ-за ширмы.

Петрушка дѣлалъ сборы, превосходившіе достававшіеся на долю всѣхъ остальныхъ странствующихъ, въ дождь, холодъ и непогоду—жалкихъ, уличныхъ—гастролёровъ.

Взамѣнъ старыхъ, съ гостепріимно настежь открытыми воротами, появились громадныя на подобіе американскихъ „небоскребовъ“ многоэтажныя дома подобно тому, что высится въ настоящее время возлѣ Екатерининскаго института, занимающій часть сада, прилегающаго къ выходящему своимъ фасадомъ на Фонтанку—домъ графа Шереметева...

Часть стѣны каменной, служившей нѣкогда пріютомъ отъ дождя для кучеровъ громадной извозчичьей биржи—за которой видѣлись старыя, высокія липы—существуетъ и по сіе время.

Такая же большая извозчичья биржа, состоявшая изъ цѣлаго ряда массивныхъ, четырехъ-мѣстныхъ колымагъ, тянулась по Владимірской улицѣ—подъ окнами гастрономическаго магазина Набликова ¹⁾, помѣщавшагося въ домѣ Палкина ²⁾.

Я помню хорошо настежь открытыя ворота. съ большой высокой, неугасимой лампадой и каменную стѣну Троицкаго подворья со стороны Троицкаго переулка ³⁾. Тротуаръ въ двѣ широкія плиты проложенъ былъ внутри двора до воротъ, выходящихъ на Фонтанку возлѣ дома Зиновьева. Мнѣ помнятся большія, старыя березы на этомъ дворѣ—и видѣвшаяся вывѣска иконописца надъ одноэтажнымъ флигелькомъ, пріютившимся по лѣвую сторону воротъ. На мѣстѣ воротъ съ иконой, старыхъ березъ и каменной стѣны—высится въ настоящее время принадлежащій Троицкому подворью доходный, многоэтажный домъ, низъ котораго заняты магазинами, а остальные этажи комфортабельными, дорогими квартирами. Противъ воротъ подворья

¹⁾ Нынѣ Соловьева.

²⁾ Владѣльца лучшаго въ то время послѣ „Малаго Ярославца“, ресторана.

³⁾ Нынѣ Троицкой улицы, застроенной большими высокими домами.

того времени, существовалъ нѣкогда—магазинъ, а при немъ мастерская и квартира—нашего поставщика обуви—Цапки.

На той же сторонѣ на углу Графскаго переулка, внизу помещалось питейное заведеніе съ вывѣской „распивочно—на выносъ“, стяжавшее печальную извѣстность какимъ-то убійствомъ, съ цѣлью грабежа. На небольшомъ пространствѣ переулка до угла Владимірской ютилось еще нѣсколько подобныхъ заведеній, и потому здѣсь всегда можно было встрѣтить буйную пьяную компанію, заставлявшую прохожихъ уступать себѣ дорогу на узкомъ тротуарѣ.

Любимымъ мѣстомъ прогулки для насъ, дѣтей, до переѣзда на дачу былъ небольшой, тѣнистый садъ при Аничковомъ дворцѣ (ставшемъ съ 1881 любимой резиденціей Императора Александра III и его семьи).

Несмотря на свою сквозную въ то время рѣшетку ¹⁾, онъ большими густыми кустарниками былъ отлично защищенъ отъ пыли и вѣтра, вліянію которыхъ подвергался сосѣдній съ нимъ довольно обширный скверъ на площади Александринскаго театра, гдѣ нынѣ окруженный красивыми клумбами возвышается величественный памятникъ Императрицы Екатерины II.

Публика въ этомъ саду состояла исключительно изъ дѣтей, приносившихъ съ собой веревочку—скакалку, большой обручъ, серсо, тачку и формочки для песка. Блюстителемъ порядка былъ заслуженный солдатъ изъ роты дворцовыхъ гренадеръ; въ длинной черной застегнутой на всѣ пуговицы шинели, со множествомъ медалей, знаковъ отличія на груди. Онъ имѣлъ высокія баки Николаевской эпохи, держался необыкновенно прямо, имѣлъ видъ суровый, строгій и зорко слѣдилъ за играми шаловливой, маленькой публики.

Застигнутыя случайно дождемъ, дѣти часто искали убѣжища подъ арками запаснаго зданія дворца у самаго Аничкова моста, съ интересомъ заглядывая въ окна, сквозь темныя стекла которыхъ, даже въ самые ясные дни, не видна была внутренность помещенія.

Такая же галлерей съ арками существовала нѣкогда и подъ зданіемъ Думы, со стороны Невскаго проспекта, и въ нее выходили окна магазиновъ серебряныхъ издѣлій Баймакова, Владимірова и др. Въ слѣдующемъ большомъ домѣ, Лѣсникова, доходившемъ до угла площади Казанскаго собора, помещались, такъ называемые, Милютинскія лавки—лучшіе въ Петербургѣ

¹⁾ Впослѣдствіи наглухо залѣзанную со стороны сада.

гастрономическіе магазины Осетрова, Смурова, Кузнецова и пр.—а въ самомъ верху, въ 3-мъ этажѣ со значительно меньшими окнами находился нѣкогда самый фешенебельный послѣ пансіона г-жи Труба—пансіонъ Е. П. Заслєвкиной, воспитавшей въ своихъ стѣнахъ, за долгое время своего существованія, не одну сотню молодыхъ дѣвушекъ — петербургскихъ и провинціальныхъ обывательницъ.

На широкомъ тротуарѣ параллельно главному фасаду Гостиного двора со стороны Невскаго проспекта—съ четверга Вербной недѣли до субботы вечера — происходило оживленное гулянье.—Вдоль тротуара на мостовой выстраивался непрерывный, сплошной рядъ маленькихъ лавочекъ подъ тесовыми или нарусинными навѣсами, въ которыхъ быстро раскупались—всякаго рода игрушки, искусственные цвѣты, изукрашенные восковыми херувимами пучки вербы, различныя лакомства—халва, рахатъ-лукумъ, разнообразныя пряники.—Проворные мальчишки сновали въ толпѣ со связкой красивыхъ воздушныхъ, разноцвѣтныхъ шаровъ,—предлагали прохожимъ въ маленькихъ стеклянныхъ баночкахъ, наполненныхъ водой, то маленькихъ чертиковъ, то американскихъ звѣрей и т. п. Отъ нажиманія резины—миніатюрныя фигурки тонкаго стекла подпрыгивали, то поднимаясь вверхъ, то спускаясь на самое дно.—Подъ арками Гостиного двора вербный торгъ начинался съ понедѣльника—мѣста противъ магазиновъ снимались торговками, раскладывавшими на небольшихъ столикахъ свой товаръ, состоящій главнымъ образомъ изъ предметовъ рукодѣлья—тутъ были и газоны съ искусственными цвѣтами, наполненные золой взаменъ земли, длинныя гирлянды бумажныхъ розъ, абажуры изъ цвѣтной бумаги, плетенныя кружева, вязанныя чулки, шапочки, кофты, перчатки и пр.—Со стороны Невскаго на такихъ же столикахъ греки въ красныхъ фескахъ продавали различныя сорта халвы и душистаго Константинопольскаго рахатъ-лукума.

Громадная Адмиралтейская площадь ¹⁾ отъ Александровской колонны до памятника Петра I на Сенатской площади—застраивалась на масленицѣ и Святой недѣлѣ массой балагановъ, изъ которыхъ самыми значительными по величинѣ были принадлежавшіе Малафѣеву и Легату, въ которыхъ давались, пользовавшіеся особеннымъ успѣхомъ у гуляющей публики и привлекавшіе массу зрителей: „Взятіе Гѣниба, плѣнь Шамиля—битва Русскихъ съ Кабардинцами“ и пр. Каждое изъ представленій

¹⁾ Занятая въ настоящее время Александровскимъ садомъ.

заканчивалось непрерывной пушечной пальбой и исполненіемъ излюбленнаго патріотическаго „Славься, славься, нашъ Русскій царь“ и т. д.

Въ другомъ балаганѣ, гдѣ публика кружилась въ лодкахъ вокругъ громаднаго вала — традиціонный балаганный дѣдъ съ пеньковой бородой занималъ толпу остроумными шутками, заключавшимися главнымъ образомъ въ перечисленіи заслугъ и достоинствъ его „старухи“, которая безъ зубовъ грызла орѣхи, безъ капусты варила щи, безъ иглы шила сорочки и т. д. Несмотря на всѣ эти особенныя свойства жены, дѣдъ, обращаясь къ публикѣ, заявлялъ, что согласенъ любому изъ присутствующихъ отдать ее — даже „безъ придачи“ или „обмѣнять на молодую да пригожую“. Его слова, вызывавшія дружные взрывы смѣха, комментировались; изъ толпы давались реплики: „оставайся-ка, старина, при своей — а намъ наши хороши“ и т. д. Дѣдъ всегда импровизировалъ свои остроты — такъ увидѣвъ въ публикѣ щеголеватаго мастерового, подзывалъ къ себѣ, говоря: „а ты, братъ, ближе пойдѣ — франтъ сапоги въ рантъ — босый при шпорахъ“, или „погляжу на тебя, служивый — такъ у тебя видать — всего на грошъ — аммуниціи — а почитай на рубль и того больше — самой этой амбиціи“ и т. д.

Молодежь съ подсолнухами въ горсти и карманахъ парочками толпилась возлѣ перекидныхъ качель. Высоко влетавшіе на воздухъ взвизгивали отъ страха и волненія. Такіе же возгласы испуга и смѣха слышались и возлѣ высокихъ круглыхъ горъ, по которымъ, быстро перегоняя другъ друга, скользили маленькія, узкія санки.

Тутъ же продавались различныя лакомства и подсолнухи. плитки мака въ меду, различные сорта орѣховъ, мелкіе и крупныя пряники, длинные, обернутые въ цвѣтную бумагу съ бахромой, обвитые золотою нитью, на патокѣ леденцы-сосульки¹⁾.

Длинной вереницей шагомъ въ одну линію, описывая большой кругъ, тянулись экипажи, преимущественно кареты, изъ открытыхъ оконъ которыхъ выглядывали оживленные дѣтскія лица. Почти непрерывная пушечная пальба въ большихъ балаганахъ, нестройные звуки музыки струнной и духовой, говоръ и смѣхъ наполняли общимъ гуломъ громадное пространство отъ Зимняго дворца до Исаакіевскаго собора.

Большимъ оживленіемъ въ 60-хъ годахъ отличалось и тра-

¹⁾ Окончательно вытѣсненные изъ употребленія дешевыми карамелями какихъ-то анонимныхъ, неизвѣстныхъ фирмъ.

диціонное 1-е мая гулянье въ Екатерингофѣ, несмотря на то, что обыкновенно въ это время въ Петербургѣ стояла погода холодная и вѣтреная, что не было еще зелени на кустахъ и деревьяхъ и только кое-гдѣ пробивалась мелкая, рѣдкая травка — рабочее населеніе столицы преимущественно мастеровые и рабочіе съ семьями, цѣлыми караванами тянулись послѣ полудня съ узелками провизіи и штофами водки — по направленію къ Калинкину мосту.

Болѣе зажиточные ѣхали на гулянье въ извозчичьихъ пролеткахъ (человѣка по четыре „по чемъ съ пуда“), тогда какъ менѣе состоятельные направлялись въ Екатерингофѣ на шляпкахъ, мѣста въ которыхъ брались приступомъ на маленькихъ пристаняхъ Фонтанки.

Гулянье было модное — оживленное. Были и шарманки, и петрушки, и акробаты, и фокусники, и нѣсколько оркестровъ музыки, и торговцы булокъ, бубликовъ, апельсинъ, лакомствъ и пр.

Въ 8 ч. можно было встрѣтить въ Екатерингофѣ того времени кавалькады изящныхъ амазонокъ, гвардейскихъ офицеровъ — изящныя ландо и кареты, маленькіе шарабаны и узенькія эгоистки, запряженныя кровными рысаками, которыми щеголяло именитое купечество. Модницы того времени непременно на гуляньѣ въ Екатерингофѣ обновляли свои весенніе туалеты — большія шляпы съ цвѣтами и перьями, широкіе бурнусы, дорогія мантильи, обшитыя цвѣтнымъ кружевомъ.

Такимъ же народнымъ праздникомъ было традиціонное гулянье „смотрины невѣстъ купческаго сословія“ въ Духовъ день въ Лѣтнемъ саду — омраченное въ 1862 г. 28 мая небывало грандіознымъ пожаромъ Апраксина толкучаго, Щукина дворовъ — повлекшее за собой разореніе сотни мелкихъ торговцевъ.

Массу публики привлекалъ въ Павловскій вокзалъ „король вальсовъ“ Іоганнъ Штраусъ ¹⁾, общій любимецъ дамъ 60-хъ годовъ.

Стоило ему появиться въ оркестръ, взмахнуть своей дирижерской палочкой, какъ цѣлая толпа восторженныхъ, пышныхъ, экспансивныхъ поклонницъ въ кринолинахъ, широкихъ бурнусовъ, шляпахъ *saléche* устремлялась къ эстрадѣ, устраивая шумную овацію своему любимцу. Раздавались возгласы, аплодис-

¹⁾ Авторъ 500 музыкальныхъ пьесъ для танцевъ. Оперетокъ: „Цыганскій барокъ“, „Калиостро“, „Веселая война“, „Римскій карнавалъ“ и др.

менты, мѣшавшіе несравненному, вдохновенному дирижеру, отвѣчавшему поклонами на всѣ стороны, вступить сразу къ исполненію своей обязанности.

Мужчины въ длинныхъ по таліи „пальмерстонахъ“, накидкахъ „альмавивахъ“ — закидывавшихся однимъ концомъ на плечо, и въ узкихъ высокихъ цилиндрахъ — раздѣляли часто восторгъ и увлеченіе дамъ. исполнительницъ излюбленныхъ вальсовъ „Juristen ball-Tänze“, „Morgenblatten“, „Acceleration“ и пр.

Представляется мнѣ на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ видная фигура, благородная осанка Августѣйшаго хозяина Павловска, великаго князя Константина Николаевича въ формѣ Гродненскаго гусарскаго полка ¹⁾, съ моноклемъ въ правомъ глазу, съ малиновымъ кепи на головѣ.

Кепи (сохранившіяся и по нынѣ въ войскахъ французской арміи), какъ головной уборъ, первенствовали надъ всѣми остальными того времени. Ихъ носили кадеты, юнкера, гимназисты-классики, офицеры и нижніе чины армейскихъ и гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ.

Въ 1862 г., когда въ битвѣ при Аспро-Монте былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ популярный итальянскій патриотъ Джузеппе Гарибальди — пользовавшійся большою симпатіей русской публики — въ большой модѣ были низенькія (на подобіе черноморскихъ) мягкія круглыя шапочки ²⁾, которыя особенно часто можно было видѣть на дѣтяхъ; платья-юбочки съ пришитыми къ нимъ блузками, съ напускомъ носили названіе „гарибальдокъ“.

Одновременно въ модѣ были зашитыя золотомъ по сукну безрукавки — такъ называемыя зуавки ³⁾, дамскіе бедуины изъ мягкаго, преимущественно бѣлаго кашемира, съ пышными кистями, ангорской шерсти — напоминавшіе одѣяла кочующихъ обитателей африканской пустыни.

Любимымъ украшеніемъ домашняго дамскаго наряда, того времени, были издѣлія изъ полированного каменнаго угля: брошки, серьги, медальоны, а въ особенности длинныя стѣти „à la Benoiton“ въ честь французской комедіи „la famille Benoiton“, особенно долго продержавшейся въ репертуарѣ Михайловскаго театра 1862—63 годовъ, благодаря талантливой игрѣ артистовъ M-me Naptal Arno, Itella-Collas, M-s Worns и др.

¹⁾ Котораго онъ былъ шефомъ.

²⁾ Въ какой изображенъ былъ Гарибальди плѣнникомъ на Капрерѣ.

³⁾ Зуавы французскіе пѣхотинцы въ арабскомъ костюмѣ.

Изъ пьесъ русскаго репертуара помнятся мнѣ „Хижины дяди Тома“ съ талантливой (недавно скончавшейся) г-жей Читау, „Воробушки“, „Бѣдность не порокъ“, „Женихъ изъ Ножевой линіи“, „Не въ свои сани не садись“, „1-е Ноября или я именинникъ“, „Помолвка въ Галерной Гавани“ и пр.

Въ модѣ были веселые, остроумные водевили, въ которыхъ безподобны были: г-жа Линская въ роли комическихъ старухъ и г. Монаховъ¹⁾ — кутиль, отставныхъ маіоровъ и лихихъ кавалеристовъ. Его исполненіе многихъ злободневныхъ куплетовъ приводило въ неописуемый восторгъ всю публику отъ 1-хъ рядовъ партера и бельэтажа до галерки и райка—включительно. Его куплеты съ припѣвами „Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя любовь“ или „Ваша рѣчь есть истина святая... ужъ мы ѣли, ѣли, ѣли, ужъ мы пили... или впрочемъ я молчу, молчу — это я шучу, шучу, чики-чики-чу не хочу“, вызывали цѣлую бурю аплодисментовъ и нескончаемыя требованія „бисъ“.

Большимъ успѣхомъ на сценѣ Александринскаго театра пользовались П. А. Каратыгинъ²⁾, Самойловъ, г-жи Жулева, Струйская, Левкѣва и др.

Въ балетѣ дѣлили лавры и имѣли симпатіи публики г-жи Муравьева, Гранцева, Пестина, Кошева, г.г. Стуколкинъ, Пишо, Кшесинскій въ балетахъ „Жизель“, „Конекъ Горбунъ“, „Царь Кандавлъ“, „Дочь Фараона“ и др.

Въ Буффѣ того времени, помѣщавшемся въ маленькомъ небольшомъ деревянномъ помѣщеніи цирка, гдѣ давались представленія, въ видѣ героическихъ пантомимъ изъ боевой жизни Славянскихъ племенъ, „Смерть Марко Боцара“ и др. дебютировала дива той эпохи—г-жа Шнейдеръ, за ней Жюдикъ и др. Давались впервые оперетки: „Орфей въ аду“, „Синяя Борода“, „Прекрасная Елена“ и др.

Времена измѣнились...

Отошло въ область преданій старины — существованіе въ Невской столицѣ будочниковъ въ каскахъ съ шишаками, почтальоновъ, разносившихъ письма въ штемпельныхъ 10 к. конвертахъ, съ обязательной уплатой 3 к. за ихъ доставку въ обывательскія квартиры, снабженные нынѣ ящиками „для писемъ и газетъ“. Исчезли безслѣдно сбитещики-саечники, на углу Невскаго и Садовой. Надъ воротами обывательскихъ домовъ

¹⁾ Рано скончавшійся и не имѣвшій подобнаго себѣ замѣстителя.

²⁾ Котораго я часто встрѣчала въ домѣ дяди ген.-ад. Слѣпцова.

не только столицы—но и большихъ городовъ появились объявленія, запрещающія доступъ на дворы всякаго рода продавцевъ, старьевщиковъ и т. п. Запрещеніе это распространялось и на странствующихъ музыкантовъ, шарманщиковъ, пѣвцовъ, акробатовъ — непремѣнныхъ участниковъ народныхъ гуляній минувшаго прошлаго.

Позабыты люди той эпохи. Только на выцвѣтшихъ отъ времени дагеротипахъ ¹⁾ на полинявшихъ за давностью—фотографическихъ снимкахъ сохранились изображенія модницъ 60 годовъ въ широкихъ кринолинахъ, пышныхъ бедуинахъ, турецкихъ шаляхъ, зуавкахъ и гарибальдкахъ; мужчинъ — въ типичныхъ пальмерстонахъ съ узкими высокими цилиндрами на головахъ; дѣтей—съ плечеными брезочками (оборками на шеѣ въ видѣ воротничковъ) и пр.

Освобожденіе крестьянъ въ 1861 г. отъ крѣпостной зависимости новая эра въ жизни народа, празднованіе тысячелѣтія Россіи въ 1862 году; грандіозный пожаръ въ Апраксиномъ и Щукиномъ дворѣ въ томъ же году — цѣлый рядъ реформъ и преобразованій въ государственномъ управленіи, многія событія исторической жизни др. европейскихъ народовъ, встрѣчавшіе отголоски въ Россіи, сохранились въ памяти не многихъ оставшихся въ живыхъ современниковъ, какъ воспоминаніе о чемъ-то давно минувшемъ, и Петербургъ съ его до неузнаваемости измѣнившимся въ XX вѣкѣ наружнымъ видомъ не только самаго центра, но и окраинъ, представляется для давно ²⁾ не побывавшихъ въ немъ — совершенно инымъ, чуждымъ, далекимъ—шумнымъ, моднымъ, богатымъ.

М. Марина.

¹⁾ Фотографическое изображеніе на мѣдной пластинкѣ, покрытой іодистымъ серебромъ.

²⁾ Лѣтъ 40 тому назадъ.

Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1-го января по 12 февраля 1914 г.

Архангельскій, А. С., проф. Введеніе въ исторію русской литературы. Казань. 1913. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 224 стр. Въсь 17 л. 1.200 экз.

Афанасьевъ, А. И. Русскія народныя сказки. Т. 2 и 3 подъ ред. Д. Е. Грузинскаго. М. 1914. Изд. 4-е. Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (18 × 26). 335 + 292 стр. Съ рис. Ц. по 1 р. 25 к. Въсь 3 ф. по 500 экз.

Валишевскій, К. Сынъ Великой Екатерины Императоръ Павелъ I. Его жизнь, царствованіе и смерть. 1754—1801. По новымъ, большею частью неизданнымъ документамъ. Спб. 1914. Изд. и тип. Тов. А. С. Суворина (Эртелевъ пер., 13). 8° (17 × 25). XXIV + 691 стр. съ 68 иллюстр. и 61 рис. Ц. 6 р. Въсь 4 ф. 10 л. 5.000 экз.

Воспоминанія Анны Евдокимовны Лабзиной. 1758 - 1828. Съ предисловіемъ Б. А. Модзалевскаго и со вступительной замѣткой С. О. Ольденбурга. Спб. 1914. Изд. К-ства Огни (Фонтанка, 38). Тип. В. М. Вольфа (Невскій, 127). 8° (16 × 24). XXIV + 163 стр. съ портр. Ц. 1 р. 75 к. Въсь 20 л. 2.000 экз.

Голубевъ, С. Т. Кіево-Выдубицкій монастырь (до монгольское время) Кіевъ. 1913. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (16 × 24). 98 стр. Въсь 10 л. 178 экз.

Гроссу, Н., прот. Къ исторіи византійскихъ богомолловъ 12 вѣка (Оттиски изъ журнала „Труды Императорской Кіевской духовной Академіи“ 1913 г.). Кіевъ. 1913. Тип. Акц. общ. Петръ Барскій (Крещатикъ, 40). 8° (17 × 24). 24 стр. Въсь 3 л. 68 экз.

Значко Яворская, О. Н. Родословіе дворянъ Бернадскихъ. Потомство Рѣчицкаго чашника Антона Бернадскаго. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (19 × 23). 41 стр. Въсь 8 л. 120 экз.

Императрица Екатерина II Великая. Спб. 1914. Изд. Постоян. Комис. Народ. Чтеній. (Екатерининск. кан., 14), 6-е. Тип. И. В. Леонтьева (Басковъ пер. 4). 16° (12 × 18). 40 стр. Съ 3 рис. Ц. 7 к. Въсь 1 л. 1.200 экз.

Исторія западной литературы (1800—1910). Подъ ред. О. Д. Батюшкова. Книга 5. М. 1913. Изд. Т-ва Міръ (Знаменская, 9). Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.). 8° (19 × 28). 106—232 стр. Съ рис. и портр. Въсь 1 ф. 3 л. 5.100 экз.

Кассо, Л. А. Петръ Манега, забытый кодификаторъ Бессарабскаго права. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 25). 22 стр. Въсь 4 л. 200 экз.

Лундъ, К. Разказы и воспоминанія сроевого офицера изъ русско-японской войны. Слб. 1914. Тип. Григорьева. 8° (15 × 22) 89 стр. Ц. 65 к. Въсь 12 л.

Михайловъ, К. Н. Императоръ Александръ I Старецъ Феодоръ Козьмичъ. Историческое изслѣдованіе. Слб. 1913. Изд. Книгоизд. Прометей (Шоварской, 10). Тип. Трудъ (Кавалергардская, 40). 8° (15 × 21). 296 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 31 л. 3.100 экз.

Перетцъ, В. Н., проф. Изъ лекцій по методологій исторіи русской литературы. Исторія изученій. Методы. Источники. Кіевъ. 1914. Тип. 2-й Артели (Владимірская, 43). 8° (17 × 25). VII + 496 стр. Ц. 1 р. Въсь 2 ф. 1.000 экз.

Пособіе къ курсу русскихъ древностей, редактированное В. К. Кіевъ. 1913. Изд. студ. Унив. св. Влад. и слущ. В. Ж. К. Тип. 2-й Артели (Владимірская, 43). 8° (16 × 23). 180 стр. + VIII табл. Ц. 1 р. 60 к. Въсь 20 л. 500 экз.

Такачевъ, Г. А. Станица Червленая. Историческій очеркъ. Вып. 1-й. Владикавказъ. 1912. Тип. Терскаго Областнаго Правленія. 8° (15 × 22). XVI + 228 стр. Въсь 15 л.

Успенскій, А. И. Царскіе иконописцы и живописцы XVII вѣка. Т. III. (Изъ XXXII тома Записокъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Института). М. 1914. Тип. А. Снегиревой (Остоженка, Савелов. пер., с. д.). 4° (27 × 36). 400 + II стр. Съ рис. Въсь 6 ф. 8 л. 500 экз.

Абрамовичъ, Н. И. Религія Толстого. М. 1914. Изд. К-ва І. А. Маевского (Скатертный пер., 27). Тип. П. И. Рябушинскаго (Страстной бульв., с. д.). 8° (14 × 20). 140 + 4 нен. стр. Ц. 60 к. Въсь 11 л. 2.000 экз.

Антикварная книжная торговля В. И. Ключкова въ Слб. Каталогъ № 551. Слб. 1913. Тип. Аригольда (Литейный, 59). 8° (17 × 24). 16 стр. Въсь 3 л. 1.200 экз.

Архангельскій, А. С., проф. Русская литература XVIII вѣка. Изъ лекцій по исторіи русской литературы. Казань. 1913. Тип. Университета. 8° (17 × 25). 96 стр. Въсь 8 л. 250 экз.

Бенуа, Александръ. Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Выпускъ 10. Слб. 1913. Изд. Шиповникъ (Николаевская, 31). Тип. Сиріусъ (Рыночная, 10). 4° (24 × 30) 343—502 стр. Съ рис. Въсь 2 ф. 2 л. 7.300 экз.

Даниловъ, В. В. Христіанство и русская литература. Рѣчь. Слб. 1913. Тип. Стронтель (Фонтанка, 66). 8° (13 × 21). 16 стр. Въсь 3 л. 300 экз.

Молзалева, Б. А. А. Голомбевскій. Некрологическая замѣтка. Отдѣльный оттискъ изъ № 11 „Журнала Императорскаго Русскаго Военно-Историческаго Общества“ за 1913 г. Слб. 1913. Тип. Имп. Никол. Воен. Акад. (Суворовск., 326). 8° (13 × 21). 13 стр. съ портр. Въсь 1 л. 500 экз.

Огіенко, И. И. Легендарно-апокрифическій элементъ „Въ небѣ новомъ“ Іоанникія Галятовскаго, южно-русскаго проповѣдника XVIII-го вѣка. Кіевъ. 1913. Тип. Т. Г. Мейнандера (Пушкинская, 20). 8° (17 × 23). 60 стр. Въсь 8 л. 100 экз.

Письма князя А. М. Курбского къ разнымъ лицамъ. Спб. 1913. Изд. Имп. Археографич. Коммиссiи. Тип. М. Л. Александрова (Надеждинская, 48). 8° (21 × 29). IX + 114 стр. Ц. 20 к. Въсь 15 л. 1.000 экз.

Стрѣльбицкій, І., прот. Лѣтопись Одесской Духовной Семинаріи (1838—1885). (Къ матеріаламъ для исторiи семинаріи). Часть первая. Одесса. 1913. Тип. Штаба Одесскаго Военнаго Округа. 8° (18 × 27). 362 + XXIV стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 8 л. 620 экз.

Толстой, Н. И. гр. Византійскія монеты. Вып. VI. Монеты Фоки и Ираклія. Спб. 1914. Тип. Голице и Вильборгъ. 8° (21 × 29). 593—720 стр. съ рис. Ц. 4 р. Въсь 1 ф. 17 л. 400 экз.

Труды Оренбургской Ученой Архивной Коммиссiи. Вып. XXIX. Оренбургъ. 1913. Тип. Т-ва Каримова, Хусаннова и К°. 8° (17 × 24). 239 стр. Ц. 1 р. Въсь 24 л. 350 экз.

Акаемовъ, Н. О. Тѣни минувшаго (изъ варшавской старины). Варшава. 1914. Тип. Полицейская. 16° (12 × 16). 115 стр. съ рис. и планомъ. Ц. 40 к. Въсь 6 л. 400 экз.

Антошевскій, И. К. Державный орденъ Святаго Іоанна Іерусалимскаго, именуемый Мальтійскимъ въ Россiи. Спб. 1914. Тип. Екатеринг. Печ. Дѣло (Екатеринг., 7). 4° (23 × 32). 61 стр. съ рис. Ц. 3 р. Въсь 17 л. 500 экз.

Дризень, Н. В., баронъ. Матеріалы по исторiи русскаго театра. Любительскій театръ. Театральная цензура. Къ біографіямъ писателей и артистовъ. Мелочи театральной старины. Народный театръ. М. 1913. Изд. 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудн. пер., с. д.). 8° (18 × 27). 30 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 11 л. 1.500 экз.

Записки Императорскаго Московскаго Археологическаго Института имени Императора Николая II, изд. подъ ред. А. И. Успенскаго. Т. XXIX. М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (18 × 28). VII + 390 + XXXI + 16 стр. Ц. 3 р. 50 к. Въсь 2 ф. 18 л. 600 экз.

Императорская Публичная Библіотека за сто лѣтъ 1814—1914. Спб. 1913. Тип. В. О. Киршбаума (Дворцовая пл., 8). 4° (26 × 36). 481 + XXVI стр. Съ рис. и порт. Въсь 7 ф. 24 л. 1.200 экз.

Кони, А. О. На жизненномъ пути. Т. I. Изъ записокъ судебнаго дѣателя. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.) 3-е 8° (16 × 23). 659 стр. Ц. 2 р. Въсь 2 ф. 12 л. 4.000 экз.

Котляревскій, Н. А. Отчетъ о дѣятельности отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ за 1913 годъ. Спб. 1913. Тип. Имп. Академіи Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (17 × 25). 53 + 39 + 36 + 40 стр. Въсь 22 л. 838 экз.

Лущниковъ, А. Историко-литературная почва перваго славянофильства. Вступит. лекція по исторiи русской литературы въ Казан. Духов. Академіи 28-го сент. 1912 года. Казань. 1913. Тип. Центральная Домбровскаго 8° (16 × 23). 41 стр. Въсь 4 л. 100 экз.

Милица. Прежде и послѣ. Изъ жизни русской интеллигенціи. Спб. 1913. Тип. Разумъ (4-я Рождеств., 21) 8° (17 × 24). 345 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 1 ф. 3 л. 1.000 экз.

Чеховъ, А. П. Письма подъ ред. М. П. Чеховой. Т. I (1876—1887). М. 1913. Изд. Книгоизд. писателей, 2-е. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер., с. д.) 8° (14 × 21). XXVIII + 462 стр. съ рис. и портр. Ц. 1 р. 60 к. Въсь 1 ф. 21 л. 3.500 экз.

Чеховъ, А. П. Письма, подъ ред. М. П. Чеховой. Т. II (1892—1896). М. 1914. Изд. Книгоизд. писателей. Тип. П. П. Рябушинскаго (Путник. п., с. д.) 8° (15 × 23). XXIV + 538 стр. съ рис. Въсь 1 ф. 28 л. 7.000 экз.

Альбомъ снимковъ съ Царскихъ грамотъ принадлежащихъ Императорскому СИБ. Археологическому Институту. Приложение къ юбилейному сборнику 1613—1913. Спб. 1914. Тип. Синодальная 4° (36 × 49). 2 стр. + 12 табл. Въсь 1 ф. 10 л. 300 экз.

Ананьинъ, В. Учебникъ русской исторіи. Для высшихъ начальныхъ училищъ и торговыхъ школъ. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Ситина (Пятницк., св. д.). 8° (17 × 24). 182 стр. Съ рис. Ц. 70 к. Въсь 26 л. 3.000 экз.

Болсуновскій, К. В. Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Вып. III. Кіевъ. 1914. Тип. Т-ва Е. А. Синькевичъ (Владимірская, 16). 4° (26 × 34). 13 стр. Въсь 6 л. 400 экз.

Боратынскій, Е. А. и Веневитиновъ, Д. В. Собрание сочиненій со вступительными статьями. Спб. 1913. Изд. Жизнь для всѣхъ. Тип. Двигатель (Казначейск., 6). 8° (14 × 21). 410 стр. Ц. 1 р. 20 к. Въсь 27 л. 1.500 экз.

Заболотскій, П. А. Очерки о русскихъ писателяхъ XIX в. у славянъ. Содержаніе: 1) Сорочинская ярмарка Гоголя въ славянскихъ переводахъ. 2) Чехи и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ и статей о Лермонтовѣ у чеховъ къ 100-лѣтію рожденія поэта. 3) Словаки и Лермонтовъ. Опытъ обзора переводовъ изъ Лермонтова у словаковъ. Нѣжинъ. 1913. Тип. Наслѣдн. В. К. Меленевского. 8° (18 × 27). 9 + 15 + 3 стр. Въсь 5 л. 200 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Прибавленіе къ выпуску 50-му. (Хроника и библиографія, вып. 24-й). Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20 × 28). 179 стр. Въсь 1 ф. 13 л. 900 экз.

Ляскоронскій, В. Г. Кіевскій Вышгородъ въ удѣльно-вѣчевое время. Спб. 1913 г. Тип. Сенатская. 8° (17 × 26). XLIV + 363 стр. Въсь 1 ф. 22 л. 220 экз.

Розановъ, И. Н. Русская лирика отъ поэзіи безличной—къ исповѣди сердца. Историко-литературные очерки. М. 1914. Изд. Изд-ва Задруга. Тип. П. П. Рябушинскаго (Путниковскій пер., с. д.). 8° (16 × 24). 416 + мен. стр. Ц. 2 р. 50 к. Въсь 1 ф. 14 л. 1.200 экз.

Юбилейный сборникъ Императорскаго С.-Петербургскаго археологическаго института. 1613—1913. СИБ. Тип. Синодальная. 4° (22 × 32) XLVI + 200 + XXVII + 118 стр. Въсь 4 ф. 300 экз.

Бардовскій, А. Ф. Патріотическій Институтъ. Историческій очеркъ за 100 лѣтъ. 1813—1913 г. Спб. 1913 г. Тип. Т-ва Е. Вейерманъ и Ко. (Благовѣщенская пл., 3). 8° (18 × 26). 286 стр. Съ рис. и портр. Въсь 1 ф. 20 л. 700 экз.

Дунаевъ, Б. Воскресенскій Лѣтописецъ и его продолженіе за 18 19 в.в. служилымъ человѣкомъ Ф. И. Нащокинымъ (Изъ Т. III Трудовъ Археологической Комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества). М. 1914. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (14 × 22). 20 стр. Въсь 3 л. 50 экз.

Жидовцева, К. Матеріалы къ исторіи Харьковскихъ Александро-Невскихъ церковно-приходскихъ школъ. Харьковъ. 1914. Изд. Попеч. Сов. Харьковск. Александро-Невскихъ школъ. Тип. Епархіальная (Каплуновская, 2). 8° (17×25). 47 стр. Вѣсъ 4 л. 200 экз.

Ивановъ, П. И. Пермская веревная книга 1751 г. (Къ вопросу о крестьянскомъ податномъ обложеніи въ XVIII в. по новымъ архивнымъ даннымъ. (Изъ Т. III. Трудовъ археологической комиссіи Императорскаго Московскаго археологическаго общества). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (14×21). 136 стр. + 1 табл. Вѣсъ 14 л. 50 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 47. Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. Удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×29). 158 стр. Съ 137 рис. и 5 табл. Вѣсъ 1 ф. 12 л. 900 экз.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Вып. 49. Спб. 1913. Тип. Гл. Упр. удѣловъ (Моховая, 40). 8° (20×29). 140 стр. Съ 54 рис. и 12 табл. Вѣсъ 1 ф. 11 л. 900 экз.

Каталогъ изданій отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1914. Тип. Имп. Акад. Наукъ (В. О., 9 л., 12). 8° (16×24). 23 стр. Вѣсъ 3 л. 250 экз.

Котовичъ, В. л. Краткій обзоръ исторіи и современнаго политическаго положенія Монголіи. Приложение къ картѣ Монголіи, составленной по даннымъ бывш. Россійскаго уполномоченнаго въ Ургѣ И. Я. Коростовца. Спб. 1914. Изд. О-ва А. Ильина. Тип. Общ. Польза (Б. Подъяческая, 39). 8° (17×25). 44 стр. Съ рис. Вѣсъ 7 л. 1.500 экз.

Къ пятидесятилѣтію земскихъ учрежденій, къ исторіи организациі и первыхъ шаговъ земства въ Саратовской губ. Саратовъ. 1914. Изд. Саратовск. Ученой Архивн. Коммис. Тип. Союза Печатнаго Дѣла. 8° (17×26). 74 стр. Съ рис. Вѣсъ 8 л. 800 экз.

Масловъ, С. А. Земство и его экономическая дѣятельность за 50 лѣтъ существованія 1864—1914. М. 1914. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (14×21). 98 стр. Ц. 25 к. Вѣсъ 8 л. 5.000 экз.

Николай Михайловичъ Великій Князь. Русскій провинціальный Некрополь. Томъ первый. М. 1914. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. (Пименовская, с. д.). 8° (19×28). IX+1.008 стр. Вѣсъ 6 ф. 2 л. 500 экз.

Пановъ, Николай А., прот. Лѣтопись гор. Острова и его уѣзда, Псковской губерніи (Матеріалы къ исторіи гор. Острова и его уѣзда). Островъ. 1913. Тип. А. И. Фуфаевой. 8° (16×24). II+416 стр. Съ рис. Вѣсъ 1 ф. 10 л. 500 экз.

Приселковъ, М. Д. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII в. Положенія. Спб. 1914. Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5 л., 28). 8° (16×24). 2 стр. Вѣсъ 1 л. 250 экз.

Русская Правда. Подъ ред. А. И. Яковлева. Памятники русской исторіи. М. 1914. Изд. Т-ва В. Думнова (Мясницкая, 5). Тип. В. М. Саблина (Петровка, 26). 8° (18×28). 50 стр. Ц. 35 к. Вѣсъ 9 л. 2.000 экз.

С. Р. Украинская иконопись и скульптура въ Черниговскомъ Епархіальномъ Древлехранилищѣ. Забѣтка. (Отд. оттиски изъ „Черниговской Зем. Недѣли“). Черниговъ. 1914. Тип. Губ. Земства. 8° (14×22). 7 стр. Вѣсъ 1 л. 20 экз.

Соколовъ, П. л. Русскій архіерей изъ Византии и право его назначенія до начала XV вѣка. Кіевъ. 1913. Тип. И. И. Чоколова (Б. Житомирская, 20). 8° (18×27). 577 стр. Ц. 4 р. 50 к. Вѣсъ 2 ф. 7 л. 400 экз.

Хрещатицкій, Б. Р. Исторія лейбъ-гвардіи казачьяго Его Величества полка 1775—1813—1875—1913. Часть первая. Спб. 1913. Тип. Голике и Вильборга. 4° (28 × 38). 405 стр. съ рис. и портр. Въсь 10 ф. 4 л. 500 экз.

Эдингъ, Борисъ, фонъ. Ростовъ Великій Угличъ. Памятники художественной старины. Игорь Грабаръ. Русскіе города разсадники искусства. Собрание иллюстрированныхъ монографій. Вып. I. Спб. 1914. Изд. I. Кнебель (Москва). Тип. Г. Голике и А. Вильборгъ (Звенигородская, 11). 4° (24 × 31). 198 стр. Съ рис. Въсь 2 ф. 13 л. 8.000 экз.

Юнге, Е. Ѳ. (урожд. графиня Толстая). Воспоминанія (1843—1860 г.). Историческая библіотека Сфинкса. Т. X. М. 1913. Изд. Кн-ва Сфинксъ Н. Ф. Прорубникова. Тип. Я. Данкинъ и Я. Хомутовъ (Б. Никитская, 9). 8° (17 × 23). XV + 489 стр. + 52 листа рис. Ц. 3 р. 50 к. Въсь 2 ф. 17 л. 2.200 экз.

Бартенсонъ, В. Б. За 30 лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). Спб. 1914. Тип. Т-ва А. С. Суворина (Эртелевъ, 13). 8° (15 × 23). IV + 283 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 27 л. 2.000 экз.

Бороздинъ, И. Н. В. О. Ключевскій. (Некрологъ). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой, 16° (13 × 16). 8 стр. Въсь 2 л. 50 экз.

Глухаревъ, Н. П. Матеріалы для исторіи города Бобровска и его уѣзда. Томъ I. Легенды, обряды, обычаи, повѣрья и т. п. Бобровскъ. 1913. Тип. А. В. Муратовой. 8° (18 × 26). 122 + III стр. Ц. 1 р. Въсь 16 л. 400 экз.

Головинъ, К. Ѳ. (Орловскій). Русскій романъ и русское общество. Спб. 1914. Изд. и тип. Т-ва А. Ф. Марксъ (Измайловскій, пр., 29), 3-е. 8° (17 × 26). 520 стр. Ц. 3 р. Въсь 1 ф. 28 л. 3.250 экз.

Дарскій, Д. С. „Чудесные вымыслы“. О космическомъ сознаніи въ лирикѣ Тютчева. М. 1914. Тип. Т-ва А. А. Левенсонъ (Трехпрудный пер. с. д.). 8° (16 × 24). 136 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсь 22 л. 1.000 экз.

Джонсъ, Э. Д., проф. Военная исторія и наука промышленной администраціи. Перев. и доп. Н. И. Рихтеръ. (Извлечено изъ журнала „Инженеръ“ за 1913 годъ). Кіевъ. 1913. Тип. Т-ва И. И. Кушнеревъ и К° (Караваевская, 5). 4° (25 × 32). 80 стр. Въсь 9 л. 110 экз.

Древности. Труды археографической комиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Изд. подъ ред. И. Н. Бороздина. Т. III. М. 1913. Тип. А. Снегиревой (Остоженка Савеловскій пер., с. д.). 4° (27 × 36). 318 стр. Въсь 1 ф. 23 л. 600 экз.

К. Р. Памяти графа А. А. Голенищева-Кутузова. Спб. 1914. Тип. Сенатская. 8° (16 × 24). 13 стр. Въсь 3 л. 200 экз.

Острогорскій, Викторъ и Семеновъ Д. Русскіе педагогическіе дѣятели. 1. Н. И. Проговъ—В. Острогорскаго, 2. К. Д. Ушинскій—его же, 3. Н. А. Корфъ—Д. Семенова. Спб. 1914. Изд. Н. В. Ельманова, 3-е. Тип. А. Я. Коллинсъ (М. Дворянская, 19). 8° (15 × 22). 85 стр. Съ рис. Ц. 30 к. Въсь 7 л. 3.000 экз.

Покровскій, В. Очерки по исторіи русской литературы въ изслѣдованіяхъ ученыхъ. Пособіе для учениковъ средне-учебныхъ заведеній. Ч. IV. Достоевскій, Л. Толстой, Полонскій, Майковъ, Фетъ, А. Толстой, Некрасовъ. М. 1913. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., с. д.). 8° (15 × 22). VII + 374 стр. Ц. 1 р. Въсь 1 ф. 2 л. 3.000 экз.

Саводникъ, В. Краткій курсъ исторіи русской словесности. Съ древнѣйшихъ временъ до конца XVIII вѣка. М. 1914. Изд. 2-е, исправл. и доп. Тип. Т-ва Н. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, с. д.). 8° (16×24). 484 стр. Съ рис. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 22 л. 15.025 экз.

Улановъ, В. Я. Опытъ методики исторіи въ начальной школѣ. М. 1914. Изд. и тип. т-ва Н. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (16×23). 283 стр. Ц. 1 р. Въсѣ 29 л. 5.000 экз.

Афанасьевъ, А. Н. Народныя русскія легенды. Редакція и предисловіе С. К. Шамбинаго. М. 1914. Изд. К-ва Современныя проблемы. (Б. Никитская, 24). Тип. П. Люндорфъ (Срѣтенскія ворота, 1) 8° (14×21). 316 стр. Ц. 1 р. 25 к. Въсѣ 27 л. 2.000 экз.

Богоявленскій, С. К. Московскій театръ при царяхъ Алексѣѣ и Петрѣ. Матеріалы. М. 1914. Изд. Имп. о-ва исторіи и древностей россійскихъ Московскомъ университетѣ. Тип. В. Воронова (Моховая, д. кн. Гагарина). 8° (19×28). XXI+189 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 5 л. 300 экз.

Варнеке, Б. В., проф. Исторія русскаго театра. Спб. 1914. Изд. Н. Н. Сергіевского, 2-ое знач. доп. Тип. Мин. Внут. Дѣлъ. 8° (16×24). X+701 стр. Ц. 4 р. Въсѣ 2 ф. 9 л. 200 экз.

Васинъ, Н. Демидовы. Исторія возникновенія горнаго дѣла въ Россіи. М. 1913. Изд. и тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая с. д.). 16. (11×17). 32 стр. Въсѣ 2 л. 12.000 экз.

Иваскъ, У. Г. Жизнь и труды Василя Ивановича Соболевцова, старшаго бібліотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. М. 1914. Изд. Л. Э. Бухгеймъ. Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о (Пименовская, с. д.). 8° (15×22). 59 стр. съ портр. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 12 л. 350 экз.

Книга для чтенія по исторіи новаго времени. Т. VI. Ч. II. Славянство въ началѣ XIX в. и Россія въ царствованіе Императора Николая I. (Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. З.). М. 1914. Изд. Сотрудника школъ А. К. Залѣсской (Воздвиженка, д. Армандъ) и Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, д. Сытина). Тип. Т-ва И. Д. Сытина (Пятницкая, с. д.). 8° (17×24). 384 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 6 л. 5.000 экз.

Козминъ, Киръ. Былое. (Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера). (Изъ № 24 „Извѣстій Архангельскаго Об-ва изуч. Русск. Сѣвера“ за 1913 г.). Архангельскъ. 1913. Тип. Губернская. 8° (16×26). 13 стр. Въсѣ 3 л. 60 экз.

Лосевъ, С. А. Ксенія Ивановна Романова (Великая Государыня инокиня Марѳа). Въ память трехсотлѣтія Дома Романовыхъ (От. изъ журн. „Народн. Образ. въ Виѣ. Уч. Окр.“ 1913 года № 12). Виѣна. 1913. Изд. автора. Тип. А. Г. Сыркина (Большая, с. д.). 8° (16×23). 27 стр. Съ портр. Ц. 65 к. Въсѣ 3 л. 2.000 экз.

Московскій художественный театръ. Историческій очеркъ его жизни и дѣятельности. Томъ II (1905—1913 г.). М. 1914. Тип. Т-ва А. И. Мамонтова (Арбатская пл. Филипповскій пер., 11). 4° (23×30). 129 стр. Съ рис. Ц. 2 р. 50 к. Въсѣ 1 ф. 2 л. 3.030 экз.

Норцовъ, А. Н. Воспоминанія о Павлоградскихъ Лейбъ-Гусарахъ Его Величества (1878—1880) (Отрывки изъ записокъ). Бывшаго Павло-

градскаго Лейбъ-гусара. Тамбовъ. 1913. Тип. Н. И. Бердоносоевъ и С-нъ 8° (18 × 26). 166 × 2 нен. стр. Съ рис. Въсѣ 81 л. 500 экз.

Памятная книжка Спб. губерніи на 1914—1915 г. Спб. 1914. Изд. Спб. Губ. Статист. Ком. Тип. Губернская (ул. Глинка, 8). 8° (14 × 20). XXVII + 82 + 547 стр. Въсѣ 1 ф. 12 л. 950 экз.

Покровскій, В. И. А. В. Кольцовъ. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. М. 1914. Изд. 3-е, дополн. Тип. Г. Лиснера и Д. Собко (Крестовоздвиженскій пер., 9). 8° (16 × 25). 171 стр. Ц. 40 к. Въсѣ 17 л. 4,800 экз.

Полное собраніе Русскихъ лѣтописей. Львовская лѣтопись. Часть 2-я. Томъ XX. Спб. 1914. Изд. Имп. Археол. Комиссін. Тип. М. А. Александрова (Надеждинск., 43) 4° (29 × 38). 419—618 стр. Въсѣ 2 ф. 3 л. экз.

Селивановъ, А. В. Матеріалы для исторіи рода рязанскихъ Селивановыхъ, ведущихъ свое начало отъ Кичибя. Ч. 2-я. Рязань. 1913. Тип. Губернская. 8° (17 × 26). 245 + VI стр. Ц. 2 р. Въсѣ 1 ф. 2 л. 450 экз.

Срезневскій, В. И. Тукалевскій, В. Н. Толстовскій музей въ С.-Петербургѣ. Краткое описаніе музея. Спб. 1913. Тип. Сенатская. 16° (15 × 19). 64 стр. Ц. 15 к. Въсѣ 5 л. 2,000 экз.

Троицкій, Николай. Тульскій Успенскій Женскій Монастырь. Историко-археологическій очеркъ по поводу совершавшагося 300-лѣтія Царствующаго Дома Романовыхъ. Тула. 1913. Тип. Н. К. Конышевой. 8° (18 × 25). 95 стр. + 14 л. ст. рис. Въсѣ 16 л. 600 экз.

Церковно-археологическій отдѣлъ при обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія въ 1900—1913 гг. (Краткій обзоръ его жизни и дѣятельности). М. 1913. Тип. А. И. Снегиревой. 8° (16 × 24). 16 стр. Въсѣ 3 л. 250 экз.

Шеленговскій, И. И. Исторія 69-го пѣхотнаго Рязанскаго полка. Томы 1-й, 2-й и 3-й. Люблинъ. 1909. Тип. А. Раздобы и Ю. Петриковского 8° (18 × 27). 521 + XIX + 13 + 775 + XXIV + 733 стр. Съ рис. Въсѣ 13 ф. 13 л. 500 + 200.200 экз.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Поправка.

Въ статьѣ г. Артурова „Встрѣча“, въ февр. книгѣ на стр. 442 двадцатая строка снизу, напечатано: „Эти страшныя минуты, пережившія“—а слѣдуетъ читать—„Эти страшныя минуты переживанія“.

Редакторъ издатель П. Вороновъ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1914 г.

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ.

Записки и воспоминанія.

	СТРАН.
I. Изъ замѣтокъ и воспоминаній судебного дѣятеля А. Ѳ. Кони	5—26, 248—280
II. Изъ записокъ Н. В. Исакова. 1849. Назначеніе въ составъ чрезвычайнаго посольства генералъ-адъют. П. Х. Граббе въ Константинополь Сооб. П. Н. Исаковъ	52—71, 559—576
III. Воспоминаніе о спектаклѣ въ Эрмитажномъ театрѣ. В. Дометти	72—75
IV. Воспоминанія о Петрѣ Семеновичѣ Ванинскомъ. О. Фридландера	76—83
V. Дневникъ мирового посредника Александра Андреевича Половцова. Сооб. А. А. Половцова	95—108, 297—305, 642—649
VI. За 38 лѣтъ. Княгини М. В. Волконской	175—196
VII. Розовое и черное изъ моей жизни. М. В. Безобразовой	221—233
VIII. Житейскія встрѣчи. А. Ѳ. Кони	281—296
IX. Изъ жизни инженера путей сообщенія. А. Н. Любимова	352—367, 582—605
X. Люди и нравы за полъ-вѣка. Н. Морозова	378—385
XI. Встрѣча (изъ воспоминаній портъ-артурца) Г. Артурова	438—443
XII. Записки генерала Каховскаго о походѣ во Францію въ 1814 году. Сооб. Б. В. Каховскій	444—462, 676—685

XIII. Одинъ изъ многихъ (разсказъ изъ воспомина- ній портъ-артурца). Г. Артурова	577—581
XIV. Изъ записокъ графа Ѳ. Г. Головкина. Сообщ. Е. С. Шумигорскій	631—641

**Исслѣдованія. — Историческіе и біографическіе
очерки. — Переписка. — Разказы. — Матеріалы и за-
мѣтки.**

I. Статьи, подлежащія напечатанію въ 1914 году	
II. Фердинандъ Крестинъ и княжна Туркестано- ва. Е. С. Шумигорскаго	27—38
III. Старообрядцы и Наполеонъ. А. Панкратова	39—51
IV. Великій Князь Николай Михайловичъ. доне- сенія австр. посланника при русскомъ дворѣ Лебцельтерна. В. Тимощукъ . . . 84—94.	368—377
— V. Очерки изъ боевой жизни Владивостокской эскадры. Славлева	104—113, 324—331
VI. Эдуардъ Францевичъ Направникъ. М. В. Ста- ниславскаго	114—131
VII. Кадеты Императора Николая I. Сооб. А. По- ловцова	132—134
VIII. Императоръ Александръ I на Вѣнскомъ кон- грессѣ. По донесеніямъ агентовъ Вѣнской тай- ной полиціи. В. Тимощукъ	135—145
IX. Мысли, воспоминанія и эпизоды изъ эпохи наполеоновскихъ войнъ. М. В. Станислав- скаго	146—157, 386—342, 619—630
X. Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шва- небахъ. А. Е. К.	158—170
XI. Смерть ген. Кондратенко. О. Ф. Берга	171—174
XII. Къ столѣтію Императорской Публичной Би- бліотеки. Б. В. Казанскаго	197—211
XIII. Елена Ивановна Шидянская. С. С. Чехъ	212—220
XIV. Торжества въ честь Императоровъ Алексан- дра I и Наполеона I и другихъ коронован- ныхъ особъ, происходившія въ Веймарѣ и Іенѣ. А. С. Лацинскаго	306—323
XV. Тайственный преступникъ. П. И. Степанова	332—335

XVI.	Дневникъ академика В. П. Безобразова. Сообщ. М. В. Безобразова.	348—351
XVII.	Александръ I и польскій вопросъ на Вѣн- скомъ конгрессѣ. В. Тимошукъ.	386—395
XVIII.	Изъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича. И. Мордвинова.	396—402
XIX.	Письма И. А. Гончарова къ А. В. Ники- тенку. Подъ ред. и съ прил. В. Яков- лева.	403—437, 538—551
XX.	Изъ архивныхъ документовъ. Сообщ. С. Н. Введенскій.	463—467
XXI.	Эпизодъ изъ жизни Императора Павла I. Григорія де-Воллана.	468—469
XXII.	Исторія повторяется. Сообщ. В. П. Федо- ровъ.	470
XXIII.	Семейное преданіе. Герцога Г. Лейхтен- бергскаго.	475—482
XXIV.	Письмо Императора Александра I Импе- ратрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ послѣ взятія Парижа. Сообщ. Е. С. Шумигорскій	483—490
XXV.	Поездка графа Н. П. Игнатьева по евро- пейскимъ столицамъ передъ войной 1877 —1878 г.г. Гр. Н. П. Игнатьева.	491—516
XXVI.	Великій Князь Николай Николаевичъ въ 1860 г., въ Парижѣ. Графа Алексѣя Олсуфьева.	517—533
XXVII.	Разговоръ Пушкина съ Келлеромъ о днев- никѣ Гордона и исторіи Петра Великаго	534—535
XXVIII.	Свѣтъ негасимый. С. Лаврентьевой	536—537
XXIX.	Очерки изъ боевой жизни Владивосток- ской эскадры. — Наскочили на мину. Славлева.	552—558
XXX.	Къ біографіи декабриста М. С. Лунина. Н. А. Мурзанова.	606—618
XXXI.	Памяти Николая Михайловича Пржеваль- скаго. П. Козлова.	650—666
XXXII.	Какъ былъ подписанъ Айгунскій трактатъ С. Глазбова.	667—678
XXXIII.	Въ Редакцію „Русской Старины“. А. Кру- пенскаго.	674—675
XXXIV.	Въ Петербургѣ 60-хъ годовъ. М. Мари- ной.	686—702

XXXV. Книги, вышедшія по исторіи и исторіи литературы съ 1-го января по 12 февраля 1914 г.	703—710
--	---------

Приложенія.

- I. Портретъ С. И. Заруднаго (при 1-й книгѣ).
- II. Портретъ Э. Ф. Направника (тамъ же).
- III. Костюмъ амазонки въ 1787 г. (тамъ же).
- IV. Встрѣча Екатерины II ротой амазонокъ и портретъ
Е. И. Шидянской (тамъ же).
- V. Портретъ А. В. Плетневой (при 2-й книгѣ).
- VI. Портретъ О. В. Градовской (тамъ же).
- VII. Портретъ Е. Н. Вороновой (тамъ же).
- VIII. Изображеніе большой охоты на ковъ, устроенной гер-
цогомъ Саксенъ-Веймарскимъ 6 октября 1808 г. въ честь
императоровъ Александра и Наполеона, въ Эттерсбергѣ,
близъ Веймара (тамъ же).
- IX. Портреты. Евгенія Богарне. Рисунки. Савинъ монастырь
и 4 рис. къ статьѣ Памяти Николая Михайловича Прже-
вальскаго. П. Козлова (при 3-й книгѣ).

Библіографическій листокъ.

1. Виленскій Временникъ. Книга V. Акты и документы
архива Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго генераль-гу-
бернаторскаго управленія, относящіеся къ исторіи 1812—
1813 г.г. Часть I. Переписка по военной части. Вильна 1912
—Часть II. Переписка по части гражданскаго управленія. Виль-
на. 1913 г. (на оберткѣ январьской книги).

2. Культурныя сокровища Россіи. Выпускъ третій. Юрій
Шамуринъ. Подмосковныя. Выпускъ пятый. Ю. и З. Шаму-
рины—Москва въ ея старинѣ. Изд. т-ва Образованіе. Москва
1912 и 1913 г.г. (тамъ же).

3. Виленскій Временникъ. Книга VI. Архивные матеріалы
Муравьевскаго музея, относящіеся къ польскому возстанію
1863—1864 г.г. въ предѣлахъ Сѣверо-Западнаго края. Часть I.

Переписка по политическимъ дѣламъ гражданскаго управленія съ 1 января 1862 г. по май 1863 г. Составилъ А. И. Мило-
видовъ. Вильна 1913 г. (тамъ же).

4. Труды Псковскаго Археологическаго Общества. 1912—
1913 г.г. Выпускъ 9-й. Псковъ 1913 г. (тамъ же).

5. Полоцко-Витебская старина. Изд. Витебской архивной
комиссіи. Вып. II. Витебскъ 1912 г. (тамъ же).

6. Б. Модзалевскій. Къ біографіи Новикова. Письма его
къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797—1815. Спб. 1913 г. (на
оберткѣ февральской книги).

7. Заграфскій Трифологій. Со статьями А. И. Соболев-
скаго, прот. М. Лисицына, прот. В. Металлова и А. В. Пре-
ображенскаго. Изд. Имп. Общества любителей древней письмен-
ности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

8. Опись дѣлъ архива Государственнаго Совѣта. Томы
VIII, X, XV, XVI, XX. Спб. 1911—1913 (тамъ же).

9. Алексѣй Некрасовъ. Очерки изъ исторіи славянскаго
орнамента. Человѣческая фигура въ русскомъ тератологиче-
скомъ рукописномъ орнаментѣ XIV вѣка. Изд. Имп. Общества
любителей древней письменности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

10. Труды Полтавской ученой архивной комиссіи. Вы-
пускъ X. Полтава 1913 г. (тамъ же).

11. А. Стилле. Карлъ XII какъ стратегъ и тактикъ въ
1707—1709 г.г. Переводъ со шведскаго А. Полторацкаго. Съ
предисловіемъ проф. С. Платонова (на оберткѣ мартовской
книги).

12. Вирши праздничныя и обличительныя на аріанъ конца
XVI—XVII вѣка. Сообщение С. А. Щегловой. Изд. Имп. Об-
щества любителей древней письменности. Спб. 1913 г. (тамъ же).

13. „Исторія 104 пѣхотнаго Устюжскаго генерала князя
Багратіона полка. Томъ I. 1785—1796 г. г. Составилъ по до-
кументамъ Архива Главнаго штаба и Московскаго его отдѣле-
нія полковникъ Н. П. Поликарповъ. Вильна. Типо-литографія
штаба Виленскаго военнаго округа“ (тамъ же).

14. Г. Артуровъ. На живѣи смерти. Портъ-Артурскіе
разказы. Москва 1913 года (тамъ же).

О. К. ЗЕЛЕНКОВА:

„Я НИКОГО НЕ ЪМЪ!“

III-е издание, 18-я тысяча экземпляровъ.

365 вегетарианскихъ меню (по временамъ года) и
руководство для приготовленія**1500 вегетарианскихъ кушаній.**

Подъ редакціей д-ра мед. А. П. Зеленкова.

Авторъ (жена д-ра мед. Ольга Константиновна Зеленкова. Спб.,
Суворовскій пр., 39, кв. 40) высылаетъ налож. платежомъ. Цѣна
2 руб. въ переплетѣ. Пересылка въ Петербургъ 35 к., иногород. 55 к.*Продается и въ книж. маг. „Новаго Времени“.*

О. К. ЗЕЛЕНКОВА:

„НѢЧТО О ВЕГЕТАРИАНСТВѢ“4 первыхъ выпуска 60 коп. Пересылка 35 коп. Авторъ высылаетъ
наложеннымъ платежомъ.*Продается въ книжн. маг. „Новаго Времени“.***Первый выпускъ:** 1) Гр. Л. Толстой о вегетарианствѣ. 2) Удобно-
исполнимость вегет. режима. 3) Несообразная замѣтка „Петер-
бургской Газеты“. Возврътнія, приписываемыя проф. Тарханову.**Второй выпускъ.** 1) Доводы за вегетарианство: профессоръ Беке-
товъ, Paterson, Platen, Д-ра медицины Haig Suchier, Schweninger.
2) „Орденъ трапистовъ“, подтверждающій фактически рациональ-
ность вегетарианскаго режима. 3) О вредѣ: мясной пищи, рыбы,
пряностей, кофе, чая, бульона. 4) Естественно-научные и социаль-
ные доводы въ пользу безубойнаго питанія. 5) Способъ пригото-
вленія дешеваго, питательнаго, удобоваримаго и вкуснаго хлѣба
изъ цѣльнаго зерна. 6) Значеніе нѣкоторыхъ пищевыхъ веществъ.
7) Книга Платена „Новый способъ леченія“ въ русскомъ переводѣ
подъ редакціей Д-ра мед. А. Н. Зеленкова. 8) „Гигіена сна“.**Третій выпускъ.** 1) Извлеченіе изъ доклада Д-ра мед. А. П. Зе-
ленкова „Вегетарианство, какъ средство для леченія и предупрежде-
нія болѣзней“. 2) Д-ра мед. А. П. Зеленкова: „По поводу лекціи
академика князя И. Р. Тарханова „О вегетарианствѣ“. 3) Графа
Л. Л. Толстого: „Реформа питанія“. 4) Нѣкоторые данныя объ
основаніи и развитіи Санаторіи Д-ра мед. Ламанна. (Письмо
Д-ра Ламанна).**Четвертый выпускъ:** 1) Письмо православнаго священника-веге-
тарианца. 2) Вегетарианство въ древности. Ростъ вегетарианскаго
движенія во Франціи. 3) Вегетарианство, какъ источникъ вы-
носливости и силы, и какъ средство для леченія и предупрежденія
болѣзней. 4) О вредѣ мяса, алкоголя, корсета, антигигиенической
одежды, испорченнаго воздуха и пр. и пр. 5) Вода, воздушно-сол-
нечное купанье, гимнастика, спортъ.

3 0000 108 521 455

